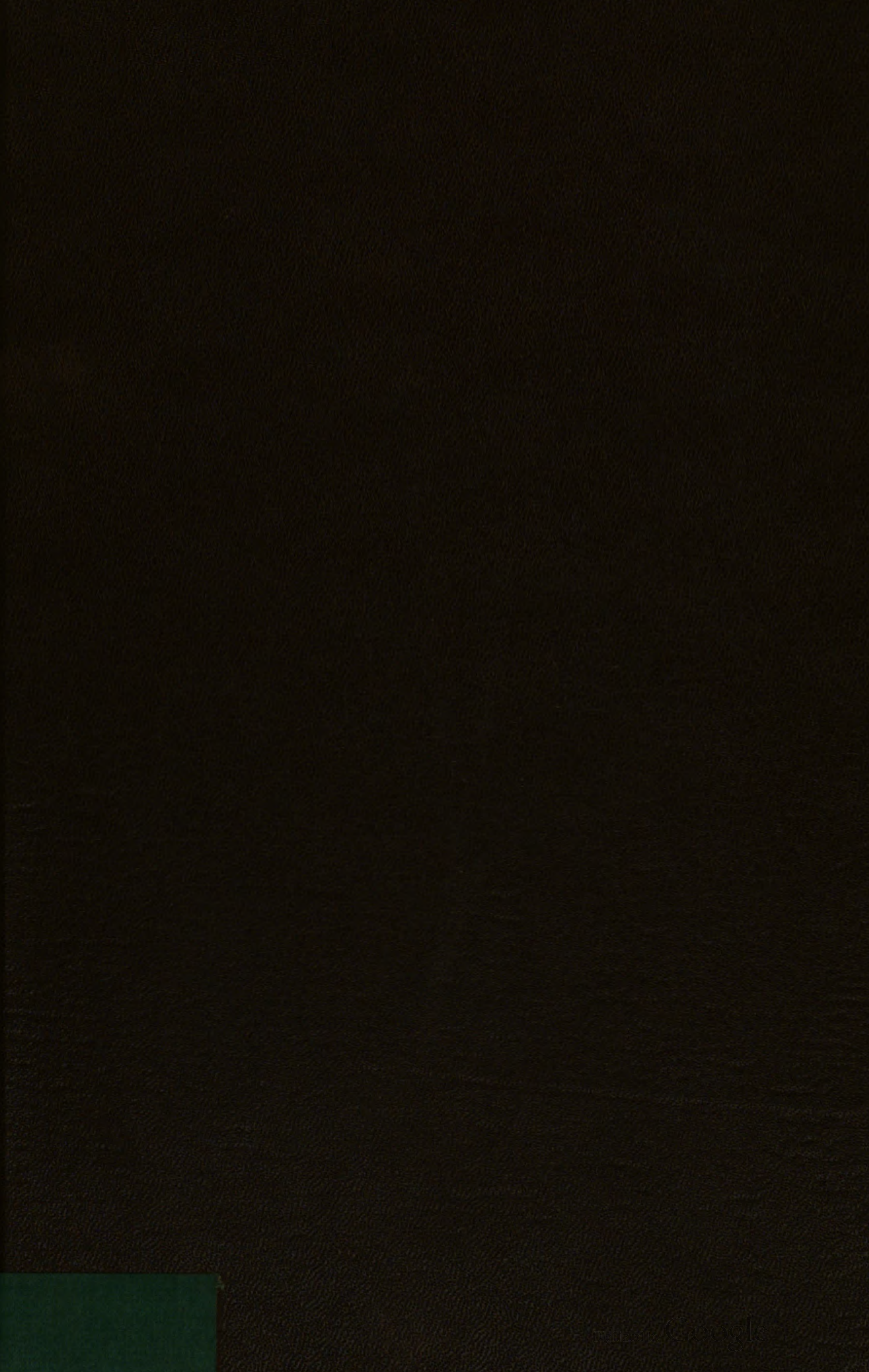
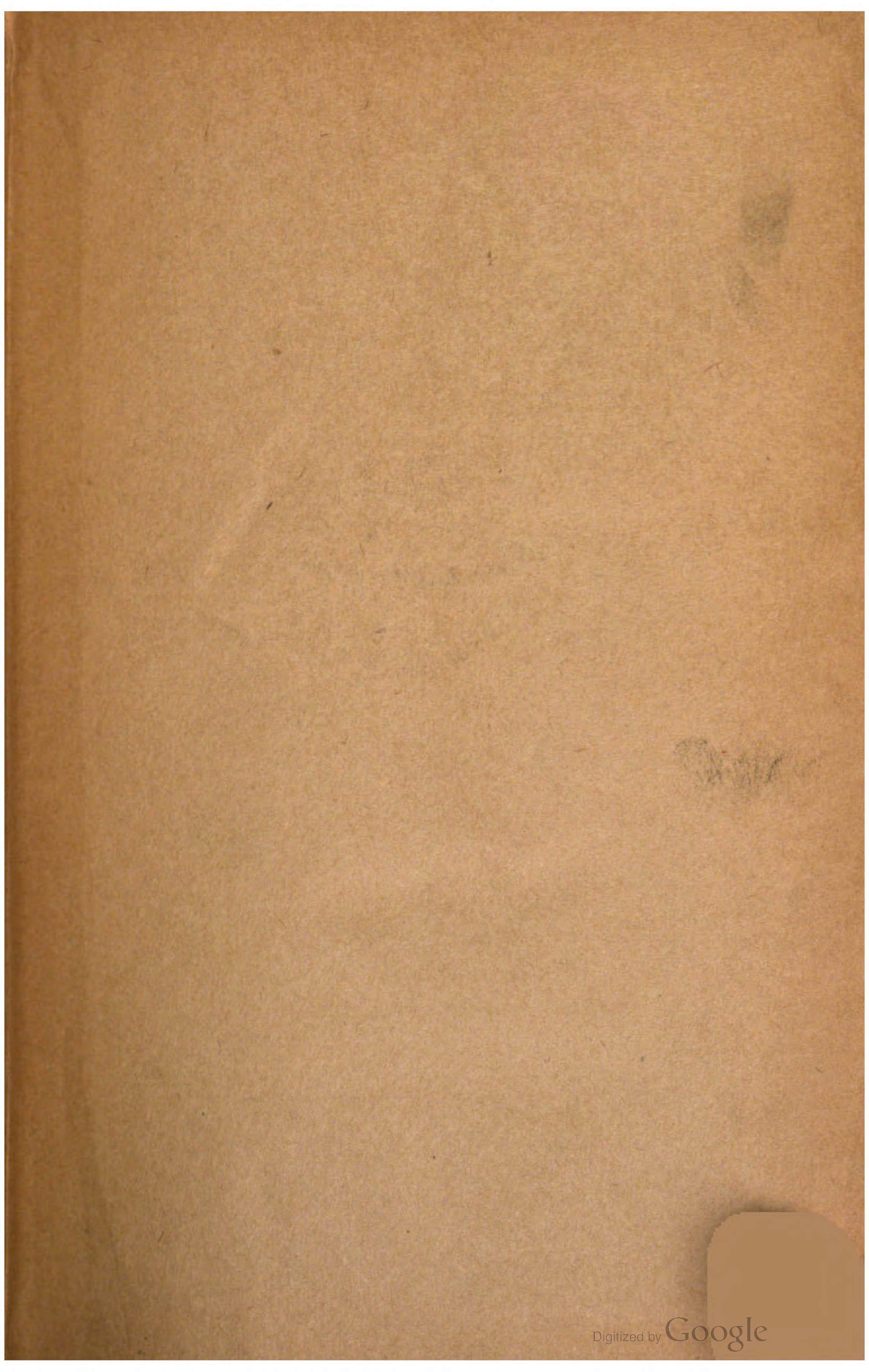

СБОРНИКЪ
ПРАВОВѢДѢНІЯ
И
ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ТРУДЫ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, И ЕГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1895.

2359

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московское Юридическое Общество, озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ Общества, его Статистическаго Отдѣленія и Комиссій и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Общество призвано, въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ, содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ, въ годовомъ засѣданіи своемъ 18 февраля 1893 г. постановило издавать, начиная съ 1893 года, Сборникъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". Сборникъ этотъ имѣетъ выходить въ свѣтъ отдѣльными томами по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ. Въ Сборникѣ будутъ помѣщаться какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого Общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленія и Комиссій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проектахъ и заключеніяхъ и т. п.

Въ настоящее время, во исполненіе изложеннаго постановленія, выпускается въ свѣтъ пятый томъ Сборника.

ОГЛАВЛЕНІЕ V ТОМА.

ОЧЕРКИ ПРАВА И ПРОЦЕССА ВЪ ЭПОХУ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Читано въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 16-го января 1895 года.

I.

Формализмъ въ процессѣ въ эпоху Русской Правды и позднѣе.

Характеристическія черты формализма Русской Правды.—Формализмъ процессуальныхъ средствъ.—Процессуальная формула какъ источникъ правъ и обязанностей.—Значеніе формализма, какъ корректива древнѣйшаго процесса.

Въ первой части нашей статьи мы остановимся на одномъ важномъ явленіи, которое имѣло огромное значеніе въ нашемъ древнемъ уголовномъ процессѣ, опредѣляя не только внѣшнюю сторону явленій послѣдняго, но и внутреннюю связь ихъ между собою,—именно на формализмѣ процесса Русской Правды. Явленіе это господствуетъ во всемъ правѣ Русской Правды; формализмъ присущъ не только нашему древнему праву, но господствуетъ также и въ древнеримскомъ и древнегерманскомъ правѣ, присущъ, наконецъ, въ извѣстной мѣрѣ всякому праву и процессу. Въ нашемъ изложеніи мы коснемся формализма только по отношенію къ судопроизводству, въ особенности въ связи съ вопросомъ о доказательствахъ. Формализмъ изучаемаго нами уголовнаго процесса Русской Правды, вообще говоря, состоитъ въ томъ, что стѣснена или совершенно исключена иниціатива лицъ, участвующихъ въ процессѣ, какъ свобода сторонъ въ выборѣ процессуальныхъ средствъ, такъ и свобода судьи въ вопросахъ факта и права, относящихся къ процессу. У кого найдено поличное, тотъ счи-

тается татемъ, если не укажетъ, отъ кого пріобрѣлъ поличное (Троицкій списокъ, статья 29), какъ бы индивидуальная обстановка ни говорила противъ заключенія (срв. Тр. сп. 31, 33; особенно ярко выражено это въ Псковской суд. гр. ст. 60 въ Христ. по ист. русск. пр. Владимірскаго-Буданова); разъ сторона привела въ пользу своего дѣла столько-то свидѣтелей или принесла присягу, она безусловно выигрывала процессъ. Такимъ образомъ формализмъ по существу исключаетъ индивидуализацію процессуальныхъ дѣйствій сторонъ, свободу въ оцѣнкѣ процессуальныхъ событій, чрезвычайно съуживаетъ роль судьи и оказываетъ давленіе на тяжущихся: они принуждены совершать извѣстныя дѣйствія, если хотятъ успѣшно вести дѣло. Но что въ особенности характеризуетъ интересующій насъ формализмъ и дѣлаетъ его отличнымъ отъ формализма болѣе развитого права, это—признаки тѣхъ дѣйствій, которыя обязательны для тяжущихся, и тѣхъ событій, отъ которыхъ поставлено въ зависимость усмотрѣніе судьи. Признаки эти, во-первыхъ, чрезвычайно конкретны, и во-вторыхъ, употребляя выраженіе Іеринга, чрезвычайно *матеріалистичны*, будучи непосредственными продуктами чувственнаго воспріятія, именно зрѣнія (Ihering, Geist. 2 Th. 2 Abth. p. 424, § 99, 4-е изд.). Для примѣра конкретности можно привести перечень выставленныхъ Правдой доказательствъ, ведшихъ къ обвиненію преступника: 1) доводъ слѣда (Тр. 70), 2) поличное, 3) захватъ человѣка на мѣстѣ преступленія (Тр. сп. 36), 4) *знаменія*, причемъ послѣднія характеризуются крайне конкретно: аже придетъ *кровавъ мужъ* на дворъ или *синь* (Тр. 23); аже будетъ *роспчена* земля іли *знамение*, имъ же *ловлено*, или *сѣть* (Тр. 63). Теорія доказательствъ можетъ также служить и примѣромъ матеріализма права: взяты внѣшніе видимые факты, осязаемыя состоянія истца или отвѣтчика: окровавленность истца, захваченный и связанный воръ; о внутреннихъ состояніяхъ духа въ указанныхъ случаяхъ нѣтъ и помину. Тѣмъ не менѣе отъ присутствія таковыхъ-то внѣшнихъ уликъ зависитъ вмѣненіе: человѣкъ, къ которому доведенъ слѣдъ или у котораго найдено поличное, считается воромъ, пока указанными способами не отведетъ отъ себя этого обвиненія. То же и въ теоріи очистительныхъ доказательствъ, гдѣ вопросъ о невинности связанъ напр. съ тѣмъ, *ожъжется* или нѣтъ отвѣтчикъ (Тр. 82). Стоитъ только указать на *казуистичность* постановленій уголовнаго права, напр. по вопросу о классификаціи преступленій, чтобы дать представленіе о *конкретности* Русской Правды. Стоитъ указать на характеръ преступленій

противъ чести, всегда связанныхъ съ поврежденіемъ тѣла (Будан., Обз. ист. рус. пр., стр. 268), на неразвитость понятія покушенія, на недостаточное принятіе во вниманіе внутреннихъ мотивовъ преступленія, на гражданскую отвѣтственность при casus'ѣ (Троиц. 50), на случаи игнорированія внутренней стороны въ наказуемой неправдѣ (см. второй очеркъ),—чтобы дать понятіе о матеріалистической точкѣ зрѣнія Правды. Такого же рода внѣшняя точка зрѣнія проявляется въ томъ, что виндикаціонный искъ о движимости и связанныя съ нимъ публичныя и частныя претензіи направляются прежде всего къ обладателю искомой движимости, какъ стоящему во внѣшнихъ отношеніяхъ къ предмету иска (Троиц. сп. ст. 29, 31, 33; еще во второмъ Судебникѣ, ст. 95: а кто *поймается* за ту лошадь,—противъ такой точки зрѣнія протестуетъ комментаторъ Судебника Татищевъ, см. § 95 b.). На счетъ же матеріализма надо отнести грамматическій способъ толкованія юридическихъ актовъ (т.-е. такой, въ коемъ имѣется въ виду не воля совершающаго актъ, а буква акта), о которомъ, вѣроятно, идетъ рѣчь въ Троиц. 46: *како ся будетъ рядилъ, такоже ему и имати* (любопытно, что этому строгому правилу грамматическаго толкованія подчинены договоръ займа и другіе договоры, Тр. 94, 103, 104; срв. двѣнадцать таблицъ: cum nexum faciet moncipiumque, uti lingua nuncupassit, ita jus esto Bruns Fontes juris Romani antiqui, tab. VI, 1a). Интересный примѣръ грамматическаго истолкованія приводитъ Татищевъ изъ практики своего времени: мнѣ случилось въ судѣ слышать пороченье на крѣпость, что отецъ духовной игуменъ, а не попъ, руку приложилъ, а игуменамъ отцемъ духовнымъ быть и руки прикладывать въ уложеньѣ не написано (Судебн., § 70 б). Любопытные образчики такого внѣшняго критерія мы находимъ въ позднѣйшемъ правѣ, когда напр. одно и то же правонарушеніе, напр. кража, влечетъ за собою совершенно разныя юридическія послѣдствія—обыскъ или пытку или право убить вора,—смотря по особенностямъ внѣшней обстановки дѣянія, захваченъ ли воръ на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ, или поличное у него было найдено въ домѣ, или же преступленіе было доказано безъ помощи поличнаго (Уставн. книга разб. прик. въ Христоматіи Влад.-Буданова, ст. 17, 21, Улож. XXI 49, 50, 88), когда основаніями для начатія сыскного производства являются чисто внѣшнія улики, напр. если измѣнникъ жилъ вмѣстѣ съ родными „*и животы и вотчины у нихъ были вопче*“ (Улож. Алекс. Мих. II, 9), или, какъ въ Воинскомъ процессѣ, если

свидѣтель *„оробѣетъ или смутится или въ лицѣ измѣнится“* (Дмитріевъ, Судебн. инст., стр. 543).

Этотъ конкретный и матеріалистическій формализмъ не оставляетъ древнерусское право и тогда, когда оно стремится развить и индивидуализировать проникнутыя имъ представленія, стремится нѣкоторымъ образомъ поправить свою формальную точку зрѣнія. По Русской Правдѣ отыскиваемая вещь становится доказательствомъ по отношенію къ тому лицу, у кого она найдена. Такого же взгляда держится и Псковская грамата (ст. 60), но въ концѣ XV вѣка Уставная бѣлозерская грамата индивидуализируетъ это понятіе: *а поличное то, что вынутъ изъ клѣти изъ-за замка; а наидутъ что во дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не замкомъ, ино то не поличное* (ст. 11)—опять формалистическая точка зрѣнія (позднѣйшія опредѣленія поличнаго см. у Ланге, Древнерусское угол. судопроизв., стр. 156—157, такъ Акты Арх. Эксп. I, № 240, 1454 г., подробное опредѣленіе ibid. III, № 37).

Въ Русской Правдѣ весьма мало развиты тѣ проявленія формализма, которыми такъ изобилуетъ древнеримскій и древнегерманскій процессъ, именно торжественныя или символическія дѣйствія сторонъ, въ томъ числѣ произнесеніе формулъ тяжущимся. Наше древнѣйшее право чрезвычайно экономно и, такъ сказать, трезво въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе слѣды такихъ формулъ находятся въ Правдѣ. Если истецъ по истеченіи 3-хъ дней послѣ заповѣди находилъ въ своемъ міру свою вещь у кого-либо, онъ говорилъ отвѣтчику, у котораго найдена вещь, формулу: *се мое* (Тр. 28—29, arg. e contrario) и овладѣвалъ найденнымъ. Если же истцу при отсутствіи указанныхъ правомъ реквизитовъ, оставался только сводъ, онъ обращался къ отвѣтчику съ слѣдующей формулой: *пойди на сводъ, гдѣ еси взялъ* (Акад. 13—*не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди* etc.), или въ случаѣ отыскиванія раба: *вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ* (Акад. 15—*то рци третьемоу*). Приглашая отвѣтчика къ испытанію желѣзомъ, истецъ въ томъ случаѣ, если это приглашеніе было вызвано наговоромъ холопа, произносилъ такую формулу: *по сею рѣчи емлю тя, но азъ емлю тя, а не холопъ* (Тр. 81—*а река тако*; срв. также Карамз. 34—*не лзѣ рещи: не вѣдаю, оу кого есмь купилъ*).

Торжественный и формальный характеръ имѣютъ, конечно, всѣ роды присягъ, какъ доказательный и какъ очистительный, приносимыхъ сторонами, свидѣтелями и послухами-очистниками (объ этомъ ниже). Дѣйствія сторонъ, главнымъ образомъ внѣ-судеб-

ныя, отличаются строго формальнымъ характеромъ, таковы: *сочение свода*, *слѣдъ* — то и другое производится съ *свидѣтелями* (Тр. 70, Акад. 15). Нѣкоторые изъ нихъ происходятъ въ извѣстномъ мѣстѣ, *на торгу*, какъ-то: *заповѣдь* въ вещныхъ искахъ, *клятва*, приносимая въ сводѣ свидѣтелями сдѣлки или мытникомъ (Тр. 29, 32), а процедура связыванія захваченнаго вора или найденнаго раба, который оскорбилъ свободнаго человѣка или бѣжалъ отъ своего господина (Акад. 38, Тр. 36, 58, 108; срв. Уставы Двин. ар., ст. 4, слова Даніила Заточника у Богдановича, Разв. понят. о преступл. и наказ., стр. 61—62),—также формальный актъ — не лишена торжественности и символизма, равнымъ образомъ, какъ и овладѣніе найденною вещью, совершаемое съ произношеніемъ формулы *се мое* (Тр. 28—29). Обрядъ схватыванія искомой вещи и произнесенія соотвѣтствующихъ формулъ во время виндикаціи движимостей находится также въ древнеримскомъ и древнегерманскомъ виндикаціонныхъ процессахъ (отсюда названіе для послѣдняго Anefang), при чемъ формула древнеримскаго процесса поразительно сходна съ *се мое* Русской Правды (срв. цитованный ниже указъ 1558 г.: *назоветъ*, т.-е. виндикантъ, *его*, т.-е. искомаго холопа, *государя своего холопомъ*): si in rem agebatur, говоритъ Гай (Instit. IV § 16), mobilia quidem et moventia... in jure *vindicabantur ad hunc modum* qui vindicabat festucam tenebat, deinde ipsam rem adprehendebat velut hominem et ita dicebat: hunc ego hominem ex jure Quiritium meum esse ajo secundum suam causam sicut dixi ecce tibi vindictam imposui et simul homini vindictam imponebat; для древнегерманскаго процесса срв. lex Ripuar. (у Генглера) XXXV § 1: si quis rem suam cognoverit, *mittat manum super eam* (срв. Brunner D. Rg. II § 118, p. 497, 899). Древнегерманское право знаетъ также обрядъ связыванія преступника (Brunner D. Rg. II § 116, стр. 484—485; срв. lex Salica у Генглера XXXII: si quis hominem ingenuum sine causa ligaverit, sol. XXX culpabilis judiatur). Всѣ эти формальныя дѣйствія принадлежатъ къ внѣсудебнымъ актамъ. Что форма, въ которую облечены приведенныя нами слова и дѣйствія тяжущихся, является обязательной для сторонъ, и несоблюденіе ея ведетъ къ недѣйствительности самихъ процессуальныхъ актовъ, т.-е. что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ правовымъ формализмомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, на это указываетъ какъ серьезность и тонъ, съ которыми Правда регламентируетъ процессуальныя дѣйствія (срв. Акад.: *нъ рци емоу тако*; срв. догов. Олега съ грек. ст. 6 о вязаніи схваченнаго

вора: *да ять будеть тъмъ же*, т.-е. потерпѣвшимъ *и связанъ будетъ*), такъ и заключеніе отъ позднѣйшаго права. Псковская грамата, Судебники и даже Уложеніе приводятъ примѣры строгаго формализма свидѣтельскихъ показаній; дѣло проигрывалось отъ малѣйшаго несогласія показаній стороны и ея свидѣтеля: *и на котораго послуха истецъ послется и послухъ не станеть или ставъ на суди не договоритъ въ тыжъ рѣчи, или переговоритъ, ино тотъ послухъ не въ послухъ, а тотъ не доискался* (Псков. 20, 22, Судебн. I, 51, Судебн. II, 15, въ случаѣ ссылки изъ виноватыхъ Судебн. Татищ. 115, Улож. X, 160; на таковой формализмъ, вѣроятно, намекаютъ слова Рус. Прав.: *слово противу слова*, Тр. 23). Въ означенныхъ случаяхъ показанія истца являются чѣмъ-то въ родѣ формулы для отвѣтчика; срв. дополнит. Указъ къ Судебн. 21 авг. 1556 года: *а хотя невеликимъ словомъ не договоритъ и тъмъ обвинити*. Такое несоблюденіе формализма въ показаніяхъ называется въ Новоуказныхъ статьяхъ *промолкою* и ведетъ къ потерѣ процесса: *а которые отвѣтчики обвинены будутъ по суду какою промолкою* (П. С. З. I, № 55). Еще во времена Татищева процессъ былъ проигранъ потому, что истецъ, указавши свидѣтелей, „не домолвилъ: *и на тѣхъ шлюся*“ (Судебн. Татищ. 70 б). Такого же рода, конечно, былъ формализмъ и судебныхъ дѣйствій сторонъ.

Соотвѣтствующій строгій формализмъ позднѣйшее право показываетъ намъ и въ письменныхъ актахъ процесса. Такъ судебное производство 1-й инстанціи не утверждалось у доклада, если судный списокъ и его копія, противень не сходились „слово въ слово“ (судебн. II, ст. 69), несогласіе цѣны иска, выставленной въ исковой челобитной, съ цѣной, обозначенной въ приставной памяти, такъ называемая *роспиcка* вела къ потери иска (Улож. X, 104, срв. 103); въ 1687 г. истцамъ ставится въ вину, что они искали Ганку Данилова, тогда какъ въ представленныхъ истцами документахъ онъ названъ Ѳилкинымъ сыномъ (Акты юридич. № 13 стр. 26). Внѣшній формализмъ съ торжественнымъ и символическимъ характеромъ встрѣчается нерѣдко въ позднѣйшемъ процессѣ. Помимо вышеуказанныхъ примѣровъ стоитъ обратить вниманіе на распространенность судебныхъ формулъ въ Псковской судной граматѣ и, можетъ быть, еще въ первомъ Судебникѣ: *а молвитъ* (отвѣтчикъ) *такъ: оу тебѣ есми того не закладалъ, а оу тебѣ есми не взималъ ничегожъ* (Пск. гр. 31, срв. 32, 41, 56: *а тому молвитъ*, т.-е. отвѣтчикъ, *то слово: купилъ есми на торгу, а тогожъ есми не знаю оу кого купилъ*; срв. 48, 51, 55, 56, 57, 107, 110, также 9, 23, 27:

а ркучи слово, Судебн. I, 46, 47). Связываніе преступника и заповѣдь встрѣчаются послѣ Русской Правды (Двин. гр. 4: *а вязбы въ томъ нѣтъ*; 6: *а намѣстники довѣдаются по заповѣди*; Ак. Юр. № 10: *а Копоса Ѳ. сына... велѣлъ*, т.-е судья, *заповѣдати и поимати*; Улож. XXI, 15), послѣдняя въ формѣ *заклички* и *заказа* (Пск. гр. 39, 44, Улож. XX, 89, 90). Не чуждъ позднѣйшему праву и захватъ вещи при виндикаціи движимостей: *а кто поймается за ту лошадь и чего съ тою лошадью взыщетъ* etc. (Суд. II ст. 95, срв. Судебн. I 46, 47, Улож. XXI 91); въ дополн. Указѣ къ Судебн. 1558 года захватъ происходитъ, какъ и въ Русской Правдѣ, послѣ предварительной заповѣди: *кто боярскій человѣкъ поимаетъ на Москвѣ какого человѣка ни буди, а назоветъ его государя своего холопомъ* (*се мое* Русской Правды), *или скажетъ, изымалъ кого по заказу чьему*. Интересные примѣры формализма такого рода представляетъ раздѣваніе донага истца во время обыска отвѣтчикова дома (Акты юрид. № 52 V, стр. 194: *и мы, государь, велѣли истцу Иванову человѣку... Олешѣ передъ понятыми и передо княземъ Юрьемъ*, т.-е. отвѣтчикомъ, *разволочись до нага... а князь Юрьи... того Олешу передъ нами и передъ понятыми и самъ обыскивалъ и во ртѣ сщупалъ*), что поражаетъ сходствомъ съ домовыми обысками въ древнеримскомъ и въ древнегерманскомъ правѣ (срв. Brunner D. Rg. II § 118 № 9 въ позднѣйшемъ фризскомъ правѣ, Schulin, Lehrbuch der Gesch. des Röm. R. § 73: quaestio cum lance et licio), хожденіе свидѣтелей-старожильцевъ съ образомъ на головѣ въ земельныхъ процессахъ (Улож. X, 236—237; XVII, 52; съ землей на головѣ—см. Энгельманъ, О пріобрѣт. права собств., стр. 10), рукобитье сторонъ въ отдѣльныхъ процессуальныхъ актахъ (Новгород. суд. грам. ст. 24 въ Христом. Влад.-Буданова), привязываніе захваченнаго убійцы къ ногѣ жертвы (Ѳедот.-Чеховскій. Акты до гражд. распр. № 45 стр. 47: *до того есмя, г-нъ, Карпика съ своимъ грабежемъ поимали*, т.-е. отвѣтчика, *да къ мертвому къ Иванку къ нозѣ привезали*); здѣсь же упомянемъ и объ обязанности отвѣтчика къ отвѣту передъ судьей на жалобу истца; нарушеніе этой обязанности вело къ проигрышу процесса, что опять-таки было облечено въ формулы (А. Юр. № 10: *и Семенъ Борисовичъ*, т.-е. судья, *вспросилъ Михалка*, т.-е. отвѣтчика: *отвѣчай*—слѣдуетъ отвѣтъ Михалки; срв. № 14, Судебн. II, 75, 100, Улож. X, 101: *а будетъ отвѣтчикъ ... на суду выслушавъ истцовы исковыя челобитной не отвѣчаетъ ... и того отвѣтчика безъ суда обвинить*, 102, XX, 55; срв. также Новгор. судн. грам. 11, 14, 15 и др.) и

что также соотвѣтствуетъ строгому формализму древнегерманскаго процесса (Klage und Antwort.; срв. Schroeder, Lehrb. der deut. Rgesch. §§ 13, 37).

Возвращаемся къ Русской Правдѣ. Формализмъ не только сообщаетъ опредѣленный видъ дѣйствіямъ тяжущихся, но и опредѣляетъ цѣлый рядъ процессуальныхъ подробностей, отчасти совпадающихъ съ дѣйствіями сторонъ, проявляясь въ такъ называемыхъ *юридическихъ шаблонахъ*. Сюда относятся разнаго рода процессуальные сроки и числовыя опредѣленія, о которыхъ подробнѣе будетъ говориться ниже: *трехъ-дневный срокъ* дѣйствія заповѣди (Тр. 26), количество свидѣтелей-очевидцевъ и послуховъ-очистниковъ, семь или два (Тр. 15, 23, 25, 32), количество сводовъ, именно 3 свода при отыскиваніи рабовъ и при сводѣ *по землямъ* (Тр. 26, 31), отношеніе между видами очистительнаго доказательства и суммой иска въ поклепномъ процессѣ (Тр. 17: *оже не будеть лиця, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли мнѣ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны*). Казуистическимъ формализмомъ отличаются опредѣленія условій для того, чтобы быть свидѣтелями-очевидцами или очистниками, также въ связи съ суммой иска (Тр. 32, 59, 81, также 82, Карамз. 133), опредѣленія возраженій отвѣтчика, при чемъ Правда указываетъ, какія въ одномъ искѣ можетъ привести возраженія отвѣтчикъ, какія въ другомъ, и наконецъ опредѣленія, касающіяся процессуальныхъ средствъ, о которыхъ подробнѣе будетъ также сказано впослѣдствіи. Только тѣ процессуальныя средства носятъ формальный характеръ, которыя являются въ процессѣ либо совершенными доказательствами, окончательно устанавливающими фактъ правонарушенія, либо очистительными средствами, также окончательно устанавливающими вину или невинность отвѣтчика (ордаліи, послухи-очистники etc.). Неполныя доказательства (людская молва, *прохоженіе нощное* etc. Тр. 82), которыя не устанавливаютъ окончательно факта преступнаго дѣянія и ведутъ къ особому производству, именно къ *поклепному процессу* (въ отличіе отъ полныхъ доказательствъ, играющихъ роль въ другого рода процессѣ), повидимому не стѣснены какимъ-либо формализмомъ, холопъ, напр., можетъ показывать на ряду съ свободными людьми (Тр. сп. 17, 81, 82). Сказанное выше объ особенностяхъ и о значеніи формализма вообще прилагается и къ формализму полныхъ доказательствъ и испытательныхъ средствъ. Формализмъ тѣхъ и другихъ заключается въ томъ, что Правда позволяетъ пользоваться

только извѣстными видами процессуальныхъ средствъ, какъ полными доказательствами, именно: матеріальными слѣдами событій, *свидѣтельскими показаніями, подтвердительной присягой* и, вѣроятно, *жребіемъ* и только извѣстными видами процессуальныхъ средствъ, какъ испытательными доказательствами, именно извѣстными видами ордалій, какъ-то: *желѣзомъ* и *водой*, *послухами-очистниками* и *очистительной присягой*, при чемъ полныя доказательства фигурируютъ въ одномъ родѣ процесса, а испытательныя средства въ другомъ. Правда детально устанавливаетъ, въ какомъ случаѣ въ поклепномъ процессѣ надо употребить то или другое испытательное средство (въ соотношеніи съ цѣною иска), въ подтвержденіе какихъ фактовъ надо пользоваться тѣмъ или другимъ полнымъ доказательствомъ, напр., свидѣтелями или присягой, что̀ принимать за матеріальные слѣды событій, какими изъ послѣднихъ можно доказывать то или другое преступное дѣяніе. Далѣе Правда регламентируетъ *качество* и *количество* свидѣтелей-очевидцевъ и послуховъ-очистниковъ, *мѣсто* и *форму* свидѣтельскихъ показаній (Карамз. 33: *то ити по немъ водокомъ на торгоу на роту*; Тр. 25).

Разъ форма юридически неразрывно связана съ дѣйствіями сторонъ, является реквизитомъ этихъ дѣйствій, немудрено, что она служитъ источникомъ возникновенія или прекращенія правъ, процессуальныхъ и другихъ, а также и обязанностей какъ для самой дѣйствующей стороны, такъ и для противной или для третьихъ лицъ. Такъ связываніе вора (см. выше) и задержаніе до свѣта прекращало для потерпѣвшаго право убить его и налагало на него обязанность вести его, т.-е. захваченнаго вора, на *княжь дворъ* (Акад. 38, Тр. 36); заповѣдью на торгу истецъ пріобрѣталъ право овладѣть вещью въ своемъ міру при наличности однако извѣстныхъ, опять-таки формальныхъ условій, прошествія трехъ дней, произнесенія формулы *се мое* (см. выше); изъ заповѣди же возникаетъ обязанность членовъ общины не давать хлѣбъ или не показывать путь бѣглому холопу (Тр. 106), а можетъ быть, и обязанность къ положительнымъ дѣйствіямъ: *убиюсти* пойманнаго раба, также право на переемную гривну (Тр. 107). Такимъ образомъ форма въ процессѣ имѣла право-зарождающую и право-прекращающую силу.

Нельзя ли сдѣлать предположенія о таковой же право-зарождающей силѣ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ формулъ? напр. формулы поклепнаго процесса, которою истецъ приглашаетъ отвѣтчика къ испытанію желѣзомъ: *но оже хощеть истець или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю*

тя, а не холопъ, и емъти и на желѣзо, Тр. 81 (Карамз. 99: истець... иметь нарекати тако). Текстъ Правды ставитъ въ зависимость возникновенiе обязанности отвѣтчика подвергнуться испытанiю желѣзомъ отъ произнесенiя истцомъ означенной формулы. Стало-быть обязательство отвѣтчика подвергнуться испытанiю возникаетъ не изъ приговора, а изъ формальнаго акта стороны. Можно разнымъ образомъ конструировать отношенiе приговора изъ поклепнаго процесса къ произнесенiю этой формулы. Такъ приговоръ могъ давать истцу право на произнесенiе означенной формулы или же право на пеню, если отвѣтчикъ не исполнитъ обязательства на испытанiе ордалiей,—и въ такомъ случаѣ формула эта является источникомъ обязательства, или же приговоръ шелъ на обязательство отвѣтчика *подъ условiемъ* произнесенiя истцомъ этой формулы или на уплату пени, если отвѣтчикъ не исполнитъ обязательства. Какъ бы то ни было, произнесенiе формулы является формальнымъ актомъ, съ бытiемъ котораго связано возникновенiе обязательства отвѣтчика. Любопытно, что въ древнегерманскомъ процессѣ, столь родственномъ по духу процессу Русской Правды, обязанность отвѣтчика на испытанiе ордалiей или же на уплату штрафа вытекаетъ не изъ приговора, а изъ формальнаго договора (wadiatio) истца съ отвѣтчикомъ съ альтернативнымъ содержанiемъ, заключеннаго посредствомъ передачи стебля Festuca; приговоръ только обязывалъ стороны къ заключенiю такого договора: et wadium suum donet... ut in constituto die aut legitime juret aut si culpaviles est componat (L. Al. Hlo, 36, 3 срв. l. Sal. 56 Brunner Rg. I, § 23 № 11, II, § 101, p.p. 362 — 365, § 102). Не есть ли и наша формула Тр. 81 суррогатъ такой wadiatio истца съ отвѣтчикомъ по приговору суда?

Весьма вѣроятно, что и обязанность отвѣтчика указать своего предшественника или же въ случаѣ отыскиванiя пропавшаго раба дать равноцѣнное обезпеченiе въ третьемъ сводѣ возникаетъ изъ произнесенiя истцомъ формулъ, приведенныхъ въ Акад. сп. ст. 13, 15 (Тр. 29, 33). Нахожденiе же поличнаго вмѣстѣ съ другими указанными обстоятельствами (напр., третiй сводъ) только рождало право истца на произнесенiе этихъ формулъ. Интересныя аналогiи для изучаемаго нами процесса даетъ салическiй процессъ, въ которомъ также произнесенiе извѣстныхъ формулъ является источникомъ процессуальныхъ обязательствъ. Такъ истецъ принуждаетъ отвѣтчика къ формальному отвѣту на искъ и судей къ произнесенiю приговора формулой tangano: hic ego vos tangano, ut legem dicatis secundum legem Salicam (L. Sal.

57, 1, 2; срв. Brunner R. Gesch. II, §§ 99, 101, I, § 23, срв. также салическую формулу ut nexti chantigius gasacio meo, Brunner, ibid II, § 110 p.p. 447 — 448). Господство процессуальныхъ формулъ въ древнеримскомъ процессѣ было по словамъ Гая такъ сильно, ut vel qui minimum errasset, litem perderet (Instit. IV §§ 11, 30; срв. вышеприведенную виндикаціонную формулу). Форма, и въ частности формула, какъ источникъ возникновенія правъ и обязательствъ, встрѣчается не только въ древнемъ процессѣ, но вездѣ, гдѣ существуютъ формальныя сдѣлки, напр., stipulatio въ римскомъ правѣ, вексель въ современномъ; то, что рождало обязательство въ первомъ случаѣ, было произнесеніемъ контрагентами стипуляціонныхъ формулъ въ родѣ: spondesne mihi centum dare? (кредиторъ)—spondeo (отвѣтъ должника) и другихъ.

Мы уже сказали, что формализмъ не есть только особенность Русской Правды, но въ извѣстной мѣрѣ всякаго права и процесса; напр., стоитъ только обратить вниманіе на формы и обряды судопроизводства въ нашемъ современномъ процессѣ. Конечно Русская Правда гораздо болѣе проникнута формализмомъ, чѣмъ послѣдній, чѣмъ всякій процессъ, дающій большій просторъ отысканію матеріальной истины. Но формализмъ Русской Правды отличается нѣкоторыми особенностями отъ позднѣйшаго, именно, какъ мы старались показать выше, своей конкретностью, выражающеюся въ казуистичности, своею внѣшностью или матеріальностью. Господство формы есть существенное и необходимое дополненіе къ изучаемому нами процессу, который въ значительной части своей состоитъ изъ внѣ-судебныхъ актовъ (вызовъ отвѣтчика въ судъ, заповѣдь, соченіе слѣда, сводъ и др.), почти исключительно ведется тяжущимися, въ которомъ роль суда пассивна и машинообразна. При такомъ положеніи дѣла форма спасала процессъ отъ безпорядочности и хаотичности, которыя бы явились результатомъ произвольныхъ и безконтрольныхъ дѣйствій тяжущихся, давала гарантію слабой неопытной сторонѣ противъ сильнаго и искуснаго противника. Въ исторіи уголовнаго процесса замѣчено, что формализмъ съ большимъ успѣхомъ развивается на почвѣ обвинительнаго производства, дающаго наибольшій просторъ дѣятельности сторонъ, чѣмъ на почвѣ слѣдственнаго процесса, гдѣ главнымъ образомъ господствуетъ инипіатива судьи (Случевскій, Учебникъ русск. уголовн. проц., Судопроизв., стр. 17—19). А процессъ Русской Правды есть не только обвинительный, но и въ значительной степени внѣ-судебный; сыскное начало еще чуждо процессу

Русской Правды и начинаетъ развиваться только гораздо позже. Итакъ формализмъ былъ могучимъ коррективомъ процесса Русской Правды, сообщая ему порядокъ и давая гарантію слабой сторонѣ противъ сильной. Конечно, говоря это, мы имѣемъ въ виду древнѣйшую эпоху, когда процессуальный формализмъ былъ живымъ отраженіемъ типическихъ жизненныхъ отношеній и не перешелъ еще въ традиціонную отяготительную формальность, когда вслѣдствіе сравнительно простыхъ юридическихъ отношеній онъ былъ болѣе доступенъ для тяжущихся. Впослѣдствіи, когда стали чувствоваться невыгодныя стороны формализма, явилась потребность въ поправкѣ къ нему, и послѣдняя была найдена въ судебномъ представительствѣ, развитіе коего относится ко времени послѣ Русской Правды.

II.

Субъективный элементъ въ правонарушеніи по Русской Правдѣ.

Субъективный элементъ въ составѣ правонарушенія.—Субъективный элементъ, привносимый правомъ къ внѣшней сторонѣ правонарушенія.—Обозрѣніе видовъ правовой реакціи, вызываемой правонарушеніями, и связь реакціи съ присутствіемъ субъективнаго элемента.—Характеристика внутренней стороны правонарушенія, вина и случай.—Рѣзкое квалифицированіе правонарушеній.—Объективная точка зрѣнія при установленіи наказанія.

Вопросъ о характерѣ правонарушеній въ Русской Правдѣ и вызываемой ими реакціи не разъ разсматривался въ нашей литературѣ, въ связи съ вопросомъ о преступленіи въ древнемъ русскомъ правѣ (*Богдановскій,* Развитіе понятія о преступленіи и наказаніи, стр. 91—99; *Чебышевъ-Дмитріевъ,* О преступномъ дѣйствіи, отдѣленіе I, II, стр. 17—42, стр. 78—93; *Власьевъ,* О вмѣненіи, стр. 182—189; *Владимірскій-Будановъ,* Обзоръ исторіи, изданіе 2, стр. 260—273; *Сергѣевичъ,* Лекціи и изслѣдованія, 1894 г., стр. 205—222), отчасти въ связи съ вопросами о различіи гражданскаго и уголовнаго правонарушенія и съ вопросомъ о различіи гражданскаго и уголовнаго права въ ту эпоху (*Эверсъ,* Древнее русское право въ переводѣ *Платонова,* стр. 345—399; *Стефановскій,* Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, въ журн. Мин. Нар. Просвѣщ. за 1873 г.; также *Богдановскій, Чебышевъ-Дмитріевъ, Сергѣевичъ* въ цитованныхъ выше сочиненіяхъ). Сходныя черты право-

нарушеній въ сферѣ гражданскаго и публичнаго права и широкое господство наказуемой неправды въ древнѣйшую эпоху дали основаніе для взгляда о безразличіи уголовной и гражданской неправды, уголовнаго и гражданскаго права въ ту эпоху (Эверсъ, Богдановскій, Сергѣевичъ; на различіи гражданскаго и уголовнаго правонарушенія, хотя и съ оговорками, настаиваютъ *Стефановскій*, *Чебышевъ-Дмитріевъ* для эпохи Русской Правды, *Владимірскій-Будановъ*), при чемъ явился вопросъ, имѣло ли въ древнѣйшую эпоху правонарушеніе частный характеръ (мнѣніе *Богдановскаго*) или публичный (*Чебышевъ-Дмитріевъ* для древнѣйшей эпохи).

Задачей этого очерка мы ставимъ себѣ для времени Русской Правды указаніе предѣловъ вмѣненія, рѣшеніе вопроса о субъективномъ элементѣ въ сферѣ правонарушенія и въ связи съ этимъ—вопроса о предѣлахъ наказуемой неправды. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ въ виду не только уголовную реакцію, гдѣ обиженнымъ и наказующимъ является государство, но и частную, имѣющую въ виду наказать правонарушителя штрафомъ или же возмѣщеніемъ ущерба съ штрафнымъ характеромъ (въ родѣ притязаній на возмѣщеніе ущерба въ римскомъ правѣ, возникающихъ изъ деликтовъ). Рѣшеніе этого вопроса важно какъ для общей характеристики права, такъ и для пониманія процесса въ виду его соотвѣтствія съ правомъ.

Нахожденіе субъективныхъ признаковъ въ составѣ наказуемой неправды нерѣдко въ Русской Правдѣ, и въ этомъ случаѣ она не отличается принципіально отъ современныхъ законодательствъ. Въ соотвѣтствіи съ формалистическимъ характеромъ тогдашняго права эти субъективные признаки опредѣлены не въ абстрактномъ видѣ, а конкретно, казуистически: а кто *пакощими* конь порѣжетъ (Тр. 80), оже холопъ бѣжить... *аже слышавъ кто или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба* (Троиц. 106, *вѣдѣніе* указывается въ составѣ проступка Тр. 108: аже кто своего холопа самъ досочиться въ чьемъ любо городѣ, а будеть посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, пояти же ему отрокъ отъ него и шедше оувязати и... аче оупустить и гоня, а собѣ ему пагуба, а платить въ то никтоже, оже гдѣ холопъ *вылжеть* коня (Карамз. 127), оже человѣкъ *полгавъ куны у людеи*, а побѣжить (Карамз. 133). Въ ст. Тр. сп. мы имѣемъ указаніе на невмѣняемое субъективное состояніе дѣятеля: *не терпя ли противу тому оударить мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтуть* (Троиц. сп. 20; другія указанія на вмѣненіе

болѣе общаго характера въ ст. 83, 84, термины *вина*, *виноватъ* въ ст. 105; срв. Хркст. Влад.-Буд. вып. I, стр. 83, дополнит. ст. 3). Во многихъ наказуемыхъ правонарушеніяхъ, поставленныхъ противъ жизни и имущества, субъективный элементъ разумѣется самъ собою, напр. въ разбоѣ, въ кражѣ etc. (Тр. 3, 5, 30, 37—38 и друг.).

Но особенно интересный контрастъ къ современнымъ представленіямъ о вмѣненіи обнаруживаютъ тѣ случаи, когда въ силу матеріалистическаго характера права виновность въ составѣ правонарушенія является не на ряду съ прочими признаками преступленія, а выводится изъ нихъ, прикрѣпляется къ нимъ обязательнымъ образомъ, при чемъ матеріальныя условія для возникновенія вмѣненія опредѣлены казуистически, конкретно. Такая связь особенно обнаруживается въ виндикаціонныхъ процессахъ о движимости, гдѣ нѣкоторыя условія ведутъ необходимо или же условно къ обвиненію въ татьбѣ. Такъ во время гоненія по слѣду жители селенія или находящіеся въ караванѣ, если къ нимъ будетъ приведенъ слѣдъ, должны *„платить татбу и продажю“*, если „*не отсочатъ отъ собе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отбьются*“ (ст. 70). Въ сводѣ обладатель поличнаго, не могущій указать своего auctor'а, считается конечнымъ воромъ: „*то тому все платити и продажю* (Тр. 31), *сведитеся, кто будетъ виноватъ, на того татба снидетъ* (Тр. 29), *а кдѣ будетъ конечнии тать* (Тр. 33). Другіе же обладатели поличнаго считались такимъ образомъ также татями, но только до тѣхъ поръ, пока не указывали своего auctor'а или, въ случаѣ покупки поличнаго на торгу, не очищались присягой отъ недобросовѣстности (Тр. 32, срв. ст. 63). Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ обвиненіемъ въ тяжеломъ уголовномъ преступленіи. Но встрѣчаются и болѣе легкіе по послѣдствіямъ виды вмѣненія, связанные съ такими конкретно-матеріальными опредѣленіями. Такъ если кто содѣйствуетъ бѣгству чужого раба или держитъ его у себя, пріобрѣтаетъ его куплей, тотъ долженъ очистить себя присягой отъ вмѣненія ему „вѣдѣнія“, если хочетъ избавиться отъ платежа или другихъ невыгодныхъ послѣдствій (Тр. 109, *то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ есмь, оже есть холопъ*, 112). Въ искѣ о договорѣ о процентахъ, заключенномъ безъ свидѣтелей, должникъ отвѣчаетъ: *провиновался еси, оже еси послуха не ставилъ* (Карамз. 48). Вмѣненіе на основаніи матеріальныхъ признаковъ видно въ статьяхъ о закупѣ: *аже господинъ бьетъ закупа про дѣло, то безъ вины есть; биетъ ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмъ платежъ, такоже и въ закупѣ*

(Троиц. сп. 55); въ статьѣ о несостоятельномъ купцѣ: *аже который купець, кдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо ратъ возметъ, ли огнь: то не насилити ему, ни продати его... занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а въ безумьи чюжь товаръ испортитъ, то како любо тьмъ, чии то товаръ, ждутъ ли ему... продадятъ ли* (Троиц. сп. 50); такое конкретное и матеріалистическое опредѣленіе условій невмѣненія указываетъ косвенно на подобный же характеръ условій вмѣненія. Въ приведенныхъ мѣстахъ заключается также и указаніе на предѣлы ненаказуемаго правонарушенія, на casus древняго права, который есть „пагуба отъ Бога", именно въ Тр. 50. Значеніе субъективныхъ элементовъ въ правонарушеніи обнаруживается и до и послѣ времени Русской Правды и особенно яркое выраженіе находитъ себѣ въ Псковской судной граматѣ, которая ретроспективно прекрасно дополняетъ и объясняетъ Русскую Правду. Мы и здѣсь остановимся на наиболѣе характерной для древняго права связи вмѣненія съ внѣшними, конкретно опредѣленными данными. Еще рѣшительнѣе, чѣмъ Русская Правда, трактуетъ какъ вора человѣка, у коего найдено поличное, Псковская грамата: *а татю вѣры не няти, а на кого возклеплетъ, ино домъ его обыскать, и знайдутъ въ дому его что полишное и онъ тотже тать; а не найдутъ въ дому его, и онъ свободенъ* (ст. 60, срв. ст. 65); точно также воръ тотъ человѣкъ, который не позволилъ приставамъ обыскивать свое жилище, не пустилъ ихъ въ хоромы, согналъ со двора (ст. 57: *а тотъ человѣкъ въ татбѣ*), — подобная норма была еще извѣстна договору Олега: *аще ли кто искушенія сего не дасть створити, мьстникъ да погубить правду свою* (ст. 12). Равнымъ образомъ человѣкъ, запечатавшій документъ не у князя, а въ другомъ мѣстѣ, трактуется какъ измѣнникъ (Псков. суд. гр. 50, 82). Отсюда необходимость обладателя поличнаго указать на своего auctor'а (Псков. 46, 54, Двин. 5) или же другими средствами отвести отъ себя вмѣненіе воровства: такъ въ случаѣ покупки на торгу отвѣтчикъ приносилъ присягу „*что чисто будетъ на торгу купилъ, а съ татемъ не подѣлился*" (Псков. ст. 46, 47, приводъ свидѣтелей въ ст. 56—постановленія аналогичныя Русской Правдѣ, Тр. ст. 32). Преобладаніемъ вмѣненія и связываніемъ его съ заранѣе опредѣленными условіями, намъ кажется, объясняется то обстоятельство, что самый штрафъ публичнаго или частнаго характера, вызываемый наказуемой неправдой, называется *виною* (Двин. гр. ст. 1, 4, 7, Уставъ Яросл. о церковн. суд. ст. 6—7, 24—25, 31—32),

что, наконецъ, словомъ *виноватъ* обозначается то состоянiе, въ которомъ находится *debitor*, аналогично нѣмецкому schuldig, обозначается фактъ отвѣтственности изъ обязательства: и тотъ человѣкъ до зароку оучнетъ сребро отдавать *кому виноватъ* (Псков. 74), а коли изорникъ иметъ запиратся оу государя покрутыи, а молвитъ такъ: оу тебе есми на селѣ живалъ, а тебе *есми не виноватъ* (Пск. 51). Въ граматахъ духовныхъ завѣщанiй нерѣдко встрѣчается формула, указывающая на то, что ни надъ завѣщателемъ, ни надъ его имуществомъ не тяготѣетъ никакихъ долговъ: *а невиноватъ есмъ никому ничѣмъ ни моя земля* (А. Ю. № 409 II, срв. № 409 I: *а невиноватъ есми нцкому ничѣмъ, развiе Богу душою*, срв. А. Ю. № 404 II, № 426: *а болши мнѣ ни на комъ нечего взять, и самъ больше того долгомъ никому невиноватъ, развѣе Богу душою*, № 427 и мног. друг.). Въ духовныхъ же завѣщанiяхъ мы встрѣчаемъ указанiя на религiозное вмѣненiе, когда завѣщатель умираетъ, не расплатившись съ долгами. Наслѣдники обязаны освободить душу покойнаго отъ тѣхъ долговъ, которые еще тяготѣютъ на ней: *и тѣ деньги платити сыну моему О., а меня въ дому не положити, а души моей тѣмъ не повредити* (А. до юрид. быта № 86 I), *и снохи мои долъжникомъ заплатятъ, а съ моея души сведутъ...: чтобы на мене должники мои не плакали ни мои снохи* (Собр. госуд. грам. и догов. I, № 82).

Бросимъ теперь краткiй взглядъ на область реакцiи права противъ правонарушенiя.

Уголовная реакцiя проявляется въ видѣ денежныхъ штрафовъ, идущихъ въ пользу представителей публичной власти, въ случаѣ наиболѣе тяжкихъ преступленiй противъ жизни и имущества — потокъ и разграбленiе. Денежными штрафами публичнаго характера являются виры и продажи; первыя, какъ и ихъ квоты, полувиры, назначаются въ случаѣ убiйства, а также и за увѣчье (Тр. 21). Продажами, которыя иногда называются продажами *за обиду* (Тр. 18: *то 12 гривенъ продажи за обиду*, ст. 55), иногда обозначаются словомъ „за обиду“ (срв. Акад. 10, Тр. 26, Акад. 31 и 32 съ Тр. 71, 72, Акад. 31, Тр. 75, Акад. 33 и Тр. 65, Акад. 27 и Тр. 34), иногда же просто указываются количествомъ штрафныхъ денегъ (Тр. 62 и Карамз. 81, Акад. 11, Тр. 27 и Карамз. 28, Тр. 64 и Карамз. 82, Акад. 30 и Карамз. 86), — продажами караются преступленiя противъ чести, нанесенiе увѣчiй, ранъ, мученiй, побоевъ (Тр. 18, 22, 23, 25, 60, 61, 71, 72, Тр. 60, 61, Карамз. 25; срв. также Тр. 19, 20, Акад. 3, 4, 6 - 9), преступленiя противъ имущества, какъ-то кража (Тр. 31,

42, 63, 69, 70, 73, 75, 115, 34 уводъ или кража холоповъ, Карамз. 81, Акад. 34, 36, 40; срв. также Тр. 30, 37 — 39), неправомѣрное пользованіе чужимъ имуществомъ (Кар. 28), повреждeніе и истребленіе чужого имущества (Тр. 65 — 66 и Карамз. 82 истребленіе межевыхъ знаковъ, Тр. 68, 74, 80, 84 истребленіе другихъ предметовъ и умерщвленіе холоповъ), неправомѣрное владѣніе чужимъ имуществомъ или холопами (Тр. 26, 32; срв. Карамз. 29), продажа закупа въ холопство и другія злоупотребленія его личностью, какъ и правонарушенія въ закупническихъ отношеніяхъ (Тр. 55), неправомѣрное убійство захваченнаго вора (Тр. 36). Что касается до частныхъ штрафовъ въ пользу похищеннаго, то ихъ очень трудно выдѣлить изъ общей массы нормъ, трактующихъ объ удовлетвореніи потерпѣвшаго, такъ какъ мы можемъ догадываться объ ихъ штрафномъ назначеніи только по нѣкоторымъ реальнымъ особенностямъ; указаній же на ихъ юридическую природу какъ наказанія, отличающуюся отъ постановленія объ удовлетвореніи, мы не имѣемъ. Штрафное назначеніе имѣетъ постановленіе о томъ, что въ случаѣ преступленія холоповъ продажа не имѣетъ мѣста, а вмѣсто этого: *двоиче платить ко істцю за обиду* (Тр. 42), ибо это постановленіе имѣетъ въ виду не только вознаградить потерпѣвшаго, но и наказать виновнаго двойнымъ платежомъ за ущербъ (срв. договоръ Олега съ грек. ст. 6 и 7, дог. Игоря ст. 6). Изъ этого постановленія мы можемъ заключить, какъ широка была область примѣненія частныхъ штрафовъ, судя по широкому примѣненію продажи (см. выше). Штрафное же назначеніе носятъ, вѣроятно, какъ головщины въ случаѣ убійства (Тр. ст. 3, 4), такъ и тѣ денежныя платы, которыя идутъ въ пользу потерпѣвшаго *за обиду*, такъ какъ терминомъ „обида" повидимому обозначалось всякое правонарушеніе (Тр. 42 и многія другія вышецитованныя), всякое нарушеніе публичныхъ и гражданскихъ правъ (напр. Тр. 28, 55, Суд. II ст. 24; дополн. указъ къ Судебн. 9-го марта 1642 г. ст. 3). Таковые частные штрафы мы имѣемъ въ случаѣ нанесенія побоевъ (Акад. 2), въ случаѣ неисполненія обязательства (Акад. 14, Тр. 43). Особое положеніе занимаютъ постановленія, въ коихъ правонарушеніе ведетъ къ полному или частичному пораженію правъ, гражданскихъ или публичныхъ, которое иногда бываетъ, какъ обыкновенное наказаніе, результатомъ судебнаго приговора, или же иногда является ipso jure слѣдствіе правонарушенія—то, что нѣмцы называютъ Verwirkungen. Такого рода положеніе правъ, можетъ быть уже заключающееся въ вышеупомянутомъ потокѣ и разграбленіи, которымъ

подвергались убійцы въ разбоѣ, конокрады и поджигатели (Тр. 5, 30 и 70), является въ формѣ пріобрѣтенія права распоряженія со стороны кредитора надъ личностью должника, при чемъ таковому пріобрѣтенію правъ соотвѣтствуетъ умаленіе правъ должника. Такъ въ случаѣ торговой несостоятельности кредиторы пріобрѣтаютъ право продать должника и удовлетворить свои претензіи вырученными деньгами (Тр. 51, 52). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, судя по тону постановленій, потеря правъ является ipso jure вслѣдствіе правонарушенія и не дожидается суда; такъ въ сферѣ закупническихъ отношеній: *оже закоупныи бѣжить отъ господина, то обелъ* (Кар. 70), также въ случаѣ кражи со стороны закупа (Тр. 57, продажа закупа является уже осуществленіемъ права надъ холопомъ) — въ обоихъ случаяхъ зависимый человѣкъ превращается въ раба; можетъ быть въ болѣе раннее время закупъ обращался въ рабство, если онъ шелъ жаловаться къ князю или къ судьямъ на своего господина (Тр. 52), постановленіе, отмѣненное Русской Правдой. Характеръ пораженія правъ, наступающаго ipso jure, имѣютъ частичныя пораженія правъ, такъ мошенничество и кража имѣли для правонарушителя инфамирующее дѣйствіе (*вѣры ему не яти*, Карамз. 133; срв. Пск. суд. гр. ст. 60). Въ случаяхъ нарушенія законовъ о процентахъ кредиторъ терялъ право на возвращеніе назадъ капитала или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вообще на удовлетвореніе по обязательству (Тр. 48 — 49, 51). Господинъ, продавшій холопа въ рабство, теряетъ право требовать съ него *куны* (Тр. 55), а господинъ, прижившій съ рабой дѣтей, теряетъ право на личность рабы и ея дѣтей (Тр. 92: *но свобода имъ*, т.-е. дѣтямъ съ матерью). Такого рода пораженіе правъ, какъ и частные штрафы, конечно, имѣли и другую сторону, могли служить какъ удовлетвореніе потерпѣвшему, напр. въ Троиц. ст. 57 (см. выше), но самое средство, выбранное правомъ для цѣли удовлетворенія, позволяетъ думать, что ему не была чужда цѣль наказанія.

Вышеуказанные виды реакціи противъ правонарушеній, какъ было показано выше, являются результатомъ не только однихъ внѣшнихъ событій, но нерѣдко слѣдуютъ за вмѣняемымъ правонарушеніемъ.

Такъ вира, потокъ и разграбленіе предполагаютъ присутствіе субъективности элемента въ Тр. 3, 5, 30 Акад. 18—19 (убійство въ обиду, въ разбоѣ, разбой и конокрадство), продажи въ случаяхъ кражи (loci citati), въ случахъ злонамѣреннаго истребленія скота (Тр. 80: *и кто пакощами* etc.) и въ случаяхъ нарушенія

закупническихъ отношеній (Тр. 55: аже господинъ переобидить etc., биеть ли не смысля пьянъ; продажа не имѣетъ мѣста въ случаѣ невмѣняемаго субъективнаго состоянія, указаннаго въ Тр. 20), частные штрафы въ случаѣ неисполненія обязательства (Ак. 14: аще боудеть обидя не лъ etc.), пораженіе правъ въ случаяхъ татьбы, мошенничества (Карамз. 133: полгавъ) и въ случаяхъ торговой несостоятельности, при чемъ указаны обстоятельства, исключающія вмѣненіе (Тр. 50: *въ безумьи*).

Другія послѣдствія правонарушенія, какъ-то удовлетвореніе потерпѣвшаго, объявленіе сдѣлки оспоримой или ничтожной, имѣютъ въ виду главнымъ образомъ интересы потерпѣвшаго и гражданскаго оборота и лишь косвенно имѣютъ въ виду наказаніе правонарушителя, именно, если принимаютъ во вниманіе субъективный моментъ (срв. Thon, Rechtsnorm und Subjecto. Recht, I § 17); мы не говоримъ уже о мѣрахъ къ возстановленію нарушеннаго права (напр. Тр. 26, 28 и мног. друг.) или же къ обезпеченію правъ (Тр. 31, 33, Акад. 13, 15).

Мѣры къ удовлетворенію потерпѣвшаго принимаются въ случаяхъ преступленій противъ чести, нанесенія побоевъ, причиненія мученій (Тр. 58, 61, 71, 72, 81, 82), преступленій противъ имущества, какъ-то: кражи (Тр. 32, 33, 35, 39, 73 и мног. друг.) и мошенничества (Карамз. 127), въ случаѣ повреждения и истребленія чужого имущества, въ томъ числѣ рабовъ (Тр. 68, 74, 79 въ случаѣ поджога, 80, 84, 11—14, Акад. 17, 22—24), въ случаѣ правонарушеній въ закупническихъ отношеніяхъ (Тр. 53—54), въ отношеніяхъ опеки (Тр. 93), въ случаѣ пособничества бѣгству чужихъ холоповъ (Тр. 106, 109), несоблюденія чужой собственности (Тр. 107 — 108); обязанность удовлетворить потерпѣвшаго возникаетъ также изъ отвѣтственности господина за своихъ рабовъ и закуповъ (Тр. 57, 58, Кар. 127, 130, Тр. 111, 114—115). Удовлетвореніе имѣетъ въ виду возмѣстить какъ матеріальный, такъ и психическій ущербъ (Тр. 58: гривна кунъ *за соромъ;* 71, 72: *за муку*) и фигурируетъ рядомъ съ мѣрами, наказующими правонарушителя, такъ съ потокомъ и разграбленіемъ (Тр. 79), съ продажами (Тр. 61, 68, 69, 71—78, 80, съ полувирой въ ст. 21), съ частнымъ штрафомъ (Акад. 2, въ 58 Тр. альтернативно съ местью потерпѣвшаго). Матеріальное удовлетвореніе состоитъ въ денежномъ возмѣщеніи понесённаго ущерба (ущербъ называется *проторомъ*, *пагубой*, Тр. 33, 79, 80 etc.; Акад. 2: *а лѣтцю мьзда*, а сумма, коей онъ покрывается, *урокомъ*, Тр. 41, 80, 84, 114) и въ выдачѣ потерпѣвшему правонарушителей, если послѣдними

были рабы (Тр. 58, 115 etc., Тр. 111, Карамз. 127, 130). Рядомъ съ таксированіемъ ущерба, при чемъ таксируются и поврежденные члены (Тр. 11—14, 40—42, 21, 24: *а самому гривна за рану, за вѣкъ 10 гривенъ*; 61: *а за зубъ гривна*—и мног. друг.), принимаются мѣры къ наиболѣе точному опредѣленію и возмѣщенію ущерба (Акад. 17 etc., Карамз. 130).

На субъективный моментъ также встрѣчаются указанія при установленіи удовлетворенія: такъ въ случаяхъ кражи и мошенничества (loci citati, Карамз. 127: оже гдѣ холопъ *выльжетъ* коня), въ случаѣ истребленія чужой собственности (Тр. 80: пакощами), пособничества бѣгству чужихъ рабовъ (Тр. сп. 106, 109); въ случаѣ незадержанія посадникомъ бѣглаго холопа первый тогда только обязанъ удовлетворить потерпѣвшаго, если онъ не арестовалъ холопа *вѣдая* (Тр. 108), и въ другихъ случаяхъ. Что же касается до непризнанія юридическихъ послѣдствій сдѣлокъ (etc. Предварит. Юрид. Свѣд. Калачова ст. X), то здѣсь, что̀ очень любопытно, имѣется въ виду субъективный элементъ со стороны контрагента, терпящаго ущербъ отъ договора, признаніе юридическихъ послѣдствій сдѣлки поставлено въ зависимость отъ вмѣненія потерпѣвшему. Такъ если потерпѣвшій зналъ (въ текстѣ *вѣдая*), что онъ заключаетъ сдѣлку съ недѣеспособнымъ (съ холопомъ, Карамз. 127), что онъ покупаетъ вещь не отъ собственника (холопа, Тр. 112), то онъ лишается правъ, возникающихъ изъ договора; въ Тр. 51 отъ *вѣдѣнія* потерпѣвшаго, что онъ заключаетъ договоръ съ задолжавшимъ, поставлено его privilegium exigendi.

Все вышеприведенное приводитъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. I. Право Русской Правды представляется достаточно развитымъ, судя по тому значенію, которое право придаетъ субъективному моменту для вопроса о наказуемости правонарушенія. Субъективный элементъ то прямо является въ числѣ признаковъ правонарушенія, то обязательно добавляется къ извѣстнымъ точно опредѣленнымъ признакамъ правонарушенія. Мы однако не отрицаемъ, что Правда могла объявлять наказуемыя дѣянія, игнорируя совершенно субъективный моментъ, о чемъ будетъ сказано ниже. Приводя съ одной стороны случаи невмѣненія субъективнаго состоянія Тр. 20, гдѣ поэтому не имѣетъ мѣста наказаніе, Правда, какъ мы видѣли, въ очень многихъ случаяхъ связываетъ свои уголовныя наказанія и частные штрафы съ правонарушеніями, въ составѣ коихъ находится субъективный элементъ, и тамъ, гдѣ нѣтъ вины, нѣтъ и мѣста для наказанія, а только существуетъ обязанность возстановить нарушенное право (Тр. 50). Но любо-

пытнѣе всего то, что Правда иногда даже возмѣщеніе ущерба и непризнаваніе юридическихъ послѣдствій сдѣлки связываетъ съ наличностью субъективнаго элемента, такъ что гдѣ нѣтъ вмѣненія, нѣтъ и возмѣщенія ущерба (loci citati; срв. Тр. сп. 106, 108, 109, 112 и др.). Такое проведеніе субъективнаго элемента хотя бы до извѣстной степени въ нарушеніяхъ не только публичнаго, но и частнаго (о чемъ ниже) права, особенно въ связи съ возмѣщеніемъ ущерба, совпадающее съ требованіями теоріи (Thon, Rechtsnorm, II § 10; Ed. Hertz, Das Unrecht und die allg. Lehrb. d. Strafr., I § 4; H. Hälschner, Das Gem. d. Strafrechts, I § 10; рѣзкое проведеніе субъективнаго элемента составляетъ одну изъ сильныхъ сторонъ римскаго права, Ihering, Schuldmoment въ Vermischte Schriften IV), свидѣтельствуетъ объ извѣстной развитости права Русской Правды.

Въ отношеніи вмѣненія правонарушеній Правда не различаетъ степени вины и знаетъ только противоположность между вмѣняемыми и случайными правонарушеніями. Понятіе неосторожности, повидимому, еще не выдвигается Правдой, и то субъективное состояніе, которое теперь выдѣлено какъ неосторожность, можетъ быть присуще какъ дѣяніямъ, которыя Правдой признаются какъ вмѣняемыя (напр., въ ст. 55 Тр.: *биешь ли не смысля пьянъ*, т.-е. господинъ закупа, *а безъ вины, то платежь*; или въ ст. 108: *вѣдѣніе* посадника), такъ и дѣяніямъ, которыя Правдой признаются случайными (Тр. 50). Поэтому Правда нерѣдко пользуется для характеристики субъективнаго элемента въ данномъ правонарушеніи такими общими выраженіями, какъ „вина", „виноватъ" (Троиц. сп. 20, 50, 55, 83, 84), не различающими степеней виновности. Короче сказать, принципъ неосторожности еще не дифференцировался юридически отъ умышленнаго, и въ этомъ отношеніи Правда стоитъ въ одномъ положеніи съ древнѣйшимъ римскимъ и германскимъ правомъ (срв. Schulin, Lehrbuch der G. des Rom. R. § 37; Brunner, Deut. Rg. II, § 125; случай и неосторожность скрывались въ древнегерманскомъ правѣ въ понятіи Ohngefähr, отъ fâra—умыселъ).

Для обозначенія субъективнаго момента, обусловливающаго вмѣненіе, въ Правдѣ установились термины: *вѣдать* (Тр. 106, 108, 109), *вина*, *виноватъ* (loci citati); въ другихъ случаяхъ Правда, сообразно своему характеру, даетъ казуистическія описанія, напр.: *аще господинъ переобидить закупа* (Тр. 55, Акад. 14, 18), *а въ безумьи чюжь товаръ испортить* (Тр. 50)—и др. Иногда субъективный моментъ описывается выраженіями, указы-

вающими на низкіе мотивы, въ родѣ: *а кто пакощами конь порѣжеть* (Тр. сп. 80), *оже гдѣ холопъ вылжетъ коня* (Карамз. 127; срв. ст. 132). Въ современныхъ Правдѣ и въ позднѣйшихъ памятникахъ умыселъ точно также является съ оттѣнкомъ низменности и называется, какъ въ Русской Правдѣ (Тр. 80) пакостью (Догов. Новгород. съ нѣмц. 1195 ст. 1, Смоленск. дог. 1229 ст. 30, 44), *хитростью* (Судебн. 1497 ст. 55: безхитростно; Улож. X, 224: что онъ учинилъ то хитростью). Весьма вѣроятно, что указываемые всѣми этими терминами мотивы имѣли вліяніе на оцѣнку правонарушенія со стороны его наказуемости. Мы потому еще обратили вниманіе на это обстоятельство, что и въ римскомъ и германскомъ правѣ понятіе умысла до поздняго времени оставалось несвободно отъ этихъ примѣсей и было именно связано съ унизительными мотивами: такъ въ древненѣмецкомъ правѣ умыселъ fâra происходитъ отъ глагола fârên intendere, insidiari (Brunner, Deut. Rg. § 125, также per malum ingenium, per invidiam, inimicitiam, въ лонгобардскомъ правѣ de asto; также въ римскомъ правѣ dolus malus; срв. Fr. Liszt, Lehrbuch des d. Strafr. § 38, II; срв. Windscheid, Pandekten I, § 101, № 6). Приведенныя выраженія Русской Правды представляютъ любопытныя данныя для вопроса о томъ, какъ характеризовался въ то время субъективный элементъ правонарушенія. Въ однихъ случаяхъ Правда характеризуетъ его словомъ *вѣдать*, какъ предвѣдѣніе правонарушительнаго результата, и въ этомъ отношеніи приближается къ современной Vorstellungstheorie умысла. Такая точка зрѣнія удержалась и впослѣдствіи въ практикѣ древняго слѣдственнаго суда (Уставная кн. разбойн. прик. 32—35, Улож. XXI 64, 65, 88, XXV 6, прибав. къ Уставн. кн. разбойн. прик. у Владим.-Буданова ст. 13), примѣняясь главнымъ образомъ, какъ и въ Русской Правдѣ, къ имущественнымъ правонарушеніямъ. Но въ другихъ случаяхъ Правда описываетъ внутреннее состояніе дѣятеля словами: *пакощами*, *въ обиду* (въ позднѣйшемъ правѣ: *хитрость*, умышленье и др.; срв. Улож. XXII, 8: *хотя его убити*), очевидно понимая послѣднее какъ желаніе правопротивнаго результата или даже какъ намѣреніе воспроизвести послѣдній, и въ этихъ случаяхъ напоминаетъ Willenstheorie умысла. Послѣдняя точка зрѣнія на вину преобладала въ нашемъ древнемъ правѣ и даже оставила слѣды въ нашемъ современномъ уголовномъ законодательствѣ (Сергѣевскій, Русск. угол. право, стр. 273—274).

Такими же пріемами, какъ при опредѣленіи вины, Правда пользуется при опредѣленіи случайныхъ дѣйствій, которыя,

какъ было указано выше, изображаются ею какъ „*пагуба отъ Бога*“ (Тр. 50). Обстоятельства, на которыя указываетъ Правда, какъ исключающія вмѣненіе, какъ указывающія на случайность правонарушенія—*аже которыи купець, кдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь* (Тр. 50),— весьма напоминаютъ тѣ случаи, которые въ римскомъ правѣ характеризуются какъ vis major (срв. Dig. XIII, 6 l. 18 pr. *latronum hostiumne incursus naufragium, incendium etc.*), такъ что невольно напрашивается предположеніе о вліяніи римскаго права черезъ византійское.

Въ приведенныхъ выше статьяхъ Русской Правды бросается въ глаза съ одной стороны распространеніе предѣловъ вмѣняемости, съ другой наказуемости въ сферѣ правонарушенія. Что субъективный элементъ принимается въ извѣстной мѣрѣ Правдой при оцѣнкѣ правонарушенія, въ этомъ она не стоитъ въ противорѣчіи съ современными юридическими представленіями. Но когда Правда *вмѣняетъ* безусловно правонарушеніе, считаетъ дѣятеля безусловно виновнымъ, когда, напримѣръ, человѣкъ, не отведшій отъ себя слѣда, или обладатель чужой вещи, не могущій указать своего auctor'а (Тр. 70; срв. статьи о сводѣ въ Правдѣ, въ Псковской граматѣ), считается татемъ, хотя бы онъ во всѣхъ указанныхъ случаяхъ поступалъ bona fide, когда купившій холопа не у собственника или же владѣющій чужимъ холопомъ, или же содѣйствующій послѣднему въ бѣгствѣ считаются нарушившими право съ *вѣдѣніемъ* и должны очиститься отъ этого *вѣдѣнія* (Тр. 109, 112), хотя бы опять-таки дѣйствовали вполнѣ добросовѣстно,—во всѣхъ этихъ случаяхъ элементъ вины съ точки зрѣнія нашихъ юридическихъ понятій переступаетъ свои естественные предѣлы. Стремленіе вносить субъективный элементъ въ составъ правонарушенія сказывается, какъ намъ кажется, въ подобныхъ опредѣленіяхъ Правды, какъ *аже господинъ переобидить закоупа, а оувидить купу его іли отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ* (Тр. 55), или: *да аще боудеть обидя не вдалъ боудеть достойно емоу свой скотъ, а за обиду 3 гривны* (Акад. 14), и другія. Повидимому въ данныхъ выраженіяхъ не столько указывается присутствіе умысла въ составѣ преступленія, сколько дѣлается на него заключеніе изъ внѣшней обстановки правонарушенія. И въ современныхъ кодексахъ, и въ римскомъ правѣ субъективные элементы, dolus и culpa играютъ роль въ регулированіи отвѣтственности изъ правонарушенія, но всѣ эти субъективные элементы входятъ въ составъ правонарушительнаго

дѣянія, а не вносятся необходимымъ образомъ въ внѣшнюю обстановку правонарушенія. Такое привнесеніе элемента вины практикуется не только въ области публичныхъ (напр. нѣкоторые проступки, указанные въ Тр. ст. 70), но въ широкихъ размѣрахъ и въ сферѣ гражданскихъ правонарушеній (Тр. 50, 109, 112, случаи владѣнія чужими вещами въ сводѣ etc.). Впрочемъ такое распространеніе элемента вины за его естественные предѣлы (съ нашей точки зрѣнія) свойственно не только Русской Правдѣ, но и германскому праву въ раннихъ стадіяхъ (Brunner, Deut. Rechtsgesch. II § 124).

Такое деликтное настроеніе древняго права проявляется между прочимъ и въ томъ, что право даетъ болѣе рѣзкія, чѣмъ мы ожидали бы, квалификаціи правонарушеніямъ, напр., трактуетъ какъ воровство проступки, указанные въ Тр. 70, трактуетъ самоуправство какъ грабежъ и запечатаніе документа въ ненадлежащемъ мѣстѣ какъ измѣну (см. статьи 48, 50, 67, 82 Псковской Судн. граматы). Весьма вѣроятно, что и терминъ *обида*, употребляющійся Правдой для обозначенія всякаго правонарушенія (см. выше), находитъ себѣ объясненіе въ такомъ настроеніи права и среды, въ которой дѣйствовало послѣднее. Разъ правонарушитель eo ipso считался виновнымъ, въ дѣятелѣ предполагался злой умыселъ, естественно правонарушеніе чувствовалось потерпѣвшимъ какъ обида, оскорбленіе. Преступленіе въ Русской Правдѣ все еще понимается какъ *нападеніе на личность*, какъ нравственная боль, причиненная потерпѣвшему нарушеніемъ его интересовъ; такой оттѣнокъ особенно чувствуется въ вышеприведенныхъ Акад. 14, Тр. 55 (срв. также Договоръ Новгород. съ нѣмц. 1195, ст. 14, срв. Уставн. Двин. гр. ст. 22, съ Русск. Правд. Акад. ст. 2: слово обида смѣняется словомъ *безчестье*; также Судебн. II, 24).

Наконецъ деликтное настроеніе Правды сказывается въ томъ, что она во многихъ случаяхъ установляетъ возмѣщеніе ущерба и даже частныя и публичныя наказанія, игнорируя внутреннюю сторону правонарушенія, знаетъ наказаніе безъ вины, въ чемъ опять-таки она совпадаетъ съ древними памятниками римскаго и германскаго права (такъ называемый объективный критерій правовой реакціи, о чемъ для древняго римскаго права много у Ihering'а въ его Schuldmoment). Такъ, напр., уголовную реакцію вызываютъ не только такія правонарушенія, какія караются уголовными наказаніями въ современныхъ кодексахъ, какъ, напр., кража или убійство, но и такія, которыя въ современномъ правѣ влекутъ за собою уголовную реакцію только

при наличности вины дѣятеля и при особенной ихъ опасности для правового порядка (Liszt, Lehrbuch des deut. Strafr. § 24), въ противномъ же случаѣ являются ненаказуемыми, напр., неисполненіе обязательства.

Такая объективная точка зрѣнія проведена Правдой тамъ, гдѣ она регулируетъ месть со стороны потерпѣвшаго или его родичей. Указывая случаи, въ коихъ допускается месть, Правда совершенно игнорируетъ вопросъ, былъ ли виновенъ или нѣтъ дѣятель (Акад. сп. 1, 2, 3, 5, Троиц. сп. 1, 2, 58, убійство, увѣчья, побои). Далѣе, уголовное наказаніе, именно продажу, влечетъ за собой цѣлый рядъ правонарушеній, при установленіи состава коихъ Правда даже и не говоритъ о наличности вины дѣятеля, напр., нанесеніе ранъ, увѣчій, мученій, преступленія противъ чести (Тр. 18, 22, 23, 25, 60, 61, 71, 72 etc.), неправомѣрное пользованіе чужимъ имуществомъ (Карамз. 28), повреждeніе и истребленіе чужого имущества, бортей, сѣтей, чужихъ холоповъ, межевыхъ знаковъ (Тр. 64—66, 68, 74, 84; срв., напр., наше Улож. о наказаніяхъ, гдѣ для уголовной реакціи противъ истребителя чужого имущества требуется въ случаѣ поврежденія пограничныхъ межъ „*намѣреніе присвоить себѣ или кому-либо другому часть чужой недвижимой собственности или для иной также противозаконной цѣли*", ст. 1605 по изданію 1885 г.; въ случаѣ поджога, умыселъ ст. 1606, 1609, 1612 — 1614, 1615, *за умышленное по злобѣ или мщенію истребленіе огнемъ;* въ другихъ случаяхъ срв. ст. 1616—1624 ibid.), правонарушенія въ сферѣ закупническихъ отношеній (Тр. 53—55), наконецъ, владѣніе чужимъ имуществомъ (Тр. 26, 28), которое теперь ненаказуемо и ведетъ только къ возмѣщенію ущерба (Св. Зак. X, ст. 609—643). Поджогъ гумна влечетъ за собой потокъ и разграбленіе, при чемъ Правда также ничего не говоритъ о винѣ дѣятеля (Тр. 79). Равнымъ образомъ частными наказаніями караются такія правонарушенія, которыя теперь ненаказуемы, ибо правонарушеніе можетъ совершиться въ состояніи bona fides, какъ напр. неисполненіе обязательства (Акад. 14, Тр. 43). Таковая же точка зрѣнія прилагается нерѣдко и къ возмѣщенію ущерба (напр. Троиц. сп. 58, 61, 68, 71, 72, 74, 79—82 и друг., loci citati). Мы должны заключить нашъ очеркъ общимъ замѣчаніемъ, что Правда далеко не одинаковымъ образомъ трактуетъ вопросъ о внутренней сторонѣ правонарушенія. Лишь въ нѣкоторыхъ правонарушеніяхъ она требуетъ для бытія наказуемой неправды наличности субъективнаго элемента и этимъ самымъ приближается къ нашимъ юридическимъ представленіямъ,

исходя, впрочемъ, изъ неразвитаго, недифференцированнаго представленія о внутренней сторонѣ дѣянія. Въ большинствѣ же случаевъ Правда либо заключаетъ изъ внѣшней обстановки правонарушенія на бытіе субъективнаго элемента, такъ сказать примышляетъ внутреннюю сторону правонарушенія къ наличной внѣшней, либо же проводитъ чисто объективную точку зрѣнія на наказаніе и возмѣщеніе ущерба—игнорируетъ совершенно внутреннюю сторону дѣянія. Деликтное настроеніе Правды сказывается между прочимъ и въ болѣе интенсивной квалификаціи отдѣльныхъ правонарушеній.

П. Бѣляевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

МИРОВЫЕ СУДЬИ И ИХЪ ПРЕЕМНИКИ.

(Итоги сравнительной параллели.)

Мудреное было время, въ которое земскій начальникъ смѣнилъ мирового судью. Историкъ, юристъ и соціологъ одинаково заинтересуются имъ: какъ въ кодификаціонной нормѣ, такъ и въ своемъ воплощеніи оба института служатъ яркими типическими выразителями создавшихъ ихъ общественныхъ настроеній двухъ смѣнившихся эпохъ.

Недалеко ушло это время, а кажется, будто пережиты долгіе, долгіе годы. По отношенію къ благоденствію нашего судебнаго строя, время это напоминаетъ севастопольское сидѣніе, когда мѣсяцъ обороны зачислялся осажденнымъ за годъ и на дѣлѣ чувствовался не короче его. Въ постоянной тревогѣ, поддерживаемой послѣдовательно возвѣщавшимся рядомъ новеллъ, изъятій и компромиссовъ, это „*переходное*" (будемъ вѣрить оптимистамъ) время тянулось невыразимо долго. Тяжелыя минуты приходилось переживать судебнымъ уставамъ, и искреннимъ друзьямъ ихъ, вѣрнымъ завѣтамъ 1864 года, минуты эти должны были казаться вѣчностью. Переживался моментъ, подобный тому, когда слѣдишь, напр., за человѣкомъ, находящимся въ той или иной опасности, съ замирающимъ сердцемъ наблюдая, какъ онъ переходитъ пропасть по зыбкимъ мосткамъ, борется съ волнами, переплывая рѣку, или идетъ по тонкому, хрупкому льду: сгибнетъ ли онъ на пути или благополучно достигнетъ желаннаго брега?..

Сегодня на очереди вопросъ о переименованіи „судебныхъ уставовъ Императора Александра II" въ подлежащій томъ свода законовъ, завтра—объ ограниченіи ограниченной уже компетенціи суда присяжныхъ засѣдателей, послѣ-завтра—о замѣнѣ кас-

саціоннаго порядка ревизіоннымъ и т. д. Наврядъ ли, конечно, каждая изъ подобныхъ новеллъ могла имѣть шансы на свое осуществленіе, но попытки эти были характерны, какъ знаменія времени и общественнаго правосознанія.

Кому или чему, въ самомъ дѣлѣ, мѣшало дорогое Россіи имя незабвеннаго законодателя? Оно представляло собою надежнѣйшій оплотъ противъ вторженія всяческихъ новеллъ, чуждыхъ духу законодательнаго памятника, такъ еще недавно во всеуслышаніе признаннаго „славой и гордостью минувшаго царствованія“; чтобы ввести въ него эти новеллы, надо было стереть присвоенное ему имя,—имя, украсившее одну изъ самыхъ свѣтлыхъ страницъ нашей исторической лѣтописи. Такъ спускается императорскій флагъ съ вѣнчающаго опустѣвшій дворецъ шпиля, чтобы открыть свободный доступъ постороннимъ посѣтителямъ. И посѣтители собираются. Это—обычная публика, обозрѣвающая столичныя достопримѣчательности: пріѣзжіе изъ провинціальныхъ захолустій старички и старушки, праздношатающіеся юнцы и всякаго рода разночинцы. Въ своихъ и модныхъ и допотопныхъ костюмахъ они важно расхаживаютъ по роскошной амфиладѣ залъ; имъ любо топтать своими смазными сапогами мозаичные полы, тыкать пальцами въ драгоцѣнные гобелены и высказывать о художественныхъ коллекціяхъ сужденія, вызывающія улыбку даже на неподвижной физіономіи сопровождающаго ихъ камеръ-лакея. Послѣ этихъ посѣтителей обыкновенно моютъ полы и отворяютъ окна; такъ, по крайней мѣрѣ, обстояло дѣло въ прежнія времена.

Чѣмъ предполагалось, далѣе, замѣнить судъ присяжныхъ? Не коронными ли судами, давно уже страдающими апатіей, рутиннымъ формализмомъ и т. п. недомоганіями, которыхъ не зналъ, не знаетъ и никогда не будетъ знать вѣчно освѣжаемый, вѣчно живой и отзывчивый судъ общественной совѣсти? Не декораціонными ли сословными представителями въ странствующихъ палатахъ, тратящихъ сотни казенныхъ рублей и дѣлающихъ сотни верстъ ради какой-нибудь бабы, отказавшей отворить свои ворота передъ деревенскими мытарями, пришедшими за ея послѣдней коровой?

Въ силу какихъ соображеній, наконецъ, взамѣнъ кассаціоннаго, объединяющаго трибунала, рекомендовался дореформенный ревизіонный порядокъ, при которомъ, вмѣсто живого слова человѣка, скрипѣли гусиныя перья, наглухо запиралась дверь въ присутственную камеру, но зато широко раскрывалась та, что вела въ квартиру судьи?..

Все это—„покушенія, остановленныя обстоятельствами, отъ собственной воли независящими". И благо еще, что существуютъ пока эти обстоятельства, хотя сдерживающая, благодатная, защитная сила ихъ замѣтно ослабѣваетъ,—ослабѣваетъ соразмѣрно смѣнѣ двухъ чередующихся поколѣній. Въ позднѣйшемъ изъ нихъ нѣтъ вѣрующей любви къ основамъ, на которыхъ преобразовывалось отечественное правосудіе. Это поколѣніе, въ данномъ случаѣ, „безъ догмата". Оттого ли, что оно не видало „неправды черной", царившей въ прежнихъ судахъ, оттого ли, что не присутствовало при „водвореніи правды и милости", призванныхъ царить въ новыхъ, оттого ли, что оно вообще противъ какихъ бы то ни было идеаловъ—Богъ вѣдаетъ. Современники этого „водворенія" мало-по-малу сходятъ со сцены и умираютъ съ завѣщаніемъ, „къ исполненію неутвержденнымъ"... А они *вѣрили* и *любили*, потому что *знали* и *видѣли:* дороже и ближе намъ человѣкъ, ранніе, дѣтскіе годы котораго протекли на нашихъ глазахъ, за воспитаніемъ котораго мы любовно слѣдили, который веселилъ наше сердце своею первою улыбкою, рѣзвился и шалилъ у насъ на рукахъ; къ человѣку же, котораго мы узнали лишь въ зрѣломъ возрастѣ, мы, естественно, болѣе равнодушны, а если его идеалы расходятся съ нашими, то и холодны. Не въ этомъ ли корень того взаимнаго непониманія, тѣхъ ѣдкихъ и до боли жгучихъ споровъ, которые ведутъ подчасъ старые съ молодыми, бесѣдуя о современныхъ судебныхъ порядкахъ, пока, подъ гнетомъ одна на другую наростающихъ новеллъ, еще не утратился и самый предметъ спора?

Почва, на которой велись эти споры и выростали эти новеллы, была несомнѣнно вулканическаго происхожденія, и, стоя на колеблемой поверхности, нельзя было не ощущать постоянной тревоги, нельзя было быть „увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ" нашего судебнаго дѣла. Не отсутствіемъ ли этой увѣренности слѣдуетъ объяснить то охлажденіе общественнаго и профессіональнаго интереса къ этому дѣлу, на которое такъ часто и такъ справедливо теперь жалуются? А кратеръ давно уже дѣйствуетъ и до сихъ поръ продолжаетъ свою работу. Зачастую дѣло ограничивается подземнымъ гуломъ или незначительными сотрясеніями почвы, но случаются и изверженія: густой дымъ взвивается на верхушкѣ, разверзается жерло, и хлещущая оттуда лава превращаетъ стоящіе на пути грады въ новообразованія вулканическаго происхожденія. Отношеніе, въ которомъ стоитъ наше законодательное движеніе къ общественному настроенію, опредѣлится довольно точно, если первое мы уподо-

бимъ поверхности кратера, а второе—его клокочущему нутру, стремящемуся выбросить на поверхность то, что давно и, казалось, на-вѣки было погребено въ его нѣдрахъ. Въ этомъ взаимоотношеніи нѣтъ, слава Богу, какой-либо твердой системы, какого-либо опредѣленнаго плана, и изверженія прорываются наружу тамъ только, гдѣ, благодаря случайнымъ космическимъ условіямъ, внѣшняя кора рыхлѣе, податливѣе и внутренній напоръ интенсивнѣе. Вслѣдствіе этого мы видѣли вожделѣнія, не получившія успѣха, но видѣли и такія, которыя, идя вразрѣзъ съ общимъ законодательнымъ направленіемъ, добивались, однако, своей санкціи, видѣли правовые конгломераты изъ несоединимыхъ по своей природѣ элементовъ, видѣли капризнѣйшія сочетанія, естественныя лишь въ сновидѣніи. Замѣчательно, что всякій разъ, какъ только показывался дымъ на верхушкѣ кратера, простодушные обыватели окрестныхъ долинъ кричали: „пожаръ, пожаръ!“ и стремились на гору съ ведрами и баграми, не подозрѣвая о томъ, что причина—въ глубоко сокрытыхъ нѣдрахъ ея. Тамъ, гдѣ нуженъ свѣтъ и только свѣтъ—рекомендовались предначертанія; тамъ, гдѣ нужно изслѣдованіе—писались рецепты.

Во всякомъ случаѣ, борьба и временные компромиссы, побѣды и пораженія—все это не такъ страшно, какъ устойчивая, безповоротная реакція, безпощадно и неуклонно совершающая свое сокрушительное дѣло. Въ первомъ случаѣ при всей хаотической пестротѣ положенія, возможны и реализуемая оцѣнка и осуществимыя указанія, лишь бы всѣ симптомы эволюціи совершались на глазахъ у всѣхъ, и вотъ почему нельзя не пожалѣть, что оглашавшіеся прежде въ такомъ обиліи факты изъ дѣятельности земскихъ начальниковъ вдругъ почему-то съ начала 1893 года перестали оглашаться, и надъ этою дѣятельностью временно раскинулся едва проницаемый покровъ. Молчаливый перерывъ закончился къ концу 1894 года, когда, вмѣстѣ съ вѣстями о пересмотрѣ положенія о земскихъ начальникахъ и слухами о занятіяхъ учрежденной при министерствѣ юстиціи комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, въ періодической печати снова зашла рѣчь о дѣятельности института, на этотъ разъ болѣе откровенная и болѣе рѣшительная: къ частно корреспондирующимъ протестантамъ примкнули и оффиціальныя ходатайства нѣкоторыхъ земствъ и даже дворянскихъ собраній. Какъ и отчего послѣдовалъ этотъ перерывъ,—потому ли, что былыя нарушенія моментально и повсемѣстно прекратились, оттого ли, что затруднилось стороннее наблюденіе, оттого ли, что

de mortuis aut bene aut nihil—рѣшить мудрено. Это скажетъ намъ лишь будущій историкъ института. Ему же, объективному изслѣдователю былого, придется констатировать и разъяснить и теперь уже рѣзко обособившійся между однородными прецедентами фактъ небывалой уступчивости законодательства передъ общественнымъ настроеніемъ среды, проводившимъ тенденціи, совершенно чуждыя уже усвоеннымъ имъ ранѣе и, въ общемъ, еще не поколебленнымъ принципамъ,—уступчивости, въ особенности широкой по отношенію къ данному институту, несмотря на всю несомнѣнность его вулканическаго происхожденія.

Намѣреваясь выяснить въ настоящемъ изложеніи роль и значеніе, которыя занялъ этотъ институтъ въ ряду другихъ учрежденій существующаго государственнаго и общественнаго строя, мы воспользуемся сравнительнымъ методомъ изслѣдованія и въ двухъ направленіяхъ: въ кодификаціонной нормировкѣ функціи и въ ея бытовомъ проявленіи. Кромѣ того, оба направленія мы прослѣдимъ въ параллели, образуемой упраздненнымъ мировымъ судомъ, съ одной стороны, и ставшимъ на его мѣсто преемственнымъ институтомъ—съ другой,—параллели, на этотъ разъ очень удобно и наглядно объясняющей дѣло. Въ такомъ перекрестномъ освѣщеніи эта роль и это значеніе могутъ быть выяснены и опредѣлены не только въ прошломъ и настоящемъ, но и въ своемъ будущемъ.

I.

Не преждевременна ли такая резюмирующая параллель?—спроситъ осторожный читатель. Мировые судьи дѣйствовали безъ малаго четверть вѣка, земскіе же начальники — лишь нѣсколько лѣтъ и на сравнительно меньшей территоріи?

Совершенно вѣрно, но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ условія соизмѣряемости опредѣляются не временемъ и пространствомъ, *а сущностью самой организаціи* двухъ соизмѣряемыхъ величинъ. Въ природѣ мы видимъ организмы, для полнаго развитія которыхъ требуются цѣлые годы, и рядомъ съ ними видимъ другіе, процессъ развитія которыхъ совершается и заканчивается въ нѣсколько часовъ, чуть не на нашихъ глазахъ. Сколько лѣтъ нужно, напр., брошенному въ землю жолудю, чтобы изъ него выросъ могучій, вѣтвистый дубъ, а тутъ же подъ нимъ какой-нибудь дождевикъ готовъ въ одну ночь; онъ весь тутъ налицо, созрѣлъ и опредѣлился. Чѣмъ выше и сложнѣе струк-

тура организма, тѣмъ бо̀льшими обладаетъ онъ задатками дальнѣйшаго развитія и тѣмъ продолжительнѣе періодъ этого развитія. До полнаго окончанія этого періода будетъ, конечно, рискованной всякая попытка опредѣлить его судьбу и обозначить его роль; но совершенно инымъ представляется этотъ вопросъ тамъ, гдѣ передъ нами является организмъ пониженный, упрощенный и, какъ вылупленное яичко на ладони, вполнѣ опредѣлившійся.

Такъ стоитъ дѣло въ природѣ. Такъ же стоитъ оно и въ человѣческой культурной эволюціи: выяснить и усвоить себѣ значеніе реформаціоннаго, напр., движенія, предпринятаго Лютеромъ и длившагося цѣлые вѣка, гораздо труднѣе, нежели понять и опредѣлить короткую историческую миссію какого-нибудь отважнаго завоевателя. Приближаясь къ нашей темѣ, мы видимъ, напр., государственно-правовые институты, имѣющіе за собою цѣлую вѣковую литературу, но видимъ и такіе, о которыхъ не сказано и слова. Кто помнитъ, напр., французскихъ судебно-полицейскихъ prévôts de la maréchaussée, подвизавшихся наканунѣ провозглашенія принципа раздѣленія властей судебной и административной и назначавшихся изъ среды арміи и крупнопомѣстнаго дворянства?

Мировой институтъ дѣйствовалъ безъ малаго 25 лѣтъ и, несмотря на то, къ моменту его упраздненія нельзя было съ полной увѣренностью сказать, что циклъ его развитія завершился, что онъ далъ все, чего отъ него ждали, и больше дать уже не можетъ. О достоинствахъ и недостаткахъ института велись горячіе споры, и опредѣлить *точно и добросовѣстно* его значеніе стало возможнымъ *лишь теперь*, когда гордіевъ узелъ страстнаго отношенія къ предмету спора разрубился мечомъ, когда смолкли восторженныя похвалы и неистовыя порицанія, и когда судьба помогла этой задачѣ, пославъ упраздненному институту удобопонятнаго преемника и тѣмъ открывъ дорогу обоюдо-сравнительному наблюденію. Запоздавшею оказалась эта возможность оттого, что институтъ, помимо своей сложной и возвышенной организаціи, обладалъ и необыкновенною живучестью; онъ жилъ своею молодою, еще неуравновѣшенною жизнью и на цѣлую голову былъ выше своихъ сверстниковъ. Живымъ легъ онъ и въ свой неожиданный гробъ; но не совершенъ еще обрядъ полнаго погребенія: мѣстами институтъ живетъ и дѣйствуетъ до сихъ поръ. Правда, этихъ оазисовъ оставлено немного; но они— не обломки разрушеннаго зданія, уцѣлѣвшіе среди общаго крушенія и сохранившіе лишь археологическій интересъ, а корни,

глубоко засѣвшіе въ землѣ, — корни жизнеспособные,—жизнеспособные до того, что неприкосновенность ихъ оказалось необходимымъ оговорить въ контрактѣ о продажѣ всего остальнаго лѣса на срубъ. Придетъ время, корни эти разростутся, и попрежнему зазеленѣетъ яркая молодая поросль тамъ, гдѣ теперь среди засухи и безводія гуляетъ на просторѣ вѣтеръ „личнаго усмотрѣнія“ и распоряжается „властная рука“.

Съ полнымъ, слѣдовательно, основаніемъ старѣйшій изъ мировыхъ судей, покойный предсѣдатель московскаго мирового съѣзда, П. Н. Грековъ, отвѣчая на поднесенный ему юбилейный адресъ, могъ сказать слѣдующія знаменательныя слова: „Пожелаемъ искренно и задушевно, чтобы московскій мировой съѣздъ стоялъ несокрушимо на высотѣ своего призванія, строго охраняя тѣ нравственныя основы, на которыхъ онъ сформировался и укрѣпился, и да будетъ онъ освѣщающимъ путь маякомъ для грядущихъ за нами поколѣній, для которыхъ, *я твердо вѣрю*, наступитъ вновь потребность *въ расширеніи мировой юстиціи на все обширное пространство нашего дорогого отечества.*“

Эти „искреннія и задушевныя пожеланія“ и эта „твердая вѣра“ будутъ рости и крѣпнуть въ обществѣ по мѣрѣ ознакомленія его, посредственно и непосредственно, съ развитіемъ дѣятельности преемниковъ мирового суда—земскихъ начальниковъ, и если эта дѣятельность будетъ продолжаться въ томъ же направленіи, какое обозначилось съ ея первыхъ шаговъ, то ожидавшаяся почтеннымъ юбиляромъ эра наступитъ гораздо скорѣе. „Мировому институту, сказалъ намъ недавно одинъ, весьма компетентный въ вопросѣ юристъ, *нужно было это испытаніе, нуженъ былъ этотъ контрастъ* для того, чтобы общество могло по достоинству оцѣнить то, чего лишилось.“ Замѣчаніе глубоко вѣрное. Дѣйствительно, пока человѣкъ здоровъ и благополученъ, онъ не чувствуетъ благъ, которыми спокойно пользуется; напротивъ того, онъ становится неравнодушнымъ къ малѣйшему недомоганію, къ малѣйшей непріятности; но измѣняетъ здоровье, расшатывается благополучіе, и онъ *тогда только* всецѣло начинаетъ понимать всю тяжесть утраты, все ничтожество этихъ недомоганій и непріятностей, и какъ бы охотно примирился онъ съ ними теперь, лишь бы вернуть прежнее здоровье, прежнее благополучіе.

Совершенно въ такомъ положеніи чувствуетъ себя пишущій эти строки, вспоминая былую полемику по поводу статьи его о мировомъ институтѣ (см. „Юрид. Вѣстн.“ 1888 г. №№ 3 и 5). Основ-

ныя начала мирового института, въ рядахъ котораго онъ началъ свою судебную дѣятельность и за развитіемъ котораго онъ слѣдилъ, затѣмъ, въ качествѣ прокурора, до того были близки ему и дороги, что трудно было относиться равнодушно даже и къ второстепеннымъ недочетамъ практики, такъ или иначе искажавшимъ ихъ. Путемъ долгаго и непосредственнаго наблюденія ему нельзя было не убѣдиться, что эти недочеты вызываются съ одной стороны системою назначенія, выразившеюся въ злоупотребленіи выборнымъ началомъ, а съ другой — недостаткомъ юридическаго образованія. Выходъ изъ затрудненія естественно представлялся въ измѣненіи этой системы и въ повышеніи образовательнаго ценза; предлагались для этого временныя мѣры и ни о какомъ колебаніи основъ института не было и не могло быть и рѣчи. Несмотря на то, реакціонная печать, давно уже эти основы колебавшая, воспользовалась случаемъ, чтобы приписать автору цѣли и стремленія, совершенно чуждыя его задачи, и, можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, выводы его были ошибочно перетолкованы и органами иного направленія.

Но дѣло здѣсь не въ этомъ, и если мы сочли нужнымъ вспомнить о былой полемикѣ, то сдѣлали это, главнымъ образомъ, для того, чтобы устранить всякое подозрѣніе въ пристрастіи нашемъ къ мировому институту въ разсматриваемой здѣсь параллели. На ясномъ еще тогда общественномъ горизонтѣ каждое облачко вызывало невольную тревогу; отъ мировой юстиціи, какъ это оказывается теперь, мы требовали слишкомъ многаго и спѣшили поправить то, что современемъ могло бы устраниться само собою, безъ ломки и новеллъ. Но какими ничтожными кажутся намъ эти недочеты въ настоящее время, когда не проходитъ дня, чтобы не пришлось читать или слышать о такихъ явленіяхъ, которымъ вѣришь только потому, что они скрѣплены судебными приговорами, разсказаны лицами, въ правдивости которыхъ не возникаетъ никакого сомнѣнія, или сообщены печатью и никѣмъ и ничѣмъ не опровергнуты.

Кто изъ мировыхъ судей отважился бы, напр., явившись въ нетрезвомъ видѣ на пожаръ, избить и изругать при народѣ священника съ дарами на груди?

Кто изъ нихъ рѣшился бы грозить полицейскимъ городовымъ „бить морды“, если не будутъ ему дѣлать подъ козырекъ?

У кого бы изъ нихъ хватило духу обѣщать сельскому сходу перебить половину собравшихся на немъ „сельскихъ обывателей“, если они вздумаютъ обращаться съ жалобами и прошеніями?

Кто изъ нихъ рѣшился бы объявлять, и также всенародно,

на сельскомъ сходѣ, что „каждый, совершившій похищеніе или не уважающій родителей, будетъ имъ жестоко битъ до суда"?

Кто изъ нихъ оказался бы способнымъ ударить человѣка только за то, что тотъ, не замѣтивъ его, не снялъ предъ нимъ шапки?

Кто изъ нихъ рискнулъ бы брать людей подъ стражу безъ всякаго соблюденія установленныхъ для того правилъ?

Кто изъ нихъ давалъ бы свою санкцію волостнымъ судамъ приговаривать къ тѣлесному наказанію неоплатныхъ должниковъ фиска?

Кому изъ нихъ могло бы придти въ голову и исполниться въ „мѣропріятіи" мысль поощрять земледѣліе путемъ уголовной репрессіи, или, наоборотъ, запрещать крестьянамъ своего участка всякія культурныя его улучшенія?

Кто изъ нихъ оказался бы способнымъ на цѣлую недѣлю арестовать человѣка только за то, что онъ, по обязанности сельскаго старосты, донесъ начальству объ умиравшей съ голоду деревнѣ и кромѣ того жаловаться на священника, также заступившагося за голодающихъ своихъ прихожанъ?

Кто изъ нихъ могъ бы оказаться героемъ пресловутой Лукояновской эпопеи?

Кто изъ нихъ позволилъ бы себѣ „тыкать" на судоговореніи, или обязывать непривилегированнаго обывателя снимать шапку предъ привилегированнымъ? [1])

И т. д., и т. д., и т. д...

Возможно ли было, затѣмъ, встрѣтить въ мировомъ судопроизводствѣ то „безграничное довѣріе къ голословно-заявленнымъ обвиненіямъ или исковымъ требованіямъ, ту безусловную вѣру въ показанія землевладѣльца-обвинителя, или его прислуги, хотя бы опровергаемыя другими доказательствами дѣла, ту необъяснимую ретивость въ охранѣ владѣльческихъ интересовъ во что бы ни стало, ту безцеремонность въ обращеніи съ закономъ",— всѣ эти огульныя, характерныя черты и бьющія въ глаза свойства новаго „опрощеннаго судоговоренія", полусудебнаго-полуадминистративнаго? Возможно ли было въ этомъ, нынѣ упраздненномъ, судопроизводствѣ встрѣтить такія дѣла, какъ, напр., о крестьянкѣ Е—вой, приговоренной ко взысканію въ 42 р. только за то, что она везла свой собственный лѣсъ по дорогѣ, ведущей въ господскую рощу; о крестьянинѣ Ч—вѣ, присужденномъ къ трехмѣсячному аресту за несуществующую порубку;

[1]) „Русск. Вѣд.", „Церковный Вѣстникъ", „Юрид. Вѣстникъ", „Журналъ Гражд. и Угол. Права", „Недѣля", „Новое Время" и др.

о крестьянахъ С. и М. Б—хъ, присужденныхъ къ двухнедѣльному аресту, благодаря тому, что уединенную помѣщичью усадьбу судья квалифицировалъ „публичнымъ мѣстомъ"; о крестьянинѣ П—вѣ, рисковавшемъ десятидневнымъ арестомъ за заочную и, слѣдовательно, ненаказуемую брань; о крестьянахъ П—вѣ и С—вѣ, приговоренныхъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію за „дѣяніе", въ которомъ послѣ двукратнаго въ двухъ судахъ разсмотрѣнія дѣла не было обнаружено и тѣни какой-либо преступности; о сельскомъ обществѣ деревни И—вой, присужденной ко взысканію 135 р. за потраву на нанятой ими для пастьбы своего скота землѣ—и т. д.

Въ этомъ скорбномъ перечнѣ мы взяли на выдержку лишь нѣсколько характеризующихъ положеніе дѣла фактовъ, констатированныхъ судебными приговорами, напечатанными или въ публичныхъ засѣданіяхъ объявленными; о массѣ подобныхъ же и еще болѣе удивительныхъ фактовъ, циркулирующихъ въ устной передачѣ, мы, по весьма понятнымъ причинамъ, здѣсь совершенно умалчиваемъ, хотя бы и они отличались тою же несомнѣнною достовѣрностью. И, все-таки, все это—лишь ничтожная, микроскопическая доля наличнаго статистическаго матеріала, доступнаго, какъ это всѣмъ извѣстно, лишь случайному и частичному обнаруженію: извѣстно, какъ относятся земскіе начальники къ попыткамъ обжалованія своихъ рѣшеній и приговоровъ; извѣстно, какими тяжелыми условіями обставлено это право въ нашей деревенской, безграмотной и неимущей средѣ; извѣстно, наконецъ, какъ трудно какое бы то ни было постороннее наблюденіе за ея правовою жизнію. Поэтому, въ данномъ случаѣ, передъ нами—лишь невысокія, видимыя съ берега волны морского прибоя, по которымъ безошибочно заключаютъ о высотѣ волненія въ открытомъ, съ этого берега невидимомъ „окіянъ-морѣ" и о тѣхъ безчисленныхъ кораблекрушеніяхъ, жертвахъ и аваріяхъ, которыя скрыты въ его бездонныхъ пучинахъ.

II.

Но и эти невысокія, замѣтныя лишь съ берега волны морского прибоя долгое время, какъ это было указано выше, прикрывались непроницаемымъ слоемъ берегового льда, на которомъ виднѣлись лишь любители зимняго спорта—конькобѣжцы, выписывающіе замысловатые вензеля по гладкой поверхности застывшаго моря. Но прошла зима, повѣяло тепломъ, ледъ растаялъ, и снова показались волны.

Трудно передать все обиліе и разнообразіе этихъ новыхъ „даровъ моря“, и мы остановимся лишь на болѣе типичныхъ образцахъ.

Законъ предоставляетъ земскимъ начальникамъ широкую и дискреціонную на практикѣ власть надъ крестьянскимъ волостнымъ и сельскимъ „самоуправленіемъ“; какъ этою властью воспользовались блюстители—видно изъ циркуляра мин. вн. дѣлъ, еще въ 1891 году указавшаго имъ, что наблюденіе въ данномъ случаѣ должно ограничиваться охраною правъ отдѣльныхъ лицъ отъ нарушеній ихъ мірскими приговорами и заботою о томъ, чтобы эти приговоры представляли собою выраженіе воли большинства членовъ схода. Циркуляръ, какъ и всѣ циркуляры, былъ прочитанъ и „подшитъ къ наряду“; но практика отъ этого ничуть не измѣнилась, и однимъ изъ послѣдствій такого порядка явилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ чрезмѣрное увеличеніе мірскихъ повинностей. „Какъ ни трудно проникаютъ въ печать (читаемъ мы въ „Р. Вѣд.“ № 348) свѣдѣнія о дѣятельности земскихъ начальниковъ въ этой сферѣ, однако, въ разное время оглашено въ газетахъ не мало весьма поучительныхъ фактовъ. То у земскаго начальника проявляется особенная наклонность къ противопожарнымъ мѣрамъ: въ участкѣ возникаютъ сторожевые пункты, на которыхъ крестьяне по очереди должны дежурить и наблюдать, не появится ли гдѣ зарево; то земскій начальникъ рѣшитъ, что волостныя правленія должны быть размѣщены въ огромныхъ зданіяхъ спеціально измышленной архитектуры, — и зданія воздвигаются, конечно, на крестьянскій общественный счетъ; бываетъ, что земскому начальнику покажется полезнымъ организовать нѣчто въ родѣ обязательныхъ общественныхъ работъ, и вотъ производится заемъ на нужды волости, покупается большая партія лѣса, и крестьяне, повинуясь приказу, выставляютъ подводы и рабочихъ для выполненія замысла земскаго начальника; въ другомъ мѣстѣ обнаруживается непомѣрное усердіе въ исправленію дорогъ,—цѣлыя недѣли въ іюлѣ мѣсяцѣ выдерживаются крестьяне на дорогахъ и когда, ссылаясь на тяжелое и крайне нужное для хозяйства время, они просятъ отсрочить поправку дорогъ до осени, то цѣлыя селенія подвергаются трехдневному аресту—и т. д.

Такимъ образомъ, возлагаются на общества и сходы совершенно не узаконенныя обязанности, а законныя ихъ права, какъ, наприм., выборъ должностныхъ лицъ, попираются: „Въ одномъ изъ волостныхъ правленій — сообщаетъ газета „Волгарь“ — былъ собранъ сходъ для выбора старшины за оконча-

ніемъ срока службы состоявшаго въ этой должности крестьянина М. На выборы прибылъ мѣстный земскій начальникъ, который и предложилъ сходу избрать М. и на новый срокъ. Крестьяне съ своей стороны указали другихъ кандидатовъ, а избирать М. отказались положительно. Долго шли пререканія между сходомъ и земскимъ начальникомъ, который, въ концѣ концовъ, распустилъ сходъ и уѣхалъ домой, обѣщаясь прибыть въ другой разъ. Теперь крестьяне находятся въ большомъ затрудненіи: прежняго старшину избрать имъ не хочется, а дѣлать вопреки желанію земскаго начальника неудобно."

„Одинъ мужикъ — читаемъ мы въ газетѣ „Недѣля" — по разсѣянности, или вслѣдствіе нѣкотораго опьяненія, не поклонился земскому начальнику Нижегородскаго уѣзда г. Михайлову на базарной площади въ селѣ Полецахъ. Михайловъ тростью сшибъ шапку съ мужика и кромѣ того ударилъ его кулакомъ. Мужикъ, въ свою очередь, началъ ругаться и толкнулъ земскаго начальника; тотъ приказалъ сотскимъ отвести мужика на конюшню и тамъ его „хорошенько выдрать". Губернское присутствіе представило министру внутреннихъ дѣлъ о преданіи г. Михайлова суду. Состоялось ли это преданіе—неизвѣстно, но въ газетахъ появилось слѣдующее краткое извѣстіе: приказомъ министра внутреннихъ дѣлъ земскій начальникъ 5 уч. Нижегородскаго уѣзда, отставной поручикъ Михайловъ, уволенъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, отъ службы въ отставку."

По поводу этого факта „Вѣстн. Европы" указываетъ на необходимость устранить самый источникъ, изъ котораго вытекаетъ непрерывный рядъ возмутительныхъ беззаконій. Этотъ источникъ — неправильное представленіе съ одной стороны о власти, какъ объ орудіи обузданія массы per fas et nefas, съ другой стороны — о народѣ, какъ объ объектѣ подтягиванья и грубѣйшихъ формъ примитивной расправы. Пока тѣлесныя наказанія входятъ въ кругъ обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ карательныхъ мѣръ, широко примѣняемыхъ всѣми органами мѣстной администраціи, начиная съ низшихъ — волостныхъ судовъ и до высшихъ — губернаторовъ, до тѣхъ поръ они неизбѣжно будутъ проникать и въ частныя отношенія между лицами властными и безвластными, извращая всѣ понятія о правѣ, подрывая въ корнѣ уваженіе къ человѣческой личности и накопляя раздраженіе *тѣмъ болѣе опасное, чѣмъ меньше оно выступаетъ наружу.*

Въ той же газетѣ „Недѣля" мы находимъ слѣдующую корреспонденцію изъ Аткарскаго уѣзда: „Въ здѣшней мѣстности

пользуется огромнымъ вліяніемъ земскій начальникъ г. Б. Къ сожалѣнію, это вліяніе далеко не благотворное. Въ январѣ приходится крестьянамъ платить подати. Денегъ нѣтъ и продать нечего. Крестьяне идутъ къ г-ну Б. и просятъ у него взаймы подъ лѣтнюю работу. Даетъ онъ деньги при такихъ условіяхъ, благодаря которымъ получаетъ на свой капиталъ до пятисотъ % годовыхъ. Если г-ну Б. не хватаетъ такихъ злополучныхъ должниковъ, чтобы убрать весь посѣвъ, онъ сзываетъ „помочь". И идутъ всѣ на „помочь", потому что по опыту знаютъ, какъ плохо придется тому, кто уклонится отъ работы. Время горячее—лучше проработать даромъ день, чѣмъ просидѣть три."

Далѣе тотъ же корреспондентъ сообщаетъ: „Въ прошломъ году осенью вздумалъ г. Б. съ пріятелями устроить облаву на волковъ. По всей Лысогорской волости былъ отданъ приказъ, чтобы въ назначенный день и часъ на эту облаву изъ каждаго дома явился одинъ человѣкъ. Сборнымъ пунктомъ было назначено мѣсто около моста черезъ р. Медвѣдицу у Лысыхъ Горъ. Съ ранняго утра началъ стекаться народъ. Старшина и писарь стояли на мосту и отмѣчали прибывшихъ по спискамъ. Всѣ неявившіеся были оштрафованы на 1 р. (интересно знать — въ чью пользу?). Затѣмъ явилась кавалькада охотниковъ во главѣ съ г. Б., и вся собравшаяся орава, человѣкъ въ 500, была направлена въ лѣсъ. Цѣлый день эта орава бродила, голодная, по лѣсу, но не выгнала ни одного волка. Раздраженные неудачей охотники приписали это нерадивости облавщиковъ и собственноручно угощали зуботычинами и нагайками тѣхъ, которымъ приходила дерзкая мысль сѣсть и отдохнуть."

Опуская длинный рядъ болѣе или менѣе печальныхъ столкновеній по поводу несниманія шапокъ — предметъ особенной заботливости попечительнаго начальства, — мы приведемъ одинъ подобный инцидентъ, въ которомъ виновнымъ оказался пятилѣтній ребенокъ, а наказаннымъ—его отецъ. Подъѣзжаетъ земскій начальникъ къ околицѣ; мальчикъ бѣжитъ, чтобы отворить ее, и, такъ какъ обѣ руки у него заняты, шапки не снимаетъ. Земскій начальникъ, въѣхавъ въ околицу, останавливается, подзываетъ мальчика и спрашиваетъ, какъ смѣлъ онъ не снять передъ нимъ шапки? Мальчикъ отвѣчаетъ, что не зналъ, что это требуется.—„Позови отца!"—Приходитъ отецъ.—„Чему ты, такой сякой, учишь своего сына? Подъ арестъ на три дня!..." И приговоръ, какъ это заведено, тотчасъ же приводится въ исполненіе.

Помимо цѣлой коллекціи фотографическихъ карточекъ съ обозначеніемъ именъ, отчествъ, фамилій и мѣстожительства ори-

гиналовъ, имѣются и общія группы на фонѣ пейзажа съ весьма широкими перспективами. Такъ г. Ромеръ въ „Новомъ Времени“ пишетъ между прочимъ слѣдующее:

„Я, конечно, очень хорошо помню, что, создавая институтъ земскихъ начальниковъ, правительство надѣялось обрѣсти въ нихъ истинныхъ хозяевъ своего участка, людей, которые будутъ поддерживать общественный порядокъ властною рукой, но, не ограничиваясь этимъ, съумѣютъ вникнуть и въ хозяйственныя обстоятельства ввѣреннаго имъ крестьянства. Да, я хорошо помню эту радужную идиллію медоваго мѣсяца гг. земскихъ начальниковъ, сочиненную въ Петербургѣ; помню и озабоченное покачиваніе головами мѣстныхъ пророковъ провинціи, обрѣтавшихся далеко не въ столь розовомъ настроеніи... Въ самомъ дѣлѣ, земскими начальниками, за весьма рѣдкими исключеніями, состоятъ либо (въ лучшемъ случаѣ) землевладѣльцы съ подорванными средствами, либо даже неизвѣстно откуда появившіеся офицеры. Мудрено ли, что въ крестьянствѣ утвердилось убѣжденіе, будто „настоящій, стоющій баринъ“ въ земскіе не пойдетъ? Я живу въ уѣздѣ, который по личному составу земскихъ начальниковъ находится въ исключительно счастливомъ положеніи: трое изъ нихъ мѣстные землевладѣльцы съ университетскимъ образованіемъ, а четвертый чуть ли не двадцать лѣтъ сряду служитъ непремѣннымъ членомъ и, разумѣется, тоже землевладѣлецъ. Поищите, много ли такихъ уѣздовъ въ имперіи!.. Однако я вынужденъ засвидѣтельствовать по совѣсти, что даже и при такомъ составѣ ближайшаго начальства крестьянское благосостояніе въ уѣздѣ не подвинулось ни на одинъ шагъ впередъ, а, напротивъ, замѣчается даже какъ бы обратное движеніе; да и вообще особенныхъ похвалъ новымъ порядкамъ я ни отъ одного крестьянина—буквально ни отъ одного—не слыхивалъ. Что же происходитъ въ другихъ уѣздахъ, менѣе счастливо обставленныхъ? Я не позволю себѣ передавать здѣсь сотни печальнѣйшихъ фактовъ, которые мнѣ, подобно всякому другому, приводилось слышать отъ обывателей того или другого изъ уѣздовъ. Это матеріалъ сырой и непровѣренный. Но я приведу нѣсколько характерныхъ примѣровъ, несомнѣнность которыхъ удостовѣрена либо оффиціальными фактами, либо печатью, либо, наконецъ, лицами, безспорно заслуживающими довѣрія. Существуетъ циркуляръ одного изъ гг. земскихъ начальниковъ, которымъ предписывается волостнымъ правленіямъ наблюдать, чтобы каждый крестьянинъ, *даже ѣдущій съ нагруженнымъ возомъ*, при встрѣчѣ съ землевладѣльцемъ, *свернулъ бы въ сторону*, всталъ, снялъ

шапку и проводилъ бы встрѣченную особу глазами... Губернскій гласный, землевладѣлецъ и врачъ П. Н. Пущинъ разсказалъ цѣлой земской комиссіи, что въ самый разгаръ холерной эпидеміи одинъ земскій начальникъ, прямо вопреки закону, своею властью разрѣшилъ крестьянамъ мочить пеньку въ рѣкахъ, непосредственнымъ слѣдствіемъ чего было 19 заболѣваній холерой, констатированныхъ врачемъ. Предсѣдатель орловской земской управы В. Н. Телѣгинъ свидѣтельствуетъ, что въ одномъ изъ засѣданій комиссіи по раздачѣ пособій въ неурожайный годъ, когда зашла рѣчь о какомъ-то попорченномъ хлѣбѣ, которымъ брезгали даже голодающіе, г. земскій начальникъ упорно отстаивалъ этотъ хлѣбъ съ тѣмъ только, чтобы предложить его голодающимъ непремѣнно въ видѣ муки. Настойчивость защиты произвела даже нѣкоторое удивленіе въ комиссіи... Хотя потомъ разъяснилось, что г. земскій начальникъ арендуетъ нѣсколько мельницъ. Двое гг. земскихъ начальниковъ въ той же губерніи вынуждены были оставить службу, такъ какъ супруги ихъ открыли по питейному заведенію. Даже такая прекрасная мѣра, какъ устройство учебныхъ садиковъ при народныхъ училищахъ, благодаря хозяйственной умѣлости гг. земскихъ начальниковъ, успѣла *озлобить* населеніе, и это гдѣ же?—въ Корочанскомъ уѣздѣ, гдѣ сады приносятъ по тысячѣ и по двѣ годового дохода ..“ Всѣ разсказанные факты, по словамъ г. Ромера, *отнюдь не особенно рѣдки или исключительны, а, напротивъ, принадлежатъ къ числу явленій достаточно заурядныхъ.* Замѣчательно въ особенности то, что факты эти сообщены очень осторожнымъ авторомъ—*землевладѣльцемъ* и напечатаны въ неменѣе осторожной газетѣ, къ новому институту вообще и очень еще недавно крайне благосклонной.

Благодѣтельный процессъ разочарованія идетъ быстрыми шагами, охватывая собою все новыя и новыя, иногда совсѣмъ неожиданныя сферы. „Одинъ изъ предводителей дворянства“, разсуждая на страницахъ того же „Новаго Времени“ о несовершенствахъ института и *„неудачныхъ и незаконныхъ дѣйствіяхъ земскихъ начальниковъ“*, объясняетъ бѣду тѣмъ, что въ Положеніи 12 іюня 1889 г. „очень много неяснаго, недоговореннаго, а разъясненіе закона идетъ крайне медленно, отчасти потому, что дѣятельность сената по этимъ вопросамъ сокращена до минимума, отчасти же вслѣдствіе того, что этимъ дѣломъ занято не одно, а два министерства. При такихъ условіяхъ даже люди, прежде съ успѣхомъ исполнявшіе свои обязанности, точно закономъ опредѣленныя, напр., бывшіе мировые судьи, попавъ въ

земскіе начальники, дѣйствуютъ ощупью, вразбродъ, произвольно толкуя свои права и основываясь сплошь и рядомъ не на законѣ, а на авторитетѣ, на личномъ усмотрѣніи; это порождаетъ массу разнорѣчій не только въ двухъ сосѣднихъ губерніяхъ, но, къ несчастію, и въ двухъ сосѣднихъ участкахъ, несомнѣнно умножая ошибки „земскихъ начальниковъ и *возбуждая въ населеніи недовѣріе къ ихъ компетенціи*. Но изъ прежнихъ дѣятелей мирового суда вступили въ должность земскихъ начальниковъ очень немногіе. Пришлось заполнить вакантныя мѣста пришлымъ элементомъ, лицами, *не имѣющими даже яснаго понятія, въ чемъ именно состоятъ ихъ главнѣйшія обязанности*, какъ за нихъ слѣдуетъ приниматься, и не знающими ни быта, ни нуждъ участка. Они подпадали всецѣло или подъ вліяніе „Гражданина", или, что еще хуже, подъ вліяніе своихъ писарей и слишкомъ увлекались своими личными взглядами и вкусами".

Гжатскій предводитель дворянства въ своемъ предложеніи, внесенномъ въ дворянское собраніе, указывая на недостатки въ томъ же законѣ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Близко стоя къ дѣлу судебно-административныхъ учрежденій со дня ихъ открытія, въ виду тѣхъ укоровъ, которые раздаются по ихъ адресу, я рѣшаюсь утверждать, что, помимо условій, лежащихъ внѣ воли дворянства и его представителей, извѣстная доля неуспѣха въ дѣятельности названныхъ учрежденій должна быть приписана недостаткамъ дѣйствующаго закона." Недостатки эти г. предводитель видитъ: 1) въ отсутствіи самостоятельности, необходимой въ должности, связанной съ выполненіемъ судебныхъ функцій, 2) въ полной зависимости земскихъ начальниковъ отъ администраціи, 3) въ массѣ сложныхъ и разнообразныхъ обязанностей, возложенныхъ на земскихъ начальниковъ, и лучшимъ средствомъ для устраненія этихъ затрудненій считаетъ возстановленіе должности прежняго мирового судьи. Другую причину непорядковъ г. предводитель видитъ въ замѣнѣ кассаціонныхъ деп. сената губернскими присутствіями. „Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ, что эти учрежденія далеко не пользуются необходимымъ имъ авторитетомъ, а нѣкоторыя ихъ рѣшенія порождаютъ даже серьезныя недоразумѣнія. Можно бы привести случаи, когда губернское присутствіе по самымъ элементарнымъ вопросамъ впадало въ существенныя ошибки, игнорируя, напримѣръ, такое различіе, какъ различіе приговоровъ и рѣшеній." Въ заключеніе г. предводитель высказываетъ убѣжденіе, что для того, чтобы „дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи", *необходимо коренное измѣненіе законоположеній 1889 года*. Дворянское собраніе

постановило представить докладъ на усмотрѣніе министра юстиціи („Русск.. Вѣд.“ дек. 1894 г.).

Просуществовавъ мирно, и даже въ нѣкоторомъ родѣ торжественно, пять лѣтъ, институтъ земскихъ начальниковъ, очевидно, находится наканунѣ, если не окончательнаго крушенія, то, во всякомъ случаѣ, значительной трансформаціи: уже объявленъ пересмотръ законоположеній 1889 года, а учрежденная при министерствѣ юстиціи комиссія приступаетъ къ разрѣшенію капитальнаго вопроса о передачѣ судебной функціи изъ среды административныхъ учрежденій въ надлежащее, родное ей мѣсто.

Какъ бы предчувствуя „начало конца“, члены переживающаго свой кризисъ института усердствуютъ, совсѣмъ уже не въ мѣру, чтобы удержаться на своихъ позиціяхъ,—усердствуютъ все въ томъ же направленіи, все тѣми же пріемами и мѣропріятіями, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что, одинъ за другимъ, начинаютъ отворачиваться отъ нихъ ихъ же вѣрные, еще вчерашніе друзья.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи характеренъ „циркуляръ“ одного изъ тульскихъ земскихъ начальниковъ, разосланный имъ всѣмъ землевладѣльцамъ своего участка и опубликованный въ „Гражданинѣ“.

Задавшись цѣлью сразу угодить и казнѣ и помѣщикамъ, этотъ администраторъ-судья, не стѣсняясь по обыкновенію существующими узаконеніями, изобрѣлъ новый способъ взысканія недоимокъ. Способъ заключается въ томъ, чтобы землевладѣльцы не выдавали своимъ рабочимъ денегъ на руки, и вручали бы ихъ нарочито для того приглашаемымъ волостнымъ и сельскимъ властямъ въ уплату недоимокъ. Въ заключеніе авторъ циркуляра беретъ на себя обязательство самаго предупредительнаго содѣйствія землевладѣльцамъ, желающимъ послѣдовать его совѣтамъ. „Съ своей же стороны, говоритъ онъ, я, какъ земскій начальникъ, ручаюсь господамъ землевладѣльцамъ за то, что я заставлю рабочихъ работать такъ, какъ слѣдуетъ, и прошу, въ случаѣ какихъ-нибудь упущеній со стороны ближайшихъ властей, обращаться ко мнѣ съ жалобами во всякое время на бездѣйствующія власти, съ которыхъ мною будетъ строго взыскиваться. При чемъ присовокупляю, что для приведенія въ дѣйствіе предлагаемаго мною правила относительно возбужденія отъ спячки населенія необходима строгая солидарность всѣхъ гг. землевладѣльцевъ.“

„Вотъ примѣръ—замѣчаютъ по этому поводу „Русск. Вѣдомости“—до чего можетъ дойти произволъ чиновника, предѣлы

власти котораго надъ населеніемъ точно не ограничены, и который дѣйствуетъ притомъ фактически безконтрольно. Удастся ли или не удастся земскому начальнику его планъ, во всякомъ случаѣ уже самый фактъ появленія на свѣтъ циркуляра подобнаго рода весьма характеренъ для института земскихъ начальниковъ, имѣющихъ полную возможность продѣлывать такіе эксперименты и безъ огласки, не вынося сора изъ избы." Но что всего интереснѣе въ этомъ „циркулярѣ"—это то, что онъ уже въ самомъ себѣ носитъ всѣ задатки несомнѣннѣйшей безплодности: явивъ настроеніе и систему автора, онъ самоуничтожается въ чаемыхъ имъ послѣдствіяхъ своихъ, такъ какъ никто изъ крестьянъ, конечно, не пойдетъ работать, зная, что заработки отъ него отберутъ; чрезвычайно странно и то, что исходъ этотъ, казалось бы, представлялся неизбѣжнымъ и для самого автора, заявившаго въ началѣ своего циркуляра, что онъ „по опыту убѣдился въ нежеланіи распущеннаго крестьянства зарабатывать что-либо свыше того, что̀ необходимо для годового личнаго прожитія, а объ уплатѣ повинностей оно не желаетъ и думать"...

Въ данномъ случаѣ мы видимъ какое-то безтолковое заискиваніе передъ казной и помѣщиками,—заискиваніе вплоть до готовности превратиться въ дарового приказчика вотчинной экономіи, чтобы посредствомъ даровыхъ же выборныхъ крестьянскихъ властей смотрѣть за исправностью работъ въ этой экономіи. А вотъ и другіе, еще болѣе опрощенные пріемы въ той же цѣли заявить свое усердіе и свою энергію, сообщаемые газетою „Недѣля" изъ Тульской и Нижегородской губерній.

Купецъ Вознесенскій, проигравшій поземельную тяжбу съ сосѣдними крестьянами, задумалъ доѣхать ихъ „не мытьемъ, такъ катаньемъ", и „нашелъ въ этомъ опору въ лицѣ земскаго начальника Миллера. Въ прошломъ году г. Миллеръ избилъ мѣстнаго крестьянина Воробьева, и слѣдствіе подтвердило фактъ побоевъ; за это земскій начальникъ получилъ строгій выговоръ, что̀ произвело благотворное впечатлѣніе на всю округу: крестьяне видѣли, что кулачная расправа не поощряется. Но недавно тотъ же земскій начальникъ вызвалъ къ себѣ въ камеру сельскаго старосту д. Козловки (сосѣдей Вознесенскаго), Грибкова, и избилъ его жестоко по лицу, приговаривая, что бьетъ его за то, что мужики не живутъ мирно съ помѣщикомъ".

Другое сообщеніе касается земскаго начальника Лаубе, преемника того Михайлова, который „собственною властью выпоролъ мужика на конюшнѣ". „Лаубе—пишетъ корреспондентъ—сразу

началъ всѣми средствами наводить страхъ на всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ. Мужики пріуныли, но терпѣливо переносили всѣ строгости. Но Лаубе казалось, что мужики сопротивляются, бунтуютъ, не признаютъ его власти. Онъ зарядилъ ружье и отправился стрѣлять „своихъ" крестьянъ. „Ввѣренные" крестьяне увидали, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ, и бросились куда кто могъ. Земскій начальникъ ихъ преслѣдовалъ, стрѣлялъ, но, къ счастію, безуспѣшно. Началось разслѣдованіе, которое показало, по словамъ газеты „Волгарь", психическое разстройство земскаго начальника."

Усердіе, возведенное на степень умопомѣшательства,—что же еще надо!.. Впрочемъ, врядъ ли это и умопомѣшательство: стрѣльба по обывателю,—на нашъ взглядъ по крайней мѣрѣ,—является въ данномъ случаѣ лишь предѣльнымъ эволюціоннымъ пунктомъ, логическимъ послѣдствіемъ, вѣнцомъ, такъ сказать, всей той системы, яркимъ и нагляднымъ выраженіемъ которой служатъ вышеприведенные нами факты.

Если мы теперь бросимъ общій взглядъ на физіономію института, какъ обрисовывается она въ сообщеніяхъ прессы *всѣхъ оттѣнковъ и направленій,* то получимъ слѣдующія ея основныя черты: безпредѣльность „личнаго усмотрѣнія", какъ главный масштабъ рѣшеній и мѣропріятій, полная, умышленно-предвзятая и откровенная невнимательность къ закону (избираемъ самыя сдержанныя выраженія), охрана лишь землевладѣльческихъ интересовъ во что бы то ни стало и „попечительство" надъ крестьянами, выражающееся только муштрованіемъ, насильственнымъ введеніемъ необязательнаго, запретами невоспрещеннаго и, наконецъ, широкая эксплоатація судебной розги и административныхъ заушеній. Эта физіономія является строго выдержанною въ одномъ и томъ же стилѣ во всѣхъ органахъ печати, съ тою лишь разницею, что одни изъ нихъ стиль этотъ порицаютъ, а другіе восхваляютъ, *фактъ же остается всюду и всегда одинъ и тотъ же.* Напрасно будемъ искать здѣсь какого-либо противоположенія или смягченія: взору наблюдателя не надъ чѣмъ отдохнуть, не надъ чѣмъ развлечься, нѣтъ исключеній, даже тѣхъ, которыя зовутся „счастливыми" и „рѣдкими". И это понятно: должность обставлена условіями, при которыхъ свѣтлыя личныя качества парализуются и сводятся въ общемъ итогѣ къ нулю. Въ лучшемъ случаѣ они выражаются лишь отрицательно: не дерется, мужика не тѣснитъ, надъ нимъ не мудруетъ, кабаковъ не держитъ, по народу не стрѣляетъ и т. п.

III.

Такова хроника, обнимающая собою очень незначительный сравнительно періодъ времени—всего *пять* лѣтъ. Ничего подобнаго не найдемъ мы въ упраздненномъ институтѣ мирового суда, дѣйствовавшаго *двадцать пять* лѣтъ.

Глубокій и просвѣщенный знатокъ нашего судебнаго дѣла, оберъ-прокуроръ сената А. Ф. Кони, наблюдавшій дѣятельность этого института съ высоты учрежденія, которому принадлежитъ „надзоръ за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ имперіи" (Учр. Суд. Уст. ст. 249), упоминая въ своей рѣчи, произнесенной въ годовомъ собраніи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, о „промахахъ и увлеченіяхъ мировой юстиціи", могъ сказать *лишь слѣдующія слова*: „Не всегда ясно разграничивалась подсудность дѣлъ, смущали преюдиціальные вопросы; наконецъ вино новой власти бросалось нѣкоторымъ, впрочемъ весьма немногимъ, въ голову; случаи послѣдняго рода имѣли свою комическую сторону и, во всякомъ случаѣ, не обнаруживали дурного намѣренія,—es war nicht bös' gemeint! Но на ряду съ этими *единичными* явленіями—общее направленіе мировыхъ судей перваго избранія сразу сдѣлало ихъ камеры *не только мѣстомъ отправленія доступнаго народу правосудія, но и школою порядочности и уваженія къ человѣческому достоинству.*" Такъ начинали мировые судьи свою дѣятельность; такъ и продолжали ее: слѣдя за нею въ теченіе 25 лѣтъ въ трехъ судебныхъ округахъ, имѣя массу знакомыхъ сослуживцевъ въ другихъ, пишущему эти строки ни разу не приходилось видѣть или слышать что-нибудь подобное „дѣяніямъ" и „мѣропріятіямъ", заявившимся съ первыхъ же шаговъ преемственнаго института. И это—не „промахи и увлеченія, имѣющіе свою комическую сторону", неразлучные съ новизною начинаемаго дѣла и потомъ сглаживаемые его дальнѣйшимъ развитіемъ. Далеко нѣтъ! Это—*система, направленіе, миссія,* предсказывающія будущее. Это — не первые, нетвердые шаги робкаго почина, а каменная поступь сорвавшейся съ кладбища статуи, смутившая безстрашнаго Донъ-Жуана, не ожидавшаго, что приглашеніе будетъ принято, а пиръ окажется послѣднимъ. Холодомъ могильнаго мрамора, а не „игрой молодого вина" вѣетъ отъ этихъ „первыхъ шаговъ", не „комедія", а драма на этотъ разъ передъ нами, и то нѣмецкое изреченіе,

которымъ такъ вѣрно охарактеризовалъ ораторъ „промахи и увлеченія“ мировыхъ судей, къ „дѣяніямъ“ и „мѣропріятіямъ“ ихъ преемниковъ приложимо лишь въ своемъ обратномъ *положительномъ* смыслѣ.

Отчего же объ этихъ дѣяніяхъ и мѣропріятіяхъ не было ни слуху ни духу въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій,—дѣятельности, отправляемой, по извѣстному выраженію бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова, „*подъ стекляннымъ колпакомъ*“, въ которомъ малѣйшая неисправность бросалась въ глаза каждому, ихъ имѣющему? Отчего мы не слышимъ ничего подобнаго о другихъ *болѣе близкихъ* преемникахъ мирового суда—объ уѣздныхъ членахъ окружныхъ судовъ и о городскихъ судьяхъ? Отчего *теперь только* этими дѣяніями и мѣропріятіями пестрятъ газетные столбцы, журнальныя страницы и изобилуютъ устныя сообщенія? Отчего та фракція нашего общественнаго мнѣнія, которая такъ горячо привѣтствовала новый преемственный институтъ и такъ злобно относилась къ его предшественнику, ставя ему „всякое лыко въ строку“, отчего эта фракція, при всемъ такомъ стремленіи, не могла выставить противъ мировыхъ судей ничего сколько-нибудь подобнаго фактамъ, которыми полны едва начатыя лѣтописи ихъ преемниковъ, и ограничивалась лишь злобствующимъ глумленіемъ, или наускиваніями по поводу того, напр., что мировые судьи говорятъ съ подсудимыми на „вы“, ставятъ „на одну доску“ барина съ мужикомъ, требуютъ доказательствъ и не вѣрятъ „благородному слову дворянина“? Отчего такое порицаніе звучитъ похвалою въ озлобленныхъ устахъ? Отчего ни единымъ изъ подобныхъ фактовъ не грѣшила дѣятельность мировыхъ посредниковъ — этого прототипа новаго учрежденія?.. Отчего все это?

Никто еще не задавалъ себѣ подобныхъ вопросовъ, а они чрезвычайно важны и чрезвычайно во всѣхъ отношеніяхъ интересны. Въ ихъ рѣшеніи мы найдемъ вѣрный критерій общественно-правового самосознанія, переживаемаго въ данный моментъ, выяснимъ себѣ все великое значеніе упраздненнаго института и увидимъ огни того „освѣщающаго путь маяка“, о которомъ говорилъ П. Н. Грековъ на своемъ юбилеѣ.

„Не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ — мѣсто“, — это правда. Но не менѣе правда и то, что бываютъ такія мѣста, на которыхъ заурядный человѣкъ можетъ оказаться красавцемъ, и такія, на которыхъ самый красивый человѣкъ окажется уродомъ. Поставьте прекраснѣйшее изъ художественныхъ произве-

деній, картину или изваяніе въ невыгодномъ для него освѣщеніи, возведите зданіе Кельнскаго, напр., собора на тѣсной, застроенной площадкѣ, и они потеряютъ половину своей прелести; условія свѣта и обстановки въ этихъ случаяхъ составляютъ необходимую, *органическую* часть общаго, конечнаго впечатлѣнія. Совершенно такое же значеніе принадлежитъ и любому установленію, въ предѣлахъ котораго развивается дѣятельность человѣка. „Великое учрежденіе тѣмъ и бываетъ велико, писалъ Катковъ въ „Моск. Вѣд.“ 1866 г. (№ 263), что *создаетъ* людей, способныхъ проводить въ жизнь созданное имъ новое начало.“

Вспомнимъ наши 30-ые и 40-ые годы, когда культурное развитіе личности достигало такой высоты, что и до сихъ поръ при словахъ „человѣкъ сороковыхъ годовъ“ въ нашемъ представленіи встаетъ нѣчто чрезвычайно благородное, симпатичное, идеальное, прекрасное. Но этотъ человѣкъ не могъ украсить собою ни одного изъ тогдашнихъ „присутственныхъ мѣстъ“, и, вступая въ него, неминуемо или терялъ всю свою красоту, или стушевывался, или бѣжалъ поскорѣе прочь. Мѣсто этому человѣку нашлось только съ наступленіемъ „эпохи великихъ реформъ“. Но этого мало: на открывшемся мѣстѣ появились и новые, молодые люди, изъ которыхъ немногіе могли называться героями, а между тѣмъ узаконенная обстановка сферы ихъ служебной дѣятельности до того была совершенна, что эти люди современнымъ пигмеямъ представляются исполинами, эпоха ихъ— „героическою“, а слова „человѣкъ шестидесятыхъ годовъ“ будятъ въ нашемъ представленіи тотъ же возвышенный, благородный, идеальный и прекрасный образъ: факторомъ впечатлѣнія является на этотъ разъ уже не *личность* дѣятеля, а *учрежденіе*, въ которомъ онъ дѣйствовалъ.

Г-нъ Протопоповъ и tutti quanti приближающихся къ нему типовъ, народившихся въ изумительномъ обиліи и такой же быстротѣ вмѣстѣ съ закономъ 1889 года, были бы немыслимы въ рядахъ судебно-мирового института. Высота призванія—служить великому дѣлу правосудія, и только ему одному, задача „утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе“, освобожденіе судейской совѣсти, „самостоятельность судебной власти, равной для всѣхъ подданныхъ“, полнѣйшая ея независимость отъ администраціи, возвышенная простота и ясность руководящаго кодекса, безусловная гласность судопроизводства—вотъ та чистая, здоровая атмосфера, въ которой не могъ зародиться какой-либо болѣзне-

творный микробъ, и если иногда и заносился въ нее *извнѣ* — въ злоупотребленіи выборнымъ началомъ, то обезвреживался ея озономъ и уже ни въ какомъ случаѣ не могъ вызвать тѣ тяжкіе болѣзненные симптомы, которые были, напр., вскрыты извѣстнымъ діагнозомъ харьковской судебной палаты и такъ назидательно затѣмъ оцѣнены въ блестящей рѣчи А. Ф. Кони. Живая, развиваемая этою атмосферою сила облагораживала человѣка, *освобождала и вмѣстѣ съ тѣмъ дисциплинировала его.* Это непостижимое, казалось бы, сочетаніе достигалось основнымъ рѣшеніемъ законодателя „возвысить судебную власть и дать ей надлежащую самостоятельность". Цитируя эти „знаменательныя, дорогія каждому русскому слова" Высочайшаго Манифеста въ своей рѣчи при открытіи московскихъ судебныхъ установленій, министръ юстиціи пояснялъ, что слова эти, указывающія значеніе и цѣль судебнаго преобразованія, должны служить руководствомъ для всѣхъ дѣятелей на судебномъ поприщѣ. И они, эти „дорогія слова", *дѣйствительно стали „руководствомъ"* — тѣмъ руководствомъ, которое въ сто кратъ сильнѣе всякихъ начальственныхъ предписаній и всякаго начальственнаго контроля.

Совершенно на иныхъ началахъ построенъ законъ, учредившій земскихъ начальниковъ. Тогда какъ въ Судебныхъ Уставахъ основною задачею законодателя являлось стремленіе возвысить *личность* дѣятеля, воскресить въ немъ *человѣка*, умершаго въ дореформенномъ судьѣ, законъ 1889 года главнѣйшей цѣлью имѣлъ „благо сельскаго обывателя", оставивъ личность охранителя этого блага въ совершенно инородныхъ, какъ это мы увидимъ ниже, условіяхъ. Въ первомъ случаѣ руководящимъ являлось индивидуальное начало, во второмъ—объективное. Достигаться намѣченная имъ цѣль должна была двоякимъ путемъ: объединеніемъ власти и попечительствомъ надъ крестьянами. Насколько была достигнута первая задача—достаточно извѣстно, что же касается второй, то, благодаря бытовымъ и культурнымъ условіямъ общественнаго самосознанія, а, слѣдовательно, по причинамъ, уже вовсе въ предѣлахъ данной задачи отъ законодателя не зависѣвшимъ, результаты получились такіе, какіе отнюдь не могли входить въ планъ задуманнаго преобразованія.

Задолго до обнародованія новаго закона въ нашемъ общественномъ самосознаніи, главнымъ образомъ, въ молодыхъ его представителяхъ, сталъ замѣчаться крутой поворотъ съ того пути, который намѣтился въ эпоху реформъ. Уничтоженіе самостоятельности суда, возстановленіе дворянскаго престижа, надменное и суровое отношеніе къ народу, свобода административ-

наго произвола—вотъ „идолы", поворотомъ этимъ воздвигнутые на мѣстѣ прежнихъ „идеаловъ". Эта общественная тенденція, воспособляемая (хотя и неумышленно, конечно), проповѣдью опрощенія, національной самобытности и научнаго индифферентизма, давно и тщетно искала себѣ того или иного выхода изъ своей теоретической области и, наконецъ, нашла его въ новомъ законѣ. Она вложила въ него содержаніе, имѣющее мало общаго съ его основными цѣлями: „попечительство" выродилось въ „муштрованіе", а „объединеніе власти" — въ „личное усмотрѣніе"; постановленія закона потеряли свою прежнюю обязательную силу; въ немъ стали усматривать не общественную охрану, а стѣсненіе для спасительнаго, якобы, властнаго произвола. Органы печати, вчера еще возмущавшіеся дарованнымъ мировому суду правомъ судить „по убѣжденію совѣсти", теперь рукоплескали свободѣ этого произвола, и земскіе начальники очень скоро стали открыто тяготиться участіемъ судебныхъ чиновъ въ своихъ засѣданіяхъ [1]).

Индивидуальные, личные рессурсы вновь открывшейся дѣятельности, на этотъ разъ не входившіе, какъ это было замѣчено выше, въ задачу новаго закона, сложились такъ, что исполнителямъ его пришлось лавировать между этимъ, навязаннымъ закону и чуждымъ его духу содержаніемъ и тѣми начертанными въ немъ предѣлами, дальше которыхъ „личное усмотрѣніе" идти уже не могло. Такъ, по крайней мѣрѣ, стояло дѣло въ началѣ, но послѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ шаговъ, тотчасъ же одобренныхъ всею „передовой дружиной", стали намѣчаться на фонѣ всего того, что̀ говорилось и писалось объ институтѣ и pro и contra, три огульныхъ теченія: 1) небывалая, въ мировыхъ учрежденіяхъ неслыханная безцеремонность съ закономъ; 2) рѣшительно ничѣмъ не оправдываемое самомнѣніе, достигшее на извѣстномъ „общемъ съѣздѣ" своего апогея въ попыткѣ провозгласить земскаго начальника „хозяиномъ своего участка", „безъ вѣдома котораго въ немъ ничего бы не дѣлалось и къ которому по всѣмъ мѣропріятіямъ обращались бы прежде всего", и 3) какая-то предвзятая ненависть къ „сельскому обывателю", которому начали вмѣсто прежняго миролюбиваго „вы" говорить сухое, жесткое и отнюдь не патріархальное „ты"; потомъ стали его сѣчь при благосклонномъ содѣйствіи волостныхъ судовъ, а подъконецъ и „бить по мордѣ" собственноручно. Положеніе ослож-

[1]) Въ одномъ, публично объявленномъ рѣшеніи уѣзднаго съѣзда заключительная часть буквально начиналась такъ: „сообразивъ изложенныя обстоятельства дѣла, уѣздный съѣздъ *по всѣмъ статьямъ закона* постановилъ" и т. д

нялось массою разнообразнѣйшихъ обязанностей, изъ которыхъ одна мѣшала другой: земскій начальникъ—и судья, и администраторъ, охранитель владѣльческихъ интересовъ, и опекунъ надъ крестьянами, начальникъ надъ избираемыми ими должностными лицами, завершитель крестьянскаго дѣла; онъ печется „о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи“, онъ охраняетъ „благочиніе, общественный порядокъ, безопасность и права частныхъ лицъ“. У него широкая, въ усвоенной практикѣ—дискреціонная, власть надъ подчиненными ему „сельскими обывателями“, но онъ же, въ свою очередь, подчиненъ губернатору, губернскому и уѣздному предводителямъ дворянства, а за ними, хотя бы и косвенно, всему мѣстному дворянству — вотъ его начальники; но это — только ближайшіе и непосредственные; затѣмъ, надъ нимъ же — начальствующія высшія инстанціи: уѣздный съѣздъ, губернское присутствіе, два министерства и сенатъ. Одни только „сельскіе обыватели“ на его служебную судьбу не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія. Руководиться ему пришлось въ непроходимомъ лабиринтѣ всяческаго законодательства, обнимающаго неисчерпаемую сферу правовыхъ потребностей его участка и его функцій; но рядомъ съ этимъ лабиринтомъ ему же отведена весьма широкая область „личнаго усмотрѣнія“, требующая всесторонне образованнаго ума, гражданскаго мужества, несокрушимой энергіи и не ошибающейся проницательности.

Такова обстановка миссіи въ юридическомъ отношеніи. Бытовыя условія отличаются еще бо̀льшею разновидностью, конфликтами и противоположеніями. Одни видятъ въ земскомъ начальникѣ заступника сословныхъ интересовъ среды, поставившей его на мѣсто, и предъявляютъ къ нему соотвѣтственныя требованія, понимая миссію какъ надлежащій revanche отмѣнѣ крѣпостного права. Другіе, наоборотъ, возлагаютъ свои упованія на усматриваемаго въ немъ, съ тѣми же шансами на успѣхъ, опекуна надъ крестьянами, радѣтеля о нуждахъ и пользахъ сельскаго обывателя. Третьи — „властную руку“, долженствующую водворить миръ и благоденствіе въ чреватую всяческими пороками и, якобы, набалованную, распущенную деревенскую среду. Всего менѣе интересуются его судебною юрисдикціею, не отмежевывая ей какого-либо особаго мѣста среди простора административныхъ воздѣйствій, внѣдреній, насажденій и мѣропріятій. Но, переступая этотъ межникъ, земскій начальникъ рискуетъ встрѣтиться съ короннымъ охранителемъ закона въ уѣздномъ съѣздѣ, остерегающимъ его отъ чрезмѣрнаго въ этомъ направленіи усердія, ожидаемаго, однако, и весьма настойчиво, влія-

тельными, хотя и не коронными охранителями и ревнителями этого простора. Сложившаяся уже въ институтѣ профессіональная традиція—не стѣсняться закономъ—влечетъ его въ эту же сторону. Хорошо еще, если между начальственными представителями администраціи и сословія (съ судебнымъ вѣдомствомъ расчетъ легче) существуетъ нѣкоторая entente cordiale въ воззрѣніяхъ, а если ея нѣтъ, если не благоволитъ правитель губернаторской канцеляріи, если въ сословіи имѣется забракованный соперникъ?..

Что за удивительная пестрота сравнительно съ тою простою и величавою юрисдикціею, въ предѣлахъ которой дѣйствовалъ спокойный и независимый, упраздненный мировой судья! Какъ тутъ не потерять своей головы, даже если бы она принадлежала молодому университетскому кандидату правъ, какъ, напр., г. Протопопову.

IV.

„Я не успѣлъ еще достаточно освоиться съ кругомъ своихъ новыхъ обязанностей“, говорилъ онъ на судѣ въ свое оправданіе...

Мягко выражается г. Протопоповъ: прослужи онъ въ своей должности хотя бы до полной пенсіи, желаемое освоеніе оставалось бы на одной и той же степени, потому что нельзя отвѣтить всѣмъ задачамъ, какія данный законъ объединилъ въ одномъ лицѣ, „нельзя быть слугою двухъ господъ“, нельзя „стоять на-стражѣ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ дрожать за собственную судьбу. И вотъ отъ этого-то ни у кого не оказывается особенной охоты къ попыткамъ въ этомъ родѣ. Мудрено дать опекаемому обывателю дѣльный юридическій совѣтъ, въ которомъ онъ чуть не ежедневно нуждается въ разросшейся до невозможности своей обиходной правовой сферѣ; мудрено вызволить его изъ кабалы мѣстнаго „благодѣтеля“; мудрено разыскать въ „книгахъ“ разбросанныя по нимъ его права, растолковать, охранить, а подчасъ и самому понять ихъ... Несравненно легче объявить ему на сходкѣ, что его „прошенія будутъ на мордѣ, а жалобы— на...“ иномъ, еще менѣе огражденномъ мѣстѣ; несравненно легче „наказать“ его за плохо вспаханную полосу въ его же собственномъ полѣ, подвернувшуюся подъ глаза при служебномъ разъѣздѣ; несравненно легче заставить его отдавать честь господамъ и сворачивать съ дороги передъ начальствомъ; несравненно

легче писать старшинамъ и старостамъ грозные приказы о разныхъ мѣропріятіяхъ, придуманныхъ въ тиши кабинета и круто расходящихся съ „законами“, мирно ожидающими въ шкафу, когда у ретиваго хозяина выищется свободная минутка, чтобы заглянуть въ нихъ. Несравненно легче, наконецъ (да и выгоднѣе при этомъ), прослыть расторопнымъ администраторомъ, нежели осуществить задачу мудраго и независимаго судьи, въ которомъ, прежде всего, и нуждается „неинтересный“ въ данныхъ цѣляхъ сельскій обыватель.

Но войти въ эту мертвую колею свѣжему человѣку трудно: благо сельскаго обывателя, какъ высокій девизъ новаго закона, университетскія, не смятыя еще въ этой колеѣ преданія, молодость, наконецъ,—все это приглашаетъ его совсѣмъ въ иную, противоположную сторону. Тутъ-то и наступаетъ трагическая коллизія: у дѣятеля и крылья за спиной, чтобы парить кверху, и увѣсистый водолазный шлемъ на головѣ, чтобы опускаться на дно морское, въ пучину волнъ; оба аппарата дѣйствуютъ сразу, и въ результатѣ - нравственный разладъ, тупое, злобное, безъисходное отчаяніе, аффектъ, если хотите.

И очень можетъ быть, что именно въ состояніи такого аффекта находился и г. Протопоповъ, расточая удары направо и налѣво и переходя къ звѣрскимъ, циническимъ угрозамъ, когда рука „уставала бить“ обывательскія „морды“. Очень можетъ быть, что ненавистными представлялись ему не эти неповинно предстоящія обывательскія морды, а та нравственная безпомощность, въ которой ощущалъ онъ самого себя, то раздвоенное по закону и по жизни положеніе, которое онъ, „не успѣвъ еще освоиться съ кругомъ своихъ обязанностей“, успѣлъ, однакоже, восчувствовать и вкусить Въ одномъ изъ разсказовъ Гл. Успенскаго, если не ошибаемся, доведенный своимъ мимовольнымъ разореніемъ до послѣднихъ предѣловъ отчаянія мужикъ варварски избиваетъ свою тихонько плачущую, любимую и любящую жену; *не онъ, горемычный, ее бьетъ, а горе его!* И сорвать это горе на первомъ, попавшемся подъ руку, кто бы онъ ни былъ,—вотъ его единственный импульсъ. Не сдѣлался ли пассивною жертвою подобнаго импульса и г. Протопоповъ, не срывалъ ли и онъ на ввѣренныхъ ему обывателяхъ своего личнаго, неизбывнаго горя?..

Трудно, почти невозможно допустить, чтобы молодой кандидатъ правъ, каковы бы ни были его убѣжденія, могъ безъ всякой причины выродиться въ этого отчаяннаго, изступленнаго сокрушителя мужицкихъ мордъ, и если мы будемъ искать скрытый

психическій мотивъ, то найдемъ его лишь въ тѣхъ обстоятельствахъ, „отъ собственной воли обвиняемаго не зависящихъ“, на которыя было указано выше.

Это—герои драмы. Но имѣются, затѣмъ, и герои совершенно иного рода, въ положеніи которыхъ нѣтъ уже ничего драматическаго. Къ нимъ мы и переходимъ теперь.

На этотъ разъ передъ нами типъ иной эволюціонной формаціи, комплектуемый какъ непосредственно, такъ и перебѣжчиками изъ драматическихъ амплуа. Это типъ средній, заурядный, преобладающій и поэтому въ особенности для насъ интересный; имъ знаменуется общее положеніе дѣла.

Надъ нимъ, этимъ главенствующимъ типомъ, точно также тяготѣетъ атмосфера высокаго давленія, слагаемая причудливою смѣсью факторовъ, стимуловъ, ингредіентовъ и реактивовъ. Идеальныя требованія закона возлагаютъ на него непосильную задачу, приблизиться къ ней, осуществить ее хотя отчасти—трудно, а человѣку мало-опытному, того меньше свѣдущему—и совсѣмъ невозможно. Затѣмъ надъ нимъ требованія среды, въ которой приходится дѣйствовать,—требованія, какъ это мы уже видѣли, крайне разношерстныя того же хаотическаго свойства, но еще болѣе измѣнчивыя, подвижныя; разобраться въ нихъ такому человѣку очень мудрено. *Единеніе* въ его лицѣ судебно-административнаго Януса переходитъ на практикѣ въ *раздвоеніе*, создающее ему столь опасные конфликты и коллизіи, что у Януса вмѣсто двухъ головъ очень легко можетъ не оказаться и одной. Высшія, завѣдующія этими соединенными въ немъ функціями инстанціи ожидаютъ отъ него каждая своего, и зачастую, подчиняясь одной, онъ рискуетъ оказаться ослушникомъ другой. Одинъ бывшій земскій начальникъ разсказывалъ намъ, что, прослуживъ безъ году недѣлю, долженъ былъ подать въ отставку, благодаря такому „инциденту“: разъ какъ-то на барскомъ дворѣ сторожа избили бабу; та пожаловалась, и земскій начальникъ разобралъ дѣло, какъ и слѣдовало, въ судебномъ порядкѣ; помѣщику это не понравилось, и онъ обратился „въ губернію“; земскаго начальника вызвали и „предложили“ ему... *прекратить дѣло въ административномъ порядкѣ*. Открывалась, вслѣдствіе того, альтернатива: исполнить предложеніе и потерять мѣсто по суду, или ослушаться и потерять его „по прошенію“ —и начальникъ-судья подалъ въ отставку, предварительно доложивъ принципалу о законахъ, препятствующихъ ему исполнить желаніе его превосходительства.

Далѣе, сознаніе извѣстной самостоятельности, необходимое

каждому чиновнику-дѣятелю (а въ земскомъ начальникѣ ихъ нѣсколько), утрачивается, замѣняясь „страхомъ іудейскимъ" и чувствомъ самосохраненія, не угнетавшимъ въ данномъ случаѣ нашего знакомаго только потому, что онъ — человѣкъ, матеріально хорошо обезпеченный и въ службу пошелъ лишь для дѣла. Рядомъ съ утратою самостоятельности расчленяется и единство дѣйствій къ полному недоумѣнію всѣхъ завѣдуемыхъ обывателей. Дѣятель не можетъ успокоиться, даже опираясь на законность своихъ распоряженій, рѣшеній и приговоровъ, потому что вовсе не это отъ него требуется и вовсе не это ставится ему въ заслугу, да и неся сразу нѣсколько обязанностей, изъ которыхъ каждая нормируется своими уставами и томами въ сводѣ, своими „дополненіями" и „изъятіями", циркулярами, инструкціями, разъясненіями и новеллами, особенно часто измѣнявшими только-что объявленный законъ 1889 г., онъ, если бы и хотѣлъ основаться на такой нейтральной позиціи, а, главное, если бы нуждался въ томъ, все-таки не могъ бы долго продержаться на ней: провіанту въ этой осаждаемой крѣпости много, слишкомъ много, но сваленъ онъ въ кучу на неприступной высотѣ.

И остается нашему дѣятелю одинъ только выходъ—тотъ выходъ, который избираетъ себѣ человѣкъ, стоящій у распутья трехъ дорогъ, изъ которыхъ каждая, какъ это извѣстно, ведетъ въ Римъ. Онъ и выбираетъ этотъ „Римъ", идетъ „напрямикъ" и потому скорѣе прочихъ достигаетъ цѣли. Руководясь болѣе стихійною, нежели сознательною силою, движимый преимущественно утробными стимулами, путникъ воспособляется въ своей задачѣ: 1) подготовкой, получаемой ранѣе; 2) усвоенною уже податливостью передъ толчкомъ, даваемымъ судьбою, и 3) тѣмъ зоологическимъ чутьемъ, инстинктомъ, по которому „рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ—гдѣ лучше", и тѣмъ вѣрнѣе получаетъ искомое, чѣмъ менѣе склоненъ, въ противность своему соискателю, къ какимъ-либо углубленіямъ, чѣмъ поверхностнѣе нравственная суть его.

Подготовка въ данномъ случаѣ, по мѣткому, хотя и слишкомъ сильному выраженію г. Вл. Соловьева [1]), преимущественно, если не исключительно, получается „въ конюшнѣ или въ оперетвѣ" и тѣмъ даетъ воспитаннику свободную отъ „праздныхъ умствованій" и „сантиментовъ" способность благополучно оріентироваться тамъ, гдѣ менѣе свободный въ этомъ отношеніи аби-

¹) „Идолы и идеалы" въ „Вѣстн. Евр".

туріентъ сломалъ бы себѣ голову. Въ столицахъ, въ университетѣ (если воспитанникъ заканчиваетъ тамъ свое образованіе), отъ него еще сторонятся—слишкомъ крѣпокъ отдающій запахъ конюшни; но для обтерпѣвшихся провинціальныхъ носовъ запахъ этотъ, напротивъ, очень пріятенъ, и его носителю остается только „плыть по теченію". Не всегда, правда, удается сразу разгадать и намѣтить это теченіе; иногда случается принимать за русло одинъ изъ впадающихъ въ рѣку притоковъ и, вслѣдствіе этого, не съ желаемою скоростью и безошибочностью попадать туда, гдѣ „зимуютъ раки", а туда-то, главнымъ образомъ, и стремится направляемый челнъ. Но узнать мѣсто этой зимовки нашему пловцу немудрено, онъ и здѣсь выходитъ изъ затруднительнаго положенія при содѣйствіи двухъ, обязательно получаемыхъ изъ Петербурга и Москвы, адресъ-календарей; календари эти, какъ и слѣдуетъ календарямъ, часто, разумѣется, провираются, но въ провинціальной глуши всякое вранье, какъ это извѣстно, очень легко сходитъ за правду, особенно, если одинъ изъ издателей въ видѣ преміи обѣщаетъ подписчикамъ метеорологическія свѣдѣнія, ему одному доступныя, а другой унаслѣдовалъ громкую фирму. Руководясь такимъ справочнымъ указаніемъ, молодой человѣкъ спѣшитъ вмѣстѣ съ тѣмъ ознакомиться и со „сливками" своего участка (до снятого молока ему нѣтъ никакого дѣла) и находитъ тутъ все, что нужно: и компасъ, и флюгель, и барометръ, и термометръ, указующіе направленіе вѣтра, температуру и ожидаемую погоду, не только у него въ участкѣ, но и въ „губерніи". И вотъ онъ готовъ въ путь-дорогу: лихая тройка, колокольчикъ съ малиновымъ звономъ, фуражка съ краснымъ дворянскимъ околышемъ, военнаго покроя шинель, золоченый знакъ на груди, почтительно-склоненныя головы крестьянскаго „самоуправленія", обыватели безъ шапокъ, хлѣбосольные помѣщики, любезныя помѣщицы, винтъ по вечерамъ... Чего еще ему надо?! Зачѣмъ ему „идеалы", зачѣмъ ему „чужое благо", зачѣмъ ему указанный въ законѣ объектъ этого блага,—голодающій, болѣющій, отовсюду прижатый на своей „сиротской десятинѣ" сельскій обыватель?

И вотъ онъ въ „Римѣ". Какъ и на берегахъ Тибра, нашъ „вѣчный городъ" основанъ волчицею, не особенно интересуется „догматомъ непогрѣшимости", обладаетъ памятниками и монументами въ болѣе или менѣе живописныхъ руинахъ, вокругъ которыхъ толпятся знатоки и любители, именитые потомки почтенной основательницы, и если у мѣстныхъ лаццарони иногда не хватаетъ макаронъ, то виновато въ томъ ихъ собственное

„мотовство и пьянство, разстраивающія хозяйство“, противъ чего имѣется вѣрное средство, символически знакомое церемоніальнымъ ликторамъ древняго города, но вполнѣ осязательное у насъ.

Въ обрѣтенномъ Римѣ нашъ герой устраивается прекрасно и тотчасъ же приступаетъ къ рьяной реставраціи руинъ. Въ потребное время онъ испрашиваетъ благословеніе у папы, хотя въ случаѣ надобности готовъ отправиться и на поклоненіе въ Мекку и если не возвращается изъ родины пророка съ присвоенной его поклонникамъ зеленою чалмой, то неукоснительно снабжается „шапкой-невидимкой“, весьма душеспасительно конкуррирующей съ „недреманнымъ окомъ“ мѣстнаго блюстителя закона. Получаемыя тамъ инструкціи онъ принимаетъ „къ свѣдѣнію“, но въ ближайшемъ обиходѣ болѣе руководится мѣстной программой: не продавать своего брата дворянина, сельскаго обывателя держать впроголодь и въ надлежащемъ решпектѣ, не особенно церемониться съ закономъ, съ судейскими юридической каши не ѣсть, а въ затруднительныхъ случаяхъ—творить волю пославшаго. Угадать этого „пославшаго“ не всегда легко, но и здѣсь его выручаетъ „адресъ-календарь“, или собственное профессіональное чутье; въ крайнихъ случаяхъ онъ отправляется къ мѣстной ворожеѣ и тамъ, въ прорицаніяхъ надъ кофейной гущей, находитъ требуемыя разъясненія. Что дѣлать!—герой нашъ при всей своей практичности человѣкъ суевѣрный, онъ вѣритъ въ розгу, въ мертвецовъ, встающихъ изъ гроба, вѣритъ поэтому въ возстановленіе крѣпостного права, безприсяжныхъ судовъ, торговой казни и т. п. фантомовъ и даже живетъ этою вѣрою; онъ боится темноты по ночамъ, но днемъ очень охотно допускаетъ ее въ обывателяхъ ради вящшаго внѣдренія „оздоровительныхъ корней“; онъ вѣритъ и въ лѣшихъ, игнорируя, что чины эти давно уже упразднены за обезлѣсеніемъ владѣльческихъ дачъ, и приписываетъ таковое исчезновеніе собственной бдительности: въ моемъ-де участкѣ и лѣшимъ житья нѣтъ! Для полноты картины скажемъ, что даже и при разрѣшеніи возникающихъ на практикѣ юридическихъ вопросовъ онъ, faute de mieux, руководствуется снотолкователемъ Мартына Задеки. Нѣсколько вольнодумнѣе сталъ онъ съ нѣкотораго времени относиться лишь къ опасности отъ дурного глаза, не встрѣчая таковой даже въ „недреманномъ окѣ“, ежемѣсячно устремляемомъ въ него съ лѣвой стороны судейскаго стола.

Благодаря всѣмъ вышепрописаннымъ свойствамъ, данный типъ новаго дѣятеля не ощущаетъ тѣхъ неудобствъ, о которыхъ

мы говорили раньше и которыя существують для особей, не обладающихъ въ такой мѣрѣ біологическою способностью приспособленія. Ихъ зато и гораздо меньше. Большинство идетъ по прямой, уже наторенной дорогѣ въ Римъ и ломится въ его ворота, благо они легче прочихъ уступаютъ напору, а въ иныхъ злачныхъ и гостепріимныхъ мѣстахъ остаются настежь даже и по ночамъ; для входа особенныхъ формальностей не требуется, и вмѣсто всякой стражи виситъ подъ иллюминованною мавританскою аркою большой газовый фонарь, на которомъ крупными литерами намалевано: „добро пожаловать!"...

Въ началѣ дѣло стояло нѣсколько строже: предполагалось не допускать абитуріентовъ тѣхъ воспитательныхъ заведеній, о которыхъ говорилъ Вл. Соловьевъ въ упомянутой выше статьѣ своей; но очень скоро пришлось поступиться не только этимъ желавшимся, но и инымъ цензомъ, пріобрѣтаемымъ съ колыбели, — слѣдовательно безъ особенныхъ затрудненій, но зато и безъ особенной теперь цѣнности. Уступки не вызвали какихъ-либо осложненій въ виду уже усвоеннаго статутомъ и обычаемъ „дуализма", и дѣло обошлось легко, гораздо легче, чѣмъ въ Австро-Венгріи, такъ какъ наши венгерцы не слишкомъ дорожили своею самостоятельностью, а австрійцы должны были сократить свой расовый антагонизмъ, — „на нѣтъ и суда нѣтъ!" — и ограничиться упованіемъ на большую плодовитость со введеніемъ майоратовъ, соло-векселей, избраній безъ баллотировки и т. п. болѣе или менѣе остроумныхъ изобрѣтеній къ сохраненію своего доблестнаго рода.

Однако, колыбельный цензъ заявился въ практикѣ такими результатами, что вызвалъ соображенія, грозящія ему скорымъ и, повидимому, неизбѣжнымъ крушеніемъ.

„Въ окончательно выработанномъ и представленномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія проектѣ измѣненій въ уставѣ о службѣ по опредѣленію отъ правительства (читаемъ мы въ № 14 „Русск. Вѣд." 1893 г.) министерство прежде всего указываетъ, что существующія у насъ ограниченія въ правахъ гражданской службы въ зависимости отъ происхожденія уже утратили свой смыслъ. Крайнее неравенство правъ лицъ совершенно равнаго образованія, но неравнаго происхожденія, не вызывается интересами гражданской службы, нарушаетъ требованія справедливости и вмѣстѣ съ тѣмъ вредитъ прямо тому сословію, въ пользу котораго установляется привилегія: дарованныя потомственному дворянству чрезмѣрныя преимущества по гражданской службѣ всѣ болѣе и болѣе клонятъ къ оскудѣнію его высшимъ

образованіемъ и къ оттѣсненію черезъ то отъ высшихъ поприщъ дѣятельности, какъ въ государственной службѣ, такъ и на литературномъ, напр., поприщѣ. Поэтому служебныя права при опредѣленіи на службу предположено поставить въ соотношеніе только со степенью образованія. *Министерство особенно настаиваетъ на важности юридическаго образованія для административной службы:* оно необходимо для административныхъ чиновниковъ потому, что оно *развиваетъ уваженіе ко всякому существующему праву* какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и лицъ юридическихъ, и *способно предохранить администратора отъ напрасныхъ нарушеній этихъ правъ ради предполагаемой имъ общей пользы.*"

Да! прямодушно и вѣрно направленное высшее юридическое образованіе — узда административному произволу, панацея для всѣхъ тѣхъ недуговъ, по поводу которыхъ мы взялись на этотъ разъ за перо. Но для этого, кромѣ того, нужны Рѣдкины, Грановскіе, Кавелины, Кудрявцевы, Крыловы, Мейеры... Они давно сошли въ могилу, и „отрезвленная" молодежь наполняетъ горечью родительскія сердца учениковъ ихъ, кощунствуетъ надъ прошлымъ и грозитъ будущему въ образѣ „кирасиро-подобнаго студента", о которомъ говорили мы, вспоминая на страницахъ „Русск. Архива" объ его предшественникахъ. Она же, эта отрезвленная молодежь, всего болѣе пособила трудному дѣлу комплектованія новоявленнаго института: случись реформа нѣсколько раньше, и охотниковъ бы не нашлось!.. Говорятъ, что при составленіи новаго закона, учредившаго институтъ земскихъ начальниковъ, прототипомъ ихъ имѣлся въ виду образецъ изъ далекаго прошлаго,—*далекаго*, если не въ хронологическомъ, то въ идейно-культурномъ смыслѣ этого слова: памяти составителей, якобы, предносился дѣятель освободительной эпохи—мировой посредникъ перваго призыва. Не знаемъ, насколько это вѣрно, но не подлежитъ сомнѣнію, что это очень вѣроятно: „заботы по завершенію крестьянскаго дѣла", „попечительство надъ сельскими обывателями", судебно-административное полномочіе для „разбирательства маловажныхъ дѣлъ", преимущественно аграрнаго характера, помѣстный цензъ назначенія и т. п. атрибуты новой должности какъ нельзя болѣе подтверждаютъ эту вѣроятность. Но если это такъ, то въ возсозданіи этой должности *теперь* не только нельзя было усматривать какихъ-либо шансовъ на полученіе хотя бы блѣдной копіи съ минувшаго оригинала, но, напротивъ того, слѣдовало предвидѣть, что подобная задача неосуществима въ наши дни. Историческій ори-

гиналъ только потому такъ привѣтливо смотритъ на насъ изъ своего далекаго прошлаго, что, прежде всего, онъ вызванъ былъ одною изъ тѣхъ великихъ идей, которыя нарождаются и воплощаются вѣками, — идеею освобожденія рабовъ. Идея эта вдохновила дѣятеля, а поставила его на служеніе ей среда, не только не имѣющая ничего общаго съ современною, но діаметрально ей противоположная, — среда, которая жила высшими, теперь забытыми идеалами и вѣровала въ нихъ, обновленная въ томъ общемъ духовномъ подъемѣ, которымъ навсегда будетъ гордиться свѣтлая эра начала 60-хъ годовъ. Затѣмъ, крупная доля успѣха освободительной миссіи мировыхъ посредниковъ, какъ это теперь всѣми признается, принадлежала приснопамятной и также давно минувшей эпохѣ московскаго университета, бóльшую и наилучшую часть ихъ воспитавшаго.

Вотъ гдѣ колыбель этого успѣха. Этой колыбели нѣтъ теперь. Родившемуся въ ней не нужно было, не разбирая дорогъ, идти въ „Римъ", справляться въ адресъ-календаряхъ и руководствоваться снотолкователемъ; онъ не могъ приспособляться, — онъ могъ только царить. „Мировой посредникъ, писали мы однажды, оттого только и снискалъ себѣ благодарную, чтимую до сихъ поръ память, что, не взирая ни на какія „вѣянія" и „тенденціи", всегда оставался вѣренъ великому духу закона, радѣлъ объ охраняемыхъ имъ правахъ сельскаго обывателя и видѣлъ въ немъ человѣческую и полноправную личность, а не вчерашняго раба, послушнаго лишь палкѣ [1]."

Ему, этому радѣтелю о правахъ сельскаго обывателя, не вмѣнялось въ обязанность и не ставилось въ заслугу „наведеніе страха на всѣхъ подчиненныхъ ему лицъ". Ему, совершенно напротивъ, указывалась необходимость заручиться „полнымъ довѣріемъ крестьянъ". 22 марта 1861 г. послѣдовалъ на имя губернаторовъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского. „Законъ, облекая посредниковъ обширною властью и полнымъ довѣріемъ, — читаемъ мы въ этомъ циркулярѣ, — ставитъ ихъ внѣ личной зависимости отъ административныхъ учрежденій. Нравственныя качества, требуемыя отъ должности мирового посредника, показываетъ самое ея названіе. Главное ея назначеніе быть — примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословій. Столь высокое призваніе не можетъ быть съ успѣхомъ выполнено ни лицами, которыя своею прежнею общественною дѣятельностью или вообще своимъ образомъ мыслей заявили себя пристрастными и исклю-

[1]) „Розга какъ карательная мѣра" (Юрид. Вѣстн.).

чительными сторонниками интересовъ одного лишь сословія, ни, еще менѣе, обычными искателями штатныхъ мѣстъ, которые по службѣ преслѣдуютъ только личныя цѣли и собственныя, нерѣдко корыстныя выгоды. *Личныя* достоинства новыхъ посредниковъ должны утвердить за ними то высокое значеніе и общее довѣріе, которыя предоставлены имъ Верховною законодательною властью. Для успѣха всѣхъ предстоящихъ мѣръ особенно важно, чтобы посредники пользовались не одною только властью надъ крестьянами, но и *полнымъ ихъ довѣріемъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Въ этихъ видахъ необходимо пригласить въ посредники лишь такихъ лицъ, которыя извѣстны *несомнѣннымъ сочувствіемъ къ преобразованію и хорошимъ обращеніемъ съ крестьянами* (курсивъ въ подлинникѣ).

Только такимъ „довѣріемъ", а не страхомъ, можетъ создаваться тотъ „престижъ власти", которымъ такъ старательно и такъ тщетно заботились окружить дѣятельность земскихъ начальниковъ. Вмѣсто довѣрія и уваженія получился обратный результатъ. Всего больше помогли этому превращенію тѣ собственноручныя заушенія, пощечины, затрещины и зуботычины, которыми такъ скоро обогатилась эта дѣятельность. Народъ совершенно основательно сообразилъ, что подобными средствами не могутъ орудовать настоящее нравственное достоинство и настоящій служебный авторитетъ. Со временъ отмѣны крѣпостного права народъ этотъ успѣлъ отвыкнуть отъ всѣхъ подобныхъ разновидностей тѣлеснаго воздѣйствія, а если иногда и встрѣчался съ ними, то видѣлъ ихъ исходящими лишь отъ низшихъ исполнительныхъ агентовъ мѣстной власти, — сотскихъ, десятскихъ, урядниковъ, сторожей и т. п. Земскіе начальники, унаслѣдовавъ пріемъ отъ этихъ низшихъ чиновъ сельской администраціи, неизбѣжно должны были въ глазахъ народа отождествиться съ ними, приравняться къ нимъ и унаслѣдовать, вслѣдствіе этого, и ту степень довѣрія и уваженія, какими пользуются въ народѣ эти низшіе чины. За это долгое время народъ никогда не видывалъ, чтобы къ такимъ пріемамъ воздѣйствія прибѣгали мировые посредники, мировые судьи, товарищи прокурора, и потому видѣлъ въ нихъ „настоящаго, стоющаго барина", власть котораго не нуждается въ обстановкѣ подобными атрибутами, а, напротивъ того, гнушается ими. Вотъ почему рукопашный бой, повсемѣстно предпринятый въ цѣляхъ „престижа", далъ на дѣлѣ совершенно обратный и совершенно естественный результатъ. Народъ отвернулся, „пріунылъ, испугался и сталъ терпѣливо переносить всѣ строгости". Эта терпѣливость, въ нормальномъ

порядкѣ вещей обезоруживающая нападеніе, въ данныхъ условіяхъ лишь развязала ему руки...

Съ другой стороны довѣріе и уваженіе можетъ привлечь къ себѣ лишь та дѣятельность, которая устойчива, едина и симпатична, или, по крайней мѣрѣ, понятна. Ни того, ни другого, ни третьяго мы на этотъ разъ не видимъ. Насколько пестръ законъ, ее нормировавшій, настолько же пестрою оказалась и дѣйствительность. Не только уѣздъ не похожъ на сосѣдній, но и участки одного уѣзда, несмотря на ежемѣсячныя совѣщанія дѣятелей, не похожи другъ на друга. Въ одномъ участкѣ сѣкутъ, въ другомъ, рядомъ же, не сѣкутъ (отчетъ по ревизіи смоленскаго губернатора); въ одномъ участкѣ поощряется земледѣліе путемъ уголовной репрессіи, въ другомъ воспрещается всякое культурное улучшеніе; въ одномъ уѣздѣ крестьяне на сторожевыхъ пунктахъ наблюдаютъ, не покажется ли гдѣ зарево, въ другомъ земскій начальникъ бьетъ за распоряженія къ тушенію пожара; въ одномъ мѣстѣ организуются общественныя принудительныя работы, въ другомъ — увеселительныя охоты за волками; въ одномъ участкѣ обыватель обязывается при встрѣчѣ съ начальникомъ сворачивать съ дороги, снимать шапку и „провожать особу глазами“, въ другомъ—онъ можетъ ограничиться лишь „отданіемъ чести“; въ одномъ участкѣ начальство открываетъ кабаки, въ другомъ — обывателя сѣкутъ за пьянство; въ одномъ — „населеніе возбуждается отъ спячки“ конфискаціею заработковъ, въ другомъ—стрѣльбою изъ ружья—и т. д. и т. д. Переживаются времена удѣльной Руси, и если новые князья не воюютъ другъ съ другомъ, то только потому, что ихъ ратныя наклонности легко и безопасно удовлетворяются въ границахъ ввѣреннаго удѣла.

V.

Итакъ мы видимъ нѣсколько путей, то усѣянныхъ терніями, то засыпанныхъ цвѣтами, и всѣ они, вѣрные пословицѣ, ведутъ въ одинъ и тотъ же „Римъ“. Но, увы!—въ вѣчномъ городѣ, ни на одномъ изъ семи холмовъ его, нѣтъ на этотъ разъ мѣста „благу сельскаго обывателя“, во имя котораго изданъ законъ, нѣтъ мѣста этому закону, нѣтъ мѣста свободному убѣжденію судейской совѣсти, нѣтъ мѣста сознанію исполненнаго долга, нѣтъ мѣста всей той свѣтлой вереницѣ преподанныхъ Судебными Уставами животворящихъ началъ, благодаря которымъ „мировыя

учрежденія успѣли сразу стяжать громадную популярность въ народѣ и сдѣлаться самымъ цѣннымъ и плодотворнымъ проводникомъ гуманно-просвѣтительныхъ идей судебной реформы" (Джаншіевъ, „Изъ эпохи великихъ реформъ", стр. 182).

Вотъ отчего по-неволѣ думается, что всѣ эти оглашенныя и неоглашенныя посягательства на законъ, на права, на личность человѣческую, всѣ эти юридическія язвы на лонѣ вновь открывшейся дѣятельности берутъ свое начало не въ личности дѣятеля только, но и, главнымъ образомъ, въ кодификаціонныхъ условіяхъ института, нормирующихъ его дѣятельность, съ одной стороны, и въ воззрѣніяхъ и требованіяхъ среды, въ которой она развивается,—съ другой. Какъ бы то ни было, но эти язвы оказываются заражающими: эпидемія растетъ и распространяется, она уже покидаетъ свои облюбленныя гнѣзда и переходитъ предѣлы порубежныхъ, благополучныхъ сравнительно областей. Идетъ она, затѣмъ, и скачками, переносясь съ мѣста на мѣсто какою-то еще непостижимою силою. Открывшееся наслѣдіе одной изъ ея первыхъ жертвъ объявляется „имуществомъ выморочнымъ"; снимаются охранявшіе его сторожевые посты и печати, права личныя и имущественныя утрачиваютъ гарантію прежней защиты, и каждый, будь то туземецъ-сосѣдъ или иммигрантъ, считаетъ себя въ правѣ на захватъ того или иного клочка изъ выморочнаго достоянія. То здѣсь, то тамъ обнаруживаются „мѣропріятія"-метаморфозы, подвѣдомственныя и по дѣйствующимъ пока законамъ судебной компетенціи, но предпринимаемыя, однако, и невозбранно чинимыя представителями полицейской власти: она возбуждаетъ преслѣдованія, судитъ, лишаетъ правъ и караетъ, немедленно исполняя свои рѣшенія. Равнымъ образомъ, то здѣсь, то тамъ, все чаще и смѣлѣе, совершаются подобныя же мѣропріятія-метаморфозы и въ иныхъ вѣдомствахъ; мы видимъ, напр., *губернскій*, слѣдовательно никѣмъ, ничѣмъ не установленный съѣздъ земскихъ начальниковъ, постановляющій свои рѣшенія по предметамъ, подлежащимъ вѣдѣнію земскихъ собраній и управъ. Мы видимъ уѣзднаго предводителя дворянства, принудительно взыскивающаго чрезъ волостныя правленія добровольный и необязательный по закону сборъ на церковно-приходскія школы. Мы видимъ, затѣмъ, училищный совѣтъ, отмѣняющій законное право учителей и учениковъ на лѣтній вакантный отдыхъ, столь необходимый и тѣмъ и другимъ.

„Властная рука" оказывается, вмѣстѣ съ тѣмъ, и „легкою"!

Совершенно наоборотъ, мировой судья, олицетворяя въ себѣ живое начало законности, справедливости и человѣчности, слу-

жилъ для всѣхъ прочихъ властей и образцомъ, и сдерживающимъ старыя привычки стимуломъ. Если для однихъ онъ оказывался, вслѣдствіе этого, „бѣльмомъ въ глазу“, то зато передъ нимъ открывались и дотолѣ совсѣмъ слѣпыя очи: отъ него впервые узнавалъ „сельскій обыватель“ свои и чужія права и обязанности; въ немъ, въ этомъ еще недавно безправномъ обывателѣ, росло и крѣпло невѣдомое ему „уваженіе къ закону“, къ чужому праву, и этотъ ростъ бывалъ до того быстръ и внушителенъ, что крестьянинъ, напр., отказывался отъ своей исторической прерогативы бить жену или непокорнаго сына. До него, судьи-человѣка, доходили неслышные раньше „бабьи стоны“ и „дѣтское горе“ [1]). Ему не предстояло, затѣмъ, никакой надобности заставлять обывателей снимать предъ нимъ шапки, или сѣчь человѣка за то, что не своротилъ предъ нимъ съ дороги: *все это исполнялось само собой*. Ему, носителю юной еще у насъ идеи праваго, милостиваго, для всѣхъ равнаго суда, не предстояло, однако, никакой необходимости и въ тѣхъ дикихъ, преступныхъ проявленіяхъ своей мнимой власти, отъ которыхъ мозолится глазъ и вянетъ ухо, и благодаря которымъ, при одномъ имени „земскій начальникъ“, встаетъ въ вашемъ представленіи такой специфически-несимпатичный образъ, что жутко становится на душѣ.

Тыканіе на судоговореніи, мордобитіе на сельскомъ сходѣ, безпротокольные аресты, пристрастіе къ розгѣ—отвратительны сами по себѣ, но это лишь внѣшніе, видимые показатели—символы того невидимаго и безпредѣльнаго, хотя и болѣе мирнаго содержанія, которое повседневно наполняетъ собою судебныя, административныя, опекунскія и самозванныя функціи земскаго начальника. Знаменуемое этими символами содержаніе всецѣло можетъ быть выражено извѣстнымъ девизомъ: „дерзай!“ — и онъ дерзаетъ, поощряемый отовсюду. Еще при самомъ введеніи института, вѣроятно, въ видахъ облегченія предстоявшей ему задачи, были, и устно и письменно, предприняты всѣ мѣры къ расчищенію предлежавшаго пути; юристамъ преподаны были авторитетныя указанія не быть слишкомъ требовательными,— льгота, о которой не имѣли и понятія мировые судьи, сами пробивавшіе себѣ дорогу. Эта льгота, претворяясь въ практикѣ, не могла, понятно, не поселить въ неофитѣ, окруженномъ столь нѣжными заботами, извѣстной увѣренности въ безотвѣтственности

---

[1]) См. прекрасныя статьи подъ этими заглавіями Мантейфеля и Лудмера въ „Юрид. Вѣстн.“.

всего, что касается его юрисдикціи, и однажды, на уѣздномъ съѣздѣ, когда товарищъ прокурора спросилъ одного изъ этихъ привилегированныхъ неофитовъ, почему онъ не замѣнилъ назначеннаго волостнымъ судомъ тѣлеснаго наказанія за одно изъ новоявленныхъ, караемыхъ практикою, но не преступныхъ по закону „дѣяній", — то получилъ короткій и ясный отвѣтъ: „оттого, что *не желалъ*,—пусть выпорютъ."

Да! Въ этой только области земскій начальникъ не чувствуетъ надъ собою тѣхъ тисковъ, о которыхъ было говорено выше, и на ней вымещаетъ ихъ, отводя свою душу *„по всѣмъ статьямъ закона"*, какъ выразился уѣздный съѣздъ въ вышеприведенномъ рѣшеніи своемъ. Въ ней онъ, ничѣмъ не рискуя, попадаетъ въ господствующій и благопріятный ему тонъ и смѣло можетъ бросить подобный отвѣтъ коронному представителю закона на судѣ, — sic volo sic jubeo!

Совершенно иначе относился къ этому представителю мировой судья: не только съ глубочайшимъ уваженіемъ и вниманіемъ выслушивалъ онъ его заключенія, но закидывалъ его своими юридическими вопросами, не тяготился его участіемъ, а искалъ его; онъ сознавалъ свое духовное родство съ нимъ, воспріявъ это родство у общей купели.

Для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдиться въ дисциплинирующей силѣ, органически присущей мировому институту и съ такимъ успѣхомъ работавшей въ немъ, стоитъ лишь принять на видъ, что задача земскаго начальника, взятая внѣ идеальной сферы кодификаціонныхъ нормъ своихъ, невольно имъ игнорируемой, и уже нормированная обычаемъ, въ сущности чрезвычайно проста сравнительно съ тою, какая выпадала на долю мирового судьи: мировой судья былъ *піонеромъ*, земскій начальникъ — *только реставраторъ;* первому приходилось плыть противъ теченія, второй плыветъ по теченію и, несмотря на то, безпрестанно захлебывается, относится въ сторону, садится на мель или выбрасывается за линію фарватера, чего никогда не случалось съ его предшественникомъ.

Отчего же происходитъ это?

Кромѣ всего уже сказаннаго выше, отвѣтить на этотъ вопросъ можно слѣдующимъ фигуральнымъ, и потому сжатымъ, сопоставленіемъ.

Представимъ себѣ двухъ живописцевъ. Оба они, положимъ, одинаковаго дарованія; оба работаютъ на одинъ и тотъ же конкурсъ, но одному изъ нихъ отвели свѣтлую, просторную студію, дали чистое, обрамленное полотно, кисти и палитру въ руки,

предоставивъ остальное свободному творчеству художника; другого помѣстили въ мансардѣ, гдѣ складывается всякій старый, вышедшій изъ употребленія хламъ, взяли изъ этого хлама цѣлую коллекцію вылинявшихъ и потрескавшихся картинъ съ разнообразнѣйшими, едва замѣтными подъ слоемъ пыли и всяческихъ наносовъ сюжетами, и заставили его реставрировать эти картины. Дѣло немудрое, если хотите; но свѣтъ едва проникаетъ въ узенькое слуховое оконце; рядомъ развѣшено для просушки бѣлье; подъ покатою крышею нельзя выпрямить свою склоненную голову; полъ пересѣченъ балками, о которыя то-и-дѣло спотыкаешься, а стулъ, на которомъ работаетъ реставраторъ, о трехъ ножкахъ... Нетрудно угадать, чья работа выйдетъ лучше. Но первому живописцу не пришлось окончить свою задачу,—его студію закрыли, а картину снесли въ мансарду, гдѣ она и стоитъ теперь рядомъ съ готовыми уже продуктами реставраціи. Оказалось возможнымъ сравненіе. Въ незаконченной картинѣ, разумѣется, сквозитъ кое-гдѣ подмалевка, виднѣются кое-какіе непоправленные еще промахи, но это не мѣшаетъ цѣльности и единству общаго впечатлѣнія. Обращаясь, затѣмъ, къ трудамъ реставратора, наблюдатель останавливается въ полнѣйшемъ смущеніи: на картинѣ, изображавшей нѣкогда амура и психею, амуръ оказывается пѣтухомъ, а психея съ усами; морской заливъ съ бѣлѣющимъ парусомъ на горизонтѣ южнаго неба превратился въ зимній ландшафтъ съ колокольней вдалекѣ; уцѣлѣвшій на первомъ планѣ рыбакъ закидываетъ свою удочку въ снѣгъ и т. п. Сравнительно удачнѣе вышли батальныя сцены, видъ одного изъ аракчеевскихъ поселеній и портреты двухъ безшабашныхъ совѣтниковъ „Дыбы“ и „Удава“,—каковыя произведенія были тотчасъ же скопированы любителями, а неоконченная картина сдана въ архивъ.

Но придетъ ея художникъ, снова сядетъ за свою работу, сорная мансарда преобразится въ опрятную студію, и піонеръ смѣнитъ реставратора!

Быть можетъ для этого заключительнаго, примиряющаго аккорда, къ которому сводится наша параллель, недостаточно разработана основная, ведущая къ нему тема? Но разработка общественно-юридическихъ темъ—дѣло теперь далеко не легкое, въ особенности, когда онѣ, покидая мирную область отвлеченной теоріи, сходятъ въ живую среду и вмѣшиваются въ борьбу ожесточенныхъ противниковъ. Тутъ, съ одной стороны, нельзя пользоваться всѣмъ скорбнымъ обиліемъ фактическаго матеріала, находящагося въ

распоряженіи автора; съ другой, необходимо въ туманъ и аллегорію облекать свою мысль тамъ, гдѣ она рвется наружу, прося искренняго, простого, отъ сердца идущаго слова; слову этому бываетъ нужна порою и образная форма, чтобы жесткимъ, какъ гранитъ, и сверкающимъ, какъ сталь, пробить себѣ дорогу къ броненосному вниманію досужаго читателя и не обременить и безъ того обремененныхъ мозговъ судебнаго дѣятеля.

Однако, несмотря на все это, невозможно въ данномъ случаѣ спорить противъ того, что если и трудно пока подвести итогъ по всѣмъ деталямъ предлежащей перспективы, то легко предугадать его по основнымъ, безповоротно уже намѣтившимся ея линіямъ, невозможно не видѣть, какъ отчетливо и рѣзко вырисовались на блѣдномъ, сѣверномъ небосклонѣ скалистыя вершины одного берега и какъ безотрадно плоски песчаныя отмели другого. И нѣтъ того зодчаго, который съумѣлъ бы устойчивымъ мостомъ соединить эти берега, нѣтъ того шкипера, которому удалось бы провести свой корабль между ними: широкій потокъ раздѣляетъ ихъ; онъ смоетъ современемъ песчаныя наслоенія, но не коснется стремящихся къ небу скалъ, разбивая лишь у ихъ подножія свои, мимолетными бурями взметаемыя волны.

Поэтому, будь остороженъ до конца, благосклонный читатель, и не вѣрь предательской молвѣ, которая, пользуясь предразсвѣтной мглой, временами скрывающей эти величавыя скалы, силится убѣдить тебя, что не должна разсѣяться эта мгла, что не должно взойти солнце поутру, чтобы въ лучахъ своихъ потопить ее, что лишь въ этой мглѣ, а не при солнцѣ, „равно восходящемъ надъ праведниками и неправедными“, можетъ благоденствовать человѣкъ.

Не все счелъ авторъ нужнымъ сказать здѣсь объ этомъ *восходящемъ по утрамъ* и *закатывающемся передъ ночами* солнцѣ; онъ пользовался его лучами лишь настолько, насколько это было необходимо для освѣщенія другой, тѣневой параллели, имѣя въ виду, что сіяніе этого солнца, въ связи со всею, окружающею его планетною системой, со всею присущею ему животворящею силою свѣта и тепла, уже достаточно отражено правдивымъ лѣтописцемъ „*Эпохи великихъ реформъ*“ въ его прекрасной книгѣ; книга эта въ короткое время выдержала пять послѣдовательныхъ изданій и потому достаточно всѣмъ извѣстна; она накормила много голодающихъ, въ пользу которыхъ была издана, но она же дала роскошную трапезу и голодающему правовому самосознанію общества. Въ золотой цѣли задумана она авторомъ и такими же буквами запечатлѣется въ умѣ и сердцѣ читателя.

Въ ней онъ найдетъ то, что опущено здѣсь по первой изъ разсмотрѣнныхъ параллелей—мировому институту,—„*краеугольному камню гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда*", какъ сказалъ о немъ Д. Н. Замятинъ въ цитированной выше рѣчи своей и засвидѣтельствовалъ, затѣмъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ „всеобщее къ мировому институту довѣріе".

„Какая бы участь ни ждала въ будущемъ этотъ институтъ,—такъ заключаетъ г. Джаншіевъ посвященную ему главу въ своей книгѣ,—истекшая двадцатипятилѣтняя плодотворная дѣятельность его по водворенію въ безправой дотолѣ массѣ народной идеи права и законности, сознанія своего человѣческаго достоинства, составляетъ громадную и безспорную заслугу передъ отечествомъ, и она займетъ видное мѣсто въ исторіи культуры русскаго народа." Множество приводимыхъ почтеннымъ авторомъ документальныхъ данныхъ изъ оффиціальной, литературной, общественной исторической и бытовой сферы его изслѣдованія,—данныхъ, необыкновенно тщательно и безпристрастно имъ отовсюду собранныхъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ непогрѣшимости этого конечнаго вывода.

Дождется ли когда-нибудь будущій историкъ преемственной дѣятельности такихъ блестящихъ источниковъ и увѣнчаетъ ли ее такимъ выводомъ—это вопросъ иной.

П. Обнинскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ.

(Рѣчь, читанная на диспутѣ въ Московскомъ университетѣ 27-го сентября 1894 г.).

Послѣдніе два-три года отовсюду приходятъ извѣстія о застоѣ торговли; газеты полны сообщеніями о паденіи товарныхъ цѣнъ, банкротствахъ банковъ и промышленныхъ предпріятій, увеличеніи арміи безработныхъ, попытавшихся въ Соединенныхъ Штатахъ, подъ предводительствомъ „генерала" Коксея, образовать нѣчто въ родѣ дѣйствительной арміи, стачкахъ рабочихъ, вызванныхъ требованіями предпринимателей понизить заработную плату, и пр. и пр. По обыкновенію, существующій промышленный застой эксплуатируется въ свою пользу сторонниками самыхъ различныхъ направленій: протекціонисты обвиняютъ во всемъ поворотъ въ пользу свободной торговли, обнаружившійся за послѣднее время во многихъ государствахъ; фритредеры видятъ главную причину застоя въ неумѣренномъ протекціонизмѣ, дошедшемъ до своего апогея въ извѣстномъ тарифѣ Макъ-Кинлея. Къ этому присоединяются нескончаемые споры о преимуществахъ и недостаткахъ различныхъ системъ денежнаго обращенія, агитація биметаллистовъ, вліяніе которой на общественное мнѣніе все усиливается, и пр. и пр. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ среди спеціалистовъ, такъ и среди массы публики больше и больше распространяется мнѣніе, что какое бы вліяніе на застой торговли ни оказывала та или другая законодательная мѣра, основная причина періодическаго возвращенія кризисовъ коренится гораздо глубже, въ самой сущности современнаго экономическаго строя. Никто не сомнѣвается, что черезъ нѣкоторое время, самое большее—нѣсколько лѣтъ, торговля опять болѣе или менѣе оживится, промышленная машина начнетъ работать полнымъ

ходомъ, а затѣмъ снова повторятся потрясенія и разстройства, совершенно подобныя тѣмъ, которыя переживаются теперь Америкой и Западной Европой.

Современный кризисъ въ особенности интересенъ тѣмъ, что на этотъ разъ дѣйствіе его весьма чувствительно коснулось и Россіи. Мы всѣ достаточно наслышались о разорительности для русскаго землевладѣнія паденія цѣнъ хлѣба, начавшагося въ 1893 году и усиливающагося вплоть до настоящаго времени.

По общему мнѣнію, одной изъ важнѣйшихъ причинъ упадка цѣнъ является кризисъ, принудившій американскихъ хозяевъ и хлѣбныхъ торговцевъ поспѣшно реализировать громадныя партіи хлѣба. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ въ экономическомъ отношеніи Россія была почти совершенно независима отъ другихъ государствъ. Мы были ограждены своего рода китайской стѣной отъ иноземнаго вліянія, — стѣной, которая могла устоять противъ всякаго рода бурь и непогодъ. Стѣною этою было натуральное хозяйство, опиравшееся, въ свою очередь, на крѣпостное право. Когда эта опора рухнула, начало разлагаться и натуральное хозяйство; русскій крестьянинъ, столько лѣтъ пребывавшій въ неподвижности, долженъ былъ выдти на широкую арену міровой торговли и промышленности, и съ этого времени начинается постепенное преобразованіе хозяйственнаго строя Россіи. Область денежнаго хозяйства распространяется съ каждымъ годомъ, и вслѣдъ за рублемъ, проникающимъ въ мужицкую избу, на насъ надвигается и подчиняетъ своей власти капитализмъ. Желѣзныя дороги являются авангардомъ арміи капитализма; вызываемое ими удешевленіе и ускореніе транспорта разбиваетъ оковы натуральнаго хозяйства, товары начинаютъ быстрѣе обращаться и переходить изъ рукъ въ руки, и деньги становятся главнымъ предметомъ желаній производителя. За желѣзными дорогами слѣдуютъ банки, фабрики, заводы, и такимъ образомъ капитализмъ захватываетъ въ свои сѣти все новыя и новыя пространства земли русской. Лѣтъ десять тому назадъ можно было спорить, слѣдуетъ ли считать Россію капиталистической страной, или нѣтъ. Теперь эти споры въ значительной степени потеряли свой смыслъ: только съ закрытыми глазами можно не видѣть, что въ настоящее время въ Россіи денежное хозяйство, неизбѣжно ведущее къ торжеству капитализма, охватываетъ собою всѣ стороны экономической жизни, и что вопросы рынка, сбыта, цѣны имѣютъ для насъ почти такое же значеніе, какъ и для нашихъ западныхъ сосѣдей.

Въ виду этого, изученіе своеобразныхъ законовъ капиталистическаго хозяйства пріобрѣтаетъ особый интересъ и для русскаго экономиста. Эти законы не только освѣщаютъ и дѣлаютъ понятными многія явленія современной русской дѣйствительности, но, что еще важнѣе, они позволяютъ предвидѣть и будущее. По мѣрѣ того, какъ нашъ хозяйственный строй будетъ приближаться къ западно-европейскому, у насъ будутъ наблюдаться и всѣ характерныя особенности этого строя, къ числу каковыхъ, и притомъ наиболѣе важныхъ по своему соціальному и экономическому значенію, слѣдуетъ отнести и промышленные кризисы.

Въ прежнее время тоже бывали кризисы, и В. Рошеръ находитъ ихъ даже въ древней исторіи. Но эти кризисы были мало похожи на современные. Вполнѣ понятно, что ни при какомъ хозяйственномъ строѣ нельзя достигнуть полнаго равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ, между спросомъ и предложеніемъ продуктовъ; поэтому у всѣхъ народовъ и во всѣ времена бывали моменты, когда продуктовъ не хватало для потребленія, или когда, наоборотъ, количество продуктовъ, временно по крайней мѣрѣ, превышало спросъ. А такъ какъ торговля въ большей или меньшей степени присуща всѣмъ извѣстнымъ намъ культурнымъ состояніямъ, то естественно, что чрезвычайныя колебанія въ количествѣ производимыхъ товаровъ должны отражаться и на ихъ цѣнахъ. Въ этомъ смыслѣ Брентано совершенно правъ, утверждая, что кризисы являются неустранимымъ элементомъ хозяйства.

Кризисы прошлаго вѣка уже болѣе напоминаютъ современные. Они были вызваны развитіемъ въ Западной Европѣ въ началѣ XVIII столѣтія кредита въ его разнообразныхъ формахъ и биржевой игры. Биржевыя спекуляціи Джона Ло во Франціи и Компаніи Южнаго моря въ Англіи по своему безразсудству и рискованности, а также и по своей заразительности для массы публики превосходили все въ этомъ родѣ, что̀ мы видимъ въ наше время. Но все-таки эти кризисы, по своему значенію и роли въ народной экономіи, глубоко отличаются отъ современныхъ. Раньше кризисы были явленіемъ случайнымъ; они были вызываемы различными непредвидимыми событіями, въ родѣ неурожаевъ, войны, пріобрѣтенія новыхъ колоній; въ наступленіи ихъ не было никакой правильности, область распространенія и вліянія ихъ ограничивалась одной страной и, обыкновенно, въ этой странѣ—немногими классами населенія. Эти кризисы являлись какъ бы рѣдкою болѣзнью хозяйственнаго организма, произво-

димой особыми внѣшними обстоятельствами даннаго момента. Напротивъ того, въ наше время кризисы уже не случайная болѣзнь, а необходимый фазисъ развитія промышленности. При господствѣ капиталистическаго строя промышленность прогрессируетъ не непрерывно, но послѣ каждаго періода процвѣтанія непремѣнно слѣдуетъ періодъ упадка. Промышленность какъ бы описываетъ циклъ, или, вѣрнѣе, движется по спирали, такъ какъ, несмотря на повторяющіяся отъ времени до времени измѣненія направленія движенія изъ поступательнаго въ ретроградное, все-таки въ общемъ преобладаетъ поступательное движеніе.

Если мы будемъ изучать исторію промышленности какой-либо капиталистической страны, намъ сейчасъ же бросится въ глаза эта особенность ея развитія. Всегда и неизмѣнно, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ промышленнаго благополучія, когда производство расширено, торговля оживлена, цѣны товаровъ и заработная плата высоки, а число безработныхъ и банкротовъ сравнительно невелико, слѣдуетъ паденіе товарныхъ цѣнъ и заработной платы, застой торговли, сокращеніе производства и увеличеніе числа банкротовъ и безработныхъ. Чередованіе эпохъ оживленія и застоя торговли, процвѣтанія и упадка промышленности наблюдается съ такой правильностью, что можно даже приблизительно опредѣлить продолжительность промышленнаго цикла. Въ странахъ съ капиталистическимъ хозяйствомъ промышленные кризисы происходятъ обыкновенно черезъ 10—11 лѣтъ. Промышленные кризисы являются едва ли не единственнымъ соціальнымъ явленіемъ, которое удается предсказывать иногда за нѣсколько лѣтъ, подобно тому какъ астрономамъ удается предсказывать движеніе планетной системы.

Современные кризисы отличаются отъ прежнихъ также и тѣмъ, что они все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ міровой характеръ. По мѣрѣ распространенія капиталистическаго строя, все новые и новые народы попадаютъ въ одинъ и тотъ же заколдованный кругъ развитія. Въ настоящее время промышленные приливы и отливы охватываютъ собою весь цивилизованный міръ. Поэтому можно смѣло утверждать, что циклическое развитіе современной промышленности не зависитъ отъ индивидуальныхъ особенностей экономическаго положенія той или иной страны, но представляетъ собою характерную черту всего новѣйшаго экономическаго строя.

Такъ какъ капиталистическій строй полнѣе всего развился въ Англіи, то указанный законъ развитія современной промышлен-

ности—чередованіе эпохъ оживленія и упадка—наблюдается въ этой странѣ съ особенной правильностью и типичностью. Экономическія условія играютъ такую огромную, можно сказать, преобладающую роль въ жизни отдѣльнаго человѣка и всего общества, что было бы странно, если бы цикличность современнаго промышленнаго развитія ничѣмъ не отразилась на характерѣ всего соціальнаго строя. И дѣйствительно, статистическое изслѣдованіе важнѣйшихъ данныхъ, характеризующихъ разныя стороны народной жизни Англіи—брачности, смертности, преступности, пауперизма, сбереженій—вполнѣ подтвердило фактъ такой зависимости. Если, на основаніи этихъ данныхъ за цѣлый рядъ лѣтъ, построить діаграмму, то мы увидимъ, что кривыя брачности, смертности, пауперизма, преступности и сбереженій правильно колеблются изъ года въ годъ.

Въ эпоху промышленнаго оживленія брачность населенія и его сбереженія возрастаютъ, а пауперизмъ, преступность и смертность понижаются; въ періодъ разстройства промышленности увеличивается число умершихъ, нищихъ и преступниковъ, а число браковъ и сумма сбереженій уменьшается.

Зависимость между всѣми этими колебаніями и состояніемъ кредита настолько очевидна, что въ 40-хъ годахъ этого столѣтія шерифъ Ланаркскаго графства, нѣкій Алисонъ, заявилъ комиссіи палаты лордовъ, что при повышеніи англійскимъ банкомъ дисконтнаго процента онъ обыкновенно обращается къ мѣстнымъ властямъ со слѣдующей рѣчью: „Джентльмены, англійскій банкъ повышаетъ дисконтъ, вамъ бы слѣдовало немедленно принять мѣры для заготовленія свободныхъ камеръ въ тюрьмахъ, госпиталяхъ и рабочихъ домахъ [1]“.

Причина періодическихъ колебаній въ народной жизни въ Англіи выступитъ для насъ вполнѣ рельефно, если мы, не ограничиваясь суммарными данными относительно всей Англіи, разсмотримъ ихъ отдѣльно для земледѣльческаго и промышленнаго населенія страны. Мы увидимъ, что въ жизни земледѣльческаго населенія колебанія сравнительно ничтожны и обусловливаются преимущественно урожаями; напротивъ того, въ жизни промышленнаго населенія замѣчаются правильныя, ритмическія и рѣзко выраженныя колебанія, вполнѣ совпадающія съ фазисами промышленнаго цикла. Очевидно, всѣ эти колебанія суть не что иное, какъ отраженіе въ жизни массы народа своеобразнаго закона развитія капиталистической промышленности.

---

[1]) М. И. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы въ современной Англіи. 1894 г., стр. 162.

Такимъ образомъ, въ капиталистическомъ обществѣ не только промышленность должна съ роковой неизбѣжностью вращаться въ кругѣ, подвергаясь, черезъ извѣстные промежутки времени, однимъ и тѣмъ же бѣдствіямъ, но и вся народная жизнь пріобрѣтаетъ такой же циклическій характеръ. Въ благополучныя эпохи населеніе, повидимому, быстро прогрессируетъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи: благосостояніе возрастаетъ, нравственность улучшается, и масса народа болѣе примирительно относится къ существующему общественному строю; затѣмъ наступаетъ кризисъ, и все измѣняется, какъ по мановенію волшебнаго жезла. Вмѣстѣ съ паденіемъ благосостоянія и безработицей усиливается недовольство массъ, вспыхиваютъ враждебныя страсти, и общественному строю начинаетъ угрожать опасность. Напомнимъ, что самое крупное революціонное движеніе въ Англіи въ этомъ вѣкѣ—чартизмъ—было вызвано всецѣло кризисами. „Общество рабочихъ", ставшее во главѣ движенія, было основано въ годъ кризиса (въ 1837 г.), оно усилилось за нѣсколько лѣтъ промышленнаго разстройства (1838—42 гг.), но наступленіе благополучной эпохи немедленно лишило чартизмъ всякаго общественнаго значенія. Слѣдующій кризисъ (1847 г.) опять воскресилъ чартизмъ и вновь сдѣлалъ его грозной силой, собирающей подъ свои знамена милліоны рабочихъ. Недаромъ Фр. Энгельсъ признавалъ промышленные кризисы „могучимъ рычагомъ самостоятельнаго развитія пролетаріата". Соціальная революція, предсказанная Энгельсомъ съ наступленіемъ слѣдующаго кризиса, не произошла только потому, что положеніе англійскихъ рабочихъ вслѣдъ затѣмъ значительно улучшилось. Замѣтимъ также, что наблюдаемое въ настоящее время усиленіе революціоннаго движенія во многихъ странахъ Западной Европы (анархизмъ) совпадаетъ съ наступленіемъ обычнаго періода промышленнаго разстройства; можно думать, что возвращеніе благополучной эпохи успокоитъ общественную жизнь болѣе дѣйствительно, чѣмъ всѣ репрессивные законы, издаваемые правительствами.

Итакъ, циклъ современной промышленности имѣетъ не только экономическое, но и соціальное значеніе. Какимъ же образомъ эта цикличность отражается на интересахъ обоихъ общественныхъ классовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ производствѣ—предпринимателей и рабочихъ? Съ точки зрѣнія богатаго предпринимателя періодически повторяющіеся кризисы не только не составляютъ большого несчастія, но даже имѣютъ въ себѣ нѣчто хорошее, очищая экономическую атмосферу, осво-

бождая крупный капиталъ отъ стѣснительной конкуренціи мелкихъ капиталовъ, которые прежде всего падаютъ жертвою кризиса. Убытки, причиняемые кризисомъ, вознаграждаются для предпринимателя хорошими барышами въ эпоху торговаго оживленія, и потому крупный капиталистъ легко можетъ примириться съ измѣнчивымъ характеромъ современной промышленности. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находятся рабочіе. Для нихъ промышленные кризисы сопровождаются такими бѣдствіями, которыя не могутъ быть вознаграждены нѣкоторымъ повышеніемъ рабочей платы въ эпоху торговаго оживленія. Поэтому рабочій классъ въ той странѣ, которая болѣе всего страдала отъ кризисовъ — въ Англіи, всегда упорно боролся за постоянство занятій и заработной платы. Въ отчетахъ англійскихъ парламентскихъ комиссій, извѣстныхъ богатствомъ своего содержанія, можно найти много матеріала, иллюстрирующаго отношеніе хозяевъ и рабочихъ къ колебаніямъ промышленности. Уже въ началѣ этого столѣтія рабочіе и мелкіе суконные мастера Іоркшира жаловались на то, что крупные фабриканты постоянно измѣняютъ заработную плату въ зависимости отъ состоянія рынка, и немедленно распускаютъ рабочихъ, какъ только спросъ на товары сокращается. Мелкіе самостоятельные мастера, преобладавшіе въ то время въ Іоркширѣ, имѣли обыкновеніе вести производство въ одномъ и томъ же размѣрѣ, каковы бы ни были колебанія спроса. Если сбытъ сукна становился затруднительнымъ, то они оставляли сукно непроданнымъ, но пока могли доставать шерсть въ кредитъ, продолжали производство въ надеждѣ на лучшія времена. Къ этому побуждалъ ихъ прямой разсчетъ, такъ какъ около половины рабочихъ нанималось ими на годъ, и хозяева должны были платить своимъ людямъ условленную плату, каково бы ни было положеніе рынка. Нерѣдко рабочіе служили у одного и того же хозяина по нѣскольку десятковъ лѣтъ, при чемъ отношенія между хозяевами и рабочими еще не имѣли того характера исключительно денежной связи, который они пріобрѣли впослѣдствіи. Распространеніе крупныхъ фабрикъ не замедлило разрушить эту идиллію. Мастера и рабочіе пытались бороться съ крупной промышленностью подачей петицій въ парламентъ о сохраненіи въ силѣ старинныхъ, изданныхъ еще при Елизаветѣ, законовъ объ ученичествѣ, которыми регулировалось производство и отношенія между хозяевами и рабочими въ интересахъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Если бы постановленія этого закона строго примѣнялись на практикѣ, то развитіе фабричнаго производства было бы совершенно невозможно, и

потому неудивительно, что фабриканты, со своей стороны, начали энергичную агитацію съ цѣлью его отмѣны. Для защиты этого закона рабочіе еще въ 1794 г. образовали союзъ, который является первымъ рабочимъ союзомъ современнаго типа. Я сдѣлалъ эту историческую справку, чтобы показать, что съ самаго начала развитія крупнаго производства фабриканты и рабочіе образовали двѣ партіи, при чемъ фабриканты стояли за свободу конкурренціи и невмѣшательство государства въ условія рабочаго договора, а рабочіе требовали ограниченія конкурренціи и регулированія рабочаго договора государствомъ. Какъ и слѣдовало ожидать, побѣдили фабриканты, стоявшіе на сторонѣ промышленнаго прогресса, а рабочіе, пытавшіеся задержать колесо исторіи и вернуться къ отжившему экономическому порядку, были разбиты и принуждены собственными усиліями создавать новую организацію труда.

Отмѣна законовъ объ ученичествѣ въ 1813 г. сдѣлала рабочій договоръ такимъ же свободнымъ гражданскимъ актомъ, какъ и всякая другая имущественная сдѣлка между двумя полноправными сторонами. Съ этого времени англійская промышленность, уже вполнѣ перестроенная на капиталистическихъ началахъ, начинаетъ каждое десятилѣтіе переходить отъ состоянія крайняго возбужденія къ кризису или полному застою. Кризисы были въ 1815, 1825, 1836, 1847, 1857, 1866 гг.; торговля была угнетена въ 1873—1878 г., 1883—1886 гг. и находится въ еще болѣе угнетенномъ состояніи въ настоящее время. Каждому кризису или разстройству торговли предшествовало усиленное оживленіе ея въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Естественнымъ продуктомъ цикліческаго развитія современной промышленности является избыточное населеніе, лишающееся во время кризисовъ всякихъ средствъ къ существованію и переходящее при малѣйшемъ затрудненіи сбыта товаровъ изъ фабрикъ и мастерскихъ въ тюрьмы и рабочіе дома. Промышленный резервъ капитализма,—армія безработныхъ, которыхъ хозяева во время кризисовъ выбрасываютъ, какъ негодный балластъ, представляетъ собою необходимое условіе капиталистическаго прогресса. Только благодаря этому резерву современная промышленность можетъ такъ быстро расширяться, когда этого требуютъ условія рынка.

Но несмотря на необходимость такого резерва для современной промышленности, содержаніе излишныхъ рабочихъ возлагается капиталистами на самихъ же рабочихъ. Одно изъ самыхъ вредныхъ дѣйствій кризисовъ заключается въ деморализующемъ вліяніи ихъ на рабочихъ, которыхъ они пріучаютъ къ

нищенской и полуголодной жизни, понижая уровень существованія рабочаго, сокращая его потребности и убивая его физическую и нравственную энергію. Вслѣдствіе этого кризисы не только временно роняютъ заработную плату, но имѣютъ тенденцію понижать ея постоянный уровень. Нерѣдко заработная плата черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ кризиса, несмотря на оживленіе торговли, остается значительно ниже, чѣмъ она была до кризиса. Поэтому, съ точки зрѣнія интересовъ массы населенія нельзя не признать цикличность современнаго промышленнаго развитія громаднымъ соціальнымъ зломъ и несчастіемъ. Какъ же бороться съ этимъ зломъ? Чтобы опредѣлить средства борьбы, нужно понять причину самаго явленія.

При господствѣ свободной конкурренціи національное производство не регулируется кѣмъ-либо по опредѣленному плану, но каждому предоставляется на свой собственный страхъ и рискъ рѣшить, сколько и какого рода товара слѣдуетъ изготовить для рынка. Въ такой странѣ, какъ Англія или Соед. Штаты, почти весь національный продуктъ поступаетъ на рынокъ, превращается въ деньги, и только послѣ такого превращенія переходитъ въ фондъ національнаго потребленія. Но деньги въ этомъ случаѣ играютъ роль простого посредника при обмѣнѣ, такъ какъ для того, чтобы купить, нужно прежде что-нибудь продать, и въ концѣ концовъ продукты всегда обмѣниваются на продукты. Для того же, чтобы послѣднее могло имѣть мѣсто, необходима извѣстная пропорціональность между производствомъ каждаго отдѣльнаго рода продуктовъ. Чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе строгая пропорціональность требуется во всѣхъ его частяхъ. Въ частномъ хозяйствѣ требованіе пропорціональнаго распредѣленія силъ выполняется планомѣрной организаціей его. Общественное же хозяйство, въ современномъ видѣ, не располагается по какому-либо плану, но тѣмъ не менѣе для того, чтобы сбытъ товаровъ былъ возможенъ, и оно должно быть строго пропорціонально, и въ трудности достиженія этой пропорціональности лежитъ корень современныхъ кризисовъ.

Если одного какого-либо товара, напр., бумажныхъ тканей, производится слишкомъ много, то излишній продуктъ не можетъ превратиться въ деньги, и цѣна его должна упасть; но такъ какъ производители бумажныхъ тканей въ то же время являются и потребителями другихъ продуктовъ, то сокращеніе ихъ покупательной силы немедленно вызываетъ паденіе цѣнъ остальныхъ товаровъ; такимъ образомъ, пониженіе цѣнъ, на-

чавшись въ одномъ пунктѣ товарнаго рынка, лавинообразно распространяется отъ одного товара къ другому и всегда имѣетъ тенденцію охватывать весь рынокъ.

Поэтому, при современныхъ условіяхъ хозяйства, расширеніе общественнаго производства есть процессъ весьма трудно выполнимый. Въ капиталистическомъ обществѣ предложеніе товаровъ, какъ общее правило, идетъ впереди спроса, дѣйствуетъ на него агрессивно. Только въ исключительныхъ случаяхъ на товарномъ рынкѣ можетъ долгое время существовать неудовлетворенный спросъ. И вотъ, въ то время, когда спросъ на всѣ товары скорѣе превышаетъ предложеніе, чѣмъ равенъ ему, нужно находить рынокъ для новыхъ товаровъ. Если весь капиталъ будетъ затраченъ на расширеніе одной какой-нибудь отрасли промышленности, то продукты ея неминуемо окажутся въ избыткѣ, такъ какъ и прежніе товары вполнѣ покрывали спросъ. Для того, чтобы появился рынокъ для добавочныхъ товаровъ, нужно, чтобы капиталъ, вновь помѣщаемый въ промышленность, распредѣлился въ извѣстной пропорціи между цѣлымъ рядомъ различныхъ отраслей производства. Только при этомъ условіи производство можетъ расширяться безъ пониженія товарныхъ цѣнъ и ущерба для производителей. Но очевидно, что, при полнѣйшей невозможности сколько-нибудь опредѣленно знать размѣры и характеръ общественнаго спроса и при отсутствіи какой-либо планомѣрной организаціи національнаго производства, такое распредѣленіе добавочнаго капитала встрѣчаетъ тѣмъ болѣе препятствій, чѣмъ болѣе сложно и обширно хозяйство.

Между тѣмъ, накопленіе капитала въ современномъ обществѣ не встрѣчаетъ такихъ препятствій. Въ настоящее время существуетъ цѣлый рядъ доходовъ, размѣръ которыхъ совсѣмъ не зависитъ, или зависитъ очень мало отъ состоянія промышленности. Рента въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. доходъ, основанный не на личной дѣятельности, а на владѣніи капиталомъ или землею, почти не затрогивается промышленными колебаніями. Такъ, напр., проценты по государственнымъ займамъ, по ипотекамъ, желѣзнодорожнымъ облигаціямъ и пр., какъ общее правило, уплачиваются такъ же исправно въ годы застоя, какъ и въ годы оживленія торговли. Точно также земельная рента обыкновенно мало колеблется изъ года въ годъ, хотя бы уже по одному тому, что долгосрочные контракты ограничиваютъ предѣлы этихъ колебаній. О размѣрѣ подобныхъ доходовъ, на которые колебанія промышленности не оказываютъ почти никакого вліянія, можно судить потому, что въ Англіи они со-

ставляютъ почти $1/2$ всѣхъ доходовъ, обложенныхъ налогомъ. Всѣ эти доходы могутъ накапливаться и въ періоды застоя торговли, и потому въ настоящее время накопленіе капитала вообще идетъ равномѣрнѣе, чѣмъ расширеніе производства, продолжаясь какъ въ благополучныя, такъ и въ неблагополучныя эпохи промышленнаго цикла.

Въ этомъ и заключается причина чередованія эпохъ оживленія и застоя, столь характернаго для нашего времени. Капиталъ накопляется непрерывно, но не можетъ непрерывно притекать къ промышленности вслѣдствіе указанной трудности расширенія производства. Въ странѣ образуется все возрастающее количество свободныхъ, нигдѣ не помѣщенныхъ капиталовъ, не приносящихъ дохода своимъ владѣльцамъ, и понятно, чѣмъ больше скопляется такихъ капиталовъ, тѣмъ сильнѣе они стремятся проникнуть въ промышленность, давятъ на нее, и наконецъ, когда давленіе это доходитъ до извѣстнаго предѣла, сопротивленіе промышленности преодолѣвается, капиталъ находитъ себѣ помѣщеніе, производство расширяется, и торговля оживаетъ. Это дѣлается сразу во многихъ отрасляхъ промышленности, потому что оживленіе на товарномъ рынкѣ, такъ же какъ и застой, дѣйствуетъ заразительно. Всякое производство, уже однимъ фактомъ своего существованія, вызываетъ спросъ на другіе товары. Нельзя сдѣлать что-либо изъ ничего: чтобы приготовить продуктъ, нуженъ сырой матерьялъ, нужны машины, предметы потребленія рабочихъ. Поэтому, пока собственные продукты той отрасли промышленности, въ которой производство расширяется, не поступаютъ на рынокъ, расширеніе производства всегда увеличиваетъ спросъ на товары другихъ отраслей и имѣетъ тенденцію распространяться на все народное хозяйство. По этой причинѣ накопляющійся капиталъ не проникаетъ въ промышленность постепенно, но нѣкоторое время задерживается въ свободномъ состояніи, а затѣмъ, какъ потокъ, преграждаемый плотиной, поднимается выше ея уровня и сразу открываетъ себѣ выходъ.

Наступаетъ эпоха промышленнаго оживленія. Непомѣщенный капиталъ не оказываетъ никакого вліянія на товарный рынокъ. Это—потенціальная покупательная сила, скопляющаяся за годы торговаго застоя безъ всякой пользы для торговли; но какъ только капиталъ находитъ себѣ производительное помѣщеніе, вся эта, ранѣе безполезная сила расходуется на пріобрѣтеніе товаровъ. Пусть, напр., собственникъ свободнаго капитала затрачиваетъ его на пріобрѣтеніе акцій желѣзной дороги

или фабрики. Капиталъ, перешедшій въ руки акціонерной компаніи, не остается празднымъ, но немедленно расходуется на оплату самыхъ различныхъ услугъ и пріобрѣтеніе самыхъ разнообразныхъ товаровъ. Покупается строительный матерьялъ, машины, нанимаются рабочіе, инженеры и пр. Увеличивается спросъ какъ на орудія труда, такъ и на предметы потребленія. Для національной промышленности какъ бы внезапно открывается новый рынокъ, и этотъ рынокъ создается не чѣмъ инымъ, какъ расходованіемъ многихъ милліоновъ капитала, скопленнаго за годы торговаго застоя. Вполнѣ естественно, что товарная цѣна повышается, и вся промышленность приходитъ въ лихорадочное возбужденіе. Обиліе притекающихъ къ ней капиталовъ вызываетъ склонность къ спекуляціи; всѣ стремятся по возможности расширить производство и воспользоваться благопріятнымъ состояніемъ рынка: кредитъ напрягается до послѣдняго предѣла, предпріятія растутъ какъ грибы, начинается учредительская манія.

Но наконецъ весь избыточный, свободный капиталъ израсходованъ, фабрики сооружены, желѣзныя дороги проведены, шахты устроены. Пока фабрика или желѣзная дорога строились, постройка ея создавала спросъ на массу товаровъ. Когда постройка кончилась, спросъ на всѣ эти товары прекратился, и въ то же время предложеніе товаровъ увеличилось. Выстроенная фабрика начинаетъ вновь работать, приготовляетъ новые товары и бросаетъ ихъ на рынокъ. Раньше товары болѣе спрашивались (для расширенія основного капитала страны), чѣмъ предлагались; теперь они больше предлагаются, чѣмъ спрашиваются. Весь избыточный спросъ, созданный расходованіемъ капитала, накопленнаго за годы торговаго застоя, прекращается, а предложеніе товаровъ увеличивается. Естественно, что товары перестаютъ продаваться; цѣны ихъ падаютъ; слѣдуетъ разореніе производителей и сокращеніе производства. Угнетенное положеніе народнаго хозяйства усиливается банкротствами несостоятельныхъ спекулянтовъ и биржевиковъ, банковъ и другихъ кредитныхъ учрежденій, не устоявшихъ въ общей паникѣ. Прекрасной иллюстраціей всего вышесказаннаго является кризисъ 1873 г., наиболѣе универсальный по своему распространенію во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ міра. Кризису предшествовала усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ, преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ. Постройка эта создала спросъ на массу товаровъ, главнымъ образомъ—на продукты желѣзодѣлательной и каменноугольной промышленности. Пока дороги строились,

промышленность была въ цвѣтущемъ состояніи, и цѣна товаровъ росла. Но наконецъ свободный капиталъ на міровомъ рынкѣ истощился, и дальнѣйшіе займы на желѣзнодорожныя предпріятія стали невозможны. Немедленно спросъ на желѣзо и каменный уголь упалъ, начались банкротства производителей, и затѣмъ послѣдовалъ общій крахъ.

Такимъ образомъ, общее разстройство торговли слѣдуетъ непосредственно за усиленнымъ оживленіемъ ея, и промышленный циклъ завершается кризисомъ. Потомъ вновь наступаетъ эпоха торговаго застоя, когда капиталъ накапливается, новая эпоха оживленія промышленности, когда этотъ капиталъ расходуется, затѣмъ опять кризисъ, и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ, своеобразное, циклическое развитіе капиталистической промышленности вызывается неорганизованностью національнаго производства и быстрымъ накопленіемъ свободнаго капитала.

Дѣйствіе описаннаго механизма можно сравнить съ работой паровой машины. Роль пара въ цилиндрѣ играетъ накопленіе капитала; когда давленіе пара на поршень достигаетъ извѣстной предѣльной нормы, сопротивленіе поршня преодолѣвается, поршень движется, доходитъ до конца цилиндра, для пара открывается свободный выходъ, и поршень возвращается въ прежнее мѣсто. Точно также скопляющійся капиталъ, достигнувъ извѣстныхъ размѣровъ, проникаетъ въ промышленность, движетъ ее, расходуется, и промышленность приходитъ опять въ прежнее состояніе. Естественно, что при такихъ условіяхъ кризисы должны повторяться періодически. Капиталистическая промышленность должна постоянно проходить одинъ и тотъ же кругъ развитія.

Существованіе внѣшней торговли дѣлаетъ этотъ процессъ еще болѣе сложнымъ. Для такой страны, какъ Англія, которая ввозитъ громадныя количества товаровъ изъ-за границы, внѣшній рынокъ безусловно необходимъ. Капиталъ въ Англіи накопляется очень быстро, но расширеніе производства въ этой странѣ невозможно безъ соотвѣтствующаго увеличенія спроса на англійскіе товары за границей. Казалось бы, это препятствіе должно парализовать развитіе англійской промышленности; но на самомъ дѣлѣ оно обходится слѣдующимъ образомъ. Когда накопленіе свободнаго англійскаго капитала достигаетъ извѣстной степени напряженія, то капиталъ этотъ распредѣляется двоякимъ образомъ: часть его остается въ странѣ и затрачивается въ ней самой на расширеніе производства; другая же часть переливается

за границу, въ видѣ займовъ иностраннымъ государствамъ, устройства въ другихъ странахъ на англійскія деньги промышленныхъ предпріятій, желѣзныхъ дорогъ и пр. Обычнымъ симптомомъ промышленнаго оживленія въ Англіи является эта эмиграція капитала на внѣшній рынокъ. Но капиталъ этотъ не пропадаетъ даромъ для англійской промышленности. Онъ создаетъ за границей спросъ на англійскіе товары, и, такимъ образомъ, та часть національнаго капитала, которая осталась дома, находитъ себѣ производительное употребленіе. Затѣмъ, когда свободные капиталы въ Англіи истощаются и перестаютъ отливать въ страны, ввозящія англійскіе товары, эти страны лишаются покупательныхъ средствъ, англійскій экспортъ пріостанавливается, и въ Англіи наступаетъ промышленный кризисъ.

Итакъ, періодическое наступленіе кризисовъ зависитъ, въ концѣ концовъ, отъ анархическаго состоянія современной промышленности, отъ неорганизованности національнаго производства. Но если корень зла заключается въ свободной конкурренціи, то, очевидно, спасеніе лежитъ въ ея ограниченіи. Я уже говорилъ, что промышленные кризисы всей своей тяжестью ложатся на рабочіе классы. Рабочій классъ и сталъ во главѣ движенія, направленнаго къ пересозданію господствующаго экономическаго строя на новый ладъ. На мѣсто начала личной свободы былъ выдвинутъ принципъ ассоціаціи.

Уже съ самаго начала развитія промышленности среди рабочихъ стали образовываться союзы. Одна изъ главныхъ цѣлей этихъ союзовъ заключается въ устраненіи колебаній заработной платы. Разъединенные рабочіе безсильны бороться съ хозяевами и должны подчиняться всѣмъ невзгодамъ, которыми сопровождается для нихъ современный промышленный прогрессъ. На товарномъ рынкѣ трудъ является такимъ же товаромъ, какъ и всякій другой, и цѣна его точно также опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Если трудъ не организованъ, заработная плата имѣетъ естественную тенденцію понижаться до послѣднихъ предѣловъ при разстройствѣ торговли вслѣдствіе избытка предложенія рабочихъ рукъ. Англійскіе рабочіе поняли это и, несмотря на противодѣйствіе предпринимателей, послѣ долгихъ усилій выработали стройную организацію труда. Въ настоящее время рабочіе союзы въ Англіи охватываютъ собою всѣ отрасли промышленности и представляютъ величайшую общественную силу въ этой странѣ. Они являются своего рода обществами взаимнаго страхованія отъ тѣхъ случайностей, которымъ подверженъ заработокъ рабочаго. Устраняя конкурренцію въ своей

средѣ, рабочіе не только противодѣйствуютъ чрезмѣрному паденію заработной платы въ періоды кризисовъ, но въ то же время, въ періоды промышленной горячки, они задерживаютъ расширеніе производства, ограничивая рабочій день и не допуская сверхъ-урочной работы, которую предприниматели всегда стараются ввести въ благопріятные моменты. Иногда союзы пытаются даже непосредственно регулировать производство и дѣлать его болѣе равномѣрнымъ изъ года въ годъ: они требуютъ отъ своихъ членовъ, чтобы общая сумма ихъ заработка, въ то время, когда поштучная заработная плата повышается, не превышала извѣстной максимальной нормы, опредѣляемой союзомъ.

Всѣми такими мѣрами англійскіе рабочіе достигли значительнаго улучшенія своего положенія. Ихъ заработная плата значительно повысилась за послѣднія 50 лѣтъ и въ то же время сдѣлалась болѣе устойчивой, стала менѣе подверженной колебаніямъ.

Если сравнивать дѣйствіе кризисовъ на положеніе рабочаго класса въ Англіи въ началѣ и въ концѣ этого вѣка, то легко замѣтить происшедшее измѣненіе. Раньше кризисъ вызывалъ рѣзкое повышеніе смертности, преступности и пауперизма среди рабочихъ. Иные кризисы для рабочаго населенія фабричныхъ городовъ были губительнѣе всякой эпидеміи. Теперь же вліяніе кризисовъ на положеніе рабочихъ мало замѣтно. Раньше, въ народной жизни Англіи замѣчались сильныя колебанія, соотвѣтствующія колебаніямъ промышленности. Приливы и отливы брачности, смертности, пауперизма и преступности были такъ же сильны, какъ и приливы и отливы экспорта. Теперь колебанія промышленности не менѣе глубоки, но колебанія народной жизни значительно сгладились. Высокая заработная плата дала возможность англійскому рабочему сберегать кое-что про черный день, а развитіе рабочихъ союзовъ устранило неизбѣжность голодной смерти или жизни въ рабочемъ домѣ даже для тѣхъ рабочихъ, которые не имѣютъ сбереженій.

Первыя попытки организаціи англійскихъ рабочихъ были признаны общественнымъ мнѣніемъ Англіи и экономической наукой начала этого вѣка чистѣйшимъ безразсудствомъ, непониманіемъ вѣчныхъ экономическихъ законовъ, которое должно погубить самихъ рабочихъ. Законъ спроса и предложенія, какъ основной регуляторъ товарнаго и рабочаго рынка, возводился въ своего рода экономическое „Credo“, отрицаніе котораго признавалось самою опасною и вредною ересью. Но рабочіе не послушались увѣщаній экономистовъ, доказывавшихъ имъ убѣди-

6*

тельнѣйшимъ образомъ, что союзы имѣютъ тенденцію не повышать, но понижать рабочую плату, и продолжали свою организаціонную работу. Мало-по-малу, безспорные факты улучшенія положенія рабочихъ въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ были распространены и сильны союзы, доказали самымъ фанатическимъ поклонникамъ свободной конкурренціи, что союзы могутъ быть полезны для рабочихъ.

Въ Англіи поворотъ въ общественномъ мнѣніи въ пользу рабочихъ союзовъ былъ настолько быстръ, что, по словамъ Howell'я, одного изъ немногихъ англійскихъ экономистовъ, всегда защищавшихъ трэдъ-юніонизмъ, еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ ему приходилось отстаивать рабочіе союзы отъ самыхъ яростныхъ нападокъ въ прессѣ и парламентѣ. Теперь же повсюду слышатся похвалы и одобренія рабочимъ союзамъ, въ которыхъ съ такимъ же преувеличеніемъ видятъ панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ и несчастій.

Естественно, что съ перемѣной общественнаго мнѣнія измѣнилось и отношеніе законодательства къ рабочимъ союзамъ. Вплоть до 1869 года эти союзы не пользовались въ Англіи правами юридическаго лица, и не рѣдко случалось, что рабочихъ преслѣдовали за дѣйствія, прямо вытекавшія изъ ихъ участія въ союзѣ. Въ этомъ году союзы были сравнены въ своихъ правахъ со всѣми другими обществами промышленнаго характера. Съ того времени трэдъ-юніонизмъ въ Англіи получилъ возможность развиваться вполнѣ свободно.

Примѣръ, данный рабочими, не замедлилъ подѣйствовать и на хозяевъ. Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ новѣйшей эволюціи капитализма можно считать проявившееся за послѣднія 20 лѣтъ повсемѣстное стремленіе предпринимателей къ организаціи. Еще не такъ давно крупные промышленники составляли настоящую твердыню индивидуалистическаго либерализма, и въ ихъ средѣ находило свою главную опору извѣстное ученіе, провозглашавшее, что въ свободной конкурренціи лежитъ ключъ къ достиженію возможно полнаго частнаго и общественнаго благополучія. Но свободная конкуренція, тяжесть которой очень скоро почувствовали рабочіе, съ теченіемъ времени стала приносить горькіе плоды и для самихъ хозяевъ. Послѣ кризиса 1873 г. во всѣхъ главнѣйшихъ промышленныхъ государствахъ міра стали замѣтны тревожные симптомы пониженія товарныхъ цѣнъ и паденія предпринимательской прибыли. Сначала думали, что это не болѣе, какъ обычная реакція послѣ промышленнаго оживленія начала 70-хъ годовъ. Но паденіе цѣнъ все продолжалось,

и наконецъ, всѣмъ стало ясно, что мы имѣемъ дѣло не съ кратковременнымъ застоемъ торговли, слѣдующимъ за кризисомъ, а съ болѣе глубокимъ разстройствомъ всего товарнаго механизма, вызваннымъ кореннымъ измѣненіемъ условій міровой торговли. Постройка сѣти желѣзныхъ дорогъ и вообще улучшеніе морскаго и сухопутнаго транспорта во всѣхъ странахъ свѣта, повсемѣстное распространеніе телеграфа—все это чрезвычайно облегчило международныя сношенія. Торговая монополія Англіи пала, и во всѣхъ странахъ, которыя раньше были послушными данниками Англіи, стала быстро развиваться собственная промышленность. Область капиталистическаго хозяйства, работающаго исключительно для сбыта, чрезвычайно расширилась, и между всѣми промышленными странами началась ожесточенная борьба изъ-за мірового рынка. Каждый производитель стремился захватить въ свою пользу рынокъ, отбить покупателя у конкуррента путемъ пониженія цѣны товара и расширенія оборотовъ—неудивительно, что результатомъ этого явилось общее паденіе товарныхъ цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предпринимательской прибыли. Принципъ неограниченной конкурренціи былъ впервые испробованъ въ полномъ объемѣ—не только въ предѣлахъ внутренней, но и внѣшней торговли, и результатомъ этого явилось общее разстройство въ торговлѣ и застой въ дѣлахъ. Современное положеніе міровой промышленности является истиннымъ банкротствомъ индивидуалистическаго, неорганизованнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, свободная конкурренція оказалась убыточной и для хозяевъ. Мало-по-малу сознаніе этого распространилось и между ними самими, и вотъ мы видимъ, что въ самомъ предпринимательскомъ классѣ начинаются попытки организаціи. Предприниматели занимаютъ такое господствующее положеніе въ современной промышленности, что простое соглашеніе между ними является организаціей всего національнаго производства. Союзы предпринимателей въ той или иной формѣ появились за послѣднія 10—20 лѣтъ во всѣхъ странахъ съ развитой промышленностью и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства достигли уже полнаго господства. Самое сильное развитіе эти союзы получили въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ промышленность сдѣлала особенно быстрые успѣхи — въ Германіи и Соед. Штатахъ. Американскіе трэсты — особенная форма предпринимательскихъ союзовъ, выработанная условіями американской жизни, въ настоящее время являются колоссальнѣйшими ассоціаціями капитала, охватывающими въ иныхъ случаяхъ большую часть предпріятій извѣстной отрасли промышленности во всемъ

государствѣ. Такъ, напр., Standard Oil Trust очищаетъ приблизительно 75% всей нефти Соед. Штатовъ и располагаетъ капиталомъ въ 150 милл. дол. Другой трэстъ, Sugar Refineries Company, включаетъ въ себѣ около 85% всѣхъ рафинадныхъ заводовъ Соед. Штатовъ. Въ него входятъ рафинадные заводы въ Нью-Іоркѣ и Нью-Орлеанѣ, Бостонѣ и Сенъ-Луи, расположенные на противоположныхъ концахъ государства. Другіе трэсты имѣютъ такіе же колоссальные размѣры.

Всѣ такіе союзы преслѣдуютъ, главнымъ образомъ, одну цѣль—регулированіе производства. Благодаря имъ, количество изготовляемыхъ продуктовъ, а иногда и цѣна ихъ и области сбыта опредѣляются не конкурренціей отдѣльныхъ хозяевъ, доставляющихъ независимо другъ отъ друга товары на рынокъ, но планомѣрнымъ соглашеніемъ между производителями. Союзы предпринимателей стремятся сдѣлать невозможнымъ перепроизводство товаровъ, ограничивая изготовленіе товара такимъ количествомъ его, которое можетъ быть съ выгодою продано на рынкѣ. Если бы эти союзы достигли господства не только во внутренней, но и во внѣшней торговлѣ, пріобрѣли международный характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ охватывали бы всѣ отрасли промышленности, то они могли бы предотвратить промышленные кризисы, регулируя расширеніе производства потребностями общества въ каждомъ отдѣльномъ родѣ товаровъ. Но для этого нужно такое развитіе подобныхъ союзовъ и такое измѣненіе условій современной торговли, которое врядъ ли возможно при сохраненіи существующаго общественнаго строя. Не слѣдуетъ забывать, что хотя эти союзы и организуютъ промышленность, но организуютъ ее капиталистически, въ интересахъ небольшой кучки предпринимателей, стоящихъ во главѣ ихъ. Всѣ подобные союзы при первой возможности стремятся повысить цѣну товара, обложить потребителя данью въ свою пользу и въ то же время понизить заработную плату. Если бы осуществилось полное поглощеніе многочисленныхъ индивидуалистическихъ предпріятій такими гигантскими союзами капитала, то возникла бы настоящая капиталистическая олигархія, располагающая по своему усмотрѣнію всѣмъ національнымъ богатствомъ своей страны и пользующаяся соотвѣтствующими могуществомъ и вліяніемъ. Нельзя сомнѣваться, что въ такомъ случаѣ переходъ имуществъ этихъ союзовъ въ руки государства и народа былъ бы только вопросомъ времени.

Какъ же слѣдуетъ относиться къ проявляющемуся въ наше время съ такой силой стремленію промышленности къ органи-

заціи и объединенію? Общественное мнѣніе въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ предпринимательскіе союзы особенно усилились, вообще относится къ нимъ враждебно. И это вполнѣ понятно: выгоды союза главнымъ образомъ достаются ихъ руководителямъ, а потребители и рабочіе подвергаются опасности очутиться въ полномъ подчиненіи у немногихъ капиталистовъ. Поэтому задача правительства по отношенію къ предпринимательскимъ союзамъ должна прежде всего заключаться въ огражденіи населенія отъ этой опасности. Въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ трэсты нерѣдко пользуются своимъ вліяніемъ въ ущербъ общественнымъ интересамъ и при помощи подкуповъ держатъ въ своихъ рукахъ правительство многихъ штатовъ, былъ изданъ цѣлый рядъ законовъ, запрещавшихъ подобные союзы. Но несмотря на то, что суды признаютъ одинъ трэстъ за другимъ незаконными сообществами, а въ прессѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ противъ нихъ ведется оживленная агитація, трэсты все-таки продолжаютъ развиваться наперекоръ всѣмъ враждебнымъ вліяніямъ. На чемъ основывается сила подобныхъ союзовъ? Не на чемъ иномъ, какъ на соотвѣтствіи ихъ современнымъ условіямъ міровой торговли и промышленности. Неограниченное господство свободной конкурренціи оказалось гибельнымъ какъ для рабочихъ, такъ и для предпринимателей. Организація національнаго производства требуется самой жизнью. Въ этой организаціи лежитъ единственный путь къ спасенію общественнаго благосостоянія, которому угрожаетъ избытокъ производительныхъ силъ, созданныхъ самимъ обществомъ. Союзы предпринимателей являются не болѣе, какъ переходомъ къ нарождающейся высшей формѣ народнаго хозяйства, основнымъ принципомъ которой должно быть начало ассоціаціи, точно такъ же, какъ принципомъ нашего времени является начало свободной конкурренціи. Поэтому, какъ бы ни были несовершенны эти первыя попытки организаціи промышленности, какой бы антисоціальный характеръ онѣ ни принимали, все-таки онѣ представляютъ собой явленіе прогрессивное и имѣютъ важное значеніе, главнымъ образомъ, какъ одинъ изъ характерныхъ симптомовъ приближенія лучшаго хозяйственнаго строя, который долженъ одинаково реформировать какъ производство, такъ и распредѣленіе продуктовъ, и избавить человѣчество отъ потрясеній и несчастій, сопровождающихъ въ настоящее время промышленный прогрессъ.

М. Туганъ-Барановскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА НОВИКОВА.

(Рѣчь, читанная въ общемъ собраніи членовъ Московскаго Библіографическаго Кружка 27 апрѣля 1894 года.)

Полтораста лѣтъ тому назадъ, 27 апрѣля 1744 г., въ довольно скромной дворянской семьѣ Новиковыхъ явился на свѣтъ сынъ *Николай*. Этотъ Николай, сынъ морского флота капитана полковничьяго ранга (статскаго совѣтника) Ивана Васильевича, исключенный въ 1760 году изъ дворянской гимназіи московскаго университета *„за лѣность и нехожденіе въ классы“* и 28 іюня 1762 года фигурировавшій при сверженіи съ престола императора Петра III въ числѣ солдатъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, прославился какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей русскаго просвѣщенія въ шумную екатерининскую эпоху. Новиковъ не получилъ систематическаго высшаго образованія, едва-едва вкусилъ плодовъ средняго и былъ, по его собственнымъ словамъ, писаннымъ въ 1815 году къ Н. М. Карамзину, „идіотомъ, не знающимъ никакихъ языковъ, не читавшимъ никакихъ школьныхъ философовъ“, которые „никогда не лѣзли въ его голову“. Это обстоятельство, весьма печальное, но далеко въ то время не исключительное, не помѣшало Новикову въ 1769 году, по окончаніи очень неблистательной военной карьеры [1]), изданіемъ сатирическаго журнала *Трутень* (1769—1770 гг.) открыть блестящую общественно-просвѣтительную дѣятельность, насильственно подавленную въ 1792 г. послѣ цѣлаго ряда предварительныхъ уколовъ, не помѣшало Н. М. Карамзину написать, что „г. Новиковъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ

[1]) Въ 1768 г. онъ вышелъ въ отставку „отъ арміи поручикомъ“; 28-е іюня 1762 г. дало ему только унтеръ-офицерство, а участіе въ „Коммиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія“—личное знакомство съ авторомъ Большого Наказа.

своимъ отличнымъ авторскимъ дарованіемъ: безъ воспитанія, безъ ученія писалъ остроумно, пріятно и съ цѣлію нравственною". Это „отличное авторское дарованіе", о которомъ говоритъ Н. М. Карамзинъ и говоритъ въ данномъ случаѣ весьма авторитетно, не было пріятно негласному редактору *Всякой Всячины*, который, не стѣсняясь, заявилъ по адресу издателя *Трутня*, отстаивавшаго сатиру „на лицо", что „всякое задѣваніе особъ, чтó по-чужестранному персоналитетъ называется, показываетъ невѣжливость, глупость и злость того, который пишетъ"; у него признали „такое несчастное сложеніе, наполненное злостію и злословіемъ", которое „при свободности языка, и съ острыми выраженіями, вредъ великій нанести можетъ молодымъ людямъ".

Такъ съ самаго начала своей общественно-просвѣтительной дѣятельности Новиковъ былъ признанъ писателемъ злымъ, вреднымъ особенно по вліянію, которое могъ оказать на честно увлекающуюся молодежь, и ему въ видѣ нынѣшняго второго предостереженія посовѣтовали заняться серьезно науками, т.-е. бросить публицистику и дѣйствовать въ сферѣ немногихъ избранныхъ; небольшая аудиторія тогдашняго внимающаго слову писателя люда была подвержена прихотливой опекѣ: свободное, свѣжее, смѣлое, самостоятельное слово не могло въ ней раздаваться; его вывѣтривала знакомая намъ по воспоминаніямъ Управа Благочинія и цѣлая серія лицъ и учрежденій, которымъ только была охота или фантастическая необходимость вмѣшаться въ дѣло такъ-называемой цензуры. *Трутень*, осмѣлившійся между строкъ усомниться въ нормальности того строя, который допускалъ крѣпостную зависимость крестьянства отъ помѣщичьяго класса, долженъ былъ прекратиться на 17-мъ листѣ второго года изданія; ему на смѣну явился въ 1772 году *Живописецъ* (1772—1773 гг.), обнаруживъ явные слѣды душевной сумятицы, пережитой „вреднымъ" писателемъ: съ одной стороны сильно сказывались недостатки воспитанія, заставлявшіе колебаться въ выборѣ руководящихъ философскихъ началъ, съ другой — черезчуръ явное давленіе извнѣ, принуждавшее умолкать въ то самое время, когда хотѣлось „глаголомъ жечь сердца людей".

Живописецъ уже далеко не въ состояніи успокоиться на поискахъ идеаловъ въ прошлой жизни дорогого отечества и не безъ вожделѣнія заглядывается на западно-европейскую образованность, не умѣя ни понять, ни оцѣнить раціонализма просвѣтительнаго вѣка [2]).

[2]) Впрочемъ, поразительное непониманіе „просвѣтительной" философіи, ея характера и значенія обнаруживаютъ даже профессіональные ученые XIX

Живописецъ уже сознаетъ, что на одномъ отрицаніи вопіющихъ сторонъ современной дѣйствительности далеко не уѣдешь, особливо когда и это гласное отрицаніе виситъ на волоскѣ, когда носителю отрицанія, легко толкуемаго въ смыслѣ „несдержанія слова и бездѣльства", угрожаетъ палка, поразившая господина Фирлифюшкова, несмотря на его дворянство. Вторая часть *Живописца*, вмѣсто безпощадной сатиры на современную дѣйствительность, расплывается въ туманныхъ отвлеченностяхъ. *Живописецъ* кончилъ плохо,—плохо потому, что свободное развитіе публицистическихъ склонностей издателя было безпощадно нарушено, приходилось говорить оглядываясь, несмотря на видимое благоволеніе нѣсколько смягчившагося противника изъ *Всякой Всячины*.

Въ промежутокъ между изданіемъ *Трутня* и *Живописца* Новиковъ „нюхалъ спиртъ, дѣлаемый изъ благоразумія и здраваго разсужденія", принималъ въ чаю горькія капли, которыя „имянуются истинное о вещахъ понятіе", и по совѣту „Патрикія Правдомыслова" занялся науками. Въ результатѣ этихъ занятій явился въ 1772 г. „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ. Изъ разныхъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ, *сообщенныхъ извѣстій* и словесныхъ преданій собралъ Николай Новиковъ",—опытъ, представляющій громадный интересъ, какъ библіографическое сочиненіе. Г. Незеленовъ [3]), заканчивая свои разсужденія о новиковскомъ опытѣ историческаго словаря, справедливо и кстати замѣтилъ: „Начиная *Трутень*, Новиковъ обратился ко всему русскому обществу съ просьбою присылать ему статьи, замѣтки, переводы; такъ же поступилъ онъ и издавая „Опытъ историческаго словаря". Съ первыхъ же изданій Новикова высказалось его стремленіе дѣйствовать не одиноко, а цѣлымъ обществомъ, стремленіе будить общественныя силы, стремленіе, развившееся потомъ до огромныхъ размѣровъ и приведшее къ блестящимъ результатамъ."

Прекративъ въ 1773 г. *Живописецъ*, Новиковъ издалъ въ томъ же году важный въ историческомъ отношеніи памятникъ—

вѣка. Классическимъ образцомъ этого непониманія можетъ служить первая глава книги *А. Незеленова*: „Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг." Спб. 1875. Срв. замѣчаніе *А. Д. Карнѣева* во 2-мъ примѣчаніи на 81-й страницѣ сборника „*Памяти Николая Саввича Тихонравова*", изданнаго московскими обществами археологическимъ и любителей россійской словесности (М. 1894, in 4).

[3]) „Ник. Ив. Новиковъ, издатель журналовъ". Спб. 1875, стр. 178; срв. стр. 216.

„Древняя россійская идрографія, содержащая описаніе московскаго государства рѣкъ, протоковъ, озеръ, кладязей и какіе по нихъ городы и урочища, и на какомъ оные разстояніи“ и началъ изданіе знаменитой „Древней Россійской Вивліоѳики“.

Кошелекъ (1774 г.), послѣдній новиковскій и вмѣстѣ послѣдній сатирическій журналъ XVIII вѣка, уже далекъ отъ публицистическаго блеска *Трутня* и первой части *Живописца* въ особенности... Крестьянскій вопросъ, трактовавшійся въ *Живописцѣ*, не могъ обсуждаться въ *Кошелькѣ*, который исключительно набросился на галломанію... Но и рѣзкое нападеніе на галломанію было не безопасно. „Есть извѣстіе, пишетъ М. Н. Лонгиновъ (стр. 32—33), что этотъ журналъ вооружилъ противъ Новикова многихъ придворныхъ и свѣтскихъ галломановъ, сдѣлавшихся его врагами, что въ это дѣло вмѣшалось французское посольство, и посланникъ говорилъ нѣкоторымъ вельможамъ, что тутъ видны интриги Англіи. Неизвѣстно, до какой степени это справедливо, но кажется нѣтъ сомнѣнія, что по случаю этого изданія произошли какія-то непріятности: Новиковъ долженъ былъ послѣ этого, какъ говорятъ, даже оставить на-время Петербургъ, и въ домахъ Вяземскаго, Ржевскаго и другихъ говорили тогда, что Новикову много повредилъ его *Кошелекъ*.“ М. Н. Лонгиновъ не безъ основанія сомнѣвается въ точности приводимаго имъ извѣстія, но уже самая возможность его заставляетъ насъ признать, что въ Петербургѣ Новиковъ, благодаря своимъ журналамъ, успѣлъ сдѣлаться такой общественной силой, съ которой приходилось считаться, отъ которой необходимо было избавиться.

Еще не пришло время для свободнаго развитія русской публицистики, и было бы слишкомъ смѣло публицистическому проблеску новиковскихъ журналовъ, имѣвшихъ въ виду особливо интересы среднихъ классовъ русскаго общества, придавать большое жизненное значеніе. Покойный Н. А. Добролюбовъ[1]), внимательно изучавшій журналистику екатерининскаго вѣка, кажется, былъ правъ, когда въ своей статьѣ *Русская сатира екатерининскаго времени* доказывалъ, что „сатира новиковская нападала не на принципъ, не на основу зла, а только на *злоупотребленія* того, что въ нашихъ понятіяхъ есть уже само по себѣ зло“, что она не имѣла возможности развивать свои обличенія изъ простыхъ положеній—„о вредѣ личнаго произвола и о необходимости для блага общества „общей силы закона“, которою бы всякій равно

[1]) Сочиненія. Спб. 1885. Т. I, стр. 142, 178. Срв. стр. 8—отзывъ о петербургской и московской дѣятельности Новикова на поприщѣ журналистики.

могъ пользоваться". Но если новиковскіе журналы — сравнительное ничтожество по своему непосредственному жизненному значенію, то громадная роль ихъ въ оживленіи, можно сказать реформѣ, тогдашней литературы и въ личной жизни и дѣятельности Николая Ивановича Новикова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: *Трутень* и *Живописецъ* обнаружили и рѣзко подчеркнули пропасть, существовавшую между Новиковымъ и неоффиціальнымъ редакторомъ *Всякой Всячины*, которая съ годами не только ничѣмъ не прикрывалась, но становилась все глубже и глубже, пока не привела къ изумительной даже въ XVIII вѣкѣ по своей жестокости развязкѣ; оба журнала доставили Новикову крупное имя, имя, къ которому и противники и сторонники должны были относиться страстно.

Обрѣзавшись на сатирѣ, Новиковъ широкое поприще публициста смѣнялъ на скромную роль археографа, издателя русскихъ историческихъ источниковъ. Новиковъ не могъ сидѣть безъ дѣла, не могъ не внять совѣту императрицы заняться серьезно науками, а такъ какъ его ученые интересы были на сторонѣ русскаго прошлаго, то весьма естественно, что онъ обратился къ изданію источниковъ русской исторіи и пріобрѣлъ въ этой области имя, которое и въ наши дни продолжаетъ поминаться съ благодарностью: кому неизвѣстно главнѣйшее его изданіе въ этомъ родѣ *Древняя Россійская Вивліоѳика*, дважды изданная въ XVIII вѣкѣ и только-что начатая переизданіемъ въ наши дни [5]), не говоря о другихъ достаточно общеизвѣстныхъ, кто хоть разъ заглядывалъ въ сочиненія М. Лонгинова и А. Незеленова, посвященныя Новикову, или вообще интересовался русской библіографіей XVIII вѣка [6]).

Обстоятельства заставили Новикова бросить сатиру, бросить рѣзкое обсужденіе животрепещущихъ вопросовъ современной ему дѣйствительности, но жилка журналиста билась въ немъ слишкомъ сильно, чтобы онъ могъ ограничиться ученымъ изданіемъ древне-русскихъ памятниковъ, которыми тогда почти никто не интересовался. Въ 1777 году Новиковъ затѣялъ *Санктпетер-*

---

[5]) Это новое изданіе мнѣ извѣстно пока лишь по библіографическому бюллетеню: *Древняя Россійская Вивліоѳика* или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій, издававшаяся помѣсячно Никол. Новиковымъ въ С.-Петербургѣ въ 1773—75 гг. Т. I. Изданіе Мышкинской земской библіотеки. Мышкинъ. Тип. П. Анисимова. 8 д. 421 стр. 300 экз. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. Имѣется въ коллекціи *П. А. Ефремова*, съ замѣчательной полнотой собравшаго всѣ литературные источники касательно жизни и дѣятельности Новикова.

[6]) См. у Лонгинова стр. 34—42; у А. Незеленова стр. 170, 198, 206, 218 и 220.

бургскія Ученыя Вѣдомости—журналъ ученой и литературной критики, дававшій обстоятельныя библіографическія описанія книгъ, съ подробнымъ указаніемъ ихъ содержанія, различныхъ изданій и т. д., и затѣмъ *Утренній Свѣтъ* [7]), издававшійся съ благотворительными цѣлями въ пользу основанныхъ издателями Екатерининскаго и Александровскаго училищъ для бѣдныхъ и сиротствующихъ дѣтей. Эти изданія — живой свидѣтель совершившагося перелома; они не касаются непосредственно дѣйствительности, стоящей у всѣхъ передъ глазами; они говорятъ намъ объ отвлеченно-философскихъ и филантропическихъ тенденціяхъ ихъ основателя; они—начало журналовъ того типа, о которомъ Н. А. Добролюбовъ безпощадно заявлялъ слѣдующее: „Въ *Утреннемъ Свѣтѣ* является уже характеръ болѣе философскій, нежели сатирическій, и только стихотворенія да анекдоты все еще напоминаютъ веселую сатиру. Въ *Вечерней Зарѣ* уже преобладаютъ разсужденія—о постѣ, о безсмертіи души, о суетѣ-суетъ, объ истинномъ блаженствѣ, о совѣсти, объ откровеніи, о египетской морали и догматикѣ, и т. п. Самыя стихотворенія представляютъ большею частію переложеніе молитвъ, псалмовъ и душеспасительныя размышленія. То же самое находимъ въ *Покоящемся Трудолюбцѣ*, гдѣ въ каждой книжкѣ являются благочестивыя размышленія и духовныя оды на любовь, на злобу, на смерть, на рожденіе вообще или чье-нибудь рожденіе въ частности. Такое направленіе было очень почтенно и можетъ быть даже полезно въ то время; но для этого нужно было немножко получше взяться за дѣло. Въ виду смѣлыхъ и остроумныхъ нападеній величайшихъ умовъ того времени, нельзя уже было довольствоваться прежнею рутиною, обращеніями къ чувству, восклицательными знаками, изношенными сравненіями; нельзя уже было прятаться за авторитетъ египетскихъ, китайскихъ и другихъ мудрецовъ. А этимъ-то именно и отличаются разсужденія новиковскихъ журналовъ. Они чрезвычайно напоминаютъ сочиненія на заданныя темы, какими упражняютъ обыкновенно воспитанниковъ духовныхъ семинарій.“ Справедливость требуетъ прибавить, что природный умъ Новикова все-таки спасалъ его отъ тѣхъ возмутительныхъ крайностей и односторонностей, къ которымъ обыкновенно ведутъ эти тенденціи.

Въ началѣ 1779 года Новиковъ переѣзжаетъ изъ Петер-

---

[7]) *А. Незеленовъ* (op. cit., стр. 237) замѣчаетъ: „библіографія оказала бы большую услугу русской литературѣ, если бы открыла или хотя попыталась открыть авторовъ оригинальныхъ статей *Утренняго Свѣта*.“

бурга въ Москву, гдѣ начинаетъ новый періодъ своей дѣятельности, кратковременный, но блестящій и наиболѣе интересный, можетъ быть, даже во многихъ отношеніяхъ поучительный.

Новиковъ явился въ Москву арендаторомъ здѣшней университетской типографіи и... масономъ, главою живого, полезнаго и вмѣстѣ отвѣтственнаго дѣла, требующаго большого практическаго смысла, и отвлеченнымъ фантазеромъ, членомъ мистическаго братства, которому не могло улыбаться будущее, ибо то, что было въ масонствѣ идейнаго по существу, не составляло его исключительной собственности и въ его пошлой, съ современной точки зрѣнія, обстановкѣ не могло ни развиваться, ни идти въ массы... Космополитическое по своему характеру, чистое масонство должно было абсолютно воздерживаться отъ обсужденія вопросовъ политическихъ, соціальныхъ: каждый масонъ долженъ былъ висѣть въ воздухѣ и закрыть глаза на вопіющіе факты окружающей дѣйствительности, если только ихъ нельзя было пользовать пріемами частной благотворительности или личнаго сочувствія; оно должно было стремиться къ тому, чтобы „расширить предѣлы царственной, т.-е. масонской науки“, и къ „благотворенію въ обширнѣйшемъ смыслѣ“. Одинъ опытный масонъ такъ опредѣлялъ цѣль мистическаго братства, въ которое попалъ и за участіе въ которомъ пострадалъ Новиковъ: „масонство видитъ во всѣхъ людяхъ братьевъ, которымъ оно открываетъ свой храмъ, чтобы освободить ихъ отъ предразсудковъ ихъ родины и религіозныхъ заблужденій ихъ предковъ, побуждая людей къ взаимной любви и помощи; оно никого не ненавидитъ и никого не преслѣдуетъ, и цѣль его можетъ опредѣлиться такъ: изгладить между людьми предразсудки кастъ, условныхъ различій происхожденія, мнѣній и національностей; уничтожить фанатизмъ и суевѣріе; искоренить международныя вражды и бѣдствія войны; посредствомъ свободнаго и мирнаго прогресса достигнуть закрѣпленія вѣчнаго и всеобщаго права, на основаніи котораго каждый человѣкъ призванъ къ свободному и полному развитію всѣхъ своихъ способностей; споспѣшествовать общему благу и сдѣлать такимъ образомъ изъ всего человѣческаго рода одно семейство братьевъ, связанныхъ узами любви, познаній и труда [8])“. Если повнимательнѣе вслушаться въ эти слова одного опытнаго масона, то нетрудно замѣтить въ нихъ какую-то пеструю смѣсь идей стараго христіанства и новѣйшаго раціонализма (вольтерьянства, какъ у насъ любятъ выражаться) и вмѣстѣ довольно рѣзко,

---

[8]) *М. Н. Лонгиновъ.* Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867. Стр. 60.

хотя бы и прикрыто, выраженную политическую програму, осуществить которую, конечно, нельзя безъ вмѣшательства, пожалуй только словеснаго, въ политическую жизнь той или другой страны: такъ мистическое братство, приправленное соками раціонализма просвѣтительнаго вѣка, стремилось, абсолютно воздерживаясь отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ политику, выполнить на-половину политическую програму. То былъ абсурдъ; но историкъ хватается за его изученіе съ тѣмъ бóльшимъ интересомъ и, вглядываясь въ обстановку масонскаго поколѣнія, понимаетъ смыслъ и значеніе этого абсурда, понимаетъ, почему истинные франкъ-масоны должны были бояться своихъ братьевъ же, среди которыхъ гнѣздились и явная сволочь, и представители крайнихъ политическихъ партій.

Къ масонству нѣжно подошли даже такъ называемые иллюминаты: ихъ программа—родная сестра масонской програмѣ, сейчасъ мною приведенной, хотя можетъ быть и рожденная въ довольно непозволительномъ адюльтерѣ, но зато поставленная вопреки первой на практическую почву политической интриги. „Человѣкъ, — говорили иллюминаты, — получилъ отъ природы права на равенство со всѣми и на свободу. Равенство было нарушено торжествомъ собственности, а свобода утратилась съ установленіемъ обществъ и правительствъ, которыя поддерживаются гражданскими и церковными законами. Чтобы возстановить первобытныя права человѣка на общее равенство и свободу, надо уничтожить эти законы, т.-е. религію и собственность. Тогда исчезнутъ цари и отдѣльныя націи и настанетъ господство естественныхъ правъ и золотой вѣкъ безграничнаго космополитизма. Чтобы придти къ этой цѣли, надо просвѣщать людей чрезъ посредство тайнаго общества, распространяя всюду духъ его ученія чрезъ адептовъ. Не должно производить потрясеній, а слѣдуетъ, не разбирая средствъ, незамѣтно пріобрѣтать власть на умы и склонять осторожно общественное мнѣніе къ заявленію желаній такихъ перемѣнъ, которыя клонятся къ желанному перевороту. При этомъ надо ловкимъ образомъ обезсиливать противниковъ тайнаго общества и всячески стараться губить тѣхъ, кого не удается побѣдить или убѣдить“ (приведенныя сейчасъ строки напечатаны у *М. Н. Лонгинова*, op. cit. стр. 86—87). Такъ несмотря на свое настойчивое подчеркиваніе непричастности къ какой бы то ни было политической интригѣ или преслѣдованію какихъ-либо политическихъ цѣлей, масонство, въ силу таинственной оболочки, скрывавшей его отъ глазъ непосвященныхъ, не могло не казаться подозрительнымъ въ глазахъ

тогдашняго правительства. Кажется, что непосвященные въ его тайны плохо вѣрили воздержанію масонства отъ политики, и надо думать, что это невѣріе въ нѣкоторыхъ случаяхъ было вполнѣ основательнымъ. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнны нѣсколько строкъ, посвященныхъ поэтомъ А. С. Пушкинымъ въ статьѣ объ „Александрѣ Радищевѣ“ мартинистамъ, въ составѣ которыхъ считали Новикова. При Екатеринѣ II,—пишетъ А. С. Пушкинъ (Сочиненія, т. V, стр. 351 по изд. Спб. 1887 г.),—„существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ *мартинистовъ*. Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежавшихъ къ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе свою выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на ученія французскихъ философовъ какъ на игры искусныхъ бойцовъ и сама ихъ ободрявшая своимъ царскимъ рукоплесканіемъ, съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество, и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на русскихъ мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ, но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франкмасонскихъ ужинахъ“.

Лично Новиковъ не искалъ спасенія въ масонствѣ; оно само пришло къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ душевно находился на распутіи, не зная, куда двинуться и къ чему примкнуть: мы видѣли, что эта душевная сумятица рѣзко обнаружилась въ 1773 году при изданіи второй части *Живописца*, а въ 1775 году она была, повидимому, еще сильнѣе, когда члены елагинской ложи явились къ нему, сообщили масонскія тайны и втянули его въ общество на исключительныхъ условіяхъ. „Мы тебя знаемъ; знаемъ, что ты честный человѣкъ, и увѣрены, что не нарушишь тайны“ (Лонгиновъ, op. cit. 99), и честный человѣкъ, невольно ставъ масономъ, говорилъ впослѣдствіи: „находясь на распутіи между вольтеріанствомъ и религіей, я не имѣлъ точки опоры, или краеугольнаго камня, на которомъ могъ бы основать душевное спокойствіе, а потому неожиданно попалъ въ общество масоновъ.“ Этотъ разсказъ о томъ, какъ Новиковъ

попалъ въ масоны, весьма характеренъ; къ нему невольно привязывается обрисовка духовной личности Новикова за время его петербургскаго душевнаго и журнальнаго мартиролога. Я говорю мартиролога, ибо склоненъ воображать, что ему, напримѣръ, вовсе не легко было пережить смерть *Трутня*. Говорятъ, императрица написала непрошенному защитнику подавленнаго крестьянства такое любезное письмо: „Господинъ издатель! Имѣла терпѣніе до сего дня, но скучно мнѣ становится отъ вашихъ листовъ. Я чаю, вы безъ бороды еще: по молодости и вздумали, чаю, что весь свѣтъ перемѣнится, кой часъ еженедѣльно вы начнете писать, и для того *выдумали тонкости*, кои однако отъ насъ, стариковъ, право не скрылися — мы небось *съ перваго листа узнали, куда цѣлите*." Это письмо должно было доставить не мало мукъ публицисту XVIII вѣка; о размѣрахъ этихъ мукъ [9]) судите по тому внезапному и волшебному превращенію изъ бытія въ небытіе, которое случилось съ Крамольниковымъ, хорошимъ знакомымъ знаменитаго сатирика XIX вѣка М. Е. Салтыкова-Щедрина („Приключеніе съ Крамольниковымъ", Сочиненія, т. VI, стр. 165 по изд. 1892 г.). Крамольниковъ понялъ, что „все оставалось по-прежнему, — только душа у него запечатана; отнынѣ онъ воленъ производить свойственныя ревизской душѣ отправленія; воленъ, пожалуй, мыслить; но все это ни къ чему; у него отнято главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала ему возможность огнемъ своего сердца зажигать сердца другихъ... онъ стоялъ изумленный; смотрѣлъ и не видѣлъ; искалъ и не находилъ... что-то безконечно мучительное жгло его внутренности... а въ воздухѣ между тѣмъ носился нелѣпо-озорной шопотъ: „поймали! расчухали! уличили!" Узнали, куда цѣлите, если выразиться языкомъ Екатерины. Но Крамольникову въ одномъ отношеніи было выгоднѣе: онъ сознавалъ прочность и обоснованность своихъ убѣжденій. Этого недоставало Новикову, и масонство съ его смутнымъ исканіемъ внутренней истины придало ему душевныхъ силъ, хотя онъ никогда не былъ и не могъ быть масономъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Живое дѣло посѣва добрыхъ сѣмянъ просвѣщенія среди толпы стало дѣломъ всей жизни, за которымъ нерѣдко забывались совсѣмъ тонкости масонской техники и упражненія отвлеченной гимнастики, такъ что Новикову приходилось слышать явные упреки въ увлеченіи

[9]) Срв. высокаго интереса статью Н. Бѣлоголоваго въ „Рус. Вѣдом." 1894 г., № 330 и 331; см. особенно разсказъ о вліяніи на М. Е. Салтыкова внезапнаго запрещенія „*Отечественныхъ Записокъ*".

типографскимъ станкомъ и въ силу этого небреженіи къ дѣламъ мистическаго братства. Подчеркивая въ своихъ отвѣтахъ „домашнему палачу кроткой Екатерины“ (по словамъ А. С. Пушкина, V, 13) С. Шешковскому, что „въ масонство такъ называемое англинское вступилъ не по собственному исканію или побужденію, но по приглашенію“ (Лонгиновъ, стр. 74), Новиковъ совершенно справедливо писалъ, что по пріѣздѣ въ Москву „упражненъ я былъ и совершенно занятъ типографскими дѣлами, а масонствомъ совсѣмъ не занимался“ (стр. 77). За это отклоненіе отъ дѣлъ братства не разъ упрекалъ Новикова его другъ и ревностный сотрудникъ Шварцъ.

Новиковъ былъ слишкомъ умный, достаточно свѣжій, благородный человѣкъ, чтобы замкнуться безысходно въ масонствѣ, отрѣшиться отъ живого дѣла и предаться мертвой формалистикѣ и пышной обрядности,—двумъ идоламъ, превращающимъ мыслящаго человѣка въ зловонный трупъ. Новиковъ въ концѣ концовъ сосредоточился на розенкрейцерствѣ, привившемся въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка къ масонству „строгаго наблюденія“ въ формѣ нѣкоторыхъ высшихъ его степеней, посвященныхъ преимущественно алхимическимъ работамъ.

Я сказалъ, что Новиковъ изданіемъ *Трутня* и *Живописца* пріобрѣлъ популярное имя. И дѣйствительно, масоны употребляютъ всѣ усилія, чтобы завлечь его въ свое братство („кто васъ въ сію секту загналъ“,—спрашивалъ Новикова третій вопросный пунктъ Шешковскаго); изъ провинціи къ нему идетъ предложеніе участвовать въ учрежденіи типографіи при харьковскихъ училищахъ; изъ Москвы онъ получаетъ приглашеніе М. М. Хераскова взять въ аренду университетскую типографію, задыхавшуюся отъ бездѣлья. Эта популярность новиковскаго имени, помимо общихъ свойствъ его высокой души, объясняется драгоцѣннѣйшею и завиднѣйшею для нашего времени чертой Новикова: это былъ глубоко общественный, кружковой человѣкъ, умѣвшій собирать вокругъ себя людей, задавать имъ дѣло, направлять, вдохновлять, поддерживать; у него не было болѣзненнаго самолюбія назойливо выдвигать себя на первый планъ, онъ довольствовался ролью скрытой пружины, приводящей въ дѣйствіе очень сложный механизмъ [10]. Императрица не ошиблась, когда, незаслуженно карая Новикова, была увѣрена, что отсѣ-

[10]) Какъ жаль, что намъ почти ничего неизвѣстно о петербургской жизни Новикова. Среди какихъ вліяній онъ жилъ тамъ, въ какомъ обществѣ вращался, кто были ближайшія къ нему лица—все это вопросы, остающіеся пока безъ отвѣта.

каетъ голову цѣлаго просвѣтительнаго движенія, изливавшагося изъ Москвы, вполнѣ самостоятельно, помимо покровительства съ ея стороны. Новиковъ — превосходный организаторъ, умѣвшій усвоить и провести въ жизнь благотворную мысль, не щадившій для этого ни силъ, ни средствъ, ни положенія. Станете писать его біографію, затронете цѣлую кучку разнаго рода лицъ, болѣе или менѣе тѣсно съ нимъ связанныхъ, группировавшихся вокругъ него, какъ источника энергіи, силы, преданности дѣлу: онъ — душа ученаго общества и интеллигентно-коммерческой компаніи, филантропическаго и педагогическаго захвата, литературнаго оживленія, скрывавшаго внутри себя реформаторскія струи и выдвинувшаго въ свое время Н. М. Карамзина, которому суждено было выступить апологетомъ знаменитаго общественнаго дѣятеля XVIII вѣка. Вокругъ него мелькаютъ имена И. Г. Шварца, И. В. Лопухина, С. И. Гамалѣя, Г. М. Походяшина, М. И. Багрянскаго, Тургеневыхъ, Трубецкихъ, Гагариныхъ и пр. Словомъ, надо изучать цѣлое общество, надо изучать цѣлое движеніе, ярко загорѣвшееся среди него, загорѣвшееся на самой идеалистической подкладкѣ, какую только можно себѣ представить [11]).

О новиковскомъ кружкѣ въ Москвѣ мы имѣемъ болѣе или менѣе подробныя и достовѣрныя свѣдѣнія. Но до насъ дошелъ намекъ, что и въ Петербургѣ Новиковъ уже успѣлъ проявить свои кружковыя тенденціи, такъ высоко его поднимающія въ нашихъ глазахъ.

Изъ предисловія къ *Санктпетербургскимъ Ученымъ Вѣдомостямъ* видно, что онѣ издавались при „содѣйствіи общества, состоящаго изъ нѣсколькихъ человѣкъ“ (срв. Лонгиновъ, стр. 41). *Драматическій словарь* 1787 года сообщаетъ, что переведенная съ нѣмецкаго драма *Филемонъ и Бавкида* напечатана была въ Петербургѣ въ 1773 году „обществомъ, старающимся о печатаніи книгъ“, идея о которомъ развивается въ новиковскомъ *Живописцѣ*. Позволю себѣ обратить на это особенное вниманіе и повторить то, что уже достаточно извѣстно въ нашей литературѣ, хотя бы изъ разсказа А. Незеленова („Новиковъ“, стр. 197—198). Нѣкто Любомудровъ извѣщаетъ издателя, прося „дать знать объ этомъ всѣмъ мыслящимъ россіянамъ“, объ учрежденіи

---

[11]) Срв. характеристику Новикова въ Notices sur les martinistes, presentées en 1811 par le c-te Rostopchine à la grande-duchesse Catherine (*Архивъ князя Воронцова*, т. XXVI, стр. 497 и сл.: homme de beaucoup d'esprit, hypocrite, pauvre, hardy, éloquent...) и въ письмахъ князя Прозоровскаго къ Шешковскому (*Сборникъ русскаго историческаго общества*. Спб. 1868. Т. III, стр. 103 и 107).

„общества, старающагося о напечатаніи книгъ“. Издатель выражаетъ въ отвѣтъ полное сочувствіе свое какъ обществу, такъ и мысли Любомудрова, что книгопечатаніе есть величайшее изобрѣтеніе, которое будитъ человѣческую мысль и „соблюдаетъ наилучшимъ образомъ всѣ истины, доставляетъ наибольшему количеству народа объ оныхъ свѣдѣніе, чрезъ то очищаетъ общество отъ заблужденій и предразсудковъ всегда вредныхъ“. „Но,— продолжаетъ *Живописецъ*, — по моему мнѣнію не довольно сего, чтобы только печатать книги... (и это глубокая правда!), а надобно имѣть попеченіе о продажѣ напечатанныхъ книгъ“; въ столицахъ русскія книги идутъ туго, а въ провинціяхъ ихъ не могутъ достать,—нужно создать книжную торговлю въ провинціяхъ; „о распространеніи сей торговли,—поясняется далѣе Новиковымъ, — не государю, но частнымъ людямъ помышлять должно“, ибо „науки любятъ свободу и тамъ болѣе распространяются, гдѣ свободнѣе мыслятъ“.

Въ Москвѣ въ широкихъ размѣрахъ осуществились мечты Новикова объ издательской и типографской компаніяхъ; говорить здѣсь объ ихъ кипучей дѣятельности, не разъ разсказанной, было бы, конечно, излишне. Вѣдь о Новиковѣ, какъ „ревнителѣ отечественнаго просвѣщенія, оказавшемъ ему незабвенныя услуги“, говоритъ даже устарѣлый въ высшей степени учебникъ А. Д. Галахова (см. стр. 137 по изд. 1891). Можно ограничиться однимъ замѣчаніемъ. Дружеское Ученое Общество и Типографическая Компанія не были учрежденіями, чуждыми направленія; они печатали и издавали не зря, а примѣняясь къ текущимъ потребностямъ и собственному міросозерцанію: они печатали много учебниковъ, общеобразовательныхъ и справочныхъ книгъ, а затѣмъ книгъ религіознаго и мистическаго содержанія; Новиковъ страстно пропагандировалъ религіозно-мистическое міросозерцаніе; пропаганда, публицистика, кружковщина были его дѣломъ. Недаромъ императрица Екатерина сказала однажды Храповицкому: „Новикову не отдавать университетскую типографію; c'est un fanatique“, а публика замѣтила разительную перемѣну въ физіономіи университетской книжной лавки. Однажды,— разсказано въ книгѣ Лонгинова (стр. 221), — какой-то покупатель, разсматривая новыя книги въ университетской книжной лавкѣ и находя въ ней только сочиненія религіознаго и нравственнаго содержанія, спросилъ у Новикова, бывшаго тутъ же, почему теперь не печатаютъ книгъ въ родѣ *маркиза Глаголя* или *Клевеланда*. Новиковъ отвѣчалъ, что переводчики теперь этимъ не занимаются, а онъ печатаетъ то, что ему приносятъ,

и, попросивъ отъ покупщика принять въ даръ то, что у него есть, отпустилъ его со связкою даровыхъ духовныхъ книгъ, которыхъ тотъ не хотѣлъ купить за деньги. Но Новиковъ, конечно, хитрилъ, что переводчики теперь не занимаются переводомъ веселыхъ романовъ: говорятъ, что онъ покупалъ иногда рукопись вредной или безнравственной съ его точки зрѣнія книги и сжигалъ ее, чтобы другой издатель, напечатавшій ее, не распространилъ соблазна. Екатерина была немного права, сказавши, что Новиковъ фанатикъ [12]); слѣдуетъ только прибавить, что Новиковъ былъ однимъ изъ самыхъ благороднѣйшихъ фанатиковъ. Какими прочувствованными строками почтилъ знаменитый В. Г. Бѣлинскій этого фанатика. Я считаю эти строки весьма цѣнными для характеристики Новикова (хотя и требующими нѣкоторыхъ поправокъ) и съ удовольствіемъ привожу ихъ. Вотъ онѣ (Сочиненія, XII, 149—151 по изд. М. 1890).

Новиковъ „имѣлъ сильное вліяніе на движеніе русской литературы и, слѣдовательно, русской образованности. Самъ онъ ничего, или почти ничего [13]) не писалъ, но онъ обладалъ удивительною способностью заставлять писать другихъ. Владѣя значительными средствами, онъ издавалъ множество книгъ въ такое время, когда у насъ почти вовсе не было книгъ. Но и въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ не какъ книгопродавецъ, хотя въ то время и роль дѣльнаго книгопродавца была бы еще благороднѣе, нежели какъ она могла бы быть теперь. Нѣтъ! Новиковъ не былъ книгопродавцемъ: нажиться продажею книгъ нисколько не было его цѣлью. Благородная натура этого человѣка постоянно одушевлялась высокою гражданскою страстью—разливать свѣтъ образованія въ своемъ отечествѣ. И онъ увидѣлъ могущественное средство для достиженія этой цѣли въ распространеніи въ обществѣ страсти къ чтенію. Для чтенія нужны книги и журналы, а ихъ-то и не было тогда. И вотъ Новиковъ издаетъ книги и журналы, всюду ищетъ молодыхъ людей, способныхъ или охотливыхъ къ книжному дѣлу. Знающимъ иностранные языки онъ заказываетъ переводы, у стихотворцевъ печатаетъ стихи, у прозаиковъ—прозу; всѣхъ одобряетъ и понуждаетъ, бѣднымъ даетъ средства къ образованію. Кому не извѣстно, что самъ Карамзинъ многимъ былъ обязанъ Новикову? Если бы это и неспра-

---

[12]) Князь Прозоровскій въ письмѣ къ Шешковскому отъ 17 мая 1792 г. брата Новикова Алексѣя охарактеризовалъ такъ: „и лихъ, и фанатикъ“ (Сборникъ русскаго историческаго общества. Спб. 1868. Т. II, стр. 105).

[13]) Срв. мнѣніе Н. С. Тихонравова относительно литературной дѣятельности Новикова, недавно повторенное въ цитованной выше статьѣ А. Д. Карнѣева.

ведливо было приписано Новикову, все же это важный фактъ въ его пользу. Когда явился Пушкинъ, всякое ходячее по рукамъ стихотвореніе, дѣйствительно хорошее, или только казавшееся хорошимъ, приписывалось Пушкину, хотя бы и вовсе не принадлежало ему. Такъ и Новикову приписывалось изданіе всякой книги и одобреніе всякаго таланта: это выразительно указываетъ на его роль на сценѣ русской литературы... Но эта роль, какъ ни важна и ни велика она, имѣла опредѣленный и ограниченный характеръ. Новикову нужно было во что бы ни стало заохотить общество къ чтенію, давши ему средства удовлетворить этой охотѣ—книги и журналы. О направленіи этой охоты онъ не думалъ (?), да и думать тогда объ этомъ было рано. Онъ печаталъ почти все, что̀ ни писалось, и считалъ за писателя всякаго, кто только имѣлъ охоту писать для печати. Новиковъ не былъ архитекторомъ: онъ приготовлялъ только строительные матеріалы и строительныхъ мастеровъ".

Такъ писалъ въ 1846 году Бѣлинскій, когда о Новиковѣ вмѣсто точныхъ документальныхъ данныхъ носилось въ воздухѣ смутное преданіе, передававшееся не безъ осторожности.

Позволю себѣ пройти молчаніемъ филантропическія затѣи Новикова, его матеріальныя пожертвованія на школы, студентовъ, аптеку, его изумительную способность подвигнуть богатыхъ людей на матеріальныя жертвы въ голодъ 1787 года, когда въ это самое время блестящая „Catherine la Grande" совершала свое путешествіе въ Крымъ, а Потемкинъ показывалъ своему путешествующему другу чудеса, стоившія милліоновъ [14]).

Величайшій дѣятель на поприщѣ развитія и распространенія просвѣщенія, до самозабвенія преданный своимъ идеямъ, Новиковъ получаетъ особенное значеніе, какъ одинъ изъ борцовъ противъ крайностей раціонализма просвѣтительнаго вѣка, раціонализма, который остался имъ совершенно непонятымъ и неоцѣненнымъ. Новиковъ не подрывалъ ученія энциклопедистовъ, а заволакивалъ его непроницаемымъ туманомъ мистицизма, который гнететъ нормально развитый умъ.

Новиковъ раздулъ въ Москвѣ широкій очагъ просвѣщенія, нашелъ людей и создалъ дѣятелей, но ѣдкій дымъ мистицизма, не могшій быть роковымъ для разсудочной философіи XVIII вѣка, задушилъ его самого, и именно его, а никого другого:

---

[14]) *Лонгиновъ* (стр. 295) отмѣчаетъ, что „Новиковъ первый сталъ оказывать постоянныя и важныя услуги русской библіографіи ежегоднымъ печатаніемъ росписей книгъ, продававшихся въ университетской книжной лавкѣ" (срав. Лѣтописи русск. литер. и древ. Т. V, отд. 2, стр. 7).

вѣдь онъ былъ всему голова, онъ былъ душой возникшаго здѣсь просвѣтительнаго движенія подъ неудачнымъ покровомъ мистицизма, ненавистнаго разносторонне развитой головѣ. То было движеніе полное самостоятельности, независимое отъ капризныхъ вспышекъ какихъ бы ни было оффиціально поставленныхъ персонъ съ замашками меценатства и направленное въ интересахъ тогдашняго средняго слоя людей въ Россіи.

Императрица, съ самаго начала дѣятельности Новикова взглянувшая на него косо за необычную въ то время самостоятельность сужденій, окончательно возненавидѣла его какъ вождя направленія ей противнаго и члена общества въ ея глазахъ смѣшного и нелѣпаго; она открыла огонь по всей линіи: въ литературныхъ произведеніяхъ звала масоновъ *мартышками*; въ указахъ ихъ изданія назывались развращенными и нелѣпыми; въ Москву была отправлена, по словамъ Потемкина, „самая старая пушка“ — Прозоровскій. Вѣнцомъ этой яростной борьбы противъ мартинизма было заключеніе Новикова въ Шлиссельбургскую крѣпость *безъ суда* (срв. Лонгиновъ, стр. 338) *и сыска*, заключеніе въ крѣпость не за вину и измѣну, а за великія заслуги, оказанныя отечеству. Новиковъ сидѣлъ въ Шлиссельбургѣ наравнѣ съ фальшивыми монетчиками Савой Сирскимъ да Кузнецовымъ и нѣкіимъ Карновичемъ, сочинителемъ фальшивыхъ паспортовъ и продавцемъ чужихъ крѣпостныхъ людей (см. у *А. Незеленова.* Литературныя направленія въ екатерининскую эпоху. Спб. 1889, стр. 382).

Такова была участь знаменитаго дѣятеля екатерининской эпохи. Она была жестока, но тутъ надо имѣть въ виду страстную борьбу противоположныхъ убѣжденій, окутанную политической атмосферой отзвуковъ 1789 года и вмѣшательствомъ имени цесаревича Павла.

Когда Екатерина назначила главнокомандующимъ въ Москвѣ Прозоровскаго, Потемкинъ написалъ ей такія строки (см. *Лонгиновъ*, стр. 301):

„Ваше величество выдвинули изъ вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ вашу цѣль, потому что своей собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя вашего величества.“

На этотъ разъ Потемкинъ былъ пророкомъ, удачнымъ или нѣтъ—судите сами.

В. Сторожевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ТРУДЫ ПРОФЕССОРА ЭДВИНА СЕЛИГМАНА ВЪ ОБЛАСТИ ФИНАНСОВОЙ НАУКИ.

I.

Финансовое хозяйство Соединенныхъ Штатовъ.

Финансы Соединенныхъ Штатовъ представляютъ очень много оригинальнаго и поучительнаго для всякаго интересующагося вопросами этого рода. Къ сожалѣнію, не говоря уже о нашей русской литературѣ, даже и занадная очень мало занималась этой оригинальной страной и ея финансовой структурой. Причинъ такого пренебрежительнаго отношенія ученой литературы къ американскимъ финансамъ очень много, и главныя изъ нихъ коренятся въ отдаленности Америки отъ Европы, въ крайнемъ разнообразіи тамошняго финансоваго строя по отдѣльнымъ штатамъ, затѣмъ въ полномъ отсутствіи тамъ ученой финансовой литературы до самаго послѣдняго времени; иностранцу же ученому очень трудно было бы разобраться въ массѣ разнообразныхъ законодательныхъ нормъ и уловить общія характерныя черты. Все это было причиною того, что американскіе финансы до сихъ поръ почти оставались еще неоткрытой Америкой для финансовой науки; поэтому-то трудъ талантливаго американскаго ученаго, очень чуткаго и чрезвычайно отзывчиваго на вопросы своей родины, затрачивающаго всю свою огромную энергію на изученіе сложныхъ финансовыхъ проблемъ американской жизни, представляются драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки. Эдвинъ Селигманъ въ настоящее время занимаетъ каѳедру финансоваго права при Колумбійскомъ колледжѣ въ Нью-Іоркѣ. Одаренный богатой эрудиціею, способностью къ тонкому анализу

сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ финансовой науки, удивительнымъ трудолюбіемъ, замѣчательной ясностью и живостью изложенія, дѣлающими доступнымъ чтеніе его произведеній всякому, даже неподготовленному человѣку, онъ является теперь первымъ финансистомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Въ своихъ произведеніяхъ онъ даетъ намъ не только яркое и полное изображеніе положенія финансовъ въ Америкѣ, но и тонкій и глубокій анализъ ихъ, прекрасную классификацію своеобразныхъ источниковъ дохода, ихъ мѣткую критику, указываетъ желательныя измѣненія, рисуетъ будущій строй финансоваго хозяйства. И что замѣчательно — реформы, предлагаемыя имъ для Американскихъ Штатовъ, носятъ много общаго съ послѣдней прусской реформой, въ которой осуществилось послѣднее слово финансовой науки.

Произведенія проф. Селигмана можно раздѣлить на двѣ большія группы: a) произведенія, гдѣ онъ излагаетъ и критикуетъ современный строй американскихъ финансовъ, и b) работы чисто теоретическаго характера, гдѣ онъ дѣлаетъ свой вкладъ въ общую теорію финансовой науки.

Такъ къ первой категоріи надо отнести слѣдующіе его труды:

1) Das Finanzwesen der Vereinigten Staaten von Amerika im Jahre 1891 (въ журналѣ Finanz-Archiv Schanz, IX. Jahrg. 2. Band).

2) Finance Statistics of the American Commonwealths 1889.

3) The Commercial policy in United States of America 1860—1890 (49. Band Schriften des Vereins für Socialpolitik. 1892).

Этотъ послѣдній очеркъ торговой политики написанъ проф. Селигманомъ въ сотрудничествѣ съ проф. S. Mayo Smith.

4) The General Property Tax, 1890, New-York (первоначально печаталось въ Politic. Science Quarterly. Vol. V, № 1).

5) The Taxation of Corporations. New-York 1890 (печаталось первоначально въ Politic. Science Quarterly. Vol. Y, №№ 2, 3 и 4).

6) Ralway Tariffs and the Interstate Commerce Law. 1887 (сначала печаталось въ Politic. Science Quarterly. Vol. II, №№ 2 и 3).

Затѣмъ отдѣльныя журнальныя статьи, также рисующія намъ положеніе финансоваго хозяйства Соединенныхъ Штатовъ:

7) Статья о классификаціи государственныхъ доходовъ: „The classification of public revenue“ въ „The Quarterly Journal of Economics“. 1893, Apri,

и 8) О послѣднемъ подоходномъ налогѣ въ Америкѣ: „The American income tax“ въ „The Economic Journal“. 1894, December.

Какъ увидимъ далѣе изъ бѣглаго очерка финансовъ Соединенныхъ Штатовъ, проф. Селигманъ изучаетъ почти всѣ кардинальные вопросы финансоваго хозяйства, волнующіе умы лучшихъ дѣятелей и представителей мысли въ Америкѣ, и этимъ онъ оказалъ огромную услугу своей родинѣ. Такъ онъ даетъ въ своихъ трудахъ и общую яркую картину финансоваго хозяйства федеральнаго правительства и отдѣльныхъ штатовъ, даетъ сжатую исторію таможенной политики Штатовъ, изучаетъ подробно основныя формы обложенія—поимущественный налогъ и налогъ съ корпорацій, посвящаетъ солидный трудъ жгучему вопросу американской жизни — желѣзнодорожнымъ тарифамъ, наконецъ въ „Классификаціи государственныхъ доходовъ“ онъ разбираетъ одно изъ интереснѣйшихъ явленій Америки — Special assessments. Все это сопровождается имъ остроумной, весьма цѣнной и подчасъ очень злой критикой. Пониманіе финансоваго хозяйства, благодаря ясности и остроумію его изложенія, сдѣлалось почти всѣмъ доступнымъ. Мало того,—онъ создаетъ цѣлую школу изъ своихъ учениковъ, направляя ихъ на самые жгучіе вопросы жизни, на тѣ вопросы, на которыхъ онъ самъ не имѣетъ времени сосредоточиться; такъ извѣстенъ трудъ его ученика West'а – „The Inheritance tax“, напечатанный въ „Studies in History Economies and Public Law edit. by the University Faculty of Polit. Science of Columbia College“ (Vol. IV, p. II),— блестящая работа, отличающаяся тѣми же достоинствами, что и труды самого учителя [1]), и трудъ другого его ученика Victor'а Rosewater'а— „Special Assessments: a Study in Municipal Finance“, напечатанъ тамъ же, Vol. II, p. III. Это чрезвычайно важная работа, касающаяся одного изъ оригинальнѣйшихъ вопросовъ общиннаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ. Такимъ образомъ профессоръ Селигманъ является насадителемъ финансоваго знанія въ Соединенныхъ Штатахъ и въ своихъ талантливыхъ ученикахъ будетъ имѣть достойныхъ продолжателей своего дѣла.

Для европейской науки Америка и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ остается Америкой до момента ея открытія, и для финансовой науки въ частности нѣкоторые труды проф. Селигмана имѣютъ положительно характеръ открытія Америки. Кромѣ немногихъ трудовъ, и то неполныхъ и уже устарѣвшихъ,

[1]) См. также ст. West'а въ Politic. Science Quarterly, Sept. 1893, дающую сжатое изложеніе теорій налога съ наслѣдства.

какъ-то Гока, и часто изобилующихъ ошибками, какъ-то Kaufmann'а, не воспользовавшагося оффиціальными отчетами финансоваго вѣдомства, мы объ американскихъ финансахъ имѣемъ очень мало трудовъ (Ely, Cooley), и то уступающихъ далеко по глубинѣ и свѣжести мысли трудамъ проф. Селигмана.

Но и помимо высоко-талантливой разработки государственнаго хозяйства чуждой намъ страны и новаго освѣщенія этой отрасли знанія, благодаря оригинальнымъ явленіямъ американской жизни, какъ-то: Special assessments, обложеніе корпорацій и т. д., проф. Селигманъ удѣляетъ не мало времени кардинальнѣйшимъ вопросамъ теоріи финансовой науки: такъ онъ посвятилъ два большіе свои труда основнымъ вопросамъ обложенія, и до сихъ поръ еще волнующимъ европейскую мысль — это вопросамъ о прогрессивности въ обложеніи и переложеніи налоговъ — „Progressive Taxation in Theory and Practice" (изд. Americ. Econ. Ass., Jan. and March 1894) и „On the Shifting and Incidence of Taxation" (ibid. March and May 1892). Прекрасно знакомый съ западной литературой, проф. Селигманъ очень остроумно, сжато и ясно группируетъ здѣсь существующія теоріи и также ясно формулируетъ свои возраженія на нихъ; не загромождая своего изложенія массой фактовъ, онъ даже тамъ, гдѣ мысль его является лишь простымъ рефлексомъ западной мысли, притягиваетъ къ себѣ читателя свѣжестью своего изложенія. Но помимо того онъ представляетъ интересъ оригинальностью и новизной своей критики и своихъ взглядовъ; и эти труды его по теоріи обложенія займутъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ западной литературѣ.

Западная критика отдаетъ полную дань справедливости трудамъ Селигмана: такъ профес. Bastable называетъ его труды „masterly series — мастерскими работами", а отзываясь о послѣднемъ трудѣ Селигмана (Прогрессивное обложеніе), называетъ его „excellent work" (см. The Econ. Journal, June 1894. 301—305).

И для Запада знакомство съ трудами проф. Селигмана имѣетъ большую важность. Законы развитія налоговой системы одни и тѣ же (разумѣется, есть уклоненія), и быть можетъ финансы Соединенныхъ Штатовъ — это прообразъ того пути, по которому придется по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сторонахъ идти и всему цивилизованному міру; такъ съ несомнѣнностью можно сказать, что система special assessment (нѣмецкіе Beiträge), теперь вообще очень слабо распространенная въ Европѣ, съ теченіемъ времени разовьется; попытки къ этому мы видимъ

въ прусскомъ законѣ 1893 г. 14 іюля (см. мотивы къ нему въ Finanz-Archiv 1893, ч. II); обложеніе акціонерныхъ компаній, какъ особыхъ юридическихъ лицъ, сдѣлается самостоятельнымъ источникомъ обложенія, и мы уже видимъ въ послѣднемъ прусскомъ подоходномъ налогѣ включеніе юридическихъ лицъ подъ общую рубрику субъектовъ обложенія.

Акціонерная форма предпріятій, и особенно синдикаты — форма будущей промышленной дѣятельности, и съ развитіемъ ихъ въ государственномъ хозяйствѣ доходы съ нихъ будутъ играть огромную роль; между тѣмъ, въ Америкѣ рельефно уже обнаружились тѣ способы, посредствомъ которыхъ корпораціи уклоняются отъ обложенія (искусственные долги и т. д.), и теоретическая мысль борется съ этимъ явленіемъ; поэтому Европѣ конечно полезно будетъ позаимствоваться опытомъ Америки. То же самое можно сказать и о поимущественномъ налогѣ въ видѣ Ergänzungssteuer, который недавно введенъ въ Пруссіи, правда въ нѣсколько иной формѣ и съ другимъ теоретическимъ основаніемъ, но все-таки и здѣсь опытъ Соединенныхъ Штатовъ для Европы былъ бы очень важенъ.

Итакъ изъ этого бѣглаго очерка вытекаетъ вся огромная и теоретическая, и практическая важность трудовъ талантливаго американскаго ученаго.

Теперь я долженъ обратиться къ болѣе подробной характеристикѣ каждаго труда Эдвина Селигмана въ отдѣльности и указать его хорошія стороны. Но характеризуя труды проф. Селигмана, относящіеся къ первой категоріи, я долженъ нѣсколько очертить финансовый строй Соединенныхъ Штатовъ: только послѣ этого бѣглаго очерка будетъ вполнѣ понятно значеніе и роль его трудовъ и его отзывчивость на нужды страны.

Воспользуюсь для этой характеристики главнымъ образомъ трудами самого же проф. Селигмана, а затѣмъ трудами Toma, Ely, Cooley и т. д.

Бюджетъ федеральнаго правительства покоится главнымъ образомъ на косвенномъ обложеніи, въ особенности на таможенныхъ пошлинахъ. Благодаря огромному перевѣсу за послѣдніе годы доходовъ надъ расходами, федеральное правительство приступило даже къ пониженію доходовъ, но подъ вліяніемъ сильныхъ протекціонныхъ тенденцій средствомъ для этой цѣли было избрано не пониженіе, а повышеніе тарифа, и дѣйствительно билль Макъ-Кинлея въ первый же годъ своего существованія понизилъ таможенный доходъ съ 229 милл. долл. до 219 милл. долларовъ, а въ 1891—1892 г. ожидалось уже только 185 милл.

долл. Собственно косвенное обложеніе, т.-е. акцизъ, простирается лишь на спиртъ и табакъ[1]), затѣмъ существуютъ лиценціи на пивоваровъ, рафинеровъ, торговцевъ спиртными напитками, опіумъ и на приготовленіе и продажу олеомаргарина.

Дадимъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія по исторіи таможенной политики Соединенныхъ Штатовъ, пользуясь при этомъ уже упомянутой работой проф. Селигмана „The Commerc. Policy of the United States“ и прекрасной статьей проф. F. W. Taussig'a „The Economic Journal“ 1894, Dec. („The new United States tariff“), его же статьей въ Quart. Journ. за 1893 г. и нѣкоторыми другими.

Послѣ войны за независимость каждый штатъ получалъ право ввести совершенно самостоятельно свою таможенную политику; это конечно вызвало цѣлыя таможенныя войны между отдѣльными штатами, чтò и повело къ передачѣ въ 1789 г. таможенной политики въ руки конгресса. Но на первыхъ порахъ эта политика была чисто фискальная, и только борьба Англіи съ Франціей и въ особенности запретительная политика Наполеона I, вынудившая Соединенные Штаты довольствоваться исключительно своими собственными мануфактурными продуктами, вскормили здѣсь протективныя тенденціи, которыя и доминируютъ съ того времени вплоть до нашихъ дней съ небольшимъ перерывомъ въ періодъ съ 1846 по 1860 г., когда Соединенные Штаты держались свободной торговли.

Любопытно, какую отчаянную борьбу еще въ XVIII в. вела Англія противъ нарождающейся юной американской промышленности: такъ англичане скупали въ Соединенныхъ Штатахъ чесальныя и прядильныя машины и отправляли ихъ въ Ливерпуль; когда же американцы задумали культивировать хлопчатникъ, то англичане начали скупать сѣмя и сжигать его[2]).

Кульминаціоннаго пункта американскій тарифъ достигъ въ биллѣ М. Кинлея 1890 г., когда пошлина на товары была поднята до огромныхъ размѣровъ, въ особенности же на шерсть и продукты изъ нея (на нѣкоторые виды шерсти даже до 150 — 166%). Пошлина на сахаръ была понижена, и это пониженіе мотивировалось желаніемъ сократить перевѣсъ доходовъ надъ расходами, но въ то же время, чтобы не ослаблять протективной политики, конгрессъ постановилъ выдавать преміи всѣмъ сахарнымъ производителямъ до 1905 года

[1]) См. объ этомъ ст. Trauk'a Olmsted'a „The tabacco-tax“ въ Quarterly Journal of Econ., january 1891.

[2]) См. Albert S. Bolles „The Financial History of the United States“ 1886, vol. I и II.

въ размѣрѣ $1^3/_4$—2 центовъ. Однако такая усиленная защита долго не продержалась, и въ 1894 г., 27 августа, вступилъ въ силу новый американскій тарифъ, значительно понизившій ставки. Пошлина на сырую шерсть совсѣмъ уничтожена, а на шерстяныя издѣлія вообще почти вдвое понижена; точно также и по многимъ другимъ предметамъ сильно понижены пошлины. Американцы убѣдились, наконецъ, что пошлины на шерсть не имѣютъ вліянія на цѣны, и производство ея должно все болѣе и болѣе отодвигаться на западъ просто въ силу того, что благодаря повышенію земельной ренты земля дѣлается слишкомъ дорогой для овцеводства (the land becomes too dear for sheepraising) [4]).

Одинъ авторъ прекрасно характеризуетъ этотъ поворотъ въ общественномъ мнѣніи на шерстяную покровительственную пошлину: it was discovered that is was an extremely difficult matter to keep one eye on a congressman in Washington and the other eye on a flock of sheep of Ohio and the reasonable conclusion was that it was better to raise a sheep that was selfprotecting, than to depend upon legislation for protection, т.-е. американцы нашли очень затруднительнымъ смотрѣть однимъ глазомъ на своего депутата въ Вашингтонѣ, а другимъ на стадо овецъ въ Огіо, и пришли къ разумному заключенію, что выгоднѣе улучшить самую овцу, чѣмъ вѣчно зависѣть отъ законодательной защиты [5]).

Любопытно отмѣтить въ новомъ таможенномъ тарифѣ Соединенныхъ Штатовъ одну мѣру въ обложеніи сахара, направленную противъ европейской системы сахарныхъ премій, въ особенности противъ Германіи, до сихъ поръ еще практикующей эту систему, (по закону преміи должны быть прекращены съ 1897 г.). Американцы ввели дополнительное обложеніе въ $^1/_{10}$ цента на фунтъ съ сахара, идущаго изъ странъ, практикующихъ вывозныя преміи. Такимъ образомъ послѣдній билль Вильсона нанесъ сильный ударъ протективнымъ стремленіямъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Но обращусь теперь опять къ финансовому строю послѣднихъ.

---

[4]) См. любопытную статью Taussig'a: „The duties on wool and woollens въ Quarterly Journal, 1893. october.

[5]) См. записку проф. Лангового о пошлинѣ на шерсть, приложенную къ изданнымъ М. Ф. Матеріаламъ по торговому договору Россіи съ Германіей. Здѣсь же приводятся и любопытныя американскія данныя по улучшенію качества овцы въ Соединенныхъ Штатахъ: такъ въ 1840 г. вѣсъ руна достигалъ всего 1,85 ф., а въ 1850 г.—2,48; въ 1870 г.—3,67, а въ 1890 г.—5,04 ф.; вѣсъ овцы въ 1840 г. равнялся 40 ф., а въ 1891 г. поднялся до 99 ф.

Доходы отъ таможенныхъ пошлинъ и упомянутыхъ акцизовъ составляютъ почти весь доходъ федеральнаго правительства; такъ въ 1891 г. изъ 458 милл. долл. 365 милл. было получено отъ упомянутыхъ источниковъ, причемъ изъ этого остатка доходовъ въ 93 милл. долл. — около 66 милл. даетъ почта, которые она же сама и поглощаетъ на свои нужды. Надо замѣтить, что Соединенные Штаты изъ своей почты не извлекаютъ никакого дохода. Затѣмъ остальные 24 милл. долл. получаются отъ чеканки монеты, отъ продажи публичныхъ земель, отъ консульскихъ пошлинъ, отъ національнаго банка и т. д.

Итакъ система финансоваго хозяйства федеральнаго правительства очень проста и мало представляетъ для насъ интереса. Напротивъ, обложеніе штатовъ и общинъ имѣетъ много оригинальныхъ чертъ.

Обыкновенно главную основу финансоваго хозяйства штата составляетъ поимущественный налогъ (property tax). Этому налогу подлежитъ всякое имущество отдѣльнаго гражданина — движимое и недвижимое. Но, конечно, движимое имущество легко скрыть отъ обложенія, такъ что уплата налога съ движимости, по словамъ комиссіи Западной Виргиніи, является столь же добровольной, какъ donations to the neighbourhood church or sunday School; притомъ отъ обложенія изъяты по закону процентныя бумаги и чеки, выпущенные федеральнымъ правительствомъ, собственность, перевозимая транзитомъ, товары, произведенные въ одномъ штатѣ и посланные на комиссію для продажи въ другой, вклады въ сберегательныхъ кассахъ. Лица, желающія избѣжать обложенія своей движимости, или скрываютъ ее, или временно превращаютъ въ предметы, изъятые закономъ отъ обложенія, и налогъ изъ обложенія личной собственности превращается въ налогъ на честность. Вся тяжесть обложенія лежитъ теперь на земледѣльческихъ классахъ населенія, которымъ трудно скрыть свое имущество по его осязательности.

Эта неравномѣрность обложенія поимущественнымъ налогомъ вызываетъ среди населенія стремленіе къ реформамъ; при чемъ одни стоятъ за примѣненіе болѣе суровыхъ мѣръ при обложеніи движимаго имущества въ виду того, что очень легко оказывается скрыть его, другіе говорятъ за уничтоженіе property tax и введеніе налога съ недвижимаго имущества (вліяніе Генри Джорджа), третьи — за введеніе подоходнаго налога, четвертые — за обложеніе корпорацій и наслѣдствъ въ пользу штата, а общинамъ, по ихъ мнѣнію, надо предоставить право обложенія недвижимыхъ имуществъ. И дѣйствительно, обложеніе корпорацій

все развивается и развивается, и это насущнѣйшій вопросъ американской жизни; въ Пенсильваніи этотъ родъ обложенія даетъ свыше $5^1/_2$ милл. долларовъ изъ 11 милл., т.-е. ровно половину всѣхъ доходовъ. Налогъ съ наслѣдствъ также все болѣе и болѣе выдвигается на сцену. Значительныя суммы даетъ штатамъ также сборъ съ лицензій, т.-е. обложеніе разныхъ родовъ промышленной дѣятельности. Самъ проф. Селигманъ склоняется къ этому же послѣднему мнѣнію: по его словамъ, слѣдующей стадіей въ развитіи обложенія штатовъ будетъ передача обложенія недвижимыхъ имуществъ общинамъ [6]), а источникомъ средствъ для отдѣльныхъ штатовъ будетъ служить обложеніе корпорацій и наслѣдствъ, а также сборъ съ лицензій.

Какъ мы видимъ, въ Америкѣ нѣтъ въ собственномъ смыслѣ налоговъ поземельнаго, подомоваго, промыслового и т. д.; система обложенія здѣсь совершенно своеобразная и оригинальная. Какъ одну изъ особенностей американскаго финансоваго хозяйства, мы должны отмѣтить широкое распространеніе въ американскихъ городахъ и мѣстечкахъ системы Special assessments [7]), т.-е. нѣмецкихъ Beiträge, получившихъ санкцію на свое развитіе въ Пруссіи въ послѣдней прусской реформѣ. Подъ этимъ именемъ извѣстны спеціальные взносы на покрытіе издержекъ по какому-либо улучшенію тѣми собственниками, владѣніе которыхъ, благодаря этому улучшенію, пріобрѣло какую-нибудь особую выгоду. Эти взносы играютъ въ мѣстномъ бюджетѣ очень крупную роль, и безъ пониманія ихъ нельзя уяснить себѣ мѣстный финансовый строй въ Соединенныхъ Штатахъ. Американскіе города только благодаря этой системѣ и могли быстро развиваться и украшаться.

Таковы въ самыхъ существенныхъ чертахъ источники государственныхъ доходовъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

II.

Обзоръ главныхъ литературныхъ произведеній Селигмана.

Поимущественный налогъ (The General Tax. New-York, 1890).

Поимущественный налогъ въ системѣ обложенія считается специфической американской чертой. Селигманъ, вполнѣ придерживаясь теоріи Родбертуса о постепенной дифференціаціи

[6]) Таково же мнѣніе и проф. Ely (Taxation in Americ. States and Cities. 1889).

[7]) См. объ этомъ у Cooley. A treatise on the law of taxation, стр. 416—474.

налоговой системы съ послѣдовательной квалитативной дифференціаціей народнаго дохода, долженъ, конечно, смотрѣть на имущественный налогъ не иначе, какъ на анахронизмъ, давно уже пережившій тѣ экономическія условія, которыя вызвали его къ жизни, и потому property tax, бывшій прежде an attempt to attain equality, теперь results in gross inequality (42). Сначала, говоритъ онъ, облагали лишь землю (скотъ и другія орудія труда), затѣмъ перешли къ обложенію всей собственности, включая и личную, но такъ какъ эта послѣдняя легко ускользаетъ отъ обложенія, то приходится прибѣгнуть къ системѣ реальныхъ налоговъ, и property tax не американское изобрѣтеніе, но a relic of mediaevalism (56), и теперь при сложныхъ соціальныхъ отношеніяхъ онъ уже невозможенъ. Затѣмъ и теоретически, по мнѣнію Селигмана, одно имущество не можетъ служить вѣрнымъ признакомъ Leistungsfähigkeit, а практически этотъ налогъ не можетъ быть проведенъ.

Существованіе его въ Соединенныхъ Штатахъ сопровождается массой несправедливостей: 1) онъ вызываетъ *неравномѣрность обложенія*, — въ одномъ графствѣ имущество оцѣнивается по полной цѣнности, въ другомъ лишь въ $^1/_{10}$ ея. Едва ли въ двухъ рядомъ лежащихъ графствахъ имущества одинаково оцѣниваются: разница въ оцѣнкѣ желѣзныхъ дорогъ доходитъ до 24,000 долларовъ на 1 милю, въ нѣкоторыхъ графствахъ желѣзныя дороги оцѣниваются какъ простая земля. Оцѣнщики (ассессоры)—лица, служащія по выбору, и если они строго оцѣниваютъ имущество, то, конечно, населеніе ихъ вновь не выберетъ. Съ цѣлью выравненія оцѣнокъ между отдѣльными графствами были учреждены особыя такъ называемыя Boards of equalitation, но пока это ни къ чему не привело. 2) *Недостатокъ всеобщности*, — этотъ налогъ не охватываетъ всѣ виды собственности, — такъ личная собственность почти ускользаетъ отъ обложенія, — поэтому болѣе тяжело обложены земледѣльческіе классы (фермеры), чѣмъ богатые крупные коммерсанты и фабриканты, и объ этомъ же свидѣтельствуетъ фактъ уменьшенія личной собственности; такъ въ Калифорніи въ 1872 г. она оцѣнивалась въ 220 милл. долл., въ 1880 г. въ 174, а въ 1887 г. въ 164 милл. долл., и это уменьшеніе личной собственности единственно можетъ быть объяснено какъ результатъ укрывательства. Сами ассессоры вынуждены освобождать личную собственность отъ обложенія, иначе она переходитъ въ другіе штаты. Далѣе, существованіе этого налога побуждаетъ къ *клятвопреступленію:* лица, обязанныя платежомъ налога, должны

приносить клятву, что они вѣрно показали стоимость своего имущества, и, конечно, нигдѣ столько не приносится ложныхъ клятвъ, какъ здѣсь, во избѣжаніе налога; вообще этотъ налогъ является какъ бы преміей за нечестность: честный человѣкъ сполна заплатитъ налогъ со всего имущества, а нечестный лишь съ части его. Налогъ регрессивно распредѣляется между плательщиками: обложенію подлежатъ лишь лица, обладающія недвижимостью, отъ этого, конечно, еще болѣе отягощены фермеры, и, по словамъ Селигмана, это служитъ одной изъ причинъ паденія фермерскаго хозяйства.

Суровый, но вполнѣ вѣрный приговоръ произноситъ Селигманъ надъ property tax: онъ такъ несправедливъ, что удерживается лишь благодаря незнанію или инерціи, и уничтоженіе его должно сдѣлаться battle cry всякаго государственнаго дѣятеля и реформатора [8]).

Этотъ этюдъ проф. Селигмана о поимущественномъ налогѣ по тонкой его критикѣ, благодаря богатому фактическому и историческому содержанію и сжатому изложенію, является лучшею монографіею по этому вопросу.

Обложеніе корпорацій (The taxation of corporations. New-York, 1890).

Чуткій и отзывчивый на нужды своей родины проф. Селигманъ, сосредоточивая свое вниманіе на вопросахъ первостепенной важности для финансовъ Соединенныхъ Штатовъ, долженъ былъ натолкнуться и на вопросъ объ обложеніи корпорацій. Этотъ родъ обложенія играетъ огромную роль въ финансахъ отдѣльныхъ штатовъ, доставляя въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже болѣе половины всего бюджета, какъ, напримѣръ, въ Пенсильваніи [9]).

Въ своемъ трудѣ объ обложеніи корпорацій проф. Селигманъ даетъ историческій очеркъ этого обложенія, затѣмъ обрисовываетъ въ общихъ чертахъ существующія системы обложенія и, указавъ недостатки ихъ, высказывается вполнѣ за подоходную систему обложенія. При этомъ проценты, платимые по долгамъ, по

---

[8]) Таково же мнѣніе и другого выдающагося американскаго финансиста проф. Ely (Taxation in Am. St. and Cities): Indeed, говоритъ онъ, when I think about Taxation in our states and cities, I feel like turning anarchist.

[9]) Такъ въ 1886 г. налогъ съ корпорацій въ Пенсильваніи далъ 53,3% всего бюджета, и благодаря развитію этого источника уже въ 1867 г. сдѣлалось возможнымъ освободить реальную собственность отъ обложенія на нужды штата. Worthington, Historical Sketch of the Finances of Pennsylvania, 1891 (въ Publ. of A. E. Ass.).

мнѣнію Селигмана, не должны быть вычитаемы изъ чистаго дохода, такъ какъ the issue of mortgage bonds by a corporation is simply another mode of increasing the working capital.

Селигманъ проводитъ различіе между индивидуальными долгами и корпоративными, — если по теоріи первые должны вычитаться изъ дохода, то нельзя того же сказать, говоритъ онъ, о вторыхъ: проценты, платимые корпораціями по своимъ долгамъ, — интегральная часть дохода: bonds and stock together form what is really the working capital from which the income is derived (638). Это требованіе о невычетѣ корпоративныхъ долговъ при обложеніи корпорацій, какъ послѣдній выводъ изъ опыта той страны, гдѣ это обложеніе наиболѣе развилось, заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія финансовой науки.

Одна изъ главныхъ трудностей, съ которой сталкивается финансовая техника при обложеніи акціонерныхъ предпріятій, — это фиктивные долги, выставляемые ими для пониженія чистой прибыли, подлежащей обложенію. Проф. Селигманъ разомъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, высказываясь за обложеніе и процентовъ, платимыхъ по дѣйствительнымъ долгамъ; конечно, это вопросъ сложный, и хотя много другихъ основаній говоритъ въ пользу рѣшенія проф. Селигмана, однако мы ограничимся здѣсь лишь указаніемъ на это оригинальное рѣшеніе, не входя въ разборъ его.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ корпораціи вовсе не облагаются на мѣстныя нужды, въ другихъ же часть сборовъ отъ state tax распредѣляется между мѣстными дистриктами, и Селигманъ высказывается за расширеніе этой практики и въ то же время за болѣе сильное привлеченіе корпоративной собственности къ несенію податной тягости и по другому масштабу, именно сообразно недвижимой собственности, находящейся въ рукахъ компаніи: the property (realty) directly benefited and which is the chief cause of the local expenditures should help to sustain the burden (465).

Селигманъ, считая масштабомъ государственнаго обложенія Leistungsfähigkeit, для мѣстнаго обложенія, согласно выводамъ западной науки, выставляетъ принципъ Leistung und Gegenleistung, и при обложеніи недвижимой собственности корпорацій мѣркою обложенія, по его мнѣнію, долженъ служить не доходъ, а expenses occasioned to the local district, т.-е. размѣръ издержекъ, причиненныхъ корпораціей общинѣ, и, конечно, вполнѣ логично отсюда вытекаетъ, что съ недвижимой собственности должно платить общинные налоги, независимо отъ того, даетъ

8*

ли она доходъ или нѣтъ, такъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ она одинаково воспользовалась выгодами отъ общинныхъ затратъ.

Множество весьма сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ возникаетъ при обложеніи корпорацій, и они, конечно, въ Соединенныхъ Штатахъ должны были пріобрѣсти болѣе жгучій характеръ, чѣмъ гдѣ-либо.

Такъ, напримѣръ, при обложеніи дивиденда акціонерныхъ компаній, слѣдуетъ ли облагать еще самихъ держателей акцій? не будетъ ли это двойнымъ обложеніемъ?

Практика въ Соединенныхъ Штатахъ сильно колеблется по этому поводу. Селигманъ даетъ слѣдующее ясное и правдивое рѣшеніе.

Если всѣ источники доходовъ равномѣрно обложены, т.-е. если обложеніе корпорацій является однимъ изъ членовъ въ общей системѣ обложенія (general tax), то уменьшеніе дивиденда, получаемаго по акціямъ, не скажется на пониженіи курса бумагъ, и за неимѣніемъ болѣе выгоднаго помѣщенія акціонеръ долженъ будетъ нести налогъ; но если не всѣ источники одинаково обложены, и слѣд. обложеніе корпоративныхъ бумагъ является exclusive tax, то курсъ акцій, конечно, понизится въ размѣрѣ разницы обложенія акцій и другихъ доходовъ, наименѣе обложенныхъ, т.-е. сразу налогъ амортизируется, и весь онъ цѣликомъ падетъ на владѣльцевъ акцій въ моментъ изданія закона объ этомъ налогѣ, такъ какъ будущіе владѣльцы бумагъ не захотятъ добровольно нести налогъ, имѣя возможность помѣстить свои капиталы тамъ, гдѣ имъ не придется уплачивать налогъ, или гдѣ размѣръ этого налога менѣе. А слѣдовательно лица, пріобрѣвшія акціи у первыхъ владѣльцевъ ихъ, вовсе не будутъ нести налога, и чтобы принудить ихъ нести послѣдній, надо будетъ обложить еще самыя акціи въ рукахъ самихъ акціонеровъ. Конечно, такая чувствительность курса бумагъ въ зависимости отъ размѣра обложенія опять-таки пока только специфическая черта одной американской жизни съ ея усиленнымъ промышленнымъ темпомъ и высокой перемѣщаемостью капиталовъ изъ одной отрасли въ другую. Въ Америкѣ всѣ элементы (которые мы увидимъ ниже при изложеніи взгляда Селигмана на переложеніе налоговъ на капиталъ), задерживающіе эту подвижность капитала, обнаруживаютъ сильную тенденцію къ своему ослабленію. Но Западная Европа и въ этомъ отношеніи, вѣроятно, пойдетъ по стопамъ Америки, и потому выводы изъ финансовой жизни послѣдней пріобрѣтаютъ характеръ уроковъ для посѣдѣлой Европы, и послѣдней нечего стыдиться поучиться у своей молодой,

но талантливой дочери. И трудъ проф. Селигмана объ обложеніи корпорацій является теперь какъ нельзя болѣе кстати, идя навстрѣчу тому же все болѣе и болѣе назрѣвающему въ Европѣ вопросу.

Классификація государственныхъ доходовъ (The Quarterly Journal of Economics. April 1893).

Въ этой журнальной статьѣ проф. Селигманъ даетъ очень ясную классификацію источниковъ государственныхъ доходовъ: онъ дѣлитъ ихъ на даровые (дары), договорные (цѣны) и принудительные, вытекающіе изъ упражненія государствомъ трехъ своихъ властей—верховной (экспропріація), уголовной (штрафы) и финансовой—Special assessments—пошлины и налоги. Американскіе финансисты находятъ еще четвертую власть у государства, какъ источникъ дохода — это полицейская (police power). Результатомъ упражненія этой власти являются такіе платежи гражданъ государству, цѣль которыхъ не доходъ, а регулированіе того или другого производства, доходъ же является какъ бы случайнымъ придаткомъ. Но проф. Селигманъ, признавая всю огромную роль интерпретаціи этой власти въ финансахъ Соединенныхъ Штатовъ (напр., тамъ нѣкоторые города вовсе не имѣютъ финансовой власти и только путемъ якобы регулированія производствъ получаютъ себѣ средства, безъ этой же police power они были бы лишены всякихъ финансовыхъ средствъ), однако съ точки зрѣнія теоріи не находитъ возможнымъ поддержать это различіе финансовой и полицейской власти, такъ какъ очень многіе налоги имѣютъ это регулирующее значеніе, и подобное разграниченіе, ничего не давая для теоретическаго построенія системы, внесло бы только лишнюю путаницу въ теорію.

Проведя различіе между налогомъ и пошлиной (пошлина—вознагражденіе за услугу, она не должна превосходить стоимости услуги и т. д.), проф. Селигманъ въ особенности останавливается на оригинальномъ видѣ источниковъ дохода—такъ называемыхъ. Special assessments, получившихъ свое развитіе пока только еще въ Америкѣ, хотя и въ Европѣ имъ будетъ суждено играть крупную роль, и зародыши ихъ уже намѣтились во Франціи, Бельгіи, Англіи [10]) и въ особенности въ Пруссіи; но въ Америкѣ путемъ Special assessments города получаютъ огромныя суммы: такъ Нью-Іоркъ въ 1891 году такимъ путемъ получилъ 2,400,000 долл., Чикаго въ 1890 г. 4,893,000 долл.,

[10]) См. статью John Rae „Betterment tax“ въ „Contempor. Review“ за 1890 г.

а путемъ налоговъ — 6,404,000 долл. [11]). Несмотря на такую важность ихъ для финансоваго хозяйства городовъ, теоретическая разработка этого источника пока отсутствовала — въ Европѣ просто благодаря малому развитію ихъ, а въ Америкѣ за недостаткомъ научныхъ силъ.

Подъ Special assessments разумѣются *принудительные платежи* для покрытія издержекъ по улучшеніямъ, предпринятымъ въ публичномъ интересѣ, и которые выплачиваются собственникомъ владѣній, получившихъ отъ этихъ улучшеній тѣ или другія выгоды. Эта система покрытія издержекъ примѣняется очень широко въ Америкѣ (нивеллировка улицъ, освѣщеніе ихъ, поливка и т. д.).

Вдвигая новый членъ въ общую систему государственныхъ доходовъ, проф. Селигманъ яркими и выпуклыми чертами очерчиваетъ ихъ и проводитъ рѣзкую линію между ними и 1) спеціальными налогами, 2) вообще налогами и наконецъ 3) пошлинами.

Такъ, отъ Zwecksteuern Special assessments отличаются тѣмъ, что первые налагаются пропорціонально Leistungsfähigkeit, а вторые пропорціонально получаемой индивидомъ выгодѣ; этимъ же послѣднимъ признакомъ Special assessments отличаются и вообще отъ налоговъ. Затѣмъ къ Special assessments, сообразующимся лишь съ выгодой, получаемой заинтересованнымъ лицомъ, неприложимъ принципъ прогрессивности, а лишь принципъ пропорціональности (Special assessments при наложеніи сообразуются съ поверхностью, занимаемой зданіемъ, фронтомъ зданія). Кромѣ того самая область примѣненія Special assessments очерчивается очень узко: они примѣняются лишь для производства *мѣстныхъ* улучшеній.

Любопытно отмѣтить: въ Америкѣ настолько рѣзко проводится грань между налогами въ собственномъ смыслѣ (taxes) и Special assessments, что по послѣднему введенному тамъ income tax изъ чистой прибыли плательщиковъ суммы, уплаченныя ими въ качествѣ налоговъ, подлежатъ вычету, а суммы, уплаченныя въ качествѣ Special assessments, вычету не подлежатъ, такъ какъ взамѣнъ этихъ суммъ собственники получаютъ эквивалентъ, выражающійся въ увеличеніи стоимости ихъ имущества.

Но Special assessments отличны и отъ пошлинъ. Селигманъ сводитъ это отличіе къ слѣдующему: во-1-хъ, Special assessments взимаются лишь какъ вознагражденіе за особыя мѣстныя

[11]) The Quarterly Journal of Economics. Apr. 1893, стр. 312.

улучшенія, а пошлины — за всякую услугу; во-2-хъ, Special assessments платятся разомъ, а пошлины — періодически; въ 3-хъ, Special assessments — платежи только за улучшенія, приносящія выгоду недвижимой собственности. Проводимое Нейманомъ — кстати сказать, единственнымъ нѣмецкимъ теоретикомъ, занимавшимся этимъ вопросомъ — отличіе между Beiträge (Special assessments) и Gebühren [12]) вполнѣ справедливо проф. Селигманъ отвергаетъ.

Такимъ образомъ въ этой своей статьѣ проф. Селигманъ при построеніи системы классификаціи налоговъ въ особенности обращаетъ вниманіе на оригинальныя черты Америки (очерчиваетъ значеніе police power для хозяйства нѣкоторыхъ городовъ) и даетъ прекрасную теоретическую разработку одного изъ важнѣйшихъ источниковъ общиннаго хозяйства, пріобрѣтающаго все бóльшее и бóльшее значеніе и въ европейскихъ городахъ. Знакомство съ нимъ и богатые результаты его примѣненія въ Соединенныхъ Штатахъ конечно послужили бы къ бóльшей выгодѣ нашихъ городовъ. Вотъ въ этомъ-то и состоитъ заслуга проф. Селигмана, направившаго и своего ученика Rosewater'а на изученіе этого важнаго и многообѣщающаго вопроса.

Чтобы лучше уяснить особенности Special assessments, приведемъ еще нѣкоторыя данныя для характеристики ихъ. Такъ, по конституціоннымъ законамъ нѣкоторыхъ штатовъ, налоги должны распредѣляться между гражданами ad valorem, и когда заинтересованныя лица обращались въ судъ по поводу распредѣленія Special assessments по иному принципу, то судъ, не признавая за Special assessments налоговой природы, отказывалъ въ искѣ, и теперь Payment according to benefit seems to be the growing rule.

Далѣе, университеты и церкви въ Соединенныхъ Штатахъ освобождаются отъ налоговъ, и когда на нихъ налагали Special assessments, то судъ опять-таки постановлялъ, что Special assessments вовсе не налоги, и слѣдовательно изъятіе не распространяется на нихъ. Вообще въ судебной практикѣ вполнѣ установилось положеніе, что Special assessments не налоги.

Теперь Special assessments усвоены уже 40 различными законодательствами Соединенныхъ Штатовъ, а въ Европѣ они признаны въ Англіи и Франціи, даже въ Австраліи въ провинціи Викторіи и Новой Зеландіи.

---

[12]) Нейманъ въ своемъ трудѣ „Die Steuer und das öffentliche Interesse" пытался свести это различіе между Beiträge и Gebühren къ разницѣ между прямыми и косвенными налогами.

Чтобы еще разъ подчеркнуть значеніе для муниципальнаго управленія этихъ Special assessments, укажу на слѣдующій фактъ.

Special assessments въ Бостонѣ усвоены были закономъ 1866 г., притомъ въ размѣрѣ not exceeding one-half of the estimated benefit the property received. И вотъ каковы результаты этого закона: между тѣмъ какъ въ періодъ 1822—1866 гг. всего на городскія улучшенія было затрачено 4,4 милл. долл., съ 1866 г. по 1880 г. затрачено было уже 22,2 милл. долл.! Только благодаря введенію Special assessments были проведены многія улучшенія, на которыя иначе нельзя было бы и разсчитывать.

Railway Tariffs and the Interstate commerce Law. 1887.

Въ этой работѣ проф. Селигманъ даетъ намъ теорію желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Не считая возможнымъ построить тарифъ на принципѣ стоимости услуги (cost of service), онъ выставляетъ общимъ принципомъ value of service: желѣзныя дороги являются учрежденіями получастнаго-полупубличнаго характера, а потому и оцѣнка ихъ услугъ, по его мнѣнію, должна строиться на принципахъ обложенія, т.-е. при оцѣнкѣ услуги желѣзной дороги надо принимать Leistungsfähigkeit лица, платящаго за услугу; это требованіе и выражается въ принципѣ value of service. Высказываясь вполнѣ за государственный контроль надъ желѣзными дорогами, слишкомъ злоупотребляющими своею властью, проф. Селигманъ въ то же время при условіяхъ спеціально-американской жизни не считаетъ возможнымъ передать завѣдываніе желѣзными дорогами въ Соединенныхъ Штатахъ въ руки правительства. Это не только не улучшило бы дѣла, а еще болѣе развило бы злоупотребленія, говоритъ онъ. Лучшимъ средствомъ предупредить измѣнчивость тарифа, личный фаворитизмъ въ пользу отдѣльныхъ грузоотправителей, Селигманъ считаетъ вмѣстѣ съ правительственнымъ регулированіемъ синдикаты, которые являются необходимымъ продуктомъ новѣйшаго времени и пріостановка развитія которыхъ совершенно внѣ власти человѣка. Желѣзнодорожныя злоупотребленія, по словамъ его, обратно-пропорціональны развитію синдикатовъ.

Далѣе Селигманъ разсматриваетъ формы желѣзнодорожныхъ соглашеній, критикуетъ законъ 1887 г., запретившій синдикаты, и останавливается на проектахъ [13]), думающихъ тѣмъ или инымъ путемъ воскресить въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ давно уже умершую свободную конкурренцію.

[13]) Предоставленіе каждому желающему на желѣзнодорожной линіи имѣть свои собственные локомотивы и поѣзда.

Книга написана съ обычной ясностью и живостью изложенія и богатствомъ матеріала. *Оригинальной чертой ея является сближеніе принциповъ железнодорожныхъ тарифовъ съ принципомъ обложенія.*

Таможенная политика Соединенныхъ Штатовъ Америки 1860 — 1890 (The Commercial Policy of the United States of America. 1860—1890) въ Schriften für Soc.-Politik. B. 49.

Этотъ историческій очеркъ таможенной и торговой политики, написанный Селигманомъ вмѣстѣ съ Richmond Mayo-Smith'омъ, является сжатымъ, яснымъ и талантливымъ изложеніемъ хода этой политики съ самаго возникновенія Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь рельефно очерчены отдѣльныя эпохи: эпоха свободной торговли, автономія тарифовъ для каждаго штата, развитіе протективной политики, смѣна ея свободной торговлей и т. д., въ особенности подробно останавливаются они на тарифѣ Макъ-Кинлея, обложеніи сахара и системѣ сахарныхъ премій, обложеніи шерсти и шерстяныхъ издѣлій. Кромѣ внѣшней стороны протективной политики проф. Селигманъ вскрываетъ намъ здѣсь и внутреннія движущія ее силы: такъ прежде протекціонисты основывали свои притязанія, ссылаясь на молодую промышленность (infant industry), за послѣднее же время они уже бросили этотъ аргументъ и теперь требуютъ продолженія той же политики, ссылаясь на necessary protection of the high paid american laborer against competition with the underpaid european laborer.

Подоходный налогъ — income tax.

Съ обычной своей отзывчивостью проф. Селигманъ тотчасъ же откликнулся и по поводу крупнѣйшаго событія за послѣднее время въ финансовомъ хозяйствѣ федеральнаго правительства, т.-е. только-что введеннаго подоходнаго налога.

Въ Америкѣ главное бремя налоговъ, въ противоположность Европѣ, лежитъ не на низшемъ классѣ, а на среднемъ — на фермерахъ, которые, благодаря факту владѣнія недвижимостью, всѣ подлежатъ property tax, и ихъ личная собственность, выражающаяся въ скотѣ и орудіяхъ труда, не такъ легко можетъ ускользнуть отъ обложенія, какъ собственность лицъ промышленнаго класса.

Подоходный налогъ при внесеніи его въ законодательное собраніе, хотя и мотивировался необходимостью въ покрытіи ожидаемаго дефицита вслѣдъ за измѣненіемъ таможеннаго тарифа, въ сущности же является мѣрой, направленной противъ богатыхъ промышленныхъ классовъ, такъ какъ земледѣльческіе

классы при высокомъ Existenzminimum'ѣ въ 4000 долл., почти всѣ будутъ изъяты отъ обложенія.

Относясь съ большой симпатіей къ этой коренной реформѣ федеральной системы обложенія въ смыслѣ болѣе яркаго проведенія принципа справедливости, проф. Селигманъ даетъ острую критику новаго income tax: во-1-хъ, несправедливо, говоритъ онъ, что всѣ источники дохода фундированнаго и нефундированнаго одинаково обложены; во-2-хъ, слишкомъ высокъ Existenzminimum въ 4000 долл., что можетъ объясняться только партійностью: какъ прежде при одномъ property tax южные земледѣльческіе штаты платили въ пользу сѣверныхъ, такъ теперь сѣверные богатые будутъ платить въ пользу южныхъ; въ-3-хъ, неудобна система огульнаго опредѣленія дохода лица (lump-sum), а не по шедуламъ, какъ въ Англіи (stoppage at-source), что въ значительной степени облегчило бы опредѣленіе чистаго дохода; въ-4-хъ, въ доходъ лица включено полученіе наслѣдства, что противорѣчитъ экономическому понятію дохода, какъ явленія періодическаго, а затѣмъ легко можетъ задержать общую тенденцію въ развитіи финансоваго хозяйства штатовъ, именно введеніе наслѣдственнаго налога въ штатахъ [14]). Въ-5-хъ, Селигманъ осуждаетъ способъ опредѣленія чистаго дохода у корпорацій: проценты, платимые по долгамъ, не вычитаются у нихъ; хотя въ первоначальномъ проектѣ это и было сдѣлано, но сенатъ измѣнилъ проектъ.

Но, выставляя на свѣтъ всѣ дурныя черты income tax, проф. Селигманъ въ то же время съ цифрами въ рукахъ изъ эпохи 1862—71 г., когда одновременно существовали и property tax и подоходный налогъ, съ несомнѣнною очевидностью доказываетъ превосходство результатовъ подоходнаго обложенія предъ поимущественнымъ.

Эта статья является талантливымъ разборомъ новаго налога (см. другую статью по этому же вопросу Hill'я въ „The Quarterly of the Economics". 1894).

Перейдемъ теперь къ теоретическимъ трудамъ проф. Селигмана.

Прогрессивное обложеніе въ теоріи и практикѣ (Progressive Taxation in theory and practice 1894) и его же статья въ Politic. Science Quarterly. June 1893. Progressive Taxation.

Селигманъ даетъ сначала подробный историческій очеркъ практики прогрессивнаго обложенія.

---

[14]) Селигманъ рисуетъ общую систему финансовъ Америки такъ: штаты—cooperation- and inheritance tax, а мѣстные налоги—реальные, рентные промысловые.

Изучая слѣды прогрессивнаго обложенія въ Греціи, Римѣ, средневѣковой Франціи, Англіи, Германіи и т. д., Селигманъ особенно останавливается на общемъ движеніи, охватившемъ всю Европу въ XIX в. въ пользу прогрессивнаго обложенія, въ особенности же на Швейцаріи (прогрессивный property tax и прогрессивный подоходный налогъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ прогрессивный налогъ съ наслѣдствъ), Германіи, Австріи (прогрессивный налогъ съ наслѣдствъ, доходящій до 20%). Въ Новой Зеландіи даже при обложеніи земли проведенъ прогрессивный принципъ [15]). Въ Америкѣ за послѣднее время также обнаружилось сильное теченіе въ пользу прогрессивнаго обложенія (прогрессивные корпоративные налоги, билли о прогрессивныхъ наслѣдственныхъ налогахъ въ Нью-Іоркѣ, Пенсильваніи). Затѣмъ онъ переходитъ къ пересмотру теорій прогрессивнаго обложенія, и въ концѣ концовъ въ заключеніи даетъ свое обоснованіе, опредѣляя въ то же время и границы примѣненія въ налоговыхъ системахъ этого принципа.

Группируя всѣ существующія теоріи въ три группы (соціалистическая, теорія возмездія и экономическая), Селигманъ сначала останавливается на первой теоріи — теоріи Вагнера.

Сущность теоріи Вагнера состоитъ въ слѣдующемъ. Вагнеръ отличаетъ чисто-фискальный періодъ въ исторіи финансовъ и соціально-политическій. Сущность перваго состоитъ въ простомъ стремленіи правительства получить требуемыя средства для го-

---

[15]) Чрезвычайно интересно обложеніе земли въ Новой Зеландіи, введенное закономъ 8 сентября 1891 г., сжатое изложеніе котораго даетъ въ своей книгѣ проф. Селигманъ. Въ этомъ способѣ прогрессивнаго обложенія земли ярко сказалась соціальная тенденція: вся земля подѣлена на 14 классовъ. Первый цѣнностью до 5000 £. и уплачиваетъ 1 d. съ каждаго 1 £., а затѣмъ съ каждымъ дальнѣйшимъ классомъ прибавляется по $^1/_8$ d. на 1 £., и при стоимости имѣнія въ 210,000 £. и выше съ 1 £. уплачивается уже по $2^3/_4$ d. Но такимъ путемъ облагается лишь цѣнность земли, не включая издержекъ, затраченныхъ на ея улучшеніе. Земля цѣнностью до 500 £. изъята отъ обложенія, и размѣръ этого вычета Existenzminimum'a, постепенно уменьшаясь, простирается до 2500 £., когда онъ совсѣмъ прекращается, и земля уже облагается по полной стоимости, безъ всякихъ вычетовъ. Законъ имѣетъ въ виду бороться и съ абсентеизмомъ: земля лицъ, не живущихъ въ колоніи свыше 3 лѣтъ, облагается на 20% выше остальной (см. 58 Prog. tax). Введеніемъ прогрессивнаго обложенія земли думаютъ бороться съ латифундіями: полагаютъ, что эта тяжесть обложенія крупныхъ участковъ будетъ способствовать раздробленію ихъ на болѣе мелкіе. Конечно весьма любопытны будутъ результаты этой системы.

сударственныхъ нуждъ, а сущность второго — въ томъ, что государство стремится при этомъ путемъ обложенія произвести болѣе равномѣрное распредѣленіе богатства. Эти періоды находятся между собой въ исторической послѣдовательности, и послѣдняя точка зрѣнія—соціально-политическая—еще только-что начинаетъ пробиваться. Въ зависимости отъ того, къ какому изъ этихъ двухъ направленій мы примкнемъ, по мнѣнію Вагнера, мы должны будемъ выбрать тотъ или другой способъ обложенія, т.-е. пропорціональный или прогрессивный. Налоги надо распредѣлить *справедливо* въ массѣ лицъ, обязанныхъ платить. Но что̀ такое „справедливо"?—спрашиваетъ Вагнеръ—вѣдь это понятіе относительное, а въ примѣненіи къ финансамъ оно стоитъ въ зависимости отъ нашего отношенія къ существующей системѣ народнаго хозяйства, основанной на принципѣ конкурренціи съ вытекающими отсюда послѣдствіями, какъ-то неравномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ и т. д. Кто эту систему считаетъ безусловно справедливой, тотъ долженъ отказаться отъ всякаго воздѣйствія на нее путемъ обложенія въ смыслѣ того или другого реформированія ея, слѣдовательно обложеніе можетъ здѣсь преслѣдовать лишь чисто-финансовую цѣль — покрытіе государственныхъ расходовъ. Способъ обложенія, соотвѣтствующій этому воззрѣнію, заключается, во-1-хъ, въ общности обложенія, т.-е. всѣ несутъ налогъ—безразлично, какъ бы малъ налогъ ни былъ у лица—слѣдовательно не допускается изъятія отъ налога Existenzminimum'а; затѣмъ, во-2-хъ—въ пропорціональности обложенія: каждый несетъ *одинаковую* долю своего дохода на государственные нужды; далѣе, доходы отъ труда и капитала (нефундированные и фундированные) облагаются одинаково. То обстоятельство, что плательщики при этомъ различно ощущаютъ на себѣ налоговое бремя — должно просто принять какъ фактъ, какъ послѣдствіе существующей системы народнаго хозяйства, которая лицомъ, считающимъ ее справедливой, должна быть принята со всѣми ея послѣдствіями. Впрочемъ прогрессивное обложеніе допускается и при этой точкѣ зрѣнія, но только въ субсидіарной формѣ, т.-е. — чтобы служить коррективомъ регрессивному обложенію косвенныхъ налоговъ и такимъ образомъ возстановить пропорціональность обложенія.

Но эта точка зрѣнія невѣрна, по мнѣнію А. Вагнера. Теперь все болѣе и болѣе развивается убѣжденіе, что существующая система, создавшая огромное имущественное неравенство, не отвѣчаетъ требованіямъ справедливости, что она подлежитъ многимъ измѣненіямъ, и однимъ изъ средствъ къ этому измѣненію

является и налогъ (соціально-политическая точка зрѣнія). Обложеніе при этомъ воззрѣніи пріобрѣтаетъ другой характеръ: общность обложенія здѣсь понимается не буквально: лица съ небольшимъ доходомъ, чтобы дать имъ возможность подняться въ слѣдующій имущественный классъ, освобождаются отъ налога, доходы отъ капитала облагаются сильнѣе доходовъ отъ труда, опять съ тою цѣлью, чтобы увеличить kapitalbildende Kraft послѣдняго, вводится *прогрессивное* обложеніе крупныхъ доходовъ и т. д. Каждый изъ этихъ методовъ обложенія справедливъ съ своей точки зрѣнія, говоритъ Вагнеръ.

Такимъ образомъ изъ соціально-политической точки зрѣнія на налогъ Вагнеръ обосновываетъ прогрессивный способъ обложенія. Существующія .системы обложенія проникнуты еще чисто-финансовымъ духомъ, но, хотя безсознательно, этотъ соціальный элементъ пробивается въ нихъ, и практика въ этомъ отношеніи опередила теорію. Прогрессивный налогъ, освобожденіе отъ налога Existenzminimum'а, болѣе тяжелое обложеніе фундированныхъ доходовъ и т. д.—все это признаки наступленія, по мнѣнію Вагнера, соціальной фазы въ обложеніи.

Точно такое же обоснованіе прогрессивнаго налога, какъ средства сглаживанія имущественныхъ неравенствъ, предлагалъ еще въ XV в. итальянецъ Личардини, затѣмъ Руссо, наконецъ одновременно съ Вагнеромъ — Шеель.

Отвергая за государствомъ нивеллирующую роль въ распредѣленіи имущества гражданъ, Селигманъ указываетъ на ошибочность раздѣленія Вагнеромъ исторіи финансоваго хозяйства на двѣ эпохи (финансовую и соціально-политическую), доказывая, что соціально-политическія тенденціи никогда не были чужды финансовому хозяйству даже на первыхъ ступеняхъ государственной жизни.

Точно также онъ отвергаетъ и теорію возмездія—спеціальнаго и общаго [16])—и переходитъ къ разсмотрѣнію чисто-экономи-

[16]) Эта теорія принадлежитъ американскому экономисту Уокеру (Walker). Онъ слѣдующимъ образомъ обосновываетъ прогрессивность въ обложеніи: во-1-хъ, несомнѣнно, говоритъ онъ, что различіе по имущественному положенію среди людей немало обязано тому обстоятельству, что государство недостаточно выполняетъ свою обязанность защищать людей противъ насилія и обмана, и во-2-хъ, различные государственные акты, какъ-то торговые договоры, тарифы, войны и т. д., до извѣстной степени порождаютъ тоже неравномѣрное распредѣленіе богатствъ. И Уокеръ допускаетъ прогрессивное обложеніе, какъ возмездіе за тотъ или другой актъ или упущеніе со стороны государства, послужившіе къ образованію богатствъ (Walker, Political Economy, 1 edit. 1883, стр. 479—80). Почти то же самое высказывали уже ранѣе M-lle Royer

ческихъ теорій, группируя ихъ опять-таки въ двѣ категоріи — теоріи Leistung und Gegenleistung и теоріи Leistungsfähigkeit. Представители первой группы держатся вообще пропорціональнаго обложенія, а второй — прогрессивнаго, но между ними много варіацій и исключеній. Если по теоріи Leistung und Gegenleistung или benefit theory защита — главная функція государства, то налоги конечно должны уплачиваться пропорціонально ей, и тогда они являются не болѣе какъ страховыми преміями, т.-е. это ведетъ къ пропорціональному обложенію (Vauban, физіократы, Justi, Mc. Culloch), но затѣмъ эта теорія создала цѣлую группу приверженцевъ прогрессивнаго обложенія. Эти послѣдніе основываютъ свое требованіе на томъ, что будто бы при защитѣ богатаго человѣка рискъ прогрессивно возрастаетъ, а также будто бы въ гораздо большей степени богатые пользуются выгодами государственной жизни, чѣмъ бѣдные (Кондорсе, Гарнье, Эйзенхартъ). Но стоя на этой теоріи, совершенно вѣрно, по нашему мнѣнію, замѣчаетъ проф. Селигманъ, можно придти даже къ регрессивному принципу: богатый человѣкъ менѣе нуждается въ защитѣ и услугахъ государственной власти, — онъ самъ можетъ нанять для себя сторожа, онъ не нуждается въ государственныхъ школахъ, имѣя возможность пригласить учителей къ своимъ дѣтямъ на домъ — и т. д.

Затѣмъ Селигманъ разбираетъ другую группу теорій — теоріи психологическія — и находитъ ихъ также мало удовлетворительными.

Разобравъ критически существующія теоріи по прогрессивному обложенію и не находя ни одну изъ нихъ удовлетворительной, проф. Селигманъ выставляетъ свою. Суть ея заключается въ слѣдующемъ. Налоги должны разлагаться по Leistungsfähigkeit гражданъ (faculty). Faculty же есть the native or accpured power of production и употребленіе этой силы на пріобрѣтеніе благъ, результаты чего выражаются въ періодическомъ или постоянномъ увеличеніи имущества у владѣльцевъ этой силы. Но въ понятіи Faculty кромѣ элемента продукціи заключается еще и элементъ потребленія. Съ владѣніемъ крупнымъ состояніемъ способность къ увеличенію его растетъ быстрѣе самаго состоянія, слѣдовательно, если смотрѣть только на элементъ продукціи, то прогрессія вполнѣ оправдывается. Элементъ

Villiaumé и Courcelle Seneuil. Но это обоснованіе неудовлетворительно, говоритъ проф. Селигманъ, такъ какъ далеко не всякій крупный доходъ обязанъ своимъ возникновеніемъ несправедливымъ дѣйствіямъ или упущеніямъ со стороны государства.

потребленія также не ведетъ необходимо къ пропорціональному обложенію, а скорѣе къ прогрессивному (основанія аналогичныя съ психологической теоріею); такимъ образомъ понятіе facultas требуетъ проведенія прогрессіи въ обложеніи какъ цѣломъ. Конечно сфера приложенія этого принципа ограничена только той областью, въ которой можетъ быть приложенъ принципъ Leistungsfähigkeit, въ области же мѣстнаго обложенія, опирающейся на принципъ Leistung und Gegenleistung — принципъ прогрессивнаго обложенія неприложимъ.

Соединяя теорію съ практикой, Селигманъ ограничиваетъ область примѣненія прогрессивнаго обложенія въ налоговой системѣ Соединенныхъ Штатовъ. Такъ этотъ принципъ неприложимъ къ property tax: съ введеніемъ прогрессіи утайка личной собственности еще болѣе увеличилась бы; неприложимъ также этотъ принципъ и къ корпоративному налогу, къ налогамъ реальнымъ [17]). Единственно гдѣ этотъ принципъ теперь въ Америкѣ можетъ быть проведенъ — это inheritance tax.

Книга блещетъ точностью и выпуклостью изложенія отдѣльныхъ теорій, прекраснымъ знаніемъ финансовой литературы, откуда авторъ богатой рукой черпаетъ множество фактическихъ данныхъ; но, искусно выбирая ихъ, онъ не повторяется и всегда умѣетъ оставаться, благодаря живости изложенія, чрезвычайно интереснымъ для читателя. Вотъ эти-то блестящія качества его трудовъ и создаютъ ему широкую популярность.

О переложеніи налоговъ (On the shifting and Incidence of Taxation. 1892).

Проф. Селигманъ въ этомъ своемъ трудѣ подробно излагаетъ существующія теоріи по этому вопросу, классифицируя ихъ въ 10 категорій.

Знакомя съ его трудомъ, мы не будемъ подробно передавать содержаніе послѣдняго, но какъ образецъ изложенія и критики имъ существующихъ теорій приведемъ лишь нѣкоторыя наиболѣе выдающіяся теоріи и разборъ ихъ.

Пессимистическая теорія (Прудонъ и Albert S. Bolles [18]).

Всѣ налоги въ концѣ концовъ падаютъ на потребителя, и этого предупредить нельзя, говоритъ Прудонъ, оттого всякій налогъ несправедливъ, а проблема обложенія неразрѣшима;

---

[17]) Селигманъ отрицаетъ даже приложимость прогрессіи и къ подоходному налогу, но совершенно неправильно.

[18]) Авторъ извѣстнаго уже цитированнаго нами труда по финансовой исторіи Соед. Шт. (The financial History of the United States, 1886. 2 тома).

ошибка лежитъ не въ принципахъ пропорціи, не въ правительствѣ, а въ учрежденіяхъ, зависящихъ отъ природы вещей.

Нельзя установить одного закона, управляющаго переложеніемъ налоговъ, говоритъ Bolles. Одни несутъ все бремя налоговъ, другіе лишь половину, третьи успѣваютъ все сбросить на другихъ.

Оптимистическая теорія или теорія диффузіи (Канаръ, Приттвицъ, Тьеръ — диффузія налоговъ).

Налогъ, на кого бы онъ ни падалъ, въ концѣ концовъ равномѣрно распредѣляется между всѣми. Если кто-либо уплатитъ слишкомъ много, все-таки онъ получитъ свое: la veine que le chirurgien a piquée n'est pas plus appauvrie du sang après l'opération que toutes les autres parties du corps. Однако нѣкоторое время проходитъ прежде чѣмъ возстановится равновѣсіе, вотъ потому-то Канаръ и считаетъ всякій старый налогъ хорошимъ, а всякій новый дурнымъ. Приттвицъ, сторонникъ этой теоріи, утверждаетъ, что всякій denkbar abenteuerlichste und drückendste налогъ съ теченіемъ времени будетъ справедливымъ. Такой взглядъ конечно велъ къ полному квіетизму въ области обложенія: время-де все исправитъ.

Тьеръ ввелъ въ употребленіе выраженіе „диффузія налоговъ". Налоги падаютъ пропорціонально потребленію каждаго; такъ что по теоріи Тьера выходитъ, что чѣмъ богаче человѣкъ, тѣмъ болѣе онъ платитъ налоговъ.

Соціалистическая теорія (Лассаль) — всѣ налоги падаютъ на бѣдные классы.

Capitalisationstheorie развивалась въ приложеніи къ землѣ— die Reallasttheorie der Grundsteuer; нѣкоторые даже (Sartorius, Hoffmann и Murhard) не считаютъ поземельный налогъ налогомъ, а простой конфискаціей имущества. Штейнъ по этому поводу стоитъ даже за то, чтобы поземельный налогъ не былъ увеличиваемъ. Англія оправдываетъ, повидимому, эту теорію (выкупъ land tax). Но теорія эта вѣрна лишь постольку, поскольку поземельный налогъ является парціальнымъ налогомъ при несуществованіи налоговъ на другіе предметы.

Разобравъ существующіе взгляды на эту теорію, проф. Селигманъ такъ формулируетъ ее: когда какой-либо парціальный налогъ падаетъ на одинъ классъ предметовъ, то онъ обращается въ конфискацію части предмета; точно также при неравенствѣ налоговъ excess of the tax капитализируется.

Условія для этого процесса: когда предметъ имѣетъ продажную цѣну, и притомъ налогъ не можетъ быть переложенъ на потребителя.

Послѣ сжатаго изложенія существующихъ теорій о переложеніи налоговъ Селигманъ подробно, почти на цѣлой сотнѣ страницъ, излагаетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, проявляя здѣсь свое обычное остроумie. При этомъ красной нитью въ его теоріи проходитъ различіе между *общими налогами,* одинаково облагающими всѣ источники, и *парціальными*, облагающими лишь нѣкоторые доходы или одинъ доходъ выше, другіе ниже. Парціальные налоги съ предметовъ, имѣющихъ рыночную стоимость, обыкновенно амортизируются и являются вовсе не налогами, а родомъ конфискаціи собственности у владѣльцевъ въ моментъ введенія налога, такъ что послѣдующіе пріобрѣтатели этихъ обложенныхъ предметовъ вовсе не несутъ налоговой тяжести. Точно такое же явленіе происходитъ и съ однимъ какимъ-либо налогомъ, представляющимъ гораздо бо́льшій процентъ, чѣмъ другіе; капитализація тогда происходитъ въ размѣрѣ этой разницы обложенія.

Непереложимыми налогами Селигманъ считаетъ экономическую ренту земли, чистую прибыль въ промышленныхъ предпріятіяхъ, налогъ съ наслѣдствъ, обложеніе монополій и нѣкоторые другіе.

Опредѣливъ такимъ образомъ тенденціи переложимости, Селигманъ совѣтуетъ финансисту облагать сначала тѣ источники, относительно которыхъ можно съ увѣренностью сказать, что налогъ останется на нихъ.

При анализѣ отдѣльныхъ видовъ обложенія съ точки зрѣнія ихъ переложимости Селигманъ весьма подробно разлагаетъ каждый отдѣльный видъ на его составныя части, установляя соотвѣтствующіе законы переложенія; такъ, для поземельнаго налога онъ различаетъ: 1) обложеніе экономической ренты, 2) обложеніе земли пропорціанально количеству ея (налогъ перелагается на потребителей даже въ бо́льшемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ есть), 3) въ соотвѣтствіи съ качествомъ земли (перелагается цѣликомъ), 4) обложеніе земли пропорціонально чистому доходу или цѣнности ея (здѣсь онъ различаетъ случаи общаго и парціальнаго обложенія и въ послѣднемъ случаѣ вводитъ поправки, вызываемыя отсутствіемъ тѣхъ условій, при наличности которыхъ Рикардо строилъ свою теорію, т. е. подвижности капитала и полной изолированности даннаго земледѣльческаго района отъ остального міра).

Мы опускаемъ его ученіе о переложеніи подомоваго налога: оно представляетъ мало оригинальности.

Ученіе же о переложеніи налога на капиталъ разсматри-

вается имъ опять съ точки зрѣнія общаго обложенія и частичнаго и, благодаря этому, выливается въ болѣе ясную форму, чѣмъ у его предшественниковъ; при этомъ Селигманъ, вѣрный самому себѣ и никогда не упускающій изъ вида дѣйствительности, указываетъ и тѣ факторы, которые препятствуютъ переложенію этого рода налоговъ, отмѣчая впрочемъ ихъ все болѣе и болѣе уменьшающееся вліяніе.

При обложеніи прибыли переложимость стоитъ въ обратномъ отношеніи къ эластичности спроса и въ прямомъ къ ratio of product to cost (т. е. переложеніе менѣе энергично въ производствахъ, подлежащихъ закону уменьшающагося продукта и обратно).

Образчики этихъ выводовъ показываютъ глубокій интересъ этого изслѣдованія проф. Селигмана.

Разсмотрѣніе переложенія налоговъ съ двоякой точки зрѣнія—когда налогъ является общимъ или только парціальнымъ—составляетъ *заслугу автора* и много помогаетъ истинному выясненію вопроса.

Такимъ образомъ въ области теоріи проф. Селигманъ брался за самыя трудныя проблемы и всегда вносилъ въ нихъ нѣчто новое.

Мы должны отмѣтить еще нѣкоторыя другія работы, которыхъ у насъ не было подъ рукой: Finance Statistics of the American Commonwealth. 1889 (большой трудъ); Historical and Comparative Science of Finance, и трудъ по исторіи средневѣковыхъ гильдій въ Англіи: Two chapters on the Mediaeval Guilds of England. 1887.

III.

Заключеніе.

Изъ сдѣланнаго нами бѣглаго очерка трудовъ проф. Селигмана уже чувствуется та живая и полная картина положенія государственнаго хозяйства въ Соединенныхъ Штатахъ, которая предстаетъ въ воображеніи читателя, взявшаго на себя трудъ ознакомиться съ работами этого финансиста, и за ней выступаетъ чрезвычайно симпатичная, кипучая, неутомимая и отзывчивая личность самого профессора, еще молодого человѣка (ему не болѣе 34 лѣтъ); несмотря на свою молодость, онъ уже успѣлъ много сдѣлать для финансовой науки.

Заслуги его передъ наукой чрезвычайно важны и весьма осязательны.

Онъ знакомитъ науку съ оригинальнымъ строемъ финансоваго хозяйства своей страны, знакомитъ въ изящной привлекательной формѣ, что, конечно, послужитъ лишь къ скорѣйшему распространенію ея среди болѣе широкаго круга лицъ. Живость изложенія настолько привлекательна, что, конечно, многія лица, и не причастныя финансамъ, съ интересомъ будутъ читать его труды, и такимъ путемъ проф. Селигманъ является не только въ роли солиднаго ученаго, но и талантливаго популяризатора финансовыхъ истинъ.

Труды его по многимъ вопросамъ являются существеннымъ вкладомъ въ науку; такъ напримѣръ, они замѣчательны по ихъ критическому анализу существующихъ теорій ученія о переложеніи налоговъ и ученія о прогрессивности въ обложеніи, по такому же анализу существующихъ формъ обложенія въ Соединенныхъ Штатахъ (property tax и corporation tax). Однако, онъ не ограничивается однимъ разложеніемъ существующаго,— въ немъ чрезвычайно силенъ творческій элементъ и проф. Селигманъ на мѣсто отвергнутой имъ теоріи или системы всегда въ концѣ концовъ выставляетъ свою.

Прекрасно знакомый съ финансовой литературой, чуждый партійныхъ взглядовъ, онъ выставляетъ теоріи и положительные идеалы въ области обложенія Соединенныхъ Штатовъ, замѣчательныя по своей глубинѣ мысли; таковы, напримѣръ, его теорія переложенія, таковъ рисуемый имъ будущій строй финансоваго хозяйства отдѣльныхъ штатовъ и общинъ въ Америкѣ.

Финансовая наука для него остается экономической наукой, какой она и должна быть по существу и не поглощается правовыми конструкціями, какъ это имѣетъ мѣсто у лучшаго нѣмецкаго финансиста Лоренца Штейна.

Не примыкая къ соціальному направленію въ финансовой наукѣ, онъ однако остается чуждымъ крайностямъ противоположнаго индивидуалистическаго лагеря (напр. Леруа Болье) и стоитъ за подоходное обложеніе, за прогрессію въ системѣ обложенія и т. д., тогда какъ стремленіе во всемъ видѣть соціальныя тенденція кладетъ печать односторонности на прекрасные труды другого извѣстнаго нѣмецкаго финансиста Адольфа Вагнера (стоитъ вспомнить хотя бы ученіе его о налогѣ съ наслѣдства, налогѣ на обращеніе имуществъ, прогрессивности въ обложеніи и т. д., которые будто бы можно оправдать только лишь съ соціальной точки зрѣнія).

Итакъ проф. Селигманъ чуждъ этихъ крайностей и идетъ своей собственной дорогой.

Далѣе условія американской жизни, конечно, не остались безъ вліянія на выработку имъ своихъ теорій. Подъ вліяніемъ усиленнаго темпа промышленной жизни быстрѣе и энергичнѣе совершаются тамъ всѣ процессы переложенія и амортизаціи налоговъ, и если у насъ мы лишь a priori можемъ заключить о томъ или другомъ вліяніи налога, то въ Соединенныхъ Штатахъ это же самое явленіе, быть можетъ, уже успѣло принять весьма осязательныя формы, и, конечно, все это въ Америкѣ даетъ болѣе устойчивую и болѣе вѣрную почву для теоретическихъ изысканій. Изучать процессы переложенія налоговъ у насъ или въ Соединенныхъ Штатахъ—это почти тоже самое, что изучать строеніе листа простымъ глазомъ или подъ микроскопомъ.

Затѣмъ сама экономическая жизнь тамъ ушла далеко впередъ сравнительно съ западно-европейской, а это, конечно, сильно толкаетъ впередъ и финансовое хозяйство, и если послѣднее еще сохраняетъ во многомъ странныя для европейскаго наблюдателя анахронизмы, то, съ другой стороны, уже успѣло породить и много новыхъ и чрезвычайно оригинальныхъ налоговыхъ формъ — все это, конечно, не осталось безъ благотворнаго вліянія на теоретическія воззрѣнія проф. Селигмана. Наконецъ, этотъ калейдоскопъ финансовыхъ страктуръ, чрезвычайно разнообразящійся по отдѣльнымъ штатамъ, открываетъ широкое поле для всевозможнаго рода сопоставленій, сличеній и выводовъ; конечно, обратная сторона этой благопріятной обстановки состоитъ въ томъ, что дюжинный человѣкъ легко можетъ затонуть въ этомъ морѣ фактовъ, но зато лицо, счастливо выплывшее изъ него, можетъ собрать богатую жатву, какъ это и выпало на долю проф. Селигмана.

Итакъ, выводы проф. Селигмана являются какъ бы результатомъ примѣненія микроскопическаго изслѣдованія къ нашимъ собственнымъ экономическимъ условіямъ.

Затѣмъ, формы финансоваго хозяйства Соединенныхъ Штатовъ для западно-европейской жизни являются, быть можетъ, указателемъ того пути, по которому ей придется идти въ будущемъ, и послѣднее, конечно, придастъ помимо теоретическаго особый практическій интересъ трудамъ американскихъ финансистовъ.

Все это и заставляетъ насъ высоко цѣнить заслуги проф. Селигмана передъ наукой и обществомъ.

И. Озеровъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ИДЕИ ФРАНЦУЗСКИХЪ КАТОЛИКОВЪ.

Говорить о важности экономическихъ вопросовъ въ концѣ XIX ст. почти такъ же излишне, какъ и объ универсальномъ значеніи католической церкви. Мы думаемъ, что будущій историкъ, если онъ захочетъ въ немногихъ словахъ охарактеризовать основную идею, главнѣйшую особенность нашего вѣка, укажетъ непремѣнно на рабочій вопросъ въ области экономической и, параллельно ему, на разныя экономическія ученія въ сферѣ интеллектуальной. Съ другой стороны, еслибъ насъ кто спросилъ, какая изъ современныхъ организацій въ Западной Европѣ имѣетъ за собой болѣе долгій періодъ непрерывнаго и прочнаго существованія, а нынѣ болѣе широкое поле дѣйствія и болѣе глубокое вліяніе на міровоззрѣніе народныхъ массъ, — назвали ли бы мы какой-нибудь другой институтъ, кромѣ католической церкви?

По своему духу чуждая всякихъ земныхъ заботъ, религія на западѣ не переставала играть самую видную общественную роль. Въ наше время значительнаго обостренія экономической борьбы служители католической церкви, ободренные примѣромъ ея главы, Льва XIII, нашли возможнымъ вмѣшаться въ эту борьбу и высказать свой взглядъ какъ на значеніе экономическихъ явленій вообще, такъ и на особенный характеръ нѣкоторыхъ вопросовъ прикладной экономіи въ частности. Взгляды католиковъ въ этой сферѣ получили въ различныхъ странахъ болѣе или менѣе тщательную обработку и вылились въ форму спеціальнаго экономическаго ученія. Въ виду того, что на западѣ экономическое ученіе католиковъ съ одной стороны завоевало значительное количество адептовъ, съ другой — вызвало

обширную критическую литературу и такимъ образомъ привлекло къ себѣ общественное вниманіе, намъ показалось не безполезнымъ познакомить съ нимъ русскую читающую публику, имѣющую по этому предмету лишь самыя неполныя, отрывочныя свѣдѣнія.

Ограничивши рамки настоящей статьи ученіемъ *французскихъ* католиковъ, сдѣлавшихъ всего болѣе для разработки экономическихъ вопросовъ, мы сочли нужнымъ предпослать изложенію ихъ ученія тщательный анализъ папской энциклики, служащей для католиковъ фундаментомъ всѣхъ ихъ теоретическихъ построеній экономическаго характера. Что касается тѣхъ источниковъ, которыми мы пользовались, то главнымъ изъ нихъ является ежемѣсячный журналъ „L'Association Catholique", оффиціальный органъ французской католической школы. Журналъ этотъ составляется настолько тщательно, такъ отзывчиво относится ко всѣмъ явленіямъ политической и экономической жизни Европы и въ то же время, благодаря своимъ талантливымъ сотрудникамъ, даетъ столько интересныхъ и самостоятельныхъ изслѣдованій по разнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія, — что его можно назвать истиннымъ кладомъ для изслѣдователя. Столь же полезны были намъ, во-первыхъ: коллективный теоретическій трудъ французскихъ католиковъ: „Oeuvre des cercles catholiques. Questions sociales et ouvrières", 1883, и во-вторыхъ: небольшое догматическое руководство „Instruction sur l'œuvre", 1887. Прекрасную литературную обработку католическое ученіе получило въ рѣчахъ извѣстнаго парламентскаго дѣятеля гр. де-Мёна, словами котораго поэтому мы пользовались неоднократно на нижеслѣдующихъ страницахъ. Большое подсобное значеніе имѣли для насъ работы Анатолія Леруа-Больё (La papauté, le socialisme et la démocratie, 1895) и Леона Грегуара (Le pape, les catholiques et la question sociale, 1893), изъ коихъ первая заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ, глубокихъ, хотя подчасъ и одностороннихъ, соображеній, вторая же даетъ библіографическія указанія и очень хорошій сводъ мнѣній по интересующему насъ вопросу. Не перечисляя здѣсь второстепенныхъ источниковъ, указанныхъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ статьи, добавимъ только, что, кромѣ книгъ, мы многимъ обязаны и тѣмъ лицамъ, которыя, стоя близко къ описываемому движенію, не отказали намъ въ своихъ указаніяхъ и совѣтахъ.

I.

Энциклика Льва XIII по рабочему вопросу.

За энцикликой Rerum Novarum (отъ 15 мая 1891 г.) слѣдуетъ признать вообще большое значеніе. Не то, чтобы мысли, высказанныя здѣсь Львомъ XIII, представлялись особенно глубокими и новыми, не то, чтобы соціальный вопросъ получалъ въ этой энцикликѣ серьезное разрѣшеніе, но, привыкнувъ встрѣчать во всѣхъ папскихъ посланіяхъ одни осужденія всякимъ новымъ идеямъ, всякимъ стремленіямъ улучшить или измѣнить существующій строй, нельзя не назвать энциклику Rerum Novarum дѣйствительно „новымъ дѣломъ“ для верховнаго руководителя католической церкви. Теперь, когда изъ Рима повѣяло новымъ духомъ, услужливые апологисты святѣйшаго престола усердно занялись изученіемъ старины, чтобъ доказать, что папская политика отличалась во всѣ времена демократическимъ характеромъ, ибо съ особеннымъ благоволѣніемъ относилась всегда къ низшимъ слоямъ населенія. Образцомъ подобнаго рода работъ можетъ служить сочиненіе Габріеля Ардана: „Papes et paysans“, Paris, 1891, удостоившееся получить въ Римѣ высочайшее одобреніе самого папы. Сопоставляя и цитируя различные папскіе эдикты въ древнее время и въ средніе вѣка, авторъ старается доказать, что папы были враждебны римскому праву, освящавшему неограниченное право частной собственности (ius abutendi), что они разсматривали собственность, какъ фьефъ, ввѣренный Богомъ, въ управленіи которымъ собственникъ отвѣтственъ передъ моральнымъ закономъ и что единственное основаніе для собственности они видѣли въ личномъ трудѣ (quis non vult operari nec manducet). На практикѣ этотъ теоретическій взглядъ выражался въ поддержкѣ папами земледѣльцевъ противъ притязаній землевладѣльцевъ и въ даровомъ предоставленіи своихъ земель тѣмъ, кто желалъ обработывать ихъ, причемъ въ свою пользу папы выговаривали лишь небольшую часть будущихъ урожаевъ. Въ книгѣ мы находимъ дѣйствительно нѣсколько любопытныхъ эдиктовъ Климента VII, Пія VI и Пія VII, показывающихъ, что въ борьбѣ съ самовластными и сильными феодалами папы были не прочь иногда опереться и на народную массу, предложивъ ей какія нибудь несущественныя льготы или съ сочувствіемъ обративши вниманіе на угнетенное положеніе земледѣльцевъ. Но незначительное количество документовъ, которые г. Арданъ могъ привести послѣ тщательныхъ поисковъ въ

защиту своего широкаго вывода о томъ вполнѣ демократическомъ характерѣ, которымъ будто бы всегда отличалась политика папъ, свидѣтельствуетъ лучше всего, что выводъ этотъ занималъ автора больше, чѣмъ его доказательства. Тотъ же характеръ, какъ книга Ардана, имѣетъ и сочиненіе аббата Секретэна (Secrétin): „L'église et la jeunesse ouvrière“, 1889. Отсюда читатель можетъ узнать, что папы заботились не объ однихъ земледѣльцахъ, но еще неустанно входили въ тяжелое положеніе рабочаго класса.

Подобныя старанія изобразить дѣятельность руководителей католической церкви въ извѣстномъ духѣ, очень мало соотвѣтствующемъ дѣйствительности, невольно напомнили намъ любопытный разсказъ Токвиля о томъ, какъ послѣ февральской революціи богатые классы начали заискивать у рабочихъ. Аристократія и крупные собственники стали напоминать, что они всегда были враждебны буржуазіи и благосклонны къ народу; сами буржуà не безъ гордости вспоминали отцовъ, которые были простыми рабочими, и самымъ старательнымъ образомъ разыскивали въ своей генеалогіи какого нибудь предка, нажившаго состояніе трудомъ своихъ рукъ. Теперь простого рабочаго такъ же старались сыскать въ числѣ своихъ прародителей, какъ прежде его постарались бы скрыть изъ боязни всеобщаго осужденія [1]). Не то же ли самое въ наше время происходитъ и съ папской политикой, которая никогда не находитъ недостатка въ диѳирамбахъ, хотя бы даже съ теченіемъ времени ея прежній характеръ перемѣнился на діаметрально противоположный?..

Исторія аббата Ламеннэ довольно ярко рисуетъ поведеніе папъ всего нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Всѣ старанія Ламеннэ, въ то время еще правовѣрнаго католика, вполнѣ преданнаго римскому престолу, убѣдить папство взглянуть благосклонно на защиту имъ и его друзьями народныхъ интересовъ,—не привели ни къ чему; всѣ такія и имъ подобныя попытки, всѣ непосредственныя обращенія къ папамъ разбивались неукоснительно о твердую рѣшимость этихъ послѣднихъ не подавать руки помощи никакимъ демократическмъ начинаніямъ и ни на шагъ не отступать съ пути, протореннаго въ теченіе многихъ предшествующихъ столѣтій. До соціальнаго вопроса, до народныхъ интересовъ папамъ не было никакого дѣла; ихъ взгляды были устремлены въ другомъ направленіи; они проклинали мятежные народы, проклинали безпокойныхъ людей, занимавшихся соціальными вопросами, а сами посылали искусныхъ и ловкихъ нунціевъ ко дворамъ болѣе вліятельныхъ государей.

Оригинальность энциклики Rerum Novarum, новизна самой

темы ея для папскаго посланія и необычность взглядовъ, высказанныхъ въ ней на эту тему,—были отмѣчены рѣшительно всѣми, кто только писалъ объ энцикликѣ въ какомъ бы то ни было направленіи. Даже изслѣдователи въ родѣ Габріеля Ардана, изучающіе соціальную политику папъ въ минувшіе вѣка, стараются только путемъ, указаннымъ выше, установить традицію, но для послѣдняго времени даже и они не отрицаютъ почина Льва XIII въ обсужденіи соціальнаго вопроса. Конечно, иные критики энциклики склонны признать предложенія папы черезъ-чуръ радикальными; другіе напротивъ находятъ, что она все оставляетъ по старому, предлагая лишь жалкіе палліативы противъ серьезнаго бѣдствія. Но пока намъ нѣтъ дѣла до взглядовъ тѣхъ или иныхъ комментаторовъ папской энциклики; важно лишь то, что по всеобщему признанію Левъ XIII впервые вложилъ свои персты въ ту рану, отъ которой его предшественники настойчиво отворачивались. Посмотримъ теперь, sine ira et studio, какой діагнозъ ставитъ „намѣстникъ Петра“ соціальной болѣзни и какое лекарство предлагаетъ онъ для ея уврачеванія.

Энциклика открывается слѣдующими знаменательными словами: „Жажда нововведеній, которая уже съ давнихъ поръ волнуетъ государства, должна была рано или поздно изъ сферъ политическихъ перейти въ сосѣднюю имъ область соціальной экономіи. И дѣйствительно, эти безпрерывные успѣхи промышленности, эти новые пути, открывшіеся для искусствъ, перемѣны въ отношеніяхъ рабочихъ и ихъ патроновъ, притокъ богатствъ въ руки небольшого числа людей наряду съ бѣдностью массъ, наконецъ, болѣе высокое мнѣніе, которое составили о себѣ рабочіе, и ихъ болѣе тѣсное объединеніе,—все это, не говоря уже о порчѣ нравовъ, имѣло конечнымъ результатомъ страшное столкновеніе. Повсюду умы находятся въ нерѣшительности и въ боязливомъ ожиданіи, что уже одно само по себѣ достаточно, чтобы показать, насколько важные интересы затронуты. Такое положеніе дѣлъ занимаетъ и изощряетъ таланты ученыхъ, совѣщанія публичныхъ собраній, прозорливость законодателей и совѣты правителей; нѣтъ дѣла, которое бы съ большею силой захватывало въ настоящій моментъ умъ человѣческій“... Не видимъ ли мы въ приведенномъ отрывкѣ вполнѣ серьезной постановки соціальнаго вопроса, полнаго признанія и его важности, и всей законности того особеннаго вниманія, которое удѣляется ему „учеными, публичными собраніями, законодателями и правителями“?... Ко всѣмъ этимъ категоріямъ надо причислить теперь и католическую церковь, устами своего верховнаго руко-

водителя слѣдующимъ образомъ характеризующую настоящее положеніе дѣла. XVIII-й вѣкъ разрушилъ корпораціи, являвшіяся оплотомъ для рабочихъ противъ всяческой эксплоатаціи, и взамѣнъ ихъ не далъ никакихъ новыхъ гарантій. Разъединенные, безъ всякой поддержки, рабочіе оказались отданными на „произволъ безжалостныхъ хозяевъ“, и имъ пришлось вынести на себѣ печальные результаты неограниченной конкурренціи. Естественнымъ плодомъ ихъ неравной борьбы съ окружающими условіями явилась „громадная пропасть“, раздѣлившая общество на два класса: „съ одной стороны всемогущество богатства, съ другой—безсиліе бѣдности“. Когда уже зло проявилось съ достаточной силой, нашлись отдѣльные люди, которые захотѣли помочь бѣдѣ; это были *соціалисты*. Но что̀ они предложили? „Чтобъ уничтожить зло, соціалисты возбуждаютъ бѣдныхъ къ ненависти противъ имущихъ и увѣряютъ, что всякая частная собственность должна быть уничтожена, всякое имущество должно сдѣлаться общею собственностью всѣхъ, управленіе которой перейдетъ къ муниципалитету или къ государству“. Такое ученіе, по мнѣнію автора энциклики, съ одной стороны нисколько не рѣшаетъ вопроса, съ другой — крайне несправедливо, такъ какъ нарушаетъ права собственниковъ и извращаетъ истинныя функціи государства. Свои опроверженія Левъ XIII начинаетъ съ обоснованія справедливости и законности существующаго права частной собственности [2]).

Внутренній смыслъ всякой работы заключается въ томъ, чтобы выполняющій ее человѣкъ получалъ въ результатѣ извѣстное вознагражденіе, которое поступало бы въ его полную собственность и которымъ поэтому онъ могъ бы распоряжаться по своему усмотрѣнію. Когда человѣкъ отдаетъ свои силы въ распоряженіе другого, онъ поступаетъ подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ мотивовъ, и справедливость не позволяетъ отказать ему въ въ правѣ распоряжаться такъ или иначе добытой имъ заработной платой; онъ можетъ употребить ее на покупку себѣ земли. Кто же станетъ оспаривать его права на то поле, въ которое онъ превратитъ свои сбереженія? Таково, однако, основаніе рѣшительно всякой движимой и недвижимой собственности. Разсужденія эти заканчиваются слѣдующимъ, нѣсколько поспѣшнымъ и неожиданнымъ выводомъ. „Значитъ обращеніе частной собственности въ коллективную, столь прославляемое соціализмомъ, привело бы не къ чему иному, какъ только къ тому, что оно сдѣлало бы положеніе рабочихъ менѣе обезпеченнымъ, отнявши у нихъ свободное распоряженіе ихъ заработной платой и ли-

шивъ ихъ тѣмъ самымъ всякой надежды и всякой возможности расширить отцовское достояніе и такимъ образомъ улучшить свое положеніе".

Къ вышеприведеннымъ соображеніямъ надо присоединить еще и то, что частная собственность вытекаетъ для человѣка изъ его естественнаго права,—животное, удовлетворяющее только свои непосредственныя потребности, собственности не имѣетъ; но человѣкъ, надѣленный разумомъ, заботящійся о завтрашнемъ днѣ, о дѣтяхъ, о будущемъ, долженъ имѣть постоянный источникъ для удовлетворенія своихъ нуждъ; такимъ источникомъ и является полная собственность, которую можно противупоставить временному владѣнію. Поэтому-то человѣкъ имѣетъ, напримѣръ, право собственности не только на всѣ произведенія земли, но и на самую землю, получающую отъ него свое плодородіе и служащую ему обезпеченіемъ его будущаго. „Пусть не противупоставляютъ законности частной собственности тотъ фактъ, что Богъ далъ землю въ пользованіе всему человѣчеству, потому что Богъ также не далъ ее людямъ, чтобы они владѣли ею всѣ сообща... Богъ не назначилъ каждому его части, но онъ пожелалъ предоставить распредѣленіе собственности промышленности людей и учрежденіямъ народовъ". Тѣмъ не менѣе, и раздѣленная на части, земля служитъ всему роду человѣческому, потому что въ дѣйствительности нѣтъ человѣка, который бы не питался ея плодами.

Такія соображенія кажутся папѣ настолько вразумительными, что онъ удивляется даже (mirabile videatur), какъ можно думать иначе. Земля, которую человѣкъ оросить своимъ пòтомъ, которую онъ обработаетъ и сдѣлаетъ плодородною, заключаетъ уже въ себѣ частичку его самого; она съ этихъ поръ неотдѣлима отъ него, она принадлежитъ ему на правахъ полной собственности. „Справедливость потерпитъ ли, чтобы иностранецъ пришелъ и овладѣлъ землею, орошенною пòтомъ того, кто ее обработалъ? Подобно тому, какъ слѣдствіе вытекаетъ изъ причины, такъ же справедливо, чтобы *работнику принадлежалъ продуктъ его работы*. Не даромъ сказано въ божественномъ законѣ: „Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего" и проч.

Подобно собственности, неправильно отрицаютъ и бракъ. Христосъ всегда оставался безбрачнымъ, и тѣмъ не менѣе человѣку предоставлено право жениться, если онъ того пожелаетъ. Crescite et multiplicamini! Семья—это основа государства, она предшествуетъ всякому общественному союзу. Глава семьи имѣетъ

по отношенію къ ней извѣстныя обязанности: онъ долженъ кормить и воспитывать своихъ дѣтей, давать имъ средства проходить дальнѣйшій жизненный путь. Кто-же можетъ сказать, что отецъ не долженъ оставлять своимъ дѣтямъ имущества? Кто же можетъ оспаривать его право распоряжаться своимъ наслѣдствомъ? И такъ какъ семья—основа государства, не слѣдуетъ, чтобы это послѣднее произвольно вмѣшивалось въ семейныя отношенія. Государство должно только приходить на помощь семьѣ, которая очутится въ безвыходно-трудномъ положеніи, или возстановлять права тамъ, гдѣ они явнымъ образомъ попираются. „Отцовская власть не должна быть ни уничтожена, ни поглощена государствомъ". Отрицающіе бракъ соціалисты идутъ противъ естественной справедливости. Въ общемъ ученіе ихъ слѣдуетъ отвергнуть, какъ предосудительное, противное естественному праву человѣка, извращающее обязанности государства и нарушающее общественное спокойствіе.

Переходя къ „дѣйствительному" рѣшенію соціальнаго вопроса, папа находитъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку, устраняющую, по нашему мнѣнію, всѣ споры о томъ, говорилъ ли онъ въ данномъ случаѣ ex cathedra и примѣнима ли къ его послѣдующимъ словамъ формула Roma locuta est: „мы приступаемъ къ этому предмету съ увѣренностью и со всей полнотой нашего *права*, ибо вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, такого рода, что, не прибѣгнувъ къ религіи и къ церкви, нельзя найти истиннаго рѣшенія". Только церковь можетъ рѣшить вопросъ, церковь, черпающая изъ Евангелія ученіе, которое способно положить конецъ соціальной войнѣ [3]), стремящаяся къ объединенію интересовъ всѣхъ классовъ общества, церковь, полагающая, что „законы и общественная власть должны, разумѣется, въ извѣстныхъ границахъ и съ мудростью оказать также свое содѣйствіе такому рѣшенію".

Прежде всего человѣкъ обязанъ терпѣливо относиться къ тѣмъ условіямъ, въ которыя его поставила судьба, помня, что плоды первороднаго грѣха не могутъ быть сладки и что страданія—удѣлъ человѣчества. Жаловаться на соціальныя неравенства неразумно, ибо неравными по уму и талантамъ являемся уже мы на свѣтъ, а идти противъ самой природы безполезно. Величайшее заблужденіе также—думать, что различные классы общества враждебны другъ другу. Въ дѣйствительности какъ разъ напротивъ: всѣ классы нуждаются другъ въ другѣ и имъ предназначена та же гармонія, какая существуетъ въ человѣческомъ организмѣ между различными органами его. Капитала не

можетъ быть безъ труда и труда безъ капитала. Поэтому обязанность рабочихъ состоитъ въ томъ, чтобы добросовѣстно „выполнять работу, за которую они взялись по контракту свободному и согласному съ справедливостью“, а кромѣ того, не оскорблять своихъ патроновъ, не слушать соблазнительныхъ обѣщаній людей, которые возбуждаютъ въ нихъ преувеличенныя ожиданія, и самыя свои просьбы предъявлять хозяевамъ въ скромной формѣ и безъ угрозъ. Съ другой стороны на обязанности богатыхъ лежитъ—не относиться къ своимъ рабочимъ, какъ къ рабамъ, уважать ихъ человѣческое достоинство, бдить объ удовлетвореніи ими ихъ духовныхъ потребностей и о томъ, чтобы рабочіе не подвергались соблазну и развращающимъ требованіямъ. Кромѣ того, хозяева не должны обременять рабочихъ трудомъ, несоотвѣтствующимъ ихъ полу и возрасту и потому непосильнымъ, а затѣмъ вообще не эксплуатировать ихъ и, пользуясь ихъ бѣдностью, не давать непомѣрно низкой заработной платы.

Выполненіе всѣхъ этихъ предписаній не уничтожило ли бы уже само собой антагонизма классовъ? — спрашиваетъ себя Левъ XIII. Но церковь идетъ еще дальше: она напоминаетъ, что для будущаго загробнаго счастья безразлично, были ли вы на землѣ обременены богатствами или совершенно лишены ихъ, зато не безразлично, какъ вы распорядились вашими богатствами, если они были у васъ. Религія насъ учитъ, что каждый, снабженный въ изобиліи природными ли дарами или матерьяльными средствами, долженъ дѣлиться ими со своими ближними. „Никто не обязанъ при этомъ ни лишать себя или свою семью необходимаго, ни даже отказываться отъ чего либо, что̀ предписывается людямъ приличіемъ или благопристойностью“. Nullus enim inconvenienter vivere debet. (S. Thom.). Но за удовлетвореніемъ необходимости и декорума излишекъ долженъ быть отдаваемъ въ пользу бѣдныхъ, и, какъ сказано, „счастливѣе тотъ, кто даетъ, нежели тотъ, кто получаетъ“. Богатые пусть не забываютъ еще, что въ бѣдности нѣтъ позора, что І. Христосъ явился въ міръ подъ видомъ сына простого рабочаго и Самъ значительную часть жизни провелъ въ ручномъ трудѣ. Бѣдныхъ Спаситель называетъ счастливыми, онъ обѣщаетъ утѣшеніе всѣмъ, кто страдаетъ и плачетъ, онъ съ милосердіемъ цѣлуетъ малыхъ и униженныхъ. „Къ обездоленнымъ классамъ, повидимому, склоняется болѣе сердце Господне“ (Immo vero in calamitosorum genus propensior Dei ipsius videtur voluntas). Это ученіе должно принизить гордую душу богатаго и сдѣлать его болѣе снисходительнымъ; оно должно возбудить

бодрость въ тѣхъ, кто страдаетъ и внушитъ имъ смиреніе". Тогда не будетъ никакого препятствія для единенія между обоими классами.

Церковь съ своей стороны тѣмъ способствуетъ разрѣшенію соціальной проблемы, что сама „своими руками примѣняетъ это средство противъ зла": она воспитываетъ людей въ принципахъ христіанства и распространяетъ повсюду „животворную воду" этого ученія. И пусть не думаютъ, что поглощенная заботами о спасеніи душъ, она пренебрегаетъ всѣмъ смертнымъ и земнымъ. Что̀ касается рабочаго класса, то она дѣлаетъ всѣ усилія, чтобы вывести его изъ нужды, и словомъ, и дѣломъ приводя людей къ добродѣтели. Кромѣ этого воздѣйствія на богатыхъ, кромѣ ея постоянныхъ преслѣдованій излишней страсти къ наживѣ и роскоши, она еще помогаетъ рабочимъ и непосредственно, при помощи основанныхъ или поддержанныхъ ею благотворительныхъ учрежденій.

Но чего же мы въ правѣ ожидать отъ государства, разумѣя подъ нимъ „правительство, которое соотвѣтствуетъ предписаніямъ естественнаго разума и божественнаго ученія"? Покровительства рабочимъ классамъ. Государство наблюдаетъ, чтобы всюду царствовала справедливость и чтобы одинъ классъ не притѣснялъ другого. Оно вмѣшивается, когда видитъ, что чьи либо права нарушены, оно значитъ охраняетъ отъ всякихъ нарушеній законы такъ называемой распредѣлительной справедливости. Но, такъ какъ богатые классы въ самыхъ богатствахъ своихъ имѣютъ уже извѣстную силу, бѣдные же, напротивъ, безсильны и легко могутъ быть эксплуатируемы, то, слѣдовательно, о послѣднихъ государство должно заботиться больше. „Пусть же государство сдѣлается провидѣніемъ тружениковъ [1]), которые принадлежатъ вообще къ бѣдному классу". Пусть оно обращаетъ вниманіе на нихъ не только въ моменты стачекъ и острыхъ кризисовъ, но пусть „устранитъ съ мудростью и самыя причины, которыя имѣютъ свойство возбуждать столкновенія между рабочими и хозяевами". Но предлагать все это сдѣлать государству, не значитъ ли, замѣтимъ мимоходомъ, требовать отъ него полнаго разрѣшенія всего соціальнаго вопроса?

Далѣе въ энцикликѣ перечисляются случаи, когда вмѣшательство государства можетъ оказаться необходимымъ. Такихъ случаевъ три: 1) когда хозяева требуютъ отъ рабочихъ чрезмѣрнаго количества труда; 2) когда работа, возлагаемая ими на рабочихъ, непосильно тяжела для послѣднихъ, и 3) когда заработная плата настолько низка, что не даетъ рабочему возмож-

ности просуществовать. „Число часовъ рабочаго дня не должно превышать силъ рабочаго", трудъ особенно тяжелый (напр., работа въ рудникахъ) долженъ быть менѣе продолжителенъ; кромѣ того, нужно сообразоваться и съ организмомъ рабочихъ: нечего и говорить, что отъ женщинъ и дѣтей нельзя требовать такого же труда, какъ отъ взрослыхъ мужчинъ. Что касается заработной платы, то она должна быть настолько высока, насколько это необходимо для поддержанія существованія рабочаго. „Въ потѣ лица ты будешь ѣсть хлѣбъ твой". „Ѣсть хлѣбъ"—это цѣль всякой работы, и потому хозяинъ долженъ выплачивать такого размѣра вознагражденіе, которое позволило бы рабочему покупать себѣ достаточное количество этого хлѣба. Такова обязанность предпринимателя, отъ которой онъ не можетъ уклоняться, даже еслибы сами рабочіе согласились удовлетвориться жалкой, недостаточной для жизни платой... Во избѣжаніе того, чтобы въ этомъ случаѣ и другихъ аналогичныхъ, какъ-то: продолжительность рабочаго дня, забота о здоровьѣ рабочихъ и проч., общественная власть не стала вмѣшиваться несвоевременно,—предпочтительнѣе предоставить въ принципѣ рѣшеніе такихъ вопросовъ синдикатамъ и корпораціямъ".

Вообще сами рабочіе могутъ значительно помочь скорѣйшему разрѣшенію соціальнаго вопроса. Желательно, чтобы ихъ общества самопомощи или корпораціи людей одной профессіи, составленныя изъ однихъ рабочихъ, или общества смѣшанныя, изъ рабочихъ съ хозяевами, получили возможно болѣе широкое распространеніе. При этомъ только рабочіе должны быть осмотрительными и не присоединяться ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, изъ которыхъ обыкновенно религія бываетъ изгнана, сверхъ того и самый актъ присоединенія слѣдуетъ охранять всегда отъ всякаго принужденія и насилія: присоединеніе къ обществамъ не можетъ быть инымъ, какъ совершенно добровольнымъ и свободнымъ. Желательно еще, чтобъ для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, возникающихъ между рабочими и ихъ хозяевами, существовали посредники, третейскіе судьи, одинаково авторитетные для обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ могли бы быть устранены многія столкновенія, и дѣло рѣже стало бы доходить до стачекъ и иныхъ нарушеній общественнаго спокойствія.

„Судьба рабочаго класса, читаемъ мы въ заключеніи всей энциклики,—таковъ вопросъ, который горячо обсуждается въ наше время; онъ будетъ разрѣшенъ разумно или неразумно, и для народа не безразлично, какимъ именно образомъ онъ разрѣ-

шится... Какова бы ни была въ людяхъ сила предразсудковъ и страстей [5]), рано или поздно общественное благоволеніе повернется въ сторону рабочихъ, которыхъ увидятъ дѣятельными и скромными, ставящими справедливость впереди барыша и предпочитающими всему религію долга". Папа призываетъ все духовенство, не медля, чтобы болѣзнь не успѣла сдѣлаться неизлечимой, приложить всѣ старанія къ скорѣйшему разрѣшенію соціальнаго вопроса. „Пускай же священнослужители проявятъ всю силу ихъ души и все искуство ихъ ревности, пусть трудятся они на благо народовъ изо всѣхъ силъ и пусть въ особенности стараются питать въ себѣ и возбуждать въ другихъ, отъ высшихъ до низшихъ, милосердіе, могущественнѣйшую изъ всѣхъ добродѣтелей".

Таково содержаніе энциклики Rerum Novarum; мы ее изложили во всѣхъ ея существенныхъ частяхъ, приводя иногда подлинныя слова Льва XIII. Послѣднее намъ казалось необходимымъ въ виду того, что по инымъ пунктамъ энциклика комментировалась въ самыхъ противуположныхъ смыслахъ; подлинный текстъ позволитъ намъ лучше всего разобраться въ противурѣчивыхъ идеяхъ, навязываемыхъ папѣ различными комментаторами. Мы думаемъ, что тенденціозность этихъ послѣднихъ больше, чѣмъ неопредѣленность иныхъ выраженій въ энцикликѣ, породила столько недоразумѣній и пререканій, и что въ сущности не такъ уже трудно разобраться въ томъ, чего папа желаетъ и чего не желаетъ. Ниже намъ придется еще вернуться къ основнымъ идеямъ энциклики, а здѣсь замѣтимъ, что эти идеи являются въ настоящее время минимумомъ желаній соціальныхъ католиковъ, которые на канвѣ, данной имъ папой, разводятъ много самыхъ сложныхъ узоровъ.

Не трудно, конечно, замѣтить, что взгляды папы не отличаются новизной. Всѣ его доводы въ защиту собственности и противъ соціализма, — сколько разъ уже повторялись они защитниками оффиціальной экономической науки! Кто только въ въ укоръ „эгалитарнымъ утопіямъ" не ссылался на естественное неравенство всѣхъ людей, кто только (кончая памфлетами Евгенія Рихтера и Ива Гюйо) не декламировалъ противъ тиранніи соціалистическаго государства и извращенія соціалистами дѣйствительныхъ функцій общественной власти, и наконецъ, сколько разъ послѣ того, какъ Мененій Агриппа разсказалъ римлянамъ въ первый разъ свою побасенку о членахъ человѣческаго тѣла, сколько разъ съ того времени докучали міру этой побасенкой многочисленные плагіаторы находчиваго, но далеко

не геніальнаго римскаго оратора, которому, если вѣрить преданію, посчастливилось въ свое время удачной выдумкой успокоить возмутившихся пролетаріевъ!.. Нельзя не замѣтить, что кромѣ устарѣлости извѣстныхъ доводовъ, нѣкоторые изъ нихъ отличаются также и обоюдоострымъ характеромъ. Припомнимъ, напр., какими соображеніями обосновываетъ папа законность поземельной собственности: сначала тѣмъ, что земля можетъ быть куплена на сбереженія рабочаго, а затѣмъ, что обработанная человѣкомъ земля заключаетъ въ себѣ частицу его самого и, слѣдовательно, должна ему принадлежать. Не ясно ли, что эта трудовая теорія ничуть не оправдываетъ тѣхъ собственниковъ, которые владѣютъ землей, сами не обработывая ея и впервые пріобрѣтя на нее право отнюдь не благодаря сбереженіямъ продуктовъ личнаго труда; а вѣдь такіе-то собственники и составляютъ громадное большинство и именно они навлекаютъ на себя осужденія со стороны критиковъ современныхъ экономическихъ отношеній. Обоюдоострый характеръ имѣетъ также фраза, что „результатъ работы долженъ принадлежать работнику"; развѣ не заключается въ ней осужденіе дѣятельности капиталиста, берущаго себѣ извѣстную часть продукта рабочаго? Спѣшимъ, однако, оговориться, что въ подобныхъ фразахъ нельзя видѣть ничего бо́льшаго, какъ неудачный доводъ или неосмотрительное выраженіе, отъ которыхъ изложенная нами энциклика далеко не свободна.

Зато справедливость требуетъ отмѣтить, что въ той же энцикликѣ мы находимъ нѣсколько ясно выраженныхъ, плодотворныхъ и вполнѣ прогрессивныхъ идей, особенно знаменательныхъ въ устахъ главы католической церкви. Это, вопервыхъ, открытое признаніе ненормальности существующаго соціальнаго порядка; вовторыхъ, сочувствіе, выраженное Львомъ XIII рабочимъ союзамъ, и втретьихъ, ободряющій призывъ къ государствамъ вмѣшаться въ экономическія отношенія и стать на защиту рабочихъ интересовъ. Подобныя мысли, которыя мы находимъ въ энцикликѣ выраженными не смутно и не двусмысленно, заставляютъ насъ совершенно разойтись во мнѣніи съ тѣми изъ наиболѣе требовательныхъ ея критиковъ, которые, подобно нѣмецкимъ соціал-демократамъ [6]), не захотѣли увидѣть въ энцикликѣ ничего новаго, никакого знаменія времени, никакого прогресса во взглядахъ католической церкви на соціальный вопросъ. Мы еще увидимъ далѣе, что энциклика сама по себѣ является завершеніемъ не всего этого прогресса, а только лишь его начальныхъ шаговъ, первымъ этапомъ, за которымъ послѣдуетъ

не остановка движенія, а болѣе бодрое и скорое развитіе извѣстныхъ соціальныхъ идей, освященныхъ теперь высокимъ авторитетомъ папы.

II.

Возникновеніе новѣйшихъ теченій въ католицизмѣ. Графъ де-Мёнъ и его друзья. Ихъ отношеніе къ революціи и къ рабочему классу. Школа Le Play и дальнѣйшая эволюція.

Разсматривая энциклику Rerum Novarum именно только какъ завершеніе одной фазы въ развитіи современнаго соціально-католическаго движенія, но отнюдь не какъ его послѣднее слово, мы обязаны разумѣется сейчасъ же разъяснить, какого рода развитіе, какія фазы усматриваемъ мы въ описываемомъ движеніи. Это приводитъ насъ къ необходимости, не входя еще во всѣ подробности ученія, разсмотрѣть пока нѣкоторыя изъ основныхъ его положеній, а главное—разставить вѣхи, которыя бы указывали путь, пройденный католицизмомъ на поприщѣ соціальныхъ идей. Дѣло въ томъ, что, несмотря на сравнительную кратковременность послѣдняго движенія, продолжающагося на французской почвѣ всего какихъ-нибудь двадцать съ небольшимъ лѣтъ, въ характерѣ его произошли такія перемѣны, что конечный пунктъ движенія оказался весьма мало похожимъ на его исходную точку въ началѣ 70-хъ годовъ. Замѣтимъ кстати, что здѣсь, только въ маломъ масштабѣ, повторилась вся исторія папской политики, отвращающейся нынѣ отъ своихъ исконныхъ союзниковъ, чтобы склониться на ту сторону, которая доселѣ служила всегда объектомъ репрессіи для свѣтской власти, поддерживаемой и одобряемой властью духовной. Точно такъ же и французскіе католики 70-хъ г., пораженные размѣрами, которые приняло повсюду соціальное зло и смѣло принявшись за его уничтоженіе, не знали сначала иныхъ рессурсовъ, какъ только наставленія покорности по адресу страждущихъ и слова одобренія для поддерживающихъ statu quo. Но логика событій и видимое безсиліе предлагаемыхъ мѣръ заставили скоро этихъ ревнителей католичества и существующаго порядка перемѣнить свои взгляды на многія явленія окружающей жизни, и вотъ мы видимъ ихъ, уже въ 80-хъ г., вовлеченными въ борьбу, законность которой они сначала не соглашались признать, и даже больше—поддерживающими въ этой борьбѣ тѣ элементы, которые, согласно прежнему ихъ profession de foi, являлись обреченными на пассивное подчиненіе.

Мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ болѣе раннее соціально-католическое движеніе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, завершившееся энцикликой 1849 г., въ которой папа Пій IX предавалъ анаѳемѣ всякія попытки сближать католицизмъ съ новѣйшими соціальными идеями.

До возникновенія подобнаго движенія въ *новое* время протекло болѣе 20 лѣтъ. Въ промежутокъ времени между 1849 и 1871 годомъ, за исключеніемъ книги Гюэ „La règne social du christianisme", 1853 г., являющейся легкимъ отзвукомъ движенія 40-хъ годовъ, мы не встрѣчаемъ во Франціи ни одного сочиненія, ни одного писателя, которые бы проводили идеи въ духѣ аббата Ламеннэ или Констана. За то нѣтъ недостатка въ сочиненіяхъ противоположнаго характера, имѣющихъ цѣлью обнаружить весь антагонизмъ, всю несовмѣстимость католицизма и соціальныхъ идей. Укажемъ для примѣра на книгу де Люстрака: „Christianisme et Socialisme, 1863", посвященную доказательству той мысли, что „нѣтъ болѣе антипатичныхъ другъ другу идей, какъ тѣ, которыя выражаютъ два слова, выставленныя въ заглавіи". Не иначе сначала думали на этотъ счетъ и люди, являющіеся основателями новѣйшаго соціально-католическаго движенія. Оно и понятно: въ то время, какъ католицизмъ представлялся имъ вполнѣ законченнымъ и яснымъ ученіемъ, ихъ соціальныя идеи, напротивъ, по ихъ же собственному признанію, отличались въ то время крайнею неопредѣленностью и совершенно тонули въ католицизмѣ. Не будемъ однако спѣшить оцѣнкой и сообщимъ раньше самые факты, какъ они изложены въ рѣчахъ наиболѣе виднаго представителя интересующаго насъ направленія — графа де-Мёна.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Парижѣ существовало нѣсколько католическихъ кружковъ, членами которыхъ были простые рабочіе. Открытые съ цѣлью пропаганды католицизма среди рабочаго класса, кружки эти не имѣли сначала ни большого вліянія, ни особеннаго успѣха. Время было тогда самое неблагопріятное для религіозной пропаганды. Политическое возбужденіе въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III-го и разгоравшійся въ открытую войну антагонизмъ классовъ пролагали уже дорогу для двухъ великихъ событій, являющихся поворотными пунктами въ новѣйшей исторіи Франціи. Наполеоновская монархія еле держалась тогда противъ всеобщаго недовольства умовъ, а въ то же время Коммуна, на нѣсколько мѣсяцевъ смѣнившая монархію и воцарившаяся въ мятежномъ Парижѣ, готовила уже въ темныхъ углахъ рабочихъ кварталовъ свое

красное, революціонное и соціалистическое знамя. Маленькіе католическіе кружки остались въ сторонѣ отъ этого всеобщаго возбужденія, до нихъ никому не было дѣла и только потому, что ихъ никто не замѣчалъ, никто и не потрудился имъ предсказать неизбѣжную гибель среди развалинъ монархіи. Но случилось иное. Въ 1871 г. нашлись люди, которые обратили вниманіе на едва влачившіе свое существованіе католическіе кружки; эти люди пришли къ нимъ на помощь и съумѣли на нѣкоторое время создать католическимъ рабочимъ кружкамъ поистинѣ блестящую карьеру. То были графъ де-Мёнъ и графъ де-ля-Туръдю-Пэнъ-Шамбли, оба офицеры французской арміи, пробывшіе нѣсколько мѣсяцевъ въ нѣмецкомъ плѣну и затѣмъ, вернувшись на родину, поразившіеся зрѣлищемъ агонизирующей Коммуны. Когда-то оба они отличались либеральнымъ образомъ мыслей и полнымъ равнодушіемъ къ католической церкви, но во время своего плѣна имъ пришлось ознакомиться съ книгой Келлера: „Энциклика 1864 г. и принципы 1789“, книгой, которая произвела на обоихъ очень сильное впечатлѣніе и во многомъ измѣнила ихъ взгляды на религіозные вопросы. Кровавыя событія окружающей жизни, безпорядокъ, царившій въ странѣ послѣ иноплеменнаго нашествія, и еще не изгладившіеся слѣды временнаго торжества Коммуны,—все это только усилило впечатлѣніе религіозной проповѣди Келлера и укрѣпило ихъ ненависть къ революціоннымъ идеямъ и вѣру въ католицизмъ, какъ единственное спасительное средство для погибающаго отечества. Оба графа съ одушевленіемъ взялись за пропаганду католицизма и тогда только совершенно случайно наткнулись на рабочіе кружки. Мысль обратиться съ такой пропагандой къ рабочимъ показалась имъ совершенно правильной, форма кружковъ—самой удобной, и вотъ они настойчиво принимаются организовывать и распространять подобные кружки сначала въ Парижѣ, а затѣмъ и во всей Франціи.

Вотъ какъ въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ рѣчей разсказываетъ де-Мёнъ объ этихъ фактахъ и о тогдашнемъ міровоззрѣніи своемъ и своихъ друзей: [1]) „Это было на слѣдующій день послѣ войны. Коммуна кончалась, вокругъ насъ было одно разрушеніе и руины, но въ нашихъ сердцахъ—потребность спасенія, возрожденія, соціальнаго обновленія. Среди всеобщаго безпорядка одно знаменіе казалось намъ тогда достаточно сильнымъ, достаточно могущественнымъ, чтобы соединить наши силы въ одну попытку,—это было знаменіе креста. Все „дѣло“ заключалось въ этомъ. Кромѣ одной этой мысли, мы не имѣли еще

тогда другихъ, вполнѣ опредѣленныхъ идей".. Торжество католицизма было единственной мечтой обоихъ офицеровъ, а необходимой ступенью для этого торжества казалось имъ, по ихъ собственному признанію, низверженіе царившихъ тогда въ умахъ революціонныхъ идей или—*контръ-революція*.

Средствомъ пропаганды, какъ уже сказано, были избраны рабочіе кружки. „Кружки, говоритъ спеціальное разъяснительное руководство, изданное впослѣдствіи иниціаторами „дѣла" [2]), суть центры объединенія, гдѣ члены рабочей ассоціаціи должны найти: a) убѣжище для сохраненія ихъ вѣры, нравовъ и патріотизма, b) организованное выполненіе религіозныхъ обрядовъ и христіанскаго милосердія, c) учрежденія экономическія, d) средства къ образованію, e) благопристойное отдохновеніе". „Кружокъ, —разъясняетъ то же самое, но нѣсколько подробнѣе де-Мёнъ [3]), представляетъ для рабочаго мѣсто собранія, гдѣ онъ находитъ всѣ дозволительныя развлеченія и отдыхаетъ отъ работы достойнымъ образомъ, вмѣсто того, чтобы искать въ удовольствіяхъ лишняго утомленія. Это не случайное убѣжище, гдѣ ему оказываютъ минутное гостепріимство; это его собственный домъ, которымъ онъ распоряжается вполнѣ свободно. Игры, книги, садъ—отвѣчаютъ всѣмъ его потребностямъ; столъ ресторана даетъ ему по дешевой цѣнѣ пищу лучшую, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; нѣсколько меблированныхъ помѣщеній предлагаются за умѣренную плату всякому рабочему, не имѣющему крова, и всякій, кто пріѣзжаетъ изъ провинціи, находитъ себѣ здѣсь пріютъ отъ бродяжничества"... Но такова только внѣшняя, лицевая сторона кружковъ. Ихъ внутренній смыслъ выясняется словами той же рѣчи де-Мёна, нѣсколькими строками дальше: „Поступая въ кружокъ, рабочій совершаетъ актъ вѣры, потому что здѣсь есть часовня, гдѣ каждое воскресенье прославляется служба Господня, священникъ, назначеніе котораго наставлять души, главный руководитель, его обязанность—подавать примѣры христіанскихъ добродѣтелей. Тѣ, которые вступаютъ въ кружокъ, не обязаны быть ревностными въ одинаковой мѣрѣ, но они по крайней мѣрѣ должны отдавать дань внѣшнему выраженію вѣры и преклонять колѣни предъ алтаремъ"! Въ цитированномъ нами уже „руководствѣ" мы находимъ, въ дополненіе къ приведеннымъ словамъ де-Мёна, еще другія религіозныя наставленія всѣмъ членамъ кружковъ.

Такъ, между прочимъ, каждому изъ нихъ рекомендуется говорить ежедневно другъ другу „souvenez vous", напоминая тѣмъ, безъ сомнѣнія, религіозную миссію всѣхъ членовъ кружка,

а утренняя молитва каждаго должна заключать въ себѣ воззваніе къ Христу, Маріи Дѣвѣ, Св. Іосифу, Св. Винценту Павлу и всѣмъ святымъ патронамъ труда [4]). Религіозная цѣль кружковъ достаточно видна изъ приведенныхъ указаній, для характеристики же тогдашнихъ соціальныхъ взглядовъ ихъ основателей, а равно и ихъ отношеній къ рабочимъ,—не лишнее будетъ привести еще одну небольшую цитату: „мы не желаемъ, говоритъ графъ де-Мёнъ [5]), предложить рабочимъ условную и свѣтскую нравственность, но мы хотимъ сдѣлать изъ нихъ христіанъ и скажемъ все до конца—спасти ихъ души. Другого же средства сдѣлать это, кромѣ выполненія религіозныхъ обрядовъ, мы не знаемъ... Только помолившись съ этимъ человѣкомъ и раздѣливъ съ нимъ хлѣбъ причастья, мы можемъ встать, увѣренные въ томъ, что мы на истинномъ пути; тогда только мы будемъ имѣть возможность говорить ему о мужествѣ и самопожертвованіи и онъ пойметъ, что люди *могутъ находиться въ неравныхъ условіяхъ*, не переставая быть равными передъ Создателемъ".

Къ сожалѣнію, ни основатели католическихъ кружковъ, ни сочувствовавшіе имъ люди не дали никакого описанія внутренней жизни этихъ кружковъ. „Руководство", на которое мы ссылались, даетъ матеріалъ очень недостаточный: уставъ и внѣшнее описаніе организаціи. Очеркъ внутреннихъ отношеній въ кружкахъ, какъ они сложились въ жизни, а не въ головахъ основателей, даетъ намъ только сочиненіе Арвэдъ-Баринъ (псевдонимъ), писательницы, враждебной католической пропагандѣ (см. ея книгу: „L'oeuvre de Jésus-ouvrier. Les cercles catholiques", 1879). Если вѣрить автору, а мы думаемъ, что въ главныхъ чертахъ этотъ очеркъ заслуживаетъ довѣрія, рабочіе, поступавшіе въ общежитія, подвергались самому строгому монастырскому режиму: все свободное время ихъ было заполнено молитвами; вставали и ложились они въ опредѣленное время, своимъ руководителямъ должны были подчиняться безпрекословно. Всякія мірскія развлеченія были изгнаны изъ католическихъ кружковъ, книги попадали въ руки ихъ членовъ только послѣ строгой цензуры священника и притомъ книги свѣтскаго характера допускались съ большой неохотой. Неудивительно, что подобный режимъ не пришелся по вкусу многимъ рабочимъ, даже вполнѣ сочувствовавшимъ католической пропагандѣ; гораздо удивительнѣе, напротивъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кружки все же могли навербовать себѣ значительное число адептовъ и получить распространеніе по всей Франціи. Апогеемъ ихъ раз-

витія являются 1875—77 гг., когда число кружковъ достигло 400, а сумма ихъ членовъ выражалась почтенною цифрою въ 18 тыс. человѣкъ, ихъ которыхъ рабочихъ, по словамъ одного изъ участниковъ этого дѣла (Жоффруа де-Грандмэзона), было тысячъ около 15-ти. Въ началѣ 80-хъ годовъ кружки стали видимо падать, да и ихъ инипіаторами начали овладѣвать нѣсколько отличныя отъ прежнихъ мысли. Слегка реформированные, значительно сократившіеся числомъ, а главное потерявшіе свое прежнее вліяніе, кружки тѣмъ не менѣе дожили и до настоящаго времени. На нихъ не возлагается уже больше былыхъ надеждъ [6]). Прежній оффиціальный органъ кружковъ, „Association Catholique“, журналъ дававшій нѣкогда подробные отчеты объ ихъ распространеніи, объ ихъ дѣятельности и вліяніи на рабочихъ, теперь совершенно отстранился отъ этого дѣла и продолжаетъ существовать независимо, выражая мнѣніе группы соціальныхъ католиковъ, не имѣющихъ больше ничего общаго съ рабочими кружками.

Мы думаемъ поэтому, что не ошибемся, назвавши все дѣло католической пропаганды путемъ устройства рабочихъ кружковъ— предпріятіемъ неудавшимся. Въ сущности то же самое признаютъ и сами иниціаторы дѣла, хотя, разумѣется, они не говорятъ о своей неудачѣ вполнѣ откровенно и подыскиваютъ для ея объясненія разныя побочныя обстоятельства. Вотъ однако какъ выражается на этотъ счетъ Леонъ Грегуаръ въ своей книгѣ, написанной въ духѣ и въ направленіи школы де-Мѣна: „Нельзя сказать про „дѣло кружковъ“, читаемъ мы здѣсь (стр. 14 — 15), что оно удалось, нельзя сказать также, что оно потерпѣло неудачу... Кружки должны были группировать рабочихъ, это была какъ бы опека надъ взрослыми людьми. Ихъ руководители не были политическими дѣятелями, тѣмъ не менѣе дѣло производило впечатлѣніе избирательнаго бюро на службѣ у монархіи. Нѣкоторые члены вѣрили, что законная власть Бога имѣетъ логическимъ слѣдствіемъ законную власть короля, и надѣялись, что послѣдняя повела бы за собой торжество первой. Тогда подумали, что кружки предназначены для осуществленія подобныхъ надеждъ: *жертва такого реномэ, дѣло кружковъ не сдѣлалось дѣломъ евангельскаго завоеванія*, о которомъ мечтали его руководители“. Нечего и говорить, что неуспѣхъ предпріятія объясняется болѣе глубокими причинами, нежели просто „несчастнымъ реномэ“, но нельзя не признать, что и это реномэ, составившееся отнюдь не по одному недоразумѣнію, какъ старается увѣрить Грегуаръ, съиграло также свою неблагопріятную для дѣла роль. Политическія убѣжденія иниціаторовъ рабочихъ

кружковъ, и среди нихъ прежде всего де-Мёна,—были дѣйствительно по тому времени ультра-реакціонными. Отличительной и самой доминирующей чертой этихъ убѣжденій являлась глубокая ненависть къ революціи. Воспоминанія 1789 г. вызываютъ въ новѣйшихъ соціальныхъ католикахъ точно такое же негодованіе, какое вызывали они въ Ламеннэ въ первую половину его дѣятельности. И точно такія же обвиненія формулируются теперь противъ великой революціи: низверженіе авторитетовъ, распространеніе невѣрія, матеріализма и индивидуализма, — вотъ продукты переворота XVIII-го вѣка. Соціальное зло—это его дѣтище. Борьбу съ нимъ надо начать, вырвавъ съ корнемъ изъ умовъ людей революціонные принципы. „Какъ наши отцы дѣлали революцію, замѣчаетъ де-Мёнъ [7]), такъ мы должны сдѣлать контръ-революцію и начать съ того, чтобъ отказаться отъ нашихъ заблужденій и всякихъ уступокъ тѣмъ принципамъ, которые мы хотимъ побѣдить. Такимъ только образомъ сдѣлаемъ мы дѣло прочное и пріуготовимъ возрожденіе христіанскаго общества". Или вотъ еще болѣе откровенное признаніе: „Если вы хотите опредѣлить главную особенность (католическихъ рабочихъ кружковъ),—говоритъ де-Мёнъ, заканчивая своей рѣчью третье общее собраніе этихъ кружковъ, — вернитесь вмѣстѣ со мною къ торжественному моменту ихъ основанія. Перечтите сочиненія тѣхъ, кто составлялъ первую группу служителей только что возникавшаго дѣла, въ особенности прочтите „Призывъ къ людямъ доброй воли", который былъ ихъ манифестомъ, пробѣгите глазами протоколы изъ засѣданій, прислушайтесь къ ихъ рѣчамъ,—и вы найдете повсюду и прежде всего военный кличъ противъ революціи" (ibid. 90—91).

Мы думаемъ, что этой ожесточенной ненависти ко всѣмъ революціоннымъ традиціямъ достаточно было для общества, едва освободившагося отъ тяжелаго ига Наполеона III-го, чтобы обвинить де-Мена и его друзей въ симпатіяхъ къ старому режиму. Но этого мало: новые поборники католизма не замедлили дать прямыя свидѣтельства истиннаго характера своихъ убѣжденій. Ихъ политическое profession de foi того времени довольно недвусмысленно было выражено въ рѣчи де-Мёна въ Ваннѣ на тему: „Богъ и Король". Но и помимо этой рѣчи, произнесенной уже нѣсколькими годами позже учрежденія рабочихъ кружковъ, въ указаніяхъ на характеръ убѣжденій ихъ основателей недостатка никогда не было, такъ что ни ихъ враги, ни ихъ друзья нисколько не сомнѣвались на этотъ счетъ. Доказательствомъ можетъ служить исполненное похвалъ письмо

графа Шамбора, обязательно сообщаемое издателемъ рѣчей де-Мёна (см. стр. 84—86). Такимъ образомъ теперешнія старанія нѣкоторыхъ соціальныхъ католиковъ изобразить кружки 70-хъ годовъ жертвою злыхъ клеветъ со стороны враговъ и, пользуясь этимъ, замести слѣды своихъ истинныхъ политическихъ убѣжденій лѣтъ 20 тому назадъ, можно признать лишь полемической уловкой да еще признакомъ того, что у послѣдователей де-Мёна за означенный промежутокъ времени не только взгляды на соціальные вопросы, какъ это мы увидимъ дальше, подверглись значительной эволюціи, но что параллельно тому и политическія убѣжденія не избѣгли такой же участи.

Мы сейчасъ упомянули объ эволюціи, замѣтимъ тутъ же, что самъ де-Мёнъ совершенно отрицаетъ всякую эволюцію въ своихъ взглядахъ и даже не безъ раздраженія отстраняетъ отъ себя подобное обвиненіе (въ нашихъ глазахъ являющееся напротивъ похвалою). „Дѣло кружковъ не измѣнилось и не измѣнится",—восклицаетъ онъ въ 1881 г., когда еще надежды на этого рода пропаганду не были вполнѣ оставлены. Впрочемъ усиленныя восхваленія кружковъ именно въ то время, когда успѣхъ ихъ шелъ diminuendo, позволяетъ намъ заподозрить, что сомнѣнія успѣли проникнуть въ иные умы. „Это дѣло не подвергнется перемѣнамъ и не потерпитъ ущербу; оно останется цѣликомъ такимъ, какимъ мы его основали въ 1871 г., когда подписывали призывъ къ людямъ доброй воли, который подписали бы и теперь, не перемѣнивши въ немъ ни строчки. Дѣло останется согласнымъ съ этими заявленіями и неизмѣннымъ по своей формѣ" [8]). Но что бы ни говорилъ намъ графъ де-Мёнъ—и притомъ къ счастью для него самого и для его друзей,—tempora mutantur et nos mutamur in illis. Что еще можно было скрыть въ 1881 г., то ужъ само за себя говоритъ въ 1891 и въ 1893. Перемѣна во взглядахъ французскихъ соціальныхъ католиковъ на многія вещи дѣйствительно произошла, перемѣна существенная и радикальная. Посмотримъ, какимъ постепеннымъ переходомъ она подготовлялась.

Все, что мы выше сказали о взглядахъ и дѣятельности де-Мёна и его друзей, касается лишь ближайшихъ годовъ, слѣдовавшихъ за основаніемъ или, вѣрнѣе, пересозданіемъ ими рабочихъ кружковъ; для дальнѣйшаго времени характеристика наша одностороння и недостаточна, а для настоящаго ее слѣдовало бы признать почти прямо невѣрной. Но для того перваго періода дѣятельность соціальныхъ католиковъ можно резюмировать одной такой формулой: пропаганда католицизма въ

народѣ при помощи рабочихъ кружковъ и оппозиція республиканскому режиму во имя стараго порядка. Какъ всякій видитъ, для соціальнаго вопроса нѣтъ мѣста въ этой формулѣ, и онъ не укладывается въ нашу характеристику. Въ такомъ случаѣ, на какомъ основаніи придается тогдашнимъ поборникамъ католическаго дѣла названіе соціальныхъ католиковъ? спросятъ насъ можетъ быть иные читатели. Основаніе у насъ для этого немаловажное: каковы бы ни были взгляды де-Мёна и его послѣдователей, во всякомъ случаѣ это была во Франціи первая группа людей, которые, послѣ перерыва въ 20 слишкомъ лѣтъ, обратились съ проповѣдью католицизма прямо къ народу и сдѣлали рабочихъ главнымъ объектомъ своей пропаганды. Вотъ та черта, которая выдѣляетъ ихъ изъ ряду всѣхъ другихъ ревнителей католической церкви, и вотъ тотъ новый путь, который они открыли и который сдѣлалъ возможнымъ всю дальнѣйшую эволюцію.

„Безъ сомнѣнія, всегда будутъ бѣдные, и мы не претендуемъ ихъ уничтожать, но *проповѣдывать имъ терпѣніе и покорность—недостаточно*, и мы должны сказать, что въ хорошо организованномъ общественномъ порядкѣ трудъ долженъ гарантировать человѣка отъ бѣдности, а правительственная власть—обезпечивать будущность семьи. Этого не бываетъ, когда положеніе рабочаго остается въ зависимости отъ полнаго произвола хозяина“. Вотъ по-истинѣ знаменательныя слова, недопускающія двухъ толкованій! И отъ кого мы ихъ слышимъ? Отъ недавнихъ поборниковъ стараго режима, отъ вчерашнихъ проповѣдниковъ „терпѣнія и покорности“. Приведенныя только что фразы заимствованы нами изъ весьма поучительнаго и любопытнаго сборника мнѣній по соціальнымъ вопросамъ, составленнаго основателями рабочихъ кружковъ. Книга эта, носящая заглавіе: „Questions sociales et ouvrières—Régime du travail“, появилась въ 1883 г. и представляетъ собою какъ бы оффиціальное выраженіе убѣжденій всей школы де-Мёна; намъ еще придется въ дальнѣйшемъ изложеніи прибѣгать къ ней не разъ. Но въ настоящую минуту даже выписанныя выше слова идутъ уже нѣсколько дальше, чѣмъ это нужно для характеристики міровоззрѣнія соціальныхъ католиковъ въ серединѣ 70-хъ гг. Поэтому мы обращаемъ вниманіе читателя лишь на первую половину отрывка, а именно, на характерное признаніе, что „проповѣдывать терпѣніе и покорность—недостаточно“, что такимъ образомъ соціальный вопросъ не получитъ своего разрѣшенія. Вотъ выводъ, къ которому привела жизнь основателей католическихъ

кружковъ всего черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ихъ первыхъ шаговъ на поприщѣ общественной дѣятельности. Проповѣдывать рабочимъ терпѣніе—недостаточно, но что же еще? А надо распространять религіозныя идеи и среди капиталистовъ-хозяевъ, надо и ихъ учить ихъ обязанностямъ, внушать чувства любви и уваженія къ рабочимъ, убѣждать въ солидарности интересовъ обоихъ классовъ. Самое неравенство, существующее между людьми въ экономическомъ и въ другихъ отношеніяхъ, не только не можетъ быть названо несправедливостью, но оно служитъ какъ разъ именно къ вящшему торжеству религіозныхъ и нравственныхъ идей. Неравенство обязываетъ высшихъ пользоваться своими преимуществами на пользу низшихъ; нечего поэтому оплакивать неравенство, надо пояснять людямъ его истинный смыслъ и научать ихъ употреблять во благо то, что измѣнить не въ нашей власти [9]).

Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ торжества революціи и революціонныхъ идей все общество погрязло въ матеріализмѣ. Погоня за наживой, за деньгами, за наслажденіями, безъ вниманія къ средствамъ, которыми они получаются, — стало жизненной цѣлью большей части людей въ современномъ намъ обществѣ. „Обогащаться и пользоваться своими богатствами—таково, кажется, послѣднее слово жизни и высшая цѣль, къ которой она предназначена. Отсюда вытекаетъ это чрезвычайное развитіе земныхъ стремленій, эта жажда возвыситься и эта горячка, овладѣвшая всѣми сердцами; отсюда этотъ индифферентизмъ отдѣльныхъ личностей къ общему благу и этотъ всеобщій эгоизмъ, который частнымъ интересамъ приноситъ въ жертву интересъ общественный; отсюда наконецъ это усердіе въ осуществленіи своихъ правъ и пренебреженіе или незнаніе своихъ самыхъ простыхъ обязанностей“ (см. Discours, p. 101 и слѣд., а также 45—46). А между тѣмъ, ни одинъ членъ общества, на какой бы ступени онъ ни стоялъ, не избавленъ отъ тѣхъ или иныхъ обязанностей. Рабочій долженъ добросовѣстно и самоотверженно выполнять трудъ, взятый имъ на себя по контракту; хозяинъ долженъ прежде всего относиться къ рабочему съ уваженіемъ, затѣмъ не эксплуатировать его и помнить евангельское предписаніе о любви къ ближнему; общественная власть и законодатель обязаны слѣдить за исполненіемъ закона и возстановлять нарушенныя права обѣихъ сторонъ (припомнимъ энциклику). Итакъ, обязанности рабочихъ остаются прежними и выражаются однимъ словомъ—покорность; объ ихъ правахъ нигдѣ ни одного слова. Зато права хозяевъ пополняются обя-

занностями, изъ коихъ первая—уваженіе къ подчиненнымъ. Казалось бы, требованіе довольно скромное, а между тѣмъ, сколько негодованія вызвало оно въ нѣкоторыхъ сферахъ.

Когда одинъ, никому неизвѣстный дотолѣ священникъ, аббатъ Фешъ, произнесъ однажды въ какомъ-то соборѣ проповѣдь на тему объ уваженіи, которымъ высшіе обязаны къ низшимъ, сколько упрековъ и обвиненій посыпалось на его голову! Мысли аббата встрѣтили въ извѣстной части печати жестокій отпоръ; одинъ изъ охранительныхъ журналовъ писалъ буквально слѣдующее: „Сказать рабочему, что онъ достоинъ уваженія и что передъ нимъ должны снимать шапку, это значитъ учить его не уважать хозяина, который даетъ ему работу и пропитаніе, не уважать также людей таланта и генія, предначертанія которыхъ онъ выполняетъ; это значитъ возбуждать въ немъ ненависть къ тому, кто превосходитъ его по уму или общественному положенію". Въ заключеніе журналъ обзываетъ аббата Феша соціалистомъ. Обиженный священникъ отвѣтилъ своему обидчику памфлетомъ: „De l'ouvrier et du respect". Здѣсь, въ защиту своей проповѣди онъ ссылается на разныхъ авторитетныхъ лицъ и между прочимъ на монсиньора Фреппеля, у котораго онъ находитъ тѣ же мысли объ уваженіи, затѣмъ напоминаетъ, что сама церковь, въ которую мы приходимъ молиться, обязана своимъ происхожденіемъ рукамъ рабочихъ, и называетъ Іисуса Христа „чудеснымъ работникомъ". Авторъ указываетъ на притчу о бѣдномъ Лазарѣ и утверждаетъ, что богатые больше нуждаются въ бѣдныхъ, нежели послѣдніе въ богатыхъ: вѣдь бѣдный Лазарь одинъ могъ достигнуть лона Авраамова, тогда какъ богатый для своего спасенія долженъ былъ прибѣгать къ помощи бывшаго нищаго. Всѣ эти разсужденія заканчиваются слѣдующимъ, весьма умѣреннымъ, пожеланіемъ: хозяинъ, выплачивая рабочему его жалованье, не исчерпываетъ этимъ своихъ обязанностей и потому, уважая рабочаго, пусть онъ ему говоритъ въ концѣ каждаго дня—„merci" [10]). Уваженіе—необходимый ферментъ во всякомъ обществѣ, „du manque de respect sont nées les révolutions sociales" (!).

Но если аббатъ Фешъ находитъ вполнѣ достаточнымъ, чтобы хозяинъ говорилъ рабочему „merci" и при встрѣчѣ съ нимъ снималъ свою шапку, то другіе соціальные католики оказались уже нѣсколько болѣе требовательными и кромѣ уваженія заявили свое желаніе видѣть со стороны хозяина милосердіе—charité. „Милосердіе,—восклицаетъ де-Мёнъ (см. его рѣчь отъ 22 мая 1875 г.):—это значитъ преданность (по-французски сильнѣе—

devouement) имущихъ по отношенію къ неимущимъ, преданность богатаго къ бѣдному, ученаго къ человѣку невѣжественному, хозяина къ рабочему, преданность класса правительствующаго къ народу. Вотъ, господа, необходимое *дополненіе* нашего profession de foi". Но какимъ именно путемъ станутъ проявлять хозяева свое милосердіе и свою преданность рабочимъ? Соціальные католики придумали для этой цѣли смѣшанные кружки или ассоціаціи рабочихъ съ хозяевами вмѣстѣ [11]). Отличіе этихъ новыхъ кружковъ отъ прежнихъ заключается въ томъ, что во-первыхъ: членами ихъ будутъ теперь не одни рабочіе, и во-вторыхъ, ихъ цѣль не исключительно религіозная, не одно торжество католицизма, но и экономическая—разрѣшеніе соціальнаго вопроса путемъ объединенія и умиротворенія враждующихъ сторонъ. Предполагалось, что въ такихъ смѣшанныхъ обществахъ обѣ стороны узнаютъ другъ друга и научатся взаимному уваженію: это одно уже смягчитъ жестокость борьбы; кромѣ того, кружки явятся мѣстомъ обсужденія всякихъ вопросовъ и соглашенія всѣхъ столкновеній между различными интересами. Но если религіозная цѣль перестаетъ быть единственной въ этихъ кружкахъ, то она все же и здѣсь не утрачиваетъ своего доминирующаго характера. Члены кружковъ должны проникнуться предписаніями и чувствами, внушаемыми католической церковью, они должны отрѣшиться отъ ходячихъ либеральныхъ идей и сдѣлаться послушными сынами папы; только тогда, не раньше—соціальный вопросъ получитъ свое разрѣшеніе.

Французское протестантское духовенство,—мы разумѣемъ ту его часть которая занимается соціальнымъ вопросомъ,—пришло въ сущности, какъ и католическое, къ тому же предложенію устраивать смѣшанныя ассоціаціи, только въ протестантскихъ ассоціаціяхъ этотъ нетерпимо религіозный и даже узко-исповѣдный характеръ вполнѣ исчезаетъ. Предлагаемыя протестантами коопераціи хозяевъ съ рабочими должны преслѣдовать одну экономическую цѣль; такія коопераціи должны пропагандироваться пасторами въ церковныхъ проповѣдяхъ и учреждаться въ дѣйствительности, но всегда непремѣнно съ *исключеніемъ* всякаго религіознаго и политическаго элемента [12]). Преимущество протестантовъ въ этомъ отношеніи выкупается, однако, большей отсталостью ихъ во всемъ дальнѣйшемъ. Въ то время, какъ религіозныя сообщества рабочихъ съ хозяевами были лишь одною ступенью въ развитіи идей соціальныхъ католиковъ, ступенью, за которой послѣдовали шаги все болѣе и болѣе глубокаго и обдуманнаго свойства,—протестанты, выставивъ сразу въ своихъ коопераціяхъ экономическую задачу

на первый планъ и устранивъ религіозную, дальше этихъ коопераціи и не пошли, продолжая до послѣдняго времени настаивать на своемъ первомъ предложеніи (см. Travaux de la troisième assemblée génerale de l'association protestante pour l'étude pratique des questions sociales. Montbélard. 14, 15, 16 Juillet, 1890).

Надо, впрочемъ, сказать, что и изъ католиковъ не всѣ пошли далѣе смѣшанныхъ коопераціи или организованнаго патронажа. Нѣкоторые, напр., Шарль Перэнъ, Клодіо Жаннэ и др., называющіе себя учениками французскаго экономиста 50-хъ годовъ Ле-Плэ (Le Play), не захотѣли слѣдовать за графомъ де-Мёномъ въ дальнѣйшей эволюціи его идей. И съ этихъ поръ въ средѣ соціальныхъ католиковъ образуются двѣ группы: школа Ле-Плэ и школа де-Мёна, значительно разнящіяся во взглядахъ на иные вопросы, въ особенности же расходящіяся въ своемъ отношеніи къ государственному вмѣшательству, какъ къ одному изъ средствъ рѣшенія рабочаго вопроса. Подобное раздѣленіе ослабило, быть можетъ, силы всей партіи прогрессивныхъ католиковъ, но зато оно послужило къ лучшему выясненію теоретическихъ взглядовъ обѣихъ группъ и дало намъ для каждой изъ нихъ по особому своего рода катехизису. Прекраснымъ научнымъ выраженіемъ взглядовъ школы Le Play можетъ служить сочиненіе Клодіо Жаннэ—„Le socialisme d'Etat et la réforme sociale", 1890; менѣе научнымъ, но зато болѣе систематичнымъ и точнымъ образомъ формулируетъ взгляды школы де-Мёна упомянутая уже нами коллективная работа подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Oeuvre des cercles catholiques d'ouvriers. Questions sociales et ouvrières. I. Régime du travail", Paris, 1883. Мы въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ слѣдить лишь за постепеннымъ развитіемъ взглядовъ второй изъ двухъ названныхъ школъ, школы графа де-Мёна.

Какъ ни заманчива казалась мысль соединить въ однѣ ассоціаціи капиталистовъ и рабочихъ и такимъ образомъ объединить самые, повидимому, противоположные интересы,—мысль, занимавшая сначала французскихъ соціалистовъ, начиная съ Фурье, тѣмъ не менѣе болѣе проницательные люди въ католическомъ лагерѣ не могли не предвидѣть, что подобныя ассоціаціи ждетъ та же участь, которую испытали уже и постоянно испытывали въ то время рабочіе католическіе кружки. Неудача кружковъ предсказывала неудачу ассоціацій; время подтвердило опасенія проницательныхъ людей. Несмотря на призывы послѣдователей де-Мёна и на ихъ завѣренія, что интересы

рабочихъ и хозяевъ тождественны, послѣдніе не слишкомъ спѣшили откликнуться, — и смѣшанныя ассоціаціи открывались лишь въ ограниченномъ количествѣ съ великимъ трудомъ и послѣ усиленной пропаганды. Тогда идея кружковъ пережила третье видоизмѣненіе и явился третій оттѣнокъ одной и той же мысли: заговорили о профессіональномъ группированіи рабочихъ (groupement professionnel), припомнили старые цехи и стали ихъ усиленно восхвалять, наконецъ—это было уже совершенной новинкой—сотрудники „Association catholique" начали требовать учрежденія *обязательныхъ* профессіальныхъ корпорацій. Въ книгѣ Жоли („La socialisme chrétien", 1893) мы находимъ хорошо сгруппированными цитаты, показывающія, какъ идея объ обязательныхъ корпораціяхъ проникала лишь понемногу и постепенно, какъ она, высказанная сначала несмѣло, сдѣлалась впослѣдствіи однимъ изъ существеннѣйшихъ догматовъ въ міровоззрѣніи правовѣрныхъ послѣдователей де-Мёна. Мы не станемъ воспроизводить здѣсь этихъ цитатъ, тѣмъ болѣе, что ниже намъ еще придется вернуться къ вопросу объ обязательныхъ корпораціяхъ, чтобъ показать мѣсто, занимаемое ими во всей системѣ соціальныхъ католиковъ этого направленія; въ настоящее же время намъ нужно сказать, что и обязательныя профессіальныя корпораціи, возникшія изъ смѣшанныхъ ассоціацій, не удовлетворили пытливыхъ умовъ, искавшихъ разрѣшенія соціальной проблемы.

Отъ взора людей вдумчивыхъ, пристально наблюдающихъ окружающую жизнь (а такими, безъ сомнѣнія, являются де-Мёнъ и его друзья), не можетъ укрыться то обстоятельство, что никакія корпораціи не дадутъ никогда рабочимъ силы достаточной, чтобъ стать на равную ногу съ капиталистами въ борьбѣ за существованіе и за лучшее будущее. Недолгаго опыта было достаточно, чтобъ убѣдиться, что корпораціи являются весьма сомнительной панацеей, лѣкарствомъ вполнѣ безсильнымъ противъ глубокаго соціальнаго недуга. Не отказываясь еще вполнѣ отъ мысли о корпораціяхъ, хотя видимо сильно извѣрившись въ ней, школа де-Мёна выставляетъ тогда новую мысль и съ жаромъ, ей свойственнымъ, начинаетъ ее пропагандировать и развивать. Мысль эта—поддержка рабочихъ со стороны государственной власти, вмѣшательство государства въ соціальную борьбу и самое широкое рабочее законодательство. Самая побѣда католичества, увѣряютъ насъ, невозможна, пока все общество будетъ раздѣлено на два враждующихъ лагеря, а необходимость жестокой борьбы за существованіе будетъ постоянно поддерживать стремленіе къ исключительно матеріальнымъ цѣлямъ. Единствен-

нымъ достаточно сильнымъ и менѣе всего заинтересованнымъ элементомъ современнаго общества является государство, которое и должно употребить всю свою власть на прекращеніе братоубійственной войны. Таковъ послѣдній, заключительный этапъ, послѣдняя стадія развитія, до которой дошли соціальные католики болѣе прогрессивнаго оттѣнка. Ихъ нынѣшнимъ взглядамъ, ихъ ученію во всей его полнотѣ, т.-е. въ положительной и отрицательной части мы и посвятимъ слѣдующую главу нашего изслѣдованія. А пока формулируемъ кратко описанный нами процесъ постепеннаго образованія теперешнихъ взглядовъ у соціальныхъ католиковъ, вышедшихъ въ 70-хъ годахъ изъ совершенно иного рода посылокъ. Récapitulons, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ французы.

I. Основывая или реформируя въ 1871 г. рабочіе кружки, де-Мёнъ и его послѣдователи надѣялись такимъ путемъ бороться съ революціонными идеями и содѣйствовать торжеству католичества. *Побѣда католицизма* была ихъ цѣлью, *рабочіе кружки* и вообще народъ—средствомъ, экономическое и соціальное *statu quo*—неизмѣннымъ условіемъ.

II. Неуспѣхъ рабочихъ кружковъ и явная недостаточность пропаганды среди однихъ рабочихъ приводитъ къ мысли воздѣйствовать и на хозяевъ-фабрикантовъ. Исходный пунктъ въ этомъ случаѣ — мысль о *тождественности интересовъ* капиталистовъ и рабочихъ, цѣль пропаганды—*торжество католицизма + умиротвореніе соціальной борьбы*, форма — свободныя *ассоціаціи*.

III. Невозможность привлечь къ дѣлу многихъ капиталистовъ, а главное, явная несостоятельность ассоціацій и зрѣлище все разгорающейся соціальной борьбы наводитъ, наконецъ, католиковъ на мысль обратиться за помощью къ государству. Ихъ цѣль въ настоящее время—*торжество католицизма въ будущемъ* и возможно болѣе скорая и реальная *поддержка трудящихся классовъ*, форма дѣятельности—рабочее *законодательство + обязательныя корпораціи*, а исходная точка (см. объ этомъ ниже)—мысль, что церковь, въ виду ея традицій и прямыхъ соображеній выгоды, должна вмѣшаться въ соціальную борьбу нашего времени, взявъ сторону бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Сведя до такой простой и ясной схемы всю эволюцію, совершившуюся во взглядахъ школы де-Мёна, мы думаемъ не встрѣтить возраженій нашему выводу, что въ міровоззрѣніи соціальныхъ католиковъ этого направленія произошелъ полный переворотъ всѣхъ ихъ симпатій и взглядовъ, во время котораго уцѣлѣлъ только одинъ членъ всѣхъ формулъ—торжество католи-

цизма, да и тотъ отодвинулся дальше въ область будущаго, заслоненный необходимостью раздѣлаться раньше и поскорѣе съ соціальной неурядицей. Такимъ образомъ про графа де-Мёна, съ этой одной оговоркой относительно католицизма, можно сказать, что онъ „сжегъ все, чему поклонялся, поклонился всему, чтò сжигалъ". Но мы говоримъ это смѣло и безнаказанно только въ виду того, что, какъ мы совершенно увѣрены, никто изъ друзей графа де-Мёна не прочтетъ настоящей статьи; въ этомъ нельзя сомнѣваться: русскій языкъ служитъ для насъ достаточной защитой. Но Боже избави сказать то, чтò мы сказали, кому нибудь изъ послѣдователей графа: претензія на полную неизмѣнность во взглядахъ—это ихъ главная претензія. Перемѣнились не они, нѣтъ! они всегда, какъ и вообще вся католическая церковь, думали одно и то же, перемѣнились взгляды окружающихъ, которые прежде ни за что не хотѣли согласиться съ ними, а теперь въ значительной степени пришли къ тому же. Послушаемъ, какъ на этотъ счетъ говоритъ Леонъ Грегуаръ [13]): „При папахъ Григоріи XVI и Піи IX католическая церковь вступила въ открытую борьбу съ революціонными принципами съ тою приводящей въ замѣшательство смѣлостью, которая даетъ увѣренность въ безсмертіи... И эта мать-церковь съ своей вызывающей политикой имѣла сыновъ, поведеніе которыхъ отличалось еще болѣе вызывающимъ характеромъ. Они отправлялись преслѣдовать „либерализмъ" на всякой почвѣ, даже на экономической... Тогда во враждебныхъ лагеряхъ многіе привѣтствовали съ шумной ироніей эти новыя попытки; поспѣшили заключить, что католики отступаютъ отъ Syllabus'а и что церковь папы Пія IX предана всяческой реакціи, не исключая промышленной и коммерческой. Де-Мёнъ выносилъ эти неблагоразумные сарказмы, которые, впрочемъ, *онъ и самъ вызывалъ* необдуманностью своихъ выраженій. А эти блудныя дѣти клерикализма на своемъ пути, который называли ретроградньмъ, *встрѣтились* (?) на одномъ изъ поворотовъ съ народомъ... Требованіямъ массъ либеральные оптимисты, эти сыновья революціи и люди XIX вѣка, противупоставляли барьеръ колебаній и предразсудковъ; напротивъ, католики, послѣдователи Syllabus'а, именно вслѣдствіе своихъ противуреволюціонныхъ чувствъ, которыми они гордились, вполнѣ естественно должны были понять желанія и жалобы толпы [14])". И нѣсколько дальше мы читаемъ еще: „долго они имѣли только одну хартію, Syllabus, хартію отрицательную, повелѣвающую разрушеніе; въ настоящее время они имѣютъ другую хартію, энциклику Rerum Novarum, хартію положитель-

ную, побуждающую къ созиданію. Когда появилась эта энциклика, журналы заявляли, что Левъ XIII приблизился къ современному обществу, отъ котораго отдалился Пій IX. Подобный взглядъ совершенно невѣренъ. Онъ предполагаетъ, что Syllabus осуждаетъ демократію и что энциклика Rerum Novarum превозноситъ либерализмъ. И то, и другое утвержденіе ложно. Энциклика папы Льва XIII о соціальномъ вопросѣ представляетъ изъ себя прогрессъ, вышедшій изъ реакціи: необходимо было, чтобы Syllabus произвелъ реакцію, чтобы послѣ этого совершился прогрессъ. Пію IX выпало на долю неблагодарная, а Льву XIII—прекрасная задача".

Всему этому разсужденію Грегуара нельзя, конечно, отказать въ извѣстной долѣ остроумія, но—и только; убѣдить того, кто знакомъ съ дѣломъ, оно не можетъ, ибо никакое остроуміе въ мірѣ въ соединеніи съ самымъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ не въ состояніи скрыть того факта, что папская политика вообще и политика французскихъ соціальныхъ католиковъ въ частности пережили эволюцію, крайніе члены которой въ сущности вполнѣ исключаютъ другъ друга. Вся софистичность разсужденія Грегуара и другихъ подобныхъ разсужденій его собратій бросается сразу въ глаза, едва мы вглядимся въ нихъ повнимательнѣе. Насъ хотятъ убѣдить, что папа, а за нимъ и его вѣрные рыцари среди французскихъ католиковъ всегда питали однѣ и тѣ же симпатіи и антипатіи, всегда руководились въ своей дѣятельности одними и тѣми же принципами, а для этого насъ приглашаютъ обратить вниманіе на вѣчную ихъ оппозицію либерализму. Но вѣдь бываетъ оппозиція и оппозиція, весь вопросъ въ томъ, во имя чего дѣлается эта оппозиція,—и вотъ тутъ-то мы замѣчаемъ всю важность перемѣны! Оставаясь въ оппозиціи перейти справа налѣво—значитъ ли быть неизмѣннымъ въ своихъ принципахъ? если да, то, конечно, папская политика отличается великимъ постоянствомъ; но намъ думается, что эти двѣ оппозиціи находятся между собой въ отношеніи двухъ полюсовъ, дѣйствительно равно удаленныхъ отъ экватора, но зато и не близкихъ другъ къ другу. Путь, пройденный школой де-Мёна, равняется, слѣдовательно, меридіану; мы видѣли выше, каковъ былъ полюсъ, служившій ей исходнымъ пунктомъ; займемся теперь подробнѣе другимъ полюсомъ, блестяще завершающимъ весь пройденный этой школою путь.

III.

Критика современнаго строя съ нравственной и съ экономической точки зрѣнія. Католицизмъ и соціальная борьба. Либеральная школа въ политической экономіи и соціализмъ. Основныя идеи. Государство и самопомощь. Роль церкви и обязанности католиковъ.

Всѣ соціальные реформаторы, каковы бы ни были предлагаемые ими планы общественнаго переустройства, частичные или общіе, начинаютъ всегда, разумѣется, съ критики существующаго порядка. Смотря по личнымъ особенностямъ того или другого писателя, критика эта получаетъ то болѣе суровый, то болѣе мягкій характеръ; это уже одно даетъ намъ возможность предугадать въ извѣстной степени и свойства тѣхъ реформъ, которыя будутъ дальше предложены. Въ одной изъ нашихъ предшествующихъ работъ намъ приходилось излагать взгляды, на французской почвѣ, быть можетъ, самаго рѣшительнаго и ѣдкаго противника существующаго экономическаго строя. Мы говоримъ о Фурье, котораго Энгельсъ („Die Entwickelung des Socialismus" etc., 1891) называетъ однимъ изъ величайшихъ сатириковъ всѣхъ временъ. Полный ненависти къ соціальнымъ неправдамъ, обвиняя всю современную цивилизацію въ сплошной испорченности и называя ее не иначе, какъ „заколдованнымъ кругомъ всяческихъ золъ", Фурье, разумѣется, не могъ уже удовольствоваться частичными перемѣнами, онъ требуетъ полнаго преобразованія экономическихъ отношеній и въ своемъ планѣ „Новаго міра", не желаетъ оставить камня на камнѣ отъ міра насъ окружающаго. Совсѣмъ иное зрѣлище доставитъ намъ изложеніе соціальной доктрины де-Мёна и его школы. Ихъ критика существующаго—ибо и они не могли не отдать критикѣ извѣстной дани,—не отличается ни особенной рѣшительностью, ни новизной. То впадая въ неопредѣленныя общности, то не рѣшаясь идти дальше мелочныхъ фактовъ, католики этого направленія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ затрогиваютъ теоретическіе вопросы и тогда въ сущности только возобновляютъ на новый ладъ тѣ замѣчанія, которыя до нихъ много разъ уже дѣлались тѣми или иными писателями. И тѣмъ не менѣе, мы не только не пройдемъ мимо ихъ критики, но еще, напротивъ, обратимъ на нее особенное вниманіе. Пусть не новы идеи—ново то обстоятельство, что онѣ высказываются правовѣрными католиками, врагами всѣхъ новшествъ. Про французскихъ католиковъ такимъ образомъ нельзя сказать, какъ про французскихъ эмигрантовъ, что „они ничему не научились и ничего не позабыли".

Напротивъ, они очень многому научились (и нетрудно понять—у кого), а кое-что, кромѣ того, нѣкоторые свои предразсудки и предвзятыя мнѣнія, къ нашему времени уже предали или постепенно предаютъ забвенію... Обратимся теперь къ ихъ критикѣ.

Наличность соціальнаго зла признается католиками безъ всякихъ колебаній. „Существуетъ зло, господа, говоритъ де-Мёнъ, котораго никто не смѣетъ отрицать". Зло это проявляется повсюду, даже тамъ, гдѣ никто не ожидаетъ встрѣтить его слѣдовъ. Нельзя раскрыть газеты или журнала безъ того, чтобы не узнать о какихъ-нибудь новыхъ послѣдствіяхъ современнаго экономическаго неустройства. Сегодня вы читаете о грандіозной стачкѣ въ одномъ департаментѣ, завтра о вооруженномъ возстаніи въ другомъ, на слѣдующій день вы слышите о промышленномъ кризисѣ въ одномъ изъ главныхъ государствъ Европы, а вслѣдъ затѣмъ непомѣрное вздорожаніе на рынкѣ какого-нибудь продукта даетъ вамъ знать о международной коалиціи фабрикантовъ. Рабочіе соединяются для борьбы съ капиталистами, а эти послѣдніе входятъ въ союзы для противодѣйствія рабочимъ. „Что это такое, какъ не война, война непрерывная, безъисходная, непримиримая, война, которая не можетъ остановиться ни на минуту безъ того, чтобы за нею не оставались нарушенные интересы, накопившіяся неудовольствія и неудовлетворенныя страсти, готовыя снова зажечься при первомъ крикѣ возстанія". Опытъ показалъ, что силой нельзя подавить соціальной борьбы. Развѣ малымъ количествомъ войска обладаетъ современное государство, а между тѣмъ все его могущество подвинуло-ли дѣло хоть на шагъ къ умиротворенію? „Война гремитъ и даетъ знать о себѣ, какъ вулканъ, изъ котораго показывается пламя наканунѣ полнаго изверженія; война у нашихъ дверей, она угрожаетъ нашей легкомысленной жизни, нашимъ наслажденіямъ, нашему щегольству и нашимъ удовольствіямъ; не сегодня-завтра она разразится". Если еще находятся люди, которые не замѣчаютъ опасности и продолжаютъ утверждать, что все обстоитъ какъ нельзя болѣе благополучно, то это, кромѣ сознательнаго нежеланія видѣть правду, можетъ происходить только изъ того, что общественныя язвы не остаются открытыми, на нихъ набрасываютъ темные покровы и нищета не такъ бьётъ въ глаза, потому что ее нарочно упрятываютъ въ самые отдаленные кварталы [1]).

Припомнимъ, какъ папа въ своей энцикликѣ говоритъ о раздѣленіи общества на два класса, результатомъ чего является „съ одной стороны всемогущество богатства, съ другой—безсиліе бѣдности". Въ этихъ словахъ заключается сущность всей

критики, представленной соціальными католиками, да и не ими одними пожалуй, а вообще всякой критики современнаго экономическаго порядка. Между буржуазіей и народомъ образовалась непроходимая пропасть, замѣчаютъ католики, обсуждающіе соціальный вопросъ: „счастливые, могущественные, сильные съ одной стороны, все служитъ ихъ разсчетамъ, дѣламъ и удовольствіямъ, и они бросаютъ милостыню на другую сторону пропасти, но не иначе, какъ отворачивая свои глаза и затыкая уши; а на той другой сторонѣ толпятся у самаго края обездоленные, малые, слабые, полные любопытства и жадности. Эгоизмъ развивается съ одной стороны, ненависть накопляется съ другой" [2]). Нравственныя послѣдствія соціальной борьбы такъ же ужасны, какъ и экономическія. Погоня за барышомъ убиваетъ сознаніе своихъ обязанностей во владѣющихъ классахъ, она заставляетъ ихъ видѣть въ рабочихъ не людей, не братьевъ, а простыя машины, изъ которыхъ надо стараться извлечь какъ можно больше пользы. А рабочіе, въ свою очередь, при современныхъ условіяхъ получаютъ ненависть къ труду, ненависть ко всему общественному порядку и полное равнодушіе ко всему, что не даетъ удовлетворенія ихъ насущнымъ потребностямъ. Оно и понятно со стороны того, „ктò не знаетъ что онъ будетъ ѣсть завтра", ему некогда думать о своихъ духовныхъ потребностяхъ. Положеніе дѣлъ въ сущности столь угрожающее, что „если не вмѣшается какая-нибудь общественная организація и не установитъ равновѣсія, рабочій будетъ обреченъ на погибель, и дѣйствительно мы видимъ, какъ въ современномъ обществѣ постепенно образуются темныя и безнадежныя массы пролетаріевъ. Пролетаріатъ—хоть этимъ словомъ злоупотребляли многіе какъ доблестной (?) кличкой,—составляетъ великую язву нашего вѣка. Пролетарій—это не тотъ, кто поддерживаетъ жизнь трудомъ своихъ рукъ, но тотъ, кто, даже трудясь, не можетъ считать завтрашній день обезпеченнымъ" [3]).

Со дня на день, зло увеличивается: конкурренція, „не та, которая возбуждаетъ къ дѣятельности, но та, которая умерщвляетъ", все болѣе и болѣе ухудшаетъ судьбу рабочаго и доводитъ его до положенія угля, беззаботно подбрасываемаго въ машину. Было время, когда де-Мёнъ, не обинуясь, утверждалъ, что „положеніе рабочихъ къ нашему времени измѣнилось: заработная плата возросла, пища и помѣщеніе улучшились" и все, что теперь нужно рабочему—это болѣе благопріятныя нравственныя условія. Но приведенныя слова произносились въ 1872 г., а въ 1889 тотъ же де-Менъ высказываетъ уже прямо противополож-

ное мнѣніе: „я слышалъ, говоритъ онъ, какъ иногда утверждаютъ, будто положеніе рабочихъ въ наше время лучше, чѣмъ было прежде. Я думаю иначе! зло принадлежитъ *нашему* времени, оно ведетъ свое происхожденіе отъ революціи и вытекаетъ изъ забвенія божественнаго закона и изъ неистовства неограниченной свободы. Это не бѣдность, а пауперизмъ, т.-е. необезпеченное положеніе массы рабочихъ, которымъ вслѣдствіе неожиданныхъ перемѣнъ на промышленномъ рынкѣ со дня на день угрожаетъ нищета. Это значитъ, въ деревнѣ, разрушеніе домашняго очага, непрочность семьи, уничтоженіе цѣлыхъ центровъ населенія и образованіе деревенскаго пролетаріата, аналогичнаго съ фабричнымъ“ [4]). Мы бы зашли далеко, еслибъ захотѣли приводить здѣсь всѣ факты, которыми де-Мёнъ и его друзья иллюстрируютъ свою мрачную характеристику положенія французскаго рабочаго. Достаточно будетъ сказать, что они цитируютъ примѣры, когда рабочій день на извѣстныхъ фабрикахъ продолжается 16, 18 и даже 24 часа подъ-рядъ (въ противность закону 1848 г., ограничившему трудовой день 12-ю часами), когда дѣвушки-модистки или корсетницы оставались за работой до 28 часовъ, не уходя изъ мастерской даже для обѣда, когда помѣщенія рабочихъ являлись верхомъ негигіеничности, когда беременныя женщины занимались самымъ тяжелымъ трудомъ до послѣдняго дня передъ родами, и потомъ, чуть не на слѣдующій день послѣ нихъ, возвращались снова на фабрику. Они указывали на эти и подобные факты въ объясненіе малаго прироста населенія во Франціи, приводили цифру 80,000, выражающую собою число людей, ежегодно умирающихъ въ странѣ отъ голода и всяческихъ лишеній и требовали законодательнаго вмѣшательства для устраненіи злоупотребленій и ограниченія произвола предпринимателей [5]). О практической дѣятельности соціальныхъ католиковъ и объ ихъ положительныхъ требованіяхъ намъ еще придется говорить ниже. Посмотримъ теперь, что говорятъ они о причинахъ экономическаго неустройства и къ какимъ общимъ условіямъ сводятъ всѣ отмѣченныя ими злоупотребленія.

Главная причина всѣхъ золъ въ ихъ глазахъ—это неограниченная конкурренція, понижающая цѣну труда и увеличивающая продолжительность рабочаго дня. „Я говорю, восклицаетъ де-Мёнъ, что человѣкъ, отданный на произволъ закона спроса и предложенія, перестаетъ быть человѣкомъ и дѣлается вьючнымъ животнымъ“. Но въ силу чего конкурренція получила такую власть въ промышленномъ мірѣ, чѣмъ обусловливается ея раз-

рушительное дѣйствіе? Тутъ мы подходимъ къ самому слабому пункту всей критики. Вина за конкурренцію и слѣдовательно за все зло современнаго строя всецѣло падаетъ, какъ оказывается, на великую французскую революцію. Читатель можетъ быть удивится и спроситъ: а какъ же объясняютъ соціальные католики существованіе подобныхъ явленій въ тѣхъ странахъ, гдѣ революціи, подобной 1789 года, не было? На этотъ вопросъ мы не найдемъ отвѣта ни въ рѣчахъ графа де-Мёна, ни въ Association Catholique, ни въ изданіяхъ общества католическихъ рабочихъ круговъ. Говоря о Франціи, послѣдователи де-Мёна спѣшатъ всегда прибавить нѣсколько словъ о гибельныхъ результатахъ великой революціи, а отмѣчая тѣ же факты экономическаго неустройства въ другихъ странахъ, они ограничиваются осужденіемъ существующей свободы экономическихъ отношеній. „Полная свобода труда, говоритъ графъ де-Мёнъ, это въ области экономической—революціонная формула, осуществленіе на дѣлѣ деклараціи правъ человѣка; опираясь на независимость разума и врожденную доброту человѣка, она сдѣлала единственнымъ двигателемъ его дѣйствій личный разсчетъ и, лишивъ правительство обязанности покровительствовать, уничтоживъ однимъ ударомъ всякое вмѣшательство и опеку, она отдала безъ всякой защиты слабыхъ на произволъ сильныхъ... Вотъ свобода, которую революція дала рабочимъ [6])". Въ 1889 г., когда вся Франція готовилась праздновать столѣтіе революціи, сотрудники Association catholique выступили съ цѣлымъ рядомъ статей, съ цѣлой серіей историческихъ работъ, чтобы доказать, что во всѣхъ областяхъ экономической и политической жизни революція принесла Франціи одни бѣдствія. Въ одномъ № журнала доказывалось (ст. Габріэля Ардана: Centenaire de 1889: Agriculture, „A. C.", 1889, Февраль), что положеніе земледѣльцевъ ухудшилось съ 1789 года, потому что налоги, платимые ими, возросли, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличился абсентеизмъ крупныхъ собственниковъ и дробность земель у мелкихъ владѣльцевъ; въ другомъ (ст. Louis Milcent: Le commerce, 1889, № 1), что торговля за послѣднія сто лѣтъ пережила печальныя превращенія; большіе торговцы задавили мелкихъ, спекуляція развилась до страшныхъ размѣровъ, а вмѣстѣ съ ней возникли всяческія монополіи. Промышленность, процвѣтавшая при покровительствѣ стараго режима, подвержена теперь періодическимъ кризисамъ, что отразилось и на положеніи рабочихъ, значительно ухудшившемся съ прошлаго вѣка (ст. Urbain Guérin: De l'état actuel de la Grande industrie et des réformes á opérer, 1889, № 2) [7]).

Возложивъ на революцію отвѣтственность за всѣ несовершенства окружающей насъ жизни и приписавъ ей послѣдствія, какихъ она не могла имѣть, сотрудники Association catholique въ укоръ 1789 году составили свои „cahiers“, въ которыхъ выражали желанія, какъ они думали, прямо противоположныя революціоннымъ. Изъ слѣдующихъ словъ графа де-ля-Туръ-дю-Пэнъ-Шамбли, формулирующаго одной фразой желанія всей группы соціальныхъ католиковъ, мы увидимъ, какъ увлекались они своей оппозиціей революціи и какъ въ этомъ увлеченіи свои собственные недавніе идеалы готовы были навязать дѣятелямъ 1789 г. „Возстановить въ нравственномъ мірѣ христіанскій законъ на мѣсто оффиціальнаго атеизма, въ области политической—общественную свободу на мѣсто цезаризма (?!), въ области экономической солидарность на мѣсто эгоизма,—это будетъ нашимъ способомъ праздновать столѣтнюю годовщину 1789 г. и другую еще годовщину—1589 г., въ память царствованія Генриха IV-го, который такимъ образомъ формулировалъ свою великую мысль: я бы хотѣлъ, чтобъ каждый крестьянинъ могъ имѣть по воскресеньямъ курицу въ супѣ. Это будетъ получше всѣхъ принциповъ 1789 г.“ [8]).

Изобразивъ промышленную конкурренцію продуктомъ революціи, соціальные католики вполнѣ логично заключили, что тѣ изъ современныхъ экономистовъ, которые видятъ въ неограниченной конкурренціи ненарушимый законъ экономическихъ отношеній, являются продолжателями и апологистами идей 1789 г. Такимъ образомъ Леонъ-Сей, Молинари, Морисъ Блокъ, Поль Леруа-Болье и др. представители такъ-называемой либеральной школы довольно неожиданно для себя оказались записанными въ число опаснѣйшихъ революціонеровъ. Путаница получилась ужасная! Достаточно будетъ сказать, что осуждая конкурренцію, наши авторы нѣсколько разъ ссылаются на Луи-Блана: вотъ, молъ, что говорятъ о свободѣ труда сами революціонеры. Въ результатѣ получилось смѣшеніе двухъ противоположныхъ школъ политической экономіи: соціалистической и либеральной. Однако, ошибочно приписавъ одной революціи всѣ послѣдствія цѣлаго ряда соціальныхъ и политическихъ факторовъ (ошибка, къ которой побуждали католиковъ ихъ антиреволюціонныя традиціи), они затѣмъ уже довольно правильно съумѣли оцѣнить ученіе либеральной школы экономистовъ. Главный пунктъ либеральной программы—неограниченная свобода труда—нашелъ въ ихъ сочиненіяхъ справедливое и жестокое осужденіе, хотя, разумѣется, ихъ исходный пунктъ въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, отли-

чается своеобразнымъ религіознымъ характеромъ. „Свобода человѣка, читаемъ мы въ коллективномъ сочиненіи „о соціальныхъ рабочихъ вопросахъ“ [9]), не можетъ быть неограниченной въ примѣненіи ко всѣмъ способностямъ, полученнымъ имъ отъ Бога, и способность къ труду, какъ и всѣ прочія, ограничивается божественнымъ правомъ. Священное писаніе, постановленія св. соборовъ и первосвященниковъ съ древнѣйшихъ временъ и донынѣ освящали божественное право на трудъ, на его регламентацію и на покровительство духовнымъ и матеріальнымъ интересамъ людей труда. Оно предписываетъ земнымъ властямъ обязанность вмѣшиваться въ область труда и промышленности, дабы обезпечить здѣсь соблюденіе божественнаго и церковнаго закона, т.-е. допускать добро, не допуская зла“ („laisser faire le bien, *sans* laisser faire le mal“). Послѣдняя фраза мѣтитъ прямо противъ извѣстной формулы, выражающей порицаніе государственному вмѣшательству, формулы, вызывающей самое жестокое порицаніе со стороны соціальныхъ католиковъ. „Laissez faire, laissez passer“, восклицаютъ они; вотъ требованіе либераловъ, требованіе оставить всѣ злоупотребленія безъ перемѣны, всѣ преступленія безъ возмездія, требованіе, освящающее всякое безправіе и насиліе. Столь прославляемая экономистами конкурренція среди рабочихъ дѣйствительно полезна, но для кого? для капиталистовъ, потому что она увеличиваетъ производительность труда и понижаетъ заработную плату. „Свобода труда, на которую опирается современный экономическій режимъ, есть въ сущности свобода для капиталистовъ безпрепятственно эксплоатировать рабочихъ и, слѣдовательно, обогащаться трудомъ чужихъ рукъ“. Тѣ, кто заботится не объ интересахъ немногихъ привилегированныхъ, но объ интересахъ массъ, а значитъ всѣ истинные католики, должны оставить теорію свободы труда и требовать государственнаго вмѣшательства. „La morale doit gouverner l'économie politique, comme une chose qui lui est soumise“ [10]).

Смѣшавъ и спутавъ революціей фритрэдеровъ съ соціалистами, де-Мёнъ и его ученики осуждаютъ послѣднихъ за то же самое, за что они раньше осудили и первыхъ. „Соціализмъ, восклицаетъ де-Мёнъ, это отрицаніе власти Бога, а мы хотимъ ея утвержденія, это утвержденіе независимости человѣка, а мы хотимъ ея отрицанія, это стремленіе къ овладѣнію, къ собственности (sic: passion de la possession), а наше стремленіе есть стремленіе къ справедливости. Соціализмъ это логическая революція, а мы представляемъ собой непримиримую контр-революцію“. Впослѣдствіи соціальнымъ католикамъ приходилось

не разъ выслушивать отъ фритрэдеровъ обвиненія въ соціализмѣ и даже ироническія (а иногда и искреннія) одобренія изъ лагеря самихъ соціалистовъ; тогда они съ жаромъ стали отстранять отъ себя и эти злобныя обвиненія, и компрометтирующія похвалы (см., напр., брошюру де-Мёна: Quelques mots d'explication). Однако въ критикѣ соціализма, къ которой ихъ настойчиво вынуждали ихъ противники, они не только не проявили особенной силы, но съ страннымъ упорствомъ продолжали игнорировать основные пункты соціалистическаго ученія (критика современнаго строя, изслѣдованіе сущности производства и прибавочной стоимости, историческая концепція капитализма и проч., и проч.), чтобъ нападать на матеріалистическій и революціонный характеръ ученія и декламировать на избитую тему о тираніи государства въ соціалистическомъ строѣ, послѣднее еще въ то время, когда сами они обращаются къ тому же государству за помощью. Но какова бы ни была ихъ критика соціализма, фактъ тотъ, что они открещиваются отъ этого ученія и дѣйствительно въ нѣкоторыхъ чертахъ существеннымъ образомъ съ нимъ расходятся. Замѣтимъ только еще, что самое существованіе соціализма и даже кромѣ него—анархизма ученики де-Мёна считаютъ вполнѣ законнымъ, объясняя его экономическимъ неустройствомъ и естественной неудовлетворенностью иныхъ умовъ [11]). За распространеніемъ соціализма они слѣдятъ съ живѣйшимъ интересомъ и ихъ журналъ „Association Catholique" даетъ всегда самые подробные отчеты о всѣхъ соціалистическихъ съѣздахъ.

Осуждая ничѣмъ не стѣсненную конкурренцію, соціальные католики совершенно вѣрно замѣтили, что ограниченная сначала сферой рабочихъ, она была только выгодна для предпринимателей, но что въ настоящее время поле приложенія ея расширилось и конкурренція обратилась противъ самихъ капиталистовъ. Крупные предприниматели стали давить мелкихъ, мелкіе, чтобы лучше выдержать борьбу, соединились въ товарищества, въ компаніи. Тогда борьба между капиталистами становится безличной и превращается въ борьбу между капиталами. „Нѣкоторая сумма денегъ борется противъ ей подобной. Индивидуальность исчезаетъ, чтобы уступить мѣсто коллективизму финансовой ассоціаціи. Капиталъ самъ по себѣ производитъ, онъ собираетъ рабочихъ и ихъ вознаграждаетъ, капиталъ царитъ; мы разумѣемъ здѣсь вездѣ капиталъ денежный. Денежный капиталъ имѣетъ свойства, принадлежащія ему одному. Самое главное это то, что онъ можетъ давать доходъ, увеличиваться, воспроизводиться

безъ труда со стороны того, кто имъ владѣетъ... Съ одной стороны, въ борьбѣ между капиталами меньшіе изъ нихъ необходимо поглощаются бо̀льшими и послѣдніе тѣмъ больше обезличиваются, чѣмъ они крупнѣе; съ другой — рабочій, изолированный, благодаря индивидуализму „свободнаго труда“, вынужденъ вслѣдствіе все увеличивающаго его раздѣленія къ участію въ коллективномъ трудѣ, въ которомъ его личность исчезаетъ все болѣе и болѣе. Онъ дѣлается такимъ образомъ пассивнымъ *орудіемъ* производства или, какъ говорятъ, трудомъ-товаромъ на службѣ у капитала безличнаго и, слѣдовательно, безъ души, безъ совѣсти, безъ внутренностей, покупающаго человѣческій товаръ, какъ и всякій другой, сообразуясь исключительно съ рыночными цѣнами. Ни личныя добродѣтели значительнаго числа благочестивыхъ промышленниковъ, ни благодѣянія, которыя они оказываютъ окружающимъ — недостаточны, чтобы остановить „роковое развитіе“ экономической системы, основанной на полной свободѣ конкуренціи и труда, подобно тому, какъ ихъ таланты и дѣятельность не могли бы измѣнить законъ накопленія капиталовъ [12]).“ Мы сдѣлали эту нѣсколько пространную выписку потому, что приведенныя сейчасъ слова вводятъ насъ въ самый центръ экономическихъ взглядовъ всей школы. Анализируя ихъ, мы замѣчаемъ тутъ три основныхъ положенія: 1) что роковой процессъ конкуренціи содѣйствуетъ торжеству крупнаго капитала и обезличиваетъ противниковъ; 2) что трудъ въ нынѣшнемъ строѣ сдѣлался обыкновеннымъ продажнымъ товаромъ на рынкѣ и 3) что капиталъ даетъ его собственникамъ доходъ безъ труда, что, съ точки зрѣнія католиковъ, какъ мы увидимъ ниже, заслуживаетъ порицанія. Всѣ эти три мысли мы встрѣчаемъ во многихъ статьяхъ Association Catholique; надо оговориться, однако, что послѣдняя изъ нихъ, выраженная однажды особенно рѣзко, вызвала протестъ со стороны де-Мёна, представляющаго собой теперь въ своей школѣ самый умѣренный и даже до извѣстной степени консервативный элементъ [13]). Тѣмъ не менѣе, къ этой мысли не разъ возвращались впослѣдствіи сотрудники „Association Catholique“, и мы не можемъ не признать ее однимъ изъ основныхъ положеній программы этого журнала, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть оффиціальнымъ органомъ кружковъ и, слѣдовательно, получилъ возможность свободнѣе развивать свои взгляды.

И не съ одной экономической или нравственной стороны приходятъ католики къ осужденію прибыли на капиталъ, но даже съ религіозной или скорѣе богословской точки зрѣнія. Они

ссылаются на авторитетъ церкви, какъ извѣстно, всегда осуждавшей отдачу денегъ въ ростъ, и приводятъ комментаріи къ этому запрещенію многихъ извѣстныхъ теологовъ. *Дунсъ Скотъ* за одно съ св. *Ѳомой* утверждаетъ: Recipere fructum de sua pecunia provenientem per industriam alterius, est facere usuram. „Что дѣлаютъ тѣ, говоритъ *св. Василій*, которые одолжаютъ деньги за проценты, какъ не обогащаются чужою бѣдностью? Отдавать въ ростъ, значитъ пожинать тамъ, гдѣ не сѣялъ". Іоаннъ *Златоустъ* восклицаетъ: „что можетъ быть неразумнѣе, какъ сѣять безъ земли, безъ дождя и безъ сохи? Поэтому тѣ, кто занимается такимъ земледѣліемъ, собираютъ лишь плевелы, которые будутъ брошены въ огнь вѣчный". Считая деньги непроизводительными по самой ихъ природѣ, церковь выставляетъ трудъ, какъ единственный реальный факторъ производства; запрещая ростъ (usura), она имѣетъ цѣлью помѣшать „богатымъ жить на счетъ бѣдныхъ, или тѣмъ, которые не трудятся, эксплоатировать тружениковъ. Становясь на эту точку зрѣнія и умѣя дѣлать всѣ необходимыя приложенія, можно отвѣтить на всякія затрудненія, даже на тѣ, которыя вытекаютъ изъ современной организаціи промышленности и торговли" — такими знаменательными словами одинъ изъ сотрудниковъ „Association Catholique", де Паскаль, заканчиваетъ свою статью о ростовщичествѣ [14]).

Полноты ради, надо сказать, что недостаточно искусившіеся въ экономическихъ спекуляціяхъ сотрудники „Association Catholique" не всегда остаются на почвѣ правильной и ясной трудовой теоріи цѣнности и иногда забираются въ дебри туманныхъ разсужденій о спросѣ и полезности. Зная къ тому же ихъ слабость къ авторитетамъ старыхъ богослововъ, мы не удивимся, встрѣтивъ въ томъ же журналѣ статью Коста Розетти, посвященную ученію схоластиковъ о справедливой цѣнѣ и цѣнности, статью, многія положенія которой идутъ въ разрѣзъ съ приведенными выше взглядами Паскаля и гдѣ авторъ ея не безъ наивности сознается, что онъ страшится обоснованія цѣнности однимъ трудомъ, такъ какъ изъ этого положенія соціалисты съ полной логичностью выводятъ необходимость ниспровергнуть весь существующій строй. Но, несмотря на эти отъ времени до времени прорывающіеся страхи и оговорки, трудовая теорія цѣнности со всѣми ея выводами находитъ себѣ полное признаніе среди послѣдователей графа де-Мёна, а, слѣдовательно, въ концѣ концовъ и весь современный процессъ производства, основанный на отдѣленіи рабочихъ рукъ отъ капитала и на непропоціональномъ труду вознаграж-

деніи производителей, — получаетъ въ ихъ сочиненіяхъ полное осужденіе.

Переходя отъ отрицательной къ положительной части ученія, отъ критики къ общимъ идеямъ, мы сразу покидаемъ экономическую почву, чтобъ вступить въ область нравственныхъ требованій. Разъяснивъ сущность современнаго экономическаго строя и осудивъ его за несправедливость по отношенію къ народнымъ массамъ, соціальные католики выставляютъ, далѣе, свои положительныя идеи, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, долженъ покоиться всякій справедливый экономическій порядокъ. Справедливость — вотъ чего не хватаетъ существуюшему соціальному строю, возстановленія ея мы должны добиваться всѣми легальными средствами. Левъ XIII провозгласилъ въ своей энцикликѣ великую идею: право рабочихъ на жизнь, на жизнь не такую, какъ они ведутъ въ наше время, нищенскую и полную лишеній, но на жизнь достойную человѣка цивилизованнаго и притомъ христіанина [15]). Заработная плата рабочаго должна быть поэтому настолько велика, чтобы вполнѣ обезпечивать собою такую жизнь для самого рабочаго и для его семьи. „Каждый имѣетъ право на хлѣбъ или на трудъ", сказалъ кардиналъ Маннингъ, а такъ какъ человѣкъ самъ по себѣ важнѣе богатства, то, слѣдовательно, если онъ находится въ безвыходномъ положеніи, т. е. не имѣетъ ни работы, ни хлѣба, — онъ можетъ позаимствоваться собственностью другого. Эта мысль о дозволительности кражи въ извѣстныхъ исключительныхъ случаяхъ, высказанная впервые кардиналомъ Маннингомъ, встрѣчена была сочувственно и другими служителями католической церкви. „Association Catholique" (1888, II, стр. 66) приводитъ въ ея подтвержденіе слова св. Альфонса, который въ своей „Нравственной теологіи" говоритъ на этотъ счетъ слѣдующее. „Такъ какъ всѣ вещи, въ случаѣ крайней необходимости, дѣлаются общей собственностью, то богатый, сообразно строгой справедливости, обязанъ помогать бѣдному, равно какъ бѣдный имѣетъ право взять себѣ все необходимое даже противъ воли собственника". И въ другомъ мѣстѣ еще: „Хотя бѣдный имѣетъ право на имущество своего ближняго въ случаѣ крайней нужды, но онъ долженъ брать ровно столько, сколько бываетъ обыкновенно достаточно для поддержанія жизни". И наконецъ: „Такъ какъ бѣдный имѣетъ право брать, что́ ему необходимо, никто не смѣетъ ему мѣшать въ этомъ". Въ томъ же духѣ высказывается и св. Ѳома, предостерегающій, чтобы не называли ни грабежомъ, ни кражей присвоеніе чужого имущества, явное или тайное, разъ оно вызывается крайнею необхо-

димостью. Подобный взглядъ вытекаетъ прямо изъ требованій справедливости. Рабочій въ настоящее время трудится, но не получаетъ вознагражденія достаточно, чтобы прилично поддерживать существованіе свое и своей семьи, — это несправедливо; несправедливо, что необработывающіе землю удерживаютъ ее за собой, тогда какъ земледѣлецъ страдаетъ отъ ея недостатка; несправедливо, что одинъ человѣкъ утопаетъ въ роскоши, между тѣмъ, какъ его сосѣдъ въ это время можетъ умирать съ голоду; все это несправедливо, конечно, а несправедливость взываетъ не къ милосердію, не къ добротѣ эксплоатирующаго, но къ возстановленію справедливости, къ чувству собственнаго достоинства эксплоатируемыхъ.

Такъ разсуждаютъ теперь соціальные католики. „Выводы Льва XIII, пишетъ кардиналъ Маннингъ, осуждаютъ по справедливости характеръ многихъ производствъ, жертвы которыхъ до настоящаго времени должны были страдать молча. Теперь онѣ приглашаются заявить о своихъ требованіяхъ, основанныхъ на страданіяхъ“. „Этотъ комментарій, присовокупляетъ Леонъ Грегуаръ (см. его книгу стр. 128), полонъ величайшей смѣлости; нельзя, однако, сказать, чтобы онъ преувеличивалъ значеніе энциклики. Церковь не приглашаетъ болѣе притѣснителя обратить вниманіе на нищенское положеніе притѣсненнаго, она приглашаетъ этого послѣдняго протестовать“. Разсчитывавшіе нѣкогда на благоволеніе состоятельныхъ классовъ, ожидавшіе благихъ результатовъ отъ смѣшанныхъ ассоціацій, или организованнаго patronage, соціальные католики въ настоящее время оставили всѣ надежды обратить въ свою вѣру предпринимателей и хозяевъ. Они поняли, что все, что они могутъ получить съ этой стороны — недостаточно, что нужна не милостыня и даже не жертва со стороны капиталистовъ, но полная реформа экономическихъ отношеній. Благотворители думаютъ, что, подавая милостыню, они избавляютъ себя отъ обязанности быть справедливыми, но это величайшее заблужденіе. Противники законодательнаго вмѣшательства въ экономическую область (въ данномъ случаѣ Кл. Жаннэ) ссылаются на примѣры въ родѣ того, что нѣсколько угольныхъ компаній въ Вестфаліи, послѣ изданія закона о вознагражденіи за увѣчья, перестали отпускать даромъ своимъ рабочимъ необходимый для нихъ уголь. Эти компаніи, возражаютъ послѣдователи де-Мёна, прибѣгали къ милосердію, но лишь для того, чтобы отрѣшиться отъ справедливости. „Рѣшеніе соціальнаго вопроса не есть дѣло благотворительности или милосердія; рабочій не хочетъ жить милостыней; онъ хочетъ

имѣть возможность жить своимъ трудомъ". Такъ резюмируетъ дѣло іезуитъ Кольбъ. Но и этого еще мало: дѣло не въ томъ только, что рабочіе не желаютъ получать милостыни, но также и въ томъ, что капиталисты прямо не имѣютъ возможности дѣлать существенныя уступки рабочимъ. Конкуренція тотчасъ бы наказала тѣхъ изъ хозяевъ, которые оказались снисходительнѣе къ рабочимъ и требовали отъ нихъ меньшаго количества труда: экономическій законъ исключаетъ всякое милосердіе, какъ пустую сентиментальность, — это замѣтили въ концѣ концовъ и наши католики. Дѣйствительность показала имъ скоро, что капиталисты и не желаютъ вовсе дѣлать никакихъ опытовъ примѣненія милосердія и христіанской морали. Кромѣ того, что это имъ прямо невыгодно, они не видятъ вообще въ рабочихъ, какъ бы того желали послѣдователи де-Мёна, страдающихъ и меньшихъ своихъ братьевъ. Рабочіе для нихъ—враги, которые не упускаютъ случая повредить своимъ „старшимъ братьямъ". Оно и понятно: жизненныя условія вообще и условія производства въ частности дѣлаютъ все, чтобы установить полный антагонизмъ обоихъ классовъ. „Два врага на лицо,— говоритъ Грегуаръ, — хозяинъ, опасающійся своихъ рабочихъ, потому что въ періоды стачекъ они иногда прибѣгаютъ къ жестокимъ возмездіямъ, и рабочій, опасающійся хозяина, потому что въ періодъ работы онъ долженъ выполнять всякія его требованія или получать разсчетъ. Все, что хозяинъ присовокупляетъ къ заработной платѣ, онъ отнимаетъ отъ своихъ барышей. Каково бы ни было великодушіе однихъ и покорность другихъ, они остаются соперниками [16])".

Борьба рабочихъ съ капиталистами началась не со вчерашняго дня и въ этой борьбѣ были переиспробованы уже самыя разнообразныя оружія, начиная отъ разрушенія машинъ и кончая поголовными стачками. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ оказались постоянныя организаціи, рабочіе союзы. Какъ же отнеслись къ нимъ католики, признавшіе неизбѣжность соціальной борьбы при современныхъ экономическихъ условіяхъ? Рабочіе союзы они вполнѣ одобрили и даже, подхвативъ ихъ основную мысль, стали сами усердно пропагандировать и доказывать необходимость „профессіональнаго группированія". Вопросъ о рабочихъ союзахъ былъ въ первый разъ поднятъ и рѣзко поставленъ въ 1886 г., когда епископы Соединенныхъ Штатовъ собрались на особое совѣщаніе, чтобы рѣшить, какой политики имъ слѣдуетъ держаться по отношенію къ американской рабочей ассоціаціи — Knights of Labour. Надо замѣтить, что этотъ

оригинальный „орденъ рыцарей труда", насчитывающій теперь около милліона членовъ, объединяетъ собой самую бѣдную часть рабочаго населенія, ту, которая не имѣетъ постоянной профессіи и нанимается въ качествѣ поденщиковъ-чернорабочихъ; организованный съ цѣлью лучшей совмѣстной борьбы противъ всемогущества капитала, этотъ орденъ отличается, разумѣется, ультрадемократическимъ характеромъ и знать ничего не хочетъ о церкви. Но между его членами много вѣрныхъ католиковъ. Отталкивать-ли ихъ осужденіемъ „ордена" или, напротивъ, постараться привлечь къ церкви и самыхъ равнодушныхъ изъ его членовъ, открыто заявивъ свое сочувствіе стремленіямъ рабочихъ? — вотъ вопросъ, который поставили на своемъ совѣщаніи американскіе архіепископы. Изъ двѣнадцати собравшихся служителей католической церкви только двое высказались *противъ* союза съ рыцарями труда, остальные постановили держаться примирительной политики. Въ слѣдующемъ году, согласно этому постановленію, кардиналъ Гиббонсъ, прослышавъ о грозившемъ будто бы „ордену" осужденіи со стороны Льва XIII, поспѣшилъ написать въ Римъ горячее письмо, гдѣ онъ въ довольно рѣзкихъ для кардинала выраженіяхъ говоритъ объ опасности подобнаго рѣшительнаго шага. Онъ утверждаетъ, что осужденіе „ордена" было бы признано рабочими несправедливымъ и смѣшнымъ, и къ тому же оказалось бы вполнѣ безсильнымъ остановить успѣхъ рабочей организаціи. Единственнымъ результатомъ такого осужденія явилось бы полное отчужденіе „рыцарей труда" отъ церкви и матеріальный ущербъ для послѣдней, вслѣдствіе утраты значительной части ея паствы. Поддержанный архіепископомъ вестминстерскимъ Маннингомъ, кардиналъ Гиббонсъ добился своего: никакого осужденія не было выражено папой американскимъ рабочимъ. Весь этотъ эпизодъ, подробности котораго вмѣстѣ съ подлинными письмами Гиббонса и Маннинга мы находимъ въ „Asociation Catholique" за 1887 г., является отправнымъ пунктомъ въ дальнѣйшей политикѣ церкви по отношенію къ рабочимъ организаціямъ. Самъ Левъ XIII въ энцикликѣ рекомендуетъ рабочимъ крѣпко держаться своихъ союзовъ, на которые онъ возлагаетъ вообще большія надежды, въ особенности въ дѣлѣ разрѣшенія всяческихъ столкновеній между интересами труда и капитала.

Защиту рабочихъ организацій взяли на себя всѣ соціальные католики безъ исключенія. „Свободу профессіональныхъ ассоціацій",—заявляютъ они,—мы разсматриваемъ, какъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и неотчуждаемыхъ правъ рабочаго".

Правительство должно не только разрѣшать и охранять подобныя ассоціаціи, но еще обезпечивать за ними возможно широкую автономію и даже нѣкоторыя преимущества и привилегіи. Католики знаютъ, что цѣль рабочихъ союзовъ—организованная война, но, признавая ея неизбѣжность при современныхъ условіяхъ, они предпочитаютъ видѣть рабочихъ хорошо вооруженными и организованными, нежели разрозненными и безоружными. На категорично поставленный вопросъ о томъ, имѣютъ ли рабочіе право участвовать въ стачкахъ, они отвѣчали утвердительно, оговариваясь только, что стачки, чтобъ быть справедливыми, должны отвѣчать слѣдующимъ двумъ условіямъ: 1) „преслѣдуемая ими цѣль должна быть законной, — это значитъ, напримѣръ, что требуемое увеличеніе заработной платы не должно превышать *справедливаго* вознагражденія и 2) должны быть употреблены всѣ старанія, чтобы избѣжать насилія, угрозъ и обмана для увеличенія числа стачечниковъ". Точно такъ же и рабочіе союзы не всѣ безъ исключенія заслуживаютъ сочувствія. Такъ, напр., заявляютъ авторы коллективной работы о „трудовомъ режимѣ" (стр. 423), „свойства интернаціонала дѣлаютъ участіе въ немъ преступнымъ" (coupable).

Желая скорѣйшаго умиротворенія соціальной борьбы, послѣдователи де-Мёна хотятъ, во-1-хъ, чтобы участіе въ рабочихъ союзахъ сдѣлалось обязательнымъ и, во-2-хъ, чтобы по своей организаціи они ближе подходили къ средневѣковымъ корпораціямъ. Къ этому присоединяется иногда желаніе, чтобы возрожденныя такимъ образомъ корпораціи объединяли собою не однихъ лишь рабочихъ, но и хозяевъ вмѣстѣ. Корпоративный режимъ, по мнѣнію соціальныхъ католиковъ, гарантируетъ для рабочихъ постоянство работы, справедливое распредѣленіе ея сообразно индивидуальнымъ особенностямъ каждаго, вполнѣ достаточный для жизни minimum заработной платы, а также maximum продолжительности рабочаго дня, товарищескую помощь на время болѣзни и при всякихъ несчастныхъ случайностяхъ, широкій кредитъ, профессіональное образованіе и хорошую выборную администрацію; кромѣ того, ближайшимъ послѣдствіемъ *возстановленія* корпоративнаго режима (выраженіе, которое часто встрѣчается въ рѣчахъ де-Мёна и въ коллективномъ трудѣ его послѣдователей) будетъ прекращеніе конкуренціи, улучшеніе продуктовъ и уничтоженіе классоваго антагонизма [17]). Нельзя не замѣтить однако, что, несмотря на всю свою привлекательность, эта картина необыкновеннаго соціальнаго благополучія послѣ возвращенія къ корпоративнымъ порядкамъ, носитъ на

себѣ всѣ слѣды чистѣйшей утопіи. Намъ даже странно, какъ она могла создаться въ умахъ людей, наблюдающихъ современную промышленную жизнь. Начать съ того, что исторія никогда не обращается вспять и желать этого такъ же неразумно, какъ того, чтобы рѣка потекла отъ устья къ истокамъ. Тщетно увѣряетъ насъ Howell въ своемъ послѣднемъ трудѣ (Tradesunionism new and old), что нынѣшніе рабочіе союзы не что иное, какъ средневѣковыя корпораціи, изъ которыхъ они возникли. Разница между тѣми и другими именно такова, что она не допускаетъ и мысли о какомъ-нибудь возвращеніи къ старому, пережитому, оставленному режиму. Подобная мысль возникала не разъ и была даже облечена въ форму закона, но дѣйствительность показала съ достаточной убѣдительностью ея совершенную непрактичность. Мы разумѣемъ здѣсь установленіе въ Австро-Венгріи, законами 15 марта 1883 г. и 21 мая 1884 г., обязательныхъ для мелкой промышленности корпорацій. Примѣнить подобныя постановленія оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ ихъ издать: въ виду категорическаго non possumus всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, администраціи не оставалось ничего больше, какъ сознаться въ своемъ полномъ безсиліи *). Говорить о возможности или правильнѣе о невозможности организовать *смѣшанныя* корпораціи изъ хозяевъ съ рабочими, мы не находимъ нужнымъ, въ виду того, что сами апологисты средневѣковыхъ корпорацій говорятъ о современномъ антагонизмѣ классовъ. Что же касается ихъ желанія видѣть *рабочія корпораціи обязательными* (въ Австро-Венгріи законъ предписываетъ корпораціи смѣшанныя), то для подобной мѣры со стороны государства нужно предположить, что послѣднее въ борьбѣ между классами станетъ открыто поддерживать рабочихъ въ ихъ притязаніяхъ противъ капиталистовъ. А мы думаемъ, что когда это случится, общество найдетъ лучшій путь для завершенія соціальной борьбы, нежели корпораціи, сданныя уже въ архивъ исторіи вмѣстѣ съ доспѣхами рыцарей и другими аттрибутами среднихъ вѣковъ. Словомъ, реформы, предложенныя школой де-Мёна, кажутся намъ совершенно несостоятельными, и мы думаемъ, что лучшее, что католики могутъ сдѣлать по отношенію къ существующимъ рабочимъ организаціямъ, это предоставить имъ свободно развиваться по тѣмъ путямъ, которые чертитъ для нихъ дальнѣйшее развитіе современной промышленной жизни.

*) См. Le socialisme d'Etat et la réforme sociale par Claudio Jannet, p. 63—70.

Слѣдуетъ отмѣтить, что къ этому выводу начинаютъ склоняться повидимому и сами католики: такъ, напр., одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ бельгійской католической партіи, аббатъ Потье высказался рѣшительно противъ смѣшанныхъ корпорацій и самъ все свое время посвятилъ устройству обыкновенныхъ рабочихъ союзовъ, а Леонъ Грегуаръ въ своей, нѣсколько разъ уже нами цитированной, книгѣ говоритъ прямо, что въ послѣднее время среди католиковъ замѣчается охлажденіе къ корпораціямъ, явленіе, которое онъ со своей стороны объясняетъ невозможностью соединить широкую профессіональную организацію съ преслѣдованіемъ какихъ-нибудь религіозныхъ цѣлей, отъ чего однако католики и до послѣдняго времени вполнѣ никогда не отказываются (см. стр. 143—145).

Еслибы этой затѣей возстановить средневѣковыя корпораціи и ограничивалась вся положительная программа школы де-Мёна, мы бы должны были признать ее чистѣйшимъ пустоцвѣтомъ. Къ счастію, однако, на ряду съ такими реакціонными и неосуществимыми мечтаніями, соціальные католики поставили себѣ другія, вполнѣ прогрессивныя и достижимыя задачи. Мы разумѣемъ прежде всего ихъ неутомимую агитацію въ пользу возможно болѣе широкаго рабочаго законодательства. Осудивъ ученіе либеральныхъ экономистовъ, желающихъ полной свободы экономическихъ отношеній, католики школы де-Мёна выставили противуположное требованіе самаго широкаго законодательнаго вмѣшательства. Мысль о немъ впервые явилась у нихъ въ началѣ 80-хъ годовъ, еще не вполнѣ смѣло формулирована была въ коллективномъ трудѣ 1883 г., а затѣмъ, благодаря усиленной дѣятельности де-Мёна во французской палатѣ въ пользу законодательнаго ограниченія рабочаго дня, обезпеченія рабочихъ на случай увѣчій и запрещенія ночной работы для женщинъ и дѣтей, — идея эта стала самой важной особенностью положительной программы всей школы, рѣзко отдѣляя послѣдователей де-Мёна отъ той части католиковъ, которые считаютъ теперь своими вождями Кл. Жаннэ и Перэна. Въ то время какъ въ 1887 г. католическій конгрессъ въ Льежѣ едва лишь касается вопроса о государственномъ вмѣшательствѣ, боясь высказываться на этотъ счетъ вполнѣ откровенно, конгрессъ 1890 года уже доставляетъ намъ зрѣлище полнаго торжества идеи о государственномъ вмѣшательствѣ надъ требованіями другой группы католиковъ заняться исключительно корпоративной реформой. Послѣдователи Жаннэ и Перэна остались въ меньшинствѣ и даже довольно слабомъ.

Изъ рамокъ настоящей статьи выходитъ обсужденіе самыхъ проектовъ, предложенныхъ де-Мёномъ французской палатѣ [18]), а также той парламентской тактики, которой держались и держатся примыкающіе къ нему соціальные католики. Для насъ въ данномъ случаѣ важна не практическая, но теоретическая идейная сторона дѣла. Вмѣшательство государства представляется послѣдователямъ де-Мёна желательнымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: мало обезпечить рабочимъ вознагражденіе на случай какихъ нибудь увѣчій, мало ограничить рабочій день 9—10 часами, мало запретить женщинамъ принимать участіе въ ночныхъ и опасныхъ работахъ, надо еще законодательнымъ путемъ установить minimum заработной платы, обязательный при всякихъ контрактахъ. Minimum этотъ долженъ, во-1-хъ, обезпечивать необходимый для существованія рабочаго доходъ; во-2-хъ, предлагать рабочему эквивалентъ опасности, которой онъ подвергается на службѣ у хозяина, опасности быть изувѣченнымъ и совершенно лишиться всякаго заработка и, въ-3-хъ, гарантировать эквивалентъ нормальной и постоянной траты его мускульныхъ силъ. Капиталисты сами не желаютъ быть справедливыми, какъ бы говорятъ себѣ нынѣ послѣдователи де-Мёна, такъ мы же заставимъ ихъ быть справедливыми противъ ихъ воли при помощи государственной власти!.. Въ тѣхъ случаяхъ, когда широкое рабочее законодательство будетъ грозить странѣ его принявшей опасностью уступить въ конкуренціи другимъ странамъ, нужно употребить всѣ старанія, чтобы достигнуть международнаго соглашенія; послѣдняго же энергично и не безъ извѣстнаго успѣха добивается наиболѣе видный представитель католической партіи въ Швейцаріи — Гаспаръ Декуртэнъ [19]).

Усиленная агитація въ палатѣ и въ обществѣ въ пользу широкаго рабочаго законодательства не помѣшала послѣдователямъ де-Мёна заниматься одновременно дѣлами благотворительности. Только благотворительность эта, предлагавшаяся прежде рабочимъ въ видѣ кружковъ, гдѣ тѣ изъ благодарности должны были подчиняться всѣмъ строгостямъ почти монастырскаго режима, въ настоящее время приняла болѣе экономическій, чѣмъ религіозный характеръ. Благотворительная дѣятельность католиковъ выражается теперь въ прiисканіи занятій неимѣющимъ работы рабочимъ, въ посредничествѣ между капиталистами и ими въ случаѣ какихъ-нибудь столкновеній, въ устройствѣ, наконецъ, въ Парижѣ и въ другихъ городахъ особыхъ справочныхъ конторъ (Sécretariat du peuple), гдѣ всѣ приходящіе туда могутъ

получить даровые совѣты юридическаго, медицинскаго и всякаго иного свойства [20]). На ряду съ этою пропагандой дѣломъ, идетъ и пропаганда словомъ. Но не религіозныя темы составляютъ теперь содержаніе рѣчей нашихъ католиковъ и не о торжествѣ католицизма хлопочутъ они прежде всего. Соціальный вопросъ, поддержка рабочихъ,—вотъ что составляетъ ихъ главную заботу въ настоящее время. Переворачивая наизнанку пословицу „сытое брюхо на ученье глухо", монсиньоръ Айрландъ, американскій архіепископъ, выразилъ такъ теперешній взглядъ соціальныхъ католиковъ: „не проповѣдуйте евангелія, сказалъ онъ, пустому желудку, онъ васъ не станетъ слушать". Католики, менѣе прогрессивные, группирующіеся вокругъ Жаннэ, продолжаютъ еще, правда, говорить его устами, что первое, что нужно, это—„обращеніе къ евангелію внутреннихъ варваровъ", но ихъ дальше ушедшіе собратья, оборачиваясь назадъ, уже не безъ ироніи бросаютъ упрекъ, что „они посылаютъ бѣднаго къ Богу такъ, какъ бы они послали его къ чорту, разница только въ адресѣ" [21]). Нѣтъ, соціальныя реформы, улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ—вотъ что нужно прежде всего и какъ можно скорѣе. Удовлетворите матеріальныя нужды рабочаго, сдѣлайте его положеніе хоть немного сноснѣе, и тогда онъ уже самъ станетъ думать о своихъ духовныхъ потребностяхъ и самъ придетъ къ религіи, къ католической церкви. „Наступающій вѣкъ, пишетъ кардиналъ Маннингъ де-Мёну („Assoc. Cath." 1891. № 2), будетъ принадлежать не капиталистамъ, не буржуазіи, а народу. Послѣдній позволяетъ себя привести къ разсудительности и даже къ религіи. Если мы пріобрѣтемъ его довѣріе, мы будемъ имѣть возможность быть его совѣтникомъ; если мы будемъ слѣпо ему противиться, онъ будетъ въ состояніи уничтожить все хорошее". А слѣдовательно, „пойдемте въ народъ, господа, восклицаетъ де-Мёнъ [22]), вотъ дѣло будущаго вѣка. Пойдемте въ народъ, оставимъ избитые пути, которыми пользуются всѣ политическія условности и свѣтскіе предразсудки... Отнынѣ всѣ великіе вопросы нашего времени будутъ рѣшаться въ нѣдрахъ народныхъ. Пойдемъ къ рабочему, чтобы его узнать и полюбить, пойдемъ къ нему, чтобы узнать, чѣмъ онъ страдаетъ и чего хочетъ: мы не знаемъ этого достаточно, мы видимъ его только въ заблужденіяхъ, между тѣмъ, эксплуатируемый тѣми, кто ему льститъ, притѣсняемый ложной свободой, которая его давитъ, принижаемый нечестіемъ, вотъ онъ въ своемъ одиночествѣ, безъ иной силы, кромѣ насилія, безъ иной вѣры, кромѣ вѣры въ возстаніе, жертва своихъ собственныхъ порывовъ и

ищущій напрасно друзей, которые бы ему помогли, вмѣсто того чтобы пользоваться имъ для своей цѣли!“

Вся сущность соціальнаго католицизма въ этихъ словахъ, соціальнаго католицизма съ его благородными порывами, съ его моральной подкладкой и нѣкоторой неопытностью въ экономическихъ вопросахъ, съ его вѣрою въ великое, почти рѣшающее значеніе индивидуальной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ съ его смѣлостью, не останавливающеюся ни передъ какими разрывами, ни передъ какими выводами. Много еще въ этомъ движеніи неуравновѣшеннаго, неустановившагося, незаконченнаго; тѣмъ не менѣе за нимъ уже есть своя традиція и своя исторія, а впереди его еще широкая, открытая дорога. Посмотримъ въ заключеніе, какое значеніе имѣетъ для нашего времени вступленіе католицизма на новый для него путь борьбы за народное дѣло и куда можетъ привести его этотъ путь въ ближайшемъ или, можетъ быть, еще и болѣе отдаленномъ будущемъ.

IV.

Заключеніе.

Пересматривая разныя критическія сочиненія о соціальныхъ тенденціяхъ католичества, мы замѣтили, что авторы, пишущіе объ этомъ движеніи, сами не принадлежа къ нему, съ особенной охотой останавливаютя всегда на вопросѣ о томъ, насколько искренни католики въ своихъ симпатіяхъ къ народу. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ отвѣтъ дается отрицательный: католики не искренни, ихъ соціальныя стремленія—одна уловка, въ душѣ они прежніе ультра-монтаны и клерикалы, мечтающіе о торжествѣ церкви надъ государствомъ и вполнѣ индифферентные къ народнымъ бѣдствіямъ. Вопросъ объ искренности мы не считаемъ особенно важнымъ для опредѣленія общественной роли соціальныхъ католиковъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ подымается и даже очень часто, то мы не видимъ надобности скрывать нашего мнѣнія по этому поводу, хотя оно и расходится радикально съ общепринятымъ взглядомъ антиклерикальныхъ писателей. Мы думаемъ, напротивъ, что графъ де-Мёнъ и его друзья вполнѣ искренни, изображая тяжелое положеніе французскаго рабочаго и требуя законодательнаго вмѣшательства для устраненія указываемыхъ ими злоупотребленій; мы думаемъ, что руководитъ ими дѣйствительно симпатія къ страдающимъ „меньшимъ братьямъ“, а не искусно скрытый разсчетъ дать церкви преобладаніе надъ свѣтской

властью, завоевавъ симпатіи большинства населенія. Перемѣна во взглядахъ соціальныхъ католиковъ, совершившаяся съ теченіемъ времени и дѣлающая ихъ исходный пунктъ въ 70-хъ гг. весьма отличнымъ отъ ихъ нынѣшнихъ убѣжденій, перемѣна эта, которую враждебные католикамъ авторы приводятъ въ доказательство ихъ неискренности и ловкой приспособляемости къ различнымъ обстоятельствамъ, для насъ лично является однимъ изъ доказательствъ противуположнаго—ихъ искренности и ихъ способности перемѣнить взгляды, ложность которыхъ обнаружена жизнью. Эволюцію во взглядахъ де-Мёна и его послѣдователей мы ставимъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ постепеннаго ознакомленія ими съ окружающей экономической дѣйствительностью. Выступивъ на арену общественной дѣятельности съ тѣми убѣжденіями, которыя были почерпнуты большею частью изъ книгъ, и, слѣдовательно, будучи теоретиками гораздо больше, чѣмъ практиками, не имѣя по собственному признанію никакихъ взглядовъ на очень многіе общественные вопросы, наши католики должны были въ своей дальнѣйшей дѣятельности столкнуться съ дѣйствительностью, мало отвѣчавшею ихъ ожиданіямъ, и познакомиться съ бѣдствіями, о которыхъ раньше они не имѣли никакого понятія. Какъ люди честные и добросовѣстные, они не долго говорили съ чужого голоса, но, серьезно принявшись за изученіе соціальныхъ вопросовъ, они составили себѣ скоро свои собственныя мнѣнія, которыя не побоялись затѣмъ высказывать къ ужасу тѣхъ, кто не захотѣлъ вмѣстѣ съ ними покинуть традиціонную и предвзятую точку зрѣнія. Въ рѣчахъ, которыя де-Мёнъ произносилъ изъ году въ годъ въ теченіе 20 слишкомъ лѣтъ, особенно наглядно проглядываетъ истинная причина совершившейся въ немъ перемѣны. Начавши съ категорическаго отрицанія рабочаго вопроса, какъ вопроса о матеріальныхъ условіяхъ жизни, и видя въ немъ только одну изъ формъ религіознаго и нравственнаго кризиса, въ которомъ находилось французское общество послѣ коммуны, де-Мёнъ въ послѣдніе годы постепенно смягчаетъ свое первое вполнѣ апріорное положеніе и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще вводитъ въ свои всегда прочувствованныя и убѣжденныя рѣчи примѣры угнетеннаго матеріальнаго положенія фабричныхъ рабочихъ, покуда, наконецъ, обогатившись серьезнымъ знакомствомъ съ темными сторонами промышленной жизни, онъ не выступаетъ во французской палатѣ горячимъ защитникомъ жертвъ современнаго капиталистическаго режима. Для насъ совершенно ясна эта эволюція и мы не видимъ никакой надобности усматривать непремѣнно дурную сторону въ

томъ, что заслуживаетъ только одной симпатіи и легко можетъ быть объяснено естественнымъ вліяніемъ постепеннаго ознакомленія съ дѣйствительной жизнью.

То, что мы сказали о графѣ де-Мёнѣ, можетъ быть распространено и на другихъ представителей одного съ нимъ направленія. Разница темпераментовъ, различная научная подготовка, несходство нѣкоторыхъ условій въ отдѣльныхъ странахъ объясняютъ всѣ различія и оттѣнки въ міровоззрѣніяхъ соціальныхъ католиковъ: и просвѣтительно-экономическій характеръ этого движенія въ Германіи, имѣющаго своимъ родоначальникомъ Кеттелера (а косвенно Лассаля), и феодально-аристократическій оттѣнокъ, который придали австрійскому движенію руководящіе имъ баронъ Фогельзангъ, графъ Куэфштейнъ и князь Лихтенштейнъ, и практически-демократическая дѣятельность швейцарскихъ католиковъ съ Гаспаромъ Декуртэномъ во главѣ, и, наконецъ, симпатіи и поддержка рабочихъ союзовъ со стороны американскихъ и англійскихъ архіепископовъ. Развѣ не ясно отмѣтилъ Гиббонсъ въ своемъ письмѣ въ защиту „рыцарей труда" этотъ жизненный и ультра-реальный характеръ всего движенія? Церковь безсильна противъ рабочихъ союзовъ, говоритъ онъ, церкви невыгодно отталкивать отъ себя бо̀льшую часть своей паствы; народъ теперь страдаетъ, а между тѣмъ народу принадлежитъ будущее, присовокупляетъ кардиналъ Маннингъ, и потому церковь должна соединиться съ нимъ, чтобы не пасть подъ обломками буржуазнаго общества. Въ подобныхъ заявленіяхъ мы видимъ уже не одну симпатію къ рабочимъ, но и дальновидный разсчетъ. Это объясняется тѣмъ, что они обращены были къ папѣ; въ собственной своей дѣятельности служители католической церкви руководятся больше всего своими симпатіями, своими въ послѣднее время выработавшимися убѣжденіями, но стоитъ имъ начать объясняться передъ своимъ верховнымъ руководителемъ, какъ измѣняется языкъ, мѣняются выраженія и рѣчи принимаютъ своеобразный характеръ: соображенія альтруистическаго свойства уступаютъ тотчасъ же мѣсто соображеніямъ разсчета. Это явленіе имѣетъ свое объясненіе въ прошломъ: традиціи католической церкви побуждаютъ ее думать прежде всего о своей пользѣ и въ каждомъ шагѣ своемъ стараться достигнуть какой-нибудь для себя выгоды. Такимъ образомъ политику церкви, взятой какъ нѣчто единое и цѣлое съ ея верховнымъ руководителемъ—папой, мы считаемъ возможнымъ противупоставить дѣятельности отдѣльныхъ ея представителей, приводя для объясненія той и другой совершенно различныя, чуть не про-

тивуположныя побужденія. Объясненія наши будутъ, отчасти, если угодно, психологическаго, отчасти историческаго характера.

„Въ теченіе всего долгаго промежутка времени, когда папой былъ Пій IX, чтобы не сказать—въ теченіе всего XIX-го столѣтія, поведеніе папы и политика церкви отмѣчены были всегда одною заботой, которая издали можетъ показаться довольно жалкой,—заботой о поддержаніи свѣтскаго могущества Папы“. Это не наши слова, мы цитируемъ Анатоля Леруа-Болье, наблюдателя столь же тонкаго, сколько и преданнаго католической церкви. Съ утратою свѣтской власти папы не перестали мечтать о могуществѣ, о вліяніи, о власти, хотя теперь эти самыя выраженія получили болѣе духовное, болѣе нравственное содержаніе. „Ограбленное королемъ при содѣйствіи парламентовъ и въ соучастіи съ канцлерами, папство было вынуждено искать народовъ, минуя троны и правительства“, замѣчаетъ тотъ же писатель [1]). Но для чего стали искать народовъ папы, какъ не для того, чтобы опереть на нихъ свою духовную власть? Пій IX по свойствамъ своего характера былъ непригоденъ для этой миссіи: въ теченіе всей своей жизни мирволя монархамъ и проклиная непослушные народы, онъ не могъ выказать на старости лѣтъ столько гибкости, чтобы круто перемѣнить свою обычную политику. Зато его преемникъ, въ бытность свою кардиналомъ прославившійся дипломатической ловкостью въ качествѣ папскаго нунція въ Брюсселѣ, какъ нельзя болѣе подходилъ по своимъ способностямъ къ той миссіи, которую возложилъ на него конклавъ кардиналовъ, собравшихся въ Ватиканѣ 20 февраля 1878 г. Взгляните на портретъ Льва XIII: вы увидите передъ собой тщедушнаго, слабаго старика, блѣднаго и низкаго ростомъ; только его проницательные глаза обнаруживаютъ всю силу духа, которую заключаетъ въ себѣ это маленькое тѣло; глаза эти, нѣсколько безпокойные, поражаютъ васъ какою-то странною зоркостью, слѣды которой сохранились и на портретѣ. Они васъ пронизываютъ насквозь и заставляютъ какъ-то безпокойно съежиться и отвернуться въ другую сторону. Вамъ дѣлается непріятно, глядя на это проницательное, холодное и таинственное выраженіе лица, непріятность котораго дополняется крупнымъ и хищнымъ носомъ; но въ то же время вы не можете не подумать, что обладатель такой выразительной наружности долженъ отличаться недюжинной силой и не вполнѣ обыкновеннымъ умомъ. Впечатлѣніе отъ наружности Льва XIII вполнѣ согласуется съ впечатлѣніемъ, которое производитъ вся его дѣятельность: можно отрицать въ ней все, что̀ угодно, кромѣ ума и

разсчетливости. Въ противность Пію IX, человѣку сильныхъ страстей, немало повредившему тѣмъ самымъ отношеніямъ, которыя онъ такъ настойчиво поддерживалъ, нынѣшній папа не позволитъ себѣ ни одного необдуманнаго, поспѣшнаго шага, въ которомъ бы ему потомъ пришлось каяться; всѣ его поступки уравновѣшены, напередъ подготовлены и обдуманы. Но эта разница въ тактикѣ и въ характерахъ не измѣняетъ разумѣется конечной цѣли. Средства различны, но цѣль одна: торжество католической церкви и ея владычество надъ народами. Да и какая другая задача можетъ явиться на мѣсто этой, когда именно въ ней, въ завоеваніи міра католицизмомъ и въ покореніи народовъ подъ нози святѣйшаго намѣстника Петра, въ ней-то и заключается вся жизненная миссія папства; для нея, для этой цѣли употреблялись прежде всѣ силы дипломатическаго искусства и для нея же нынче приносится въ жертву требованіямъ времени эта самая многовѣковая, консервативная и антинародная политика.

Завоеваніе міра католицизмомъ—вотъ цѣль; имѣя ее постоянно въ виду, папы и поступаютъ сообразно тѣмъ обязанностямъ, которыя налагаетъ на нихъ ихъ роль завоевателей. Равнодушіе къ судьбѣ отдѣльныхъ личностей и даже цѣлыхъ массъ въ виду особеннаго вниманія къ поставленной цѣли характеризуетъ всѣхъ великихъ военачальниковъ. Полководецъ во время сраженія не станетъ думать объ интересахъ своихъ солдатъ, когда онъ увѣренъ, что преслѣдуетъ болѣе высокіе интересы; онъ двигаетъ полками, какъ пѣшками на шахматной доскѣ, обрекая отдѣльные отряды на истребленіе и не вникая въ жалкую участь увѣчныхъ и раненыхъ. Другое дѣло офицеры, стоящіе ближе къ солдатамъ и можетъ быть менѣе заинтересованные великими замыслами полководца. Добросовѣстное исполненіе всѣхъ начальственныхъ распоряженій не исключаетъ въ нихъ заботы о раненыхъ, сочувствія къ своимъ подчиненнымъ, любви и сострадания къ солдатамъ. Индивидуальныя различія въ характерахъ и симпатіяхъ различныхъ офицеровъ не мѣшаютъ имъ служить одному дѣлу и облекаться въ одинаковую форму. Въ великомъ воинствѣ католической церкви фактъ этотъ имѣетъ мѣсто, какъ и во всякомъ другомъ, но только здѣсь онъ особенно бросается въ глаза. Не углубляясь въ исторію, которая думается намъ, можетъ дать много примѣровъ прекраснаго соединенія въ отдѣльныхъ служителяхъ католической церкви— ревностной дѣятельности въ интересахъ католицизма съ преданностью и сочувствіемъ къ своей паствѣ, мы укажемъ только на нѣкоторыхъ изъ французскихъ соціальныхъ католиковъ, затѣмъ

на кардинала Маннинга и Гиббонса и наконецъ на Декуртэна: для нихъ народъ съ его нуждами не является просто удобнымъ орудіемъ, которымъ нужно воспользоваться въ эгоистическихъ интересахъ католической церкви, но совокупностью личностей, тщетно борющихся съ неблагопріятными внѣшними условіями и заслуживающими всякаго участія и симпатіи своей жалкой участью пролетаріевъ. Мы не видимъ поэтому особеннаго противорѣчія между обязанностями и миссіей соціальныхъ католиковъ съ одной стороны и ихъ демократическими симпатіями съ другой; не видимъ мы противорѣчія, а скорѣе, напротивъ, внутреннее согласіе и въ томъ фактѣ, что одни и тѣ же поступки и дѣйствія у главы католической церкви и у ея служителей вызываются часто совершенно различными побужденіями.

Если аналогія между католической церковью и войскомъ, папой и полководцемъ, покажется однимъ неумѣстной по свойству сравниваемыхъ предметовъ, другимъ — несвоевременной въ виду новѣйшаго мирнаго характера католической пропаганды, мы принуждены будемъ отклонить отъ себя честь изобрѣтенія этой аналогіи и сошлемся тогда на самого де-Мёна, который, вѣроятно, вслѣдствіе своего военнаго прошлаго охотно прибѣгаетъ во многихъ случаяхъ именно къ такому уподобленію. Оружіе бряцаетъ, противники сражаются, кровь въ изобиліи течетъ въ его рѣчахъ; „смѣлая фаланга католиковъ“ безжалостно рубитъ и сокрушаетъ враговъ католической церкви, покуда, наконецъ, на грудѣ ихъ тѣлъ не водрузится знамя этихъ новѣйшихъ крестоносцевъ и не раздастся ихъ радостный побѣдный крикъ: „за папу и за церковь“!.. Мы должны признать, однако, что есть въ этомъ сравненіи дѣйствительно одинъ существенный недостатокъ. Правильно выражая различное отношеніе со стороны полководца и офицеровъ къ ихъ орудію въ битвѣ — къ солдатской массѣ, сравненіе это даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ невѣрное представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ полководца-начальника и подчиненныхъ ему офицеровъ. Здѣсь, въ этомъ отношеніи, аналогія между церковью и войскомъ прекращается, чтобы уступить мѣсто полной противуположности. Въ то время, какъ въ арміи полководецъ лишь въ крайнихъ случаяхъ совѣщается со своими соратниками, въ обыкновенное же время дѣйствуетъ исключительно на свой страхъ и отнюдь не подъ вліяніемъ тѣхъ, въ комъ онъ привыкъ видѣть простыхъ исполнителей, — въ католическомъ станѣ имѣетъ мѣсто явленіе какъ разъ обратное. Политика папы въ значительной степени объясняется и мотивируется дѣятельностью его воинства и въ немъ — болѣе видныхъ личностей; ини-

ціатива здѣсь почти никогда не исходитъ свыше, зато, исходя снизу, она часто впослѣдствіи получаетъ полное одобреніе папы. Явленіе это замѣчено многими наблюдателями, да оно и само бросается въ глаза. „Не можетъ быть ничего ошибочнѣе,—говоритъ Леруа-Болье [2]),—какъ представлять себѣ римскую церковь машиной, всѣ части которой управляются центромъ, единственнымъ двигателемъ... Церковь, самая централизированная изъ всѣхъ, она, быть можетъ, въ то же время больше всѣхъ другихъ оставляетъ широкое поле дѣятельности для частной иниціативы... Римъ не есть двигатель, изъ котораго все исходитъ, это не центръ, къ которому все стекается и который координируетъ всѣ движенія. Римъ, вѣрный старинному римскому духу, не дѣлаетъ часто ничего иного, какъ только кодифицируетъ, обращаетъ въ законы и вводитъ въ ученіе, что̀ придумали, что̀ проповѣдовали, о чемъ мечтали его дѣти, что было испробовано или выработано ими во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта". Въ этихъ словахъ, какъ нельзя лучше попадающихъ въ цѣль, кромѣ выраженія вообще очень знаменательной для католической церкви истины, мы видимъ, еще косвенное оправданіе всей нашей работы, нашего особеннаго вниманія къ ученію французскихъ соціальныхъ католиковъ,—къ ученію, которое, сегодня будучи удѣломъ одной группы или одного журнала, завтра можетъ сдѣлаться убѣжденіемъ самого папы и войти, какъ одинъ изъ символовъ вѣры, въ непререкаемую католическую догму.

Однако сравненіе, вѣрное въ одномъ отношеніи, но невѣрное въ другомъ, оказывается вѣрнымъ въ третьемъ отношеніи. Католическая церковь — это дѣйствительно воинствующая армія: у нея есть цѣль, во имя которой она сражается, у нея есть противники, съ которыми ей приходится бороться. Противниками католической церкви являются не только отдѣльные люди, не только отдѣльныя партіи, но еще извѣстные убѣжденія, взгляды и идеалы людей, извѣстные ихъ предразсудки, а подчасъ и самое отсутствіе предразсудковъ. Извѣстно, что въ борьбѣ характеръ оружія обусловливается въ значительной степени силой противника. Вотъ откуда, мы думаемъ, можно объяснить различное отношеніе къ соціальнымъ вопросамъ со стороны католической и со стороны протестантской церкви: враги той и другой обладаютъ различною силой и протестантскому духовенству не приходится еще выдвигать тѣхъ тяжеловѣсныхъ и не вполнѣ безопасныхъ артиллерійскихъ орудій, которыя сдѣлались уже неизбѣжными для его католическихъ собратій. Мы упоминали выше о трудахъ „протестантскаго общества для занятія со-

ціальнымъ вопросомъ", вице-президентомъ котораго и его душою является довольно извѣстный экономистъ Жидъ, а членами — почти исключительно протестантскіе пасторы. Чтобы характеризовать отношенія протестантовъ къ рабочему вопросу, надо прибавить, что въ нѣсколькихъ швейцарскихъ университетахъ (въ лозаннскомъ, напримѣръ) ежегодно пишется на теологическомъ факультетѣ нѣсколько диссертацій на тему объ отношеніяхъ христіанства къ соціализму, что въ отдѣльныхъ случаяхъ (напр., въ Англіи) протестантское духовенство выражаетъ на дѣлѣ свою солидарность съ рабочимъ людомъ, что въ Германіи существуетъ цѣлая партія соціальныхъ протестантовъ, руководимая Штёккеромъ и, кстати сказать, насквозь проникнутая идеями антисемитизма, — но вотъ и все: тщетно было бы искать въ протестантскомъ мірѣ того широкаго соціальнаго движенія, которое охватило собою въ послѣднее время католическое духовенство стараго и новаго свѣта и проявилось, какъ на періодическихъ съѣздахъ католиковъ, гдѣ ставятся и разрѣшаются вопросы соціальнаго характера, такъ и въ обширной литературѣ, дань которой отдали многіе архіепископы и, наконецъ, самъ Папа своею энцикликою. Ничего подобнаго не замѣчаемъ мы среди протестантскаго духовенства, хотя въ протестантскихъ странахъ, какъ всѣмъ извѣстно, соціальный вопросъ поставленъ жизнью не менѣе рѣзко.

Чѣмъ объяснить это явленіе? Итальянскій изслѣдователь Нитти думаетъ объяснить его одними экономическими причинами. Католическое духовенство,—говоритъ онъ,—живетъ подаяніями своихъ прихожанъ, ему нужно поэтому изъ чисто матерьяльныхъ соображеній быть въ союзѣ съ народомъ, своимъ главнымъ данникомъ; вотъ почему католики и занялись такъ энергично соціальнымъ вопросомъ нашего времени. Протестантское же духовенство, напротивъ, поддерживаемое и оплачиваемое государствомъ, имѣетъ постоянную тенденцію брать сторону правительства и руководящихъ круговъ противъ народа; ему нѣтъ дѣла до соціальнаго бѣдствія, лишь бы правительство было прочно благосклонно къ нему [3]). Не отрицая всего остроумія подобнаго соображенія, мы думаемъ однако, что оно одно далеко не достаточно для объясненія дѣла. Въ сущности дѣло не столько въ положеніи самого духовенства, сколько въ той роли, какую религія вообще играетъ въ государствѣ, и въ тѣхъ чувствахъ, которыя она вызываетъ къ себѣ со стороны большинства населенія. Реформированная церковь, созданная сама религіозной революціей, въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи была гораздо счастливѣе

католической. Ей не пришлось переживать моментовъ полнаго освобожденія умовъ отъ всякаго духовнаго авторитета, ей не пришлось встрѣчать противъ себя въ литературѣ систематической организованной войны, ей—это самое важное—посчастливилось не навлекать шутокъ и смѣха, опаснѣйшаго оружія скептицизма, которое, даже не побѣдивъ, такъ компрометтируетъ дѣло, что сами его партизаны открещиваются отъ всякой солидарности съ нимъ, а большинство, средніе люди, толпа погружаются въ въ удобнѣйшее состояніе индифферентизма. Все это однако въ извѣстное время было удѣломъ католической церкви. Ей пришлось пережить или перетерпѣть деизмъ, скептицизмъ и атеизмъ XVIII вѣка, причемъ, конечно, насмѣшки такого деиста, какъ Вольтеръ, были для нея опаснѣе всѣхъ атеистическихъ системъ Гольбаха и Гельвеція, всѣхъ „словарей" Сильвана Марешаля; ей пришлось видѣть дальше, какъ въ ея храмахъ богинямъ разума воздавались величайшія почести освободившимся народомъ, а революціонные ораторы предавали анаѳемѣ ея святыхъ [4]); ей пришлось наконецъ, послѣ непродолжительнаго періода торжества, когда ее чествовали лишь par dépit къ революціи, перейти въ третью стадію — равнодушія, пренебреженія и многихъ законодательныхъ стѣсненій.

У католицизма во Франціи отняли школы, этотъ великій рычагъ всяческой пропаганды; аристократія, по-скольку она еще сохранилась, будируетъ теперь противъ религіи и даже повторяетъ старыя шутки Вольтера; буржуазія придерживается ея точно лишь для приличія, а больше всего для примѣра народу, который долженъ же знать, что есть на свѣтѣ узда посильнѣе правительства, составляющагося всеобщимъ голосованіемъ; а народъ, наконецъ, народъ... вотъ что̀ говорятъ о немъ сами поборники католическаго дѣла. „Церковь,—пишетъ одинъ изъ нихъ, — не имѣетъ больше власти надъ массами; народъ не знаетъ евангелія, точно оно никогда и не переводилось съ греческаго языка на французскій". При такихъ условіяхъ какъ же не подумать католической церкви объ усиленной пропагандѣ, какъ не воспользоваться всякимъ новымъ оружіемъ, способнымъ отвоевать ей въ будущемъ болѣе почетное мѣсто? Пропаганда религіи въ народѣ, союзъ съ рабочими въ ихъ борьбѣ съ представителями капитала—является такимъ новымъ, еще неиспробованнымъ оружіемъ, взяться за которое уже давно побуждаютъ церковь ея искренніе ревнители (аб. Ламенэ и др.). И вотъ, наконецъ, католическая церковь вступаетъ на этотъ путь, но какъ? не смѣло, съ оглядками, непрерывно толкуя о традиціяхъ, откре-

щиваясь отъ всякой солидарности съ болѣе крайними и притомъ нерѣдко преслѣдуемыми защитниками народныхъ интересовъ. Мы — съ народомъ, заявляютъ ея руководители, но мы не хотимъ знать его друзей... Какъ бы ни былъ несмѣлъ первый шагъ католическаго духовенства на этомъ новомъ пути, онъ громаденъ, плоды его уже теперь начинаютъ отчасти сказываться, а какъ они еще могутъ сказаться въ будущемъ!..

„Кажется,—говоритъ Леруа-Болье,—будто мы присутствуемъ при возвращеніи на арену дѣятельности одного изъ великихъ актеровъ исторіи" (дѣло идетъ о папствѣ). „Въ наши дни,—говоритъ Лавелэ,—католицизмъ болѣе живучъ, болѣе дѣятеленъ, болѣе могуществен, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ". Спюллеръ, отмѣчая политическую и соціальную эволюцію католической церкви въ послѣдніе годы, выражаетъ ту мысль, что никогда еще „теократія не имѣла болѣе шансовъ на успѣхъ, какъ въ наше переходное время". Мельхіоръ де-Вогюэ, обозрѣвая пятнадцатилѣтній періодъ руководительства Львомъ XIII католической церкви, отмѣчаетъ тотъ поразительный прогрессъ его вліянія и силы, который создалъ папѣ уваженіе всѣхъ правительствъ и совершенно исключительное мѣсто среди руководителей народовъ [5]). Но что для насъ значатъ всѣ эти свидѣтельства въ виду того, которое даетъ массовое паломничество нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ въ Римъ,—паломничества, прекратившагося лишь послѣ безтактной выходки одного изъ паломниковъ противъ итальянскаго короля и послѣ вызваннаго этимъ поступкомъ формальнаго запрета со стороны французскаго правительства. Каковы бы ни были внѣшнія условія этого паломничества, каково бы ни было тутъ давленіе французскаго духовенства (въ особенности усилія, употреблявшіяся епископомъ Ланженье), фактъ остается фактомъ и неожиданное пробужденіе религіознаго чувства среди извѣстной части французскихъ рабочихъ не можетъ подлежать сомнѣнію. Не подлежитъ сомнѣнію и то, что пріемъ, оказанный рабочимъ въ Римѣ, могъ развѣ только усилить ихъ католическую ревность; „рабочіе были приняты папою въ Ватиканѣ,—пишетъ одинъ итальянскій клерикальный журналъ,—какъ нѣкогда принимались здѣсь только монархи [6])". А парламентская дѣятельность де-Мёна и его друзей, устная пропаганда среди рабочихъ и развитіе въ литературѣ соціально-католическаго ученія могли лишь распространить то же чувство католической ревности и преданности римскому престолу и въ другихъ группахъ рабочаго населенія. Послѣдніе политическіе успѣхи католиковъ въ Швейцаріи и Бѣльгіи свидѣтельствуютъ

что католическая пропаганда въ народѣ ведется въ разнымъ странахъ все съ возрастающимъ успѣхомъ.

Мы полагаемъ поэтому, что католики не обманываются и не обманываютъ другихъ, говоря о своихъ побѣдахъ и о постепенномъ торжествѣ своего дѣла. Не обманываются ли только они, торжествуя заранѣе свою полную побѣду въ будущемъ? Въ заключеніе своей книги Леонъ Грегуаръ чертитъ схему трехъ стадій развитія, которыя, по его мнѣнію, должна неизбѣжно пройти католическая церковь. Вотъ что̀ оказывается: первая стадія—разрывъ съ денежной буржуазіей; вторая—присоединеніе къ церкви рабочаго населенія и затѣмъ вообще всего народа; третья и послѣдняя стадія — полное торжество католицизма послѣ низверженія буржуазнаго строя. Первая стадія дѣйствительно почти пройдена,—мы можемъ о ней узнать кое-что изъ сочиненій либеральныхъ экономистовъ, такихъ, какъ Поль Леруа-Болье; вторая стадія едва начинается,—мы видимъ тому нѣкоторые признаки, увидимъ можетъ быть еще и другіе; но наступитъ ли третья? Въ этомъ позволительно усумниться.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I. 1) Souvenirs d'Alexis de Toqueville, стр. 115. 2) Оно, какъ извѣстно, оспаривалось даже нѣкоторыми представителями католической церкви. Вотъ, напр., что̀ говоритъ извѣстный борецъ за католическое дѣло Louis Veuillot: „Cherchez tant qu'il vous plaira, vous ne trouverez pas au droit de propriété d'autre fondement solide que l'article de la loi divine par lequel il est defendu de prendre le bien d'autrui. Pour croire à la propriété quand on ne croit pas en Dieu, il faut être propriétaire“, Joly, „Le socialisme chrétien“, 225 — 226. 3) Мысль, повторявшаяся и Ламеннэ, и Ис. Перейрой, и аббатомъ Констаномъ, и Шантомомъ, и другими католиками 40-хъ годовъ. 4) Впрочемъ Леруа-Больё не безъ основанія замѣчаетъ, что французскій оффиціальный переводъ нѣсколько усиливаетъ смыслъ латинскаго подлинника, переводя словомъ „providence“ стоящее тамъ выраженіе—„cura providentiaque“. „La papauté, le socialisme et la démocratie“, 121. 5) Позволимъ себѣ замѣтить, что до послѣдняго времени католическая церковь являлась лучшимъ оплотомъ этихъ „предразсудковъ и страстей“. 6) См. „Die christliche Kirche und der Socialismus. Eine social-democratische Antwort auf die Encyklika Leo XIII“, von Kurt Falk, выводъ на стр. 40. Книга не лишена однако нѣкоторыхъ справедливыхъ замѣчаній и вѣрныхъ соображеній и вообще заслуживаетъ прочтенія для ознакомленія со взглядомъ враждебной церкви стороны. Противоположнаго характера комментаріемъ является книга Паскаля: „L'église et la question sociale“. Здѣсь авторъ придаетъ словамъ энциклики черезчуръ далекій и растяжимый смыслъ. Третью крайность представляетъ сочиненіе Maumus („L'église et la démocratie“),

автора, безусловно преданнаго папѣ, но не пожелавшаго отвлечься отъ буквы энциклики и отъ отдѣльныхъ ея выраженій.

II. 1) Discours du comte Albert de Mun. V. I. Questions sociales, 1888, стр. 959. 2) Instruction sur l'oeuvre: Bases de l'oeuvre, 1887, art. VI. 3) Discours du comte de Mun, loco cit, 24—26. 4) Instruction sur l'oeuvre, стр. 17. 5) Discours, стр. 122. 6) Грегуаръ („Le pape, les catholiques et la question sociale", 1893, стр. 134) называетъ ихъ учрежденіями „благотворительными и благочестивыми", но неспособными „ни предупредить нищету, ни уничтожить ея". Упадокъ кружковъ можно видѣть лучше всего изъ отчета объ ихъ дѣятельности за 1891 годъ, напечатаннаго въ „Association Catholique", 1892, апрѣль и іюнь. Особенно наглядымъ становится этотъ упадокъ, если сравнить данный отчетъ съ отчетами 70-хъ годовъ, печатавшимися періодически въ томъ же журналѣ. 7) Discours, стр. 107. 8) ibid., стр. 353. 9) ibid., стр. 102 и слѣд., а также стр. 369. 10) См. книгу аббата Феша, стр. 61, 24 и всю главу VI, стр. 110—138. 11) См. коллективный трудъ: „Régime du travail", 1883, стр. 68—70, Discours, стр. 301, 343, Grégoire, op. cit., стр. 144—145. 12) См. Travaux de la deuxième assemblée générale de l'association protestante pour l'étude pratique des questions sociales. Lyon. 11, 12, 13. Nov. 1889, въ особенности Rapport de M. de Boyve sur la Coopération au point de vue chrétien. Трудъ этотъ вмѣстѣ съ трудами 3-го такого же конгресса 14, 15 и 16 іюля 1890 г. заслуживаетъ вообще большого вниманія. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ поучительныхъ мыслей, которыя мы находимъ въ такомъ изобиліи въ этихъ двухъ любопытныхъ отчетахъ. „Tout chrétien doit étudier la question sociale, parce qu'elle n'est, au fond, qu'un aspect de la question du péché" (163). „Nous, chrétiens, nous, pasteurs, nous avons le droit et le devoir de poursuivre la réalisation du rêve des socialistes, ou ce qui revient singulièrement au même, la réalisation du royaume des cieux. L'idée de ce royaume que le Christ est venu fonder implique la solution sociale" (166). „L'individualisme chrétien doit à cette heure se doubler, se fortifier de tout ce qu'il y a de bon dans le socialisme progressif" (174). Въ протоколахъ третьяго съѣзда весьма интересны слѣдующіе доклады: Шарля Робера объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ и о производительныхъ ассоціаціяхъ, Жюля Зигфрида о рабочихъ помѣщеніяхъ и рѣчь вице-президента собранія, извѣстнаго экономиста Жида на ту же тему (стр. 124—146, 162—171, 155—161). 13) См. его книгу, стр. 52—56. 14) Однако, если мы даже согласимся съ авторомъ, что именно оппозиція революціи и либерализму привела католиковъ къ соединенію съ народомъ, то и тогда нельзя не видѣть изъ приведеннаго отрывка, что сначала-то у нихъ было только одно (оппозиція либерализму) и только позднѣе присоединилось другое, чего раньше не было (союзъ съ народомъ). Замѣтимъ хорошенько это драгоцѣнное признаніе, нѣсколько противорѣчащее завѣреніямъ другихъ католиковъ.

III. 1) Discours, стр. 264—265, 374—375, 415—416. 2) ibid, 521. 3) „Association Catholique", 1892, № 2, стр. 149—150. 4) Ср. Discours стр. 36 со стр. 298 и съ „Ass. Cath.", 1889, іюль, стр. 10. 5) Discours, стр. 251—253, „Ass. Cath.", 1892, сент., 278—279, 1891, февраль, 131—153, мартъ и іюнь: статья „La dépopulation de la France. Les causes sociales". 6) Discours, 298 и слѣд., 44—45, 102, 266, а также „Ass. Cath.", 1892, февр., 152. 7) См. еще „Ass. Cath.", 1886, I, статья „La liberté du taux de l'intérêt", стр. 20 и слѣд.; 1889, томъ XXVIII, № 1: „Compte rendu sommaire et texte des voeux de l'assemblée générale", № 2: „Coup d'oeil d'ensemble sur l'assemblée générale". 8) „Ass. Cath.", 1889, мартъ, стр. 278—279. 9) „Régime du travail", стр. 21. 10) ibid., 26, 50 и слѣд.

Для дальнѣйшаго см. Discours, стр. 299—300, „Ass. Cath.", 1886, янв., стр. 13. Въ томъ же номерѣ нѣсколько дальше и уже въ другой статьѣ (Сегюръ-Ламуаньона) ученіе либеральныхъ экономистовъ названо „антихристіанской и антисоціальной ересью", а сами они людьми, которые имѣютъ „l'intuition du faux, l'instinct de tout ce qui est mauvais". Любопытно, что Левъ XIII, будучи еще кардиналомъ, самъ осудилъ фритрэдеровъ въ своемъ пасторскомъ посланіи 1877 г., говоря о современныхъ школахъ въ политической экономіи, которыя „разсматриваютъ трудъ какъ послѣдній конецъ человѣка (la fin suprême de l'homme) и не видятъ въ немъ ничего иного, какъ болѣе или менѣе дорогую машину". Молинари, вообще очень довольный этимъ посланіемъ, въ своемъ комментаріи къ нему пропускаетъ приведенную фразу мимо ушей, какъ-будто она и не касается его и его собратій. См. „Le pape Léon XIII — économiste" par Molinari, „Journal des économistes", 1878, № 3, стр. 428 и слѣд. Объ экономическихъ и соціальныхъ идеяхъ Льва XIII см. еще „L'église et la question sociale" Паскаля, стр. 51, и редакціонную статью въ „Ass. Cath.", 1890, мартъ, „Les réformes sociales et Léon XIII". 11) Ср. „Ass. Cath.", 1888, I, с. 173. О соціализмѣ см. Discours, 370—371, и „Ass. Cath.", 1886, I, 244; о коммунизмѣ „Ass. Cath.", 1886, іюль и августъ, статью Рокфейля. 12) „Régime du travail", докладъ графа де-Брэда, 62 и слѣд. 13) Въ февральской книжкѣ „Ass. Cath." за 1886 г. мы читаемъ въ статьѣ Лёсевича: „Воображаемая продуктивность капитала, величайшая несправедливость языческихъ обществъ и конечная причина всѣхъ соціальныхъ страданій, — ничто иное, какъ слово выраженіе выдуманное, чтобъ скрыть реальный фактъ: присвоеніе продуктовъ труда тѣмъ, кто владѣетъ орудіями". Авторъ выражаетъ желаніе, чтобы продуктъ труда поступалъ полностью въ руки рабочаго. Въ особомъ письмѣ къ редактору „Ass. Cath." де-Мёнъ протестовалъ противъ взглядовъ Лёсевича, какъ несогласныхъ съ ученіемъ церкви, и напоминалъ руководителямъ журнала ихъ обязанность быть выразителями взглядовъ католическихъ кружковъ. Непосредственнымъ результатомъ письма де-Мёна явилось оставленіе журнала Лёсевичемъ, но его дальнѣйшимъ результатомъ было обособленіе „Ass. Cath." отъ католическихъ кружковъ, стѣснявшихъ ее своей цензурою. 14) „Ass. Cath.", 1892, февр.; см. того же года № 3, стр. 283—284, 288—290. Для послѣдующаго ср. такія два утвержденія: „Le prix se base en partie seulement sur les qualités intrensèques de la chose, desquelles dépend souvent son utilité; il se base en plus grande partie sur des circonstances extérieures, il dépend surtout de l'estimation générale, de l'offre et de la demande, de la rareté des choses, du frais et du mode de vente" (Коста-Розетти, „Ass. Cath.", 1892, іюль, стр. 31). Съ другой стороны слѣдующее опредѣленіе: „L'utilité est la condition de la valeur, elle n'en est pas la mesure. La chose utile ne tire pas sa valeur du degré d'utilité; elle la reçoit du travail, entendu dans le sens le plus large" (де-Паскаль, 1892, сент., стр. 291). 15) Паскаль, „L'eglise et la question sociale", стр. 51. 16) Grégoire, op. cit., 122—125, 168—170, 178. 17) Паскаль, op. cit., 68—70; „Régime du travail", 68—70, 420—421, 423—444. „Ass. Cath." 1892, II, стр. 20; Grégoire, op. cit. 136—140; Discours, 512—513, 172—173, 372—373. На почвѣ профессіональнаго группированія католики разсчитываютъ произвести реформу и современнаго избирательнаго права, которое тогда сдѣлаетъ возможнымъ представительство дѣйствительно различныхъ интересовъ а не различныхъ людей въ случайныхъ сочетаніяхъ. См. на этотъ счетъ весьма замѣчательную статью Анри Лорэна: „Ass. Cath.", 1892, іюль. 18) См. его рѣчи по этому поводу въ „Ass. Cath.", 1889, I, стр. 212, 1890, II, стр.

98—138. 19) Паскаль, op. cit., 48. Grégoire, op. cit., 76—81, 198, Discours, 423, 418—419. Согласно своему обыкновенію опираться во всѣхъ случаяхъ на признанные религіозные авторитеты послѣдователи де-Мёна и для обоснованія своихъ требованій государственнаго вмѣшательства обратились къ сочиненіямъ древнихъ богослововъ. См. „Ass. Cath.“, 1891, декабрь, и 1892, февраль, статью Гамона: „Excursion à travers St. Tomas, Suarez etc.“. Объ интернаціональномъ рабочемъ соглашеніи см. „Ass. Cath.“, 1889, I, 216, II, 228. 20) Впервые такое бюро учреждено было въ Швейцаріи, но только его роль тамъ гораздо шире: сдѣлавшись учрежденіемъ оффиціальнымъ, швейцарское бюро слѣдитъ за примѣненіемъ на практикѣ фабричнаго законодательства, доводитъ до свѣдѣнія правительства о нуждахъ рабочаго населенія и беретъ на себя иниціативу въ представленіи проектовъ новыхъ рабочихъ законовъ. 21) Grégoire, op. cit., 117. 22) Discours, 465.

IV (Заключеніе): 1) Леруа-Больё, op. cit., 15—17; см. также „L'évolution politique et sociale de l'église“ par Spuller, XVIII — XIX, XXX, 138. 2) Леруа-Больё, op. cit., 42—45. 3) „Il clero cattolico, vivente sulle contribuzioni volontarie dei fideli, ha un interesso diretto a mantenersi devote le classi lavoratrici specialmento da quando, dopo la rivoluzione, le classi borghesi tendono sempre più a staccarsi dalla chiesa. I pastori evangelici, che vivono a carico della stato, devono avere, per colpa appunto della loro posizione ufficiale, una simpatia per le classi dirigenti“. Nitti, Il socialismo cattolico, 2-e ed., 1891, 83—84, 94. 3) См. въ „Историческомъ Обозрѣніи“, томъ VI, нашу статью „Культъ Разума и Верховнаго Существа“. 5) Леруа-Больё, op. cit. стр. 3; „Revue internationale“, 1890, I, 31; Spuller, op. cit., IX, 318—319, его же — „Lamennais“, XVII; Vogüé, „Spectacles contemporains“, стр. 3 и слѣд. 6) Кард. Ланженье выражается даже еще рѣшительнѣе: „Jamais en effet princes ni seigneurs, nobles ni puissants n'ont été comblés d'honneurs plus grands et surtout d'affections plus tendres que ces ouvriers, ces délégués de la vraie démocratie française“. Цитируемъ по книгѣ Спюллера, стр. 168.

Н. Водовозовъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

СОХРАНИЛИ ЛИ СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ ДЛЯ КАЗЕННЫХЪ УПРАВЛЕНІЙ ПОЛИЦЕЙСКІЙ ПОРЯДОКЪ ВЗЫСКАНІЯ?

I.

Не правда ли, нѣсколько странно ставить такой вопросъ черезъ 30 лѣтъ послѣ изданія Судебныхъ Уставовъ? Странно, а между тѣмъ это необходимо. Поводомъ для постановки вопроса служитъ рѣшеніе тифлисскихъ судебныхъ мѣстъ, признавшихъ, что искъ духовной консисторіи о взысканіи арендной платы съ арендатора церковной земли подсуденъ *не суду, а полиціи.* Пораженный этимъ изумительнымъ рѣшеніемъ, я помѣстилъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* замѣтку [1]) по поводу сдѣланнаго въ Тифлисѣ *открытія,* которое поразило нашу юридическую печать столько же (*Судебная Газета, Юридическая Газета*), сколько и меня. Да и было отчего придти въ изумленіе. До помянутаго рѣшенія и въ наукѣ, и въ судебной практикѣ признавалось за юридическую аксіому: 1) что съ отдѣленіемъ, согласно ст. 1 Учр. суд. уст. и ст. 1. Уст. гражд. суд., судебной власти отъ административной и съ полнымъ устраненіемъ полиціи отъ участія въ производствѣ гражданскихъ дѣлъ, всѣ иски, и въ томъ числѣ и иски казенныхъ и административныхъ учрежденій подлежатъ вѣдѣнію суда; и

2) что упоминаемыя въ примѣч. къ 1 ст. Уст. гражд. суд. *безспорныя* требованія имѣютъ въ виду только государственные налоги и сборы, а не требованія административныхъ мѣстъ, вытекающія изъ договоровъ казны съ частными лицами.

---

[1]) 1894 г. №№ 71 и 92.

Среди нашихъ юристовъ было въ этомъ отношеніи, столь рѣдкое вообще между ними, единогласіе: „Безспорными, пишетъ г. Побѣдоносцевъ, почитаются государственныя подати, штрафы и разнаго рода сборы государственные (ст. 102, 152 т. X, ч. 2). Гдѣ присутственное мѣсто или начальственное лицо требуетъ, взыскиваетъ или приказываетъ *по праву власти государственной* и въ *интересѣ государственномъ*, тамъ жалоба на требованія свыше мѣры подлежитъ вѣдѣнію начальства. Но тамъ, гдѣ присутственное мѣсто или чиновное лицо требуетъ, взыскиваетъ или исполняетъ и даетъ, какъ представитель лица юридическаго—казны и казеннаго управленія,—тамъ дѣйствіе выше или ниже мѣры можетъ подлежать разсмотрѣнію суда. Въ первомъ случаѣ требованія проистекаютъ *не изъ сдѣлки*, которая немыслима въ дѣйствіи государственной власти, въ послѣднемъ случаѣ столкновеніе правъ прямо истекаетъ *изъ сдѣлки* или договора объ имуществѣ—между частнымъ лицомъ и представителемъ учрежденія, имѣющаго свое хозяйство“ [2]).

Такого же взгляда держались Малышевъ [3]), Анненковъ [4]).

Взглядъ гражданскаго кассаціоннаго департамента въ общемъ былъ согласенъ съ такимъ направленіемъ, но кассаціонная практика и въ этомъ отношеніи страдала отъ отсутствія столь желательнаго *единства*. Бывали случаи, когда Сенатъ, повидимому не столько по юридическимъ соображеніямъ, сколько житейскимъ, какъ бы смотрѣлъ сквозь пальцы на случаи самовольнаго *осуществленія* административными мѣстами своего гражданскаго права, помимо суда. Если дѣйствія администраціи были въ данномъ случаѣ правильны по существу, Сенатъ, во избѣжаніе всегда непріятной, а порою даже небезопасной коллизіи суда съ администраціею, давалъ ratihabitio ея юридически неправильнымъ дѣйствіямъ, съ явною натяжкою ссылаясь на будто бы не отмѣненныя 102, 104 и др. ст. т. X, ч. 2 старыхъ законовъ о суд. гражд [5]). Но чтобы судъ или Сенатъ по собственной иниціативѣ признавали подсудными не суду, а *полиціи иски*, предъявленные въ окружномъ судѣ, какъ это сдѣлали Тифлисскій окружный судъ и Тифлисская судебная палата — это, сколько мнѣ извѣстно, фактъ небывалый въ судахъ Европейской Россіи, и такое „открытіе“ дѣйствительно сдѣлано тифлисскою магистратурою.

---

[2]) См. его Судебное руководство, 4.

[3]) Курсъ гражд. суд., 2 изд. 1878 г., стр. 28.

[4]) Опытъ комментарія къ Уст. гражд. судопр.

[5]) Таковы рѣш. 1879 г. № 109 и многія другія.

II.

Въ статьѣ [6]) уважаемаго юриста г. Савицкаго мы находимъ и исторію этого открытія. Оказывается, что „открытіе" было сдѣлано собственно не тифлисскими судьями, а однимъ сенатскимъ указомъ, а эти послѣдніе нѣсколько расширили его и безъ того неправильное толкованіе. Происхожденіе и дальнѣйшая судьба этого указа поистинѣ замѣчательны. Онъ состоялся еще въ 1875 г. и хотя былъ напечатанъ въ Собраніи Узаконеній, но не былъ никѣмъ примѣняемъ: словно всѣ сговорились игнорировать его, какъ судебныя мѣста, такъ даже кодификаціонныя установленія, не переносившія его въ новыя изданія Свода Законовъ. Такъ продолжалось до появленія Свода Законовъ изд. 1892 г., гдѣ онъ помѣщенъ въ видѣ примѣчанія 2 къ ст. 445 т. XVI ч. 2 Зак. о суд. гражд.

Содержаніе указа Сената (не обозначено какого департамента, но, очевидно, не кассаціоннаго) таково: по рапорту предсѣдателя департамента удѣловъ Сенатъ разъяснилъ, что и съ введеніемъ въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ старый процессуальный порядокъ, по которому безспорныя взысканія по контрактамъ, заключеннымъ съ казною, взыскиваются наравнѣ съ государственными налогами, остается въ силѣ, а потому предписалъ полицейскимъ управленіямъ исполнять требованія удѣльнаго начальства, возникающія изъ неисполненія подрядчиками договоровъ.

Это сенатское толкованіе, которое признается правильнымъ г. Савицкимъ, на мой взглядъ представляется рѣдкимъ образчикомъ столь опасной interpretationis abrogantis, т.-е. отмѣны или искаженія закона подъ видомъ толкованія.

Замѣчу прежде всего, что, оставаясь даже на почвѣ старыхъ процессуальныхъ законовъ, нельзя оправдать установленіе такого привилегированнаго положенія для удѣльнаго вѣдомства. По ст. 472, 473 тяжбы и иски по дѣламъ удѣльнаго вѣдомства признаются не иначе, какъ тяжбами и исками *частными*, и по правиламъ о „дѣлахъ казны" разбираются только тяжбы о недвижимыхъ имуществахъ удѣльнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, и въ мѣстахъ, гдѣ еще не введены Судебные Уставы, сенатское толкованіе было бы неправильно.

Что же сказать о территоріи, гдѣ дѣйствуютъ Уставы Але-

---

[6]) Журн. С.-Петербург. Юрид. Общ. 1894, № 10.

ксандра II? Тутъ чувствуешь просто embarras de richesse относительно доводовъ, показывающихъ ошибочность сенатской доктрины.

1) Начать съ того, что всѣ процессуальныя правила, изложенныя въ т. X ч 2, считаются отмѣненными въ предѣлахъ дѣйствія Судебныхъ Уставовъ. Это общепризнанное юридическое начало подтверждено вновь ст. 3 Зак. о суд. гражд. изд. 1892 г. Поэтому ссылка Сената на то, что и послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ старый полицейскій безспорный порядокъ взысканія сохранилъ силу, не выдерживаетъ критики.

2) Толкованіе Сената противорѣчитъ § I Основ. Пол. Суд. преобр. 29-го сентября 1862 г. и 1 ст. Уст. гражд. суд. объ отдѣленіи власти судебной отъ исполнительной и административной.

3) По ст. 77 Положенія о введеніи въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ со дня введенія ихъ въ дѣйствіе *никакое* гражданское дѣло не можетъ быть начато ни *въ полиціи*, ни въ прежнихъ судахъ, кромѣ суда коммерческаго.

4) По § 35 правилъ 10-го марта 1869 г. дѣла, начатыя по искамъ и *требованіямъ* казенныхъ вѣдомствъ, возобновляются *въ судебныхъ* установленіяхъ. Такимъ образомъ нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека на возможность сохраненія полицейскаго взысканія послѣ открытія новаго суда. Необходимость прекращенія полицейскаго суда и расправы до такой степени была для всѣхъ очевидна, при введеніи Судебныхъ Уставовъ, что самъ мин. внутр. дѣлъ указывалъ на неизбѣжность закрытія управъ благочинія за неимѣніемъ судебныхъ (т.-е. безспорныхъ) дѣлъ [7].

5) Сенатское толкованіе и его защитники упускаютъ изъ виду, что прим. къ ст. I. Уст. гражд. суд. обусловливаетъ право внѣсудебнаго взысканія двумя признаками: a) присвоеніемъ требованіямъ самимъ закономъ характера безспорности и b) невозможность защищаться противъ него въ состязательномъ порядкѣ. Обоимъ этимъ признакамъ отвѣчаютъ только налоги, но отнюдь не требованія, вытекающія изъ договоровъ, противъ которыхъ частныя лица имѣютъ полное право защищаться въ состязательномъ порядкѣ.

6) Въ частности относительно примѣненія Тифлисскою судебною палатою къ иску Армянской духовной консисторіи къ ея арендатору приведеннаго сенатскаго указа можно сдѣлать слѣдующее возраженіе. Самъ Сенатъ говоритъ только объ арендаторахъ удѣльнаго, но не другихъ вѣдомствъ. Правда, въ со-

---

[7]) См. т. LXVIII Дѣла о преобраз. суд. ч., стр. 53 (по нумераціи Заруднаго 27).

браженіяхъ указа высказаны положенія, одинаково примѣнимыя ко всѣмъ дѣламъ казеннаго управленія, но въ концѣ указа Сенатъ какъ-будто устанавливаетъ спеціальное правило для привилегированнаго вѣдомства. Я бы и не рѣшился сдѣлать это возраженіе, отзывающееся очень несимпатичнымъ для меня буквоѣдствомъ, если бы не подкрѣпляли мой взглядъ другія данныя. Замѣчательно, что ни при общемъ кодификаціонномъ пересмотрѣ 1883 г. ни впослѣдствіи ни у кого не хватило духу ввести въ Судебные Уставы этотъ указъ, столь противорѣчащій и разуму и буквѣ ихъ. Названный сенатскій указъ приводится впервые въ видѣ 2 прим. къ 445 ст. т. XVI, ч. 2 Зак. о взыс. гражд. и здѣсь онъ редактированъ такъ, что онъ примѣнимъ *только* къ контрагентамъ *удѣльнаго вѣдомства*. Встрѣчаются, правда, иногда кодификаціонные недосмотры, искажающіе смыслъ закона. Мы тутъ такого искаженія не видимъ. Но какъ бы ни смотрѣть на редакцію этого примѣчанія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что встрѣченное кодификаціоннымъ отдѣломъ недоумѣніе, какъ видно изъ ссылки подъ примѣчаніемъ, было разрѣшено Высочайше утвержденнымъ въ 1892 г. докладомъ главноуправлявшаго отдѣломъ, дающимъ аутентическое толкованіе по данному вопросу. Въ виду изложеннаго, распространеніе указаннаго примѣчанія на контрагентовъ другого вѣдомства является неправильнымъ.

III.

Вышеуказанныхъ соображеній обычной юридической герменевтики было бы вполнѣ достаточно, чтобы доказать ошибочность случайно высказаннаго взгляда Сената, давно всѣми забытаго или игнорируемаго и такъ не кстати реставрированнаго тифлисскими юристами. Но когда рѣчь идетъ объ институтахъ, созданныхъ или упраздненныхъ Судебными Уставами, то помимо общихъ правилъ толкованія закона существуетъ одинъ спеціальный, дающій возможность прослѣдить всѣ стадіи развитія даннаго института и уяснить съ наглядностью живой картины ходъ и исходъ законодательнаго творчества, его принципы, цѣль, духъ и тенденцію. Заботами великаго труженика судебной реформы, С. И. Зар催Зарудняго, собраны и въ значительной мѣрѣ опубликованы драгоцѣнные историко-юридическіе матеріалы, легшіе въ основу Судебныхъ Уставовъ. Въ числѣ этихъ матеріаловъ первое мѣсто по своей доступности занимаетъ знаменитое изданіе Судебныхъ Уставовъ „съ разсу-

жденіями, на коихъ они основаны", выпущенное Заруднымъ еще въ 1866 г. и служащее доселѣ настольною книгою для всѣхъ судебныхъ дѣятелей, желающихъ уяснить себѣ истинный смыслъ и духъ той или другой статьи Судебныхъ Уставовъ, если буквальный ихъ смыслъ представляетъ какія-либо сомнѣнія.

Впрочемъ относительно даннаго вопроса—вопроса о порядкѣ предъявленія исковъ казенныхъ управленій къ ихъ контрагентамъ — постановленія Устава гражданскаго судопроизводства отличаются такою идеальною, въ смыслѣ редакціонномъ, ясностью и точностью, что нужно просто удивляться, какъ въ этомъ отношеніи могло возникнуть колебаніе въ судебной практикѣ, даже въ кассаціонной. По ст. 1300 Уст. гражд. суд., названныя дѣла разсматриваются въ *общемъ* порядкѣ, установленномъ для дѣлъ казеннаго управленія, за изъятіями, указанными въ ст. 1301—1309. Въ статьяхъ этихъ говорится лишь о дѣйствіяхъ и жалобахъ частныхъ лицъ, коимъ законъ впервые предоставилъ право иска на казенныя управленія, и нѣтъ ни малѣйшаго указанія объ отступленіи отъ общаго порядка въ томъ случаѣ, когда казенное управленіе предъявляетъ свой искъ на основаніи контракта къ своему контрагенту. Стало-быть тутъ должны примѣняться общія правила, изложенныя въ главѣ первой раздѣла о дѣлахъ казеннаго управленія и, въ частности, въ ст. 1287, по коей *всѣ* иски, предъявляемые казенными управленіями къ частнымъ лицамъ, подлежатъ *вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ* на основаніи общихъ законовъ о подсудности. Такимъ образомъ одно внимательное, безъ лукаваго мудрствованія, чтеніе текста яснаго закона приводило бы къ безошибочному установленію смысла закона, если бы наши судебныя мѣста не платили иной разъ дань, по соображеніямъ оппортюнизма, вѣяніямъ духа времени, а также тому нездоровому юридическому крючкотворству, которое отмѣчено было еще въ 60-хъ годахъ въ кассаціонной практикѣ знаменитымъ Оршанскимъ и которое покойный Унковскій мѣтко охарактеризовалъ словами „безкорыстное кляузничество" [8]).

Но если бы отъ чтенія текста закона перешли къ тѣмъ „разсужденіямъ", кои приведены въ вышеупомянутомъ Зарудницкомъ изданіи Уставовъ, то выяснилось бы, какъ и почему еще Основными Положеніями 29-го сентября 1862 г. судебная власть *совершенно* отдѣлена отъ исполнительной, т.-е. полицейской, по всѣмъ, безъ изъятія, гражданскимъ дѣламъ, въ томъ числѣ и безспорнымъ (ст. 1 Осн. Пол. суд. и ст. 10 Осн. Пол. гражд. суд.).

---

[8]) См. очеркъ мой „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ", глава XI.

Достаточно бы только вникнуть въ смыслъ предисловія къ Уст. гражд. суд. и комментарія, приведеннаго подъ ст. 1 — 3 Уст. гражд. суд., чтобы понять, что тамъ, гдѣ дѣйствуютъ Судебные Уставы, безусловно уничтоженъ старый полицейскій (исполнительный) порядокъ взысканія по безспорнымъ дѣламъ гражданскимъ какъ между частными лицами, такъ и между казною и частными лицами, и *всѣ* безъ изъятія гражданскія дѣла начинаются въ судебныхъ мѣстахъ. Можно бы предложить большую премію тому, кто во всемъ Уст. гражд. суд. найдетъ хоть маленькій намекъ на то, что гдѣ-нибудь и по какому-нибудь гражданскому дѣлу полиціи предоставлено право принимать иски. Устраненіе полиціи отъ гражданскихъ дѣлъ до такой степени ясно и очевидно для всѣхъ, что полиція, которая никогда не отличалась особою страстью замыкать предѣлы своего вѣдомства, ни разу не позволила себѣ въ теченіе почти 30-ти лѣтъ стремленія къ такому явному превышенію власти.

IV.

Если отъ помянутаго изданія Судебныхъ Уставовъ съ разсужденіями перейти къ подлиннымъ матеріаламъ *Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи*, собраннымъ и разсортированнымъ трудами того же С. И. Заруднаго [9]), то указанное выше заключеніе найдетъ новое и блистательное подтвержденіе, опровергающее странный до невѣроятія взглядъ о сохраненіи и послѣ судебной реформы для дѣлъ казны полицейскаго порядка взысканія.

Въ т. XIX названнаго Дѣла мы находимъ журналъ Государственнаго Совѣта за № 65, изъ котораго явствуетъ, что никто, рѣшительно никто, не исключая даже архиконсерватора министра юстиціи, гр. В. Н. Панина, не высказался за сохраненіе для дѣлъ казеннаго управленія существовавшаго въ то время (ст. 102—105 т. X. ч. 2) полицейскаго порядка, по которому требованія казенныхъ управленій, основанныя на договорахъ ихъ съ частными лицами, взыскивались такимъ же способомъ, какъ и государственные налоги, т. е. помимо суда и въ безспорномъ порядкѣ. Сохраненіе этого порядка признано было невозможнымъ въ виду полнаго отстраненія полиціи отъ судебной функціи, даже по дѣламъ о нарушеніи владѣнія казны, гдѣ, какъ извѣстно,

---

[9]) См. очеркъ мой: „С. И. Зарудный и судебная реформа“, глава VIII.

собственно нѣтъ и разбирательства о правѣ, и даже эти дѣла переданы въ судъ [10]). Согласно такому воззрѣнію, было формулировано въ Основныхъ Положеніяхъ въ § 93 коренное правило, по коему „дѣла *спорныя*, сопряженныя съ интересомъ казны или удѣльнаго и придворнаго вѣдомствъ, должны быть начинаемы въ *судебныхъ* мѣстахъ на общемъ основаніи".

Когда комиссія В. П. Буткова приступила къ составленію проекта Устава гражд. суд., то ей пришлось какъ-разъ столкнуться съ тѣмъ самымъ вопросомъ, который возникъ въ тифлисскихъ судебныхъ мѣстахъ. Одинъ изъ членовъ комиссіи (Тизенгаузенъ), не принимавшій участія въ составленіи Основныхъ Положеній, ссылаясь на употребленное въ вышеуказанномъ § 93 выраженіе „спорныя дѣла", сталъ утверждать, что подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть только тяжбы о недвижимыхъ имуществахъ, и что споры „по обязательствамъ и договорамъ, заключеннымъ частными лицами съ казною, должны разбираться не на судѣ, а въ административномъ порядкѣ, какъ это постановлено въ ст. 102—105, 118—137 и др. т. X. ч. 2". Но противъ этого, явно противнаго основнымъ началамъ судебной реформы, возстали какъ одинъ человѣкъ остальные 36 членовъ комиссіи (Боршевскій, Бреверпъ, Буцковскій, Бычковъ, Вельдбрехтъ, Вилинбаховъ, Вицынъ, кн. Волконскій, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Калачовъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Матюнинъ, Мотовиловъ, Остряковъ, Пановъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Рѣпинскій, Самарскій-Быховецъ, Тюринъ, Утинъ, Фришъ, Шечковъ, Шубинъ, Шульцъ). Они признали, что вѣдѣнію суда подлежатъ *всѣ дѣла* казны съ частными лицами. Въ частности относительно арендныхъ контрактовъ въ объяснительной запискѣ говорится, что дѣла, возникающія изъ нихъ „не только по объявленіи окончательнаго расчета, но *и во время исполненія* договоровъ, должны разбираться *судебнымъ* порядкомъ, такъ какъ ни въ чемъ не отличаются по свойству своему отъ прочихъ спорныхъ *гражданскихъ* дѣлъ" [11]). Въ этомъ смыслѣ редактирована была ст. 29 проекта, цѣликомъ перешедшая въ ст. 1300 Уст. гражд. суд.

Любопытно, что въ замѣчаніяхъ, представленныхъ на проектъ, ни одинъ изъ министровъ не поддержалъ взгляда, высказаннаго Тизенгаузеномъ, и всѣ безъ исключенія считали, что всѣ иски

---

[10]) См. стр. 116 назв. журнала.

[11]) См. т. LVII назв. Дѣла, Объяснит. Записка, стр. 21, 23, 24.

казенныхъ управленій, а въ томъ числѣ и вытекающіе изъ арендныхъ договоровъ, должны направляться въ судъ, а не въ полицію. Присоединяясь къ мнѣнію, высказанному почти единогласно членами комиссіи, министръ юстиціи Д. Н. Замятнинъ въ своихъ замѣчаніяхъ между прочимъ писалъ: „Изъятіе этихъ дѣлъ (о подрядѣ, поставкѣ и арендномъ содержаніи оброчныхъ статей) изъ вѣдомства судебной власти, по дѣйствующему нынѣ порядку, основывается на ст. 104 т. X. ч. 2, по силѣ которой всѣ спорныя дѣла, возникающія изъ договоровъ и обязательствъ, частными лицами съ казною заключаемыхъ, подобно дѣламъ, возникающимъ при взысканіи государственныхъ податей и пошлинъ (ст. 102 и 105 т. X ч. 2), признаются безспорными и вѣдаются самими административными властями. Но нельзя не замѣтить, продолжаетъ Замятнинъ, что спорность или безспорность дѣла зависитъ вовсе не отъ того, возникло ли оно изъ договора, заключеннаго частнымъ лицомъ съ казною, или изъ завладѣнія недвижимымъ имуществомъ, или изъ какихъ-либо другихъ отношеній частныхъ лицъ съ казеннымъ управленіемъ, но отъ сущности происшедшаго изъ этихъ отношеній или договоровъ столкновенія“. Въ виду этого Замятнинъ полагалъ необходимымъ, согласно мнѣнію комиссіи, „подчинить всѣ спорныя дѣла между частными лицами и казною вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ [12]).

При разсмотрѣніи проекта въ соединенныхъ департаментахъ Государственнаго Совѣта, онъ, исходя изъ основного положенія объ отдѣленіи власти судебной отъ административной, утвердилъ проектъ безъ измѣненія [13]).

Отмѣтимъ еще, что въ комиссіи возникъ вопросъ объ установленіи особаго порядка взысканія по безспорнымъ актамъ, (на подобіе нынѣшняго „упрощеннаго“) или стараго полицейскаго. Но само собою разумѣется, что всѣ эти дѣла предполагалось изъять изъ вѣдѣнія полиціи, какъ это предписывалось ст. 10 Осн. Полож. гражд. судопр., и передать мировымъ судьямъ. Но большинство членовъ комиссіи не одобрило этого предположенія и самый терминъ „безспорныхъ“ дѣлъ былъ исключенъ изъ нашего процесса. Государственный Совѣтъ и въ этомъ пунктѣ согласился съ большинствомъ комиссіи [14]), и такимъ образомъ всѣ гражданскія дѣла въ принципѣ были признаны спорными (ст. 1 Уст. гражд. суд.).

---

[12]) См. т. LIX назв. Дѣла, стр. 258. Замѣчанія министра юстиціи.

[13]) См. т. LX назв. Дѣла. Журн. Госуд. Совѣта № 44, стр. 112.

[14]) См. тамъ же стр. 89—91.

Изъ приведенныхъ справокъ ясно видно, что порядокъ, введенный Судебными Уставами для дѣлъ казенныхъ управленій съ частными лицами, всецѣло передавалъ всѣ дѣла въ вѣдѣніе суда и исключалъ возможность вмѣшательства полиціи для взысканія съ контрагентовъ казны требуемыхъ ею суммъ. Это до такой степени очевидно, что едва ли я былъ не вправѣ, когда писалъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ газетнаго извѣстія о непостижимомъ опредѣленіи тифлисскихъ судебныхъ мѣстъ, слѣдующія строки: „До сихъ поръ и на Кавказѣ и во всей Россіи считалось за общепризнанную юридическую аксіому, что съ введеніемъ Судебныхъ Уставовъ полиція совершенно отстранена отъ разсмотрѣнія гражданскихъ дѣлъ и только теперь Тифлисская палата открыла всѣмъ глаза и рѣшила, что духовныя консисторіи должны предъявлять свои требованія о взысканіи денегъ съ арендаторовъ не въ судъ, а въ полицію... Кто бы могъ повѣрить, что спустя 28 лѣтъ послѣ введенія Судебныхъ Уставовъ найдутся судьи, могущіе впасть въ невѣроятную ошибку?“ Смѣю думать, что все вышеизложенное можетъ служить достаточнымъ обоснованіемъ этого, можетъ быть, рѣзкаго, но едва ли несправедливаго замѣчанія.

Остается мнѣ только повторить пожеланіе, чтобы на такое извращеніе смысла закона обращено было вниманіе высшей кассаціонной инстанціи, на обязанности коей лежитъ устраненіе допущенныхъ въ судебной практикѣ неправильныхъ толкованій закона.

Не могу не коснуться еще двухъ замѣчаній г. Савицкаго. Онъ полагаетъ, что вышеприведенному сенатскому толкованію „болѣе приличное“ мѣсто въ видѣ примѣч. къ 1300 ст. Уст. гражд. суд. Напротивъ, трудно бы представить себѣ болѣе несовмѣстимое сосѣдство! Во всемъ Уст. гражд. суд. нѣтъ статьи, которая самомалѣйшимъ образомъ намекала бы на право полиціи вмѣшиваться въ гражданскія дѣла, и вѣроятно это соображеніе остановило руку кодификаторовъ, которые, не будучи въ силахъ игнорировать странный сенатскій указъ, не имѣли духа внести въ кодификаціонномъ порядкѣ въ Судебные Уставы идущую въ разрѣзъ кореннымъ основамъ судебной реформы реставрацію стараго и, казалось, навсегда погребеннаго полицейскаго порядка взысканій по гражданскимъ дѣламъ.

Г. Савицкій, ссылаясь на введенные въ послѣднее время „прогрессивные“ институты понудительнаго исполненія по актамъ и упрощеннаго порядка, старается этимъ показать, что въ усвоенной тифлисскими судьями практикѣ ничего нѣтъ регрессив-

наго или несогласнаго съ духомъ судебной реформы. Но почтенный юристъ при этомъ забываетъ, что при введеніи названныхъ институтовъ никому не могло и придти въ голову возлагать обязанности суда на полицію, некомпетентность коей по судебнымъ дѣламъ окончательно и, нужно надѣяться, безповоротно признана русскимъ законодательствомъ. Рѣшительно ничего нельзя было бы возразить, если бы казеннымъ управленіямъ также предоставлено было особымъ закономъ право понудительнаго исполненія по отношеніямъ, но, во-1-хъ, это вопросъ de lege ferenda, а во-2-хъ, конечно, и тутъ не могло быть и рѣчи объ участіи въ дѣлѣ полиціи, а слѣдовало бы обращаться въ суды за полученіемъ исполнительнаго листа и направлять исполненіе въ порядкѣ, установленномъ Уст. гражд. суд.

Словомъ, какъ ни смотрѣть на практику тифлисскихъ судебныхъ мѣстъ, ни съ какой стороны она не можетъ быть одобрена: она представляется столько же непонятною съ точки зрѣнія дѣйствующихъ Судебныхъ Уставовъ Александра II, сколько нежелательною съ точки зрѣнія de lege ferenda.

Гр. Джаншіевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПОПЕЧЕНІЕ О НЕПРАВОСПОСОБНЫХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

I.

Очеркъ обычнаго права.

По дѣйствующему законодательству, попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ крестьянъ регулируется не закономъ, а обычаемъ.

Въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, постановлено: „въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями“ [1]). По смыслу этой статьи закона, постановленія объ опекѣ, изложенныя въ I-й части X тома, необязательны для крестьянъ, и всѣ безъ исключенія вопросы, относящіеся къ попеченію о малолѣтнихъ крестьянахъ, въ томъ числѣ и вопросъ объ условіяхъ открытія опеки, должны разрѣшаться на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Такой взглядъ проводится въ рѣшеніяхъ 1-го и 2-го департаментовъ сената. Такого же мнѣнія держатся наши юристы, касавшіеся въ своихъ изслѣдованіяхъ этого вопроса [2]).

Иное толкованіе встрѣчается въ кассаціонной практикѣ сената: въ рѣшеніи 1872 года № 210 разъясняется, что назначеніе опекуновъ и попечителей къ малолѣтнимъ крестьянамъ должно быть признано обязательнымъ во всѣхъ случаяхъ, когда это требуется гражданскими законами, и что только порядокъ назначенія и дѣйствій опекуновъ долженъ опредѣляться мѣстными обычаями. Но съ такимъ толкованіемъ нельзя согласиться. Оно не соотвѣтствуетъ буквальному смыслу приведенной выше статьи закона и заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе. Нельзя допустить, чтобы законодатель могъ требовать примѣненія мѣст-

ныхъ обычаевъ въ назначенiи опекуновъ и опредѣленiи порядка ихъ дѣйствiй даже тогда, когда самое учрежденiе опеки чуждо обычному праву, или когда примѣненiе ея при извѣстныхъ условiяхъ не допускается обычаемъ. Остается предположить, что учрежденiе опеки повсюду извѣстно обычному праву, и что условiя открытiя ея по гражданскому и по обычному праву совпадаютъ. Но, при такомъ предположенiи, самое толкованiе становится излишнимъ.

Въ противоположность дѣйствующему въ настоящее время закону, по проекту, выработанному комиссiею по составленiю гражданскаго уложенiя, предполагается примѣнить къ опекамъ надъ крестьянами правила общаго опекунскаго устава. По мнѣнiю комиссiи, „большая часть этихъ правилъ одинаково примѣнима ко всякаго рода опекамъ, а потому нѣтъ надобности въ составленiи подробныхъ правилъ объ опекахъ и попечительствахъ надъ крестьянами“ [3]). Въ проектѣ допущены только немногiя и незначительныя отступленiя отъ общихъ правилъ устава [4]).

Комиссiя признала, что „обычаю предоставлено слишкомъ широкое примѣненiе по отношенiю къ опекамъ надъ сельскими обывателями, что̀ даетъ поводъ къ произвольнымъ, ничѣмъ не оправдываемымъ дѣйствiямъ“. „Примѣненiе установившихся обычаевъ“, по словамъ комиссiи, „весьма важно, когда ими нормируются правовыя отношенiя, вытекающiя изъ условiй быта, изъ обязанности членовъ нести тѣ или другiя повинности, равномѣрно, по возможности, между ними распредѣляемыя. По примѣненiю къ опекамъ сюда относятся, напримѣръ, опредѣленiе обществомъ согласно установившемуся строю и установившимся обычаямъ, кого слѣдуетъ освободить отъ исполненiя опекунской обязанности, какъ долженъ быть воспитываемъ сирота, какъ оберегать его имущество и т. п., какимъ путемъ извлекать изъ имущества доходы, какъ пользоваться трудомъ самого малолѣтняго, какимъ порядкомъ учитывать опекуна, вознаграждать его за труды и издержки по опекѣ и т. п. Но безотчетное и безконтрольное, напримѣръ, распоряженiе имуществомъ сироты, со стороны или самого общества, или со стороны опекуна, не можетъ быть допущено и оправдываемо какимъ-либо обычаемъ, и если бы гдѣ-либо такой обычай, въ сущности безправiе, установился, то онъ не только не можетъ служить руководствомъ, но долженъ быть устраненъ. Дѣйствительная жизнь указываетъ на подобныя аномалiи. Посему и необходимо установить общiя правила, регулирующiя дѣятельность опекуновъ въ отношенiи опекъ“ [5]).

На первый взглядъ, судя по перечню приведенныхъ выше вопросовъ, можетъ казаться, что комиссія допускаетъ все-таки примѣненіе обычая ко многимъ правовымъ отношеніямъ. Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, напр., какъ оберегать имущество малолѣтняго, какъ извлекать изъ него доходы, какъ пользоваться трудомъ самого малолѣтняго и т. п., касаются отношеній, вообще не поддающихся законодательной регламентаціи, и, имѣя чисто хозяйственный характеръ, почти лишены правового значенія; по отношенію же къ остальнымъ вопросамъ, напримѣръ, какимъ порядкомъ учитывать опекуна, вознаграждать его за труды и издержки по опекѣ и т. п., обычаю предоставляется только нормировать частности примѣненія учрежденія, вводимаго законодательнымъ порядкомъ.

Итакъ комиссія предлагаетъ вполнѣ подчинить сельскія опеки дѣйствію правилъ общаго опекунскаго устава, другими словами, почти совершенно устранить обычное право изъ области опредѣленія отношеній, возникающихъ вслѣдствіе неправоспособности лицъ крестьянскаго сословія, и перенести въ крестьянскую жизнь учрежденіе опеки, какъ оно установлено нашимъ гражданскимъ законодательствомъ.

Конечно, при господствѣ обычаевъ, какъ и при господствѣ закона, возможны злоупотребленія и произвольныя дѣйствія. Можно допустить даже, что учрежденія, дѣйствующія на основаніи обычая, труднѣе контролировать, чѣмъ учрежденія, руководствующіяся закономъ, и что поэтому различныя аномаліи, насколько онѣ обусловливаются безконтрольностью учрежденій, болѣе возможны при господствѣ обычая, чѣмъ при господствѣ закона. Но отсюда еще никакъ нельзя сдѣлать вывода о необходимости замѣнить мѣстные крестьянскіе обычаи закономъ. Чтобы отнестись сознательно къ предлагаемой комиссіею реформѣ, необходимо выяснить, въ чемъ заключаются особенности обычнаго права крестьянъ по интересующему насъ предмету и не обусловливаются ли онѣ коренными условіями крестьянскаго быта. Изъ объяснительной записки, приложенной къ выработанному комиссіею проекту, не видно, чтобы комиссія занималась разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Посильную попытку хотя отчасти восполнить этотъ важный пробѣлъ и составляетъ задачу предлагаемаго очерка. Къ сожалѣнію, она не могла быть выполнена нами со всею желательною полнотою: собраннаго до настоящаго времени матеріала слишкомъ недостаточно, чтобы выяснить связь мѣстныхъ особенностей крестьянскихъ обычаевъ съ мѣстными

бытовыми условіями, и мы принуждены были ограничиться обзоромъ наиболѣе распространенныхъ обычаевъ въ связи съ общими условіями крестьянскаго быта.

Весьма многія важныя особенности обычнаго права крестьянъ по интересующему насъ предмету объясняются экономическими условіями ихъ быта, въ особенности, потребностями ихъ хозяйства, которое, по большой части, не можетъ быть сохранено при опекунскомъ управленіи.

Въ среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, не допускающемъ по своимъ размѣрамъ примѣненія наемнаго труда, хозяинъ и главный работникъ соединяются въ одномъ лицѣ. Завѣдываніе такимъ хозяйствомъ не можетъ быть возложено на опекуна, такъ какъ требовать отъ него, чтобы онъ былъ одновременно главнымъ работникомъ въ своемъ хозяйствѣ и въ хозяйствѣ опекаемаго значило бы требовать невозможнаго. Конечно, въ случаѣ опеки надъ способнымъ къ труду крестьяниномъ опекунъ можетъ оставить хозяйство въ рукахъ самого опекаемаго и ограничиться только надзоромъ за нимъ; но необходимо имѣть въ виду, что надзоръ этотъ осуществимъ только при условіи добровольнаго подчиненія опекаемаго опекуну, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, опекунъ не будетъ имѣть средствъ заставить опекаемаго подчиняться своимъ хозяйственнымъ распоряженіямъ и, сохранивъ отвѣтственность за правильное веденіе хозяйства, будетъ лишенъ возможности направлять его.

Если бы на обязанности опекуна лежало управленіе хозяйствомъ опекаемаго, которое въ крестьянскомъ быту неразрывно связано съ чернорабочимъ трудомъ по хозяйству, то онъ получалъ бы вознагражденіе, если не за заботы по управленію, то за трудъ, потраченный для чужого хозяйства. Между тѣмъ, почти повсемѣстно опекуны не получаютъ никакого вознагражденія [6]), изъ чего уже можно заключить, что управленіе хозяйствомъ опекаемаго не входитъ, обыкновенно, въ ихъ обязанности.

Согласить указанныя экономическія условія крестьянскаго быта съ требованіями опеки, какъ юридическаго установленія, возможно однимъ только способомъ, къ которому и прибѣгаютъ весьма часто. При назначеніи опеки все движимое, а иногда и недвижимое имущество опекаемаго продается съ публичнаго торга. Если крестьянское хозяйство не можетъ быть сохранено при опекунскомъ управленіи, то сохраненіе его отдѣльныхъ принадлежностей, изъ которыхъ состоитъ почти все имущество крестьянина, безцѣльно и убыточно для опекаемаго, такъ какъ онѣ, не представляя собою самостоятельныхъ статей дохода,

подвержены порчѣ и требуютъ расходовъ для своего сохраненія и ремонта. Конечно, при обращеніи въ деньги цѣнность крестьянскаго имущества, состоящаго почти исключительно изъ живого и мертваго хозяйственнаго инвентаря, падаетъ до послѣднихъ предѣловъ, такъ какъ продажная цѣна построекъ ниже ихъ дѣйствительной стоимости на весьма значительную сумму расходовъ, необходимыхъ для перенесенія ихъ на новыя мѣста, и, кромѣ того, такъ же, какъ цѣна на скотъ и сельско-хозяйственныя орудія, подвергается весьма сильнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ случайностей спроса и предложенія весьма ограниченнаго мѣстнаго рынка. Несомнѣнно, что неправоспособные крестьяне терпятъ при этомъ значительные убытки. Часто случается, что сироты, имущество которыхъ было продано вслѣдствіе назначенія надъ ними опеки, по достиженіи совершеннолѣтія не могутъ уже обзавестись всѣми необходимыми принадлежностями крестьянскаго хозяйства и вынуждены цѣлую жизнь работать по найму въ чужихъ хозяйствахъ.

Обычай, при назначеніи опеки, продавать все движимое, а иногда и недвижимое имущество опекаемаго весьма распространенъ въ крестьянской средѣ. Комиссія по преобразованію волостныхъ судовъ констатировала его существованіе во многихъ волостяхъ [7]). Этотъ печальный обычай въ иныхъ случаяхъ вызывается, конечно, необходимостью, но излишнимъ распространеніемъ своимъ онъ, какъ кажется, обязанъ проникновенію въ крестьянскую жизнь началъ опеки, какъ юридическаго установленія.

Такимъ образомъ, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ учрежденія опеки въ крестьянскомъ быту бываетъ, обыкновенно, уничтоженіе хозяйства опекаемаго. Сказанное не относится къ крупнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ, допускающимъ замѣну личнаго хозяйскаго труда наемнымъ. Но такихъ хозяйствъ сравнительно немного. Обыкновенно, крестьянское имущество достаточно для содержанія крестьянской семьи только при условіи чернорабочаго труда всѣхъ ея членовъ, и весьма часто доходы съ хозяйства приходится пополнять еще заработками на сторонѣ.

Если принять во вниманіе, сколько труда и времени требуется для устройства и сохраненія хорошаго крестьянскаго хозяйства, сколько усилій и заботъ стоитъ крестьянину каждое самое мелочное улучшеніе его, то станетъ понятно, какимъ зломъ представляется крестьянину опека, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ которой является разореніе родного гнѣзда.

При такихъ условіяхъ опека не можетъ имѣть широкаго примѣненія въ крестьянской средѣ.

Судя по отзывамъ, полученнымъ комиссіею по преобразованію волостныхъ судовъ, учрежденіе это извѣстно крестьянамъ далеко не повсемѣстно: во многихъ изъ изслѣдованныхъ комиссіею волостей, по словамъ крестьянъ, опеки не бываетъ вовсе [8]), въ другихъ она назначается только въ рѣдкихъ случаяхъ [9]). Разсмотрѣвъ условія открытія опеки по обычному праву крестьянъ, мы увидимъ, что даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ спрошенные комиссіею крестьяне засвидѣтельствовали существованіе опеки, безъ всякой оговорки о рѣдкомъ примѣненіи ея, опека учреждается сравнительно съ нашимъ гражданскимъ правомъ весьма рѣдко.

Опека вслѣдствіе несовершеннолѣтія назначается только надъ крестьянами, не достигшими рабочаго возраста. Рабочій возрастъ опредѣляется неодинаково въ различныхъ мѣстностяхъ, но вообще онъ наступаетъ ранѣе гражданскаго совершеннолѣтія. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ярославской и Полтавской губерній мужчина считается совершеннолѣтнимъ съ достиженіемъ четырнадцатилѣтняго, а женщина семнадцатилѣтняго возраста [10]); въ другихъ мѣстностяхъ мужчина восемнадцатилѣтняго, а женщина семнадцатилѣтняго возраста [11]). Обыкновенно, если крестьянинъ въ такихъ лѣтахъ, что можетъ исполнять главныя работы по хозяйству, хотя бы и съ меньшею ловкостью, чѣмъ взрослый рабочій, опека признается излишнею. Если и назначается въ такихъ случахъ попечитель, то только для ограниченія права опекаемаго на отчужденіе его имущества; завѣдываніе же хозяйствомъ остается въ рукахъ самого опекаемаго.

Обыкновенно, опека назначается только надъ круглыми сиротами. Хотя встрѣчаются мѣстности, гдѣ, повидимому, опека учреждается даже надъ такими сиротами, у которыхъ живъ одинъ изъ родителей, но, по наиболѣе распространенному обычаю, дѣти, лишившіяся одного изъ родителей, остаются на попеченіи другого, который распоряжается ихъ имуществомъ такъ же, какъ своимъ собственнымъ, на правахъ хозяина, а не опекуна [12]).

По большей части опека не учреждается также, если у сироты есть способный къ веденію хозяйства дѣдъ [13]), дядя [14]), братъ [15]), отчимъ [16]) или другой родственникъ, или даже посторонній [17]), съ которымъ отецъ его жилъ въ одной семьѣ. У крестьянъ почти все имущество принадлежитъ нераздѣльно всей семьѣ; только немногія вещи составляютъ личное достояніе ея отдѣльныхъ членовъ. Въ большой семьѣ домохозяинъ,

завѣдывая всѣмъ нераздѣльнымъ имуществомъ, является естественнымъ представителемъ имущественныхъ интересовъ всѣхъ членовъ семьи, какъ правоспособныхъ, такъ и неправоспособныхъ. Такъ какъ имущество нераздѣльно, то интересы неправоспособныхъ тѣсно связаны съ интересами остальныхъ членовъ, и ихъ имущественныя доли могутъ уменьшиться только съ уменьшеніемъ имущества всей семьи. Для того, чтобы учредить опеку надъ неправоспособнымъ, пришлось бы выдѣлить причитающуюся ему часть изъ общаго имущества двора и ограничить право домохозяина распоряжаться ею требованіемъ въ извѣстныхъ случаяхъ вмѣшательства опекуна. Но такая опека, стѣснивъ безъ всякой надобности домохозяина, принѣсла бы не пользу, а вредъ опекаемому, такъ какъ онъ, получивъ опредѣленную часть изъ общаго имущества, недостаточную въ большинствѣ случаевъ для его содержанія, лишился бы на будущее время участія въ заработкахъ остальныхъ членовъ двора.

Если въ семьѣ малолѣтняго нѣтъ никого способнаго къ веденію хозяйства, то открытіе опеки предупреждается иногда или введеніемъ въ семью новаго лица на правахъ хозяина, или присоединеніемъ самого малолѣтняго и его имущества къ другой семьѣ. Такъ, родители, имѣющіе малолѣтнихъ дѣтей, берутъ иногда въ свой дворъ „примня“ съ тѣмъ, чтобы послѣ ихъ смерти онъ былъ хозяиномъ и воспитывалъ сиротъ. Если въ такой семьѣ есть дѣвушка въ брачномъ возрастѣ, то обыкновенно она выдается замужъ за примня [18]).

Вдова съ малолѣтними дѣтьми, вступая во второй бракъ, или принимаетъ мужа въ свой дворъ, или сама съ дѣтьми и ихъ имуществомъ переходитъ въ его дворъ. Что въ обоихъ случаяхъ отчимъ завѣдуетъ всѣмъ имуществомъ на правахъ хозяина, а не опекуна, доказывается весьма распространеннымъ обычаемъ, по которому пасынки наслѣдуютъ наравнѣ съ родными дѣтьми [19]). Такой обычай не могъ бы существовать, если бы имущество отчима и пасынковъ не составляло одного нераздѣльнаго цѣлаго.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за смертью хозяина, оставившаго малолѣтняго, хозяйство отдается на руки одному изъ родственниковъ или даже постороннихъ на правахъ не опекуна, а полнаго хозяина на всю его жизнь, въ совершенной независимости отъ малолѣтнихъ дѣтей прежняго владѣльца съ тѣмъ, что лишь по смерти новаго хозяина имущество переходитъ къ старшему сыну прежняго владѣльца [20]). „Если остаются дѣти безъ отца и матери, то они воспитываются родственниками, какіе имѣются, хотя бы и дальними, и воспитываются ими на-

равнѣ съ ихъ дѣтьми. Имущество сиротъ причисляется къ имуществу воспитателей, безъ всякаго ограниченія и опредѣленія" [21]).

Но чаще всего случаи усыновленія сиротъ родственниками и посторонними крестьянами. Бездѣтные крестьяне охотно принимаютъ въ свой дворъ сиротъ. Такъ какъ для усыновленія, обыкновенно, не требуется никакихъ формальностей, то принятыя дѣти считаются за родныхъ и, по весьма распространенному обычаю, наслѣдуютъ наравнѣ съ родными дѣтьми [22]). Само собою разумѣется, что пріемный отецъ завѣдуетъ имуществомъ пріемнаго сына на правахъ хозяина, а не опекуна [23]).

При незначительности крестьянскихъ имуществъ, сравнительномъ равенствѣ имущественныхъ положеній въ крестьянской средѣ и преобладающемъ значеніи труда надъ капиталомъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, нельзя не признать, что указанные способы попеченія о личности и имуществѣ неправоспособныхъ крестьянъ представляются не только нормальными, но и наиболѣе цѣлесообразными, и что при такихъ условіяхъ безотчетное и безконтрольное распоряженіе имуществомъ сиротъ со стороны ихъ воспитателей нельзя разсматривать какъ безправіе или какъ аномалію. Главное богатство крестьянина заключается въ его рукахъ и въ умѣніи пользоваться ими; главнымъ условіемъ правильнаго воспитанія его является работа съ малыхъ лѣтъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ качествѣ не чужого человѣка и не наемника, а полноправнаго участника въ общихъ трудахъ и общихъ выгодахъ. При обязательномъ учрежденіи опеки малолѣтній крестьянинъ былъ бы лишенъ этой необходимой для него школы, а такая потеря ничѣмъ не можетъ быть возмѣщена. Но даже съ точки зрѣнія чисто имущественныхъ интересовъ обязательное назначеніе опеки въ приведенныхъ выше случаяхъ и связанное съ нимъ обособленіе имущества малолѣтняго отъ имущества его воспитателя едва ли въ интересахъ малолѣтняго. Если даже предположить, что у сироты больше имущества, чѣмъ у его воспитателя, то все же, при сравнительномъ равенствѣ имущественныхъ положеній въ крестьянской средѣ, потери, которыя можетъ понести сирота отъ соединенія его имущества съ имуществомъ воспитателя, не могутъ быть значительны и, обыкновенно болѣе, чѣмъ уравновѣшиваются выгодами, получаемыми имъ отъ труда воспитателя для сохраненія и приращенія ихъ общаго имущества.

Тѣ же причины, которыми обусловливается рѣдкое примѣненіе опеки въ крестьянскомъ быту, отражаются и на самомъ учрежденіи опеки по обычному праву крестьянъ, во многомъ

отличающемся отъ опеки по гражданскому праву [24]). Если принять во вниманіе, что опекуну-крестьянину, не получающему никакого вознагражденія, приходится, обыкновенно, для попеченія надъ малолѣтнимъ и его имуществомъ, удѣлять часть своего рабочаго времени, котораго едва достаточно для содержанія его собственной семьи, то станетъ понятно, что опредѣленіе обязанностей опекуна не можетъ быть содержаніемъ права въ строгомъ смыслѣ слова, и что опека у крестьянъ, по необходимости, представляетъ нѣчто среднее между опекою и призрѣніемъ [25]), съ преобладаніемъ нравственнаго элемента надъ юридическимъ. Нерѣдко самое слово „опекунъ" замѣняется словомъ „призритель".

Такой характеръ опеки проявляется и въ порядкѣ назначенія опекуновъ, и въ порядкѣ надзора за ними.

По наиболѣе распространенному обычаю, опекунъ назначается сельскимъ обществомъ [26]). Но весьма часто формальное утвержденіе опекуна признается излишнимъ. „Кто взялъ къ себѣ сироту въ домъ, тотъ и считается опекуномъ" [27]). Добровольному принятію опекунскихъ обязанностей отдается предпочтеніе предъ принудительнымъ назначеніемъ въ опекуны, такъ какъ добросовѣстнаго исполненія нравственныхъ обязанностей можно ожидать только отъ тѣхъ, кто принимаетъ ихъ на себя по свободному, непринужденному побужденію.

Крестьяне стараются избирать опекуновъ изъ „надежныхъ людей", „хорошихъ жителей", „хорошихъ людей", „собственниковъ", т.-е. изъ зажиточныхъ, честныхъ и исправныхъ хозяевъ. Если у опекаемыхъ есть родственнники, удовлетворяющіе сказаннымъ условіямъ, то они избираются въ опекуны предпочтительно передъ посторонними [28]). Вообще, крестьяне, какъ увидимъ ниже, придаютъ личнымъ качествамъ опекуновъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ точному опредѣленію ихъ обязанностей и правильному надзору за ихъ исполненіемъ.

Въ источникахъ, которыми мы располагаемъ, почти не встрѣчается указаній на обязанности опекуна по отношенію къ личности опекаемаго, вѣроятно, потому, что въ точномъ опредѣленіи ихъ не представляется надобности. Воспитывающій сироту долженъ воспитывать его какъ собственнаго сына. При несложности условій крестьянской жизни и низкомъ уровнѣ развитія крестьянъ, цѣль и пріемы воспитанія не могутъ возбуждать недоразумѣній.

Обязанности опекуна по отношенію къ имуществу опекаемаго по обычному праву гораздо менѣе сложны, чѣмъ по гражданскому праву.

Мы говорили уже, что опекунъ очень рѣдко завѣдуетъ хозяйствомъ опекаемаго. Обыкновенно земля малолѣтняго, если она можетъ давать чистый доходъ, сдается въ аренду [29]), въ противномъ случаѣ или берется на общество, или отдается тому, кто будетъ платить за нее подати [30]). Деревенскій сходъ, старики избираютъ арендатора, опредѣляютъ условія аренды и надзираютъ за ихъ исполненіемъ [31]). Правильный выборъ арендатора не представляетъ никакихъ затрудненій для схода. Арендаторами могутъ быть избраны только ближайшіе сосѣди опекаемаго, часто только его односельчане; изъ нихъ не всѣ имѣютъ свободныя руки для обработки земли, и далеко не всѣ могутъ быть признаны надежными арендаторами. При прочихъ равныхъ условіяхъ предпочтеніе, естественно, отдается родственникамъ опекаемаго. Обыкновенно земля сдается въ аренду до достиженія малолѣтнимъ рабочаго возраста, такъ какъ при долгосрочной арендѣ арендаторъ болѣе заботится объ удобреніи, и обработкѣ земли. За исправностью арендатора по большей части наблюдаетъ не опекунъ, а сельскія и волостныя власти [32]). Онѣ же получаютъ и арендную плату.

Наличныя деньги опекаемаго или хранятся въ церкви, или вносятся для приращенія процентами въ волостную или сельскую кассу, въ кассу ссудо-сберегательнаго товарищества или въ сельскій банкъ, откуда онѣ выдаются въ ссуду частнымъ лицамъ за поручительствомъ одного или нѣсколькихъ лицъ [33]).

Почти все движимое имущество, постройки, скотъ и сельскохозяйственныя орудія обыкновенно продаются съ публичнаго торга [7]). Имущество оцѣнивается и продается по большей части не опекуномъ, а старостою со стариками или сельскимъ сходомъ [34]). Съ вырученными отъ продажи деньгами поступаютъ такъ же, какъ съ наличными сиротскими деньгами; очень рѣдко онѣ хранятся у опекуна; если онѣ выдаются въ ссуду частнымъ лицамъ, то почти всегда этимъ завѣдуютъ сельскія и волостныя власти, а не опекунъ.

Часто случается, что сельскій сходъ находитъ выгоднымъ сохранить нѣкоторыя вещи до совершеннолѣтія опекаемаго. Бываетъ, что сохраняется почти все имущество опекаемаго, если продажа его въ виду особо благопріятныхъ условій не представляется необходимою, напр., если опекаемый въ такихъ лѣтахъ, что въ скоромъ времени самъ можетъ взяться за хозяйство, или если несовершеннолѣтняя скоро вступитъ въ брачный возрастъ, и т. п. Въ такихъ случаяхъ имущество сдается опекуну, обыкновенно, по описи или въ присутствіи схода [35]). Опись

и оцѣнка производятся иногда самимъ сельскимъ сходомъ, иногда сельскимъ старостою или волостнымъ старшиною въ присутствіи всего схода или въ присутствіи „понятыхъ", „постороннихъ свидѣтелей", „стариковъ" и проч. Есть основаніе предполагать, что въ прежнее время, когда, при сплошной неграмотности населенія, составленіе описи было невозможно, она замѣнялась передачею имущества въ присутствіи схода. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время обычай этотъ сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ описи имущества опекаемыхъ не составляется.

Обязанности опекуна по отношенію къ сданнымъ ему вещамъ состоятъ обыкновенно въ сохраненіи ихъ, а не въ извлеченіи изъ нихъ дохода [36]).

Мы говорили до сихъ поръ объ опекѣ надъ неправоспособнымъ крестьяниномъ, который самъ неспособенъ къ труду и не имѣетъ въ семьѣ своей родственниковъ, которые могли бы вести хозяйство. Но случается, что въ семьѣ малолѣтняго, надъ имуществомъ котораго назначена опека, есть мать, братъ или другіе родственники, способные къ труду, но не заслуживающіе довѣрія со стороны крестьянскаго общества. Въ такихъ случаяхъ хозяйство опекаемаго сохраняется, завѣдуютъ имъ его родственники, а опекунъ наблюдаетъ только, чтобы имущество не расточалось: безъ его разрѣшенія родственники опекаемаго не могутъ отчуждать имущества [37]).

Такой же характеръ имѣетъ въ крестьянскомъ быту опека по расточительности.

Въ Общемъ Положеніи о крестьянахъ не упоминается объ опекѣ по расточительности. Правда, 3 п. 188 ст. Общаго Положенія и 3 п. 127 ст. Пол. о выкупѣ сельскимъ обществамъ, когда они отвѣчаютъ за недоимщиковъ круговою порукою, предоставлено опредѣлять къ недоимщику опекуна. Но опека надъ недоимщикомъ не можетъ замѣнить опеку по расточительности, такъ какъ расточитель, продавая послѣднее имущество, можетъ оставаться нѣкоторое время исправнымъ плательщикомъ, и недоимка можетъ образоваться лишь тогда, когда у него не останется уже никакого имущества. Сенатъ, объясняя этотъ пробѣлъ законодательства тѣмъ, что „накопленіе богатства въ крестьянской средѣ осталось неподмѣченнымъ для законодателя", признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ учрежденіе надъ крестьянами опеки по расточительности излишнимъ. Расточительность въ крестьянскомъ быту, по мнѣнію сената, представляется исключительнымъ явленіемъ: „пока все имущество отдѣльныхъ членовъ общества", читаемъ мы въ рѣшеніи сената, „состоитъ изъ надѣльной земли

и движимости, нужной въ сельскомъ быту, какъ все сельское общество, такъ и каждый хозяинъ въ отдѣльности обезпеченъ только въ средствахъ своего существованія, и возможность къ чрезмѣрной роскоши и мотовству можетъ явиться только у тѣхъ изъ нихъ, которые сперва своимъ трудомъ и знаніемъ сельско-хозяйственнаго дѣла умѣли сдѣлать значительныя сбереженія, на которыя и пріобрѣли болѣе или менѣе цѣнное движимое и недвижимое имущество внѣ надѣла“ [38]).

Но съ приведенными соображеніями нельзя согласиться. „Чрезмѣрная роскошь и мотовство“ — понятія относительныя, и расточительность въ крестьянскомъ быту тѣмъ пагубнѣе, что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, расточается послѣднее, — постройки, скотъ и хлѣбъ, необходимый для прокормленія семьи, и послѣдствіемъ такой расточительности бываетъ полное разореніе и нищенство, а иногда и голодная смерть цѣлой семьи. Не слѣдуетъ также забывать, что съ точки зрѣнія обычнаго права крестьянъ дѣйствія расточителей представляются неизмѣримо болѣе несправедливыми и менѣе терпимыми, чѣмъ съ точки зрѣнія гражданскаго права, такъ такъ домохозяинъ не считается частнымъ собственникомъ своего двора, и расточаемое имъ имущество, добытое тяжелымъ трудомъ всѣхъ членовъ семьи, справедливо признается общимъ семейнымъ достояніемъ.

Естественно, что, несмотря на неполноту закона и запрещенія крестьянскихъ учрежденій, руководствовавшихся разъясненіями сената, случаи ограниченія правоспособности крестьянъ вслѣдствіе расточительности, пьянства и мотовства встрѣчаются въ крестьянскомъ быту довольно часто, какъ это засвидѣтельствовано практикою волостныхъ судовъ [39]).

Очень часто у расточителя отнимается „большина“ въ домѣ, т.-е. хозяиномъ вмѣсто него назначается другой членъ семьи; иногда изъ имущества расточителя выдѣляется опредѣленная часть для обезпеченія его семьи, и завѣдываніе выдѣленнымъ имуществомъ предоставляется другому члену семьи. Но по большей части ограниченіе правоспособности расточителя состоитъ въ запрещеніи ему продавать свое имущество безъ разрѣшенія опекуна, при чемъ часто на обязанности этого послѣдняго лежитъ полученіе денегъ, слѣдуемыхъ опекаемому. Если во дворѣ расточителя нѣтъ члена, способнаго къ веденію хозяйства, то, обыкновенно, и послѣ учрежденія опеки хозяйство ведетъ самъ опекаемый.

Даже отъ самаго добросовѣстнаго опекуна - крестьянина нельзя ожидать, чтобы онъ лучше велъ хозяйство опекаемаго

имъ совершеннолѣтняго крестьянина, чѣмъ самъ опекаемый, такъ какъ все время опекуна по необходимости поглощено заботами о собственномъ хозяйствѣ. Съ другой стороны, въ крестьянскомъ быту ограниченіе права расточителя на отчужденіе имущества, не лишая его возможности вести свое хозяйство, болѣе обезпечиваетъ его семью и менѣе затрудняетъ опекуновъ, чѣмъ въ другихъ классахъ общества. Почти всѣ предметы потребленія крестьянъ приготовляются до настоящаго времени ими самими въ собственномъ хозяйствѣ. Деньги, обыкновенно, нужны имъ только для уплаты податей и покупки весьма немногихъ продуктовъ, какъ-то соли, желѣза и т. п. Въ каждой мѣстности почти всѣ крестьяне выплачиваютъ подати изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ дохода и въ одно и то же время. Потребность каждаго крестьянскаго хозяйства въ такихъ предметахъ потребленія, которые пріобрѣтаются за деньги, нетрудно сообразить всякому крестьянину, какъ потому, что предметы эти весьма немногочисленны, такъ и потому, что условія хозяйственнаго быта крестьянъ одной и той же волости весьма однообразны.

Такимъ образомъ опека надъ расточителями изъ крестьянъ, по необходимости, существенно отличается отъ опеки надъ расточителями изъ другихъ классовъ общества. Поэтому нельзя не отнестись отрицательно къ предположенію комиссіи по составленію гражданскаго уложенія о подчиненіи крестьянъ общимъ съ другими сословіями правиламъ объ опекѣ надъ расточителями, тѣмъ болѣе, что проектируемый комиссіею порядокъ назначенія опеки по расточительности совершенно непримѣнимъ къ крестьянамъ.

По новому проекту, дѣла объ ограниченіи правоспособности по расточительности возбуждаются или родственниками расточителя, или по непосредственному усмотрѣнію лицъ прокурорскаго надзора и разрѣшаются окружными судами, на постановленія которыхъ допускаются жалобы и протесты въ мѣсячный срокъ судебной палатѣ. Издержки производства возмѣщаются изъ имущества объявленнаго расточителемъ [40]).

Ужъ не говоря о томъ, что издержки производства дѣла въ окружномъ судѣ и судебной палатѣ будутъ слишкомъ разорительны для небольшихъ крестьянскихъ имуществъ, уменьшенныхъ притомъ расточительностью ихъ хозяина, нетрудно предвидѣть, что, по незнанію членами окружныхъ судовъ условій мѣстной крестьянской жизни, для нихъ будетъ весьма затруднительно правильное разрѣшеніе вопроса,—подходятъ ли дѣйствія лица, о которомъ возбуждено дѣло, подъ понятіе расточитель-

ности. Для разрѣшенія этого вопроса необходимо быть хорошо знакомымъ съ мѣстными хозяйственными условіями, со степенью зажиточности крестьянъ и со всѣмъ складомъ хозяйственнаго ихъ быта, чего нельзя требовать отъ членовъ окружнаго суда, не имѣющихъ, обыкновенно, никакихъ другихъ отношеній къ мѣстному населенію, кромѣ чисто служебныхъ. Можно быть увѣреннымъ, что, какъ бы ни была сильна и очевидна опасность разоренія для семьи расточителя изъ крестьянъ, родственники его не обратятся къ окружному суду съ ходатайствомъ о признаніи его неправоспособнымъ, и прокуратура будетъ лишена всякой возможности возбуждать подобныя дѣла по собственной инаціативѣ.

Ограниченіе правоспособности крестьянъ вслѣдствіе расточительности только тогда можетъ имѣть жизненное значеніе, если дѣла этого рода будутъ разрѣшаться самими крестьянами на основаніи ихъ обычнаго права.

Изъ предшествовавшаго изложенія видно, что, по обычному праву крестьянъ, у опекуновъ весьма мало обязанностей по отношенію къ имуществу опекаемыхъ. Многое, что̀, съ точки зрѣнія гражданскаго права, должно бы лежать на ихъ обязанности, отправляется сельскимъ сходомъ, волостными и сельскими должностными лицами. Эта особенность опеки у крестьянъ неизбѣжно вытекаетъ изъ экономическихъ условій ихъ быта. Крестьянинъ опекунъ, все время котораго, по необходимости, поглощено заботами о собственномъ хозяйствѣ, не можетъ ни управлять хозяйствомъ опекаемаго, ни извлекать доходъ изъ его имущества, онъ можетъ только заботиться объ его сохраненіи. Повидимому, это сознавалось отчасти и уже принималось въ соображеніе при составленіи правилъ объ опекѣ у государственныхъ крестьянъ, изложенныхъ въ первой части X-го тома свода законовъ изданія 1857 года.

Многія обязанности по отношенію къ имуществу опекаемыхъ, лежащія по общимъ гражданскимъ законамъ на опекунахъ, были возложены этими правилами на сельскихъ и должностныхъ лицъ, окружнаго начальника и палату государственныхъ имуществъ.

Обыкновенно, опекуны или вовсе не имѣютъ у себя никакого имущества опекаемыхъ или имѣютъ весьма незначительную часть его. Если они получаютъ небольшую сумму денегъ на содержаніе опекаемыхъ, то размѣръ этой суммы точно соображенъ съ потребностями опекаемыхъ, опредѣленіе которыхъ, при несложности условій крестьянской жизни, не представляетъ никакихъ затрудненій. Естественно, что при такихъ условіяхъ пе-

ріодическіе учеты опекуновъ представляются совершенно излишними. „Правильныхъ учетовъ нѣтъ", — показали крестьяне Спасской волости, Бронницкаго уѣзда, — „такъ какъ учитывать нечего, ибо земля берется на общество, а сиротъ прокармливаетъ опекунъ" [41]). По объясненію крестьянъ Ульянинской волости, того же уѣзда, „учета не бываетъ, потому что имущество обращено въ деньги, которыя хранятся въ волостномъ правленіи" [42]). Такое же показаніе дали крестьяне Чаплыжинской волости [43]). Крестьяне Ивановской волости, Рыбинскаго уѣзда, на предложенный имъ вопросъ относительно учета опекуновъ объяснили: „Сельскій сходъ не слѣдитъ за опекунами, впрочемъ и слѣдить незачѣмъ, потому что имѣнія немного бываетъ, а земля сдается въ аренду, и деньги за нее представляются въ волость" [44]). На тотъ же вопросъ крестьяне Кременчугскаго уѣзда, Недогорской волости, отвѣтили: „Такъ какъ имѣніе, т.-е. земля, постройки и хозяйство (опекаемыхъ), отдается обыкновенно въ аренду, то учетъ опекуновъ сводится къ наблюденію за исправностью арендаторовъ, что̀ обыкновенно лежитъ на обязанности волостнаго правленія" [45]).

Такимъ образомъ, обыкновенно, учетовъ не бываетъ, потому что „учитывать нечего", т.-е. потому что опекунъ или вовсе не имѣетъ на рукахъ имущества опекаемаго, или хранитъ незначительную часть его.

Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда опекуны являются хранителями всего имущества опекаемыхъ, періодическіе учеты не въ обычаѣ. Хотя встрѣчаются мѣстности, гдѣ опекуновъ учитываютъ ежегодно [46]), а иногда даже по нѣскольку разъ въ годъ [47]) и гдѣ, повидимому, они подчинены постоянному контролю, но общимъ правиломъ слѣдуетъ считать отсутствіе періодическихъ учетовъ [48]). Тамъ, гдѣ бываютъ періодическіе учеты, опекуновъ учитываютъ, обыкновенно, не сельскіе сходы, а волостныя правленія, изъ чего можно заключить о недавнемъ происхожденіи этого обычая, заимствованнаго, вѣроятно, изъ общихъ гражданскихъ законовъ объ опекѣ [49]).

Мы упоминали уже, что крестьяне стараются избирать опекуновъ изъ лучшихъ людей. Личныя достоинства опекуна, по ихъ мнѣнію, служатъ лучшей гарантіей цѣлости имущества опекаемаго и дѣлаютъ излишними періодическіе учеты. „Хорошимъ людямъ учета не бываетъ", объясняли крестьяне Новоселецкой волости, Сквирскаго уѣзда [50]). Такое же почти показаніе дали крестьяне Ставищенской и Лисовинской волостей, Таращанскаго уѣзда [51]). По словамъ крестьянъ Чудинецкой волости, Сквир-

скаго уѣзда, „отъ опекуновъ не требуютъ никакихъ отчетовъ, такъ какъ выбираютъ хорошихъ людей, которымъ вѣрятъ“ [52]).

Если опекунъ зажиточный и исправный хозяинъ, то растрата имущества опекаемаго представляется маловѣроятною; да если бы она и случилась, то недостающее имущество всегда можетъ быть пополнено изъ собственныхъ средствъ опекуна. Интересы опекаемаго могутъ пострадать только въ томъ случаѣ, если самъ опекунъ разорится. Но, при несложности условій крестьянской жизни, разореніе крестьянина, въ особенности, если оно происходитъ не отъ неодолимыхъ стихійныхъ бѣдствій, а по его собственной винѣ, въ большинствѣ случаевъ можетъ быть своевременно предугадано, и всякое сомнѣніе въ имущественной состоятельности опекуна служитъ обыкновенно основаніемъ къ немедленному учету его. Если опекунъ „начнетъ распутничать“, если общество увидитъ, что опекунъ „худо стережетъ имущество“ или „плохо имъ распоряжается“, если замѣтитъ за нимъ „что худое“ или „что негодное“, то тотчасъ требуетъ его на учетъ [53]). Если же поведеніе опекуна не возбуждаетъ никакихъ подозрѣній, то во многихъ мѣстностяхъ его учитываютъ только по достиженіи опекаемымъ совершеннолѣтія [54]).

Вообще требованіе отъ опекуновъ-„призрителей“ исполненія всякаго рода формальностей, не безъ основанія, кажется крестьянамъ неумѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что соблюденіе ихъ не можетъ не быть тяжелымъ для неграмотныхъ людей. Сельскія и волостныя власти, обыкновенно, не внушаютъ довѣрія крестьянамъ, и они опасаются, что періодическіе учеты могутъ послужить орудіемъ для притѣсненій и придирокъ со стороны этихъ властей. Введеніе обязательныхъ періодическихъ учетовъ опекуновъ при такихъ условіяхъ можетъ повлечь за собою уклоненіе отъ исполненія опекунскихъ обязанностей со стороны наиболѣе желательныхъ лицъ, которыя въ настоящее время принимаютъ на себя эти обязанности добровольно изъ участія къ судьбѣ сиротъ.

Изъ предлагаемаго краткаго очерка обычнаго права крестьянъ по интересующему насъ предмету видно, что оно существенно отличается отъ гражданскаго права, и что особенности крестьянскихъ обычаевъ находятся въ тѣсной неразрывной связи съ коренными условіями ихъ быта. Отсюда нельзя не сдѣлать вывода, что къ крестьянамъ не можетъ быть примѣненъ общій съ другими классами уставъ объ опекахъ. Правила, касающіяся попеченія о личности и имуществѣ неправоспособныхъ крестьянъ, только тогда будутъ имѣть жизненное значеніе, если они будутъ сообразованы съ обычнымъ правомъ крестьянъ и съ особенно-

стями экономическихъ условій ихъ быта. Въ противномъ случаѣ они не только не принесутъ ожидаемой отъ нихъ пользы, но могутъ имѣть вредное вліяніе на призрѣніе неправоспособныхъ крестьянъ.

„Правила касательно призрѣнія сиротъ, хотя и весьма просты, но имѣютъ глубокое значеніе въ быту крестьянъ. Несмотря на то, что здѣсь нѣтъ строгаго надзора со стороны какой-либо власти за попечителями малолѣтняго и его имущества, онъ находитъ достаточное призрѣніе, и собственность его весьма часто возвращается ему съ большою прибылью. Поэтому внести въ крестьянское общество начало опеки въ юридическомъ значеніи слова значитъ разрушить во многихъ случаяхъ безкорыстное призрѣніе, оказываемое сиротамъ вслѣдствіе глубоко укорененнаго обычая, и внести сюда злоупотребленія, которыя неразрывно соединены съ опеками дворянскими и сиротскими судами, ибо по собственному желанію крестьяне будутъ неохотно принимать на себя обязанности и отвѣтственность опекуновъ“ [55]).

Въ настоящее время матеріала по обычному праву собрано еще слишкомъ недостаточно, чтобы онъ могъ служить основаніемъ для законодательства. Работа производилась почти исключительно разрозненными усиліями немногихъ изслѣдователей, не по одинаковымъ программамъ или даже вовсе безъ программъ, и собранныя ими свѣдѣнія, обнимая по большей части небольшіе мѣстные районы, имѣютъ, обыкновенно, отрывочный характеръ. Если это весьма важное дѣло будетъ и впредь предоставлено только силамъ отдѣльныхъ изслѣдователей или даже научныхъ обществъ, то трудно предвидѣть, когда оно будетъ окончено. Между тѣмъ, возможно полное собраніе крестьянскихъ обычаевъ, и всестороннее ихъ изслѣдованіе представляетъ давно назрѣвшую, настоятельную потребность, особенно въ наше время, обильное попытками реформировать различныя стороны внутренняго быта крестьянъ. Почти весь крестьянскій бытъ покоится на обычномъ правѣ. Но единственный судъ обычнаго права, волостной судъ далеко не захватываетъ всѣхъ отношеній, которыя должны опредѣляться этимъ правомъ. Къ тому же, разграниченіе подсудности между волостнымъ судомъ и судами, примѣняющими гражданское право, проведено весьма искусственно и далеко неясно; совершенно однородныя дѣла разрѣшаются то на основаніи гражданскаго права, то на основаніи обычнаго права, смотря только потому, какъ велика цѣна иска. Такъ какъ обычаи нигдѣ не записаны, то примѣненіе ихъ не поддается контролю, и произволъ легко становится на мѣсто обычая.

Нерѣдко также подъ давленіемъ волостныхъ писарей, незнакомыхъ съ обычнымъ правомъ, и разжившихся и омѣщанившихся крестьянъ, по складу жизни своей тяготѣющихъ къ гражданскому праву, чуждое народу право проникаетъ въ волостной судъ и вытѣсняетъ обычаи. Въ послѣднее время, согласно закона 12 іюля 1889 года, рѣшенія волостныхъ судовъ пересматриваются по существу уѣздными съѣздами, членамъ котораго, обыкновенно, малоизвѣстны крестьянскіе обычаи, при чемъ губернскія присутствія вмѣняютъ иногда въ обязанность съѣздамъ руководствоваться X томомъ при пересмотрѣ дѣлъ, разрѣшенныхъ волостными судами на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Все это вноситъ страшную путаницу въ юридическія понятія крестьянъ, затемняетъ и искажетъ ихъ правосознаніе, сохраненіе и развитіе котораго безусловно необходимо для правильнаго теченія народной жизни. Отсюда неувѣренность въ своемъ правѣ и неуваженіе къ чужому праву, къ суду и къ закону.

При такихъ условіяхъ никакое промедленіе въ дѣлѣ собранія и изслѣдованія крестьянскихъ обычаевъ не можетъ быть допущено. Если задача эта непосильна для отдѣльныхъ изслѣдователей и научныхъ обществъ, государство безотлагательно должно принять ее на себя, какихъ бы затратъ это ни стоило.

Мнѣніе комиссіи по составленію гражданскаго уложенія о примѣнимости общихъ правилъ объ опекѣ къ попеченію о неправоспособныхъ крестьянахъ и ихъ имуществѣ опирается, повидимому, на опытъ нашего законодательства, предшествовавшаго изданію Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Хотя въ сводѣ законовъ не могло содержаться постановленій, касающихся опеки у крѣпостныхъ крестьянъ, но въ I-й части X тома было изложено нѣсколько отдѣльныхъ правилъ относительно другихъ разрядовъ сельскихъ обывателей: 1) объ опекѣ надъ малолѣтними дѣтьми государственныхъ крестьянъ, 2) объ опекѣ у калмыковъ въ губерніяхъ Астраханской и Ставропольской, 3) объ опекѣ въ казачьихъ войскахъ и 4) объ опекѣ надъ малолѣтними дѣтьми татаръ въ въ Таврической губерніи. Наиболѣе обстоятельны и подробны правила объ опекѣ у государственныхъ крестьянъ. Правила объ опекѣ у калмыковъ касаются главнымъ образомъ опеки надъ малолѣтними нойонами-владѣльцами и родовыми зайсангами; относительно же калмыковъ-простолюдиновъ сказано только, что опекуны избираются на аймачномъ сходѣ изъ ближайшихъ родственниковъ малолѣтняго, что учетъ ихъ принадлежитъ къ предметамъ вѣдомства того же схода, и что дѣла по опекамъ надъ

малолѣтними вѣдаются улусными зарго (ст. 328). Объ опекахъ у казаковъ постановлено, что окружныя опеки дѣйствуютъ по общимъ правиламъ, установленнымъ для дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ (ст. 333). Изъятіемъ изъ этихъ общихъ правилъ представляется только опредѣленіе опекуновъ къ семьямъ находящихся на полевой службѣ казаковъ, если всѣ члены ихъ семействъ неспособны къ труду (334—337). Наконецъ, въ правилахъ объ опекѣ у крестьянъ Таврической губерніи не содержится ни одного постановленія, которое не было бы повторено въ правилахъ объ опекѣ у государственныхъ крестьянъ.

Главнѣйшая особенность правилъ объ опекѣ у государственныхъ крестьянъ заключается въ опредѣленіи условій открытія опеки.

Правила говорятъ лишь о круглыхъ сиротахъ, т.-е. о малолѣтнихъ, оставшихся безъ отца и матери. Въ нихъ нѣтъ опредѣленія возраста, для котораго необходима опека, но изъ статьи 324 видно, что опека должна была прекращаться ранѣе достиженія опекаемымъ 21 года, а изъ сопоставленія этой статьи со статьей 361 правилъ объ опекѣ у татаръ Таврической губерніи и со статьями 334 и 336 правилъ объ опекѣ у казаковъ слѣдуетъ заключить, что семнадцатилѣтіе считалось предѣльнымъ подопечнымъ возрастомъ. Но далеко не всѣ круглыя сироты, не достигшія этого возраста, должны были имѣть опекуновъ. Правила устанавливаютъ различные способы призрѣнія по отношенію: 1) къ сиротамъ, не имѣющимъ ни родственниковъ, ни собственности, 2) къ сиротамъ, имѣющимъ родственниковъ, и 3) къ сиротамъ, не имѣющимъ родственниковъ, но владѣющимъ собственностью и хозяйствомъ. Первые поручаются общественному призрѣнію или частной благотворительности. Относительно вторыхъ сказано только, что попеченіе о нихъ и ихъ хозяйствѣ ввѣряется благонадежнѣйшимъ изъ ближайшихъ родственниковъ, при чемъ вовсе не упоминается ни объ обязанностяхъ родственниковъ по отношенію къ сиротамъ и ихъ имуществу, ни о надзорѣ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей. Наконецъ, для сиротъ, не имѣющихъ родственниковъ, но владѣющихъ собственностью и хозяйствомъ, устанавливается опека, мало чѣмъ отличающаяся отъ опеки надъ неправоспособными другихъ классовъ общества (ст. 300).

По отношенію къ личности малолѣтняго опекунъ обязанъ былъ заботиться объ его здоровьѣ, стараться объ его воспитаніи, вкоренять въ его сердце страхъ Божій, безпредѣльную преданность Государю и повиновеніе властямъ, научать его правиламъ

благонравія и доброму хозяйству. По отношенію къ управленію имѣніемъ малолѣтняго, опекунъ долженъ оберегать его, улучшать и приращать, заботиться объ увеличеніи доходовъ и остающееся налицо за удовлетвореніемъ хозяйственныхъ надобностей представлять въ волостное правленіе для отсылки въ приказъ общественнаго призрѣнія; если въ составѣ имущества находятся предметы торговли или промышленности, то опекунъ обязанъ распоряжаться ими соотвѣтственно ихъ предназначенію и пользамъ малолѣтняго. Недвижимое имущество малолѣтняго опекунъ можетъ отдавать внаймы не болѣе, какъ на три года, и не иначе, какъ по представленію сельскаго старосты, утвержденному волостнымъ правленіемъ. Такимъ же образомъ можетъ быть получено разрѣшеніе на продажу движимаго имущества, подверженнаго скорому тлѣнію. Остальное движимое и недвижимое имущество можетъ быть продано только для уплаты долговъ малолѣтняго. Разрѣшеніе на продажу его испрашивается слѣдующимъ порядкомъ: опекунъ ходатайствуетъ передъ сельскимъ старостою, который, если признаетъ, что ходатайство заслуживаетъ удовлетворенія, входитъ съ представленіемъ въ волостное правленіе; волостное правленіе, если оно согласится съ представленіемъ старосты, входитъ съ представленіемъ къ окружному начальнику; окружный начальникъ представляетъ о семъ съ своимъ заключеніемъ палатѣ государственныхъ имуществъ, которая о продажѣ крѣпостной земли, принадлежащей малолѣтнему, испрашиваетъ согласія начальника губерніи и засимъ представляетъ министру государственныхъ имуществъ для испрошенія разрѣшенія сената.

Такимъ образомъ, составители правилъ, признавая возможнымъ учрежденіе въ крестьянскомъ быту опеки въ томъ видѣ, какъ она установлена нашими гражданскими законами, ограничивали однако примѣненіе ея почти исключительными условіями: опека должна была назначаться только по отношенію къ малолѣтнимъ, не достигшимъ семнадцатилѣтняго возраста, если они были круглыя сироты, если у нихъ не было также родственниковъ, и если они имѣли собственность и хозяйство. Послѣднее условіе требуетъ разъясненія. Во 2-мъ пунктѣ 300 статьи сказано, что опекуны опредѣляются къ сиротамъ, у которыхъ нѣтъ родственниковъ, но „которые имѣютъ собственность, состоящую въ домѣ, хозяйственныхъ заведеніяхъ, крѣпостной землѣ или наличномъ капиталѣ.“ Можно истолковать эту статью закона въ томъ смыслѣ, что опека признавалась необходимою во всѣхъ случаяхъ, когда безродные сироты имѣли какое-либо

имущество, какъ бы ничтожно оно ни было; но, судя по выраженіямъ, употребленнымъ въ законѣ, правильнѣе предположить, что учрежденіе опеки требовалось только въ тѣхъ случаяхъ, когда доходовъ съ имущества сиротъ было достаточно для ихъ содержанія. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что правила различаютъ опеку и призрѣніе, опекуновъ и благотворителей сиротъ и не требуютъ опредѣленія опекуновъ къ сиротамъ, нуждающимся въ частной благотворительности или въ пособіи со стороны сельскаго общества.

Но какъ ни ограничено примѣненіе опеки въ разсмотрѣнныхъ правилахъ, въ дѣйствительности она примѣнялась еще рѣже. Въ статьѣ А. Раева „Объ опекахъ у государственныхъ поселянъ“ приведена составленная по отчетамъ палатъ государственныхъ имуществъ таблица о состояніи опекъ въ 1857 году въ тридцати пяти губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствовали правила объ опекахъ у государственныхъ крестьянъ [56]). Соотвѣтственно 300 статьѣ этихъ правилъ, въ таблицѣ по каждой губерніи показано отдѣльно число сиротъ: 1) призрѣваемыхъ обществами и благотворительными лицами, 2) состоявшихъ на попеченіи родственниковъ и 3) находившихся въ своихъ домахъ подъ надзоромъ опекуновъ. Такъ какъ къ сиротамъ, показаннымъ въ первыхъ двухъ дѣленіяхъ, опека не примѣнялась, то по числу сиротъ, отнесенныхъ въ послѣднюю рубрику, можно судить о распространеніи опеки среди крестьянъ. И что же? Если вѣрить таблицѣ, оказывается, что въ 1857 году въ 33 изъ 35 губерній такихъ сиротъ не было вовсе.

II.

Учрежденія, вѣдающія опеки надъ крестьянами.

По дѣйствующему законодательству попеченіе о личности и объ имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ лежитъ на обязанности сельскихъ обществъ. Сельскимъ сходамъ предоставлено право назначенія опекуновъ и попечителей и повѣрки ихъ дѣйствій [57]).

Комиссія по составленію гражданскаго уложенія находитъ такой порядокъ завѣдыванія опеками неудовлетворительнымъ. „Повѣрка дѣйствій опекуновъ, по ея мнѣнію, или не производится, или производится неудовлетворительно. Во-первыхъ, трудно производить учетъ опекунамъ на сельскомъ сходѣ, обыкновенно состоящемъ изъ большого числа лицъ. Во-вторыхъ, большинство членовъ схода мало интересуется опекунскими дѣлами. Вслѣдствіе сего опеки являются безконтрольными. Какая бы ни была опека,

отчетъ и повѣрка отчета производятся словесно, не записываются въ приговоръ схода. Такимъ образомъ провѣрить дѣйствія схода невозможно, по неимѣнію данныхъ. Въ случаѣ растраты имущества опекаемыхъ или другихъ какихъ-либо неправильныхъ дѣйствій со стороны опекуновъ, по закону отвѣчаетъ сельскій сходъ; но трудно привлечь къ отвѣтственности, личной и имущественной, большое число лицъ. Отсутствіе надзора за опекунами со стороны сельскаго схода, а равнымъ образомъ надзора за дѣйствіями самого схода—отличительная черта нынѣшняго устройства опекунской части у сельскихъ обывателей.

Кромѣ сего, жалобы на опекуновъ и на сельскій сходъ почти невозможны. Назначеніе опекуновъ сельскимъ сходомъ никѣмъ не провѣряется. При назначеніи опекуновъ можетъ проявляться полный произволъ. Опекуны фактически лишены возможности обжаловать неправильныя дѣйствія схода.

Только родственники несовершеннолѣтняго имѣютъ право жаловаться на неправильныя распоряженія схода. Но родственники могутъ и не воспользоваться по какимъ-либо причинамъ правомъ жалобы, или же родственниковъ у несовершеннолѣтняго можетъ вовсе и не быть, существующіе родственники не находятся налицо—и т. п. Въ случаѣ даже обнаруженія небрежности схода, его упущеній и явныхъ злоупотребленій, практически трудно, иногда даже невозможно, оградить интересы опекаемыхъ посредствомъ устраненія такихъ неправильныхъ дѣйствій на будущее время и возмѣщеніемъ тѣхъ убытковъ, которые причинены опекаемымъ, въ особенности по прошествіи болѣе или менѣе значительнаго времени послѣ причиненія убытковъ. Неправильныя дѣйствія опекуновъ при существующемъ порядкѣ могутъ быть прикрываемы дѣйствіями сходовъ. Обиженный, даже разоренный несовершеннолѣтній, по пришествіи въ возрастъ потеряетъ всякую возможность къ привлеченію кого-либо къ отвѣтственности. И независимо отъ сего, жалобы на цѣлое общество, представителемъ котораго является сельскій сходъ, суть жалобы весьма непрактичныя, которыя въ будущемъ могутъ невыгодно отразиться на жалующемся [58])."

По изложеннымъ соображеніямъ комиссія пришла къ заключенію, что опеки не могутъ быть оставлены въ завѣдываніи сельскихъ сходовъ.

При обсужденіи затѣмъ вопроса, какому установленію слѣдуетъ подчинить опеки надъ сельскими обывателями, мнѣнія въ комиссіи раздѣлились: одни предлагали отнести ихъ къ вѣдомству волостного старшины, другіе къ вѣдомству волостного суда. Это послѣднее

мнѣніе и было принято комиссіей. Въ защиту его въ объяснительной запискѣ къ проекту устава объ опекахъ приведены слѣдующіе доводы: „Волостной судъ избирается изъ людей пожилыхъ, опытныхъ и заслуживающихъ довѣрія, а коллегіальное устройство суда даетъ больше обезпеченія, чѣмъ единоличная власть; въ особенности этого обезпеченія можно ожидать въ настоящее время, ибо заботы земскихъ начальниковъ должны быть направлены на улучшеніе и личнаго состава, и на упорядоченіе дѣлопроизводства, и на благоустройство вообще всего крестьянскаго самоуправленія. Если волостному суду предоставлены широкія права по уголовной и гражданской юстиціи, то нѣтъ достаточнаго основанія изъять изъ его вѣдомства опекунскія дѣла. Надо заботиться, чтобы волостной судъ былъ хорошъ, чтобы онъ не былъ однимъ пустымъ словомъ и не находился всецѣло во власти старшинъ. Въ-третьихъ, по дѣйствующему закону волостные старшины никакихъ обязанностей по надзору за опеками не несутъ. Въ настоящее время опекунскими дѣлами у крестьянъ завѣдуетъ сельскій сходъ—учрежденіе коллегіальное. Желательно въ дѣлахъ этого рода и удержать это начало—коллегіальное устройство, отнеся опекунскія дѣла въ вѣдомству волостного суда. Въ Царствѣ Польскомъ эти дѣла вѣдаются гминными судами. Въ позднѣйшемъ законодательномъ актѣ, положеніи 9 іюля 1889 года о преобразованіи судебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ, завѣдываніе крестьянскими опеками возложено также на волостные суды. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что коллегіальное учрежденіе представляетъ болѣе гарантій, въ особенности въ настоящее время, когда приняты мѣры къ улучшенію волостныхъ судовъ [59])."

Изъ цитированныхъ мѣстъ объяснительной записки къ проекту устава объ опекахъ видно, что главные недостатки сельскаго схода, какъ опекунскаго установленія, заключаются, по мнѣнію комиссіи, въ многочисленности его членовъ и въ безучастномъ отношеніи ихъ къ опекунскимъ дѣламъ, которымъ обусловливается безконтрольность дѣятельности опекуновъ. Многочисленность состава сельскихъ сходовъ въ большихъ сельскихъ обществахъ, несомнѣнно, можетъ препятствовать своевременному и правильному разрѣшенію опекунскихъ дѣлъ, но недостатокъ этотъ можетъ быть значительно ослабленъ ограниченіемъ числа членовъ, необходимаго для законнаго состава схода. Болѣе серьезное значеніе имѣетъ другой указанный комиссіею недостатокъ. Нельзя отрицать, что сельскіе сходы, обыкновенно, менѣе интересуются опекунскими дѣлами, чѣмъ другими пред-

метами своего вѣдомства—вѣроятно, потому, что при разрѣшеніи вопросовъ, относящихся къ опекамъ, дѣло идетъ не объ общихъ интересахъ всего общества, но только о частныхъ интересахъ отдѣльныхъ лицъ или семействъ. Если у неправоспособныхъ есть болѣе или менѣе близкіе родственники, то сельскій сходъ часто не считаетъ себя обязаннымъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Въ такихъ случаяхъ надзоръ за опекуномъ фактически принадлежитъ родственникамъ неправоспособнаго, постановленія же схода являются не болѣе, какъ исполненіемъ формальности по требованію начальства. Чѣмъ многочисленнѣе сходъ, и чѣмъ больше среди членовъ схода лицъ, не связанныхъ съ опекаемымъ родствомъ, тѣмъ менѣе удовлетворительно разрѣшаются сходомъ опекунскія дѣла. Но едва ли этотъ недостатокъ присущъ самому учрежденію сельскаго схода. Правильнѣе отнести его къ низкому уровню развитія крестьянъ, на который, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ смотрѣть какъ на временное, преходящее явленіе. Что касается до остальныхъ, указанныхъ комиссіею, слабыхъ сторонъ дѣятельности сельскаго схода, какъ опекунскаго установленія, то онѣ не имѣютъ никакой органической связи съ самымъ учрежденіемъ сельскаго схода. Сюда относятся отсутствіе письменныхъ протоколовъ при повѣркѣ отчетовъ опекуновъ, чѣмъ, по мнѣнію комиссіи, объясняется безконтрольность дѣйствій сельскаго схода, и предоставленіе права обжалованія неправильныхъ распоряженій схода только родственникамъ малолѣтняго. Нельзя не замѣтить при этомъ, что комиссія преувеличиваетъ значеніе письменныхъ формъ. Безконтрольность дѣйствій сельскихъ сходовъ объясняется главнымъ образомъ не тѣмъ, что дѣйствія ихъ не облекаются въ письменныя формы, а тѣмъ, что учрежденія, призванныя ихъ контролировать, обыкновенно, незнакомы съ крестьянскими обычаями, которыми должны руководствоваться сельскіе сходы.

Какъ бы то ни было, если даже допустить правильность мнѣнія комиссіи о непригодности сельскихъ сходовъ къ завѣдыванію опекунскими дѣлами, то все же нельзя согласиться съ комиссіею, что замѣна сельскихъ сходовъ волостными судами приведетъ къ улучшенію опекунскаго дѣла. Главныя преимущества волостного суда, немногочисленность его членовъ и сравнительно высшій уровень ихъ развитія, обусловливаемый ихъ избраніемъ, далеко не уравновѣшиваютъ недостатокъ его, какъ опекунскаго установленія, въ сравненіи съ сельскими сходами. Въ рѣдкихъ случаяхъ волостной судъ можетъ имѣть такія достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія объ имущественномъ и семей-

номъ положеніи опекаемыхъ, какими всегда располагаетъ сельскій сходъ. Почти каждый неправоспособный имѣетъ болѣе или менѣе близкихъ родственниковъ среди однообщественниковъ, и нерѣдко они составляютъ весьма значительную часть схода. Родственныя узы, связывающія ихъ съ неправоспособнымъ, обезпечиваютъ дѣятельное и участливое отношеніе къ его интересамъ со стороны, если не всего схода, то значительной части его. Какъ бы добросовѣстно волостной судъ ни относился къ своимъ обязанностямъ, его заботливость объ интересахъ опекаемыхъ не можетъ замѣнить непосредственнаго участія родственниковъ въ надзорѣ за опекунами. Не слѣдуетъ забывать также, что волостные судьи не профессіональные чиновники, а крестьяне-земледѣльцы, которые безъ разстройства своего хозяйства не могутъ посвящать много времени своимъ служебнымъ обязанностямъ. Изданныя 12 іюля 1889 года временныя правила о волостномъ судѣ значительно расширили компетенцію волостныхъ судовъ; во многихъ большихъ волостяхъ для разбора дѣла они должны засѣдать нѣсколько дней въ недѣлю; при такомъ обремененіи судебными дѣлами нельзя не опасаться, что волостные суды, по недостатку времени, будутъ небрежно относиться къ своимъ обязанностямъ по опекунскимъ дѣламъ.

Сельскій сходъ, какъ опекунское установленіе, можетъ быть замѣненъ съ пользою для опекунскаго дѣла только учрежденіемъ, которое располагало бы такими же основательными свѣдѣніями объ условіяхъ хозяйственнаго быта и потребностяхъ опекаемыхъ, какъ и сельскій сходъ, и въ то же время было бы свободно отъ главнаго его недостатка—безучастнаго отношенія значительнаго числа его членовъ къ интересамъ опекаемыхъ. Такимъ учрежденіемъ являются семейные совѣты, которые, по нашему мнѣнію, одни только могутъ замѣнить или, скорѣе, восполнить дѣятельность сельскихъ сходовъ по опекунскимъ дѣламъ.

Семейные совѣты представляютъ собою коллегіальныя учрежденія, состоящія изъ предсѣдателя — представителя правительственной власти (напр., мирового судьи, опекунскаго судьи и т. п.) и членовъ—родственниковъ опекаемаго или лицъ, назначенныхъ его родителями, числомъ обыкновенно отъ трехъ до шести. Главное преимущество семейныхъ совѣтовъ передъ другими опекунскими установленіями состоитъ въ томъ, что родственныя отношенія, въ которыхъ находятся члены ихъ съ опекаемыми, гарантируютъ до извѣстной степени болѣе участливое и дѣятельное отношеніе ихъ къ интересамъ опекаемыхъ и бо́льшую достовѣрность и основательность свѣдѣній, которыми располагаетъ

опекунское установленіе, объ условіяхъ хозяйственнаго быта и потребностяхъ опекаемыхъ. Естественно, что плодотворность дѣятельности семейныхъ совѣтовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ силы и значенія родственныхъ отношеній въ жизни общества.

Насколько можно судить теоретически, не имѣя данныхъ опыта, есть основаніе надѣяться, что это новое учрежденіе можетъ прочно привиться въ нашемъ отечествѣ и оказать весьма существенное вліяніе на улучшеніе опекунскаго дѣла, такъ какъ у насъ родственныя связи сильнѣе и круги лицъ, признающихъ общую родственную связь, шире, чѣмъ у большинства другихъ культурныхъ народовъ. Въ особенности это вѣрно относительно крестьянскаго сословія. Едва ли въ какой-либо другой средѣ родственныя отношенія имѣютъ бо́льшее значеніе, чѣмъ въ сельскомъ быту, гдѣ помнятъ и чтутъ самыя отдаленныя степени родства и свойства, и даже отношенія, не вытекающія изъ кровныхъ узъ, уподобляются родственнымъ. Ни въ какомъ другомъ классѣ общества родственники не живутъ такъ близко другъ отъ друга, какъ въ крестьянствѣ. Земельная собственность и земледѣльческій трудъ прочно привязываютъ ихъ къ землѣ. Браки у крестьянъ совершаются почти всегда между лицами, живущими въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, такъ что весьма нерѣдко всѣ крестьяне одной и той же деревни связаны между собою болѣе или менѣе близкимъ родствомъ. Рѣдкій крестьянинъ не имѣетъ родственниковъ или свойственниковъ въ сосѣднихъ деревняхъ. При такихъ условіяхъ какъ образованіе семейныхъ совѣтовъ, такъ и періодическія собранія ихъ не представляютъ никакихъ затрудненій, и исполненіе родственниками обязанностей членовъ семейныхъ совѣтовъ не можетъ быть признано обременительнымъ для нихъ. Несомнѣнно также, что на той ступени развитія, на которой находится наше крестьянство, родственныя связи, соединяющія членовъ опекунскаго установленія съ опекаемыми, представляютъ наилучшую гарантію участливаго и дѣятельнаго отношенія опекунскаго надзора къ интересамъ опекаемыхъ.

Между тѣмъ новый проектъ устава объ опекахъ, вводя въ наше законодательство учрежденіе семейныхъ совѣтовъ, не допускаетъ ихъ образованія почти по всѣмъ опекамъ надъ крестьянами. Въ силу 308 статьи этого проекта семейные совѣты не учреждаются по опекамъ, подвѣдомственнымъ волостнымъ судамъ, т.-е. по всѣмъ опекамъ надъ сельскими обывателями, если они не имѣютъ другого недвижимаго имущества, кромѣ крестьянскаго надѣла, и другого движимаго имущества, кромѣ принадлежностей крестьянскаго хозяйства, а также если цѣнность ихъ

недвижимаго и движимаго имущества, не принадлежащаго къ надѣлу, не превышаетъ 2,000 рублей [60]).

Комиссія, выработавшая проектъ, находитъ, что въ виду несложности опекунскихъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ волостному суду, и незначительности опекаемыхъ имуществъ нѣтъ надобности въ образованіи семейныхъ совѣтовъ, что созваніе ихъ въ сельскомъ быту будетъ явленіемъ исключительнымъ, и что семейные совѣты могутъ имѣть практическое значеніе только при томъ условіи, если опека состоитъ подъ вѣдѣніемъ единоличной власти, при передачѣ же завѣдыванія опеками сельскихъ обывателей волостнымъ судамъ можно опасаться пререканій и столкновеній семейныхъ совѣтовъ съ волостными судами не на пользу, а во вредъ опекунскому дѣлу [61]).

Повидимому комиссія возлагаетъ слишкомъ большія надежды на предлагаемую ею замѣну сельскихъ сходовъ волостными судами. По изложеннымъ выше соображеніямъ, мы не можемъ раздѣлять этихъ надеждъ. Нельзя согласиться также съ мнѣніемъ комиссіи, что созваніе семейныхъ совѣтовъ будетъ исключительнымъ явленіемъ въ сельскомъ быту. Напротивъ, условія крестьянскаго быта весьма благопріятны для усвоенія и развитія этого учрежденія, и есть основаніе надѣяться, что оно привьется въ крестьянствѣ, если не скорѣе, то прочнѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ классахъ общества. Конечно, образованіе семейныхъ совѣтовъ, какъ учрежденія новаго, едва ли можетъ быть признано обязательнымъ по всѣмъ опекамъ надъ крестьянами, но они должны учреждаться по требованію родственниковъ опекаемыхъ или въ силу завѣщательнаго распоряженія ихъ родителей.

Предсѣдательство въ семейномъ совѣтѣ слѣдуетъ предоставить предсѣдателю сельскаго схода, старостѣ. Принятіе званія члена семейнаго совѣта должно быть признано обязательнымъ для родственниковъ опекаемаго; исключеніе можетъ быть сдѣлано только для тѣхъ изъ нихъ, для которыхъ участіе въ засѣданіяхъ совѣта затруднительно по отдаленности ихъ мѣстожительства. Въ остальномъ организація семейнаго совѣта, предлагаемая комиссіею, вполнѣ пригодна и для крестьянскихъ опекъ. Членами семейныхъ совѣтовъ назначаются мать опекаемаго, если она не состоитъ опекуншею, и лица, назначенныя родителями, хотя бы и не состоящія въ родствѣ съ опекаемымъ. За недостаткомъ указанныхъ лицъ, къ участію въ семейномъ совѣтѣ призываются родственники или свойственники опекаемаго, преимущественно ближайшіе, но лишь въ томъ числѣ, въ какомъ это необходимо для образованія семейнаго совѣта въ наимень-

шемъ допускаемомъ проектомъ составѣ, т.-е. въ составѣ двухъ членовъ, кромѣ предсѣдателя. Образованный такимъ образомъ семейный совѣтъ можетъ во всякое время пополнить свой составъ путемъ кооптаціи, но число его членовъ не должно превышать шести. Само собою разумѣется, что опекунъ не можетъ быть членомъ семейнаго совѣта.

Нельзя только согласиться съ предложеніемъ комиссіи относительно ограниченія права женщинъ на участіе въ семейныхъ совѣтахъ ближайшими степенями родства съ опекаемымъ, до третьей включительно. Такое ограниченіе по отношенію только къ женщинамъ представляется совершенно произвольнымъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Примѣчаніе къ 21 статьѣ Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

2) Рѣшенія 1-го департамента сената отъ 8 мая 1875 года по дѣлу Коненова и отъ 13 іюня 1877 года по дѣлу Челнокова;—Побѣдоносцева „Курсъ гражданскаго права", стр. 213; — Оршанскаго „Народный судъ и народное право" см. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1875 года кн. III, стр. 66—68.

3) Объяснительная записка къ проекту устава объ опекахъ и попечительствахъ, выработанному комиссіею по составленію русскаго гражданскаго уложенія, стр. 138—139.

4) „По отношенію къ опекамъ надъ сельскими обывателями признано необходимымъ отступить отъ общихъ правилъ устава лишь въ немногихъ случаяхъ. Нѣкоторыя обязанности по проекту возложены не на волостной судъ или не на опекуновъ, а на сельскихъ старостъ и сельскіе сходы, какъ-то: составленіе описи подлежащему опекѣ имуществу и принятіе до учрежденія опеки мѣръ попеченія о личности несовершеннолѣтняго и указаніе лицъ, могущихъ быть опекунами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ принятіе первоначальныхъ мѣръ охраненія имущества возложено на волостного старшину, а назначеніе опекуновъ непосредственно на волостной судъ. Безграмотность сельскихъ обывателей не признана причиною, освобождающею отъ опекунскихъ обязанностей. Семейные совѣты не учреждаются при волостныхъ судахъ. Отдача денегъ несовершеннолѣтняго взаймы вовсе воспрещена. Относительно продажи, залога и найма имуществъ допущены также нѣкоторыя исключенія. Опекунамъ дозволяется представлять словесные отчеты. На волостные суды могутъ быть приносимы словесныя жалобы. Штрафы на опекуновъ налагаются въ гораздо меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ вообще по опекунскому уставу. Опекунамъ дозволяется въ нѣкоторыхъ случаяхъ руководствоваться мѣстными обычаями. Наконецъ, переводъ опеки установляется отчасти по другимъ правиламъ, чѣмъ по статьѣ 59 проекта." См. проектъ устава объ опекахъ и попечительствахъ съ объяснительною къ нему запискою. С.-Петербургъ, 1891 года, стр. 139.

5) Тамъ же, стр. 126—127.

6) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ: томъ I, стр. 542, 561, 614; томъ III, стр. 169, 220, 234, 245, 301, 323, 326, 330, 338, 357, 397, 411, 444; томъ IV, стр. 522; томъ V, стр. 383; томъ VI, стр. 123, 411, 646.—Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губерніи Н. Добротворскаго, см. Юридическій Вѣстникъ 1889 года, томъ II, стр. 274.— Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону М. Харузина, стр. 254.

7) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ: томъ I, стр. 35, 38, 112, 146—147, 341, 380—381, 336—337, 218, 319, 360, 644, 673, 688; томъ II, стр. 42—43, 129, 185, 206, 441, 604; томъ III, стр. 75, 79, 85, 335, 368, 444; томъ IV, стр. 3, 9, 14, 238; томъ V, стр. 139, 142, 393; томъ VI, стр. 29, 44, 51, 104—105, 156, 349, 353, 410.—Крестьянскіе суды Владимірской и Московской губерній И. Шрага, Юридическій Вѣстникъ 1877 года, № 9 и 10, стр. 74.— Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону М. Харузина, стр. 255.—По вопросу объ опекѣ въ крестьянскомъ быту Хр. Шнейдера, Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1889 года, № 12.—Судебный Вѣстникъ 1875 года № 56, корреспонденція изъ Павлоградскаго уѣзда.

8) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ: томъ I, стр. 77, 130, 134, 293; томъ II, стр. 256, 407; томъ III, стр. 315, 319, 382, 404, 454; томъ V, стр. 48, 52, 60, 120, 279, 285, 290, 295, 320.

9) Тамъ же, томъ II, стр. 3, 124, 143, 157, 284; томъ III, стр. 368; томъ VI, стр. 46.

10) Тамъ же, томъ III, стр. 120.—Объ обычномъ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянъ Харьковской и Полтавской губерній Чернова, Кіевскія Университетскія Извѣстія 1881 г. № 5, стр. 130.

11) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ: томъ II, см. рѣшеніе волостного суда на стр. 85; томъ VI, стр. 268.

12) О неназначеніи опеки при жизни отца несовершеннолѣтняго см. Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ; томъ II, стр. 26, 29, 65, 71, 143, 157; томъ III, стр. 301, 323, 326, 330, 338, 357, 397, 411, 444; томъ IV, стр. 14; томъ V, стр. 142, 396; томъ VI, стр. 48.

О неназначеніи опеки при жизни матери несовершеннолѣтняго см. Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ: томъ I, стр. 624; томъ II, стр. 26, 29, 65, 71, 143, 157, 229, 256, 323, 331, 377, 382, 488, 603; томъ III, стр. 376; томъ IV, стр. 14, 488; томъ V, стр. 21, 142, 396; томъ VI, стр. 48.—„Народные обычаи въ селѣ Краковѣ“ I. Архангельскаго, Самарскія Епархіальныя Вѣдомости, стр. 257.

О неназначеніи опеки при жизни одного изъ родителей см. также „Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губерніи“ Н. Добротворскаго, Юридическій Вѣстникъ 1889 года, томъ II, книги 2 и 3, стр. 274. — „Крестьянскіе суды Владимірской и Московской губерній“ И. Шрага, Юридическій Вѣстникъ 1877 года, №№ 9 и 10, стр. 74.

13) См., напр., рѣшенія волостныхъ судовъ, приведенныя въ трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 359, 378, 688.

14) Тамъ же, томъ I, стр. 391, 733; томъ II, стр. 172, 217; томъ III, стр. 376; томъ IV, стр. 488, 503, 511, 522. — „Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарскаго уѣзда“ I. Архангельскаго, Самарскія Епархіальныя Вѣдомости 1876 года № 11, стр. 253.

15) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ II, стр. 36; томъ III, стр. 376. — „Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарскаго

уѣзда" I. Архангельскаго, Самарскія Епархіальныя Вѣдомости 1876 года № 11, стр. 253.

16) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 379, 579; томъ II, стр. 131; томъ V, стр. 122—123.—„Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарскаго уѣзда" I. Архангельскаго, Самарскія Епархіальныя Вѣдомости 1876 года № 11. „Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи", составилъ Кн. Н. Костровъ, Томскъ, 1876 года, стр. 36—38.

17) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ; см., напр., томъ V, стр. 279—284.

18) Тамъ же, томъ V, стр. 279—284.—„Очерки народнаго юридическаго быта Алтайскаго горнаго округа" С. Чудновскаго, журналъ „Русское Богатство" 1894 года № 7, стр. 66—67.—„Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарскаго уѣзда" I. Архангельскаго, Самарскія Епархіальныя Вѣдомости 1876 года № 11, стр; 255; обычай этотъ, по моимъ наблюденіямъ, весьма распространенъ въ Смоленскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи.

19) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 275—276, 280, 293, 299, 391, 425, 435, 451, 465, 505, 518, 523, 541, 560, 572, 579, 606, 613, 624, 665, 727; томъ II, стр. 164, 178, 229, 256, 284, 352, 370, 383, 407, 414, 430, 441, 453, 460, 464, 488, 603; томъ III, стр. 2, 13, 75, 79, 84, 104, 117, 169, 189, 201, 211, 381, 387, 499; томъ IV, стр. 96, 252; томъ VI, стр. 29, 44, 51, 54, 195, 205, 267, 312, 357, 456—457, 492, 591.—„Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи", составилъ Кн. Н. Костровъ, стр. 36—38.—„Очерки народнаго юридическаго быта Алтайскаго горнаго округа" С. Чудновскаго, журналъ „Русское Богатство" 1894 года № 7, стр. 67—68.

20) „Крестьянская женщина" А. Ефименко, журналъ „Дѣло" 1873 г. № 2, стр. 189—190.—„Курсъ гражданскаго права" К. Побѣдоносцева, часть II, изд. 1875 г., стр. 213.—„Двадцатилѣтняя практика Кемецкаго (Валдайскаго уѣзда) волостного суда по вопросамъ гражданскаго права" А. Гольмстена, Журналъ гражданскаго и уголовнаго права 1887 года кн. 4, ст. 119.—„Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи", составилъ Кн. Н. Костровъ, стр. 36—38.

21) „Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ пяти томахъ Нижегородскаго сборника" В. Ф. Кудрявцева, „Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ", кн. IV, стр. 92—93.

22) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 77, 95, 112, 117, 124, 130, 134, 142, 160, 174, 175, 185, 391, 425, 435, 451, 465, 541, 560, 572, 579, 606, 613, 624, 665, 727; томъ II, стр. 33, 47, 66, 164, 178, 205, 219, 229, 256, 370, 383, 430, 488, 603; томъ III, стр. 2, 13, 75, 79, 84, 104, 117, 169, 189, 201, 211, 220, 233, 244, 323, 326, 357, 381, 387, 454; томъ IV, стр. 96, 119, 174, 183; томъ V, стр. 279, 284, 290, 499; томъ VI, стр. 29, 44, 48, 51, 54, 195, 205, 267, 312, 357, 465—467, 492, 591.

23) См., напр., „Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ пяти томахъ Нижегородскаго сборника" В. Ф. Кудрявцева, „Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ", книга IV, стр. 92—93.

24) „Крестьянская опека (очеркъ обычнаго права)" И. Тютрюмова, Русская Рѣчь 1880 года № 6, стр. 68.

25) „Обычное гражданское право въ Россіи" С. В. Пахмана, т. II, гл. VII, стр. 348.

26) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 35, 38, 85, 95, 112, 124, 160, 174, 185, 204, 212—213, 224, 235, 254, 275, 280, 317, 425, 451, 488, 506, 524, 542, 561, 573, 580, 606, 614, 624, 642, 666, 676, 695, 727, 752; томъ II, стр. 3, 26, 29, 42—43, 54, 61, 65, 71, 93, 129, 165, 178, 206, 284, 332, 377, 389, 413—414, 430, 453, 459, 464, 471; томъ III, стр. 3, 32, 51, 75, 79, 85, 164, 145, 153, 161, 169, 189, 195, 201, 211, 220, 234, 245, 301, 323, 326, 330, 338, 357, 376, 444.—„Крестьянскіе суды Владимірской и Московской губерній" И. Шрага, Юридическій Вѣстникъ 1877 года №№ 9 и 10, стр. 73.—„Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губерніи" Н. Добротворскаго, Юридическій Вѣстникъ 1889 года, т. II, кн. 2-я и 3, стр. 274. — „Къ вопросу о юридическихъ обычаяхъ: устройство и состояніе волостной юстиціи въ Тамбовской губерніи" Константина Чепурнаго, оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій. Кіевъ, 1874 года, стр. 30.

27) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 417, 435, 442, 814; томъ II, стр. 93, 112, 124, 135; томъ IV, стр. 20, 25; томъ V, стр. 120, 279; томъ VI, стр. 402, 404. — „Крестьянскіе суды Владимірской и Московской губерній" И. Шрага, Юридическій Вѣстникъ 1877 г. №№ 9 и 10, стр. 74.

28) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 506, 573, 727; томъ II, стр. 33, 42—43, 54, 65, 206, 377; томъ III, стр. 3, 32, 51, 75, 79, 85, 104, 145, 161, 169, 301, 323, 326, 330, 338, 368, 388, 411, 444; томъ IV, стр. 238, 248; томъ V, стр. 3, 396, 415; томъ VI, стр. 29, 44, 92, 364, 648, 723.—„Крестьянскіе суды Владимірской и Московской губерній" И. Шрага, Юридическій Вѣстникъ 1877 года №№ 9 и 10, стр. 73.

29) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 299, томъ III, стр. 201, томъ IV, стр. 238, 258. — „Объ обычномъ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянъ Харьковской и Полтавской губерній", докладъ Чернова, Кіевскія Университетскія Извѣстія 1881 года № 5, стр. 129.—„Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону" М. Харузина, стр. 253.

30) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 392; томъ II, стр. 413—414, 430.

31) „Обычное гражданское право въ Россіи" С. Пахмана, томъ II, гл. VII, стр. 350.

32) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ IV, стр. 258.—„Объ обычномъ, семейномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянъ Харьковской и Полтавской губерній", докладъ Чернова, Кіевскія Университетскія Извѣстія 1881 года, № 5, стр. 130.

33) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 35, 38, 85, 112, 124, 147—148, 185, 336—337, 319, 299, 380—381, 524; томъ II, стр. 3, 71, 430, 593, 604; томъ III, стр. 4, 32, 51, 79, 85, 376; томъ IV, стр. 118, 144, 174, 183, 211, 464, 487, 502, 522; томъ V, стр. 3, 9, 16, 33, 383, 396, 415, 518; томъ VI, стр. 361, 456—457, 482, 483, 492, 565—566.—„Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону" М. Харузина, стр. 253. „Село Козьмо-Демьянское, Щетинской волости, Пошехонскаго уѣзда" (экономическо-юридическій очеркъ С. Я. Дерунова, Ярославскія Вѣдомости за 1890 г. № 27. — „Объ обычномъ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянъ Харьковской и Полтавской губерній", докладъ Чернова, Кіевскія Университетскія Извѣстія 1881 года № 5, стр. 129.

34) „Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губерніи" Н. Добротворскаго, Юридическій Вѣстникъ 1889 года, т. II, кн. 2 и

3, стр. 275. — Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ II, стр. 42—43, 206, 604.

35) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 35, 38, 85, 112, 124, 204, 212—213, 224, 235, 254, 275, 280, 286, 299, 425, 451, 488, 506, 524, 542, 561, 573, 580, 606, 614, 624, 642, 666, 676, 695, 727, 752, 814; томъ II, стр. 3, 42—43, 54, 284, 324, 389, 413—414, 430, 459, 464, 471, 479, 604; томъ III, стр. 32, 51, 75, 79, 85, 145, 153, 161, 169, 301, 323, 326, 330, 338, 357, 397, 411, 444; томъ IV, стр. 69, 96, 106, 113, 118, 144, 174, 183, 211, 248, 252, 258, 266, 271, 296, 306, 316, 471, 487; томъ V, стр. 499; томъ VI, стр. 44, 48, 92, 123, 196, 206, 223, 234, 268, 275, 411, 492, 601, 619, 628.

36) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ III, стр. 65, 376; томъ VI, стр. 268.—„Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губерніи“ Добротворскаго, Юридическій Вѣстникъ 1889 года, томъ II, стр. 274.—„Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону“ М. Харузина, стр. 254.

37) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ II, стр. 129; томъ III, стр. 65, 264; томъ V, стр. 115; томъ VI, стр. 486—487.— „Крестьянскіе юридическіе обычаи въ восточной части Владимірской губерніи“ Н. Добротворскаго, Юридическій Вѣстникъ 1889 года, томъ II, стр. 274.— „Очерки народнаго быта“ (обычное право) С. Пономарева, Сѣверный Вѣстникъ 1887 года, № 2, стр. 54.

38) Рѣшенія Общаго Собранія 1-го, 2-го и Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената отъ 23 ноября 1887 года (циркулярный указъ 30 іюня 1888 года).

39) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ I, стр. 341, 422; томъ II, стр. 21—22; томъ III, стр. 107, 148, 149, 150, 183, 244, 264, 415; томъ VI, стр. 3, 598.

40) См. III главу III раздѣла проекта устава объ опекахъ и попечительствахъ 1891 года.

41) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ II, стр. 413—414.

42) Тамъ же, томъ II, стр. 441.

43) Тамъ же, томъ II, стр. 430.

44) Тамъ же, томъ III, стр. 201.

45) Тамъ же, томъ IV, стр. 258.

46) Тамъ же, томъ I, стр. 204, 212—213, 275, 488; томъ II, стр. 54, 464, 471; томъ IV, стр. 69, 91, 96, 113, 266, 271.

47) Тамъ же, томъ I, стр. 451, 261, 506; томъ II, стр. 178; томъ IV, стр. 296, 306, 316.

48) Тамъ же, томъ I, стр. 224, 235, 254, 280, 299, 425, 524, 542, 561, 573, 614, 676, 695; томъ II, стр. 26, 29, 33, 284, 324, 332, 389, 413—414, 430, 341, 479; томъ III, стр. 201, 211; томъ IV, стр. 106, 252, 258; томъ V, стр. 68, 72, 87, 93, 101, 114, 499; томъ VI, стр. 123, 411, 601, 619, 628.

49) Тамъ же, томъ I, стр. 212—213, 451, 488, 506; томъ II, стр. 54, 178; томъ IV, стр. 113, 266, 296, 316.

50) Тамъ же, томъ V, стр. 108.—„Объ обычномъ семейномъ и наслѣдственномъ правѣ крестьянъ Харьковской и Полтавской губерній“, докладъ Чернова, Кіевскія Университетскія Извѣстія 1881 года № 5, стр. 130.

51) Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, томъ V, стр. 93, 87.

52) Тамъ же, томъ V, стр. 101.

53) Тамъ же, томъ I, стр. 224, 235, 254, 280; томъ II, стр. 389, 479; томъ III, стр. 211; томъ IV, стр. 252; томъ V, стр. 72, 87, 93, 114.

54) Тамъ же, томъ I, стр. 280, 299, 542, 561, 614, 695; томъ II, стр. 29, 33, 332; томъ IV, стр. 106; томъ VI, стр. 123, 411, 601, 619, 628.—„По вопросу объ опекѣ въ крестьянскомъ быту" Тифлова, Саратовскія Губернскія Вѣдомости 1889 года № 6. — „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону" М. Харузина, стр. 255.

55) Рукопись покойнаго сенатора Н. В. Колачева, сохранившаяся въ матеріалахъ, находившихся въ распоряженіи состоявшей при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи объ опекахъ, выписка изъ которой приведена въ объяснительной запискѣ къ проекту устава объ опекахъ и попечительствахъ, выработанному комиссіей по составленію русскаго гражданскаго уложенія 1891 г., стр. 116—117.—Обсудивъ въ 1848 году вопросъ о назначеніи вознагражденія опекунамъ надъ имѣніемъ малолѣтнихъ сиротъ изъ государственныхъ крестьянъ, министерство государственныхъ имуществъ пришло къ заключенію, что „нѣтъ надобности дѣло, по общимъ понятіямъ крестьянъ, богоугодное обращать въ возмездное и тѣмъ порождать охлажденіе въ десяткахъ тысячъ опекуновъ, которые по состоянію сиротъ не только не могутъ получать отъ нихъ вознагражденіе, но и сами должны, какъ это дѣлается, содержать ихъ на свой счетъ". См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1859 года, № 3, „Объ опекѣ у государственныхъ поселянъ" А. Раева, стр. 209.

56) Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1859 года, № 3, стр. 211.

57) Примѣчаніе къ 21 ст. и 4 п. 51 ст. Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

58) Объяснительная записка къ проекту устава объ опекахъ и попечительствахъ, выработанному комиссіею по составленію русскаго гражданскаго уложенія, стр. 129—130.

59) Тамъ же, стр. 137—138.

60) Ст. 4 проекта устава объ опекахъ и попечительствахъ, выработаннаго комиссіей по составленію русскаго гражданскаго уложенія.

61) См. объясненіе къ 308 ст. проекта устава объ опекахъ, стр. 591—592.

А. Танцовъ,
членъ-корреспондентъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА ВЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ РУССКАГО УЧЕНАГО.

Проф. М. М. Ковалевскій. — Происхожденіе современной демократіи. Томъ I. М. 1895. 8°. Стр. VIII+658+2 нен. Ц. 2 р. 50 к. Изданіе К. Т. Солдатенкова

Оригинальная русская литература по всеобщей исторіи, какъ извѣстно, отличается поразительной бѣдностью сочиненій общаго характера, почти, можно сказать, блещетъ ихъ отсутствіемъ. Вотъ почему наша критика не безъ особеннаго сочувствія отмѣтила появленіе общаго курса по „Исторіи Западной Европы въ новое время" петербургскаго профессора всеобщей исторіи *Н. И. Карѣева*, — курса, который, несмотря на свой значительный объемъ, прямо разсчитанъ на большую публику. Новый трудъ бывшаго профессора московскаго университета *М. М. Ковалевскаго*, хотя и носитъ на себѣ до нѣкоторой степени спеціальный заголовокъ и какъ-будто не вполнѣ приноровленъ къ уровню умственнаго развитія нашей большой публики, представляетъ собою однако сочиненіе и общаго характера, и доступное, быть можетъ, не безъ порядочныхъ усилій, для изученія большинству читающей публики. Разсматриваемый именно съ этой точки зрѣнія названный трудъ проф. Ковалевскаго обращаетъ на себя особенное вниманіе, какъ весьма цѣнное пріобрѣтеніе оригинальной русской литературы по всеобщей исторіи, понимаемой въ данномъ случаѣ самымъ обширнымъ образомъ. Настоящій отчетъ о немъ не претендуетъ на детальный критическій разборъ и на оцѣнку научной его оригинальности, а пытается дать лишь общую характеристику содержанія и руководящихъ идей, положенныхъ въ его основаніе; авторъ отчета считаетъ это умѣстнымъ преимущественно въ интересахъ наи-

большей популяризаціи книги проф. Ковалевскаго, предполагая, что вопросы, въ ней затронутые, представляютъ широкій общественный интересъ и существенное значеніе для русскаго читателя.

„Изслѣдованіе“ проф. Ковалевскаго, какъ онъ самъ называетъ свой трудъ, не представляетъ собою ни новой исторіи французской революціи, ни оцѣнки ея общихъ результатовъ; дѣло, совершонное революціей, изучается исключительно въ сферахъ *политической* и *соціальной*, при чемъ авторъ имѣетъ въ виду „не столько ходъ развитія самаго законодательства, направленнаго къ рѣшенію экономическихъ и общественно-государственныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ революціей, сколько процессъ развитія демократической доктрины“, положенной въ основу этого законодательства (стр. VI). Этотъ высокаго интереса и значенія вопросъ о происхожденіи современной демократіи, которой еще такъ много предстоитъ совершить въ будущемъ и охватить въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи пока еще запретные для нея уголки европейскаго континента, ставится нашимъ авторомъ очень широко и выходитъ за предѣлы обѣщанныхъ имъ въ ближайшемъ будущемъ трехъ томовъ. Мы узнаемъ о дальнѣйшихъ планахъ проф. Ковалевскаго, довольно грандіозныхъ и соблазнительныхъ, изъ его очень цѣнныхъ воспоминаній, напечатанныхъ въ первой книжкѣ *„Русской Мысли“* за 1895 годъ подъ заголовкомъ „Мое научное и литературное скитальчество“. „Въ нынѣшнемъ году, пишетъ проф. Ковалевскій, должны выйти три тома по исторіи происхожденія современной демократіи (стр. 78—79), посвященные изображенію того періода, когда восторжествовавшая въ 1789 году французская буржуазія ищетъ союза и поддержки въ крайне ограниченной и обдѣленной ею королевской власти. Я намѣренъ продолжать это сочиненіе и прослѣдить судьбы той же демократіи въ эпоху цезаризма Наполеона, буржуазныхъ монархій 1815 и 1830 годовъ, вплоть до торжества начала всеобщаго голосованія и первой постановки соціалистической программы. Я намѣренъ также посвятить цѣлые томы изображенію начальныхъ судебъ европейской демократіи въ городскихъ общинахъ Италіи и въ эпоху ея десятилѣтняго торжества въ Англіи,—эпоху, связанную неразрывно съ памятью объ англійской республикѣ и о протекторатѣ Кромвеля. Обработка моихъ общихъ курсовъ и въ особенности того, который посвященъ исторіи развитія государственныхъ формъ съ паденія Римской имперіи до французской революціи, дастъ мнѣ возможность точнѣе выяснить то взаимодѣйствіе экономическихъ, соціальныхъ

и политическихъ факторовъ, на которые я старался обратить вниманіе слушателей въ эпоху преподаванія. Чѣмъ болѣе приближаемся къ тому роковому перелому, съ котораго начинается одряхлѣніе, тѣмъ сильнѣе чувствуется потребность свести воедино результаты своихъ работъ, дать синтетическое выраженіе своимъ мыслямъ. Интересъ къ монографическимъ изслѣдованіямъ постепенно падаетъ и является желаніе обхватить цѣлыя эпохи общимъ взглядомъ. Этотъ періодъ уже наступилъ для меня. На 44 году жизни пора подумать уже о томъ, чтобы оставить по себѣ нѣчто цѣльное, а не однѣ лишь разрозненныя попытки выставить новыя или оживить старыя гипотезы. Къ тому же *русская читающая публика нуждается всего болѣе въ такихъ синтетическихъ работахъ*. Нежелательно, разумѣется, приниженіе ихъ до уровня учебниковъ съ неизбѣжно связаннымъ догматизмомъ и апріорностью, но пользованіе собственными изслѣдованіями и чужими монографіями для общей картины цѣлыхъ эпохъ и въ особенности поворотныхъ моментовъ въ исторіи едва ли не является наиболѣе желательнымъ при современной обработкѣ историческихъ, общественныхъ и политическихъ вопросовъ въ нашемъ отечествѣ". Таковы планы нашего автора. Зная его необыкновенно широкое общее образованіе, котораго такъ часто недостаетъ русскимъ профессорамъ, обширную начитанность и ничѣмъ не стѣсняемую возможность пристальнаго и непосредственнаго наблюденія современной западно-европейской жизни, легко понять интересъ и значеніе, какое можетъ имѣть для русской публики, весьма нуждающейся въ уясненіи соотвѣтствующихъ текущимъ потребностямъ политическихъ понятій, задуманное сочиненіе о происхожденіи современной демократіи.

Первый томъ этого сочиненія занятъ выясненіемъ элементовъ, изъ которыхъ сложилось ученіе о гражданскомъ равенствѣ и народномъ суверенитетѣ, начатое проводиться въ жизнь Учредительнымъ Собраніемъ. Свое изученіе демократической доктрины, зародившейся на почвѣ критическаго отношенія къ общественному и политическому строю Франціи, установившемуся къ концу XVIII вѣка, авторъ и начинаетъ съ сжатой характеристики этого строя (Часть 1-я: „общественный строй Франціи въ концѣ XVIII вѣка"—стр. 1—241.—Часть 2-я: „политическій строй Франціи наканунѣ революціи"—стр. 245—334) и теорій, въ которыхъ нашла выраженіе упомянутая доктрина (Часть 3-я: „общественныя и политическія доктрины Франціи прошлаго столѣтія"—стр. 337—540.—Часть 4-я: „политическія доктрины"—стр. 543—658). Первый томъ распадается такимъ образомъ на

двѣ равныхъ по объему части, неодинаковыхъ по своему внутреннему достоинству и научной оригинальности, а также по своей доступности для русскаго читателя; приходится при этомъ пожалѣть, что книга начинается какъ разъ наиболѣе трудной для нашего читателя главой, къ тому же наименѣе отчетливо обработанной авторомъ, хотя и цѣнной по качеству того матеріала, который положенъ въ ея основаніе. Дѣлаемъ эту оговорку потому, что при извѣстной пугливости русской читающей публики къ слишкомъ серьезному чтенію, эта глава неосновательно могла бы отпугивать отъ дальнѣйшаго ознакомленія съ интересной книгой проф. Ковалевскаго.

Революція 1789 года, которая была, по словамъ венеціанца Капелло, войной бѣдныхъ противъ богатыхъ, стерла съ лица земли извѣстный общественный и политическій строй. Современники и участники революціи сходили со сцены въ убѣжденіи, что дѣятели 1789 года ниспровергли феодальную систему. Такое убѣжденіе плохо соотвѣтствовало дѣйствительности; не феодализмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова былъ зломъ, отъ котораго избавила Францію революція 1789 года, положившая основаніе господству новыхъ соціально-политическихъ началъ въ западно-европейскихъ государствахъ. Если прибѣгнуть къ нѣкоторой натяжкѣ и окрестить „именемъ феодализма систему капиталистическаго производства и вообще всякаго рода общественные порядки, основу которыхъ составляетъ монополія, сосредоточеніе орудій производства, будетъ ли то земля или капиталъ, въ рукахъ немногихъ и обездоленіе массы трудящагося люда“ (стр. 59), то пожалуй можно будетъ сказать, что Франція „наканунѣ революціи придерживалась феодальныхъ порядковъ не только въ сферѣ землевладѣнія и сельскаго хозяйства, но и въ сферѣ движимаго капитала и кредита, въ сферѣ обрабатывающей промышленности и торговаго обмѣна“. Наканунѣ революціи мелкая крестьянская собственность представляла величину на столько незначительную, что вполнѣ возможно говорить о монополизаціи земли въ рукахъ высшей буржуазіи и *дворянства* (стр. 40); только о послѣдней и можно говорить, какъ о сохранившейся чертѣ феодализма въ собственномъ смыслѣ этого слова. Монополизировавшіе въ своихъ рукахъ земельную собственность постарались сохранить за собою привилегію сваливать подати и государственныя повинности на невладѣтельные классы общества, на лицъ не располагавшихъ имущественной обезпеченностью, создавъ такимъ образомъ поражающее противоположеніе бѣдныхъ богатымъ. Это неесте-

ственное расчлененіе государственнаго населенія на враждебно настроенные другъ противъ друга классы съ отсутствіемъ личной зависимости ярко свидѣтельствуетъ о вырожденіи феодальнаго строя, въ эпоху господства котораго обязательства помѣщиковъ и крестьянъ обоюдны и одинаково отвѣчаютъ интересамъ и тѣхъ, и другихъ. Постепенное вырожденіе феодальныхъ правъ въ конгломератъ монополій и привилегій помѣщиковъ въ ущербъ экономическому благосостоянію оброчнаго крестьянства не способствовало и экономическому возрожденію дворянства, упорно стоявшаго за сохраненіе аномалій и не сознававшаго обоюдной выгоды реформы; борьба съ выродившейся сеньеріальной системой сводилась на устраненіе этихъ монополій и привилегій въ интересахъ большинства всего населенія. „Сеньеріальная система, по словамъ проф. Ковалевскаго (стр. 130—131), крайне тяжкая для крестьянства, далеко не обезпечивала и помѣщикамъ, въ пользу которыхъ она была установлена, ожидаемыхъ выгодъ. Въ то время какъ поселянинъ, по выраженію нѣкоторыхъ кайе, „обнищалъ подъ бременемъ поборовъ въ пользу собственника", самъ этотъ собственникъ не выручалъ съ своихъ земель той ренты, какую доставила бы ему сдача ихъ въ аренду; онъ долженъ былъ сверхъ того поступиться доброю частью своего дохода въ пользу всякаго рода посредниковъ, начиная съ составителей помѣстныхъ описей или terriers и оканчивая стряпчими-фидистами. Вотъ почему картинѣ крестьянскаго обѣднѣнія мы не можемъ противопоставить быстраго роста зажиточности и богатства въ сферѣ привилегированныхъ". Такъ господствовавшая благодаря сеньеріальной системѣ вѣчно наслѣдственная аренда и съ трудомъ взыскиваемые съ обнищавшаго крестьянства платежи, не содѣйствуя матеріальному благосостоянію дворянства, и въ рядахъ послѣдняго дифференцировали бѣдныхъ и богатыхъ и сосредоточивали собственность въ рукахъ немногихъ; среди духовенства происходило то же явленіе (стр. 142, 144). Немногіе изъ высшей аристократіи и настоятелей искони богатѣйшихъ монастырей могли наперерывъ услаждать другъ друга невѣроятными проявленіями роскоши и разнузданными выходками черезчуръ сытыхъ людей; большинство дворянства жило въ бѣдности и въ одно слово ходатайствовало передъ правительствомъ объ освобожденіи отъ поголовнаго и подоходнаго налоговъ тѣхъ изъ его членовъ, которые „едва въ состояніи прокормиться, завѣдуя лично своими землями"; большинство приходскаго духовенства томилось почти въ нищетѣ заодно съ крестьяниномъ. „Кюре и его викарный,

картинно выражается проф. Ковалевскій, жили одной жизнью съ мужикомъ, заодно съ нимъ голодали и пьянствовали, заодно съ нимъ унижались передъ старшими, уступая почтительно дорогу проѣзжему епископу и довольствуясь обѣдомъ въ его людской. Ихъ соединяли общее горе и общая ненависть. Въ глазахъ церковной аристократіи сельскій кюре былъ такимъ же „отдающимъ навозомъ смердомъ", какимъ для помѣщика являлся его сервъ. Священникъ зналъ это не хуже крестьянина, онъ зналъ также, на что идутъ накопленныя церковью сокровища, и съ упованіемъ взиралъ на подготовлявшіяся событія въ надеждѣ, что они въ такой же мѣрѣ положатъ конецъ его вѣковой зависимости отъ крупныхъ бенефиціаріевъ, въ какой освободятъ крестьянина отъ тяготѣвшихъ на немъ путъ сеньеріальнаго права" (стр. 142). Подчеркнувъ высокой важности фактъ монополизаціи собственности и богатства въ рукахъ немногихъ изъ среды дворянства, духовенства и буржуазіи, нельзя не отмѣтить драматическаго положенія захудалаго дворянина, отдѣленнаго отъ остальныхъ пролетаріевъ непроницаемой стѣной дворянскихъ привилегій и вѣковыхъ предразсудковъ и видѣвшаго только въ нихъ и ни въ чемъ другомъ залогъ своего спасенія и будущаго благосостоянія, тогда какъ именно эти отжившіе привилегіи и предразсудки дѣйствовали одинаково губительно на благосостояніе какъ мелкаго дворянства, такъ и оброчнаго крестьянства. Интересы тѣхъ и другихъ равно требовали реформы, которая въ силу естественнаго хода вещей должна была разрѣшиться революціей.

Оброчное крестьянство по преимуществу вынуждено было выносить на своихъ плечахъ весь гнетъ сеньеріальной системы, котораго не могло понять и восчувствовать ослѣпленное дворянство. Ради яснаго представленія силы этого гнета авторъ дѣлаетъ чрезвычайно интересную попытку на основаніи современныхъ эпохѣ мемуаровъ и приходскихъ кайе опредѣлить издержки сельско-хозяйственнаго производства и количество несомыхъ крестьянской землей платежей, а затѣмъ, сопоставивъ ихъ съ среднимъ размѣромъ урожаевъ, выраженныхъ въ одновременныхъ рыночныхъ цѣнахъ, отвѣтить на вопросъ, въ какой мѣрѣ ежегодный доходъ, извлекаемый земледѣльцемъ изъ воздѣлываемой имъ почвы, шелъ на покрытіе издержекъ его существованія (стр. 166 и сл.). Экономическія условія, среди которыхъ приходилось влачить свое существованіе крестьянству, были несомнѣнно ужасными. Пускай писатели школы Ип. Тэна настойчиво говорятъ о преувеличеніяхъ, въ какія впадали составители

кайе при изображеніи народныхъ бѣдствій, пускай даже они до нѣкоторой степени правы, фактъ все-таки остается тотъ, что экономическое благосостояніе крестьянства наканунѣ революціи, разрывавшагося въ платежахъ сеньеру, церкви и государству, было гораздо ниже сноснаго уровня. Обобранный въ пользу сеньера и церкви крестьянинъ долженъ былъ справляться съ все усиливающимся ростомъ государственныхъ тягостей, всѣмъ своимъ бременемъ на него падавшихъ. Податная система „стараго порядка", какъ справедливо замѣчаетъ проф. Ковалевскій (стр. 173), тѣмъ существенно „отличается отъ современной, что ей совершенно чуждо представленіе о равенствѣ обложенія. Его не существуетъ ни между жителями разныхъ провинцій, ни между членами тѣхъ трехъ сословій, на какія дѣлилась нація. Образованіе французскаго единства, благодаря постепенному соединенію подъ властью одной династіи народностей, съумѣвшихъ выговорить себѣ въ большей или меньшей степени неприкосновенность ихъ историческаго права, объясняетъ намъ причину, по которой въ предѣлахъ одного и того же государства одновременно держались разнообразнѣйшія и противорѣчащія другъ другу системы податей; почему въ однѣхъ провинціяхъ прямой налогъ падалъ на землю, а въ другихъ на личность; почему соляная монополія была неизвѣстна однимъ мѣстностямъ, слабо чувствовалась другими и всею своею тягостью падала на третьи; почему однихъ сборовъ съ питей насчитывалось до пятидесяти, и таможенныя заставы воздвигнуты были на границахъ провинцій, точно ими кончались предѣлы государства". Стало быть, не одни только сословныя предразсудки и ростъ государственныхъ потребностей создавали несоразмѣрную тяжесть обложенія: недостатки податной системы и привилегіи провинцій являлись въ данномъ случаѣ весьма существеннымъ факторомъ (стр. 195). Но какъ невозможно было матеріальное возрожденіе дворянства безъ уничтоженія сеньеріальной системы, за которую оно слѣпо держалось, такъ и здѣсь немыслима реформа податной системы безъ искорененія различія провинцій, тормозившаго нормальное развитіе народнаго хозяйства, но съ азартомъ ими охранявшагося; реформа того и другого безусловно назрѣла въ интересахъ всего государственнаго населенія. Попытка реформы не удалась, не удалась, потому что ея необходимости не сознавали владѣльцы привилегій, безъ оглядки вѣря, что въ этихъ отжившихъ привилегіяхъ—источникъ матеріальнаго и нравственнаго могущества, залогъ сохраненія исторической чести; правительство отступило

предъ колебавшимся могуществомъ традиціи, и революція могучимъ напоромъ смыла всѣ эти перегородки между сословіями, лицами и провинціями, давъ жизнь демократической доктринѣ и болѣе или менѣе нормальному развитію государственнаго и народнаго хозяйства.

Была еще одна общественная сфера, внутри которой также развивался разладъ, рѣзкая дифференціація элементовъ: это— сфера промышленниковъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, сохранявшая еще внѣшній обликъ цеховой организаціи, господствовавшей и сдѣлавшей свое дѣло въ средніе вѣка, но въ своихъ пережиткахъ наканунѣ революціи представлявшей грустную аномалію. Мы присутствуемъ здѣсь при возникновеніи мучительнаго *рабочаго вопроса*, которымъ пришлось настойчиво и слишкомъ внимательно заняться въ XIX вѣкѣ. Читатели, несомнѣнно, съ большимъ интересомъ остановятся, поэтому, на третьей главѣ первой части сочиненія проф. Ковалевскаго (стр. 203—241— „цеховое устройство и зарожденіе свободной промышленности"). Къ сожалѣнію, эта глава не отличается достаточною подробностью въ разработкѣ вопроса объ отношеніяхъ рабочихъ къ предпринимателямъ въ предшествующій революціи періодъ. Авторъ отлично сознаетъ это самъ, когда заявляетъ (стр. 240), что матеріалы для рѣшенія этого вопроса далеко еще не собраны вполнѣ. „Экономическая исторія Франціи, говоритъ онъ, вообще не написана. Департаментскіе и муниципальные архивы почти не изслѣдованы въ этомъ отношеніи. Имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ едва достаточно для того, чтобы намѣтить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ то направленіе, въ какомъ совершилось постепенное разложеніе средневѣковой солидарности рабочихъ и предпринимателей и подготовлено было наступленіе новыхъ экономическихъ порядковъ ничѣмъ не сдерживаемой конкурренціи", вызванныхъ къ жизни не революціей, а лишь только узаконенныхъ послѣдней.

Революціи, какъ сказано выше, не пришлось громить феодальной организаціи, такъ какъ феодализмъ въ собственномъ смыслѣ этого слова не дожилъ до послѣдней четверти XVIII столѣтія; тоже самое приходится сказать и о цеховой организаціи. Цеха, какъ естественнаго дополненія къ феоду, построеннаго на тѣхъ же началахъ имущественной солидарности между іерархически соподчиненными классами, уже не существовало наканунѣ революціи [1]). Цеховое устройство, говоритъ авторъ

[1]) Срв. на стр. 215 „цехъ, подобно феоду, представляетъ собою полную и довольно сложную производительную группу, въ которой одинаково приняты

(стр. 205), въ томъ видѣ, въ какомъ мы застаемъ его наканунѣ революціи, настолько же уклонилось отъ своего первоначальнаго типа, насколько сеньеріальное право является вырожденіемъ права феодальнаго". Характеризуя средневѣковый цехъ достаточно ярко, проф. Ковалевскій не безъ ироніи подчеркиваетъ два факта: 1) Благодаря отсутствію свободной конкурренціи безъ равенства между людьми въ средствахъ и власти средніе вѣка не знали той страшной бездны, которая въ наши дни раздѣляетъ предпринимателя и рабочаго, не знали этой возмутительной противоположности между капиталистомъ и пролетаріемъ, собственникомъ и безземельнымъ батракомъ. 2) Изъ цеховыхъ статутовъ видно, что нормальный рабочій день обнималъ собою не болѣе 11 часовъ; если изъ этого количества рабочаго времени вычесть два часа, полагавшихся на завтракъ и обѣдъ, то надо признать, что тотъ восьмичасовой рабочій день, о которомъ наперерывъ хлопочатъ современныя рабочія программы, довольно близко подходитъ къ средневѣковымъ хозяйственнымъ порядкамъ, еще не знавшимъ тѣхъ вопіющихъ злоупотребленій чужимъ трудомъ, которыми не стыдятся дорожить нынѣшніе фабриканты и разнаго рода предприниматели-капиталисты. „Если, говоритъ проф. Ковалевскій (стр. 211, 212), ремесленнику и приходилось подчасъ проводить девять и десять часовъ за работой, то съ другой стороны большое число праздниковъ и строгое соблюденіе воскреснаго отдыха, нерѣдко начинавшагося съ вечера субботы и длившагося до полудня понедѣльника, обезпечивали ему даже большій досугъ, чѣмъ тотъ, какого тщетно требуютъ для себя современные рабочіе". Еслибы провести параллель нѣсколько далѣе, то пришлось бы указать еще на одно условіе, выгодно отличавшее средневѣковаго рабочаго отъ нынѣшняго. Средневѣковый рабочій былъ, такъ сказать, художникомъ своего дѣла, стремившимся изучить его въ совершенствѣ, чтобы имѣть опредѣленные виды въ будущемъ, нынѣшій рабочій—машина; онъ измученъ не одною только продолжительностью работы, но ея однообразіемъ и своей пассивной ролью при ней; пріобрѣтая всевозможныя профессіональныя уродства въ своемъ организмѣ, онъ не можетъ питать никакихъ надеждъ на улучшеніе своей судьбы въ будущемъ; выкинутый съ мѣста, онъ

въ разсчетъ интересы публики, предпринимателей и простыхъ исполнителей труда, и обезпечена возможность наслѣдственной передачи техническихъ знаній и практическаго опыта, благодаря іерархическому подчиненію и послѣдовательному прохожденію каждымъ тѣхъ различныхъ ступеней, которыя ведутъ къ мастерству".

становится безпомощнымъ существомъ, которое неминуемо гибнетъ съ своей семьей, если ему не придетъ на помощь общественная благотворительность или стройная организація рабочаго союза, не во всѣхъ еще государствахъ завоевавшая право гражданства; средневѣковый же цехъ былъ оплотомъ трудящагося люда отъ безработицы. Вырождаясь, цеховая организація потеряла, подобно феодальной, имущественную солидарность рабочихъ и предпринимателей; монополизація капитала и привилегій и отсутствіе абсолютной свободы труда развивали явленія, съ которыми уже болѣе чѣмъ знакомъ XIX-й вѣкъ. Представивъ любопытные образцы рабочихъ движеній XVIII вѣка, питавшихся разложившимся цеховымъ устройствомъ, проф. Ковалевскій замѣчаетъ, что эти движенія (стачки) имѣютъ много общаго съ тѣми, которыхъ мы являемся столь частыми свидѣтелями. „Особенность XVIII-го вѣка, продолжаетъ онъ (стр. 226, 227), составляетъ отношеніе правительства и цехового начальства къ этимъ попыткамъ солидарной оппозиціи. Современное законодательство допустило *свободу стачекъ*, но оно сдѣлало это весьма недавно и далеко не вполнѣ. На моихъ глазахъ отмѣнено въ Англіи уголовное преслѣдованіе противъ лицъ, пустившихъ въ ходъ нравственное насиліе, съ цѣлью привлечь къ стачкѣ тѣхъ, кто стоитъ отъ нея въ сторонѣ. Сто лѣтъ назадъ всякая попытка соединить рабочихъ въ одномъ рѣшеніи считалась преступленіемъ. Она давала поводъ къ обжалованію со стороны мастеровъ, къ судебному преслѣдованію передъ городскими властями и парламентами, къ отправленію войскъ на мѣсто дѣйствій и расторженію сходокъ силою. Мало того ,она оправдывала принятіе властями предупредительныхъ мѣръ противъ рабочихъ союзовъ, какъ-то: запрещеніе всякихъ сборищъ на площадяхъ и въ трактирахъ, установленіе обязательной для всѣхъ мастеровъ заработной платы, отказъ въ наймѣ лицамъ, не отпущеннымъ ихъ прежними хозяевами, передачу дѣла вербовки рабочихъ въ руки особыхъ агентовъ, установленіе рабочихъ книжекъ и т. д.“. Наше поколѣніе настолько уже успѣло отвыкнуть отъ всякаго рода мѣръ противъ рабочихъ союзовъ и рабочей организаціи вообще, что, читая эти строки, невольно съ особеннымъ вниманіемъ присматриваешься къ тому, что сдѣлано революціей 1789-го года и въ этой сферѣ, и что еще предстоитъ сдѣлать нарождающемуся столѣтію въ интересахъ разгрома капиталистическаго строя. Не слѣдуетъ однако думать, что паденіе цехового устройства есть исходный моментъ въ развитіи пролетаріата: издавна существовалъ неимѣвшій корпора-

тивнаго устройства классъ gros ouvriers или обыкновенныхъ поденщиковъ, которыхъ насчитывалось въ одномъ Парижѣ не одна сотня тысячъ (описаніе ихъ быта у Мерсье приведено проф. Ковалевскимъ на стр. 236—237).

Мы познакомились съ существенными мотивами первой части новаго сочиненія проф. Ковалевскаго, которая имѣетъ цѣлью ознакомить читателей съ общественнымъ строемъ Франціи стараго порядка. На основаніи изученія обширнаго матеріала, авторъ пытался нарисовать болѣе или менѣе цѣльную картину тѣхъ пережитковъ феода и цеха, которые влачили свое существованіе наканунѣ революціи, процесса вырожденія послѣднихъ и тѣхъ результатовъ, къ которымъ оно привело; авторъ ярко выдвинулъ необходимость реформы съ одной стороны и съ другой косность традиціи въ лицѣ провинціальныхъ и сословныхъ предразсудковъ, наложившихъ veto на реформаторскія усилія правительства. Такъ революція и была призвана смыть всѣ пережитки, мѣшавшіе нормальному росту государства: она и стерла ихъ во Франціи такъ, что подъ ея ударами затрещали остатки средневѣковаго наслѣдія и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ.

Изъ отдѣльныхъ подробностей нарисованной авторомъ картины слѣдуетъ отмѣтить характеристику видовъ сеньеріальныхъ правъ, изъ которыхъ обычнѣйшими, распространеннѣйшими и наиболѣе доходными являлись банналитеты, право охоты и голубятенъ. Авторъ справедливо подчеркнулъ громадный экономическій вредъ, наносившійся крестьянству особенно „королевскими охотами“ (capitaineries). „Переворотъ, вызванный ими въ сферѣ крестьянскаго хозяйства, говоритъ проф. Ковалевскій, едва ли оцѣненъ еще должнымъ образомъ. Недостаточно сказать, что они поглотили собою не малую часть общинныхъ выпасовъ и лѣсовъ, что забота о сохраненіи дичи заставила отодвинуть на значительное разстояніе отъ королевскихъ парковъ крестьянскія поселенія и упразднить хутора и деревни, разсѣянные въ предѣлахъ этихъ нынѣ запретныхъ полянъ. Надо прибавить еще, что всѣмъ сосѣднимъ къ нимъ жителямъ запрещено было защищать посѣвы и луга оградами и даже возводить плетни вокругъ своихъ усадьбъ. Кто думалъ защитить дворъ затворами и замками, обязанъ былъ по обычаю надѣлить верховнаго сюзерена и всего чаще короля ключемъ—и все это для того, чтобы королевская охота не втрѣчала на своемъ пути никакихъ преградъ и могла также свободно травить выгнаннаго изъ засады звѣря на чужихъ земляхъ, какъ на своихъ собственныхъ“ (стр. 119, 104, 105).

Едва ли также можно обойти молчаніемъ страницы, посвященныя авторомъ церковной десятинѣ (стр. 131—142) и налогамъ на предметы первой необходимости хлѣбъ, соль, вино (стр. 176 и сл.), въ связи съ грубыми пріемами ихъ взиманія, заставившими составителя Немурскаго кайе объявить существовавшую систему сбора съ питей противной доброй нравственности и свободѣ личной и домашней. Нравственность народа оскорблялась и приходскимъ духовенствомъ, которое, играя роль духовныхъ пастырей, превращалось въ алчныхъ и назойливыхъ сборщиковъ. Эти господа (стр. 137) вмѣшивались во всѣ частности крестьянскаго хозяйства, то и дѣло производя въ немъ путаницу и заводя нескончаемый рядъ процессовъ изъ-за недоборовъ, процессовъ, разорявшихъ одинаково и пастыря, и паству. И такой обоюдный разгромъ назывался „мирнымъ совладѣніемъ пастырей съ паствою“.

При изученіи *общественнаго* строя Франціи стараго порядка пришлось по адресу современниковъ и дѣятелей 1789 г. говорить, что революція низвергла не феодальную систему, а остатки отъ нея въ видѣ разнаго рода монополій и привилегій въ пользу высшаго класса и провинцій (стр. 116); при изученіи же *государственнаго* строя авторъ вынужденъ высказываться противъ мнѣнія Тюрго, выраженнаго въ обращеніи къ Людовику XVI: „зло, отъ котораго страдаетъ государство, лежитъ въ томъ, что у насъ нѣтъ конституціи“. Вопреки широкому толкованію этой фразы въ томъ смыслѣ, что старая Франція не имѣла незыблемыхъ политическихъ основъ, прочно установленнаго государственнаго порядка (стр. 245 и сл.), проф. Ковалевскій понимаетъ ее не болѣе какъ простое отрицаніе наличности во Франціи стараго порядка бумажной конституціи, отнюдь не какъ отрицаніе всякихъ опирающихся на историческіе прецеденты политическихъ устоевъ, несомнѣнно существовавшихъ еще съ среднихъ вѣковъ (срв. стр. 544). Авторъ такъ настойчиво хочетъ освоить насъ съ своимъ узкимъ толкованіемъ фразы Тюрго, что всей второй части своей книги даетъ подзаголовокъ „*старинная французская конституція*“. Что же это за конституція—вопросъ, на который приходится отвѣчать особенно тщательно, чтобы наслѣдить съ одной стороны революціонныя вѣянія въ политической жизни Франціи наканунѣ 1789-го года (срв. стр. 295), а съ другой, чтобы тщательно отличить фактически установившіеся политическіе порядки отъ идеала таковыхъ у защитниковъ стараго порядка. Знакомство съ внѣшней стороной политическаго механизма Франціи, функ-

ціонировавшаго по крайней мѣрѣ въ послѣднее пятидесятилѣтіе передъ революціей, даетъ право нашему автору предложить такого рода фразу: „Гораздо ранѣе всякаго заимствованія; всякаго формальнаго усвоенія англійскаго ученія о различіи между королемъ и правительствомъ, королемъ, отвѣтственнымъ только передъ Богомъ, правительствомъ, нуждающимся въ контролѣ установленныхъ закономъ учрежденій, французы, благодаря практикѣ высшихъ судовъ и въ частности парижскаго парламента, съумѣли примирить обязанности безпрекословнаго повиновенія королю съ попытками общественнаго протеста противъ ошибочно направляющихъ его политику министровъ" (стр. 305). Здѣсь нѣтъ выраженій, полныхъ юридической опредѣленности (срв. стр. 245, 246). Авторъ, разумѣется, отлично понимаетъ это и самъ предупреждаетъ на этотъ счетъ читателя: вѣдь эта юридическая опредѣленность, говоритъ онъ, отсутствовала въ самомъ строѣ государственной жизни. Это обстоятельство заставляетъ насъ предположить нѣкоторое теоретическое увлеченіе у нашего автора. Тюрго былъ правъ, говоря, что французская монархія страдаетъ отсутствіемъ конституціи; въ его фразу, приведенную выше, нельзя подставлять къ термину „конституція" опредѣленіе „бумажная", а скорѣе—„равно всѣми понимаемая и признаваемая". Вѣдь изъ книги проф. Ковалевскаго можно привести не одну цитату, доказывающую, что современники послѣдняго пятидесятилѣтія передъ революціей не разъ путались, если можно здѣсь такъ выразиться, въ опредѣленіи конституціонности или неконституціонности того или иного политическаго положенія съ точки зрѣнія дѣйствовавшаго государственнаго права.

Въ средніе вѣка опредѣленный общественный и политическій порядокъ выражался въ феодальной системѣ съ ея іерархическимъ расчлененіемъ общества на послѣдовательные политическіе пласты, изъ которыхъ каждый, неся извѣстныя обязанности, пользовался соотвѣтственно и извѣстными правами. Расцвѣтъ этого порядка относится къ XIV вѣку, послѣ чего начинается во Франціи его упадокъ, совершавшійся въ политической сферѣ не послѣдовательно и постепенно какъ въ другихъ государствахъ Европы, а при помощи практики coups d'état. Генеральные штаты, созванные послѣдній разъ въ 1614 г., были отмѣнены фактически, успѣвъ однако произвести то прочное впечатлѣніе на умы, что въ дѣлѣ налоговаго обложенія король не абсолютенъ и связанъ согласіемъ сословій. Наканунѣ революціи не только никто не освободился отъ этого впечатлѣнія, но его настойчиво дополняли требованіемъ періодичности созыва генеральныхъ шта-

товъ (стр. 267,323, 332). Вслѣдъ за прекращеніемъ правильнаго созыва генеральныхъ штатовъ участіе парламентовъ и верховныхъ судовъ въ дѣлѣ обнародованія законовъ явилось непосредственнымъ источникомъ извѣстнаго контроля за королевскими эдиктами и постановленіями совѣта: простое право регистраціи при Карлѣ VI превратилось въ право провѣрки (droit de vérification), связавшееся съ критикой законодательныхъ постановленій, въ формѣ скромныхъ представленій (humbles rémontrances), критикой, борьбу съ которой приходилось королевской власти вести тѣмъ, что на административномъ языкѣ Франціи называлось lit de justice и lettre de, cachet. Эта оппозиція парламентовъ и борьба съ нею королей представляетъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ въ конституціонной исторіи Франціи XVIII вѣка, на которой и можно прослѣдить развитіе революціонныхъ вѣяній (срв. стр. 265). Но полагая *генеральные штаты* съ ихъ ограничивающимъ короля въ дѣлѣ налоговаго обложенія правомъ и *парламенты* съ ихъ правомъ провѣрки въ основу старинной французской конституціи, проф. Ковалевскій (стр. 264) спѣшитъ оговориться, что „никто не вправѣ былъ требовать отъ короля созыва генеральныхъ штатовъ" ни въ XIV, ни въ послѣдующихъ вѣкахъ и „ничто въ историческомъ прошломъ Франціи не говоритъ также о правѣ парламентовъ указывать королю на необходимость той или другой правительственной политики, критиковать административныя мѣропріятія министровъ; они могли только отказывать въ своемъ содѣйствіи дѣлу обнародованія законовъ, да и этой весьма скромной по задачамъ оппозиціи король могъ положить конецъ личнымъ приказомъ и административной ссылкой; lettre de cachet и насильственное переселеніе въ провинцію непокорныхъ, таковъ былъ установленный прецедентами порядокъ прекращенія столкновеній, вызываемыхъ съ одной стороны неограниченностью законодательныхъ функцій монарха, а съ другой—неограниченностью отказа въ регистраціи". За то абсолютно противнымъ историческому прошлому Франціи надо признать заявленіе Людовика XVI отъ 6 мая 1788 г., что Франціи нуженъ одинъ король, одинъ законъ, одинъ актъ обнародованія (enregistrement). Но „конституція старой Франціи допускала единство только въ лицѣ короля, въ сферѣ же законовъ и мѣстной администраціи, призванной приводить ихъ въ дѣйствіе, она мирилась съ требованіями разнообразія, обусловленнаго притязаніемъ „народовъ и провинцій" на относительную независимость и автономію" (стр. 269). *Самоуправленіе мѣстныхъ сословій и мѣстныхъ судебныхъ палатъ* было третьимъ по-

литическимъ устоемъ, на которомъ держался государственный порядокъ старой Франціи и который шелъ въ разрѣзъ цитованному заявленію Людовика XVI, проекту о cour plenière, введенію въ провинціи интендантовъ съ широкими и болѣе или менѣе неопредѣленными полномочіями полицейскими, финансовыми, судебными. Провинція упорно держалась за свои привилегіи, и парламенты находились въ рѣзкой оппозиціи правительству при его попыткахъ реформировать провинціальное самоуправленіе. Современники, если не всегда оправдывали эту парламентскую оппозицію, то во всякомъ случаѣ представляли ее болѣе или менѣе отвѣчавшей характеру французской конституціи. Очень строго относившійся къ парламентамъ Безенваль въ письмѣ къ Ламуаньону отъ 29 іюня 1787 г. пишетъ: „Я не предложу вамъ отмѣны парламентовъ по примѣру канцлера Мону; такого рода акты насилія придаютъ законному авторитету окраску деспотизма" (стр. 298). Не останавливаясь на деталяхъ политическаго идеала защитниковъ стараго порядка, можно замѣтить, что высшія сословія многихъ провинцій довольствовались возстановленіемъ и развитіемъ тѣхъ основъ, на которыхъ нѣкогда была построена французская монархія. „Они видѣли, говоритъ намъ авторъ (стр. 333), въ ихъ цѣлости и незыблемости одинаковую гарантію какъ своимъ интересамъ, такъ и политической свободѣ. Все несогласное съ ними считалось опаснымъ новшествомъ, неразумнымъ подражаніемъ иностранцамъ. Чтобы не потерять самобытности, необходимо было въ ихъ глазахъ сохранить историческую традицію, не порывать наслѣдственной связи съ прошлымъ. Только (стр. 334) этимъ путемъ можетъ быть созданъ оплотъ противъ разрушительнаго вліянія демократическихъ вѣяній и не менѣе ихъ опаснаго произвола министровъ, всегда враждебныхъ провинціальнымъ и сословнымъ вольностямъ, всегда готовымъ стоять за централизацію и правительственную опеку", во многихъ случаяхъ губительную [1]). Реформа общаго и мѣстнаго самоуправленія, предложенная Тюрго и имѣвшая въ своей основѣ черты всесословности и отсутствія политическихъ функцій, расходилась съ идеаломъ защитниковъ стараго порядка (см. стр. 279 и сл.); ея неуспѣхъ заставляетъ насъ тѣмъ внимательнѣе отнестись къ ней, что въ эпоху Учредительнаго Собранія мысли

[1]) Срв. слова д'Аржансона: „величайшій недостатокъ абсолютизма лежитъ въ желаніи во все вмѣшиваться, всѣмъ управлять чрезъ посредство прямыхъ королевскихъ агентовъ". Срв. тамъ же на стр. 286 слова о томъ, что областное самоуправленіе не можетъ ни ослаблять, ни разрушать монархическій принципъ.

Тюрго остаются руководящими началами революціонныхъ дѣятелей. Вѣдь и они въ основу мѣстнаго представительства клали собственность и всесословность, а оригинальныя построенія Сіейса сводились къ одностороннему воспроизведенію тѣхъ положеній, какія выработались во Франціи конца XVIII вѣка критикой существующей системы административной централизаціи и сословнаго представительства провинціи (стр. 280, 289).

Когда выше говорено было объ *общественномъ* строѣ Франціи накануне революціи, то приходилось рѣзко выставить на первый планъ то положеніе, что, несмотря на коренную необходимость для всѣхъ общественныхъ классовъ реформы сословной организаціи и желаніе правительства такъ или иначе провести ее, послѣдняя сломилась о сопротивленіе провинцій и владѣтельныхъ классовъ. Если обратимся къ пристальному наблюденію *политическаго* строя Франціи накануне революціи и его функціонированія, то увидимъ тоже самое: попытка политической реформы со стороны правительства громилась парижскимъ и провинціальными парламентами. И тамъ, и тутъ оппозиція дѣйствовала въ интересахъ сохраненія исконныхъ началъ французскаго государственнаго устройства съ извѣстными, конечно, продолженіями и поправками и противъ напора демократическихъ вѣяній. Логическій ходъ вещей приводилъ къ революціи, которая для многихъ не была неожиданностью въ идеѣ и въ тоже время неожиданно для многихъ совершила великое дѣло гораздо скорѣе и шире, чѣмъ можно было ожидать. Чѣмъ ближе къ 1789-му году, тѣмъ энергичнѣе характеръ парламентской оппозиціи, тѣмъ сильнѣе вліяніе послѣдней на ходъ событій и на характеръ реформъ: она равно била и по монархическому принципу, и по демократическимъ вѣяніямъ французскаго общества (стр. 300, 310; срв. стр. 314, 315 о нотабляхъ). За то и революція равно сбила съ ногъ и парламентскіе предразсудки, и монархическій принципъ. Д'Аржансонъ былъ тысячу разъ правъ, когда исходъ парламентской оппозиціи, пріобрѣвшей особенную популярность, видѣлъ въ паденіи абсолютизма и въ распространеніи того простого взгляда, что это наихудшій изъ образовъ правленія.

Демократическая доктрина медленно, но вѣрно пробивала себѣ дорогу: революція съ неподражаемой очевидностью доказала ея жизненность, а XIX-й вѣкъ имѣлъ возможность наблюсти рядъ блестящихъ ея успѣховъ, несмотря на то, что историческій тормазъ работалъ до ломки большинства своихъ винтовъ.

Отъ ознакомленія съ политическимъ и общественнымъ строемъ старой Франціи, политическими и общественными идеалами за-

щитниковъ стараго порядка и причинами неуспѣха правительственныхъ реформъ, приведшаго къ революціи, авторъ переходитъ къ характеристикѣ того пути, какимъ на почвѣ существовавшихъ экономическихъ и государственныхъ порядковъ сложилась революціонная доктрина, которую дѣятели 1789 г. провели въ законодательство и административную практику. Эта характеристика общественныхъ и политическихъ доктринъ Франціи прошлаго столѣтія и составляетъ содержаніе второй половины разбираемаго сочиненія, отличающейся меньшею оригинальностью, но бóльшею живостью и доступностью для читающей публики, а для извѣстной ея части и бóльшимъ интересомъ; она начинается съ того положенія, что экономическія и общественныя доктрины Франціи XVIII столѣтія „всецѣло вытекли изъ критики современныхъ имъ хозяйственныхъ порядковъ и существующаго строя соціальныхъ отношеній“, и что даже въ отвлеченныхъ трактатахъ Монтескьё и Руссо среди разсужденій о вопросахъ общечеловѣческихъ наталкиваешься на вопросы, которые составляли злобу дня, предметъ преимущественнаго вниманія общественнаго мнѣнія страны. Въ первой главѣ третьей части своего сочиненія авторъ предлагаетъ характеристику физіократическаго ученія, вытекшаго изъ протеста противъ кольбертизма (стр. 405), и его непосредственныхъ практическихъ результатовъ. Вліяніе школы физіократовъ авторъ подчеркиваетъ достаточно рѣзко: къ ней, какъ къ первоначальному источнику, приходится восходить для точнаго ознакомленія съ тѣми воззрѣніями, какія руководили дѣятелями революціи въ ихъ соціальныхъ преобразованіяхъ. „Въ этомъ отношеніи, говоритъ проф. Ковалевскій (стр. 341), вліяніе физіократовъ столь же несомнѣнно, какъ вліяніе Монтескьё и Руссо въ сферѣ политической. Теорія „produit net“ оставила свой слѣдъ въ наказахъ ни больше, ни меньше, какъ теорія общественнаго договора и раздѣленія властей. Мало того, она въ такой же мѣрѣ обусловила собою декреты 4 августа и содержаніе многихъ статей „Деклараціи правъ“, въ какой Contrat Social и Esprit des lois наложили свою печать на конституцію 1791 года“. Физіократамъ принадлежитъ выдающаяся роль въ установленіи понятій свободы собственности и права на трудъ (ср. стр. 359, 373, 438, 464, 480, 527). Сельскіе кайе горячо схватились за физіократическое ученіе о свободѣ собственности, страдавшее извѣстною непослѣдовательностью (физіократы не стѣснялись, напр., наложить руку на право помѣщиковъ на ярмарочныя и провозныя пошлины). И самая эта непослѣдовательность, отсутствіе которой внесло бы бóльшую стройность

въ систему физіократовъ, только содѣйствовала ихъ практическому вліянію. „Позднѣйшая критика, замѣчаетъ авторъ, не нашла бы у нихъ столько противорѣчій, но историку въ меньшей мѣрѣ пришлось бы настаивать на вліяніи, оказанномъ ими на ходъ законодательства и на пережитую Франціей соціальную революцію". Широкая проповѣдь экономической и политической свободы не помѣшала физіократамъ высказываться противъ всякаго рода ассоціацій лицъ, связанныхъ между собою единствомъ интересовъ, противъ такъ-называемаго esprit de corps; эта свобода признавалась ими (какъ и энциклопедистами) исключительно за лицами, а не за корпораціями (ср. стр. 385 и сл.); ихъ враждебность къ ассоціаціямъ всякаго рода, рабочимъ союзамъ, ставшимъ такою насущною необходимостью въ наше время, объясняется фантастическимъ представленіемъ объ экономической солидарности, будто бы существующей между всѣми классами общества. Въ этомъ взглядѣ они сошлись и съ многими кайе, и съ правительствомъ революціонной поры. Но вотъ въ чемъ физіократы безусловно расходились съ общественнымъ мнѣніемъ страны, такъ это по вопросу о природѣ государственной власти. Физіократы не были сторонниками абсолютизма, по существу они сходились даже, какъ настаиваетъ проф. Ковалевскій (стр. 361), съ воззрѣніями и Монтескьё, и Руссо, настаивая на единствѣ суверенитета [1]) и являясь противниками теоріи раздѣленія и равновѣсія властей. Легальный абсолютизмъ физіократовъ, какъ и слѣдовало ожидать, потерпѣлъ полное крушеніе: ни одинъ изъ кайе не дошелъ до легкомыслія усвоить эту сторону физіократическаго ученія, а видный представитель школы Дюпонъ де-Немуръ въ Учредительномъ Собраніи сталъ на сторонѣ тѣхъ, кто требовалъ раздѣла верховной власти между королемъ и народнымъ представительствомъ. Было трудно, да и необходимости никакой не было идти противъ внѣдрившагося глубоко представленія о томъ, что абсолютизмъ — наихудшая форма правленія, представленія не созданнаго фантасмагоріей досужихъ мыслителей, а вынесеннаго изъ глубокаго историческаго опыта; физіократы скоро убѣдились, что сверху никогда ничего не дождешься, и перемѣнили фронтъ. „Рѣшительное нежеланіе, говоритъ нашъ авторъ (стр. 364), общественнаго мнѣнія послѣдовать за новой экономической школой въ защитѣ неограниченности и безкон-

[1]) Верховная власть съ точки зрѣнія физіократовъ не была свободна отъ подчиненія естественному закону, и самое ея назначеніе сводилось къ признанію въ формѣ положительныхъ законовъ тѣхъ велѣній разума и справедливости, какія заключаютъ въ себѣ законы естественные.

трольности королевской власти даже въ сферѣ экономической заставило ихъ отказаться отъ этой части своего ученія", которая не была тѣсно связана съ сущностью физіократической доктрины. Не будемъ останавливаться на любопытныхъ подробностяхъ о возраженіяхъ, дѣлавшихся въ свое время ея различнымъ сторонамъ, и нѣкоторыхъ произведеніяхъ памфлетной литературы, въ которыхъ порою ищутъ зародыши позднѣйшихъ соціалистическихъ и коммунистическихъ ученій.

Двѣ слѣдующія главы третьей части разсматриваютъ крестьянскій и рабочій вопросъ въ литературѣ и наказахъ 1789 г. и затѣмъ податныя теоріи прошлаго столѣтія и ихъ вліяніе на наказы 1789 г. И здѣсь автору постоянно приходится считаться съ положительнымъ или отрицательнымъ воздѣйствіемъ физіократовъ и особливо взглядовъ Тюрго (см. особенно стр. 485 и сл., стр. 501) на характеръ пережитой Франціей прошлаго вѣка соціальной революціи. Авторъ заканчиваетъ третью часть своего изслѣдованія общимъ обзоромъ роли экономической теоріи физіократовъ, характеризующимъ его основные взгляды на этотъ счетъ. Читатель долженъ остановиться на этомъ сжатомъ обзорѣ (стр. 537 — 540), потому что онъ не только резюмируетъ содержаніе третьей части изслѣдованія, но и превосходно вводитъ въ пониманіе его послѣдующихъ частей, которыхъ пока еще нѣтъ въ нашемъ распоряженіи. „Безсильные измѣнить общественное мнѣніе, заключаетъ нашъ авторъ, разъ дѣло шло о такихъ сторонахъ ихъ (т.-е. физіократовъ) теоріи, которыя задѣвали непосредственные интересы народныхъ массъ, неспособные поколебать вѣры въ необходимость регламентировать хлѣбную торговлю и даже установлять максимумъ цѣнъ на продукты первой необходимости и трудъ рабочаго, терпя полное пораженіе въ вопросѣ о свободѣ внѣшней торговли и замѣнѣ всѣхъ существующихъ налоговъ единымъ земельнымъ, всецѣло падающимъ на ренту собственниковъ, физіократы въ то же время доставили дѣятелямъ революціи критерій для сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ всей существующей въ ихъ время экономической и общественной организаціи. Они подняли знамя возстанія, противъ меркантилизма и цеховой исключительности, провозгласили свободу собственности, свободу труда и начало равенства всѣхъ предъ налогомъ, потребовали отмѣны не только сословныхъ, но и провинціальныхъ изъятій въ дѣлѣ обложенія, наконецъ, породили въ умахъ увѣренность въ существованіи незыблемыхъ и неотложныхъ экономическихъ законовъ, съ которыми правитель долженъ считаться едва ли не въ такой же мѣрѣ, какъ и съ за-

конами природы. Тѣмъ самымъ они придали дѣлу общественнаго обновленія Франціи цѣльность и стройность, помѣшали подчиненію его временнымъ требованіямъ политики, наложили на него печать принципіальности". Физіократы провозгласили свободу личной конкурренціи, выступили противъ всякой групповой солидарности, видя въ первой панацею для всѣхъ общественныхъ бѣдствій, а въ проявленіи послѣдней анархическую тенденцію. Такъ „духъ корпораціи на время былъ изгнанъ, но ожидаемое отъ того примиреніе частнаго интереса съ общимъ не послѣдовало, и въ рядахъ противниковъ вновь созданнаго революціей порядка не замедлили выступить тѣ самые классы, которымъ обезпечена была его пресловутая „свобода труда".

Послѣдняя четвертая часть разбираемаго тома, посвященная политическимъ доктринамъ и разбитая на двѣ главы: 1) англоманія (ср. стр. 481) и американофильство и 2) теорія демократической монархіи, представляется на нашъ взглядъ и сильно скомканной, и недостаточно тонко отдѣланной, и несвободной отъ очевидныхъ неточностей. Особенно объ этомъ обстоятельствѣ приходится жалѣть, знакомясь съ первой главой „англоманія и американофильство", которая затрогиваетъ весьма *существенные вопросы* о происхожденіи конституціи 1791 года и о вліяніи англійскихъ и американскихъ политическихъ порядковъ и идей на ея творцовъ. Что касается упрека въ скомканности этой части изслѣдованія нашего автора, то можетъ быть отъ него придется частью отказаться при ознакомленіи со вторымъ томомъ, который, по словамъ предисловія (стр. VIII), посвященъ изученію „Народной монархіи" (Démocratie royale), критикѣ тѣхъ принциповъ, на которыхъ было построено это вновь возведенное революціей зданіе; въ первомъ же томѣ мы пока имѣемъ дѣло съ почвой, выращивавшей созданіе 1791 года и всѣ его неловкости, за которыя приходится отвѣчать предъ судомъ послѣдующихъ поколѣній дѣятелямъ революціи.

Не одинъ разъ и съ разныхъ сторонъ на творцовъ конституціи 91 года сыпались упреки: одни, какъ напр., Бёркъ, напирали на безпочвенность конституціи, неимѣніе ею корней въ прошломъ; другіе, какъ защитники „стараго порядка", громили ее за безоглядочное разрушеніе исконныхъ началъ старой Франціи. Насколько же эти упреки, часто очень страстные, справедливы? Отъ того или иного отвѣта зависитъ пониманіе всего хода какъ революціи, такъ и послѣдующихъ политическихъ переворотовъ. Если дѣятели революціи въ основу вновь создаваемой конституціи не могли положить существовавшіе наканунѣ

1789 г. политическіе порядки, какъ это теперь представляется съ достаточной ясностью современному историку, то что имъ оставалось дѣлать кромѣ подражанія иностраннымъ образцамъ и прислушиванія къ требованіямъ теоріи, лишь бы это подражаніе и прислушиваніе не доходило до слѣпого раболѣпства. Абсолютизмъ французскихъ королей довелъ Францію до полнаго хаоса ея политическихъ порядковъ; нація не могла уже болѣе его выносить: теоретикамъ и разумнымъ политическимъ дѣятелямъ всего естественнѣе было обратиться къ наблюденію тѣхъ именно политическихъ порядковъ, какіе наиболѣе блестящимъ образомъ обезпечивали гражданамъ политическую свободу, т.-е. американскихъ и англійскихъ. Нашъ авторъ и старается ознакомить своихъ читателей съ тѣмъ, кто и какъ изъ французскихъ политическихъ мыслителей и дѣятелей ознакомился съ названными порядками, насколько точно ихъ понималъ и удачно пропагандировалъ: только послѣ сложнаго анализа этихъ подробностей является возможность отвѣтить на очень сложный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ конституція 1791 года была сколкомъ съ англійской и насколько американское вліяніе сказалось въ равной мѣрѣ и въ области соціальныхъ, и политическихъ реформъ. Проф. Ковалевскій рѣзко выдвигаетъ американское вліяніе, и едва ли можно не соглашаться съ его словами (стр. 611), что „оставлять его безъ вниманія, — какъ дѣлаетъ большинство историковъ. значитъ добровольно отказываться отъ знакомства съ однимъ изъ источниковъ, изъ которыхъ вытекло революціонное движеніе 1789 года“. Рекомендуя въ началѣ главы „англоманія и американофильство“ тщательно пересмотрѣть справедливость упрековъ, сыпавшихся на головы творцовъ конституціи 1791 года за безпочвенность и поклоненіе иноземщинѣ, авторъ оставляетъ читателя въ убѣжденіи, что имъ, покончившимъ, если такъ позволительно выразиться въ данномъ случаѣ, по волѣ націи съ абсолютизмомъ, ничего не оставалось другого какъ обратиться за образцомъ къ англійской и американской конституціямъ. Это очень важно помнить для изученія послѣдующаго тома изслѣдованія проф. Ковалевскаго.

Заключительная глава перваго тома съ нѣкоторымъ правомъ можетъ быть названа полемической. „Если вѣрить историкамъ французской революціи,—такъ начинаетъ проф. Ковалевскій главу о теоріи демократической монархіи,—два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга теченія опредѣлили собой ходъ развитія политической мысли въ концѣ прошлаго столѣтія и учредительную дѣятельность національнаго собранія. Рядомъ съ Монтескьё и его школой существовала, говорятъ, школа Руссо и его глав-

наго послѣдователя Мабли. Они-то и были виновниками того разномыслія, какое можетъ быть отмѣчено уже въ первыхъ по времени дебатахъ, посвященныхъ вопросамъ конституціоннаго устройства. Тогда какъ „умѣренные“ довольствовались торжествомъ во Франціи системы равновѣсія властей, при сохраненіи монархической формы устройства, „бѣшеные“ (enragés) будто бы съ самаго начала не желали мириться ни съ чѣмъ помимо демократической республики, и сознательно подготовляли паденіе королевской власти“ (стр. 613). Всю главу посвящаетъ нашъ авторъ полемикѣ съ этимъ взглядомъ, не желая признать, чтобы между школою Монтескье и школою Руссо „дѣйствительно существовала та глубокая черта отличія, которая обыкновенно проводится, и чтобы та и другая *не* послужили къ образованію единой политической доктрины ученія объ уравновѣшенной демократической монархіи“; но полемизируя, авторъ старается прослѣдить вліяніе названныхъ писателей на членовъ Учредительнаго Собранія, указать на размѣры уступокъ правительства Людовика XVI и ихъ недостаточность предъ надвигавшимся демократическимъ потокомъ. Не будемъ входить въ подробности аргументаціи нашего автора, такъ горячо взявшагося защищать *единство революціонной политической доктрины*; этотъ разборъ подробностей могъ бы заставить вступить въ споръ по нѣкоторымъ пунктамъ, а это вывело бы изъ предѣловъ поставленной нами задачи. Необходимо упомянуть только, пользуясь случаемъ, что, выставляя оригинальнѣйшей стороной французской революціи провозглашеніе ею принципа *равенства*, авторъ, по справедливости, цѣнитъ заслуги масоновъ въ привитіи ея французскому и всему вообще европейскому обществу. Слова — *свобода*, *равенство*, *братство*—задолго до революціи сдѣлались ихъ девизомъ. Авторъ посвящаетъ масонамъ обширное и очень интересное примѣчаніе (стр. 631—634), на которое слѣдуетъ обратить вниманіе въ виду его важности [1]).

Сказаннаго достаточно, чтобы понять высокій интересъ новаго труда проф. Ковалевскаго для нашей читающей публики и до нѣкоторой степени представить себѣ его значеніе въ *русской* научной литературѣ, нуждающейся въ работахъ общаго характера. Нужно пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ всего со-

---

[1]) Авторъ цитуетъ здѣсь два сочиненія, которыя, насколько помнится, не эксплуатировались русскими авторами, писавшими по поводу масонства. Это— 1) *Brunetière*. Du rôle de la Franc-Maçonnerie du XVIII Siècle. Nantes 1883 и 2) *Victor Jeanvrot*. De l'influence de la maçonnerie sur la révolution française. Angers. 1884.

става задуманной нашимъ авторомъ обширной работы, которая могла бы быть замѣтной и въ богатѣйшей западно-европейской исторической литературѣ. Московскій университетъ, въ которомъ еще не такъ давно и съ такимъ успѣхомъ читалъ лекціи М. М. Ковалевскій, можетъ смѣло гордиться такимъ виднымъ представителемъ науки и долженъ съ интересомъ ожидать обѣщаннаго имъ изданія курсовъ, читанныхъ на юридическомъ факультетѣ [1]).

В. Сторожевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

[1]) Не можемъ въ примѣчаніи не пожелать настойчиво, чтобы слѣдующіе томы „*Происхожденія современной демократіи*" были изданы гораздо болѣе аккуратно въ типографскомъ отношеніи; въ первомъ томѣ допущено слишкомъ ужъ много опечатокъ.

ВТОРАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ПО ЧАСТНОМУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ ВЪ ГАГѢ 1894 Г.

Нидерландское правительство, какъ извѣстно, взяло на себя почянъ международнаго опредѣленія нѣкоторыхъ частей гражданскаго права съ цѣлію устраненія тѣхъ столкновеній, которыя возникаютъ изъ разнообразія гражданскихъ законовъ различныхъ странъ. Для этого, по приглашенію Голландіи, состоялась въ сентабрѣ 1893 г. въ Гагѣ конференція, которая и выработала правила по слѣдующимъ четыремъ отдѣламъ: условія заключенія брака; сообщеніе судебныхъ и внѣ-судебныхъ актовъ; о вопросныхъ граматахъ и о наслѣдованіи [1]).

Тогда же въ заключительномъ протоколѣ (отъ 23 сентября 1893 г.) была предусмотрѣна вторая конференція частію для пересмотра принятыхъ первою рѣшеній, частію же для продолженія этого великаго дѣла, т.-е. кодификаціи частнаго международнаго права.

Къ счастью, эта вторая конференція не заставила долго себя ждать. По приглашенію Голландіи она снова состоялась въ Гагѣ и продолжалась съ 25 іюня (н. ст.) по 13 іюля 1894 г. [2]). Нидерландское правительство, вмѣстѣ съ приглашеніями, разослало программу занятій для предполагавшагося съѣзда, обнимавшую пять слѣдующихъ группъ вопросовъ: 1) дѣйствія брака на личныя и имущественныя права

---

[1]) Эти постановленія мы приводимъ въ нашей замѣткѣ объ этой конференціи, помѣщенной въ Журн. Юрид. Общ. (1894 г. іюнь).

[2]) Объ этой второй конференціи см. статью о ней ея предсѣдателя Ассера: *Asser*. La codification du droit international privé. Deuxième conférence tenue à la Haye en 1894. (Revue de dr. intern. 1894; p. 349—377). Недавно въ Гагѣ изданы подлинные акты обѣихъ конференцій въ трехъ большихъ книгахъ подъ заглавіемъ: Actes des Conférences de la Haye chargées de reglementer diverses matières de droit international privé. 1893—94.

супруговъ; разводъ и разлученіе, 2) Опека. 3) Уравненіе иностранцевъ съ природными подданными въ области гражданскаго процесса: вопросы о внесеніи ими денежнаго залога (cautio judicatum solvi) и о безмездномъ оказаніи имъ судебной помощи (pro Deo). 4) Несостоятельность. 5) Наслѣдованіе по закону и по завѣщанію.

Всѣ тринадцать государствъ, имѣвшія своихъ представителей на первой гагской конференціи, прислали ихъ и на вторую. Къ нимъ присоединилась теперь еще Швеція-Норвегія. Въ большинствѣ были назначены даже одни и тѣ же лица [3]). Въ числѣ делегатовъ было нѣсколько извѣстныхъ интернаціоналистовъ: проф. Мартенсъ, Рено, Ассеръ, Пьерантони, Мейли и Рогонъ.

Конференція, едва собравшись, тотчасъ же закрыла свои засѣданія въ знакъ печали по убитомъ французскомъ президентѣ Карно. На слѣдующій день (26 іюня) ее привѣтствовалъ нидерландскій министръ иностранныхъ дѣлъ (Röell), выразившій удовольствіе своего правительства по поводу того, что представилась скорая возможность продолжить начатое въ прошломъ году дѣло и что всѣ первые участники его снова явились для этого въ Гагу, приславъ даже большинство изъ прежнихъ делегатовъ. „Хотя конференціи предстоитъ многотрудная задача, но можно ли, сказалъ министръ, усомниться въ ея конечномъ успѣхѣ, въ виду присутствія стольких выдающихся людей, преданныхъ идеѣ, которой они служатъ, и послѣ первыхъ достигнутыхъ уже результатовъ? Впрочемъ, всѣмъ вамъ, господа, извѣстна древняя поговорка: Nil volentibus arduum!“ Старшина дипломатическаго корпуса, представитель Бельгіи, бар. Д'Анетанъ, благодарилъ нидерландское правительство за его участіе къ дѣлу, о чемъ между прочимъ свидѣтельствовало присутствіе его министровъ иностранныхъ дѣлъ и юстиціи. Ассеръ, снова избранный въ предсѣдатели конференціи, ознакомилъ, въ обстоятельной рѣчи, ея членовъ съ программою предстоявшихъ имъ занятій, съ дѣйствіями нидерландскаго правительства и съ движеніемъ въ наукѣ со времени первой гагской конференціи. Вскорѣ по ея закрытіи Голландія сообщила державамъ объ одобре-

[3]) Новыхъ присутствовало лишь 8 лицъ: отъ Германіи—Dirksen, тайный совѣтникъ посольства; отъ Россіи, кромѣ проф. Мартенса, Шиманнъ; отъ Италіи—Пьерантони, сенаторъ и проф. въ Римѣ; отъ Испаніи—Bagnev, ея министръ-резидентъ въ Гагѣ; отъ Португаліи—гр. Tovar, ея министръ въ Гагѣ; отъ Люксембурга—гр. Villers, его повѣренный въ дѣлахъ въ Берлинѣ; отъ Швеціи—Annerstedt, предсѣдатель суда (Kammergericht) въ Стокгольмѣ, и отъ Норвегіи—Beichmann, начальникъ департамента мин. юстиціи въ Христіаніи. Изъ прежнихъ же делегатовъ отсутствовали: гр. Arco-Valley (отъ Германіи); Манухинъ и Малевскій-Малевичъ (Россіи); Кузинато (Италіи); Villa-Urrutia (Испаніи); бар. Sendal (Португаліи) и Chomé (Люксембурга).

ніи ею всѣхъ ея рѣшеній въ принципѣ и о своемъ намѣреніи созвать, въ ближайшее же лѣто, вторую конференцію, для которой она и начертала программу. Въ послѣднюю, кромѣ уже разсмотрѣнныхъ отдѣловъ: о *бракѣ*, о *наслѣдованіи* и о *гражданскомъ процессѣ*, были включены еще два новые: объ *опекѣ* и о *несостоятельности*.

Всѣ правительства отнеслись къ этому приглашенію съ сочувствіемъ. Къ нимъ присоединилась и Швеція-Норвегія [4]). Нѣкоторыя государства, впрочемъ, принимая приглашеніе, сдѣлали оговорки. Данія высказалась за главенство въ частномъ международномъ правѣ не національнаго закона, положеннаго въ основаніе гагскою конференціею, а закона мѣстожительства. Нѣкоторыя правительства сочли нужнымъ напомнить, что постановленія конференціи не могутъ имѣть для нихъ обязательной силы. Подобный взглядъ, сказалъ Ассеръ, вполнѣ правиленъ. Мы призваны только изучить предложенные намъ вопросы и составить по поводу ихъ проекты, наиболѣе подходящіе для рѣшенія юридическихъ споровъ, но мы вовсе не уполномочены связать правительства нашими проектами, ни со стороны ихъ сущности, ни по ихъ формѣ. Имъ самимъ придется рѣшить: превратить ли принятыя вами и ими одобренныя рѣшенія въ международные договоры, или же въ тождественные по содержанію національные законы, и, вѣроятно, вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ не одинаково для различныхъ частей права. Послѣднее обстоятельство опредѣлитъ далѣе и характеръ самыхъ международныхъ соглашеній, т.-е. именно то, будутъ ли они состоять изъ спеціальныхъ конвенцій или примутъ форму универсальную, на подобіе многихъ уже существующихъ уній. Нидерланды, возбудивъ весь этотъ вопросъ, не задавались мыслію объ учрежденіи новаго столь обширнаго союза по частному международному праву, хотя практически цѣль, ими преслѣдуемая, осуществится лишь при содѣйствіи большаго числа державъ. Вышеприведенныя оговорки, однако, не въ состояніи ослабить высокаго практическаго значенія вашего общаго дѣла; вы призваны констатировать, до какихъ предѣловъ достижимо соглашеніе, и приготовить проекты, имѣющіе послужить образцами, въ сферѣ частнаго международнаго права, для будущихъ законовъ и трактатовъ. При этомъ вы стремитесь къ выработкѣ проектовъ, удобопріемлемыхъ для правительствъ не въ далекомъ будущемъ, а теперь же, потому что они не вводятъ въ ихъ законодательства никакихъ новыхъ разрушительныхъ теорій. Ораторъ указываетъ, что во второй части актовъ конференціи 1893 г. помѣ-

[4]) Такъ что изъ европейскихъ странъ въ этихъ работахъ не приняли участія только: Великобританія, Балканскія государства (кромѣ, однако, Румыніи) и Турція.

щены на французскомъ языкѣ законы и договоры по частному международному праву, дѣйствующіе нынѣ во всѣхъ государствахъ, принявшихъ участіе въ этой конференціи. Нечего и говорить, продолжалъ онъ, о научной и практической пользѣ такого сборника: онъ долженъ намъ помочь въ нашемъ дѣлѣ, которое окажется плодотворнымъ лишь подъ однимъ главнымъ условіемъ: чтобы мы въ основаніе нашихъ работъ положили нынѣ дѣйствующее въ государствахъ право. Уклоненія отъ него допустимы развѣ только тамъ, гдѣ того категорически требуетъ интересъ однообразія и гдѣ можно предположить согласіе на это государствъ.

Ассеръ въ заключеніе указалъ на научныя работы, вызванныя первою конференціею въ Гагѣ. Мейли, одинъ изъ швейцарскихъ на ней делегатовъ, хорошо выставилъ на видъ ея цѣли, тенденціи и предшествовавшее ей историческое движеніе въ наукѣ права [5]). Другіе члены ея тоже помѣстили въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи о ней [6]). Она обратила на себя вниманіе постороннихъ ученыхъ юристовъ [7]) и даже вызвала обстоятельное изслѣдованіе Гильома, спеціально, впрочемъ, остановившагося на вопросѣ о бракѣ [8]). Къ этимъ работамъ съ удовольствіемъ можемъ присоединить и интересную статью въ нашей литературѣ: *г. Никольскій* недавно помѣстилъ въ Журналѣ Юрид. Общества обзоръ постановленій обѣихъ конференцій въ Гагѣ и хорошій къ нимъ комментарій [9]).

Ассеръ также не скрылъ отъ своихъ товарищей преграды и проволочки, которыя, вѣроятно, встрѣтитъ ихъ дѣло на практикѣ до полнаго своего осуществленія. Рено не безъ основанія вспомнилъ, что подготовительныя работы къ бернской желѣзнодорожной конвенціи тянулись цѣлыя 12 лѣтъ. Если, по аналогіи, приложить тотъ же расчетъ ко всей области частнаго международнаго права, то кодификація его потребовала бы, пожалуй, даже вѣка, но при этомъ не

---

[5]) *Meili.* Der erste europäische Staatencongress über internationales Privatrecht (Allgemeine Oesterreichische Gerichtszeitung; 1894. № 21).

[6]) *Renault* въ Annales de l'Ecole libre des sciences politiques; 1894, 15 Mai; *Lagrand* въ Compte rendu des séances de l'Académie des sciences morales et politiques de France (1894, Fevrier); *Villa Urrutia* въ Revue d'histoire diplomatique (1894; № 2).

[7]) Лене, проф. юрид. фак. въ Парижѣ (*Lainé* въ Journal du droit international privé; 1894, p. 5 et 236), и *Antonio-S. de Bustamento*, проф. въ Гаваннѣ, напечатавшаго о ней статьи въ Revista del Foro за 1894 г. (мартъ, апрѣль и май).

[8]) *Guillaume*. Le mariage en droit international privé et la conférence de la Haye (1894).

[9]) Первая и вторая международныя конференціи въ Гагѣ по вопросамъ частнаго международнаго права (1895, янв. и февр.).

слѣдуетъ упускать изъ виду, что названная бернская конвенція была вѣдь первою попыткою этого рода, въ ней шла рѣчь объ устраненіи столкновеній не только между законами, но и между интересами, и промежутки между отдѣльными, подготовлявшими ее конференціями длились 3, 4 года и даже 5 лѣтъ. Конечно, кто предскажетъ окончаніе и этого дѣла. Но голландцы 80 лѣтъ боролись за свою независимость и свободу, не падая духомъ отъ безчисленныхъ препятствій, которыя они встрѣчали на пути къ этой цѣли. Конференція въ Гагѣ, засѣдая въ этой исторической залѣ (Salle des Trèves) среди портретовъ принцевъ Оранскаго дома, послѣдуетъ ихъ славному примѣру и съ терпѣніемъ и мужествомъ будетъ продолжать идти по пути, на который она вступила.

Вторая конференція, какъ и первая, раздѣлилась на коммиссіи, которыхъ было назначено пять. Первая должна была заняться обсужденіемъ вопросовъ: о бракѣ, разводѣ и разлученіи (предсѣдатель и докладчикъ Рено); вторая—о наслѣдованіи по закону и завѣщанію (предсѣдатель Мартенсъ, докладчикъ van Cleemputte); третья—о гражданскомъ процессѣ (предсѣдатель баронъ Секондорфъ, докладчики—онъ же и Рогенъ); четвертая—объ опекѣ (предсѣдатель бар. Гаанъ, докладчикъ Korizmies) и пятая—о несостоятельности (предсѣдатель Пьерантони, докладчикъ comte de Villers).

Сравнивая работы второй конференціи съ первой, мы получаемъ слѣдующіе результаты: 1) по вопросу о *бракѣ*. Оставлены почти безъ измѣненій принятыя въ 1893 г. 5 статей объ *условіяхъ заключенія брака* и къ нимъ прибавлены статьи: *о дѣйствіи брака на состояніе жены и дѣтей* (ст. 1—3) и о *разводѣ и разлученіи* (ст. 1—6). 2) Постановленія о *наслѣдованіи* не только переработаны, но и значительно расширены (вмѣсто 4 ст. 12 ст.), съ соблюденіемъ, впрочемъ, того же основного начала, высказаннаго первою конференціею. 3) Въ отдѣлѣ *гражданскаго судопроизводства* остались безъ измѣненія правила: о *сообщеніи судебныхъ и внѣ-судебныхъ актовъ:* о *вопросныхъ грамматахъ*, но къ нимъ присоединены новыя статьи: о *судебномъ залогѣ иностранцевъ*, о *безплатной судебной помощи* и объ *арестѣ за долги*. Къ этимъ отдѣламъ прибавлены два новыхъ: объ *опекѣ* и о *несостоятельности*.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ удачно и гармонично вторая конференція связала свою дѣятельность съ первою: она не только тщательно просмотрѣла принятыя ея предшественницею рѣшенія и придала имъ окончательную редакцію, но и повела дѣло ея дальше, распространивъ свои изслѣдованія на новыя области *гражданскаго права и процесса* все въ томъ же духѣ, въ видахъ *согласованія дѣй-*

ствующихъ въ нихъ положительныхъ нормъ, а чрезъ это подготовленія пути къ ихъ позднѣйшей *кодификаціи*.

Ознакомимся же теперь съ подлинными постановленіями второй конференціи въ Гагѣ.

I.

Постановленія о бракѣ.

1) *Юридическія послѣдствія брака, касающіяся жены и дѣтей.*

Ст. 1. Дѣйствія брака на гражданское состояніе и на правоспособность жены, такъ же какъ на состояніе дѣтей, рожденныхъ до брака, опредѣляются закономъ страны, которой принадлежалъ мужъ во время совершенія брака.

Ст. 2. Права и обязанности мужа по отношенію къ женѣ и жены по отношенію къ мужу опредѣляются національнымъ закономъ мужа. Однако, они могутъ быть примѣнены лишь сообразно съ средствами, дозволяемыми также законами той страны, гдѣ ихъ приходится примѣнять.

Ст. 3. Въ случаѣ перемѣны подданства лишь мужемъ отношенія между супругами продолжаютъ опредѣляться ихъ послѣднимъ общимъ, національнымъ закономъ. Но состояніе дѣтей, рожденныхъ послѣ этой перемѣны подданства, опредѣляется новымъ національнымъ закономъ ихъ отца.

Комиссія, представляя конференціи свой докладъ по этому вопросу, исходила изъ положенія, что бракъ не можетъ быть приравниваемъ къ обыкновенному гражданскому договору, послѣдствія котораго опредѣляются волею контрагентовъ, такъ какъ условія заключенія и юридическія послѣдствія брака опредѣляются закономъ, и не отъ воли вступающихъ въ бракъ зависитъ измѣненіе этихъ условій. Поэтому дано предпочтеніе національному закону предъ законами мѣста жительства, мѣста временнаго пребыванія супруговъ и мѣста совершенія брака. Затѣмъ, права и обязанности супруговъ опредѣляются національнымъ закономъ мужа, но средства къ ихъ исполненію должны быть дозволены закономъ мѣста совершенія брака. Вообще гагскія конференціи въ своихъ постановленіяхъ—по семейному праву даютъ предпочтеніе личному или національному принципу предъ территоріальнымъ, или феодальнымъ, и въ этомъ нельзя не видѣть важнаго шага впередъ какъ съ научной, такъ и съ практической стороны, ибо это является слѣдствіемъ большаго уваженія къ личности

и къ ея правамъ. Такой строгой послѣдовательности, какой держатся эти конференціи по данному вопросу, замѣчаетъ г. Никольскій, мы не встрѣчаемъ даже у юристовъ, спеціально занимавшихся научною разработкою международнаго частнаго права. Такъ, напр., Баръ въ своемъ классическомъ трудѣ, вмѣсто яснаго и всѣмъ доступнаго понятія о національномъ законѣ, ставитъ понятіе о законѣ мѣста жительства, хотя это далеко не одно и то же. Поэтому рѣшенія ихъ и имѣютъ серьёзное и научное значеніе. Они могутъ въ извѣстномъ смыслѣ быть названы послѣднимъ словомъ науки международнаго права. Кромѣ того они могутъ послужить для всѣхъ европейскихъ государствъ, принявшихъ участіе въ этихъ конференціяхъ, надежною опорою, какъ при примѣненіи внутренняго законодательства, такъ и при заключеніи международныхъ конвенцій [10]).

2) О разводѣ и разлученіи.

Ст. 1. Супруги могутъ начать искъ о разводѣ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это дозволяется ихъ національнымъ закономъ, а равно закономъ мѣста вчинанія иска.

Ст. 2. О разводѣ можно просить лишь на основаніи мотивовъ, допускаемыхъ какъ національнымъ закономъ супруговъ, такъ и закономъ мѣста предъявленія иска.

Въ случаѣ противорѣчія между этими обоими законами, разводъ не допускается.

Ст. 3. Разлученія (séparation de corps) можно требовать:

1) если оно допускается одинаково національнымъ закономъ супруговъ и закономъ мѣста вчинанія иска;

2) въ тѣхъ случаяхъ, когда національный законъ дозволяетъ только разводъ, а законъ иска (lex fori) только разлученіе.

Ст. 4. Разлученія можно требовать лишь на основаніи причинъ, признаваемыхъ этими обоими законами. Въ случаѣ, предусмотрѣнномъ въ ст. 3, пунктъ 2, примѣняются причины развода, допускаемыя національнымъ закономъ.

Ст. 5. Просьба о разводѣ или о разлученіи можетъ быть представлена:

1) надлежащему суду мѣста постояннаго жительства супруговъ. Если, по своему національному законодательству, супруги не имѣютъ одного и того же мѣстожительства, то компетентнымъ судомъ признается судъ мѣстожительства отвѣтчика.

Во всякомъ случаѣ примѣняется національный законъ тогда, когда

[10]) Назв. ст.

имъ установляется для церковныхъ браковъ особая юрисдикція, исключительно компетентная для обсужденія просьбъ о разводѣ и о разлученіи.

2) Суду компетентному, на основаніи національнаго закона супруговъ.

Ст. 6. Если супруги не принадлежатъ къ одной національности, то ихъ послѣднее общее законодательство должно считаться ихъ національнымъ закономъ въ дѣлѣ примѣненія предыдущихъ статей.

II.

Правила объ опекѣ.

Ст. 1. Опека надъ несовершеннолѣтнимъ установляется на основаніи его *національнаго закона*.

Ст. 2. Если, на основаніи національнаго закона, въ томъ государствѣ, подданнымъ котораго состоитъ несовершеннолѣтній, нѣтъ компетентной власти для назначенія опеки, то дипломатическій или консульскій агентъ этого государства, пребывающій въ округѣ, въ которомъ опека фактически открылась, исполняетъ, съ разрѣшенія своего національнаго закона, тѣ обязанности, которыя этимъ закономъ возлагаются на власти того государства, къ которому принадлежитъ несовершеннолѣтній.

Ст. 3. Однако опека надъ несовершеннолѣтнимъ, живущимъ заграницей, назначается предъ компетентными *мѣстными властями* и отправляется по ихъ закону въ слѣдующихъ случаяхъ:

а) если, по фактическимъ или юридическимъ основаніямъ, опека не можетъ быть назначена согласно ст. 1 и 2;

б) если лица, приглашенныя, на основаніи предыдущихъ статей, къ составленію опеки, не приступили къ этой задачѣ;

в) если лицо, уполномоченное для этого національнымъ закономъ несовершеннолѣтняго, назначитъ ему опекуна, живущаго въ той же странѣ, какъ и несовершеннолѣтній.

Ст. 4. Въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ въ ст. 3, пункты *а* и *б*, національныя власти несовершеннолѣтняго всегда могутъ приступить къ назначенію опеки, какъ только исчезнутъ препятствія, задержавшія ихъ дѣйствія въ началѣ.

Но онѣ будутъ въ этомъ случаѣ обязаны предупредить сперва объ этомъ иностранныя власти, установившія опеку.

Ст. 5. Во всѣхъ случаяхъ опека открывается и прекращается

въ сроки и по причинамъ, указаннымъ въ національномъ законѣ несовершеннолѣтняго.

Ст. 6. Но пока опека надъ несовершеннолѣтнимъ иностранцемъ еще не установлена, а дипломатическіе или консульскіе агенты его отечества еще не приняли никакихъ для этого мѣръ, мѣстныя власти обязаны оказать свое содѣйствіе къ охранѣ его личности и имущества.

Ст. 7. Опекунское управленіе простирается на личность и на совокупность имущества несовершеннолѣтняго, гдѣ бы послѣднее ни находилось. Исключеніе изъ этого правила допускается лишь по отношенію къ имуществу недвижимому, если законъ его мѣстонахожденія имѣетъ на этотъ счетъ особыя постановленія.

Ст. 8. Какъ только правительство получитъ свѣдѣнія о пребываніи на его территоріи несовершеннолѣтняго иностранца, надъ которымъ требуется установить опеку, оно немедленно увѣдомляетъ объ этомъ отечественное правительство этого иностранца.

Таковы постановленія второй гагской конференціи объ опекѣ. Всѣ они лишь логически вытекаютъ изъ признанія *національнаго* закона лицъ—основнымъ принципомъ какъ для брака, такъ и для опеки. Послѣднее вполнѣ вѣрно, если стать на точку зрѣнія конференціи, что опека учреждается въ интересахъ опекаемаго. Коммиссія, выработавшая этотъ регламентъ, сама сознается, что она руководилась соотвѣтствующею работою объ этомъ Института международнаго права на его гамбургскомъ съѣздѣ въ 1891 году [11]). Отсюда, между обоими этими регламентами — принципіальное тождество. Но кромѣ опеки надъ малолѣтними существуетъ еще, какъ извѣстно, опека надъ расточителями и надъ умалишенными. О ней вопросъ на конференціи не былъ поднимаемъ, и въ этомъ нельзя не видѣть пробѣла. Мы согласны съ г. Никольскимъ, что „въ вопросѣ объ опекѣ расточители и умалишенные должны приравниваться къ несовершеннолѣтнимъ. Поэтому должно допустить, что рѣшенія конференціи примѣнимы и къ этимъ двумъ категоріямъ опекаемыхъ“.

III.

О несостоятельности.

Коммиссія по этому вопросу подъ предсѣдательствомъ Пьерантони въ основаніе своихъ работъ положила: рѣшеніе итальянскаго юриди-

---

[11]) Tableau général de l'Institut, p. 44—49.

ческаго съѣзда въ Туринѣ (1880 г.), постановленія Института, принятыя имъ на парижской сессіи (1894 г. [12]), и проектъ, составленный Ассеромъ, президентомъ обѣихъ конференцій въ Гагѣ. Комиссія эта, при выполненіи своей задачи, пришла къ выводу, что созданіе одного общаго закона о несостоятельности въ настоящее время невозможно въ виду какъ разнообразія законодательствъ по этому вопросу, такъ и того обстоятельства, что законы о несостоятельности во многихъ государствахъ теперь пересматриваются. Поэтому комиссія не задалась мыслію о выработкѣ окончательнаго и полнаго регламента, а составила лишь приготовительный проектъ, могущій служить основаніемъ для дальнѣйшихъ обсужденій въ будущемъ.

По вопросу о несостоятельности всѣ государства, участвовавшія на конференціи, раздѣляются на двѣ большихъ группы: одни признаютъ несостоятельность только для купцовъ, другіе допускаютъ ее и для не-торговцевъ; въ числѣ послѣднихъ находится и наше отечество. Коммиссія рѣшила не разграничивать этихъ двухъ понятій, но предоставить правительствамъ въ международныхъ соглашеніяхъ полную свободу выбирать то или другое [13]).

Ст. 1. Объявленіе несостоятельности, провозглашенное въ одномъ изъ договаривающихся государствъ надлежащею властью по закону этого государства, признается и имѣетъ свои послѣдствія въ другомъ договаривающемся государствѣ, поскольку тому не препятствуютъ постановленія нижеслѣдующихъ статей.

Ст. 2. Судебное рѣшеніе о несостоятельности признается и будетъ имѣть послѣдствія въ другомъ государствѣ лишь послѣ того, какъ на это будетъ дано разрѣшеніе (exéquatur) властью компетентною по закону этого послѣдняго государства.

Ст. 3. Это разрѣшеніе дается, если истецъ докажетъ:

а) что объявленіе несостоятельности было произведено компетентною властью того государства, гдѣ оно провозглашено;

б) что это рѣшеніе въ названномъ государствѣ дѣйствительно и

в) что оно простирается на всѣ имущества должника, а не ограничивается какою-либо частью или отраслью его предпріятія.

Ст. 4. Exéquatur выдается по требованію администраторовъ, или какъ бы они ни назывались [14]), назначенныхъ (должнику) сообразно съ закономъ того государства, гдѣ несостоятельность объявлена, или же по требованію всякой другой, заинтересованной въ дѣлѣ стороны,

---

[12]) Мы приводимъ ихъ въ нашей замѣткѣ объ этой сессіи въ Сборн. Правовѣдѣнія и общ. знаній, т. IV.

[13]) Никольскій, назв. ст.

[14]) Sur requête des syndics, curateurs ou autres administrateurs de la faillite, sous quelque dénomination que ce soit.

послѣ того какъ кредиторы (les requérants) были выслушаны или вызваны, или, если того требуетъ законъ государства, гдѣ просятъ объ exéquatur, по отсылкѣ вопросной грамоты (commission rogatoire) къ надлежащему суду.

Ст. 5. Ограниченія правоспособности несостоятельнаго должника, назначеніе и полномочія администраторовъ по управленію его дѣлами, формальности дѣлопроизводства о несостоятельности, допущеніе долговыхъ требованій, составленіе соглашеній и распредѣленіе актива между мѣстными и иностранными кредиторами,—все это опредѣляется на основаніи закона мѣста объявленія несостоятельности.

Ст. 6. Судебныя рѣшенія, подтверждающія соглашенія между кредиторами и должникомъ, или отмѣняющія постановленіе объ его несостоятельности, подлежатъ исполненію и производятъ свои послѣдствія въ другомъ договаривающемся государствѣ, если они получили тамъ exéquatur, сообразно съ ст. 2.

Это разрѣшеніе дается, если истецъ докажетъ, что дѣло идетъ:

а) о несостоятельности на основаніи судебнаго рѣшенія, получившаго exéquatur въ томъ же самомъ государствѣ;

б) о судебномъ рѣшеніи, признанномъ дѣйствительнымъ въ томъ государствѣ, гдѣ оно состоялось.

Постановленія ст. 4 примѣнимы къ требованіямъ exéquatur, дѣлаемымъ въ силу настоящей статьи.

Ст. 7. Если бы послѣ объявленія несостоятельности, сдѣланнаго въ одномъ государствѣ и облеченнаго исполнительною силою (exéquatur) въ другомъ, должникъ былъ опять признанъ несостоятельнымъ ранѣе окончательной ликвидаціи его дѣлъ по первой несостоятельности,—власти другого договаривающагося государства должны отказать въ признаніи этой второй несостоятельности.

Обѣ первыя статьи настоящаго регламента, замѣчаетъ г. Никольскій, имѣютъ въ виду содѣйствовать установленію *единства несостоятельности*, другими словами—онѣ стремятся распространить дѣйствіе объявленія о несостоятельности на всѣ имущества должника, находящіяся въ другихъ странахъ, а чрезъ это онѣ могутъ положить конецъ спорамъ о томъ, какое имущество должника считать главнымъ и какое второстепеннымъ,—спорамъ, которые нерѣдко возбуждаетъ должникъ съ цѣлью выиграть время.

Наконецъ трудный и важный вопросъ о несостоятельности обществъ: желѣзнодорожныхъ компаній и т. п. учрежденій, представляющій характеръ публичнаго интереса, конференція, согласно съ мнѣніемъ комиссіи, рѣшила отложить на будущее время.

IV.

Право наслѣдованія.

Ст. 1. Наслѣдованія подчиняются національному закону наслѣдодателя.

Ст. 2. Способность лица распоряжаться своимъ имуществомъ по завѣщанію или по даренію, равно какъ содержаніе и послѣдствія этихъ актовъ опредѣляются по національному закону распорядителя (disposant).

Ст. 3. Форма завѣщаній и дарственныхъ записей признается дѣйствительною, если она соотвѣтствуетъ предписаніямъ объ этомъ либо національнаго закона распорядителя, либо закона мѣста ихъ совершенія.

Тѣмъ не менѣе, когда національный законъ распорядителя ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы актъ былъ засвидѣтельствованъ или написанъ собственноручно или имѣлъ другую, въ этомъ законѣ опредѣленную форму, то завѣщаніе или дарственная запись не могутъ быть составлены въ иной формѣ.

Съ точки зрѣнія формы, дѣйствительны завѣщанія и дарственныя записи иностранцевъ, если, согласно съ національнымъ закономъ завѣщателя, они были приняты дипломатическими или консульскими агентами его государства.

Ст. 4. Національнымъ закономъ умершаго или распорядителя признается законъ страны, которой онъ принадлежалъ въ моментъ смерти.

Однако, вопросъ о правоспособности распорядителя подчиняется также закону страны, которой онъ принадлежитъ въ моментъ совершенія акта.

Ст. 5. Неспособность распоряжаться имуществомъ въ пользу нѣкоторыхъ лицъ безусловно или въ извѣстныхъ границахъ опредѣляется по національному закону распорядителя.

Ст. 6. Правоспособность наслѣдниковъ, легатаріевъ или лицъ, получающихъ даръ, опредѣляется по ихъ національному закону.

Ст. 7. Вопросы о пріемѣ наслѣдства или отказѣ отъ него опредѣляются по закону той страны, гдѣ открылось наслѣдство.

Ст. 8. Недвижимыя имущества, переходящія по закону, завѣщанію или даренію, подчиняются закону мѣста ихъ нахожденія, что касается до формальностей и условій публичности, требуемыхъ этимъ закономъ для передачи, установленія или закрѣпленія реальныхъ правъ по отношенію къ третьимъ.

Ст. 9. Договоры о раздѣлѣ имущества подчиняются закону, опредѣляющему условія договоровъ.

Раздѣльные акты относительно своей формы подчиняются закону мѣста, въ которомъ они составлены, но съ тѣмъ, чтобы этимъ не нарушались условія и формальности, предписываемыя относительно неправоспособныхъ ихъ національнымъ закономъ.

Ст. 10. Наслѣдственныя имущества пріобрѣтаются государствомъ, на территоріи котораго находятся, лишь въ томъ случаѣ, если нѣтъ никого, кто бы имѣлъ на нихъ право сообразно съ національнымъ закономъ умершаго.

Ст. 11. Несмотря на предыдущія статьи, мѣстные суды не будутъ обращаться къ иностраннымъ законамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда примѣненіе ихъ повело бы къ нарушенію публичнаго права страны или ея законовъ о субституціяхъ и временныхъ завѣщаніяхъ (fidéi-commis), правъ общеполезныхъ учрежденій, свободы и равенства лицъ, свободы наслѣдствъ, неправоспособности наслѣдниковъ или легатаріевъ, единства брака, правъ незаконныхъ дѣтей.

Ст. 12. Власти государства, на территоріи котораго открывается наслѣдство, и дипломатическіе и консульскіе агенты страны, которой принадлежалъ умершій, сообща заботятся объ охраненіи наслѣдствъ. Успѣху этой комиссіи много содѣйствовалъ предсѣдатель ея, проф. Мартенсъ. Онъ представилъ обѣимъ конференціямъ въ Гагѣ обстоятельные доклады, приложенные къ ихъ протоколамъ. Въ основаніе регламента, принятаго гагскими конференціями, положено начало, что все наслѣдство, составляя одно цѣлое, должно быть опредѣляемо *національнымъ закономъ наслѣдодателя*. Это начало, давно уже провозглашенное въ наукѣ международнаго права и имѣющее предъ собою великое будущее, основывается на томъ, что наслѣдованіе есть часть семейнаго права, которое само опредѣляется по національному закону семьи. Но главенство его не абсолютно: оно примѣнимо лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это не противорѣчитъ публичному праву страны мѣста нахожденія имущества или страны мѣста вчинанія иска.

Принципъ, принятый конференціею, уже признается въ законодательствахъ нѣкоторыхъ странъ: Италіи, Испаніи, Бадена, Сербіи, Перу, Чили, Мексики. Онъ же составляетъ руководящее начало обычнаго права въ Германіи, допускается въ Австріи и принятъ комиссіею по пересмотру бельгійскаго гражданскаго кодекса. Къ нему сочувственно отнеслось голландское правительство; наконецъ за него высказался и Институтъ международнаго права на оксфордской сессіи (1880 г.).

Замѣтимъ еще, что національному закону слѣдуетъ отдать преимущество предъ закономъ мѣста жительства на томъ еще основаніи,

что изъ нихъ обоихъ лишь національный законъ можетъ считаться строго личнымъ. Поэтому предоставленіе господства ему согласно со всеобщимъ интересомъ.

Проф. Мартенсъ сдѣлалъ заявленіе, что онъ принимаетъ постановленія комиссіи лишь въ теоріи, ибо въ Россіи къ недвижимымъ имуществамъ примѣняются исключительно мѣстные законы [15]).

V.

Постановленія, относящіяся до гражданскаго судопроизводства.

1) О судебномъ залогѣ иностранцевъ.

Ст. 1. Никакой залогъ или обезпеченіе, какъ бы они ни назывались, не должны быть возложены на гражданъ одного изъ договаривающихся государствъ, выступающихъ въ качествѣ истцовъ или стороны въ процессѣ предъ судами другого государства, лишь на томъ основаніи, что они либо иностранцы, либо не имѣютъ въ странѣ осѣдлости или временнаго пребыванія.

Ст. 2. Присужденіе къ уплатѣ убытковъ и судебныхъ издержекъ, произнесенное въ одномъ изъ договаривающихся государствъ противъ истца или стороны, освобожденныхъ отъ залога въ силу ли настоящей статьи 1, или же закона того государства, гдѣ искъ предъявленъ, приводится въ исполненіе во всѣхъ остальныхъ государствахъ властью компетентною по ихъ мѣстному закону.

Ст. 3. Надлежащая власть ограничивается при этомъ разсмотрѣніемъ:

1) удовлетворяетъ ли копія съ рѣшенія, по закону страны, гдѣ таковое состоялось, всѣмъ требованіямъ удостовѣренія (authenticité), и

2) получило ли это рѣшеніе, на основаніи того же закона, окончательную форму.

До сихъ поръ еще большинство законодательствъ обязываютъ иностранца-истца вносить денежный залогъ (cautio judicatum solvi). Конференція, принявъ вышеприведенныя статьи, согласилась съ своею комиссіею въ томъ, что этотъ залогъ сдѣлался болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Онъ препятствуетъ свободѣ гражданскаго процесса и ставитъ иностранца-истца въ весьма трудное положеніе (Никольскій).

2) О судебной помощи.

Ст. 1. Граждане всѣхъ договаривающихся государствъ пользуются въ каждомъ изъ нихъ судебною помощью наравнѣ съ природными

[15]) Никольскій, ib.

ихъ подданными сообразно съ закономъ страны, гдѣ эта помощь требуется.

Ст. 2. Во всякомъ случаѣ свидѣтельство о бѣдности должно быть выдано или принято властями той страны, гдѣ иностранецъ имѣетъ свое обычное пребываніе, а за отсутствіемъ таковаго—властями мѣста его настоящаго пребыванія. Если просящій не живетъ въ мѣстности, гдѣ онъ заявляетъ просьбу, свидѣтельство объ его бѣдности удостовѣряется безплатно дипломатическимъ или консульскимъ агентомъ той страны, въ которой оно должно быть предъявлено.

Ст. 3. Надлежащая власть для выдачи или для принятія свидѣтельства о бѣдности можетъ собрать свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи просителя у властей другихъ договаривающихся государствъ.

Власть, долженствующая удовлетворить прошеніе о помощи, сохраняетъ право, въ границахъ своего полномочія, провѣрять представленныя ей свидѣтельства, заявленія и свѣдѣнія.

Ст. 4. Иностранцы, которымъ оказывается судебная помощь, не вносятъ никакого залога, какъ бы онъ ни назывался, лишь на томъ основаніи, что они иностранцы, или не поселились, или не живутъ въ странѣ.

Ст. 5. Присужденіе къ уплатѣ убытковъ и судебныхъ издержекъ, состоявшееся въ одномъ изъ договаривающихся государствъ по отношенію къ иностранцу, которому оказана судебная помощь и который освобожденъ отъ залога, либо на основаніи предшествующей статьи, либо въ силу закона той страны, гдѣ искъ вчиненъ, приводится въ исполненіе въ каждомъ изъ договаривающихся государствъ надлежащею властью, на основаніи мѣстнаго закона.

Ст. 6 повторяетъ буквально ст. 3 предшествовавшаго регламента о судебномъ залогѣ.

3) Объ арестѣ.

Арестъ, какъ мѣра карательная, или просто охранительная, не допускается по дѣламъ гражданскимъ или торговымъ по отношенію къ иностранцамъ, подданнымъ одного изъ договаривающихся государствъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ непримѣнимъ и къ природнымъ подданнымъ.

Въ заключительномъ засѣданіи Ассеръ, предсѣдатель конференціи, благодарилъ своихъ товарищей и особенно докладчиковъ и предсѣдателей отдѣльныхъ комиссій за ихъ усердный и дружный трудъ. Особенно докладчикамъ не легко было, среди засѣданій конференціи и разныхъ праздниковъ, которыми ихъ чествовали, въ столь краткій

срокъ составить свои доклады, такъ превосходно подготовившіе и облегчившіе рѣшенія конференціи. Но и послѣ ея роспуска онъ желалъ бы, чтобы члены ея, не оффиціально конечно, даже не оффиціозно, продолжали трудиться надъ начатымъ ими дѣломъ въ видахъ подготовленія пути для новой конференціи. Мало того. „Я дѣлаю обращеніе, сказалъ Ассеръ, къ юристамъ вообще, не принимавшимъ участія въ нашихъ собраніяхъ, и прошу ихъ своими работами также содѣйствовать выясненію вопросовъ, которыми мы занимались. Будемъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, часть нашихъ работъ будетъ, въ ближайшемъ будущемъ, принята государствами Европы и составитъ ихъ положительное право. Это было бы лучшею наградою вашихъ усилій."

Вторая конференція не только *дополнила* постановленіе первой, но и придала имъ, можно сказать, *окончательную форму*. Постановленія же ея по двумъ новымъ вопросамъ (объ опекѣ и о несостоятельности) хотя и подлежатъ еще, по замѣчанію Ассера, пересмотру, прежде чѣмъ обратиться въ окончательные регламенты, но уже теперь въ нихъ высказаны основанія для международнаго соглашенія, призваннаго положить конецъ тѣмъ недоумѣніямъ и спорамъ, которые посейчасъ все еще возникаютъ въ этой области.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Нидерландовъ, также поздравляя делегатовъ съ ихъ успѣхомъ, добавилъ, что нѣкоторые изъ нихъ обратились къ нему съ просьбою, чтобы его правительство нынѣ же предложило другимъ кабинетамъ придать санкцію, въ формѣ международныхъ соглашеній, тѣмъ изъ выработанныхъ гагскими конференціями регламентовъ, которые повидимому не нуждаются уже въ дальнѣйшемъ пересмотрѣ; таковы особенно постановленія по гражданскому процессу. Министръ добавилъ, что уже теперь посланникъ Бельгіи заявилъ о готовности своего правительства сдѣлать это по отношенію къ tремъ регламентамъ: о сообщеніи судебныхъ и внѣсудебныхъ актовъ, о вопросныхъ граматахъ и объ отмѣнѣ судебнаго залога. Нидерланды не замедлятъ вступить въ переговоры и съ прочими кабинетами какъ объ этомъ, такъ и вообще о продленіи всего дѣла, начатаго съ такимъ успѣхомъ обѣими конференціями въ Гагѣ.

Въ заключеніе, мы не можемъ не присоединиться къ слѣдующему общему о нихъ выводу г. Никольскаго:

„Гагскія конференціи имѣли въ своемъ распоряженіи мало времени, но онѣ много сдѣлали. Успѣшность ихъ занятій въ значительной степени объясняется подготовкою многихъ вопросовъ представителями науки международнаго права и работами Института международнаго права. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что вопросы

частнаго международнаго права болѣе поддаются обработкѣ на конференціяхъ, чѣмъ вопросы публичнаго международнаго права.

Обѣ эти конференціи сдѣлали большой шагъ впередъ, признавъ начала, давно уже провозглашенныя въ наукѣ, но бывшія чуждыми кодексамъ.

Конференціи значительно содѣйствовали примѣненію въ данномъ государствѣ иностранныхъ законовъ и такимъ образомъ пошли противъ того теченія, которое господствуетъ въ области международнаго права. Мы разумѣемъ принципъ судебной территоріальной власти. Теперь господствуетъ общее правило, что иностранецъ, за немногими исключеніями, подлежитъ суду мѣстныхъ судовъ, судящихъ его по мѣстнымъ законамъ. Такой судъ, очевидно, далекъ отъ высшей справедливости. Задача международнаго права—стремиться къ устраненію этой несправедливости.

Но такая цѣль будетъ достигнута лишь тогда, когда въ области гражданскихъ отношеній права *національнаго закона* возьмутъ верхъ надъ всѣми другими. Гагскія конференціи оказали большую услугу всѣмъ народамъ тѣмъ, что выдвинули на первый планъ право національнаго закона. Остается только пожелать, чтобы ихъ труды продолжались въ томъ же направленіи и съ такимъ же успѣхомъ.

Гр. Л. Камаровскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

МОСКОВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

въ 1894—95 году

(годъ тридцать второй).

Засѣданіе годовое 28 февраля 1894 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена и предсѣдателя Общества **С. А. Муромцева**, при секретарѣ **Н. И. Рыжондковскомъ**, въ присутствіи членовъ почетныхъ: **С. А. Головачова** и **А. И. Чупрова** и дѣйствительныхъ: **С. А. Лилина, А. С. Никитенко, Н. Я. Фрейнда**, кн. **Ф. В. Мещерскаго, В. В. Сиротинина, В. В. Быховскаго, А. В. Шилова, А. Ф. Акулова, Ф. М. Арнольда, Е. М. Баранцевича, С. М. Блеклова, Н. А. Каблукова, В. А. Косинскаго, Л. Н. Маресса, П. И. Бѣляева, А. Э. Вормса, М. Н. Соболева, И. А. Базанова, С. П. Мокринскаго, П. М. Богаевскаго, А. Д. Солодовникова, М. А. Ермолова, А. В. Горбунова, В. Э. Дена, А. А. Раевскаго, В. В. Пржевальскаго, С. Б. Іоллоса, А. Э. Штейнфинкеля, Н. Е. Эфроса. І. И. Иллюстрова, К. И. Сперанскаго, Н. Н. Игнатова**, гр. **Л. А. Камаровскаго, Г. Л. Вербловскаго, Н. А. Зачинскаго, М. Я. Герценштейна, Н. А. Вокача, П. Г. Виноградова, С. И. Викторскаго, А. М. Краевскаго, С. І. Куренкова, М. И. Бруна, И. Б. Мандельштама, В. И. Розенблюма** и **Н. С. Капустина**.

I.

Читанъ и утвержденъ слѣдующій отчетъ секретаря Юридическаго Общества:

Въ истекшемъ году Московское Юридическое Общество имѣло 13 засѣданій, въ которыхъ доложено 16 рефератовъ, а именно: гр. *Л. А. Камаровскій* прочелъ „О федеративныхъ формахъ современнаго государства“ и сообщилъ некрологъ писателя по международному праву и дипломата „Карлоса Кальво“. Къ этой же категоріи научныхъ работъ членовъ Общества относится рефератъ *В. Э. Грабаря* „Василій

Андреевичъ Незабитовскій какъ представитель науки международнаго права". Къ гражданскому праву и судопроизводству принадлежатъ доклады: *И. А. Базанова*: а) „Гражданско-правовая сторона мѣръ, необходимыхъ для улучшенія естественныхъ условій Европейской Россіи", и б) „Водное право, его основныя начала въ иностранныхъ и русскомъ законодательствахъ", *С. А. Муромцева* „Соображенія цѣлесообразности въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента сената" и *Г. Л. Вербловскаго* „Процессъ исполненія судебныхъ рѣшеній по новому закону". Въ Обществѣ были сдѣланы также два доклада изъ области исторіи русскаго права, а именно: *В. Н. Сторожева* „Къ вопросу о современномъ состояніи науки исторіи русскаго права" и *А. Д. Солодовникова* „Преступленія по Русской Правдѣ". Два засѣданія были посвящены Юридическимъ Обществомъ вопросамъ врачебной экспертизы. Докладчиками явились: *А. В. Погожевъ* и *Е. М. Баранцевичъ*. Первый сообщилъ о „Судебной медицинѣ на V съѣздѣ русскихъ врачей въ С.-Петербургѣ", докладъ второго носилъ заглавіе „Уѣздный врачъ какъ судебно-полицейскій врачъ". Къ этому же отдѣлу научныхъ сообщеній примыкаютъ рефераты *Н. С. Капустина* „Статистическія данныя о судѣ присяжныхъ" и *Д. А. Дриля* „Границы наказуемаго". Одно засѣданіе Общества было посвящено реферату *И. Я. Гурлянда* о „Дѣйствующемъ уставѣ предупрежденія и пресѣченія преступленій". Наконецъ изъ области экономическихъ знаній въ Обществѣ была прочитана работа члена-корреспондента *С. П. Швецова* „Формы общиннаго владѣнія на Алтаѣ", и *В. А. Гольцевъ* доложилъ: „О книгѣ Лоріа „Les bases économiques de la constitution sociale".

Согласно постановленію своему 16 ноября 1892 г., Московское Юридическое Общество въ отчетномъ году, за прекращеніемъ его періодическаго органа „Юридическій Вѣстникъ", издавало труды своихъ членовъ и выпустило въ свѣтъ два тома этихъ трудовъ подъ общимъ заглавіемъ „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній".

Попрежнему въ библіотеку Юридическаго Общества поступали пожертвованія авторовъ и правительственныхъ мѣстъ, присылавшихъ Обществу свои изданія. Въ числѣ ихъ слѣдуетъ упомянуть о трудахъ Комиссіи по составленію гражданскаго уложенія, именно о Вотчинномъ Уставѣ и сопредѣльныхъ съ нимъ проектахъ законоположеній, о которыхъ Комиссія ждетъ отъ Юридическаго Общества отзывовъ и заключеній.

Въ отчетномъ году наблюдается замѣтный приливъ новыхъ членовъ въ составъ Юридическаго Общества. Въ прошедшемъ году избрано 42 новыхъ дѣйствительныхъ членовъ. Въ годичномъ засѣ-

данiи 18 февраля 1893 г. Общество избрало своимъ почетнымъ членомъ Егора Павловича Старицкаго.

Такимъ образомъ списокъ членовъ Юридическаго Общества представляетъ слѣдующiя цыфры: почетныхъ членовъ 26 и дѣйствительныхъ 296.

Переходя къ печальной лѣтописи о скончавшихся въ истекшемъ году членахъ Юридическаго Общества, должно съ особенною грустью помянуть личность умершаго 20 декабря 1893 года почетнаго члена Общества А. М. Унковскаго, извѣстнаго дѣятеля по крестьянской и судебной реформѣ,—дѣятеля, оставившаго по себѣ добрую память и въ качествѣ юриста-практика, въ званiи присяжнаго повѣреннаго. Къ той же эпохѣ, въ которую работалъ Унковскiй, принадлежитъ и другой административный и судебный дѣятель, свѣтлая личность коего также не будетъ забыта исторiей крестьянской и судебной реформы, именно личность сенатора Виктора Антоновича Арцимовича, умершаго 2 марта 1893 г. И Унковскiй и Арцимовичъ были давнишними почетными членами Юридическаго Общества. Въ истекшемъ году умерли еще слѣдующiе дѣйствительные члены его: князь С. М. Крапоткинъ, одинъ изъ учредителей Юридическаго Общества, мировой посредникъ перваго призыва, не порывавшiй связи съ крестьянскимъ мiромъ и въ позднѣйшей своей судебной дѣятельности, В. С. Лазовскiй, бывшiй постояннымъ сотрудникомъ „Юридическаго Вѣстника", и Н. С. Тростянскiй одинъ изъ старѣйшихъ членовъ нашего Общества, въ свое время принимавшiй живое участiе въ занятiяхъ его разнаго рода докладами практическаго характера.

Бюро Юридическаго Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдатель С. А. Муромцевъ, товарищи предсѣдателя графъ Л. А. Камаровскiй и Г. Л. Верблoвскiй, секретарь Н. И. Ржондковскiй, товарищи секретаря М. Н. Соболевъ и А. Н. Марковъ, библiотекарь А. Ф. Акуловъ и казначей В. В. Сиротининъ.

II.

Читанъ и утвержденъ отчетъ о дѣятельности Статистическаго Отдѣленiя въ 1892—1893 г.

III.

Прочитанъ и утвержденъ отчетъ о приходѣ и расходѣ денегъ за 1893 годъ:

ПРИХОДЪ.	Предполагалось по бюджету.		Въ действительности.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1. Остатокъ отъ прошлаго года	10	30	10	30
2. Членскіе взносы.	2,300	—	1,650	—
3. °/₀ по купонамъ 11-ти билетовъ . . .	52	25	52	25
4. За выданные дипломы.	—	—	—	—
5. Отъ секретаря Общества остатокъ отъ денегъ, собранныхъ на посылку повѣстокъ о засѣданіяхъ Общества . . .	—	—	11	70
Итого	2,862	55	1,724	25
За вычетомъ расхода			1,701	02
Имѣется въ остаткѣ къ 1 января 1894 г.			23	23

РАСХОДЪ.	Предполагалось по бюджету.		Въ действительности.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Первая категорія.				
1. Жалованіе дѣлопроизводителю . . .	120	—	120	—
2. „ старшему служителю . .	182	—	114	—
3. Плата врем. наемн. служителямъ . .	20	—	11	75
4. Праздничныя	50	—	37	—
5. Страхованіе билетовъ	18	—	17	35
6. Храненіе билетовъ	4	30	3	—
7. Хозяйст. расх. Общ., отд. и комис. .	20	—	9	—
8. Почтовые и канцелярскіе. . . .	20	—	4	44
9. Объявленія въ газетахъ	20	—	91	68
10. Разные расходы.	—	—	22	80
Вторая категорія.				
1. Библіотека Общества	200	—	—	—
2. Редакція „Юридическаго Вѣстника“:				
Пособіе на 1891 г.	262	—	262	—
Пособіе на 1892 г.	1,560	—	1,008	—
Итого	2,426	30	1,701	02

Въ кассѣ Общества.

Билетами 5% внутрен. второго съ выигр. займа числомъ одиннадцать, №№ $\frac{\text{серіи съ 19816 по 19823,}}{\text{билета 37}}$ № $\frac{08153,}{42}$ № $\frac{19814}{37}$ и $\frac{01799}{11}$

на сумму по номинальной цѣнѣ . . . . 1100 р.

(на храненіи въ Моск. Купеч. Банкѣ, квитанція 19 апрѣля 1888 г., № 36625).

На деньги, собранныя на премію имени покойнаго В. Н. Лешкова, пріобрѣтены банковые билеты въ суммѣ *семисотъ* рублей и переданы въ Правленіе Московскаго Университета.

Капиталъ съѣзда юристовъ четыреста рублей съ процентами съ 1 марта 1887 г. а за причисленіемъ накопившихся процентовъ къ капиталу *пятьсотъ* рублей съ процентами съ 1 марта 1892 года.

IV.

Доложенъ и утвержденъ отчетъ библіотекаря:

Въ истекшемъ отчетномъ году въ библіотеку поступило книгъ — всего 113 названій, въ 198 томахъ; изъ нихъ 81 назв. при 135 томахъ, или болѣе $^2/_3$ всего количества, приходится на Статистическое Отдѣленіе. Въ настоящее время все количество книгъ библіотеки, по алфавитному и инвентарному каталогамъ, можно опредѣлить приблизительною цыфрою въ 1280 названій при 2600 томахъ. Какъ и въ прежнее время, библіотека пополняется, главнымъ образомъ, или путемъ обмѣна изданій Общества на изданія другихъ ученыхъ Обществъ или учрежденій, или путемъ даровыхъ поступленій книгъ, и затѣмъ—покупкой и выпиской книгъ. Если послѣдній способъ пополненія библіотеки легко поддается урегулированію, такъ какъ, въ силу постановленія Общества отъ 14 февр. 1883 года „О порядкѣ расходованія денегъ, назначаемыхъ на библіотеку“, покупка и выписка книгъ сообразуется съ заявленными требованіями членовъ Общества, то этого нельзя сказать относительно первыхъ двухъ — главнѣйшихъ по количеству—способовъ пополненія библіотеки, которые такому регулированію не подлежатъ и которые были главною причиною того, что въ библіотекѣ накопилось, особенно за прежнее время, много безполезнаго, по своей разрозненности и по своему содержанію, матеріала. Отъ этого составленіе систематическаго печатнаго каталога на мѣсто теперешняго алфавитнаго рукописнаго, какъ объ этомъ не разъ выражалось желаніе членами Общества, представляется пока нецѣлесообразнымъ и, при ближайшемъ знакомствѣ съ содержаніемъ библіотеки, самими же членами признается дѣломъ несвоевременнымъ впредь до очистки библіотеки отъ безполезнаго

матеріала, и самая систематизація каталога, хотя бы рукописнаго, при скудости большинства отдѣловъ и рубрикъ, на которые распадается весь наличный библіотечный матеріалъ, не представляется чѣмъ-либо необходимымъ впредь до пополненія разрозненныхъ изданій. Такъ какъ пересмотръ и ревизія всего наличнаго состава библіотеки съ цѣлію устраненія изъ нея всего ненужнаго и безполезнаго, а также и составленіе списка нужныхъ книгъ для пополненія разрозненныхъ изданій выходитъ изъ предѣловъ компетентности и единоличнаго усмотрѣнія библіотекаря, то, имѣя въ виду постановленіе годового собранія Общества отъ 7-го марта 1888 года, по которому разрѣшеніе всѣхъ частныхъ вопросовъ по устройству библіотеки поручено вѣдѣнію и текущей дѣятельности бюро Общества, остается только пожелать, чтобы та мѣра, на которой остановилось бюро для ускоренія рѣшенія вопроса, а именно: составленіе спеціальной временной библіотечной комиссіи изъ членовъ Общества и его Статистическаго Отдѣленія, нашла себѣ сочувствіе и поддержку среди членовъ Общества въ готовности ихъ принять участіе въ предстоящей работѣ, которая, при наличности даже лишь трехъ лицъ, могла бы быть окончена къ Пасхѣ и во всякомъ случаѣ до наступленія лѣтнихъ каникулъ.

Постановлено: просить Статистическое Отдѣленіе указать лицъ, могущихъ заняться разборомъ книгъ въ библіотекѣ Общества, и просить бюро Общества пригласить съ своей стороны такихъ же лицъ для той же цѣли.

V.

Доложенъ и принятъ къ свѣдѣнію отчетъ по изданію I-го и II-го томовъ „Сборника правовѣдѣнія“.

Стоимость изданія:

	Руб.	Коп.
Слѣдуетъ типографіи за напечатаніе I тома	589	35
Тоже за напечатаніе II тома	607	55
Уплачено за бумагу.	270	—
Корректорамъ	110	—
Уплачено гонорара по I тому	187	50
Уплачено гонорара по II тому	506	—
Невостребованный гонораръ	249	50
Сдѣлано расходовъ по пересылкѣ изданія	111	07
Разные другіе расходы	32	98
	2,663	95

На покрытіе означенной суммы имѣется:

	Руб.	Коп.
Пособіе Общества по бюджету 1894 года	825	—
Пособіе одного изъ членовъ Общества	600	—
Тоже	200	—
Тоже	300	—
Отъ продажи изданія чрезъ канцелярію Общества . .	35	50
Отъ продажи изданія чрезъ складъ типографіи М. М. Стасюлевича	402	50
	2,363	—

VI.

Было доложено о личномъ составѣ членовъ Юридическаго Общества. Постановлено: утвердить списокъ членовъ, составленный къ 28 февраля 1894 г., при чемъ признано желательнымъ означать въ спискѣ адреса членовъ и ихъ общественное положеніе.

VII.

Прочитанъ и утвержденъ слѣдующій бюджетъ Юридическаго Общества на 1894 годъ.

ПРИХОДЪ.

	Руб.	Коп.
1. Остатокъ отъ прошлаго года	23	23
2. Членскіе взносы	2,000	—
3. % по купонамъ 11-ти билетовъ	52	25
4. За дипломы	—	—
Итого	2,075	48
За вычетомъ предполагаемаго расхода	2,043	—
Остатокъ . . .	32	48

РАСХОДЪ.

Первая категорія.

	Руб.	Коп.
1. Жалованье дѣлопроизводителю	120	—
2. „ ст. служителю.	108	—
3. Плата временно-наемнымъ служителямъ	20	—
4. Праздничныя	37	—
5. Страхованіе билетовъ	18	—
6. Храненіе билетовъ	3	—
7. Хозяйств. расх. Общества, отдѣл. и комис. . . .	20	—
8. Почтовые и канцелярскіе расходы	20	—
9. Объявленія въ газетахъ	120	—

Вторая категорія.

1. Библіотека Общества	200	—
2. Редакція „Юридическаго Вѣстника“: Пособіе на 1892 годъ	552	—
3. На изданіе Трудовъ Общества въ размѣрѣ одной половины взносовъ, поступившихъ въ прошломъ 1893 году	825	—
Итого	2,043	—

VIII.

Отъ имени Статистическаго Отдѣленія Юридическаго Общества внесено слѣдующее предложеніе, подписанное 10 членами, объ избраніи въ почетные члены Общества завѣдующаго Вашингтонскимъ бюро труда, извѣстнаго американскаго статистика *Карроля Райта* (*Carrol Wright*):

„Въ Московское Юридическое Общество. Статистическое Отдѣленіе Московскаго Юридическаго Общества имѣетъ честь предложить въ почетные члены Московскаго Юридическаго Общества завѣдующаго Вашингтонскимъ бюро труда, извѣстнаго американскаго статистика *Карроля Райта* (*Carrol Wright*), который положилъ основаніе устройству бюро труда въ Америкѣ и пріобрѣлъ почетную извѣстность цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ статистическихъ изслѣдованій. *А. Чупровъ*, *В. Косинскій*, *Л. Марессъ*, *Н. Каблуковъ*, *В. День*, *М. Соболевъ*, *А. Головачевъ*, *С. Блекловъ*, *А. Фортунатовъ*, *В. Григорьевъ*“.

А. И. Чупровъ мотивировалъ это предложеніе тѣмъ, что Райтъ положилъ основаніе устройству бюро труда въ Америкѣ, каковыя бюро имѣютъ задачей показать современное состояніе рабочаго класса, а также изслѣдовать положеніе рабочихъ и промышленности вообще. Плодотворная дѣятельность Райта въ бюро труда въ Вашингтонѣ послужила поводомъ къ распространенію ихъ на другіе штаты С.-Америки, а по примѣру Америки бюро труда заводятъ и нѣкоторыя государства Западной Европы. Кромѣ того, Карроль Райтъ издалъ весьма много цѣнныхъ статистическихъ работъ по различнымъ вопросамъ экономической жизни и создалъ цѣлую отрасль научной статистики, именно статистики труда.

Девять членовъ Юридическаго Общества внесли предложеніе объ избраніи въ почетные члены Общества члена Академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ и редактора „Revue historique de droit“, *Родольфа Дареста*;

„Мы, нижеподписавшіеся, имѣемъ честь предложить Юридическому Обществу избрать въ число своихъ почетныхъ членовъ члена Ака-

деміи нравственныхъ и политическихъ наукъ въ Парижѣ и редактора „Revue historique de droit“ *Родольфа Дареста*, который заслужилъ почетную извѣстность своими трудами по исторіи права и сравнительному правовѣдѣнію. Дѣятельность Дареста имѣетъ особенное значеніе для насъ русскихъ, потому что онъ обратилъ вниманіе на успѣхи юридическихъ наукъ въ Россіи и старался ознакомить своихъ соотечественниковъ съ выдающимися работами русскихъ ученыхъ. *П. Виноградовъ, П. Бѣляевъ, С. Муромцевъ, А. Чупровъ, гр. Л. Камаровскій, М. Брунъ, Вокачъ, А. Вормсъ, В. Дерюжинскій.*“

П. Г. Виноградовъ указалъ на то, что Р. Дарестъ является во Франціи представителемъ изученія древне-греческаго права, каковое изученіе много содѣйствуетъ выясненію вопроса объ образованіи римскаго права. Кромѣ того, Дарестъ, являясь піонеромъ сравнительно-историческаго изученія права, выступаетъ знатокомъ сѣверныхъ правъ (напр. исландскаго), венгерскаго, а въ послѣднее время обратилъ вниманіе на ученыя работы русскихъ юристовъ, для чего, имѣя болѣе 50 лѣтъ отъ роду, изучилъ русскій языкъ и содѣйствуетъ распространенію русской науки за границей. Между прочимъ перу Р. Дареста принадлежитъ переводъ сочиненій *М. М. Ковалевскаго* по сравнительному правовѣдѣнію.

По произведенной баллотировкѣ *Карроль Райтъ* и *Родольфъ Дарестъ* избраны въ почетные члены Юридическаго Общества.

IX.

Общество приступило къ избранію своихъ должностныхъ лицъ, при чемъ *Н. И. Ржондковскій*, выразивъ благодарность Обществу за избраніе его въ теченіе предыдущихъ 4 лѣтъ въ секретари Юридическаго Общества, отказался отъ баллотировки на эту должность.

Общество постановило благодарить *Н. И. Ржондковскаго* за его труды въ качествѣ секретаря Общества.

Въ результатѣ произведенныхъ выборовъ оказались избранными слѣдующія лица: предсѣдателемъ — *С. А. Муромцевъ* по запискамъ большинствомъ 46 голосовъ избирательныхъ противъ 3 неизбирательныхъ, товарищами предсѣдателя — гр. *Л. А. Камаровскій* и *Г. Л. Верблювскій*—44 голосами противъ 5, секретаремъ Общества *М. Н. Соболевъ* — 37 голосами противъ 12, товарищами секретаря *В. В. Пржевальскій*—41 противъ 8 и *П. М. Богаевскій*—33 противъ 16, казначеемъ *В. В. Сиротининъ* и библіотекаремъ *А. Ф. Акуловъ*—48 голосами противъ 1.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 7 марта 1894 г.

Открыто въ 8 ч. 20 м. веч. предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**. Присутствовали почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные члены: **С. М. Алексѣевъ**, графъ **Л. А. Камаровскій**, **С. А. Лилинъ**, **Н. И. Ржондковскій**, князь **Ѳ. В. Мещерскій**, **А. Ф. Акуловъ**, **П. И. Бѣляевъ**, **В. А. Косинскій**, **Н. А. Зачинскій**, **П. М. Богаевскій**, **В. В. Быховскій**, **Н. С. Капустинъ**, **В. В. Пржевальскій**, **А. Э. Штейнфинкель**, **Н. И. Сперанскій**, **И. Б. Мандельштамъ**, **А. М. Краевскій**.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 21 февраля.

II. Секретарь доложилъ о вновь поступившихъ книгахъ.

III. Предложенъ въ дѣйствительные члены Общества *Николай Викторовичъ Позняковъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

IV. Дѣйствительный членъ гр. *Л. А. Камаровскій* прочиталъ докладъ: „Международный третейскій судъ въ Парижѣ 1893 года“ (напечатано въ „Сборникѣ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній“, томъ III).

П. И. Бѣляевъ указалъ на нѣкоторые пункты, интересные съ точки зрѣнія гражданскаго права. Возникаетъ вопросъ о собственности на котиковъ. Обѣ стороны, сравнивая котиковъ съ домашними животными, упустили изъ виду одинъ пунктъ, именно, смѣшеніе вопроса о потерѣ собственности съ вопросомъ о ея пріобрѣтеніи. Животныя, уходящія отъ хозяина, не теряются въ качествѣ собственности для хозяина; но собственность создается фактомъ овладѣнія, а не моментомъ прирученія. Для доказательства права собственности нельзя исходить изъ понятія ихъ прирученности. Но помимо этого, въ разсматриваемомъ случаѣ нѣтъ и самой прирученности котиковъ. На какомъ же правѣ можно утверждать фактъ пріобрѣтенія собственности на этихъ животныхъ? Скорѣе можно думать, что на оккупаціи, на завладѣніи, но не на прирученности.

Другой любопытный вопросъ: имѣютъ ли американцы право защищать котиковъ отъ истребленія и вообще отъ посягательствъ иностранцевъ и какой видъ имѣетъ это право? Выводить это право изъ полномочій собственника нельзя, такъ какъ трудно доказать наличность самаго права собственности. Между тѣмъ, право защиты, охраны, патронатства требуетъ извѣстныхъ основаній. Казалось бы, что вмѣшательство американцевъ можно было бы вывести изъ принципа необходимой обороны. И въ гражданскомъ правѣ дозволяется самоуправство, если государственная власть почему-либо отсутствуетъ. Это начало имѣетъ особенное значеніе въ сферѣ международныхъ отношеній. Въ разбираемомъ случаѣ, если сохраненіе котиковъ важно для всего

человѣчества, то каждое государство имѣетъ право вмѣшиваться въ охрану ихъ.

Далѣе, спрашивается о томъ, можно ли соединить вопросъ о переходѣ извѣстной территоріи съ переходомъ извѣстныхъ правомочій по поводу этой территоріи? Для такого соединенія требуются особыя основанія. Поэтому и Америка упражняетъ право относительно котиковъ не въ силу перехода территоріи, а вслѣдствіе другихъ общественныхъ соображеній. Наконецъ, является спорнымъ, представляютъ ли рѣшенія третейскихъ судовъ законодательныя нормы или нѣтъ. Конечно, для сторонъ это законъ. Однако можно сомнѣваться въ томъ, что подобныя рѣшенія кодифицируютъ право.

Гр. Л. А. Камаровскій указалъ, что онъ придаетъ международнымъ третейскимъ судамъ кодификаціонное значеніе только *до извѣстной* степени. Въ международномъ правѣ важно, чтобы нормы регулировались. Съ формальной стороны третейскій судъ, конечно, создаетъ право только для сторонъ; его постановленіе есть частная сдѣлка, частное рѣшеніе. Но по существу, въ виду высокой роли третейскаго суда, дѣло представляется иначе. Постановленіе суда становится уже не простымъ рѣшеніемъ сдѣлки, но извѣстной юридической нормой. Отдѣльные прецеденты даютъ богатый законодательный матеріалъ, который такимъ образомъ и превращается въ международныя нормы.

П. М. Богаевскій отмѣтилъ, что парижскій судъ знаменуетъ собой развитіе международнаго права, но находилъ, что признаніе третейскимъ судомъ территоріальнаго моря въ предѣлахъ 3 миль не-можетъ встрѣтить сочувствія, такъ какъ именно эта норма и требуетъ настоятельной реформы. Дѣло въ томъ, что 3-мильное разстояніе не удовлетворяетъ потребностямъ международной жизни. Въ литературѣ указывали на экономическія соображенія и условія, какъ на исходную точку для разрѣшенія вопроса о разстояніи. Поэтому постановленія третейскаго суда имѣли бы еще большее значеніе, если бы онъ не формулировалъ такъ точно предѣлы разстоянія.

Гр. Л. А. Камаровскій отвѣтилъ, что таково же возраженіе проф. Мартенса, но онъ съ нимъ несогласенъ. Третейскій судъ не могъ устанавливать новой юридической нормы, а долженъ былъ руководствоваться дѣйствующимъ правомъ, которое въ большинствѣ случаевъ признаетъ 3-мильную границу. Но кромѣ того онъ долженъ былъ принять во вниманіе постановленіе гаагской конвенціи 1882 г. объ охранѣ рыболовства въ Сѣверномъ морѣ, принявшей 3-мильное разстояніе. Можно согласиться съ тѣмъ, что необходимо установить другую границу, но это уже не дѣло суда.

В. В. Пржевальскій спросилъ, установлена ли въ рѣшеніи третейскаго суда карательная санкція на случай нарушенія правилъ,

именно на тотъ случай, если кто-нибудь будетъ ловить котиковъ въ предѣлахъ 60 миль.

Гр. Л. А. Камаровскій разъяснилъ, что судъ указалъ на необходимость установленія извѣстныхъ регламентовъ со стороны отдѣльныхъ государствъ, предусматривающихъ подобные случаи. Такимъ образомъ, наложеніе уголовной кары есть дѣло отдѣльныхъ правительствъ, но не третейскаго суда.

В. В. Пржевальскій высказалъ, что въ этомъ вопросѣ замѣчается пробѣлъ, указанный уже проф. Мартенсомъ. Судъ постановилъ, что ловля котиковъ воспрещается въ предѣлахъ территоріальнаго моря и въ предѣлахъ 60 миль отъ берега, однако, остается неизвѣстнымъ, кто долженъ преслѣдовать нарушителей въ предѣлахъ отъ 4-й до 60-й мили отъ берега.

Гр. Л. А. Камаровскій не видитъ здѣсь пробѣла. Въ предѣлахъ 60 миль преслѣдуетъ нарушителей территоріальная власть. Если же нарушитель—иностранецъ, требуется соглашеніе правительствъ.

В. В. Пржевальскій. Слѣдовательно, территоріальное море расширяется до 60 миль, и въ ихъ предѣлахъ иностранцы не могутъ ловить котиковъ.

Гр. Л. А. Камаровскій. Да, по данному вопросу это такъ.

В. В. Пржевальскій. Разъ рѣшеніе этого суда не отмѣнило общей нормы о территоріальномъ морѣ, то можетъ возникнуть цѣлый рядъ конфликтовъ.

Гр. Л. А. Камаровскій замѣтилъ въ заключеніе, что парижскій третейскій судъ есть только первый шагъ въ дѣлѣ регулированія ловли котиковъ. Необходимо, чтобы возможно скорѣе всѣ заинтересованныя государства, въ томъ числѣ Россія, вступили въ соглашеніе и выработали подробныя нормы по этому вопросу.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. веч.

Засѣданіе 28 марта 1894 г.

Засѣданіе открыто въ $8^1/_2$ час. вечера подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **П. М. Богаевскомъ**. Присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій**, дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ**, **И. А. Базановъ**, **Н. Л. Борхартъ**, **П. И. Бѣляевъ**, **Ю. С. Гамбаровъ**, **А. В. Горбуновъ**, **М. А. Ермоловъ**, гр. **Л. А. Камаровскій**, **А. М. Краевскій**, **С. А. Лилинъ**, **И. Б. Мандельштамъ**, **С. П. Мокринскій**, **В. В. Пржевальскій**, **А. А. Раевскій**, **Н. И. Ржондковскій**, **В. В. Сиротининъ**, **М. Н. Соболевъ** и **Г. Л. Юровскій**.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 28 февраля и 7 марта.

П. *С. А. Муромцевъ* обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами: „Мы должны занести въ хронику нашего Общества печальное событіе: скончался профессоръ Нерсесовъ, имя котораго должно занять почетное мѣсто въ исторіи гражданскаго правовѣдѣнія. Труды покойнаго внесли живую струю въ развитіе у насъ въ Россіи этой отрасли юриспруденціи. Нерсесовъ былъ выдающимся русскимъ ученымъ догматикомъ. Принадлежа къ кругу профессоровъ, которые въ 70-хъ годахъ внесли въ университетское преподаваніе новыя вѣянія, намѣтившіяся на Западѣ въ 50—60-хъ гг., Нерсесовъ съумѣлъ отрѣшиться отъ рутинныхъ пріемовъ старой школы. Не отстраняясь отъ пользованія римскимъ правомъ, онъ въ то же время не подчинялся его авторитету и всегда отличалъ понятія, утратившія свое значеніе, отъ понятій, сохранившихъ до настоящаго времени свою жизненность. Это разумное пониманіе потребностей жизни, отзывчивое отношеніе къ нимъ составляетъ характерную черту его ученыхъ трудовъ. Вслѣдствіе подобнаго отношенія къ наукѣ гражданскаго права выборъ Нерсесомъ Іосифовичемъ темъ для своихъ ученыхъ работъ всегда обусловливался соприкосновеніемъ этихъ темъ съ вопросами, воплощающими общественный интересъ; съ другой стороны, труды покойнаго касаются наименѣе разработанныхъ институтовъ гражданскаго права. Живой и острый умъ профессора Нерсесова сказался и въ той разносторонности, съ которою онъ изучалъ намѣченный имъ вопросъ: разсматривая какой-либо институтъ, онъ всегда касался и другихъ родственныхъ ему институтовъ, при чемъ сильная критика всей этой области изслѣдованія вносила въ нашу литературу весьма цѣнные научные вклады."

П. И. Бѣляевъ охарактеризовалъ значеніе покойнаго профессора Нерсесова въ области теоретической мысли. Какъ представитель науки гражданскаго права, сказалъ онъ, Нерсесовъ выдѣлялся тѣмъ, что весьма плодотворно занимался разработкой жгучихъ вопросовъ современнаго гражданскаго оборота. Въ старой юриспруденціи вопросы, привлекавшіе вниманіе Нерсеса Іосифовича, институтъ представительства и бумаги на предъявителя, существовали развѣ лишь въ зародышѣ. Вопросъ о бумагахъ на предъявителя былъ совершенно неизвѣстенъ римлянамъ. Въ своихъ двухъ монографіяхъ покойный научнымъ образомъ провелъ догматическую обработку института представительства и бумагъ на предъявителя. Не будучи врагомъ юридической конструкціи, Нерсесовъ въ то же время не признавалъ ея ради нея самой. Конструкціи покойнаго профессора весьма жизненны, въ его рукахъ онѣ являются гибкимъ, послушнымъ средствомъ для удовлетворенія жизненныхъ интересовъ, какъ бы посредствующимъ звеномъ между наукою и житейскимъ оборотомъ. Одностороннія теоріи

обходятся Нерсесомъ Іосифовичемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ; разсматривая эти теоріи, онъ приводитъ такого рода объясненія, при которыхъ становится вполнѣ очевидной роль изучаемаго института въ практической жизни. Нервомъ, двигавшимъ изслѣдованія профессора Нерсесова, было преклоненіе передъ значеніемъ общественнаго интереса. Въ этомъ отношеніи онъ чрезвычайно походилъ на тѣхъ римскихъ юристовъ, которымъ было особенно важно не подведеніе извѣстнаго факта подъ опредѣленную конструкцію, а удовлетвореніе гражданскаго оборота. Жизненная постановка и разработка юридическихъ темъ, рядомъ съ живостью изложенія и ясностью мысли, отразились въ равной степени и на сочиненіяхъ, и на лекціяхъ покойнаго профессора. Этимъ объясняется вліяніе Нерсеса Іосифовича и въ ученомъ мірѣ, и въ университетѣ. Представители практики уже принесли дань почтенія памяти покойнаго. Юридическому Обществу одинаково близки интересы теоріи и практики, еще болѣе близки люди, которые всю свою жизнь тратили силы на служеніе наукѣ права. Въ заключеніе *П. И. Бѣляевъ* предложилъ выразить отъ имени Московскаго Юридическаго Общества супругѣ покойнаго профессора Нерсесова глубокое соболѣзнованіе.

Постановлено принять предложеніе *П. И. Бѣляева* и, по предложенію *С. А. Муромцева*, занести въ протоколъ, что Московское Юридическое Общество, цѣня заслуги покойнаго профессора Н. І. Нерсесова, съ прискорбіемъ выслушало вѣсть о его кончинѣ. Память покойнаго почтена была вставаніемъ.

III. *С. А. Муромцевъ* обратился къ присутствующимъ со слѣдующими словами по поводу кончины дѣйствительнаго члена Общества В. Е. Станицкаго: „Покойный стяжалъ себѣ извѣстность, какъ выдающійся мировой судья. Не будучи профессіональнымъ юристомъ, онъ обладалъ стремленіемъ и умѣніемъ открыть въ каждомъ дѣлѣ житейскую правду. Онъ имѣлъ въ высокой степени важное для судьи качество — самостоятельность. Вотъ почему В. Е. Станицкій былъ однимъ изъ лучшихъ мировыхъ судей“.

Память покойнаго члены Общества почтили вставаніемъ.

IV. С. А. Муромцевъ, М. Н. Соболевъ, Н. И. Ржондковскій, С. А. Лилинъ, А. Ф. Акуловъ, Г. В. Юровскій, П. И. Бѣляевъ, И. А. Базановъ, А. Э. Вормсъ, Г. Л. Вербловскій, Ю. С. Гамбаровъ и А. Г. Гусаковъ заявили желаніе принять участіе въ трудахъ комиссіи Общества для разработки отдѣльныхъ вопросовъ гражданскаго права, при чемъ ближайшимъ предметомъ занятій означенной комиссіи является разсмотрѣніе проекта вотчиннаго устава.

С. С. Корсаковъ, И. И. Нейдингъ, А. В. Погожевъ, В. П. Сербскій, С. И. Викторскій, С. П. Мокринскій, В. В. Пржевальскій,

Ѳ. А. Савей-Могилевичъ, Н. А. Зачинскій, Е. М. Баранцевичъ и А. М. Краевскій заявили желаніе принять участіе въ трудахъ комиссіи для разработки отдѣльныхъ вопросовъ уголовнаго права, при чемъ ближайшимъ предметомъ занятій означенной комиссіи является разсмотрѣніе рефератовъ объ организаціи судебно-медицинской экспертизы, представленныхъ А. В. Погожевымъ и Е. М. Баранцевичемъ.

Всѣ вышеназванныя лица были избраны per acclamationem членами комиссіи по гражданскому и уголовному праву.

V. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества помощникъ присяжнаго повѣреннаго *Н. В. Поздняковъ.*

VI. Предложенъ въ дѣйствительные члены Общества *Иванъ Дмитріевичъ Ждановъ*, врачъ.

VII. *В. В. Пржевальскій* прочиталъ докладъ: „Объединеніе уголовнаго законодательства въ Швейцаріи" (напечатанъ въ IV т. „Сборника правовѣдѣнія").

С. П. Мокринскій указалъ на то, что разрѣшеніе проектомъ нѣкоторыхъ вопросовъ общаго характера не можетъ быть названо вполнѣ совершеннымъ и соотвѣтствующимъ ихъ общенаучному значенію. Сюда должна быть отнесена 8-я статья проекта, трактующая о невмѣненіи. Болѣзнь, идіотизмъ и отсутствіе сознанія — вотъ три состоянія, при которыхъ проектъ признаетъ невмѣняемость дѣйствій преступника. Эта такъ-называемая перечневая система страдаетъ недостатками, давно уже указанными наукою уголовнаго права. Невозможно никакимъ перечисленіемъ охватить всѣ случаи разсматриваемыхъ понятій. Проектъ не избѣгъ послѣдняго недостатка. Въ его перечисленіи отсутствуютъ состоянія, несомнѣнно обусловливающія невмѣненіе. Мы имѣемъ въ виду, напримѣръ, состояніе аффекта не на патологической почвѣ и безъ потери сознанія. Преступленіе Позднышева, несомнѣнно, не подлежитъ вмѣненію, а между тѣмъ оно не можетъ быть разрѣшено 8-й статьею проекта: вѣдь Позднышевъ сознаетъ свои дѣйствія. Эта же статья не предусматриваетъ преступленій, совершенныхъ въ состояніи дикости, подъ вліяніемъ окружающей среды. Сюда же приближаются и тѣ преступленія, которыя, вызываясь суевѣріемъ, еще такъ недавно вспыхивали на различныхъ окраинахъ нашего отечества; вспомнимъ закапываніе живыхъ людей въ землю во время холеры. Вѣдь нельзя же утверждать, что преступленія эти вызывались идіотизмомъ. Наконецъ, 8-я статья не предусматриваетъ состоянія гипнотизма, гдѣ имѣется налицо лишь отсутствіе воли, но нѣтъ ни душевной болѣзни, ни идіотизма, ни отсутствія сознанія. Вторымъ недостаткомъ 8-й статьи проекта является отсутствіе психологическаго критеріума; надо указать предѣлы для обоснованія со-

стоянія безнаказанности. Такой предѣлъ даетъ проектъ русскаго уложенія. Не лишены недостатковъ и статьи проекта, трактующія объ умыслѣ, такъ какъ нельзя опредѣленно сказать, къ какому моменту пріурочиваютъ онѣ необходимость сознанія, могущаго относиться и къ дѣйствіямъ и къ результату. Нельзя также не пожалѣть о томъ, что проектъ не даетъ намъ опредѣленія покушенія, недостатокъ особенно чувствительный въ наше время, когда вновь возникаютъ различія между conatus proximus и conatus remotus. Отсутствіе подобнаго опредѣленія можетъ повести къ наказанію предварительныхъ дѣйствій. Замѣтимъ также, что постановленіе проекта о рецидивистахъ возбуждаетъ сомнѣніе. Судъ, согласно проекту, имѣетъ право отослать упорнаго рецидивиста къ особому учрежденію, которое присуждаетъ его почти къ пожизненному наказанію. Подобныя постановленія граничатъ съ неопредѣленнымъ осужденіемъ, противъ котораго высказался четвертый международный съѣздъ уголовнаго права въ Парижѣ. Къ подобнымъ героическимъ средствамъ слѣдуетъ прибѣгать лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Ихъ можно сравнить съ употребленіемъ медиками сильно дѣйствующихъ ядовъ, совершенно расшатывающихъ организмъ и полезныхъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Всегда и постоянно человѣкъ смотрѣлъ на судебныя рѣшенія какъ на лучшую гарантію свободы.

В. В. Пржевальскій не согласился съ тѣмъ, что указаніе 8-й статьею проекта случаевъ невмѣняемости не совпадаетъ съ попыткою охватить всѣ возможныя категоріи. „Въ своемъ докладѣ я ссылался, говоритъ онъ, на мнѣнія спеціалистовъ по этому вопросу. На съѣздѣ швейцарскихъ врачей-психіатровъ въ Курѣ было указано, что достаточно даже двухъ типовъ: a) душевныя болѣзни и b) безсознательность, чтобы охватить всѣ случаи невмѣняемости. Идіотизмъ, по мнѣнію членовъ съѣзда, есть та же душевная болѣзнь; что касается до аффекта, то вѣдь это есть состояніе безсознательности. Гипнотизмъ—сонъ. Переходя къ вопросу о дикости, я долженъ замѣтить, что не понимаю, какимъ образомъ возможно здѣсь указаніе на невмѣняемость. Дикость — состояніе особенно опасное для общества. Считая интересы общества выше интересовъ отдѣльной личности, я полагаю, что уголовный законъ долженъ стоять на-стражѣ интересовъ общества и обуздывать проявленія разнузданной дикости. Возражая противъ замѣчанія, касающагося отсутствія психологическаго критеріума въ 8-й статьѣ проекта, укажу на то, что лишь разсмотрѣніемъ вопроса о свободѣ воли можно установить психологическій критеріумъ, что, очевидно, невозможно. Согласенъ съ мнѣніемъ о неудовлетворительности статей, касающихся умысла. Неопредѣленность приговоровъ по вопросамъ рецидива не вполнѣ проведена проектомъ,

устанавливающимъ въ извѣстныхъ случаяхъ пятнадцатилѣтній срокъ. Международный съѣздъ въ Парижѣ не постановилъ никакого рѣшенія по этому вопросу, отложивъ его обсужденіе. Лично я во всякомъ случаѣ сочувствую статьямъ проекта о рецидивистахъ, хотя примѣненіе этихъ статей и является крайнимъ средствомъ; однако, расшатывая организмъ одного человѣка, они ограждаютъ цѣлость общества, интересы котораго, конечно, должны быть на первомъ планѣ.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. веч.

Засѣданіе 4 апрѣля 1894 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **П. М. Богаевскомъ**. Присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій**, дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ, Д. С. Баршевъ, П. И. Бѣляевъ, Г. Л. Вербловскій, А. Э. Ворисъ, Ю. С. Гамбаровъ, И. Я. Гурляндъ, Н. А. Зачинскій**, гр. **Л. А. Камаровскій, А. М. Краевскій, С. А. Лилинъ, И. Х. Озеровъ, А. А. Раевскій, В. В. Сиротининъ, М. Н. Соболевъ, Г. Л. Юровскій.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 28 марта 1894 г.

II. Избранъ въ дѣйствительные члены Общества врачъ *И. Д Ждановъ*.

III. Гр. *Л. А. Камаровскій* прочиталъ докладъ: „Опытъ кодификаціи частнаго международнаго права (см. Журналъ СПб. юрид. общ , 1894 г., іюнь).

Г. Л. Вербловскій обратилъ вниманіе на трудность разрѣшенія коллизій законовъ различныхъ національностей. Въ институтѣ брака, гдѣ національные законы имѣютъ огромное значеніе, эта трудность особенно рельефно проявляется. То же самое можетъ быть сказано относительно примѣненія началъ международнаго частнаго права къ наслѣдованію, гдѣ, какъ извѣстно, доминируетъ законъ наслѣдодателя, но рядомъ съ нимъ громадное значеніе имѣетъ также законъ мѣстонахожденія имущества. Такимъ образомъ, частное международное право въ трудахъ представителей науки и въ работахъ конференціи намѣтило лишь общія начала, тогда какъ разрѣшеніе подробностей является дѣломъ будущаго.

Графъ *Л. А. Камаровскій* указалъ на то, что работа гаагской конференціи есть лишь первый шагъ, а дальнѣйшее развитіе этой работы находится въ связи съ отношеніемъ къ ней правительствъ. Въ частности, относительно института брака должно замѣтить, что, хотя гаагская конференція и не разрѣшаетъ этого вопроса, но въ рѣшеніяхъ института международнаго права онъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что перевѣсъ имѣютъ законы мужа. Относительно наслѣдства

на конференціи выразилось явное стремленіе признать цѣльность остающагося послѣ наслѣдодателя имущества.

А. М. Фальковскій напомнилъ заслуги Лорана въ развитіи науки частнаго международнаго права и указалъ на то, что во многихъ частяхъ его труды стоятъ на одномъ уровнѣ съ работою гаагской конференціи. Затѣмъ онъ высказался за преждевременность кодификаціи частнаго международнаго права.

С. А. Муромцевъ спросилъ о дальнѣйшей судьбѣ работъ гаагской конференціи, на что гр. Л. А. Камаровскій отвѣтилъ, что онѣ будутъ представлены правительствамъ, такъ какъ членами этой конференціи являлись делегаты отдѣльныхъ правительствъ.

Засѣданіе закрыто въ $9^1/_2$ час. веч.

Засѣданіе 21 сентября 1894 года.

Засѣданіе открыто въ 8 часовъ 15 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**. Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій** и дѣйствительные члены: **А. С. Алексѣевъ, И. А. Базановъ, П. М. Богаевскій, П. И. Бѣляевъ, Г. Л. Вербловскій, Н. А. Вокачъ, В. А. Гольцевъ, А. В. Горбуновъ, А. Г. Гусаковъ, М. А. Ермоловъ**, гр. **Л. А. Камаровскій, В. В. Кандинскій, В. А. Косинскій, А. М. Краевскій, С. А. Лилянъ, А. Н. Миклашевскій, И. Н. Миклашевскій, И. Х. Озеровъ, А. В. Погожевъ, И. Х. Померанцевъ, В. В. Рождественскій, А. Б. Резенблюмъ, И. Н. Сахаровъ, В. В. Сиротининъ, М. Н. Соболевъ, Н. И. Сперанскій, В. Н. Сторожевъ** и **Н. Я. Фрейндъ**.

I. Предсѣдатель обратился къ Обществу со словами, посвященными памяти скончавшихся дѣйствительныхъ членовъ Общества Н. М. Астырева и Н. П. Колюпанова.

Николай Михайловичъ *Астыревъ* выдался какъ человѣкъ, посвятившій себя изученію народнаго быта и пошедшій съ этою цѣлью въ волостные писаря. Работая въ области статистики, онъ принималъ дѣятельное участіе въ статистическомъ изслѣдованіи Енисейской и Иркутской губерній. Покойный Н. М. принималъ также дѣятельное участіе въ трудахъ Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества. Смерть унесла въ молодыхъ еще годахъ этого замѣчательнаго дѣятеля.

Нилъ Петровичъ *Колюпановъ* началъ свою дѣятельность въ 50-ыхъ годахъ. Подъ вліяніемъ оживленія, охватившаго въ то время русское общество, онъ посвятилъ свои силы, какъ писатель и общественный дѣятель, крестьянскому дѣлу и народному образованію. Солидныя статьи по этимъ вопросамъ помѣщалъ онъ и въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“.

По предложенію предсѣдателя, память Н. М. Астырева и Н. П. Колюпанова почтена вставаніемъ.

II. Предсѣдатель доложилъ Обществу, что лѣтомъ текущаго года въ день пятидесятилѣтняго юбилея государственной дѣятельности почетнаго члена Общества *Д. А. Ровинскаго* онъ поздравилъ юбиляра отъ имени Общества телеграммою.

III. Предложены къ баллотировкѣ въ дѣйствительные члены Общества: оставленный при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ государственнаго права *Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ* и старшій нотаріусъ Московскаго Окружнаго суда *Сергѣй Григорьевичъ Зимаревъ*.

IV. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что почетный членъ *В. Д. Спасовичъ* представилъ на обсужденіе Общества выработанный частною комиссіею, подъ его предсѣдательствомъ, проектъ „Положенія объ авторскомъ правѣ".

По предложенію предсѣдателя, Общество постановило: передать проектъ на разсмотрѣніе комиссіи Общества.

V. Дѣйствительный членъ проф. *А. С. Алексѣевъ* прочелъ докладъ „Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти (напечатано въ „Русской Мысли" 1894 г.)".

В. А. Гольцевъ указалъ на нѣкоторую опасность чрезвычайнаго расчлененія юридической точки зрѣнія на государство. Старые юристы дѣлились на юристовъ, занимавшихся положительнымъ правомъ, и на юристовъ-раціоналистовъ, строившихъ понятіе государства, пригодное для всѣхъ временъ и народовъ. Чтó такое современное культурное государство? Какими признаками отличается оно отъ средневѣковаго патримоніальнаго государства? Характерный признакъ современнаго культурнаго государства, по мнѣнію докладчика, заключается въ томъ, что всѣ подданные государства равны и подчиняются не личной волѣ главы государства, а общественному господству. Но этимъ опасность не устранена: и во Франціи Людовика XIV, и въ современныхъ Соединенныхъ Штатахъ, и въ современной Пруссіи и Австро-Венгріи— вездѣ всѣ люди равны. Догма докладчика не построена на наблюденіи структуры современнаго культурнаго государства. Содержаніе дѣятельности государства необходимо должно быть принимаемо въ соображеніе при разсмотрѣніи юридической его природы. Пирамида, о которой говорилъ докладчикъ, имѣетъ полное значеніе какъ превосходная параллель для объясненія организаціи власти исполнительной и даже судебной, но отнюдь не законодательной. Догма докладчика о современномъ культурномъ государствѣ носитъ шаткій характеръ, ибо 1) трудно опредѣлить, чтò такое современное культурное государство, и 2) основныя требованія докладчика не осуществлены во многихъ

теперешнихъ государствахъ. Граница между произвольными и непроизвольными союзами врядъ ли уловима.

А. Б. Розенблюмъ не соглашался съ основною мыслью доклада о томъ, что юристъ-догматикъ долженъ изучать исключительно юридическую сторону вопроса о государствѣ. Оппонентъ не понимаетъ никакого научнаго опредѣленія или занятія, если оно не ведетъ къ практической цѣли. Коркуновъ правъ, говоря, что Франція послѣ убіенія Карно—совершенно иное государство, чѣмъ при его жизни. Опредѣлять, что̀ такое Россія, Англія въ данный моментъ, не имѣетъ никакого научнаго значенія и интереса. Докладъ своимъ содержаніемъ подтверждаетъ эту мысль. Имѣетъ смыслъ лишь опредѣленіе того, каково должно быть государство. Необходимо историко-экономическое изслѣдованіе для пониманія, почему государство стало такимъ или инымъ. Только этимъ путемъ можно найти полезный и осуществимый идеалъ государства.

С. А. Муромцевъ подчеркнулъ ту мысль доклада, что догматика государственнаго права должна имѣть своимъ предметомъ лишь опредѣленную категорію государственныхъ отношеній. Догматическое изложеніе по существу своему есть дедуктивное логическое развитіе извѣстной системы понятій. Иначе догма не будетъ имѣть своего практическаго значенія. Догма, оставаясь догмою, должна ограничиваться констатированіемъ своихъ основныхъ положеній. Догма должна представлять собою „Mathematik der Begriffe", сказалъ извѣстный цивилистъ-догматикъ. Какъ и математика, догма беретъ извѣстныя основныя положенія, коихъ происхожденіе она не изслѣдуетъ и коихъ она не критикуетъ. Извѣстныя государственныя формы, составляющія матеріальный субстратъ для догматическаго изслѣдованія, должны быть приняты догмою какъ готовыя исходныя положенія. Догматикъ не долженъ строить исходныхъ опредѣленій, которыя сами бы себя оправдывали. Въ такомъ случаѣ догматикъ государственнаго права перешелъ бы въ общую науку о государствѣ. Это случилось и съ самимъ докладчикомъ. Говорить о цѣляхъ, интересахъ, мотивахъ, градировать ихъ и комбинировать—это значитъ выходить за предѣлы догмы государственнаго права. Школа публицистовъ, пытавшаяся опредѣлить государство какъ организмъ, другая школа, выставившая ученіе о государствѣ какъ юридическомъ лицѣ,—обѣ эти школы поступали догматически. Единство государства какъ государства несомнѣнно существуетъ, вопреки мнѣнію Коркунова, но догматикъ долженъ принимать это положеніе о единствѣ государства какъ фактъ, а не доказывать его. Наука о государствѣ можетъ указать, что группа людей, объединенныхъ въ государство, производитъ такой эффектъ, котораго не производитъ простая сумма слагаемыхъ,—но это не есть

уже область догматики. Докладчикъ волею-неволею долженъ былъ коснуться вопросовъ, выходящихъ за предѣлы догматики: иначе невозможно опредѣлить государство.

А. С. Алексѣевъ, отвѣчая оппонентамъ, находилъ, что возраженія методологическаго характера суть результатъ недоразумѣнія. Ограничивать догму сведеніемъ формальныхъ признаковъ существующаго государства нельзя, но надо имѣть въ виду и практическіе интересы. Никакой юристъ не въ состояніи написать ни одной строки, оставаясь догматикомъ, если онъ не будетъ принимать во вниманіе жизненныя отношенія. Лишь теоретически можно отдѣлять догму права отъ другихъ сродныхъ ей областей. Въ рефератѣ я возставалъ противъ теорій, не желающихъ обращать вниманіе на юридическую сторону фактическихъ отношеній. Въ изслѣдованіяхъ публичнаго права необходимо касаться этой стороны государственныхъ отношеній. Политика необходима наряду съ догмою государственнаго права. Невозможно говорить о правовыхъ формахъ, не касаясь жизненныхъ интересовъ, коимъ онѣ служатъ. Я не говорю, что всѣ граждане имѣютъ равныя права. Я говорю только, что съ точки зрѣнія догмы современнаго государства нѣтъ людей, по природѣ призванныхъ господствовать, и нѣтъ людей, призванныхъ только подчиняться.

А. М. Фальковскій указалъ на обширность литературы по затронутымъ референтомъ вопросамъ. Для теоретическихъ построеній права необходимо знакомство съ дѣйствительною жизнью. Всѣ основныя представленія математики о линіи, точкѣ и т. д.—ежедневно подтверждаются на опытѣ. Наука права идетъ издалека, но государство существовало ранѣе ея. Мы заимствовали идеи о государствѣ, главнымъ образомъ, изъ римскаго права. Вопросъ о свободѣ воли подвергнутъ сомнѣніямъ, хотя самъ детерминистъ Шопенгауэръ говоритъ, что воля in esse свободна. Не слѣдуетъ смѣшивать понятій о власти и воздѣйствіи, какъ это дѣлаетъ докладчикъ. Есть факторы невещественные—идеи и это—самые могущественные факторы цивилизаціи. Право двигается вмѣстѣ съ жизнью. Нельзя построить вѣчную догму. Я не понимаю дѣленія союзовъ на произвольные и непроизвольные; союзъ господина съ рабомъ не есть союзъ, а — подчиненіе силѣ. Постоянное расширеніе сферы государственнаго права и огосударствленіе частнаго права нежелательно.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. 10 мин.'

Засѣданіе 10 октября 1894 г.

Засѣданіе открыто въ 8 час. 10 мин. вечера подъ предсѣдательствомъ **С. А. Муромцева**, при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи почетнаго члена общества **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ членовъ: **А. Ф. Акулова, Е. М. Баранцевича, М. И. Бруна, В. В. Быховскаго, Г. Л. Вербловскаго, А. Э. Ворисa, А. В. Горбунова, И. Я. Гурлянда, Н. А. Зачинскаго, В. В. Кандинскаго, В. А Косинскаго, А. М. Краевскаго, С. А. Лилина, И. Б. Мандельштама, И. Х. Озерова, А. А. Орлова, И. Х. Померанцева, А. А. Раевскаго, А. Б. Розенблюма, В. В. Сиротинина, М. Н. Соболева, С. И. Сусорова, И. Т. Тарасова, А. В. Шилова.**

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ засѣданія 4 апрѣля 1894 г.

II. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ* и *С. Г. Зимаревъ.*

III. Дѣйствительный членъ *И. Т. Тарасовъ* прочелъ докладъ „Вотчинный уставъ и вотчинныя учрежденія но новымъ проектамъ“.

IV. Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ* предложилъ Обществу просить г. докладчика составить тезисы, вытекающіе изъ его доклада; съ ними вмѣстѣ могутъ быть напечатаны тезисы другихъ членовъ Общества; тезисы, по напечатаніи, будутъ розданы гг. членамъ Общества, затѣмъ обсуждаемы, и по нимъ состоится голосованіе.

Постановлено: просить г. докладчика составить тезисы, вытекающіе изъ его доклада. Докладчикъ изъявилъ на это свое согласіе.

V. Дѣйствительный членъ *А. А. Орловъ* прочелъ докладъ „Замѣчанія на проектъ вотчиннаго устава“.

Давъ краткій историческій очеркъ приведенія въ извѣстность земель, состоящихъ въ Россіи во владѣніи частномъ и государственномъ, докладчикъ съ большою подробностью остановился на надѣленіи землею крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, въ силу Положенія 19 февраля 1861 года. Надѣленіе крестьянъ землею, въ силу этого Положенія, часто производилось не въ одномъ только мѣстѣ, а въ нѣсколькихъ, вслѣдствіе чего дачи генеральнаго и спеціальнаго межеванія дробились на нѣсколько частей; въ виду этого, планы генеральнаго и спеціальнаго межеваній на оставшіеся у владѣльцевъ, за надѣломъ крестьянъ, участки очевидно не имѣютъ для нихъ въ настоящее время никакого значенія, и доказательствомъ существованія поземельнаго права являются одни лишь крѣпостные акты. Законъ (прил. къ ст. 1420 т. X, ч. 1), требуя, чтобы въ купчей крѣпости показана была мѣра земли, вмѣстѣ не придаетъ этому особаго значенія и не устанавливаетъ, чтобы въ купчей крѣпости

мѣра проданной земли была непремѣнно означена; не требуя также и означенія границъ и смежныхъ владѣльцевъ, законъ не освобождаетъ однако продавца отъ обязанности возвратить покупщику деньги за землю, недостающую противъ количества, показаннаго въ купчей крѣпости. Хотя крѣпостными актами и доказывается непосредственный переходъ поземельнаго права отъ одного лица къ другому, тѣмъ не менѣе они не устанавливаютъ граничнаго права, при чемъ означенное въ нихъ количество земли опредѣляется исключеніемъ изъ числа десятинъ, означенныхъ въ планѣ генеральнаго или спеціальнаго межеванія, пространства крестьянскаго надѣла. Между тѣмъ въ дѣйствительномъ владѣніи собственника, за весьма рѣдкими исключеніями, въ натурѣ состоитъ земли всегда меньше того количества, которое означено въ крѣпостномъ актѣ. Причина этого—поспѣшность первоначальныхъ отводовъ крестьянскихъ надѣловъ; отводы эти производились, въ большинствѣ случаевъ, лицами, не обладавшими техническими по межеванію свѣдѣніями. Затѣмъ докладчикъ подробно описалъ установленные въ законѣ пріемы для отвода крестьянскихъ надѣловъ и отступленія отъ этихъ правилъ, имѣвшія мѣсто на практикѣ. Послѣдствіемъ неправильнаго производства межеванія было то, что составленные на крестьянскіе надѣлы планы какъ въ границахъ, такъ и въ количествѣ земли, означенной въ уставной граматѣ, не соотвѣтствуютъ дѣйствительному владѣнію ихъ въ натурѣ, и что крестьяне пользуются излишнею противу надѣльныхъ плановъ землею. На основаніи Положенія о крестьянахъ, вслѣдъ за первоначальнымъ разверстаніемъ угодій, должно было послѣдовать окончательное отграниченіе отдѣловъ, заключающееся въ проведеніи законныхъ межъ, съ постановкою межевыхъ признаковъ, согласно правиламъ, установленнымъ для спеціальнаго размежеванія земель. Но на эти дѣйствія опредѣленнаго срока назначено не было, и самое производство ихъ зависѣло отъ заявленія или крестьянъ, или помѣщика. Крестьяне, пользуясь, въ большинствѣ случаевъ, излишнею противу уставной граматы землею, не имѣли никакого интереса просить о производствѣ окончательнаго отграниченія. Помѣщики же, возбуждавшіе подобнаго рода ходатайства, встрѣчали много затрудненій въ полученіи копій съ данныхъ и надѣльныхъ крестьянскихъ плановъ. Командированные для этого отграниченія землемѣры губернскихъ правленій, въ виду несходства надѣльныхъ плановъ съ натурою, не могли руководствоваться сими послѣдними и могли утверждать межи только по дѣйствительному безспорному владѣнію крестьянъ и помѣщиковъ. Въ послѣднемъ случаѣ крестьяне, не желая утвержденія межъ, возбуждали споры по поводу ихъ, и дѣло подлежало судебному разбирательству. Докладчикъ изложилъ сущность двухъ

подобныхъ дѣлъ изъ практики Московскаго Окружнаго суда. Прошло болѣе 30 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, а дѣло окончательнаго отграниченія, т.-е. утвержденія формальными межами крестьянскихъ надѣловъ находится въ далеко незавидномъ положеніи. Такъ, напр., въ Московской губерніи считается всѣхъ дачъ 11367 (генеральнаго межеванія—6386, а спеціальнаго—4981), а формально отграничены крестьянскіе надѣлы лишь въ 121 дачѣ. Крестьяне, получившіе на выкупленный ими надѣлъ данную крѣпость, пріобрѣтаютъ на все назначенное въ этомъ актѣ количество земли право собственности. Въ силу указовъ Правительствующаго Сената отъ 17 декабря 1877 г. и 12 января 1878 года, утвержденныя губернскимъ правленіемъ выкопировки и геодезическія описанія выкупленныхъ крестьянами земель признаются „*законными межевыми актами*, замѣняющими участковые планы съ межевыми книгами спеціальнаго межеванія", а „составленные при отграниченіи планы и геодезическія описанія свидѣтельствуются понятыми и затѣмъ никакому спору со стороны владѣльца не подлежатъ". Согласно ст. 369 проекта вотчиннаго устава, вносимыя въ первый отдѣлъ вотчинной книги свѣдѣнія о составѣ и пространствѣ имѣнія собственника должны быть записываемы на основаніи представляемыхъ собственникомъ достовѣрныхъ документовъ, каковыми могутъ служить только одни оффиціальные планы, могущіе замѣнить собою планы генеральнаго и спеціальнаго межеванія. Судебная практика указываетъ, что въ настоящее время всѣ споры и тяжбы о землѣ, при переходѣ имѣній изъ однѣхъ рукъ въ другія, происходятъ вслѣдствіе неимѣнія у собственниковъ оффиціальныхъ плановъ, опредѣляющихъ дѣйствительное въ натурѣ пространство земли. Бываютъ такіе даже курьезные случаи, что губернской чертежной и земству остаются совершенно неизвѣстными цѣлыя имѣнія. Признавая, что точное опредѣленіе границъ владѣнія есть дѣло не частное, а государственное, что никакое описаніе границъ имѣнія по актамъ, хозяйственнымъ планамъ и другимъ источникамъ не можетъ замѣнить оффиціальнаго плана съ правильнымъ означеніемъ какъ границъ, такъ и пространства имѣнія; что невыгодно вступать въ сдѣлки по имѣніямъ, пространство коихъ надлежащимъ образомъ не удостовѣрено; что планы крестьянскихъ надѣловъ, утвержденные губернскимъ правленіемъ, признаны законными межевыми актами, не подлежащими спору со стороны владѣльца,—нельзя не усмотрѣть существенной необходимости въ *оффиціальныхъ планахъ* на земли, оставшіяся у собственниковъ за надѣломъ крестьянъ. Необходимость при раздѣлахъ и отчужденіяхъ имѣній обязательнаго представленія собственниками плановъ въ вотчинное учрежденіе признана большинствомъ комиссіи по соста-

вленію вотчиннаго устава. Присоединяясь къ мнѣнію большинства членовъ комиссіи о томъ: 1) что раздѣлы и отчужденія вообще весьма рѣдко совершаются зимою за невозможностью для пріобрѣтателя въ то время года обслѣдовать имѣніе, и 2) о томъ, что заключенію подобныхъ сдѣлокъ предшествуютъ, обыкновенно, довольно продолжительные переговоры, въ теченіе которыхъ стороны могутъ заранѣе принять мѣры къ выполненію требованія закона о представленіи плановъ (ст. 209 проекта вотчин. уст.), докладчикъ находитъ, что планы, о которыхъ упоминается въ ст. 209 проекта вотч. уст., должны быть не частные, а *оффиціальные*, вслѣдствіе чего и исполненіе межевыхъ работъ должно быть возложено на землемѣровъ губернскаго вѣдомства, какъ лицъ, спеціально къ тому подготовленныхъ. Въ помощь этимъ землемѣрамъ полезно бы было допустить присяжныхъ землемѣровъ, имѣющихъ отъ межевого вѣдомства свидѣтельство на право производства землемѣрныхъ работъ, или же учредить при земствахъ особыхъ землемѣровъ, подобно тому, какъ они уже существуютъ при столичныхъ городскихъ управахъ для повѣрки городскихъ земель. Дѣйствія этихъ техниковъ должны заключаться въ обходѣ границъ владѣній собственниковъ, по дѣйствительному въ натурѣ владѣнію, съ проведеніемъ и утвержденіемъ межъ крестьянскихъ надѣловъ узаконенными межевыми признаками; въ тѣхъ же дачахъ, гдѣ окончательное отграниченіе крестьянскихъ надѣловъ уже состоялось, должно производить одну лишь повѣрку окружной межи владѣльческихъ участковъ. Желательно, чтобы при этихъ работахъ землемѣрами велись журналы экономическихъ и камеральныхъ примѣчаній. Въ случаѣ возникновенія спора о границахъ слѣдуетъ примѣнять правила, установленныя для спорнаго межеванія (320, 455, 495, 585, 665 ст. т. X, ч. 2, изд. 1893 г.). При существующемъ положеніи часто ни помѣщикъ, ни крестьяне не знаютъ границъ своихъ владѣній. Когда владѣлецъ обращается въ надлежащія мѣста съ просьбою откомандировать землемѣра для окончательнаго отграниченія крестьянскихъ надѣловъ, то цѣль установленія опредѣленности границъ владѣнія часто не достигается. Землемѣръ, натолкнувшись, при обходѣ границъ, на спорный участокъ, составляетъ журналъ о возникшемъ спорѣ, но не обязанъ составлять плана спорнаго участка, и отграниченіе крестьянскаго надѣла въ подобномъ случаѣ состояться не можетъ, если помѣщикъ и крестьяне не вступятъ въ полюбовное соглашеніе. Въ этихъ случаяхъ стороны должны разбираться судебнымъ порядкомъ, что имѣетъ своимъ результатомъ продолжительную тяжбу, или же остаться въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Необходимо для дѣлъ этого рода установить особый порядокъ судопроизводства, примѣняясь къ тому, который установленъ въ законахъ межевыхъ

для разрѣшенія споровъ, возникающихъ при генеральномъ и спеціальномъ коштномъ межеваніи. Слѣдуетъ назначить сторонамъ обязательный срокъ для вчинанія иска, въ случаѣ заявленія спора при отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ; слѣдуетъ обязать землемѣровъ, производящихъ такое отграниченіе, составлять планы спорныхъ участковъ, дабы таковые могли служить судебнымъ доказательствомъ. При такомъ порядкѣ спорные вопросы могутъ быть разрѣшены въ теченіе непродолжительнаго времени, и установится ясность и точность земельныхъ владѣній. Такой порядокъ разрѣшенія споровъ отнюдь не можетъ затормозить составленія плановъ для представленія ихъ въ вотчинныя учрежденія, такъ какъ планы на занадѣльныя и надѣльныя земли будутъ составляться со внесеніемъ въ нихъ и спорныхъ участковъ. Въ случаѣ отчужденія участка изъ дачи, на которую уже имѣется оффиціальный планъ, нѣтъ надобности требовать обязательнаго представленія въ вотчинное учрежденіе плана на отдѣляемый участокъ; достаточно только на существующемъ уже планѣ цѣлой дачи провести соотвѣтствующія линіи, отдѣляющія этотъ участокъ; на этотъ участокъ можетъ такимъ образомъ быть составленъ особый планъ безъ предварительныхъ измѣреній въ натурѣ. Работы по обходу границъ не должны быть особенно продолжительны, такъ какъ въ лѣтній день техникъ свободно можетъ пройти по окружной межѣ съ утвержденіемъ межъ отъ 5 до 7 верстъ въ сутки, а время работъ въ году надо считать не въ 6 мѣсяцевъ, какъ полагаетъ комиссія, а въ 7 мѣс., а именно, съ 1 апрѣля по 1 ноября. Составленные по сему межеванію планы свидѣтельствуются, по истеченіи срока на обжалованіе, въ губернской чертежной, съ приложеніемъ межевой печати.

VI. По предложенію предсѣдателя постановлено: напечатать тезисы, вытекающіе изъ доклада А. А. Орлова.

Засѣданіе закрыто въ 11 часовъ вечера.

Засѣданіе 5 декабря 1894 г.

Открыто въ 8¼ час. веч. предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**. Присутствовали дѣйствительные члены Общества: **В. В. Пржевальскій, А. С. Никитенко, князь Ѳ. В. Мещерскій, В. В. Сиротининъ, В. А. Косинскій, А. Б. Розенблюмъ, А. М. Краевскій, В. В. Быховскій, В. С. Малченко, С. П. Мокринскій, А. А. Раевскій** и **Н. А. Зачинскій**.

I. Предсѣдатель доложилъ Обществу, что 26 октября имъ была получена бумага отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго

Общества, въ которой заключалось предложеніе Юридическому Обществу принять участіе въ совмѣстномъ чествованіи всѣми московскими учеными Обществами памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Въ виду этого 27 октября было созвано экстренное собраніе бюро Юридическаго Общества, которое постановило: принять предложеніе Московскаго Археологическаго Общества о возложеніи общаго отъ московскихъ ученыхъ Обществъ вѣнка на могилу почившаго Императора и о совершеніи отъ лица всѣхъ московскихъ ученыхъ Обществъ заупокойной литургіи и панихиды въ сороковой день по кончинѣ Государя въ университетской церкви. Для участія въ совѣщаніи по сему поводу были избраны представителями Юридическаго Общества графъ Л. А. Камаровскій и В. В. Пржевальскій. Оба приведенныя постановленія были приведены въ исполненіе. Далѣе предсѣдатель доложилъ о полученіи протокола совѣщанія представителей московскихъ ученыхъ Обществъ, въ которомъ приводится предложеніе проф. *Н. Я. Грота* объ организаціи „Союза ученыхъ Обществъ" для осуществленія общихъ имъ цѣлей и способовъ ихъ достиженія. На собраніи представителей ученыхъ Обществъ было постановлено просить всѣ Общества выработать программу дѣйствій союза и его цѣлей. Въ виду важности этого вопроса предсѣдатель полагалъ удобнымъ отложить обсужденіе и рѣшеніе его до годичнаго засѣданія.

Общество постановило отложить сужденіе объ организаціи „Союза ученыхъ Обществъ" до годичнаго засѣданія.

II. Предложены въ дѣйствительные члены Общества: Дмитрій Николаевичъ *Загоскинъ*, кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ судѣ; Борисъ Петровичъ *Юргенсонъ*, кандидатъ правъ, и Дмитрій Ивановичъ *Матвѣевъ*, кандидатъ на судебныя должности при Московскомъ Окружномъ судѣ.

III. Прочитаны и утверждены протоколы засѣданій 21 сентября и 10 октября.

IV. Секретарь доложилъ о поступившихъ книгахъ.

V. Дѣйствительный членъ *В. С. Малченко* прочиталъ докладъ: „Къ вопросу о переработкѣ правилъ объ окончаніи предварительнаго слѣдствія".

Основная мысль докладчика заключалась въ томъ, что необходимо ввести участіе адвокатуры въ предварительное слѣдствіе. Такимъ образомъ у слѣдователя явится посторонній критикъ, который въ настоящее время отсутствуетъ и который значительно подниметъ дѣятельность слѣдователей. Однако, въ виду того, что по недостаточности присяжной адвокатуры нельзя установить участіе ея съ самаго начала слѣдствія, референтъ предлагалъ реформировать статью

476 устава уголовнаго судопроизводства, а именно: ввести участіе адвокатуры въ моментъ заключенія слѣдствія и его предъявленія обвиняемому. Кромѣ того, въ экстраординарныхъ случаяхъ, когда мѣстное населеніе терроризировано ужаснымъ преступленіемъ, референтъ предлагалъ установить присутствіе въ моментъ заключенія слѣдствія, согласно ст. 476, представителей мѣстнаго населенія.

В. В. Пржевальскій высказалъ, что онъ далекъ отъ мысли дѣлать какія-либо принципіальныя возраженія докладчику. Съ теоретической точки зрѣнія положительно невозможно спорить противъ допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи. Весь вопросъ заключается въ практической осуществимости предлагаемыхъ докладчикомъ мѣропріятій. Говорятъ, что можно ввести указанную реформу безъ всякихъ измѣненій въ положеніи слѣдователей. Съ этимъ нельзя согласиться. Если и теперь слѣдователи завалены работой, то какъ они справятся съ дѣломъ, если имъ придется по каждому дѣлу выполнять сложную и торжественную процедуру чтенія слѣдствія обвиняемому въ присутствіи защитника и мѣстныхъ жителей. Нечего говорить о томъ, что присутствіе защиты заставитъ слѣдователя тщательнѣе и основательнѣе вести слѣдствіе, т. е. увеличитъ количество его труда. Съ другой стороны, можно ли налагать еще новыя обязанности на потерпѣвшаго, дѣлая его присутствіе при заключеніи слѣдствія обязательнымъ? Несомнѣнно, громадность существующихъ въ Россіи разстояній не позволитъ намъ установить такой обязательности. Относительно контингента защитниковъ, допустимыхъ на предварительномъ слѣдствіи, нужно замѣтить, что было бы справедливо ввести сюда и преподавателей юридическихъ наукъ. Итакъ, главное возраженіе заключается въ практической неосуществимости предложенія докладчика, если только не будетъ значительно увеличено число судебныхъ слѣдователей. Что же касается принципіальной стороны, то мѣра, предлагаемая референтомъ, конечно, можетъ считаться желательной, какъ первый шагъ въ рѣшеніи вопроса объ участіи защиты въ предварительномъ слѣдствіи.

В. В. Быховскій указалъ въ свою очередь на непрактичность предложеній докладчика. Послѣдній предлагаетъ измѣнить одну статью устава и сдѣлать такимъ образомъ опытъ участія защиты въ предварительномъ слѣдствіи. Но это совершенно невозможно. Статья 476 и ея измѣненіе затрагиваетъ цѣлый рядъ другихъ вопросовъ нашей жизни и судебной дѣятельности. Такъ, напр., какъ сдѣлать полезной защиту на предварительномъ слѣдствіи при его заключеніи? Всякому извѣстно, какъ важенъ совѣтъ до суда, а потому адвокатъ долженъ имѣть возможность выполнить свою миссію самымъ лучшимъ образомъ. Если мы допустимъ участіе защиты на

предварительномъ слѣдствіи, то поднимается вопросъ, можно ли допускать къ этому участію всякое лицо? Думается, что нельзя, такъ какъ иначе это участіе привело бы къ массѣ злоупотребленій, и слѣдователи оказались бы въ безвыходномъ положеніи. Итакъ, къ защитѣ на предварительномъ слѣдствіи можно допустить только присяжную адвокатуру. Но теперь число присяжныхъ повѣренныхъ слишкомъ незначительно, и, чтобы удовлетворить возросшей въ нихъ потребности, придется измѣнить статьи о присяжной адвокатурѣ. Далѣе докладчикъ предлагаетъ ввести выборныхъ отъ мѣстнаго общества для присутствія въ моментъ заключенія слѣдствія. Но въ такомъ случаѣ придется дополнить уставъ уголовнаго судопроизводства массой статей о томъ, какіе должны быть выборные, какъ ихъ слѣдуетъ выбирать и т. п., однимъ словомъ—цѣлымъ новымъ проектомъ. Затѣмъ является, конечно, нежелательнымъ, чтобы выборные оказывались присяжными засѣдателями по тому дѣлу, при окончаніи слѣдствія котораго они присутствовали, такъ какъ они могутъ явиться въ судъ уже съ заранѣе сложившимся мнѣніемъ; слѣдовательно, необходимо ввести измѣненіе въ статьѣ о присяжныхъ засѣдателяхъ. Эти примѣры показываютъ, что при введеніи защиты въ предварительное слѣдствіе нельзя ограничиться измѣненіемъ одной статьи. При такой постановкѣ дѣла опытъ скорѣе всего окажется неудачнымъ.

С. П. Мокринскій замѣтилъ, что допущеніе защиты въ моментъ предъявленія слѣдствія обвиняемому въ сущности является нѣсколько поздно. Вѣдь слѣдствія тянутся мѣсяцы, годы, свидѣтели успѣютъ умереть, разъѣхаться и т. п. Съ другой стороны, гдѣ тѣ лица, которыя должны вынести на своихъ плечахъ новый порядокъ? Извѣстно, что главные защитники — это кандидаты на судебныя должности. Извѣстно, при какихъ условіяхъ ведутъ защиту кандидаты. Назначенные на сессію, они знакомятся съ дѣлами за день или два и ѣдутъ затѣмъ защищать по 15—20 обвиняемыхъ въ сессію. Спрашивается, къ чему же сведется участіе кандидатовъ на судебныя должности въ защитѣ при предварительномъ слѣдствіи? И какъ они будутъ настаивать на допросѣ новыхъ свидѣтелей и т. п. передъ своими болѣе или менѣе начальствующими лицами — слѣдователемъ, прокуроромъ? Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что при предлагаемомъ докладчикомъ нововведеніи нарушится основной принципъ судопроизводства — равенство обвиняемыхъ: тогда только богатые будутъ въ состояніи приглашать адвокатовъ, которыхъ теперь такъ недостаточно, а бѣдные останутся безъ защитниковъ.

В. С. Малченко въ отвѣтъ оппонентамъ сказалъ, что бояться лишней работы нельзя, разъ дѣло идетъ о судьбѣ человѣка. Но ра-

бота увеличится только на первыхъ порахъ. Съ введеніемъ защиты при предварительномъ слѣдствіи слѣдовательское дѣло оживится и выиграетъ въ качественномъ отношеніи; вмѣстѣ съ этимъ уменьшатся и случаи, когда придется дѣлать существенныя дополненія къ произведенному уже слѣдствію. Относительно увеличенія числа слѣдователей докладчикъ, какъ практикъ, полагаетъ, что этого не нужно. Все, что теперь есть, то и останется. Конечно, на слѣдователя слѣдуетъ возложить обязанность предъявить сторонамъ слѣдствіе только одинъ разъ; во вторичномъ предъявленіи слѣдствія уже нѣтъ нужды; за измѣненіями будетъ слѣдить заинтересованная сторона; если же она не желаетъ пользоваться своимъ правомъ, то это—ея дѣло. Первый оппонентъ говорилъ о продолжительности самаго предъявленія слѣдствія, его чтенія и т. п. Но стороны могутъ ознакомиться съ дѣломъ раньше, прочитать его наканунѣ, а въ моментъ такъ называемаго предъявленія слѣдствія могутъ ограничиться обсужденіемъ дѣла.

На это *В. В. Пржевальскій* возразилъ, что слѣдователю во всякомъ случаѣ придется вторично предъявлять слѣдствіе, если только оно пополнится существенными чертами. Если, далѣе, докладчикъ хочетъ приглашать выборныхъ отъ мѣстнаго общества, то одного обсужденія слѣдственнаго производства будетъ недостаточно; требуется чтеніе слѣдствія цѣликомъ.

В. С. Мальченко отвѣтилъ, что выборные отъ мѣстнаго общества участвуютъ, согласно проекту, только въ исключительныхъ случаяхъ, когда населеніе терроризировано выходящимъ изъ ряду вонъ преступленіемъ. Обращаясь къ дальнѣйшимъ возраженіямъ, референтъ сказалъ, что главная цѣль предлагаемаго нововведенія — сдѣлать, чтобы законъ исполнялся не формально, а по существу. Указываютъ на то, будто при новомъ порядкѣ защитой на предварительномъ слѣдствіи будутъ пользоваться только богатые люди; вѣрнѣе всего, дѣло останется въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится теперь. Въ докладѣ уже говорилось о томъ, что измѣненіе ст. 476 отнюдь не должно вести за собой измѣненій въ другихъ статьяхъ устава уголовнаго судопроизводства. Въ дополненіе къ реферату можно указать на цѣлый рядъ случаевъ, гдѣ предлагаемое измѣненіе редакціи ст. 476 будетъ имѣть благопріятные результаты. Возьмемъ, напр., дѣла, возбуждаемыя по частному обвиненію, которыя находятся теперь въ забросѣ, тогда какъ иногда имѣютъ очень важное значеніе. Послѣ того, какъ потерпѣвшій подалъ жалобу, слѣдователь обыкновенно вызываетъ его для допроса, и здѣсь потерпѣвшій сплошь и рядомъ становится втупикъ, что̀ онъ долженъ дѣлать; обыкновенно онъ переписываетъ свою первоначальную жалобу; между тѣмъ его отзывъ прі-

обрѣлъ бы практическое и серьезное значеніе, если бы онъ присутствовалъ при заключеніи слѣдствія. Точно также въ дѣлахъ, направляемыхъ къ прекращенію по ст. 277, потерпѣвшій обыкновенно совсѣмъ не знаетъ о матеріалѣ, собранномъ слѣдователемъ, и о томъ, чѣмъ онъ могъ бы еще защитить свои интересы. Наконецъ, въ дѣлахъ, гдѣ обвиняемый скрылся, предъявленіе слѣдствія, конечно, не можетъ состояться, между тѣмъ для потерпѣвшаго можетъ представляться интересъ въ ознакомленіи съ дѣломъ. Въ настоящее время потерпѣвшій вообще боится придти къ слѣдователю, ему нѣтъ повода къ этому, а при осуществленіи сдѣланнаго предложенія онъ будетъ имѣть полную возможность явиться и познакомиться съ дѣломъ.

Предсѣдатель *С. А. Муромцевъ*, отмѣтивъ особенную важность рефератовъ по вопросамъ судебной практики и желательность общенія съ провинціальными членами Общества, закрылъ засѣданіе въ $11^{1}/_{4}$ час. вечера.

Засѣданіе 12 декабря 1894 года.

Засѣданіе открыто въ $8^{1}/_{2}$ часовъ вечера подъ предсѣдательствомъ товарища предсѣдателя **Г. Л. Вербловскаго**, при товарищѣ секретаря **П. М. Богаевскомъ**. Въ засѣданіи присутствовали: почетный членъ **А. М. Фальковскій**, дѣйствительные члены: **А. Ф. Акуловъ, А. С. Алексѣевъ, П. И. Бѣляевъ, А. В. Горбуновъ**, графъ **Л. А. Камаровскій**, князь **Ѳ. В. Мещерскій, А. С. Никитенко, В. В. Пржевальскій** и **Н. Я. Фрейндъ**.

I. Дѣйствительный членъ Общества гр. *Л. А. Камаровскій* прочелъ докладъ: „О съѣздѣ Института международнаго права въ Парижѣ въ 1894 году" (напечатано въ IV томѣ „Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній").

А. М. Фальковскій указалъ на то, что однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, разсматривавшихся на съѣздѣ, является вопросъ о несостоятельности. Объединеніе законодательствъ въ этомъ случаѣ трудно достижимо, такъ какъ различіе законодательствъ въ институтѣ несостоятельности обусловливается цѣлымъ рядомъ чрезвычайно важныхъ экономическихъ условій и различіемъ культуры. Но весьма существеннымъ было бы соглашеніе между государствами о взаимной помощи въ дѣлахъ несостоятельности.

П. М. Богаевскій указалъ на то, что постоянныя сообщенія докладчика о дѣятельности Института международнаго права даютъ намъ ясное представленіе о непрерывномъ развитіи этого знаменитаго научнаго учрежденія. Въ числѣ задачъ, которыя были намѣчены уставомъ Института международнаго права, одно изъ главныхъ мѣстъ

занимаетъ содѣйствіе, всѣми возможными способами, кодификаціи международнаго права и оффиціальному признанію тѣхъ принциповъ этого права, которые, по мнѣнію Института, являются соотвѣтствующими современнымъ потребностямъ цивилизованнаго человѣчества. Дѣятельность Института въ этомъ направленіи ознаменовалась цѣлымъ рядомъ фактовъ. Обращенія его къ правительствамъ становятся все чаще и чаще. Вслѣдствіе огромнаго научнаго значенія исторіи работъ Института въ этомъ направленіи, крайне желательно: опубликованіе результатовъ этихъ обращеній, обсужденіе причинъ неудачъ и пересмотръ, въ послѣднемъ случаѣ, рѣшеній Института.

Гр. *Л. А. Камаровскій* отвѣтилъ, что попытки подобнаго опубликованія уже существуютъ; таковъ, напримѣръ, перечень международныхъ соглашеній къ вопросамъ, обсуждавшимся, до заключенія этихъ соглашеній, Институтомъ, помѣщенный въ „Обзорѣ" Лера. Осторожность Института въ этомъ направленіи, по мнѣнію докладчика, объясняется опасеніемъ нареканій со стороны дѣятелей практической жизни.

Г. Л. Вербловскій указалъ на то, что многіе изъ вопросовъ, разсматривавшихся на съѣздѣ Института, имѣютъ значеніе не только для юриста-теоретика, но и для практика. Сюда несомнѣнно должны быть отнесены институты опеки и несостоятельности. Кодифицированіе нормъ, регулирующихъ отношенія, возникающія изъ означенныхъ институтовъ, вовсе не такая трудная задача. Цѣлый рядъ отношеній гражданскаго права легко могъ бы быть регулированъ международными нормами; таковы положенія желѣзнодорожнаго и вексельнаго права. Несмотря на несложность работы, для соглашенія законодательствъ по всѣмъ указаннымъ вопросамъ даже оффиціальные представители государствъ не могутъ притти къ единогласію, что объясняется исключительно чрезмѣрнымъ субъективизмомъ, въ силу котораго во что бы то ни стало каждый желаетъ отдать предпочтеніе своимъ національнымъ законамъ.

II. Доложено предложеніе графини Уваровой о командированіи депутата для обсужденія вопроса объ ассоціаціи московскихъ ученыхъ Обществъ. Постановлено оставить этотъ вопросъ до годоваго собранія Общества, которому и обсудить степень участія Юридическаго Общества въ предположенной ассоціаціи.

III. Заявлены кандидатами для избранія въ дѣйствительные члены Общества: *Сабининъ*, Леонидъ Христофоровичъ, судебный слѣдователь, *Корженевскій*, Иванъ Доминиковичъ, судебный слѣдователь.

III. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *Д. Н. Загоскинъ*, кандидатъ на судебныя должности, *Б. П. Юргенсонъ* кандидатъ правъ, *Д. И. Матвѣевъ*, кандидатъ на судебныя должности.

Засѣданіе закрыто въ $10^1/_2$ часовъ.

Засѣданіе 16 января 1895 года.

Засѣданіе открыто въ 8 час. веч. предсѣдателемъ **С. А. Муромцевымъ**, при товарищѣ секретаря **В. В. Пржевальскомъ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго** и дѣйствительныхъ членовъ: **А. Ф. Акулова, И. А. Базанова, П. И. Бѣляева, Г. Л. Верблювскаго, Н. А. Вонача, А. Э. Ворлса, А. В. Горбунова, А. Г. Гусакова, Д. Н. Загоскина, Н. С. Капустина, Ѳ. Ѳ. Кокошкина, С. П. Мокринскаго, В. В. Рождественскаго, В. В. Сиротинина, В. Н. Сторожева** и **Б. П. Юргенсона.**

I. Предсѣдатель довелъ до свѣдѣнія Общества, что имъ получено отъ А. А. Борзенко письмо, въ которомъ г. Борзенко извѣщаетъ о пожертвованіи имъ своей библіотеки въ пользу Городской публичной библіотеки г. Одессы и проситъ Общество не отказать въ содѣйствіи отдѣлу этой библіотеки, посвященному правовѣдѣнію и получившему, по постановленію Одесской Городской Думы, названіе отдѣла имени А. А. Борзенко.

II. Товарищемъ секретаря доложено о поступившихъ въ Общество книгахъ.

III. Предложены въ дѣйствительные члены Общества: Августъ Яковлевичъ *Перельманъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго; въ члены-корреспонденты: Николай Васильевичъ *Водовозовъ* и Владиміръ Владиміровичъ *Святловскій*.

IV. Дѣйствительный членъ *П. И. Бѣляевъ* прочелъ докладъ „Право и процессъ въ эпоху „Русской Правды" (см. выше, стр. 1)".

А. М. Фальковскій находилъ въ докладѣ не установленнымъ, что разумѣлось подъ формою въ уголовномъ и гражданскомъ процессѣ „Русской Правды"; тò, что̀ докладчикъ разумѣетъ подъ формами, относится, главнымъ образомъ, до формальной теоріи доказательствъ. Право того времени носило, по неразвитости общества, формальный характеръ, но даже на низшихъ ступеняхъ культуры человѣкъ не полагалъ, что можно карать, не разбирая, виновнаго и невиновнаго. И на первыхъ своихъ шагахъ русское народное мышленіе не заимствовало: примитивное право „Русской Правды" оригинально. Трудъ докладчика долженъ вызвать новые труды: богатый матеріалъ данъ, но надо его свести въ болѣе понятную систему.

А. Г. Гусаковъ высказалъ, что референтъ относится къ „Русской Правдѣ" такъ, какъ, будто этотъ памятникъ составленъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Референтъ часто видитъ техническіе термины тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ. Оттѣняя субъективный элементъ въ древнѣйшемъ правѣ, докладчикъ пользуется, напримѣръ, выраженіемъ „вина". Въ первой части доклада референтъ касается вопроса о фор-

мализмѣ, разработаннаго для германскаго права Бруннеромъ. Референтъ беретъ слишкомъ широкій періодъ времени до Соборнаго Уложенія включительно, но, тѣмъ не менѣе, относится къ матеріалу какъ догматикъ. Референтъ смѣшиваетъ формализмъ съ формальностью, пользуясь доказательствами и изъ примитивной эпохи формализма, и изъ позднѣйшей эпохи, когда, какъ и во всякомъ процессѣ, были формальности. Связываніе вора есть внѣсудебное дѣйствіе, которое вовсе не указываетъ на формализмъ процесса. Докладчикъ привелъ всего лишь двѣ формулы изъ „Русской Правды": „мое" и „рцы ему: поди на сводъ". При казуистичности Русской Правды легко принять за формулу простой казусъ. Переходя ко второй части доклада, оппонентъ указалъ на то, что всѣ древнѣйшіе памятники отличаются конкретностью, а между тѣмъ, по мнѣнію докладчика, право „Русской Правды" формулировало уже такіе общіе принципы, какъ „гдѣ нѣтъ вины, нѣтъ правонарушенія". Нельзя, конечно, отрицать умысла для древнѣйшаго русскаго права, ибо тамъ различаются даже степени вины (напр., злостное и несчастное банкротство); однако, право того времени не могло формулировать по этому вопросу столь общихъ принциповъ, каковъ выводимый докладчикомъ. Для того, чтобы выдержать свою основную идею, докладчикъ говоритъ, что „Русская Правда" приписываетъ вину извѣстнымъ объективнымъ признакамъ. Докладчикъ совершенно не дѣлаетъ различія между правомъ различныхъ списковъ „Русской Правды", которые расположены на протяженіи трехъ вѣковъ.

П. И. Бѣляевъ соглашался съ тѣмъ, что нѣкоторыя черты древняго русскаго права представлены въ докладѣ недостаточно рельефно. Причиною тому отчасти служитъ краткость и сжатость работы. Формализмъ живой сильно отличается отъ позднѣйшаго формализма, являющагося лишь излишнимъ балластомъ. И современныя уголовныя законодательства наказываютъ иногда безъ субъективной вины (напр., при таможенныхъ нарушеніяхъ), хотя теоріи и трудно съ этимъ мириться. Подведеніе формализма торжественнаго подъ формализмъ абстрактный неправильно, но это дѣлается въ интересахъ логическихъ. Во всякомъ случаѣ, это не два разныхъ формализма; я, можетъ быть, не отмѣтилъ достаточно индивидуальностей одной изъ категорій формализма. Я привелъ въ докладѣ не менѣе десяти формулъ, изъ коихъ 5—6 взяты мною изъ „Русской Правды"; въ Псковской Судной Граматѣ формулы встрѣчаются мѣстахъ въ двадцати. Я согласенъ съ тѣмъ, что при изученіи исторіи права надо принимать во вниманіе особенности всякаго вѣка, но право есть явленіе консервативное, и потому изслѣдователь имѣетъ право въ разныхъ эпохахъ искать, прослѣживать одинаковыя явленія. Нельзя назвать

догматическимъ то отношеніе, когда изслѣдователь старается отыскать индивидуальныя понятія въ памятникахъ извѣстной эпохи.

С. А. Муромцевъ указалъ на то, что вопросъ о формализмѣ имѣетъ 2 интересныхъ стороны: 1) установить проявленіе формализма въ ту или иную эпоху; 2) раскрыть тѣ мотивы, тотъ психологическій источникъ, изъ коего этотъ формализмъ вытекаетъ. Референтъ указалъ на потребность регулировать самоуправство; но надо отыскивать причину формализма не въ соціальныхъ условіяхъ, а въ психологическихъ чертахъ личности того времени. Были извѣстныя свойства въ мышленіи людей той эпохи, которыя вели къ формализму. О мотивахъ древняго человѣка мы можемъ судить по мотивамъ, вынесеннымъ нами изъ наблюденія за современнымъ намъ человѣкомъ. Въ нашей современной жизни существуетъ формализмъ не только въ силу переживанія, но и другихъ причинъ. Когда старина создавалась, когда древнее правило возникало, оно могло не быть насиліемъ для людей той эпохи; оно казалось въ высшей степени понятнымъ людямъ той эпохи. Формализмъ древнѣйшаго общества обусловливается извѣстнымъ равенствомъ въ развитіи отдѣльныхъ личностей того времени. На языкѣ людей одинаковаго міросозерцанія извѣстное слово для всѣхъ значитъ одно и то же. Эти мысли можно примѣнить и къ тому факту въ области древняго права, что тогда наказывали безъ вины: всѣ думали, что извѣстныя дѣянія безъ вины немыслимы. Относительно поджога гумна надо помнить, когда громадное значеніе имѣло для древняго человѣка гумно. Каждый долженъ былъ сознавать, что всякое неосторожное дѣйствіе относительно гумна можетъ влечь величайшія бѣдствія для хозяина и его семьи. Историки права мало обращаютъ вниманія на область приличій, а между тѣмъ въ ней мы нашли бы многое для объясненія правовыхъ явленій. Въ области приличій, лицо, совершенно невинно нарушившее правила приличія считается въ глазахъ другихъ людей виновнымъ, иногда навсегда погибшимъ. Я все это говорю съ тою цѣлью, чтобы возразить на слова доклада: „наказаніе переступаетъ свои естественные предѣлы".

П. И. Бѣляевъ находилъ, что объяснять формализмъ одними бытовыми, матеріальными условіями недостаточно. Въ древнюю эпоху право такъ не выдѣляется отъ другихъ областей общественной жизни, какъ теперь. И теперь мы склонны думать, что должникъ не платитъ долга не bona fide. Здѣсь современное міровоззрѣніе стоитъ на древней точкѣ зрѣнія. Указаніе психологическихъ факторовъ завершаетъ собою историческое изслѣдованіе. Для объясненія нѣкоторыхъ характерныхъ чертъ древняго права и взгляда на нихъ людей того времени, можно, пожалуй, сослаться на Тэна. Объясняя, почему у средне-

вѣковыхъ живописцевъ возникали чудные, искренніе образы, какихъ въ современномъ намъ искусствѣ не встрѣчается, Тэнъ говоритъ, что люди того времени мыслили менѣе абстрактно, чѣмъ мы, а потому имъ ненужно было усилій для воспроизведенія подобныхъ образовъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 час. вечера.

Засѣданіе 23 января 1895 г.

Засѣданіе открыто въ 8½ час. веч. предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго**, дѣйствительныхъ членовъ **Н. С. Капустина**, **И. Я. Гурлянда**, гр. **Л. А. Камаровскаго**, **И. Т. Тарасова**, **Н. А. Зачинскаго**, **Г. Л. Верблюовскаго**, **И. Х. Озерова**, **В. Э. Денъ**, **А. В. Горбунова**, **И. Б. Мандельштамъ**, **П. И. Бѣляева**, **И. Д. Новикъ**, **Л. Е. Мандельштамъ**, **В. В. Быховскаго**, **А. Ф. Акулова**, **В. И. Розенблюмъ**, **В. В. Сиротинина**, князя **Ѳ. В. Мещерскаго**, **Д. И. Матвѣева**, **Д. Н. Загоскина** и **В. В. Пржевальскаго**, и членовъ-корреспондентовъ **В. В. Святловскаго** и **Н. В. Водовозова**.

I. Предсѣдатель доложилъ Обществу о поступившей отъ предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества бумагѣ, при которой была препровождена копія съ отношенія министра народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія: „Милостивая Государыня, графиня Прасковья Сергѣевна! Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему о выраженныхъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ и другими учеными и художественными Обществами и учрежденіями въ Москвѣ вѣрноподданническихъ чувствахъ безпредѣльной любви и преданности, въ 3-й день сего декабря Высочайше повелѣть соизволилъ: „*благодарить*".

Отношеніе министра народнаго просвѣщенія выслушано членами Общества стоя.

II. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 5 и 12 декабря 1894 г.

III. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: *С. Н. Вольтманъ*, оставленный при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ римскаго права, *С. Е. Сабининъ*, магистрантъ римскаго права, *Н. В. Водовозовъ*, кандидатъ правъ, и *Н. К. Кушъ*, статистикъ.

IV. Избраны въ дѣйствительные члены Общества: *А. Я. Перельманъ*. помощникъ прис. пов., и *Л. Х. Сабининъ*, судебный слѣдователь Томской губерніи.

V. Дѣйствительный членъ *И. Я. Гурляндъ* прочиталъ докладъ: „Французскій мыслитель Ле-Пле и его ученіе".

Н. В. Водовозовъ сдѣлалъ упрекъ референту за то, что онъ отнесся къ Ле-Пле съ индивидуальной точки зрѣнія и не выяснилъ его зна-

ченія въ исторіи экономической науки во Франціи. Относительно метода Ле-Пле референтъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собой: въ началѣ онъ говоритъ, что Ле-Пле держался объективной точки зрѣнія, а во 2-ой части реферата утверждаетъ, что Ле-Пле, производя взвѣшиваніе общественныхъ явленій, самъ садился на одну изъ чашекъ вѣсовъ. Методъ Ле-Пле не заслуживаетъ восхваленія, такъ какъ онъ не можетъ быть названъ научнымъ; идеалы этого писателя сложились раньше, чѣмъ онъ выступилъ на литературное поприще, и при наблюденіи, равно какъ группировкѣ фактовъ, держался предвзятыхъ мыслей. Что касается экономическихъ воззрѣній Ле-Пле, то онъ, строго говоря, даже не можетъ быть названъ экономистомъ. Такъ, напр., онъ считаетъ матеріальное богатство преддверіемъ къ нравственному паденію; его, слѣдовательно, вовсе не интересуетъ экономическая сторона богатства, а интересуетъ нравственное вліяніе. Ученіе о томъ, что трудъ есть товаръ, что заработная плата колеблется сообразно спросу и предложенію, важно для Ле-Пле не по внутреннему содержанію, а по выводамъ, которые будто бы сдѣлали изъ него предприниматели; Ле-Пле думаетъ, что на почвѣ этой теоріи сложились современныя экономическія отношенія, подвергаетъ послѣднія критикѣ и выставляетъ свои правила поведенія, предписанія и совѣты. Такимъ образомъ Ле-Пле является не ученымъ, а учителемъ жизни, проповѣдникомъ. И мысли, высказываемыя Ле-Пле по общественнымъ и политическимъ вопросамъ, показываютъ односторонность и тенденціозность. Описывая Россію въ концѣ періода крѣпостного права, онъ замѣчаетъ, что населеніе довольно своей судьбой и что отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ построены на нравственныхъ началахъ; Ле-Пле относится къ крѣпостному праву довольно сочувственно, видя въ немъ осуществленіе своихъ нравственныхъ идеаловъ. Референтъ сдѣлалъ большое упущеніе, не охарактеризовавъ всей школы Ле-Пле и ея значенія въ современной жизни. Эта школа, есть школа католическаго либерализма; при существованіи католическихъ тенденцій она защищаетъ современный экономическій строй. Послѣдователи Ле-Пле говорятъ: предприниматели и рабочіе забыли нравственныя основы христіанства, надо имъ напомнить эти нравственныя правила; поэтому эта группа проповѣдуетъ христіанскую мораль промышленнымъ классамъ. Другая современная католическая школа Де-Мёна, стоявшая первоначально на той же точкѣ зрѣнія, увидѣла, что проповѣдь патронатства одностороння, что хозяева часто не желаютъ патронировать, а иногда и не могутъ этого дѣлать въ виду конкурренціи другихъ промышленниковъ; поэтому эта категорія послѣдователей Ле-Пле пришла къ государственному вмѣшательству въ пользу рабочихъ. Ученики Ле-Пле находятся въ оппозиціи этому движенію,

видя въ немъ проявленіе соціализма; они являются такимъ образомъ тормазомъ болѣе прогрессивныхъ теченій въ католицизмѣ. Что касается судьбы школы Ле-Пле, то она не обѣщаетъ быть блестящей; у нея мало приверженцевъ, и симпатіи въ пользу этого ученія теперь все болѣе уменьшаются, особенно въ католической средѣ.

П. И. Бѣляевъ сказалъ, что референтъ напрасно отказался критиковать доводы Ле-Пле, такъ какъ по главному его выводу—о патронатствѣ—не мѣшало бы провѣрить эти доводы изъ исторіи человѣчества. Достаточно указать хотя бы на ту мысль Ле-Пле, что рабство въ Римѣ есть система патронатства; врядъ ли можно видѣть такую систему тамъ, гдѣ рабъ приравнивался вещи и животному. Точно такъ же трудно сказать, что понятіе германскаго mundium есть понятіе семейственнаго права; это—болѣе широкое понятіе, въ которое входили и отношенія короля къ подданнымъ и др. Очень можетъ быть, что отношенія рыцарей и покровительствуемыхъ ими городовъ заключали въ себѣ благотворительные элементы, однако исторія свидѣтельствуетъ намъ о стремленіи городовъ высвободиться изъ подобнаго патронатства. Методологическіе пріемы изслѣдованія Ле-Пле возбуждаютъ нѣкоторыя сомнѣнія; врядъ ли можно установить типъ при началѣ изслѣдованія, какъ это дѣлаетъ Ле-Пле.

И. Я. Гурляндъ отвѣтилъ, что онъ согласенъ лишь съ однимъ возраженіемъ Н. В. Водовозова, именно относительно отсутствія въ докладѣ временнаго и мѣстнаго элемента. Конечно, можно было бы изложить ученіе Ле-Пле въ связи съ исторіей Франціи, но въ рефератѣ эта связь предполагалась данною. Если бы оппонентъ обратился ко всѣмъ сочиненіямъ Ле-Пле, а не только къ цитированнымъ имъ брошюрѣ Побѣдоносцева и книгѣ Обертэна, то врядъ ли сдѣлалъ свои замѣчанія. Такъ, оппонентъ ошибается, что Ле-Пле смотрѣлъ на богатство какъ моралистъ, а не какъ экономистъ. Въ „Réforme Sociale" Ле-Пле даетъ цѣлое изслѣдованіе о значеніи богатства какъ экономической силы. Относительно патронатства Ле-Пле совершенно не говорилъ, что это—единственный исходъ изъ кризисовъ и другихъ современныхъ непорядковъ; онъ утверждалъ только, что съ патронатствомъ отторгнутость рабочихъ отъ предпринимателей была бы не столь рѣзкой. Патронатство далеко не универсальное средство у Ле-Пле. Этотъ институтъ выставленъ какъ моральное начало, и не болѣе; потому-то онъ у него такъ неопредѣленно формулированъ. Далѣе: Ле-Пле вовсе не крѣпостникъ въ принципѣ; онъ лишь цѣнитъ въ крѣпостномъ правѣ (какъ это явствуетъ изъ его описаній Урала, Донецкаго каменноугольнаго бассейна и др.) наличность патронатныхъ отношеній, существованіе заботъ помѣщика о благосостояніи и благоустройствѣ крестьянъ и т. п. Большая заслуга Ле-Пле въ томъ, что онъ

примѣняетъ къ соціологическимъ изслѣдованіямъ оригинальные методологическіе пріемы, имѣющіе, несомнѣнно, будущность. Сначала Ле-Пле устанавливаетъ типъ явленій, руководясь существующими мнѣніями, указаніями литературы и личными наблюденіями; затѣмъ уже онъ изучаетъ эти типы въ жизни, выясняетъ причины ихъ возникновенія, развитія, условія существованія и т. д. Наконецъ, слѣдуетъ сказать, что Ле-Пле безусловно не былъ человѣкомъ партіи; онъ искренно искалъ истины, онъ не стремился къ политической дѣятельности; только партія клерикаловъ при Наполеонѣ III могла бы причислить Ле-Пле къ своей средѣ, но съ ней онъ былъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Доказательствомъ непартійности Ле-Пле служитъ то, что у его гроба собрались представители всѣхъ партій. На замѣчаніе П. И. Бѣляева о методѣ Ле-Пле можно отвѣтить, что типъ явленія устанавливается имъ на основаніи существующихъ научныхъ и жизненныхъ данныхъ; подходя съ полученнымъ представленіемъ къ жизни, онъ провѣрялъ его, пополнялъ и исправлялъ. Въ этомъ нельзя не видѣть оригинальнаго пріема.

И. Т. Тарасовъ отмѣтилъ хорошее освѣщеніе личности Ле-Пле въ рефератѣ и послѣдующихъ замѣчаніяхъ докладчика. Ле-Пле—человѣкъ весьма знаменательный по сочетанію въ немъ фантастическаго пропагандиста и ученаго изслѣдователя. Какъ пропагандистъ Ле-Пле имѣетъ менѣе оригинальныхъ чертъ, чѣмъ какъ ученый. Особаго вниманія онъ заслуживаетъ по своимъ методологическимъ пріемамъ. Онъ примѣняетъ индукцію повторнаго характера, указываетъ на значеніе мелкихъ подробностей. Интересно, какъ происходитъ сочетаніе моральнаго ученія Ле-Пле съ его учеными изслѣдованіями. Онъ объективно описываетъ, напр., крѣпостное право въ Россіи; найдя въ немъ начало патронатства (выражающееся во взаимныхъ обязанностяхъ), къ которому онъ лично тяготѣетъ, онъ и предлагаетъ его читателю, но не какъ научный выводъ, а какъ личное указаніе. Этотъ пріемъ честенъ и симпатиченъ; здѣсь нѣтъ научныхъ передержекъ. Ле-Пле внесъ цѣнный вкладъ въ науку тѣмъ, что онъ выдвинулъ моральное начало въ соціальныхъ отношеніяхъ, напр., указалъ на необходимость нравственныхъ элементовъ въ отношеніяхъ рабочихъ и предпринимателей; въ этомъ отношеніи онъ довольно близко стоитъ къ христіанскому соціализму.

Засѣданіе закрыто въ $11^3/_4$ час. веч.

Засѣданіе 30 января 1895 г.

Засѣданіе открыто въ 8½ час. веч. предсѣдателемъ Общества **С. А. Муромцевымъ**, при секретарѣ **М. Н. Соболевѣ**, въ присутствіи почетнаго члена **А. М. Фальковскаго**, члена-корреспондента **В. В. Святловскаго** и дѣйствительныхъ членовъ: **Н. А. Зачинскаго, А. И. Гучкова, А. А. Раевскаго, А. В. Горбунова, И. Х. Озерова, А. Я. Перельманъ, В. А. Кессинскаго, И. Б. Мандельштамъ, Н. В. Водовозова, А. Н. Миклашевскаго, А. Н. Маркова, И. Д. Новикъ, А. Ф. Акулова, В. В. Сиротинина**, князя **Ѳ. В. Мещерскаго, Д. Н. Загоскина** и **В. В. Пржевальскаго**.

I. Читаны и утверждены протоколы засѣданій 16 и 23 января.

II. Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены: *Серг. Ник. Булгаковъ*, оставленный при Московскомъ университетѣ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, *Пав. Ник. Лухмановъ*, помощникъ присяжнаго повѣреннаго.

III. Избраны въ дѣйствительные члены: гг. *Вольтманъ*, *Сабининъ*, *Водовозовъ* и *Кушъ*.

IV. Предложенъ въ члены-корреспонденты *Алекс. Захар. Танцовъ*, кандидатъ правъ.

V. Членъ-корреспондентъ *В. В. Святловскій* прочиталъ докладъ: „Воззрѣнія Брентано по прикладной политической экономіи".

Докладчикъ *Святловскій* сначала охарактеризовалъ историко-реформаторскую школу и затѣмъ перешелъ къ одному изъ ея представителей Брентано. Здѣсь онъ коснулся главныхъ положеній Брентано въ сферѣ экономіи промышленности. Въ современномъ народномъ хозяйствѣ, по Брентано, трудъ есть товаръ, цѣною котораго живетъ рабочій. Отъ этой цѣны зависитъ благосостояніе рабочаго. Главныя бѣды рабочихъ происходятъ въ настоящее время оттого, что они поставлены не въ одинаковыя условія при продажѣ своего товара съ предпринимателями. Средствомъ исправленія являются рабочіе союзы, которые позволяютъ слабымъ экономически силамъ соединяться и становиться равными съ предпринимателями-контрагентами. Такое рѣшеніе рабочаго вопроса подсказали Брентано его наблюденія надъ рабочими союзами въ Англіи. Затѣмъ докладчикъ отмѣтилъ отношеніе Брентано къ картелямъ предпринимателей; Брентано относится къ нимъ сочувственно, видя въ нихъ способъ устраненія существующаго безпорядка въ производствѣ товаровъ. Однако свобода картелей, по Брентано, возможна лишь тамъ, гдѣ союзамъ предпринимателей противостоятъ союзы рабочихъ; иначе первые обратились бы въ орудіе эксплоатаціи потребителей.

А. Н. Миклашевскій отмѣтилъ интересъ доклада въ виду того, что до сихъ поръ Юридическое Общество ничего не слышало о Брентано. Однако докладчикъ не совсѣмъ ясно выяснилъ мѣсто Брентано среди современныхъ экономистовъ. Прежняя школа, признававшая господство принципа laissez faire, предоставляла интеллигенціи быть лишь наблюдателемъ экономическаго развитія. Брентано былъ одинъ изъ тѣхъ, кто обратилъ вниманіе интеллигенціи на печальное положеніе рабочихъ классовъ; въ этомъ его главная заслуга. Брентано во многомъ сходится съ христіанскими соціалистами въ Англіи; у него такая же ожесточенная критика существующихъ явленій и столь же слабое отношеніе къ нимъ; онъ такъ же, какъ христіанскіе соціалисты, призываетъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса всѣ классы и старается распространять чувства благожелательности. Съ другой стороны школа Брентано часто старалась представить явленія не въ томъ видѣ, какъ они были въ дѣйствительности; въ этомъ грѣшитъ Шульце-Геверницъ и самъ Брентано, что̀ объясняется ихъ чрезмѣрнымъ оптимизмомъ. Въ этомъ отношеніи характерно недружелюбное отношеніе Брентано къ обязательному страхованію рабочихъ. Въ взглядѣ на государственное вмѣшательство Брентано непослѣдователенъ и ушелъ недалеко отъ воззрѣнія классической школы. Онъ увлекся рабочими союзами и придалъ имъ слишкомъ большое значеніе; онъ упустилъ изъ виду однако, что массы рабочихъ живутъ изо дня въ день и вовсе не имѣютъ склонности къ вступленію въ союзы. Недостаточное вниманіе къ государственному вмѣшательству составляетъ существенный пробѣлъ въ міровоззрѣніи Брентано.

Н. В. Водовозовъ выразилъ сожалѣніе, что докладчикъ не представилъ оцѣнки ученія Брентано. Но трудно согласиться и съ тѣми замѣчаніями, которыя мимоходомъ дѣлаетъ докладчикъ. Такъ, въ рефератѣ говорится, что Брентано принадлежитъ къ партіи соціальной реформы. Въ сущности Брентано и его школа стоятъ всецѣло на почвѣ существующаго и никакихъ реформъ не желаютъ. Одинъ изъ основныхъ пунктовъ ученія Брентано, что трудъ есть товаръ, какъ всякій другой. Достаточно поставить продавца труда въ одинаковыя условія съ покупателемъ, и все устроится къ лучшему. Но въ чемъ же здѣсь реформа? На это соглашаются даже экономисты либеральной школы, напр., Молинари, который предлагаетъ устроить биржи труда и тѣмъ устранить неудобства медленнаго перенесенія труда, какъ товара. Вообще школа Брентано нѣсколько утрируетъ свою оппозицію манчестерской школѣ. Если считать Брентано реформаторомъ, то гораздо правильнѣе отнести къ числу реформаторовъ Адама Смита. Нельзя согласиться и съ сопоставленіемъ Брентано съ христіанскими соціалистами. Основныя воззрѣнія Брентано въ корнѣ отличны отъ

соціализма. Это явствуетъ и изъ отношенія его къ теоріи Маркса и къ теоріи экономическаго матеріализма. Такъ, онъ говоритъ о нравахъ, объ альтруизмѣ, что́, конечно, совершенно не согласуется съ экономическимъ матеріализмомъ; онъ возражаетъ Марксу, говоря, что развитіе международнаго рынка предшествуетъ капитализму. Брентано вообще большой оптимистъ, гораздо большій, чѣмъ христіанскіе соціалисты.

В. В. Святловскій отвѣтилъ первому оппоненту, что онъ не говорилъ о роли интеллигенціи и о христіанскомъ соціализмѣ, потому что считалъ это общеизвѣстнымъ. Что касается рабочаго страхованія, то Брентано былъ противъ его принудительности; но многія крайнія школы тоже были противъ принудительнаго страхованія. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что Брентано увлекся трэдсъ-юніонами въ то время, когда движеніе только-что начиналось; однако онъ принимаетъ во вниманіе и рабочее законодательство. Относительно возраженій второго оппонента слѣдуетъ сказать, что въ рефератѣ было оговорено отсутствіе оцѣнки ученія Брентано; по плану работы не предполагалось излагать ни о послѣдователяхъ Брентано, ни о жизненномъ фонѣ, на которомъ выросла эта школа. Съ изложеніемъ доктрины Брентано эта оцѣнка сама выяснилась въ значительной степени. Названіе школы соціально-реформаторской присвоено самими представителями школы. Надо замѣтить далѣе, что есть случаи, гдѣ Брентано и его ученики указываютъ на положительныя реформы, напр., въ квартирномъ вопросѣ, въ которомъ Бебель и др. отрицаютъ возможность положительнаго рѣшенія; мы видимъ, что представители соціально-реформаторскаго направленія даютъ здѣсь программу, планъ реформъ. Утверждаютъ, что въ рефератѣ историческая школа мало отдѣлена отъ манчестерской; но существенное ихъ различіе лежитъ въ области теоретической экономіи, о которой рефератъ не говоритъ.

М. Н. Соболевъ указалъ на неудовлетворительность рѣшенія рабочаго вопроса въ Европѣ, предложеннаго Брентано. Правда, рабочіе союзы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ добиться повышенія заработной платы, побуждая предпринимателей поступиться частью своей прибыли. Но это абсолютное увеличеніе заработной платы не тождественно съ относительнымъ увеличеніемъ; статистическія данныя объ англійскихъ доходахъ намъ показываютъ, что относительная заработная плата, какъ доля въ продуктѣ, несмотря на дѣятельность рабочихъ союзовъ, понижается. Брентано считаетъ возможнымъ устранить темныя стороны существующихъ экономическихъ порядковъ тѣмъ, что рабочіе, соединенные въ союзы, будутъ поставлены въ равноправное положеніе съ предпринимателями при заключеніи рабочаго договора; слѣдовательно, онъ въ своихъ планахъ вполнѣ остается на почвѣ

существующихъ экономическихъ и юридическихъ условій. Однако при этомъ Брентано упускаетъ изъ виду недостатки системы свободной конкурренціи. Эта система, какъ выясняетъ, напр., Адольфъ Вагнеръ, ведетъ къ подавленію экономически слабыхъ элементовъ сильными. Такой результатъ замѣчается даже въ самихъ англійскихъ рабочихъ союзахъ; извѣстно, что рабочіе союзы оказываютъ несправедливое давленіе на лицъ, не принадлежащихъ къ союзамъ. Помимо этого, несостоятельность идеи Брентано доказана исторіей; несмотря на долгое существованіе рабочихъ союзовъ въ Англіи въ составъ ихъ вошло не болѣе 1/5—1/6 всего рабочаго населенія; кромѣ того чернорабочіе почти не организованы въ союзы.

А. Н. Миклашевскій отмѣтилъ слишкомъ суровое отношеніе къ Брентано со стороны Н. В. Водовозова и М. Н. Соболева. Хотя Брентано и приверженецъ существующихъ экономическихъ условій, однако онъ желаетъ лучшаго; его школа стала распространять идеи Карлейля, Рёскина, и въ этомъ ея несомнѣнная заслуга. Она искренно желаетъ совершить что-нибудь хорошее, но предполагаетъ постепенность развитія. Затѣмъ слѣдуетъ сказать, что трэдсъ-юніоны могутъ играть роль въ обществѣ; теперь существуютъ въ Англіи новые трэдсъ-юніоны, которые оказываютъ непосредственное вліяніе на общественное мнѣніе. Веббъ въ своей книгѣ о рабочихъ союзахъ признаетъ, что эти союзы, какъ организованная сила, дѣлаютъ дѣло и для другихъ рабочихъ, не участвующихъ въ союзахъ. Конечно, Брентано смотритъ на вещи слишкомъ оптимистично, но это не даетъ намъ права забывать его заслуги.

Засѣданіе закрыто въ 11¼ час. веч.

РУССКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ 1894—95 ГОДУ.

А. Законодательство въ области государственнаго и административнаго права.

I.

Незначительное увеличеніе штатовъ въ нѣкоторыхъ центральныхъ учрежденіяхъ, выдѣленіе Канцеляріи прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, изъ состава Императорской Главной Квартиры (Собр. уз. и расп. пр. отъ 2 марта, № 37, ст. 242) и введеніе попечительствъ о народной трезвости въ Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ (Собр. уз. и расп. прав. отъ 24 декабря, № 211, ст. 1405)—вотъ измѣненія, которымъ подверглись наши государственныя и административныя учрежденія въ истекшее зимнее полугодіе. Попечительства о народной трезвости предполагается ввести во всѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ будетъ организована казенная продажа вина. Задача попечительствъ состоитъ въ томъ, чтобы ограждать населеніе отъ злоупотребленія крѣпкими напитками; для достиженія этой цѣли имъ предоставляется: а) имѣть, въ интересахъ народнаго здравія и нравственности, надзоръ за тѣмъ, чтобы торговля крѣпкими напитками производилась согласно установленнымъ для сего правиламъ; б) распространять среди населенія здравыя понятія о вредѣ неумѣреннаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, а также изыскивать средства для предоставленія ему возможности проводить свободное время внѣ питейныхъ заведеній, и съ этой цѣлью устраивать народныя чтенія и собесѣдованія, составлять и распространять изданія, разъясняющія вредъ злоупотребленія крѣпкими напитками, открывать чайныя, народныя читальни и т. п.; в) имѣть попеченіе объ открытіи и содержаніи лѣчебныхъ пріютовъ для страдающихъ за-

поемъ, и г) оказывать содѣйствіе учрежденіямъ и частнымъ обществамъ, дѣятельность которыхъ направлена къ достиженію тѣхъ же цѣлей, съ коими учреждаются попечительства. Средства попечительствъ составляютъ суммы, ассигнуемыя изъ казны, пожертвованія, сборы, поступающіе въ пользу попечительствъ отъ продажи изданій и устройства, въ установленномъ порядкѣ, чтеній, общественныхъ развлеченій и т. п., а равно суммы, причитающіяся открывателямъ нарушеній правилъ о торговлѣ крѣпкими напитками, въ томъ случаѣ, когда нарушенія обнаружены членами попечительствъ. Дѣлами попечительствъ завѣдуютъ губернскіе или областные и уѣздные комитеты; послѣдніе образуются, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ членовъ: депутата отъ духовнаго вѣдомства, по назначенію мѣстнаго епархіальнаго начальства, начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, учительскихъ семинарій, институтовъ и школъ, инспектора народныхъ училищъ, уѣзднаго члена и товарища прокурора окружнаго суда, уѣзднаго исправника, полицеймейстера, акцизнаго чиновника, по назначенію управляющаго акцизными сборами, уѣзднаго воинскаго начальника, помощника начальника губернскаго жандармскаго управленія, участковыхъ земскихъ начальниковъ, податныхъ инспекторовъ, непремѣннаго члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, уѣзднаго или городового врача, почетныхъ и участковыхъ мировыхъ судей и городскихъ судей, предсѣдателя уѣздной земской управы, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія, по его избранію, городского головы уѣзднаго города, а въ уѣздныхъ комитетахъ въ губернскихъ городахъ — члена городской управы. Губернскіе же комитеты состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ первенствующаго члена — епархіальнаго архіерея, и членовъ: депутата отъ духовнаго вѣдомства, по назначенію мѣстнаго епархіальнаго начальства, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя и прокурора окружнаго суда, вице-губернатора, управляющихъ: казенною палатою, государственными имуществами, контрольною палатою, акцизными сборами и удѣльнымъ округомъ, директора народныхъ училищъ и одного изъ директоровъ среднихъ учебныхъ заведеній, по назначенію попечителя учебнаго округа, предсѣдателя отдѣленія крестьянскаго поземельнаго банка, начальника губернскаго жандармскаго управленія, уѣзднаго воинскаго начальника, врачебнаго инспектора, предсѣдателя губернской земской управы, двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія, по его избранію, и городского головы губернскаго города. Сверхъ только-что поименованныхъ лицъ къ составу попечительствъ принадлежатъ члены почетные и члены-соревнователи, изъ лицъ обоего пола всѣхъ состояній. Почетные члены избираются губернскими комитетами изъ

лицъ, оказавшихъ попечительству особыя услуги, и утверждаются въ семъ званіи министромъ финансовъ. Члены-соревнователи избираются уѣздными комитетами изъ лицъ, изъявившихъ желаніе принимать участіе въ дѣлахъ попечительства, и утверждаются въ семъ званіи губернскими комитетами. Почетные члены могутъ участвовать въ засѣданіяхъ губернскаго и уѣздныхъ комитетовъ съ правомъ голоса. Члены-соревнователи участвуютъ въ засѣданіяхъ уѣздныхъ комитетовъ съ правомъ совѣщательнаго голоса. Для исполненія порученій уѣздныхъ комитетовъ и ближайшаго наблюденія за ходомъ питейной торговли въ мѣстахъ продажи питей какъ казенныхъ, такъ и содержимыхъ частными лицами, а равно для преслѣдованія тайной торговли крѣпкими напитками назначаются изъ членовъ комитетовъ или изъ членовъ почетныхъ и членовъ-соревнователей мужского пола участковые попечители; участвуя въ засѣданіяхъ уѣздныхъ комитетовъ, эти попечители пользуются въ нихъ правомъ голоса. Дѣла распредѣляются между губернскими и уѣздными комитетами такимъ образомъ, что на послѣдніе возлагается непосредственное, ближайшее завѣдываніе учрежденіями и денежными средствами попечительствъ, губернскимъ же комитетамъ принадлежитъ общее направленіе дѣятельности попечительства въ губерніи или области, разсмотрѣніе плана дѣйствій на предстоящій годъ и годовыхъ отчетовъ уѣздныхъ комитетовъ, распоряженіе разнаго рода суммами, поступающими въ губернскіе комитеты, представленіе министру финансовъ годовыхъ отчетовъ о дѣятельности попечительствъ и возбужденіе предъ правительственными органами ходатайствъ, имѣющихъ въ виду достиженіе преслѣдуемыхъ попечительствомъ цѣлей, а также разсмотрѣніе ходатайствъ по сему предмету уѣздныхъ комитетовъ. Таково въ главныхъ чертахъ устройство новыхъ органовъ мѣстнаго управленія. Сочувствуя задачѣ, возложенной на губернскіе и уѣздные комитеты, и признавая, что средства, намѣченныя для достиженія этой задачи, могутъ если и не вполнѣ оправдать себя,—главнымъ средствомъ борьбы съ пьянствомъ слѣдуетъ считать, все-таки, поднятіе экономическаго благосостоянія населенія, — то во всякомъ случаѣ принести только пользу населенію, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ сказать, что не было необходимости создавать для намѣченной цѣли *новые* органы, въ особенности въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ дѣйствуетъ Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, открытіе народныхъ читаленъ, чайныхъ, разнаго рода лѣчебныхъ пріютовъ, устройство народныхъ чтеній—все это входитъ въ компетенцію земскихъ учрежденій; и если эти задачи не всегда и не вездѣ осуществлялись въ достаточной степени, то причину этого явленія слѣдуетъ искать не въ неспособности или непригодности земства, а въ недостаткѣ у него матеріаль-

ныхъ средствъ и въ тѣхъ узкихъ и стѣснительныхъ рамкахъ, въ коихъ можетъ развиваться земская дѣятельность. Такимъ образомъ, давно назрѣвшая потребность въ болѣе интенсивной просвѣтительной дѣятельности могла бы быть удовлетворена безъ созданія какихъ-либо комитетовъ и присутствій, простой передачей денежныхъ средствъ, ассигнованныхъ попечительствамъ, въ распоряженіе земствъ. При такомъ оборотѣ дѣла тѣ многочисленные представители мѣстной администраціи, изъ которыхъ состоятъ губернскіе и уѣздные комитеты, не отвлекались бы отъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, а тѣ суммы, которыя ассигнуются нынѣ на дѣлопроизводство комитетовъ (100 р. на каждый комитетъ), могли бы быть употреблены на устройство читаленъ, чайныхъ и тому подобные болѣе производительные расходы. Не слѣдовало бы упускать изъ виду и того, что оффиціальные представители комитетовъ въ виду многочисленности своихъ другихъ обязанностей врядъ ли въ состояніи относиться съ такимъ вниманіемъ и любовью къ задачамъ попечительства, съ какимъ относились бы къ нимъ земскіе представители, привыкшіе видѣть въ распространеніи народнаго просвѣщенія одну изъ главныхъ задачъ земства. Нельзя умолчать и о томъ, что вновь образованные комитеты слишкомъ изобилуютъ должностными лицами, и что слишкомъ незначительна та, большею частью, чисто пассивная роль, которая предоставлена членамъ-соревнователямъ.

II.

Въ законодательствѣ, регулирующемъ дѣятельность органовъ администраціи, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующіе два законодательные акта, относящіеся до *народнаго просвѣщенія.*

Первымъ изъ этихъ актовъ, утвержденныхъ еще въ прошлое царствованіе (Собр. узак. и расп. прав. отъ 6 дек., № 200, ст. 1357), „предоставлено министру народнаго просвѣщенія, по предварительному, каждый разъ, соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, разрѣшать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы таковыя чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена"; при этомъ „ходатайство объ устройствѣ народныхъ чтеній можетъ быть удовлетворено не иначе какъ при точномъ каждый разъ указаніи, примѣнительно къ установленнымъ правиламъ, кто именно

предполагаетъ устроить чтенія и при одобреніи означенныхъ лицъ мѣстнымъ обще-административнымъ, духовнымъ и учебнымъ начальствомъ". Какъ извѣстно, народныя чтенія *внѣ* губернскихъ городовъ могли быть устраиваемы до настоящаго времени лишь въ Петербургскомъ учебномъ округѣ постоянной комиссіей по устройству народныхъ чтеній; только-что приведенное узаконеніе *предусматриваетъ возможность* устройства народныхъ чтеній повсемѣстно въ Россіи, обусловливая его однако сложной и продолжительной процедурой.

Другимъ законодательнымъ актомъ, заслуживающимъ вниманія, является Именной Высочайшій указъ 13 января 1895 г. (Собр. уз. и расп. пр. отъ 14 января № 7 ст. 38). Онъ кладетъ основаніе постоянному правительственному попеченію о лицахъ, „посвятившихъ свои дарованія и усиленные труды служенію отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати". Въ сихъ видахъ повелѣно было:

1) Для производства нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ, единовременныхъ денежныхъ воспособленій, а тѣмъ изъ нихъ, кто не получаетъ пенсій изъ другихъ источниковъ, также и пожизненныхъ пенсій, отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства по 50.000 рублей.

2) Обсужденіе и установленіе правъ вышепоименованныхъ лицъ на оказаніе имъ помощи изъ указаннаго источника и распоряженіе суммами, какъ отпускаемыми для сего изъ государственнаго казначейства, такъ равно и тѣми, кои могутъ поступать въ Императорскую академію наукъ съ тою же цѣлью въ видѣ частныхъ пожертвованій, возложить на академію наукъ, предоставивъ президенту оной приглашать, по его выбору, къ участію въ обсужденіи сихъ вопросовъ лицъ, могущихъ быть для сего полезными.

3) Предоставить взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, а равно президента академіи наукъ, выработать и ввести въ дѣйствіе: а) правила для руководства академіи при разрѣшеніи указанныхъ въ пунктѣ 2-мъ вопросовъ и б) положеніе о порядкѣ ихъ разсмотрѣнія.

Б. Экономическое законодательство.

I.

Кредитъ и денежное обращеніе.

Вопросы денежнаго обращенія и государственнаго кредита обращали на себя въ истекшее полугодіе наибольшее вниманіе правитель-

ства. Изъ мѣропріятій въ этой области слѣдуетъ прежде всего отмѣтить законъ 27 января 1895 г. *объ облегченіи положенія лицъ, лишившихся принадлежащихъ имъ русскихъ государственныхъ процентныхъ бумагъ на предъявителя вслѣдствіе уничтоженія, утраты или похищенія и объ удлиненіи срока платежной давности по русскимъ государственнымъ бумагамъ.* Согласно правиламъ, изданнымъ министромъ финансовъ на основаніи указаннаго закона (5 февраля), владѣлецъ русской государственной бумаги при ея утратѣ долженъ подать заявленіе государственной комиссіи погашенія долговъ. Правила предусматриваютъ три случая: I) При утратѣ бумаги съ сохраненіемъ купоннаго листа, выдача капитала производится черезъ 30 лѣтъ со времени прекращенія теченія процентовъ, если за это время заявленная утраченной бумага не будетъ предъявлена къ оплатѣ. Проситель можетъ получить капиталъ и немедленно по наступленіи срока оплаты бумаги, если представитъ залогъ въ государственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ, равный нарицательному капиталу исчезнувшей бумаги. Залогъ возвращается черезъ 30 лѣтъ по наступленіи срока оплаты, если утраченная бумага не будетъ никѣмъ предъявлена. Если не вносится залогъ, то сумма, равная нарицательной цѣнѣ утраченной бумаги, можетъ быть, по желанію заявителя, обращена на покупку какой-нибудь государственной бумаги, которая оставляется на храненіи въ государственной комиссіи погашенія долговъ въ теченіе 30 лѣтъ съ наступленія срока оплаты; черезъ 30 лѣтъ, если заявленная утраченной бумага не будетъ представлена, купленная бумага выдается заявителю. Если же утраченная бумага будетъ кѣмъ-либо предъявлена въ теченіе 30 лѣтъ къ оплатѣ, то предъявителю ея уплачивается капиталъ, для возмѣщенія котораго продается залогъ или купленная бумага. II) Если утрачена бумага вмѣстѣ съ купоннымъ листомъ, то капиталъ выдается такъ же, какъ въ предшествующемъ случаѣ, но съ вычетомъ цѣны купоновъ утраченнаго купоннаго листа. Проценты по такой утраченной бумагѣ могутъ быть выдаваемы лишь съ истеченіемъ срока послѣдняго купона утраченнаго купоннаго листа на слѣдующихъ основаніяхъ: съ возобновленіемъ купоннаго листа онъ хранится въ государственной комиссіи погашенія долговъ и стоимость купоновъ новаго листа выдается заявителю черезъ 10 лѣтъ послѣ срока, назначеннаго для оплаты этихъ купоновъ, если за это время не будетъ представлена утраченная бумага съ талономъ отъ стараго купоннаго листа; заявитель можетъ получать купоны отъ новаго листа немедленно по наступленіи срока ихъ оплаты, если внесетъ залогъ въ русскихъ государственныхъ бумагахъ, равный, по крайней мѣрѣ, цѣнности купоновъ утраченной бумаги за 10 лѣтъ. Залогъ выдается обратно черезъ 10 лѣтъ со времени прекращенія теченія процентовъ,

если не будетъ предъявлена утраченная бумага. Если кто-либо предъявитъ въ теченіе этихъ 10 лѣтъ талонъ или бумагу для полученія новаго купоннаго листа, то стоимость выданныхъ прежнему заявителю купоновъ, со сроковъ оплаты которыхъ не прошло 10 лѣтъ, возмѣщается продажей залога. III) Если лицо утратитъ купонный листъ при сохраненіи процентной бумаги, то ему выдается новый купонный листъ по истеченіи срока прежняго купоннаго листа. Эти правила, дѣйствительно, облегчаютъ до извѣстной степени положеніе лицъ, утратившихъ цѣнныя государственныя бумаги на предъявителя, при чемъ они составлены настолько искусно, что ничѣмъ не затрогиваютъ ни интересовъ казны, ни интересовъ фактическихъ держателей бумагъ.

Другимъ актомъ въ области государственнаго кредита является законъ 6 февраля 1895 г., дающій нѣкоторыя *льготы особому отдѣлу Государственнаго Дворянскаго земельнаго банка* (бывшему Обществу взаимнаго поземельнаго кредита). Эти льготы сводятся къ слѣдующему: 1) выпущенные бывшимъ Обществомъ 5% и $4^1/_2$% металлическіе закладные листы на сумму 84 милліоновъ признаны государственными долговыми обязательствами; 2) въ видѣ воспособленія особому отдѣлу отчисляется въ его распоряженіе изъ свободной наличности государственнаго казначейства 18.029.953 руб. Это воспособленіе является подаркомъ изъ общихъ финансовыхъ средствъ государства, подобно льготамъ землевладѣльцамъ по уплатѣ крѣпостныхъ, наслѣдственныхъ и страховыхъ пошлинъ. Такимъ образомъ льготы дворянскому землевладѣнію начинаютъ принимать иной характеръ: изъ предѣловъ, допускаемыхъ такъ или иначе экономическими соображеніями, онѣ переходятъ въ область прямыхъ подачекъ на счетъ населенія, несущаго податную тягость. Выдача изъ государственнаго казначейства пособія объясняется оффиціальными органами тѣмъ, что по указу 14 ноября 1894 г. были понижены платежи заемщиковъ особаго отдѣла по металлическимъ ссудамъ, что повлекло за собой нарушеніе равновѣсія между обязательствами и доходами особаго отдѣла.

Правительство обратило серьезное вниманіе на упорядоченіе денежнаго обращенія въ Россіи. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ Высочайшій указъ 3 марта 1895 г., въ силу котораго *свободная наличность государственнаго казначейства въ суммѣ 98.061.276 руб. золотомъ обращается на пополненіе размѣннаго фонда*, обезпечивающаго выпущенные въ обращеніе кредитные билеты; кромѣ того изъемлется изъ размѣннаго фонда 1.125.682 руб. серебромъ и замѣняется на равную сумму золотомъ. Общая сумма размѣннаго фонда составляетъ въ настоящее время 375 милліоновъ руб., не считая 75 мил. руб., обезпечивающихъ кредитные билеты временныхъ выпусковъ; эта сумма составляетъ 36% номинальной цѣны кредитныхъ билетовъ постояннаго

выпуска (равной 1.046.282.000 р.). „Вѣстникъ Финансовъ“ (№ 10 за 1895 г.) полагаетъ, что эта мѣра придастъ курсу кредитныхъ билетовъ еще бо̀льшую устойчивость, чѣмъ какая существовала за послѣдніе два года. Съ этимъ врядъ ли можно согласиться. Въ сущности говоря, какъ бы великъ разиѣнный фондъ ни былъ, но пока не возстановленъ свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото, до тѣхъ поръ цѣнность этихъ билетовъ опредѣляется по законамъ неразмѣннаго бумажнаго обращенія. Новый законъ имѣетъ другое положительное значеніе: увеличивая золотой фондъ до 36% нарицательной цѣны всей суммы выпущенныхъ билетовъ, онъ приближаетъ насъ къ моменту возстановленія металлическаго обращенія. Еще нѣсколько усилій, хотя бы даже значительныхъ, и въ рукахъ казны будетъ сосредоточено такое количество звонкой монеты, которое позволитъ установить свободный размѣнъ кредитныхъ рублей и ввести металлическое обращеніе. Съ другой стороны указъ интересенъ въ томъ отношеніи, что предочитаетъ золотое обращеніе серебряному. Здѣсь онъ сходится съ мнѣніемъ лучшихъ современныхъ экономистовъ, считающихъ золотое обращеніе болѣе устойчивымъ и удобнымъ, чѣмъ серебряное (въ виду чрезвычайнаго паденія цѣнности серебра).

За первымъ шагомъ въ дѣлѣ упорядоченія денежнаго обращенія послѣдовалъ вскорѣ второй. Законъ 8 мая *разрѣшилъ сдѣлки на золотую валюту*. По желанію контрагентовъ, всякія письменныя сдѣлки, дозволенныя закономъ, могутъ быть заключаемы на золотую монету. Уплата по такимъ договорамъ производится или золотой монетой, или кредитными билетами по курсу въ день платежа. Съ другой стороны, новый законъ предоставилъ министру финансовъ право разрѣшать пріемъ акцизныхъ сборовъ по желанію плательщиковъ золотой монетой по установленному курсу. Нѣкоторые публицисты высказывали мысль, что разрѣшеніе металлическихъ сдѣлокъ внутри страны имѣетъ цѣлью пріучить населеніе къ установившемуся за послѣднее время курсу бумажнаго рубля; когда же населеніе освоится съ цѣной рубля на металлическую валюту, правительство объявитъ девальвацію обезцѣненнаго кредитнаго рубля. Поэтому эти писатели называютъ новый законъ скрытой девальваціей. Однако ни текстъ закона, ни соображенія, приводимыя министерствомъ въ защиту введенной мѣры, не даютъ еще права заключать, будто устраненіе обезцѣненнаго кредитнаго рубля произойдетъ путемъ девальваціи. Этотъ способъ имѣетъ столько серьезныхъ возраженій противъ себя, что безъ крайности обращаться къ нему не представляется возможнымъ. Новый законъ пытается ввести въ денежный оборотъ Россіи золотую монету. Вмѣстѣ съ этимъ получится возможность: 1) увеличивать временно въ случаѣ потребности въ деньгахъ ихъ количество, 2) увеличивать количество

золотой монеты въ внутреннемъ обращеніи. Дѣйствительно, въ періоды усиленнаго спроса на деньги разрѣшеніе сдѣлокъ на золото можетъ умножить количество денегъ въ странѣ, если неповоротливость денежнаго обращенія не позволяетъ увеличить скорость обращенія денегъ. Во второмъ же случаѣ возникаетъ слѣдующій вопросъ: страна нуждается въ данный періодъ въ опредѣленномъ количествѣ денегъ; если къ обращающейся суммѣ бумажныхъ денегъ присоединится еще извѣстная сумма золотыхъ денегъ, то денегъ окажется въ избыткѣ, и металлическія деньги уйдутъ изъ обращенія; для того, чтобы онѣ остались въ оборотѣ страны, правительство должно изъять изъ обращенія столько бумажныхъ денегъ, сколько введено металлическихъ. Такимъ образомъ собственно для упорядоченія русскаго бумажно-денежнаго обращенія разрѣшеніе сдѣлокъ на золото врядъ ли можетъ имѣть большое значеніе, если наряду съ нимъ не будутъ приняты другія серьезныя и рѣшительныя мѣры. Уплата акцизныхъ сборовъ металлическими деньгами, дѣйствительно, можетъ дать правительству въ руки металлическія деньги, но онѣ принесутъ пользу для реформы денежнаго дѣла только въ томъ случаѣ, если будутъ въ качествѣ избытка государственныхъ доходовъ надъ расходами накопляться въ фондъ, предназначенный для возстановленія размѣна. Казалось бы, что при наличности золотого фонда въ 700—800 милліоновъ рублей можно было бы объявить размѣнъ бумажнаго рубля на золото и возстановить металлическое обращеніе.

II.

Внѣшняя торговля.

Здѣсь должно отмѣтить только одинъ законъ 2 марта 1895 г., которымъ былъ *утвержденъ договоръ о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Даніей*; на основаніи его обѣимъ странамъ предоставлены въ отношеніи торговыхъ сборовъ, таможенныхъ пошлинъ, мореплаванія и пр. права наиболѣе благопріятствуемой державы. Особаго значенія для торговли и промышленности Россіи этотъ договоръ не имѣетъ, такъ какъ цѣнность торговаго оборота Россіи и Даніи невелика (за послѣднія 10 лѣтъ $6^1/_2$—$14^1/_2$ милліоновъ кредитныхъ рублей). Договоръ знаменуетъ лишь то, что Россія продолжаетъ дѣло пониженія таможенныхъ пошлинъ путемъ сепаратныхъ соглашеній. Нельзя не высказать снова пожеланія, чтобы таможенный тарифъ подвергся просто общему пониженію для всѣхъ иностранныхъ товаровъ въ виду выяснившейся безплодности усиленнаго протекціонизма русской промышленности и вреда его для русскихъ потребителей.

В. Финансовое законодательство.

I.

Высочайший манифестъ 14 ноября 1894 года.

Въ этомъ манифестѣ льготы, дарованныя дворянскому и крестьянскому сословію, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе. Остановимся сначала на льготахъ, дарованныхъ заемщикамъ Дворянскаго банка. Этотъ послѣдній еще съ 1889 г., выпуская самъ закладные листы по 5%, началъ брать съ заемщиковъ лишь 4½%, неся такимъ образомъ убытокъ въ ½%; этотъ убытокъ покрывался изъ барышей, полученныхъ отъ выигрышнаго 80-милліоннаго займа 1889 г., давшаго банку цѣлыхъ 150 м. руб. Съ теченіемъ времени банку удалось конвертировать 5% закладные листы въ 4½%, и съ этого времени банкъ сталъ выпускать лишь эти послѣдніе, что онъ дѣлаетъ и до сихъ поръ. По Высочайшему манифесту 14 ноября проценты заемщиковъ съ 4½ были понижены до 4%, слѣдовательно этотъ новый недочетъ въ процентахъ придется покрывать изъ свободныхъ средствъ банка, а по покрытіи общаго недочета по всей суммѣ выданныхъ уже ссудъ, около 359 м. руб., свободные рессурсы банка сократятся до 204 тыс. въ годъ, что хватитъ на ½% приплаты для выдачи новыхъ ссудъ лишь на 40 м. руб., а какъ только вновь выданныя ссуды превзойдутъ эту цифру, тотчасъ въ балансѣ Дворянскаго банка долженъ будетъ открыться дефицитъ, который и придется покрывать изъ общебюджетныхъ средствъ.

Этимъ же манифестомъ понижены платежи и для заемщиковъ особаго отдѣла Дворянскаго банка (бывшаго Общества взаимнаго поземельнаго кредита), около 70% кліентовъ котораго принадлежитъ къ дворянскому сословію. Льготы состоятъ въ слѣдующемъ: по кредитнымъ ссудамъ уменьшены годовые платежи на ½%, т. е. съ 5% до 4½%, а по металлическимъ платежи понижены съ 7 р. 15 к. и 6 р. 90 к. до 6 р. 15 к. и 5 р. 90 к. кредитныхъ съ сотни рублей металлическаго долга; это послѣднее пониженіе платежей по металлическимъ ссудамъ потребуетъ для возстановленія равновѣсія въ балансѣ банка ежегодныхъ приплатъ изъ общегосударственныхъ средствъ по 848 т. р. въ теченіе 48½ лѣтъ.

Остановимся теперь на льготахъ, дарованныхъ крестьянскому сословію. Обычно Всемилостивѣйшіе манифесты у насъ являются разграничительными моментами въ исторіи недоимокъ: ими завершается извѣстный періодъ недоимочности и начинается новая эра. Недоимки

составляютъ хроническое явленіе, и всѣ мѣры въ борьбѣ съ ними до сихъ поръ оказывались безсильными: недоимки растутъ у насъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ сложены по Всемилостивѣйшему манифесту.

Новый манифестъ въ этомъ отношеніи нѣсколько отличается отъ предшествующихъ. Незадолго предъ нимъ, какъ извѣстно, изданъ законъ 7 февраля 1894 г. о разсрочкахъ недоимокъ по выкупнымъ платежамъ, а недоимки этого послѣдняго рода играютъ главную роль въ недоимочности крестьянскаго населенія. Льготы, предоставленныя закономъ 7 февраля, очень обширны, и потому манифестъ 14 ноября ограничивается лишь недоимками по продовольственнымъ ссудамъ. По манифесту слагаются всѣ долги, причитающіеся ко взысканію въ казну и въ общій по имперіи продовольственный капиталъ по ссудамъ, выданнымъ до образованія въ 1866 г. сего капитала, а затѣмъ слагается половина всѣхъ недоимокъ по продовольственнымъ ссудамъ, выданнымъ изъ казны, изъ общаго по имперіи продовольственнаго капитала послѣ 1866 г. и изъ губернскихъ и общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ; такимъ путемъ въ общей сложности съ населенія слагается около 57 м. руб. Суммы, имѣющія поступить въ уплату долга казнѣ по ссудамъ, выданнымъ на обсѣмененіе полей и продовольствіе, будутъ обращены исключительно на покрытіе спеціальныхъ продовольственныхъ капиталовъ, принадлежащихъ государству или земствамъ, а также капиталовъ казачьихъ войскъ. Для заемщиковъ Крестьянскаго банка понижены платежи процентовъ. Первоначально банкъ за выпускаемыя имъ свидѣтельства платилъ по $5^1/_2\%$ и столько же онъ бралъ и съ заемщиковъ, но затѣмъ банкъ конвертировалъ $5^1/_2\%$ свидѣтельства въ $4^1/_2\%$, но платежи заемщиковъ остались въ прежнемъ размѣрѣ, и эта разница въ платежахъ была предназначена на покрытіе банковыхъ убытковъ. Дѣло въ томъ, что многіе заемщики оказались неисправными передъ банкомъ, накопили большія недоимки и въ концѣ концовъ отступились вовсе отъ своихъ земель, которыя остались за банкомъ; это, конечно, грозитъ убыткомъ послѣднему, на покрытіе котораго до сихъ поръ предназначались избытки въ платежахъ заемщиковъ Крестьянскаго банка. Итакъ, хотя по манифесту платежи заемщиковъ *только уравниваются* съ платежами банка, но все-таки эта мѣра потребуетъ значительныхъ пожертвованій изъ общегосударственныхъ средствъ, такъ какъ теперь правительство должно будетъ покрывать изъ своихъ средствъ возможные банковые убытки.

Затѣмъ манифестомъ увеличены самыя средства Крестьянскаго банка, притомъ это постепенное увеличеніе средствъ банка поставлено въ зависимость отъ результатовъ поступленій по выкупнымъ плате-

жамъ: такъ, напр., если въ извѣстномъ году поступитъ по всей имперіи въ совокупности не болѣе 90% полнаго оклада, то въ капиталъ банка отчисляется 1% (полный окладъ выкупныхъ платежей равняется приблизительно 94 м. руб.); если поступитъ больше 90% оклада, то изъ этого избытка сверхъ 90% оклада удѣляется банку еще ½; наконецъ, если поступленія превзойдутъ полный окладъ, то изъ этого послѣдняго излишка Крестьянскому банку отчисляется еще одна половина [1]). Конечно, эта мѣра, имѣющая въ виду увеличеніе матеріальныхъ средствъ банка, какъ нельзя болѣе желательна, особенно когда она сопровождается, какъ это имѣетъ мѣсто теперь, съ пониженіемъ платежей заемщиками Крестьянскаго банка; это, вѣроятно, въ сильной степени будетъ содѣйствовать развитію операцій Крестьянскаго банка.

II.

Бюджетъ.

По Всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ о государственной росписи на 1895 г. смѣта доходовъ и расходовъ достигаетъ огромной цифры, 1.214.378.030 руб.

При составленіи этой смѣты, т.-е. при классификаціи доходовъ и расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные, положены въ основу новыя бюджетныя правила, изданныя 4 іюня 1894 года. Повышеніе въ доходныхъ статьяхъ предвидится главнымъ образомъ по отдѣлу косвенныхъ налоговъ: такъ, по питейному акцизу ожидается увеличеніе въ 9,8 м. руб., по сахарному—8,6 м. руб., по нефтяному—2 м. руб., таможенному—18,3. Затѣмъ, вслѣдствіе перехода въ казну за прошлый годъ цѣлой обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ, валовой доходъ отъ послѣднихъ въ смѣтѣ увеличенъ на 73,9 м. руб. По рубрикѣ доходовъ отъ казенныхъ заводовъ и складовъ ожидается увеличеніе на 10,8 м. руб., и это увеличеніе объясняется включеніемъ въ роспись дохода отъ казенной продажи вина въ Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской губерніяхъ.

Выкупныхъ платежей ожидается болѣе противъ прошлаго года на 5,7 м. руб., хотя все-таки итогъ поступленій отъ выкупныхъ платежей опредѣленъ ниже оклада на 10,5 м. руб.

Итакъ развитіе русскаго доходнаго бюджета главнымъ образомъ идетъ на счетъ косвеннаго обложенія, т. е. той формы обложенія, которая главнымъ образомъ поражаетъ малосостоятельные классы. Главный видъ прямыхъ налоговъ, напр., выкупные платежи почти

---

[1]) См. „Вѣстн. Фин.“ 1894 г., № 47.

никогда не поступають въ полномъ окладѣ вслѣдствіе разстроеннаго экономическаго положенія нашего крестьянства: для покрытія бюджета приходится все болѣе и болѣе принимать искусственныя мѣры извлеченія изъ населенія нужныхъ средствъ для государственной жизни, вотъ этой-то послѣдней необходимостью и объясняется огромная роль косвеннаго обложенія въ бюджетѣ.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ проникнутъ оптимистическимъ взглядомъ на нашу экономическую жизнь: все обстоитъ благополучно, промышленность развивается, финансовыя силы Россіи крѣпнутъ; сельское хозяйство если и не развивается, то все-таки правительство печется о немъ. Но министръ финансовъ не показываетъ другой стороны дѣла. Если промышленность и развивается, то какой тяжелой цѣной для населенія она выращивается! О томъ, что въ сельскомъ хозяйствѣ все благополучно, не упоминается и во Всеподданнѣйшемъ докладѣ.

Всеподданнѣйшій докладъ касается и паденія цѣнъ на хлѣбъ за послѣднее время, и взглядъ на значеніе этого явленія для русскаго крестьянства пріятно поражаетъ своею правильностью. Сущность этого взгляда, очевидно опирающагося на труды комиссіи, бывшей въ Петербургѣ въ началѣ декабря прошлаго года, сводится къ слѣдующему. У насъ преобладаетъ крестьянское населеніе, которое не можетъ отчуждать на рынокъ производимаго имъ хлѣба, наоборотъ—даже вынуждено бываетъ прикупать его, и число крестьянскихъ хозяйствъ, прикупающихъ хлѣбъ, превышаетъ въ средніе годы число продающихъ его. Денежныя же средства, нужныя для уплаты податей, наши крестьяне добываютъ не столько путемъ продажи хлѣба, сколько различными промысловыми занятіями, сбытомъ другихъ продуктовъ хозяйства и т. д. Такимъ образомъ для нашего крестьянскаго хозяйства, носящаго преимущественно потребительный характеръ, выгодны большіе урожаи, даже если бы они сопровождались нѣкоторымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ. „Въ годы хорошихъ урожаевъ, говорится въ докладѣ, крестьянское хозяйство запасается силами, улучшаетъ свою хозяйственную и домашнюю обстановку... Для Россіи, въ общей совокупности интересовъ ея сельскаго и всего народнаго хозяйства, высокій урожай является благословеніемъ, даже если онъ сопровождается нѣкоторымъ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ, и наоборотъ, въ годины неурожаевъ наше народное хозяйство подвергается самымъ чувствительнымъ потрясеніямъ.“

Но если низкія цѣны на хлѣбъ не оказываютъ неблагопріятнаго вліянія на крестьянское хозяйство, то онѣ неблагопріятно отражаются на частно-владѣльческихъ хозяйствахъ, и министръ финансовъ признаетъ нужнымъ придти на помощь этому послѣднему путемъ развитія

путей сообщенія, широкаго кредита изъ Государственнаго банка, упорядоченія нашей хлѣбной торговли, заключенія договоровъ, обезпечивающихъ болѣе выгодный сбытъ произведеній Россіи на международныхъ рынкахъ, и проч.; но эти мѣры, справедливо замѣчаетъ далѣе министръ финансовъ, должны быть согласованы съ общими задачами государственной власти по отношенію къ хозяйственной жизни страны. Въ особенности министръ финансовъ возлагаетъ большія надежды на развитіе путей сообщенія, какъ средство помочь тяжелому положенію частно-владѣльческаго сельскаго хозяйства. „По убѣжденію министра, читаемъ въ докладѣ, наиболѣе существенная и неотлагательная мѣра для воспособленія сельскому хозяйству заключается въ томъ, чтобы сдѣлать Россію въ возможно бо́льшей степени „проѣзжею".

Для этой послѣдней цѣли въ роспись внесены 10 м. руб., предназначенные для развитія сѣти мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ удешевленнаго типа.

Итакъ, новая роспись на 1895 г. проводитъ ту же старую систему усиленія у насъ косвеннаго обложенія въ ущербъ прямому.

III.

Государственный Банкъ.

Основной капиталъ нашего Государственнаго банка до сихъ поръ равнялся 25 м. руб.; по уставу же 6 іюня 1894 г. путемъ 10% отчисленій изъ чистой прибыли рѣшено увеличить его до 50 м. руб. Конечно, съ проведеніемъ новаго устава, имѣющаго главной своей задачей развитіе ссудной операціи промышленности и сельскому хозяйству, недостаточность собственныхъ средствъ Государственнаго банка должна была сказываться еще настоятельнѣе и могла бы въ сильной степени затруднять развитіе новыхъ банковыхъ операцій; между тѣмъ хорошее положеніе за послѣднее время государственнаго казначейства (на 1 янв. 1894 г. свободная наличность послѣдняго простиралась свыше 271 м. руб.) давало возможность разомъ позаимствовать требуемую сумму изъ средствъ государственнаго казначейства, т.-е. всего 24.333 т. руб.; это и было сдѣлано согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 6 февраля текущаго года [1]. Конечно, только увеличеніе матеріальныхъ средствъ Государственнаго,

[1]) См. „Вѣстн. Фин," 1895 г., № 8.

банка дастъ ему возможность выполнять тѣ широкія функціи, которыя возложены на него по новому уставу и съ этой точки зрѣнія мѣра эта является чрезвычайно желательной. Нельзя, далѣе, не замѣтить, что Государственный банкъ, долженствующій регулировать денежное обращеніе, работалъ до сихъ поръ съ такими ничтожными средствами, какъ никакое центральное банковое учрежденіе Западной Европы [1]).

Новый уставъ Государственнаго банка, утвержденный 6 іюня 1894 г., внесъ существенныя измѣненія въ организацію ссудъ подъ товаръ, какъ объ этомъ мы уже имѣли случай говорить въ IV т. „Сборника правовѣдѣнія". Существенной особенностью новаго устава является допущеніе ссудъ подъ товары, оставляемые на отвѣтственномъ храненіи заемщиковъ, а и равно размѣръ ссудъ подъ товары можетъ быть увеличенъ до 75% стоимости заложенныхъ товаровъ, и сообразно съ новымъ уставомъ 22 декабря прошлаго года были утверждены новыя правила о выдачѣ ссудъ подъ товары.

Изъ этихъ правилъ особенно надо отмѣтить ст. 18—23 и приложеніе къ ст. 24, которыми допускается переработка и передвиженіе залоговъ безъ погашенія ссуды. „Совѣтъ банка, говорится въ министерскихъ правилахъ, можетъ разрѣшать для извѣстныхъ категорій товаровъ переработку сихъ товаровъ безъ погашенія ссуды, съ допущеніемъ для этой цѣли ихъ передвиженія на фабрики, заводы и иныя промышленныя устройства." Точно также „и учрежденія банка могутъ допускать передвиженіе принятыхъ залоговъ".

Этими правилами въ значительной степени для производителей-заемщиковъ освобождаются оборотныя средства, помѣщенныя въ сырье или полуфабрикаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаются условія сбыта этихъ продуктовъ. Формальности при разрѣшеніи переработки товаровъ и передвиженіи крайне упрощены.

Эти новыя правила могутъ дать сильный толчокъ развитію промышленнаго кредита.

IV.

Государственный кредитъ.

По Высочайшему указу на имя министра финансовъ отъ 24 ноября 1894 г. заключенъ новый $3^1/_2$% золотой заемъ на 400 мил. франковъ.

Этотъ новый заемъ назначается для выкупа 5% облигацій желѣзныхъ дорогъ: Поти-Тифлисской, Ряжско-Моршанской, Митавской, До-

---

[1]) См. Судейкинъ. Государственный Банкъ.

нецкой, Орловско-Витебской, Варшавско-Тереспольской, Бресто-Граевской, Балтійской, Лозово-Севастопольской, 3-го выпуска Риго-Двинской и Тамбово-Козловской желѣзныхъ дорогъ на общую сумму въ $69^1/_2$ м. р. з. На что будетъ употребленъ остатокъ отъ этого займа по выкупѣ этихъ дорогъ—еще неизвѣстно, но правительствомъ рѣшено изъ суммъ, полученныхъ отъ реализаціи этого займа, ничего не обращать на бюджетныя потребности.

Этотъ послѣдній заемъ заслуживаетъ полнаго вниманія по условіямъ его заключенія, свидѣтельствующимъ о хорошемъ положеніи русскаго государственнаго кредита. Впервые $3^1/_2\%$ заемъ выпускается по курсу въ $94^1/_2$ руб. По самому высокому курсу—$97^1/_4$—былъ реализованъ лишь заемъ 1893 г., но этотъ заемъ былъ четырехпроцентный.

Исторія же заключенія русскихъ займовъ является сплошной картиной реализаціи ихъ по очень низкому курсу: такъ, даже первый 5% внутренній заемъ въ царствованіе Александра III на 100 м. руб. былъ выпущенъ по курсу въ $92^1/_4$, а первый конверсіонный 4% золотой заемъ 1888 г. на 125 м. руб. былъ даже выпущенъ по курсу въ 85,8. Такія выгодныя условія послѣдняго $3^1/_2\%$ золотого займа, конечно, являются симптомомъ все болѣе и болѣе развивающагося довѣрія къ Россіи [1]).

Подписка на заемъ оказалась выше всякихъ ожиданій: такъ, въ Парижѣ, по сообщенію „Вѣстн. Фин". [2]), она превзошла 12 милліардовъ франковъ, т.-е. превысила заемъ въ 12 разъ, и удовлетворенію подлежитъ всего $1,75\%$ заявленныхъ требованій; въ Берлинѣ подписано на сумму, превышающую заемъ въ 10 разъ, и изъ 100 затребованныхъ облигацій подлежатъ удовлетворенію всего 1,5; въ Лондонѣ причитающаяся на него сумма покрыта въ нѣсколько минутъ, въ Петербургѣ заемъ покрытъ подпиской, въ $3^1/_2$ раза превышающею общую сумму займа. Вообще подпиской нашъ заемъ былъ покрытъ въ 50 разъ. Это небывалое дѣло, и этотъ заемъ явится любопытной страницей въ исторіи русскаго кредита.

Въ связи съ развитіемъ кредита стоитъ и уменьшеніе процентовъ по серіямъ съ 3,6 до 3, по Высочайшему указу 2 декабря 1894 г. Проценты по серіямъ первоначально равнялись 4,32, въ 1886 г. они были понижены до 3,6, что вмѣстѣ съ налогомъ составляло 3,79, и теперь процентъ пониженъ до 3.

Билетовъ государственнаго казначейства теперь вновь выпускается на сумму въ 39 м. руб. для замѣны ими старыхъ билетовъ выпуска 1887 г.

---

[1]) См. „Вѣстн. Фин." 1894 г., № 48.

[2]) См. ibid. № 49.

Новые 3% билеты освобождаются отъ государственнаго налога, кромѣ того всѣ ихъ выпуски будутъ имѣть одинъ общій срокъ начала теченія процентовъ—1 февраля 1895 г., между тѣмъ у прежнихъ выпусковъ эти сроки были очень различны, и это составляло одинъ изъ крупныхъ недостатковъ билетовъ прежняго выпуска.

По правиламъ о выпускѣ новыхъ билетовъ введенъ обязательный пріемъ послѣднихъ по всѣмъ платежамъ какъ въ казначействахъ, такъ и въ кассахъ Государственнаго банка. Такимъ образомъ и эти благопріятныя условія реализаціи 3% золотого займа и пониженіе процента по билетамъ государственнаго казначейства суть симптомы благопріятнаго положенія государственнаго кредита.

За послѣднее время, какъ успѣло обнаружиться при послѣдней конверсіи, министерство финансовъ *стремится поставить погашеніе государственныхъ, въ особенности внутреннихъ займовъ въ зависимость отъ состоянія средствъ государственнаго казначейства* и никоимъ образомъ не предрѣшать напередъ условій погашенія. Этотъ принципъ и проведенъ при послѣдней нашей милліардной конверсіи въ 4% ренту.

Между тѣмъ къ 1 января 1895 г. въ обращеніи находилось 4% облигацій на сумму въ 537,647.200 руб. (1, 2, 3 и 4 вып.), условія погашенія которыхъ были опредѣлены при самомъ выпускѣ; конечно, это шло вразрѣзъ съ послѣдней политикой въ дѣлѣ государственнаго кредита, и министерство финансовъ рѣшило воспользоваться первымъ удобнымъ моментомъ для превращенія этихъ срочнопогашаемыхъ облигацій въ безсрочную ренту по образцу французской.

Моментъ этотъ скоро наступилъ; 4% рента въ первый же день по ея выпускѣ котировалась на биржѣ по 93³/₄ р., а внутренніе 4% займы стояли по 96¹/₈, но затѣмъ они понизились до 95¹/₄, и рента, постепенно повышаясь, перегнала ихъ.

Такое, болѣе благопріятное положеніе 4% ренты объясняется нѣкоторыми выгодными сторонами этихъ послѣднихъ бумагъ, какъ-то отсутствіемъ тиражей, пріемомъ купоновъ за 3 мѣсяца до срока въ уплату казенныхъ платежей и т. д. Такимъ образомъ представлялось возможнымъ не только безъ ущерба для кредиторовъ государства, но даже съ нѣкоторой выгодой для нихъ совершить выгодную для государства конверсію этихъ 4% срочныхъ бумагъ въ 4% же ренту, и по Высочайшему указу 3 марта 1895 г. велѣно было приступить къ *добровольному* обмѣну 4% бумагъ въ ренту; съ этой цѣлью предписано производить выпуски 4% ренты серіями въ 10 милл. каждая.

Итакъ обмѣнъ пока предполагается лишь *добровольный*, и обмѣ-

ненныя облигаціи будутъ уничтожаться, такъ что выпускъ новой ренты вовсе не долженъ отразиться на курсѣ ея.

Въ результатѣ этой операціи въ государственномъ бюджетѣ должно получиться нѣкоторое сбереженіе. Платежъ процентовъ и погашеніе по облигаціямъ составляли до сихъ поръ 25 милл. руб., на случай же полной замѣны ихъ рентой платежъ процентовъ потребуетъ только 21,5 милл. руб., слѣдовательно, сбереженіе опредѣлится въ 3,5 милл. руб.; конечно, при частичной замѣнѣ это сбереженіе должно соотвѣтственно уменьшиться.

Итакъ указомъ 3 марта 1895 г. глубже и полнѣе проводятся въ организацію нашего государственнаго кредита истинные принципы управленія государственнымъ долгомъ; благодаря этому превращенію нашихъ облигаціонныхъ долговъ въ рентные, правительство будетъ погашать ихъ только тогда, когда это явится для него выгоднымъ по состоянію государственнаго казначейства, и не будетъ вынуждаться заключать займы на невыгодныхъ условіяхъ для погашенія долговъ, заключенныхъ ранѣе на болѣе льготныхъ условіяхъ, какъ это иногда имѣетъ мѣсто при облигаціонной срочной системѣ государственнаго кредита.

Въ обозрѣваемый нами періодъ въ Германскомъ Имперскомъ банкѣ и банкѣ для морской торговли возстановлена выдача ссудъ подъ русскія процентныя бумаги, прекращенная въ 1887 г. Экономическое значеніе этой мѣры не велико, но она является начальнымъ актомъ возстановленія и закрѣпленія добрыхъ отношеній между Германіей и Россіей.

V.

Таможенный тарифъ.

20 декабря 1894 г. Выс. утв. мнѣніемъ Госуд. Совѣта повышены таможенныя пошлины на хлопчатую бумагу-сырецъ и бумажную пряжу.

Правительство уже давно заботится о развитіи и улучшеніи хлопководства въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, и хлопководство, дѣйствительно, успѣло здѣсь достигнуть значительнаго развитія: за послѣднія 7 лѣтъ (1887—1893), по сообщенію „Вѣстн. Фин.“ [1]), площадь, занятая посѣвами хлопка, увеличилась на 125%, а сборъ очищеннаго волокна—на 115%.

Конечно, это развитіе хлопководства выгодно для насъ по многимъ

---

[1]) См. „Вѣстн. Фин.“ 1895 г., № 1.

отношеніямъ: во-первыхъ—потому, что оно даетъ сырой матеріалъ для нашей хлопчатобумажной промышленности, развивающейся съ каждымъ годомъ, а затѣмъ хлопководство въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ идетъ за счетъ посѣвовъ зернового хлѣба, и такимъ способомъ здѣсь открывается рынокъ для избытковъ нашего хлѣба, съ паденіемъ же хлопководства и переходомъ къ культурѣ зерновыхъ злаковъ средне-азіатскій рынокъ не только будетъ закрытъ для русскаго хлѣба, но, быть можетъ, Средняя Азія усилитъ еще конкуренцію этому хлѣбу, посылая избытки своего хлѣба на русскіе рынки.

Между тѣмъ за послѣднее время цѣны на хлопокъ все падаютъ и падаютъ; это объясняется и большей дешевизной производства хлопка въ Америкѣ и все болѣе и болѣе усиливающимися засѣвами хлопка за послѣднее время въ Соединенныхъ Штатахъ Америки: такъ, здѣсь лишь за послѣднія 11 лѣтъ (1882—1893) сборъ хлопка увеличился на 45%.

Вслѣдствіе этого паденія цѣнъ на хлопокъ на европейскихъ рынкахъ прежняя таможенная защита русскаго хлопководства казалась нашимъ хлопководамъ недостаточной, и они усиленно начали добиваться поднятія пошлины на хлопокъ, что̀ и было сдѣлано 20 декабря прошлаго года.

Пошлина на хлопокъ теперь поднята съ 1 р. 15 к.—1 р. 35 к. зол. до 2 р. 10 к. зол. съ пуда. Одновременно съ этимъ повышена пошлина и на хлопчатобумажную пряжу низшихъ и среднихъ нумеровъ въ виду того, что именно эти сорта преимущественно вырабатываются у насъ, иначе это грозило бы увеличеніемъ ввоза хлопчатобумажной пряжи изъ Англіи.

Возвышая таможенную пошлину на хлопокъ, министръ финансовъ, говорится въ „Вѣстн. Фин.", сознаетъ всю временность этой мѣры, но проведеніе другихъ мѣръ, какъ-то увеличеніе, при помощи орошенія, площади земли, удобной для посѣвовъ хлопка [1]), развитіе въ краѣ

[1]) См. Ник. Дингельштедтъ, „Опытъ изученія ирригаціи Туркестанскаго края Сыръ-Дарьинской области". С.-Петербургъ, 1893 г.

Насколько важно устройство ирригаціи въ Туркестанскомъ краѣ для развитія хлопководства, можно судить по той характеристикѣ, которую даетъ этому краю г. Н. Дингельштедтъ: „нынѣ страна эта представляетъ печальное зрѣлище медленнаго умиранія. Она постепенно, хотя и медленно усыхаетъ" (42—43). По словамъ автора эта страна—„страна зноя и жажды". Это одно уже показываетъ, въ какую сторону должны направляться мѣропріятія министерства финансовъ, если дѣйствительно желаютъ поднять русское хлопководство, а между тѣмъ, по словамъ г. Дингельштедта, почвенныя условія здѣсь чрезвычайно благопріятны для культуры американскаго хлопка (183). Замѣтимъ кстати по поводу предпріимчивости нашихъ промышленниковъ: „въ этой странѣ хлопка не имѣется до сихъ поръ ни одной ситцебумажной фабрики" (ibid. 269).

путей сообщенія, организація кредита для хлопководовъ, распространеніе между ними свѣдѣній о наилучшихъ способахъ и пріемахъ воздѣлыванія хлопка и т. д.—предоставляется будущему времени.

Одна изъ только-что перечисленныхъ мѣръ, а именно открытіе кредита изъ Госуд. банка хлопководамъ, уже осуществлена особыми правилами 3 февраля текущаго года.

Еще съ 1884 г. хлопководы Туркестанскаго края обращались съ ходатайствами въ министерство финансовъ объ открытіи имъ кредита въ Государственномъ банкѣ, но къ удовлетворенію этихъ ходатайствъ прежній уставъ Государственнаго банка представлялъ огромныя трудности, и лишь съ утвержденіемъ новаго устава 6 іюня 1894 г. сдѣлалось возможнымъ пойти навстрѣчу этой потребности. По новымъ правиламъ Госуд. банкомъ будутъ выдаваться: 1) ссуды для снабженія хлопководовъ оборотными средствами, 2) подработныя ссуды, 3) ссуды подъ документы транспортныхъ предпріятій на очищенный хлопокъ, отправленный въ Европейскую Россію, и нѣкоторые другіе виды ссудъ.

Ссуды подъ документы транспортныхъ предпріятій пріобрѣтаютъ для хлопководовъ особое значеніе, такъ какъ въ виду отдаленности Туркестанскаго края отъ главныхъ рынковъ сбыта среднеазіатскаго хлопка—Москвы и Лодзи—и продолжительнаго транспортированія товаровъ, хлопководы на долгій промежутокъ времени лишаются значительныхъ оборотныхъ средствъ и ставятся въ затруднительное положеніе, особенно въ виду крайней дороговизны въ Туркестанѣ частнаго кредита. Ссуды этого послѣдняго рода тѣмъ бо́льшую поддержку окажутъ хлопководамъ, что самыя операціи будутъ производиться на очень льготныхъ условіяхъ: такъ, размѣръ ссудъ назначенъ въ $^2/_3$ стоимости отправленнаго хлопка и даже можетъ быть повышенъ до 80% при выдачѣ краткосрочныхъ ссудъ [1]).

Конечно, на нѣкоторое время повышенная таможенная пошлина дастъ возможность среднеазіатскому хлопку конкурировать съ американскимъ, но это огражденіе—орудіе очень обоюдоострое: подъ сѣнью пошлины чрезвычайно легко развивается лѣнь и апатія среди промышленниковъ, и, конечно, это можетъ только отдалить еще на нѣкоторое время проведеніе коренныхъ мѣръ, указанныхъ министромъ финансовъ, которыя однѣ въ состояніи поставить среднеазіатское хлопководство на прочную почву; провести же эти мѣры безъ развитія предпріимчивости среди самихъ промышленниковъ совершенно немыслимо.

Въ этомъ же отдѣлѣ слѣдуетъ остановиться и на законѣ

---

1) См. подробнѣе „Вѣстн. Фин.“, 1895, № 10.

20-го марта 1895 г., вводящемъ у насъ обязательное обандеролированіе чая.

Какъ извѣстно, у насъ таможенная пошлина на чай, привозимый чрезъ западную границу, очень высока—она достигаетъ 21 р. зол. на пудъ. Благодаря такой огромной фискальной пошлинѣ, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ къ намъ чайнаго ввоза (послѣдній въ 1879—83 г. достигалъ 1,200,673 пуд., а въ 1889—92 г. упалъ до 1,120,043 пуд.) параллельно развивается контрабандное водвореніе чая и еще болѣе—фальсификація его.

И чайная фальсификація за послѣднее время приняла огромные размѣры: къ китайскимъ чаямъ подмѣшиваютъ капорскій чай, кавказскій, листья яблони, липы, крушины. Притомъ эти подмѣси иногда могутъ оказывать очень вредное вліяніе на здоровье потребителей, такъ, напр., капорскій чай при поджариваніи на особыхъ мѣдныхъ листахъ получаетъ въ извѣстномъ количествѣ мѣдную окись, вредно отражающуюся на здоровьи потребителей. Конечно, высокая таможенная пошлина, держащая цѣны на чай неестественно высоко, является чрезвычайно соблазнительной приманкой къ фальсификаціи чая, и къ этой послѣдней обратились даже многія лучшія чайныя фирмы [1]).

Это широкое развитіе чайной фальсификаціи породило во многихъ мѣстностяхъ Россіи культуру капорскаго и кавказскаго чая, который затѣмъ и сбывается чайнымъ торговцамъ.

Въ цѣляхъ борьбы съ фальсификаціей чая, въ 1889 г. чаеторговцамъ было разрѣшено выпускать въ продажу чай за казенной бандеролью; обандеролированіе чая по этому закону должно производиться подъ надзоромъ особыхъ правительственныхъ чиновниковъ. Обандероливаніе стало очень быстро развиваться, и уже въ 1892 г. обандеролено было 500,801 пуд. чая, т.-е. 43% всего легальнаго чайнаго ввоза въ Россію. И обандероленный чай продавался не только крупными помѣщеніями, но даже и мелкими, въ 2—3 зол., и обандероливаніе такихъ мелкихъ помѣщеній достигло весьма крупныхъ размѣровъ.

Между тѣмъ дальнѣйшее развитіе обандероливанія чая теперь тормозится тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе торговцы уклоняются отъ него и, слѣдовательно, продавая фальсифицированный чай, имѣютъ возможность продавать его по очень дешевой цѣнѣ. Между тѣмъ интересы потребителей настоятельно требуютъ уничтоженія фальсификаціи, что̀ можетъ быть достигнуто или при посредствѣ пониженія

---

[1]) См. „Вѣстн. Фин.“ № 18 за 1895 г. „Мѣры къ упорядоченію торговли чаемъ“ и „Ходатайства Вольно-экономическаго Общества о пониженіи таможеннаго тарифа“ 1890 г.

пошлины на чай или введенія обязательнаго обандероливанія чая. Конечно, первый способъ былъ бы наиболѣе радикальнымъ, онъ уничтожилъ бы однимъ разомъ и фальсификацію чая и контрабандное водвореніе его къ намъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, понижая цѣны на чай, способствовалъ бы развитію потребленія у насъ чая среди массы населенія, взамѣнъ водки и спиртныхъ напитковъ; но министерство финансовъ не нашло возможнымъ прибѣгнуть къ этому способу, очевидно, боясь, что при пониженіи пошлины могутъ пострадать фискальные интересы казны. Теперь пошлина съ чая даетъ намъ около 23 милл. руб., но надо замѣтить, что съ пониженіемъ пошлины, а слѣдовательно и съ расширеніемъ потребленія чая казна можетъ не только не пострадать, а даже выиграть, какъ это и было въ Англіи въ 1745 г., когда пошлина на чай была понижена на 50%; потребленіе тотчасъ же поднялось съ 768,500 ф. до 2,360,000 ф., а доходъ съ 175,200 ф. ст. до 308,000 ф. ст.

Какъ бы то ни было, но мин. фин. въ борьбѣ съ фальсификаціей чая рѣшило прибѣгнуть къ системѣ обязательнаго его обандероливанія, что и установлено закономъ 20-го марта 1895 г., и этотъ законъ долженъ вступить въ силу не позднѣе 1 января 1896 г.

VI.

Питейная монополія.

Выс. утвержд. 20 дек. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта опредѣлены низшіе и высшіе предѣлы цѣнъ на вино, спиртъ и водочныя издѣлія въ районѣ казенной продажи питей на 1895 г.

Цѣны эти, согласно первоначальной идеѣ закона, должны покрывать собой лишь стоимость спирта для казны вмѣстѣ съ акцизомъ на вино, затѣмъ потери казны на патентномъ сборѣ и торговыхъ пошлинахъ и расходы, связанные съ веденіемъ казной винной торговли.

Предѣльныя цѣны установлены въ размѣрѣ 6 р. 40 к. и 9 р. за ведро въ 40% ректификованнаго спирта, а для водочныхъ издѣлій въ 12—20 руб. съ ведра. Но, какъ видно, цѣны установлены нѣсколько выше тѣхъ общихъ нормъ, которыя были включены въ законъ, и правительство, по газетнымъ слухамъ, только за два мѣсяца уже имѣетъ чистаго дохода около 800,000 руб. Въ виду, конечно, этого повышенія цѣнъ, не предполагавшагося первоначально и равносильнаго въ концѣ концовъ повышенію акциза на спиртъ въ этихъ губерніяхъ, правительство вынуждается заранѣе принимать серьезныя мѣры противъ контрабанднаго водворенія спирта въ районѣ казенной питейной торговли.

Вотъ въ видахъ этой-то послѣдней цѣли министръ финансовъ въ предѣлахъ нормъ, установленныхъ Госуд. Совѣтомъ, ввелъ систему пополосныхъ цѣнъ, такъ, напр., Пермская губ. раздѣлена на 4 полосы съ разными цѣнами на вино: къ первому району, непосредственно граничащему съ губерніями Вятской и Тобольской, отнесены всѣ населенныя мѣстности въ приграничной полосѣ шириною въ 20 в., ко второму району отнесена сосѣдняя съ первымъ райономъ полоса шириной также въ 20 в. Для перваго района назначены минимальныя цѣны въ 6 р. 40 к., потому что въ рядомъ лежащей Вятской губ. нынѣшнія цѣны не превышаютъ этого размѣра, а потому установленіе болѣе высокихъ цѣнъ сравнительно съ Вятской губ. повлекло бы за собой сильное развитіе контрабанды; для второго района цѣна нѣсколько повышена, а именно она установлена въ 7 р.; затѣмъ для третьяго района цѣна опредѣлена въ 8 р., а для четвертаго въ 9 р.; такимъ путемъ, конечно, въ значительной степени будетъ оказываться противодѣйствіе развитію корчемничества. Такой же принципъ положенъ при назначеніи цѣнъ и для другихъ губерній. Но гдѣ можно, министръ финансовъ пытается поднять цѣны: такъ, напр., вдоль рѣки Волги цѣна на вино установлена въ 6 р. 40 к., а въ городахъ Самарѣ, Ставрополѣ и селеніяхъ Екатериновкѣ, Балаковѣ и нѣкоторыхъ другихъ, также лежащихъ по Волгѣ, вино будетъ продаваться дороже, такъ какъ въ виду значительныхъ размѣровъ этихъ центровъ, здѣсь легко можно будетъ организовать надзоръ для охраны этихъ мѣстъ отъ водворенія въ нихъ контрабанднаго вина, и съ этой цѣлью предполагается въ этихъ центрахъ ввести особыхъ разъѣздныхъ надсмотрщиковъ.

Такимъ образомъ въ таксаціи цѣнъ на вино въ сильной степени проглядываетъ фискальный интересъ министерства финансовъ, и едва ли это правильно, во-первыхъ—потому, что фискальные интересы вовсе не стояли на первомъ планѣ при первоначальныхъ предположеніяхъ, а во-вторыхъ—преслѣдованіе этихъ интересовъ можетъ породить контрабандное водвореніе вина изъ другихъ губерній, и цѣли питейной монополіи не будутъ достигнуты.

Хотя казенная продажа питей введена еще всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, и, конечно, трудно еще говорить о ея результатахъ, однако, по сообщенію „Вѣстника Финансовъ“ [1]), хорошія стороны питейной монополіи уже обнаруживаются: такъ, будто бы въ районѣ губерній съ казенной продажей питей потребленіе вина совершается теперь болѣе правильно, меньше сценъ разгула и буйства; въ Перми, напр., по сообщенію того же „Вѣст. Фин.“, въ январѣ прошлаго

[1]) № 12 за 1895 г. „Изъ опытныхъ по питейной реформѣ губерній“.

года было задержано пьяныхъ 405 человѣкъ, а въ февралѣ 366, въ январѣ же и февралѣ нынѣшняго года 179 и 238.

По сообщенію одного врача, завѣдующаго нижнетагильскою больницей, въ прежнее время послѣ праздниковъ множество лицъ обращалось въ пріемную больницу за врачебною помощью, и эти заболѣванія были результатомъ праздничнаго разгула, между тѣмъ въ нынѣшнемъ году такихъ больныхъ совсѣмъ не было. Въ смыслѣ улучшенія качества вина, казенное управленіе достигло также многаго, и, по сообщенію „Вѣстн. Фин.", репутація казеннаго вина настолько высока, что даже наблюдаются поѣздки крестьянъ Вятской губ. въ Пермскую въ цѣляхъ покупки болѣе высокаго по достоинству казеннаго вина.

Эти обнаруживающіеся уже благіе результаты казенной питейной монополіи еще болѣе говорятъ за полное устраненіе фискальныхъ интересовъ при проведеніи питейной монополіи, ибо только при этихъ условіяхъ можетъ развиться потребленіе среди населенія доброкачественнаго вина, и только тогда будутъ успѣшно функціонировать вновь вводимыя попечительства о народной трезвости и въ достаточной степени будетъ пощаженъ карманъ потребителей, когда питейная монополія не обратится въ рукахъ министерства финансовъ въ новое орудіе извлеченія средствъ съ крестьянскаго населенія.

Недавно какъ-то проскользнулъ слухъ, что министерство финансовъ предполагаетъ сократить количество полосъ, на которыя теперь подѣленъ районъ казенной продажи питей, и нѣсколько понизить цѣны на спиртные напитки; конечно, мы со своей стороны могли бы лишь привѣтствовать это намѣреніе.

VII.

Страховое дѣло.

Высоч. утв. положеніемъ комитета министровъ 27 января 1895 г. изъяты отъ страховой пошлины, взимаемой въ размѣрѣ 75 коп. съ каждой тысячи рублей застрахованной суммы, продукты сельскаго хозяйства, а равно земледѣльческія орудія и машины, страхуемыя въ русскихъ акціонерныхъ обществахъ по особымъ пониженнымъ ими тарифамъ, на основаніи состоявшагося между ними въ 1894 г. соглашенія. Эта же льгота распространена и на страхованіе указанныхъ выше предметовъ въ учрежденіяхъ взаимнаго земскаго, губернскаго и городского страхованія, если этими послѣдними будутъ установлены условія, принятыя нашими акціонерными компаніями.

Какъ извѣстно, попытки пониженія страховыхъ премій для нѣкоторыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства начались еще съ 1891 г.;

опуская рядъ послѣдующихъ звеньевъ въ томъ же родѣ, я отмѣчу созваніе особой комиссіи при департаментѣ торговли и мануф., которая и выработала пониженный тарифъ для многихъ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Пониженіе въ преміяхъ простирается отъ 25% до 50%.

Срокъ дѣйствія этихъ правилъ о пониженномъ страховомъ тарифѣ установленъ пока по 1 мая 1896 г., при чемъ акціонерныя страховыя общества обязались продолжить дѣйствіе этихъ правилъ и послѣ 1 мая 1896 г., если только двухлѣтній опытъ покажетъ, что результаты операцій не убыточны для обществъ [1]). Вотъ этимъ-то вышеупомянутымъ положеніемъ комитета министровъ и отмѣняется взиманіе казенной пошлины со всѣхъ страхованій, подлежащихъ дѣйствію этихъ льготныхъ правилъ. *И. О.*

---

[1]) См. „Вѣстн. Фин.“, 1895 г. № 10.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

П. Казанскій. Договорныя рѣки. Очерки исторіи и теоріи международнаго рѣчного права, 2 тома. 1895. Казань. Ц. 6 р.

Обширное сочиненіе г. *Казанскаю*, привать-доцента въ Казани— „*Договорныя рѣки*", составляя два тома въ 480 и 382 стр., распадается на три части: введеніе, части историческую и теоретическую. Къ нимъ прибавлено еще особое приложеніе.

Въ *введеніи*, послѣ общихъ замѣчаній о рѣкахъ и рѣчномъ правѣ, авторъ даетъ намъ очерки (экскурсы) рѣчного права въ римской имперіи, средневѣковой Европѣ и за періодъ образованія современныхъ государствъ, останавливаясь спеціально и на Россіи. Эту часть онъ кончаетъ параграфомъ, въ которомъ разсматриваетъ основныя начала современнаго національнаго права по отношенію къ судоходнымъ рѣкамъ.

Часть историческая обнимаетъ собою исторію международнаго рѣчного права во всѣхъ его моментахъ съ Вестфальскаго мира до нашихъ дней: до открытія судоходства по Конго и Нигеру (въ 1885 г.) и по Каруну (въ 1888 г.). Эта часть, распадающаяся на 15 главъ, отличается большою полнотою: авторъ останавливается не только на всѣхъ договорныхъ рѣкахъ, но и отводитъ особую главу озерамъ и закрытымъ морямъ (напр., Каспійскому) и при этомъ онъ изучаетъ не одинъ вопросъ о судоходствѣ, а также и главныя изъ международныхъ соглашеній относительно рыбной ловли, каналовъ, мостовъ, регулированія рѣкъ и т. п.

Не меньшею полнотою отличается и *часть теоретическая*. Она распадается на четыре главы: въ 1-ой говорится вообще о международномъ рѣчномъ правѣ, объ его источникахъ и литературѣ; во

2-ой—о верховныхъ правахъ государства надъ рѣками; въ 3-ей—о гражданскомъ правѣ рѣкъ, гдѣ рѣчь идетъ: о правѣ собственности на рѣки, о пользованіи силами воды, о рыболовствѣ, но болѣе всего о судоходствѣ, и въ 4-й—о правѣ рѣчного управленія. Въ заключительномъ параграфѣ авторъ подводитъ итоги своему изложенію и касается вопроса о реформахъ международнаго рѣчного права.

Приложеніе даетъ намъ обширный проектъ кодекса общаго международнаго рѣчного права, который могъ бы послужить образцомъ для государствъ при заключеніи ими договоровъ объ общемъ пользованіи рѣками. Это— не фантастическій проектъ, а возможно-полное сведеніе въ одно цѣлое нормъ положительнаго права о рѣкахъ, уже признаваемыхъ правительствами, съ извѣстными лишь дополненіями. Въ немъ 30 огромныхъ статей, заключающихъ въ себѣ всѣ институты рѣчного права и многообразныя ихъ проявленія съ международной стороны.

Таково богатое содержаніе разбираемаго сочиненія. Будучи солидною работою по положительному праву, оно страдаетъ недостатками, нерѣдко присущими работамъ этого рода. Въ исторической части чрезъ мѣру нагроможденъ положительный матеріалъ: цѣлыя страницы излагаютъ, хотя мѣстами и сокращенно, содержаніе трактатовъ, уже отмѣненныхъ или измѣненныхъ послѣдующими; также цѣлыя страницы посвящены ихъ перечню. Это удлиняетъ изложеніе, мѣстами отличающееся тяжелымъ, не всегда правильнымъ слогомъ. Много иностранныхъ терминовъ и даже цѣлыя цитаты на иностранныхъ языкахъ включены въ самый текстъ книги.

Пріемъ автора можетъ быть названъ не вполнѣ удовлетворительнымъ и съ другой стороны: излагая очень подробно постановленія о рѣкахъ въ *отдѣльности* по *хронологическому* порядку, онъ не выдвигаетъ, какъ бы слѣдовало, на первый планъ *принципіальную* сторону этой исторіи рѣчного права и тѣ стадіи, чрезъ которыя она прошла и движется въ *цѣломъ*. По отношенію ко всѣмъ главнымъ рѣкамъ приводятся весьма подробные указатели литературы, но большею частію они составлены безъ системы: особенно бросается это въ глаза относительно Дуная.

Лучше написана и легче читается часть теоретическая. Къ ея недостаткамъ относятся: нѣкоторое одностороннее проведеніе принципа суверенитета государства; недостаточное выясненіе природы самой его власти надъ рѣками; постановка всего международнаго рѣчного права на исключительно-утилитарную основу и даже съ субъективнымъ перевѣсомъ блага отдѣльныхъ государствъ; наконецъ, мѣстами пренебрежительные отзывы о трудахъ предшественниковъ по данному вопросу.

Указанные и нѣкоторые другіе недостатки и недосмотры, впро-

чемъ, легко объясняются самою сложностью и обширностью поставленной себѣ авторомъ темы. Хорошія и положительныя стороны настоящаго сочиненія далеко перевѣшиваютъ его недостатки. Авторъ всюду изучилъ свой предметъ по первоисточникамъ; каждой изъ его сторонъ онъ удѣляетъ должное вниманіе и въ цѣломъ хорошо проводитъ въ своемъ трудѣ, несмотря на его обширность, строго-юридическій методъ. Особенно удачными, по полнотѣ и ясности, представляются отдѣлы: о международномъ рѣчномъ судоходствѣ и о международномъ управленіи рѣками.

Словомъ, сочиненіе г. Казанскаго должно быть признано не только хорошимъ вкладомъ въ русскую литературу по международному праву, но и самымъ полнымъ изслѣдованіемъ даннаго вопроса въ наукѣ вообще.

Отъ общихъ замѣчаній обратимся теперь къ частностямъ.

Кореннымъ, исходнымъ пунктомъ въ книгѣ г. Казанскаго является вопросъ о *власти государства надъ рѣками*. Онъ выставленъ у него неясно и не выдвинута новая его сторона, собственно съ международной точки зрѣнія. Какова власть государства надъ рѣками: *imperium* ли это или *dominium?* Авторъ повидимому даетъ предпочтеніе началу публично-правовому; онъ говоритъ: „весьма желательно, чтобы всѣ судоходныя рѣки перешли въ руки государства... Лозунгомъ нашего времени является огосударствленіе (?) судоходныхъ рѣкъ.“ Но рядомъ съ этимъ встрѣчаются такія положенія: „судоходныя рѣки находятся въ собственности государства, ограниченной существующимъ на нихъ общественнымъ пользованіемъ. Послѣднее — особый институтъ вещнаго права“ и т. д. Или: „если надъ всѣми частями своей территоріи государство имѣетъ imperium, то надъ судоходными рѣками ему принадлежитъ также dominium.“ Допуская совмѣстное существованіе обоихъ этихъ началъ, автору надлежало ихъ разграничить и установить между ними точное соотношеніе. Но, въ сущности, было бы вѣрнѣе признать одно начало—imperium и притомъ умѣряемое международною стороною самого тутъ объекта, т. е. рѣкъ. Авторъ отводитъ послѣднимъ въ государствѣ то же положеніе, что и всей прочей территоріи. Онѣ подлежатъ, замѣчаетъ онъ, тому же праву территоріальнаго верховенства и общенія, какъ и остальныя владѣнія государства. Но это не мѣшаетъ ему въ другомъ мѣстѣ отрицать, чтобы „рѣки пользовались тѣми же вольностями, какъ и обыкновенныя дороги.“ Полагаемъ, было бы вѣрнѣе уподобить рѣки (судоходныя, конечно) по самой ихъ природѣ, какъ *естественные* пути сношеній, территоріальному морю, каналамъ и желѣзнымъ дорогамъ, какъ *искусственнымъ* путямъ сообщеній.

Классификація рѣкъ у автора запутанна и излишне сложна, что́ происходитъ отъ положенія имъ въ основаніе двухъ признаковъ: гео-

графическаго и юридическаго. Онъ называетъ національною ту рѣку, которая находится въ предѣлахъ одного государства, международною —такую, которая орошаетъ два или нѣсколько государствъ. Но далѣе къ нимъ присоединяетъ еще международно-правовыя рѣки—тѣ, относительно которыхъ сложились особыя нормы права (договорныя или обычныя), рѣки договорныя, свободныя или открытыя. Если отправляться отъ признака юридическаго, для насъ единственно рѣшающаго, то національною можетъ быть рѣка хотя бы протекающая по территоріи нѣсколькихъ государствъ, но открытая, относительно судоходства, исключительно для прибрежныхъ только жителей, а международною должна быть названа такая, которая, протекая по одной территоріи, будетъ доступна для всѣхъ флаговъ. Съ точки зрѣнія указаннаго, юридическаго принципа, всѣ рѣки вообще, независимо отъ ихъ географическаго положенія, удобно могутъ быть распредѣлены на три группы: національныя, открытыя для плаванія однихъ мѣстныхъ подданныхъ; междугосударственныя, орошающія нѣсколько странъ и доступныя для всѣхъ ихъ подданныхъ на равныхъ правахъ; наконецъ, международныя, въ истинномъ смыслѣ этого слова, открытыя для *всѣхъ* (а не только для однихъ *прибрежныхъ*) флаговъ относительно судоходства и торговли. Послѣдній признакъ, какъ наиболѣе характерный, и долженъ лечь въ основу всей классификаціи рѣкъ. Мы знаемъ, что авторъ слѣдуетъ тутъ большинству писателей, но это не извиненіе: онъ часто ихъ критикуетъ, хочетъ смотрѣть на дѣло глубже и жизненнѣе ихъ и могъ бы то же самое проявить и по данному пункту, весьма важному для всего его вопроса, ибо рѣчь идетъ тутъ ни болѣе и ни менѣе, какъ о томъ, что̀ такое *международная* рѣка?

Вообще, конструкція международнаго рѣчного права, дѣлаемая г. Казанскимъ, заставляетъ желать многаго: она слишкомъ проникнута договорнымъ принципомъ и сложившимися въ международной практикѣ тенденціями. Это стоитъ въ связи съ нѣкоторою неустойчивостью и односторонностью его *общихъ принципіальныхъ* воззрѣній.

Прежде всего какъ смутно представленіе его о *суверенитетѣ*! Хотя, по его словамъ, международное право и превращаетъ его въ *право* суверенитета, но оно явленіе чисто *фактическое*, *стихійное*. „Никто не можетъ ограничить государство... Оно устраиваетъ свои рѣчныя, какъ и всякія другія, отношенія такъ, какъ оно найдетъ это удобнѣе... Оно (государство) само себя ограничиваетъ и само себя освобождаетъ отъ добровольно признанныхъ опредѣленій...“ Правда, авторъ дѣлаетъ тутъ оговорку, что онъ „оставляетъ въ сторонѣ всякія соображенія о международно-правовыхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ“ и ведетъ рѣчь лишь о современномъ національномъ правѣ судоходныхъ рѣкъ, но съ его идеею суверенитета становится немы-

слимымъ само международное право. Никогда, въ предѣлахъ международнаго союза, верховная власть государства не можетъ быть чисто фактическою, стихійною силою; не можетъ она быть также неограниченною, лишь сама себѣ довлѣющею. Какъ явленіе (институтъ) юридическое, она ограничена, и въ этомъ смыслѣ становится правомъ (суверенитета). Гораздо вѣрнѣе смотритъ на это хотя бы приводимый же авторомъ Мейеръ, когда онъ говоритъ о „территоріальной власти государства, умѣряемой въ виду общихъ сношеній между народами".

Еще менѣе удовлетворительными находимъ мы общія замѣчанія автора о *международномъ правѣ* и объ *его источникахъ*. Многое тутъ слишкомъ обще, безцвѣтно, а иногда прямо невѣрно. Лучше было бы вовсе не касаться этихъ важныхъ, основныхъ пунктовъ, нежели проявлять относительно ихъ недостаточную обдуманность. Впрочемъ, пусть судитъ самъ читатель: напр., вѣрно ли утвержденіе, что „въ то время, какъ все движется впередъ, международное право продолжаетъ питаться воззрѣніями XVII и XVIII вв. Немудрено поэтому, что оно нерѣдко вызываетъ сомнѣніе и отрицаніе со стороны наиболѣе послѣдовательныхъ и живыхъ умовъ". Фактически невѣрно, будто международное право въ наши дни мало ушло впередъ отъ ученій XVII и XVIII вв. Сомнѣнія и отрицанія, предъявляемыя противъ него, кроются совершенно въ другихъ причинахъ: въ недостаточной все еще санкціи его началъ на практикѣ, въ приложеніи къ нему масштаба другихъ отраслей права: гражданскаго, государственнаго и при этомъ въ ихъ современномъ высоко-развитомъ состояніи, на что такъ хорошо указываетъ Іеллинекъ,—и т. д.

„Путаница и неясность понятій, восклицаетъ авторъ, есть одно изъ главныхъ золъ современнаго международнаго права." Опять праздное утвержденіе, какъ и другое, по которому „международный порядокъ есть не болѣе, какъ дополненіе и дальнѣйшее развитіе національнаго"; онъ, кромѣ того, скажемъ мы, имѣетъ и *самостоятельные* предметъ и цѣли.

Въ международномъ правѣ вообще г. Казанскій допускаетъ два главныхъ отдѣла: международное частное и публичное право. Сообразно съ этимъ онъ дѣлитъ и все рѣчное право на эти же двѣ большія части: публичное и гражданское право рѣкъ. И классификацію эту и терминологію нельзя одобрить. Во-первыхъ, гораздо вѣрнѣе дѣлить всю область международнаго права на три главные отдѣла: публичное, соціальное и частное международное право. По этимъ категоріямъ распредѣляютъ уже и самые трактаты нѣкоторые новѣйшіе интернаціоналисты (Лаги, Іеллинекъ, Даневскій). Во-вторыхъ, что̀ это такое: гражданское право рѣкъ? Вѣрно ли это даже грамматически? Рѣчь тутъ идетъ главнымъ образомъ о правахъ иностранцевъ

на рѣкахъ. Какое же это право рѣкъ? Затѣмъ, юридически можно ли относить договоры торговые и судоходные къ гражданскому праву? Они относятся именно къ соціальному международному праву, котораго авторъ не желаетъ знать. Совершенно уже непонятною является фраза: „международное право до сего дня почти единогласно мыслится какъ право исключительно публичное." *Частное* международное право въ наше время развивается не менѣе публичнаго, а на практикѣ оно даже опережаетъ его. Кромѣ того, начинаетъ дѣлать быстрые шаги впередъ и право *соціальное* (менѣе удачно называемое иначе административнымъ).

Недостаточно ясны мысли г. Казанскаго объ *источникахъ* международнаго права и неполно дѣлаемое имъ перечисленіе ихъ формъ. Съ одной стороны, онъ говоритъ, что „международное правоубѣжденіе есть источникъ права въ смыслѣ матеріальномъ", или даже „есть та сила, которая творитъ всѣ международноправовыя нормы", а съ другой—онъ называетъ „ошибочнымъ мнѣніе о международномъ правѣ какъ о порядкѣ, господствующемъ надъ государствами помимо ихъ воли и независимо отъ ихъ соглашенія", и добавляетъ въ другомъ мѣстѣ: „творцами международнаго права являются государства." Вотъ послѣдствіе невѣрнаго пониманія имъ суверенитета: государства высказываютъ и примѣняютъ международное право, но не творятъ его, ибо оно имѣетъ объективное и отъ воли ихъ независимое бытіе именно въ силу того, что, какъ выражается самъ же авторъ, „каждое государство—звено публичной организаціи образованныхъ народовъ." Авторъ смѣшиваетъ бытіе права съ его формулированіемъ.

Источниками международнаго права, но въ формальномъ смыслѣ, онъ называетъ международный договоръ и обычай. Хотя этого положенія держатся большинство интернаціоналистовъ, но оно слишкомъ узко: къ нимъ должно еще причислить государственный законъ, судебныя рѣшенія и науку.

Слова автора о государственномъ законѣ очень неясны: „государственный законъ, если самъ по себѣ и *не связываетъ* свободы государства по отношенію къ другимъ государствамъ, можетъ однако служить въ извѣстныхъ случаяхъ доказательствомъ существованія тѣхъ или другихъ международноправовыхъ началъ, а вводя какіе-либо новые принципы по отношенію къ явленіямъ интернаціональнымъ, онъ, при отсутствіи возраженій со стороны другихъ государствъ является нерѣдко однимъ изъ путей обычнаго правообразованія. Во всякомъ же случаѣ, пока онъ существуетъ, онъ *связываетъ* государственныя власти, или, что то же самое, *государство во всѣхъ* предусмотрѣнныхъ въ немъ *случаяхъ*,—значитъ онъ связываетъ государства и въ международной области, поскольку собственно это допускается международ-

ными нормами. Но выше, какъ замѣчено, авторъ утверждаетъ противоположное.—Много обязанный своимъ предшественникамъ, авторъ является несправедливымъ, когда упрекаетъ ихъ въ слѣдованіи „схоластическому методу, наложившему въ ихъ изложеніи печать мертвенности" на все международное рѣчное право. Этого никакъ нельзя сказать про труды Энгельгарда, Каратеодори, Блюнчли, Фіоре или про работы Института. Правда, онъ хочетъ взглянуть на свой предметъ болѣе жизненно. Къ *общимъ идеямъ* онъ вообще относится скептически: „выставить, замѣчаетъ онъ, общее начало, свобода рѣкамъ, не значитъ ли въ сущности ничего не доказать?" „Бо̀льшимъ сочувствіемъ въ его глазахъ пользуются *здравые интересы*. Это и заставляетъ его свести все ученіе о свободѣ рѣчного судоходства къ принципу *утилитарному*, къ выгодѣ заинтересованныхъ сторонъ. На этотъ счетъ мысли его не допускаютъ сомнѣнія: „вопросъ о допущеніи государствомъ, читаемъ мы у него, на свои воды иностранныхъ флаговъ—преимущественно, если не исключительно, экономическій." „Съ точки зрѣнія экономической, свобода эксплуатаціи рѣчныхъ сообщеній необходимое условіе правильной политики." [1]) Мы далеки отъ мысли отвергать значеніе этого экономическаго начала, но само по себѣ оно слишкомъ узко и недостаточно для разъясненія всѣхъ юридическихъ сторонъ изучаемаго вопроса. Къ принципу пользы необходимо присоединить природу рѣкъ, какъ естественныхъ путей сообщеній, связь ихъ съ морями, наконецъ право всѣхъ людей и народовъ на свободу передвиженія.

Узкость исходнаго начала автора сказывается и на послѣдствіяхъ, къ которымъ онъ приходитъ.

Онъ вѣритъ въ окончательное торжество освободительныхъ началъ на всѣхъ рѣкахъ образованнаго міра, при чемъ нечего установлять между ними различія, смотря по тому, текутъ ли онѣ въ море или нѣтъ. Это ведетъ его далѣе къ тому, что онъ высказывается и за открытіе рѣкъ для небереговыхъ государствъ. По его словамъ, права, береговыхъ и небереговыхъ судовъ во всѣхъ случаяхъ, кромѣ исключительнаго занятія малымъ и большимъ каботажемъ, совершенно равны. Это равенство правъ распространяется какъ на самыя суда, такъ и на ихъ экипажъ и грузъ. Если все это такъ, и если, кромѣ, того, авторъ замѣчаетъ, что въ международномъ правообразованіи

---

[1]) Впрочемъ это стоитъ въ связи съ основнымъ взглядомъ его на все международное право вообще: „основанное на взаимномъ соглашеніи народовъ, говоритъ онъ, право это вытекаетъ изъ ихъ убѣжденія въ общей полезности извѣстныхъ юридическихъ нормъ. Таково общее принципіальное рѣшеніе вопроса."

могутъ съ пользою участвовать и небереговыя страны, то непослѣдовательнымъ находимъ мы его утвержденіе, будто въ административномъ управленіи рѣками должны принимать участіе *только береговыя государства.* Въ предлагаемой авторомъ международной рѣчной уніи опредѣленно исключаются остальныя государства. Стороны удерживаютъ за собою право по *собственному усмотрѣнію* опредѣлять юридическое положеніе подданныхъ и флаговъ этихъ остальныхъ государствъ. Мало того: представители послѣднихъ, т.-е. небереговыхъ странъ, пользуются въ рѣчныхъ комиссіяхъ—этомъ центральномъ органѣ по управленію рѣками—только голосомъ совѣщательнымъ. Вообще допущеніе ихъ въ составъ этихъ комиссій факультативно: „они *могутъ быть* приглашаемы" (какъ и разныя свѣдущія лица), по словамъ автора. Развѣ не странное рѣшеніе этого важнаго вопроса послѣ такихъ его словъ: „опытъ показываетъ, что международные интересы тѣмъ *лучше* обезпечиваются, чѣмъ *больше государствъ* сотрудничаютъ въ соотвѣтствующемъ *договорномъ правообразованіи*?"

Это положеніе и должно служить исходнымъ пунктомъ всего международнаго рѣчного права. Небереговыя государства должны имѣть право, если того требуютъ ихъ интересы, посылать своихъ делегатовъ въ рѣчныя комиссіи на одинаковомъ основаніи съ государствами береговыми. Особенно это необходимо на рѣкахъ, представляющихъ міровой интересъ, или орошающихъ страны малообразованныя или находящіяся во взаимной враждѣ и неустроенныя. Этимъ мы не отрицаемъ, что, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ быть достаточными и комиссіи изъ однихъ делегатовъ прирѣчныхъ странъ, но утверждаемъ, что, съ точки зрѣнія международнаго права и въ интересахъ міровой торговли, должна быть признана законность и польза другой системы, состоящей въ допущеніи въ составъ названныхъ комиссій и представителей всѣхъ прочихъ заинтересованныхъ въ этомъ державъ. Въ силу тѣхъ же соображеній нельзя согласиться, чтобы члены комиссій пользовались всегда лишь однимъ голосомъ, даже и тогда, когда они представляли бы два или нѣсколько государствъ.

Къ такимъ же половиннымъ рѣшеніямъ приходитъ г. Казанскій и по вопросу о *судоходствѣ во время войны.*

Вопреки многимъ новѣйшимъ писателямъ, онъ является противникомъ *нейтрализаціи* рѣкъ, даже международныхъ, находя эту мѣру не особенно необходимою и практически-неосуществимою. Но, съ другой стороны, онъ рекомендуетъ однако „срытіе крѣпостей и укрѣпленій вдоль теченія международной рѣки и воспрещеніе возведенія новыхъ. Никакое военное судно не должно имѣть права плаванія по ней, кромѣ легкихъ судовъ, отправляющихъ полицейскую или таможенную службу". Но эти скромныя свои пожеланія самъ же авторъ

вполнѣ парализуетъ тѣмъ, что признаетъ за воюющимъ право „закладывать въ рѣчныхъ водахъ мины и снаряды“ и повторяетъ слова Реттиха о томъ, что „разъ рѣки могутъ быть театромъ военныхъ дѣйствій и налицо не имѣется особыхъ постановленій о свободѣ судоходства, отъ *усмотрѣнія военной власти* зависитъ запретить или разрѣшить проходъ по нимъ нейтральныхъ судовъ“.

Это преклоненіе г. Казанскаго предъ интересами воюющаго заставляетъ его оправдать поведеніе Россіи въ войну 1877—78 г., объявившей о временномъ закрытіи судоходства по Дунаю безъ различія нейтральныхъ и враждебныхъ флаговъ. Австрія хлопотала тогда о продолженіи свободнаго по немъ плаванія для торговыхъ судовъ. „Мѣра, принятая тогда Россіею, восклицаетъ авторъ, несомнѣнно считалась необходимою для военныхъ цѣлей (но такъ можно все оправдать), нигдѣ свобода судоходства по Дунаю въ военное время не предписывается; наконецъ, что́ очень важно, Турція уже раньше воспретила всякое судоходство по Дунаю подъ угрозой конфискаціи судовъ и ихъ груза“. Но всего курьезнѣе заключеніе: „виновата тутъ была не Россія, а несовершенство международнаго права, которое не можетъ вполнѣ обезпечить ненарушимость интересовъ нейтральныхъ государствъ во время войны.“

Но что же можетъ дѣлать международное право помимо государствъ, особенно если держаться воззрѣній автора? Если несовершенно оно, то только по винѣ государствъ, медлящихъ провести въ жизнь то, что давно уже признано необходимымъ наукою. Воззрѣнія же гг. Реттиховъ, Казанскихъ и др., склонныхъ слишкомъ преклоняться предъ „военною необходимостью“, только тормозятъ прогрессъ, настоятельно требуемый истиннымъ интересомъ всѣхъ. Россія имѣла право поступить такъ, какъ она поступила, но она гораздо лучше сдѣлала бы, если бы не послѣдовала въ послѣднюю войну примѣру Турціи (!), а уже тогда провозгласила бы начала, которыя нѣсколько позднѣе были приняты ею и прочими великими державами въ Константинопольскомъ договорѣ 1888 г. относительно Суэзскаго канала и въ Берлинской конференціи 1885 г. о судоходствѣ по Конго и Нигеру.

Также достойны порицанія мысли автора о *блокадѣ*. Онъ допускаетъ ее по отношенію къ устьямъ рѣкъ или нижнимъ ихъ частямъ даже тогда, когда верхнія ихъ теченія принадлежатъ одной или нѣсколькимъ нейтральнымъ державамъ. Но уже тутъ Кальво указалъ на вѣрный принципъ въ слѣдующихъ словахъ: „права воюющей державы на тѣ мѣста, которыя она блокируетъ, не могутъ быть шире тѣхъ, которыя ея врагъ имѣлъ на эти же самыя мѣста“. Г. Казанскій съ этимъ положеніемъ несогласенъ, потому что онъ отвергаетъ теорію сервитутовъ и сособственности, на которой Кальво обосновы-

ваетъ свой взглядъ. Какъ-будто нельзя вполнѣ съ нимъ согласиться, но подыскавъ для его вѣрной мысли иное основаніе, лежащее въ imperium съ одной стороны и въ природѣ рѣкъ—съ другой.

Самъ г. Казанскій утверждаетъ уже другое, но относительно *озеръ*. Онъ говоритъ, что „географически озера являются большею частью расширеніемъ рѣкъ и въ экономическомъ отношеніи они играютъ такую же роль, какъ и рѣки." Зачѣмъ же тогда начала, принимаемыя имъ для установленія на нихъ блокады, не распространять и на рѣки? А тутъ мы читаемъ у автора: „только на тѣхъ водахъ, которыя, какъ напр. Боденское озеро, составляютъ *кондоминатное* обладаніе нѣсколькихъ государствъ, блокада, подобно другимъ военнымъ операціямъ, не можетъ имѣть мѣста, разъ одно изъ государствъ, имѣющихъ надъ ними *соверховенство*, осталось нейтральнымъ."

Это вѣрно, за исключеніемъ терминологіи, недостаточно точной: авторъ будто отождествляетъ кондоминатъ и соверховенство.

Споры между государствами по вопросамъ рѣчнаго судоходства, говоритъ авторъ, должны быть рѣшаемы не пролитіемъ крови, а какимъ-либо другимъ изъ указываемыхъ международнымъ правомъ способовъ. Отчего не прямо: международными третейскими судами? Это изъ всѣхъ способовъ наилучшій и наиболѣе имѣющій предъ собою будущности.

Замѣченные нами и нѣкоторые другіе недосмотры и противорѣчія автора проистекаютъ, вѣроятно, изъ недостаточной *продуманности* имъ всей сложной своей темы, а это обусловливалось спѣшностью его работы. Надо желать, чтобъ онъ въ будущихъ своихъ трудахъ избѣгъ этой ошибки и проявилъ бы вообще поболѣе *идеализма*, не фантастичнаго и произвольнаго, а того высшаго идеализма, котораго онъ не можетъ оставаться чуждымъ, какъ служитель науки международнаго права.

Какъ бы то ни было, но съ удовольствіемъ присоединяемся мы къ конечному выводу автора, чтобы въ ближайшемъ будущемъ начала свободнаго международнаго судоходства по рѣкамъ сдѣлались снова предметомъ обсужденія на конференціи изъ представителей всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Пора приступить къ окончательной *кодификаціи* всего права договорныхъ рѣкъ и рѣчекъ. Крупнымъ шагомъ дальнѣйшаго развитія въ этой области должно явиться образованіе *международной рѣчной уніи*, подобной существующимъ: желѣзнодорожной, почтовой, телеграфной и инымъ. Рѣчная унія взяла бы на себя заботу о дальнѣйшемъ развитіи и примѣненіи общаго международнаго рѣчного права. Во главѣ ея стало бы международное рѣчное бюро, какъ органъ постоянный для всѣхъ рѣчныхъ сношеній между союзными государствами.

Такія уніи были бы сперва, вѣроятно, *частныя*, т.-е. учрежденныя для отдѣльныхъ рѣкъ, но съ теченіемъ времени онѣ слились бы въ *единую*, *міровую унію*, въ предѣлахъ которой государства достигли бы *объединенія* по части *нормъ*, регулирующихъ ихъ отношенія на рѣкахъ, которыя вслѣдствіе того вполнѣ превратились бы изъ *договорныхъ* въ *международныя*.

Гр. Л. Камаровскій,
действительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

Г. П. Сазоновъ. Ростовщичество-кулачество. Спб. Цѣна 1 р. 50 к.

Работа г. Сазонова представляетъ собой рядъ интереснѣйшихъ экономическихъ очерковъ, описывающихъ различныя формы ростовщичества въ Россіи. Первая часть очерковъ посвящена изученію кулака въ крестьянскихъ артеляхъ, вторая — ростовщикамъ въ деревнѣ. Авторъ, объѣхавшій многія мѣстности, собралъ свои наблюденія надъ проявленіями кулачества и далъ такую картину прогрессивнаго раззоренія русскаго крестьянства, что читатель временами приходитъ въ ужасъ. Въ книгѣ приведена масса случаевъ вопіющаго грабежа и эксплоатаціи на формально законной почвѣ; при этомъ ростовщики и кулаки вездѣ названы собственными именами, что̀ даетъ возможность лицамъ, кому вѣдать надлежитъ, привлечь многихъ негодяевъ къ отвѣтственности по закону 1893 г. объ уголовномъ преслѣдованіи ростовщичества. Насколько велики злоупотребленія кулаковъ, взявшихъ въ свои руки артели грузчиковъ поволжскихъ пристаней, видно изъ того, что эти лица, принимая подряды отъ пароходныхъ компаній по 7—8 руб. съ тысячи пудовъ груза, платятъ артелямъ по 3—4 руб. и наживаютъ громадныя деньги (напр., нѣкто Анучинъ наживаетъ въ лѣто 25,000—30,000 р.). Авторъ приводитъ примѣры возмутительныхъ злоупотребленій со стороны подрядчиковъ: обсчитываніе, ужиливаніе денегъ, недодачи и т. д., и т. д. Казалось бы, пароходнымъ компаніямъ было бы гораздо выгоднѣе имѣть непосредственныя сношенія съ артелями. Однако этому мѣшаютъ связи кулаковъ-рядчиковъ съ администраціей компаній, кумовство, нежеланіе водиться съ нѣсколькими артелями крестьянъ и т. п. Любопытенъ планъ организаціи найма на работы, предлагавшійся многими артелями: всѣ артели данной пристани выбираютъ по одному представителю отъ 20 человѣкъ; по 5 человѣкъ изъ этихъ выборныхъ составляютъ на каждую недѣлю постоянную контору при биржѣ; всѣ лица, нуждающіяся въ рабочихъ, обращаются въ контору, которая и распредѣ-

ляетъ трудъ между всѣми артелями, руководясь очередью. Авторъ настоятельно рекомендуетъ правительству взять на себя инниціативу подобной организаціи и для бо́льшаго успѣха дѣла даже назначить своего чиновника при конторѣ. Къ этому предложенію нельзя не присоединиться, такъ какъ съ его осуществленіемъ многія сотни тысячъ рублей останутся въ рукахъ тѣхъ, кто ихъ заработалъ своимъ тяжелымъ трудомъ.

Въ деревнѣ мы встрѣчаемся съ не менѣе поразительными явленіями. Мы читаемъ въ книгѣ г. Савонова о сложной системѣ опутыванія крестьянъ долгами, закабаленія ихъ, о цѣломъ рядѣ мошенничествъ, какъ, напр., невыдачѣ обратно оплаченныхъ векселей съ цѣлью вторичнаго предъявленія ко взысканію, о невѣрномъ взвѣшиваніи привезенныхъ въ уплату долга продуктовъ, спаиваніи должниковъ, насчитываніи на должникѣ лишнихъ денегъ, принужденіи писать векселя на суммы болѣе 100 р. при выдачѣ взаймы какихъ-нибудь 10—20 руб. и т. д. Пріемы сельскихъ ростовщиковъ кажутся прямо невѣроятными, но авторъ удостовѣряетъ ихъ оффиціальными данными. Далѣе, приводятся оригинальные пріемы для упрощенія взысканія долговъ: вмѣсто векселя кулакъ прямо беретъ у мирового судьи исполнительный листъ на должника, удостовѣрившаго на судѣ, что онъ, дѣйствительно, является должнымъ; вмѣсто залога практикуются просто акты продажи на движимость и недвижимость. Наконецъ, ростовщики широко занимаются покупкой выкупленныхъ крестьянами надѣльныхъ земель. О многихъ изъ приводимыхъ въ книгѣ фактахъ давно уже говорится въ печати. Но до сихъ поръ не было предпринято никакихъ радикальныхъ мѣръ для борьбы съ сельскимъ кулачествомъ, развращающимъ населеніе, разоряющимъ его и наживающимся на его счетъ самыми темными путями. Авторъ считаетъ уголовное преслѣдованіе ростовщичества, установленное закономъ 1893 г., платонической мѣрой и призываетъ государство къ немедленной помощи обездоленному крестьянству, слишкомъ слабому для борьбы съ хищниками.

Александръ Миклашевскій. Деньги. Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса. Москва. 1895. Ц. 3 р.

Г. Миклашевскій поставилъ себѣ весьма широкую задачу: изучить денежное обращеніе въ связи съ нѣкоторыми основными вопросами экономической теоріи, какъ-то: теоріи цѣнности, экономической методологіи, ученія о производительномъ трудѣ и о роскоши. Сообразно этому, г. Миклашевскій начинаетъ свою работу главой о политической экономіи и естественныхъ законахъ, затѣмъ переходитъ къ

исторіи монеты и благородныхъ металловъ, разбираетъ трудовую теорію цѣнности и теорію цѣнности денегъ, далѣе останавливается на важныхъ вопросахъ денежнаго обращенія—денежныхъ системахъ, кредитѣ и кредитномъ обращеніи, бумажныхъ деньгахъ—и въ заключеніе дѣлаетъ очеркъ вопроса о производительныхъ классахъ и роскоши.

Нельзя не признать, что это стремленіе къ широкой постановкѣ вопросовъ нерѣдко вредило автору; благодаря массѣ затронутыхъ темъ онъ не могъ справиться съ ними, и потому многія изъ нихъ остались недостаточно серьезно и детально разработанными. Въ сущности говоря, вопросъ объ экономическихъ законахъ совершенно не долженъ входить въ такое изслѣдованіе, какъ изслѣдованіе г. Миклашевскаго; въ противномъ случаѣ всякій экономическій трактатъ долженъ бы начинаться съ изученія сущности богатства, характера экономическихъ законовъ, методологіи и проч. Такимъ образомъ, идея объ относительности экономическихъ законовъ, мысль о томъ, что они представляютъ собой законы развитія, должны проходить красной нитью черезъ все изслѣдованіе, но говорить о нихъ въ особой главѣ не приходится. Намъ кажется излишнимъ посвящать этому вопросу мѣсто въ книгѣ еще и потому, что авторъ отнюдь не приходитъ къ какимъ-либо оригинальнымъ выводамъ а лишь примыкаетъ къ воззрѣніямъ господствующей исторической школы. Точно также кажется излишней глава о теоріи цѣнности, удлиняющая изслѣдованіе на цѣлыхъ 100 страницъ. Въ ней мы читаемъ изложенія различныхъ теорій, напр., Тюрго, Смита, Рикардо, Маркса, Милля, Кэриса, Сэя и др., съ нѣкоторыми замѣчаніями автора; самъ авторъ всецѣло примыкаетъ къ трудовой теоріи цѣнности, не внося въ нее ничего новаго. Автору достаточно было бы указать, что онъ раздѣляетъ теорію Рикардо и Маркса, не производя передъ читателемъ той отчасти ученической работы, которую онъ долженъ былъ сдѣлать предварительно изученія денежнаго обращенія. Наконецъ, мы считаемъ ненужной и послѣднюю главу о производительныхъ классахъ и роскошной жизни, и это тѣмъ болѣе, что оба вопроса затронуты здѣсь совершенно поверхностно; посвящая главное мѣсто изложенію мнѣній Кенэ, Смита, Мальтуса, Грэя, Милля и Рёскина о производительномъ трудѣ, г. Миклашевскій въ немногихъ словахъ резюмируетъ собственные выводы, ради которыхъ не имѣло значенія выдвигать указанныхъ писателей. О роскоши трактуется еще болѣе кратко: приводятся мнѣнія трехъ писателей, разобраться въ которыхъ авторъ предоставляетъ самимъ читателямъ. Не лучше ли было бы предоставить читателю познакомиться съ вопросомъ о роскоши по спеціальнымъ сочиненіямъ?

Что касается другихъ частей сочиненія г. Миклашевскаго, то онѣ затрагиваютъ много интересныхъ и важныхъ вопросовъ, но изложеніе ихъ страдаетъ нѣкоторыми внѣшними недостатками: разбросанностью, несистематичностью, многословіемъ, подчасъ неточностью и элементарностью [1]). Наиболѣе интересны главы, посвященныя вопросамъ денежнаго обращенія. Правда, здѣсь авторъ, какъ онъ и самъ признаетъ, не даетъ новыхъ теорій, новыхъ проектовъ; его изслѣдованіе представляетъ добросовѣстный сводъ существующей литературы. При изученіи денежныхъ системъ авторъ обращался къ отчетамъ англійскихъ парламентскихъ комиссій, и приводимыя въ книгѣ данныя заслуживаютъ наибольшаго вниманія. Но и въ этихъ частяхъ труда мы встрѣчаемъ кое-гдѣ погрѣшности. Сюда относятся неточности въ опредѣленіяхъ. Возьмемъ, напр., опредѣленіе кредита (стр. 456). Кредитъ, по мнѣнію автора, является прежде всего не правомъ, а возможностью распоряжаться внутренними цѣнностями подъ обязательствомъ возврата ихъ черезъ извѣстный срокъ, основывающійся (чтó основывается?) на соглашеніи сторонъ, взаимномъ ихъ довѣріи и на добровольномъ подчиненіи существующимъ экономическимъ условіямъ. Однако, противъ такого опредѣленія можно возразить, что кредитъ есть мѣновая сдѣлка (*A* отдаетъ *B* цѣнность *a* и *B* отдаетъ черезъ извѣстный срокъ за эту цѣнность другую цѣнность *b*) и, какъ таковая, носитъ въ себѣ элементъ права. Авторъ видитъ между кредитомъ и обмѣномъ какое-то существенное различіе. Это прямо непонятно, такъ какъ кредитъ есть одна изъ формъ обмѣна и не можетъ быть ничѣмъ инымъ. Особенно важнымъ кажется автору то, что кредиторъ стремится получить кромѣ возврата равноцѣнности нѣкоторый приростъ. Это стремленіе вовсе не составляетъ общаго признака кредита, потому что во многихъ случаяхъ оно совершенно отсутствуетъ, напр., кредитъ по дружбѣ, кредитъ постояннаго покупателя въ лавкѣ и т. п. Опредѣленіе бумажныхъ денегъ заключаетъ въ себѣ одинъ моментъ, противъ котораго можно выставить серьезныя возраженія. Авторъ полагаетъ, что бумажныя деньги представляютъ собой *неразмѣнный* долговой знакъ правительства. Это невѣрно. Во многихъ странахъ обращались и обращаются бумажныя деньги, пользующіяся полной размѣнностью. Даже въ тѣхъ странахъ, которыя, какъ Россія и Австрія, имѣютъ неразмѣнное бумажное обращеніе, первоначально бумажныя деньги подлежали свободному размѣну. Повидимому, авторъ ввелъ указанный признакъ бумажныхъ денегъ потому, что въ большинствѣ случаевъ *фактически* бумажныя

[1]) Послѣднее, напр., въ ученіи о векселяхъ (468—471), въ исторіи банковъ (487 и слѣд.).

деньги не предъявлялись къ обмѣну на металлъ. Но фактическое положеніе отнюдь не тождественно съ юридическимъ. Разъ законъ даетъ право размѣна, то, хотя бы публика и не пользовалась своимъ правомъ, мы должны считать бумажныя деньги размѣнными.

Врядъ ли правъ, далѣе, авторъ, утверждая, что девальвація русскихъ ассигнацій, которую большинство экономистовъ относитъ къ 1839 г., была произведена указомъ 1812 г., разрѣшившимъ сдѣлки на звонкую монету по курсу. Такое разрѣшеніе отнюдь не обозначаетъ скрытой девальваціи, какъ думаетъ авторъ. Въ настоящее время, по мнѣнію г. Миклашевскаго, нецѣлесообразно для упорядоченія русскаго денежнаго обращенія обращаться къ извлеченію бумажныхъ рублей изъ обращенія или къ заключенію новаго займа (т.-е. къ консолидація); послѣднее не рекомендуется авторомъ по причинѣ неуравнительнаго характера финансоваго обложенія въ Россіи. Авторъ высказываетъ свое глубокое убѣжденіе (но, къ сожалѣнію, подробно не аргументируетъ его), что „намъ неизбѣжно придется идти по дорогѣ, указанной Канкриномъ, т.-е. заботиться о фиксированіи курса, о созданіи параллельнаго размѣнно-банковаго обращенія и, наконецъ, заключить всю совокупность мѣръ девальваціей“. Девальвація допустима потому, что теперь всѣ цѣны приспособились къ установившемуся курсу, что поколѣніе крымской и турецкой войнъ сходитъ со сцены, и не время заботиться о выполненіи чисто абстрактныхъ обязательствъ передъ нимъ. Эти соображенія кажутся намъ непонятными. Въ нихъ совсѣмъ упущенъ юридическій элементъ, который заставляетъ признать существованіе обязанности государства платить свои долги по нарицательной цѣнѣ, сколько бы времени ни прошло съ прекращенія размѣна бумажныхъ денегъ. Неосновательна мысль г. Миклашевскаго и потому, что составленіе большинства штатовъ военной и гражданской службы относится къ времени 60-хъ годовъ, и, слѣдовательно, масса лицъ несетъ теперь незаслуженно тяжесть обезцѣненія бумажныхъ денегъ.

Заслугой автора является ясное изложеніе многихъ спорныхъ вопросовъ денежнаго обращенія; таково изложеніе началъ правильной банковой политики, теоріи денежныхъ системъ, критика количественной теоріи бумажныхъ денегъ и др. Авторъ вполнѣ основательно привлекаетъ вниманіе читателей къ вопросамъ денежнаго обращенія, получившимъ за послѣднее время особое значеніе для нашей родины.

В. В. Очерки теоретической экономіи. СПБ. 1895. Цѣна 2 руб.

Очерки г. В. В. состоятъ изъ нѣсколькихъ статей. Двѣ первыя— „Роль рынка“ и „Чтò такое цѣнность“—были напечатаны въ журналѣ;

остальныя появляются впервые въ печати. Очеркъ о цѣнности не претендуетъ, конечно, на полноту изложенія. Авторъ выясняетъ сначала неудовлетворительность теоріи цѣнности, построенной на спросѣ и предложеніи, и теоріи издержекъ производства. Законъ спроса и предложенія даетъ, по мнѣнію г. В. В., лишь понятіе о механическомъ установленіи цѣнъ на рынкѣ; между тѣмъ въ теоріи цѣнности слѣдуетъ различать законъ установленія и законъ образованія цѣнности. Обращаясь къ послѣднему, авторъ приходитъ къ идеѣ трудовой цѣнности. Въ то время, какъ теорія издержекъ даетъ только описаніе фактовъ и учитъ, собственно говоря, о сложеніи цѣны, трудовая теорія объясняетъ не только явленія въ періодѣ производства, но и процессъ распредѣленія цѣнности продуктовъ между участниками производства. Авторъ пытается разрѣшить главное затрудненіе, съ которымъ сталкивается трудовая теорія цѣнности, именно—существованіе неравномѣрности чистаго дохода предпринимателей въ томъ случаѣ, если мѣновая цѣнность продуктовъ будетъ опредѣляться количествомъ затраченнаго труда. Остановимся на примѣрѣ автора, дающемъ ясное представленіе объ его аргументаціи. Въ одномъ производствѣ цѣнность товара складывается изъ 4 дней прошлаго труда (средства производства) и 2 дней непосредственнаго, текущаго труда, въ другомъ—цѣнность товара складывается изъ 2 дней прошлаго и 4 дней текущаго труда. При нормѣ прибавочной цѣнности въ 100% въ первомъ производствѣ предприниматель, затратившій цѣнность въ 5 дней, получаетъ прибыль въ 1 день, т. е. 20% на капиталъ; второй предприниматель, затративъ цѣнность въ 4 дня, получаетъ прибыль цѣнностью въ 2 дня, т. е. 50% на свой капиталъ. Такой порядокъ, по мнѣнію автора, невозможенъ въ современномъ народномъ хозяйствѣ. Поэтому-то конкурренція видоизмѣнитъ дѣло въ интересахъ равенства прибылей; она заставитъ производителей, получающихъ высокую прибавочную цѣнность, поступиться частью ея въ пользу менѣе счастливыхъ товарищей. Уравненіе прибылей произойдетъ путемъ измѣненія цѣнъ товаровъ: мѣновая цѣнность товара, дающаго высокую прибавочную цѣнность, понизится въ сравненіи съ трудовой, внутренней цѣнностью; товаръ же съ низкой прибавочной цѣнностью поднимется въ цѣнности. Такимъ образомъ цѣнность товара перваго производства получитъ прибавку въ $^2/_3$ дня и будетъ равняться $6^2/_3$ дня (отношеніе чистаго дохода къ капиталу $1^2/_3 : 5 = 33\%$); цѣнность товара второго производства уменьшится на $^2/_3$ дня и будетъ равняться $5^1/_3$ дня (отношеніе чистаго дохода къ капиталу $1^1/_3 : 4 = 33\%$). Итакъ, тенденція прибылей къ равенству создаетъ, согласно г. В. В., отклоненіе мѣновой цѣнности товара отъ внутренней трудовой его цѣнности. Нельзя не признать объясненія

автора остроумнымъ исходнымъ съ объясненіемъ Маркса въ III томѣ „Капитала“. Но авторъ упускаетъ изъ виду уравненіе прибылей при неодинаковыхъ срокахъ оборотовъ капитала и неодинаковомъ снашиваніи капитала. Съ другой стороны, мы рѣшаемся спросить, такъ ли уже универсаленъ законъ о равенствѣ прибылей, какъ думаетъ большинство экономистовъ. Очень часто прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства и даже въ разныхъ предпріятіяхъ одной и той же спеціальности имѣютъ неодинаковую процентную высоту. Неодинаковая прибыль можетъ существовать въ силу разницы въ организаціи производства, въ силу различной степени риска, различной ловкости предпринимателей въ дѣлахъ, наконецъ, вслѣдствіе разныхъ конъюнктуръ. Это различіе отнюдь не ведетъ къ отливу капиталовъ изъ менѣе выгодныхъ отраслей производства къ болѣе выгоднымъ. Въ результатѣ трудовая теорія цѣнности можетъ и не подвергаться отклоненіямъ вслѣдствіе неравенства прибылей.

Статья „Капиталистическая эволюція промышленности“ затрогиваетъ важные вопросы о вліяніи развитія капитализма на благосостояніе народа и его богатство, о характерѣ распредѣленія въ капиталистическомъ строѣ, о причинахъ кризисовъ и нѣкоторыхъ другихъ. Слѣдуетъ сказать, что читатель не вполнѣ удовлетворяется изложеніемъ автора: оно слишкомъ обще. Авторъ въ первой половинѣ очерка пытается доказать дедуктивнымъ путемъ, что развитіе капитализма понижаетъ или задерживаетъ ростъ благосостоянія населенія и что капиталистическій строй промышленности ведетъ за собой образованіе избыточнаго продукта, который не можетъ быть потребленъ ни капиталистами, ни рабочими и составляетъ такимъ образомъ причину кризисовъ. Всѣ эти мысли, конечно, не новы; но у автора встрѣчаются оригинальные пріемы (правда, довольно сложные) доказательства вреднаго вліянія капитализма на народное благосостояніе (именно относительно вліянія капитализаціи промысловъ земледѣльческаго населенія на его богатство). Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. В. В. старается провѣрить свои теоретическіе выводы на исторіи кризисовъ XIX вѣка и находитъ въ послѣдней подтвержденіе своимъ взглядамъ; при этомъ онъ пользуется трудами А. И. Чупрова и М. И. Туганъ-Барановскаго. Авторъ въ своемъ объясненіи кризисовъ въ сущности соединяетъ теоріи Маркса и Родбертуса. Такъ, онъ говоритъ, что перепроизводство происходитъ отъ излишняго приложенія капитала къ производству сверхъ требованій продуктовъ со стороны рынка, другими словами—отъ того, что общество обращаетъ въ капиталъ больше того, что требуется производствомъ. Съ другой стороны, г. В. В. утверждаетъ, что величина прибыли достигла слишкомъ большихъ размѣровъ, при которыхъ капиталистъ не въ состояніи потребить всей

массы продуктовъ, отвѣчающихъ по цѣнности величинѣ прибыли; запросъ рынка далеко отстаетъ отъ развитія производительныхъ силъ; доходы предпринимателей растутъ быстрѣе, чѣмъ развиваются ихъ потребности. Однимъ словомъ, причины кризисовъ сводятся къ избытку капитала, труда и товаровъ. Въ заключеніе авторъ разбираетъ тѣ способы, которыми капитализмъ старается бороться съ избыткомъ товаровъ. Сюда относится расширеніе иностранныхъ рынковъ, удаленіе изъ страны рабочихъ, удаленіе капиталовъ, усиленіе непроизводительнаго потребленія, умноженіе лицъ свободныхъ профессій и прислуги, увеличеніе расходовъ на благотворительность, наконецъ, развитіе милитаризма. Интересенъ взглядъ автора на послѣдній факторъ. Милитаризмъ, по мнѣнію г. В. В., не бремя, истощающее жизненные соки капиталистической страны, а благо, такъ какъ онъ поглощаетъ избыточный продуктъ и устраняетъ такимъ образомъ кризисы и застой въ промышленности; милитаризмъ есть клапанъ для смягченія чрезчуръ рѣзкихъ проявленій отрицательныхъ явленій капиталистическаго строя. Основываясь на исторіи рабочаго движенія въ Европѣ, авторъ видитъ рѣшеніе вопроса объ утилизаціи излишняго продукта, который не можетъ быть потребленъ капиталистами, въ установленіи соглашенія предпринимателей и рабочихъ, въ силу котораго рабочіе получаютъ весь излишній продуктъ въ свою пользу. „Способъ распредѣленія національнаго дохода между участниками производства по взаимному соглашенію сторонъ, достигнутому путемъ тщательнаго изученія положенія дѣлъ, доходовъ и расходовъ предпріятія съ присоединеніемъ собственнаго учета потребностей предпринимателей и рабочихъ—сдѣлается господствующимъ или единственно практикующимся, когда рабочій классъ сдѣлается рѣшающей величиной въ ряду другихъ соціальныхъ силъ." Въ результатѣ такого „перераспредѣленія" кризисы исчезнутъ, пауперизмъ сильно ослабѣетъ или даже совсѣмъ уничтожится, рабочіе измѣнятъ свое отношеніе къ существующему экономическому строю, предприниматель станетъ не прессомъ, выжимающимъ соки рабочихъ, а общественнымъ агентомъ, руководителемъ общественнаго предпріятія. Эта наивная утопія, немного напоминающая планъ Родбертуса и идущая гораздо дальше надеждъ Брентано и его школы, врядъ ли заслуживаетъ какого-либо серьезнаго вниманія.

Послѣдній очеркъ подъ названіемъ „Русскій марксизмъ" имѣетъ по преимуществу полемическій характеръ. Авторъ критикуетъ взгляды Николая —она, Струве, Скворцова и ихъ единомышленниковъ, попутно высказывая остроумныя замѣчанія о германской соціалъ-демократіи, роли интеллигенціи въ развитіи формъ экономической жизни Россіи и пр. Приведемъ изъ этой статьи любопытную и на нашъ взглядъ

вѣрную характеристику ученій, пытающихся пересадить ученіе Маркса на русскую почву. „Изъ теоріи, связывающей мысль съ жизнью и потому отвѣчающей одновременно и запросамъ идеальной природы человѣка, и практическимъ требованіямъ трудящихся массъ (какъ въ Германіи), ученіе превращается въ доктрину, разрывающую связь мысли и жизни, оскорбляющую наши идеальные порывы предложеніемъ мириться съ массой страданій, ожидающихъ русскій народъ въ теченіе неизбѣжнаго будто бы процесса выварки его въ фабричномъ котлѣ, игнорирующую реальные интересы реальныхъ массъ трудящагося люда, конструирующую, а не выясняющую прогрессивную эволюцію нашей страны, ломающую, а не развивающую жизненные процессы.“

Новая книжка г. В. В. значительно уступаетъ его прежнимъ трудамъ въ силѣ доказательности и въ содержательности статей. Она отличается расплывчатостью изложенія и эскизнымъ характеромъ статей. Намъ кажется, что трактованіе такого предмета, какъ эволюція капитализма вообще и въ частности капитализма въ Россіи, требуетъ болѣе серьезной постановки и болѣе солидныхъ доказательствъ, чѣмъ какія имѣются въ рассматриваемой книжкѣ г. В. В.

В. В. Мелкое производство въ Россіи. I. Артель въ кустарномъ промыслѣ. СПБ. 1895. Цѣна 1 руб.

Г. В. В. всегда относился съ особеннымъ вниманіемъ къ мелкой промышленности и полагалъ, что она во многихъ отношеніяхъ способна въ Россіи къ дальнѣйшему развитію, несмотря на противодѣйствіе капиталистической формы производства. Въ настоящее время г. В. В. задумалъ рядъ очерковъ, посвященныхъ изученію мелкой промышленности въ Россіи. Первый изъ такихъ очерковъ посвященъ артели въ кустарномъ промыслѣ. Авторъ постарался собрать всѣ матеріалы по этому вопросу, какіе онъ могъ найти въ частныхъ изслѣдованіяхъ, оффиціальныхъ изданіяхъ и земско-статистическихъ сборникахъ. Весь найденный имъ фактическій матеріалъ сгруппированъ въ четыре главы: 1) о помочахъ въ кустарной промышленности и артеляхъ для пріобрѣтенія сырья и сбыта издѣлій, 2) объ артеляхъ для пользованія мастерскими и другими приспособленіями въ производствѣ, 3) о производительныхъ артеляхъ, 4) объ артеляхъ строительныхъ и отхожихъ. Вся книжка состоитъ исключительно изъ сырого матеріала и не даетъ никакихъ обобщеній, сопоставленій и теоретическихъ выводовъ. Въ этомъ отношеніи чтеніе ея даже затруднительно, такъ какъ факты громоздятся на факты, не проникнутые никакой общей идеей, кромѣ указанной группировки по главамъ. Да и въ этомъ отношеніи книга не вполнѣ выдержана; встрѣчаются ар-

тельныя производства, о которыхъ говорится въ разныхъ мѣстахъ сочиненія; иногда авторъ возвращается къ одному и тому же вопросу по нѣскольку разъ. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ справочнаго изданія, дающаго сводку существующихъ данныхъ о кустарныхъ артеляхъ, работа г. В. В. представляется весьма полезной. Здѣсь мы почерпаемъ много интересныхъ фактовъ, кое-гдѣ съ объясненіями. Напр., авторъ пытается выяснить, въ какихъ отрасляхъ производства болѣе всего развита производительная артель и почему, насколько распространена артель въ отхожихъ промыслахъ и т. д. Особенно любопытны подробности о техническихъ условіяхъ каменоломнаго, каменноугольнаго и др. производствъ и объ организаціи строительныхъ артелей.

Авторъ справедливо сѣтуетъ на недостатокъ фактическаго матеріала о русскихъ артеляхъ вообще и артеляхъ въ кустарныхъ промыслахъ въ особенности. Нельзя не пожалѣть. что свѣдѣнія, сообщаемыя земско-статистическими изданіями, слишкомъ отрывочны, неполны и случайны. Артель въ Россіи играетъ до сихъ поръ настолько крупную экономическую и соціальную роль, что ея изученіе должно быть выдвинуто на первый планъ. Къ этому побуждаютъ насъ не только интересы правильной экономической политики, но и требованія теоретической науки, напр., русскаго гражданскаго права, до сихъ поръ не давшаго хорошей юридической конструкціи этому своеобразному русскому институту.

Библіотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Изслѣдованіе о богатствѣ народовъ. Переводъ М. Щепкина. Москва. 1895. Цѣна 1 рубль.

Редакція „Библіотеки экономистовъ“ задалась весьма симпатичной цѣлью—издать цѣлый рядъ книжекъ, заключающихъ въ себѣ краткое изложеніе выдающихся экономическихъ трактатовъ. Мотивомъ изданія, какъ объясняютъ редакторы въ предисловіи, служитъ недостатокъ сочиненій, переведенныхъ на русскій языкъ, и желаніе облегчить знакомство съ лучшими экономистами для лицъ, не имѣющихъ возможности читать многотомныя ихъ сочиненія. За образецъ редакція взяла изданіе „Petite bibliothèque économique française et étrangère“. Подъ такимъ заглавіемъ было до сихъ поръ выпущено болѣе 15 томиковъ, заключающихъ въ себѣ выборки изъ сочиненій разныхъ экономистовъ. Извлеченія передаются по возможности не своими словами, а въ дословныхъ отрывкахъ. Изъ каждаго писателя извлекается то, что̀ его наиболѣе характеризуетъ. Такого же порядка держатся и редакторы русскаго изданія. Первой книжкой является изложеніе сочиненія Адама Смита. Переводъ сдѣланъ цѣликомъ съ французскаго изданія Petite bibliothèque. Свѣдѣнія о жизни и научныхъ трудахъ Смита мы почерпаемъ изъ переведенной статьи Бланки,

написанной къ полному французскому изданію Смита (есть и въ полномъ русскомъ изданіи „Изслѣдованія о богатствѣ народовъ") и замѣтки Курсель-Сенёля. Въ русской книжкѣ имѣется переводъ главъ о раздѣленіи труда, о деньгахъ, начало главы о цѣнѣ товаровъ, глава о составныхъ частяхъ цѣны, часть главы о заработной платѣ и прибыли при различныхъ употребленіяхъ труда и капитала, главы о капиталѣ (цѣликомъ и частями), глава о развитіи народнаго благосостоянія, заключеніе о системахъ политической экономіи и четыре правила обложенія налогами. Противъ французскаго изданія въ русскомъ переводѣ сдѣланы дополненія: введено предисловіе Гарнье, систематизирующее разбросанное изложеніе Смита, краткое изложеніе содержанія всего труда Смита и рядъ подстрочныхъ примѣчаній нѣкоторыхъ экономистовъ, приведенныхъ въ изданіи Гильомена.

Въ общемъ выборки изъ сочиненія Смита сдѣланы удовлетворительно. Переводъ хорошъ и кое-гдѣ онъ лучше перевода Бибикова. Нельзя однако не пожалѣть, что онъ сдѣланъ съ французскаго языка; классики должны быть переводимы съ ихъ родного языка. Какъ бы хорошо ни былъ переданъ подлинникъ на французскій языкъ, все-таки французскій переводъ есть уже уклоненіе отъ оригинала, а русскій переводъ французской передачи будетъ уклоненіемъ еще бóльшимъ. Нельзя также одобрить внесенія подстрочныхъ примѣчаній Макъ-Кулоха, Бланки, Гарнье, Бёкенана и др.: эти примѣчанія, не давая никакого цѣннаго матеріала, представляютъ собой немало банальныхъ и многословныхъ замѣтокъ, съ выпускомъ которыхъ можно было бы дать больше мѣста еще нѣкоторымъ отрывкамъ Смита, напр., хотя бы его блестящей критикѣ меркантилизма.

Финансы крупнѣйшихъ русскихъ городовъ. Москва. 1894 г.

Эта брошюра первоначально печаталась въ „Извѣстіяхъ Московской Городской Думы" (апрѣль, май и іюнь 1894 г.), а теперь появилась въ отдѣльныхъ оттискахъ. Книжка заключаетъ въ себѣ богатый статистическій матеріалъ по финансамъ нашихъ крупнѣйшихъ городовъ: Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы и Риги. Составлена она г. Н. Б. Бычковымъ, подъ редакціей Статистическаго Отдѣленія Московской Городской Управы, чрезвычайно добросовѣстно и для всякаго интересующагося нашими городскими финансами представляетъ огромный интересъ. Интересъ къ этой брошюрѣ еще тѣмъ болѣе возрастаетъ, что у насъ, въ противоположность Западной Европѣ, почти отсутствуетъ литература по городскимъ финансамъ, и изученіе послѣднихъ представляетъ для желающаго немалыя трудности: приходится прибѣгать къ отчетамъ городскихъ управъ, къ ихъ смѣтамъ,

проектамъ, приложеніямъ къ смѣтамъ, и все это по каждому городу въ отдѣльности, что чрезвычайно хлопотно и требуетъ затраты большого количества времени и большой доли терпѣнія, на что не всякій рѣшится.

Попытку освѣщенія финансовъ за-разъ пяти городовъ и дѣлаетъ разбираемая нами брошюра. Читатель не долженъ искать въ ней какого-либо теоретическаго освѣщенія вопроса—нѣтъ, она заключаетъ въ себѣ лишь фактическій матеріалъ, но матеріалъ хорошо систематизированный. Чтобы дать понятіе о содержаніи этого труда, познакомимся съ нѣкоторыми его данными. По Городовому Положенію нашимъ городамъ предоставлено право взимать сборы: 1) съ недвижимыхъ имуществъ (оцѣночный сборъ), 2) съ документовъ на право производства торговли и промысловъ, 3) съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ, съѣстныхъ лавокъ и разные мелкіе сборы (нотаріальный сборъ, сборъ за клейменіе вѣсовъ и мѣръ). Оцѣночный сборъ не долженъ превышать 1% стоимости имущества или 10% съ его чистаго дохода. Съ документовъ взимается: со свидѣтельствъ I и II гильд. по 15% съ цѣны ихъ, со всѣхъ остальныхъ торговыхъ и промысловыхъ документовъ 10%.

Такое положеніе вещей, конечно, при развитіи городской жизни неминуемо должно было привести къ сильному обремененію налогами городской недвижимости; такъ въ Москвѣ теперь она уже обложена въ размѣрѣ 9% чистаго дохода, въ Одессѣ 8,75%, тогда какъ торговля и промышленность, обложенію которой положенъ очень низкій предѣлъ, обложены у насъ чрезвычайно слабо,—въ Одессѣ, напримѣръ, онѣ обложены (по самому высокому исчисленію) не свыше 2,2% съ чистой прибыли [1]).

Стоитъ сравнить въ бюджетѣ роль оцѣночнаго сбора и сбора съ документовъ за право торговли и промысловъ, чтобы съ поразительной яркостью выступила у насъ передъ глазами неравномѣрность обложенія этихъ двухъ источниковъ: такъ въ Одессѣ въ 1890 году оцѣночный сборъ составлялъ 24% бюджета, а сборъ съ документовъ всего только 5,6%, т.-е. торговля и промышленность даютъ такому торговому городу, какъ Одесса, въ 4 раза меньше, чѣмъ оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ имуществъ.

Остальные сборы, существующіе въ нашихъ городахъ, какъ-то: сборъ съ лошадей частныхъ лицъ, съ собакъ, нотаріальный сборъ съ гражданскихъ дѣлъ, разсматриваемыхъ въ мировыхъ учрежденіяхъ, сборы съ товара въ нѣкоторыхъ городахъ: Петербургѣ, Одессѣ, Ригѣ

---

[1]) Здѣсь принято во вниманіе и обложеніе трактирнаго промысла, и сборъ съ извозчиковъ.

и Варшавѣ, и нѣкоторые другіе—не играютъ большой роли въ бюджетѣ нашихъ городовъ. Наши города, какъ извѣстно, сильно нуждаются въ средствахъ, а между тѣмъ почти нѣтъ возможности увеличить ихъ. По всѣмъ почти источникамъ обложеніе достигло своей нормы, поставленной городамъ законодательной властью, за исключеніемъ только городской недвижимости; но вѣдь послѣдняя и безъ того высоко обложена, притомъ несетъ земскіе и государственные сборы, такъ что увеличивать городскія средства на счетъ поднятія налога съ недвижимости едва ли возможно, особенно въ виду слишкомъ слабаго обложенія торговли и промышленности.

Въ обложеніи торговли и промышленности, равно какъ и недвижимой собственности должно дать, по нашему мнѣнію, городамъ широкій просторъ, какъ это недавно сдѣлано въ Пруссіи, гдѣ поземельный, подомовый и промысловый налоги, въ качествѣ государственныхъ налоговъ, уничтожены, а сборы съ нихъ переданы общинамъ, которымъ и предоставлено право, по своему усмотрѣнію, вводить новыя формы организаціи обложенія этихъ источниковъ. Нельзя не обратить вниманія на данныя брошюры, свидѣтельствующія о слишкомъ слабомъ у насъ, въ противоположность Западу, развитіи городскихъ хозяйственныхъ предпріятій, которыя могли бы служить богатымъ финансовымъ источникомъ. Въ этомъ отношеніи только Москва, Варшава и Рига выдѣляются: онѣ имѣютъ по пяти городскихъ предпріятій: Москва —бойни, водопроводъ, типографію, полицейскую газету, ассенизаціонный обозъ; Рига—водопроводъ, городской театръ, газовый заводъ, сберегательную кассу, пароходство по Двинѣ (5 пароходовъ), торфяной и пудретный заводъ. По нашему убѣжденію, нельзя не пожелать и у насъ развитія городскихъ хозяйственныхъ предпріятій, которыя, помимо своей финансовой роли, имѣютъ и огромное экономическое значеніе въ смыслѣ постепеннаго расширенія общественно-хозяйственной системы.

По новому Preussisches Kommunalabgabengesetz 14 іюля 1893 г., какъ извѣстно, дѣлается даже особое удареніе на развитіи общинно-хозяйственныхъ предпріятій: § 2-ой этого закона гласитъ: общины могутъ взимать налоги только въ томъ случаѣ, если другіе доходы общины, особенно отъ городскихъ имуществъ, пошлинъ (т. е. отъ разныхъ общинныхъ предпріятій) и т. д., недостаточны для покрытія коммунальныхъ расходовъ.

Вообще, надо замѣтить, книжка хорошо освѣщаетъ финансовое положеніе пяти нашихъ крупныхъ центровъ. Составитель пытается даже дѣлать подсчеты, насколько, при существующей системѣ обложенія, города могутъ увеличить свои финансы, не выходя изъ нормъ, поставленныхъ закономъ городскому обложенію. И оказывается, что въ

Варшавѣ, напр., всѣ источники обложенія исчерпаны вполнѣ и нѣтъ никакой возможности такимъ способомъ поднять городскіе финансы, въ остальныхъ же городахъ можно увеличить городской бюджетъ исключительно на счетъ болѣе тяжелаго обложенія городской недвижимости, и безъ того довольно сильно обложенной; такъ въ Петербургѣ этимъ послѣднимъ способомъ можно увеличить бюджетъ на 600.000 руб., въ Москвѣ на 300.000, въ Одессѣ на 100.000 руб.

Картина финансовъ, нарисованная составителемъ помощью лишь однѣхъ сухихъ цифръ, вполнѣ убѣждаетъ въ необходимости пересмотра финансовой власти нашихъ городовъ и въ особенности въ расширеніи права послѣднихъ по обложенію торговли и промысловъ; хотя составитель, относясь совершенно объективно къ предмету, самъ не дѣлаетъ никакихъ выводовъ и заключеній изъ этой картины, но послѣдняя въ достаточной степени сама говоритъ за себя. Затѣмъ города должны расширить свою частно-хозяйственную дѣятельность и сдѣлать ее, по примѣру западныхъ городовъ, для себя однимъ изъ доходныхъ источниковъ. *И. О.*

А. Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи. Изданіе Л. Ф. Пантелеева. Москва. 1895 г. Цѣна 2 руб. 50 коп.

„Ирландскій вопросъ, какъ-будто касающійся только Англіи, представляетъ уже при первомъ впечатлѣніи нѣчто болѣе широкое: то, что̀ служитъ предметомъ разногласій и борьбы на берегахъ Атлантическаго океана, переходитъ далеко за предѣлы Ирландіи.“ Эти слова Лоренца Штейна опредѣляютъ значеніе вопроса, которому посвящено изслѣдованіе г. Мануилова. Въ самомъ дѣлѣ, владѣніе землею на правѣ личной собственности, отъ котораго еще сравнительно недавно ждали столькихъ благъ для поселянъ, не оправдало надеждъ. Едва ли не всюду въ Европѣ обнаружились печальныя послѣдствія такого поземельнаго устройства крестьянъ: измельчаніе владѣній — съ одной стороны, и поглощеніе ихъ крупными помѣстьями—съ другой, вредные виды черезполосицы, высокая задолженность, превращеніе части поселянъ въ крупныхъ владѣльцевъ, а остальныхъ въ пролетаріевъ,— всѣ эти явленія побуждаютъ даже наиболѣе послѣдовательныхъ сторонниковъ института личной собственности задумываться надъ „величайшей опасностью, угрожающей народному хозяйству и соціальному развитію“ культурныхъ странъ—надъ опасностью исчезновенія экономически самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, должно было восторжествовать мнѣніе, что личная собственность на землю отнюдь не составляетъ необходимаго условія для благополучія земледѣльца и успѣховъ сельскаго хозяйства, и что, напротивъ, предпочтительнѣе тотъ поземельный строй, при которомъ по-

селянину предоставляется только пользованіе землею. Этотъ взглядъ успѣлъ уже повліять на аграрную политику нѣкоторыхъ странъ Запада. Если прежде законодательство ихъ,—говоря словами г. Мануилова,—„стремилось всѣми возможными способами облегчить мобилизацію земельной собственности, то теперь усилія направлены къ тому, чтобы ограничить мобилизацію, и возникаетъ убѣжденіе, что ограниченіе это можетъ быть достигнуто лишь при одномъ условіи, именно—если право собственности будетъ сохранено за тѣмъ, кому надлежитъ регулировать поземельныя отношенія“, т.-е. за государствомъ.

Новое направленіе законодательства еще не сложилось окончательно: оно ищетъ путей, дѣлаетъ опыты,—и наука отвѣчаетъ на жизненную потребность, если при такихъ обстоятельствахъ обращается къ изученію тѣхъ имѣющихся въ дѣйствительности формъ аграрнаго устройства, „которыя представляютъ осуществленіе принципа, выдвигаемаго законодательствомъ взамѣнъ или въ противовѣсъ личной собственности.“ Такова наша община, такова и аренда. „Какимъ образомъ,—справедливо замѣчаетъ авторъ разсматриваемаго труда,—какимъ образомъ, какъ не въ связи съ арендой, возможно изучить вопросы: объ обезпеченіи затратъ владѣльца, пользующагося землею, которая не составляетъ его собственности, о высотѣ платы за пользованіе ею, о продолжительности срока владѣнія и т. д. Всѣ эти условія давно обсуждаются въ примѣненіи къ арендуемымъ участкамъ, и если принципъ, на которомъ основана аренда, получаетъ новое соціально-политическое значеніе, то матеріалы для его пониманія должно черпать въ изученіи арендного землевладѣнія.“

Эту задачу г. Мануиловъ и выполняетъ въ своей книгѣ „Аренда земли въ Ирландіи.“ Остановиться на изслѣдованіи именно ирландской аренды автора заставили весьма вѣскія соображенія. Въ этой странѣ аренда существуетъ съ давнихъ временъ, въ теченіе трехъ ближайшихъ вѣковъ она составляетъ тамъ почти единственную форму владѣнія землей, притомъ ирландская аренда—въ громадномъ большинствѣ случаевъ—аренда мелкая, что̀ представляетъ особенный интересъ для выясненія вопроса о надлежащемъ поземельномъ устройствѣ крестьянъ,—за послѣднее столѣтіе подвергалась постоянной смѣнѣ формъ и въ различныя стадіи этого процесса представляетъ типическую картину арендныхъ отношеній при всевозможныхъ условіяхъ.

Въ разсматриваемой книгѣ разработанъ огромный матеріалъ, главнымъ образомъ, по источникамъ, изученіемъ которыхъ авторъ занимался въ лондонскомъ Британскомъ музеѣ и на мѣстѣ изслѣдованія, въ Ирландіи, гдѣ, между прочимъ, ему удалось снять съ подлинныхъ плановъ интересныя копіи, приложенныя къ книгѣ. Изслѣдованіе г. Мануилова охватываетъ весь тотъ періодъ, о которомъ только-что

было помянуто,—начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка, когда въ Ирландіи господствовала система долгосрочныхъ договоровъ, уступившая затѣмъ мѣсто кратковременной съемкѣ земли, и кончая современными законодательными попытками регламентировать аренду, вплоть до новѣйшаго билля, внесеннаго въ палату 20 февраля текущаго года. Въ настоящей замѣткѣ мы не можемъ передать даже кратко содержаніе этого труда и укажемъ лишь на вполнѣ обоснованный, заключительный выводъ изъ него. Опытъ Ирландіи въ дѣлѣ регламентаціи аренды,—говоритъ г. Мануиловъ,—„доказалъ практическую осуществимость и полезность такого порядка, при которомъ земледѣлецъ является владѣльцемъ земли, а мѣсто собственника заступаетъ государство". Этотъ выводъ, поучительный вообще, имѣетъ, быть можетъ, наибольшую важность для насъ, такъ какъ въ нашемъ отечествѣ, при существованіи общиннаго землевладѣнія, при обширности земельной площади, принадлежащей казнѣ, при незаконченности выкупной операціи на крестьянскія надѣльныя земли, представляется сравнительно легкая возможность цѣлесообразнаго поземельнаго устройства поселянъ. *В. Р.*

Н. М. Коркуновъ. Указъ и законъ. Спб. 1894.

Изслѣдованіе г. Коркунова посвящено выясненію существа государственной власти, что̀ выполняется авторомъ съ точки зрѣнія теоріи субъективнаго реализма. Авторъ показываетъ, какъ со времени Локка подготовлялись постулаты этой теоріи.

Именно уже Локкъ указывалъ на необходимость предоставленія правительству нѣкоторой доли самостоятельной власти, не ограничивая его дѣятельности лишь исполненіемъ законовъ. Тѣмъ не менѣе самостоятельная регулирующая власть правительства долго игнорировалась въ наукѣ. Причинами тому, конечно, были: 1) господство теоріи раздѣленія властей Монтескье, какъ это думаетъ профессоръ Градовскій; 2) ученіе о народномъ верховенствѣ Руссо, какъ полагаетъ Л. Штейнъ; 3) господство теоріи государственной власти, какъ единой всеопредѣляющей воли, что̀ утверждаетъ проф. Коркуновъ. Только напрасно каждый изъ этихъ авторовъ придаетъ исключительное значеніе одной причинѣ, имъ указываемой. Не правильнѣе ли предположить, что дѣйствовали всѣ три причины вмѣстѣ?

Но какъ ни учила наука, жизнь брала свое вопреки всякимъ теоріямъ. Указы (т. е. общія правила, установляемыя въ порядкѣ управленія какъ верховною властью, такъ и органами подчиненнаго управленія), игнорируемые теоріей, на дѣлѣ стали нормальнымъ и даже необходимымъ явленіемъ государственной жизни. Въ наукѣ пер-

вая попытка опредѣлить границу между указомъ и закономъ принадлежитъ Шталю, не затронувшему однако важнаго вопроса объ отношеніи „указовъ“ къ правамъ гражданъ, на что было обращено вниманіе Молемъ, выступившимъ съ ученіемъ о гарантіяхъ дѣйствительнаго соблюденія границы между указами и законами.

Дальнѣйшее развитіе ученія объ указахъ находимъ у Л. Штейна, болѣе рѣшительно, чѣмъ Шталь и Моль, признающаго необходимымъ существованіе указовъ, какъ основной формы дѣятельности правительства. Но колебанія по вопросу о возможности установленія указами юридическихъ нормъ придаютъ всей теоріи Штейна неопредѣленный и незаконченный характеръ. У А. Д. Градовскаго колебанія эти разрѣшаются ограниченіемъ содержанія указовъ одними техническими нормами, чему однако противорѣчитъ повседневная административная практика, такъ что нельзя не признать правильной ту опредѣленность, съ какой Лабандъ различаетъ юридическіе и административные указы, впервые придавая вопросу такою, вполнѣ научною, классификаціей опредѣленную постановку. Но, несмотря на это, и у Лабанда вопросъ остается неразрѣшеннымъ, такъ какъ этотъ писатель отрицаетъ возможность изданія правительствомъ указовъ самостоятельно, безъ прямого уполномочія на то закономъ. Бóльшую уступку требованіямъ жизни дѣлаетъ Арндтъ, признающій за правительствомъ право изданія самостоятельныхъ указовъ, хотя лишь и въ видѣ исключенія и лишь тамъ, гдѣ къ этому привела исторія страны, именно, въ Англіи и Пруссіи. Та же нерѣшительность замѣчается у Еллинека въ его изслѣдованіи объ указахъ, составляющемъ лучшее теоретическое разъясненіе вопроса. Но какъ бы то ни было, а изложенное показываетъ, что указы, хоть и съ трудомъ, но пріобрѣтаютъ себѣ право гражданства въ наукѣ государственнаго права. Причина тому, безъ сомнѣнія, лежитъ въ жизненности этого явленія, на которую уже было указано. Администрація немыслима безъ собственной самостоятельной инициативы, а разъ это такъ, то она и можетъ, и должна устанавливать не только частныя распоряженія, но и общія правила, и чѣмъ шире развитіе управленія, чѣмъ разнообразнѣе его задачи, тѣмъ шире и нормирующая дѣятельность администраціи. Теорія долго закрывала на это глаза; потомъ же, хотя, наконецъ, и замѣтила это, но, не будучи въ силахъ примирить явленія жизни съ своими построеніями, сначала признала акты административной власти не имѣющими юридической силы, а затѣмъ обусловила ея право устанавливать новыя нормы фикціей делегированія этого права законодательной властью. Но первое объясненіе подрываетъ самостоятельность административной власти, теорія же делегаціи искусственна и произвольна и только запутываетъ вопросъ.

Мало того, теорія государственной власти, какъ единой воли, противорѣчитъ и вообще факту обособленія властей, почему послѣднее и отвергалось послѣдовательными сторонниками этой теоріи. Противорѣчитъ ей и ученіе Монтескье о раздѣленіи властей, само по себѣ вѣрное, хотя и не вполнѣ опредѣленное, что смутно чувствовалось самимъ его авторомъ. Не вяжутся съ теоріей государственной власти, какъ единой воли, и существованіе смѣшанныхъ формъ правленія и организація всякаго вообще государства. Наконецъ и сама волевая теорія власти недостаточно ясна и опредѣленна и крайне спорна.

Проф. Коркуновъ признаетъ несостоятельною волевую теорію власти, но прежде чѣмъ покончить съ ней, онъ сопоставляетъ мыслителей разныхъ временъ и народовъ, начиная съ Сократа и кончая Остиномъ, чтобы выяснить первоначальную основу этой теоріи и такимъ образомъ опредѣлить дѣйствительное значеніе ея. Въ древности понятіе о волѣ, какъ особой способности духа, вообще не было достаточно развито; къ тому же первенство принадлежало тогда не ей, а разуму, которому она была совершенно подчинена. Государство же, по мнѣнію проф. Коркунова, понималось греками и римлянами вообще и Аристотелемъ и Цицерономъ въ частности, какъ типичнѣйшими представителями греческаго и римскаго мышленія, не какъ самостоятельная личность, субъектъ единой властвующей воли, а какъ отношеніе взаимной зависимости множества свободныхъ личностей. Ученіе о первенствующемъ значеніи воли складывается лишь въ средніе вѣка подъ вліяніемъ христіанства и выдвигается особенно Оригеномъ и Августиномъ. Важно здѣсь и внесеніе христіанствомъ новаго неизвѣстнаго древности понятія церкви, какъ самостоятельной формы человѣческаго общенія; ученію же о церковномъ единствѣ западная церковь придала совершенно внѣшній характеръ, а „Политику“ Аристотеля стали изучать не раньше второй половины XIII вѣка. Такимъ образомъ, въ средніе вѣка, по аналогіи съ ученіемъ о церкви, государство понималось какъ единое цѣлое, движимое и управляемое единою высшею волею. Ѳома Аквинскій прямо отождествляетъ государственную власть съ волей правителя.

Въ началѣ новой исторіи господствовалъ крайній индивидуализмъ и механическое міросозерцаніе. И тогда власть продолжала пониматься какъ воля, только не божественная, какъ прежде, а вполнѣ свободная человѣческая. Основатель новаго ученія о государственной власти, Боденъ, и выдвигаетъ съ особой силой именно абсолютную независимость, верховенство, суверенитетъ государственной власти. Но ученіе Бодена незакончено и недоговорено. Онъ не только не рѣшаетъ, но даже и не ставитъ вопроса о томъ, на чемъ основано и чѣмъ обусловлено верховное господство въ государствѣ. Этотъ вопросъ впервые выдвигается тео-

ріями XVI вѣка. Согласно господствовавшей тогда договорной теоріи государства Гуго Гроцій, Гоббезъ и Пуффендорфъ понимаютъ власть, какъ согласную волю гражданъ государства, представляемую правителемъ. Но чтобы соглашеніемъ отдѣльныхъ личностей объяснить дѣйствительное ихъ подчиненіе единой безусловно господствующей волѣ, надо было признать это соглашеніе безповоротнымъ, что̀ и дѣлаетъ Гоббезъ. Этимъ самымъ въ договорную теорію государства вносилось неразрѣшимое внутреннее противорѣчіе. Поэтому Руссо провозглашаетъ неотчуждаемость и недѣлимость верховной власти, считая впрочемъ проявленіемъ ея только законодательство. Однако и для изданія законовъ нельзя требовать общаго соглашенія всѣхъ. Это признаетъ и Руссо, предполагая волю большинства всегда совпадающей съ общею волею. Но, допуская это, Руссо противорѣчитъ самымъ основнымъ своимъ положеніямъ.

Въ XIX вѣкѣ гипотеза произвольнаго установленія государства была отвергнута наукой, но связанная съ нею гипотеза государственной власти, какъ воли, и послѣ того осталась ея безспорнымъ положеніемъ. Волевую теорію встрѣчаемъ и въ философіи Гегеля, и въ ученіи исторической школы, и даже въ ученіи органической школы (напр., у Аренса). Вопросъ ставится такъ: чья именно воля является государственной властью? На это возможны два отвѣта: 1) государственная власть есть воля государства, какъ особой юридической личности, при чемъ единственнымъ выразителемъ ея воли считается всегда и вездѣ монархъ. Такъ рѣшаютъ этотъ вопросъ: Л. Штейнъ, воззрѣнія коего, навѣянныя Гегелемъ, туманны и произвольны, Герберъ, основатель юридическаго направленія въ разработкѣ государственнаго права, ученіе котораго гораздо проще и опредѣленнѣе, и, наконецъ, Лабандъ, наиболѣе рѣшительно высказывающійся относительно юридической природы личности государства; 2) государственная власть есть воля монарха. Такой отвѣтъ даетъ теорія патримоніальная, представителями коей являются: а) Мауренбрехеръ, считающій однако собственностью монарха не государство, а суверенитетъ; б) Максъ Зейдель, считающій объектомъ принадлежащаго монарху права на власть самое государство; в) Лингъ, Герцфельдеръ и Борнгакъ, нѣсколько видоизмѣняющіе ученіе Зейделя.

Однако патримоніальная теорія до того феодальна и несвойственна духу XIX вѣка, что и Мауренбрехеръ, и Зейдель принуждены были прибѣгнуть къ разнымъ оговоркамъ, правда, очень неопредѣленнымъ. Если государство лишь объектъ государственной власти, то почему же властитель долженъ дѣйствовать не въ своихъ интересахъ, а въ общихъ интересахъ государства, какъ этого требуютъ патримоніалисты? На это у нихъ отвѣта нѣтъ. Впрочемъ патримоніальная тео-

рія все же не прошла безслѣдно въ наукѣ, а повела къ новой переработкѣ правовой теоріи государства. Именно, по мнѣнію Еллинека, воля и дѣятельность государственныхъ учрежденій, направленныя къ единой общей цѣли, не представляютъ только, а сами непосредственно составляютъ государственную власть. Но и теорія Еллинека плохо мирится съ положеніемъ въ государствѣ отдѣльныхъ гражданъ. Правда, для объясненія возможности политическихъ правъ гражданъ въ государствѣ, онъ искусно различаетъ въ субъективныхъ правахъ элементы „das Können“ и „das Dürfen“, т.-е. дерзновенія и возможности; но на дѣлѣ это старая идея о томъ, что частное право представляетъ лишь регулировку уже независимо отъ государства существующихъ отношеній, публичное же право слагается изъ отношеній, создаваемыхъ самимъ государствомъ. Къ тому же идея эта противорѣчитъ воззрѣнію самого Еллинека на государство, какъ на личность.

Съ пониманіемъ государства, какъ единой личности, невозможно согласить и реальную множественность его состава. Г. Шульце, Гирке, Гуго Прейсъ, правда, стараются примирить это единство и множество путемъ органическаго пониманія государства, но нельзя понимать государство одновременно и организмомъ и личностью.

Ученія Гирке и Прейса и вылились въ очень туманную и только запутывающую рѣшеніе вопроса теорію, отождествляющую государство съ организмомъ, опредѣленіе коего въ свою очередь крайне трудно. Дѣйствительныя явленія государственной жизни представляютъ пестрое сочетаніе многихъ воль, и такимъ образомъ дѣйствительная жизнь конкретнаго государства не есть дѣятельность единой надъ всѣмъ господствующей воли, а непрерывающаяся борьба многихъ воль между собою. Такая борьба есть тоже необходимое условіе жизни, развитія. Если же видѣть единство господствующей въ государствѣ воли въ единствѣ учрежденій, ее выражающихъ, то мы придемъ къ такому выводу, что тождество государства нарушается при измѣненіи его устройства; но и политически, и исторически, и юридически это невѣрно. Элементы жребія и наслѣдственности, встрѣчающіеся въ исторіи при организаціи государственныхъ учрежденій, двухпалатная система организаціи парламента, различный порядокъ разрѣшенія различныхъ дѣлъ однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ—все это тоже противорѣчитъ пониманію государственнаго властвованія, какъ проявленія единой воли. Гипотеза власти, какъ единой воли, приводитъ Гербера и особенно Лабанда къ признанію даже конституціоннаго монарха единымъ носителемъ недѣлимой государственной власти. Но если это такъ, то какова же роль народныхъ представителей въ конституціонной монархіи? По мнѣнію Лабанда, они участвуютъ только въ формулировкѣ содержанія закона, а Еллинекъ участіе въ законо-

дательствѣ палатъ подводитъ подъ понятіе согласія, при чемъ монархъ играетъ роль пупилла, а парламентъ—тутора. Но дѣйствительный характеръ участія народнаго представительства въ законодательствѣ вовсе не оправдываетъ такой аналогіи, да и конституціи въ этомъ случаѣ требуютъ обыкновенно не согласія палатъ, а соглашенія ихъ и монарха.

Такимъ образомъ развиваемое послѣдовательно понятіе власти, какъ единой воли, ведетъ къ отрицанію въ прямомъ противорѣчіи съ исторической дѣйствительностью самой возможности существованія конституціонной монархіи, чѣмъ и выясняется ея несостоятельность.

Но, по мнѣнію проф. Коркунова, явленія государственнаго властвованія не поддаются объясненію не только какъ проявленія единой воли (властвующаго, добавимъ мы отъ себя).

Среди разнообразныхъ проявленій власти существуютъ и такія, которыя вовсе не представляются актами воли (властвующаго). Такъ, дѣятельность судьи, постановляющаго свое рѣшеніе на основаніи обычаевъ, нельзя свести къ проявленіямъ воли (властвующаго), а между тѣмъ это первоначальная форма проявленія государственнаго властвованія. Дѣйствіе закона тоже опредѣляется не одной волей законодателя, а равнодѣйствующей этой воли и господствующихъ въ обществѣ нравственныхъ и юридическихъ понятій. Да и въ цѣломъ государственное властвованіе не всегда представляется какъ дѣйствіе воли (властителя). Правитель тоже подвластенъ государству, и на него воздѣйствуетъ власть государства, хотя онъ и не подчиняется ничьей высшей волѣ. Истина, повидимому, заключается въ положеніи, что основу властвованія составляетъ государственное общеніе, взаимодѣйствіе властвующихъ и подвластныхъ. Къ сожалѣнію, проф. Коркуновъ, высказавъ такое положеніе въ одномъ мѣстѣ своего труда (стр. 173), въ другомъ его мѣстѣ (стр. 191) ограничиваетъ свое пониманіе основы властвованія, опредѣляя ее, какъ сознаніе подвластными своей зависимости. Но не говоря уже о недостаточности здѣсь одной воли подвластныхъ, надо еще, чтобы и послѣдняя была не только пассивной, но и активной. Да и самое понятіе сознанія зависимости слишкомъ метафизическое. Не лучше ли было бы здѣсь его замѣнить понятіемъ сознанія долга? Наконецъ, одностороннее опредѣленіе проф. Коркуновымъ основы властвованія не вяжется также съ опредѣленіемъ государственной власти, которое находимъ у того же автора въ его „Лекціяхъ по общей теоріи права“ :здѣсь онъ опредѣляетъ государственную власть, какъ независимо и принудительно организованную и объединенную общественную силу, а государство, какъ общественный союзъ, пользующійся самостоятельной и исключительной властью принужденія.

Переходя къ вопросу о выводахъ, которые проф. Коркуновъ дѣлаетъ изъ своей теоріи, необходимо отмѣтить, что онъ видитъ основаніе единства власти не въ единствѣ воли органовъ власти, а въ единствѣ побужденія, въ силу котораго ихъ велѣніямъ подчиняются; однако такое единство есть уже не единство личности, а единство (юридическаго) отношенія. Съ пониманіемъ же государства, какъ отношенія многихъ личностей, конечно, вполнѣ согласимо и существованіе въ государствѣ многихъ органовъ власти. Это видимое раздробленіе власти не противорѣчитъ ея единству, такъ какъ воли, участвующія въ распоряженіи государственною властью, взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга, что̀ достигается, по мнѣнію проф. Коркунова, не только раздѣленіемъ различныхъ функцій между различными органами, какъ это думаетъ Монтескье, но и совмѣстнымъ осуществленіемъ одной и той же функціи нѣсколькими органами, и осуществленіемъ различныхъ функцій однимъ органомъ, но различнымъ порядкомъ. Второй изъ этихъ способовъ сдерживанія воль, по словамъ проф. Коркунова, наиболѣе дѣйствителенъ, а третій наиболѣе мягокъ; по нашему же мнѣнію послѣдній и наиболѣе опасенъ для свободы и наименѣе достигаетъ своей цѣли, т.-е. сдерживанія воль. Также и во второмъ случаѣ легко можетъ получиться не сдерживаніе воль, а двойной гнетъ и произволъ власти.

Далѣе, проф. Коркуновъ, не давая въ своей книгѣ ближайшаго и точнѣйшаго опредѣленія „совмѣстности властвованія", тѣмъ не менѣе выводитъ изъ этого понятія необходимость соединенія функцій примѣненія общихъ правилъ и самостоятельнаго установленія ихъ въ однѣхъ рукахъ (стр. 224). Между тѣмъ, это не только находится въ прямомъ противорѣчіи съ уступкою, которую проф. Коркуновъ дѣлаетъ общераспространенному мнѣнію о зависимости обязательной силы указовъ отъ непротиворѣчія ихъ законамъ, но и ведетъ, по справедливому замѣчанію проф. Дьяконова, къ государственной анархіи, столь несимпатичной проф. Коркунову, который въ предисловіи къ своей книгѣ такъ горячо высказывается за господство законности.

Вторая половина книги проф. Коркунова „Указъ и законъ" посвящена собственно выясненію природы указа и его отношенія къ закону. Здѣсь, въ этой половинѣ его труда, меньше сомнительнаго и произвольнаго и больше безспорнаго, больше соотвѣтствія съ дѣйствительностью. Но главы VI (о Высочайшихъ указахъ) и VII (объ указахъ подчиненнаго управленія) хотя и содержатъ въ себѣ много оригинальнаго и новаго сравнительно съ мнѣніями другихъ нашихъ публицистовъ, однако сравнительно со вторымъ томомъ „Русскаго государственнаго права" самого проф. Коркунова новаго онѣ ничего не даютъ, а только подробнѣе развиваютъ и лучше обосновываютъ его

положенія. Поэтому мы остановимся лишь на главѣ V-й новой книги проф. Коркунова, трактующей о значеніи и силѣ указовъ.

Первый параграфъ ея посвященъ опредѣленію указовъ, о которомъ мы уже говорили выше, и классификаціи ихъ по содержанію. Въ „Лекціяхъ по общей теоріи права" проф. Коркуновъ держится еще классификаціи указовъ Л. Штейна. Въ своемъ „Русскомъ государственномъ правѣ" онъ даетъ болѣе самостоятельную классификацію указовъ, но и здѣсь она у него еще недостаточно выработалась. Окончательную формулировку ея мы находимъ лишь въ книгѣ „Указъ и законъ". Именно здѣсь проф. Коркуновъ даетъ двѣ классификаціи указовъ, не совпадающія другъ съ другомъ: 1) указы юридическіе (установляющіе юридическія нормы) и техническіе (содержащіе лишь правила цѣлесообразности); 2) указы опредѣлительные (непосредственно опредѣляющіе дѣятельность администраціи и частныхъ лицъ) и исполнительные (опредѣляющіе непосредственно лишь условія исполненія и примѣненія законовъ). Въ свою очередь каждый изъ этихъ видовъ указа у проф. Коркунова дѣлится еще на подвиды, но изъ послѣднихъ мы отмѣтимъ лишь одинъ подвидъ исполнительныхъ указовъ, именно исключительные указы. Затѣмъ проф. Коркуновъ говоритъ о санкціи указовъ [1]). Кромѣ французской и германской системъ надѣленія указовъ карательной санкціей, авторъ выдвигаетъ еще старорусскую, по которой наказуемо всякое неисполненіе законнаго требованія административной власти. Но каждая изъ этихъ трехъ системъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Поэтому всего цѣлесообразнѣе, по мнѣнію проф. Коркунова, скомбинировать ихъ, но сознательно, а не случайно, какъ это сдѣлано во многихъ законодательствахъ.

Для этого: 1) карательной санкціей надо надѣлить не всѣ указы, а лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ это прямо оговорено; 2) соотношеніе между прямымъ принужденіемъ и наказаніемъ за неповиновеніе требованіямъ указа должно быть альтернативнымъ, взаимно исключающимъ; 3) прусскую систему надо примѣнять къ указамъ, издаваемымъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ опасностей (но не при дѣйствіи исключительныхъ законовъ...), старорусскую—къ указамъ, опредѣляющимъ собственно дѣятельность администраціи, и французскую—къ указамъ, прямо регулирующимъ дѣятельность частныхъ лицъ.

Наконецъ параграфъ третій главы пятой книги проф. Коркунова требуетъ обезпеченія соотвѣтствія содержанія указовъ постановленіямъ

---

[1]) Ср. объ этомъ предметѣ того же автора: *„Русское государственное право"*; въ книгѣ „Указъ и Законъ"—много новаго.

дѣйствующаго законодательства путемъ судебнаго контроля, но это, какъ мы выше уже говорили, прямо противорѣчитъ выводамъ первой половины послѣдней, хотя само по себѣ такое требованіе и является правильнымъ. Параграфъ же четвертый признаетъ желательнымъ допущеніе изданія чрезвычайныхъ указовъ лишь въ конституціонныхъ монархіяхъ, а не въ абсолютныхъ. Замѣтимъ кстати, что у насъ изданіе чрезвычайныхъ указовъ практикуется въ формѣ положеній Комитета министровъ и Именныхъ указовъ. *С. А. Ш.*

А. Д. Градовскій. „Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1885 г. Издано подъ редакціей М. Н. Коркунова. С.-Петербургъ. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева, 1895 г.“.

Покойный Градовскій читалъ студентамъ С.-Петербургскаго университета три курса: 1) теорію государственнаго права, 2) государственное право важнѣйшихъ европейскихъ (т.-е. иностранныхъ) державъ, 3) русское государственное право. Послѣдній курсъ почти весь изданъ имъ самимъ при жизни [1]). Издалъ самъ авторъ и первый томъ государственнаго права европейскихъ державъ [2]). Теперь же предъ нами лежитъ второй томъ послѣдняго. Но какъ самъ Градовскій, такъ и издатели второго тома „Государственнаго права европейскихъ державъ“ сдѣлали ошибку, не напечатавъ прежде всего „Теоріи государственнаго права“, служащей опорнымъ пунктомъ для спеціальныхъ курсовъ и объясняющей многое въ ихъ содержаніи и изложеніи.

Въ виду такого значенія „Теоріи государственнаго права“ Градовскаго слѣдуетъ остановиться на ней. Государство разсматривается имъ, какъ историческое явленіе. Долго останавливается Градовскій и на значеніи территоріальнаго его признака, при чемъ зависимость политическихъ явленій отъ поземельнаго устройства находитъ самую яркую картину въ его изложеніи. Второй элементъ государства—народъ—разсматривался Градовскимъ не только въ юридическомъ смыслѣ, какъ совокупность лицъ, подчиненныхъ одной государственной власти, но и во всей совокупности его бытовыхъ признаковъ, какъ общество и какъ національность. Наконецъ, третій элементъ государства—верховную власть—Градовскій понималъ, какъ постепенно развивающееся, тѣсно связанное съ развитіемъ индивида и общества

---

[1]) „Начала русскаго государственнаго права“ А. Д. Градовскаго, въ трехъ томахъ, при чемъ третій томъ не законченъ.

[2]) Изъ дальнѣйшаго изложенія его авторомъ изданы при жизни лишь отрывки („Германская конституція“ и „Системы мѣстнаго управленія на Западѣ Европы и въ Россіи“).

явленіе. Излагая же теорію современнаго государства, онъ подвергалъ классификаціи и анализу его различныя свойства, при чемъ получалась та или иная юридическая конструкція различныхъ политическихъ понятій. Но вообще слушателей своихъ Градовскій пріучалъ цѣнить не форму, а содержаніе государства [3]).

О научномъ значеніи „Началъ русскаго государственнаго права" говорить не зачѣмъ. Оно общепризнано и стоитъ внѣ споровъ и сомнѣній. Лекціи Градовскаго по государственному праву европейскихъ державъ тоже далеко оставляютъ за собою многіе общіе курсы государственнаго права. Но, какъ сказано выше, авторъ самъ успѣлъ издать въ 1886 году лишь исторію конституціонныхъ учрежденій. Во второмъ томѣ онъ намѣревался изложить общія начала конституціонализма, въ третьемъ и четвертомъ дать изложеніе конституціонныхъ монархій, республикъ и федерацій; посмертное изданіе второго тома лежитъ теперь предъ нами.

Правда, это изданіе есть, собственно, точное воспроизведеніе „студенческаго" изданія 1885 года со всѣми его ошибками и недосмотрами, за которые, конечно, самъ Градовскій нисколько не отвѣтственъ. Изложеніе шероховато и расплывчато. Терминологія иногда неясна и нѣкоторые взгляды устарѣли: за десять лѣтъ наука во многомъ успѣла двинуться впередъ. Встрѣчаются въ обиліи и опечатки. Редакторъ далъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ указанія на новѣйшія законодательства иностранныхъ державъ, но не указалъ новѣйшей литературы предмета и не исправилъ путаницы въ изложеніи второй части книги. Именно, въ первой книгѣ ея слѣдовало сказать о конституціонныхъ монархахъ и президентахъ республикъ, во второй— о народномъ представительствѣ, въ третьей—объ исполнительной власти. Между тѣмъ ученіе о президентахъ республикъ попало въ шестой отдѣлъ второй книги, другіе параграфы котораго слѣдовало бы изложить или во второй книгѣ (сенатъ и палата депутатовъ), или въ третьей (государственный совѣтъ и министерство); а глава объ учрежденіи республики во Франціи здѣсь лишняя. Наконецъ, ученіе объ исполнительной власти составляетъ не третью книгу второй части, а 5-й отдѣлъ второй книги ея.

Но и въ такомъ видѣ второй томъ государственнаго права европейскихъ державъ Градовскаго не потерялъ своего научнаго значенія. Сколько намъ помнится, весною 1889 года былъ объявленъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ курсъ Градовскаго о западно-европейскихъ монархіяхъ, осенью же о федераціяхъ. Если у слушателей

---

[3]) „Памяти А. Д. Градовскаго", СПб. 1890 г.

его сохранились ихъ записки, то желательно было бы издать и ихъ. Но еще ранѣе слѣдовало бы напечатать философскій курсъ А. Д. Градовскаго 1882 г.; „студенческое“ изданіе его къ тому же уже имѣется. Надо лишь переиздать его съ надлежащими исправленіями. Тогда станетъ многое понятнымъ въ спеціальныхъ курсахъ А. Д. Градовскаго, теперь неясное и недоговоренное, и это будетъ лучшимъ памятникомъ учителю со стороны его учениковъ. Только надо торопиться. Наука государственнаго права не стоитъ на мѣстѣ, а идетъ впередъ и такимъ образомъ, рано или поздно, неизданные курсы Градовскаго, несмотря на все ихъ научное достоинство, устарѣютъ и потеряютъ raison d'être, какъ это отчасти случилось съ только-что изданною книгою, а еще раньше было съ „студенческимъ“ изданіемъ конца третьяго тома русскаго государственнаго права А. Д. Градовскаго.

Существо конституціонализма Градовскій опредѣляетъ условіями, т. е. способомъ и формами, въ которыхъ дѣйствуетъ государственная власть, независимо отъ того, кто является субъектами ея.

Авторъ раздѣляетъ свой догматическій курсъ на двѣ части. Въ первой изъ нихъ онъ разсматриваетъ конституціонный актъ, гражданскую свободу и раздѣленіе властей; вторая же у него посвящена ученію о главѣ государства, о народномъ представительствѣ и объ исполнительной власти.

Что касается частностей, то слѣдуетъ отмѣтить, что въ отличіе отъ проф. Коркунова, считающаго начало правомѣрности осуществляемымъ на Западѣ въ субъективной формѣ, а у насъ—въ объективной, Градовскій видитъ главный признакъ западнаго конституціонализма въ ограниченіи государственной власти путемъ законовъ, какъ на континентѣ Европы, или обычая, какъ въ Англіи [4]), т. е. считаетъ и западный конституціонализмъ объективнымъ по формѣ, но не субъективнымъ.

Къ этому слѣдовало бы, быть можетъ, прибавить, что, по историческимъ и географическимъ условіямъ, начало правомѣрности на Западѣ развивалось благодаря давленію снизу, почему вѣрнѣе было бы вмѣсто „самоограниченія“ государственной власти относительно иностранныхъ державъ сказать „ограниченіе“.—Личную свободу Градовскій опредѣляетъ какъ законную возможность человѣка распоряжаться собою и своимъ трудомъ для достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія потребностей (стр. 23). Изложеніе ученія о гарантіяхъ личной

---

[4]) Отсюда ошибочная теорія парламентскаго всемогущества въ Англіи Блакстона. На дѣлѣ же, если англійскій парламентъ и не связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ закономъ, то связанъ обычаемъ,—и очень крѣпко.

свободы въ лежащей предъ нами книгѣ нѣсколько шероховато, а съ другой стороны въ немъ кое-чего недостаетъ.

Н. М. Коркуновъ поступаетъ лучше, излагая это ученіе по болѣе ясной схемѣ. По Коркунову, законенъ только судебный арестъ; полицейскій же, хотя иногда и необходимъ, но при первой возможности долженъ или прекратиться, или превратиться въ судебный. Къ практическому осуществленію этого требованія сводятся всѣ возможныя гарантіи личной свободы, дѣйствительное же проведеніе на практикѣ этого принципа достигнуто только въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Въ другихъ же государствахъ (напр., во Франціи и Германіи) онъ выраженъ только въ законодательствѣ, но на практикѣ не обезпеченъ. Постановленія о личной свободѣ дополняются правилами о домашней неприкосновенности и о тайнѣ частной переписки, но, по справедливому замѣчанію Коркунова, современныя конституціи говорятъ о той и другой лишь вообще, на дѣлѣ же перлюстрація частной переписки практикуется даже въ Англіи. Наконецъ, напрасно въ изданной книгѣ говорится подробно и о свободѣ передвиженія и занятій, такъ какъ все дѣло въ этомъ случаѣ сводится къ отмѣнѣ прежнихъ, устарѣлыхъ ограниченій. Если же и остаются нѣкоторыя изъ нихъ и теперь, то изученіе ихъ составляетъ предметъ не государственнаго, но административнаго права.

Также нельзя удовольствоваться въ нашей книгѣ изложеніемъ ученія о свободѣ общенія, хотя и здѣсь не мало и мѣткаго и оригинальнаго. Именно, по мнѣнію Градовскаго, государственное право имѣетъ дѣло только съ политическими ассоціаціями, но самая организація послѣднихъ уменьшаетъ опасность нарушенія ими общественнаго порядка, опасны же онѣ для государства лишь тогда, когда онѣ тайныя и преслѣдуютъ недозволенныя закономъ цѣли. Что же касается до раздѣленія экономическихъ ассоціацій на свободныя и принудительныя, проводимаго А. Д. Градовскимъ, то, какъ оно ни интересно, но къ области государственнаго права, по нашему мнѣнію, не относится.

Вопреки мнѣнію проф. Коркунова, Градовскій отличаетъ петицію отъ жалобы и поступаетъ вполнѣ справедливо, какъ отчасти сознается и самъ Коркуновъ. Но изложеніе самаго ученія о правѣ петицій у Коркунова гораздо отчетливѣе, полнѣе и систематичнѣе, чѣмъ въ нашей книгѣ.

О свободѣ вѣроисповѣданія и печати Градовскій говоритъ очень кратко, при чемъ у него недостаточно ясно различаются свобода совѣсти и свобода церковная.

Начало раздѣленія властей, въ смыслѣ распредѣленія важнѣй-

шихъ функцій государственной власти между особыми установленіями, проведено во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ Западной Европы и Америки, какъ дѣйствительнѣйшее средство обезпеченія свободы. Если, по мнѣнію Н. М. Коркунова, органы власти находятъ себѣ достаточное ограниченіе при осуществленіи одной и той же функціи совмѣстно нѣсколькими органами или при осуществленіи разныхъ функцій однимъ органомъ, но различнымъ порядкомъ, то первый изъ этихъ способовъ обезсиливаетъ власть, другой же дѣлаетъ ее опасною для свободы отдѣльныхъ лицъ. Поэтому Градовскій правъ, не говоря вовсе объ этихъ двухъ способахъ сдерживанія органовъ власти. Правъ онъ и дѣля власть на законодательную, исполнительную и судебную. Если, напр., въ Россіи можно раздѣлять власть лишь на исполнительную и судебную, то для Западной Европы и Америки это дѣленіе никакъ не подходитъ, какъ бы ни стремились провести его и въ этомъ случаѣ.

Законодательство, по мнѣнію А. Д. Градовскаго, обнимаетъ всю область частнаго и публичнаго права, насколько эти права нуждаются въ юридическихъ опредѣленіяхъ. Но извѣстно, что на дѣлѣ понятіе закона и законодательнаго акта нигдѣ не совпадаетъ. Поэтому едва ли не справедливѣе мнѣніе Н. М. Коркунова, который дѣлитъ законодательные акты и правительственные указы лишь по формѣ. Все, постановленное правительствомъ съ участіемъ народнаго представительства, есть законодательный актъ; все, исходящее отъ односторонней власти правительства, есть указъ. Принявъ такое дѣленіе, Градовскій не имѣлъ бы повода жаловаться на неопредѣленность компетенціи законодательной власти. Неясно также говоритъ наша книга и объ условіяхъ обезпеченія обдуманности и авторитета законодательныхъ актовъ особымъ порядкомъ законодательства и постоянствомъ всякаго рода актовъ власти. Но Градовскій хорошо дѣлаетъ, напоминая, что при отсутствіи въ судѣ гласности и состязательнаго начала несмѣняемость судей, кромѣ вреда, ничего принести не можетъ. Наконецъ, по справедливому его мнѣнію, административная дѣятельность есть дѣятельность свободная въ предѣлахъ, указанныхъ законами, а не простое исполненіе послѣднихъ. Но, что касается надзора за законностью управленія, то наша книга говоритъ объ этомъ предметѣ очень кратко. По мнѣнію же Коркунова, законность дѣйствій органовъ верховнаго правленія обезпечивается правомъ петицій, органовъ же подчиненнаго управленія и самоуправленія институтомъ административной юстиціи; наконецъ личная отвѣтственность должностныхъ лицъ можетъ быть гражданской, уголовной и дисциплинарной.

Вторая часть труда Градовскаго посвящена обзору государствен-

ныхъ учрежденій. Введеніе къ ней[5]) даетъ классификацію *конституціонныхъ* государствъ. Мы думаемъ, что и здѣсь относительно терминологіи и признаковъ отдѣльныхъ видовъ государствъ наука послѣ 1885 г. двинулась значительно впередъ, и это слѣдовало бы отмѣтить редакціи книги. Такъ дѣленіе государствъ на централизованныя и сложныя, принимаемое А. Д. Градовскимъ, несостоятельно. Централизація и децентрализація не составляютъ характернаго признака ни для одного вида государствъ, но встрѣчаются вездѣ. Лучше было бы сказать „простыя государства и соединенія государствъ".

Простыя государства Градовскій дѣлитъ на демократіи (точнѣе республики) и монархіи. Основнымъ принципомъ первыхъ, по его мнѣнію, является начало народнаго верховенства, основнымъ принципомъ вторыхъ—осуществленіе верховной власти однимъ физическимъ лицомъ, пользующимся ею наслѣдственнымъ порядкомъ, но въ зависимости отъ конституціонныхъ законовъ. Но эти признаки для монархій и республикъ не самые характерные. Таковыми здѣсь являются безотвѣтственность носителей верховной власти въ первыхъ и отвѣтственность во вторыхъ. Монархіи же Градовскій дѣлитъ на парламентарныя и дуалистическія, и это дѣленіе вѣрно, но признаки его изложены въ книгѣ неудовлетворительно и не ясно. Сущность дѣленія состоитъ въ томъ, что въ дуалистическихъ монархіяхъ (напр., въ Пруссіи) парламентъ вѣдаетъ законодательство и финансы, монархъ—управленіе; въ парламентарныхъ же (напр., въ Англіи) вся власть всецѣло принадлежитъ парламенту, однимъ изъ составныхъ элементовъ котораго становится и монархъ. Такъ и понимаетъ это г. Коркуновъ.—Сдѣланныя въ этомъ мѣстѣ Градовскимъ замѣтки о правахъ короля, министерствѣ и парламентѣ, съ одной стороны, лишни, такъ какъ подробнѣе обо всемъ этомъ говорится у него ниже, съ другой же—слишкомъ отрывочны. Но на союзахъ государствъ и на союзныхъ государствахъ стоило бы остановиться подольше. Главнымъ признакомъ союза государствъ Градовскій считаетъ полную автономію отдѣльныхъ частей союза, главнымъ же признакомъ союзнаго государства—дѣлимость суверенитета между мѣстными и федеральными властями. Оба признака невѣрны, хотя послѣдній и господствовалъ долго въ политической литературѣ. Если что и характеризуетъ союзное государство, такъ это то, что здѣсь и союзная власть одна суверенна, и вмѣстѣ съ тѣмъ составныя государства сохраняютъ за

---

[5]) Градовскій, op. cit., 93—128.—Какъ мы уже говорили, отдѣлы во второй части расположены не такъ, какъ бы слѣдовало. Такимъ образомъ и введеніе къ ней оканчивается не 107-й страницей, какъ это кажется съ перваго взгляда, а 128-й.

собою самостоятельное по собственному праву властвованіе. Въ союзахъ же государствъ отдѣльныя государства сохраняютъ неприкосновенными свое верховенство и независимость. Можно къ этому вмѣстѣ съ Градовскимъ добавить также, что послѣдніе преслѣдуютъ исключительно цѣли внѣшней защиты. Но нельзя не упрекнуть и здѣсь редакцію книги за нѣкоторое многословіе и расплывчатость изложенія, а также и за то, что она не подчеркнула несоотвѣтствія современнымъ условіямъ государственной жизни уній и даже союзовъ государствъ. Жизненны и имѣютъ будущность лишь союзныя государства, несмотря на всю свою молодость, такъ какъ изъ всѣхъ соединеній государствъ они одни основываются на такомъ прочномъ базисѣ, какъ общность народныхъ интересовъ и стремленій государствъ, входящихъ въ ихъ составъ.

Изложеніе ученія о правахъ королевской власти въ книгѣ тоже страдаетъ многими недостатками. Второстепенное перемѣшано съ главнымъ, и о томъ и о другомъ говорится съ одинаковою подробностью и безъ достаточной систематизаціи и обработки матеріала. Что касается до содержанія, то, когда А. Д. Градовскій говоритъ, что разногласіе между палатами перестало служить мотивомъ для распущенія парламента въ Англіи уже съ XVIII в., то въ этомъ отношеніи съ А. Д. Градовскимъ согласиться нельзя. Если не прямо, то косвенно этотъ мотивъ распущенія палатъ и теперь является иногда на сцену въ Англіи. Но, когда Коркуновъ говоритъ, что право иниціативы законовъ въ Англіи принадлежитъ однѣмъ палатамъ, а Градовскій приписываетъ его и королю, то послѣднее вѣрнѣе. Но король можетъ осуществить это право только черезъ членовъ палатъ. Въ дальнѣйшемъ же изложеніи напрасно наша книга не подчеркнула того, что правосудіе отправляется вездѣ отъ имени монарха и на основаніи утвержденныхъ имъ общихъ законовъ.

Также ученіе объ указахъ изложенное въ книгѣ, по Штейну, нѣсколько устарѣло, что и слѣдовало отмѣтить ея редактору. Указы дѣлятся прежде всего на техническіе и юридическіе. Изъ нихъ техническіе издаются исключительно въ интересѣ цѣлесообразнаго осуществленія подчиненными органами задачъ управленія, а потому примѣненіе и толкованіе ихъ есть собственное дѣло администраціи, не подлежащее контролю суда. Другое дѣло — юридическіе указы, т.-е. указы, устанавливающіе нормы разграниченія интересовъ частныхъ лицъ и администраціи. Обязательное толкованіе ихъ содержанія составляетъ дѣло судебной власти. Другое дѣленіе указовъ, не совпадающее съ первымъ, есть дѣленіе указовъ на опредѣлительные и исполнительные. Первые не обусловлены въ своемъ дѣйствіи существованіемъ какого-либо опредѣленнаго закона, вторые обусловлены

имъ. Особый видъ исполнительныхъ указовъ — исключительные, т. е. предоставляющіе административной власти въ извѣстныхъ случаяхъ установлять изъятія изъ законовъ. Не касается Градовскій и вопроса о карательной санкціи юридическихъ указовъ. Здѣсь возможны три системы: 1) система наказуемости неисполненія всякихъ законныхъ требованій административной власти (наша до-реформенная), 2) система бланкетной санкціи указовъ (французская), 3) установленіе карательной санкціи указовъ можетъ быть предоставлено самой власти, издающей указы, съ ограниченіемъ ея извѣстнымъ maximum'омъ наказанія (прусская). Каждая изъ этихъ трехъ системъ имѣетъ свои достоинства и недостатки. Поэтому большинство законодательствъ комбинируетъ ихъ вмѣстѣ. Не приводитъ наша книга и различія самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ указовъ. Первые могутъ издавать только органы верховнаго управленія. Затѣмъ Градовскій правъ, говоря, что указы должны быть законны и конституціонны; но способы обезпеченія законности и конституціонности указовъ опять-таки недостаточно выяснены въ книгѣ. Именно, послѣдняя обезпечивается только судебнымъ контролемъ. Парламентскій же и административный контроль пригодны лишь для установленія соотвѣтствія содержанія указовъ общимъ видамъ правительства. Недостаточно ясно изложено въ книгѣ ученіе о чрезвычайныхъ указахъ. Издавать ихъ можетъ лишь глава государства. Если не de jure, то de facto онъ имѣетъ это право вездѣ. Ad impossibillia nulla datur obligatio. Если невозможно соблюсти законъ, то онъ и не соблюдается. Но все же и право чрезвычайныхъ указовъ въ Англіи очень сокращено, благодаря независимости и широтѣ судебнаго контроля; во Франціи же единственной гарантіей противъ злоупотребленій этимъ правомъ является отвѣтственность министровъ предъ національнымъ собраніемъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ это право регулировано особо въ конституціяхъ, то этимъ усиливается сила и значеніе чрезвычайныхъ указовъ, но не создается больше гарантій противъ злоупотребленій ими, примѣромъ чему можетъ служить Пруссія.

Такимъ образомъ ученіе объ указахъ является одною изъ самыхъ слабыхъ сторонъ книги. Точно также и ученіе о личныхъ прерогативахъ монарха изложено довольно сбивчиво. Право на содержаніе по liste civile и на дворъ относятся скорѣе къ реальнымъ преимуществамъ монарха, чѣмъ ко внѣшнимъ. Относятся къ нимъ и права безотвѣтственности и неприкосновенности его. Ко внѣшнимъ же преимуществамъ монарха, кромѣ титула, относятся еще гербъ и печать, но о нихъ книга не говоритъ вовсе.

Затѣмъ она опредѣляетъ народное представительство, какъ совокупность народныхъ учрежденій, согласіе которыхъ въ государствахъ,

построенныхъ по типу ограниченной монархіи, требуется для изданія законовъ и для совершенія актовъ, по своей важности требующихъ законодательнаго разсмотрѣнія. Но если это опредѣленіе тѣмъ хорошо, что подъ него подходятъ и выборныя и невыборныя учрежденія, то въ другихъ своихъ частяхъ оно довольно неточно съ одной стороны, съ другой же многословно. Поэтому, мы опредѣлили бы народное представительство, какъ совокупность народныхъ учрежденій, согласіе которыхъ въ конституціонныхъ государствахъ требуется для изданія всякаго рода законодательныхъ актовъ. О значеніи представительства и только выборнаго, говорится нѣсколько ниже, на стр. же 188 только коротко указывается на то, что представительство можетъ быть наслѣдственнымъ (вѣрнѣе личнымъ), выборнымъ и по назначенію. На всѣхъ этихъ вопросахъ стоило бы остановиться подробнѣе. Значеніе представительства состоитъ въ томъ, что имъ обезпечивается живая непосредственная связь между дѣятельностью учрежденій и текущими запросами общественной жизни. Такимъ образомъ отъ представителя прежде всего требуется непосредственная связь съ теченіями послѣдней. Но современная общественная жизнь подвижна и измѣнчива. Поэтому представительство по личному праву, господствовавшее въ средніе вѣка, теперь вездѣ почти должно было уступить мѣсто выборному представительству, какъ болѣе подвижному, и сохранилось только въ лицѣ наслѣдственныхъ членовъ верхнихъ палатъ.

И объ ученіи о верхнихъ палатахъ приходится замѣтить, что оно въ изданной книгѣ изложено недостаточно связно и систематично, хотя и очень подробно. Блестящему же историческому очерку французскихъ верхнихъ палатъ болѣе подходящее мѣсто было бы въ исторической части курса.

Вопреки теоріи Монтескье англійскія коституціонныя учрежденія создались усиліями англійской аристократіи. Но съ теченіемъ времени измѣнилось значеніе и характеръ и аристократіи и высшаго духовенства. Такимъ образомъ, прогрессивнымъ элементомъ стала нижняя палата. Несмотря на то, что двѣ трети англійскихъ пэровъ—новѣйшаго происхожденія, палата пэровъ является въ настоящее время тормазомъ прогрессивнаго движенія Англіи. Поэтому въ теперешнемъ своемъ составѣ она давно уже представляется неудовлетворительной и писателямъ-демократамъ (Фриманъ), и писателямъ аристократамъ (Бэджеготъ, Данревенъ). Еще болѣе феодальна, по своему составу, палата магнатовъ въ Венгріи. И въ составѣ, и въ дѣятельности ея мы встрѣчаемъ тѣ же недостатки, ту же неспособность къ веденію государственныхъ дѣлъ и къ управленію и ту же наклонность ея членовъ уклоняться отъ занятія дѣлами, какъ и въ Англіи. Въ послѣднее время въ Венгріи антагонизмъ нижней и верхней палатъ, несмотря

на реформированіе послѣдней въ 1885 г., особенно обострился благодаря либеральнымъ реформамъ Векерле. Но особенно негодны и политически безсильны нѣмецкія верхнія палаты. Съ одной стороны онѣ построены на отжившемъ сословномъ началѣ, но безъ собственной сословной силы, съ другой же—онѣ не имѣютъ и національной почвы.

Такимъ образомъ, ни наслѣдственный элементъ, ни элементъ по назначенію не оказываются пригодными для верхнихъ палатъ. Непригоденъ для нихъ и выборный элементъ (по крайней мѣрѣ въ своемъ теперешнемъ видѣ), такъ какъ онѣ должны состоять, въ противоположность нижнимъ палатамъ, изъ лицъ, обладающихъ спеціальнымъ образованіемъ и опытностью и широтою государственнаго взгляда, пріобрѣтаемаго долголѣтнею дѣятельностью на государственномъ поприщѣ. Необходимость же верхнихъ палатъ вытекаетъ изъ того, что онѣ должны обсуждать законопроекты съ иной точки зрѣнія и въ иномъ духѣ, чѣмъ это дѣлаетъ нижняя палата, а также служить извѣстной сдержкой противъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ рѣшеній послѣдней (и притомъ не только либеральныхъ, но и консервативныхъ). Поэтому верхнюю палату должно сохранить, но надо сдѣлать ее „государственною", какъ этого желаетъ Винтеръ. Къ сожалѣнію, такая государственная палата не можетъ образоваться на условіяхъ нынѣшняго военно-бюрократическаго государства, а только—при проведеніи въ область государственнаго управленія началъ самоуправленія. Это, по мнѣнію А. Д. Градовскаго, и должно служить цѣлью всѣхъ будущихъ реформъ народнаго представительства.

Ученіе Градовскаго о выборномъ правѣ разработано имъ почти съ монографическою полнотою, хотя и тутъ остаются въ силѣ наши прежнія замѣчанія относительно редакціи книги.

Въ примѣненіи къ нижнимъ палатамъ выборное представительство является наилучшимъ. Оно обезпечиваетъ самостоятельность представителей и соотвѣтствіе ихъ жизненнымъ интересамъ общества. Поэтому нижнія палаты теперь вездѣ выборныя. Но этого еще мало. Надо еще и самые выборы организовать такъ, чтобъ не создавались искусственныя препятствія возможности дѣйствительнымъ интересамъ общества найти себѣ соотвѣтственное представительство. Возможны двѣ системы выборовъ: органическая и механическая (по терминологіи Коркунова). Относительно первой, Градовскій даетъ лишь отрывочныя замѣчанія въ разныхъ мѣстахъ курса. На дѣлѣ сословная группировка избирателей не соотвѣтствуетъ господствующему теперь въ обществѣ различію интересовъ и стремленій, а экономическая группировка ихъ пригодна лишь для мѣстныхъ выборовъ, такъ какъ здѣсь преобладаютъ хозяйственные интересы. Поэтому, хотя за послѣднюю и стоитъ Р. Моль и она принята, напр., въ Австріи и Румыніи, но въ Австріи уже ска-

залась негодность ея для парламентскихъ выборовъ, и въ послѣднее время выборная реформа стала здѣсь на первомъ планѣ. Еще нелѣпѣе прусская трехклассная система, прямо водворяющая какъ бы олигархическое начало. Поэтому почти вездѣ теперь преобладаетъ не органическая, а механическая система выборовъ, сложившаяся подъ вліяніемъ механическаго воззрѣнія на общество, видѣвшаго въ послѣднемъ лишь внѣшнее сочетаніе совершенно однородныхъ индивидовъ. Этой теоретической подкладки механической системы въ книгѣ не указывается. Что же касается до причины повсемѣстнаго преобладанія теперь послѣдней, то, по мнѣнію Градовскаго, прежде всего важнѣе то, что въ депутатскомъ полномочіи главный элементъ не личный и даже не общественный, а общенаціональный. Надо обратить вниманіе и на то, что общество повсюду все болѣе и болѣе демократизируется. Наконецъ и начала государственной пользы и цѣлесообразности говорятъ за принципъ всеобщей подачи голосовъ. Поэтому-то вездѣ постепенно избирательный цензъ понижается, а то и совсѣмъ отмѣняется.

Переходя къ развитію [7]) выборнаго права въ отдѣльныхъ государствахъ, замѣтимъ, что въ Англіи оно развивалось постепенно и исторически распространялось по мѣрѣ выступленія новыхъ общественныхъ элементовъ на новые общественные классы, стремившіеся имѣть свою долю политическаго вліянія, именно сначала на аристократію, затѣмъ на буржуазію и наконецъ на рабочихъ. Но здѣсь и до сихъ поръ сохраняется извѣстный избирательный цензъ. Во Франціи же souverainité du peuple было провозглашено уже въ 1789 г. учредительнымъ собраніемъ, а съ 1848 года прочно и окончательно утвердилась прямая и всеобщая подача голосовъ, перешедшая отсюда и въ другія европейскія государства, хотя въ нихъ она дѣйствуетъ и въ далеко неодинаковыхъ условіяхъ. Вообще же, хотя при всеобщей подачѣ голосовъ понижается средній умственный уровень депутатовъ и усиливаются мѣстныя вліянія на выборы, но этому можно хотя отчасти противодѣйствовать развитіемъ мѣстнаго самоуправленія, на что на континентѣ Европы обращаютъ мало вниманія, возвышеніемъ средняго уровня образованія массъ и распространеніемъ дѣятельности государства и на близкіе народу экономическіе вопросы.

Надо остановиться и на системахъ выборовъ индивидуальныхъ (scrutin individuel) и коллективныхъ (scrutin de liste, выборы по спискамъ, по выраженію А. Д. Градовскаго). Индивидуальные выборы ведутъ къ усиленію на выборахъ мѣстныхъ вліяній и кромѣ того при нихъ

[7]) См. превосходные очерки этого развитія у А. Д. Градовскаго, op. cit., стр. 250—275, хотя и тутъ не можемъ не указать на нѣкоторые промахи редакціи (см., напр., стр. 262).

получается слишкомъ пестрый составъ представительства; коллективные же выборы ведутъ къ усиленію вліянія вожаковъ политическихъ партій. Поэтому во Франціи и Италіи мы замѣчаемъ постоянные переходы отъ одной системы къ другой, и самъ Градовскій отказывается дать рѣшительное заключеніе въ пользу той или другой системы. Но и помимо того, при механической системѣ выборовъ отсутствуетъ представительство меньшинства, да и большинство является часто мнимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта система, въ сущности, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе самой идеѣ представительства. Представлять можно только опредѣленную волю или опредѣленный интересъ. Но невозможно представлять одному лицу пеструю смѣсь разнообразныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ и стремленій, какъ это справедливо замѣчаетъ Коркуновъ. Такимъ образомъ, представительство механическое должно въ будущемъ замѣниться представительствомъ пропорціональнымъ, такъ какъ послѣднее отражаетъ въ себѣ всѣ теченія, составляющія содержаніе народной жизни, и возвышаетъ общій уровень народнаго представительства. Къ тому же при немъ бываетъ представленнымъ и меньшинство. Устраняетъ оно и возможность случайнаго извращенія исхода выборовъ. Но пока дѣло это еще не вышло изъ предѣловъ первоначальнаго опыта и робкихъ шаговъ, а потому и интересъ его теперь больше теоретическій. Отцомъ этой системы является Сенъ-Жюстъ, а въ 1857 г. ее развилъ Геръ, система котораго отличается отъ системы Сенъ-Жюста лишь тѣмъ, что при первой изъ этихъ системъ національное значеніе выборовъ начинается только при счетѣ голосовъ. Затѣмъ, идеи Гера были популяризированы Д. С. Миллемъ и въ настоящее время нашли уже себѣ широкое распространеніе и обширную литературную разработку. Но еще раньше, по вѣрному замѣчанію Коркунова (въ 1850 или въ 1855 г.), пропорціональное представительство было введено въ Даніи для выбора членовъ верхней палаты, но такъ, что еще оставалась возможность вліянія случая на исходъ выборовъ. О Сербіи Градовскій не говоритъ; здѣсь было введено въ 1888 г. пропорціональное представительство и притомъ съ совершеннымъ устраненіемъ вліянія случайностей. Впрочемъ конституція 1888 г. теперь въ Сербіи отмѣнена. Въ другихъ же странахъ пропорціональное представительство вовсе не нашло себѣ примѣненія, главнымъ образомъ благодаря трудности техники выборовъ при этой системѣ. Что же касается другихъ фактическихъ затрудненій, причиняемыхъ этой системой, то общественные предразсудки играютъ тутъ свою роль. Поэтому важны и переходныя системы, имѣющія цѣлью пріучить общество къ пропорціональному представительству, каковыми являются системы голосованія полураздѣльнаго (Кернса) и комулятивнаго (Ло), по терминологіи Коркунова.

Что касается условій выборнаго права [8]), то требованіе грамотности, по справедливому замѣчанію Градовскаго, исключаетъ отъ выборовъ такой благонадежный элементъ, какова масса крестьянъ. Поэтому надо не требовать отъ избирателей грамотности, но вводить въ страну обязательное и даровое обученіе. Въ нѣкоторыхъ странахъ еще требуется отъ выборщиковъ и имущественный цензъ. Но формы его недостаточно выяснены въ книгѣ. Въ общемъ онѣ таковы: 1) податный цензъ, 2) по размѣру имущества, 3) по доходу. Что богатство не всегда служитъ признакомъ нравственнаго достоинства,—этого книга не подчеркиваетъ. Кромѣ того и при suffrage universel едва $^1/_4$ населенія пользуется избирательнымъ правомъ и едва $^1/_6$ часть его участвуетъ въ выборахъ; большинство же, дающее на выборахъ побѣду, немногимъ превышаетъ $^1/_{12}$ часть населенія. Такимъ образомъ suffrage universel, будучи справедливѣе всего теоретически, на практикѣ не представляетъ ничего опаснаго. Какъ мы уже говорили, всеобщая подача голосовъ постепенно водворяется во всѣхъ странахъ съ неудержимою силой. Послѣднія же побѣды она одержала въ Испаніи въ 1890 г. и въ Бельгіи въ 1893 г.

Выборы могутъ быть или прямыми, или двухстепенными. Послѣдніе Градовскій считаетъ французскимъ изобрѣтеніемъ, хотя родиной ихъ является Сѣверная Америка съ ея федеративнымъ строемъ. Говорятъ, что они обезпечиваютъ бо̀льшую обдуманность выборовъ и предохраняютъ страну отъ радикализма; но послѣднему противорѣчитъ исторія образованія французскаго конвента 1792 г. Что же касается перваго, то двухстепенные выборы ослабляютъ интересъ къ нимъ со стороны избирателей и такимъ образомъ ведутъ къ небрежности и случайности ихъ. Главное же здѣсь то, что эта система порываетъ непосредственную связь депутата съ избирателями и лишаетъ важнѣйшіе интересы страны защиты и выраженія въ палатѣ. Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ двухстепенная система выборовъ существуетъ, какъ извѣстный коррективъ противъ всеобщей подачи голосовъ. Существуетъ она и въ Баваріи, хотя тамъ имѣется цензъ.

Важно и то, чтобъ избирательные округа опредѣлялись законодательнымъ порядкомъ и были постоянными, хотя книга и не обращаетъ достаточнаго вниманія на все зло, которое можетъ принести неудачная или злоумышленная форма очертанія округовъ.

Что же касается системы голосованія, то Градовскій стоитъ не за

---

[8]) Тамъ же, 315—341.—Кстати, въ дополненіе къ тому, что̀ мы уже говорили о несовершенствѣ редакціи книги, здѣсь можемъ добавить, что третьихъ отдѣловъ второй книги второй части цѣлыхъ два (sic!).

свободное голосованіе и не за оффиціальныя кандидатуры, а за легальныя (только не въ бельгійской и греческой ихъ формѣ), хотя прямо этого онъ и не говоритъ. Только при легальныхъ кандидатурахъ возможны вѣрное образованіе большинства и сознательность выборовъ, при чемъ и самая процедура ихъ упрощается. Но книга не подчеркиваетъ и этихъ достоинствъ легальныхъ кандидатуръ, равно какъ и необходимости при нихъ права митинговъ. Что же касается того, что, будто, для депутатовъ безразлично, получаютъ ли они вознагражденіе за отправленіе своихъ обязанностей или нѣтъ, то въ этомъ отношеніи съ Градовскимъ согласиться трудно. Во Франціи, гдѣ поголовная подача голосовъ нашла наибольшее себѣ выраженіе и выполненіе, депутаты получаютъ опредѣленное и обязательное для нихъ вознагражденіе изъ государственнаго казначейства.

Право иниціативы въ конституціонныхъ монархіяхъ палаты раздѣляютъ съ правительствомъ, а въ Швейцаріи съ самимъ народомъ. Напрасно только книга не подчеркиваетъ того, что чѣмъ шире кругъ лицъ, пользующихся правомъ иниціативы, тѣмъ ближе слѣдуетъ законодательство за постепеннымъ развитіемъ общественной жизни. Но надо оградить и законодательныя учрежденія отъ внесенія въ нихъ несообразныхъ законопроектовъ. Поэтому въ Швейцаріи право иниціативы осуществляется совмѣстно довольно значительнымъ числомъ гражданъ, а въ представительныхъ собраніяхъ—нѣсколькими членами палаты вмѣстѣ. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы право санкціи и veto только одно обезпечивало свободу дѣятельности короны въ области законодательства. Самъ Градовскій, въ другихъ мѣстахъ своего курса, указываетъ, что монархъ можетъ вліять и на самую процедуру парламентскаго обсужденія законопроектовъ, насколько ему принадлежитъ право созыва и закрытія сессій парламента, отсрочки засѣданій и распущенія парламента.

Что же касается финансовыхъ правъ палатъ, то здѣсь прежде всего важно различіе, проводимое Градовскимъ между правомъ налоговъ и бюджетнымъ правомъ. И въ существѣ своемъ они различны и исторически не связаны между собою. Но почему прежде наибольшее значеніе принадлежало праву налоговъ и почему оно постепенно смѣнилось бюджетнымъ правомъ—въ книгѣ не вполнѣ выяснено. Дѣло въ томъ, что право налоговъ могло принадлежать парламенту лишь тогда, когда на вотируемые парламентомъ расходы смотрѣли, какъ на расходы короля, а не какъ на расходы государства. Разъ же на нихъ стали смотрѣть какъ на расходы государства, то право налоговъ смѣнило бюджетное право, которое должно было уже стать внѣ зависимости отъ партійной борьбы. И дѣйствительно, въ Англіи, напр., послѣ неудачной попытки палатъ не утвердить бюд-

жетъ въ 1784 г., это право вышло изъ употребленія. Если же на континентѣ Европы (но и тутъ, кажется, въ одной только Пруссіи) еще и возможны случаи неутвержденія бюджета палатами, то, по мнѣнію Лабанда, правительство ставится въ этомъ случаѣ относительно всего бюджета въ такое же положеніе, въ какомъ оно находится при утвержденномъ бюджетѣ относительно произведенныхъ имъ сверхсмѣтныхъ расходовъ. Съ этой точки зрѣнія и учрежденіе консолидированнаго фонда не есть центръ бюджетнаго права, какъ это думаетъ А. Д. Градовскій, а только слѣдствіе его.

Нельзя не упрекнуть изданной книги и за то, что относительно дѣлопроизводства палатъ она ограничивается почти исключительно одною англійскою практикою. Также мы не можемъ согласиться и съ тѣмъ, что перебранка между депутатами можетъ быть устранена извѣстной формою рѣчей. Безъ политическаго воспитанія массъ въ теченіе вѣковъ въ этомъ случаѣ трудно что-либо сдѣлать.

Наконецъ, что касается министерской отвѣтственности, то bill of attainder окончательно сданъ въ архивъ теперь уже и въ Англіи, такъ какъ достаточной охраной для народныхъ вольностей является такое нормальное средство, какъ impeachment, т.-е. обвиненіе въ собственномъ смыслѣ слова. На стр. 475 впрочемъ Градовскій говоритъ, что это средство рѣдко достигаетъ цѣли въ Англіи, и объясняетъ это свое положеніе на страницахъ 472 и 478—483. Именно, въ Англіи, Америкѣ и Франціи impeachment'ы, исходя отъ нижней палаты, разсматриваются въ верхней, въ Бельгіи же и Румыніи министры предаются суду верховнаго кассаціоннаго суда. Но на дѣлѣ отвѣтственность министровъ носитъ на себѣ одновременно и политическій и юридическій характеръ. Поэтому въ суды для министровъ должны входить какъ представители судебнаго вѣдомства, такъ и политическіе элементы, назначаемые или выбираемые палатою ad hoc. Эта система и общепринята на континентѣ Европы; только при этомъ въ судѣ политическіе и судебные элементы должны быть уравновѣшены, иначе получится такое поруганіе правосудія, какъ это имѣлось въ Норвегіи въ 1884 г. *С. А. Ш.*

А. Пиленко. „Международныя литературныя конвенціи." Спб. 1894 г.

Вопросъ о литературныхъ конвенціяхъ — вопросъ для Россіи очень жгучій и животрепещущій, такъ какъ, съ одной стороны, иностранная литература имѣетъ для нея исключительное и своеобразное значеніе, съ другой же и отношеніе нашего правительства и правительства Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ къ этимъ конвенціямъ тоже исключительное и своеобразное. Но, несмотря на то, русская литература до сихъ поръ не имѣла ни одного спеціаль-

наго изслѣдованія по вопросу о международной защитѣ литературной собственности [1]). Книга А. Пиленко и имѣетъ своею цѣлью заполнить этотъ пробѣлъ и научно разсмотрѣть и обосновать интересующій насъ вопросъ.

Правда, она не безъ недостатковъ. Во-первыхъ, въ большей своей части она носитъ характеръ компиляціи. Такъ въ главѣ о международной контрафакціи авторъ въ значительной степени зависитъ отъ книги Darass'a „Du droit des auteurs et des artistes dans les rapports internationaux", а въ анализѣ авторскаго права—отъ книги проф. Шершеневича „Авторское право". Но, принимая во вниманіе богатство замѣчательныхъ спеціальныхъ изслѣдованій въ Западной Европѣ и скудность нашей литературы по интересующему насъ вопросу, надо быть благодарнымъ автору и за дѣльную и толковую компиляцію, а таковою и является его книга. Къ тому же авторъ почти всегда относится къ мнѣніямъ своихъ руководителей сознательно и самостоятельно.

Другой и болѣе важный грѣхъ разсматриваемой нами книги тотъ, что авторъ ея часто ограничивается трудами ученыхъ, не обращаясь къ первоисточникамъ. Таково, напр., его отношеніе ко второй статьѣ бернской конвенціи. Но и это отчасти можно извинить спѣшностью работы [2]); послѣдняя объясняетъ и еще нѣкоторые другіе промахи и обмолвки автора, на которыхъ мы остановимся ниже.

Система автора тоже очень сбивчива. Такъ анализу авторскаго права онъ посвящаетъ цѣлыхъ 175 страницъ (309—483), образующихъ собою особую вторую часть его труда. Но этотъ анализъ и не относится прямо къ нашему вопросу, и къ тому же авторское право уже достаточно разработано въ нашей литературѣ. И дѣйствительно г. Пиленко, какъ мы уже говорили, тутъ рабски слѣдуетъ за проф. Шершеневичемъ. Если же г. Пиленко тутъ и даетъ кое-что свое, то, за немногими исключеніями, очень неудачно. Такъ онъ опредѣляетъ авторское право, какъ совокупность нормъ, регулирующихъ право исключительнаго распространенія какимъ бы то ни было пу-

---

[1]) Объ авторскомъ правѣ есть у насъ, правда, изслѣдованія Шершеневича, Табашникова, Муромцева и другихъ лицъ, но по вопросу о литературныхъ конвенціяхъ до книги А. Пиленко мы имѣли лишь 23 странички изъ курса проф. Мартенса (II, 138—161).

[2]) Тема была дана юридическимъ факультетомъ С.-Петербургскаго университета для конкурса на медаль 8 февраля 1892 г., и работа должна была быть подана не позже декабря того же года—срокъ очень малый при богатствѣ, если не нашей, то иностранной литературы по этому вопросу. Замѣтимъ кстати, что г. Пиленко писалъ свою работу, числясь студентомъ второго курса восточнаго (sic!) факультета.

темъ или способомъ созданнаго авторомъ произведенія литературы или искусствъ (стр. 10). Но такое опредѣленіе и узко, и одностороние, и не исчерпываетъ собою всего понятія авторскаго права. Поэтому не лучше ли будетъ опредѣлить это право, какъ совокупность нормъ, регулирующихъ право всякаго лица и его наслѣдниковъ на распоряженіе продуктами своей умственной дѣятельности въ области науки или искусствъ по собственному усмотрѣнію въ видахъ извлеченія изъ этой дѣятельности какого-либо интереса [3].

Не даетъ г. Пиленко и общаго понятія объекта авторскаго права, каковымъ, по нашему мнѣнію, является всякій продуктъ умственной дѣятельности, имѣющій какой-либо интересъ. Вмѣсто же этого г. Пиленко даетъ опредѣленіе отдѣльныхъ объектовъ авторскаго права и большею частью неудачно. Такъ въ области литературы объектомъ авторскаго права онъ считаетъ всякое произведеніе литературы, какъ выраженіе извѣстной идеи, облеченной въ опредѣленную форму, могущее принести автору имущественную выгоду при продажѣ механически повторенныхъ копій (стр. 351—413). Но выраженіе „литературное произведеніе" имѣетъ спеціальный смыслъ и тутъ не вполнѣ умѣстно. Точно также и терминъ „имущественная выгода" мы бы замѣнили болѣе общимъ—„интересъ". Слишкомъ узко и выраженіе „при продажѣ механически повторенныхъ копій", такъ какъ оно не обнимаетъ собою понятіе публичнаго исполненія. Послѣднее, правда, г. Пиленко выдѣляетъ въ особую главу (стр. 414—429), но на какомъ основаніи, неизвѣстно. Ничѣмъ не отличается отъ публичнаго исполненія вообще и исполненіе музыкальныхъ произведеній, а между тѣмъ и его г. Пиленко выдѣляетъ въ особую главу (стр. 456—466). Такимъ образомъ можетъ быть рѣчь лишь объ общемъ объектѣ авторскаго права въ области литературы и музыки, и мы бы его опредѣлили, какъ всякое произведеніе, распространяемое въ публикѣ путемъ механическихъ копій или публичнаго исполненія, обязанное своимъ происхожденіемъ интеллектуальному труду автора и имѣющее для него извѣстный интересъ. Нельзя согласиться съ г. Пиленко и въ его вылазкахъ противъ свободы компиляцій и переводовъ (стр. 361—392), хотя, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста и не позволяетъ намъ поговорить объ этомъ поподробнѣе. Но когда г. Пиленко, на стр. 397, доказываетъ, что и профессоръ на свои лекціи имѣетъ авторское право, то на это мы возразить ничего не можемъ.

Вторую группу объектовъ авторскаго права составляютъ произведенія искусствъ изобразительныхъ (стр. 430—455), при чемъ мы къ нимъ относимъ и фотографическіе снимки, которые почему-то г. Пи-

---

[3]) Мартенсъ, II, 146; Фойницкій. Особая часть угол. пр., 1-е изд., 292.

денко опять помѣщаетъ въ особую главу (стр. 467—483). Здѣсь опредѣленія г. Пиленко болѣе удачны. Нельзя не сочувствовать и мысли его, что должны быть защищаемы и произведенія архитектуры, и произведенія фотографовъ. Но когда, на стр. 446, г. Пиленко начинаетъ утверждать, что произведенія искусствъ изобразительныхъ не могутъ быть повторены въ своемъ первоначальномъ видѣ, то это, при современномъ состояніи техники, является уже абсурдомъ.

Что же касается продолжительности защиты авторскаго права, то г. Пиленко стоитъ за охрану его въ теченіе 25 лѣтъ послѣ смерти автора (стр. 309—350); но намъ кажется достаточной и пожизненная защита этого права съ тѣмъ, чтобы оно сохранялось послѣ смерти автора вдовѣ его пожизненно или до выхода замужъ, а дѣтямъ его до ихъ совершеннолѣтія.

Но вообще на мѣстѣ г. Пиленко мы не увеличивали бы такъ размѣра книги предметами, лишь косвенно касающимися ея, а дали бы во введеніи лишь коротенькій анализъ авторскаго права, и не въ порядкѣ, принятомъ г. Пиленко въ его книгѣ, а въ порядкѣ, принятомъ нами въ этой рецензіи. Самую же книгу у насъ составила бы лишь первая часть ея, при чемъ въ ней вездѣ, гдѣ нужно, мы бы говорили и о Россіи. Теперь же страницы, посвященныя послѣдней (485—544), являются въ книгѣ г. Пиленко какъ бы постороннимъ и ненужнымъ придаткомъ къ ней, а между тѣмъ въ нихъ-то и вся суть ея.

Переходимъ къ частностямъ. Особенно подробенъ, оригиналенъ и силенъ у г. Пиленко анализъ французскаго декрета 1852 г. (стр. 88—116), германскаго закона 1870 г. (стр. 117—167) и бернской конвенціи 1886 г. (стр. 243—308), занимающій собою ровно половину первой части книги. Особенное же вниманіе обращаетъ на себя мнѣніе г. Пиленко, что во Франціи не защищены ни фабричные рисунки, ни произведенія иностранныхъ авторовъ отъ публичнаго исполненія. Но право иностранныхъ авторовъ на исключительный переводъ во Франціи безусловно защищено, хотя г. Пиленко съ этимъ и не согласенъ. Много тутъ и еще у него интереснаго, но, къ сожалѣнію, размѣръ нашей замѣтки не позволяетъ намъ останавливаться на всемъ этомъ подробно, равно какъ и на интересной главѣ о контрафакціи (стр. 33—87).

Что же касается главы о литературныхъ конвенціяхъ (стр. 188—292), то ее много портитъ то, что авторъ разсматриваетъ всѣ литературныя конвенціи въ хронологическомъ порядкѣ. Не лучше ли было бы дать сначала сводный текстъ ихъ и затѣмъ уже анализировать его въ совокупности? И повтореній было бы меньше, и выводы были бы важнѣе и оригинальнѣе.

Исторіи авторскаго права въ Россіи г. Пиленко посвящаетъ

ровно 11 страничекъ (485 — 496). Въ общемъ ходъ мыслей его и здѣсь вѣренъ, зато въ частностяхъ у него тутъ масса промаховъ, такъ какъ въ этой области онъ избралъ своимъ руководителемъ такую устарѣлую книгу, какъ „Литературная собственность въ Россіи" Калмыкова. Такъ на стр. 487 онъ считаетъ переписчика книги и то лицо, которое платило писцу за переписку, „создателями" книги, авторами ея, тогда какъ выраженіе „создана замышленіемъ того-то" означаетъ лишь: „переписана иждивеніемъ того-то", не больше. Науки въ древней Россіи, конечно, не существовало, но чтобы въ ней не существовало и искусства, какъ это утверждаетъ г. Пиленко на стр. 485, съ этимъ уже согласиться нельзя. Нельзя согласиться и съ тѣмъ, что наша старая литература была исключительно богословская, переводная и неинтересная для читателей. Затѣмъ частныя типографіи до половины XVIII в., дѣйствительно, у насъ отсутствуютъ, какъ это и утверждаетъ г. Пиленко на стр. 489, но не благодаря инертному и даже враждебному отношенію къ нимъ общества, а потому, что это общество относилась враждебно къ дѣятельности правительства, и правительство это чувствовало и боялось дать обществу въ руки печатный станокъ. Мало того: Петръ Великій хотѣлъ лишить монаховъ даже бумаги, чернилъ и пера. Такъ гдѣ уже тутъ было думать о частныхъ типографіяхъ! Не надо забывать и того, что послѣднія могли повредить привилегіямъ типографіи Академіи Наукъ, ревниво охраняемымъ ею.

Переходя теперь къ анализу нашего положенія 1830 г. (496—510 стр.), мы уже изъ того, что его составители сдѣлали его неразрывною частью цензурнаго устава, можемъ видѣть, какъ смутно они понимали самую сущность авторскаго права и какъ смѣшивали самыя элементарныя понятія о немъ. Да и помимо того, все положеніе носитъ какой-то странный, отрывочный характеръ, совершенно устарѣло и крайне недостаточно. Но положеніе 1882 г. о вознагражденіи авторовъ драматическихъ произведеній и оперъ со стороны дирекціи императорскихъ театровъ уже проникнуто необычайнымъ въ Россіи уваженіемъ со стороны правительства къ представителямъ таланта и ума, и это уже можетъ служить порукою, что авторскому праву предстоятъ въ Россіи и лучшіе дни. Поэтому напрасно г. Пиленко не занялся подробнѣе этимъ положеніемъ въ своей книгѣ.

Далѣе, конвенцій литературныхъ съ другими державами Россія заключила двѣ (стр. 195—198): одну съ Франціею въ 1861 г., другую съ Бельгіею въ 1862 г. Но обѣ онѣ были „навязаны" Россіи, сражались съ фантастическими мельницами и старательно обходили всѣ наболѣвшіе вопросы. Главное же здѣсь то, что и въ 60-хъ гг. не было и теперь еще нѣтъ между нами и Европою общей умственной

солидарности и равноправности, а также и обоюдности интересовъ, особенно въ области науки, а потому и неудивительно, что обѣ эти конвенціи перестали у насъ дѣйствовать съ 1887 г. Пока не установится эта солидарность, равноправность и обоюдность интересовъ, нечего думать и о нашемъ присоединеніи къ бернской конвенціи.

Доводы же г. Пиленко (стр. 511—554) въ пользу послѣдняго несостоятельны, часто противорѣчатъ сами себѣ и дѣйствительности и плохо обоснованы, какъ это замѣтили проф. Янжулъ (Рус. Вѣд. 1893, № 357) и Н. П. С. (Ж. М. Н. П. 1894, іюль). Мы же, къ сожалѣнію, по недостатку мѣста не можемъ остановиться на этихъ доводахъ такъ подробно, какъ этого они заслуживали бы. Замѣтимъ лишь, что наша публика не школьникъ, чтобы опекать ее съ педагогическими цѣлями, да и не достигнетъ эта опека своей цѣли ни въ какомъ случаѣ. Ариеметическій подсчетъ оригинальнаго и переводнаго матеріала въ 14 журналахъ за 2 года самъ по себѣ тоже еще ничего не доказываетъ. Важно тутъ и качество переводнаго, и спросъ на него со стороны публики, и зависимость „оригинальнаго“ отъ иностраннаго матеріала; но изъ всего этого г. Пиленко касается лишь спроса, да и то больше для очистки совѣсти. Надо здѣсь принимать во вниманіе и стремленіе нашихъ писателей къ европейской извѣстности, и малое значеніе ихъ произведеній для Европы, и главное—интересы нашего народнаго просвѣщенія, которые г. Пиленко совсѣмъ напрасно приводитъ на стр. 544, какъ доводъ въ пользу присоединенія Россіи къ бернской конвенціи. Протекціонизмъ слишкомъ намъ набилъ оскомину и въ области промышленности и торговли, чтобы желать еще его водворенія и въ области науки и искусства. Къ тому же, по справедливому замѣчанію г. Н. П. С., русская литература росла и выросла при громадной иностранной конкурренціи и теперь боится ея менѣе, чѣмъ когда-либо. Ненормальное же положеніе нашего книжнаго дѣла, науки и литературы, на которое ссылается г. Пиленко, на стр. 544, конечно, уврачуется не присоединеніемъ Россіи къ бернской конвенціи, а уничтоженіемъ стѣсненій и путъ, сжимающихъ у насъ теперь желѣзными тисками литературу и науку.

Такимъ образомъ въ концѣ концовъ, вопреки г. Пиленко, присоединеніе Россіи къ бернской конвенціи, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, и невозможно, и нежелательно [4]).

[4]) Въ собраніяхъ Московскаго Юридическаго Общества вопросъ о литературныхъ конвенціяхъ хотя и затрогивался неоднократно, но окончательное обсужденіе его принадлежитъ всецѣло будущему; рѣшительное заключеніе, высказанное авторомъ этой критической замѣтки, составляя его личное мнѣніе, не должно быть принято, какъ отголосокъ какого-либо сложившагося въ Обществѣ сужденія по этому, стоящему на близкой очереди вопросу.

Примѣч. ред.

Въ заключеніе, изъ недостатковъ книги г. Пиленко отмѣтимъ и частыя повторенія и сбивчивость системы. Непріятно на глаза дѣйствуетъ и то, что книгу пестрятъ многочисленныя замѣчанія на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, не сопровождаемые даже переводомъ ихъ на русскій языкъ.

Но всѣ перечисленные нами недостатки книги г. Пиленко съ лихвою покрываются ея положительными сторонами. Такъ авторъ обладаетъ выдающимися способностями и знакомствомъ съ европейской литературою предмета. Матеріалъ для своей работы онъ собиралъ не только въ С.-Петербургѣ, но и въ Парижѣ; взгляды его самостоятельны, какъ мы уже говорили, и часто оригинальны. Фактическій матеріалъ собранъ въ книгѣ въ подавляющемъ количествѣ. Даетъ его книга не только догму и исторію, но и теорію интересующаго насъ вопроса. Не забытъ въ ней и сравнительный элементъ.

С. А. Ш.

ДИСПУТЫ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

I.

Защита магистрантомъ политической экономіи А. Н. Миклашевскимъ магистерской диссертаціи: «Деньги. Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса», 21 апрѣля 1895 г. въ Московскомъ университетѣ.

Диспутъ открылся рѣчью *А. Н. Миклашевскаго:*

„Мм. Гг. Съ чувствомъ волненія всхожу я на эту каѳедру, чтобы защищать предъ вами тѣ положенія, къ которымъ я пришелъ, изучая денежный вопросъ. Съ ними я буду имѣть честь ознакомить васъ въ концѣ моей рѣчи.

Теперь же, по установившемуся обычаю, позвольте мнѣ бѣгло и въ самыхъ краткихъ чертахъ представить вамъ содержаніе и задачу моего изслѣдованія. Я озаглавилъ его: „*Деньги.* Опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса". Какъ вы видите уже изъ самаго заглавія, задача моя была широка, быть можетъ даже слишкомъ широка, но, Мм. Гг., общественная наука нашего времени захватываетъ такую массу человѣческихъ интересовъ и явленій, что изслѣдователь, ограничившись изученіемъ однихъ, *только однихъ*, основныхъ вопросовъ, наталкивается на широкое и почти необозримое поле. Къ тому же я вполнѣ согласенъ въ этомъ отношеніи съ пражскимъ профессоромъ Іодлемъ, однимъ изъ представителей того историко-этическаго направленія въ политической экономіи, ревностнымъ поклонникомъ котораго отчасти вслѣдъ за представителями этой каѳедры въ Московскомъ университетѣ, А. И. Чупровымъ и И. И. Янжуломъ, сдѣлался и я. Іодль говоритъ: „всякій прогрессъ знанія основывается на двухъ главныхъ особенностяхъ ума:

во-первыхъ на его способности расчленять сложныя явленія природы на ихъ составныя части и *во-вторыхъ* на его умѣніи не потерять за этимъ искусственнымъ расчлененіемъ *общаго взгляда* на взаимное отношеніе, въ которомъ находится все въ природѣ, а въ особенности, добавимъ отъ себя, въ общественной жизни." Не мнѣ, конечно, судить, насколько удачно въ моемъ первомъ опытѣ я выполнилъ свою задачу; но мнѣ казалось, что изученіе явленій, связанныхъ съ деньгами, возможно только при широкой постановкѣ вопроса. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, на изслѣдователѣ лежитъ, по моему мнѣнію, обязанность за искусственнымъ расчлененіемъ вопроса, за изученіемъ детальныхъ техническихъ сторонъ не потерять изъ виду общей системы явленій въ сложномъ денежномъ хозяйствѣ.

Было время, когда богатство—этотъ основной предметъ экономиста—даже отождествлялось съ изобиліемъ денегъ. Теперь всѣ знаютъ, что это заблужденіе. Но всѣ сознаютъ попрежнему, если еще не болѣе, что деньги въ общественной жизни великая сила. Въ краснорѣчивомъ паѳосѣ предъ магическимъ значеніемъ денегъ извѣстный нашъ государственный дѣятель, графъ Мордвиновъ, восклицаетъ: „изъ всѣхъ дѣйствующихъ въ государственномъ составѣ силъ первѣйшею слѣдуетъ признать денежную. Деньги питаютъ и вознаграждаютъ трудъ, науки, промышленность, крѣпятъ и распространяютъ общественныя къ нимъ связи, даютъ крылья флотамъ, шествіе воителямъ, и пѣснь побѣдная стяжается златомъ." Всѣ мы знаемъ, что деньги—сила, и это уже съ достаточной ясностью объясняетъ вамъ, почему я сдѣлалъ ихъ предметомъ своего изученія. Но экономисту новаго времени непозволительно останавливаться до извѣстной степени на томъ или иномъ теченіи народнаго хозяйства, какъ это дѣлали меркантилисты, остановившіеся предъ этой силой въ какомъ-то священномъ поклоненіи. Онъ долженъ проникнуть въ глубь явленій и показать, что такое эта сила, какъ она дѣйствуетъ, какъ должна дѣйствовать, въ чемъ ея благотворное или вредное вліяніе. При ближайшемъ же разсмотрѣніи окажется, что деньги составляютъ важнѣйшее орудіе и не только современнаго народнаго хозяйства, но и современной жизни во всемъ ея объемѣ. Онѣ имѣютъ соціальное и народно-хозяйственное значеніе.

Въ первомъ своемъ значеніи деньги благопріятствовали и способствуютъ понынѣ тому классовому расчлененію населенія и техническому раздробленію по занятіямъ, противъ которыхъ мы часто ратуемъ, но которыя были необходимымъ условіемъ возникновенія цивилизованной жизни. Теперь, какъ и всегда, деньги съ необыкновенной простотою и удобствомъ соединяютъ, расчленяютъ и соподчиняютъ какъ

отдѣльныя группы народовъ, такъ и отдѣльные классы и личности въ предѣлахъ національнаго народнаго хозяйства.

Деньги покупаютъ все, что продается на рынкѣ. Развѣ можетъ современный хозяинъ обходиться безъ денегъ и снова возвратиться ко всѣмъ неудобствамъ натуральнаго обмѣна? Что сталось бы съ нашей общественной жизнью, если бы внезапно исчезло это орудіе, этотъ общій языкъ, на которомъ говорятъ въ своихъ экономическихъ отношеніяхъ отдѣльныя личности, классы, народы и государства? Но и этого мало. Все современное хозяйство справедливо именуется денежнымъ. Деньги, какъ привыкли говорить экономисты, служатъ *эквивалентомъ* товаровъ. При ихъ посредствѣ размѣниваются цѣнности.

Пониманіе всего внутренняго значенія сдѣлки обмѣна маскируется и становится неяснымъ благодаря участію денегъ. Неправильности денежнаго обращенія и неустойчивость цѣнности этого эквивалента оказываютъ вреднѣйшее вліяніе на народное хозяйство.

Въ свое время еще Коперникъ говорилъ, что существуютъ четыре причины упадка царствъ, королевствъ и республикъ: внутренніе раздоры, смертность, безплодіе почвы и *порча монеты*. Въ нашемъ отечествѣ денежное обращеніе еще почти никогда не было организовано надлежащимъ образомъ. Только въ краткій періодъ съ 1839 по 1854 годъ нашъ кредитный рубль размѣнивался на золото и серебро. Громадные выпуски довели стоимость кредитнаго рубля на міровомъ рынкѣ до 60—70 металл. копеекъ. Теперь мы наканунѣ осуществленія одной мѣры, которая, разрѣшая сдѣлки на золото и какъ бы констатируя обезцѣненіе рубля для всѣхъ членовъ русскаго государства, коснется несомнѣнно интересовъ всѣхъ и каждаго. Вы видите, какъ важенъ предметъ, изученіемъ котораго я занимался. Онъ имѣетъ одновременно крупный теоретическій и ближайшій практическій интересъ для нашей родины, которой давно пора построить свое денежное обращеніе ко благу всѣхъ на началахъ, указанныхъ наукою.

Всѣ эти обстоятельства побудили меня приняться за изученіе денежнаго вопроса, и, какъ ревностный сторонникъ историко-этическаго направленія, я, насколько могъ, подвергъ его изслѣдованію прежде всего исторически. Я старался показать, какъ предъ пытливымъ взоромъ разныхъ мыслителей выяснялись сложныя явленія денежнаго хозяйства и какъ они протекали въ историческомъ процессѣ жизни. Всякій видъ богатства создается *трудомъ*, и мнѣ пришлось поэтому начать свое изслѣдованіе съ изображенія той громадной затраты труда, которую въ такихъ тяжкихъ условіяхъ выполняетъ человѣчество для снабженія себя благородными металлами и монетой.

Оно принуждено спускаться въ рудники на глубину до 1000 фу-

товъ, куда затрудненъ доступъ воздуха, гдѣ повременамъ температура доходитъ до 65° по Цельсію, пробираясь туда, гдѣ, по образному выраженію Библіи, не бродилъ шакалъ и гдѣ не попирали землю ехидны.

Вы не можете ожидать отъ меня, чтобы въ краткой вступительной рѣчи я остановился на изображеніи судебъ благородныхъ металловъ. Я скажу нѣсколько словъ только о послѣднихъ двухъ стадіяхъ этой исторіи. Какъ вамъ, быть можетъ, небезъизвѣстно, событія послѣдняго времени поколебали правильность денежной системы даже въ Европѣ, которая такъ гордилась ею. Въ началѣ XIX вѣка ничто не предвѣщало крупныхъ видоизмѣненій въ снабженіи благородными металлами. Политически разстроенная Европа мало-по-малу успокаивалась; промышленность, вооруженная новыми изобрѣтеніями, росла, крѣпла и развивалась, и наличные металлическіе денежные запасы становились все болѣе недостаточными; оба металла дорожали, и цѣны понижались. Въ 1848 году внезапно и неожиданно были открыты золотые рудники въ Калифорніи, а вслѣдъ за ними и другіе. И на рынокъ въ краткій періодъ съ 1848 по 1855 г. было брошено громадное количество золота.

Всѣ авторитеты ожидали, что произойдетъ сильное пониженіе стоимости золота, но его не произошло, и еще на нѣсколько десятилѣтій удержалось прежнее отношеніе цѣнностей золота и серебра какъ $1:15^1/_2$. Тѣмъ не менѣе въ періодъ 50-хъ и 60-хъ годовъ серебро было нѣсколько дороже, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и оно было излюбленной монетной единицей въ Европѣ. Но торжество серебра было недолговременно. Съ начала 80-хъ годовъ въ производствѣ серебра замѣчается громадное увеличеніе, нѣкоторыя богатыя страны лишаютъ его значенія монетной единицы, и цѣнность серебра постепенно, но быстро падаетъ, и отношеніе цѣнностей золота и серебра достигаетъ 1:30 или даже 1:32. На-ряду съ этими двумя великими преобразованіями въ снабженіи металлами происходили и крупныя видоизмѣненія въ положеніи цѣнъ.

Съ 1848 года и почти вплоть до 1873 замѣчалось повышеніе цѣнъ, промышленность процвѣтала, и благопріятное положеніе дѣлъ было нарушено только кризисами 1857-го и 1866 годовъ. Съ 1871 по 1873 годъ, послѣ окончанія франко-прусской войны, замѣчалось необыкновенное промышленное возбужденіе. Но съ этого времени наступилъ кризисъ съ постепеннымъ упадкомъ цѣнъ, съ почти повсемѣстно угнетеннымъ настроеніемъ рынковъ, съ необыкновеннымъ развитіемъ милитаризма и протекціонизма въ самой рѣзкой ихъ формѣ.

Мм. Гг.! Я не стану утомлять васъ указаніемъ на приведенныя у меня въ книгѣ доказательства для подтвержденія явленій, которыя извѣстны всѣмъ, ибо коснулись интересовъ народнаго хозяйства почти

всего міра. На нашихъ глазахъ произошли великія и почти необъяснимыя явленія. Пониженіе цѣнъ, удешевленіе товаровъ для потребителей, которое, казалось, должно было быть благомъ, вызвало всеобщій кризисъ; паденіе стоимости серебра произвело разстройство въ денежныхъ системахъ, а по мнѣнію многихъ даже вызвало самый этотъ кризисъ. Надъ объясненіемъ этихъ явленій трудилось не мало ученыхъ, правительственныхъ комиссій, и еще до сихъ поръ по этому предмету идетъ живая и не прекращающаяся борьба мнѣній. Въ этомъ спорѣ были подвергнуты сомнѣнію и пересмотру всѣ основныя положенія экономической старой науки классической школы. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ она выдержала критику, въ другихъ ей пришлось уступить. Въ моей книгѣ я далъ анализъ споровъ и фактовъ, вызванныхъ послѣдними событіями. Изучая ихъ, мнѣ пришлось убѣдиться въ абстрактной правильности того ученія о цѣнности классической школы, которое гласитъ, что *трудъ*, а не доходы, опредѣляетъ цѣнность товаровъ; сами же доходы составляютъ лишь результатъ произведенной трудомъ цѣнности. Этотъ же великій законъ опредѣляетъ и цѣнность полноцѣнной металлической монеты, и потому правительственная власть и международное соглашеніе государствъ не могутъ произвольно опредѣлять цѣнности золота и серебра и ихъ взаимнаго отношенія. Исходя изъ фактовъ и разсужденій, подтверждающихъ это положеніе, я пришелъ къ убѣжденію, что *не вздорожаніе* золота, еще даже не доказанное, и *не паденіе* стоимости серебра были главной причиной кризиса. Сообразно съ этимъ, я остановился на анализѣ началъ, на которыхъ, по моему мнѣнію, должно быть построено металлическое и кредитное обращеніе страны, стремящейся сохранить необходимую опредѣленность, устойчивость и постоянство цѣнности монетной единицы. Въ главахъ 5, 6, 7, 8 и 9 я подвергъ разбору разнообразныя предложенныя системы и споры по техническимъ вопросамъ организаціи денежнаго обращенія.

Недостатокъ времени не даетъ мнѣ возможности ознакомить васъ съ этой стороной моей работы, и я надѣюсь, что она болѣе выяснится во время преній. Скажу только, что судьба серебра, какъ монетной единицы, въ особенности послѣ отмѣны шермоновскаго акта въ Америкѣ, стала почти безнадежной. Трудно заглядывать въ будущее, и пока еще нельзя утверждать, что серебро навсегда потеряетъ значеніе монетной единицы и навсегда исчезнетъ съ денежныхъ рынковъ. Но всѣ событія новѣйшаго времени показываютъ, что въ ближайшемъ будущемъ врядъ ли будутъ приняты мѣры для поддержанія его падающей стоимости. Послѣдняя германская комиссія по серебряному вопросу 1894 года, трудами которой я уже, къ сожалѣнію, не могъ воспользоваться, еще разъ показала, что надежды сторонниковъ двойного обращенія далеки отъ осуществленія. Комиссія эта,

какъ извѣстно, была создана по требованію землевладѣльцевъ, которые организаціей двойного обращенія хотѣли вознаградить себя за торговые трактаты съ Россіей и ослабить конкурренцію по ввозу хлѣба съ Востока и изъ Россіи. Нельзя не удивляться энергіи биметаллистовъ, нельзя, скажу даже, безъ волненія прочитывать страницы репорта этой комиссіи, которыя даютъ драматическое описаніе засѣданія, на которомъ талантливый профессоръ Зюсъ доказывалъ свою излюбленную теорію о возрастающей трудности добыванія золота. Но все же нельзя признать вмѣстѣ съ ними, что паденіе стоимости серебра было единственной или только даже *главной* и важной причиной переживаемаго кризиса. Нельзя отрицать нѣкотораго вліянія этого обезцѣненія. Обезцѣненіе серебра, постоянное колебаніе его стоимости должно было дѣйствовать на западныхъ рынкахъ въ томъ же направленіи, какъ и обезцѣненіе кредитнаго рубля у насъ въ Россіи. Россія разстраивала свое обращеніе выпусками бумажныхъ денегъ, Америка—чеканомъ серебра по закономъ установленному отношенію, которое не соотвѣтствовало рыночному. Этимъ кризисъ обострялся.

На нашихъ глазахъ въ Россіи и въ Америкѣ, этой богатѣйшей странѣ, происходили замѣчательныя и потрясающія явленія. Но причины общаго современнаго кризиса лежатъ глубже. На многихъ страницахъ моей книги я пытаюсь доказать, что истинной причиной кризиса послужило паденіе издержекъ производства, вызвавшее колебаніе потребительныхъ бюджетовъ и перепроизводство въ условіяхъ капиталистическаго хозяйства, построеннаго главнымъ образомъ на соперничествѣ. И это побудило меня, кромѣ изученія технической стороны денежнаго вопроса, заглянуть внимательнѣе въ самую сущность денежнаго хозяйства и обратиться къ провѣркѣ тѣхъ общихъ началъ или неизмѣнныхъ законовъ, на существованіи которыхъ такъ настаивала классическая школа. Такимъ образомъ изученіе технической стороны денежнаго дѣла, сложныхъ условій денежнаго хозяйства невольно привело меня къ анализу философскихъ и этическихъ началъ, которыя были выставлены физіократами, этими первыми основателями экономической науки. Въ результатѣ все изслѣдованіе получило своеобразное освѣщеніе и пріобрѣло особое расположеніе по матеріалу.

Историческое изученіе вопроса привело меня и къ этической оцѣнкѣ своеобразныхъ явленій денежнаго хозяйства.

Мм. Гг! Вы знаете, что съ конца прошлаго вѣка въ экономической наукѣ, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ школъ, восторжествовало ученіе, что лучшая и счастливѣйшая организація общества можетъ осуществиться лишь въ условіяхъ такъ называемой системы естественной свободы. Въ смутныхъ чертахъ это

ученіе зародилось еще въ древней греческой философіи, пережило затѣмъ долгую исторію, но особую популярность пріобрѣло благодаря трудамъ Гобса, Гуго Гроція и Локка, которые оказали сильнѣйшее вліяніе на экономистовъ конца прошлаго и начала настоящаго вѣка. Это ученіе было построено на слѣдующихъ основаніяхъ: *во-первыхъ*—на глубокой вѣрѣ въ существованіе незыблемыхъ, естественныхъ законовъ общественной и экономической жизни; первоначально ихъ считали результатомъ божественнаго установленія, впослѣдствіи ихъ нарекли законами природы; *во-вторыхъ*—на представленіи о естественныхъ правахъ человѣка, который рождается свободнымъ и имѣетъ равное право на свободу, собственность, такъ или иначе добытую, и на охрану отъ всякаго рода посягательствъ; *въ-третьихъ*—на утвержденіи, что себялюбіе, или разумно понимаемый интересъ, является лучшимъ и естественнымъ началомъ организаціи общественной жизни вообще и экономической въ частности. Всѣ нравственныя явленія, какъ утверждали нѣкоторые изъ послѣдователей этихъ ученій, суть не что иное какъ себялюбіе—лишь скрытое, какъ того требуютъ сложныя отношенія культурной жизни. Экономистамъ того времени казалось, что въ великой борьбѣ за существованіе всякій является лучшимъ цѣнителемъ собственныхъ интересовъ. Отсюда ихъ убѣжденіе, что лучшая и справедливѣйшая организація экономической жизни осуществится сама собою при проведеніи въ жизнь „либеральнаго плана свободы и равенства". Они съ негодованіемъ отвергли вмѣшательство въ экономическую жизнь государства, отъ котораго требовали только охраны правовѣрныхъ интересовъ. Жизнь представлялась имъ въ видѣ безбрежнаго моря, по которому каждый долженъ былъ приплыть къ своему счастью и добиться своей доли богатствъ подъ парусомъ собственной энергіи и средствъ, знанія и искусства! Только борьба за существованіе возбуждаетъ энергію, дѣятельность и содѣйствуетъ появленію того разнообразія положеній, а слѣдовательно и впечатлѣній, которыя такъ благопріятствуютъ развитію разума и счастливой жизни, училъ, напр., Робертъ Мальтусъ. Зерно даетъ ростокъ только тогда, когда падаетъ на подготовленную почву. Такъ случилось и съ этимъ ученіемъ.

Въ вѣкъ необычайныхъ политическихъ и экономическихъ неравенствъ, апогея государственнаго вмѣшательства и всяческихъ привилегій и монополій, оно сдѣлало свое великое разлагающее дѣло, и это, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что въ это же время, подъ вліяніемъ человѣческой изобрѣтательности, начался тотъ великій промышленный переворотъ, который сдѣлалъ наше время вѣкомъ пара и машинъ, кораблей и желѣзныхъ дорогъ. Факты и

идеи всегда оказываютъ громадное преобразующее вліяніе на жизнь человѣка.

Пышный расцвѣтъ экономической и общественной жизни совершился подъ знаменемъ этихъ идей и подъ дѣйствіемъ преобразовавшихся условій промышленной жизни. Однимъ изъ величайшихъ послѣдствій этого времени было повсемѣстное уничтоженіе рабства и крѣпостничества. Богатство достигло небывалыхъ размѣровъ, но, Мм. Гг., все въ жизни имѣетъ и обратную сторону. Сошлюсь на извѣстный всѣмъ примѣръ Англіи, гдѣ скорѣе всего это преобразованіе совершилось и гдѣ на-ряду съ возрастаньемъ богатства и культуры бѣдность и невѣжество не только не исчезли, но возросли, и къ серединѣ настоящаго вѣка, по словамъ извѣстнаго Роджерса, эта страна питала на своихъ огромныхъ и богатѣйшихъ фабрикахъ жалкое, несчастное населеніе, которое никогда не знало свѣта. Оно и понятно. Изложенное ученіе полагало въ основу жизни борьбу за существованіе; что же мудренаго, что слабѣйшіе не выдерживали и падали? Оно забывало, что свое плаваніе по житейскому морю люди начинали съ неравными шансами: одинъ отправлялся въ утлой ладьѣ, другой въ плотно сооруженномъ кораблѣ съ компасомъ средствъ и знанія, а третьему, элементарная и не освященная знаніями жизнь котораго всегда протекала въ душной атмосферѣ существованія изо дня въ день, ничего не оставалось, какъ проситься въ матросы и плыть туда, куда ему указываютъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ нуженъ въ качествѣ матроса. Крупные корабли неслись подъ парами и парусами, топили смѣльчаковъ въ утлыхъ ладьяхъ, а умные капитаны этихъ кораблей умѣли обходиться со все меньшимъ количествомъ безпрекословно повинующихся и хорошо дисциплинированныхъ матросовъ. Какъ въ жизни каждаго человѣка, такъ и въ общественной жизни бываетъ минута, когда они достигаютъ апогея своего счастья и силы. Такую минуту система естественной свободы узнала въ Англіи въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ другихъ странахъ нѣсколько позже. Это была минута упоенія. Богатство достигло колоссальныхъ размѣровъ, а экономическая наука, казалось, нашла незыблемые и для всѣхъ ясные законы. Но, увы! скоро стало замѣтно, что ни всеобщаго счастья, ни земного рая либеральный планъ свободы не принесъ. Правда, производство достигло колоссальныхъ размѣровъ, но на-ряду съ этимъ народныя хозяйства стали подвергаться тягостнѣйшимъ кризисамъ, а общественная жизнь—потрясеніямъ. Никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемая борьба за существованіе приводила только къ пресыщенію жизнью для тѣхъ, кто былъ болѣе силенъ въ борьбѣ и кто, при помощи своего труда, а главнымъ образомъ капитала, успѣвалъ добыть себѣ наибольшее и прямо чрезмѣрное количество богатствъ; для другихъ та же борьба и настойчивый

трудъ не давали даже того minimum'а средствъ существованія, безъ котораго немыслима простая, но разумная и нравственная жизнь.

Временно даже экономическая наука приняла грубый матеріальный характеръ. Богатство она стала отождествлять съ производствомъ и накопленіемъ прочныхъ матеріальныхъ благъ, а соперничество за пріобрѣтеніе ихъ сдѣлала основной задачей экономической жизни. Временныя и преходящія начала общественной жизни она возвела на степень естественныхъ и незыблемыхъ законовъ, а за шумомъ фабрикъ, мастерскихъ и желѣзныхъ дорогъ перестала слышать громкія требованія идеала нравственной жизни! Но скоро наступилъ кризисъ. Новые факты, новыя событія и идеи снова сдѣлали свое дѣло. На ихъ почвѣ выросла и новая общественная и экономическая наука.

На мѣсто представленія объ естественныхъ законахъ она поставила законы развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ не отказывалась отъ анализа сложныхъ явленій современнаго денежнаго хозяйства; ученіе о правахъ она дополнила ученіемъ объ обязанностяхъ; на-ряду съ естественнымъ чувствомъ себялюбія она стала напоминать о требованіяхъ болѣе высокаго принципа альтруизма, любви и милосердія; на-ряду съ трудомъ матеріальнымъ она поставила трудъ культурный, понимая, что человѣкъ не можетъ служить только средствомъ для производства и накопленія матеріальныхъ благъ, что эти послѣднія служатъ, напротивъ, средствомъ для духовнаго развитія и счастія самого человѣка и для облагороженія идеала его жизни. Благодѣтельность безграничнаго соперничества она признала научнымъ суевѣріемъ старыхъ экономовъ и обратилась къ государству, учрежденіямъ и общественнымъ союзамъ за помощью для упорядоченія производства, потребленія и распредѣленія богатствъ для цѣлей культурнаго совершенства человѣческихъ существъ. На трехъ ученіяхъ о производительныхъ классахъ, о роскоши и о естественныхъ законахъ я старался показать, насколько связаны съ этическими представленіями всѣ главнѣйшія ученія новой экономической науки. Старая матеріальная экономическая наука заботилась гораздо болѣе о внѣшнихъ благахъ; новая этическая наука познала значеніе внутреннихъ благъ, воплощенныхъ въ человѣческихъ существахъ. Эта новая наука сознаетъ, что усовершенствованіе матеріальныхъ условій жизни составляетъ не цѣль въ себѣ, но лишь *важнѣйшую* основу для наибольшаго духовнаго развитія и счастія наибольшей массы человѣческихъ существъ. Счастіе по ея представленію возможно лишь только при равновѣсіи между внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ, а это достижимо лишь тамъ, гдѣ трудъ и наслажденіе не составляютъ противоположности. Новая экономическая наука стремится знать и работаетъ для того, чтобы жизнь текла полной, спокойной и величавой рѣкой, гдѣ все связано началами труда и эквивалентныхъ обя-

занностей. Она стремится сохранить всѣ блага системы естественной свободы, согласовавъ ихъ съ нравственными требованіями культурной и разнообразной жизни. Она обращается за помощью къ знанію, нравственности и государству и ставитъ на своемъ знамени принципъ, выставленный еще О. Контомъ: истина и порядокъ—какъ основаніе, любовь—какъ принципъ, и широкое государственное, общественное и личное развитіе—какъ цѣль.

Оффиціальными оппонентами выступили *А. И. Чупровъ* и *И. И. Янжулъ*.

А. И. Чупровъ сказалъ слѣдующее: О деньгахъ и денежномъ обращеніи написано безчисленное количество книгъ; это былъ первый вопросъ, которымъ занялись экономисты. Однако старый вопросъ остается вѣчно юнымъ, и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока не разсѣются всѣ существующія по этому вопросу заблужденія. До сихъ поръ такихъ заблужденій очень много. Достаточно указать на существованіе нѣсколькихъ проектовъ о наводненіи Россіи бумажными деньгами. Ошибочныя представленія существуютъ не только въ литературѣ, но и въ практикѣ. Въ массѣ государствъ, въ томъ числѣ въ Россіи, денежное обращеніе было организовано неправильно и требуетъ коренныхъ реформъ. Поэтому порядочная книга о деньгахъ не можетъ считаться лишней, хотя бы она даже говорила о старыхъ вещахъ. Вы правильно сдѣлали, взявшись за этотъ трудный вопросъ. Теперь ваша работа получаетъ особое значеніе въ виду обезцѣненія серебра, имѣющаго важное значеніе для Россіи, въ которой основной единицей считается серебряный рубль, и въ виду возникающихъ плановъ упорядоченія денежнаго обращенія въ Россіи. Книга ваша старается обнять всѣ главные вопросы о деньгахъ въ связи съ нѣкоторыми другими экономическими принципами. Вы коснулись множества темъ. Конечно, это полезное дѣло; но не надо забывать ограниченности человѣческихъ силъ. Поэтому-то у васъ вслѣдствіе срочности работы оказались недочеты, недосмотры, недоразумѣнія. Въ виду краткости времени я остановлюсь на немногихъ пунктахъ. Съ одной стороны я коснусь теоріи цѣнности вообще и цѣнности денегъ въ частности, съ другой стороны отмѣчу нѣкоторыя мѣста изъ главы по исторіи русскаго денежнаго обращенія. Въ вашей книгѣ много мѣста занимаетъ теорія цѣнности. Пожалуй, можно было бы опустить ея изложеніе, тѣмъ болѣе, что вы примыкаете къ существующему ученію. Но разъ уже вы изложили теорію цѣнности, на васъ лежала обязанность охарактеризовать важнѣйшія ученія о цѣнности. У васъ однако изложеніе трудовой теоріи цѣнности неполно; нѣтъ многихъ важныхъ писателей и есть подробное изложеніе такихъ ученій, которыя не имѣли отношенія къ трудовой теоріи. Вы начинаете свое изложеніе

съ Тюрго, останавливаясь на немъ очень подробно, какъ-будто онъ имѣлъ выдающееся значенiе въ теорiи цѣнности; между тѣмъ его теорiя отличается шатанiемъ мысли; онъ примыкаетъ отчасти къ теорiи полезности, отчасти къ трудовой теорiи. Вы, съ другой стороны, только упоминаете о Петти, Франклинѣ, Локкѣ, Стюартѣ и др., такъ какъ находите у нихъ лишь разбросанныя замѣчанiя. Между тѣмъ у Петти, Франклина и Локка трудовая теорiя развита гораздо серьезнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ у Тюрго. Укажу на выдержки изъ этихъ писателей, приведенныя въ приложенiи къ русскому переводу Рикардо, ясно указывающiя, какъ смотрѣли эти ученые на трудовую теорiю. Сочиненiя этихъ старыхъ писателей значатъ гораздо больше, чѣмъ, если позволите такъ выразиться, компилятивная размазня Тюрго. Изъ новыхъ писателей вы пропускаете Родбертуса, который однако весьма содѣйствовалъ развитiю трудовой теорiи. Родбертусъ внесъ существенное дополненiе къ ученiю Рикардо, и потому вы неправы, думая, что Родбертусъ только повторяетъ Рикардо.

А. Н. Миклашевскiй. Пропускъ Локка, Петти, Франклина и др. объясняется слѣдующимъ образомъ: трудовая теорiя важна тѣмъ, что она не только анализировала существующiй порядокъ мѣновыхъ отношенiй, но и разъяснила явленiя распредѣленiя. Конечно, эти писатели обосновываютъ трудовую теорiю, но у нихъ она не связана съ разъясненiемъ порядка распредѣленiя. Кромѣ того, мнѣнiя этихъ писателей являются скорѣе утвержденiями, которыя остаются недоказанными и неразъясненными. Я взялъ Тюрго, какъ представителя той школы, которая отличается безцвѣтностью и связываетъ разныя школы. Но я не соглашусь, чтобы теорiя Тюрго была размазня; у него рельефно выдвинуты въ теорiи цѣнности всѣ стороны вопроса. Относительно Родбертуса я, можетъ быть, и сдѣлалъ упущенiе; мнѣ казалось, что, взявъ Маркса и присоединивъ нѣсколько словъ объ ученiи Родбертуса о кризисахъ, я достаточно выяснилъ вопросъ.

А. И. Чупровъ. Если считать теорiю Тюрго свѣтлой, то такихъ теорiй можно набрать сотни. Вы говорите, что Тюрго останавливается въ то же время и на раздѣленiи доходовъ; но тогда лучше обстоятельно заняться Смитомъ. Обращаюсь къ другому пункту. У васъ не ясно, какъ вы представляете себѣ теорiю цѣнности, какъ абстрактный ли законъ или какъ дѣйствительное провило, управляющее мѣновыми отношенiями, опредѣляющее пропорцiи обмѣниваемыхъ предметовъ. На нѣкоторыхъ страницахъ вы считаете трудовую теорiю закономъ сохраненiя энергiи, напр., 239—240 стр., еще рѣшительнѣе на стр. 256. Въ другихъ же мѣстахъ проглядываетъ какъ-будто иная точка зрѣнiя; на стр. 254 говорится, что эта теорiя есть не болѣе,

какъ абстракція; то же повторяется въ самомъ концѣ главы. Какъ примирить это кажущееся противорѣчіе?

А. Н. Миклашевскій. Я называю трудовую теорію абстракціей такъ же, какъ и всякій другой законъ. Всякій законъ есть абстракція, такъ какъ онъ вѣренъ лишь въ надлежащихъ условіяхъ. Это не значитъ, что законъ не осуществляется въ дѣйствительности, а указываетъ на то, что онъ есть тенденція.

А. И. Чупровъ. Это довольно своеобразное пониманіе слова „абстракція". Вы понимаете законъ такъ, какъ онъ понимается въ физикѣ, химіи. Но такіе законы нельзя называть абстракціей; они реальны, дѣйствительны. Обращаюсь далѣе къ вашимъ указаніямъ на трудности, съ которыми встрѣчается теорія трудовой цѣнности. Первая трудность — законъ ренты. Вы говорите, что цѣна мануфактурнаго товара опредѣляется наименьшимъ количествомъ труда, цѣна земледѣльческихъ продуктовъ—наибольшимъ количествомъ труда (226 стр.). Дѣйствительно, если смотрѣть съ динамической точки зрѣнія, то можно отмѣтить постоянное увеличеніе въ исторіи цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ и пониженіе мануфактурныхъ. Но въ статическомъ состояніи нѣтъ никакого противорѣчія съ общей теоріей трудовой цѣнности. Какъ въ мануфактурномъ, такъ и въ сельско-хозяйственномъ производствѣ общественно-необходимое время—то, которое должно быть затрачено при наихудшихъ условіяхъ, требуемыхъ спросомъ.

А. Н. Миклашевскій. Съ этимъ я согласенъ. Но мнѣ казалось, что и Рикардо иногда выражается неточно. Марксъ, несомнѣнно, улучшилъ дѣло, введя понятіе общественно-необходимаго труда. Я и говорю на стр. 243—244: „Это возраженіе можно было бы сдѣлать только по отношенію къ Рикардо, который говорилъ, что цѣнности продуктовъ обмѣниваются, какъ равныя количества труда. Ему можно было бы сказать, отчего же земледѣлецъ на почвѣ лучшаго качества получаетъ за одинъ день своего труда два дня труда ремесленника? Но противъ Маркса это возраженіе безсильно. Въ основу мѣновыхъ сдѣлокъ онъ полагаетъ общественно-необходимый трудъ."

А. И. Чупровъ. Я несогласенъ. Развѣ могъ Рикардо думать, что равныя количества труда обмѣниваются на равныя же количества? Если относительно этого есть неясности въ его теоретическихъ сочиненіяхъ, то онѣ выясняются изъ писемъ Рикардо. Ученіе объ общественно-необходимомъ времени у него въ цѣломъ уже существуетъ. Я закончу свои возраженія вопросомъ о томъ, когда была въ Россіи произведена девальвація. Мы всѣ привыкли думать, что ее произвелъ гр. Канкринъ въ 1839 г. Вы вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными пытаетесь доказать, что девальвація была произведена уже манифестомъ 1812 г. На чемъ основываете вы свое мнѣніе? На томъ, что мани-

фестъ установилъ пріемъ ассигнацій по курсу и разрѣшилъ сдѣлки на золото. Какъ-разъ теперь возникаютъ, аналогично этому, толки въ русской печати о томъ, что предстоящее разрѣшеніе сдѣлокъ на золотую монету представляетъ собой скрытую девальвацію. Вы сами нѣсколько колеблетесь принять свою точку зрѣнія,—на стр. 583 вы говорите: „Кауфманъ, утверждающій, что указъ вводилъ принудительный курсъ, выражается не вполнѣ точно." Если мы обратимся къ тексту спорныхъ законодательныхъ актовъ, то увидимъ между ними существенную разницу. Манифестъ 1812 г. прежде всего поднимаетъ платежи (платить въ серебрѣ по 2 рубля ассигнаціями за серебряный рубль), но правительство, само собой разумѣется, можетъ увеличивать налоги, какъ хочетъ. Что касается сдѣлокъ между частными лицами, то манифестъ, предписывая совершать ихъ на ассигнаціи (§ 11 и 12), разрѣшалъ по добровольному согласію писать сдѣлки или на серебро, или на ассигнаціи, но платежъ могъ производиться ассигнаціями по курсу дня. Такимъ образомъ указъ не узаконялъ обращенія ассигнацій по курсу серебра. Законъ 1839 г. существенно отличается отъ указа 1812 г. Онъ признаетъ законнымъ платежнымъ средствомъ серебряный рубль; никто не можетъ совершать сдѣлокъ на ассигнаціи; ассигнаціи—только вспомогательный знакъ цѣнности. Сущность закона въ томъ, что установленъ точный законный курсъ, что ассигнаціи устранены, а оставлено только серебро. Указъ же 1812 г. допускалъ безграничное колебаніе курса. Итакъ, дѣйствительно, девальвація была произведена только въ 1839 г. Говорить, что допущеніе сдѣлокъ на металлическую валюту неизбѣжно ведетъ къ девальваціи, нельзя. Этому противорѣчатъ факты исторіи; ни въ Италіи, ни въ Соединенныхъ Штатахъ допущеніе сдѣлокъ на золото не привело къ девальваціи.

А. Н. Миклашевскій. Я считаю указъ 1812 г. девальваціей по слѣдующимъ основаніямъ. Въ канкринскую эпоху можно отмѣтить слѣдующіе результаты указа 1812 г.: 1) никакія извлеченія ассигнацій не подняли курса; 2) курсъ держался послѣ 1812 г. однообразно; 3) балансъ былъ благопріятенъ; 4) ввозъ монеты превышалъ вывозъ. Однако стоимость ассигнацій поднялась только на 1 коп. На первый взглядъ это странно. Я объясняю этотъ фактъ такъ: благопріятный балансъ и наплывъ золота должны поднимать цѣну ассигнацій, если нѣтъ разрѣшенія сдѣлокъ на золото. Если же такія сдѣлки разрѣшены, то международный обмѣнъ будетъ совершаться сдѣлками по металлической валютѣ, а бумажныя деньги останутся лишь денежнымъ знакомъ для внутреннихъ оборотовъ страны, и на ихъ цѣну будутъ вліять другіе факторы. Стоимость бумажнаго рубля при существованіи сдѣлокъ на золото фиксируется и перестанетъ возвышаться.

А. И. Чупровъ. Однако этому утвержденію противорѣчитъ опытъ другихъ странъ. Ваше мнѣніе осуждаетъ гринбеки Соединенныхъ Штатовъ и бумажки Италіи на низкій курсъ; между тѣмъ мы знаемъ, что тѣ и другія поднимались въ цѣнѣ, несмотря на разрѣшеніе сдѣлокъ на золото. Итакъ, фиксаціи курса, о которой вы говорите, не бываетъ. Въ заключеніе, оставляя мелкія замѣчанія въ сторонѣ, я отмѣчу двѣ главныя ваши заслуги: во-первыхъ, ваша книга сводитъ въ одно цѣлое ученіе о деньгахъ и цѣнности; во-вторыхъ—вы въ своей книгѣ являетесь убѣжденнымъ теоретикомъ въ духѣ классической школы при разумномъ ея пониманіи. Мое глубокое убѣжденіе—что основныя положенія этой школы дали незыблемый фундаментъ наукѣ политической экономіи.

И. И. Янжулъ. Я остановлюсь сначала на общей характеристикѣ книги. Полнота, конечно, хорошая черта, но у васъ она приняла нездоровый характеръ. Если бы вы обстоятельно ввели насъ въ суть денежныхъ вопросовъ, то потомъ могли бы, конечно, обратиться къ второстепенному, что̀ такъ или иначе связано съ этими вопросами. Между тѣмъ вы остановились на вещахъ, имѣющихъ лишь отдаленное отношеніе къ главному вопросу, и вслѣдствіе этого посвятили меньше вниманія денежному обращенію. Мнѣ кажется непонятнымъ, зачѣмъ вы ввели въ ваше изслѣдованіе 1 и 10 главы. Въ первой главѣ говорится и о стоической философіи, и о взглядахъ физіократовъ на естественные законы (весьма подробно), и о математической школѣ, объ экономическомъ матеріализмѣ и многомъ другомъ. Точно также въ 10 главѣ вы приводите сатиру Мандсвилля о пчелахъ и взгляды нѣсколькихъ писателей на роскошь, но безъ связи и системы. Почему вы остановились только на трехъ писателяхъ о роскоши, не взяли современныхъ сочиненій по этому вопросу, напр., Эмиля де Лавелэ? Въ чемъ заключается тѣсная связь вопроса о роскоши съ денежнымъ обращеніемъ? Наконецъ, въ той же 10 главѣ ваши замѣчанія о производительныхъ и непроизводительныхъ классахъ носятъ характеръ неполноты и случайности. Однимъ словомъ, полнота вашей книги заключаетъ въ себѣ массу неполноты. Далѣе, я хотѣлъ указать на то, что вы придаете большое значеніе языку; это видно изъ вашихъ замѣчаній, напр., на стр. 45 и др. Но ваша книга сильно грѣшитъ противъ языка и письма. Есть въ книгѣ удивительныя неточности языка. Напр., вы говорите: „Послѣ всего сказаннаго выше не требуется, кажется, доказательствъ по второму пункту. Гораздо важнѣе иллюстрировать примѣрами положенія первое и второе, и мы это сдѣлаемъ, *не раздѣляя нашего изложенія, ибо оба они тѣснѣйшимъ образомъ связаны*" (стр. 390). Что̀ это значитъ, особенно конецъ? На стр. 382 вы пытаетесь въ 12 строкахъ охарактеризовать

цѣлую эпоху, что совершенно невозможно. На стр. 389 въ примѣчаніи 2 указана для Германіи книга Геверница: Der Grossbetrieb, тогда какъ она совершенно о Германіи не говоритъ. Нельзя приписывать, какъ вы дѣлаете, меркантилистамъ мнѣніе, что народное хозяйство есть простая совокупность частныхъ хозяйствъ (стр. 6). Въ подтвержденіе этого вы приводите выдержку изъ Стюарта, но совсѣмъ нехарактерную. Указанное мнѣніе скорѣе относится къ физіократамъ, чѣмъ къ меркантилистамъ. Въ концѣ 7 стр. вы говорите, что первыми проповѣдниками идей хозяйственной свободы были физіократы; это неточно. Всѣ эти недостатки являются, повидимому, результатомъ спѣшности работы.

А. Н. Миклашевскій. Мнѣ кажется, что я уже указалъ въ вступительной рѣчи причины того, почему ввелъ въ изслѣдованіе главы объ экономическихъ законахъ и о производительныхъ классахъ. Задачей моей было не только изученіе технической стороны денежнаго хозяйства, но и общественныхъ условій его, равно какъ оцѣнки этихъ условій. Я и не стремился во что бы то ни стало сказать что-либо новое, а хотѣлъ дать сводку существующей литературы. Цѣль книги— дать анализъ денежнаго хозяйства въ его общественныхъ соотношеніяхъ съ другими сторонами жизни и показать, какъ денежное хозяйство анализировалось экономистами классической школы. Эта цѣль невольно обратила меня и къ философскому анализу понятія закона и проч. Что касается неточностей, то, я думаю, онѣ не такъ велики. Народное хозяйство, по-моему, дѣйствительно считается меркантилистами какъ сумма частныхъ хозяйствъ, и выписка изъ Стюарта вполнѣ характеризуетъ это воззрѣніе, тѣмъ болѣе, что она взята изъ предисловія.—Затѣмъ А. Н. читаетъ цитату и доказываетъ ея ясность.

И. И. Янжулъ. Далѣе я хотѣлъ указать на открытіе вами новаго авторитета. До сихъ поръ я считалъ Бастіа хорошимъ популяризаторомъ, но вы называете его талантливымъ экономистомъ и представителемъ какой-то французской школы (стр. 23), съ чѣмъ я совершенно не могу согласиться. Вы дѣлаете двоякій упрекъ школѣ фритредеровъ: 1) что она отождествляла законы современнаго экономическаго порядка съ законами, годными для всѣхъ временъ (23 стр.), и 2) что она не выяснила истинныхъ предѣловъ свободы (25 стр.). Первый вашъ упрекъ долженъ относиться ко всѣмъ школамъ, потому что всѣ онѣ, за исключеніемъ развѣ соціалистовъ, считаютъ законы современности общими законами. Со вторымъ упрекомъ я несогласенъ потому, что выясненіе истинныхъ предѣловъ свободы — такая трудная задача, которая не выяснена до сихъ поръ. Я считаю такимъ образомъ, что оба упрека не обоснованы. Остановлюсь еще на важномъ пунктѣ. Вы оспариваете на стр. 64

Корнса, утверждающаго, что политическая экономія только изучаетъ, разъясняетъ явленіе, но не входитъ въ его оцѣнку, не опровергаетъ или защищаетъ его. Вы утверждаете, что экономистъ не только изучаетъ, но и скорбитъ, критикуетъ, указываетъ ошибки и болѣе справедливые пути (66 стр.). Итакъ, вы предлагаете принимать выводы экономической науки, если онѣ вамъ понравятся, и отвергать ихъ, если онѣ противорѣчатъ вашимъ нравственнымъ воззрѣніямъ, т.-е. предлагаете кривить душой. Я протестую противъ этого самымъ энергическимъ образомъ, считая такой пріемъ совершенно ненаучнымъ. Существуетъ другая область — публицистика; тамъ подобные пріемы возможны; публицистъ подбираетъ факты, говорящіе въ его пользу, освѣщаетъ вопросъ съ той стороны, которая ему симпатична. Цѣли публициста и научнаго дѣятеля однако совершенно различны, и смѣшивать ихъ нельзя. Конечно, я не уничтожаю элемента чувства. Чувство играло большую роль въ исторіи политической экономіи. Но чувство, управляемое волей, должно вліять не на научные пріемы изслѣдованія, а на выборъ темъ, на осторожность и тщательность выводовъ.

А. Н. Миклашевскій. Вы говорите, что я сдѣлалъ ненадлежащіе упреки фритредерамъ. Конечно, не одни фритредеры ошибаются, думая, что изучаютъ не временные законы, а вѣчные. Но весь вопросъ въ степени. Несомнѣнно, соціалисты это твердо помнятъ, но и историческая школа менѣе грѣшитъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ фритредеры, особенно послѣдователи Шмоллера; эти послѣдніе постоянно говорятъ и помнятъ о законахъ развитія. Съ другой стороны, я не требовалъ, чтобы фритредеры выяснили предѣлы свободы. На стр. 25 я говорю, что надъ этимъ вопросомъ вотъ уже два столѣтія бьется человѣческая мысль. Я хочу сказать, что фритредеры мало занимались этими вопросами, ибо вообще игнорировали правовую точку зрѣнія. Вы несогласны съ моимъ взглядомъ на нейтральность экономической науки. Конечно, между публицистикой и наукой есть различіе. Но нейтральность совсѣмъ нѣчто другое, сюда не относящееся. Я не говорю, что экономистъ долженъ извращать истину, но считаю, что научное произведеніе должно имѣть оцѣнку выгодныхъ и невыгодныхъ сторонъ явленія. Возьмемъ примѣръ о рабствѣ, приведенный въ книгѣ. Экономистъ долженъ выяснить рабскій трудъ и дать ему экономическую оцѣнку, показать его малую производительность и т. д. Вы сами въ „Основахъ финансовой науки“ и другихъ сочиненіяхъ даете, наряду съ анализомъ явленія и изученіемъ его законовъ, оцѣнку за и противъ. За это-то я и ратую.

И. И. Янжулъ. Обращаясь въ заключеніе ко всему труду, я вижу въ немъ большое знакомство съ предметомъ и легкость изложенія,

несмотря на недостатки слога. Поэтому я считаю васъ достойнымъ искомой степени, но не могу не пожелать, чтобы въ будущемъ вы избѣгали тѣхъ недостатковъ, на которые я указалъ.

Неоффиціальный оппонентъ *И. Т. Тарасовъ*. У васъ дается новое опредѣленіе бумажныхъ денегъ, но я считаю его неточнымъ и невѣрнымъ. Вы говорите: „бумажныя деньги въ ихъ наиболѣе типичномъ видѣ (какомъ?) представляютъ собой долговой знакъ правительства (это вопросъ спорный), выпускаемый обыкновенно (а въ другихъ случаяхъ необыкновенно?) для пріобрѣтенія средствъ (какихъ?)." Неразмѣнный—это невѣрно, потому что сначала бумажныя деньги всегда размѣнны. Однимъ словомъ, все опредѣленіе неудачно. Затѣмъ я хотѣлъ указать, что вы говорите о Посошковѣ, но не говорите ни слова объ Абрамовѣ.

А. Н. Миклашевскій. Опредѣленіе бумажныхъ денегъ почти цѣликомъ взято изъ Вагнера; у него оно считается образцовымъ. Абрамовъ же говоритъ о техническихъ сторонахъ денегъ (чеканкѣ и пр.), а не о цѣнности денегъ, поэтому я его и не помѣстилъ въ главу о цѣнности денегъ.

И. Т. Тарасовъ. Есть погрѣшности противъ русскаго языка: напр., у васъ есть неуклюжее слово „узируется" вмѣсто „стирается". Замѣтна поспѣшность работы. Вы посвящаете много мѣста Антоновичу, а объ Исаевѣ ни слова. На стр. 542—552 вы говорите о системахъ размѣна, но неполно и неясно; у Бунге это лучше изложено на полстраницѣ. Вы упустили изъ виду систему регулированія выпусковъ по вексельнымъ курсамъ.

А. Н. Миклашевскій. Это не система, которая можетъ быть усвоена закономъ, а это—система банковой политики.

И. Т. Тарасовъ. Еще одно замѣчаніе. Вы приводите на стр. 676, будто я сравниваю упавшія въ цѣнѣ бумажныя деньги съ пропорціональнымъ порасходнымъ налогомъ. Но въ своемъ курсѣ финансоваго права я только указываю на возможность такого мнѣнія и самъ его опровергаю.

Въ заключеніе факультетъ призналъ А. Н. Миклашевскаго магистромъ политической экономіи и статистики.

II.

Защита магистрантомъ политической экономіи А. А. Мануиловымъ магистерской диссертаціи: „Аренда земли въ Ирландіи" 22 апрѣля 1895 г. въ Московскомъ университетѣ.

Диспутъ открылся рѣчью *А. А. Мануилова*, указавшаго мотивы, которые побудили его заняться вопросомъ объ арендахъ въ Ирландіи.

Главный мотивъ заключался въ убѣжденіи, что этотъ предметъ имѣетъ первостепенную важность для Россіи. Вслѣдствіе недостаточности надѣловъ, крестьяне вслѣдъ за освобожденіемъ должны были обратиться къ арендованію чужихъ земель. Эта нужда въ пользованіи землей ощущается всѣми слоями сельскаго населенія. Крестьяне арендуютъ болѣе 11 милліоновъ десятинъ и платятъ за нихъ не менѣе 70 милліоновъ рублей; арендуемая ими земля составляетъ $^1/_4$ всей площади, занятой посѣвами. Такимъ образомъ въ развитіи арендная пользованія мы ушли дальше, чѣмъ многіе изъ европейскихъ странъ, какъ Германія, Франція, и приближаемся къ положенію вещей, существующему въ Голландіи и Бельгіи. Аренды имѣютъ огромное вліяніе на экономическую жизнь страны. Такъ, въ послѣднее время въ русской литературѣ много говорилось объ усовершенствованіи техники земледѣлія, но при этомъ упускаются изъ виду отношенія землевладѣнія. Еще проф. Посниковъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ объ общинѣ указалъ, какъ связанъ переходъ отъ трехполья къ многополью съ арендными отношеніями. Съ другой стороны, необходимость арендовать землю создаетъ тяжелую зависимость арендаторовъ-крестьянъ отъ землевладѣльцевъ.

Несмотря на все различіе въ исторической судьбѣ Россіи и Ирландіи, арендныя отношенія сложились въ нихъ одинаково. Аренда въ обѣихъ странахъ есть главнымъ образомъ мелкая аренда, въ Россіи въ среднемъ менѣе 3 арендованныхъ десятинъ на дворъ. Посредничество (middlemen) развилось въ Россіи, особенно въ восточныхъ губерніяхъ и, къ сожалѣнію, на казенныхъ земляхъ такъ же, какъ въ Ирландіи; тамъ и здѣсь замѣчается связь между посредничествомъ и абсентеизмомъ. Сходство замѣчается и въ условіяхъ арендъ. Писаные договоры отсутствуютъ, сроки — кратки, погодная съемка преобладаетъ. Сказаннаго достаточно, чтобы объяснить, почему темой диссертаціи былъ выбранъ вопросъ объ арендахъ. Однако при всемъ сходствѣ аренды въ Ирландіи и Россіи существуетъ одно важное различіе: въ то время, какъ въ Ирландіи былъ предпринятъ за послѣднее время рядъ капитальныхъ реформъ для упорядоченія арендныхъ отношеній, въ Россіи не было сдѣлано ничего. У насъ въ Россіи арендный вопросъ требуетъ серьезнаго отношенія и скораго рѣшенія. Опытъ западно-европейской страны можетъ дать при этомъ полезныя указанія. Въ заключеніе *А. А. Мануиловъ* указалъ источники, которыми онъ пользовался въ своемъ изслѣдованіи, и прочиталъ тезисы своей диссертаціи.

Оффиціальными оппонентами были профессоръ *А. И. Чупровъ* и приватъ-доцентъ *Н. А. Каблуковъ*.

А. И. Чупровъ. Въ своей рѣчи вы вполнѣ ясно показали намъ мотивы, которые побудили васъ обратиться къ изученію аренднаго вопроса. Не такъ давно этотъ вопросъ былъ разработанъ Н. А. Карышевымъ, однако Карышевъ остановился только на выясненіи положенія арендъ въ Россіи, не касаясь Западной Европы. Вы восполнили пробѣлъ книги Карышева. Вы справедливо указываете на то, что въ Ирландіи были перепробованы въ теченіе XIX вѣка самыя различныя формы арендъ. Надо было представить возникновеніе и развитіе, другими словами—исторію каждой формы. Вы въ вашемъ изслѣдованіи выполнили эту задачу блестящимъ образомъ. Обратившись ко всей богатой литературѣ вопроса, къ многочисленнымъ парламентскимъ изданіямъ, вы пополнили свои матеріалы мѣстными источниками и даже личными наблюденіями; въ результатѣ вы съумѣли представить цѣльную картину эволюціи арендныхъ отношеній въ Ирландіи. Для оппонента, живущаго въ Москвѣ, нѣтъ, конечно, возможности критиковать вашу работу со стороны матеріаловъ и способовъ пользованія ими. Да это, пожалуй, и излишне, такъ какъ работа ясно показываетъ ваше умѣнье обращаться съ матеріаломъ. Но въ вашей книгѣ, кромѣ исторіи и современнаго положенія арендныхъ отношеній въ Ирландіи, кромѣ оцѣнки аренднаго законодательства, есть теорія, проводимая черезъ всю книгу. Съ этой стороны и можно сдѣлать вамъ нѣкоторыя возраженія. Вы отмѣтили особый интересъ исторіи арендныхъ отношеній до 30-хъ годовъ XIX вѣка, вы выяснили эту исторію на основаніи тщательнаго, можно сказать—бисернаго подбора детальныхъ фактовъ. Это вы сдѣлали ради выясненія значенія долгосрочныхъ арендъ. Вы выступаете противъ мнѣнія, что „долгосрочность, обезпечивая права земельнаго собственника, служитъ въ то же время достаточной гарантіей успѣховъ земледѣлія и связаннаго съ этими успѣхами благополучія самого фермера“ (стр. 44). Вы утверждаете, что Ирландія до тридцатыхъ годовъ представляетъ опроверженіе этой теоріи. Для провѣрки такого взгляда надо придти къ убѣжденію, что въ Ирландіи въ этотъ періодъ преобладала система долгосрочныхъ арендъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вашей книги собраны любопытные факты сдачи земли на 61 годъ, на 31 годъ и т. п. (напр., на стр. 47 изъ Юнга). Однако, нигдѣ вы не приводите доказательствъ, что такія аренды были господствующимъ типомъ. Вы указываете, что съемка на жизнь была очень распространена (стр. 52); но такая съемка не есть прочный долгосрочный контрактъ, такъ какъ срокъ его зависитъ отъ момента наступленія смерти. Такъ какъ ⁴/₅ съемщиковъ были мелкими, а среди мелкихъ фермеровъ, по вашимъ словамъ, были распространены договоры на жизнь, которые имѣютъ непрочный, неопредѣленный

характеръ, то я вывожу отсюда, что система долгосрочныхъ договоровъ отнюдь не была господствующей. Съ другой стороны, неопредѣленность съемки зависѣла отъ особенностей юридическихъ отношеній; именно, съ одной стороны, она вытекала изъ неопредѣленности правъ земельнаго собственника въ Ирландіи, съ другой стороны обусловливалась существованіемъ заповѣдныхъ имѣній, въ которыхъ договоръ на срокъ терялъ силу съ смертью собственника. Итакъ, можно ли признать справедливымъ мнѣніе, что долгосрочная аренда была господствующимъ типомъ въ Ирландіи до 30-хъ годовъ?

А. А. Мануиловъ. При своей работѣ я пытался выяснить статистическое количество долгосрочныхъ арендъ, но это мнѣ не удалось за недостаткомъ точныхъ данныхъ. Косвенно однако я пришелъ къ убѣжденію, что краткосрочныхъ арендъ было ничтожное число въ сравненіи съ долгосрочными. Разсматривая помѣтки Сиджерсона, равно какъ факты, приводимые у Юнга, я вынесъ общее впечатлѣніе, что долгосрочные договоры преобладали; это подкрѣпляется и парламентскими данными, напр., фактами, приводимыми комиссіей о бѣдныхъ конца 30-хъ годовъ. Наконецъ, и въ литературѣ вопроса никто не высказываетъ сомнѣнія въ господствѣ долгосрочныхъ арендъ.

А. И. Чупровъ. Но въ вашей книгѣ даже есть указанія, напр., на 54 стр., что 1/7 владѣній, по даннымъ комиссіи лорда Девона, имѣла непрочное существованіе съ юридической стороны. А съ фактической точки зрѣнія еще менѣе можно говорить о долгосрочности; на 88 стр. говорится о томъ, что долгосрочный договоръ могъ превратиться въ краткосрочный въ зависимости отъ неплатежа арендныхъ денегъ. Такъ какъ недоимочность фермеровъ была обычнымъ явленіемъ, то фермеры ежеминутно могли быть согнаны съ фермы на основаніи закона, и такимъ образомъ долгосрочные договоры превращались въ фикцію, мертвую букву; они становились безсрочными. Мнѣ кажется совершенно неправильнымъ обсуждать вліяніе долгосрочныхъ договоровъ на примѣрѣ Ирландіи, такъ какъ тамъ они были мало распространены.

А. А. Мануиловъ. Я оспаривалъ въ своей книгѣ теорію, что достаточно ввести долгосрочныя аренды, и все пойдетъ къ лучшему, и благосостояніе фермеровъ будетъ увеличиваться. Многіе говорятъ, что достаточно ввести долгосрочные договоры, а больше ненужно никакой регламентаціи. Я задалъ себѣ вопросъ, такъ ли это. Ирландія, которую я взялъ, можетъ доказать, что вездѣ, гдѣ есть аренда, долгосрочность ея всегда обращается въ фикцію при неограниченности соперничества. Ирландія доказываетъ, что долгосрочность ничуть не обезпечиваетъ интересовъ фермеровъ.

А. И. Чупровъ. Я продолжаю утверждать, что нельзя ссылаться на Ирландію при оцѣнкѣ вліянія долгосрочныхъ арендъ, такъ какъ ихъ тамъ почти не было. Срокъ аренды есть одна сторона вопроса; кромѣ него имѣютъ вліяніе другія экономическія явленія, политическія формы и т. д. Вы берете исключительный примѣръ Ирландіи, въ которой землевладѣніе концентрировано, и населеніе занимается исключительно земледѣліемъ. Но выводъ изъ неудачи законодательной нормы при массѣ такихъ исключительныхъ противодѣйствующихъ факторовъ не можетъ быть убѣдителенъ. Затѣмъ перехожу къ другому теоретическому вопросу. Вы пытаетесь внести серьезную поправку въ ученіе Лоренца Штейна о малыхъ арендахъ. На стр. 124 вы указываете, что, по Штейну, землевладѣльцы при сдачѣ въ аренду имѣютъ тенденцію сокращать размѣры арендныхъ участковъ. На 228 стр. вы утверждаете, что во 2-й періодъ у ирландскихъ собственниковъ возникаетъ тенденція заводить крупное фермерство. Этимъ положеніемъ вы уничтожаете весь законъ Штейна; по вашему мнѣнію, до извѣстнаго момента развиваются мелкія аренды, затѣмъ вдругъ замѣчается поворотъ къ крупнымъ арендамъ. Это мнѣ представляется слишкомъ теоретическимъ построеніемъ, похожимъ на гегелевскія построенія. Причина концентраціи, по вашему мнѣнію, заключается въ измельчаніи владѣній, которое довело фермеровъ до обнищанія и побудило собственниковъ предпочитать крупныхъ арендаторовъ. Можетъ быть, вашу поправку можно принять, но не въ такой рѣзкой формѣ. Впрочемъ, то обстоятельство, что мелкое фермерство сохранилось въ Ирландіи до настоящаго времени, противорѣчитъ вашей идеѣ.

А. А. Мануиловъ. Штейнъ не совсѣмъ послѣдователенъ въ этомъ вопросѣ. Установивъ законъ малыхъ арендъ, онъ однако въ одномъ мѣстѣ мелькомъ замѣчаетъ, что въ Шотландіи съ истощеніемъ земли начинается переходъ отъ мелкаго фермерства къ крупному. Мнѣ казалось, что причина здѣсь не въ истощеніи земли, а въ томъ, что арендаторъ долженъ не только кормиться отъ земли, но и платить аренду. Если дохода хватаетъ только для его существованія, то онъ представляется землевладѣльцу уже непроизводительнымъ, почему и вытѣсняется крупнымъ фермеромъ.

А. И. Чупровъ. Я хотѣлъ только сказать, что законъ малыхъ арендъ, по вашимъ выводамъ, имѣетъ силу только до извѣстныхъ предѣловъ.

Далѣе *А. И. Чупровъ* остановился на трехъ мѣстахъ сочиненія, возбуждавшихъ сомнѣнія въ точности цифровыхъ вычисленій, и высказалъ слѣдующее заключеніе: Вашъ трудъ представляетъ выдающееся явленіе по огромности и серьезности изученія арендпаго

вопроса, по внутренней логикѣ, съ какой развивается тема, и по мастерской картинѣ эволюціи арендныхъ отношеній. Книга ваша составляетъ крупный вкладъ не только въ русскую литературу, но будетъ имѣть серьезное значеніе и за границей, если будетъ переведена.

Н. А. Каблуковъ. Я не имѣю возраженій противъ основныхъ вашихъ положеній, и это значительно облегчаетъ мою задачу. Укажу лишь на мѣста, подающія поводъ къ недоразумѣніямъ. У васъ замѣтна научная осторожность, не позволяющая высказываться по вопросамъ, по которымъ нельзя придти къ опредѣленному заключенію, напр., о формѣ землевладѣнія въ Ирландіи. Однако на 114—115 стр. вы хотите сопоставить число арендныхъ участковъ въ 1841 г. съ числомъ ихъ до этого года. Точныхъ данныхъ не имѣется, и вы берете таблицы Врэя, хотя сами сознаетесь, что данныя эти неточны. Я полагаю, что совершенно излишне пользоваться такими сомнительными данными. Далѣе, въ концѣ 113 стр. вы приводите мнѣніе, видящее причину дробленія арендныхъ участковъ въ излишкѣ населенія; однако, далѣе вы совершенно не останавливаетесь на разсмотрѣніи этого мнѣнія, съ которымъ нужно серьезно считаться. Затѣмъ я полагаю, что поправка, которую вы дѣлаете къ ученію Лоренца Штейна, имѣетъ слишкомъ рѣшительный смыслъ, на чтó не даетъ права самъ Штейнъ. Наконецъ, слѣдуетъ сдѣлать одно теоретическое дополненіе къ вашему мнѣнію о томъ, что предѣлъ мелкихъ фермъ лежитъ тамъ, гдѣ онѣ не могутъ давать прибавочной стоимости. Есть существенное условіе при этомъ: земледѣльческій рабочій или арендаторъ, не могущіе заниматься земледѣліемъ въ теченіе всего года, не должны вести никакихъ промысловъ. Обращаясь въ заключеніе къ книгѣ, я долженъ сказать, что ея значеніе — выяснить условія русскихъ арендъ и мѣры ихъ упорядоченія. Книга ваша есть образецъ того, какъ надо изслѣдовать вопросы русской жизни. Другое значеніе — превосходное выясненіе эволюціи аграрныхъ отношеній при полномъ отдѣленіи земледѣлія отъ промысловъ.

Факультетъ призналъ магистранта А. А. Мануилова достойнымъ степени магистра политической экономіи и статистики.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

I.

Германская колонизація польскихъ провинцій Пруссіи по закону 26 апрѣля 1886 г.

Переселеніе за послѣднее время имѣетъ у насъ огромное значеніе; проведеніе же Сибирской желѣзной дороги еще болѣе подчеркиваетъ роль переселеній; только съ заселеніемъ мѣстностей, лежащихъ по ту и другую сторону новой желѣзной дороги, будетъ обезпеченъ успѣхъ послѣдней. И правительству въ будущемъ придется серьезно заняться переселенческимъ вопросомъ; при этомъ, конечно, весьма полезно будетъ ознакомиться съ пріемами колонизаціи, примѣняемыми въ иностранныхъ государствахъ. Вотъ этой-то послѣдней цѣли и идетъ навстрѣчу недавно изданная канцеляріей комитета министровъ книга: „Германская колонизація польскихъ провинцій Пруссіи по закону 26 апрѣля 1886 г. Петерб. 1894". Книга прекрасно составлена на основаніи подробнаго ознакомленія съ отчетами прусской поселенческой Комиссіи, на обязанности которой лежитъ проведеніе закона 26 апрѣля 1886 г. Составлена она начальникомъ сибирскаго отдѣленія канцеляріи комитета министровъ г. Шиповымъ. Съ содержаніемъ этой книги мы и думаемъ познакомить читателей.

Въ послѣднее время въ Германіи обнаружилось среди сельскихъ рабочихъ сильное стремленіе къ переселенію въ города; многіе изъ нихъ эмигрируютъ даже въ Соединенные Штаты. Особенно это движеніе обнаружилось въ густо населенныхъ мѣстностяхъ съ мелкой поземельной собственностью Южной и Западной Германіи. Между тѣмъ въ сѣверныхъ и восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, гдѣ господствуетъ крупная поземельная собственность, населеніе очень рѣдко; у нѣмцевъ

и возникла мысль—направить переселенческій потокъ съ юга и запада Германіи въ восточныя и сѣверныя провинціи Пруссіи. Но эта идея получила свое осуществленіе только тогда, когда къ экономическому мотиву присоединился еще мотивъ и политическаго характера: стремленіе укрѣпить нѣмецкій элементъ въ восточной окраинѣ страны.

26 апрѣля 1886 г. въ Пруссіи прошелъ законъ, по которому въ распоряженіе правительства ассигнуется 100 милліоновъ марокъ на усиленіе германскаго элемента въ провинціяхъ Западной Пруссіи и Познани путемъ поселенія нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ. Поселенія устраиваются какъ на казенныхъ земляхъ, такъ и на вновь пріобрѣтаемыхъ частныхъ, и эти 100 милліоновъ марокъ должны употребляться, по закону, на пріобрѣтеніе земли покупкой, на покрытіе расходовъ по первоначальному устройству имѣній (церквей, школъ и другихъ зданій общественнаго характера). Правительство не намѣрено извлекать барышей изъ переселенческой операціи, а предполагаетъ ограничиться полученіемъ скромнаго процента на вложенный въ дѣло капиталъ по покупкѣ имѣнія и первоначальному устройству его. Участки должны предоставляться переселенцамъ въ собственность, въ вѣчнонаслѣдственную аренду и наконецъ даже сдаваться во временную аренду. Рента уплачивается или деньгами, или хлѣбомъ, въ переводѣ на деньги по рыночнымъ цѣнамъ. Собственнику или арендатору можетъ быть запрещено дробленіе участка или отчужденіе его.

Чтобы поставить колонизацію болѣе прочно, въ законѣ предусмотрѣно, что договоромъ, заключаемымъ между Комиссіей и собственникомъ или арендаторомъ имѣнія, можетъ быть запрещено дробленіе или отчужденіе участка, а также можетъ быть предписано веденіе хозяйства опредѣленнаго типа, и отступленіе отъ этихъ договорныхъ условій можетъ послѣдовать лишь съ разрѣшенія судебныхъ властей, когда обязанное лицо докажетъ предъ ними выгодность для него отступленія отъ этихъ условій въ обще-хозяйственныхъ интересахъ. Исполненіе закона возложено на особую Комиссію, подчиненную непосредственно королевскому министерству. На Комиссію возложены слѣдующія (мы перечислимъ лишь главнѣйшія) задачи: 1) пріобрѣтенія имѣній; 2) подготовка ихъ для колонизаціи, т. е. ремонтъ и возведеніе новыхъ сельско-хозяйственныхъ строеній, увеличеніе живого и мертваго инвентаря, оросительныя и осушительныя работы, исправленіе дорогъ, доставка матеріаловъ для нуждъ будущихъ поселенцевъ и т. д.; 3) собственно поселеніе, т. е. организація предварительнаго осмотра участковъ поселенцами, устныя и письменныя разъясненія условій колонизаціи, учрежденіе временныхъ школъ для дѣтей, храмовъ, общественныхъ зданій, въ особенности бараковъ для временнаго помѣщенія поселенцевъ, оказаніе имъ на первыхъ порахъ помощи въ

11*

формѣ доставленія продовольствія, дачи подводъ, строительныхъ матеріаловъ, подачи совѣтовъ по обстройкѣ и т. д.; 4) наконецъ и устроившіеся поселенцы долго еще не выходятъ изъ-подъ наблюденія Комиссіи, на обязанности которой лежитъ въ уважительныхъ случаяхъ ссужать поселенцевъ предметами, необходимыми для хозяйственнаго обзаведенія, какъ-то скотомъ, сѣменами и т. д. Наблюденіе за страхованіемъ колонистами своего имущества отъ огня и посѣвовъ отъ градобитій, поощреніе къ учрежденію ссудныхъ товариществъ и союзовъ для улучшенія породы скота, и т. д.,—все это составляетъ предметъ заботъ поселенческой Комиссіи. Со времени проведенія закона прошло уже 6 отчетныхъ лѣтъ. Теперь любопытно посмотрѣть, что̀ успѣла за этотъ періодъ времени сдѣлать поселенческая Комиссія.

Покупка имѣній. При покупкѣ имѣній Комиссія поступаетъ очень осторожно. По каждому имѣнію, поступающему въ продажу, собираются самыя подробныя свѣдѣнія изъ разныхъ источниковъ, затѣмъ Комиссія производитъ осмотръ его и лишь тогда рѣшаетъ вопросъ—покупать имѣніе или нѣтъ. Главнымъ образомъ, конечно, скупаются крупныя польскія имѣнія. Всего куплено Комиссіей за время съ 1886 г. по 1892 г. 66,9 т. гект. земли, т. е. 3,35% всего и 8,82% собственно крупнаго польскаго землевладѣнія этихъ провинцій до изданія закона 26 апрѣля 1886 г. Купленныя имѣнія съ момента покупки ихъ и до передачи переселенцамъ завѣдуются особыми управляющими, назначаемыми Комиссіей, которые и ведутъ хозяйство по извѣстной инструкціи, и ведутъ, надо сказать, не только безубыточно, но даже выгодно; такъ въ 1887 г., при общей капитальной затратѣ въ 13,8 м. м., прибыли получено 211 т. м., т. е. 1,52% капитальной стоимости всѣхъ имѣній. Между тѣмъ за это время вновь пріобрѣтенныя имѣнія подготовляются къ колонизаціи.

Сельско-хозяйственныя улучшенія имѣній. Дѣятельность въ этой своей области Комиссія расширяетъ все болѣе и болѣе съ теченіемъ времени. Опытъ показалъ, что дурныя условія погоды и распредѣленія осадковъ менѣе отражаются на урожайности имѣній благоустроенныхъ, а между тѣмъ разсчитывать на производство меліораціи поселенцами—людьми, не обладающими и достаточными средствами для этого и должнымъ знаніемъ — едва ли возможно. Поэтому Комиссія приняла на себя производство улучшеній, при чемъ часть издержекъ относится безвозвратно на счетъ казны, а часть выплачивается постепенно самими поселенцами. И вотъ каковъ результатъ дѣятельности Комиссіи въ этой области: къ концу 1892 г. дренажъ оконченъ былъ въ 60 имѣньяхъ на пространствѣ 11,206 гект., на что̀ израсходовано 1.876.000 м., а въ 32 имѣніяхъ площадью въ 8.840 гект. работы съ исчисленнымъ рас-

ходомъ въ 1.542.000 м. еще производились. Свыше 4000 рабочихъ заняты дренажемъ, осушеніемъ болотъ и другими работами.

Постройки. На обязанности Комиссіи лежитъ: 1) возведеніе общественныхъ зданій и другихъ сооруженій и 2) содѣйствіе въ постройкахъ поселенцамъ. Комиссія за свой счетъ къ началу 1892 г. успѣла построить 53 школы, 2 церкви, 6 домовъ призрѣнія и т. д. Но наибольшій интересъ для насъ имѣетъ пунктъ 2, т. е. содѣйствіе Комиссіи поселенцамъ при ихъ постройкахъ. Умѣнье дешево обстроиться имѣетъ огромное значеніе при колонизаціи. Строительные расходы по отношенію къ цѣнности земли составляютъ очень высокую пропорцію: при крупныхъ участкахъ (болѣе 20 гект.) они достигаютъ 1/4 цѣнности ея, при среднихъ участкахъ (отъ 10 до 20) 1/2, а для мелкихъ (менѣе 10 гект.) это отношеніе еще выше. Комиссія сейчасъ же поняла огромное значеніе строительнаго вопроса, и дѣятельность ея прежде всего выразилась въ доставленіи строительныхъ матеріаловъ по дешевымъ цѣнамъ. Комиссія произвела на своихъ земляхъ развѣдки строительнаго матеріала—камня и глины, и теперь устроено ею 29 кирпичныхъ заводовъ, на которыхъ за 4 года (1889—92) выработано было 41,3 м. кирпичей, да съ той же цѣлью перепродажи поселенцамъ Комиссіею за тотъ же періодъ времени куплено 5,2 мил. кирпичей. Кирпичъ Комиссіи обходился: 1-ый сортъ въ $20\frac{1}{2}$ м. за тысячу, а второй сортъ въ $17\frac{1}{2}$ м.; въ розничную же продажу поселенцамъ онъ поступалъ съ надбавкой въ 1/2—1 марки на тысячу. Бревна, доски и прочіе лѣсные матеріалы закупаются Комиссіей оптомъ для перепродажи поселенцамъ съ небольшой накидкой. Въ 1890 г. выстроена Комиссіей даже своя собственная лѣсопильня. Кромѣ кирпича и лѣса, Комиссія покупаетъ и добываетъ на своихъ земляхъ булыжникъ для фундаментовъ, черепицу, тростникъ для крышъ и т. д. Затѣмъ Комиссія при постройкѣ строеній самими поселенцами подаетъ имъ совѣты, разсматриваетъ чрезъ своихъ техниковъ планы построекъ, составленные ими, и т. д., и поселенцы въ этомъ отношеніи относятся съ большимъ довѣріемъ къ указаніямъ и совѣтамъ Комиссіи. Мало того, послѣдняя въ каждомъ селеніи за свой счетъ возводитъ нѣсколько строеній разнаго рода, чтобы они служили для поселенцевъ наглядными образцами. Такимъ образомъ на постройки образцовыхъ строеній для общественныхъ цѣлей Комиссія затратила въ 1891 и 1892 гг. 941,110 м.

Поселеніе. Новыя поселенія устраиваются вблизи уже существующихъ нѣмецкихъ центровъ. Это дѣлается въ цѣляхъ сохраненія колонистами своей народности. За нормальный размѣръ участка принято количество земли, соотвѣтствующее рабочей силѣ одной или двухъ лошадей. Но допускаются отступленія въ ту и другую сторону сообразно

мѣстнымъ условіямъ, при чемъ мелкіе земельные участки допускаются лишь тамъ, гдѣ есть спросъ на ремесленный трудъ, или гдѣ поблизости находятся лѣса, фабрики, каменоломни и т. д. Крупные же участки допускаются какъ исключенія лишь тамъ, гдѣ по какимъ-либо хозяйственнымъ условіямъ неудобно разбить имѣніе на мелкіе участки. Приведемъ статистическія данныя по размѣру занятыхъ поселенцами участковъ: всего занято къ концу 1892 г. 1.170 участковъ, изъ нихъ размѣромъ:

до 5	гект.	занято	145
5—10	„	„	259
10—15	„	„	262
15—20	„	„	192
20—25	„	„	124
свыше 25	„	„	158
крупныхъ участковъ лишь			30

Отсюда мы видимъ, что въ громадномъ большинствѣ преобладаютъ при заселеніи средніе участки; крупные же и мелкіе, въ особенности первые, встрѣчаются лишь въ незначительномъ количествѣ.

Платежи поселенцевъ. При расчисленіи платежей въ основу положена та мысль, что казенные платежи ни въ какомъ случаѣ не должны обременять поселенцевъ и затруднять развитіе ихъ экономическаго положенія. Поэтому установлено, что съ поселенцевъ нельзя требовать платежей свыше 3% съ той суммы, въ которую обошлось казнѣ пріобрѣтеніе и устройство участковъ; кромѣ того, поселенцы при водвореніи пользуются трехлѣтнимъ льготнымъ срокомъ, въ теченіе котораго они вовсе ничего не платятъ; это дѣлается, конечно, во вниманіе къ тѣмъ крупнымъ затратамъ, которыя приходится дѣлать поселенцамъ на первое время при обзаведеніи себя на новомъ мѣстѣ всѣми необходимыми предметами для веденія сельскаго хозяйства. Благодаря особымъ условіямъ покупныя цѣны по отдѣльнымъ имѣніямъ сильно колеблются, и, слѣдуя имъ, пришлось бы однихъ поселенцевъ обременять платежами, другимъ же предоставлять широкія льготы. Это было бы очень несправедливо, и во избѣжаніе этого принято за правило распредѣлять общую сумму въ данномъ году между всѣми пріобрѣтенными въ этомъ же году участками пропорціонально ихъ размѣрамъ и кадастровой оцѣнкѣ. Это, конечно, сглаживаетъ вліяніе случая.

Расходы по устройству земель, предназначенныхъ для общественныхъ нуждъ, относятся безвозвратно на счетъ фонда. Для отдѣльныхъ колоній платежи за землю взимаются ниже 3%, спускаясь даже до $1^3/_4$%.

Поселенцамъ въ среднемъ по даннымъ о 344 участкахъ приходится платить съ 1 гект.:

Ренты	16,5 м.
Процентовъ по ссудамъ	2,7 „
Долгу за дренажъ . .	1,8 „
Итого. . .	21 м.

Рента въ 16,5 м. за 1 гект. очень невысока, и по свидѣтельству Зеринга ниже цѣнъ, по которымъ частныя лица сдаютъ въ аренду свои земли въ Познани и Западной Пруссіи.

Спрашивается теперь, лица какихъ категорій поселяются Комиссіей на пріобрѣтаемыхъ ею земляхъ. Комиссія, при заявленіяхъ о желаніи переселиться, отдаетъ предпочтеніе крестьянамъ и сельскимъ рабочимъ, слѣдовательно, лицамъ, уже знакомымъ съ сельскимъ хозяйствомъ; напротивъ, заявленія помѣщиковъ, крупныхъ арендаторовъ и т. д. въ большинствѣ случаевъ отклоняются ею. Для распространенія свѣдѣній о переселеніи Комиссіей составлены особыя записки, которыя и разсылаются всѣмъ желающимъ: въ нихъ заключаются подробныя свѣдѣнія объ условіяхъ заселенія края. Но и изъ желающихъ переселиться крестьянъ и сельскихъ рабочихъ Комиссіей дѣлается строгій выборъ, и разрѣшеніе на переселеніе дается лишь тѣмъ, которые, по убѣжденію Комиссіи, могутъ сдѣлаться впослѣдствіи хорошими колонистами. Съ этой цѣлью всѣмъ желающимъ переселиться разсылается особый вопросный листъ съ массой вопросовъ [1]) о семейномъ и имущественномъ положеніи поселенца и т. д., затѣмъ о лицѣ собираются свѣдѣнія у сосѣдей, мѣстныхъ властей и нѣкоторыми другими способами, и только въ томъ случаѣ, если Комиссія убѣдится въ полной пригодности лица для колонизаціи, послѣднее получаетъ право на отводъ участка. Такимъ избранникамъ посылаются особыя извѣщенія съ краткимъ описаніемъ участковъ, предназначенныхъ къ поселенію, о постройкахъ на нихъ и т. д., даже приводится желѣзнодорожный тарифъ изъ разныхъ мѣстъ Германіи до мѣста поселенія. Особенно рекомендуется при этомъ осмотръ имѣній чрезъ ходоковъ, и только послѣ всей этой процедуры заключается контрактъ съ поселенцемъ.

Однимъ словомъ, Комиссія стремится къ тому, чтобы сами поселенцы относились вполнѣ сознательно къ своему устройству. При поселеніи колониста съ нимъ первоначально заключается казной временный договоръ, по которому на поселенца возлагается обязанность въ годичный срокъ застроить участокъ, снабдить его инвентаремъ и начать вести правильно мелкое хозяйство; если же поселенецъ не

[1]) Между прочимъ въ вопросномъ листѣ заключаются такіе вопросы: Какіе аттестаты о поведеніи можете доставить? Сколько времени вы занимались сельскимъ хозяйствомъ и въ качествѣ кого (рабочаго, самостоятельнаго хозяина)? и т. д.

выполнить этихъ условій, то казна можетъ отобрать участокъ; поселенецъ обязуется страховать постройки отъ огня, а посѣвы отъ градобитія, и только чрезъ 3 г. и 1 м. по поселеніи, если казна за это время не воспользуется своимъ правомъ выселенія, поселенецъ можетъ сдѣлаться или собственникомъ участка, или вѣчно наслѣдственнымъ его арендаторомъ. На первое время по водвореніи поселенца ему Комиссіей выдается извѣстное количество припасовъ на продовольствіе, посѣвныхъ сѣмянъ, корма для скота. Даже проѣздъ до мѣста поселенія свыше 200 в. оплачивается казною и записывается затѣмъ долгомъ на участкѣ. Имущество поселенцевъ перевозится безплатно на казенныхъ фурахъ и лошадяхъ. Безправное положеніе поселенцевъ въ первое время не вызываетъ однако жалобъ со стороны ихъ на Комиссію: обѣ стороны относятся очень осторожно къ заключенію договора. Очень благодѣтельную роль при первоначальномъ заселеніи играютъ такъ называемые посредники (Vermittler). Это особые переселенческіе чины, находящіеся въ имѣніяхъ, подлежащихъ заселенію. Они ведутъ предварительные переговоры съ лицами, желающими переселиться, заключаютъ съ ними предварительныя условія, препровождаютъ ихъ въ Комиссію, выдаютъ поселенцамъ на первое время ссуды на сѣмена и продовольствіе. На ихъ обязанности лежитъ не только заботиться о соблюденіи казеннаго интереса, но и о выгодахъ поселенцевъ: они являются для поселенцевъ совѣтниками во всемъ, знакомятъ ихъ съ почвенными и климатическими условіями страны, устраняютъ возникшіе среди колонистовъ споры и несогласія и т. д. Наиболѣе опытныхъ посредниковъ поселенческая Комиссія переводитъ изъ заселеннаго уже имѣнія въ другое, имѣющее еще заселяться. И по окончательномъ поселеніи Комиссія не перестаетъ заботиться о колонистахъ. Съ этой цѣлью она наблюдаетъ чрезъ своихъ служащихъ за положеніемъ дѣлъ въ поселкахъ, оказываетъ, гдѣ нужно, матеріальную помощь, однимъ словомъ, отечески относится къ поселенцамъ. Изъ мѣръ Комиссіи, въ которыхъ особенно проглядываетъ заботливость послѣдней относительно поселенцевъ, надо указать на слѣдующія: а) страхованіе, б) обзаведеніе скотомъ, в) разведеніе фруктовыхъ деревьевъ, г) образованіе ссудосберегательныхъ обществъ и т. д. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Страхованіе. Было уже упомянуто, что поселенцы обязаны страховать свое имущество отъ огня. Чтобы облегчить условія страхованія, Комиссія предоставила право страхованія въ новыхъ поселеніяхъ нѣсколькимъ наиболѣе надежнымъ обществамъ, но при этомъ добилась отъ нихъ нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу поселенцевъ.

Обзаведеніе скотомъ. Комиссія пріобрѣтаетъ скотъ за свой счетъ, и бѣднѣйшимъ поселенцамъ отдаетъ его въ наемъ за извѣстную

плату. Приплодъ составляетъ собственность нанимателя. Если скотина падетъ не по винѣ поселенца, то ³/₄ убытка принимаетъ на себя Комиссія. Въ послѣднее время Комиссія устроила два депо скота въ Познани и думаетъ устроить третье въ Западной Пруссіи. Въ 1891 г. 100 поселенцевъ пользовались скотомъ отъ Комиссіи. Казна не получаетъ на этой операціи ни прибыли, ни убытка. При желаніи наемщика, арендуемый скотъ можетъ быть ему переданъ въ собственность съ извѣстной разсрочкой.

Разведеніе фруктовыхъ деревьевъ. Нѣмецкіе крестьяне очень цѣнятъ плодовыя деревья, и Комиссія, чтобы поощрить колонистовъ къ разведенію фруктовыхъ деревьевъ, закупаетъ оптомъ деревца и саженцы и распродаетъ ихъ поселенцамъ; въ то же время она распространяетъ среди новоселовъ брошюры объ уходѣ за деревьями, о приготовленіи вина изъ фруктовъ. Даже спеціалистъ одно время былъ вызванъ для объѣзда поселковъ и нагляднаго обученія колонистовъ разводить фруктовые сады. Съ 1888 г. по 1 января 1893 г. поселенцы пріобрѣли 27,401 штуку деревьевъ (яблоневыхъ, грушевыхъ, вишневыхъ, сливовыхъ).

Комиссія стремится, далѣе, основать среди колонистовъ *потребительскія общества,* ссудныя кассы, но пока не совсѣмъ успѣшно. Причина этого кроется въ недостаточности взаимнаго довѣрія другъ къ другу среди поселенцевъ, съѣхавшихся изъ разныхъ мѣстъ Германіи. Тѣмъ не менѣе въ 1892 г. были организованы рейфейзенская касса, одинъ сельско-хозяйственный союзъ и одинъ случный пунктъ.

Школы. При помощи министерства народнаго просвѣщенія и частію на средства Комиссіи для поселенцевъ быстро отстраивались школы, и къ концу 1892 г. дѣти поселенцевъ обучались уже въ 39 училищахъ, а къ концу года должно было открыться еще 7 школъ. При школахъ въ 1892 г. имѣлись 22 библіотеки съ книгами довольно разнообразнаго содержанія: тутъ были книги и по религіи, по исторіи, географіи, естествознаніи и т. д. Устроено двѣ церкви, а въ коловіяхъ, расположенныхъ вдали отъ церквей, устроены особые молитвенные дома. Даже въ нѣкоторыхъ школахъ устроены алтари, запираемые по буднямъ, а по праздникамъ сюда пріѣзжаетъ пасторъ, который и совершаетъ богослуженіе въ школѣ.

Каковы же результаты этой заботливой дѣятельности поселенческой Комиссіи? Результаты блестящіе, и это несмотря на цѣлый рядъ лѣтъ очень тяжелыхъ для сельскаго хозяйства въ Познани и Западной Пруссіи. Дурная погода, необычайные разливы рѣкъ, засухи, эпизоотіи, нападеніе вредныхъ насѣкомыхъ—все это очень тяжело отзывалось на сельскомъ хозяйствѣ, и однако множество фактовъ свидѣтельствуетъ о благоденствіи поселенцевъ. Такъ инвентарь въ нѣко-

торыхъ мѣстностяхъ увеличился отъ 80 до 250%, въ немногихъ случаяхъ продажи имѣній стоимость ихъ значительно возрасла сравнительно съ цѣнностью ихъ при самомъ заселеніи, поселенцы затрачиваютъ теперь крупныя суммы на пріобрѣтеніе скота дорогихъ породъ, искусственнаго удобренія, сельско-хозяйственныхъ машинъ. Баденская правительственная Комиссія, состоящая изъ такихъ спеціалистовъ, какъ Бухенбергеръ, Франкъ, нашла положеніе выходцевъ Южной Германіи въ Познани и Западной Пруссіи блестящимъ. Есть, конечно, случаи и неудачъ, причины которыхъ коренятся въ неурожайности послѣднихъ лѣтъ или же въ ошибкахъ самихъ колонистовъ, затратившихъ слишкомъ много средствъ на постройки и т. д. Поселенческая Комиссія старается, насколько возможно, облегчить ихъ тяжелое положеніе, отстрочиваетъ платежъ ренты, выдаетъ дополнительныя ссуды и т. д. Когда эти средства не достигаютъ цѣли, то поселенецъ продаетъ свой участокъ, но часто при этомъ покупаетъ другой, болѣе подходящій для него.

Конечно, такому блестящему успѣху заселенія много способствуетъ то обстоятельство, что поселенцы вовсе не являются пролетаріями: въ среднемъ за 7 лѣтъ, съ 1886 по 1892 г., на одного просителя приходилось имущества по 4,851 маркѣ, да и сама Комиссія отдаетъ предпочтеніе наиболѣе состоятельнымъ лицамъ.

Дадимъ теперь краткія статистическія свѣдѣнія о тѣхъ размѣрахъ, какіе успѣла уже принять колонизація.

Изъ 100-милліоннаго фонда съ 1886 г. по 1 апрѣля 1892 г. поселенческая Комиссія затратила 45,7 м. м.; изъ этой суммы 37 м. м., или 80% всѣхъ расходовъ, затрачено на пріобрѣтеніе имѣній и 3,4 мил. м.—на дренажъ, возведеніе построекъ и т. д. Поселеніе, надо замѣтить, вовсе не является выгодной финансовой операціей для казны: послѣдняя получаетъ съ поселенцевъ въ среднемъ не болѣе 3% съ израсходованныхъ суммъ. Комиссіей пріобрѣтено съ 1886 г. по 1892 г., какъ уже было упомянуто, около 67 тысячъ гектаровъ. Изъ нихъ 21 тысяча гектаровъ уже перепроданы поселенцамъ, 9,5 т. гектаровъ готовы къ поселенію, а 36,5 т. гект. еще подготовляются. Участки получили 1,146 поселенцевъ, въ составѣ семей которыхъ заключается 6,500 человѣкъ.

Вотъ какъ поставлена германская колонизація. Невольно навязывается сравненіе нашей системы переселеній, скорѣе сказать—не системы, а какихъ-то хаотическихъ скитаній по Сибири мужика, съ такой строго выработанной переселенческой системой, какъ въ Германіи. Въ нашихъ переселеніяхъ отсутствуетъ всякій порядокъ: крестьянинъ ни отъ кого не получаетъ заранѣе свѣдѣній о мѣстностяхъ и удобствахъ поселенія въ нихъ, а если и получаетъ, то зачастую

они оказываются неточными: придетъ крестьянинъ въ указанное мѣсто, глядитъ—воды нѣтъ, или почва непривычная и т. д.; во многихъ же случаяхъ крестьянину просто приходится ходить вдоль и поперекъ по Сибири, руководствуясь темными слухами, пока онъ не наткнется, часто случайно, на удобное для него мѣстечко. Не говоримъ уже о томъ, что у насъ и слухомъ не слыхать о какихъ-то образцовыхъ постройкахъ, меліораціяхъ и т. п. мудреныхъ вещахъ. Ссуды же, выдаваемыя поселенцамъ, до того ничтожны, что едва ли можно о нихъ говорить. Между тѣмъ переселеніе для Россіи имѣетъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ для Германіи: тамъ оно имѣетъ политическое значеніе, у насъ же отъ того или другого результата переселеній зависитъ экономическое положеніе всего нашего крестьянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всего государства.

Правда, мы не можемъ переносить цѣликомъ переселенческую организацію Пруссіи къ намъ: условія для того слишкомъ различны, и у насъ при переселеніи приходится обращать вниманіе на многія другія стороны, которыя въ германской колонизаціи почти не играютъ никакой роли: такъ, напр., прежде всего мы должны придти на помощь переселенцамъ при ихъ переходахъ изъ Россіи въ Сибирь, на что потребуется много средствъ. Въ этой области намъ тѣмъ болѣе необходимо придти на помощь, если уже въ Германіи переселенческая Комиссія принимаетъ на себя переѣзды свыше 200 в. Зато у насъ отпадаетъ вопросъ о закупкѣ имѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ освобождаются огромныя средства, идущія въ Германіи на эту операцію. Но какъ бы то ни было, совершенно вѣрно замѣчаетъ составитель книги, что *та заботливость, съ которой прусскія власти относятся къ переселенію, заслуживаетъ прежде всего нашего вниманія* (курсивъ нашъ).

Авторъ далѣе подчеркиваетъ, что „прусское правительство должно было взять въ свои руки дѣло внутренней колонизаціи и коснуться его мельчайшихъ подробностей *въ странѣ, гдѣ частная иниціатива широко распространена, гдѣ отдѣльныя лица и разныя общества съ успѣхомъ преслѣдуютъ общеполезныя цѣли: признано было полезнымъ руководить поселеніемъ колонистовъ, лицъ состоятельныхъ, грамотныхъ, знакомыхъ съ усовершенствованными способами веденія хозяйства*“ (курсивъ нашъ).

Что же тогда дѣлать съ нашимъ переселеніемъ—въ странѣ, гдѣ частная иниціатива отсутствуетъ, гдѣ переселенческій потокъ состоитъ изъ людей темныхъ, неграмотныхъ, бѣдныхъ, рутинныхъ, и гдѣ переселенческій вопросъ—почти вопросъ жизни и смерти?

И. Озеровъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

II.

Хозяйничанье въ Амурскомъ краѣ.

Недавно вышло „Описаніе Амурской области“, сост. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ редакціей П. П. Семенова. Это очень толстый томъ, прекрасно составленный, интересный разнообразіемъ содержанія, даетъ довольно яркое представленіе объ Амурскомъ краѣ, значеніе котораго для Россіи съ каждымъ годомъ увеличивается. Поэтому, мы думаемъ, не безъинтереснымъ будетъ познакомиться съ нѣкоторыми данными изъ этого труда.

Сельское населеніе простирается здѣсь до 50 т., во владѣніи коего находится 980,000 дес. земли, т.-е. около 36 дес. на душу. Незаселенной удобной земли остается 12 м. дес., а такъ какъ каменнаго угля здѣсь до сихъ поръ еще не открыто, то половину этого пространства нужно оставить подъ лѣсными зарослями, и только другая половина можетъ подлежать колонизаціи.

Съ увеличеніемъ населенія хлѣбная производительность быстро поднимается, такъ въ Зейско-Бурсинскомъ округѣ производство достигло 1,300 т. пуд., такъ что окончательно вытѣсненъ отсюда манджурскій хлѣбъ, а избытки своего хлѣба вполнѣ покрываютъ потребленіе городского населенія, рабочихъ на здѣшнихъ пріискахъ и даже войскъ Амурскаго края. Особенно въ сферѣ земледѣльческой культуры отличаются молокане, имѣющіе запашки по 100—120 и даже по 180 дес. (дес. у нихъ 4000 кв. саж.). Эти крупныя запашки сильно развили употребленіе машинъ, въ особенности жатвенныхъ, такъ что одна американская фирма, „Эмери“, открыла въ 1888 г. въ гор. Благовѣщенскѣ складъ земледѣльческихъ машинъ, и населеніе ежегодно пріобрѣтаетъ этихъ машинъ на 10 т. руб. Однако, культура здѣсь самая хищническая, и молокане, переходя съ мѣста на мѣсто, „оставляютъ послѣ себя лишь бурьяны и просто обкрадываютъ настоящее и будущее поколѣніе изъ-за цѣлей личной наживы“. Вновь распаханный участокъ засѣвается подрядъ 6—10 лѣтъ, затѣмъ онъ бросается и рѣдко вновь подвергается культурѣ. Обыкновенно поселенцы ищутъ новыхъ залоговъ, и поля все отодвигаются и отодвигаются отъ деревни, такъ что всякая деревня, существующая болѣе или менѣе долгое время, всегда окружена обширными пространствами пустырей.

Наконецъ, въ виду отдаленности пахотныхъ земель оказывается болѣе выгоднымъ перенести деревню поближе къ новымъ полямъ, что̀ называется здѣсь: „откочевать, раскочеваться“.

Вообще населеніе здѣсь носитъ слишкомъ неустойчивый характеръ: крестьяне то-и-дѣло перемѣщаются съ мѣста на мѣсто; иногда цѣлыя деревни исчезаютъ и переносятся на другія мѣста.

Скотоводство развито очень слабо. Этому развитію препятствуетъ недостатокъ пастбищъ и покосовъ, благодаря камышевымъ зарослямъ, препятствующимъ испаренію воды; притомъ чума, сибирская язва и хищныя животныя безпощадно истребляютъ здѣшній скотъ. Страшнымъ бичомъ для послѣдняго служатъ миріады насѣкомыхъ: комары, мошки, мухи и овода,—послѣдніе достигаютъ здѣсь 1 вершка въ длину. Оводы до крови искусываютъ животныхъ, притомъ часто переносятъ сибирскую язву и другія заразительныя болѣзни; люди спасаются отъ нихъ только закрывая платками голову и шею и устраивая т. н. дымокуры.

Эпизоотіи—чума и сибирская язва—сильно вредятъ скотоводству: въ 1887 г. въ Зейско-Бурсинскомъ районѣ эпизоотія истребила 13% рогатаго скота. Низменныя сырыя пастбища и масса стоячихъ водъ по рѣкамъ Томи, Будунди и Бѣлой служатъ постояннымъ источникомъ сибирской язвы.

Хищническіе пріемы успѣли проявиться уже и въ охотѣ и рыболовствѣ, и особенно въ послѣднемъ это имѣло своимъ результатомъ уменьшеніе рыбы. Ежегодно въ среднемъ рыбы здѣсь ловится около 105 т. пуд. на сумму 170 т. р. Но наиболѣе важной промысловою отраслью здѣсь является золотопромышленность, судьбы которой для насъ должны быть особенно интересны; потому мы и обратимся сейчасъ къ ней.

Амурскій край является мѣстностью съ громаднымъ преобладаніемъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій: 90% всего добываемаго здѣсь золота (а съ 1887 г. по 1892 г. здѣсь ежегодно добывалось отъ 450 до 500 пуд. золота) приходится на долю трехъ главныхъ компаній—Верхне-Амурской, Зейской и Нюманской. Такое преобладаніе крупныхъ предпріятій вполнѣ объясняется мѣстными условіями: при возникновеніи золотопромышленности страна только-что еще заселялась, рабочій трудъ и предметы первой необходимости были очень дороги, слѣдовательно и разработкой золотыхъ розсыпей могъ завладѣть лишь крупный капиталъ, которому были подъ силу такія огромныя затраты.

Золотыя розсыпи въ Амурскомъ краѣ отличаются своимъ богатствомъ, и компаніи получаютъ огромные дивиденды: такъ Зейская компанія за послѣднее время получала дохода около 500% на оборотный капиталъ. Такой чрезмѣрной доходностью золотопромышленности объясняется примитивность и нерасчетливость веденія дѣла: здѣсь въ періодъ 1887—92 гг. не только не было на службѣ у золото-

промышленниковъ горныхъ инженеровъ и вообще образованныхъ техниковъ, но даже и лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Пріемы разработки примѣняются зачастую самые хищническіе. Особенно здѣсь развилась самовольная тайная разработка розсыпей внѣ всякаго правительственнаго контроля. Золото, полученное такимъ способомъ, конечно, не уплачиваетъ налога, притомъ сбывается большею частію въ Китай, такъ что наша казна отъ этого способа разработки терпитъ очень крупный убытокъ. Безлюдность мѣстности и обширность территорій, отведенныхъ для разработки частнымъ компаніямъ, способствуютъ тайной разработкѣ. Послѣднюю можно было бы пресѣчь лишь прекращеніемъ подвоза хищникамъ жизненныхъ продуктовъ, учрежденіемъ кордоновъ и разъѣздовъ, какъ это предлагалось на одномъ съѣздѣ золотопромышленниковъ.

Хищники не только наносятъ огромный ущербъ фискальнымъ интересамъ казны, но и страшно портятъ золотыя мѣсторожденія: они выбираютъ себѣ для разработки самыя богатыя части золотой розсыпи и отвалами загромождаютъ невыработанныя золотоносныя площади, благодаря чему въ будущемъ здѣсь трудно будетъ поставить правильную разработку. Не менѣе неблагопріятно поставлены и для интересовъ казны и для будущей судьбы нашихъ розсыпей и другія двѣ формы эксплуатаціи: чрезъ старателей и золотничниковъ. Первый способъ — это когда сами рабочіе въ свободное время съ разрѣшенія конторы занимаются промывкой песка для извлеченія золота, которое они должны представлять въ контору по извѣстной цѣнѣ. Золотничники же — артели, работающія на своемъ содержаніи и на свой страхъ на землѣ, владѣльцы которой не занимаются сами пріисковыми работами. Добытое золото артели должны представлять въ промысловыя конторы. Эксплутація въ этихъ двухъ случаяхъ—самая хищническая, и притомъ въ обоихъ случаяхъ широко развита продажа золота въ Китай.

Добыча золота постоянно увеличивается: такъ, съ 248 пуд. 1885 г. она поднялась до 418 въ 1892 г., а максимумъ добычи 486 п. падаетъ на 1890 г.

Посмотримъ теперь на лѣсное хозяйство.

Богатые лѣса Амурской области успѣли также сильно пострадать со времени начала русской колонизаціи: лѣсные пожары, благодаря здѣшней подсѣчной системѣ сельскаго хозяйства, истребили огромныя лѣсныя площади; мало того, до послѣдняго времени здѣсь шла самая безпорядочная рубка цѣнныхъ породъ для построекъ и топлива; кедровыя деревья рубились для сбора шишекъ, лучшіе дубы рубились китайцами для собиранія впослѣдствіи на ихъ полуистлѣвшихъ стволахъ грибовидныхъ наростовъ, считающихся лакомымъ блю-

домъ въ Китаѣ. Въ виду этого уже съ 1881 г. здѣшнимъ генералъ-губернаторомъ Анучинымъ были предпринимаемы нѣкоторыя мѣры, гарантирующія лѣса отъ самовольныхъ порубокъ.

Итакъ, уже изъ этихъ коротенькихъ выдержекъ мы видимъ, что русскіе поселенцы въ богатую Амурскую область вносятъ съ собою хищническіе пріемы, столь вредно отражающіеся на богатствахъ страны: тамъ, гдѣ были богатыя пашни, послѣ ухода поселенцевъ растетъ лишь бурьянъ; кедровые лѣса истребляются, ради чего же?— смѣшно сказать—чтобы удобнѣе было собирать кедровыя шишки; вырубаются дубовые лѣса, чтобы на ихъ пенькахъ собирать паразитные наросты—лакомое блюдо китайцевъ; рыба переводится въ рѣкахъ; нераціональные пріемы разработки золотыхъ розсыпей затруднятъ въ будущемъ ихъ разработку. Да, эти хищническіе пріемы разоряютъ богатую страну, и пора бы положить этому предѣлъ путемъ изданія особыхъ законовъ объ охотѣ, рыболовствѣ, золотопромышленности и т. д., а главное—надо позаботиться о заселеніи края. Когда населеніе сдѣлается гуще, ему меньше будетъ простора для блужданія; притомъ съ увеличеніемъ населенія будетъ развиваться промышленность, и населеніе сдѣлается осѣдлымъ, и тогда ему ближе будутъ интересы той мѣстности, въ которой оно живетъ: за невозможностью переходить изъ одной мѣстности въ другую, поселенцы уразумѣютъ связь между нынѣшнимъ хищеніемъ и будущимъ обѣдненіемъ и съ большей бережливостью будутъ относиться къ богатымъ дарамъ края. *И. О.*

III.

Экономическія и камеральныя примѣчанія генеральныхъ землемѣровъ.

Въ замѣчаніяхъ В. Н. Сторожева [1]) по вопросу о современныхъ задачахъ исторіи русскаго права было указано на необходимость изученія практики помѣстнаго и вотчиннаго правъ по дѣлопроизводству помѣстнаго приказа, чѣмъ вскроется житейскій механизмъ, создавшій законодательныя нормы. Мысль чрезвычайно плодотворная и по отношенію къ исторіи межеванія,—до сихъ поръ у насъ изучали обязанности писца по законодательнымъ памятникамъ, не касаясь дѣйствительнаго исполненія писцомъ своихъ обязанностей; изслѣдователи пересказывали намъ содержаніе законодательныхъ памятниковъ и проходили молчаніемъ примѣненіе ихъ на практикѣ.

---

[1]) Въ III-мъ т. Сборника Правовѣдѣнія.

Ближайшей задачей исторіи межеванія должно быть всестороннее изученіе дѣятельности писца и его общественнаго значенія. Писецъ, по вѣрному замѣчанію А. Ѳ. Малиновскаго, „былъ нѣкоторымъ образомъ бытописатель народа и судья, основательно знающій право поземельной собственности; впослѣдствіи времени сдѣлался онъ описателемъ нашей русской разнообразной натуры, архитекторъ и примиритель враждующихъ за поземельную собственность“ [2]). Только изучая „физіологическій“ процессъ писцовыхъ межеваній, мы получимъ дѣйствительно научные и практически полезные результаты.

Та же мѣрка приложима и къ генеральному межеванію послѣ 1765 года. Функціи дѣятельности генеральныхъ землемѣровъ во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ обязанности писцовъ, а если ревизія и редукція правъ на владѣніе и не имѣютъ здѣсь мѣста, то во всякомъ случаѣ генеральный землемѣръ является въ такой же степени „бытописателемъ“ русскаго народа, знатокомъ поземельной собственности. По екатерининской инструкціи, задача генеральнаго межеванія заключалась не столько въ опредѣленіи границъ частной поземельной собственности, сколько въ приведеніи въ извѣстность количества государственныхъ и частныхъ земель и ихъ экономическаго благосостоянія. Между тѣмъ у насъ не обращено должнаго вниманія на ближайшіе результаты генеральнаго межеванія, выразившіеся въ экономическихъ и камеральныхъ примѣчаніяхъ; едва ли не одинъ В. И. Семевскій воспользовался ихъ богатымъ матеріаломъ въ своей монографіи о крестьянахъ въ царствованіе Екатерины II. Вотъ почему, на-ряду съ намѣченными выше задачами, исторіи межеванія предстоитъ еще изучить и изслѣдовать богатый статистическій матеріалъ, собранный генеральными землемѣрами.

Одного поверхностнаго взгляда достаточно для того, чтобы убѣдиться въ разнообразіи и обиліи матеріала, заключающагося въ экономическихъ и камеральныхъ примѣчаніяхъ. Согласно инструкціи 1766 г., 487 ст. 2-й ч. X т. Св. меж. зак. (по изд. 1893 г.) требуетъ отъ землемѣра генеральнаго межеванія слѣдующихъ свѣдѣній, заносимыхъ въ экономическій журналъ: „1) существуетъ ли судовой ходъ по протекающимъ въ уѣздѣ рѣкамъ, продолжается ли оный во все лѣто или только по нѣкоторое время, отъ какого города или селенія судовой ходъ начинается и при какомъ городѣ или селеніи оканчивается, въ какое время бываетъ и когда прекращается; 2) какіе товары или произведенія тою коммуникаціею отправляются, и чѣмъ жители прибрежныхъ селеній торгуютъ; 3) какова глубина и ширина рѣкъ судоходныхъ и несудоходныхъ въ самое жаркое время въ мелкихъ

---

[2]) „Историческій взглядъ на межеваніе въ Россіи до 1765 г.“, 1844 г.

мѣстахъ бываетъ; 4) о каждомъ селеніи замѣтить, въ чемъ оно больше упражняется, въ землепашествѣ или промыслахъ; гдѣ земля по плодородію лучше, или хуже; гдѣ какого рода и качества находятся лѣса, и гдѣ оныхъ нѣтъ; 5) гдѣ находятся мельницы, толчеи, фабрики и заводы и во все ли время года оные дѣйствуютъ или только въ нѣкоторые мѣсяцы, а въ прочіе останавливаются." Собираемыя свѣдѣнія заносились затѣмъ въ общія экономическія примѣчанія при уѣздныхъ генеральныхъ атласахъ. Въ 1782 году былъ составленъ такой атласъ съ экономическими примѣчаніями по калужскому помѣстничеству и разосланъ въ разныя учрежденія для образца составленія атласовъ на остальныя губерніи. Нынѣ имѣются подобные атласы на всѣ 34 генерально обмежеванныя губерніи, при чемъ 24 изъ нихъ приходятся на вторую половину XVIII ст. и, конечно, представляютъ интересный статистическій матеріалъ для изученія экономическаго быта въ Россіи прошлаго столѣтія. Содержаніе примѣчаній слѣдующее. Въ нихъ прежде всего описаны по циркульному порядку всѣ дачи въ уѣздѣ съ обозначеніемъ ихъ №№ по уѣздному плану, затѣмъ по каждой отдѣльно дачѣ значатся имена и фамиліи владѣльцевъ, число дворовъ, число душъ мужского и женскаго пола, количество земли подъ усадьбой, подъ пашней, подъ сѣнокосами, подъ лѣсами, подъ неудобными мѣстами и общее; всѣ свѣдѣнія расположены въ соотвѣтствующихъ графахъ противъ названія дачъ; послѣдняя графа носитъ названіе „краткія экономическія примѣчанія": здѣсь описывается мѣстоположеніе селеній, усадебныя и другія строенія, качество водъ, лѣсовъ и покосовъ, качества урожаевъ, занятія крестьянъ и ихъ экономическая зависимость отъ помѣщиковъ; наконецъ, при описаніи города слѣдуютъ свѣдѣнія о числѣ деревянныхъ и каменныхъ церквей и публичныхъ зданій, о занятіяхъ мужского и женскаго населенія, о количествѣ и качествѣ воды, объ ярмаркахъ, заводахъ, рѣчныхъ промыслахъ и др. Въ концѣ каждаго уѣзда приложены два алфавита—дачъ и владѣльцевъ.

Что касается до качества сообщаемыхъ свѣдѣній и ихъ достовѣрности,—за нихъ говоритъ оффиціальное положеніе землемѣровъ, отсутствіе принудительнаго характера въ собираніи ихъ и добросовѣстность генеральныхъ землемѣровъ въ исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей; не надо забывать, что успѣхъ екатерининскаго межеванія во многомъ зависѣлъ отъ исполнителей.

Наконецъ, относительно района, охваченнаго имѣющимися свѣдѣніями, даетъ лучшее понятіе списокъ генерально обмежеванныхъ губерній по царствованіямъ: съ 1765 года до кончины Екатерины II генерально обмежеваны губерніи: Московская, Владимірская, Харьковская, Рязанская, Костромская, Ярославская, Тверская, Тульская, Калужская, Смоленская, Воронежская, Орловская, Новгородская, С.-Пе-

тербургская, Псковская, Вологодская, Олонецкая, Могилевская и Пензенская; начато межеваніе въ Курской, Тамбовской, Нижегородской, Витебской и Казанской; при Павлѣ I домежеваны первыя четыре (за исключеніемъ Лепельскаго уѣзда Витебской губ.) и открыто межеваніе въ Саратовской, Симбирской, Оренбургской, Екатеринославской, Херсонской и Таврической. Въ царствованіе Александра I окончено межеваніе въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, а начато въ Вятской, Пермской и Бессарабской; при Николаѣ I закончено межеваніе Екатеринославской, Херсонской, Саратовской, Вятской, Оренбургской, Пермской и Таврической губерній и начато въ Астраханской губерніи и въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губ.; въ царствованіе Александра II окончено межеваніе Шенкурскаго уѣзда, а начато въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, гдѣ оно окончено въ минувшее царствованіе. Такимъ образомъ объ экономическомъ бытѣ прошлаго столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія по великороссійскимъ и нѣкоторымъ другимъ губерніямъ; по губерніямъ Восточной Россіи и Новороссіи свѣдѣнія относятся ко времени крѣпостного права.

Изъ всего сказаннаго легко усматривается необходимость изслѣдованія описанныхъ памятниковъ генеральнаго межеванія. Атласы съ экономическими примѣчаніями находятся на храненіи чертежнаго архива межевой канцеляріи и ждутъ своихъ изслѣдователей; при современномъ направленіи исторической науки, при ея стремленіи къ изученію матеріальнаго быта народныхъ массъ, таковые не замедлятъ явиться.

С. Поляковъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

IV.

Изъ текущей жизни деревни [1]).

I.

28-го декабря 1891 года старшина Троицкой волости, Клинскаго уѣзда, Московской губерніи, Ивановъ, озабочиваясь очищеніемъ податной недоимки къ концу года, пріѣхалъ, съ писаремъ своимъ Павловымъ, въ дер. Кузнецову „выбивать подати". Прежде чѣмъ приступить къ этому дѣлу, старшина съ писаремъ и сельскимъ старостой зашелъ въ трактиръ, напился тамъ съ ними чаю, выпилъ водки,

[1]) Первыя двѣ главы этихъ очерковъ были напечатаны въ *„Русскихъ Вѣдомостяхъ"*.

а потомъ уже отправился по избамъ недоимщиковъ. Прежде всего онъ зашелъ въ крайнюю избу предсѣдателя волостного суда Заичкина. Несмотря на то, что за волостью приходилось недополученнаго жалованья его 15 руб. и несмотря на то, что Заичкинъ просилъ старшину зачесть изъ нихъ недоимку, старшина не хотѣлъ ничего слушать и требовалъ сейчасъ же деньги. У Заичкина не было ихъ, и старшина велѣлъ старостѣ отобрать у него самоваръ. Староста исполнилъ приказаніе старшины, но потомъ уже на улицѣ Заичкинъ выпросилъ у старосты самоваръ, обѣщаясь на другой же день принести деньги. Отъ Заичкина старшина отправился по другимъ дворамъ, и вездѣ отбиралъ у недоимщиковъ самовары и рукомойники. Такимъ образомъ онъ дошелъ до дома крестьянина Петра Васильева. Сюда, прямо изъ трактира, достаточно выпивши, явился крестьянинъ д. Харловой Никифоръ Семеновъ Крушилинъ, за которымъ тоже числилась недоимка. Когда старшина потребовалъ ее съ него, Крушилинъ довольно развязно отвѣтилъ: „Откуда же я тебѣ возьму? Я вотъ и на сороковку (водки) не могу достать себѣ, а не то что платить еще подати.“ Старшина принялъ это „въ сурьёзъ“ и закричалъ: „Какъ ты смѣешь мнѣ говорить это! Знаешь, кто я такой? Взять его подъ арестъ!“ Крушилинъ спьяну буркнулъ что-то еще.—„Розогъ!“ крикнулъ десятскому старшина. Десятскій замялся-было, но старшина крикнулъ, что онъ и его растянетъ и выпоретъ. Десятскій побѣжалъ на улицу, наломалъ розогъ, и Крушилина растянули и тутъ же выпороли при всемъ народѣ, сопровождавшемъ старшину, отсчитавъ казенные, узаконенные 20 ударовъ.

Изъ дер. Кузнецовой, уже вечеромъ, старшина съ писаремъ ототправился въ сосѣднюю деревню Гунѣеву, тоже выбивать подати, остановился въ домѣ у старосты и велѣлъ собирать сходъ. Былъ уже часъ одиннадцатый ночи, когда крестьяне собрались на сходъ. Старшина велѣлъ позвать крестьянина Ивана Мухина и, когда онъ явился, потребовалъ съ него 5 руб. за проводъ его по этапу изъ Москвы въ Клинъ. Мухинъ отвѣтилъ, что у него нѣтъ такихъ денегъ. Тогда старшина спросилъ у крестьянъ: не заплатятъ ли они за Мухина эти 5 рублей?—Крестьяне въ одинъ голосъ отвѣтили, что они несогласны платить за него, что онъ шатунъ, нерачитель, не почитаетъ свою старуху-мать и нѣсколько разъ пересылался уже по этапу, и его слѣдуетъ „поучить“. Старшина послалъ за матерью Мухина, Платонидой, и, когда она явилась, потребовалъ съ нея 5 руб. за сына. Но и она отказалась платить и начала высчитывать недостатки сына.—„Не поучить ли его?“ спросилъ старшина.—„Да я и сама желала бы его поучить, да время-то теперь позднее; гляди, скоро пѣтухи запоютъ,“—отвѣтила старуха.—„Ничего,—возразилъ старшина.—Вотъ мы

на ночь-то поучимъ его, а онъ лучше заснетъ,"—и распорядился выпороть Мухина. Когда положили его, отецъ старосты, лежавшій все время на печкѣ, закричалъ старшинѣ: „Не погань ты мою избу этой пакостью. У меня здѣсь не живодёрня. Я у себя сѣчь не позволю. Ступай, гдѣ хочешь его свѣжуй." Старшина крикнулъ старику: „Я и тебя, старый чортъ, съ печи стащу да и растяну."—„Ну, руки еще не доросли,"—сказалъ старикъ, слѣзъ съ печи, подошелъ къ старшинѣ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ ему: „Хозяинъ дома здѣсь я и сѣчь у себя не позволю. Уходи вонъ." Мухина вывели изъ избы. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и старшина. Старикъ думалъ, что Мухина повели на улицу, а его вывели только въ сѣни и по приказанію старшины начали драть. Мухинъ болѣзненно вскрикнулъ. Старикъ выскочилъ въ сѣни и снова закричалъ старшинѣ, чтобы онъ убирался. Мухина отвели къ десятскому въ пустую избу, и тамъ, въ присутствіи старшины и писаря, додали ему остальные тринадцать ударовъ.

Дня черезъ три послѣ того старшина вызвалъ Крушилина въ волостное правленіе и посадилъ подъ арестъ на два дня по рѣшенію волостного суда „за непочтеніе матери". Въ первый же день ареста, вечеромъ, часу въ одиннадцатомъ, старшина вызвалъ Крушилина изъ холодной и спросилъ: „Правда ли, что ты хочешь прошеніе подавать на меня, что я тебя выстегалъ?"—Крушилинъ отвѣтилъ: „Правда",—„А, ну, такъ заодно отвѣчать. Ложись!"—Крушилинъ сказалъ, что онъ не ляжетъ. Тогда писарь взялъ Крушилина за шею и за руку, а старшина за ноги, повалили его, и старшина велѣлъ сотскому сѣчь. Сотскій отказался-было, но старшина закричалъ на него, и сотскій принужденъ былъ пороть Крушилина и далъ ему десять ударовъ. Послѣ наказанія старшина велѣлъ снова отправить его въ холодную.

Когда старшина привлеченъ былъ къ отвѣтственности за превышеніе власти (по 338 ст. Улож. нак.), онъ оправдывался тѣмъ, что Крушилина 28-го декабря 1891 г. онъ наказалъ будто бы въ исполненіе приговора волостного суда еще отъ 9-го августа 1887 г., а 2-го января 1892 г. наказалъ въ исполненіе приговора того же суда отъ 2-го іюля 1888 г. за нетрезвую, безпорядочную жизнь, накопленіе недоимокъ и неплатежъ податей. По словамъ старшины, раньше приговоры не могли быть исполнены потому будто бы, что Крушилинъ не являлся въ волостное правленіе. Затѣмъ Мухина старшина наказалъ будто бы по просьбѣ матери, думая, что она имѣетъ право наказывать сына безъ особаго суда.

Московская судебная палата, съ участіемъ сословныхъ представителей, присудила старшину къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ.

II.

Въ д. Кишлѣевой, Петроковской волости, Владимірскаго уѣзда, живетъ крестьянинъ Петръ Ивановъ Трещаловъ, человѣкъ уже пожилой, лѣтъ около 50-ти, степенный, трудолюбивый. Лѣтомъ онъ занимается землепашествомъ, а осенью и зимой столярничаетъ и кормитъ 70-лѣтняго старика-отца, жену, двухъ сыновей и дочь. Деревня относится къ нему доброжелательно, мирно. И онъ живетъ съ нею въ ладу, и когда у кого-нибудь изъ крестьянъ случаются какія-нибудь бумажныя дѣла, онъ, какъ человѣкъ грамотный, разумный и до нѣкоторой степени развитой, помогаетъ имъ своими совѣтами. Но дѣла эти затрогивали иногда мѣстнаго старшину, разоблачали его служебную дѣятельность и, понятно, поставили его во враждебныя отношенія къ Трещалову. Старшина за это старался дѣлать ему при каждомъ случаѣ непріятности, притѣснить, унизить его. Напримѣръ, Трещаловъ запахалъ и засѣялъ землю свою подъ яровое, а старшина устроилъ, что волостной судъ приговорилъ ее въ пользу одной крестьянки и хотя присудилъ возвратить ему сѣмена, но Трещаловъ такъ и не получилъ ихъ. Потомъ старшина устроилъ расписку отъ его имени на другую полосу земли въ пользу крестьянина Макарова. Трещаловъ обжаловалъ эту расписку уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, и оно признало расписку подложною. Затѣмъ былъ случай, что Трещаловъ заявилъ начальству о злоупотребленіяхъ мѣстнаго кабатчика по торговлѣ, о томъ, что онъ отпускаетъ мужикамъ водку на сходъ и проч. Кабатчикъ былъ оштрафованъ; но старшина былъ въ дружбѣ съ нимъ, и Трещаловъ выдержалъ большую ссору съ старшиной за кабатчика. Все это до того обострило отношенія старшины къ Трещалову, что онъ выбиралъ только покрупнѣй случай реально доказать ему всю страшную правду нажитой вѣковымъ народнымъ опытомъ практической замѣтки, отлившейся потомъ въ пословицу: съ сильнымъ не борись и съ богатымъ не судись. Случай не замедлилъ представиться. Не считая справедливымъ рѣшеніе волостного суда о предоставленіи Макарову полосы земли, Трещаловъ запахалъ ее весной въ 1887 году. Макаровъ пожаловался на это волостному суду, и судъ, не безъ воздѣйствія на него старшины, приговорилъ, 9-го августа того же 1887 года, наказать Трещалова за самоуправство 19-ю ударами розогъ. Почему судъ назначилъ именно 19 ударовъ, неизвѣстно. Старшина разъ пять вызывалъ Трещалова въ волостное правленіе для исполненія приговора волостнего суда, но каждый разъ долженъ былъ откладывать потому, что Трещаловъ обжаловалъ приговоръ сначала уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ

присутствію, а когда оно приговоръ утвердило, а жалобу оставило „безъ послѣдствій", и когда потомъ введены были земскіе начальники и уѣздные съѣзды, Трещаловъ, по незнакомству съ формальностями, просилъ и земскаго начальника, и съѣздъ возстановить правду въ дѣлѣ его, но, конечно, долженъ былъ выслушать, что они не могутъ помочь ему, потому что уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе уже рѣшило его дѣло. Тогда Трещаловъ, по тому же незнакомству съ формальностями, въ 1892 году рѣшился жаловаться въ сенатъ.

Такъ шли года за годами, и старшина, можетъ быть, и забылъ уже о дѣлѣ Трещалова, но владимірскій уѣздный съѣздъ 18-го ноября, а потомъ 21-го декабря 1892 года за №№ 4182 и 4630 предписалъ старшинѣ „о немедленномъ приведеніи въ исполненіе" надъ Трещаловымъ приговора волостного суда и „о послѣдующемъ донести". Медлить было уже невозможно, и, озабочиваясь „очисткой бумаги" къ новому году, старшина вызвалъ Трещалова на 30-е декабря въ волостное правленіе. На этотъ же день вызвано было въ волостное правленіе нѣсколько человѣкъ крестьянъ по дѣламъ волостного суда, который помѣщается въ одномъ зданіи съ волостнымъ правленіемъ. Узнавъ, что Трещаловъ явился и стоитъ съ нѣкоторыми крестьянами на дворѣ, старшина велѣлъ привести его, публично, при всѣхъ крестьянахъ, собравшихся въ волостное правленіе, объявилъ Трещалову рѣшеніе волостного суда и велѣлъ раздѣваться и ложиться подъ принесенныя сторожемъ розги. Трещаловъ возразилъ, что онъ по своимъ лѣтамъ избавленъ уже отъ тѣлеснаго наказанія, что онъ не мальчишка, что теперь и мальчишекъ въ школахъ не велятъ сѣчь, и проч. Старшина насмѣшливо сказалъ Трещалову, что хотя онъ и не мальчишка, а онъ все-таки долженъ выпороть его. Тогда Трещаловъ заявилъ, что на рѣшеніе волостного суда онъ мѣсяцевъ уже восемь тому назадъ послалъ жалобу въ департаментъ сената, въ доказательство чего вынулъ изъ кармана и показалъ почтовую квитанцію, и просилъ старшину справиться по бумагамъ и книгамъ волостного правленія, не полученъ ли изъ сената отвѣтъ на его жалобу. Старшина велѣлъ писарю справиться, справлялся и самъ, но никакого отвѣта не оказалось. Тогда онъ сказалъ Трещалову: „Ну, нечего съ тобой канителиться. Раздѣвайся и ложись! Ты ужъ нѣсколько лѣтъ отбѣгиваешься отъ розогъ." — „Ну, я самъ добровольно раздѣваться не буду! — отвѣтилъ Трещаловъ. — Развѣ насильно меня положите." Старшина крикнулъ сторожу и мужикамъ: „Раздѣньте и положите его!" Мужики набросились-было на Трещалова, но онъ, отстранивъ ихъ отъ себя, сказалъ: „Отойдите; я самъ раздѣнусь и лягу." — „Э, какой же ты, братъ, лѣнивый ложиться подъ розги-то.

Ну, чего тебѣ стоитъ? Вѣдь ребра розгой не перешибешь,"—замѣтилъ одинъ шутникъ изъ крестьянъ. Когда мужики выпустили Трещалова изъ рукъ, онъ показалъ видъ, что хочетъ снимать съ себя куртку, но въ тотъ же моментъ вынулъ изъ кармана небольшой сапожный ножъ, поднялъ его надъ своей головой и, не владѣя собой, произнесъ: „Предъ портретомъ Его Величества имѣю честь обороняться этимъ ножомъ! Ну, теперь подходите!" Мужики оторопѣли и отступили. Въ волостномъ правленіи въ это время былъ по служебнымъ дѣламъ мѣстный урядникъ. Старшина крикнулъ ему, чтобы онъ помогъ обезоружить Трещалова; но урядникъ отвѣтилъ: „Это не мое дѣло," и показалъ видъ, что уходитъ изъ волостного правленія, а между тѣмъ подкрался сзади къ Трещалову и изловчился схватить его за руки выше локтей. Трещаловъ сталъ-было бороться съ урядникомъ, закидывалъ назадъ свободную часть руки, чтобы достать его ножомъ, но, окруженный толпой мужиковъ, вырвавшихъ у него ножъ, долженъ былъ сдаться. А затѣмъ его повалили, раздѣли и отсчитали 19 ударовъ розогъ,—и старшина на бланкѣ, за нумеромъ, донесъ съѣзду, что приговоръ волостного суда приведенъ надъ Трещаловымъ въ исполненіе.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ старшина тогда же составилъ протоколъ и донесъ становому приставу о томъ, что когда 30-го декабря „приступлено было къ разложенію Трещалова на полъ", то онъ выхватилъ ножъ изъ кармана и, замахиваясь на старшину, сказалъ: подходите кто—зарѣжу! Урядникъ тоже счелъ своей обязанностью донести становому, что вмѣсто того, чтобы добровольно раздѣться и лечь подъ розги, Трещаловъ, въ раздраженномъ состояніи, вынулъ ножъ изъ кармана, засучилъ будто бы рукава и сказалъ старшинѣ: ну, теперь, кто первый меня возьметъ,—вотъ тому! И у судебнаго слѣдователя создалось такимъ образомъ дѣло о вооруженномъ сопротивленіи Трещалова власти, предусмотрѣнномъ 270 ст. Улож. о нак. и караемомъ или каторжными работами отъ 4-хъ до 6-ти лѣтъ, или, въ благопріятномъ случаѣ, арестантскими ротами отъ 3-хъ до $3^1/_2$ лѣтъ. Обвиненіе это, впрочемъ, впослѣдствіи видоизмѣнено прокурорскимъ надзоромъ московской судебной палаты, и къ Трещалову примѣнена 271 ст. Улож. о нак.—9-го января 1893 г. судебный слѣдователь допросилъ Трещалова въ качествѣ обвиняемаго и тогда же заключилъ подъ стражу до представленія залога въ 200 р. Но такъ какъ у него не было такой суммы, то онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ цѣлый годъ, по 10-е января 1894 г., когда освобожденъ былъ по распоряженію судебной палаты. Сидя въ тюрьмѣ, онъ заболѣлъ въ апрѣлѣ 1893 года: у него значительно расширились зрачки; онъ или безцѣльно бродилъ, порываясь все куда-то уйти, говорилъ какія-то

безсвязныя, непонятныя рѣчи, отвѣчалъ невпопадъ, впадалъ въ раздраженіе до того, что приходилось надѣвать на него сумасшедшую рубашку, или дѣлался вялъ, апатиченъ, не принималъ пищи, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ молча, уставивъ глаза въ одну точку. 6-го апрѣля (1893 г.) его свезли въ земскую больницу, какъ душевно-больного. Тамъ нашли у него зараженіе сыпнымъ тифомъ, продержали до 30-го апрѣля и, какъ выздоровѣвшаго, опять вернули въ тюрьму. Когда при освидѣтельствованіи въ порядкѣ 354—356 ст. Уст. уг. суд. было затребовано отъ врача владимірской губернской земской санитарной коммиссіи заключеніе объ умственномъ состояніи Трещалова въ моментъ совершенія преступленія, врачъ нашелъ, что, принимая во вниманіе легкую возбудимость нервной системы Трещалова, особенно центральной, на что указываютъ рѣзко выступающія мозговыя явленія при лихорадочныхъ процессахъ, можно заключить, что Трещаловъ находился въ состояніи аффекта и не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ дѣяніи; аффектъ могъ тѣмъ болѣе легко наступить, что вопросъ касался чести Трещалова—получить нѣсколько ударовъ розогъ. Но помощникъ владимірскаго врачебнаго инспектора, владимірскій городовой врачъ и ординаторъ земской больницы дали заключеніе, что какъ въ моментъ освидѣтельствованія въ окружномъ судѣ, такъ и въ моментъ совершенія преступленія Трещаловъ обладалъ вполнѣ нормальнымъ состояніемъ умственныхъ способностей. На основаніи этого послѣдняго заключенія онъ былъ преданъ суду судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, и такъ какъ фактъ былъ налицо, то судебной палатѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ примѣнить къ Трещалову слѣдующее по закону наказаніе,—и онъ 15-го марта 1894 г. приговоренъ къ лишенію особыхъ правъ и на годъ въ арестантское отдѣленіе, да кромѣ того къ уплатѣ 18 руб. 24 к. судебныхъ издержекъ за явку свидѣтелей въ г. Владиміръ въ засѣданіе судебной палаты, а до приведенія въ исполненіе этого приговора снова заключенъ былъ въ тюрьму. На этотъ приговоръ Трещаловъ уже не жаловался въ сенатъ, и приговоръ тоже былъ „приведенъ въ исполненіе“.

III.

Въ ночь съ 22-го на 23-е октября 1893 г. у крестьянина Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда, Никольской волости, д. Щапиной, Ивана Андріанова Волова, изъ лѣтней нежилой избы украдено было 4 пуда льняного сѣмени. Подозрѣніе пало на сосѣдку Волова, вдову крестьянку Прасковью Иванову Анисимову, по деревенскому прозвищу Петрушиху, бабу лѣтъ 46-ти. Пало на нее подозрѣніе потому, что по

деревнѣ ходили слухи, что она поворовываетъ и принимаетъ краденое. Кромѣ того, сынъ ея говорилъ, что своего сѣмени у нихъ не было, а между тѣмъ мать продала его пудъ 30 фунт. однодеревенцу Евгенію Чеснокову.

Воловъ заявилъ о кражѣ мѣстному старшинѣ. Днемъ 8-го ноября старшина пріѣхалъ въ д. Щапину, въ присутствіи сотскаго, десятскаго и сосѣда Петрушихи сначала осмотрѣлъ окно въ избѣ у Ивана Волова, черезъ которое воръ пробрался въ избу для кражи, потомъ сдѣлалъ у Петрушихи обыскъ, нашелъ въ клѣти у нея, въ чашкѣ, фунта полтора сѣмени, которое Воловъ призналъ за свое, взялъ сѣмя съ собой въ волостную контору и уѣхалъ, сказавъ, что Петрушиху надо предать суду по закону.

Воловъ не удовлетворился дѣйствіями старшины. Какъ только проводили его, Воловъ предложилъ компаніи вернуться къ Петрушихѣ и попытать ее, чтобы она сказала, куда сбыла сѣмя. Сначала уговаривали ее сказать добромъ, но когда она расклялась-разбожилась, что никакого сѣмени она не брала и ничего знать не знаетъ, Воловъ сказалъ: надо, ребята, ее „постебать": она повинится. Сосѣдъ Петрушихи, Василій Воловъ, сбѣгалъ на улицу, нарѣзалъ пукъ длинныхъ березовыхъ вицъ (прутьевъ), сплелъ ихъ концы, перевязалъ тѣми же вицами и принесъ въ избу къ Петрушихѣ. А она сидѣла на лавкѣ и отгрызалась отъ обступившей ее толпы мужиковъ. Когда она сказала рѣшительно, что сѣмени она не брала, Иванъ Воловъ стащилъ ее за косы на полъ, повалилъ ничкомъ, поднялъ на голову сарафанъ и рубашку, Евгеній Воловъ наступилъ ногами на нихъ, а Василій Воловъ началъ „стебать" Петрушиху вицами, по сидѣнью и по „голяшкамъ". Петрушиха подняла такой ревъ, что къ окну ея сбѣжались съ улицы ребятишки и разсказывали потомъ домашнимъ, какъ стебали Петрушиху, а она ревѣла и ерзала по полу. Когда покончили ее сѣчь, она поднялась съ полу, обдернулась, поправила косы, потомъ вынула изъ печки „чулпаны" (ковриги хлѣба), отнесла ихъ въ „шѳвнышу" (перегородка за печкой), а между тѣмъ продолжала плакать и увѣрять, что напрасно выстегали ее. Тогда Иванъ Воловъ сказалъ: нужно, робятъ, еще „пожвыкать" ее. Я выставлю полведра водки. А сотскій сказалъ Петрушихѣ: а у меня ты украла „портно" (бѣлье), и съ этими словами повалилъ ее снова на полъ, обнажилъ сидѣнье и ноги, а Василій Воловъ разъ десять ударилъ тѣми же вицами, но потомъ бросилъ ихъ на полъ. Ихъ поднялъ сотскій и такъ началъ стегать Петрушиху, что тѣло у нея потемнѣло, и проступила кровь. Одинъ изъ очевидцевъ потомъ разсказывалъ, что сотскій такъ стегалъ Петрушиху, и она до того ревѣла, что страшно было оставаться въ избѣ. Сама Петрушиха разсказывала потомъ, что она нѣсколько

дней послѣ сѣченья не могла сѣсть и дня два пролежала въ постели.

Несмотря на такую радикальную мѣру, принятую для разысканія сѣмени, оно такъ и осталось неразысканнымъ.

Сотскій потомъ оправдывался тѣмъ, что Петрушиху онъ высѣкъ „по своему неразумѣнію закона". Онъ думалъ, что воровку всегда можно пороть. Да и слышалъ отъ нѣкоторыхъ господъ, что воровъ и неплательщиковъ слѣдуетъ драть безъ разбора.

Сотскій и вся компанія, участвовавшая въ истязаніи Петрушихи, не умѣютъ ни читать, ни писать.

IV.

Вечеромъ въ день новаго 1895 года въ домѣ крестьянина Вологодской губерніи, Грязовецкаго уѣзда, д. Угленцевой, Петра Васильева Боронина крестьяне распивали мірское вино. Въ числѣ другихъ участвовали въ томъ Харитонъ Кошеловъ, родной племянникъ его, молодой, 23-хъ лѣтъ, парень, Николай Кошеловъ и Матвѣй Савиновъ Романовъ. Николай Кошеловъ основательно выпилъ и сталъ просить прощенья у Романова. А передъ этимъ мѣстный волостной судъ присудилъ наказать Николая 20-тью ударами розогъ за то, что онъ, пьяный, побилъ сына Романова. Романовъ замѣтилъ Николаю, что толковать теперь объ этомъ не мѣсто и не время, да и кромѣ того теперь всѣхъ по манифесту простятъ.—„Если простишь, я тебѣ нажну ржи два овина, а не простишь, такъ у насъ вô—только одинъ разъ щелкнуть!"—сказалъ Николай и показалъ рукой, какъ прицѣливаются изъ ружья. На этомъ и кончилъ онъ разговоръ съ Романовымъ и, посидѣвъ послѣ того съ полчаса, ушелъ изъ дома Боронина, а послѣ него ушелъ и Романовъ съ братомъ своимъ Александромъ, но только-что сошелъ съ крыльца отъ Боронина, чтобы повернуть въ переулокъ къ своему двору, какъ подбѣжалъ къ нему Николай, уже съ ружьемъ въ рукѣ, и сразу повалился въ ноги Романову съ словами: „Прости жь ты меня!" — „Да полно тебѣ, Колка,"—сказалъ Романовъ и пошелъ дальше домой, а Николай остался на улицѣ, возлѣ дома Боронина.

Вслѣдъ затѣмъ жена Харитона Кошелова Мавра, опасаясь, какъ бы мужъ ея не выпилъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, пошла въ домъ Боронина, чтобы увести мужа домой. Только-что она вышла на улицу, видитъ, сосѣдъ Максимъ Заворкинъ тащитъ домой своего пьянаго сына, а тотъ упирается, мотаетъ опущенной внизъ головой и только мычитъ, а отецъ уговариваетъ его: „Да ну же, иди, пострѣлъ, домой." Миновавъ эту группу, Мавра подошла къ дому Боронина, поднялась по лѣстницѣ на крыльцо и только-что хотѣла перешагнуть черезъ

порогъ въ сѣни, какъ навстрѣчу ей идетъ ея Харитонъ, совершенно трезвый, а за нимъ еще нѣсколько человѣкъ мужиковъ. Увидя жену, Харитонъ радостно и заботливо спросилъ у нея: „А ты куда съ своей брюшиной? Пойдемъ скорѣе домой. Держись за меня." А Мавра была беременна и ходила послѣдніе дни. Пропустивъ мужа впередъ, она взялась за лѣвое его плечо и осторожно стала спускаться съ лѣстницы. Едва только съ лѣстницы она спустилась на улицу, какъ передъ ней выросъ Николай съ ружьемъ, направленнымъ въ Харитона. Замѣтивъ это, Харитонъ погрозилъ ему пальцемъ и только сказалъ: „Эхъ, Колка, Колка, куда ты? Не въ лѣсъ идешь. Нехорошо." Не успѣлъ Харитонъ произнести эти слова, какъ Николай, съ словами: „А вотъ какъ наши-то!" выстрѣлилъ въ Харитона и сейчасъ же убѣжалъ домой. Харитонъ схватился за грудь, вскричалъ: „Ой, милые, смертонька моя", зашатался и грохнулся на жену. А Мавра еще раньше упала, испуганная внезапностью выстрѣла. За Харитономъ и Маврой спускался съ лѣстницы крестьянинъ Акимъ Рѣшетниковъ. Внезапность выстрѣла до того ошеломила его, что онъ свалился съ лѣстницы черезъ перила на снѣгъ. Изъ избы отъ Воронина выскочили оставшіеся еще тамъ крестьяне, подняли Харитона и унесли домой. Послали сейчасъ же за земскимъ фельдшеромъ и за священникомъ. Фельдшеръ хотя моментально явился и сдѣлалъ необходимую перевязку, но она оказалась безполезна: послѣ третьихъ пѣтуховъ въ ту же ночь Харитонъ тихо скончался, не теряя сознанія. Онъ посылалъ-было за Николаемъ, чтобы проститься съ нимъ, но тотъ не пошелъ: совѣстно было.

При вскрытіи Харитона оказалось, что выстрѣломъ поранило ему оба легкія, грудобрюшную преграду и печень.

Слѣдствіемъ обнаружено, что ни въ избѣ у Воронина, ни раньше у Николая никогда не было никакихъ столкновеній съ Харитономъ, такъ что убійство его всѣ объяснили лишь опьянѣлымъ состояніемъ Николая. А онъ, по общему отзыву, изъ такихъ несчастныхъ натуръ, что, тихій и мирный со всѣми въ трезвомъ состояніи, онъ дѣлается совершенно шальнымъ, когда выпьетъ лишнее. Въ этомъ состояніи онъ схватываетъ колъ, или ножъ, или ружье, бѣгаетъ по деревнѣ и ко всѣмъ пристаетъ. Самъ онъ, по его словамъ, рѣшительно ничего не помнитъ, что́ дѣлалъ въ ночь убійства дяди. Но какъ даже и пьяный мозгъ функціонируетъ, безсознательно подчиняясь законамъ логики, то раздраженіе Николая, выразившееся въ безпричинномъ убійствѣ дяди, не было ли связано въ мозгу Николая съ представленіемъ объ ожидавшемъ его наказаніи розгами? Мы уже видѣли, что мысль объ этомъ позорѣ два раза вспыхивала въ этотъ вечеръ въ

мозгу Николая. Но осталось загадкой, почему онъ направилъ свое раздраженіе именно противъ дяди.

Николай грамотѣ не обученъ.

V.

Тюремная статистика.

Мы случайно имѣли у себя въ рукахъ отчеты по главному тюремному управленію за 1889—1892 годы, составленные и изданные самимъ управленіемъ, и, что замѣчательно между прочимъ, отпечатанные въ 1892, 1893 и 1894 гг. въ типографіи петербургской одиночной тюрьмы, слѣдовательно самими же заключенными въ ней.

Цифры этихъ отчетовъ положительно поражаютъ своей грандіозностью. Нужно притомъ замѣтить, что въ отчеты эти не вошли данныя о содержавшихся въ военныхъ тюрьмахъ, въ Закаспійской области, при полиціи, при волостныхъ правленіяхъ и т. п. Оказывается, что по всѣмъ мѣстамъ заключенія одного только гражданскаго вѣдомства въ Европейской и Азіатской Россіи, какъ-то: въ тюрьмахъ общаго устройства, въ мѣстахъ заключенія Привислянскаго края, который почему-то отнесенъ во всѣхъ отчетахъ къ особой категоріи, въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ, въ каторжныхъ и пересыльныхъ тюрьмахъ, по среднему ежедневному подсчету состава арестантовъ, содержалось состоявшихъ подъ слѣдствіемъ и судомъ, присужденныхъ къ заключенію на срокъ, ссыльныхъ, пересыльныхъ, другихъ категорій (?), задержанныхъ по распоряженію административныхъ и полицейскихъ властей, добровольно слѣдовавшихъ за ссыльными женъ и дѣтей: въ 1889 г.—мужчинъ 667,732, женщинъ 96,641, всего 764,373 чел.; въ 1890 г.—мужчинъ 710,654, женщинъ 107,291, всего 817,945; въ 1891 г. — мужчинъ 741,416, женщинъ 113,940, всего 855,356; въ 1892 г. — мужчинъ 727,971, женщинъ 114,758, всего 842,729 чел. Могъ ли представить себѣ что-нибудь подобное человѣкъ, незнакомый съ тюремнымъ дѣломъ? Близко къ милліону ежегодно содержимыхъ не мертвыхъ бумажныхъ цифръ, а живыхъ людей, съ такими же, какъ у насъ съ вами, нервами, сердцемъ, съ способностью страдать и сознавать, чувствовать свои страданія, оплакивать свою загубленную жизнь, съ привязанностью къ свободѣ, къ дорогимъ людямъ, къ своему углу, къ своимъ полямъ — это нѣчто невѣроятное.

Не менѣе краснорѣчивы цифры о количествѣ лицъ, ссылаемыхъ въ Сибирь и на каторгу и третируемыхъ въ качествѣ общественнаго

отброса. Оказывается, что въ тюменскую пересыльную тюрьму, служащую, какъ извѣстно, тюремнымъ резервуаромъ, въ который вливается изъ Европейской Россіи и откуда разливается по мѣстамъ ссылки необъятной Сибири вся масса ссыльныхъ, прибыло сухимъ путемъ каторжныхъ, ссыльныхъ и пересыльныхъ, административныхъ, ссылавшихся по распоряженію правительства, по приговорамъ обществъ, не принятыхъ обществами послѣ суда, а также добровольно слѣдовавшихъ взрослыхъ и дѣтей — въ 1889 г. 18,363 чел. обоего пола, въ 1890 г. 20,106, въ 1891 г. 20,727 и въ 1892 г. 17,160 чел., итого за пять лѣтъ 76,356 чел. Кромѣ того, отослано изъ Одессы на Сахалинъ на пароходахъ Добровольнаго флота—въ 1889 г. 1,151 чел. обоего пола и при нихъ 11 чел. дѣтей, въ 1890 году 1,140 чел. и 1 ребенокъ. Въ 1891 году всѣхъ предназначенныхъ для отсылки на Сахалинъ было 1,274 чел. мужчинъ и 144 женщины съ 24-мя дѣтьми, но изъ мужчинъ 577 чел. отправлены во Владивостокъ на работы по постройкѣ Уссурійской жел. дор., а остальные, за незначительнымъ исключеніемъ, обусловленнымъ слабостью ихъ здоровья, не допускавшею возможности употребить ихъ на работы, отправлены на Сахалинъ. Въ 1892 году для отправки туда стянуто было въ Одессу 1,413 мужчинъ и 102 женщины съ 18-ю дѣтьми, но изъ мужчинъ 141 человѣкъ отосланы на работы на Уссурійскую дорогу; всѣ же остальные, а также, конечно, и женщины, отправлены на Сахалинъ, кромѣ весьма незначительнаго числа слабыхъ здоровьемъ: эти направлены въ Сибирь.

Весьма внушительны также цифры бюджета главнаго тюремнаго управленія на всѣ расходы по тюремной операціи. Напримѣръ, общій итогъ смѣтнаго назначенія на *всѣ* тюремные расходы исчисленъ по государственной росписи на 1889 годъ въ 14,235,569 р., на 1890 г. въ 14,351,602 руб., на 1891 г. въ 14,875,331 руб., на 1892 г. въ 14,802,245 р. и на 1893 г. въ 14,763,095 р. Въ 1891 году, кромѣ того, открытъ былъ кредитъ на 134,983 р. 33 к. на авансовые расходы. Такимъ образомъ тюремное дѣло стоило Россіи за пять лѣтъ 73,278,858 руб.! Одна только отправка арестантовъ въ Сибирь, считая перевозку ихъ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и на пароходахъ, продовольствіе отъ Москвы до Ачинска, казенную одежду, лѣченіе больныхъ, погребеніе умершихъ и мелочные расходы,—поглотила въ 1888 г. 1,188,709 р., въ 1889 г. 1,099,949 р., въ 1890 г. 1,134,022 р., въ 1891 г. 1,226,021 р. Нужно, впрочемъ, сказать, что перечисленные милліоны не сполна расходовались въ каждомъ смѣтномъ году, но отъ нихъ оставались и нѣкоторыя сбереженія. Нельзя не отмѣтить, что въ числѣ расходовъ мы встрѣчаемъ удивительную цифру: изъ 14,351,602 р., ассигнованныхъ на 1890 г., удѣлено было 71 р. 26 к.

на выписку книгъ и періодическихъ изданій для острова Сахалина (отч., стр. 202), а въ 1891 году изъ ассигнованныхъ на этотъ годъ 14,875,331 руб. сдѣлана была затрата 88 р. 58 к. на выписку для Сахалина же книгъ, періодическихъ изданій *и на другіе предметы*, не названные, впрочемъ, въ отчетѣ (отч., стр. 212).

Крайне жаль, что разсмотрѣнные нами отчеты не содержатъ въ себѣ указаній о сословіяхъ и грамотности или неграмотности лицъ, попадающихъ подъ регистрацію тюремной администраціи: не видно, *сколько* темнаго *мужика* попадаетъ въ острогъ и потомъ въ Сибирь и на каторгу. Слабымъ отвѣтомъ на эти весьма интересные по своему существу вопросы могутъ служить цифры, извлеченныя нами изъ напечатанныхъ въ 1894 г. министерствомъ юстиціи свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ 1889 г. въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II. Къ сожалѣнію, за одинъ только этотъ годъ мы и могли добыть эти свѣдѣнія. Изъ нихъ видно: 1) что общими судебными установленіями осуждено въ 1889 г. по имперіи 32,885 мужчинъ и 4,374 женщины, и кромѣ того бродягъ, большинство которыхъ относится, конечно, къ крестьянскому сословію, 1,217 мужчинъ и 64 женщины; 2) изъ 38,542 всѣхъ осужденныхъ обоего пола было однихъ только крестьянъ мужчинъ 22,462 и 3,073 женщинъ; 3) изъ крестьянъ обоего пола было неграмотныхъ 20,479; 4) у мировыхъ судей и въ мировыхъ съѣздахъ изъ общаго числа осужденныхъ крестьянъ 50,619 мужчинъ и 6,905 женщинъ—было неграмотныхъ: мужчинъ 37,223 и 6,504 женщины.

Если приведенныя выше данныя тюремной статистики ясно отражаютъ въ себѣ результаты общихъ экономическихъ условій, то по поводу тѣхъ же цифръ невольно является также мысль, что если бы мы не скупились на просвѣтительныя средства для темной, неграмотной массы, мы едва ли имѣли бы случай поражаться этой громадой осуждаемыхъ и ссылаемыхъ сочленовъ нашего общества и этой громадой милліоновъ, затрачиваемыхъ на одно только держаніе ихъ подъ замкомъ.

СБОРНИКЪ ПРАВОВѢДѢНІЯ

И

ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ТРУДЫ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, СОСТОЯЩАГО ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, И ЕГО СТАТИСТИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.
1896.

2416

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Московское Юридическое Общество, озабочиваясь печатаніемъ своихъ протоколовъ и другихъ работъ Общества, его Статистическаго Отдѣленія и Комиссій и признавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Общество призвано, въ предѣлахъ доступныхъ ему средствъ, содѣйствовать печатанію работъ своихъ членовъ, въ годовомъ засѣданіи своемъ 18 февраля 1893 г. постановило издавать, начиная съ 1893 года, Сборникъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". Сборникъ этотъ выходитъ въ свѣтъ отдѣльными томами по мѣрѣ накопленія матеріала, одинъ или два раза въ годъ. Въ Сборникѣ помѣщаются какъ работы членовъ Московскаго Юридическаго Общества по предметамъ, входящимъ въ кругъ преподаванія на юридическихъ факультетахъ, такъ и труды самого Общества, выражающіеся въ протоколахъ засѣданій Общества, его Отдѣленія и Комиссій, въ составляемыхъ имъ по разнымъ предметамъ проектахъ и заключеніяхъ и т. п.

Въ настоящее время, во исполненіе изложеннаго постановленія, выпускается въ свѣтъ шестой томъ Сборника.

ОГЛАВЛЕНІЕ VI ТОМА.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ ШТАТАХЪ.

Юридическое образованіе въ Сѣверной Америкѣ имѣетъ свои характеристическія особенности, которыя существенно отличаютъ его отъ образованія на континентѣ Европы и, наоборотъ, связываютъ съ англійской юриспруденціей; можно даже сказать, что американская юридическая наука составляетъ часть юридической науки англійской, только еще отдѣляющуюся отъ общаго ствола. Поэтому мнѣ придется волей-неволей коснуться исторіи юридическаго образованія въ Англіи. Кромѣ того, въ самое новое время общество американскихъ юристовъ работаетъ чрезвычайно усердно надъ поднятіемъ уровня юридическихъ познаній въ Америкѣ и вызываетъ этимъ не мало реформъ. Поэтому нагляднѣе всего можно представить нашъ матеріалъ въ двухъ отдѣлахъ: историческій очеркъ и современное состояніе.

Историческій очеркъ.

Еще англосаксонскіе короли, стремясь къ объединенію Англіи во всѣхъ отношеніяхъ, занимались съ особенною любовью законодательствомъ: при нихъ, кажется, даже народное право было предметомъ изученія въ школахъ; норманское завоеваніе, повидимому, еще болѣе усилило стремленіе сохранить англосаксонскіе юридическіе обычаи вслѣдствіе боязни ихъ окончательнаго забвенія при норманнахъ и замѣны римскимъ правомъ; по крайней мѣрѣ это мы можемъ заключить изъ нѣсколькихъ частныхъ работъ объ англосаксонскомъ правѣ, сдѣланныхъ при первыхъ норманскихъ короляхъ. Съ Вильгельма Завоевателя оживились занятія римскимъ правомъ; норманскіе короли повелѣли преподаваніе

народнаго права замѣнить правомъ римскимъ, дабы англійскія учебныя заведенія поставить наравнѣ съ континентальными [1]); въ XII в. общеизвѣстна преподавательская дѣятельность глоссатора Вакаріуса въ Оксфордѣ; особенно въ университетахъ римское и каноническое права составляли на цѣлый рядъ столѣтій исключительный предметъ юридическаго образованія. Преподаваніе это велось единственно извѣстнымъ тогда экзегетико-аналитическимъ методомъ, т.-е. объясняли одна за другой различныя части законодательства Юстиніана, при чемъ останавливались на каждомъ юридическомъ правилѣ отдѣльно, безъ всякихъ попытокъ привести всѣ эти разрозненныя начала въ одно стройное цѣлое. Итакъ, въ самыя древнія времена въ Англіи, кромѣ права римскаго, занимались правомъ народнымъ.

Первые норманскіе короли, отличавшіеся чрезвычайною энергіей и предпріимчивостью, обращали особенное вниманіе на сохраненіе мира и спокойствія въ странѣ; для этой цѣли они также часто бывали законодателями и, кромѣ того, стремились обезпечить въ судахъ справедливость посредствомъ хорошей организаціи послѣднихъ. Хотя римское и каноническое права изучались при нихъ гораздо болѣе, хотя было введено ими феодальное право, тѣмъ не менѣе и прежніе саксонскіе обычаи не пренебрегались. Вильгельмъ I, опиравшійся при завоеваніи на предполагаемой законности своихъ правъ на англійскій престолъ, желалъ особенно сдѣлать очевиднымъ для всѣхъ свое появленіе въ странѣ не въ качествѣ завоевателя, а въ качествѣ законнаго наслѣдника прежнихъ королей; отсюда его особенное уваженіе къ стародавнимъ правамъ и обычаямъ. Въ Domesday Book находится не мало мѣстъ, намекающихъ на установленіе народныхъ обычаевъ посредствомъ разспросовъ о предшествующихъ порядкахъ [2]). Итакъ, въ самыхъ условіяхъ англійскаго политическаго быта лежали причины (желаніе саксовъ сохранить старые народные обычаи, желаніе норманскихъ королей не прослыть узурпаторами) къ приданію особеннаго значенія предшествующимъ юридическимъ фактамъ, а въ примѣненіи къ судебной практикѣ—преюдикатамъ.

Указанное мною уваженіе къ стародавнимъ юридическимъ началамъ находило себѣ полное оправданіе и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайное подкрѣпленіе въ средневѣковомъ міросозерцаніи. Послѣднее, представляющее изъ себя своеобразное соединеніе

---

[1]) Glasson. Hist. du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires. de l'Angleterre. T. II. Paris. 1882, стр. 40.

[2]) Fr. Pollock. Essays in Jurisprudence and Ethics. Lond. 1882, стр. 214—217

идей восточныхъ, римскихъ и христіанскихъ, выражалось въ той мысли, что не только естественный, но и общественный порядокъ вселенной начертанъ самимъ Богомъ и открытъ имъ человѣчеству черезъ мудрецовъ древности (Аристотель, римскіе юристы), а главное —въ Старомъ и Новомъ Завѣтахъ. Древній міръ лежалъ-де во тьмѣ, которая только изрѣдка разсѣивалась боговдохновенными людьми. Поэтому средневѣковой человѣкъ не понималъ исторіи; постепенное развитіе изъ менѣе въ болѣе совершенныя жизненныя формы, вѣроятно, показалось бы ему несогласнымъ съ мудростью и благостью Бога, который не желаетъ гибели милліоновъ людей только для того, чтобы путемъ ихъ ошибокъ вырабатывалось нѣчто лучшее; если гибнутъ-де милліоны, то по ихъ же собственной винѣ, ибо сознательно нарушаютъ волю Божію. Поэтому также для средневѣкового человѣка философія была слугою богословія; оно открывало истину, насколько она доступна слабому человѣческому уму, а задача философіи состояла не въ открытіи истины, а только въ приданіи ей наиболѣе доступной формы для усвоенія ея. Отсюда философія должна была слѣдовать схоластическому, т.-е. школьному, объяснительному методу съ безконечнымъ количествомъ дѣленій и подраздѣленій различныхъ научныхъ понятій. Такое міросозерцаніе пріучало человѣчество къ мысли объ извѣстномъ нравственно-юридическомъ порядкѣ, опредѣляющемъ взаимныя отношенія людей, учрежденій, даже королевствъ и народовъ. Въ сферѣ права это начало прекрасно выражено у Брактона, англійскаго юриста середины XIII-го столѣтія: „Король не долженъ быть ни подъ какимъ человѣкомъ, но подъ Богомъ и подъ закономъ, ибо законъ дѣлаетъ его королемъ. Поэтому пусть король даетъ закону, что̀ законъ даетъ ему, т.-е. власть и силу, ибо тотъ не король, у кого правитъ воля, а не законъ“ [1]). Эта глубокая легальность составляла характеристическую черту средневѣковья. Нетрудно также подмѣтить тѣсную связь экзегетико-аналитическаго метода глоссаторовъ и комментаторовъ съ понятіемъ о философіи какъ о наукѣ разъясняющей, а не открывающей истину.

Въ такой умственной атмосферѣ сложились въ XIII в. понятія о двухъ частяхъ англійскаго права—о правѣ общемъ неписанномъ, common law, и правѣ законодательномъ, statute law. Первое

[1]) Тамъ же, стр. 213. Поллокъ ошибается, считая на стр. 214—217 легальность особенностью англосаксонскаго племени; она была особенностью всѣхъ среднихъ вѣковъ. См. P. Viollet. Hist. des institutions politiques et administratives de la France. Paris. 1890, стр. 274—291.

состояло изъ началъ саксонскихъ, датскихъ, норманскихъ, феодальныхъ; въ него входили и законы саксонскихъ и первыхъ норманскихъ королей, ибо эти законы уже дѣйствовали не въ силу своего законодательнаго характера, а поскольку они сдѣлались достояніемъ народнаго сознанія, поскольку за нихъ стояло чувство внутренней необходимости. Что касается законодательства, то уже средневѣковое міросозерцаніе приводило къ тому, что въ немъ значительная доля участія должна была быть предоставлена подлѣ короля элементу иному, который до появленія школы глоссаторовъ опредѣлился тогдашними общественными условіями. Этимъ элементомъ неизбѣжно должна была быть духовная и свѣтская аристократія по слѣдующимъ причинамъ. Такъ какъ предустановленный порядокъ прежде всего слѣдовало искать въ словѣ Божіемъ, то, понятно, первыми истолкователями его было духовенство, особенно духовныя власти. Но духовенство, при всемъ своемъ значеніи, какъ самый образованный общественный слой, не было свѣдуще въ массѣ дѣлъ чисто свѣтскихъ, ему въ значительной степени чуждыхъ, напр., въ военныхъ дѣлахъ. Поэтому духовенство привлекло себѣ въ помощь свѣтскую аристократію, какъ классъ самый могущественный, а также какъ классъ, отъ котораго скорѣе всего можно было надѣяться, что онъ проникнется средневѣковою образованностью. По крайней мѣрѣ бѣдность и постоянная забота обезпечить себѣ и своей семьѣ общественное положеніе не могли быть для аристократовъ помѣхою посвятить свой досугъ образованію. Такъ слагается мысль, высказанная еще Алькуиномъ Карлу Великому, что голосъ народный не есть голосъ Божій, а голосъ неразумной черни [1]): отсюда естественно вытекало положеніе, что самъ Богъ возлагаетъ на духовную и свѣтскую аристократію обязанность помогать королю въ управленіи народами. По средневѣковымъ убѣжденіямъ духовенства, духовные—это предназначенные самимъ Богомъ учителя народа, а также разъяснители и охранители начертаннаго Богомъ общественнаго строя; король, аристократы и рыцари—это реальныя силы, дающія этому общественному строю дѣйствительное бытіе. По мѣрѣ того, какъ усиливается антагонизмъ между свѣтскою и духовною властями на материкѣ Европы, духовенство употребляетъ все бо́льшія усилія для привлеченія особенно аристократовъ на свою сторону противъ коро-

¹) Alcuin. epist. 127. Populus juxta sanctiones divinas ducendus est, non sequendus, et ad testimonium personae magis eliguntur honestae. Nec audiendi qui solent dicere: Vox populi vox Dei, cum tumultuositas vulgi semper insaniae proxime sit.

левской власти; въ Германіи прямо заключается даже союзъ между важнѣйшими феодалами и папами, что̀ ведетъ къ паденію Гогенштауфеновъ. Это недовѣріе аристократовъ и рыцарей къ королямъ, возбуждаемое и питаемое духовенствомъ, приводитъ къ попыткамъ ограничить королевскую власть во всей Западной Европѣ. Это недовѣріе и находитъ себѣ выраженіе въ слѣдующихъ словахъ комментатора Брактона: „Нынѣ король имѣетъ одного поставленнаго надъ нимъ,—это Бога. Равнымъ образомъ законъ, которымъ онъ сдѣланъ королемъ. А также его собственный дворъ, т.-е. его бароны и графы; ибо графы называются comites, какъ товарищи короля, а кто имѣетъ товарища, имѣетъ наставника (magistrum). Такъ если бы король былъ безъ узды, т.-е. безъ закона, то они должны наложить узду на него“ [1]).

Итакъ, основныя идеи средневѣкового западно-европейскаго общественнаго строя были слѣдующія: надъ всѣми высшими властями, императоромъ, королями и т. д., стоялъ общественный порядокъ, разъ навсегда начертанный самимъ Богомъ и открытый человѣчеству въ Старомъ и Новомъ Завѣтахъ; объяснителемъ и идеальнымъ оберегателемъ его было духовенство съ папами во главѣ; реальными силами, проводившими его въ жизнь, были король, аристократія и рыцарство. Но такъ какъ свѣтская власть не разъ руководилась произволомъ, то духовенство, какъ сила духовная, и высшіе слои, какъ сила военная, обязаны охранять законный порядокъ. Мѣры къ осуществленію послѣдняго и его временныя пополненія (законы) могутъ быть установляемы только королемъ съ совѣтомъ духовенства и бароновъ и наиболѣе удобно облекаются въ формы взаимныхъ соглашеній, договоровъ короля съ высшими сословіями. Эти основныя идеи вытекали, по моему убѣжденію, изъ средневѣкового міросозерцанія, которое, въ свою очередь, было необходимымъ слѣдствіемъ послѣднихъ фазисовъ древней философіи, христіанства и политическихъ преданій древняго Рима. Одни военачальники германскихъ дружинъ, помогавшіе князьямъ и королямъ въ завоеваніи западно-римской имперіи и въ основаніи государствъ на ея развалинахъ, не могли придать легальнаго характера своему участію въ управленіи и судѣ; удаль и энергія вождей могли временно ограничивать князей и королей, но не могли придать законности сплошь и рядомъ высказываемой мысли: „король первый среди себѣ рав-

---

[1]) Ссылка эта взята изъ Поллокка—Essays in Jurisprudence and Ethics, стр. 212. Г. Поллоккъ относитъ это мѣсто къ самому Брактону; я слѣдую проф. Виноградову, который признаетъ здѣсь слова неизвѣстнаго комментатора. The Law Quarterly Review. v. I, стр. 199.

ныхъ". Въ этомъ лучше всего можно убѣдиться изъ сравненія европейскаго Запада съ европейскимъ Востокомъ. И тамъ была не меньшая удаль и энергія; и тамъ князья были почти только исполнителями постановленій народнаго вѣча, но все это измѣнилось подъ вліяніемъ совершенно иного настроенія православнаго духовенства.

Вообще до XIII в. общественная жизнь въ Англіи шла такимъ же путемъ, какъ и во всей Западной Европѣ, что́ отражалось и на правовѣдѣніи [1]). Примѣрно съ этого времени на континентѣ все болѣе и болѣе начало усиливаться вліяніе римскаго права, чего въ Англіи не произошло въ такомъ объемѣ. Разсмотримъ причины и послѣдствія этого явленія.

Появившаяся въ 80-хъ годахъ XI в. школа глоссаторовъ оживила изученіе Юстиніанова права. Считая излишнимъ передачу общеизвѣстныхъ причинъ ея возникновенія, замѣчу только, что средневѣковому человѣку это право казалось священнымъ, какъ право христіанскихъ императоровъ, не говоря уже о томъ, что мысль объ имперіи, возстановленной Карломъ Великимъ, какъ о непосредственной преемницѣ имперіи Константина и Юстиніана, дѣлала, по тогдашнимъ понятіямъ, и римское право правомъ положительнымъ, общеобязательнымъ. Если въ началѣ средневѣковья священный порядокъ сожительства людей, королевствъ и народовъ искали почти исключительно въ Старомъ и Новомъ Завѣтахъ, то съ конца XII в. къ этому присоединилось римское право. Вся Западная Европа признала римское право чуть не божественнымъ откровеніемъ въ сферѣ права, оно поэтому сдѣлалось единственно достойнымъ предметомъ университетскаго преподаванія, а легисты, особенно профессора, заняли выдающееся положеніе, какъ классъ людей, посвященныхъ исключительно раскрытію началъ, долженствующихъ быть положенными въ основу человѣческаго сожительства. Наоборотъ, въ Англіи подъемъ занятій римскимъ правомъ при норманнахъ не могъ быть продолжителенъ. Этому препятствовали отсутствіе остатковъ римскаго населенія въ Англіи, отдаленность ея отъ Италіи, этой колыбели римскаго права, малодоступность Англіи, какъ острова, чрезвычайно раннее законодательство, охватывавшее всѣ сто-

---

[1]) И на континентѣ, по крайней мѣрѣ въ Германіи, какъ и въ Англіи при саксонскихъ короляхъ, въ училищахъ, кажется, въ болѣе давнее время преподавались также дѣйствующія нѣмецкія народныя права. Fitting. Die Anfänge der Rechtsschule zu Bologna. Berlin u. Leipzig. 1888, стр. 30 — 32, особенно прим. f. Въ цвѣтущей въ XI и въ началѣ XII в. школѣ въ Павіи изучалось усердно и ломбардское право. Тамъ же, стр. 40.

роны общественной жизни, какъ слѣдствіе сильной королевской власти, желавшей упорядочить взаимныя отношенія гражданъ. Между тѣмъ какъ въ Италіи, Франціи, Германіи римское право сталкивалось съ народными, болѣе или менѣе разрозненными обычаями, англійское право объединительною дѣятельностію королей и судовъ (curia regis и особенно judices itinerantes) было приведено въ довольно законченную, полную систему, съ которой борьба была нелегка. Ко всему этому присоединились еще двѣ важныя причины. Въ первой половинѣ XIII в. епископскія постановленія запретили духовнымъ, этимъ проводникамъ римскаго права въ общество, быть адвокатами въ свѣтскихъ судахъ; они скоро перестали также занимать мѣста судей; только въ канцлерскомъ судѣ великій канцлеръ былъ духовнымъ, почему тамъ дѣйствовалъ каноническій процессъ [1]). Вслѣдствіе большого участія общества въ законодательствѣ, судѣ и управленіи англійское право весьма рано получило національный характеръ, что̀ въ свою очередь содѣйствовало отвращенію народа къ римскому праву.

Это отношеніе англійскаго общества къ римскому праву имѣло своимъ послѣдствіемъ, что у англійскихъ юристовъ XII, XIII и послѣдующихъ вѣковъ наука римскаго права оказала вліяніе на слогъ, подраздѣленія, методу обработки, однимъ словомъ—на форму, но не на содержаніе юридическихъ правилъ. Всѣ юристы разработывали свой, мѣстный, матеріалъ, собранный изъ судебной практики королевскаго суда и путешествующихъ судей. Сборникъ судебныхъ рѣшеній, служившій матеріаломъ для работы знаменитаго юриста тринадцатаго вѣка, Брактона, сохранился до нашихъ дней, даже можетъ быть съ его примѣчаніями, а самая работа ясно показываетъ, какъ пользовался авторъ римскимъ правомъ; оказывается, что онъ на многихъ страницахъ переписывалъ summam Azonis, поскольку ея содержаніе соотвѣтствовало англійскому обычному праву; гдѣ англійскій обычай отклонялся отъ римскихъ началъ, Брактонъ или измѣнялъ, или пропускалъ римскій текстъ [2]). Сходный пріемъ замѣтенъ у всѣхъ послѣдующихъ юридическихъ писателей; даже Матвѣй Гель (XVII в.) въ своей исторіи обычнаго англійскаго права слѣдуетъ римской группировкѣ юридическаго матеріала. Брактонъ установилъ также методу разработки англійскаго права: „его цѣлью было свести хаосъ англійскаго права въ такой по-

[1]) Glasson, т. III, стр. 23, 24.
[2]) The Law Quarterly Review, v. I, стр. 425—441.

рядокъ, чтобы было возможно сужденіе на основаніи преюдикатовъ или согласно правилу: a similibus procedere ad similia“ [1]). Эта особенность разработки соотвѣтствовала какъ нельзя болѣе всѣмъ условіямъ англійской жизни. На материкѣ Европы древній міръ со своимъ правомъ, государственнымъ устройствомъ, литературой, искусствомъ оказывалъ и въ средніе вѣка, и въ особенности со временъ гуманизма подавляющее вліяніе, такъ что человѣческая мысль силилась только втиснуть вновь появляющіеся факты въ заранѣе, именно уже древними созданныя правила; напротивъ, Англія, какъ островъ болѣе удаленный отъ древнихъ преданій, стремилась изнутри себя создать все. Дѣйствительно, при устраненіи римскаго права, ничего не оставалось юристамъ, какъ или комментировать англійскіе законы (напр., Coke въ началѣ XVII в.), или извлекать изъ преюдикатовъ начала англійскаго обычнаго права. Въ ростѣ англійскаго права при посредствѣ судебной практики одинъ изъ лучшихъ современныхъ юристовъ Англіи, проф. Поллоккъ, видитъ совершенно справедливо примѣненіе индуктивнаго метода въ юридической сферѣ, ибо судья, при рѣшеніи спорнаго дѣла, не такъ связанъ обычаемъ, извлеченнымъ изъ предшествующей практики, какъ его товарищъ на континентѣ связанъ закономъ; первый можетъ немного уклониться, имѣя въ виду справедливость, второй не можетъ, ибо его рѣшеніе было бы отмѣнено кассаціоннымъ судомъ [2]). Поллоккъ не попытался однако объяснить этого различія. По моему мнѣнію, оно необходимо должно было возникнуть изъ того, что Западная Европа была пріучена съ начала среднихъ вѣковъ всѣ свои жизненныя явленія подводить подъ формулы, предполагаемыя обязательными на основаніи извѣстнаго авторитета. Такими авторитетами были сперва Священное Писаніе, затѣмъ кромѣ него римскіе юристы и Аристотель, со временъ гуманизма — образцы классическаго міра, наконецъ съ возникновенія новой философіи и чуть ли не до нашихъ дней— отвлеченная человѣческая мысль. Задача, слѣдовательно, человѣческаго ума была отыскать формулу и подвести подъ нее жизненное содержаніе (дедукція). Наоборотъ, Англія, не признающая такихъ формулъ, должна была сама изъ наблюденія самой жизни выводить правила; отсюда—индукція въ методѣ (Бэконъ)— развитіе, эволюціонизмъ въ философіи (Спенсеръ), разложеніе каждаго спорнаго дѣла на его составные элементы для его наибо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 431.

[2]) Pollock. Essays in Jurisprudence and Ethics. Lond. 1882, стр. 237—260.

лѣе справедливаго рѣшенія, руководясь началами, установленными эмпирически въ предшествующихъ сходныхъ случаяхъ, но не подчиняясь этимъ началамъ рабски въ правѣ (analitical school).

Изъ нашего изложенія видно, что уже въ XIII в. все англійское правовѣдѣніе распадалось на 2 части: на право иноземное (римское и каноническое) и на право національное. Къ праву иноземному не питали особенной симпатіи. Каноническое право изучалось и въ значительномъ объемѣ примѣнялось, такъ какъ оно обязывало церковь, духовенство и даже мірянъ въ извѣстныхъ состояніяхъ (напр. бракъ). Съ правомъ римскимъ ознакамливались какъ съ теоріей, но никогда не считали его обязательнымъ. Въ университетахъ, какъ учрежденіяхъ, находящихся долго въ сильной зависимости отъ церкви, преподавались римское и каноническое право; національнаго права не касались. Кромѣ церкви на предметы университетскаго преподаванія оказывалъ сильное вліяніе общій духъ средневѣковыхъ университетовъ. Въ цѣлой Европѣ, съ Англіей включительно, предметы обученія находились въ тѣснѣйшей связи съ преподаваніемъ въ классическомъ мірѣ, а тамъ, понятно, не могло быть и рѣчи объ изученіи народныхъ обычаевъ старыхъ германцевъ или кельтовъ. Право римское изучалось еще до появленія университетовъ даже въ монастырскихъ школахъ при изложеніи риторики; право каноническое преподавалось сначала въ связи съ богословіемъ, а затѣмъ и отдѣльно со временъ глоссаторовъ. Только въ 1758 г. была учреждена ученымъ Винеромъ (Viner) въ Оксфордѣ каѳедра національнаго права, и первый, занявшій ее, Блекстонъ обработалъ въ своихъ знаменитыхъ комментаріяхъ чуть не цѣлое англійское право, стремясь при этомъ вывести его изъ отчужденности и придать ему форму, болѣе подходящую континентальнымъ требованіямъ [1]).

Широко распространенныя свѣдѣнія о разработкѣ римскаго и каноническаго правъ, съ одной стороны, и невниманіе къ національному праву въ университетахъ съ другой—возбудили стремленіе къ изученію національнаго права. Центромъ этого изученія должны были сдѣлаться суды, какъ органы, гдѣ сохранялись англійскіе юридическіе обычаи посредствомъ постояннаго ихъ примѣненія къ спорнымъ дѣламъ. Характеръ обученія національному праву въ Англіи, какъ и во всей тогдашней Западной Европѣ, былъ чисто ремесленный. Молодые люди жили у

[1]) Glasson. Hist. du droit et des institutions politiques, civiles et judiciaires de l'Angleterre. Paris, т. II, 1882, стр. 47, 48; т. V, 1883. стр. 396—403.

судей въ качествѣ гостей (hospes, отсюда такое заведеніе называлось hospitium), исполняли различныя работы, слушали въ судахъ, какъ судьи разбирали дѣла, пользовались ихъ словесными объясненіями и такимъ образомъ подготовлялись къ будущей практической дѣятельности. Очень скоро начали возникать закрытыя заведенія для туземнаго права, inns или hostels, на свойственныхъ средневѣковью корпоративныхъ началахъ. Уже при Эдуардѣ I были учреждены двѣ ученыя степени англійскаго права, первая—barrister, вторая—serjeant. Правительство старалось различными мѣрами поддержать процвѣтаніе школъ правовѣдѣнія. Онѣ рано распадались на 2 разряда, inns of chancery, связанныхъ съ канцлерскимъ судомъ, и inns of court, связанныхъ съ судами общими. Канцлерскій судъ былъ судомъ по справедливости, гдѣ дѣйствовалъ каноническій процессъ и гдѣ, подъ вліяніемъ канцлера, обыкновенно важнаго духовнаго лица, часто примѣнялись начала римскаго и каноническаго правъ. Отсюда понятно, что канцлерскія школы правовѣдѣнія предназначались для начинающихъ съ цѣлію ихъ ознакомить съ основными юридическими принципами; только по окончаніи канцлерской школы переходили въ школу при общихъ судахъ. О школахъ правовѣдѣнія болѣе подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ изъ XV в. Въ это, для нихъ наиболѣе блестящее время, ихъ было довольно много; преподаваніе юриспруденціи состояло изъ чтеній о статутахъ. Но кромѣ того по праздникамъ молодые люди обучались исторіи, дипломатикѣ, священному писанію, а для развлеченія они упражнялись въ пѣніи, музыкѣ, танцахъ и другихъ искусствахъ. Слѣдовательно, въ XV в. школы правовѣдѣнія въ нѣкоторой степени были общеобразовательными заведеніями, въ которыя имѣли доступъ всѣ, но гдѣ преобладали аристократы, ибо пребываніе въ заведеніяхъ было сопряжено съ большими расходами. Степень serjeant'а давалась королевскою граматою съ большою торжественностью и огромными расходами, соотвѣтствовала степени доктора utriusque juris и дѣлала пріобрѣвшаго ее совѣтникомъ короля; она получалась послѣ шестнадцатилѣтнихъ занятій правомъ [1]). Повидимому, во второй половинѣ XVII в. прекратились въ школахъ правовѣдѣнія чтенія о статутахъ, а вошли въ бо̀льшее употребленіе ученые диспуты о подлежащихъ сомнѣнію началахъ англійскаго права. Эти диспуты считались наилучшимъ средствомъ подготовиться къ судебной практикѣ; они назывались moots отъ латинскаго слова movere,

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 24—26; т. IV, стр. 52—58.

а лица, принимавшія въ нихъ участіе—mootmen; изъ послѣднихъ, по прошествіи извѣстнаго количества лѣтъ (8, 12), избирались адвокаты, судьи, профессора (readers, собственно лекторa). Съ Елизаветы на науку начали обращать вниманіе болѣе чѣмъ на родовитость: требовалось изученіе права въ теченіе пяти, а затѣмъ трехъ лѣтъ для начала практической дѣятельности; при Яковѣ I нельзя было сдѣлаться attorney безъ экзамена. Знаніе статутовъ и общаго неписаннаго права послѣ превращенія лекцій пріобрѣталось, повидимому, обыкновенно изученіемъ юридической литературы и практическими занятіями у судей и адвокатовъ; прежнія школы правовѣдѣнія, кажется, постепенно превращаются въ клубы, гдѣ собираются интересующіеся правовѣдѣніемъ люди для обмѣна мыслей [1]).

Обильная литературная разработка англійскаго права, начавшаяся еще въ XII в., имѣла исключительно въ виду практическія потребности, что наложило свою особую печать на англійскую юриспруденцію. Такъ какъ право развивалось постепенно, безъ особенныхъ переворотовъ [2]), то комментированіе и изданіе даже очень раннихъ статутовъ и ученыхъ трактатовъ было дѣломъ необходимости. Дѣйствительно, Littletone въ пятнадцатомъ вѣкѣ переработалъ въ своихъ выдающихся Tenures старое, не сохранившееся описаніе формъ землевладѣнія, а самъ былъ комментированъ въ началѣ XVII в. знаменитымъ Кокомъ—и т. д. Такимъ образомъ въ Англіи замѣчается болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, преемственность юридической мысли, стремленіе связать современное съ прошедшимъ, объяснить первое изъ послѣдняго, что создало какъ бы свою, особую историческую школу, существенно отличную отъ историческихъ школъ континентальныхъ. На французскую историческую школу XVI в. Куяція и его послѣдователей вліялъ гуманизмъ; поэтому стремились возстановить въ чистомъ видѣ римское право, которое скоро оказалось непримѣнимымъ къ жизни вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ. Германская историческая школа Савиньи и Эйхорна положила въ свое основаніе метафизическое понятіе о народномъ духѣ, а для его открытія въ наиболѣе чистомъ видѣ должны были съ особенною любовью останавливаться на древнѣйшемъ періодѣ исторіи права, гдѣ наименѣе чувствовалось присутствіе постороннихъ вліяній. Вторая особенность англійскаго правовѣдѣнія, также вытекавшая изъ его практичности, это—стремленіе разра-

[1]) Тамъ же, т. V, стр. 211—213.

[2]) Такими катастрофами были на континентѣ воспріятіе римскаго права и подавляющее вліяніе доктринъ естественной школы.

ботывать вопросы специальные, а не основные. Для судьи, адвоката, нотаріуса сплошь и рядомъ гораздо важнѣе непосредственное, прямое указаніе, относящееся къ данному дѣлу, чѣмъ изложеніе общей теоріи о томъ, что̀ такое право, законъ, юридическая сдѣлка. Отсюда недостатокъ теоретическихъ разсужденій о правѣ какъ въ отдѣльныхъ трудахъ, такъ и въ практическихъ руководствахъ. Этотъ недостатокъ объясняется также малымъ знакомствомъ англичанъ съ наукой римскаго права.

Итакъ, англійское правовѣдѣніе въ теченіе всего своего развитія носило на себѣ характеръ профессіональный. Юриспруденція считалась искусствомъ, не наукой. Поэтому, послѣ прекращенія лекцій о статутахъ во второй половинѣ XVII в., знаніе права пріобрѣталось преимущественно чисто практическимъ путемъ, посредствомъ занятій у судей, адвокатовъ, нотаріусовъ; юридическая литература служила чрезвычайно важнымъ дополненіемъ этому. Такъ какъ въ Англіи не было законодательнымъ путемъ организовано среднее образованіе, а пріемъ въ частныя канцеляріи зависѣлъ вполнѣ отъ произвола частныхъ лицъ, то нерѣдко люди крайне неподготовленные, полуграмотные, поступали въ канцеляріи, современемъ получали извѣстный навыкъ, но сохраняли навсегда слѣды недостаточной умственной подготовки и тѣмъ роняли званіе юриста. Какъ нами замѣчено, уже издавна англійскіе юристы дѣлились на 2 класса (еще при Эдуардѣ I были двѣ степени), на юристовъ высшаго и низшаго разряда (barrister-at-law и solicitor, нѣчто похожее во Франціи avocat и avoué). Низшій разрядъ организовалъ одно большое юридическое общество, современное состояніе котораго опредѣляется граматами 1845 и 1872 гг., подъ названіемъ: Society of attorneys, solicitors, proctors, and others, not being barristers practicing in the courts of law and equity of the United Kingdom или сокращенно The Incorporated Law Society. Такъ какъ недостаточность юридическаго образованія особенно давала себя чувствовать низшему разряду юристовъ, то неудивительно, что въ немъ ранѣе всего проявилась мысль объ увеличеніи юридическихъ познаній среди его членовъ. Въ 1833 г. упомянутое общество завело чтенія о различныхъ отрасляхъ дѣйствующаго права (common law, equity, conveyancing). Въ 1837 г. судъ установилъ экзамены передъ допущеніемъ къ юридической и нотаріальной практикѣ. Не останавливаясь на отдѣльныхъ законахъ, упорядочивающихъ экзамены, достаточно замѣтить, что соединеннымъ усиліямъ „юридическаго общества“ и судовъ удалось ввести испытанія и притомъ все болѣе и болѣе основательныя,

Въ 1860 г. были учреждены актомъ парламента экзамены для желающихъ обучаться праву, а также, кромѣ окончательныхъ, установлены „промежуточные" экзамены на половинѣ времени, требуемаго для подготовки къ юридическому званію. Окончательныя испытанія состоятъ теперь изъ слѣдующихъ 4 группъ или предметовъ:

1) начала права недвижимой и движимой собственности и ученіе о договорной передачѣ недвижимыхъ имуществъ [1]);

2) юридическія начала и процессъ, дѣйствующіе въ канцлерскомъ отдѣленіи Верховнаго суда;

3) юридическія начала и процессъ, дѣйствующіе въ судѣ Королевской Скамьи [2]); юридическія начала и практика въ дѣлахъ о несостоятельности;

4) юридическія начала и практика утвержденія духовныхъ завѣщаній и развода [3]); морское право (law of admiralty) и практика; уголовное право и практика; производство передъ мировыми судьями.

„Экзамены ради почета" (the honors examination), установленные въ 1879 г., производятся изъ тѣхъ же предметовъ, но только вопросы труднѣе. Въ зданіи общества въ Лондонѣ читаются лекціи о правахъ, дѣйствующихъ въ общихъ судахъ и судахъ справедливости, а также о договорной передачѣ недвижимыхъ имуществъ. Законъ 1877 г. подчинилъ производство всѣхъ экзаменовъ контролю выше названнаго юридическаго общества.

Инниціатива „юридическаго общества" вызвала дѣятельность въ томъ же направленіи и среди высшаго разряда юристовъ (barristers-at-law). Я уже упомянулъ о постепенномъ превращеніи училищъ правовѣдѣнія въ отдѣльные клубы для взаимнаго сближенія и поученія; въ XVII и XVIII вв. всѣ эти клубы соединились въ 4 юридическія общества: the Lincoln's Inn, the Middle Temple, the Inner Temple, the Gray's Inn, существующія и понынѣ. Эти общества юристовъ высшаго разряда учредили сообща „совѣтъ юридическаго образованія" изъ 20 лицъ, по пяти отъ каждаго общества. Этотъ совѣтъ установилъ какъ требованія для желающихъ заняться правомъ, такъ и для изучающихъ его. Для пріема считалось необходимымъ знаніе англійскаго и латинскаго языковъ, а также англійской исторіи. Преподаваніе производилось и испытанія происходили въ слѣдующихъ предметахъ:

---

[1]) The principles of the law of real and personal property, and conveyancing.

[2]) ... in the Queen's Bench Division of the High Court of Justice.

[3]) The law and practice of probate and divorce.

1) Римское право, теорія права, международное частное и публичное право.

2) Государственное право (constitutional law) и исторія права;

3) Англійское право, дѣйствующее какъ въ общихъ судахъ, такъ и въ судахъ справедливости. Это право распадается на слѣдующія группы:

a) право лицъ (семейное право, право- и дѣеспособность, ученіе о юридическихъ лицахъ);

b) право недвижимой и движимой собственности; договорная передача недвижимыхъ имуществъ и практическое руководство при составленіи юридическихъ сдѣлокъ;

c) обязательственное право; торговое право съ разъясненіемъ обыденныхъ торговыхъ сдѣлокъ;

d) гражданскій процессъ въ связи съ теоріей доказательствъ (evidence);

e) уголовное право и процессъ.

Испытанія производятся письменно, хотя и словесные вопросы не исключены, оплачиваемыми экзаминаторами не изъ числа читавшихъ профессоровъ, а также членовъ совѣта, только послѣ выслушанія полнаго курса правовѣдѣнія. Совѣтъ разрѣшаетъ освобождать отъ экзаменовъ, напр., вслѣдствіе уже бывшихъ испытаній въ университетѣ изъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ права, дѣйствующаго въ общихъ судахъ и судахъ справедливости [1]).

Изъ изложеннаго видно, что поднятіе уровня юридическаго образованія было дѣломъ не университетовъ, а обществъ юристовъ-практиковъ, которые въ своемъ хорошо понятомъ профессіональномъ интересѣ занялись организаціей экзаменовъ и преподаванія. Сравненіе обѣихъ программъ показываетъ, что преподаваніе и экзамены юристовъ низшаго разряда имѣютъ исключительно въ виду практическія потребности; зато для барристера требуются гораздо болѣе глубокія познанія англійскаго права и, кромѣ того, усвоеніе нѣкоторыхъ теоретическихъ предметовъ, а именно римскаго права, теоріи и исторіи права. При такомъ возникновеніи вопроса о юридическомъ образованіи практическая точка зрѣнія должна была преобладать; дѣйствительно, римское право ограничивается однимъ гражданскимъ правомъ; философія права, политическая экономія, статистика совершенно устраняются.

Между тѣмъ, въ старѣйшихъ университетахъ съ половины

[1]) Report on legal education prepared by a committee of the american bar association and the U. S. bureau of education. Washington, 1893, стр. 38—43, 80, 91—95.

XVIII в. все болѣе и болѣе начинають обращать вниманіе на національное право и на практическія потребности. Въ концѣ концовъ къ настоящему времени слагается слѣдующая группировка предметовъ преподаванія. На общественномъ бытѣ (въ Оксфордѣ) въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова останавливаются въ трехъ различныхъ отдѣленіяхъ: въ спеціально-юридическомъ (Special board for law), въ отдѣлѣ исторіи и археологіи (Special board for history and archaeology) и въ отдѣлѣ нравственныхъ наукъ (S. b. for moral sciences). Въ первомъ изучаются дѣйствующія права какъ самой Англіи, такъ и населеній, живущихъ въ ея различныхъ колоніяхъ; къ этому присоединяются теорія права (Jurisprudence), римское право съ его исторіей и исторія англійскаго государственнаго права. Во второмъ отдѣлѣ, кромѣ основного предмета, исторіи общественнаго быта, преподаются теорія права, политическая экономія, основы государственнаго права и нравственности, теорія государства, политики, международное право. Въ третьемъ отдѣлѣ основными предметами, кажется, можно считать логику и психологію; кромѣ того, здѣсь излагаются: основы государственнаго права и нравственности, политика, политическая экономія, этика, исторія политической теоріи, развитіе политическихъ учрежденій и исторія соціализма. Такая тройственность юридическаго преподаванія, кажется, можетъ быть охарактеризована слѣдующимъ образомъ: въ юридическомъ отдѣленіи излагаются дѣйствующія права со стороны догматической, въ отдѣлѣ исторіи и археологіи— со стороны генетической, ихъ возникновенія, а въ отдѣленіи нравственныхъ наукъ—со стороны ихъ логической стройности и ихъ соотвѣтствія съ психическимъ и экономическимъ состояніемъ общества. Въ этой троякой точкѣ зрѣнія, думается мнѣ, можно подмѣтить слѣды очень старыхъ временъ. Взглядъ на право какъ на совокупность обязательныхъ правилъ, упорядочивающихъ общественную жизнь, очевидно, находится въ связи съ убѣжденіемъ средневѣковья объ общественномъ порядкѣ, установленномъ самимъ Богомъ. Конечно, новое время замѣнило авторитетъ Бога авторитетомъ общества, но въ Англіи сохранилось понятіе о правовѣдѣніи какъ о совокупности началъ, подлежащихъ усвоенію ради ихъ обязательности, безъ всякой мысли о происхожденіи этихъ началъ и ихъ критической оцѣнки. Отдѣлы „исторіи и археологіи“, а также „нравственныхъ наукъ“, очевидно, выдѣлились изъ древняго trivium (грамматика, риторика, діалектика). Въ объемъ грамматики входила исторія, которая ранѣе всего изображала политическую жизнь народа; съ

гуманизма здѣсь же излагалась политика Аристотеля, этотъ первообразъ всѣхъ сочиненій о развитіи политическихъ учрежденій. Эта замѣчаемая съ XV-го в. и на континентѣ связь исторіи политическихъ учрежденій, вообще обществовѣдѣнія, съ филологическимъ факультетомъ (напр., политическая экономія и статистика въ Германіи относились къ филологическому или философскому факультету) проявляется въ Англіи и въ томъ, что въ двухъ другихъ школахъ, выдѣлившихся изъ „грамматики", въ „спеціальной школѣ свободныхъ искусствъ" (honour school of literae humaniores) и въ „сп. шк. новой исторіи" (h. s. of modern history) государство- и обществовѣдѣнію отводится весьма видное мѣсто. Отдѣлъ нравственныхъ наукъ, кажется, выдѣлился изъ діалектики слѣдующимъ образомъ. Вслѣдствіе давленія богословія, философіи въ средніе вѣка не существовало; оставалась одна діалектика, въ которую и входило все сохранившееся изъ философіи. Послѣдняя еще въ Греціи охватывала логику, философію природы и этику. Этика, или практическая философія, и превратилась съ теченіемъ времени въ нравственныя науки; въ 70-хъ годахъ XVIII в. Адамъ Смитъ изъ практической философіи и выработалъ политическую экономію.

Итакъ, по моему мнѣнію, средневѣковье оказало несравненно болѣе вліянія въ Англіи, чѣмъ гдѣ-либо, на университетское преподаваніе. Спеціально - юридическая школа хранитъ взглядъ средневѣковыхъ юридическихъ факультетовъ на правовой порядокъ какъ на установленный высшею мудростью и потому подлежащій усвоенію, но не критикѣ и не развитію. Школа исторіи и археологіи, какъ возникшая изъ грамматики, изучаетъ исторію какъ отдѣльнаго государства, такъ и различныхъ политическихъ формъ. Отдѣлъ нравственныхъ наукъ, какъ выдѣлившійся изъ діалектики, смотритъ на государство и общество какъ на части практической философіи.

Обращаясь къ ученымъ степенямъ, мы видимъ, что первая изъ нихъ есть баккалауреатъ свободныхъ искусствъ. Для него, кромѣ вступительнаго экзамена, такъ сказать на аттестатъ зрѣлости (responsions), требуются два испытанія: первое болѣе общаго характера, второе — спеціальное. Второе производится, кромѣ общеобязательнаго экзамена религіи, изъ нѣсколькихъ равныхъ одна другой группъ предметовъ, а именно или изъ филологіи, или изъ математики, или изъ естественныхъ наукъ, или изъ правовѣдѣнія (honour school of jurisprudence) и т. д. Для второго публичнаго экзамена изъ правовѣдѣнія требуется знаніе слѣдующихъ предметовъ: 1) „Общее правовѣдѣніе" (Ge-

neral jurisprudence), подъ которымъ понимается теорія права, законодательная политика и древняя исторія правовыхъ учрежденій, по назначенію юридическаго факультета; 2) извѣстный отдѣлъ римскаго права и 3) извѣстный отдѣлъ англійскаго права (напр., договоры, наслѣдованіе, недвижимая собственность, государственное право); 4) исторія государственныхъ учрежденій, насколько она необходима для объясненія ихъ современнаго состоянія и ихъ дѣятельности; 5) международное право. Только баккалавръ свободныхъ искусствъ, послѣ выполненія нѣкоторыхъ особыхъ условій и истеченія извѣстнаго времени, можетъ приступить къ экзамену на баккалавра гражданскаго права изъ слѣдующихъ 4 предметовъ: 1) правовѣдѣнія, общаго или сравнительнаго; 2) римскаго гражданскаго права; 3) англійскаго гражданскаго и уголовнаго права; 4) извѣстнаго отдѣла международнаго права. Кромѣ общаго знанія указанныхъ предметовъ, признается необходимымъ еще спеціальное изученіе во 2-омъ и 3-емъ пунктахъ извѣстнаго отдѣла. Наконецъ, для степени доктора гражданскаго права требуется истеченіе пяти лѣтъ со времени полученія степени баккалавра гражданскаго права и публичное чтеніе въ присутствіи главнаго профессора гражданскаго права или его замѣстителя, въ зданіи университета, самостоятельной ученой работы изъ гражданскаго права на тему, одобренную заранѣе профессоромъ [1]). Для подготовленія къ экзаменамъ съ большею точностью (напр., отъ такой-то страницы до такой-то, такого-то изданія) рекомендуются сочиненія, какъ остатокъ того недавняго прошлаго, когда систематическіе курсы даже въ университетахъ были не въ обычаѣ, а знанія пріобрѣтались большею частію изъ литературы. Перемѣны съ 1887 г. заключаются въ дѣленіи испытанія на двѣ части, а также въ болѣе строгомъ экзаменѣ по римскому и англійскому правамъ, выражающемся въ бо̀льшемъ количествѣ вопросовъ и въ требованіяхъ бо̀льшей самостоятельности при отвѣтахъ. Съ 90-ыхъ годовъ „общее правовѣдѣніе“ и англійское государственное право и исторія изучаются не въ извѣстныхъ только частяхъ, а въ цѣломъ. Экзамены производятся преимущественно на письмѣ [2]).

---

[1]) The student's handbook to the university and colleges of Oxford. 8-ое изд. Oxford. 1885, стр. 120—123, 128—207, особенно стр. 183—186 и 204—207.

[2]) Report on legal education. Wash. 1893, стр. 103—106; на стр. 129—177 напечатаны вопросы и отчасти отвѣты, заданные въ 1890 г. для полученія степени баккалавра искусствъ въ Кембриджѣ; вопросы и отвѣты, заданные въ 1886 г. въ школахъ правовѣдѣнія для практическихъ юристовъ и вопросы для полученія стипендій.

Наконецъ, необходимо особенно подчеркнуть, что университеты даютъ только ученыя степени и награды, но не удѣляютъ права заниматься судебною практикою. Это послѣднее право пріобрѣтается исключительно успѣшно выдержанными экзаменами въ „юридическомъ обществѣ“ (для юристовъ низшаго разряда) и въ „совѣтѣ юридическаго образованія“ (для barristers-at-law) [1].

Итакъ, характеристическими особенностями англійскаго юридическаго образованія являются:

1) практическое направленіе (чисто теоретическіе предметы, напр., философія права, устранены; изученіе римскаго права въ меньшемъ объемѣ, чѣмъ на континентѣ; экзаменаціонные вопросы почти исключительно чисто практическіе);

2) стремленіе къ спеціализаціи (различныя требованія для юристовъ высшаго и низшаго разрядовъ, назначеніе факультетомъ извѣстнаго отдѣла права для усвоенія); на континентѣ, напротивъ, проявляется стремленіе дать основныя начала для всего не только право-, но и государство- и обществовѣдѣнія;

3) стремленіе отдѣлить изученіе положительнаго права отъ изученія государства и общества; первое является удѣломъ спеціальной школы правовѣдѣнія, вторыя разсматриваются въ нѣсколькихъ школахъ, входящихъ на континентѣ въ объемъ филологическаго или философскаго факультета. Замѣтимъ, однако, что это отдѣленіе правовѣдѣнія отъ государство- и обществовѣдѣнія было, по моему убѣжденію, не слѣдствіемъ глубоко-сознанной потребности, а слѣдствіемъ отличія права отъ занятій исторіей (грамматикой) и практической философіей (діалектикой).

Европейскіе колонисты оставляли свою родину и подвергались всѣмъ опасностямъ долгаго морского плаванія, всей случайности устройства жилищъ на невѣдомыхъ мѣстахъ, вслѣдствіе религіозныхъ и политическихъ гоненій, вслѣдствіе административнаго гнета, вслѣдствіе всевозможныхъ насилій надъ личностью и имуществомъ. Неудивительно поэтому, что обезпеченіе личности и имущества твердыми, незыблемыми нормами составляло важнѣйшую задачу колонистовъ. Понятно также ихъ недовѣріе къ государству, которое чувствуется донынѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ знатокъ Сѣверной Америки, Брайсъ: „Государство не есть для американцевъ, какъ для нѣмцевъ или французовъ и даже для нѣкоторыхъ англійскихъ мыслителей, идеальная, нравственная сила, на которую возложена обязанность обра-

---

[1]) Тамъ же, стр. 159.

зовывать характеры и руководить жизнью ея подданныхъ. Оно болѣе похоже на торговое товарищество или, пожалуй, на большую городскую общину, созданныя для выполненія извѣстныхъ дѣйствій, въ которыхъ заинтересованы всѣ, живущіе въ ея границахъ, собирающія налоги и употребляющія ихъ на эти дѣла общаго интереса, но большею частію предоставляющія акціонеровъ или горожанъ самимъ себѣ" [1]).

Главными положеніями политической философіи XVIII в., особенно ярко выразившимися въ великой французской революціи, были сомнѣніе въ плодотворности государственной опеки надъ обществомъ и признаніе прирожденныхъ правъ человѣка. Эта теорія, занесенная изъ Европы въ Америку, вполнѣ соотвѣтствовала сложившимся тамъ условіямъ и въ свою очередь еще болѣе укрѣпила стремленіе ограничить сферу государства и соотвѣтственно расширить область частной иниціативы. Отсюда произошли слѣдующія важныя для правовѣдѣнія начала:

1) каждый гражданинъ могъ избрать себѣ любое занятіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занятіе юридическое; государство было не въ правѣ въ этомъ его ограничивать: это значило бы произвольно стѣснить прирожденныя права человѣка;

2) государство должно было предоставить среднее и высшее образованіе народа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе юридическое, частной иниціативѣ; вмѣшательство его не допускалось;

3) теорія о народномъ верховенствѣ признавалась истиною, стоящею внѣ всякихъ сомнѣній; но народная воля могла проявиться двоякимъ образомъ. Народъ могъ избрать своихъ представителей для рѣшенія одного опредѣленнаго вопроса, что̀ называлось конвентомъ, и онъ могъ назначить депутатовъ въ законодательное собраніе цѣлаго союза. Точно такое различіе существовало и по отношенію къ каждому штату; и здѣсь могъ быть конвентъ для рѣшенія одного предмета и участіе народа въ законодательной власти для разсмотрѣнія цѣлаго ряда заранѣе даже трудно предвидимыхъ законодательныхъ проектовъ. Очевидно, при первой формѣ народная воля выражалась гораздо болѣе опредѣленно; при второй — депутатъ находился въ меньшей зависимости отъ общественнаго мнѣнія, онъ былъ гораздо болѣе самостоятеленъ. Конституція цѣлаго союза была выработана конвентомъ въ 1787 г. и стала въ 1789 г. общеобязательнымъ закономъ. Самая форма ея возникновенія при посредствѣ конвента при-

---

[1]) The American commonwealth, by James Bryce, 2 ed., London, 1890, II стр. 575, 576.

дала ей особенное значеніе, какъ непосредственному проявленію народной воли [1]). Конституція опредѣлила тоже два пути для своего измѣненія и пополненія. Изъ этихъ путей только одинъ примѣнялся, а именно предложеніе конгресса, прошедшее двумя третями голосовъ, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ представителей, и принятіе этого предложенія тремя четвертями всѣхъ штатовъ союза. Такъ какъ изъ общаго неписаннаго англійскаго права было американцами принято начало, что каждое дѣйствіе, совершонное оффиціальнымъ лицомъ или законодательною властью за предѣлами его или ея законной компетенціи, не имѣетъ юридическаго значенія, то на стражѣ легальности всевозможныхъ дѣйствій были поставлены федеративные суды; они подвергали, однако, своему разсмотрѣнію законность дѣйствій физическихъ и юридическихъ лицъ не по своей собственной инищіативѣ, а по ходатайству заинтересованнаго лица или лицъ [2]);

4) такъ какъ административный произволъ былъ особенно ненавистенъ колонистамъ, то суды заняли чрезвычайное, неизвѣстное въ Европѣ высокое положеніе; они должны были стоять на стражѣ законности и не подчиняться ни административнымъ вліяніямъ, ни даже могущественному голосу общественнаго мнѣнія. „Отцы конституціи были чрезвычайно озабочены обезпеченіемъ независимости ихъ судебнаго персонала, считая это защитою народа и штатовъ противъ посягательствъ какъ конгресса, такъ и президента“ [3]). Отсюда—несмѣняемость судей федеративныхъ судовъ и ихъ хорошее матеріальное обезпеченіе.

Такого рода условія произвели совершенно неожиданныя послѣдствія; при особенно почетномъ положеніи судей, при чрезвычайномъ уваженіи къ судамъ, юридическое образованіе не возникло въ теченіе XVII и XVIII ст. Правда, около 1784 г. появилась школа правовѣдѣніи въ Литчфильдѣ, въ Коннектикутѣ, но она не проявила особой жизненности и закрылась въ 30-хъ годахъ XIX в. Юридическія свѣдѣнія пріобрѣтались, какъ въ Англіи, у юристовъ-практиковъ, судей, а преимущественно адво-

---

[1]) „Эта конституція была утверждена и сдѣлана обязательною не конгрессомъ, но народомъ, дѣйствовавшимъ посредствомъ конвентовъ, собранныхъ въ 13 штатахъ, составлявшихъ тогда союзъ. Она создала законодательное собраніе изъ двухъ палатъ; но это законодательное собраніе, которое мы называемъ конгрессомъ, не имѣетъ власти измѣнить ее въ мельчайшей частности. То, что народъ постановилъ, только народъ можетъ измѣнить или отмѣнить“. Тамъ же, стр. 238, т. I.

[2]) Тамъ же, стр. 16—34, 355—362.

[3]) Тамъ же, стр. 226, вообще стр. 225—254.

катовъ. Молодые люди помогали имъ въ занятіяхъ и при этомъ учились, такъ какъ юристы-практики часто объясняли существо юридическихъ сдѣлокъ, вообще разнообразныхъ юридическихъ дѣйствій. Къ этому присоединялось, какъ въ Англіи, ознакомленіе съ юридической литературой. Причинъ этого было нѣсколько: вліяніе Англіи, гдѣ въ это время юридическое образованіе пріобрѣталось частнымъ образомъ; сильно развитое демократическое настроеніе общества и глубоко вкоренившееся убѣжденіе въ прирожденныхъ правахъ, въ равенствѣ всѣхъ людей, приводившее къ выводу, что каждый человѣкъ достаточно надѣленъ отъ природы прирожденными способностями къ юриспруденціи, вытекавшими изъ чувства справедливости; наконецъ предположеніе, что голосъ общественнаго мнѣнія поправитъ недостающее, восполнитъ пробѣлы въ образованіи, подскажетъ рѣшеніе.

Продолжительное отсутствіе потребности въ юридическомъ образованіи находитъ, думается мнѣ, объясненіе также въ особомъ характерѣ американскаго права. Оно было англійскимъ обычнымъ правомъ, которое, какъ намъ извѣстно, возникло въ Англіи изъ чисто національныхъ основъ; на немъ не проявилось вліяніе римскаго и каноническаго правъ, вообще выработавшейся на почвѣ этихъ правъ теоріи права; англійское обычное право даже не разработывалось въ университетахъ, а въ спеціальныхъ заведеніяхъ, связанныхъ съ судами; даже исторія права, какъ мы видѣли, имѣла здѣсь совершенно иное, чисто практическое значеніе; напр., такой вопросъ, возникаетъ ли право изъ народнаго духа, изъ въ тиши дѣйствующихъ силъ, или изъ воли законодателя—для англичанина не имѣлъ ни малѣйшаго интереса, былъ, пожалуй, ему непонятенъ. Итакъ, англійское право должно было создать свою особую теорію, чтобы положить ее въ основу преподаванія, а такой Англія создать не могла, ибо не появлялись еще ни сравнительное правовѣдѣніе, ни соціологія, а политическая экономія и статистика только зарождались. Къ этому присоединялся еще особый, уже извѣстный намъ, характеръ конституціи и внесеннаго изъ Англіи правовѣдѣнія. Конституція 1787 г. создала американскій союзъ; она возникла путемъ компромисса отдѣльныхъ штатовъ и была принята цѣлымъ народомъ; поэтому она могла быть объясняема только путемъ логическихъ выводовъ, путемъ врожденной логики, при чемъ руководствомъ служили жизненныя потребности, нравы и обычаи, а не теоретическія соображенія. Поэтому „дѣловые люди“ (business-men) гораздо болѣе были пригодны, чѣмъ юристы съ тео-

ретическою подготовкою. Нѣчто подобное мы находимъ въ Римѣ по появленіи законовъ XII таблицъ, возникшихъ тоже вслѣдствіе компромисса между патриціями и плебеями; и тамъ люди дѣла, жизни должны были напрягать весь свой умъ, чтобы согласовать все болѣе и болѣе старѣющія правила съ нарождающимися потребностями. Но эти самородные юристы наименѣе похожи на юристовъ-теоретиковъ; теорія права только стѣсняетъ ихъ. Дѣйствительно, знаменитые комментаторы американской конституціи, предсѣдатель верховнаго федеративнаго суда Маршаль (Marshall, 1801—35), Кентъ, Стори, проф. Кули (Cooley), не были учеными юристами-теоретиками; это — самородные таланты съ чрезвычайно сильнымъ, врожденнымъ логическимъ умомъ и необыкновенно чуткимъ пониманіемъ жизненныхъ потребностей [1]). Что касается до внесеннаго изъ Англіи правовѣдѣнія, то уже мы упомянули отсутствіе въ немъ теоретическихъ свѣдѣній, что выразилось въ бѣдности по отношенію общихъ положеній, его практичность и стремленіе извлечь изъ судебныхъ рѣшеній юридическія начала обычнаго права. Records, т.-е. протоколы судебныхъ засѣданій и рѣшеній королевскихъ судовъ, и reports, т.-е. литературныя извлеченія изъ протоколовъ для юридическихъ цѣлей, составляли главный источникъ англійской науки права. И въ Англіи, тѣмъ болѣе въ Америкѣ, для усвоенія дѣйствующаго права требовались не теоретическія познанія, а внимательное вчитываніе въ судебную практику и запамятованіе юридическихъ началъ. Тѣмъ не менѣе въ 90-хъ годахъ XVIII в. то тамъ, то тутъ появлялись попытки открыть курсы по правовѣдѣнію (судья Уильсонъ въ Филадельфійской коллегіи въ 1790—91, канцлеръ Кентъ въ 1796 въ Колумбія-коллегіи); лекторами были юристы-практики; чтенія хотя временно и привлекали чрезвычайное вниманіе, но при отсутствіи системы въ преподаваніи добровольно оставлялись лекторами. Очевидно, общество еще не чувствовало потребности въ университетскомъ изученіи права; занятія въ канцеляріи и одинъ годъ, посвященный комментаріямъ Блекстона, считались вполнѣ достаточными для того, чтобы сдѣлаться юристомъ.

Не ранѣе XIX в. начинается теоретическое обученіе праву. При университетѣ Мерилендъ, основанномъ въ 1812 г., открывается первая, до сихъ поръ существующая юридическая школа; между 1815—17 гг. кладется основаніе юридической школѣ въ

[1]) О комментаторской дѣятельности по отношенію къ американской конституціи см. тамъ же, стр. 363—380.

Гарвардѣ; частное предпріятіе создало въ Нью-Хевенѣ школу права, которая затѣмъ вошла въ составъ Ель-университета. Только возникшій въ 1825 г. университетъ Вирджинія поставилъ право на-ряду съ восемью другими школами, медицины, философіи, естественныхъ наукъ и т. д. Къ концу 40-хъ годовъ уже можно было насчитать около 12 учрежденій, гдѣ преподавалось положительное право, съ 400 студентами. Еще менѣе было коллегій, обращавшихъ серьезное вниманіе на историческое развитіе права и государства или на политическую науку, и ни одной коллегіи, за исключеніемъ лекцій германскаго политическаго эмигранта Либера въ университетѣ Южной Каролины (1835—55), гдѣ останавливались бы на государственной организаціи и дѣятельности, вообще на отношеніяхъ гражданина къ государству. Только въ 1858 г. происходитъ существенная перемѣна; одновременно въ Колумбія-коллегіи въ Нью-Іоркѣ и въ Мичиганскомъ университетѣ заводится болѣе систематическое, всестороннее и научное изученіе права; съ этого времени оно въ обоихъ учрежденіяхъ не прерывалось и имѣло такое огромное значеніе для С.-А. Штатовъ, что 25% всѣхъ сѣверо-американскихъ юристовъ происходитъ изъ этихъ двухъ заведеній [1]). Несмотря на все это, однако, юридическое образованіе стояло весьма невысоко до новѣйшаго времени; мы въ этомъ можемъ убѣдиться изъ двухъ докладовъ комиссій, назначенныхъ американскимъ обществомъ адвокатовъ для изслѣдованія состоянія всѣхъ заведеній, въ которыхъ происходитъ обученіе праву. Вѣроятно, не безъ вліянія упомянутыхъ уже нами стремленій англійскихъ юридическихъ обществъ поднять званіе юриста, въ 1890 г. проявилось въ С. Америкѣ такое же стремленіе, которое и выразилось въ назначеніи комиссіи, поставившей себѣ въ обязанность изслѣдовать условія принятія въ адвокаты въ различныхъ штатахъ союза и на основаніи собранныхъ свѣдѣній выработать болѣе или менѣе общія цѣлесообразныя правила для этого, а также изучить состояніе юридическаго образованія какъ въ Америкѣ, такъ и во всемъ мірѣ [2]).

[1]) Rich. G. Boone. Education in the United States, its history from the earliest settlements. New-York. 1893, стр. 212—216.

[2]) Благодаря чрезвычайной любезности президента Сѣверо-западнаго университета въ Еванстонѣ, штатѣ Иллинойсъ, выдающагося адвоката и професcора Роджерса (Henry Wade Rogers), я имѣю оба доклада: 1) American Bar Association. Report of the commitee on Legal Education. Presented at the meeting in Boston, August 26, 1891; 2) Report on Legal Education, prepared by a committee of the american bar association and the U. S. bureau of education. Washington: government printing office. 1893; они и лягутъ въ основаніе моего дальнѣйшаго изложенія.

На первый вопросъ, насъ менѣе интересующій, получился отвѣтъ, что въ 15 штатахъ [1]) не требуется никакой начитанности въ юридической литературѣ для вступленія въ адвокаты, въ остальныхъ же штатахъ предписывается или судами, или даже законами опредѣленное время занятія правомъ. Значительное большинство спрошеннаго судебнаго персонала признало современныя условія для поступленія въ адвокаты неудовлетворительными и согласилось на предложеніе комиссіи передать право допущенія въ адвокаты и надзоръ за ними только высшимъ судамъ и ввести постоянную экзаменаціонную комиссію, назначаемую высшимъ судомъ въ каждомъ штатѣ изъ юристовъ, наиболѣе выдающихся по своимъ практическимъ и теоретическимъ свѣдѣніямъ [2]).

На вопросъ объ организаціи, курсѣ наукъ и методѣ преподаванія отъ 49 заведеній, въ которыхъ по оффиціальному отчету за 1887—88 г. преподавалось право, поступили не вполнѣ удовлетворительные отвѣты. Изъ нихъ оказалось, что въ пяти правовѣдѣніе проходится въ одинъ годъ, въ 31-мъ—въ 2 и въ восьми—въ 3 года. Изъ восьми послѣднихъ—три принимаютъ безъ вступительныхъ экзаменовъ; въ остальныхъ они, повидимому, требуются, хотя и въ ограниченномъ размѣрѣ („надлежащее общее образованіе и способность правильно писать по-англійски“); изъ 31-го заведенія съ двухгодичнымъ курсомъ—въ 13 вступительный экзаменъ необходимъ, въ 13 поступаютъ безъ него; объ остальныхъ ничего неизвѣстно. Требованія на вступительномъ экзаменѣ чрезвычайно разнообразны, но нигдѣ они не достигаютъ требованій на степень баккалавра наукъ и искусствъ. Права, даваемыя дипломами школъ правовѣдѣнія, также различны; одни заведенія даютъ, другія не даютъ права на поступленіе въ адвокаты. Изъ оффиціальнаго отчета 1887—8 г. видно, что въ 49 заведеніяхъ было 293 профессора и преподавателя и 3667 человѣкъ студентовъ. Но по расчету комиссіи и въ концѣ 80-хъ годовъ только $^1/_5$ всѣхъ адвокатовъ получили школьное образованіе; $^4/_5$ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики въ канцеляріяхъ юристовъ и изученія нѣсколькихъ юридическихъ сочиненій выдержали при судахъ экзаменъ, положенный въ отдѣльныхъ штатахъ правилами судовъ или законами [3]).

---

[1]) Alabama, Arkansas, California, Florida, Georgia, Michigan, Mississippi, Missouri, Nevada, New Hampshire, North Carolina, South Carolina, Tennessee Virginia, West Virginia.

[2]) American Bar Association, стр. 3—15.

[3]) Тамъ же, стр. 15—20.

Такъ-какъ матеріалы для оцѣнки юридическаго преподаванія оказались крайне неполными, то комиссія только общимъ образомъ могла коснуться системы обученія. Однако и такая оцѣнка послужила оправданіемъ высказанныхъ въ концѣ совѣтовъ, которые сводятся къ слѣдующему: преподаваніе должно продолжаться не менѣе двухъ лѣтъ, а въ штатахъ съ болѣе установленнымъ и развитымъ правовѣдѣніемъ — 3 года; признавая школьное обученіе праву наиболѣе цѣлесообразнымъ, желательно учрежденіе по крайней мѣрѣ одного заведенія въ каждомъ штатѣ и притомъ на государственныя средства, но крайне нежелательно ненужное увеличеніе юридическихъ школъ, въ особенности если оно считается только выгоднымъ помѣщеніемъ для капитала; желательно пожертвованіе капитала на содержаніе по крайней мѣрѣ одной профессуры для основъ правовѣдѣнія и теоріи права, дабы были учителя, исключительно занятые преподаваніемъ, а не отвлекаемые профессіональными занятіями; желательно, чтобы первый годъ въ школахъ правовѣдѣнія былъ посвященъ основнымъ началамъ правовѣдѣнія, преподаваемымъ по логическому и историческому методамъ, и чтобы по окончаніи этого курса происходили надлежащіе экзамены, такъ какъ безъ теоріи изученіе однихъ правилъ и случаевъ изъ положительнаго правовѣдѣнія не имѣетъ особаго значенія; необходимо возникновеніе юридической литературы, имѣющей въ виду потребности начинающихъ и удѣляющей имъ болѣе ясное и болѣе систематическое представленіе основъ правовѣдѣнія, чѣмъ это дѣлается въ книгахъ, предназначенныхъ для практическихъ юристовъ; нужно открытіе во всѣхъ школахъ, если возможно, курсовъ для изучившихъ право съ цѣлью удѣлять болѣе обширныя свѣдѣнія во всѣхъ областяхъ правовѣдѣнія, чѣмъ это требуется для обыденной судебной практики. Послѣднее полезно въ двухъ направленіяхъ: для дальнѣйшаго систематическаго изученія положительнаго права и его теоріи по логическому и историческому методамъ совмѣстно съ выгодами ежедневной практики, иллюстрирующей юридическія начала и ихъ примѣненіе въ жизни, а также для лицъ, стремящихся посвятить себя особой, спеціальной области права, напр., праву о недвижимостяхъ, о корпораціяхъ, торговому праву [1]).

---

[1]) Тамъ же. стр. 30—50.

Современное состояніе.

Черезъ два года, наконецъ, были собраны всѣ необходимыя свѣдѣнія, а также получены отвѣты отъ большинства государствъ. На основаніи этого богатаго матеріала былъ составленъ докладъ гораздо болѣе полный. Изъ него мы видимъ, что правовѣдѣніе въ самомъ широкомъ смыслѣ преподается въ заведеніяхъ трехъ различныхъ типовъ, именно во многихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (common schools), въ общеобразовательныхъ коллегіяхъ и коммерческихъ „департаментахъ" (факультетъ по-нашему) и наконецъ въ юридическихъ школахъ. Понятно, послѣднія для насъ наиболѣе важны; поэтому мы въ немногихъ словахъ покончимъ съ двумя первыми типами и подробно остановимся на послѣднемъ. Что касается до количества обучаемыхъ въ юридическихъ канцеляріяхъ и до метода этого обученія, то эти вопросы не могли быть подвергнуты разсмотрѣнію.

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ нѣкоторыхъ—какъ отдѣльный предметъ, почти во всѣхъ остальныхъ въ связи съ исторіей или географіей, дается нѣкоторое общее понятіе о государствѣ, его организаціи, правахъ и обязанностяхъ гражданъ, а также объ американской конституціи. Такому преподаванію въ высшихъ классахъ удѣляется отъ $^1/_2$ до $3^3/_4$ часа въ недѣлю въ различныхъ заведеніяхъ; впрочемъ, количество времени во всемъ союзѣ почти одно и то же, такъ какъ различія происходятъ отъ бо́льшаго или меньшаго количества классовъ, въ которыхъ происходитъ преподаваніе (только въ послѣднемъ или двухъ, трехъ, четырехъ послѣднихъ). Цѣлью преподаванія признается лучшее подготовленіе гражданъ къ выполненію ихъ обязанностей. Изъ напечатанной программы публичныхъ школъ въ Филадельфіи видно, что курсъ довольно обширенъ; онъ преподается устно по конспекту [1]).

Ко второму типу относятся заведенія далеко не однородныя, что̀ требуетъ нѣкоторыхъ предварительныхъ разъясненій. Высшее образованіе въ С. Америкѣ удѣлялось въ XVII и XVIII в. въ коллегіи, закрытомъ училищѣ съ нравственно-религіознымъ характеромъ, гдѣ давалось классическое образованіе съ небольшою примѣсью математики и естествовѣдѣнія. Съ начала нынѣшняго столѣтія ослабляется интересъ къ религіозно-нравственнымъ вопросамъ, а выступаетъ—къ политикѣ, литературѣ, естественнымъ наукамъ; кромѣ того, начинаетъ развиваться потребность въ профессіональномъ образованіи. Все это приводитъ къ учрежде-

[1]) Report on legal education, стр. 71—75.

нію возлѣ коллегій различныхъ школъ медицины, права, богословія, для изученія естественныхъ наукъ и т. д. Такимъ образомъ, изъ коллегіи выростаетъ постепенно американскій университетъ, стремящійся включить въ себя все человѣческое вѣдѣніе, какъ теоретическое, такъ и практическое. Въ болѣе позднее время, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, вносится нѣкоторая система въ группировку школъ въ университетахъ, такъ что въ одномъ и томъ же университетѣ отдѣляется и даже какъ бы противопоставляется „коллегія" или „факультетъ искусствъ и наукъ", удѣляющій общее образованіе, какъ классическое, такъ и реальное, различнымъ профессіональнымъ школамъ. Такъ-какъ въ объемъ общаго образованія входитъ право- и обществовѣдѣніе, то при общераспространенной „избирательной системѣ", допускающей студентамъ свободный выборъ курсовъ, необходимыхъ для полученія степени баккалавра, но подъ строгимъ контролемъ факультета, возможно въ „коллегіи" выбрать и правовѣдѣніе. Отсюда происходитъ на первый взглядъ непонятное явленіе, что въ одномъ и томъ же университетѣ можно получить юридическое образованіе, какъ въ „коллегіи", такъ и въ школѣ правовѣдѣнія. Конечно, первое будетъ носить на себѣ болѣе общій, такъ сказать—дилеттантическій характеръ. Кромѣ того, имѣется въ С. Америкѣ большое количество коммерческихъ школъ. Итакъ, второй типъ включаетъ въ себя юридическое образованіе въ „коллегіяхъ", т.-е. общеобразовательныхъ заведеніяхъ, и въ различнаго рода профессіональныхъ школахъ, не предназначенныхъ спеціально для право- и обществовѣдѣнія. Всѣхъ такихъ заведеній, удѣляющихъ нѣкоторыя юридическія свѣдѣнія, имѣется 240. Предметы преподаванія здѣсь довольно разнообразны; наиболѣе обычные—торговое право, международное и государственное право. О важности торговаго и государственнаго права распространяться нечего; что касается международнаго права, то къ его значенію въ международной торговлѣ въ С. Америкѣ присоединяется еще частое примѣненіе его началъ въ отношеніяхъ отдѣльныхъ штатовъ между собою. Кромѣ практическихъ предметовъ, напр., горнаго, сельскаго, муниципальнаго (организація городского самоуправленія) правъ, нерѣдко преподаются и теоретическіе предметы, а именно римское право, основы правовѣдѣнія, теорія права, исторія римскаго права, естественное право, древнее право, сравнительное государственное право [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 63—68. Elementary law и general jurisprudence различаются тѣмъ между собою, что подъ первымъ понимаются основныя понятія

Въ третій разрядъ заведеній, предназначенныхъ исключительно для право- и обществовѣдѣнія, входятъ юридическія школы, какъ составляющія часть университетовъ, такъ и существующія самостоятельно. Ихъ имѣлось въ 1891—92 г. 56 съ 453 преподавателями и 6106 студентами, что̀ показываетъ громадное увеличеніе сравнительно съ 1887—88 г. Отсутствіе государственнаго контроля, обыкновенно стремящагося къ установленію одной строго обдуманной системы преподаванія и къ ея примѣненію въ жизни, и полная свобода частной иниціативы вполнѣ объясняютъ намъ громадное разнообразіе этихъ школъ. Возлѣ заведеній съ однимъ преподавателемъ и только 11 студентами (Law Department of Allen University, Columbia, Южная Каролина), возлѣ школы, гдѣ существуетъ двугодичный курсъ, но дозволяется окончить всѣ юридическія науки въ одинъ годъ при девятимѣсячныхъ занятіяхъ (School of Law of the Washington and Lee University, Lexington, Вирджинія), имѣется сѣверо-западный университетъ (Чикаго, Иллинойсъ) съ 34 преподавателями и сотнями студентовъ. Нечего и упоминать, что это различіе отражается чрезвычайно неблагопріятно на сословіи юристовъ, такъ-какъ при большой практичности американцевъ молодежь часто стремится въ заведенія, гдѣ доступъ облегченъ до чрезвычайности, экзамены не строги, курсъ не обширенъ. Кромѣ того, существованіе въ одномъ, иногда небольшомъ городѣ нѣсколькихъ конкуррирующихъ между собою школъ приводитъ къ отсутствію необходимыхъ для полноты преподаванія средствъ, такъ-какъ немаловажнымъ пособіемъ для заведенія является плата за слушаніе лекцій. Примѣромъ можетъ служить столица Союза, Вашингтонъ. Въ немъ при 202978 жителяхъ (вмѣстѣ съ предмѣстьемъ Georgetown) имѣются: 1) юридическая школа въ Коломбіенъ-университетѣ съ 12 преподавателями и 383 студентами, 2) юридическая школа въ Джорджтоунъ-университетѣ съ 10 преподавателями и 268 студентами, 3) юридическій департаментъ въ Хоуардъ-университетѣ съ 6 преподавателями и 74 студентами, и 4) юридическій департаментъ Національнаго университета съ 8 преподавателями и 115 студентами; кромѣ того, католическій университетъ подъ самымъ Вашингтономъ сулитъ открыть свою школу правовѣдѣнія съ католическимъ направленіемъ [1]).

и отношенія національно-американскаго права, подъ вторымъ подразумѣвается общая теорія права, предполагающая сравненіе американскаго права съ правами другихъ народовъ; см. тамъ же, стр. 31 и 32.

[1]) Тамъ же, стр. 44—63. Здѣсь напечатаны сжатыя извлеченія изъ обзо-

Лучше всего охарактеризовать состояніе юридическаго образованія въ началѣ 90-тыхъ годовъ словами самого доклада:

„Не существуетъ никакой общей программы, ни общепризнаннаго метода преподаванія. Въ дѣйствительности нельзя сказать, чтобы въ двухъ какихъ-либо школахъ преобладалъ тотъ же самый курсъ изученія или методъ преподаванія".

„Очевидно, курсъ обученія въ школахъ, съ очень малыми исключеніями, ограниченъ тѣми отраслями практическаго частнаго права, которыя изучающему понадобятся въ первые годы его практики. Преподается право скорѣе съ технической, чѣмъ съ ученой или философской точки зрѣнія".

„Итакъ, мы находимъ, что во всѣхъ школахъ изучаются договоры съ ихъ отраслями „представительства", поручительства, страхованія, оборотныхъ бумагъ, товариществъ и т. д., отвѣтственность за вредъ, недвижимая и движимая собственность, ученіе о договорной передачѣ недвижимыхъ имуществъ, корпораціи, судебныя поручительства, духовныя завѣщанія и управленія имуществомъ, торговое право, семейныя отношенія, производство и практика въ обычныхъ судахъ, доказательства, право и производство въ судахъ справедливости [1]). Нечего распространяться, что курсъ преподаванія, пропускающій что-либо изъ сказаннаго, былъ бы неполонъ. Повидимому нѣкоторое вниманіе удѣляется извѣстнымъ спеціальнымъ предметамъ, напр., патентамъ и морскому праву (patents and admiralty); упоминаются желѣзныя дороги и телеграфы, что преимущественно изучается на спеціальныхъ лекціяхъ".

„Обученіе въ судоговореніи и практикѣ Соединенныхъ Штатовъ происходитъ въ меньшей половинѣ школъ, а въ судебной медицинѣ въ около одной пятой ихъ части".

ровъ преподаванія 56-ти юридическихъ школъ. Въ этихъ обзорахъ указаны количество преподавателей и студентовъ, продолжительность курсовъ, предметы обученія, литературныя пособія и методъ преподаванія.

[1]) Такъ какъ полная точность перевода не можетъ быть достигнута, ибо наша терминологія значительно отступаетъ отъ англо-американской, то прилагаю самый текстъ:... the subjects of contracts, with its branches of agency, suretyship, insurance, bills and notes, partnership etc., torts, real and personal property, conveyancing, corporations, bailments, wills and the administration of estates, mercantile law, domestic relations, common-law pleading and practice, evidence equity jurisprudence and procedure. Замѣчу, ученіе о корпораціяхъ, по-нашему юридическихъ лицахъ и товариществахъ, потому очень обширно и важно у американцевъ, что въ немъ не отдѣлена сторона юридическая отъ административной и даже общественной; такъ, напр., весь громадный вопросъ объ администраціи, отвѣтственности и общественномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ входитъ въ ученіе о корпораціяхъ. Я старался придерживаться при передачѣ терминовъ русскаго перевода „Калифорнскаго гражданскаго уложенія 1873 г.", изданнаго редакціонной коммисіей по составленію гражданскаго уложенія, С.-Петербургъ. 1892.

„Изученіе публичнаго права ограничено, говоря общимъ образомъ, государственнымъ устройствомъ (constitutional law) и уголовнымъ правомъ. При преподаваніи государственнаго устройства имѣется большею частью въ виду конституція С. Ш. и связанные съ нею предметы и законодательство. Обученіе въ сравнительномъ государственномъ устройствѣ, а также въ исторіи и развитіи началъ конституціоннаго управленія рѣдко; необычно также изображеніе англійскаго государственнаго устройства“.

„На административное право вмѣстѣ съ организаціей департаментовъ нашего правительства, Союза и Штатовъ, вообще говоря, не обращается вниманія“.

„Публичное международное право составляетъ часть курса въ менѣе чѣмъ половинѣ школъ, а частное международное право даже еще въ меньшемъ ихъ количествѣ“.

„На различные предметы исторіи и теоріи права и государства повидимому не обращается вниманія, за исключеніемъ трехъ или четырехъ школъ“.

„Исторія американскаго и англійскаго права преподается посредствомъ лекцій, можетъ быть, въ шести школахъ“.

„Преподаваніе для окончившихъ курсъ организовано во многихъ школахъ. Относительно предметовъ преподаванія оно въ большинствѣ случаевъ является однимъ продолженіемъ уже упомянутыхъ предметовъ частнаго права, хотя въ одномъ или двухъ случаяхъ приняты мѣры для изученія историческаго и сравнительнаго правовѣдѣнія, а также исторіи и теоріи права и науки управленія. Студенты въ нѣкоторыхъ случаяхъ побуждаются къ усвоенію такихъ курсовъ посредствомъ полнаго или частичнаго освобожденія отъ платы, даровыхъ квартиръ“.

„Изученіе классификаціи права и основъ правовѣдѣнія оказывается ограниченнымъ пользованіемъ сочиненій Блекстона, Elementary Law Робинзона, American Law Уокера или книгъ тому подобнаго характера“.

„Въ школахъ, соединенныхъ съ обширными университетами, приняты мѣры, обыкновенно безъ особой платы, для посѣщенія студентами упражненій въ литературныхъ департаментахъ, особенно въ исторіи, политической наукѣ и политической экономіи. Но это предоставляется свободному выбору и не составляетъ части юридическаго курса; по мнѣнію комиссіи, это рѣдко дѣлается студентами вслѣдствіе недостатка времени, если не по другой какой-либо причинѣ“ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 8 и 9.

Комиссія находитъ, что преподаваніе частнаго права соотвѣтствуетъ потребностямъ и достаточно полно, но отмѣчаетъ его черезчуръ ремесленный характеръ, отсутствіе въ немъ научнаго или философскаго элемента [1]). Эти характеристическія особенности легко объяснимы нашими предшествующими замѣчаніями объ англійскомъ правѣ, а именно взглядомъ на право какъ на совокупность обязательныхъ правилъ, упорядочивающихъ общественную жизнь и долженствующихъ быть изучаемыми исключительно съ точки зрѣнія догмы, отсутствіемъ сильнаго вліянія римскаго права и невозможностью создать свою англійскую теорію права, наконецъ—слабымъ изученіемъ права въ университетахъ и почти полнымъ прекращеніемъ школьнаго юридическаго образованія въ XVIII и началѣ XIX в.

Насколько рѣзко отличаются предметы преподаванія и ихъ распредѣленіе по курсамъ (не стремятся давать начинающимъ теорію права, а иногда помѣщаютъ ее въ послѣдній курсъ) отъ континентальной Европы, настолько же сильное существуетъ различіе въ методахъ преподаванія. И здѣсь пусть говоритъ за насъ самъ докладъ.

„Методы преподаванія не допускаютъ точной классификаціи, но комиссія ради удобства присоединяется къ часто употребляемой классификаціи, а именно—спрашиваніе уроковъ по учебникамъ, лекціи и изученіе судебной практики“.

„1. Опрашиваніе уроковъ по учебникамъ.—При этой системѣ студенту задается извѣстное количество страницъ учебника, изъ которыхъ онъ экзаменуется на слѣдующій день. Это оказывается основаніемъ преподаванія въ значительномъ большинствѣ школъ, хотя оно употребляется въ очень немногихъ, не болѣе какъ въ четырехъ или пяти, какъ единственный методъ преподаванія; обыкновенно онъ соединяется съ лекціями и чтеніемъ судебной практики. Въ нѣкоторыхъ школахъ заучиваніе дополняется чтеніемъ о предметѣ урока учителемъ, который комментируетъ, объясняетъ и развиваетъ текстъ. Во многихъ школахъ въ употребленіи бесѣда или обсужденіе студентами подъ руководствомъ профессора, какъ часть упражненія, въ которой студенты анализируютъ предметъ, сравниваютъ авторитеты и критикуютъ автора, и т. д., а въ нѣкоторыхъ это и есть главный предметъ обученія. Въ большемъ количествѣ школъ приводятъ студентамъ для иллюстраціи текста случаи, извлеченные изъ примѣчаній или новыхъ судебныхъ рѣшеній, и требуется обо всемъ этомъ отчетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.

въ той или другой формѣ. Вообще, случаи, какъ говорятъ, употребляются для иллюстраціи юридическаго правила или чтобы показать его историческое развитіе".

„2. Лекціи.—Преподаваніе только посредствомъ лекцій происходитъ въ очень немногихъ школахъ; хотя оно оказывается единственнымъ методомъ въ нѣкоторыхъ школахъ (четырехъ или пяти), но оно примѣняется въ значительномъ объемѣ въ связи съ заучиваніемъ учебника почти во всѣхъ. Студенты обыкновенно спрашиваются изъ лекціи на слѣдующій день. Въ нѣкоторыхъ школахъ лекціи сопровождаются соотвѣтственнымъ чтеніемъ учебника и сборника судебныхъ рѣшеній, а въ нѣкоторыхъ обсужденіе слѣдуетъ за лекціей. Значительное большинство школъ употребляютъ систему заучиванія учебниковъ въ связи съ лекціями и спрашиванія студентовъ изъ книги и лекцій. Въ нѣкоторыхъ школахъ читаются спеціальныя лекціи, предназначенныя пополнять курсъ преподаванія въ отдѣльныхъ предметахъ и примѣнять въ болѣе подробномъ видѣ, чѣмъ это обычно при отвѣтахъ въ классѣ, тѣ общія начала, которыя студенты усвоили себѣ изъ учебниковъ. Такія лекціи, обыкновенно, имѣютъ своимъ содержаніемъ судебную практику въ С. Штатахъ, морское право, патенты, страхованіе, корпораціи и желѣзныя дороги.

„Въ извѣстномъ количествѣ школъ отъ студентовъ требуютъ письменное изложеніе лекцій, которое должно быть показано факультету; въ нѣкоторыхъ случаяхъ они должны читать свои замѣтки классу. Въ нѣкоторыхъ школахъ полное изложеніе читанныхъ лекцій составляетъ условіе для полученія ученой степени".

„Комиссія считаетъ возможнымъ признать наиболѣе преобладающимъ слѣдующій методъ: прежде всего, какъ основаніе, урокъ изъ учебника, затѣмъ лекція или объяснительныя замѣчанія профессора, чтеніе извѣстнаго количества судебныхъ дѣлъ студентомъ и отвѣты или бесѣды".

„Въ нѣсколькихъ школахъ система лекцій цѣликомъ примѣняется при нѣкоторыхъ предметахъ и отвѣты изъ учебниковъ — при другихъ".

„3. Изученіе судебной практики (the case system). — Оно опредѣлено проф. Кинеромъ въ его статьѣ, въ „Yale Law Journal", т. I, стр. 144, слѣдующимъ образомъ:

„Эта система состоитъ въ предоставленіи студенту извѣстнаго количества судебныхъ рѣшеній о какомъ-либо данномъ предметѣ, выхваченныхъ не случайно, но выбранныхъ профессоромъ съ цѣлью изобразить въ полнотѣ юридическія правила объ этомъ предметѣ".

„Необходимо помнить, что этотъ методъ обученія не состоитъ въ лекціяхъ преподавателя съ обращеніемъ вниманія на судебныя рѣшенія въ подтвержденіе имъ установленнаго положенія. Упражненія въ классѣ состоятъ въ приведеніи и обсужденіи студентами судебныхъ рѣшеній, заранѣе ими изученныхъ. Это обсужденіе происходитъ подъ руководствомъ преподавателя, который даетъ такія указанія и высказываетъ такія мнѣнія, какія считаются имъ необходимыми. Отъ студента требуется анализъ каждаго судебнаго дѣла, отдѣленія существеннаго отъ несущественнаго, дѣйствительныхъ отъ возможныхъ основаній рѣшенія. И послѣ такого разбора дѣла онъ подготовленъ и обязанъ примѣнять это по отношенію къ другимъ дѣламъ".

„Изъ сказаннаго очевидно, что существенная идея этой системы — исключительное пользованіе судебными дѣлами при изученіи права. Бесѣды или обсужденіе дѣлъ, описанныя профессоромъ Кинеромъ, общи всѣмъ системамъ преподаванія и практикуются въ большомъ объемѣ въ связи съ учебниками и лекціями".

„Изученіе судебной практики также очень распространено; оно существуетъ почти во всѣхъ школахъ, но обыкновенно говорится по поводу изученія судебныхъ дѣлъ, что цѣль — иллюстрировать юридическія начала, освоить студента съ руководящими судебными рѣшеніями и пріучить его умъ къ анализу. Но изученіе дѣлъ не составляетъ въ другихъ системахъ единственнаго способа образованія".

Чрезвычайную пользу изученія судебныхъ дѣлъ американцы находятъ въ томъ, что студентъ вмѣсто чтенія о юридическихъ началахъ изучаетъ и изслѣдуетъ самъ эти начала. При этой системѣ студентъ учится смотрѣть на право, какъ на науку, состоящую изъ совокупности правилъ, находимыхъ въ рѣшенныхъ дѣлахъ, причемъ эти дѣла являются ему въ видѣ образцовъ для минералога. Такъ какъ право есть наука конкретная, то для полной оцѣнки извѣстнаго принципа студентъ долженъ видѣть его примѣненіе и когда онъ изучитъ эти принципы въ ихъ примѣненіи, они не преставляются ему одною абстракціей, но принимаютъ передъ нимъ конкретную форму и онъ подготовленъ примѣнять ихъ при рѣшеніи новыхъ задачъ. Къ этому американцы присоединяютъ, что судебное рѣшеніе не есть только постановленіе о спорномъ дѣлѣ между двумя лицами, но заключаетъ въ себѣ мотивы; а мнѣніе суда, приводящаго причины поставленнаго рѣшенія, есть въ дѣйствительности единственно авторитетный трактатъ объ американскомъ правѣ [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 9—12.

Хотя многіе американскіе юристы признаютъ подъ вліяніемъ европейской теоріи права, что въ судебныхъ дѣлахъ не слѣдуетъ видѣть самаго права, а только его примѣненіе къ конкретнымъ случаямъ, тѣмъ не менѣе необходимо согласиться, что въ Англіи и Америкѣ судебная практика имѣетъ гораздо бо̀льшее значеніе, чѣмъ въ Европѣ. Недаромъ проф. Поллокъ видитъ въ формулировкѣ права посредствомъ судебныхъ рѣшеній примѣненіе индуктивнаго метода въ творчествѣ права. При возможности уклоненія отъ началъ обычнаго права, англійскій и американскій судья, какъ и судья средневѣковый, безспорно пользуются извѣстною долею законодательной власти; онъ не только примѣняетъ, но въ нѣкоторой степени и творитъ право, а потому и судебныя рѣшенія имѣютъ совершенно иное значеніе въ Англіи и въ Америкѣ, чѣмъ въ континентальной Европѣ.

Кромѣ уже упомянутыхъ способовъ преподаванія, въ большомъ ходу различныя практическія упражненія. Очень распространено устройство судовъ изъ студентовъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ это упражненіе ограничено доводами за и противъ въ предполагаемомъ дѣлѣ передъ однимъ профессоромъ; напротивъ того, въ другихъ организована полная система судовъ первой и второй инстанціи съ клеркомъ, шерифомъ и всѣми обычными чиновниками. Въ этой системѣ студенты занимаютъ всѣ возможныя должности за исключеніемъ судебныхъ, но и тамъ они иногда присутствуютъ въ качествѣ ассессоровъ. Въ послѣдней системѣ на студентовъ возложена обязанность совершать всѣ необходимыя дѣйствія и писать всѣ требуемыя при производствѣ бумаги. Между этими двумя крайними пунктами имѣется громадное количество переходныхъ ступеней. Также обычно составленіе различныхъ юридическихъ сдѣлокъ.

Въ большомъ употребленіи обсужденія даннаго юридическаго предмета студентами вмѣстѣ съ профессоромъ, руководящимъ бесѣдою и наблюдающимъ за нею. Семинаріи существуютъ въ нѣкоторыхъ школахъ, а общества для обсужденія юридическихъ вопросовъ имѣются въ бо̀льшей части школъ.

Въ нѣкоторыхъ школахъ отъ студентовъ требуется составленіе сочиненія объ извѣстныхъ предметахъ, а также мнѣній объ избранныхъ судебныхъ дѣлахъ. Во многихъ школахъ диссертація является условіемъ полученія степени. Въ различныхъ школахъ издаются юридическіе журналы; изданіемъ заняты сами студенты; публикуются новыя и интересныя судебныя рѣшенія, печатаются юридическія статьи, писанныя или студентами, или, что болѣе обычно, писателями болѣе зрѣлаго возраста и большей опытности.

Относительно экзаменовъ не выработалось общаго правила; въ большинствѣ школъ экзамены письменные или словесные. Количество школъ съ ежегодными испытаніями и испытаніями по окончаніи каждаго семестра почти равное. Въ нѣкоторыхъ экзамены производятся „по окончаніи каждаго курса", „по окончаніи учебника".

Награды даются въ половинѣ школъ. Онѣ состоятъ изъ денегъ въ различномъ количествѣ, отъ 20 до 100 долларовъ, изъ золотыхъ медалей и книгъ. Награды обыкновенно назначаются за лучшую диссертацію, за лучшіе экзамены въ старшемъ или младшемъ классѣ, за лучшія рѣчи, за превосходство въ ученыхъ спорахъ и т. д. [1]).

Изобразивъ юридическое образованіе, комиссія переходитъ къ его критической оцѣнкѣ. Она признаетъ, что юридическія школы находятся въ хорошихъ рукахъ. Общимъ правиломъ можетъ быть признано, что преподавателями являются практическіе юристы, большинство которыхъ занимаетъ выдающееся положеніе въ адвокатурѣ и въ обществѣ; очень многіе — судьи союза или штатовъ; между ними трое судей верховнаго суда Сѣверо-Американскаго союза. Всѣ они искренно преданы своему дѣлу и проникнуты живѣйшимъ стремленіемъ къ поднятію юридическаго образованія [2]).

Если это облегчаетъ задачу комиссіи, то съ другой стороны чрезвычайная трудность, почти невозможность превратить двухгодичный курсъ въ трехгодичный затрудняетъ усовершенствованія. Все бо̀льшая и бо̀льшая тяжесть экономическихъ условій приводитъ къ необходимости возможно рано зарабатывать хлѣбъ, что̀ усиливается еще бы̀стро проявляющимся стремленіемъ у американской молодежи къ самостоятельности. Между тѣмъ требованія въ хорошихъ юристахъ ежегодно увеличиваются; безъ знанія публичнаго права, исторіи и теоріи права, науки управленія крайне трудно овладѣть громаднымъ количествомъ ежегодно появляющихся судебныхъ дѣлъ, а желѣзныя дороги, телеграфы, быстроходныя суда все болѣе и болѣе сближаютъ американцевъ съ цѣлымъ свѣтомъ и вызываютъ потребность въ юристахъ, знакомыхъ не только съ юридическимъ и политическимъ бытомъ С. Америки, но и другихъ государствъ земного шара [3]).

Принимая все это во вниманіе, комиссія предлагаетъ слѣдующее:

[1]) Тамъ же, стр. 12, 13.
[2]) Тамъ же, стр. 15.
[3]) Тамъ же, стр. 13 и 14.

1) учрежденіе курсовъ для получившихъ уже степени (postgraduate courses), въ которыхъ преподавались бы предметы общаго правовѣдѣнія и публичнаго права;

2) введеніе избирательной системы, т.-е. свободнаго выбора студентами курсовъ, но подъ условіемъ согласія на это факультета, который строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы выбранные „курсы" составляли изъ себя извѣстное органическое цѣлое [1]). При этой системѣ отъ студента слѣдовало бы требовать, въ добавленіе къ обычному уже описанному курсу частнаго права, по крайней мѣрѣ извѣстнаго количества предметовъ публичнаго права, международнаго права, исторіи и теоріи права, сравнительнаго правовѣдѣнія и науки управленія. Необходимо припомнить, что названные предметы, какъ общеобразовательные, входятъ въ объемъ „коллегіи" или „департамента искусствъ и наукъ", т.-е., говоря примѣнительно къ нашимъ порядкамъ, комиссія требуетъ обязательнаго изученія нѣкоторыхъ (не всѣхъ упомянутыхъ) предметовъ, по выбору студента, но съ согласія факультета, на филологическомъ факультетѣ;

3) болѣе обстоятельное подготовительное воспитаніе, если это возможно. Большой процентъ школъ не требуетъ вступительныхъ экзаменовъ, и ни въ одной изъ нихъ вступительный экзаменъ не равенъ экзамену на степень баккалавра наукъ и искусствъ въ какой-либо пользующейся значеніемъ коллегіи страны. При этомъ комиссія считаетъ своею обязанностью выразить желаніе, чтобы во всѣхъ среднеобразовательныхъ заведеніяхъ въ высшихъ классахъ удѣлялось преподаваніе въ государственномъ американскомъ правѣ и въ основныхъ принципахъ права; это необходимо въ виду очень обширнаго участія американскихъ гражданъ во всѣхъ сферахъ публичной и общественной жизни [2]).

Окончательнымъ результатомъ довольно подробнаго разсмотрѣнія методовъ преподаванія въ Америкѣ и Европѣ, какъ нынѣшнихъ, такъ и практиковавшихся въ средніе вѣка и новое время, является предложеніе комиссіи оставить нынѣ употребляемые въ Америкѣ пріемы обученія и замѣнить ихъ историческимъ и систематическимъ изученіемъ права. Только такая подготовка посредствомъ исторіи права и систематическаго обозрѣнія основныхъ началъ американскаго права даетъ возможность съ пользою заняться судебными рѣшеніями, которыя прі-

---

[1]) О всей этой системѣ, а также объ общей организаціи коллегій и университетовъ въ С. Америкѣ см. мою статью въ Ж. М. Н. П., 1894, № 12.

[2]) Report on legal education, стр. 15.

учаютъ студента смотрѣть на право съ точки зрѣнія спора, борьбы, и облегчаетъ пользованіе юридическою англо-американскою литературой, которая имѣетъ въ виду потребность практики и потому разсматриваетъ каждое положеніе, хотя и съ исчерпывающею полнотою и съ точки зрѣнія его примѣнимости, но безъ малѣйшей связи съ другими юридическими положеніями [1]). Пользу историческаго метода для начинающихъ комиссія видитъ въ томъ, что онъ не показываетъ юридическихъ началъ въ формѣ однихъ отвлеченій или индивидуальныхъ случаевъ, но на каждомъ шагу иллюстрируетъ движеніе отъ самыхъ простыхъ общепонятныхъ положеній къ бо̀льшей и бо̀льшей опредѣленности, анализу и разграниченію юридическихъ правилъ. Что же касается систематизаціи, то для американскаго права систематическое разсмотрѣніе является особенно важнымъ; это право почти исключительно опирается на обычай, который долженъ быть во всѣхъ своихъ частяхъ согласенъ съ самимъ собою; законодатель по недоразумѣнію можетъ вводить противорѣчія, но нормы обычнаго права не могутъ идти одна противъ другой, ибо юридическое мышленіе не должно само себѣ противорѣчить. Кромѣ того, при невозможности дѣлать эксперименты въ сферѣ права, логическое согласіе разнообразнѣйшихъ юридическихъ началъ между собою слѣдуетъ считать единственно возможною провѣркою правильности логическихъ выводовъ въ юриспруденціи [2]).

Замѣчанія комиссіи оказали вліяніе и выразились въ цѣломъ рядѣ реформъ; укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ самыхъ

---

[1]) По мнѣнію комиссіи, учебники, какъ трактаты XV в., сплошь и рядомъ представляютъ простое сопоставленіе мнѣній судовъ (судебныхъ рѣшеній) безъ малѣйшей попытки вывести изъ нихъ юридическія начала или представить ихъ въ извѣстной системѣ. Привожу характеристики американскихъ учебниковъ, сдѣланныя комиссіей: „съ немногими исключеніями всѣ эти учебники написаны для употребленія практическихъ юристовъ, цѣль которыхъ— найти потребный образецъ составляемой бумаги, съ возможно меньшею тратою времени и безъ всякой заботы о вопросахъ классификаціи или юридическихъ началъ" (тамъ же, стр. 21). „Въ дѣйствительности, наиболѣе популярные наши учебники — многіе изъ нихъ превосходно приноровленные къ употребленію практиковъ — до такой степени всецѣло лишены научной группировки или какой-либо группировки, за исключеніемъ той, которая облегчаетъ адвокату найти надлежащую формулу съ возможно меньшею мыслью объ общихъ началахъ, что единственная доставляемая ими выгода передъ чтеніемъ цѣлыхъ судебныхъ рѣшеній заключается въ обобщеніи результатовъ и даваемой ими увеличенной легкости простого дословнаго запамятованія этихъ результатовъ для экзаменовъ" (тамъ же, стр. 22).

[2]) Тамъ же, стр. 15—38.

выдающихся и притомъ специфически американскихъ университетахъ. Это дастъ также возможность ближе ознакомиться съ самою практикою преподаванія.

Въ Колумбія-коллегіи съ 1891—92 академическаго года были введены слѣдующія перемѣны: 1) старая система, по которой въ 2 года давался общій очеркъ предметовъ, а въ третьемъ, какъ бы добавочномъ,—спеціальное ихъ изложеніе, была замѣнена трехгодичнымъ курсомъ, въ которомъ предметы изучаются подробно въ извѣстномъ, логическомъ порядкѣ; такъ, напр., въ обязательственномъ правѣ въ первый годъ преподавались общая теорія обязательствъ, а во 2-мъ и 3-мъ отдѣльныя обязательства; 2) уже во второмъ курсѣ допускается отчасти избирательная система, а въ 3-мъ она преобладаетъ; дозволяется на ученыя степени соединять частное и публичное право; 3) словесные экзамены, существовавшіе только на 2-мъ и 3-мъ курсахъ, замѣняются письменными, назначаемыми въ концѣ каждаго года.

Для ознакомленія съ тѣмъ, что преподается и какъ примѣняется избирательная система, привожу обзоръ предметовъ:

I курсъ.

	въ недѣлю.		студент.
Практика и процессъ въ общихъ судахъ	$1^1/_2$	часа	144
Договоры	3	„	134
Уголовное право и процессъ	$1^1/_2$	„	186
Основы правовѣдѣнія	1	„	121
Семейныя отношенія	$1^1/_2$	„	137
Вещное право относительно недвижимостей	2	„	129
Отвѣтственность за вредъ	$1^1/_2$	„	203

II курсъ.

Административное право	2	„	13
Представительство (agency)	1	„	90
Нью-Іоркскій кодексъ гражданскаго процесса	2	„	76
Сравнительное конституціонное право	2	„	6
Правовѣдѣніе въ судахъ справедливости	2	„	89
Практика и процессъ въ судахъ справедливости	1	„	50
Исторія европейскаго права	2	„	7
Страхованіе	1	„	22
Вещное право въ недвижимостяхъ и движимостяхъ	2	„	89
Купля-продажа движимостей (sales of personal property)	1	„	89

III курсъ.

Судебныя поручительства (bailments)	1	„	14
Правовѣдѣніе въ судахъ справедливости	2	„	40
Доказательства (evidence)	1	„	46

	въ недѣлю.	студент.
Частное международное право	1 часъ	5
Бумаги на предъявителя (negotiable paper)	1 „	50
Договоръ товарищества (partnership)	1 „	17
Частныя корпораціи	2 „	56
Публичное международное право	1 „	8
Quasi-договоры	2 „	19
Поручительства и залогъ (suretyship and mortgage) . .	2 „	52
Систематическое правовѣдѣніе	2 „	1
Духовныя завѣщанія и управленіе имуществомъ . . .	2 „	40 [1]

Цѣль школы правовѣдѣнія — подготовить студентовъ для практики въ каждомъ штатѣ союза, а потому стараются дать полное практическое и теоретическое образованіе: 1) въ правѣ, дѣйствующемъ въ общихъ судахъ, въ его развитіи и въ его современномъ состояніи, въ связи съ законодательными измѣненіями, общими многимъ штатамъ; 2) въ правѣ, дѣйствующемъ въ судахъ справедливости, его развитіи и современномъ состояніи; 3) въ правѣ штата Нью-Іоркъ, какъ формальномъ, такъ и матеріальномъ; 4) въ публичномъ правѣ С.-А. союза и главныхъ европейскихъ государствъ, включая конституціонное право, административное и международное; 5) въ сравнительномъ правовѣдѣніи, римскомъ правѣ и исторіи европейскаго права.

Программа преподаванія на 1893—94 г., сравнительно съ только-что приведенною, существенно не измѣнилась; для степени баккалавра правъ требуется слушать курсы въ количествѣ 13 часовъ въ недѣлю въ первый годъ, 14—во второмъ и 13—въ третьемъ годахъ и выдержать удовлетворительно письменные экзамены; для степени магистра правъ (Master of Laws) требуется баккалавру правъ изучать право еще одинъ годъ по меньшей мѣрѣ въ теченіе 10 часовъ въ недѣлю, подъ наблюденіемъ факультета, и выдержать испытаніе. По правиламъ апелляціоннаго суда штата Нью-Іоркъ ученыя степени не даютъ права юридической практики, а необходимъ еще экзаменъ передъ комиссіей, назначенной судомъ и состоящей изъ юристовъ-практиковъ [2]).

Въ Пенсильванійскомъ университетѣ еще въ 80-хъ годахъ курсъ былъ двухгодичный, съ 10 часами каждую недѣлю; въ 90-хъ годахъ курсъ трехгодичный, съ 20 часами по меньшей мѣрѣ; преподаваніе и теперь въ школѣ правовѣдѣнія почти

---

[1]) Columbia College in the City of New York. President's annual report. 1892, стр. 52—60.

[2]) Columbia College in the City of New-York. Part. II. School of Law. Circular of information. 1893—94.

исключительно сосредоточено на гражданскомъ и уголовномъ матеріальномъ и формальномъ правѣ. Кромѣ того, открыты двухгодичные курсы для имѣющихъ ученую степень въ правѣ; въ каждомъ году вниманіе слушателя сосредоточивается на особомъ предметѣ, такъ что оба года не представляются органически соединенными; въ одинъ годъ право разсматривается съ точки зрѣнія системы, что̀ достигается изученіемъ римскаго права и началъ, изъ него развившихся; во второй годъ право излагается съ исторической стороны, т.-е. англосаксонское право, феодальная система и отсюда происшедшія въ теченіи исторіи начала [1]).

Послѣдній отчетъ Мичиганскаго государственнаго университета заявляетъ о расширеніи двухгодичнаго курса до трехъ лѣтъ съ 1894—95 акад. года и объ учрежденіи практическаго суда изъ студентовъ, при чемъ прямо относитъ эти измѣненія къ стремленію новѣйшаго времени поднять уровень юридическихъ свѣдѣній и замѣнить образованіе въ юридическихъ канцеляріяхъ образованіемъ въ школахъ правовѣдѣнія [2]). Уже ранѣе были обострены требованія для поступленія; кромѣ общаго образованія, засвидѣтельствованнаго экзаменами или дипломомъ, считается необходимымъ знаніе I, III и IV книгъ комментарій Блэкстона. Программа курса для баккалавра правъ не отличается отъ обычной программы другихъ школъ; что же касается до курса для полученія высшихъ степеней (Master of Laws), учрежденнаго въ 1889 г., то въ немъ обращается вниманіе на публичное право, теорію права, исторію права, а также болѣе обстоятельное изложеніе нѣкоторыхъ отдѣловъ частнаго права; римское право и его исторія не преподаются [3]).

Въ Корнелль-университетѣ (Итака, штатъ Нью-Іоркъ) курсъ двухгодичный, не отличающійся отъ обычной программы другихъ школъ; предметы публичнаго права и исторія необязательны; римское право въ связи съ сравнительнымъ правовѣдѣніемъ читается на второмъ курсѣ; для степени баккалавра правъ требуется не менѣе 15 часовъ въ недѣлю; при преподаваніи обращается особенное вниманіе на образованіе практическихъ юристовъ, поэтому въ организованномъ при школѣ судѣ особенно разсматриваются вопросы, наиболѣе занимающіе въ данный

[1]) Fran. New. Thorpe. Benjamin Franklin and the university of Pennsylvania. Washington. 1893, стр. 283—287. University of Pennsylvania. Catalogue and announcements. 1892—93. Philadelphia. 1893, стр. 282—302.

[2]) University of Michigan. The president's report to the board of regents for the year ending sept. 30, 1894. Ann. Arbor, Mich. 1894, стр. 18, 19.

[3]) Calendar of the university of Michigan for 1892—93, стр. 135—146. University of Michigan. Department of Law announcement. 1893—94.

моментъ практическихъ юристовъ. Въ заведенныхъ одногодичныхъ курсахъ для баккалавровъ правъ преслѣдуются три цѣли: доставить возможность общаго изученія права подъ руководствомъ преподавателей, облегчить усвоеніе особой отрасли права для спеціально-практической дѣятельности, наконецъ—представить право какъ науку и ознакомить съ источниками и философіей американскаго правовѣдѣнія [1]).

Въ Гарвардѣ школа правовѣдѣнія поставила своею задачею удѣлять такое образованіе въ основныхъ началахъ англійскаго и американскаго права, которое давало бы лучшую подготовку для занятій этой профессіей во всякомъ мѣстѣ, гдѣ преобладаетъ эта система правъ. Программа преподаванія обычная; курсъ трехгодичный, хотя можетъ быть пройденъ и въ два года, юридическихъ лекцій для баккалавровъ правъ не организовано; нововведенія замѣчаются въ строгихъ требованіяхъ для поступленія (кромѣ общаго обширнаго образованія, засвидѣтельствованнаго экзаменами или дипломомъ, необходимо знаніе комментаріевъ Блэкстона) и при переходныхъ и окончательныхъ экзаменахъ [2]); весьма обстоятельные курсы по исторіи права и политическому праву отнесены къ „факультету искусствъ и наукъ", а именно къ отдѣленію коллегіи, имѣющему своимъ предметомъ нравственныя науки [3]).

Преподаваніе въ школѣ правовѣдѣнія Ель-университета нѣсколько отличается отъ обычныхъ американскихъ курсовъ. Школа ставитъ себѣ троякую цѣль: ознакомить студентовъ съ общими принципами и правилами американскаго права для юридической практики въ каждомъ штатѣ, удѣлить не предполагающимъ заняться юридическою практикою свѣдѣнія въ различныхъ отдѣльныхъ отрасляхъ права и государствовѣдѣнія, наконецъ—предложить лицамъ, могущимъ располагать бо́льшимъ временемъ, обученіе во всемъ, относящемся къ праву, какъ къ наукѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Этимъ тремъ цѣлямъ соотвѣтствуютъ 4 различные курса. Обыкновенный двухгодичный

[1]) The Cornell university register 1892—93, стр. 154—164. Cornell university. Announcement of the School of Law for the year 1893—94. Ithaca, N. Y. 1893 (для этого года римское право на второмъ курсѣ замѣнено международнымъ и американскимъ конституціоннымъ правами).

[2]) Историческія и статистическія данныя собраны въ Annual reports of the president and treasurer of Harvard college 1891—92. Cambridge, Mass. 1893, стр. 9, 10, 24-26, 113—123. Frank Bolles. Harvard university. A brief state of what Harvard university is, how it may be entered and how its degress may be obtained. Third annual ed. 1893, стр. 67—69.

[3]) The Harvard university catalogue. 1892—93, стр. 315—323. Law school of Harvard university, Cambridge, Mass. Announcements, 1893—94. Camb. 1893.

курсъ, предназначенный для практиковъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ обычныхъ предметовъ, англійское и американское конституціонное право, международное право, основы американскаго правовѣдѣнія, природу и исторію американскаго права, римское право. Хотя эта программа шире обыкновенныхъ американскихъ юридическихъ программъ, тѣмъ не менѣе и она исключительно преслѣдуетъ практическое подготовленіе къ правовѣдѣнію. Теоретическіе предметы должны дать основныя понятія всѣхъ системъ правовѣдѣнія и выдѣлить спеціальныя особенности американскаго права; особенно подчеркивается возможность посѣщенія студентами судебныхъ засѣданій, такъ какъ школа помѣщается въ одномъ зданіи съ судами; наконецъ, вводится Forensic Oratory, долженствующая объяснить подготовку и веденіе судебнаго дѣла по всѣмъ ступенямъ. Для людей, не ищущихъ юридической практики, открыты 2 спеціальныхъ курса: одногодичный—для желающихъ нѣсколько ознакомиться съ правомъ, какъ приготовленіемъ къ дѣловой жизни; двухгодичный—для лицъ, не подготовляющихся къ практической дѣятельности, но стремящихся пріобрѣсти болѣе полное знакомство съ американскими политической и юридической системами и съ правилами, которыя ими управляютъ; принципіальное различіе спеціальныхъ курсовъ отъ обыкновеннаго, повидимому, заключается въ томъ, что въ первомъ спеціальномъ курсѣ формальное право почти совершенно исключено, а во второмъ спеціальномъ сокращены науки юридическія, расширено преподаваніе наукъ политическихъ и общественныхъ, введено общее и сравнительное правовѣдѣніе и предоставлена бо́льшая свобода выбора и перестановки предметовъ изъ одного года въ другой. Наконецъ, четвертый двухгодичный курсъ въ школѣ для обладающихъ уже учеными степенями предназначается для баккалавровъ правъ; первый годъ является однимъ пополненіемъ обыкновеннаго курса съ прибавленіемъ финансоваго права, политической исторіи и политической науки; второй годъ, не связанный органически съ первымъ,—научнаго и философскаго характера, въ немъ изучаются исторія права, теорія правовѣдѣнія, каноническое право, политическія науки; предполагается, что обыкновенный курсъ вмѣстѣ съ первымъ годомъ для баккалавровъ даетъ полное образованіе практическому юристу, а 4-й годъ имѣетъ въ виду стремящихся къ чему-либо большему (докторату гражданскаго права) [1]).

[1]) Catalogue of Yale university. 1892—93. New Haven. 1892, стр. 202—218. Къ обзору преподаванія приложено подробное объясненіе, разъясняющее методъ преподаванія, объемъ и существо излагаемыхъ предметовъ.

Наиболѣе старый и извѣстный университетъ въ центрѣ страны, сѣверо-западный, въ Еванстонѣ и Чикаго, не отличается ничѣмъ особеннымъ въ своемъ двухгодичномъ курсѣ; онъ также не имѣетъ еще школы для баккалавровъ правъ и потому не даетъ высшихъ юридическихъ степеней. Все вниманіе направлено въ возможно полному усвоенію частнаго права, какъ съ теоретической, такъ въ особенности съ практической стороны. Пріемъ въ юридическую школу не легче, чѣмъ въ восточныхъ университетахъ, а требованія отъ студентовъ, пожалуй, даже еще выше, именно, каждый второкурсникъ долженъ представить печатное сочиненіе на избранную имъ и одобренную деканомъ тему не менѣе какъ въ 50 листовъ in folio; его работа должна быть признана факультетомъ удовлетворительной по существу, формѣ и слогу и по ней студентъ можетъ быть публично экзаменованъ. Учрежденіе школы для баккалавровъ правъ, очевидно, еще рановременно по мѣстнымъ условіямъ [1]).

Колумбіенъ-университетъ (Вашингтонъ, дистриктъ Колумбія) предлагаетъ обычный двухгодичный курсъ, дополняемый конституціоннымъ и римскимъ правами; конституціонное право отвѣчаетъ на вопросъ, насколько американское государственное устройство является дѣломъ англичанъ и насколько оно измѣнилось въ Америкѣ подъ вліяніемъ условій и потребностей С.-Американскихъ Штатовъ и народа; римское гражданское право изучается ради его внутренняго достоинства и его вліянія на англійское обычное право. Курсы, предназначенные для обладающихъ учеными степенями, имѣютъ въ виду показать примѣненіе юридическихъ началъ къ упорядоченію юридическихъ отношеній и въ дѣйствительномъ производствѣ дѣлъ въ судахъ; къ этому присоединяется исторія права и практическія указанія, какъ пользоваться юридическими сочиненіями. Кромѣ того, предполагается открыть школу сравнительнаго правовѣдѣнія съ цѣлью разъяснить юридическую мысль міра съ исторической и философской точекъ зрѣнія, т.-е. представить послѣдовательныя ступени человѣческаго прогресса какъ въ гражданскихъ институтахъ, такъ и въ политическихъ учрежденіяхъ и подготовить такимъ образомъ всестороннее пониманіе современнаго состоянія правовѣдѣнія [2]).

---

[1]) Northwestern university. Catalogue, 1892—93, стр. 117—131. Northwestern university. Law School. Chicago, Ill. Circular of information for 1892—93 printed for the university.

[2]) Catalogue of the officers and students of the Columbian university, Washington, D. C., for the Academic year 1892—93. 1893, стр. 1—12.

Преподаваніе въ юридической коллегіи государственнаго Калифорнійскаго университета состоитъ изъ обычныхъ американскихъ предметовъ съ дополненіемъ конституціоннаго права и этики (legal ethics). Трехгодичный курсъ описывается такъ: въ первомъ году изучаются общія начала и правила правовѣдѣнія во всѣхъ его важнѣйшихъ частяхъ (право лицъ, движимая собственность, договоры, недвижимости); второй годъ посвящается торговому и наслѣдственному правамъ; третій—процессу и судебной практикѣ, конституціонному праву союза и штата и юридической этикѣ [1]).

Основатель только-что открывающагося „Leland Stanford Junior“ университета (Palo Alto, California) поставилъ цѣлью университета „приспособить студента къ личному успѣху и прямой пользѣ въ жизни“, „подвинуть общее благосостояніе, производя вліяніе въ гуманитарномъ и цивилизующемъ отношеніи и обучая благословенію свободы, упорядоченной закономъ, и внѣдряя любовь и уваженіе къ великимъ принципамъ управленія, вытекающимъ изъ неотчуждаемыхъ правъ человѣка на жизнь, свободу и преслѣдованіе счастья“ [2]). Согласно намѣченной цѣли, право и въ особенности государство- и обществовѣдѣніе здѣсь должны быть особенно изучаемы. „Департаментъ права“ не долженъ имѣть профессіональнаго характера, а чисто научный; онъ долженъ освоить съ основными принципами англо-американскаго права, ознакомить съ торговымъ правомъ людей, предназначающихъ себя для практической дѣятельности, подготовить къ государственной службѣ, предлагая изученіе публичнаго и международнаго права, дать спеціальныя свѣдѣнія посвящающимъ себя политической и соціальной наукѣ, удѣлять знаніе правовѣдѣнія какъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ юридической исторіи и юридическихъ учрежденій, дать полное юридическое профессіональное образованіе въ англо-американскомъ правѣ. Понятно, подобныя разнообразныя цѣли не могутъ быть преслѣдованы одновременно, и потому въ широкомъ смыслѣ думаютъ примѣнить избирательную систему. Курсъ будетъ четырехгодичный, къ которому предполагается присоединить пятый годъ для баккалавровъ правъ, съ цѣлью спеціально подготовить ихъ къ профессіональной дѣятельности. Итакъ, здѣсь имѣется та особенность, что юридическія и политическія науки соединены вмѣстѣ, какъ это и видно изъ программы (основы американскаго правовѣдѣнія, договоры,

[1]) Register of the university of California. 1892—93, стр. 119—123.

[2]) The Leland Stanford Junior university. Register for 1892—93. Palo Alto, California. 1893, стр. 20.

отвѣтственность за вредъ, собственность, торговое право, конституціонное право, международное право и дипломатія, семинарія юридическихъ и политическихъ вопросовъ, конституціонное и международное право) [1].

Все до сихъ поръ изложенное, очевидно, относится къ заведеніямъ, спеціальностью которыхъ является усвоеніе положительнаго права. Комиссія, рекомендуя ознакомленіе юристовъ съ политическими и общественными науками, не думаетъ о перенесеніи ихъ въ юридическую школу, а только совѣтуетъ юристамъ посѣщеніе лекцій по государство- и обществовѣдѣнію въ „коллегіи". На государственное право, котораго преподаваніе предполагается расширить, смотрятъ исключительно съ юридической стороны, т.-е., поскольку отношенія гражданина къ государству могутъ сдѣлаться предметомъ юридическаго спора. Примѣненіе историческаго и систематическаго методовъ тоже должно имѣть въ виду усвоеніе права наиболѣе цѣлесообразнымъ образомъ; о чисто теоретическомъ взглядѣ на правовѣдѣніе какъ на нѣчто саморазвивающееся по закону внутренней необходимости или какъ на вѣчную, неизмѣнную систему юридическихъ отношеній—нѣтъ и помина. Право есть одно изъ ремеслъ, хотя и очень благородное; естественныхъ законовъ въ немъ нѣтъ, а существуютъ только правила, признаваемыя обязательными, а потому и подлежащія изученію. Во всемъ этомъ сохраняется специфически англійское представленіе о правѣ.

Въ противоположность юриспруденціи, какъ чисто практическому вѣдѣнію, политическія и общественныя науки изучались въ Англіи, какъ мы видѣли, въ спеціальныхъ школахъ „исторіи и археологіи", „свободныхъ искусствъ", „новой исторіи" и въ отдѣлѣ „нравственныхъ наукъ". Это объяснимо, думается мнѣ, средневѣковыми предметами преподаванія, именно изъ „грамматики" выдѣлились упомянутыя школы, изъ „діалектики"—практическая философія, куда входило государство- и обществовѣдѣніе. Итакъ, въ Англіи, по моему мнѣнію, политическія и общественныя науки не выдѣлились еще, какъ особый, спеціальный предметъ; въ школахъ теорія права, политическая экономія, основы государственнаго права и нравственности, теорія государства и т. д. разсматривались какъ необходимыя пособія къ филологическимъ предметамъ (исторія, древности, языкъ, литература). Въ Америкѣ исторія, какъ „изученіе общественныхъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 72—75.

факторовъ и роста учрежденій“, становится самостоятельнымъ предметомъ преподаванія. До 1835 г. она еще сливалась съ сродными науками, съ языкомъ съ одной стороны и съ философіей съ другой. Въ этомъ году нѣмецкій политическій эмигрантъ Либеръ былъ избранъ на каѳедру исторіи и политической экономіи въ университетѣ Южной Каролины и своими лекціями и сочиненіями положилъ основаніе, какъ здѣсь, такъ съ 1857 г. и въ Колумбія-коллегіи, изученію исторіи и даже политическихъ наукъ вообще. Въ 1857 г. также начинается пятилѣтняя дѣятельность профессора Уайтъ [1]) въ Мичиганскомъ университетѣ и двадцатилѣтняя въ Корнелль-университетѣ; онъ изучаетъ отдѣльно и сравнительно общественныя, матеріальныя и нравственныя условія политическихъ учрежденій. Къ нѣкогда бывшимъ краткимъ курсамъ старой и средневѣковой исторіи присоединились лекціи и изысканія о новыхъ мѣстныхъ и общихъ соціальныхъ силахъ и явленіяхъ, а именно, о формахъ правленія и политическихъ учрежденіяхъ, объ исторіи политическихъ теорій, объ исторіи международныхъ отношеній вообще и отдѣльныхъ періодовъ и народовъ въ особенности, о сравнительной исторіи религій, государственнаго устройства и управленія, о политической исторіи современныхъ государствъ и особенно С. А. союза и т. д. Коммерческій характеръ современнаго общества прибавилъ къ этому торговое и административное право, финансовую исторію современныхъ народовъ, финансы государства и городовъ, международную исторію. Послѣ счастливаго окончанія междоусобной войны значительно поднялось американское самосознаніе, что̀ пробудило интересъ къ американской исторіи. Между 1870—1885 гг. читаются лекціи объ американской исторіи въ цѣломъ рядѣ университетовъ; вслѣдствіе постоянныхъ налеганій упомянутаго президента Корнелль-университета Уайтъ открывается въ этомъ университетѣ первая самостоятельная профессура американской исторіи, что̀ очень скоро нашло себѣ подражаніе въ Гарвардѣ и Пеннсильванійскомъ университетѣ (1883); въ послѣднемъ въ 1891 г. открывается особая школа американскихъ исторіи и учрежденій. Кромѣ того, въ университетахъ Ель, Колумбія и Мичиганъ преподаются курсы о томъ же, различные по своему объему и цѣли [2]).

Изъ сказаннаго очевидно, что хотя въ Америкѣ исторія вы-

---

[1]) Теперь посолъ С.-А. союза въ Петербургѣ.

[2]) Rich. G. Boone. Education in the United-States, its history from the earliest settlements. New York. 1893, стр. 174—179. Fr. New. Thorpe. Benjamin Franklin and the university of Pennsylvania. Washington. 1893, стр. 370—374.

дѣлилась изъ языковѣдѣнія и философіи, тѣмъ не менѣе она сохранила специфически англійскія особенности: она не отличается отъ политической науки, ибо должна служить пониманію современнаго состоянія государственныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности. Такой взглядъ вытекаетъ изъ англійскаго національнаго характера; практичность англичанина приводитъ его искать въ наукѣ пользу, а польза исторіи, конечно, не въ величавыхъ картинахъ, а въ жизненныхъ совѣтахъ, какъ поступить при данныхъ обстоятельствахъ. Притомъ англійскій умъ издавна былъ чуждъ метафизическимъ, отвлеченнымъ построеніямъ; всякое знаніе должно быть основано на опытѣ, а опытъ въ государство- и обществовѣдѣніи и есть исторія.

Для большей наглядности приведу обзоръ преподаванія въ школѣ исторіи и политики университета Джона Гопкинса (Baltimore, Maryland), открытаго въ 1876 г. и выдающагося по глубинѣ преподаванія. Упомянутая школа имѣла въ 1893—94 г. 154 студента, которые не обязаны были, какъ видно изъ количества посѣщавшихъ отдѣльные курсы, бывать на всѣхъ лекціяхъ; предметомъ ея была исторія съ политикой и экономія; остановимся прежде на исторіи съ политикой. Проф. Гербертъ Адамсъ, извѣстный историкъ, руководилъ историческою семинаріей, которая собиралась каждые 14 дней на 2 часа (41 студентъ); въ ней читались и обсуждались заранѣе подготовленныя статьи самаго разнообразнаго содержанія, какъ историческаго, такъ и современнаго, но всѣ съ политическимъ или общественнымъ характеромъ (предметы изъ исторіи литературы и искусства не упомянуты); кромѣ того, онъ читалъ первое полугодіе по 2 часа въ недѣлю 42 студентамъ исторію древнѣйшихъ политическихъ учрежденій; въ связи съ этимъ каждый студентъ обязанъ былъ изъ прочитаннаго дома составить конспектъ, который могъ бы студенту служить помощью, когда онъ самъ сдѣлается учителемъ; во второе полугодіе по 2 часа въ недѣлю 41 студенту преподавалась исторія Пруссіи; при этомъ требовалось обширное домашнее чтеніе о томъ же указанныхъ сочиненій, а въ концѣ курса—письменный экзаменъ; наконецъ, въ теченіе цѣлаго года проф. Адамсъ читалъ по 2 часа въ недѣлю 31 студенту исторію церкви; въ связи съ этимъ всѣ студенты обязаны были писать работы, соединяющія въ себѣ результаты домашняго чтенія съ замѣчаніями о лекціяхъ, при чемъ требовалось подкрѣпленіе каждаго положенія источниками. Проф. Еммоттъ читалъ 23 студентамъ 2 раза въ недѣлю историческое и сравнительное правовѣдѣніе; изъ программы видно, что излагалась исторія права,

преимущественно римскаго, и развитіе науки правовѣдѣнія (различныя школы) съ V-го в. донынѣ; кромѣ того, онъ преподавалъ 28 студентамъ 2 раза въ недѣлю англійское государственное право и его исторію съ древнѣйшаго до новѣйшаго времени; частыя испытанія изъ прочитаннаго, лекціи студентовъ и старательно составленные ими отчеты на заданныя темы служили ручательствомъ, что студенты усвоили предметъ; разъ въ недѣлю излагались десяти студентамъ источники англійской исторіи и ранняя исторія и литература англійской исторической письменности до Эдуарда I. Докт. Винсентъ читалъ первое полугодіе 2 часа въ недѣлю 24 студентамъ общественную и экономическую исторію среднихъ вѣковъ, т.-е. развитіе европейскаго общества въ особенности въ Германіи, Франціи и Англіи, съ возникновенія феодализма до реформаціи; во второе полугодіе продолженіемъ служила экономическая исторія ранней современной Европы съ XV ст. до французской революціи съ цѣлью особенно показать тѣсное соотношеніе политической практики съ экономической теоріей; кромѣ того докт. Винсентъ руководилъ историческою бесѣдою съ 9-ью студентами, происходившею каждыя 2 недѣли въ теченіе 2 часовъ; предметами были теорія и формы феодализма по источникамъ, датскія поселенія въ Англіи въ IX в., Утопія Мора, какъ источникъ тогдашней цивилизаціи; тотъ же преподаватель излагалъ посредствомъ лекцій и учебниковъ цѣлый годъ по 3 часа въ недѣлю 20 студентамъ средневѣковую и новую исторіи континентальной Европы, а съ января по іюнь 1894 г. 43 студентамъ, тоже по 3 часа въ недѣлю, средневѣковую и новую исторію въ дополненіе къ учебникамъ. Докт. Штейнеръ читалъ 24 студентамъ по 3 часа въ недѣлю американскую политическую исторію и исторію государственныхъ учрежденій съ древнѣйшихъ временъ донынѣ; по американскому обычаю изученіе указанныхъ учебниковъ, экзамены, сочиненія на заданныя темы составляли необходимое дополненіе лекцій. Докт. Кринъ преподавалъ 11 студентамъ съ февраля по іюнь по 4 часа въ недѣлю греческую и римскую исторію при помощи учебниковъ, лекцій, бесѣдъ, студенческихъ словесныхъ и письменныхъ отчетовъ о прочитанномъ; онъ же читалъ съ 17 студентами въ англійскомъ переводѣ Геродота и Ѳукидида одинъ часъ въ недѣлю съ цѣлью установить историческое содержаніе, иллюстрировать греческій методъ обработки историческаго матеріала и дать упражненіе въ исторической критикѣ.—По экономіи докт. Шеруудъ излагалъ по 2 часа въ недѣлю съ марта до конца академическаго года 28 студентамъ исторически и критически

теорію потребленія, какъ она представляется у экономическихъ писателей, начиная съ меркантилистовъ и донынѣ; онъ руководилъ экономическими бесѣдами, на которыя каждыя 2 недѣли собирались 18 студентовъ, долженствующихъ представить поочередно работы, читаемыя и критикуемыя въ засѣданіи; онъ устроилъ 5 спеціальныхъ собраній, на которыхъ разсматривались текущія экономическія явленія, а именно, монетный вопросъ, международный тарифъ, предполагаемый подоходный налогъ; онъ обсуждалъ по 2 часа въ недѣлю съ 6 студентами современныя экономическія теоріи, положивъ въ основаніе два сочиненія [1]); онъ изучалъ съ 27 студентами по 5 часовъ въ недѣлю американскимъ методомъ (усвоеніе, обсужденіе и критика рекомендованныхъ учебниковъ, спрашиваніе пройденнаго, составленіе краткихъ и обширныхъ разсужденій всѣми членами класса, ихъ чтеніе и обсужденіе) основы и исторію политической экономіи. Кромѣ постоянныхъ преподавателей цѣлый рядъ лекцій читался посторонними учеными; эти лекціи, посѣщаемыя опредѣленнымъ количествомъ студентовъ, посвящались одному или нѣсколькимъ вопросамъ и составляли такимъ образомъ одно законченное цѣлое; напр., проф. Принситонъ-коллегіи Уильсонъ прочелъ 25 лекцій 27 студентамъ о сравнительной политикѣ и администраціи, докт. W. T. Harris, „шефъ американскаго бюро просвѣщенія“,—10 лекцій о философіи исторіи, проф. Кларкъ—25 лекцій 32 студентамъ о теоріи распредѣленія богатствъ и т. д. Для прочтенія ряда лекцій приглашаются иногда и чужеземные ученые; наконецъ, по окончаніи и этихъ лекцій иногда производятся письменныя испытанія, т.-е. эти лекціи входятъ въ объемъ курсовъ, а не считаются чѣмъ-то случайнымъ, чисто добавочнымъ [2]). Фактъ присутствія на отдѣльныхъ курсахъ незначительнаго числа студентовъ при большомъ количествѣ всѣхъ обучающихся въ школѣ объясняется уже указанною нами избирательною системою, т.-е. возможностью для студента выбрать только нѣкоторые курсы съ разрѣшенія факультета, который обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы курсы составляли изъ себя одно закругленное цѣлое.

Изъ изложеннаго ясно, что въ Америкѣ до сихъ поръ сплошь и рядомъ исторія сливается съ политическими и экономическими науками. Необходимо, однако, замѣтить, что уже проявляется

[1]) S. N. Patten. The Theory of Dynamic Economics, и Fried. v. Wieser. Natural Value.

[2]) Nineteenth annual report of the president of the Johns Hopkins University. Baltimore, Maryland. 1894, стр. 70—79.

наклонность во многихъ заведеніяхъ къ отдѣленію исторіи отъ политики и экономіи, хотя основа различія еще не представляется ясною. Тотъ фактъ, что для пониманія исторіи необходимы политическія и экономическія свѣдѣнія, а для политики и экономіи чрезвычайно полезно знакомство съ исторіей, очень затрудняетъ разграниченіе предметовъ. При всемъ томъ начинаютъ уже чувствовать, что задача исторіи—раскрыть со всевозможною полнотою процессъ образованія дѣйствительности, задача политической науки—установить естественные законы политической жизни человѣчества, задача экономіи—опредѣлить естественные законы экономической жизни человѣческихъ обществъ; наконецъ, политика, какъ искусство, должна изыскивать мѣры ко всестороннему усовершенствованію быта въ данномъ государствѣ. Остановимся на судьбахъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ наукъ въ Америкѣ.

Еще въ 1817 г. преподавалась политическая экономія въ Колумбія-коллегіи Макъ-Викаромъ, въ Уилліамъ- и Мэри-коллегіи извѣстнымъ писателемъ Куперомъ; но всѣ эти чтенія оставались безплодными, ибо основывались на метафизическихъ предположеніяхъ и не облегчали изученія жизни политическихъ учрежденій. Перемѣна произошла только съ половины 70-тыхъ годовъ. Въ открытомъ въ 1876 г. университетѣ Джона Гопкинса существовала школа исторіи и политики, но, какъ видно изъ переданнаго содержанія курсовъ, въ ней исторія занимала главное мѣсто, а политика и экономія считались лишь дополненіемъ. Только въ 1880 г. Колумбія-коллегія открыла школу политической науки, цѣль которой была опредѣлена слѣдующимъ образомъ:

„Факультетъ желаетъ дать полное общее представленіе о всѣхъ предметахъ публичнаго права, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, съ троякой точки зрѣнія—исторіи, права и философіи. Прямая цѣль, слѣдовательно,—развитіе всѣхъ вѣтвей политическихъ наукъ. Второстепенныя и практическія цѣли суть: a) подготовить молодыхъ людей ко всѣмъ политическимъ отраслямъ государственной службы; b) дать подлежащую экономическую и юридическую подготовку тѣмъ, которые предполагаютъ сдѣлаться журналистами; c) пополнить курсами о публичномъ правѣ и сравнительной юриспруденціи преподаваніе частнаго муниципальнаго права, удѣляемаго юридическимъ факультетомъ; d) образовать преподавателей политической науки. Для этихъ цѣлей предлагаются курсы изученія достаточной продолжительности, чтобы дать возможность студенту не только посѣщать лекціи и репетиціи

съ профессорами, но и ознакомиться съ наиболѣе признанными сочиненіями о политическихъ наукахъ и изучить ихъ источники".

Предметы преподаванія въ школѣ распадаются на слѣдующія группы:

I. Исторія и политическая философія.

Предметъ A. Европейская исторія: 1) общая политическая и конституціонная исторія Европы, начиная съ общаго взгляда на политическую культуру императорскаго Рима и до осуществленія конституціонной идеи въ XIX ст.; 2) политическая и конституціонная исторія Англіи съ древнѣйшихъ временъ до 1884 г. съ обращеніемъ вниманія и на внѣшнія отношенія тамъ, гдѣ они оказывали громадное вліяніе; 3) отношенія Англіи къ Ирландіи, какъ вопросъ о перенесеніи тевтонскихъ идей и учрежденій, развившихся въ Англіи, на послѣдніе и наиболѣе устойчивые остатки старой кельтской расы; 4) исторія Франціи съ 1830 г. до примиренія папы Льва XIII съ французской республикой, съ цѣлью представить развитіе свободнаго управленія во Франціи; 5) исторія европейскаго права разсматривается въ слѣдующихъ отдѣлахъ: a) первобытное право дикихъ и варварскихъ народовъ; b) римское право (національная система — царскій и республиканскій періодъ; развитіе общей системы — jus gentium, поздній республиканскій періодъ; императорскій періодъ); c) средневѣковое право (римское право; остатки римскаго права въ Византіи, въ германскихъ государствахъ, въ церкви; германское право, реформы Карла Великаго; renaissance и усвоеніе Юстиніанова права, его воспріятіе и вліяніе научное); d) современное право (реакція противъ римскаго права со стороны народовъ, юристовъ и въ современномъ законодательствѣ; кодификація XVIII и XIX ст.; отношеніе кодексовъ къ римскому и германскому праву); 6) исторія дипломатіи, т.-е. развитіе отношеній между независимыми государствами и пріемовъ, въ какихъ эти отношенія происходятъ, въ связи съ анализомъ важнѣйшихъ трактатовъ, начиная съ вестфальскаго и кончая берлинскимъ 1878 г.; 7) историческая и политическая географія, т.-е. описаніе физической географіи Европы съ цѣлью показать ея естественныя дѣленія, территоріальныя увеличенія современныхъ европейскихъ государствъ, а также ихъ географическія и этническія условія.

Предметъ B. Американская исторія: 1) политическая и конституціонная исторія С.-А. союза; 2) политическая исторія колоній и американской революціи; 3) С.-А. союзъ во время междоусобной войны и періода реконструкціи (1860—77); 4) исторія

американской дипломатіи; 5) политическая исторія штата Нью-Іоркъ (развитіе политическихъ учрежденій и политическая исторія, т.-е. преимущественно исторія политическихъ партій); 6) исторія привилегій и политическая исторія города Нью-Іорка, т.-е. отношеніе города къ штату (вліяніе Tammany Hall, Tweed Ring и т. д.).

Предметъ C. Политическая философія: 1) общая исторія политическихъ теорій, начиная съ теократической системы Браминовъ до Бентама, Милля и Спенсера; 2) американская политическая философія. „Въ этомъ курсѣ преслѣдуется двоякое направленіе въ изслѣдованіи: сначала на основаніи изученія различныхъ памятниковъ революціоннаго періода, объявленія независимости, конституцій штатовъ и государствъ, и другихъ государственныхъ документовъ, выводятся владычествующія въ народѣ идеи изъ его оффиціальныхъ памятниковъ. Затѣмъ разсматриваются и подвергаются критическимъ комментаріямъ сочиненія руководящихъ государственныхъ людей, какъ Hamilton, Jefferson, Calhoun и Webster, а также болѣе систематическіе и философскіе труды Lieber'a, Mulford'a, Brownson'a, Jameson'a и другихъ".

II. Публичное право и сравнительное правовѣдѣніе.

Предметъ A. Конституціонное право: 1) сравнительное конституціонное право главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и С.-А. союза (сравненіе конституцій Англіи, Америки, Франціи и Германіи, объясненіе ихъ законами и судебными рѣшеніями и выведеніе изъ нихъ общихъ имъ всѣмъ основныхъ принциповъ публичнаго права); 2) такимъ же методомъ сдѣланное сравнительное изученіе конституцій различныхъ штатовъ С.-А. союза.

Предметъ B. Международное право: 1) международное право; 2) исторія дипломатіи; 3) исторія американской дипломатіи.

Предметъ C. Уголовное право со включеніемъ коллизіи уголовныхъ правъ и ученія о выдачѣ преступниковъ.

Предметъ D. Административное право: 1) сравнительное административное право С.-А. союза и главнѣйшихъ европейскихъ государствъ (Англіи, Франціи и Германіи); 2) право муниципальныхъ корпорацій (развитіе американскаго муниципальнаго устройства и его отличіе отъ англійскаго); 3) право обложенія налогами.

Предметъ E. Римское право и сравнительное правовѣдѣніе: 1) институты римскаго (классическаго и Юстиніанова) права; 2) исторія европейскаго права; 3) систематическое правовѣдѣніе (краткое изложеніе основныхъ началъ современнаго гражданскаго

права) [1]); 4) сравнительное изученіе началъ о коллизіи гражданскихъ правъ.

III. Политическая экономія и соціальная наука.

Предметъ А. Политическая экономія и финансы. До поступленія уже предполагается знакомство съ основными началами политической экономіи по учебникамъ Уокера или Милля: 1) историческая и практическая политическая экономія съ цѣлью ознакомить студента съ экономическимъ развитіемъ міра, дабы онъ понялъ современныя экономическія учрежденія и могъ рѣшать современныя экономическія задачи; 2) исторія политической экономіи, т.-е. разсмотрѣніе различныхъ системъ въ ихъ историческомъ развитіи, при чемъ особенное вниманіе обращается на болѣе широкіе взгляды на отношеніе теорій къ организаціи промышленнаго общества (древность, средніе вѣка, меркантилисты, физіократы, Адамъ Смитъ и его предшественники, англійская школа, европейскій материкъ, германская школа, новѣйшее развитіе); 3) желѣзнодорожныя задачи, экономическія, общественныя и юридическія; 4) историческое, сравнительное и критическое изложеніе науки финансовъ; 5) финансовая исторія С.-А. союза въ связи съ состояніемъ промышленности и торговли; 6) исторія промышленности и тарифовъ въ С.-А. союзѣ; вслѣдствіе односторонности доводовъ крайнихъ фритредеровъ и протекціонистовъ разсматривается вліяніе отдѣльныхъ тарифовъ на главнѣйшія отрасли промышленности.

Предметъ В. Соціологія и статистика: 1) наука статистики; методы и результаты; цѣль—дать основу соціальной наукѣ посредствомъ дополненія уже доставленныхъ историческихъ, юридическихъ и экономическихъ познаній такими свѣдѣніями соціальныхъ явленій, которыя могутъ быть добыты однимъ статистическимъ наблюденіемъ; 2) коммунистическія и соціалистическія теоріи. „Современная организація общества подвержена нападкамъ соціалистическихъ писателей, которые требуютъ многихъ перемѣнъ, особенно въ учрежденіи частной собственности и системѣ свободной конкуренціи. Цѣль курса—описать эти нападки, предлагаемыя измѣненія и желательность или возможность

---

[1]) Можетъ-быть интересною покажется группировка: I. Law in general, conception, establishment and extinction, interpretation and application. II. Private legal relations in general; nature of private rights; holders of rights (physical and juristic persons); establishment, modification, and extinction of rights (legal acts, illegal acts, or torts, operations of time); enforcement of rights. III. Legal relations concerning things. IV. Legal relations arising from executory contracts. V. Family relations and guardianship. VI. Relations mortis causa.

этихъ измѣненій. Въ то же время дается отчетъ о нынѣшнихъ соціалистическихъ движеніяхъ, напр., интернаціоналъ, соціальная демократія и т. д. Этими разсужденіями пользуются для того, чтобы сдѣлать дѣйствительно предметомъ курса соціальную науку, посредствомъ описанія нынѣшнихъ соціальныхъ учрежденій, въ родѣ частной собственности, въ ихъ историческомъ происхожденіи и развитіи и ихъ современномъ оправданіи"; 3) соціологія, т.-е. систематическое изученіе общей соціологіи. „Объясняются попытки, дѣлаемыя со временъ Конта, построить науку объ обществѣ въ очеркѣ литературы, доведенномъ донынѣ. Общество описывается въ этнографическихъ выраженіяхъ, какъ подраздѣленіе населенія земли, которое имѣетъ территоріальную и этническую основу единства и развиваетъ свою особую характеристическую культуру и организацію. Изображаются причины и законы его естественнаго развитія, насколько они до сихъ поръ проявились. Первая половина работы въ систематической соціологіи—антропологическая и этнологическая, такъ какъ особенное вниманіе обращается на тѣ формы патріархальнаго рода, семьи и родства, которыя имѣютъ отношеніе къ происхожденію права и политическихъ учрежденій. Вторая половина—демографическая—подробно останавливается на причинахъ и слѣдствіяхъ быстраго роста современнаго населенія и его сосредоточенія въ городахъ"; 4) преступленіе и пенологія, т.-е. спеціальное изслѣдованіе соціологическихъ задачъ преступленія и наказанія; здѣсь разсматриваются теоріи современной антропологической школы и различныя системы исправленія преступниковъ.

Всѣмъ описаннымъ нами предметамъ факультетъ совѣтуетъ (обязательныхъ курсовъ нѣтъ) посвящать въ теченіе трехъ лѣтъ слѣдующее количество часовъ въ такомъ порядкѣ:

Первый годъ.

	въ недѣлю.	
Конституціонная исторія Европы, С.-А. штатовъ и Англіи . . .	6	часовъ
Политическая экономія	3	„
Наука финансовъ	2	„
Исторія политическихъ теорій	3	„
Финансовая исторія С.-А. штатовъ (2-е полугодіе).	2	„
Исторія тарифовъ С.-А. ш. (2-е полугодіе)	2	„
Историческая и политическая географія	1	„
Политическая исторія штата Нью-Іоркъ (1-е полугодіе)	2	„
Отношенія Англіи къ Ирландіи (1-е полугодіе)	1	„
Исторія Франціи	1	„

Второй годъ.

	въ недѣлю.
Сравнительное конституціонное право главнѣйшихъ европейскихъ государствъ и С.-А. союза (2-е полугодіе)	3 часа.
Институты римскаго права	2 „
Исторія европейскаго права	2 „
Сравнительное административное право С.-А. союза и важнѣйшихъ европейскихъ государствъ	2 „
Исторія политической экономіи	2 „
Соціальная наука: коммунистическія и соціалистическія теоріи	2 „
Колоніальная исторія С.-А. союза	2 „
Исторія дипломатіи (1-е полугодіе)	2 „
Исторія американской дипломатіи (2-е полугодіе)	2 „
Американскія политическія теоріи	1 „

Третій годъ.

	въ недѣлю.
Сравнительное правовѣдѣніе	2 часа.
Международное право	2 „
Коллизія частныхъ правъ	1 „
Право обложенія налогами (2-е полугодіе)	2 „
Право муниципальныхъ корпорацій (1-е полугодіе)	2 „
Статистика, методы и результаты	2 „
Желѣзнодорожныя задачи	2 „
Исторія С.-А. союза съ 1860—77 г.	1 „
Уголовное право	2 „
Соціологія (1-е полугодіе)	2 „
Пенологія (2-е полугодіе)	2 „

Такъ какъ каждый студентъ имѣетъ право, безъ особой платы, посѣщать лекціи съ разрѣшенія подлежащихъ преподавателей въ школѣ искусствъ, то занимающимся политическими науками особенно рекомендуются слѣдующіе курсы:

	въ недѣлю.
Очеркъ средневѣковой исторіи (1-е полугодіе)	2 часа.
Очеркъ новой исторіи (2-е полугодіе)	2 „
Очеркъ европейской исторіи съ 1815 г. (1-е полугодіе)	2 „
Основы политической экономіи (2-е полугодіе)	2 „

Изъ другихъ факультетовъ желательно было бы посѣщеніе на факультетѣ философіи: исторіи философіи (2 часа), этики (2 часа), чтенія Гая и Ульпіана (1 часъ), чтенія англо-саксонскаго права, курсы новыхъ языковъ. При школѣ существуютъ семинаріи по крайней мѣрѣ по каждому предмету. Въ нихъ читаются и критически разбираются сочиненія по различнымъ предметамъ профессоромъ въ присутствіи и съ участіемъ студентовъ; для нѣкоторыхъ степеней (master of arts, doctor of

philosophy) посѣщеніе семинаріи по главному избранному предмету безусловно требуется. Пріобрѣтеніе высшихъ ученыхъ степеней связано съ такими же условіями, какъ въ Германіи, только ищущій степени долженъ заявить объ этомъ съ момента вступленія въ университетъ, дабы быть подъ постояннымъ контролемъ профессоровъ и воспитателей. Наконецъ для дальнѣйшаго усовершенствованія учреждена при школѣ академія политической науки, гдѣ уже окончившіе курсъ собираются въ первый и третій понедѣльникъ для чтенія и обсужденія самостоятельныхъ работъ по государство- и обществовѣдѣнію [1]).

Вслѣдъ за Колумбія-коллегіей послѣдовало въ 1881 г. открытіе въ Пеннсильванійскомъ университетѣ „школы Уортона для финансовъ и экономіи". По плану г. Уортона цѣль школы— „доставить молодымъ людямъ спеціальныя средства образованія и точнаго ознакомленія съ теоріей и практикой современныхъ финансовъ и экономіи, равномѣрно государственной и частной, для того, чтобы они, хорошо освѣдомленные и свободные отъ обманчивыхъ мечтаній относительно этихъ важныхъ предметовъ, могли или служить обществу искусно и добросовѣстно въ должностяхъ довѣрія, или, оставаясь въ частной жизни, умно вести свои собственныя дѣла и способствовать поддержанію здравой финансовой нравственности, — однимъ словомъ, доставить средства для усвоенія общаго образованія во всѣхъ предметахъ, касающихся финансовъ и экономіи". Основатель школы видѣлъ, что существующіе курсы въ университетахъ имѣютъ въ виду теоретическую подготовку къ профессорской, вообще учебной и ученой дѣятельности, что коммерческія коллегіи подготовляютъ служащихъ средняго и низшаго рода, но что средствъ для воспитанія лицъ, долженствующихъ занять высшее положеніе, стоять во главѣ разнообразнѣйшихъ предпріятій, не имѣется. Кромѣ того, онъ понималъ, что въ основѣ широкихъ и жгучихъ соціальныхъ вопросовъ, ждущихъ разрѣшенія, лежатъ экономическіе интересы, а поэтому американскіе граждане, а въ особен-

[1]) Columbia College in the City of New-York. Part V. School of Political science under the charge of the university faculty of political science. Circular of information. 1893—94. Обзоръ преподаванія сдѣланъ по только-что объявленнымъ курсамъ; о томъ, какъ дѣйствительно примѣняется обѣщанная программа, сколько бываетъ на отдѣльныхъ курсахъ слушателей—см. President's annual report. 1892, стр. 94—107. Изъ отчета видно, что при 211 студентахъ въ 1891—92 г. школа почти не имѣла спеціально посвящавшихъ себя политическимъ наукамъ; студенты вербовались изъ школы правовѣдѣнія (157 человѣкъ), изъ школъ философіи, горной, искусствъ, богословія. Позже дѣло нѣсколько поправилось.

ности будущіе журналисты, обязаны изучить ихъ всесторонне, и притомъ не только теоретически, но и практически. Итакъ, молодые люди въ теченіе двухъ лѣтъ изучаютъ торговлю, средства передвиженія, теорію страхованія, банковое дѣло, промышленность, земледѣліе съ экономической и общественной стороны, а также право, экономію и статистику для подготовленія себя къ общественной дѣятельности, къ преподаванію исторіи и экономіи, къ журналистикѣ и широкимъ торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Согласно упомянутой цѣли и курсы отличаются отъ преподаванія въ Колумбія-коллегіи болѣе практическимъ характеромъ. Напр., въ муниципальномъ правѣ останавливаются на частностяхъ городского управленія въ С. Америкѣ и спеціально въ Филадельфіи, изучаютъ его задачи, а именно газовое освѣщеніе, водоснабженіе, устройство городскихъ училищъ и т. д., разсматриваютъ различные доклады комиссій по городскому управленію въ С. Америкѣ; ознакамливаютъ студентовъ съ библіотечнымъ дѣломъ; въ финансахъ обращаютъ вниманіе на исторію банковаго дѣла въ Америкѣ, на паники, фонды, наиболѣе выгодное помѣщеніе капиталовъ и т. д.; въ административномъ правѣ оцѣниваютъ критически мотивы veto президентовъ союза и губернаторовъ штатовъ и т. п. Послѣ двухгодичнаго курса и успѣшно выдержанныхъ экзаменовъ дается степень баккалавра [1]). Въ нѣкоторой связи со школою Уортона находится недавно основанная однимъ изъ выдающихся ея преподавателей, Эдмундомъ Джемсомъ, американская академія политической и соціальной науки. Она представляетъ изъ себя совершенно независимое, громадное общество, болѣе, чѣмъ изъ 3.000 лицъ, интересующихся общественными науками, а не только среду ученыхъ спеціалистовъ, какъ европейскія академіи. На съѣздахъ членовъ обсуждаются различные общественные вопросы, или волнующіе въ данный моментъ общественное мнѣніе, или вообще такъ или иначе заинтересовавшіе многихъ. Члены избираютъ нѣсколько ученыхъ спеціалистовъ, дѣлающихъ доклады, завѣдующихъ съѣздами, обсуждающихъ изданія академіи, а во главѣ всей академіи стоитъ президентъ, ея основатель Эдмундъ Джемсъ. Изданія академіи состоятъ изъ журналовъ (Annals) и цѣлаго ряда различныхъ трудовъ, какъ самостоятельныхъ, такъ и переводныхъ.

Въ Мичиганскомъ государственномъ университетѣ исторія,

---

[1]) Benjamin Franklin and the university of Pennsylvania, стр. 320—326. Circular of information relating to the Warton School of Finance and Economy. Philadelphia, 1893.

государство- и обществовѣдѣніе не выдѣлены въ особую школу, но входятъ въ составъ „департамента литературы, науки и искусствъ"; здѣсь они распредѣлены въ 3 группы: исторіи, политической экономіи и международнаго права; къ политическимъ наукамъ должны также быть отнесены 2 курса изъ группы философіи: „политическая философія: теорія и учрежденія соціальной организаціи", „спеціальныя изысканія въ исторіи политической философіи (государство Платона, элементы права Канта, соціологія Спенсера)". Судя по программѣ, преподаваніе политическихъ и общественныхъ наукъ весьма полно, а помѣщеніе этихъ предметовъ въ упомянутомъ департаментѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что этимъ наукамъ не придаютъ профессіональнаго значенія, а считаютъ ихъ общеобразовательными [1]).

Въ Корнель-университетѣ подъ вліяніемъ не разъ упомянутаго президента Уайтъ въ 1882 г. окончательно учреждена „президента Уойтъ школа исторіи и политической науки". Курсы въ ней весьма разнообразны и удѣляютъ какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія о государствѣ и обществѣ; они могутъ быть сгруппированы въ отдѣлы исторіи, политическихъ и общественныхъ учрежденій, политической экономіи въ связи съ теоріей и практикой финансовъ. Преподаваніе пополняется спеціальными занятіями въ семинаріяхъ [2]).

Въ Гарвардѣ очень обширное преподаваніе политическихъ и экономическихъ наукъ отнесено къ „факультету искусствъ и наукъ", а именно къ отдѣленію коллегіи, имѣющему своимъ предметомъ нравственныя науки. Онѣ сгруппированы съ 1890—91 г. въ отдѣлъ „исторіи и политической науки", который въ свою очередь распадается на исторію, управленіе и право, экономію. Такъ какъ въ составъ „факультета искусствъ и наукъ" входитъ и школа для обладающихъ учеными степенями, то „исторія и политическая наука" могутъ сдѣлаться предметомъ спеціальныхъ занятій, ведущихъ къ степенямъ магистра искусствъ и доктора философіи. Каждый изъ трехъ упомянутыхъ отдѣловъ, передъ спеціальнымъ изложеніемъ, имѣетъ свой вводный курсъ (для исторіи—очеркъ средневѣковой и новой европейской исторіи, для управленія и права—государственное устройство и т. д.). Школа для обладающихъ степенями историческаго и практическаго характера, стремится при помощи исторіи и статистики возбудить бóльшую самостоятельность мысли, пріучая студентовъ

[1]) Calendar of the university of Michigan for 1892—93. Ann. Arbor, Mich.. стр. 63—71.

[2]) The Cornell university register 1892—93, стр. 72—75, 107—110.

не воспринимать все на вѣру, а взвѣшивать данныя за и противъ [1]).

Очень обстоятельное преподаваніе политическихъ и общественныхъ наукъ въ Ель-университетѣ не отличается отъ Гарварда; только элементарный курсъ антропологіи и этнологіи, а также курсъ физической географіи въ ея отношеніи къ цивилизаціи и исторіи свойственъ Елю. Обученіе отнесено къ общеобразовательному „академическому департаменту" и удѣляется въ группахъ: „политическая наука и право", „исторія". Среди курсовъ для обладающихъ учеными степенями въ группѣ „политической и соціальной науки и исторіи" имѣется 29 курсовъ, кромѣ аѳинскихъ политическихъ и юридическихъ учрежденій, гдѣ сообщаются самыя полныя, какъ теоретическія, такъ и практическія свѣдѣнія изъ государственнаго и административнаго права, финансовъ, политической экономіи, исторіи политической и экономической и т. п. [2]).

Въ Сѣверо-западномъ университетѣ въ „коллегіи свободныхъ искусствъ" преподаются „исторія", „право", „политическая экономія"; изъ объяснительной записки мы узнаемъ не только характеръ преподаванія, но и специфически американскій взглядъ на преподаваемые предметы. „Исторія, какъ наука общественнаго развитія человѣчества, не ограничена по необходимости политической исторіей. Государство, однако, признается формою проявленія человѣческаго общества и особенно важнымъ продуктомъ человѣческаго развитія. Такъ какъ американскіе студенты будутъ жить въ республикѣ, то политическая исторія разсматривается, какъ заслуживающая особеннаго вниманія". Въ „правѣ" читаются одинъ годъ очеркъ международнаго права и теорія права, другой годъ—основы американскаго права, конституціонное американское право сравнительно съ европейскимъ, римское право. „Политическая экономія" должна научить студентовъ правильнымъ методамъ обсужденія экономическихъ факторовъ; эта цѣль достигается троякимъ способомъ: усвоеніемъ общей теоріи политической экономіи, ознакомленіемъ съ экономическимъ міромъ въ его исторіи и современности согласно уже усвоеннымъ прин-

---

[1]) Annual reports of the president and treasurer... стр. 16, 64, 65, 66, 67. The Harvard university catalogue 1892—93, стр. 86—91, 264—285. Harvard university. Announcement of courses of instruction provided by the faculty of arts and sciences for the academic year 1893—94, стр. 29—35. Bolles. Harvard university, стр. 26, 27.

[2]) Catalogue of Yale university. 1892—93, стр. 44—47, 70, 71, 134—139. Yale university. Graduate instruction. 1893—94. New Haven. 1893, стр. 17—22.

ципамъ, практическими курсами о такихъ предметахъ, какъ финансы, желѣзныя дороги, администрація и т. п., гдѣ теорія примѣняется непосредственно къ запросамъ жизни и гдѣ выдающимся студентамъ доставляется возможность въ семинаріяхъ заняться спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Въ дополненіе къ этимъ экономическимъ занятіямъ предлагается цѣлый рядъ лекцій объ экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ извѣстными учеными и практическими дѣятелями [1]).

Въ Колумбіенъ-университетѣ политическія и общественныя науки (политическая экономія, политическая и историческая философія, исторія) не выдѣлены какъ въ обычныхъ курсахъ, такъ и въ курсахъ, предназначенныхъ для обладающихъ учеными степенями [2]); въ этомъ сохраняется прежній англійскій взглядъ, заимствованный отъ древнихъ грековъ, на государство- и обществовѣдѣніе какъ на практическую философію.

Государственный Калифорнійскій университетъ даетъ въ коллегіи литературы (college of Letters) „курсъ литературы и политической науки"; его характеристическая особенность заключается въ томъ, что въ немъ обращается преимущественное вниманіе на историческіе, политическіе и экономическіе вопросы; къ этому присоединяются математика и физика, какъ обязательные предметы, съ цѣлымъ рядомъ наукъ, которыя могутъ быть избраны добровольно. Въ курсахъ, ведущихъ къ докторату философіи (graduate department), имѣется группа „исторіи и политической науки", гдѣ преподаются сравнительное конституціонное право, конституціонное право С.-А. союза, теорія правовѣдѣнія, политическая экономія, политическая и финансовая исторія С.-А. союза, политическая исторія Европы. Кромѣ того, въ группѣ „теоретической и нравственной философіи" тоже имѣются курсы, разсматривающіе политическіе и общественные предметы [3]).

Вслѣдствіе ранѣе упомянутой мною цѣли Леляндъ-Стенфордъ-университета общественнымъ наукамъ отводится въ немъ чрезвычайно обширное мѣсто, и онѣ преподаются въ нѣсколькихъ департаментахъ. Въ „этикѣ и этической литературѣ" индуктивнымъ методомъ изучаются поведеніе человѣка и этическіе идеалы. „Не дѣлается никакой попытки построить отвлеченную или теологическую теорію жизни, но наоборотъ, стремятся, посредствомъ научнаго изслѣдованія, открыть законы и дѣйствительно влады-

---

[1]) Northwesternuniversity. Catalogue, 1892—93, стр. 51, 52, 53, 56, 57, 68, 69, 70, 73, 74.

[2]) Catalogue... стр. 60, 61, 102—104.

[3]) Register of the university of California. 1892—93, стр. 90, 106.

ствующія направленія въ сложномъ мірѣ человѣческой жизни и изучить развитіе нравственныхъ идей и нравственнаго поведенія. Текстомъ будутъ факты этическихъ дѣйствій, вѣрованій и теорій,—прошедшіе и современные. Литература, какъ представляющая изученіе и объясненіе глубочайшихъ этическихъ задачъ и какъ заключающая въ себѣ жизнь прошлаго, признается однимъ изъ наиболѣе важныхъ средствъ индуктивнаго изученія этики" [1]). Въ департаментахъ „воспитанія" и „исторіи" также встрѣчается немало лекцій изъ административнаго права и изъ исторіи политическаго быта древней и средневѣковой Европы, Англіи, Америки [2]). Обширный департаментъ „экономіи и соціальной науки" въ свою очередь распадается на 3 группы: „политическая экономія, статистика и финансы", „соціологія", гдѣ разсматриваются антропологія и этнологія, статическая (напр., Спенсеръ, Шеффле) и динамическая соціологія (Контъ, Уордъ, Гумпловичъ), соціальная патологія (порокъ, преступленіе, бѣдность), благотвореніе и исправленіе; „политическая наука", гдѣ изучается государство въ его происхожденіи и развитіи, организація законодательной власти, администрація американскихъ городовъ, графствъ и штатовъ [3]).

Наконецъ, только-что открывающійся университетъ въ Чикаго предлагаетъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ курсовъ по политической экономіи, которые группируются въ курсы элементарные, теоретическіе и практическіе. Первые курсы основные; по ихъ надлежащемъ изученіи студентъ можетъ обратиться или къ экономическимъ принципамъ, ихъ историческому развитію и различнымъ системамъ экономической мысли, или, пользуясь принципами и экономическимъ мышленіемъ, заняться преимущественно собираніемъ фактовъ, взвѣшиваніемъ доводовъ за и противъ и разсмотрѣніемъ вопросовъ, прямо относящихся къ благосостоянію американскаго народа. Среди послѣднихъ курсовъ имѣются затрагивающіе жгучіе вопросы, напр., „задачи американскаго земледѣлія" (сравненіе съ европейскими системами культуры, землевладѣніе, вліяніе желѣзныхъ дорогъ и т. д. [4]). Въ „департаментѣ исторіи" исторія разсматривается какъ наука о прогрессѣ всего человѣчества; въ немъ предлагаются общіе и спеціальные курсы по исторіи политическаго и общественнаго

---

1) The Leland Stanford Junior university. Register for 1892—93, стр. 60—62.

2) Тамъ же, стр. 63—68.

3) Тамъ же, стр. 69—71.

4) The university of Chicago. 1892—93. Programme of courses in political economy. Chicago. The university Press of Chicago. 1892.

быта [1]). Наконецъ, въ „департаментѣ соціальной науки и антропологіи" курсы распадаются на „историческую соціологію (A. описательную, B. теоретическую)" и на „современную соціологію (A. описательную и эксперементальную, B. критическую и систематическую)" [2]).

Со времени перенесенія изъ Англіи въ Америку движенія въ пользу расширенія университетскаго образованія (university extension-movement) въ важнѣйшихъ университетахъ (Пеннсильванійскомъ, Гарвардъ, Ель, Корнелль) устраиваются лѣтніе курсы, въ объемъ которыхъ входитъ право, государство и обществовѣдѣніе. Курсы эти предназначаются для лицъ, желающихъ получить нѣкоторыя предварительныя свѣдѣнія изъ правовѣдѣнія передъ поступленіемъ въ юридическую школу, для профессоровъ меньшихъ университетовъ, стремящихся пополнить свои познанія по данному предмету, наконецъ для юристовъ, чувствующихъ необходимость устранить пробѣлы въ своемъ юридическомъ или политическомъ образованіи. Сообразно этимъ различнымъ цѣлямъ видоизмѣняется и способъ преподаванія, въ немъ не удѣляется мѣсто изученію учебниковъ и спрашиванію уроковъ, а повидимому исключительно производится устное преподаваніе посредствомъ лекцій.

Для каждаго, слѣдовавшаго за нашимъ изложеніемъ, ясна тѣсная связь между англійскимъ и американскимъ взглядами на право-, государство- и обществовѣдѣніе. То же стремленіе придать юридическимъ, политическимъ и общественнымъ наукамъ практическое значеніе, то же желаніе облегчить спеціализацію при изученіи предметовъ, то же принципіальное различіе между юриспруденціей, какъ ремесломъ хотя и весьма возвышеннымъ, и между государство- и обществовѣдѣніемъ, какъ науками, т.-е. совокупностями свѣдѣній о необходимой связи общественныхъ явленій между собою. Практическое направленіе безспорно составляетъ заслугу англо-американской ученой мысли и оттѣняетъ ее отъ европейской ученой литературы, видящей цѣль науки гораздо болѣе въ открытіи, чѣмъ въ примѣненіи законовъ природы. Что же касается двухъ послѣднихъ особенностей, то въ нихъ можно, думается мнѣ, найти отличіе между Англіей и Америкой. Обѣ особенности представляются, какъ мы видѣли, въ Англіи наслѣдіемъ очень отдаленныхъ вѣковъ, наслѣдіемъ, объяснимымъ исторически, но не продуманнымъ, философски не

---

[1]) Programme of courses in history.
[2]) Programme of courses in social science and anthropology.

провѣреннымъ. Объ Америкѣ, кажется мнѣ, этого сказать нельзя. Америка въ слабой степени примѣняетъ спеціализацію къ юриспруденціи (положительное право, преимущественно гражданское, обязательно изучается, только политическія и общественныя науки, а также иногда исторія и теорія права подлежатъ свободному выбору); курсъ въ юридическихъ школахъ почти вездѣ даже долженъ быть пройденъ въ опредѣленномъ порядкѣ (graded). Это вытекаетъ изъ того, что юридическая школа, какъ профессіональная, подготовляетъ ремесленниковъ, долженствующихъ знать хорошо и всесторонне свое ремесло; этимъ объясняются и пріемы изученія; они чисто ремесленные; прежде всего изучаются, скажемъ прямо—задалбливаются правила и затѣмъ употребляется все стараніе, дабы освоиться наиболѣе легкимъ образомъ съ ихъ примѣненіемъ въ жизни. Наоборотъ, въ политическихъ и общественныхъ наукахъ, не подготовляющихъ непосредственно къ извѣстному призванію, преобладаетъ преподаваніе посредствомъ лекцій и допускается широкая свобода выбора; вселенная такъ неизмѣримо велика, что правильность въ ней, ради основательности и глубины, должна быть изучаема въ одномъ какомъ-либо и притомъ возможно узкомъ объемѣ. Для такой спеціализаціи американцы установили два пріема: уже не разъ упомянутую мною избирательную систему и отдѣльные, очень многочисленные „департаменты“ (group-system), нѣкоторымъ образомъ соотвѣтствующіе нашимъ факультетамъ. Итакъ, различіе въ способахъ преподаванія и въ дозволеніи бóльшей или меньшей свободы выбора вытекаетъ изъ одного основного взгляда на разницу между юриспруденціей и обществовѣдѣніемъ.

Что касается основательности такого взгляда, то онъ, думается мнѣ, не можетъ быть безусловно отвергнутъ. Несмотря на длинный рядъ разнообразнѣйшихъ попытокъ превратить юриспруденцію въ науку въ смыслѣ наукъ естественныхъ, она повидимому ни на шагъ не подвинулась впередъ въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, если мы признаемъ, что въ общественныхъ явленіяхъ, включая сюда и юридическія, повсюду замѣтны два элемента—воля человѣка, какъ бы узко мы ни очерчивали ея сферу, и правильность, закономѣрность, то каждому должно бросаться въ глаза чрезвычайное преобладаніе перваго элемента въ юриспруденціи и чуть не исключительное значеніе второго въ политическихъ и общественныхъ наукахъ. Въ правовѣдѣніи правильность важна, какъ мѣрило для человѣческаго произвола; мало того, она въ значительной степени создана искусственно для упорядоченія прихотливаго разнообразія человѣ-

ческихъ желаній (завѣщанія, вообще юридическія сдѣлки); поэтому она сплошь и рядомъ чисто формальнаго характера. Наоборотъ, въ политическихъ и общественныхъ наукахъ закономѣрность лежитъ въ самой ихъ основѣ, въ нихъ все стараніе ученаго направлено къ исключенію элемента произвола; въ нихъ все болѣе и болѣе находитъ себѣ оправданіе мысль смотрѣть на экономическія и общественныя силы какъ на силы природы, подлежащія своимъ особымъ, доселѣ не открытымъ законамъ. Наглядно это видно въ дѣятельности судьи и администратора; вся задача перваго—понять данное положеніе закона, какъ бы нелѣпо оно ни было, и при помощи юридической логики подвести подъ него данное проявленіе человѣческой воли; вся задача администратора—основать свою административную дѣятельность на незыблемыхъ законахъ природы; борится ли онъ съ заразительной болѣзнью—или съ голодомъ, или съ бѣдностью, стремится ли онъ поднять благосостояніе народа, администраторъ будетъ тогда на высотѣ своего положенія, когда онъ возможно полно исключитъ элементъ произвола какъ въ общей посылкѣ (предлагаемыя наукою мѣры), такъ и въ частной (состояніе данной мѣстности). Наконецъ, со временъ Іеринга, начинаютъ смотрѣть на элементъ постоянный въ правовѣдѣніи не какъ на присущій самимъ изучаемымъ фактамъ, а какъ на политику общественной власти, стоящей во главѣ общества; тысячелѣтія продолжалась хаотическая борьба интересовъ, какъ въ частной, такъ и въ публичной сферѣ, пока наконецъ мысль человѣческая не начала постепенно и притомъ чрезвычайно медленно приводить въ извѣстный порядокъ этотъ хаосъ. Итакъ, правильность юридическая есть правильность, вытекающая изъ упорядочивающей дѣятельности человѣческой мысли, а не присущая самимъ явленіямъ и только понимаемая, а не создаваемая человѣческимъ умомъ. Все это чрезвычайное обиліе юридическихъ понятій (законъ, обычай, юридическая норма и т. д.) суть созданія ума, иногда, пожалуй, произвольныя, допускающія и иную конструкцію. Другими словами, если въ правовѣдѣніи существуютъ юридическія нормы, то онѣ не что иное, какъ слѣдствіе административной политики власти, а разъ появились нормы, умъ изобрѣлъ безконечное количество аппаратовъ для ихъ усвоенія и пользованія ими.

Тотъ же результатъ получается изъ исторіи юриспруденціи. Древній Римъ, всегда увлекавшійся логическою послѣдовательностью, создалъ, вслѣдствіе своего міроваго владычества, путемъ обобщеній, систему началъ, могущую упорядочить взаимныя отношенія людей самыхъ разнообразныхъ національностей и сте-

пеней образованности. Поэтому логическая сторона преобладала въ римскомъ правѣ до чрезвычайности; затѣмъ ее еще болѣе развивали глоссаторы и въ особенности естественная школа въ правѣ. Только комментаторы отстаивали, отчасти сознательно, отчасти безсознательно, практическія требованія жизни въ противоположность логической послѣдовательности теоретиковъ. Историческая школа Куяція и послѣдователей стремилась возстановить чистое, національно-римское право; она пала, ибо не соотвѣтствовала практическимъ потребностямъ; чисто римское право оказалось непримѣнимымъ въ жизни. У Савиньи соединены двѣ мысли, діаметрально противоположныя: съ одной стороны и онъ стоитъ за логическую послѣдовательность, за „математику понятій" (Rechnen mit Begriffen), т. е. за универсальный элементъ въ правѣ; съ другой — онъ смотритъ на право какъ на національный духъ, присущій вмѣстѣ съ языкомъ каждому народу, живущій и умирающій съ нимъ. Въ настоящее время нѣкоторые ученые желали отождествить логическую сторону въ правѣ съ наукою права, другіе—объяснить ее исторически, а очень многіе начали отстаивать въ противоположность логической послѣдовательности, находящей себѣ громадную поддержку въ идеѣ справедливости, реальныя требованія жизни. Если голосъ послѣднихъ одержитъ верхъ, чего нужно ожидать и желать, то логическая сторона будетъ низведена на свое надлежащее мѣсто (не цѣль, а средство къ цѣли, не наука, а пріемъ упорядоченія явленій), а положительное право даннаго государства займетъ подобающее ему положеніе.

Если мы признаемъ достаточность поводовъ для различенія право- отъ общество- и государствовѣдѣнія, тогда отсюда сама собою вытечетъ разница въ методахъ преподаванія. Положительное право будетъ изучаться ради практической пользы профессіональнымъ образомъ, ибо только такое изученіе, состоящее въ заучиваніи правилъ и въ ознакомленіи съ пріемами пользоваться, какъ самими выученными правилами, такъ и логическими выводами изъ нихъ (юридическая конструкція, аналогія), приведетъ къ желаннымъ результатамъ для судьи, адвоката, нотаріуса. Тутъ окажутся вполнѣ умѣстными американскіе способы изученія права; къ нимъ должны быть присоединены и европейскіе съ нѣкоторыми измѣненіями. Исторія права должна быть преподаваема съ точки зрѣнія Савиньи, какъ разъясненіе образованія „современной юридической атмосферы" для сознательнаго усвоенія догмы при помощи описанія ея образованія (описаніе послѣдовательнаго измѣненія юридическихъ институ-

товъ съ посильнымъ указаніемъ причинъ); къ этому должна присоединиться нынѣ нигдѣ не преподаваемая исторія образованія юридическихъ понятій (послѣдовательныя измѣненія въ опредѣленіи права, закона, нормы и т. п.), какъ попытокъ болѣе подходящимъ образомъ упорядочить юридическія явленія. Систематическій методъ, царящій въ Германіи, очень распространенный на материкѣ Европы и нынѣ очень нравящійся англичанамъ и американцамъ, имѣетъ нѣкоторыя слабыя стороны, которыя желательно устранить. Чрезвычайно облегчая усвоеніе права, онъ пріучаетъ студентовъ смотрѣть на право какъ на логическую систему, предназначенную для мышленія, а не для примѣненія; безспорно ему мы обязаны громадною пропастью между теоріей и практикою и тою трудностью, которую часто испытываютъ кончившіе курсъ юристы, примѣнить свои свѣдѣнія къ жизни. Вторая слабая сторона систематическаго метода заключается въ томъ, что при немъ юристъ очень часто пріучается смотрѣть на догму какъ на выводы изъ отвлеченныхъ понятій, а не изъ положительныхъ постановленій; другими словами, право собственности, обязательство, преступленіе и т. п. онъ начинаетъ считать какими-то отвлеченными существами съ опредѣленными качествами (выводы изъ опредѣленія), а не обобщеніями, созданными человѣческимъ умомъ для упорядоченія юридическихъ явленій. Очевидно, при такомъ способѣ мышленія образуются изъ юристовъ своего рода метафизики, живущіе въ какомъ-то особомъ фантастическомъ мірѣ и неспособные уловить всѣ видоизмѣненія въ требованіяхъ жизни. Итакъ, всѣ методы должны быть направлены къ возможно точному, полному и всестороннему изученію положительнаго права даннаго государства, а также къ усвоенію всѣхъ способовъ имъ пользоваться (составленіе судебныхъ бумагъ, юридическихъ сдѣлокъ, рѣчей и т. д.). Исторія права съ соціологическимъ характеромъ (глубокое изученіе причинъ измѣненія юридическихъ институтовъ и установленіе законовъ), а также философія права могутъ быть признаны излишними для юридическаго образованія; онѣ колеблютъ вѣру юриста въ право, которое онъ обязанъ примѣнять, такъ какъ обѣ науки разъясняютъ, что современная догма есть нѣчто весьма несовершенное. Ремесленникъ долженъ вѣрить въ свое ремесло; иначе онъ погибъ!

Если въ юриспруденціи все должно быть направлено къ усвоенію положительнаго права даннаго государства, при чемъ философски-критическое отношеніе къ праву нежелательно, ибо оно колеблетъ вѣру въ положительное право (юристъ долженъ вѣрить въ свое право, какъ слѣпо вѣрующій въ догматы своей

религіи), то государство- и обществовѣдъ долженъ, наоборотъ, съ перваго курса быть пріучаемъ все критиковать, все сравнивать, ко всему относиться скептически. И догма должна быть изучаема, но не для слѣпого ея усвоенія, а для ея усовершенствованія (законодательная политика). Поэтому философія права и сравнительная исторія права съ соціологическимъ оттѣнкомъ здѣсь главнѣйшіе, основные предметы изученія. Широкое пониманіе жизни, ея потребностей для администратора необходимо; чтобы приносить пользу, онъ долженъ умѣть разложить данное теченіе народныхъ мыслей на составные элементы, отличить существенное отъ призрачнаго, постоянное отъ быстро преходящаго, полезное отъ приносящаго вредъ. Очевидно, при такихъ требованіяхъ задалбливаніе началъ положительнаго права и частыя провѣрки изученнаго мало приносятъ пользы, память здѣсь играетъ небольшую роль, гораздо важнѣе развитіе самостоятельнаго мышленія. Облегченіемъ въ этихъ сравнительно большихъ трудностяхъ является здѣсь возможность спеціализаціи. Юристъ долженъ знать все положительное право, ибо оно все неразрывно связано; государство- и обществовѣдъ можетъ скорѣе ограничить себя одною стороною, напр., экономическимъ бытомъ для банкировъ, для служащихъ въ банкахъ и различныхъ товариществахъ, фабрикантовъ и т. д., политическимъ бытомъ для государственныхъ чиновниковъ. Система положительнаго права должна быть вся цѣликомъ усвоена, иначе явится пробѣлъ; жизнь до того разнообразна, что можетъ быть изучена съ одной какой-либо стороны. Итакъ, различіе въ американскихъ методахъ изученія права съ одной, государства и общества съ другой стороны—вытекаетъ изъ различнаго взгляда на сами юридическія, политическія и общественныя науки и можетъ быть защищаемо весьма вѣскими доводами.

На чисто американскій способъ преподаванія съ 80-хъ годовъ начала оказывать вліяніе Германія. Оно проявилось въ устраненіи существовавшаго дотолѣ принципіальнаго различія между юриспруденціей и политическими науками, а также въ учрежденіи высшихъ курсовъ съ чисто теоретическимъ характеромъ. Оба измѣненія, думается мнѣ, принесутъ пользу. Хотя немало было мною говорено о различіи между юридическими и политическими науками, тѣмъ не менѣе тѣсная связь обѣихъ областей несомнѣнна; притомъ и для обществовѣда прежде всего необходимо знать, какими юридическими рамками очерчена его дѣятельность. При чрезвычайной склонности американцевъ къ практичности, теоретическіе курсы чрезвычайно полезны; они

вносятъ нѣкотораго рода идеализмъ въ будничныя занятія юриспруденціей, развиваютъ мысль, ознакомливаютъ съ характеромъ общества, его задачами и потребностями. Впрочемъ въ Америкѣ высшіе курсы, какъ видно изъ изложеннаго, не всегда теоретичны; иногда они предназначаются для болѣе глубокаго усвоенія положительнаго права въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ его составныхъ частяхъ.

Если въ самомъ концѣ нашего изложенія остановиться на вопросѣ, что̀ въ американскомъ преподаваніи право-, государство- и обществовѣдѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія, то ими будетъ, по моему мнѣнію, различіе между юриспруденціей и обществовѣдѣніемъ, какъ по существу, по преподаваемымъ предметамъ, такъ и по методамъ, способамъ преподаванія, а также все болѣе и болѣе возрастающій интересъ къ обществовѣдѣнію. Дѣйствительно, при широкомъ развитіи промышленности, торговли, банковаго дѣла, разнообразнѣйшихъ акціонерныхъ обществъ, при все возрастающемъ недовѣріи къ прежней системѣ laisser faire, laisser passer, потребность въ теоретически подготовленныхъ обществовѣдахъ и администраторахъ все болѣе и болѣе чувствуется. Притомъ наша планета стала бѣднѣе; уничтожены громадные дѣвственные лѣса, уменьшаются залежи каменнаго угля, исчерпываются рудники, отсюда дороговизна жизни и необходимость болѣе интенсивнаго труда, что̀ снова вызываетъ слабосиліе, нервность, увеличеніе случаевъ умопомѣшательства, самоубійства. При такомъ состояніи общества государство обязано принять всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы поставить всевозможнѣйшіе экономическіе, соціальные, религіозные, національные и т. д. и т. д. вопросы на чисто научныя основанія, что̀ можетъ быть выполнено только громаднымъ подъемомъ общественныхъ и политическихъ наукъ. Безвозвратно прошло то время, когда мы жили, какъ живали наши дѣды и отцы, и были счастливы; теперь все искусственно, начиная отъ нашей пищи и одежды и кончая сложнѣйшими политическими и религіозными задачами. Для этого необходима наука и одна наука, которая говоритъ равно убѣдительно и консерватору и либералу, и глубоко вѣрующему и атеисту, и государственнику и анархисту. Наконецъ, не мало слышится жалобъ на оппортюнизмъ, безпринципность, эгоизмъ нашего вѣка, и если къ жизни приглядѣться внимательнѣе, то оппортюнистами, безпринципными и эгоистами являются именно наиболѣе талантливые люди. Это крайне печальное явленіе, думается мнѣ, вызвано тѣмъ, что много принциповъ, на которыхъ строилось и строится общество, являются логическими выводами

изъ положеній, вѣра въ которыя подкопана; поэтому необходимо вновь обосновать ихъ на чисто научныхъ основахъ, что уже прямо входитъ въ область этики, нигдѣ не преподаваемой у насъ въ Россіи. Итакъ, сравнительная исторія въ самомъ широкомъ смыслѣ, сравнительное правовѣдѣніе, этика, политика, статистика, политическая экономія, соціологія и др. сродныя науки являются потребными теперь болѣе, чѣмъ когда-либо ранѣе. Слабое, сравнительно съ юриспруденціей, развитіе этихъ наукъ въ Европѣ должно, по моему мнѣнію, несомнѣнно отразиться въ борьбѣ народовъ на международномъ рынкѣ и будетъ одною изъ важныхъ причинъ обѣднѣнія Европы.

Ѳ. Зигель,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПРОФЕССОРЪ ФРАНЦЪ ЛИСТЪ И ЕГО ОСНОВНЫЯ ВОЗЗРѢНІЯ НА ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 6 марта 1895 г.).

Изложенію ученія Листа въ русской литературѣ посвящены уже двѣ работы: *г. Сліозберга* „Новое соціологическое направленіе въ уголовномъ правѣ" (Журналъ гражд. и уголовн. права, 1888 г., кн. 4-я, стр. 81 — 137) и *г. Гурвича* — изложеніе „Задачъ Уголовной политики" (С.-Пб. 1895 г.)

Для своей интересной статьи г. Сліозбергъ могъ воспользоваться лишь тѣми изъ работъ Листа, которыя вышли въ свѣтъ не позднѣе начала 1888 года („Zweckgedanke im Strafrecht" и первыя два изданія учебника), а между тѣмъ послѣ того Листъ написалъ еще цѣлый рядъ произведеній, существенно дополняющихъ, развивающихъ, а нерѣдко и измѣняющихъ высказанные имъ ранѣе взгляды. Съ другой стороны, въ неудачномъ переводѣ г. Гурвича мы находимъ лишь не вполнѣ удовлетворительное и сокращенное изложеніе „Задачъ уголовной политики" и доклада „О вліяніи уголовносоціологическихъ и уголовноантропологическихъ изслѣдованій на основныя юридическія понятія уголовнаго права". Многія изслѣдованія Листа остались, такимъ образомъ, незатронутыми въ работахъ гг. Сліозберга и Гурвича. Это обстоятельство, въ связи съ тѣмъ соображеніемъ, что для правильнаго пониманія научнаго міровоззрѣнія Листа, не перестающаго подвергать свои взляды упорной критической переработкѣ, необходимо знакомство со всѣми наиболѣе существенными его изслѣдованіями, и побудило меня напечатать настоящій докладъ, касающійся лишь коренныхъ вопросовъ науки уголовнаго права.

I.

Мѣсто среди современныхъ криминалистовъ, значеніе и дѣятельность Листа.

Антропологопозитивная школа уголовнаго права, возникшая въ половинѣ семидесятыхъ годовъ въ Италіи и въ короткое время пріобрѣтшая много убѣжденныхъ сторонниковъ и еще болѣе заклятыхъ враговъ, оказала человѣчеству великую услугу, отрицать которую врядъ ли могутъ даже самые односторонніе противники этого направленія. Ломброзо, Ферри, Гарофало и ихъ послѣдователи своими работами пробудили научную мысль въ области уголовнаго права, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій беззаботно дремавшую на лаврахъ когда-то справедливо заслуженной ею славы. Лишь только разгорѣлась борьба между старою классическою и новою позитивною школами уголовнаго права, какъ предъ взоромъ безпристрастнаго наблюдателя стали, сквозь дымъ полемики, обрисовываться сперва неясными, блѣдными штрихами очертанія новаго, третьяго направленія уголовной науки. Это направленіе лучше всего можетъ быть охарактеризовано названіемъ *соціологическаго*: видя въ преступленіи явленіе *соціальное* по преимуществу, оно тѣмъ самымъ существенно отличается и отъ *антропологической* школы, разсматривающей преступленіе какъ явленіе біологическое, и отъ классической *юридической* школы, изслѣдующей лишь юридическую сторону преступленія и совершенно игнорирующей его соціальную и біологическую природу.

Представители соціологическаго направленія, какъ и всякаго крупнаго научнаго направленія, въ особенности же направленія еще не вполнѣ сложившагося, неизбѣжно должны были обособиться въ болѣе тѣсные кружки или школы. Въ средѣ криминалистовъ-соціологовъ, мнѣ кажется, надо различать три главныхъ школы: 1) Основателей и руководителей Международнаго Союза уголовнаго права, профессоровъ: *Листа*, *Принса* и *Ванъ-Гамеля*, съ ихъ ближайшими учениками и послѣдователями; ихъ главные органы: „Zeitschrift für die gesamte Stafrechtswissenschaft“ (существ. съ 1881 года) и „Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal“ (съ 1889 года); 2) Ліонскую школу профессоровъ *Лакассання* и *Гарро* и *Тарда*—съ органомъ „Archives d'antropologie criminelle“ (основанъ 1886 г.); 3) итальянскую „третью“ школу—„terza scuola“ или „naturalismo critico“ съ *Алименою*, *Карневале*, *Ваккаро* и *Колайяни* во главѣ.

Ліонская школа изъ всѣхъ школъ соціологическаго направ-

ленія наиболѣе близка по духу ученію Ломброзо, хотя со времени Парижскаго конгресса уголовной антропологіи (1889 г.) и въ особенности Брюссельскаго (1892 г.) и вступленія Тарда въ редакцію „Archives“ (1893 г.) замѣтно все большее и большее удаленіе ея отъ антропологопозивистовъ и приближеніе ея къ воззрѣніямъ Международнаго Союза.

„Terza scuola“, возникшая за послѣдніе 4 года въ странѣ, которой достался завидный удѣлъ быть колыбелью новыхъ направленій въ наукѣ уголовнаго права,—впервые заявила притязанія на свою научную самостоятельность устами *Bernardino Alimena*, адвоката, профессора уголовнаго права въ Неаполитанскомъ университетѣ, синдика города Козенцы, и молодого адвоката въ Липари *Emmanuele Carnevale*. Сочиненіе Алимены „Naturalismo critico e diritto penale“ (Roma, 1892; сперва напечатанное въ декабрьской книжкѣ журнала „Rivista di discipline carcerarie“ за 1891 г.) и работа Карневале—„Una terza scuola di diritto penale“ (Roma, 1891, первоначально напечатанная въ томъ же журналѣ за 1891 г.) справедливо охарактеризованы *Тардомъ*, какъ „манифесты школы критическаго позитивима“ (Archives d'antropologie criminelle, 7-me année, p. 208).

Международный Союзъ Уголовнаго права, основанный въ 1888 году профессорами Листомъ, Принсомъ и Ванъ-Гамелемъ и въ настоящее время насчитывающій уже болѣе 600 членовъ во всѣхъ частяхъ свѣта, ставитъ себѣ задачею вырабатываніе новыхъ положеній въ области уголовнаго права, исправленіе уже существующихъ и систематическое реформированіе положительнаго уголовнаго права путемъ обращенія вниманія законодателей каждаго отдѣльнаго государства на положенія, выработанныя совмѣстными силами криминалистовъ всего цивилизованнаго міра. Международный Союзъ до сихъ поръ имѣлъ 5 съѣздовъ (1889 г.—въ Брюсселѣ, 1890—въ Бернѣ, 1891 г.—въ Христіаніи, 1893 г.—въ Парижѣ, 1894—въ Антверпенѣ), на которыхъ происходили пренія и приняты были постановленія по многимъ крупнымъ вопросамъ уголовнаго права, какъ, напр., о введеніи института условнаго осужденія, о мѣрахъ борьбы съ рецидивистами и неисправимыми преступниками, о реформѣ краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы, денежныхъ наказаній, дѣйствующихъ правилъ объ отвѣтственности малолѣтнихъ, о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ преступленій, о статистикѣ рецидива, о неопредѣленныхъ или безсрочныхъ приговорахъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ государствахъ — въ Германіи, Норвегіи, Швейцаріи, Сербіи, Венгріи и Бельгіи—изъ мѣстныхъ членовъ

Международнаго Союза образовались *мѣстныя группы* (Landesgruppen, Comités nationaux), которыя на своихъ съѣздахъ предварительно обсуждаютъ вопросы, подлежащіе окончательному разсмотрѣнію международныхъ конгрессовъ Союза, разработываютъ свое родное уголовное право съ цѣлью указанія его недостатковъ своему законодателю и содѣйствуютъ проведенію въ законодательство родной страны положеній, принятыхъ на международныхъ съѣздахъ Союза. Международный Союзъ издаетъ подъ редакціею Листа „Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal“, въ которомъ печатаются всѣ представляемые конгрессамъ Союза доклады, пренія по нимъ и обзоры движенія уголовнаго законодательства въ разныхъ государствахъ. Доклады Союзу, принадлежащіе перу такихъ корифеевъ науки уголовнаго права, какъ Листъ, Тардъ, Гарофало, Принсъ, Алимена, Ванъ-Гамель, Фойницкій, Левелье, представляютъ высокій научный интересъ.

Работы Международнаго Союза не остались безъ плодотворнаго вліянія и на положительное право. Одобреніе и рекомендація Международнымъ Союзомъ условнаго осужденія въ высокой степени содѣйствовало введенію этого института во многія изъ европейскихъ законодательствъ; вліяніе трудовъ Международнаго Союза несомнѣнно сказалось на постановленіяхъ (напр. стт. 87, 400 и слѣд.) *Невшательскаго* Code pénal 1891 г.: основныя положенія Статута Союза перепечатаны цѣликомъ въ мотивахъ къ проекту этого уложенія; наконецъ, вліяніе дѣятельности Союза въ сильнѣйшей степени сказалось на проектахъ *общешвейцарскаго* и *норвежскаго* уголовныхъ уложеній.

Какъ своимъ существованіемъ, такъ и блестящими своими успѣхами Международный Союзъ — изъ членовъ упомянутаго выше славнаго тріумвирата (Принсъ, Листъ, Гамель) болѣе всего обязанъ своему секретарю профессору *Францу Листу*. Листъ — душа и главный руководитель Союза; научныя воззрѣнія Листа — это, такъ сказать, резюме научныхъ идей и принциповъ, лежащихъ въ основѣ дѣятельности Союза. Листъ не только глава соціологическаго направленія въ Германіи, но и живой выразитель научнаго міровоззрѣнія большинства криминалистовъ — членовъ Союза.

Если профессоръ *Альфредъ Готье* охарактеризовалъ (Zeitschrift für Schweizer Strafrecht; V, p. 65) направленіе Карневале какъ „tempérament moyen de l'Union“, то съ гораздо большимъ правомъ, думается мнѣ, можно приложить эту характеристику къ ученію Листа. Благодаря этому, такъ сказать, центральномъ положенію Листа среди современныхъ кримина-

стовъ соціологическаго оттѣнка, путемъ ознакомленія съ его взглядами на основные вопросы уголовно-правовой науки, можно составить себѣ достаточно полное и ясное представленіе о цѣломъ научномъ направленіи, къ которому онъ принадлежитъ.

Скажу сперва нѣсколько словъ о самой личности этого ученаго.

Австро-венгерецъ по происхожденію, сынъ генералъ-прокурора Австріи, Францъ фонъ-Листъ во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ выступилъ на поприщѣ академическаго преподаванія въ качествѣ приватъ-доцента университета въ Грацѣ; приглашенный затѣмъ на каѳедру уголовнаго права въ Гиссенъ, онъ перешелъ въ 1882 году на ту же кафедру въ Марбургъ, а въ 1889 году въ Галле, гдѣ и занимаетъ ее доселѣ; въ текущемъ (1894—1895) академическомъ году онъ избранъ въ ректоры университета. Въ настоящее время Листу около 45 лѣтъ; онъ прекрасно образованъ, хорошо говоритъ по французски и свободно читаетъ на англійскомъ, голландскомъ, норвежскомъ и итальянскомъ языкахъ. Листъ одаренъ не только глубокимъ, но и замѣчательно живымъ и острымъ умомъ. При первомъ же разговорѣ съ нимъ бросается въ глаза его выдающаяся способность быстро схватывать мысль собесѣдника—способность, вообще не свойственная германскому тяжеловѣсному уму и у Листа, по всей вѣроятности, обусловливающаяся его не чисто германскимъ происхожденіемъ. Въ 1881 году Листъ основалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Доховымъ (ум. въ 1881 г.) и издаетъ доселѣ (выходитъ 15-й томъ) лучшій въ Германіи журналъ по уголовному праву—„Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft“.

Благодаря труду Листа и его знанію дѣла, редактируемый имъ органъ Союза—„Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal“ (вышло уже 4 тома) является однимъ изъ интереснѣйшихъ спеціальныхъ журналовъ по уголовному праву. Германская группа Международнаго Союза уголовнаго права, имѣвшая уже четыре годичныхъ собранія,—всецѣло дѣло рукъ Листа. Инищіативѣ, организаторскому таланту и неисчерпаемой энергіи Листа ученый міръ обязанъ безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ уголовной науки литературнымъ предпріятіемъ: подъ его редакціею Международный Союзъ уголовнаго права задумалъ подъ заглавіемъ „Современное уголовное законодательство въ сравнительноправовомъ изложеніи“ („Die Strafgesetzgebung der Gegenwart, in rechtsvergleichender Darstellung“, „Législation pénale Comparée“. Berlin, Verlag von Liebmann) громадное изданіе, въ которомъ изложено было бы нынѣ дѣйствующее уголовное право всѣхъ культурныхъ народовъ. Въ іюлѣ 1894 рода вы-

шелъ большой I томъ (760 стр.) этого интереснаго изданія, разсчитаннаго на 5 томовъ; этотъ томъ и половина второго должны служить введеніемъ къ сравнительному изложенію уголовнаго права. Вышедшій томъ состоитъ, кромѣ предисловія Листа, изъ 12 монографій, написанныхъ извѣстными криминалистами разныхъ странъ и представляющихъ каждая сжатый историческій очеркъ уголовнаго права извѣстнаго государства, конспективное изложеніе нынѣ въ немъ дѣйствующаго уголовнаго права и бѣглый обзоръ литературы и судебной практики. Отдѣлъ, посвященный *русскому* уголовному праву (45 стр.), написанъ проф. И. Я. Фойницкимъ, а право Финляндіи (16 стр.)—изложено гельсингфорскимъ профессоромъ J. Forsmsnn'омъ. Первая половина II тома будетъ занята такимъ же изложеніемъ права внѣ европейскихъ государствъ. Вторая половина II тома и III томъ будутъ содержать сравнительное изложеніе общей части уголовнаго права, а IV и V томы—особенную часть.

Листъ принимаетъ также дѣятельное участіе въ трудахъ возникшаго въ 1884 году „Тюремнаго Общества Саксонской провинціи и Ангальта“ „Die Gefängnissgesellschaft für die Provinz Sachsen und das Herzogthum Anhalt“ и съ 1890 года состоитъ членомъ его бюро. Въ 1891 году Листъ прочелъ въ годичномъ собраніи Общества, происходившемъ въ Магдебургѣ, интересный докладъ о желательности реформы въ прусскомъ законодательствѣ по вопросу о принудительномъ воспитаніи дѣтей „Lässt das Zwangserziehungsgesetz Verbesserungen wünschenswerth erscheinen“, напечатанный въ седьмомъ ежегодникѣ Общества „Siebentes Jahrbuch der Gefängnissgesellschaft и т. д.“ (Halle, 1891, стр. 9—33), а въ девятомъ ежегодникѣ (Halle, 1894, стр., 145—153) помѣстилъ, по предложенію бюро Общества, статью о задачахъ и трудахъ Международнаго Союза уголовнаго права („Die internationale kriminalistische Vereinigung. Jhre Aufgaben und ihre Arbeiten“).

Сколько бы высокополезна, почтенна и извѣстна ни была эта организаторская и научнообщественная дѣятельность Листа, не она составляетъ главный фундаментъ его справедливо заслуженной славы, а его литературные труды въ области уголовнаго права и его университетское преподаваніе.

Университетскія лекціи Листа очень хороши и по содержанію и по формѣ. Особенно интересны: его курсъ, посвященный изложенію исторіи уголовнаго права и уголовноправовыхъ теорій, и лекціи по тюрьмовѣдѣнію и уголовной политикѣ, читаемыя имъ публично и привлекающія массу слушателей. Въ выс-

шей степени полезны и поучительны организованныя имъ практическія занятія студентовъ въ „Уголовной Семинаріи“ (Kriminalistisches Seminar), „состоящія въ толкованіи германскаго уголовнаго уложенія, въ разрѣшеніи студентами казусовъ изъ сборника Дохова и въ чтеніи студентами рефератовъ по теоретическимъ и практическимъ вопросамъ уголовнаго права и преніяхъ по поводу рефератовъ [1]).

Научныя литературныя работы Листа весьма многочисленны [2]). Наиболѣе обширный и извѣстный его трудъ это—„Учебникъ германскаго уголовнаго права“ („Lehrbuch des Deutschen Strafrechts“), въ первомъ изданіи 1881 г. носившій заглавіе „Das Deutsche Reichsstrafrecht systematisch dargestellt“ и выдержавшій уже 6 изданій (Berlin und Leipzig, J. Guttentag, 1881, 1884, 1888; Berlin—1891 г.—посвященное норвежцамъ: оберъпрокурору Б. Гетцу и профессору Францису Хагеруну, 1892 г.—посвященное „den bewährten Kampfgenossen“ профессорамъ: Адольфу Принсу въ Брюсселѣ и Г. А. Ванъ-Гамелю въ Амстердамѣ, и 1894 г.—посвященное участникамъ криминалистическихъ вечеровъ лѣта 1894 года). Богатство содержанія при небольшомъ сравнительно объемѣ (по 6 изданію самый текстъ, безъ указателей и оглавленія, занимаетъ 648 стр.), стройность системы, самостоятельность взглядовъ, могучая діалектика, краткость, ясность и рельефность въ опредѣленіи понятій, ясность, сила и изящество слога—вотъ общепризнанныя достоинства этого замѣчательнаго произведенія, дающія ему право на одно изъ первыхъ мѣстъ среди классическихъ учебниковъ уголовнаго права, не только въ германской, но и во всей европейской литературѣ.

II.

Воззрѣнія Листа.

1. Уголовное право, уголовная политика и уголовная соціологія [3]).

Подъ уголовнымъ правомъ (Strafrecht) Листъ разумѣетъ совокупность тѣхъ государственныхъ предписаній, посредствомъ ко-

---

[1]) Какъ самая Семинарія, основанная Листомъ, такъ и порядокъ занятій въ ней обстоятельно описаны проф. *В. Есиповымъ*. („Семинарія Уголовнаго права въ Галле“, Варшава, 1893).

[2]) Списокъ важнѣйшихъ изъ нихъ приложенъ къ настоящей статьѣ.

[3]) См. главнымъ образомъ. ст. „Die deterministischen Gegner der Zweckstrafe“, особенно подъ № VI; Lehrbuch, 5 изд., § I, 6 изд. §§ 1, 12, 13, 14, 15; ст. О вліяніи уголовно-соціологическихъ и уголовноантропол. изслѣдованій на основныя юридич. понятія уголовн. права; Kriminalpolitische Aufgaben.

ихъ съ преступленіемъ какъ фактомъ связывается наказаніе какъ правовое послѣдствіе. Объ уголовномъ правѣ въ субъективномъ смыслѣ, о jus puniendi государства можно говорить лишь въ томъ предположеніи, что неограниченная карательная власть государства, сама разумно ограничивая себя, установила условія и содержаніе своей дѣятельности (преступленіе и наказаніе). Право государства наказывать есть юридически ограниченная карательная власть государства. Это же ограниченіе проводится уголовнымъ правомъ въ объективномъ смыслѣ. Такимъ образомъ объективное и субъективное уголовное право суть лишь двѣ стороны одного понятія. Задача науки уголовнаго права (Strafrechtswissenschaft) состоитъ въ систематическомъ сопоставленіи и развитіи вышеуказанныхъ правовыхъ положеній. Правовыя положенія суть ея предметъ, а логика—ея методъ. Задача теоретической юриспруденціи исчерпывается логическимъ связываніемъ понятій. Наука уголовнаго права должна разсматривать съ юридической точки зрѣнія, опираясь на уголовное законодательство, преступленіе и наказаніе какъ обобщенія, развивать отдѣльныя постановленія закона, восходя до послѣднихъ основныхъ понятій и принциповъ, въ законченную систему, излагать въ особенной части системы отдѣльныя преступленія и положенныя за нихъ наказанія, а въ общей части—понятіе преступленія и наказанія вообще. Какъ наука преимущественно практическая, работая постоянно для нуждъ правосудія и черпая изъ этого послѣдняго все новыя и новыя животворящія силы, наука права должна быть наукою собственно систематическою. Лишь приведеніемъ знаній въ систему гарантируется надежное и неизмѣнное господство надъ всѣми единичными подробностями, безъ коего примѣненіе права всегда будетъ диллетантизмомъ, предоставленнымъ случаю и произволу.

Преступленіе и наказаніе не суть лишь юридическія понятія и наука не можетъ ограничиться однимъ догматическимъ изложеніемъ права. Преступленіе, какъ и всякое человѣческое дѣяніе, есть необходимый результатъ съ одной стороны индивидуальныхъ особенностей дѣятеля, частью прирожденныхъ ему, частью же благопріобрѣтенныхъ, а съ другой стороны—соціальныхъ условій, окружающихъ его въ моментъ совершенія дѣянія. Борьба съ преступленіемъ въ его соціальныхъ корняхъ есть дѣло *соціальной политики* (Socialpolitik). Но можно и должно бороться съ преступленіемъ и въ его индивидуальныхъ корняхъ, какъ съ соціальнымъ явленіемъ, конкретизировавшимся въ жизни индивидуума. Однимъ изъ средствъ этой борьбы правоваго порядка съ

преступленіемъ служитъ государственное наказаніе. Совокупность основныхъ принциповъ относительно борьбы съ преступленіемъ въ личности преступника посредствомъ наказанія и сродныхъ этому послѣднему мѣръ называется *уголовною политикою* (Kriminalpolitik).

Для того, чтобы бороться съ преступленіемъ, нужно сперва познать его какъ явленіе, подчиняющееся извѣстнымъ законамъ. Изслѣдованіе преступленія, какъ доступнаго чувственному воспріятію явленія, въ его причинахъ и дѣйствіяхъ, т. е. раскрытіе законовъ, управляющихъ преступностью, есть дѣло *уголовной соціологіи.* (Kriminal-Sociologie). Уголовная соціологія включаетъ въ себѣ и т. н. уголовную антропологію (Kriminal-Antropologie). Уголовная соціологія, будучи одною изъ вѣтвей соціологіи вообще, не можетъ имѣть иного метода какъ безпристрастное методическое наблюденіе извѣстныхъ фактовъ. Опираясь на данныя уголовной соціологіи, уголовная политика стоитъ рядомъ съ наукою уголовнаго права не какъ вспомогательная дисциплина, а какъ равноправная ея сестра (als gleichberechtigte Schwesterwissenschaft). Научное познаніе служитъ для уголовной политики лишь средствомъ достиженія практической цѣли: борьбы съ преступленіемъ; она есть наука прикладная.

Приведенные взгляды на предметъ и задачу уголовной политики и ея отношеніе къ уголовной соціологіи высказаны Листомъ въ его статьѣ „Die deterministischen Gegner der Zweckstrafe“ и въ его докладѣ четвертому съѣзду Международнаго Союза уголовнаго права. Иначе смотритъ Листъ на уголовную политику въ своемъ учебникѣ.

Въ 5 изданіи учебника Листъ опредѣляетъ уголовную политику какъ „систематическое, основанное на научномъ изслѣдованіи преступленія въ его проявленіяхъ и причинахъ и наказанія въ его примѣненіи и дѣйствіи, изложеніе тѣхъ принциповъ, по которымъ ведется или должна быть ведена борьба правового порядка съ преступленіемъ, посредствомъ наказанія и сродныхъ ему государственныхъ установленій“. Въ 6 изданіи Листъ не даетъ опредѣленія понятія уголовной политики, но говоритъ (стр. 2), что задача ея состоитъ въ разрѣшеніи вопроса о правовыхъ основаніяхъ и цѣляхъ карательной власти государства, а также и о происхожденіи и природѣ преступленія. По взгляду учебника Листа, уголовная политика отнюдь не заимствуетъ у уголовной соціологіи извѣстныхъ научныхъ данныхъ относительно преступленія и наказанія, но сама добываетъ ихъ путемъ самостоятельнаго изслѣдованія.

Уголовная политика распадается на: 1) *криминологію* (Kriminologie), т. е. научное изслѣдованіе преступленія въ его фактическомъ, внѣшнемъ проявленіи и въ его внутреннихъ, выводимыхъ изъ фактовъ причинахъ, и 2) *пёнологію* (Poënologie), т. е. научное изслѣдованіе наказанія какъ средства для борьбы съ преступленіемъ, изслѣдованіе наказанія въ его внѣшнемъ, фактическомъ примѣненіи и его внутреннемъ, выводимомъ изъ фактовъ, дѣйствіи. Листъ допускаетъ (въ 6 изд., § 13), съ извѣстными оговорками, дальнѣйшее расчлененіе криминологіи на 1) *криминальную біологію* или *антропологію* (Kriminal-Antropologie), изслѣдующую преступленіе какъ событіе въ жизни отдѣльнаго человѣка, преступную наклонность (penchant au crime) въ ея индивидуальномъ проявленіи и ея индивидуальныхъ условіяхъ, и 2) *криминальную* или *уголовную соціологію* (Kriminal-Sociologie), изслѣдующую преступленіе какъ явленіе общественной жизни въ его соціальныхъ формахъ и соціальныхъ причинахъ. Криминальная біологія или антропологія состоитъ изъ двухъ вѣтвей: *криминальной соматологіи* (анатоміи и физіологіи) и *криминальной психологіи*. Оговорки, съ которыми Листъ принимаетъ подраздѣленіе уголовной политики на криминологію и пёнологію, слѣдующія: 1) слѣдуетъ помнить, что у обѣихъ этихъ вѣтвей уголовной политики одинъ и тотъ же предметъ изслѣдованія, различенъ лишь методъ: у первой—систематическое наблюденіе отдѣльныхъ явленій (Einzelbeobachtung) у второй—массовое наблюденіе (Massenbeobachtung, die Statistik); преступленіе какъ соціально-патологическое явленіе слагается изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ случаевъ преступленія, и каждый изъ этихъ послѣднихъ есть лишь часть одного соціальнаго явленія; 2) не должно упускать изъ виду, что лишь соединеніе обоихъ этихъ методовъ, при которомъ результаты, добытые путемъ одного метода, взаимно провѣряются и дополняются результатами другого, можетъ привести къ правильному познанію преступленія. Несоблюденію этихъ двухъ основныхъ положеній Листъ приписываетъ современное раздѣленіе криминологической науки на два враждебно стоящихъ другъ противъ друга направленія: антропологическое и соціологическое. Ближайшій предметъ уголовной политики—*репрессія* (Repression), т. е. борьба съ преступленіемъ посредствомъ наказанія, но она должна заниматься и *превенціею, предупрежденіемъ* (Prevention), т. е. борьбою съ преступленіемъ посредствомъ мѣръ предупредительныхъ, поскольку послѣднія заключаются въ такихъ институтахъ, которые, будучи по внѣшности сродны наказанію и его отбыванію (напр., исправитель-

ныя заведенія для малолѣтнихъ, рабочіе дома) или примыкая къ исполненію наказанія (напр., полицейскій надзоръ, патронатъ надъ освобожденными), непосредственно направлены противъ преступной наклонности. Уголовное право и уголовная политика, тѣсно между собою связанныя, составляютъ вмѣстѣ т. н. *всеобщую уголовную науку* (gesamte Strafrechtswissenschaft), то, что французы называютъ les sciénces pénales.

Листъ не ограничивается однимъ лишь опредѣленіемъ понятія уголовнаго права и уголовной политики, ихъ задачи, метода и содержанія, но выясняетъ взаимныя отношенія, существующія между ними. Хотя Листъ и видитъ въ наказаніи лишь средство охраны общества, онъ не считаетъ однако возможнымъ замѣнить уголовныя уложенія однимъ параграфомъ, который гласилъ бы: „каждый общеопасный человѣкъ долженъ быть, въ интересахъ общества, сдѣланъ безвреднымъ, доколѣ это будетъ необходимо". Онъ считаетъ замѣну уголовнаго правосудія „соціальною гигіеною"—какъ то предлагаютъ нѣкоторые современные ученые—нежелательною въ интересахъ индивидуальной свободы. Это единственное соображеніе удерживаетъ Листа отъ подобнаго крайняго вывода изъ его основного положенія, что уголовное наказаніе есть лишь средство общественной охраны. Листъ однако далекъ отъ мысли считать этотъ выводъ абсурднымъ и съ полнымъ основаніемъ указываетъ на существующее во многихъ законодательствахъ принудительное воспитаніе дѣтей правственно заброшенныхъ, хотя еще и не преступныхъ, на отдачу привычныхъ пьяницъ въ особые лечебные пріюты, на мѣры безопасности, принимаемыя по отношенію къ опаснымъ, но еще не совершившимъ преступленій, душевнобольнымъ и т. п. Единственное основаніе, въ силу коего должно иначе относиться къ общеопаснымъ людямъ, находящимся въ полномъ обладаніи своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ способностей, заключается въ необходимости твердыхъ правовыхъ гарантій личной свободы... Уголовное уложеніе есть, по его мнѣнію, „magna charta" преступника; оно охраняетъ не правовой порядокъ, не общество, а индивидуума, возстающаго противъ этого послѣдняго; оно гарантируетъ отдѣльному человѣку право быть наказываемымъ лишь при наличности законныхъ условій и лишь въ законныхъ предѣлахъ. Двойной принципъ „nullum crimen, nulla poena sine lege" служитъ гражданину оплотомъ противъ всемогущества государства, противъ „Левіаѳана". Занимающій насъ вопросъ, говоритъ Листъ, стоитъ въ тѣснѣйшей свизи съ политическимъ развитіемъ народовъ (Determin. Gegner, S. 357). Высшая задача всякаго

организованнаго общества заключается въ томъ, чтобы согласовать интересы общежитія со свободою отдѣльнаго человѣка. Каждый народъ и каждая эпоха проводятъ здѣсь границу по своему. Вѣкъ просвѣщенія принесъ съ собою вышеупомянутые два принципа, которые съ тѣхъ поръ лежатъ въ основѣ всѣхъ уголовныхъ кодексовъ. Должно крѣпко держаться этого наслѣдія прошлаго и, насколько можно нынѣ прозрѣть грядущее, послѣдующія реформы въ законодательствѣ останутся вѣрными этимъ принципамъ. И въ будущемъ государствѣ его карательная власть будетъ путемъ закона ограничена извѣстными условіями и предѣлами. И въ будущемъ будутъ перечисляемы условія, при наличности которыхъ государственное наказаніе можетъ имѣть мѣсто, т. е. понятія отдѣльныхъ преступленій будутъ установляемы въ уложеніи, наукою расчленяемы по юридически-логическому методу и примѣняемы судьею по тому же методу. Уголовное право останется, а вмѣстѣ съ нимъ и наука уголовнаго права и уголовное правосудіе. Юридическая школа уголовнаго права необходима на ряду съ соціологическою уголовною политикою. Такимъ образомъ уголовное право служитъ неприступимою границею для уголовной политики. Такъ какъ уголовная политика есть систематическая борьба съ преступностью, познанною въ ея причинахъ и дѣйствіяхъ, т. е. въ ея закономѣрности, то всякій успѣхъ уголовной соціологіи отзовется на ней, а слѣдовательно и на ея границѣ — на уголовномъ правѣ. Съ эволюціею человѣчества будетъ измѣняться и эта граница уголовной политики — уголовное право, но она всегда будетъ и должна существовать.

Выяснивъ взаимныя отношенія уголовнаго права и уголовной политики, Листъ разграничиваетъ области, въ коихъ каждая изъ этихъ двухъ независимыхъ одна отъ другой наукъ признана къ *практическому* господству.

Здѣсь Листъ различаетъ четыре области:

1. *Уголовное законодательство* (изданіе уголовныхъ законовъ) есть дѣло уголовной политики. Точное описаніе случаевъ, въ коихъ должна имѣть мѣсто охрана посредствомъ государственнаго наказанія, и общее опредѣленіе карательныхъ средствъ относятся къ задачамъ уголовной политики. Логически-техническая наука права можетъ при этомъ оказать цѣнныя услуги, въ особенности при установленіи въ законѣ понятій, но составленіе уголовнаго уложенія есть, прежде всего, актъ уголовной политики.

2. Доколѣ уголовное законодательство держится имѣющаго столь высокое политическое значеніе принципа „nullum crimen

sine lege", до тѣхъ поръ установленіе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, наличности состава преступленія, какъ необходимаго условія проявленія карательной власти государства, является актомъ исключительно судейскимъ, совершающимся по юридическимъ принципамъ. *Уголовный приговоръ* долженъ быть поставляемъ по твердымъ юридическимъ правиламъ, на основаніи логически-юридическаго заключенія.

3. При *опредѣленіи мѣры наказанія* должны господствовать соображенія уголовной политики. Принципъ „nulla poena sine lege" уже нарушенъ въ современномъ законодательствѣ, почти незнающемъ абсолютныхъ уголовныхъ санкцій. Система установленія въ законѣ предѣловъ наказанія (System der gesetzlichen Strafrahmen) должна быть сохранена, но реформирована. Въ предѣлахъ законной санціи мѣра (родъ и продолжительность) наказанія должна опродѣляться цѣлью, преслѣдуемою наказаніемъ въ данномъ единичномъ случаѣ, т.-е. уголовно-политическими соображеніями. Проведеніе цѣлевой идеи въ наказаніи требуетъ, чтобы судейское опредѣленіе мѣры наказанія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не было окончательнымъ, но чтобы продолжительность наказанія опредѣлялась дѣйствіемъ на наказуемаго отбываемаго имъ наказанія, т.-е. достиженіемъ или недостиженіемъ цѣли, преслѣдуемой въ данномъ случаѣ наказаніемъ. Это требованіе отчасти, хотя и далеко недостаточно, осуществляется въ дѣйствующемъ правѣ институтомъ условнаго освобожденія.

4. Коль скоро начинается *отбываніе наказанія*, функція уголовнаго права прекращается и уголовная политика вступаетъ въ полныя свои права. При исполненіи наказанія, преслѣдующемъ опредѣленныя цѣли, главную роль необходимо и неизбѣжно играютъ уголовнополитическія соображенія.

Хотя уголовное право и уголовная политика суть двѣ самостоятельныя науки, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что онѣ вѣтви одного дерева, части одного цѣлаго, соприкасающіяся и сплетающіяся другъ съ другомъ и взаимно оплодотворяющія другъ друга. „Коль скоро исчезнетъ эта мысль—говоритъ Листъ—(Учебникъ, 5 изд., стр. 6 — 7) — паденіе уголовной науки неизбѣжно.Безъ точнаго знанія дѣйствующаго права во всѣхъ его развѣтвленіяхъ, безъ полнаго обладанія законодательною техникою, безъ строгой узды логически-юридическаго мышленія уголовная политика вырождается въ поверхностный, безъ руля носящійся по волнамъ раціонализмъ. Уголовное же право превращается въ чуждую жизни, безплодную игру формулъ, коль скоро

оно не проникнуто и не руководится тѣмъ сознаніемъ, что преступленіе есть не только понятіе, но и явленіе чувственнаго міра, чреватое послѣдствіями событіе въ жизни индивидуума и общества, и что наказаніе существуетъ не ради самого себя, но находитъ свое обоснованіе и назначеніе въ охранѣ жизненныхъ интересовъ людей". Безъ уголовной науки уголовное законодательство станетъ игрушкою мнѣній дня, а уголовное правосудіе скучнымъ ремесломъ.—„Лишь изъ науки—говоритъ Листъ (ibidem)—черпаютъ то и другое оплодотворяющую жизненную силу".

Изложенные взгляды Листа на задачу уголовнаго права, уголовной соціологіи и уголовной политики и на ихъ взаимныя отношенія нѣсколько разъ подвергались измѣненіямъ, не всегда высказаны вполнѣ точно и опредѣленно, но вездѣ черезъ нихъ красною нитью проходитъ признаніе существованія самостоятельной науки уголовнаго права.

Неопредѣленность выраженій Листа ведетъ нерѣдко къ тому, что его взгляды бываютъ неправильно поняты. Такъ напр., въ своихъ „Kriminalpolitische Aufgaben" (Zeitschrift, B. IX) и въ учебникѣ Листъ говоритъ о методѣ уголовной соціологіи въ неточныхъ выраженіяхъ, давшихъ *проф. Ферри* основаніе полагать (Sociologie criminelle, p. 580), что Листъ считаетъ статистику единственнымъ методомъ, доступнымъ уголовной соціологіи. Между тѣмъ въ другомъ мѣстѣ (Actes du III Congrès d'antrop. crim., p. 91) Листъ прямо оговаривается, что уголовная статистика есть наиболѣе важный, но не единственный методъ уголовной соціологіи. Вслѣдствіе этого, для правильнаго пониманіи ученія Листа, необходимо познакомиться со всѣми его работами, посвященными данному вопросу. Недостаточную точность и отсутствіе желательной опредѣленности, мѣстами встрѣчающіяся въ ученіи Листа, не надо ставить ему въ сильный упрекъ. Листъ самъ (Criminalpolitische Aufgaben въ Zeitschrift, IX, S. 452; Determinist. Gegner, S. 361) неоднократно оговаривался, что сохраняетъ за собою право вносить впослѣдствіи измѣненія въ это свое ученіе и не безъ основанія указывалъ на то, что, строя свое ученіе на эмпирической основѣ жизненныхъ явленій, онъ не находится въ счастливомъ положеніи діалектиковъ, которые могутъ изъ единаго, первымъ даннаго или взятаго понятія воздвигнуть все конструктивное зданіе въ одномъ стилѣ. Вопросъ, затронутый Листомъ, мало разработанъ въ наукѣ; большинство криминалистовъ его обходитъ; понятіе соціологіи не только спорно, но даже многими отрицается самое существованіе со-

ціологической науки. Заслуга Листа въ томъ, 1) что онъ первый среди германскихъ криминалистовъ нашего времени ясно созналъ соціальное значеніе преступленія и недостаточность его изученія съ одной лишь догматико-юридической точки зрѣнія; 2) что онъ понялъ необходимость и попытался установить границы между правомъ, соціологіею и политикою; 3) что онъ отстаиваетъ право науки уголовнаго права на самостоятельное существованіе на ряду съ уголовною соціологіею.

1. Еще *Миттермайеръ*, въ особенности же *Гольтцендорфъ* признавали необходимымъ не упускать изъ виду уголовно-политическую точку зрѣнія на преступленіе и наказаніе. Однако даже Гольтцендорфъ не могъ окончательно порвать съ метафорическою школою, наложившей на него свою печать еще въ дни его юности (напр., до конца жизни онъ остался индетерминистомъ).

2. Изъ двухъ встрѣчающихся въ работахъ Листа опредѣленій задачъ уголовной политики и уголовной соціологіи и ихъ взаимныхъ отношеній мнѣ представляется болѣе правильнымъ то, которое онъ даетъ въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ статей. Съ опредѣленіемъ же его учебника, видящимъ въ уголовной политикѣ науку, самостоятельно изслѣдующую причины и свойства преступленій, а не заимствующую этихъ данныхъ у уголовной соціологіи трудно согласиться. По взгляду учебника Листа, уголовная соціологія является лишь одною изъ вѣтвей уголовной политики (одною изъ двухъ отраслей криминологіи), т.-е. чистая наука является лишь вѣтвью искусства. Кромѣ того, будучи, по этому ученію, отраслью криминологіи, но не входя въ пенологію, уголовная соціологія получаетъ совершенно одностороннее значеніе: она изучаетъ одно лишь преступленіе, но не касается наказанія. Этому взгляду, раздѣлявшемуся *Гольтцендорфомъ* (Handbuch des Gefängnisswesens, I, SS. 7, 19, 21), нельзя не предпочесть другое опредѣленіе Листа, сходное въ ученіемъ *Гоклера* (Mittheilungen d. Internat. Krimin. Vereinigung, IV, S. 114 и слѣд.). *Тардъ* (Bulletin de l'Union Internat. IV, p. 79) сказалъ, что уголовная соціологія для уголовнаго права есть то же, что *патологическая физіологія* для медицины. Мнѣ же думается, что роль уголовной соціологіи должна быть расширена: она — не только патологическая физіологія общества, но и его *патологическая анатомія*. *Уголовная соціологія* есть наука, которая изслѣдуетъ преступность въ ея проявленіяхъ, причинахъ и послѣдствіяхъ, а равно и мѣры борьбы съ нею, поскольку эти послѣднія имѣютъ въ виду личность дѣятеля, уже совершившаго

преступленіе. Понимаемая въ этомъ смыслѣ, уголовная соціологія включаетъ въ себѣ и *уголовную или криминальную антропологію*, такъ какъ эта послѣдняя изучаетъ преступность въ ея проявленіяхъ и тѣхъ факторахъ, которые лежатъ въ личности преступника. *Уголовная политика* есть искусство на практикѣ осуществлять данныя уголовной соціологіи, примѣняя ихъ къ условіямъ извѣстнаго мѣста и времени. Уголовная политика есть лишь вѣтвь *соціальной* политики, которую Листъ не совсѣмъ точно назвалъ соціальною гигіеною. Гигіена есть искусство здорово жить и правила ея равно относятся и къ больнымъ и къ здоровымъ людямъ, терапія же имѣетъ дѣло лишь съ больными. Соціальная политика отправляетъ и гигіеническія, и терапевтическія функціи по отношенію къ обществу: она не только принимаетъ мѣры къ улучшенію соціальныхъ условій и къ предупрежденію этимъ путемъ патологическихъ явленій въ общественномъ организмѣ, но она врачуетъ и его болѣзни посредствомъ тѣхъ или иныхъ особыхъ мѣропріятій, не имѣющихъ мѣста при нормальныхъ условіяхъ общественной жизни, устраняя или ослабляя общественныя бѣдствія и неурядицы. Равнымъ образомъ, и уголовная политика является не только соціальною гигіеною, но и соціальною терапіею: она не только предупреждаетъ совершеніе преступленій всѣми лицами, какъ ихъ уже однажды учинившими, такъ и не впавшими еще ни разу въ преступленіе, но и примѣняетъ къ преступникамъ особыя мѣры, совершенно ненужныя по отношенію къ людямъ не преступнымъ.

3. Отстаивая самостоятельность науки уголовнаго права, Листъ видитъ особенность ея метода въ томъ, что имъ является „логика“, а единственную задачу юриспруденціи въ „логическомъ связываніи понятій“. Мнѣ кажется, что по отношенію ко всякой наукѣ можетъ быть рѣчь лишь *о логическомъ* методѣ изслѣдованія, ибо лишь примѣненіемъ таковаго можно обезпечить раскрытіе истины. Съ другой стороны, юридическое изслѣдованіе не ограничивается „однимъ лишь“ логическимъ связываніемъ понятій, но и расчленяетъ понятія, разлагаетъ сложные институты на ихъ составные элементы.

Листъ, какъ уже было говорено выше, разсматриваетъ преступленіе и наказаніе съ двухъ точекъ зрѣнія: *съ юридической и съ уголовно-политической* или *соціально-политической*, ибо уголовная политика есть одна изъ вѣтвей соціальной политики.

2. Юридическая природа преступленія [4]) и наказанія [5]).

Уже во второмъ (1884 г.) изданіи своего учебника Листъ окончательно порвалъ съ теоріею *Биндинга*, видящей въ преступномъ дѣяніи лишь нарушеніе нормы. Въ то время, когда Листъ впервые составлялъ свой учебникъ (1-е изд. 1881 г.), онъ, какъ и многіе другіе выдающіеся криминалисты, поддался обаянію теоріи Биндинга, столь заманчивой по своей стройности и послѣдовательности и столь увлекательно изложенной. Но и тогда уже Листъ сознавалъ всю односторонность этого ученія и принялъ его въ измѣненномъ видѣ: между тѣмъ какъ Биндингъ понималъ подъ нормою чистое, немотивированное, въ особенности же немотивированное и уголовною угрозою, приказаніе, Листъ былъ того мнѣнія, что законодатель угрозою наказаніемъ усиливаетъ значеніе своихъ императивовъ. Въ послѣднемъ изданіи своего учебника Листъ опредѣляетъ преступленіе какъ неправду, за которую государство грозитъ наказаніемъ („Das vom Staate mit Strafe bedrothe Unrecht"). Неправда, будь она уголовная или же частно-правовой деликтъ, есть виновное противоправное дѣяніе („schuldhafte rechtswidrige Handlung"). Въ пятомъ изданіи (1892 г.) Листъ употреблялъ даже при опредѣленіи преступленія вмѣсто выраженія „неправда" опредѣленіе этой послѣдней—„виновное противоправное посягательство на правоохраненный интересъ"; въ четвертомъ изданіи (1891) опредѣленіе преступленія страдало излишними плеоназмами: 1) такъ прибавлены были къ выраженію „виновное дѣяніе" слова „вмѣняемаго человѣка" и 2) мотивировалось, почему за посягательство на извѣстныя правоохраненныя блага правовой порядокъ грозитъ наказаніемъ—„какъ посягательство на правовыя блага, особенно нуждающіяся въ защитѣ и особенно ея достойныя". Если прослѣдить опредѣленіе преступленія по всѣмъ шести изданіямъ учебника, то станетъ яснымъ, что Листъ постепенно исправлялъ это опредѣленіе какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Это постепенное самоисправленіе, самоусовершенствованіе, эта непрестанная критическая переработка своихъ научныхъ взглядовъ составляетъ характерную черту ученой дѣятельности Листа. Итакъ, Листъ смотритъ на преступленіе

---

[4]) См. главнымъ образомъ: Lehrbuch, 5 изд. §§ 1, 23 и 24, и 6 изд. §§ 1, 12, 25, 43; Grenzgebiete, особенно § 6.

[5]) См. особенно: Lehrbuch, 5 изд. § 59, 6 изд. § 58; Zweckgedanke; Determin. Gegner.

какъ на подвидъ неправды, на подвидъ деликта. Право—говоритъ Листъ—существуетъ для людей; оно имѣетъ цѣлью охрану жизненныхъ интересовъ людей. Охрана интересовъ—вотъ сущность права; цѣлевая идея (Zweckgedanke)—вотъ сила, рождающая право. Получивъ правовую охрану, жизненный интересъ становится правовымъ; правовое благо есть юридически защищенный интересъ. Правовой порядокъ не творитъ интересовъ, но лишь возводитъ жизненныя интересы людей въ правовые. Охрана интересовъ вызывается потребностями жизни и съ измѣненіемъ интересовъ измѣняется число и родъ правовыхъ благъ.

Гдѣ есть жизнь, тамъ есть и сила, стремящаяся къ свободной дѣятельности, къ безпрепятственному развитію и проявленію въ различныхъ формахъ. Въ безчисленныхъ пунктахъ соприкасаются и пересѣкаются волевыя сферы людей (Willenskreise), вторгаются другъ въ друга области господства (Machtgebiehte). Изъ этихъ жизненныхъ отношеній возникаетъ интересъ, который представляется для дѣятельности одного человѣка въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ или въ извѣстномъ бездѣйствіи другого человѣка. Чтобы не возникла война всѣхъ противъ всѣхъ, необходимъ мирный порядокъ (Friedensordnung), необходимо разграниченіе областей господства, защита однихъ интересовъ и непризнаніе другихъ.

Эту задачу беретъ на себя стоящая надъ отдѣльными людьми общая воля и разрѣшаетъ ее установленіемъ правового порядка: отдѣленіемъ правомѣрныхъ интересовъ отъ неправомѣрныхъ. Правовой порядокъ отграничиваетъ другъ отъ друга области господства, возводитъ жизненныя отношенія въ правовыя, жизненные интересы въ юридическія блага, создаетъ, связывая права и обязанности съ извѣстными условіями, изъ жизненнаго отношенія правовое. Повелѣвая или запрещая, предписывая извѣстное дѣйствіе или бездѣйствіе при извѣстныхъ условіяхъ, нормы правового порядка являются охранительницами правовыхъ благъ. Правовая охрана, которую правовой порядокъ даетъ жизненнымъ интересамъ, есть охрана, оказываемая нормами (Normenschutz). „Правовое благо“ и „норма“ суть два понятія, лежащія въ основѣ права. „Мой исходный пунктъ въ общемъ ученіи о правѣ—говоритъ Листъ—тотъ же, что и Биндинга; но затѣмъ наши пути тотчасъ же расходятся“. Биндингъ, оставивъ безъ вниманія правовое благо, охранѣ коего призвана служить норма, совершенно односторонне и произвольно взялъ понятіе нормы за краеугольный камень всей системы уголовнаго права. Основная ошибка теоріи нормъ заключается въ чисто формальномъ

пониманіи деликта какъ нарушенія обязанности повиновенія, причемъ посягательство преступленія на жизненныя отношенія юридически организованнаго человѣческаго общежитія совершенно отступаетъ на задній планъ.

Право не есть лишь порядокъ мира (Friedensordnung), но въ тоже время, въ самомъ внутреннемъ существѣ своемъ, и порядокъ борьбы (Kamfordnung). Для осуществленія своей цѣли оно нуждается въ силѣ, которая подавляла бы противодѣйствіе единочной воли. За мирнымъ порядкомъ жизненныхъ отношеній стоитъ государственная власть, которая достаточно сильна для того, чтобы принудить къ повиновенію ея нормамъ, чтобы обезпечить, гдѣ нужно, фактическое господство логической связи факта съ правовымъ послѣдствіемъ. Такимъ образомъ выступаетъ новый моментъ въ понятіи права: принужденіе. Въ трехъ формахъ проявляется принужденіе въ современномъ правѣ: 1) какъ принужденіе къ исполненію (Zwangsvolltreckung); 2) какъ возстановленіе нарушеннаго порядка—вознагражденіе (Entschhädigung; 3) какъ наказаніе непослушнаго (Bestrafung).

Неправда (Unrecht), будь она уголовною или же частноправовымъ деликтомъ, есть виновное противоправное дѣяніе. Гражданское и уголовное право отличаются другъ отъ друга видомъ охраны, даваемой ими жизненнымъ интересамъ, т. е. тѣми правовыми послѣдствіями, которыя они связываютъ съ нарушеніемъ юридически защищенныхъ интересовъ. Въ гражданскомъ правѣ юридическимъ послѣдствіемъ посягательства на правовой интересъ является удовлетвореніе (Genugtuung) пострадавшаго, а въ уголовномъ правѣ—наказаніе (Strafe), т. е. нарушеніе правоохраненныхъ интересовъ дѣятеля. Будучи in abstracto противоположными понятіями, наказаніе и удовлетвореніе объединяются въ одномъ высшемъ понятіи борьбы съ неправдою. Вотъ почему не слѣдуетъ въ законодательствѣ проводить со всею рѣзкостью эту теоретическую противоположность двухъ понятій. Присужденіе клеветника къ лишенію свободы на много мѣсяцевъ является въ тоже время и удовлетвореніемъ для оклеветаннаго, а денежное вознагражденіе, платимое виновнымъ пострадавшему, служитъ одновременно и къ охранѣ правового порядка. Понятіе неправды (Unrecht), какъ виновнаго противоправнаго дѣянія, примѣнимо во всѣхъ областяхъ права, но отъ всѣхъ остальныхъ видовъ неправды неправда уголовная (peinliches Unrecht), преступленіе, рѣзко отличается своимъ оригинальнымъ правовымъ послѣдствіемъ—наказаніемъ. На чемъ же основывается эта отличительная, оригинальная черта уголовной неправды? Хотя гра-

ница между уголовною и гражданскою неправдою измѣняется въ зависимости отъ мѣста и времени, хотя каждый народъ проводитъ ее иначе, хотя съ каждою ступенью въ исторіи развитія человѣчества возникаютъ новыя преступленія и исчезаютъ старыя, тѣмъ не менѣе въ этомъ потокѣ явленій можно, при болѣе тщательномъ разсмотрѣніи, раскрыть одну основную идею. Въ надѣленіи уголовной неправды особымъ правовымъ послѣдствіемъ сказывается уголовнополитическая точка зрѣнія, болѣе или менѣе ясно сознанная, съ большею или меньшею послѣдовательностью проведенная цѣлевая идея (Zweckgedanke) въ наказаніи. Какъ средство въ борьбѣ государства съ преступленіемъ, наказаніе примѣняется тамъ и лишь тамъ, гдѣ оно кажется государству необходимымъ. Различіе между уголовною неправдою и гражданскимъ деликтомъ можетъ быть опредѣлено такъ: преступленіе есть особенно опасное, по мнѣнію законодателя, для даннаго правового порядка посягательство на правоохраненные интересы. Опасность посягательства можетъ заключаться: 1) въ цѣнности правового блага, на которое оно направлено; 2) въ видѣ, въ способѣ посягательства. Сущность уголовнаго права заключается не въ родѣ защищенныхъ имъ интересовъ, которые могутъ принадлежать къ разнообразнѣйшимъ областямъ права, а въ оригинальности даваемой имъ охраны. Всѣ интересы безъ исключенія могутъ получить уголовную охрану посредствомъ наказанія. По отношенію ко всѣмъ областямъ права уголовное право можетъ служить дополненіемъ и охраною (такъ наз. „секундарная“, „комплементарная“, „санкціонаторная“ природа уголовноправовыхъ положеній). Наказаніе, по опредѣленію Листа, есть зло, къ которому государство присуждаетъ преступника, вслѣдствіе преступленія, черезъ посредство органовъ уголовнаго правосудія. Сущность наказанія заключается въ нарушеніи правоохраненныхъ интересовъ преступника самимъ охраняющимъ правовымъ порядкомъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, Листъ принимаетъ господствующее въ современной наукѣ ученіе о томъ, что неправда едина и нѣтъ принципіальнаго, по природѣ различія между гражданскою и уголовною неправдами.

Листъ всецѣло раздѣляетъ теорію *Іеринга* о цѣли, какъ творцѣ права. Теоріи этого великаго мыслителя наложили свою печать на все міровоззрѣніе Листа. Самъ Листъ печатно призналъ тѣсную связь представляемаго имъ направленія уголовной науки съ ученіями Іеринга (Deutsche Universitäten, S. 357).

3. Преступленіе и наказаніе съ соціальнополитической точки зрѣнія: факторы преступленія и мѣры борьбы съ нимъ; классификація преступниковъ; эволюція наказанія; основанія права наказанія; цѣли наказанія и условія его примѣненія; главныя задачи современной уголовной политики [6]).

Преступленіе есть соціально-патологическое явленіе. Оно является неизбѣжнымъ результатомъ взаимодѣйствія двухъ группъ факторовъ: окружающихъ дѣятеля соціальныхъ условій (milieu social), съ одной стороны, и психофизіологической индивидуальности дѣятеля съ другой. Но не обѣ эти группы факторовъ равноправны: въ этіологіи преступленія преобладающее значеніе имѣютъ факторы соціальные. Въ самомъ дѣлѣ, факторы соціальные опредѣляютъ и біологическую индивидуальность дѣятеля. Соціальныя, въ особенности экономическія, условія троякимъ образомъ вліяютъ на развитіе преступности: a) они вліяютъ на предковъ преступника, а тѣмъ самымъ и на него, на прирожденныя свойства его личности; b) они опредѣляютъ тѣлесное и душевное развитіе преступника, т.-е. его благопріобрѣтенную индивидуальность; c) они оказываютъ на дѣятеля вліяніе въ моментъ совершенія имъ преступленія. Тройная функція соціальнаго фактора состоитъ въ томъ, что онъ опредѣляетъ самое преступленіе въ моментъ его совершенія, индивидуальность преступника, индивидуальность его родителей и предковъ.

Въ виду преобладающаго вліянія соціальныхъ факторовъ на преступность, борьба съ преступленіемъ должна прежде всего вестись путемъ воздѣйствія на соціальныя условія, т.-е. въ области соціальной политики. Наказаніе отнюдь не единственное и отнюдь не наиболѣе дѣйствительное средство борьбы съ преступленіемъ. Превентивныя мѣры много дѣйствительнѣе репрессивныхъ. Положенія, что каждое общество имѣетъ тѣхъ преступниковъ, коихъ оно заслуживаетъ, и что преступленіе не ранѣе исчезнетъ изъ міра, какъ со смертью послѣдней человѣческой семьи,—давно уже стали избитою истиною. Преступность, какъ явленіе соціальной жизни, можетъ быть значительно уменьшена, ограни-

---

[6]) См. глав. об.: Lehrbuch, 6 изд., §§ 12, 13, 14 и 15; Kriminalpolitische Aufgaben; Zweckgedanke im Strafrecht; Determinist. Gegner; докладъ въ IV т. „Bulletin de l'Union Internat. de Droit Pénal", нѣмецк. изданіе стр. 125 и слѣд.; докладъ 3-му Конгрессу криминальной антропологіи въ „Actes du troisiéme Congrés и т. д.", стр. 91 и слѣд.; мелкія статьи: „Die socialpolitische Auffassung des Verbrechens", „Die gesellschaftlichen Ursachen des Verbrechens", „Die Zukunft der Rechtsstrafe", „Determinismus und Strafrecht" въ журналѣ „Socialpolitisches Centralblatt", I т., стр. 4, 59, 463 и II т., стр. 1.

чена, но никогда не удастся устранить ее совершенно. „Преступленіе—говоритъ Листъ (Zukunft d. Rechtsstrafe, стр. 464)—вѣчно какъ смерть и болѣзнь, тѣмъ болѣе, что и болѣзнь сама можетъ быть причиною преступленій, которыя совершаются самимъ заболѣвшимъ или его потомками, дегенерировавшими благодаря болѣзни ихъ родителя". Улучшеніемъ общественнаго строя можетъ быть достигнуто уменьшеніе числа извѣстныхъ преступленій, ибо побужденіе къ преступленію то усиливается, то ослабѣваетъ въ зависимости отъ соціальныхъ условій. Если преобразованіе современнаго соціальнаго порядка значительно уменьшитъ склонность къ преступленіямъ въ современныхъ людяхъ, то несравненно сильнѣе и прочнѣе будетъ его дѣйствіе на грядущія поколѣнія. „Уменьшая число лицъ, обремененныхъ плохою наслѣдственностью,—говоритъ Листъ (ibid.)—оно будетъ укрощать, дѣлать ручнымъ звѣря, гнѣздящагося въ человѣкѣ (Bestie in Menschen). И это не утопія. Легче слишкомъ низко оцѣнить дѣйствіе подобнаго преобразованія, чѣмъ правильно оцѣнить его во всей полнотѣ его значенія". „Каждый прогрессъ въ области соціальной политики знаменуетъ собою уменьшеніе дѣятельности нашихъ уголовныхъ судовъ, знаменуетъ для карающаго правосудія съуженіе области его господства (ibid., стр. 463)".

Въ ряду соціальныхъ причинъ преступленій Листъ, подобно H. Joly, особенно важное мѣсто отводитъ *деклассаціи*. Все наше воспитаніе и въ школѣ, и въ жизни основано на внушеніи (suggestion). Отъ совершенія преступленій насъ удерживаютъ „задерживающія представленія" („Hemmungsvorstellungen"), которыя прививаются намъ воспитаніемъ до тѣхъ поръ, пока они не взойдутъ, наконецъ, въ нашу плоть и кровь и не начнутъ господствовать надъ нашими дѣяніями и упущеніями, безъ того даже, чтобы мы это сознавали. „Это ты долженъ дѣлать", „этого ты не долженъ дѣлать"—эти общія предписанія права и нравственности, религіи и любви къ ближнему, должны опредѣлять насъ такъ, чтобы мы долго не раздумывали, не колебались. Но задерживающія представленія лишь тогда сохраняютъ свою силу надъ нами, когда мы живемъ въ тѣсномъ, связанномъ одинаковыми воззрѣніями и общностью интересовъ кругу людей. Каждый изъ насъ по собственному опыту знаетъ, какое опредѣляющее вліяніе оказывали на него сужденія и предубѣжденія, вѣрованія и суевѣрія людей его круга, какъ онъ сдерживалъ другихъ и какъ его другіе сдерживали. „Разрушьте—говоритъ Листъ (Socialpolit. Centralblatt, I, S. 60)—эти сомкнутые круги, и вы ослабите или уничтожите задерживающія пред-

ставленія; атомизируйте общество такъ, чтобы каждый былъ предоставленъ самому себѣ въ борьбѣ съ преступленіемъ, и вы тѣмъ самымъ дадите полную свободу злымъ побужденіямъ, коренящимся въ человѣкѣ, и вы отдадите его въ руки преступленія". При такихъ условіяхъ, лишь очень немногіе люди устоятъ въ борьбѣ съ своими дурными влеченіями; для большинства же людей необходимо внѣшнее сдерживаніе.

Дѣленіе факторовъ преступности на біологическіе и соціологическіе Листъ кладетъ въ основу принятаго имъ въ настоящее время дѣленія преступниковъ на два класса [7]) (самъ Листъ считаетъ свое дѣленіе недостаточнымъ, см. Учебникъ, 6-е изд., стр. 56, прим. 3). Одна группа преступниковъ та, у которой преступленіе является въ большей степени результатомъ внѣшнихъ условій, чѣмъ индивидуальности правонарушителя; у другой же группы, наоборотъ, вліяніе индивидуальности дѣятеля преобладаетъ надъ дѣйствіемъ внѣшнихъ условій. Такимъ образомъ, смотря по взаимному отношенію двухъ группъ факторовъ преступности, измѣняется форма проявленія и значеніе преступленія.

1) Преступники перваго вида неудачно называются преступниками *случайными* (Gelegenheitsverbrecher, délinquants d'occasion), это—*острая* или *эпизодическая* преступность (akute, episodische Kriminalität). Они подпадаютъ, въ моментъ совершенія преступнаго дѣянія, могущественнымъ внѣшнимъ вліяніямъ. Въ мгновенномъ страстномъ возбужденіи или подъ вліяніемъ стѣсненнаго положенія дотолѣ безупречный дѣятель совершаетъ преступленіе, чуждое его обычнымъ наклонностямъ, являющееся одинокимъ эпизодомъ въ его жизни. Здѣсь индивидуальная личность преступника ничѣмъ существенно не отличается отъ личности средняго человѣка. „Никто изъ насъ,—замѣчаетъ Листъ (Actes du troisième Congrès d'antropologie criminelle, стр. 93)—не знаетъ, устоялъ ли бы онъ самъ передъ очень могущественнымъ искушеніемъ". Преступленіе здѣсь не есть результатъ развитой и укоренившейся въ дѣятелѣ преступной наклонности, и едва только оно совершилось, какъ уже предста-

---

[7]) По словамъ г. *Гурвича* (Предисловіе къ „Задачамъ уголовной политики", стр. IV), Листъ дѣлитъ преступниковъ на три класса: 1) прирожденныхъ, 2) случайныхъ, 3) привычныхъ. Это ошибочное мнѣніе о признаніи Листомъ существованія *прирожденныхъ* преступниковъ опровергается въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Гурвичемъ ученія Листа, гдѣ категорически значится: „Homo delinquens" (delinquente?)—прирожденный преступникъ не существуетъ (стр. 17, курсивъ).

вляется преступнику чѣмъ-то страннымъ и необъяснимымъ. Преступникъ раскаивается и, въ большинствѣ случаевъ, сознается, обѣщая никогда болѣе не совершать преступленій. Это обѣщаніе и на самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, выполняется, ибо тѣ же самыя внѣшнія условія рѣдко повторяются, а если преступникъ въ нихъ снова и попадаетъ, то воспоминаніе о преступленіи со всѣми послѣдствіями даетъ ему новую силу противостоять преступному побужденію.

2) Вторая группа — преступники, неудачно называемые преступниками *по привычкѣ* (Gewohnheitsverbrecher, délinquants d'habitude). При ничтожномъ внѣшнемъ поводѣ преступленіе является здѣсь продуктомъ прочно установившейся индивидуальности, глубоко укоренившейся наклонности преступника, коего внутреннюю сущность оно намъ раскрываетъ. Здѣсь не случай дѣлаетъ человѣка преступникомъ, а преступникъ самъ ищетъ случая совершить преступленіе. Къ этой группѣ принадлежатъ не только *профессіональные* преступники, составляющіе наиболѣе распространенный, а потому и особенно опасный ея подвидъ, начиная съ мошенниковъ и до убійцъ по ремеслу, но и всѣ тѣ, у коихъ внутренними и глубокими причинами совершаемыхъ ими злодѣяній являются жажда удовольствій и чувственность, жестокость и грубость, злоба и тщеславіе, легкомысліе и безразсудство, фанатизмъ религіозный, политическій и національный, неврастеническая слабость, непреодолимая боязнь труда. Эти наклонности тѣсно связаны съ привычкою, но не тождественны съ нею. Результатомъ подобной наклонности можетъ быть частое повтореніе извѣстнаго преступнаго акта, а слѣдовательно и привычка. Подобная наклонность можетъ быть создана частымъ повтореніемъ преступнаго акта, но она можетъ существовать и ранѣе проявленія своего въ какомъ-либо актѣ. Въ виду этого, по мнѣнію Листа, терминъ „привычные преступники“ слишкомъ узокъ для этой группы и долженъ быть замѣненъ терминомъ „Zustandsverbrecher“ (преступники по состоянію или „*хроническая преступность*“). „Во всѣхъ этихъ случаяхъ, говоритъ Листъ (ibid.) — правонарушеніе есть вѣрное изображеніе, отраженный образъ индивидуальности дѣятеля“. Поэтому подобный преступникъ не видитъ ничего страннаго въ своемъ дѣяніи, отражающемъ лишь его „я“, и не раскаивается въ немъ. Съ большою вѣроятностью можно ожидать отъ него повторенія преступленія, покуда его индивидуальность не подвергнется такому вліянію, которое ее измѣнитъ.

Признавая лишь двѣ группы факторовъ преступленія, Листъ

умалчиваетъ о факторахъ *космическихъ* [8]). По всей вѣроятности, онъ полагаетъ, что космическія условія не играютъ непосредственной роли въ этіологіи преступленій, а вліяютъ непосредственно лишь на признаваемые имъ факторы преступленія: на психо-физіологическую индивидуальность дѣятеля и на окружающія его соціальныя условія. Съ подобнымъ воззрѣніемъ трудно согласиться уже по одному тому, что если стать на эту точку зрѣнія, то придется не признать непосредственнаго вліянія на преступность и за факторами соціальными. Такъ какъ преступленіе есть актъ дѣятельности человѣка, то оно всегда можетъ быть сведено къ одной затратѣ человѣкомъ своей мускульно-нервной энергіи, т.-е. быть разсматриваемо какъ проявленіе исключительно психо-физической индивидуальности преступнаго дѣятеля. Это не даетъ намъ, однако, права видѣть причину преступленія въ одной лишь психо-физической организаціи преступника, совершенно устраняя космическія и соціальныя условія, въ кои эта организація была поставлена какъ въ моментъ преступной дѣятельности, такъ и ранѣе. Гораздо правильнѣе дѣлить факторы преступности на три группы — антропологическіе, физическіе и соціальные, какъ это предложено *Ферри*, а еще ранѣе его, хотя и съ меньшею ясностью и обоснованностью, проф. *Фойницкимъ* (условія космическія, общественныя и личныя).

Говоря о преобладающемъ вліяніи соціальныхъ факторовъ на преступность, Листъ, какъ и большинство криминалистовъ соціологическаго направленія, впадаетъ, мнѣ кажется, въ односторонность, подобно тому, какъ приверженцы антропологопозитивной школы обнаруживаютъ совершенно ненаучную односторонность въ противоположномъ направленіи, когда, почти игнорируя соціальные факторы, объясняютъ существованіе преступности исключительно ненормальностями въ анатомической и физіологической природѣ нѣкоторыхъ людей. Несомнѣнно, что государство и общество скорѣе и легче могутъ повліять на соціальныя условія, чѣмъ на психо-физическія индивидуальности людей непосредственно, посредственно же вліяетъ на эти послѣднія и улучшеніе соціальныхъ условій (особенно на грядущія поколѣнія людей). Но съ точки зрѣнія логическаго понятія причинности, извѣстная психо-физическая индивидуальность дѣятеля и наличность извѣстныхъ внѣшнихъ условій равно необхо-

[8]) Тѣмъ не менѣе г. *Гурвичъ* въ своемъ предисловіи къ „Задачамъ уголовной политики“ (стр. IV) говоритъ, что „факторы преступности, по Листу, бываютъ трехъ родовъ: 1) физическіе, 2) общественные, 3) индивидуальные“.

димы и имѣютъ совершенно равное значеніе для наступленія результата, т.-е. преступнаго дѣянія, ибо подъ причиною разумѣется совокупность всѣхъ предшествующихъ, за коими данное дѣйствіе неизмѣнно и безусловно слѣдуетъ. Нельзя видѣть преобладающее значеніе соціальныхъ факторовъ въ томъ, что они вліяютъ и на психо-физическую организацію какъ самого преступника, такъ и его родителей. Съ равнымъ правомъ можно сказать, что соціальныя условія создаются дѣятельностью людей, и потому, смотря по своей психо-физической организаціи, люди въ томъ или иномъ направленіи измѣняютъ условія соціальной жизни. Врядъ ли можно, какъ это дѣлаетъ *Тардъ* (Philosophie pénale, 1891, глава VI), признавать преобладающее вліяніе за соціальными факторами на томъ основаніи, что въ образованіи преступности большую роль играетъ *подражаніе*. Тарду мы можемъ возразить, что склонность человѣка къ подражанію другимъ имѣетъ свою причину въ психо-физической его организаціи. „Преобладающее значеніе" соціальныхъ факторовъ можетъ быть понимаемо лишь въ томъ смыслѣ, что соціальныя условія представляютъ объектъ болѣе доступный, болѣе и скорѣе поддающійся воздѣйствію общества, чѣмъ анатомо-физіологическая природа человѣка, а потому на соціальные-то факторы преступности и должно быть обращено главное вниманіе законодателя, политика, криминалиста.

Отмѣченная мною односторонность во взглядахъ криминалистовъ-соціологовъ на этіологію преступленія должна быть объяснена какъ нѣкоторое увлеченіе, крайность той реакціи противъ односторонностей ученія криминалистовъ-антропологовъ, которая нашла себѣ научное выраженіе въ новѣйшихъ работахъ писателей соціологическаго направленія.

Классифицированіе преступниковъ, раздѣленіе ихъ на классы необходимо для того, чтобы провести въ жизнь принципъ *индивидуализированія* наказанія во всей его полнотѣ. Эта мысль руководила еще извѣстнымъ проф. *Вальбергомъ*, авторомъ „Princip der Individualisierung in der Strafrechtspflege" (1869), когда онъ въ цѣломъ рядѣ работъ установилъ различіе между преступниками *случайными* (Gelegenheitsverbrecher) и преступниками *по привычкѣ* (Gewohnheitsverbrecher). Съ тѣхъ поръ предложено было не мало классификацій преступниковъ. *Ломброзо*, въ первомъ изданіи своего „L'Uomo delinquente" говорившій лишь объ одномъ преступномъ типѣ, въ 3-мъ изданіи различаетъ: 1) преступниковъ *прирожденныхъ* (delinquenti nati) — около 40% общаго числа преступниковъ, и 2) преступниковъ

случая (alle cause — около 60%), къ которымъ причисляетъ преступниковъ сумасшедшихъ (rei pazzi), по страсти (per passione), по особо сложившимся обстоятельствамъ (d'occasione) и алкоголиковъ ((alcoolisti). Въ четвертомъ же изданіи своего знаменитаго сочиненія *Ломброзо* различаетъ: 1) преступниковъ *прирожденныхъ и нравственно помѣшанныхъ* (delinquente-nato e pazzo morale), 2) преступниковъ *эпилептиковъ* (delinquente-epilettico), 3) преступниковъ *по страсти* (delinquente d'impeto o passione-forza irresistibile), 4) *сумасшедшихъ* (delinquente pazzo), 5) *случайныхъ* (delinquente d'occassione). *Enrico Ferri* („Sociologie criminelle", 1893) дѣлитъ преступниковъ на: 1) *помѣшанныхъ* (criminels fous), 2) *прирожденныхъ* (nés), 3) сдѣлавшихся *привычными* (par habitude acquise), 4) *случайныхъ* (d'occasion) и 5) *по страсти* (de passion). Первый международный конгрессъ криминальной антропологіи, засѣдавшій въ 1885 г. въ Римѣ, выразилъ свою солидарность съ этою классификаціею Ферри (Actes, p. 146); ей слѣдуютъ, кромѣ многихъ итальянскихъ антрополого-позитивистовъ, *N. Colajanni* (Sociologia criminale, Catania, 1889, Vol. I, p. 362), выдѣляющій только еще въ особую категорію преступниковъ *политическихъ*, и *Havelock Ellis* (The Criminal. London, 1890, нѣмецкое изданіе Dr. H. Kurella — „Verbrecher und Verbrechen, Leipzig, 1894, гл. I. стр. 1—29), принимающій и поправку Колайяни.

Минцловъ, *Le Bon*, *Lacassagne*, *Benedikt*, *Marro*, *Joly*, *Garofalo*, *Tarde*, *Corre*, *Sergi* и многіе другіе предложили свои классификаціи преступниковъ. Проф. *Фойницкій* различаетъ среди преступниковъ: 1) лицъ, дѣятельность которыхъ объясняется *всецѣло внѣшними вліяніями* (космическими или общественными) и которыя не въ состояніи сознавать значеніе и свойства происшедшаго и руководить своими поступками; эти лица, принадлежа къ категоріи невмѣняемыхъ, чужды мѣрамъ карательнымъ; коль скоро ненормальное органическое состояніе оказывается причиною преступной дѣятельности, для борьбы съ нею пригодны лишь мѣры терапевтическія и предупредительныя, а не карательныя; 2) *случайныхъ* преступниковъ; 3) преступниковъ *привычки* или *профессіональныхъ* (Ученіе о нак., стр. 46—47).

Если отбросить всѣ проблематичныя и въ настоящее время еще достаточно необоснованныя дѣленія преступнаго міра, то принятое *Листомъ* дѣленіе преступниковъ на привычныхъ и случайныхъ, въ томъ, конечно, смыслѣ, который онъ придаетъ каждому изъ этихъ классовъ, — должно быть признано научно

доказаннымъ и могущимъ служить законодателю и судьѣ путеводною звѣздою въ ихъ борьбѣ съ преступленіемъ. Кто знаетъ, быть можетъ, и не такъ далеко то время, когда осуществится мысль парижскаго профессора *Левелье*, высказавшаго пожеланіе, чтобы въ каждой странѣ было два кодекса уголовныхъ наказаній: одинъ для преступниковъ случайныхъ, а другой — для преступниковъ привычныхъ!

Изложенію своего взгляда на основаніе и цѣли наказанія въ современномъ правѣ Листъ и въ своей извѣстной работѣ „О цѣлевой идеѣ въ уголовномъ правѣ“, и въ учебникѣ (6 изд., § 2) предпосылаетъ краткій очеркъ эволюціи наказанія.

Сравнительное правовѣдѣніе—говоритъ Листъ—учитъ насъ, что исходный пунктъ въ исторіи наказанія совпадаетъ съ началомъ исторіи человѣчества. Всюду, куда только въ состояніи проникнуть историческое изслѣдованіе, встрѣчаемся мы съ наказаніемъ, какъ съ malum passionis quod infligitnr propter malum actionis, какъ со вторженіемъ въ сферу воли и власти отдѣльнаго человѣка, вторгшаго въ сферу воли и власти другихъ людей. Наказаніе есть первичный историческій фактъ. Поэтому уголовное право можетъ быть разсматриваемо какъ первичное наслоеніе въ исторіи развитія права, а неправда какъ рычагъ права и справедливости.

Наказаніе въ тѣхъ примитивныхъ его формахъ, которыя мы можемъ распознать на самой зарѣ исторіи человѣческой культуры, является слѣпою, инстинктивною, неопредѣленною представленіями о какой-либо цѣли реакціею общества против внѣшнихъ нарушеній жизненныхъ условій какъ отдѣльнаго индивида, такъ и существующихъ группъ индивидуумовъ. Примитивное наказаніе является инстинктивныхъ дѣйствіемъ (Triebhandlung), продуктомъ стремленія индивидуума къ самоутвержденію, къ самосохраненію. Подобно звѣрю, реагируетъ первобытный человѣкъ на внѣшнія нападенія, отъ кого-бы они ни исходили: отъ одушевленнаго-ли существа, или же отъ силъ природы, отъ разумнаго-ли существа, или же отъ безумнаго. Какъ и у звѣря, реакція выражается у него въ формѣ самоутвержденія посредствомъ уничтоженія или повреждения, доступнаго чувственному воспріятію виновника нападенія. Хотя въ наши дни развитая цивилизація окончательно вытѣснила инстинктивную реакцію, давая этому побужденію удовлетвореніе косвеннымъ путемъ, однако и теперь въ законѣ Линча этотъ подавленный инстинктъ съ элементарною силою разбиваетъ иногда поставленные обществомъ предѣлы.

Примитивное наказаніе на первыхъ же стадіяхъ своего развитія носитъ *соціальный* характеръ, является хотя и не сознательною и неясно волимою реакціею правового или мирнаго порядка противъ нарушеній этого послѣдняго, соціальною реакціею противъ антисоціальныхъ дѣяній или, говоря словами Меркеля, соціальнымъ выраженіемъ силы въ цѣляхъ соціальнаго самоутвержденія. Человѣкъ вступаетъ во всемірную исторію какъ πολιτικὸν ζῶον; то, что происходило до этого момента, принадлежитъ къ эпохѣ до появленія человѣка. Подобно тому, какъ bellum omnium contra omnes, въ качествѣ первобытнаго состоянія человѣчества, существовала лишь въ лишенномъ исторической основы спекулятивномъ мышленіи прошлыхъ временъ, точно такъ же въ исторіи человѣчества никогда не было и частной мести, лишенной всякаго соціальнаго элемента.

Примѣненіе наказанія возможно лишь посредствомъ дѣйствій одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ. Какъ же объяснить тогда то явленіе, что инстинктивное дѣйствіе индивидуума, помимо вѣдома и воли послѣдняго, носитъ этотъ соціальный характеръ, охраняетъ общіе интересы? Это объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ какъ и во многихъ другихъ (напр., въ размноженіи) индивидуальный инстинктъ самосохраненія безсознательно служитъ сохраненію рода. Эта мысль—замѣчаетъ Листъ—въ различныхъ варіантахъ постоянно встрѣчается намъ, начиная съ φύσει πολιτικὸν ζῶον Аристотеля и кончая Іеринговымъ „совпаденіемъ цѣлей“ („Koinzidenz der Zwecke“), согласно которому эгоизмъ работаетъ въ интересахъ общества—подобно тому, „какъ инфузорія, живя исключительно для самой себя, строитъ міръ“.

Предшествующее образованію государствъ соединеніе людей въ союзы по происхожденію, въ кровные союзы (Stammesverbände, Blutsgemeinschaften) знаетъ два первичныхъ рода наказанія: 1) Наказаніе члена союза (Stammesgenosse), провинившагося въ предѣлахъ союза противъ него или его членовъ; 2) наказаніе чуждаго союзу лица, которое вторглось извнѣ въ кругъ власти и воли союза или его отдѣльныхъ членовъ.

Въ *первомъ* случаѣ наказаніе выступаетъ главнымъ образомъ какъ *исключеніе изъ мирнаго союза* (Ausstossung aus der Friedensgenossenschaft, Friedloslegung) въ различныхъ его формахъ, которыя, постепенно смягчаясь, превращаются въ лишеніе жизни и конфискацію имущества, въ изгнаніе и безчестіе.

Во *второмъ* случаѣ наказаніе является, главнымъ образомъ, борьбою съ чужимъ человѣкомъ и всѣмъ его родомъ (Stamm),

кровною местью (Blutrache), которая совершается между двумя родами и ведется до пораженія одного изъ нихъ или до тѣхъ поръ, пока оба рода не изсякнутъ. Кровная месть не есть месть отдѣльнаго человѣка (Privatrache), но есть месть семейная или родовая (Familien—oder Geschlechterrache), она коренится въ примитивномъ общественномъ соединеніи (Gesellung), въ кровномъ союзѣ (Blutsgenossenschaft), въ родствѣ (Sippe). Она является первоначально какъ междоусобица (Fehde) двухъ родовъ; она—право и долгъ родственниковъ убитаго или потерпѣвшаго (поэтому тамъ, гдѣ родство считается черезъ женщинъ (Weiberverwandtschaft), мститъ братъ матери или сынъ сестры); она направляется на всю родню оскорбителя (и здѣсь примѣняется система родства черезъ женщинъ) какъ на коллективную носительницу кровной вины. Тоже самое наблюдается и по отношенію къ денежному выкупу вины (Sühnegeld), постепенно заступающему мѣсто кровной мести: первоначально выкупъ платится и принимается цѣлымъ родовымъ союзомъ. Лишь мало-по-малу кровная месть и кровная вина ограничиваются: первая—ближайшими наслѣдниками, а вторая — оскорбителемъ; тоже самое ограниченіе совершается и относительно денежнаго выкупа. Еще формы средневѣковаго германскаго процесса указываютъ на происхожденіе права отъ этихъ кровныхъ союзовъ: присяга съ соприсяжниками, которые въ полномъ вооруженіи, взявъ другъ друга за руки, сообща подтверждаютъ клятву главнаго присягающаго, непосредственно указываетъ на борьбу цѣлаго союза.

Въ обоихъ разсмотрѣнныхъ случаяхъ примитивное наказаніе носитъ ярко выраженныя религіозныя черты, сакральный характеръ; какъ мирный порядокъ стоитъ подъ охраною боговъ, такъ и кровная месть покоится на божеской заповѣди.

Итакъ, и исключеніе изъ мирнаго союза, и кровная месть суть реакція не отдѣльнаго человѣка, а реакція родового союза (Reaction des Stammesverbandes) какъ порядка права и мира. Тѣ дѣянія, противъ которыхъ эта реакція направлена, постоянно являются, посредственно или непосредственно, нарушеніями общихъ интересовъ родового союза, нарушеніями мира, права.

Дальнѣйшее развитіе наказанія выражается въ томъ, что первоначально лишенная мѣры и цѣли, инстинктивно буйная реакція становится болѣе умѣренною. Исключеніе изъ мирнаго союза ослабляется въ смертную казнь и въ изувѣчивающія тѣлесныя наказанія, въ вѣчное или временное изгнаніе и въ всякаго рода имущественныя наказанія; нарушителю мира и его

близкимъ, несмотря на его правонарушеніе, гарантируется правовой миръ въ обмѣнъ за то, что онъ совершаетъ для общества нѣчто болѣе или менѣе значительное. Кровная месть, возникающая между родовыми союзами, устраняется путемъ выкупа; общество сперва лишь служитъ посредникомъ въ примиреніи на почвѣ денежнаго выкупа вины, платимаго пострадавшему роду, а затѣмъ уже принуждаетъ къ подобному выкупу.

Развитію наказанія въ этомъ направленіи могущественно содѣйствуетъ возникновеніе и постепенное усиленіе государственной власти, которая, возвысившись надъ родовыми союзами, отнимаетъ у пострадавшаго примѣненіе наказанія и передаетъ его безпристрастнымъ, спокойно разбирающимъ судьямъ. Тяжесть назначаемаго государствомъ наказанія опредѣляется различная для различныхъ правонарушеній; подлежащія уплатѣ выкупныя за вину деньги (Sühnegeld, compositio) заранѣе для всѣхъ случаевъ опредѣляются соглашеніемъ всѣхъ участниковъ правового союза (Rechtsgenossen) и соразмѣряются съ тяжестью правонарушенія; церковнорелигіозная идея таліона даетъ инстинкту мести мѣру и цѣль.

Весь прогрессъ въ духовномъ развитіи какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества, заключается въ томъ, что инстинктивныя дѣйствія (Triebhandlung) переходятъ въ волевыя дѣйствія (Willenshandlung), т.-е. сознается цѣлесообразность инстинктивныхъ дѣйствій и представленіе о цѣли становится ихъ мотивомъ. Идея цѣли есть то, чѣмъ волимое дѣйствіе отличается отъ инстинктивнаго. Инстинктъ подчиняется цѣли, дѣйствіе приспособляется къ ней. „Чѣмъ яснѣе сознается цѣль — говоритъ Листъ,—чѣмъ совершеннѣе происходитъ сознательное приспособленіе, чѣмъ болѣе ставится, вмѣсто ближайшихъ, прямыхъ цѣлей, отдаленныхъ цѣлей, чѣмъ болѣе, наконецъ, все дѣяніе со всѣми его составными актами подчиняется одной высшей цѣли, которая, быть можетъ, выходитъ за предѣлы существованія индивидуума,—тѣмъ совершеннѣе развитіе, коего послѣднею цѣлью, идеаломъ должно быть поставлено полное единогласіе индивидуальной воли съ общею волею".

Этотъ всеобщій законъ эволюціи наблюдается и въ исторіи наказанія.

Наказаніе какъ дѣйствіе инстинктивное есть дѣйствіе инстинктивно-цѣлесообразное. Наказаніемъ защищаются жизненныя условія не только отдѣльнаго человѣка, но и цѣлыхъ группъ индивидуумовъ отъ внѣшнихъ посягательствъ, хотя ни жизненныя условія, ни эти посягательства, ни даже сама эта охраняющая

сила наказанія еще не познаны и не поняты. „Для того, чтобы стало возможнымъ познаніе связи, существующей между правовыми благами, преступленіемъ и наказаніями, необходимо безпристрастное, свободное отъ аффекта разсмотрѣніе произведенныхъ опытовъ. Это же послѣднее обусловливается *объективированіемъ* наказанія, т.-е. переходомъ карательной функціи изъ рукъ ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ круговъ къ безучастнымъ, безпристрастно разсматривающимъ органамъ". Извѣстное объективированіе имѣетъ мѣсто уже и въ примитивномъ наказаніи, но лишь съ полнымъ переходомъ наказанія въ руки государства совершенъ рѣшительный шагъ. Процессъ объективированія происходитъ постепенно и полнаго огосударствленія наказанія мы не встрѣчаемъ въ германскомъ правѣ даже въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Съ объективированіемъ наказанія становится возможнымъ познаніе жизненныхъ условій государственнаго общежитія и его отдѣльныхъ членовъ,—условій, на коихъ и направлено преступленіе. Эти жизненныя блага точно опредѣляются, взвѣшиваются въ своемъ относительномъ значеніи и объявляются правоохраненными интересами, *правовыми* благами—посредствомъ юридическихъ нормъ. Это „каталогизированіе нормъ" имѣетъ очень важное значеніе: оно есть первый актъ самоограниченія карательной власти государства, первое наслоеніе права и нравственности, первый шагъ къ предупрежденію, къ превенціи.

Съ признаніемъ правовыхъ благъ связано болѣе внимательное разсмотрѣніе дѣйствій, противъ нихъ направленныхъ, т.-е. преступленій. Преступленія перечисляются сперва казуистично, а затѣмъ мало-по-малу вырабатываются обобщенныя понятія отдѣльныхъ преступленій: правовой императивъ превращается въ правовое положеніе, заключающее въ себѣ понятіе извѣстнаго преступленія.

Дальнѣйшій шагъ на пути уголовнаго праворазвитія состоитъ въ томъ, что отъ понятій отдѣльныхъ преступленій отвлекаются тѣ признаки, которые общи всѣмъ преступленіямъ, и создается система правовыхъ положеній, образующихъ общую часть уголовнаго права.

Этотъ двойной процессъ постепенной выработки понятій отдѣльныхъ преступленій и понятій общей части уголовнаго права продолжается и въ наши дни.

Въ другомъ, не менѣе важномъ направленіи сказывается вліяніе объективированія наказанія: наказаніе усваиваетъ себѣ мѣру и цѣль. Такъ какъ инстинктъ, влеченіе есть нѣчто бурное,

несдержанное, то и примитивное наказаніе съ ничѣмъ не сдерживаемою силою направляется на преступника. „Природный инстинктъ мести—говоритъ *Іеллинекъ* (Die socialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe, 1878, стр. 92)—не знаетъ иной мѣры, кромѣ степени возбужденія и активной силы, скопившейся въ данномъ индивидуумѣ". Вотъ почему первобытное наказаніе является уничтоженіемъ преступника въ формѣ кровавой мести, изгнанія изъ правового союза, а позднѣе, на первыхъ порахъ государственнаго наказанія,—въ формѣ уничтоженія физической, правовой и экономической личности преступника. Съ началомъ объективированія наказанія это послѣднее пріобрѣтаетъ извѣстную мѣру: кровная месть выкупается, ограничивается и запрещается укрѣпляющеюся государственною властью; исключеніе изъ союза мира (Friedloslegung) принимаетъ болѣе мягкія формы, въ смыслѣ условій его наступленія и его содержанія и, наконецъ, съ переходомъ союзовъ мира въ государство, замѣняется государственнымъ наказаніемъ, которое довольствуется уже, вмѣсто полнаго уничтоженія всѣхъ правовыхъ благъ преступника, лишь ихъ умаленіемъ.

При безпристрастномъ разсмотрѣніи становится возможнымъ пониманіе дѣйствія наказанія; наказаніе познается какъ средство охраны правового порядка. Это познаніе, сперва несовершенное и не твердое, ведетъ къ тому, что въ извѣстныхъ дѣйствіяхъ наказанія начинаютъ усматривать его цѣль; наказаніе начинаютъ назначать въ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстныя правовыя блага нуждаются въ охранѣ отъ извѣстныхъ нарушеній, и притомъ въ такомъ видѣ и такой мѣрѣ, какія являются необходимыми для защиты этихъ благъ отъ данныхъ преступленій. Словомъ, съ познаніемъ дѣйствій наказанія становится возможнымъ приноровленіе, приспособленіе наказанія къ цѣлевой идеѣ. Наказаніе начинаетъ служить къ охранѣ правовыхъ благъ (Schutzstrafe). Такимъ образомъ, объективированіе наказанія приводитъ къ тому, что условія примѣненія наказанія равно какъ и содержаніе и объемъ реакціи, совершающейся въ формѣ наказанія, опредѣляются и подчиняются идеѣ цѣли. „Путемъ самоограниченія карательная сила (Strafgewalt)—говоритъ Листъ (Zweckgedanke, стр. 22)—стала карательнымъ правомъ (Strafrecht, jus puniendi), путемъ усвоенія идеи цѣли слѣпая необузданная реакція превратилась въ правовое наказаніе (Rechtsstrafe)—импульсивное дѣйствіе (Triebhandlung) стало волевымъ (Willenshandlung).

Таково, въ общихъ чертахъ, ученіе Листа объ эволюціи наказанія. Въ немъ устанавливаются три основныхъ закона

исторіи наказанія: 1) примитивное наказаніе есть носящая соціальный характеръ, инстинктивная и слѣпая реакція индивидуума противъ посягательствъ на его жизненныя блага; 2) постепенное объективированіе наказанія, ведущее къ превращенію карательной необузданной силы въ право наказанія; 3) какъ результатъ объективированія—господство надъ наказаніемъ идеи цѣли, опредѣляющей его условія, форму и объемъ.

Что касается до перваго изъ этихъ законовъ, то раскрытіе его даетъ намъ вполнѣ научное объясненіе давно констатированнаго факта существованія наказанія во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Этотъ законъ уголовной эволюціи свидѣтельствуетъ, что источникъ наказанія коренится въ самой природѣ человѣка, одареннаго инстинктомъ самосохраненія. Необходимость уголовной реакціи для сохраненія какъ индивидуума, такъ и рода—вотъ единственное основаніе т. наз. права наказанія (jus puniendi).

Листъ справедливо говоритъ, что цѣна всякой научной гипотезѣ опредѣляется тѣми услугами, которыя она оказываетъ: гипотеза должна дѣлать взоръ изслѣдователя болѣ проницательнымъ, при отыскиваніи имъ фактовъ, и облегчать ему заключенія, когда онъ разсматриваетъ и обсуждаетъ найденные факты. Съ этой точки зрѣнія, принятіе перваго положенія Листа приноситъ намъ существенныя выгоды.

Прежде всего, оно объясняетъ намъ почему наказаніе могло даже на низшихъ ступеняхъ человѣческой культуры носить соціальный характеръ. Если бы наказаніе въ ту первобытную эпоху было сознательною, цѣлесообразною реакціею, то мы не могли бы объяснить его соціальнаго характера, такъ какъ проникнутая сознаніемъ цѣли реакція немыслима безъ яснаго пониманія того значенія, которое имѣетъ для данной группы индивидуумовъ (семьи, союза мира, государства) преступленіе, а это пониманіе есть результатъ многовѣковаго опыта, пріобрѣтеннаго въ борьбѣ за существованіе, съ наказаніемъ же мы встрѣчаемся ранѣе подобнаго опыта. Положеніе Листа проливаетъ свѣтъ на такія явленія, которыя при иныхъ условіяхъ остались бы для насъ загадочными.

Во-вторыхъ, какъ справедливо, говоритъ самъ Листъ, взглядъ на примитивное наказаніе какъ на инстинктивное дѣйствіе раскрываетъ намъ отношенія, въ которыхъ наказаніе стоитъ къ этикѣ. Будучи дѣйствіемъ инстинктивнымъ, наказаніе не можетъ служить выраженіемъ нравственной оцѣнки лица карающаго, не можетъ имѣть своею причиною признанное безнрав-

ственнымъ дѣяніе наказаннаго. Происхожденіе наказанія не находится въ какой-либо связи съ этикою. „Подобное отдѣленіе наказанія отъ этики—говоритъ Листъ (Zweckgedanke, стр. 13)—представляетъ громадныя выгоды: оно освобождаетъ науку уголовнаго права отъ опасностей еще не порѣшеннаго спора объ основаніяхъ этики, и отъ обязанности постоянно приводить тотъ юридическій титулъ, которымъ она обосновываетъ свое существованіе". Исторія наказанія подтверждаетъ, по мнѣнію Листа, правильность этого заключенія, выводимаго изъ его гипотезы, и опровергаетъ выставленную *Баромъ* теорію нравственнаго осужденія (Theorie der sittlichen Missbilligung, Reprobationstheorie).

Во-первыхъ, наказаніе, какъ дѣйствіе инстинктивное, есть нѣчто существенно отличное отъ нравственнаго сужденія. Нравственное сужденіе есть психическій процессъ, совершающійся въ сознаніи судящаго и далеко не всегда нуждающійся въ проявленіи во внѣшнемъ мірѣ. Наказаніе же есть репульсивная реакція, т.-е. тѣлодвиженіе, вторженіе во внѣшній міръ, нападеніе на причину безпокоющаго воздѣйствія; оно направляется на преступника съ цѣлью сломить и преклонить его волю, поражая и уничтожая правовыя блага, коихъ носителемъ является эта воля: наказаніе есть защита правовыхъ благъ. Это возраженіе—справедливо замѣчаетъ Листъ—Баръ можетъ опровергнуть, лишь доказавъ, что мораль обладаетъ потенціальною дѣятельностью, что она въ состояніи порождать не только сужденіе, но и выраженіе этого сужденія во внѣ.

Во-вторыхъ, наказаніе, будучи инстинктивнымъ дѣйствіемъ съ соціальнымъ характеромъ, предполагаетъ соціальную организацію и соціальные органы. Оно можетъ исходить лишь отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, которые призваны или считаютъ себя призванными дѣйствовать въ соціальныхъ интересахъ. Поэтому наказаніе мыслимо во всякомъ обществѣ; человѣчество, какъ таковое, не въ состояніи дѣйствовать, а слѣдовательно и наказывать; этика есть законъ человѣчества; значитъ, этическое наказаніе немыслимо.

Въ состоятельности этого возраженія Листа слѣдуетъ усумниться: можно ли видѣть въ этикѣ „законъ человѣчества", когда мы знаемъ, что мораль у различныхъ народовъ и въ различныя эпохи исторіи различна, что она эволюціонируетъ?

Въ-третьихъ, наказаніе, какъ дѣйствіе инстинктивное, должно предшествовать нравственной оцѣнкѣ, ибо эта послѣдняя предполагаетъ какъ со стороны судящаго, такъ и со стороны осужденнаго знаніе нравственнаго закона какъ мѣрила и регулирую-

щаго принципа, къ коему должны приспособляться человѣческія дѣйствія. Инстинктивное же дѣйствіе, въ отличіе отъ волеваго, тѣмъ и характеризуется, что оно совершается безъ приспособленія къ какому-либо познанному закону. Этика есть продуктъ исторіи человѣчества, наказаніе же существовало еще до образованія этого продукта. Наказаніе какъ репульсивная реакція противъ нарушеній жизненныхъ условій, какъ защита посредствомъ нападенія, не есть что-либо свойственное одной лишь *человѣческой* исторіи. Выступающее въ человѣческой исторіи примитивное наказаніе не зависитъ отъ какого-либо нравственнаго сужденія о случившемся нарушеніи жизненныхъ условій. Понятіе вины есть результатъ долгаго постепеннаго развитія, нравственное же сужденіе безъ этого понятія немыслимо, а между тѣмъ наказаніе существовало до его возникновенія.

Листъ основательно полагаетъ, что его теорія примитивнаго наказанія какъ дѣйствія инстинктивнаго, не зависящаго отъ представленія о какой-либо цѣли и по времени предшествующаго идеѣ цѣли, не только не противорѣчитъ основной идеѣ *Іеринга* о цѣли какъ творцѣ и сущности права, но даже дополняетъ и разъясняетъ ее. Самъ Іерингъ говоритъ, что опытъ есть источникъ права и нравственности, примитивное же наказаніе предшествовало опыту, а слѣдовательно, существовало ранѣе не только нравственности, но и права. „Лишь на болѣе высокой ступени своего развитія, наказаніе, уже объективированное, покоится на опытѣ; будучи уже *правовымъ* наказаніемъ (Rechtsstrafe), впервые принимаетъ оно въ себя идею цѣли“ (Zweckgedanke, стр. 17).

Въ теченіе историческаго развитія приспособленіе наказанія къ его цѣли—служить защитою правовыхъ благъ—постепенно совершенствуется. „Этимъ развитіемъ—говоритъ Листъ—указанъ путь дальнѣйшему прогрессу“. (Zweckgedanke, стр. 22). Взглядъ на наказаніе какъ на защиту правовыхъ благъ неизбѣжно требуетъ, чтобы въ отдѣльномъ случаѣ назначалось то наказаніе (по содержанію и объему), которое необходимо для того, чтобы міръ правовыхъ благъ былъ защищенъ наказаніемъ. „Правильное, т.-е. справедливое наказаніе есть необходимое наказаніе. Справедливость въ уголовномъ правѣ заключается въ соблюденіи мѣры наказанія, требуемой цѣлевою идеею“. „Полная связанность карательной власти идеею цѣли - вотъ идеалъ карающаго правосудія“ (ibid., стр. 31).

Наказаніе есть средство къ достиженію цѣли. Идея цѣли требуетъ приспособленія средства къ цѣли и возможной бережливости въ его примѣненіи. Это требованіе въ особенности

должно быть предъявлено къ наказанію, ибо наказаніе есть мечъ обоюдоострый: охрана правовыхъ благъ посредствомъ нарушенія правовыхъ благъ. Господство идеи цѣли служитъ для индивидуальной свободы надежнѣйшимъ оплотомъ противъ жестокихъ наказаній прежняго времени,—наказаній, отмѣненныхъ не благодаря убѣжденнымъ сторонникамъ наказанія какъ возмездія, а благодаря передовымъ борцамъ т. н. „поверхностнаго раціонализма".

„Еслибы Беккарія—говоритъ *Іерингъ* (Zweck im Recht, I, S. 362)—въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о преступленіяхъ и наказаніяхъ (1764 г.) не поднялъ голоса противъ чрезмѣрности наказаній, то Адамъ Смитъ въ своемъ трудѣ о причинахъ народнаго богатства долженъ былъ бы сдѣлать это".

Мнѣ вспоминаются здѣсь—замѣчу я отъ себя—прекрасныя слова проф. *Штосса*: „законъ экономіи нигдѣ не нуждается въ болѣе тщательномъ соблюденіи, какъ въ области уголовныхъ законовъ" (Zeitschrift f. Schweiz. Strafrecht, VII, 1894, S. 230). Недаромъ сказалъ *Биндингъ*, что наказаніе есть мечъ безъ рукоятки, который рѣжетъ также и того, кто имъ дѣйствуетъ. „Идея цѣли въ наказаніи не только проводитъ служившую предметомъ многихъ споровъ границу между ненаказуемою и наказуемою неправдою, но и даетъ намъ масштабъ для опредѣленія тяжести наказанія по отношенію къ его роду и объему". (Lehrbuch, 6 изд., 65 стр.).

Наказаніе есть принужденіе, двоякой природы:

1) непрямое, посредственное принужденіе или мотивація (Motivation). Наказаніе даетъ преступнику недостающіе ему мотивы, способные противодѣйствовать совершенію преступленій, или умножаетъ и укрѣпляетъ ихъ.

Это—искусственное *приспособленіе* преступника къ обществу:

a) путемъ *исправленія*, т. е. насажденія и укрѣпленія альтруистическихъ, соціальныхъ мотивовъ;

b) путемъ *устрашенія*, т. е. насажденія и укрѣпленія эгоистическихъ, но въ своемъ дѣйствіи совпадающихъ съ альтруистическими, мотивовъ;

2) прямое, непосредственное механическое принужденіе или сила. Здѣсь наказаніе—*секвестрированіе* преступника; временное или продолжительное обезвреживаніе, изгнаніе изъ общества или интернированіе въ немъ. Это—искусственный подборъ негоднаго въ соціальномъ смыслѣ индивидуума.

Исправленіе, устрашеніе, обезвреживаніе—вотъ непосредственныя дѣйствія наказанія, силы, которыя въ немъ лежатъ и посредствомъ которыхъ оно осуществляетъ охрану правовыхъ благъ.

Кромѣ этихъ непосредственныхъ дѣйствій, наказаніе оказываетъ цѣлый рядъ воздѣйствій, которыя Листъ называетъ *рефлексивными* (Reflexwirkungen). Сюда относится дѣйствіе наказанія на *другихъ* лицъ (общее предупрежденіе преступленій) и на *пострадавшаго*, коему оно доставляетъ удовлетвореніе. Особенно благотворно и сильно въ этомъ направленіи вліяніе *уголовной угрозы*.

Въ изложенномъ ученіи объ эволюціи наказанія Листъ опять-таки примкнулъ къ воззрѣніямъ *Іеринга*. Взглядъ Листа на инстинктъ самосохраненія, на инстинктивную реакцію человѣческаго организма, какъ на источникъ примитивнаго наказанія, раздѣляется, между прочимъ, проф. E. Ferri, проф. Jellinek'омъ, проф. A. Prins'омъ и проф. Ch. Letourneau. „Рефлексивный инстинктъ защиты есть біологическій корень идей права и правосудія"—говоритъ *Летурно*. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и г. *Владиміръ Соловьевъ* въ своей статьѣ „Принципъ наказанія съ нравственной точки зрѣнія" („Вѣстникъ Европы", мартъ, 1895), особенно рельефно оттѣняя соціальный характеръ уголовнаго наказанія даже въ первобытную эпоху (стр. 214—15).

„Преступность—говоритъ *Prins* (Criminalité et répression, стр. 77—78)—шагъ за шагомъ слѣдуетъ за цивилизаціею. Со временъ древнихъ теогоній, карающихъ гордыню возставшихъ Титановъ, исторія уголовнаго права представляетъ собою исторію инстинктивной реакціи, которую общество противопоставляетъ инстинктивнымъ побужденіямъ человѣка". Листъ справедливо указываетъ, что сознательная, цѣлесообразная борьба съ преступленіемъ началась и появились у человѣка понятія нравственныя и правовыя уже въ болѣе позднія стадіи человѣческой культуры. „Человѣку—остроумно выразился *Іерингъ*—(Zweck, II, стр. 112)—идея уваженія къ чужой собственности и жизни была врождена никакъ не въ большей степени, чѣмъ и идея о паровой машинѣ".

Высказываясь за необходимость изученія преступнаго міра и раздѣленія преступниковъ на классы въ видахъ возможнаго индивидуализированія наказанія, Листъ естественно выступилъ сторонникомъ множественности цѣлей наказанія. Если новыми вѣяніями въ наукѣ уголовнаго права—какъ справедливо замѣтилъ проф. *Сергѣевскій* („Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ", Журналъ гражд. и уголовн. права, 1893, апрѣль, стр. 23)—„начало множественности цѣлей наказанія выдвинуто съ такою отчетливостью и съ такими доказательствами, что едва-ли когда-нибудь возможно возвращеніе къ старой ошибкѣ

моническихъ теорій", то въ этомъ движеніи видную роль игралъ Листъ, научнымъ работамъ котораго мы не въ малой степени обязаны столь блестящимъ результатомъ.

Право цѣлевого наказанія (Zweckstrafe) на существованіе, по мнѣнію Листа, заключается въ его необходимости для поддержанія правового порядка и государства. „Доколѣ—говоритъ онъ (Determinismus und Strafrecht, стр. 1)—государство и общество имѣютъ право существовать, дотолѣ нельзя оспаривать ихъ права защищаться отъ дѣяній, угрожающихъ ихъ существованію, предупреждать ихъ, покуда это возможно, и предотвращать ихъ повтореніе, если они уже были учинены".

Дальнѣйшее обоснованіе наказанія Листъ считаетъ излишнимъ, ибо право государства на существованіе отрицается лишь анархическою теоріею; „даже анархіи—остроумно замѣчаетъ Листъ (Determinismus, стр. 1)—пришлось бы защищаться отъ возвращенія низвергнутаго ею порядка". Съ другой стороны, дальнѣйшее обоснованіе несостоятельно, разъ оно ведетъ насъ за предѣлы научнаго познанія. Наконецъ, оно совершенно безполезно, если довольствуется тѣмъ, что обосновываетъ наказаніе какимъ-либо другимъ юридическимъ понятіемъ, которое опять-таки зависитъ отъ понятія о государствѣ, или объясняетъ наказаніе исторически или психологически.

Вполнѣ соглашаясь съ Листомъ, что основывать карательное право государства на какомъ-либо юридическомъ понятіи—безполезно, ибо нѣтъ органа, который могъ бы издавать юридическія нормы, управомочивающія государство наказывать,—я не раздѣляю мнѣнія Листа о безполезности психологическаго объясненія наказанія для его обоснованія. Мнѣ кажется, что нельзя подыскать болѣе неопровержимаго raison d'être для наказанія, какъ доказавъ, что оно имѣетъ своимъ источникомъ психическую природу человѣка. Это не будетъ, конечно, обоснованіемъ карательнаго *права* (jus puniendi) государства, но вѣдь о правѣ государства въ этомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи. Но это будетъ вполнѣ научнымъ доказательствомъ необходимости и неизбѣжности наказанія при данномъ состояніи цивилизаціи: психическая природа людей весьма устойчива и лишь исподволь измѣняется во всеобщей эволюціи человѣчества.

Въ ряду мѣропріятій, служащихъ охраною правовымъ интересамъ (Schutzmassregel), наказаніе занимаетъ, по мнѣнію Листа, совершенно особое, своеобразное положеніе, подобно тому, какъ и преступленіе существенно отличается отъ другихъ явленій, угрожающихъ организованному общежитію. Нельзя называть на-

казаніемъ всѣ мѣропріятія государства относительно опасныхъ людей. „Почему же—спрашиваетъ Листъ (Determinismus, стр. 1) избѣгаемъ мы выраженія „наказаніе", когда удаляемъ больного холерою или помѣшаннаго изъ его обычной среды и изолируемъ его отъ внѣшняго міра? Чѣмъ отличается изоляціонный баракъ отъ тюрьмы, сумасшедшій домъ отъ цухтгауза?" Различіе между преступленіемъ и сумасшествіемъ нельзя видѣть, подобно большинству юристовъ, въ свободѣ воли психически здороваго преступника. Свободы воли нѣтъ ни у психически здороваго преступника, ни у преступнаго психически больного человѣка. Отсюда однако отнюдь не слѣдуетъ, чтобы были правы тѣ, кто отрицаетъ существованіе всякаго различія между ними, а уголовное право считаетъ лишь побочною вѣтвью психіатріи. Существуетъ твердый критерій уголовноправовой отвѣтственности, который лежитъ въ основѣ далеко неудовлетворительныхъ постановленій различныхъ уголовныхъ уложеній. „Наказаніе разсчитано на средняго нормальнаго человѣка: оно непригодно по отношенію къ тому, кто иначе, чѣмъ другіе, мыслитъ, чувствуетъ, хочетъ" (Determinsimus, стр. 2). Сущность вмѣняемости, т.-е. необходимое условіе уголовной отвѣтственности, заключается въ *нормальной опредѣляемости мотивами*. Цѣлевое наказаніе предполагаетъ, что наказуемый можетъ, подобно остальнымъ людямъ, чувствовать заключающееся въ немъ зло и усвоивать себѣ представленія, которыя ему внушаются уголовною угрозою и примѣненіемъ къ нему наказанія. „Необходимое условіе уголовноправовой вины: свойственная всякому духовно зрѣлому и духовно здоровому человѣку опредѣляемость воли представленіями вообще, въ особенности же управляющими всѣмъ нашимъ поведеніемъ, общими представленіями религіи, нравственности, права, благоразумія" (Lehrbuch, 6 изд., стр. 64). Тотъ, кто анормальнымъ образомъ, т.-е. не такъ, какъ нормальный средній человѣкъ, реагируетъ на мотивы,—невмѣняемъ и потому не можетъ быть наказанъ. Такъ какъ понятія „нормальнаго" и „анормальнаго" относительны, то подобное пониманіе вмѣняемости, несомнѣнно лежащее въ основѣ и нынѣ дѣйствующаго права, даетъ намъ возможность сообразоваться со всѣмъ прогрессомъ психологіи и психіатріи и разсматривать каждый конкретный случай во всей его оригинальности.

Угроза наказаніемъ должна удерживать отъ совершенія преступныхъ дѣяній; примѣненіе же наказанія должно путемъ исправленія или устрашенія преступника воспрепятствовать повторенію преступленія и въ то же время внушить правонарушителю

сознаніе могущества правового порядка. Наказаніе имѣетъ своею задачею насажденіе или уничтоженіе, усиленіе или ослабленіе мотивирующихъ представленій въ наказуемомъ. Поэтому-то для успѣшности наказанія необходима нормальная, здоровая способность наказуемаго субъекта опредѣляться мотивами. Дѣйствія душевно-больного не могутъ быть предусмотрѣны; его чувствованія и хотѣнія не поддаются тому психическому воздѣйствію, которое могутъ и должны преслѣдовать уголовная угроза и примѣненіе наказанія. „Именно потому, что наказаніе предполагаетъ опредѣляемую волю, оно безсильно тамъ, гдѣ реакція индивидуума анормальна, атипична. Мы не въ состояніи путемъ устрашенія удержать меланхолика отъ самоубійства или исправить паралитика путемъ воспитанія и пріученія его къ постоянной работѣ. И по отношенію къ больному психическое воздѣйствіе играетъ извѣстную роль, но оно отступаетъ на задній планъ передъ леченіемъ тѣла“ (Determinismus, стр. 2). „По отношенію къ душевно-больному мы принимаемъ мѣры медицинскія, а не педагогическія. Въ этомъ-то и заключается рѣзкое различіе тюрьмы и сумасшедшаго дома“ (Determin. Gegner, стр. 343). Правильность этого различія можно поколебать лишь доказавъ, что дѣйствія и психически здороваго человѣка не подчиняются психическому вліянію, а слѣдовательно, не могутъ быть предвидимы, или же, доказавъ, что и психически больныхъ можно излечивать, путемъ насажденія или усиленія въ нихъ альтруистическихъ мотивовъ, которымъ и можно было бы замѣнить врачебное пользованіе. Подобныхъ доказательствъ, по мнѣнію Листа, еще не представлено.

Трудность провести различіе между уголовнымъ наказаніемъ и другими мѣрами общественной охраны начинается, по мнѣнію Листа, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ элиминированіи преступника путемъ казни или продолжительнаго заключенія. Этой трудной задачи Листъ не разрѣшаетъ, ссылаясь на то, что его противники на эту трудность до сихъ поръ еще не указали (Determin. Gegner, S. 343). Различіе между заключеніемъ преступника и изолированіемъ душевно-больного, по Листу (Determinismus, S. 2), не въ конечной цѣли: въ обоихъ случаяхъ общество должно быть защищено отъ отдѣльнаго человѣка, а этотъ послѣдній долженъ быть защищенъ отъ самого себя. Существенная разница заключается въ средствахъ для достиженія цѣли въ каждомъ изъ обоихъ случаевъ: средства эти столь же различны, сколь различны люди, на которыхъ мы хотимъ воздѣйствовать въ одномъ и въ другомъ случаѣ.

Такимъ образомъ, Листъ подъ отвѣтственностью разумѣетъ не болѣе какъ тотъ фактъ, что психически здоровый преступникъ подвергается за свое дѣяніе уголовноправовой отвѣтственности. „Наше право (Berechtigung) поступать такъ — заключается исключительно во вмѣняемости преступника, т.-е. въ его воспріимчивости къ тому насажденію мотивовъ (Motivsetzung), которое является цѣлью наказанія“ (Determin. Gegner, S. 343).

Подобное пониманіе уголовноправовой отвѣтственности, по мнѣнію Листа, вполнѣ согласуется съ самымъ строгимъ детерминизмомъ, а слѣдовательно и со всѣми положеніями, вытекающими изъ этого послѣдняго.

Съ детерминизмомъ, прежде всего, несовмѣстимо фарисейское превозношеніе себя надъ преступникомъ, фарисейская гордость добродѣтели. „Нѣтъ нашей заслуги въ томъ, что мы еще не попали подъ уголовный судъ; не „вина“ преступника, что обстоятельства толкнули его на путь преступленія“ (ibid. S. 344). Все понимать—не значитъ еще все прощать, но все понимать значитъ быть скромнымъ.

Детерминизмъ не исключаетъ всякой оцѣнки дѣянія, всякаго неодобренія преступленія. „Мы всегда будемъ предпочитать, при равныхъ прочихъ условіяхъ, способнаго человѣка неспособному, хотя глупость есть даръ, данный природою помимо всякой заслуги или вины человѣка (Ibidem, S. 344)“; „кому придетъ въ голову равно цѣнить и глупаго, и умнаго, уродливаго и красиваго и одинаково обращаться съ ними? А въ чемъ вина одного и въ чемъ заслуга другого? За бѣговую лошадь высокихъ кровей мы всегда дадимъ дороже, чѣмъ за старую деревенскую клячу, а развѣ эта послѣдняя виновата въ томъ, что у нея были плохіе родители? (Determinismus, S. 2)“. Въ государственной и общественной жизни мы постоянно дѣлаемъ оцѣнку, вовсе не основывая ее на заслугахъ или винѣ, и дѣйствуемъ сообразно съ нею. Тождественное положеніе долженъ занять детерминистъ и по отношенію къ преступнику. Детерминистъ отнюдь не долженъ подавать мошеннику руку, какъ онъ это дѣлаетъ при встрѣчѣ съ честнымъ человѣкомъ; точно также, какъ онъ не довѣритъ мошеннику и управленія своимъ имуществомъ. Два важныхъ заключенія вытекаютъ изъ предшествующихъ разсужденій:

1) Традиціонное понятіе вины (Schuldbegriff) несостоятельно. Оно заключаетъ въ себѣ на ряду съ оцѣнкою (Werturtheil) дѣянія и дальнѣйшее сужденіе: „ты могъ поступить иначе“. Съ правильной же точки зрѣнія, вина равнозначуща отвѣтственности за результатъ, которая имѣетъ мѣсто при вмѣняемости дѣятеля

и вмѣнимости результата. Для вмѣнимости результата необходима наличность умысла или неосторожности. Въ сужденіи о винѣ (Schuldurtheil) заключается и оцѣнка (Werturtheil), но ни для того, ни для другой свобода выбора ненужна.

2) Вмѣстѣ съ понятіемъ вины падаетъ и воздаяніе, возмездіе (Vergeltung). Возмездіе предполагаетъ, что дѣятель могъ поступить иначе; безъ свободы выбора нѣтъ вины, нѣтъ и воздаянія.

Для детерминиста мыслимо лишь одно оправданіе наказанія: его необходимость для поддержанія правового порядка; для него наказаніе можетъ быть лишь мѣрою охраны общества. Послѣдовательный детерминизмъ необходимо ведетъ къ полному и безусловному отрицанію воздающаго наказанія (Vergeltungsstrafe) и къ исключительному признанію цѣлевого наказанія (Zweckstrafe). Какъ уже было мною замѣчено выше, идея цѣли въ наказаніи даетъ намъ, по мнѣнію Листа, масштабъ для опредѣленія, въ каждомъ конкретномъ случаѣ, рода и объема наказанія.

Идея воздаянія, по воззрѣнію Листа, безплодна въ научномъ смыслѣ и непригодна въ практическомъ отношеніи. Она совершенно неспособна провести границу между уголовно-наказуемою и гражданскою неправдою: съ этимъ согласны теперь даже ея защитники. Но она равно непригодна и тогда, когда надо опредѣлить родъ и мѣру наказанія въ законѣ или въ судебномъ приговорѣ.

Идея возмездія отнюдь однако не непримирима съ идеею цѣли. Воздающее правосудіе требуетъ, чтобы каждый потерпѣлъ наказаніе сообразно своему дѣянію, чтобы мѣра наказанія соотвѣтствовала тяжести вины. Весь вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ тому, чтобы условиться относительно масштаба, по которому опредѣляется тяжесть преступленія.

Сторонники воздающаго правосудія видятъ этотъ масштабъ въ *отдѣльномъ* единичномъ дѣяніи, подлежащемъ въ каждомъ данномъ случаѣ сужденію судьи. Для судейской же оцѣнки рѣшающимъ моментомъ является, главнымъ образомъ, значеніе для правового порядка того правового блага, на которое было направлено преступное посягательство. Лишеніе жизни подлежитъ болѣе тяжкому наказанію, чѣмъ тѣлесное поврежденіе, грабежъ — болѣе тяжкому, чѣмъ кража. Оцѣнка дѣянія обусловливается его результатомъ.

Для приверженцевъ же цѣлевой идеи масштабомъ служатъ обнаруженное посредствомъ преступнаго дѣянія *преступное на-*

строеніе дѣятеля. При сужденіи о дѣятелѣ они не ограничиваются разсмотрѣніемъ отдѣльнаго дѣянія, составляющаго въ данномъ случаѣ предметъ обвиненія, но изслѣдуютъ и прошлое преступника и на основаніи добытаго такимъ путемъ матеріала судятъ о его поведеніи въ будущемъ. Наказывается человѣкъ *потому*, что онъ совершилъ преступленіе, и *для того*, чтобы онъ снова не совершалъ преступленій. Репрессія и провенція или предупрежденіе вовсе не противоположны другъ другу. Наказаніе есть предупрежденіе посредствомъ репрессіи или репрессія посредствомъ предупрежденія. „Плаваю ли я *потому*, что упалъ въ воду, или *для того*, чтобы не утонуть?“ — спрашиваетъ Листъ (Zweckgedanke, S. 44). Старый споръ между punitur quia peccatum и punitur ne peccetur въ такой же степени лишенъ всякаго научнаго и практическаго значенія, какъ и споръ двухъ врачей о томъ, лечатъ ли они больного *для того*, чтобы онъ былъ здоровъ, или же *потому*, что онъ боленъ.

При болѣе глубокомъ пониманіи идеи возмездія, возможно примирить ее съ цѣлевою идеею. По отношенію къ рецидивистамъ и малолѣтнимъ сторонники возмездія уже отказались отъ послѣдовательнаго проведенія этой идеи.

Воздавать должно сообразно съ виною дѣятеля, тяжесть же вины не можетъ быть опредѣляема лишь по внѣшнему результату дѣянія, но обусловливается и степенью выразившагося въ преступленіи *возмущенія единичной воли противъ правового порядка*. Возмущеніе воли отдѣльнаго человѣка противъ правового порядка можетъ быть двоякаго рода: или вытекать изъ постоянныхъ, прирожденныхъ или благопріобрѣтенныхъ свойствъ его личности, или же быть случайнымъ, эпизодическимъ явленіемъ въ его жизни. *Профессіональная* борьба съ правовымъ порядкомъ, обратившееся во вторую натуру возстаніе противъ него и *случайное* уклоненіе отъ него — вотъ двѣ главныхъ и крайнихъ противоположности въ области субъективной вины; имъ должна соотвѣтствовать, по требованіямъ справедливости, мѣра наказанія, ибо онѣ опредѣляютъ тяжесть преступленія. Результатъ тотъ же, къ которому пришла и руководимая цѣлевою идеею уголовная политика. „Въ углубленіи понятія вины — говоритъ Листъ — заключается примиреніе двухъ противоположныхъ идей“ (Lehrbuch, 6-е изд., S. 67).

Считая эту попытку Листа примирить идею возмездія съ цѣлевою идеею, весьма остроумною, я не вижу въ ней никакой надобности. Для послѣдовательно мыслящаго криминалиста она

совершенно безцѣльна, а нужна лишь для тѣхъ, кто цѣпко держится за старыя отжившія формы, ни мало не заботясь о ихъ внутреннемъ содержаніи, а потому готовъ на всякія перемѣны по существу, лишь бы только остались неприкосновенными привычныя формы и названія, словомъ, — для тѣхъ, кому дороги лишь старые мѣхи, но для кого безразлично, какое бы вино въ нихъ ни вливали.

Отвергнувъ метафизическую свободу воли, Листъ поступаетъ вполнѣ послѣдовательно, когда не признаетъ нравственную вину за критерій уголовной отвѣтственности. Считая вину равнозначущею отвѣтственности за результатъ, Листъ весьма близко подходитъ къ *Enrico Ferri* [9]) и *Fillippo Turati* (Il delitto e la questione sociale, 1883, p. 57), которые стоятъ въ области права за отвѣтственность не моральную, а юридическую или *соціальную* (responsabilita sociale, giuridica). Однако Листъ расходится съ ними, внося въ своей положеніе оговорку: вина равнозначуща съ отвѣтственностью за результатъ, *которая имѣетъ мѣсто при вмѣняемости дѣятеля* и вмѣнимости результата. Требуя для вмѣняемости дѣятеля нормальной опредѣляемости его мотивами, Листъ не признаетъ возможнымъ подвергать уголовнымъ наказаніямъ преступниковъ сумасшедшихъ.

Съ этими воззрѣніями Листа я не могу согласиться, да они стоятъ въ несогласимомъ противорѣчіи съ двумя основными его положеніями, гласящими: уголовное наказаніе есть лишь средство защиты общества отъ преступленій; воля человѣка несвободна, а потому нравственная вина не можетъ служить базисомъ для уголовной отвѣтственности.

Между элиминированіемъ изъ общества, путемъ, напр., пожизненнаго заточенія, психически здороваго преступника и заключеніемъ душевно-больнаго преступника въ психіатрическую лечебницу, съ точки зрѣнія общественной охраны, нѣтъ никакой разницы: обѣ мѣры одинаково являются средствами защиты общества отъ преступленія, а слѣдовательно и уголовными наказаніями. Еще можно говорить о необходимости нормальной опредѣляемости преступника мотивами для примѣненія къ нему наказанія, преслѣдующаго цѣли исправленія, но для того, чтобы его элиминировать, удалить изъ общества (быть можетъ навѣки), нѣтъ никакой надобности въ нормальной опредѣляемости преступника мотивами.

---

[9]) Il Diritto di punire come funzione sociale. Torino, 1882. Sociologie criminelle, 1893, pp. 343—47.

Какъ признаетъ и самъ Листъ, и на душевно-больнаго можно оказать психическое воздѣйствіе: на этомъ воздѣйствіи въ большинствѣ случаевъ и основывается леченіе душевно-больныхъ. Во всякомъ случаѣ, медицинская наука признаетъ возможность устрашенія душевно-больныхъ. Возможность устрашенія душевно-больнаго посредствомъ наказанія признаютъ и многіе криминалисты (напр., *Garofalo* — Criminologie, 1892; p. 312—313, *Ferri* — Sociologie criminelle, p. 374—75; *Alimena*—Bulletin de l'Union Intern. IV, p. 127). Уголовное наказаніе душевно-больнаго вполнѣ допустимо, но оно должно быть организовано въ формѣ заключенія въ особыхъ лечебницахъ для психически-больныхъ преступниковъ (manicomii crminali), пожизненнаго—для неизлѣчимыхъ, временнаго—для остальныхъ, т.-е. по возможности въ формѣ *лѣченія*. Но вѣдь не есть-ли и исправленіе психически здороваго преступника въ тюрьмѣ, приспособленіе его къ условіямъ соціальной жизни, къ соціальной средѣ, своего рода *соціальное лѣченіе*?

Нѣкоторые криминалисты (*E. Wilhelm* въ „Zeitschrift" Листа, XV, стр. 361; *Б. Гурвичъ*—„Задачи уголов. политики", стр. 133) считаютъ ученіе Листа о вмѣняемости родственнымъ теоріи уголовной отвѣтственности *Тарда*, требующаго для нея наличности двухъ условій: тождественности личности и соціальнаго сходства. *Wilhelm* усматриваетъ точку соприкосновенія обѣихъ теорій въ томъ, что тотъ человѣкъ, который, съ точки зрѣнія Тарда, подобенъ другимъ членамъ своего общества въ мѣрѣ, достаточной для возникновенія у него обязанностей по отношенію къ нимъ и для его отвѣтственности, обладаетъ и нормальною опредѣляемостью мотивами составляющею по Листу сущность вмѣняемости. Это сближеніе обоихъ ученій несостоятельно: нормально реагируетъ на мотивы, а слѣдовательно и вмѣняемъ, съ точки зрѣнія Листа, каждый психически-здоровый и зрѣлый человѣкъ, между тѣмъ, какъ отнюдь не всякій психически здоровый человѣкъ обладаетъ, по взгляду Тарда, необходимымъ для уголовной отвѣтственности соціальнымъ сходствомъ съ другими членами даннаго общества. Психически здоровый, а потому нормально реагирующій на мотивы бушменъ подлежитъ, по теоріи Листа, уголовной отвѣтственности за кражу, совершонную имъ въ Парижѣ въ одинъ изъ первыхъ дней по прибытіи его въ этотъ городъ; по теоріи же Тарда, бушменъ за это дѣяніе не отвѣтственъ, ибо онъ не удовлетворяетъ необходимому, для бытія уголовной отвѣтственности, условію соціальнаго сходства: по своему рожденію и воспитанію онъ чуждъ господствующихъ

нынѣ во французскомъ народѣ идей, вѣрованій и сужденій и потому не связанъ съ нимъ узами солидарности. Критерій уголовной отвѣтственности, выставленный Листомъ, несравненно шире совокупности двухъ условій, необходимыхъ для признанія ея, съ точки зрѣнія Тарда.

Одна общая, глубоко вѣрная мысль объединяетъ ученіе Листа о преступномъ настроеніи, какъ объектѣ наказанія, съ теоріею Тарда и ученіемъ проф. Фойницкаго о личномъ состояніи преступности: наказаніе есть мѣра борьбы съ тѣми факторами преступленія, кои лежатъ въ личности дѣятеля. Ученіе Листа о преступномъ настроеніи (verbrecherishe Gesinnung) есть, въ сущности говоря, лишь нѣсколько иначе формулированная temibilita del delinquente Гарофало: и для Листа рѣшающимъ моментомъ при опредѣленіи мѣры наказанія является степень опасности, представляемой преступникомъ для общества.

Это послѣднее положеніе криминально-соціологическаго направленія „о наказаніи не по мѣрѣ вины, опредѣленной съ точки зрѣнія содѣяннаго преступленія, а по мѣрѣ необходимости, опредѣляемой съ точки зрѣнія дѣйствительнаго достиженія спеціальныхъ цѣлей наказанія" является, по мнѣнію проф. *Сергѣевскаго* (Основные вопросы наказанія, стр. 20—21), „сомнительнымъ пріобрѣтеніемъ для науки права". Упрекая сторонниковъ этого ученія въ томъ, что они „не совсѣмъ ясно представляютъ себѣ выводы и практическіе результаты своей программы, при ея послѣдовательномъ, безъ уклоненій и обходовъ, примѣненіи", почтенный профессоръ указываетъ на одинъ странный, по мнѣнію его, выводъ критикуемой имъ теоріи: согласно ей, преступники случайные, неиспорченные подвергаются мѣрамъ устрашительнаго воздѣйствія, а испорченные преступники привычки—мѣрамъ исправительнаго воздѣйствія. Какъ бы сознавая нераціональность подобнаго вывода, нѣкоторые писатели, по словамъ профессора Сергѣевскаго, даютъ „устрашенію" опредѣленіе, тождественное съ „исправленіемъ", „такъ что все выходитъ очень мягко". Въ довершеніе всего, — продолжаетъ г. Сергѣевскій,—писатели соціологическаго направленія вполнѣ послѣдовательно высказываются за упраздненіе начала nullum crimen nulla poena sine lege, хотя и здѣсь нѣкоторые изъ нихъ дѣлаютъ обходъ, желая сохранить этотъ принципъ во что бы то ни стало. Въ случаѣ практическаго осуществленія указанныхъ требованій криминалистовъ-соціологовъ, общество пострадаетъ больше, чѣмъ получитъ какихъ-либо благъ.

Въ приведенной критикѣ ученій соціологическаго направле-

нія, г. Сергѣевскій выступаетъ сторонникомъ теоріи возмездія, неизбѣжно требующей принятія нравственной вины за основной критерій уголовной отвѣтственности. Съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря, главнымъ образомъ, трудамъ писателей антропологическаго направленія, детерминизмъ получаетъ все болѣе и болѣе широкое признаніе среди криминалистовъ, теорія нравственной вины, какъ базиса уголовной отвѣтственности, и неразрывно съ нею связанная теорія воздаянія все болѣе и болѣе теряютъ подъ собою почву. Паденіемъ своего кредита теорія воздаянія обязана также въ значительной степени смягченію нравовъ и общему гуманному духу нашего времени. Странно, поэтому, нерѣдко встрѣчать въ литературѣ классической школы упреки въ негуманности, обращенные ею къ позитивнымъ направленіямъ — антропологическому и соціологическому (см., напр., *Спасовичъ*, Новыя направленія въ наукѣ уголов. права, — „Вѣстникъ Европы", 1891, Октябрь, стр. 441 и слѣд.; *Сергѣевскій*", l. c., стр. 17—20). Какое изъ двухъ ученій гуманнѣе: то-ли, которое, видя въ наказаніи воздаяніе, возмездіе за нравственную вину, держится, по отношенію къ преступнику, нехристіанскаго принципа мести, или же то, которое видитъ въ наказаніи лишь средство общественной охраны, средство борьбы съ антисоціальнымъ элементомъ преступности за право, за нравственность, за соціальный прогрессъ человѣчества? то ли, которое караетъ человѣка во имя возмездія лишь за то, что онъ совершилъ преступленіе, хотя бы онъ не представлялъ уже болѣе ни малѣйшей опасности для общества, или же то, которое, считая наказаніе справедливымъ лишь поскольку оно необходимо для общественнаго благосостоянія, принимаетъ репрессивныя мѣры только по отношенію къ людямъ, угрожающимъ общественной безопасности? Понятіе наказанія, какъ мѣры, необходимой для охраны общества и имѣющей своею цѣлью приспособленіе опасныхъ для общества людей къ соціальной жизни или удаленіе изъ него людей неприспособимыхъ, несравненно человѣчнѣе идеи отмщенія, лежащей въ основѣ теоріи воздаянія. Къ изложеннымъ мною выше возраженіямъ Листа противъ теоріи возмездія мнѣ остается еще присоединить лишь приговоръ г. *В. Соловьева*, быть можетъ черезчуръ рѣзкій по формѣ, но вѣрный по существу: „въ то время, какъ историческій прогрессъ явно клонился къ тому, чтобы все больше и больше ограничить принципъ возмездія или равномѣрнаго воздаянія въ нашемъ правовомъ отношеніи къ преступникамъ,—въ пользу этого принципа многіе философы и юристы продолжали и еще

продолжаютъ выставлять отвлеченныя разсужденія, которыя по своей несостоятельности будутъ, конечно, предметомъ изумленія и глумленія для потомства, подобно тому, какъ мы удивляемся аргументамъ Аристотеля въ пользу рабства или нѣкоторыхъ древнихъ церковныхъ писателей въ пользу плоской фигуры земли" (l. c., стр. 219).

Позитивное направленіе гораздо гуманнѣе классическаго не только по основному принципу наказанія, но и въ практическихъ своихъ выводахъ: такъ оно настаиваетъ на возможно болѣе снисходительномъ отношеніи къ преступнику случайному, т.-е. къ большей половинѣ преступнаго люда (по Lombroso напр. 60%), независимо отъ важности нарушеннаго имъ блага и достигнутаго преступленіемъ результата, и на примѣненіи къ этому преступному классу наказаній иного рода, чѣмъ къ преступникамъ привычки, между тѣмъ, какъ классическая школа, всегда руководствуясь при опредѣленіи наказанія не только субъективнымъ настроеніемъ дѣятеля, но и внѣшнею стороною преступнаго дѣянія и его результатомъ, назначаетъ, какъ общее правило, за извѣстный объективный составъ преступленія наказаніе одного и того же рода и для случайнаго преступника, и для преступника привычки.

Труды криминалистовъ-соціологовъ съ научною достовѣрностью установили великое значеніе соціальныхъ факторовъ преступленія, доказали, что преступность есть, какъ выразился Тардъ (Etudes pénales et sociales, 1892, предисловіе), „тѣнь, отбрасываемая обществомъ", и что вслѣдствіе этого на само общество падаетъ значительная доля отвѣтственности за совершаемыя въ немъ преступленія и бороться съ ними должно преимущественно посредствомъ мѣръ предупредительныхъ. Такимъ образомъ, самые результаты научныхъ изслѣдованій криминалистовъ соціологическаго направленія не могли не наложить на его ученія печать снисхожденія къ преступнику, до извѣстной степени и въ извѣстномъ смыслѣ всегда являющемуся жертвой соціальной среды, и могущественно содѣйствовали установленію въ обществѣ болѣе гуманнаго отношенія къ преступному люду.

Переходя, послѣ этихъ общихъ замѣчаній, къ разбору отдѣльныхъ возраженій проф. Сергѣевскаго и останавливаясь, прежде всего, на его упрекѣ въ нераціональномъ отношеніи криминалистовъ-соціологовъ къ преступникамъ случайнымъ и привычки, должно замѣтить, что никто изъ писателей разсматриваемаго направленія никогда не отождествлялъ понятія „устрашенія" съ „исправленіемъ", но что большинство изъ нихъ объ-

единяетъ оба эти понятія въ одномъ высшемъ понятіи „искусственнаго приспособленія преступника къ обществу“. Съ точки зрѣнія его конечной цѣли, всякое наказаніе стремится исправить преступника, т.-е. сдѣлать его лучшимъ, ибо человѣкъ, пригодный къ жизни въ соціальной средѣ, лучше непригоднаго къ ней; отсюда, однако, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эта присущая всякому наказанію цѣль всегда достигалась однимъ путемъ; напротивъ того, пути, коими наказаніе достигаетъ своей конечной цѣли, бываютъ различны, смотря по тому, съ какимъ преступникомъ имѣетъ оно дѣло (принципъ индивидуализированія наказанія). Преступникъ случайный въ достаточной мѣрѣ надѣленъ соціальными мотивами; ему недостаетъ обыкновенно твердости характера въ борьбѣ съ соблазнами жизни или съ его собственными страстями. По отношенію къ нему, наказаніе должно стремиться не къ насажденію или укрѣпленію въ немъ соціальныхъ мотивовъ, такъ какъ у него ихъ достаточно для соціальной жизни, а къ тому, чтобы путемъ причиненія чувствительнаго страданія или лишенія внушить ему сознаніе могущества правового порядка, а слѣдовательно и невыгоды конфликтовъ съ этимъ послѣднимъ; здѣсь наказаніе насаждаетъ или укрѣпляетъ въ преступникѣ эгоистическій мотивъ страха передъ правовымъ порядкомъ, дѣйствуя на инстинктъ самосохраненія, присущій каждому индивиду и побуждающій его воздерживаться отъ влекущихъ для него вредныя послѣдствія дѣйствій. Въ противоположность преступнику случайному, мало чѣмъ разнящемуся отъ средняго человѣка, преступникъ привычки обладаетъ соціальными мотивами въ мѣрѣ, недостаточной для жизни въ обществѣ. Чтобы приспособить преступника привычки къ условіямъ общежитія, необходимо насадить или укрѣпить въ наказуемомъ соціальные мотивы. Наказаніе воспитываетъ здѣсь преступника къ соціальной жизни, исправляетъ, дѣлаетъ его лучшимъ въ смыслѣ пригодности къ свободной жизни въ обществѣ. Прочно укорѣнившіяся преступныя наклонности не могутъ быть парализованы однимъ лишь мотивомъ страха быть снова подвергнутымъ наказанію; для противодѣйствія этимъ наклонностямъ необходимо, путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго и систематическаго воспитанія, привить преступнику или развить уже существующія въ немъ соціальныя наклонности. Моментъ устрашенія преступника неизбѣжно присущъ всякому наказанію, ибо наказаніе заключается въ причиненіи наказуемому извѣстнаго зла, страданія, а воспоминаніе о послѣднемъ неминуемо

должно вызывать впослѣдствіи въ наказуемомъ стремленіе избѣгать дѣйствій, влекущихъ за собою это страданіе.

Не во всѣхъ, однако, наказаніяхъ играетъ моментъ устрашенія одинаковую роль: въ карательныхъ мѣрахъ, принимаемыхъ относительно преступниковъ случайныхъ, этотъ моментъ имѣетъ первенствующее, рѣшающее значеніе, всецѣло опредѣляя характеръ и содержаніе этихъ мѣръ; въ карательныхъ же мѣропріятіяхъ по отношенію къ преступникамъ привычки исправимымъ, устрашительный моментъ отходитъ на задній планъ, уступая главное мѣсто соціальному исправленію, воспитанію преступника, преимущественно и опредѣляющему здѣсь характеръ и организацію наказанія.

Понимая мѣры устрашительнаго воздѣйствія и мѣры исправительныя въ только что изъясненномъ смыслѣ, трудно усмотрѣть въ отношеніяхъ криминалистовъ-соціологовъ къ преступникамъ случайнымъ и привычки ту непослѣдовательность и ту нераціональность, на которыя указываетъ проф. Сергѣевскій.

Громадное большинство криминалистовъ соціологическаго оттѣнка дѣйствительно высказывается за сохраненіе принципа „nullum crimen nulla poena sine lege“, и вполнѣ послѣдовательно: надежная охрана общества отъ преступленій посредствомъ мѣръ превентивныхъ и репрессивныхъ возможна и при удержаніи этого принципа, имѣющаго столь высокое политическое значеніе въ жизни народа.

Нѣкоторые криминалисты-соціологи считаютъ нужнымъ отступать отъ этого принципа (преимущественно отъ второй его части), но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда, по ихъ мнѣнію, безъ подобныхъ отступленій невозможна успѣшная борьба съ преступленіемъ, нарушающимъ еще болѣе дорогіе для общества интересы, нежели тѣ, для охраны коихъ принятъ самый принципъ nullum crimen nulla poena sine lege. Эти отступленія, хотя бы мы на нихъ и не согласились, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что писатели соціологическаго направленія руководятся въ своей уголовной политикѣ, главнымъ образомъ, общественнымъ интересомъ, передъ которымъ всегда должны смолкать интересы отдѣльныхъ лицъ, и ради него жертвуютъ даже освященнымъ вѣковою давностью и дорогимъ, въ глазахъ каждаго гражданина, принципомъ. Надо кстати замѣтить, что принципъ nulla poena sine lege оспаривается отнюдь не одними криминилистами-соціологами и антропологами: одинъ изъ первыхъ выступилъ противъ него знаменитый писатель классической школы, проф. *Биндингъ* (Zeitschrift Листа, 1881, I, стр. 11), которому и при-

надлежитъ упоминаемое проф. Сергѣевскимъ (l. c., стр. 14) уподобленіе этого принципа колесницѣ, необходимой лишь для отжившей свой вѣкъ теоріи психологическаго принужденія.

Приведенныя мною соображенія могутъ послужить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы усумниться въ справедливости пессимистическаго отношенія проф. Сергѣевскаго ко всѣмъ вышеуказаннымъ реформаціоннымъ требованіямъ криминалистовъ соціологическаго направленія.

На почвѣ разсмотрѣнныхъ нами основныхъ его взглядовъ на преступленіе и наказаніе, Листъ предложилъ еще цѣлый рядъ практическихъ реформъ въ современномъ уголовномъ законодательствѣ. Отсылая желающихъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ этими предложеніями Листа къ его въ высокой степени интереснымъ „Задачамъ уголовной политики", переведеннымъ уже на русскій языкъ, я отмѣчу, однако, здѣсь главныя тенденціи и крупнѣйшія мѣропріятія его уголовной политики, которыя могутъ служить лучшею иллюстраціею къ его основнымъ воззрѣніямъ на преступленіе и наказаніе.

„Современная уголовная политика,—сказалъ Листъ въ своемъ докладѣ Петербургскому Тюремному Конгрессу 1889 года (Actes, Vol. II, p. 486),—можетъ быть резюмирована въ двухъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ нельзя болѣе откладывать: бороться съ рецидивомъ и спасать преступниковъ случайныхъ".

Въ первомъ направленіи, Листъ предложилъ *пожизненное заточеніе* для неисправимыхъ преступниковъ и *неопредѣленные* приговоры. Относительно неопредѣленныхъ или безсрочныхъ приговоръ, проектъ Листа состоитъ въ томъ, чтобы судъ обозначалъ въ своемъ приговорѣ лишь minimum и maximum продолжительности наказанія. Окончательное же рѣшеніе вопроса о продолжительности наказанія ставится, по проекту Листа, въ зависимость отъ хода дѣла исправленія преступника. Администрація, въ лицѣ особой при каждой тюрьмѣ коммиссіи (Strafvollzugskommission,—amt) изъ пяти членовъ: начальника тюрьмы, прокурора, судебнаго слѣдователя и двухъ лицъ, назначаемыхъ на 3 года (или 5 лѣтъ) правительствомъ изъ предсѣдателей обществъ патроната и представителей мѣстнаго самоуправленія, можетъ освобождать преступника условно и безусловно, если найдетъ его безопаснымъ для общества, и ранѣе назначеннаго судомъ maximum'a. Если же, по истеченіи установленнаго судебнымъ приговоромъ максимума, коммиссія признаетъ преступника опаснымъ для общества, то она постановляетъ о продленіи наказанія сверхъ максимума.

По отношенію къ *случайнымъ* преступникамъ, Листъ выступилъ сторонникомъ возможно рѣдкаго примѣненія тюремнаго заключенія и проповѣдникомъ введенія въ законодательство условнаго осужденія съ поручительствомъ или безъ него, болѣе частаго примѣненія денежнаго штрафа, который долженъ быть пропорціоналенъ имущественной состоятельности преступника и никогда не превращаться въ тюремное заключеніе, а при невозможности его уплаты замѣняться свободною работою приговореннаго въ пользу государства или общины. Листъ настаиваетъ на необходимости принудительнаго воспитанія государствомъ нравственно заброшенныхъ дѣтей. Въ особенности горячо возстаетъ Листъ противъ излишне частаго примѣненія современными законодательствами наказаній лишеніемъ свободы, преимущественно краткосрочныхъ, за самыя ничтожныя правонарушенія.

Здѣсь Листъ нашелъ себѣ могущественную поддержку въ Международномъ Союзѣ уголовнаго права, на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности осудившемъ злоупотребленіе законодательствъ тюремнымъ заключеніемъ и принявшемъ дѣятельное участіе въ современномъ „крестовомъ походѣ“ противъ краткосрочныхъ лишеній свободы.

Какъ справедливо замѣтилъ *Принсъ*, государство должно быть экономнымъ въ примѣненіи тюремнаго заключенія уже по одному тому, что „пріучать народъ къ тюрьмѣ—значитъ уменьшать его нравственное достояніе чести, это наиболѣе драгоцѣнное благо народа“ (Criminalité et l'Etat social, 1890, p. 25).

4. Общая характеристика ученія Листа и всего соціологическаго направленія.

Среди криминалистовъ-соціологовъ нѣтъ ни одного писателя, по трудамъ котораго можно было бы составить себѣ столь цѣльное и ясное представленіе о всемъ соціологическомъ направленіи, какъ по работамъ Листа. Эта особенность произведеній Листа обусловливается, кромѣ его основательнаго знакомства съ главными европейскими языками и громадной начитанности, выдающеюся способностью его ума къ систематизаціи и обобщеніямъ и еще одною своеобразною чертою въ складѣ его ума—способностью такъ входить въ чужой образъ мыслей, до такой степени проникаться чужою мыслью, чтобы продумавъ ее, а зачастую переработавъ и исправивъ, приводить въ защиту ея свои оригинальныя соображенія, несравненно болѣе вѣсскія нежели тѣ, которыми аргументировалъ самъ ея авторъ.

Въ виду этого, знакомство съ воззрѣніями Листа, не смотря

на то, что они, не всегда оригинальны, а часто заимствованы, далеко не безполезно и не безъинтересно для каждаго юриста и соціолога.

Въ вышеизложенныхъ воззрѣніяхъ Листа наиболѣе важныя и характерныя черты слѣдующія:

1. Признаніе недостаточности одного догматико- и историко-*юридическаго* изученія преступленія и наказанія, и необходимости изученія преступленія и наказанія, какъ *явленій соціальныхъ*.

2. Вытекающее изъ этого исходнаго взгляда *изученіе міра преступленія и преступниковъ*, въ ихъ исторіи, факторахъ и современномъ состояніи.

3. Признаніе преобладающаго значенія среди факторовъ преступности—за факторами *соціальными*.

4. Признаніе необходимости и *самостоятельности уголовнаго права* наряду съ уголовною политикою, соціологіею и антропологіею.

5. Наказаніе есть лишь *одно изъ средствъ охраны общества* отъ преступленія и притомъ не самое дѣйствительное: мѣры предупредительныя дѣйствительнѣе карательныхъ.

6. Единственное основаніе наказанія — *его необходимость для поддержанія правоваго порядка*, а потому должно наблюдать возможную *экономію* въ наказаніи.

7. *Детерминизмъ и непризнаніе нравственной вины* за критерій уголовной отвѣтственности.

8. Масштабомъ при опредѣленіи наказанія должно служить *преступное настроеніе* дѣятеля.

9. *Необходимость классификаціи* преступниковъ для индивидуализированія наказанія.

10. Раздѣленіе преступниковъ на *случайныхъ* и *привычныхъ*: возможное снисхожденіе къ первымъ и благоразумная строгость ко вторымъ.

Хотя криминалисты-соціологи далеко не представляютъ изъ себя однородной массы, тѣмъ не менѣе только что приведенныя черты воззрѣній Листа могутъ служить довольно полною и точною характеристикою всего соціологическаго направленія: за исключеніемъ непризнанія нравственной вины за критерій уголовной отвѣтственности, всѣ эти положенія въ той или иной степени, въ той или иной формѣ раздѣляются громаднымъ большинствомъ писателей этого направленія [10]).

[10]) Совершенно бездоказательнымъ и голословнымъ является утвержденіе проф. *Есипова* (Очеркъ русскаго уголовнаго права. 1894, стр. 13), что уголовно-соціологическое направленіе „изучаетъ одного преступника, игнорируя преступное дѣяніе".

По отношенію къ двумъ наиболѣе родственнымъ ему по духу криминалистамъ, Принсу и Ванъ-Гамелю, Листъ составляетъ какъ бы центръ. Ванъ-Гамель образуетъ лѣвую, стоя ближе къ антропологопозитивной школѣ (чистый детерминистъ, за существованіе неисправимыхъ преступниковъ и за неопредѣленные приговоры), а Принсъ—правую, будучи ближе къ классической (за относительную свободу воли, противъ неопредѣленныхъ приговоровъ и т. д.).

Коренное отличіе всѣхъ ученій соціологическаго оттѣнка (исключеніе N. Colajanni) отъ антропологопозитивныхъ теорій заключается, на мой взглядъ, кромѣ, конечно, основного воззрѣнія на преступленіе, какъ на явленіе соціальное по преимуществу, въ признаніи соціологами сомостоятельнаго значенія за наукою уголовнаго права.

Соціологическое направленіе, строго говоря, ведетъ свое начало еще отъ *Кетле*, впервые доказавшаго тѣсную зависимость преступности отъ соціальныхъ условій [11]). Позитивный духъ, внесенный въ науку уголовнаго права итальянскою антропологическою школою, придалъ и соціологическому направленію новыя жизненныя силы. Пытливая мысль людей, сознавшихъ безсиліе классической школы въ борьбѣ съ преступленіемъ и не удовлетворенныхъ одностороннимъ ученіемъ и поспѣшными обобщеніями антропологовъ, стала усиленно искать истину въ новомъ, третьемъ направленіи. Это соціологическое направленіе въ уголовномъ правѣ счастливо совпало по времени съ усиленіемъ въ обществѣ интереса къ изученію соціальныхъ вопросовъ и съ быстрыми научными завоеваніями столь недавно еще народившейся соціологіи.

Подобно антропологическому, соціологическое направленіе носитъ на себѣ сильную печать реакціи противъ крайняго индивидуализма, съ конца прошлаго вѣка нераздѣльно царившаго въ уголовномъ правѣ. „Реакція антропологической школы противъ чрезмѣрнаго индивидуализма Беккаріи,—справедливо замѣтилъ *Тардъ* (Positivisme et Pénalité, 1887, p. 5—6), — напоминаетъ намъ въ области уголовнаго права борьбу „соціалистовъ каѳедры“ съ экономистами Манчестерской школы; какъ и эта послѣдняя борьба, она занимаетъ свое мѣсто въ великомъ движеніи соціальной трансформаціи, прикладнаго и практическаго соціализма, ознаменовавшемъ вторую половину нашего

---

[11]) По мнѣнію *Принса*, „соціальную“ школу въ уголовномъ правѣ можно было бы, вслѣдствіе этого, назвать „бельгійскою“ (Criminalité et l'état social, p. 4).

вѣка". Эту выдающуюся характеристическую черту, присущую обоимъ позитивнымъ направленіямъ въ наукѣ уголовнаго права— антропологическому и соціологическому, трудно изобразить точнѣе и рельефнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ *Ферри*, сказавъ: „въ средніе вѣка въ преступномъ человѣкѣ видѣли лишь *преступника*, забывая о человѣкѣ; классическая школа, напротивъ того, видѣла въ преступномъ человѣкѣ лишь *человѣка*, забывая о преступникѣ; позитивная же школа призвана возстановить нарушенное равновѣсіе, изучая „*преступнаго человѣка*" и одновременно уважая права человѣческой личности въ преступникѣ, а права общества въ честныхъ людяхъ" (Sociologie crimin., p. 427—28).

Стремленіе соціологическихъ ученій—примирить въ уголовномъ правѣ интересы соціальные съ индивидуальными, не жертвуя общественною безопасностью ради отдѣльной личности,— соотвѣтствуетъ общему направленію современной научной мысли въ области соціальныхъ изслѣдованій. Въ этой живой, непосредственной связи уголовно-соціологическаго движенія съ научнымъ духомъ нашего времени лежитъ прочная гарантія его жизнеспособности.

Принадлежитъ ли новому направленію въ наукѣ уголовнаго права будущее—какъ я склоненъ думать—или же нѣтъ,—во всякомъ случаѣ оно есть, несомнѣнно, крупный моментъ, важный фазисъ въ безконечномъ прогрессѣ науки.

УКАЗАТЕЛЬ

литературныхъ трудовъ Листа, не претендующій на безусловную полноту и не касающійся многихъ мелкихъ его статей въ періодическихъ изданіяхъ, главнымъ образомъ, въ его „Zeitschrift".

1. Meineid und falsches Zeugniss. Wien, 1876.

2. Die falsche Aussage vor Gericht oder öffentlicher Behörde nach deutschem und österreichischem Recht. Graz, 1877.

3. Lehrbuch des österreichischen Pressrechts. Leipzig, 1878.

4. Das deutsche Reichs-Pressrecht. Berlin, 1880.

5. Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, въ первомъ изданіи носившій заглавіе „Das Deutsche Reichsstrafrecht systematisch dargestellt", Berlin и Leipzig, J. Guttentag—1881, 1884, 1886; Berlin, Guttentag,—1891, 1892, 1894 (6-е изд.).

6. Das fehlgeschlagene Delikt und die Cohn'sche Versuchstheorie,—въ его „Zeitschrift", I, Heft. 1, S. 93—108, 1881.

7. Статьи: „Herausgeber", „Lotterie", „Ordnungs—und Disziplinarstrafen", „Pressgesetzgebung", „Psessgewerbe", „Presspolizei", „Presstrafrecht", „Reda k teur"—въ „Rechtslexikon'ѣ изд. Гольтцендорфомъ, Leipzig, 1881.

8. Sind gleiche Grundsätze des internationalen Strafrechts für die europäischen Staaten anzustreben und eventuell welche,—докладъ 16-му съѣзду германскихъ юристовъ, въ „Verhandlungen des XVI Deutschen Juristentages", I Band, Berlin, 1882, и въ „Zeitschrift", II, H 1.

9. Der Zweckgedanke im Strafrecht,—въ „Zeitschrift", III, H. 1, SS. 1—48, 1883.

10. Die Reform des juristischen Studiums in Preussen. Berlin, 1886.

11. Die Reichskriminalstatistik des Jahres 1883,—въ „Zeitschrift", IV, H. 3. SS. 372—387, 1886.

12. Répartition géographique des crimes et des délits en Allemagne, — въ „Archives de l'antropologie criminelle et des sciences pénales", I, 1886.

13. Rechtsgut und Handlungsbegriff im Bindingschen Handbuche,—въ „Zeitschrift", VI, H. 6, SS. 665—98, 1886.

14. Der Begriff des Rechtsgutes im Strafrecht und in der Encyclopädie der Rechtswissenschaft,—въ „Zeitschrift", VIII, H. 2—3, SS. 133—156, 1888.

15. Der italienische Strafgesetzentwurf v. 1887,—въ издаваемыхъ имъ „Abhandlungen des kriminalistischen Seminars", T. I, SS. 1—49, 1889.

16. Исторія и современное состояніе тюремной реформы съ 1830 года: въ Пруссіи, Саксоніи и другихъ сѣверогерманскихъ государствахъ; въ Австро-Венгріи, Франціи, Нидерландахъ и Бельгіи,—въ „Handbuch des Gefängnisswesens", hrsgb. durch Fr. v. Holtzendorff und E. v. Jagemann, Hamburg, 1888, I т., кн. 2, отд. 2—гл. II—IV, стр. 161—86, и отд. 3, гл. V—VII, стр. 242—92.

17. Die Grenzgebiete zwischen Privatrecht und Strafrecht. Berlin, Guttentag, 1889.

18. Какія мѣры можно рекомендовать законодателю для ограниченія примѣненія краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы,—докладъ въ „Bulletin de l'Union Internationale de Droit Pénal", I, 1889, стр. 42—51.

19. Докладъ С.-Петербургскому пенитенціарному конгрессу о судебномъ выговорѣ и условномъ осужденіи,—въ „Actes du Congrès Pénitentiaire International de St. Pétérsbourg", 1890. Vol. II, pp. 475—86.

20. Kriminalpolitische Aufgaben, въ „Zeitschrift".—B. IX, 1889, H. 4—5, SS. 452—98, 737—82; X, 1890, S. 51—83; XII, 1892, H. 2, SS. 161—92.

21. Lässt das Zwangserziehungsgesetz Verbesserungen wünschenswerth erscheinen,—въ „Siebentes Jahrbuch der Gefängnissgesellschaft für die Provinz Sachsen und das Herzogthum Anhalt", Halle, 1891, SS. 9—33.

22. Обзоръ приложеній криминальной антропологіи, — докладъ въ „Actes du troisiemè Congrès International d'antropologie criminelle", Bruxelles, 1893, pp. 91—96.

23. О вліяніи уголовносоціологическихъ и уголовноантропологическихъ изслѣдованій на основныя юридическія понятія уголовнаго права, — докладъ въ „Bulletin de l'Union Internat. de Droit Pén.", IV, 1893, pp. 128—46 (стр. 125—43 нѣмецк. изд.)

24. Strafrecht und Strafprocess,--статья въ изданіи „Die Deutschen Universitäten. Für die Universitätsausstellung in Chicago 1893" hrsgb. v. W. Lexis. Berlin, 1893. B. I, SS. 350—62.

25 Die deterministischen Gegner der Zweckstrafe, въ „Zeitschrift", XIII, H. 3—4, SS. 326—70, 1893.

26. Der Entwurf eines eidgenössischen Strafgesetzbuches,—въ „Zukunft", 1893, Heft 54.

27. Die Forderungen der Kriminalpolitik und der Vorentwurf eines schwei-

zerischen Strafgesetzbuches,—въ „Archiv für sociale Gesetzgebung und Statistik“, VI, 1893, H. 5—6, S. 394—428.

28. Die Internationale kriminalistische Vereinigung. Ihre Aufgaben und ihre Arbeiten,—въ .Neuentes Jahrbuch d. Gefängnissgesellschaft f. d. Prov. Sachsen“, 1894, SS. 145—53.

29. Введеніе—„Zur Einführung. Rückblick und Zukunftspläne — въ изданіи „Strafgesetzgebung der Gegenwart in rechtsvergleichender Darstellung“, 1894, I, SS. IX—XXVII.

Кромѣ того, Листомъ совмѣстно съ проф. *Беннеке* переизданъ „Сборникъ уголовноюридическихъ казусовъ“ покойнаго проф. *Дохова:* „Adolf Dochow's Strafrechtsfälle zum akademischen Gebrauch hrsgb. von v. Liszt und Bennecke“, Jena, Fischer; послѣднее 5-ое изд. 1895 года.

В. В. Пржевальскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ЛИЧНЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЫ ВЪ ИСТОРИИ.

Н. И. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. С.-Петербургъ. 1890 г.

I.

Будущій историкъ девятнадцатаго вѣка остановится, вѣроятно, съ особеннымъ вниманіемъ на судьбахъ развитія въ немъ просвѣщенія. Въ самомъ дѣлѣ, для исторіи просвѣщенія девятнадцатый вѣкъ представляетъ вообще интересъ исключительный: всѣ существовавшіе раньше пріемы изслѣдованія, всѣ виды отношеній человѣка къ природѣ и другимъ людямъ пережили истинную революцію—старые пріемы были самымъ радикальнымъ образомъ отброшены, а новые не менѣе радикальнымъ же образомъ были поставлены на первый планъ. Идея развитія, красной нитью проходящая сквозь всю исторію просвѣщенія въ XIX-мъ вѣкѣ, не только дала всѣмъ естественнымъ наукамъ новые источники питанія, но съумѣла даже породить надежду на формулировку совсѣмъ новой науки, а именно—соціологіи, или науки объ обществѣ. Идея этой послѣдней зародилась еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія (если только позволено будетъ считать родоначальникомъ ея Огюста Конта, такъ какъ намеки на нее встрѣчались и гораздо раньше), и съ тѣхъ поръ едва ли не самымъ любопытнымъ явленіемъ въ исторіи просвѣщенія XIX-го вѣка слѣдуетъ считать попытки формулировать научнымъ образомъ задачи соціологіи. Правда, формулировка ихъ до сихъ поръ еще точно не достигнута, но тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что это научное движеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія: до XIX-го вѣка о возможности созданія особой науки объ обществѣ—если не считать предположеній, во всякомъ слу-

чаѣ болѣе или менѣе гадательныхъ—никто и не помышлялъ; между тѣмъ въ наши дни стремленіе къ точному обоснованію подобной науки стало однимъ изъ характернѣйшихъ явленій въ области научной дѣятельности человѣка. Фактъ этотъ въ связи съ общимъ пересмотромъ вопросовъ научной методологіи свидѣтельствуетъ какъ нельзя лучше, что никогда еще критическая мысль не достигала такой силы.

Если указанныя обстоятельства дѣйствительно могутъ служить свидѣтельствомъ болѣе широкаго, сравнительно съ предъидущими историческими эпохами, развитія умственныхъ способностей человѣка, то является интереснымъ выяснить, чѣмъ же могъ обусловливаться такой могучій умственный подъемъ именно въ XIX-мъ вѣкѣ. Есть основаніе думать, что явленіе это нельзя разсматривать обособленно отъ другихъ, параллельныхъ и въ то же время не менѣе характерныхъ явленій въ области человѣческаго общежитія. Сюда относится могучее же и точно также небывалое еще раньше развитіе промышленной техники. На первый взглядъ между этими двумя явленіями нѣтъ никакой связи: во всякомъ случаѣ ея не видно непосредственно. Между тѣмъ, стоитъ только представить себѣ отчетливо всѣ перемѣны во внѣшней физіономіи культурныхъ странъ, которыя произведены техническими изобрѣтеніями конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣковъ, чтобы понять, что изобрѣтенія эти были чреваты послѣдствіями въ такихъ сферахъ, о которыхъ на первый взглядъ мудрено было и думать. Пора сознать, что французская революція 1789-го года создала такія благопріятныя условія для развитія и процвѣтанія умственной дѣятельности, которыя раньше были немыслимы: они были даны тѣмъ новымъ общественнымъ строемъ, который сталъ возможенъ лишь послѣ революціи. Между тѣмъ едва ли кто станетъ спорить противъ того, что этотъ новый общественный строй,—который, согласно установившейся терминологіи, принято называть буржуазнымъ или капиталистическимъ—совершенно нельзя себѣ представить безъ соотносительнаго развитія техники: недаромъ же XIX-ый вѣкъ называютъ вѣкомъ пара и желѣзныхъ дорогъ. Что касается, далѣе, до связи индустріализма съ развитіемъ наукъ и искусствъ, то она была констатирована еще Контомъ; изъ мыслителей же позднѣйшаго времени надъ доказательствомъ ея особенно потрудился Гербертъ Спенсеръ. Такимъ образомъ три явленія находятся въ явной зависимости другъ отъ друга—промышленный строй общежитія, высота техническаго прогресса и высота прогресса умственнаго.

Болѣе глубокое размышленіе могло бы показать, что техническій прогрессъ всегда и всюду опредѣлялъ собою не только строеніе общества въ томъ или другомъ отношеніи, но и ростъ въ немъ самосознанія. Обстоятельство это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы сообразимъ, что отъ состоянія техники зависитъ преобладаніе человѣческихъ обществъ въ борьбѣ другъ съ другомъ и съ остальной природой за существованіе. У человѣка нѣтъ природныхъ орудій борьбы, подобныхъ тѣмъ, которыя существуютъ у другихъ животныхъ видовъ, но зато организація его прекрасно приспособлена къ владѣнію орудіями, заимствованными и образованными изъ внѣ его личности стоящаго міра. Такимъ образомъ техника является для человѣка средствомъ расширенія его физическаго „я", и притомъ расширенія, могущаго происходить безгранично, поскольку по крайней мѣрѣ безграниченъ техническій прогрессъ,—тогда какъ для природныхъ орудій всегда существуетъ извѣстный предѣлъ развитія. Удивляться ли послѣ этого допущенію высокаго правдоподобія за предположеніемъ, что техническій прогрессъ могъ обусловливать прогрессъ человѣчества и въ такихъ отдаленныхъ отъ его непосредственнаго благосостоянія сферахъ, какова, напримѣръ, сфера его интеллектуальнаго развитія?

Но, спрашивается, не является ли техническій прогрессъ въ наши дни плодомъ науки, а не наоборотъ, и не слѣдуетъ ли потому исходнымъ пунктомъ въ техническомъ и иныхъ, зависящихъ отъ него отношеніяхъ признать прогрессъ именно въ интеллектуальной сферѣ, а стало-быть и поставить отъ него въ зависимость всякій иной прогрессъ и во всякихъ иныхъ отношеніяхъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о полномъ разъясненіи возникающаго такимъ путемъ недоразумѣнія, мы укажемъ сначала лишь на тотъ фактъ, что наука наукѣ рознь, и что сила умственной дѣятельности, требуемая въ наукахъ точныхъ, едва ли можетъ равняться таковой же, когда примѣнять ее приходится къ наукамъ общественнымъ или психологіи. Послѣдній разрядъ наукъ имѣетъ дѣло съ явленіями настолько сложными, что для отысканія среди нихъ извѣстнаго порядка или закономѣрности необходимо обладать несравненно большею силою обобщенія и способности эмансипироваться отъ непосредственныхъ, реальныхъ впечатлѣній, чѣмъ при изслѣдованіяхъ въ сферахъ наукъ точныхъ. Техническія изобрѣтенія являются продуктомъ послѣднихъ, и обстоятельство это уже въ достаточной степени устраняетъ кажущееся на первый взглядъ противорѣчіе между признанною нами выше за техническимъ прогрессомъ

способностью создать такую общественную организацію, которая давала бы возможность развиваться въ ея членахъ высшимъ умственнымъ силамъ, и тѣмъ фактомъ, что прогрессъ этотъ является продуктомъ умственной же дѣятельности. Но затѣмъ опять-таки наступаетъ очередь и для болѣе глубокаго анализа.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы захотѣли изслѣдовать этотъ вопросъ глубже, то мы увидѣли бы, что и та степень умственной дѣятельности, которая необходима для изученія точныхъ наукъ, немыслима безъ предварительнаго — хотя бы минимальнаго только — пользованія техникой, или употребленія орудій. Мысль эту, которая на первый взглядъ представляется какимъ-то petitio principii, гдѣ слѣдствіе выводится изъ причины, а причина въ свою очередь выводится изъ слѣдствія, можно было бы выразить иначе такъ: требуемая для сознательной, т.-е. преднамѣренной и цѣлесообразной, выработки техники степень умственнаго развитія зависитъ отъ опредѣленныхъ условій общественной организаціи, въ свою очередь опредѣлимыхъ только тѣмъ, что человѣкъ является единственнымъ изъ животныхъ видовъ, борющимся съ природой при помощи заимствованныхъ имъ извнѣ орудій — въ то время, какъ всѣ остальныя животныя никакой подобной способностью или совсѣмъ не обладаютъ, или же обладаютъ лишь въ крайне несовершенной степени. Такимъ образомъ, защищаемое здѣсь положеніе нимало не вращается въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ: мы не говоримъ, что человѣкъ пользуется техникой потому, что умственно развитъ, а умственно развитъ потому, что пользуется техникой; мы утверждаемъ, что онъ пользуется техникой прежде всего потому, что онъ такъ созданъ, что такова его природа, выработавшаяся въ немъ путемъ естественнаго подбора еще во время образованія его, какъ особаго животнаго вида. И дѣйствительно, при ближайшемъ анализѣ сама физическая организація человѣка тѣмъ прежде всего совершеннѣе организаціи всякаго животнаго, что даетъ ему возможность ставить между собою и внѣшней природой цѣлую систему орудій, помощью которыхъ онъ только и можетъ подчинить ее себѣ. Конечно, эта система возникла не сразу; конечно, столѣтія, а можетъ быть и тысячелѣтія прошли, прежде чѣмъ человѣческая рука пріобрѣла свойственную ей теперь форму, такъ приспособленную къ пользованію орудіями. Возможно даже, что первымъ орудіемъ человѣку послужилъ человѣкъ же, или — другими словами — что успѣхамъ техники въ смыслѣ расширенія естественныхъ силъ человѣка предшествовало расширеніе ихъ единственно лишь посредствомъ соединенія съ себѣ подоб-

ными, и что только случайно натолкнулся онъ на возможность утилизировать для этой цѣли и внѣ человѣческой личности находящуюся среду. И при всемъ томъ, только съ появленіемъ такой возможности могло сложиться человѣческое общество, такъ какъ успѣшное пользованіе техникой требуетъ уже само по себѣ примѣненія человѣческаго сотрудничества. Въ результатѣ человѣкъ, продолжая оставаться индивидуально малосильнымъ, сталъ коллективно до такой степени могущественнымъ, что дѣйствительно сталъ подчинять себѣ природу. Вотъ почему изреченіе „человѣкъ—царь природы" значитъ въ сущности: „человѣкъ *въ обществѣ*—царь природы". Но этого мало: ставъ могущественнымъ коллективно, человѣкъ и какъ индивидуумъ получилъ возможность пріобрѣсти бо́льшую силу, начавъ развиваться въ направленіи, которое до него существовало только въ зародышѣ, а именно — онъ сталъ развиваться психически или духовно. Конечно, пользованіе орудіями и въ этомъ отношеніи играло не послѣднюю роль: чѣмъ непосредственнѣе взаимодѣйствіе организма съ средой, чѣмъ непосредственнѣе организмъ можетъ пользоваться для своего питанія продуктами окружающей его природы, тѣмъ менѣе шансовъ въ условіяхъ его жизни для развитія въ немъ умственной или вообще психической дѣятельности; наоборотъ, чѣмъ болѣе посредствующихъ звеньевъ между потребностями организма и способными удовлетворить ихъ продуктами природы, тѣмъ дѣятельность его становится изощреннѣе, предусмотрительнѣе и цѣлесообразнѣе, а стало-быть и сознательнѣе. Но, какъ было уже замѣчено выше, процессъ пріобрѣтенія техническихъ навыковъ и приспособленій и процессъ группированія отдѣльныхъ индивидуумовъ въ общества идутъ рука объ руку, при чемъ—чѣмъ дальше подвигается человѣкъ на пути своего умственнаго развитія, тѣмъ яснѣе становится зависимость этого развитія отъ взаимодѣйствія его съ другими членами общества. Другими словами, если безъ приспособленности человѣческаго организма къ употребленію орудій для добыванія предметовъ первой необходимости невозможно было бы возникновеніе сколько-нибудь широкой общественной организаціи, то безъ этой послѣдней не могло бы возникнуть и понятіе о той цѣльной, независимой, гармонично развитой и въ физическомъ, и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ личности, которая стала въ наши дни самымъ возвышеннымъ изъ идеаловъ, когда-либо одушевлявшихъ человѣчество. Стремленіе къ сообщенію человѣческой личности такого именно типа давно уже появилось въ исторіи, не разъ достигалось въ от-

дѣльныхъ индивидуумахъ (хотя и дорогой цѣной большей или меньшей степени приниженности большинства другихъ современныхъ имъ индивидуумовъ), и тѣмъ не менѣе—повсемѣстное осуществленіе его до сихъ поръ остается еще только болѣе или менѣе далекой задачей будущаго. Такія идеальныя цѣли можетъ ставить себѣ только человѣкъ, развившійся духовно уже до такой высоты, какой онъ не могъ бы достигнуть внѣ общенія съ себѣ подобными. Первобытный человѣкъ можетъ думать лишь объ удовлетвореніи своихъ матеріальныхъ потребностей, — и только своей счастливой организаціи онъ обязанъ тѣмъ, что могъ натолкнуться на выгоды соединенія съ себѣ подобными и на возможность пользованія орудіями для добыванія себѣ предметовъ пропитанія.

Итакъ, человѣческая личность, если подъ понятіемъ этимъ разумѣть не просто всякій человѣческій индивидуумъ, какъ одну изъ животныхъ особей вообще, а человѣка съ опредѣленнымъ психическимъ содержаніемъ, появляется въ исторіи человѣчества сравнительно поздно. Дѣло психологіи, или, лучше сказать, той части ея, которую можно было бы назвать психогеніей (терминъ, предложенный Д. Г. Льюисомъ въ его „Вопросахъ о жизни и духѣ“)—выяснить факторы возникновенія и развитія личности въ указанномъ смыслѣ; но психологія почти еще и не принималась до сихъ поръ за это дѣло. Тѣмъ не менѣе уже одна точная постановка вопроса даетъ немаловажный результатъ — хотя и отрицательнаго лишь характера—для построенія науки объ обществѣ: ясно, что если до возникновенія общества личность еще и не существовала совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы теперь ее понимаемъ, то, слѣдовательно, она никакъ не могла создать общества. Понятно отсюда, что съ принятіемъ этой точки зрѣнія всякія попытки объяснять возникновеніе общества сознательными усиліями личности должны быть окончательно оставлены, и что источникъ его надо искать поэтому независимо отъ человѣческаго сознанія гдѣ-либо въ ряду процессовъ физическихъ или біологическихъ. Такимъ образомъ, задачей соціологіи естественно становится изысканіе прежде всего такихъ соотношеній въ мірѣ природы—противополагая послѣдній сознательной дѣятельности человѣка,—которыя объясняли бы достаточно удовлетворительнымъ образомъ происхожденіе и дальнѣйшее развитіе человѣческаго общества, и образцы которыхъ были частью приведены выше. Конечно, и эта задача принадлежитъ скорѣе соціогеніи, или наукѣ о происхожденіи или генезисѣ общества, чѣмъ соціологіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ,—но именно блестя-

щему анализу мыслителей XIX-го вѣка мы и обязаны установленіемъ того положенія, что, подобно тому, какъ біологія безъ біогеніи (или теоріи развитія), такъ и ни соціологія безъ соціогеніи, ни психологія безъ психогеніи не могутъ двигаться впередъ.

Отмѣченная здѣсь постановка вопроса сдѣлалась возможной лишь въ теченіе настоящаго столѣтія, и мы можемъ отмѣтить уже съ самаго начала его рядъ попытокъ найти и формулировать законы сложенія и развитія человѣческихъ обществъ независимо отъ личнаго сознанія составляющихъ ихъ членовъ. Но не успѣло тѣмъ не менѣе это направленіе развиться и окрѣпнуть, какъ появилась и реакція противъ него, нашедшая особенно благопріятныя условія для своего развитія въ нашемъ отечествѣ. Въ виду этого обстоятельства намъ предстоитъ теперь охарактеризовать въ общихъ чертахъ отличительныя особенности развитія просвѣщенія у насъ въ Россіи.

II.

Культурныя судьбы Россіи и остальной Европы далеко неравны. Тамъ, въ Западной Европѣ, каждая культурная форма достигалась путемъ долгой, упорной и трудной борьбы; намъ же, русскимъ, всѣ эти культурныя завоеванія достались уже въ готовомъ видѣ, или безъ всякой борьбы. Тамъ проходили десятилѣтія, столѣтія; общество нѣсколько разъ измѣняло свою физіономію и измѣняло свой строй; члены его различнымъ образомъ группировались на сословія, классы или какія-либо иныя общественныя группы; и только въ результатѣ всего этого вырабатывалась какая-нибудь истинно прогрессивная форма; мы же имѣли повидимому возможность шагнуть сразу съ низшей ступени лѣстницы на самую для даннаго времени высшую, минуя такимъ образомъ всѣ промежуточныя стадіи. Причины этого явленія станутъ понятны, когда мы сообразимъ, что Россія поздно вступила на арену исторіи—поздно настолько, что всѣ западно-европейскія ея сосѣдки, съ которыми ей прежде всего приходилось столкнуться на исторической аренѣ, стояли къ тому времени уже на несравненно высшей ступени цивилизаціи. Само собою разумѣется, что было бы невозможно, чтобы, познакомившись съ состояніемъ европейской цивилизаціи на высшихъ сравнительно ступеняхъ ея развитія, русское общество—какъ бы ни было оно несовершенно — предпочло само вырабатывать сызнова всѣ ея

продукты, вмѣсто того, чтобы постараться усвоить ихъ уже въ готовомъ видѣ. И дѣйствительно, мы видимъ, что еще раньше Петра Великаго въ Россіи начинается сознательный процессъ усвоенія продуктовъ западно-европейской цивилизаціи; со времени же Петра онъ является замѣчательнѣйшимъ фактомъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, при чемъ развитіе его постепенно усиливается вплоть до нашихъ дней и по мѣрѣ усиленія своего становится все любопытнѣе и любопытнѣе. Любопытная сторона его сказывается между прочимъ въ томъ, что въ возможности, а частью и неизбѣжности усвоенія высшихъ продуктовъ цивилизаціи въ совершенно готовомъ уже видѣ открывается какъ выгода положенія, такъ и невыгода: первая особенно бросается въ глаза, такъ какъ она заключается въ несомнѣннѣйшей экономизаціи труда, позволяющей сократить трату его на десятки, сотни, можетъ быть даже тысячи лѣтъ, которыя потребовались бы для самостоятельной выработки всѣхъ этихъ продуктовъ. Не такъ очевидна, но тѣмъ болѣе существенна по своему значенію невыгодная сторона этого процесса: тамъ, гдѣ новыя культурныя формы вырабатываются поколѣніями и притомъ въ теченіе десятковъ, сотенъ и тысячъ лѣтъ,—водвореніе ихъ получаетъ прочный фундаментъ, поддерживаемый традиціями, возникшими въ качествѣ естественнаго послѣдствія долгаго процесса борьбы; у насъ, наоборотъ, пріобрѣтенія культуры усвоивались обыкновенно чисто идейнымъ образомъ, т.-е. независимо отъ какой бы то ни было житейской, практической борьбы: въ виду этого наши увлеченія культурными пріобрѣтеніями Запада являются крайне непрочными и такъ же быстро способны смѣняться разочарованіями въ нихъ, какъ быстро появлялось и очарованіе ими. Другими словами, прогрессъ цивилизаціи, бывшій на Западѣ результатомъ борьбы сословій и классовъ и имѣвшій тамъ такимъ образомъ чисто соціальное происхожденіе,—у насъ долженъ былъ возникнуть путемъ исключительно психическимъ и вынужденъ былъ вырабатываться при посредствѣ борьбы однихъ только мнѣній, усвоенныхъ безъ какой бы то ни было фактической или эмпирической подкладки въ самой жизни. Обстоятельство это являлось у насъ тѣмъ болѣе естественнымъ, что масса населенія лишена была всякой возможности принять въ этомъ процессѣ хотя какое-нибудь участіе. Неудивительно послѣ этого, что всѣ почти наши просвѣтительныя движенія текущаго столѣтія имѣли видъ, такъ-сказать, скачкообразный, т.-е. увлеченія смѣнялись апатіей, очарованія—разочарованіями и т. д., при чемъ обстоятельство это нимало не мѣшало вслѣдъ за наступившей апатіей появляться

новымъ увлеченіямъ. Но нѣтъ, говорятъ, худа безъ добра,—и справедливость требуетъ отмѣтить еще одну выгодную сторону описаннаго здѣсь характера русскихъ просвѣтительныхъ движеній: если отсутствіе борьбы сословій и классовъ должно было имѣть въ результатѣ отсутствіе традицій и связанныхъ съ ними косности и различныхъ предразсудковъ, то тѣмъ шире должно было оно расчистить почву для проявленія свободной, критической мысли. И фактъ этотъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ исторіи просвѣщенія русскаго общества вообще, а въ теченіе девятнадцатаго вѣка въ особенности: всѣ тѣ фазисы умственнаго переворота, о которомъ сказано выше и который былъ пережитъ и въ теченіе этого вѣка на Западѣ, быстро (и тѣмъ быстрѣе именно, чѣмъ ближе время подходило къ настоящимъ днямъ) воспринимались тѣми или другими частями русскаго общества и столь же быстро вызывали реакцію, выражающуюся въ крайне строгой, подчасъ жестокой и беспощадной критикѣ, въ большинствѣ случаевъ приводящей къ увлеченію какой-нибудь радикально-противоположной крайностью. Таковы, напримѣръ, были судьбы, постигшія на русской почвѣ великихъ метафизиковъ начала нынѣшняго столѣтія и въ особенности Гегеля, англійскую опытную школу съ Д. С. Миллемъ во главѣ, Огюста Конта и позитивистовъ разныхъ оттѣнковъ, Шопенгауэра и Гартмана съ ихъ доктринами крайняго пессимизма и даже мистицизма, Спенсера съ его многочисленными учениками, Дарвина съ его еще болѣе многочисленными послѣдователями, и т. д., и т. д., не считая даже другихъ, второстепенныхъ сравнительно мыслителей. Каждое изъ упомянутыхъ ученій испытало, если можно такъ выразиться, во время обращенія своего въ волнахъ русскаго житейскаго моря своего рода приливъ и отливъ: каждымъ изъ нихъ увлекались въ свое время до самозабвенія и отъ каждаго легко и безъ сожалѣнія отворачивались,—разъ замѣчали въ немъ, справедливо или несправедливо, какіе-либо промахи, обнаруживаемые иной, вновь появляющейся и обыкновенно враждебной ему, доктриной. Неудивительно, что такая же судьба постигла и основную, наиболѣе ярко характеризующую умственное движеніе XIX-го вѣка, идею,—идею, въ принятіи которой готовы сойтись представители почти всѣхъ, самыхъ разнообразныхъ школъ и направленій (каковы, наприм., метафизики и позитивисты, или матеріалисты и идеалисты — безъ различія безчисленныхъ оттѣнковъ, существующихъ внутри каждой изъ этихъ партій),—я разумѣю идею постепеннаго развитія всего видимаго, ощущаемаго, воспринимаемаго и испыты-

ваемаго человѣчествомъ. И въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ, какъ въ Россіи, нѣтъ такихъ горячихъ и въ такомъ большомъ количествѣ сторонниковъ этой идеи, но нигдѣ же опять-таки нѣтъ и такихъ страстныхъ противниковъ ея, при чемъ какъ тѣ, такъ и другіе распадаются еще на многія фракціи многообразныхъ оттѣнковъ. За послѣднюю четверть вѣка оппозиція этой идеѣ видимо пріобрѣтаетъ верхъ въ средѣ русскаго общества, и чуть ли не все наиболѣе талантливое и даровитое въ немъ стремится теперь примкнуть къ этому оппозиціонному движенію: идеѣ безличной эволюціи противопоставлена идея самостоятельной, независимой личности, ставящей себѣ цѣлью сознательныя усилія достиженія благосостоянія личнаго и общественнаго.

Послѣ всего сказаннаго объ особенностяхъ развитія въ Россіи просвѣщенія не трудно понять, какимъ образомъ могло возникнуть въ ней и это послѣднее движеніе. Я уже отмѣтилъ выше тотъ фактъ, что однимъ изъ наиболѣе осязательныхъ результатовъ просвѣщенія вообще получается появленіе въ человѣкѣ самосознанія, выражающагося въ чувствѣ собственнаго достоинства, въ сознаніи возможности выбора между различными путями дѣятельности и вообще въ сознаніи своего „я“. Тамъ, гдѣ результаты такого рода являются слѣдствіемъ продолжительной сословной или классовой—вообще групповой—борьбы, приносящей съ собой въ видѣ попутныхъ наслоеній извѣстныя традиціи или даже извѣстнаго рода предразсудки и т. д.,—начинающая эмансипироваться личность чувствуетъ себя все же связанной нѣкоторыми общественными путами, или, лучше сказать, путами, порожденными той же соціальной борьбой, которая только и могла дать ей возможность сознать самое себя. Ничего подобнаго не было и быть не могло въ Россіи: идея самостоятельности личности, являющаяся естественнымъ результатомъ просвѣщенія вообще, возникаетъ въ ней въ совершенно чистомъ видѣ, независящемъ отъ какихъ бы то ни было историческихъ наслоеній и отъ какихъ бы то ни было ограничивающихъ ея самостоятельность общественныхъ путъ; родитъ ее не тяжелая борьба сословій или классовъ или какихъ-либо иныхъ общественныхъ группъ, а сравнительно свободный и легкій, мыслимый лишь при извѣстномъ опредѣленномъ минимумѣ матеріальнаго обезпеченія, обмѣнъ мыслей. Удивительно ли послѣ этого, что критическая мысль, въ свою очередь являющаяся естественнымъ продуктомъ просвѣщенія вообще (или, иначе говоря, просвѣщенія всякаго, безъ различія мѣста и времени) и сама же выработавшая ученіе о безличной эволюціи, вынуждена

волей-неволей столкнуться здѣсь съ духомъ независимости личности, чувствующей себя положительно неспособной примириться въ будущемъ съ какимъ-то самопроизвольнымъ, не зависящимъ нисколько отъ ея личныхъ усилій, устроеніемъ ея судебъ? И вотъ, приблизительно съ половины нынѣшняго столѣтія, въ русской журналистикѣ и главнымъ образомъ въ публицистикѣ открывается защита идеи, очень удачно формулированная однимъ изъ послѣдующихъ писателей этого направленія въ терминахъ „борьбы за индивидуальность". Трудно сказать, кому первому принадлежитъ поднятіе этого знамени, но фактъ тотъ, что дѣятели шестидесятыхъ годовъ, когда направленіе это стало особенно разрастаться въ ширину и глубину, имѣли уже не одного предшественника еще и ранѣе—въ ближайшихъ къ шестидесятымъ годамъ десятилѣтіяхъ. Въ концѣ же шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ мы встрѣчаемъ уже попытки точно формулировать и обосновать научнымъ образомъ исповѣдуемое ученіе. Въ этомъ отношеніи наиболѣе выдающееся мѣсто принадлежитъ Н. К. Михайловскому: въ рядѣ статей, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ" времени редакцій Некрасова и Салтыкова, съ строгой и неуклонной послѣдовательностью защищалъ онъ право личности на свободное устроеніе ею самою своихъ собственныхъ судебъ, и вышеприведенная формула „борьба за индивидуальность" — которую въ его ученіи можно разсматривать какъ основной соціологическій законъ — принадлежитъ именно ему. Никѣмъ почти не признаваемый вначалѣ, нажившій себѣ много недоброжелателей и даже яростныхъ враговъ, писатель этотъ можетъ считаться въ настоящее время основателемъ цѣлой школы субъективизма въ соціологіи.

Въ дальнѣйшемъ развитіи тенденціи субъективнаго построенія соціологіи въ Россіи слѣдуетъ отмѣтить особое умственное теченіе, извѣстное подъ названіемъ народничества. Конечно, народничество создано не однимъ только субъективнымъ методомъ: происхожденіе его довольно сложно и можетъ быть объяснено только всей совокупностью специфическихъ условій пореформенной русской жизни. Тѣмъ не менѣе субъективный методъ сыгралъ здѣсь немаловажную роль: при всемъ различіи своихъ отдѣльныхъ фракцій, такъ какъ представители ихъ не сходятся даже въ своихъ воззрѣніяхъ на народъ, всѣ народники — субъективисты, и съ точки зрѣнія метода народничество представляетъ не болѣе какъ одно изъ развѣтвленій субъективной школы въ соціологіи. Даже самая крайняя фракція народниковъ, преклоняющаяся передъ народнымъ міросозерцаніемъ и не допускаю-

щая никакого вмѣшательства въ народную жизнь, представляетъ лишь логическое развитіе того взгляда, что всякій человѣкъ, достигшій самосознанія, долженъ самъ обладать способностью въ большей, чѣмъ кто-либо иной, степени устраивать свою жизнь со всѣми входящими въ ея составъ общественными отношеніями. Оспариваніе точки зрѣнія народниковъ субъективистами-ненародниками могло происходить лишь на почвѣ сравнительной допустимости достаточной степени развитія въ народѣ самосознанія: и дѣйствительно, на этой именно почвѣ и происходила, напримѣръ, полемика г. Михайловскаго съ „Недѣлей", газетой, ставшей раньше всѣхъ другихъ изданій органомъ русскихъ народниковъ. Какъ бы то ни было однако, споръ между соціологами-субъективистами вообще и субъективистами-народниками въ частности могъ касаться лишь вопроса объ умѣстности или неумѣстности примѣненія въ данномъ случаѣ субъективнаго метода, но отнюдь не касается самыхъ правъ этого метода на существованіе, хотя бы даже и исключительно только въ соціологіи. Вотъ почему справедливо причислить народниковъ — при всей страстности ихъ полемики съ писателями, впервые примѣнившими къ соціологіи субъективный методъ — къ субъективистамъ же.

Наконецъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, въ защиту субъективнаго метода выступаетъ уже и университетская наука, указывающая съ каѳедры на „законный субъективизмъ". Сюда относится изслѣдованіе проф. Карѣева. Выраженіе „законный субъективизмъ" принадлежитъ ему, и онъ стремится выдѣлить субъективизмъ, допустимый наукой, изъ всѣхъ иныхъ видовъ субъективизма, которые, согласно его терминологіи, слѣдовало бы назвать субъективизмомъ незаконнымъ. Цѣль автора въ этомъ случаѣ—оправдать съ точки зрѣнія науки вторженіе въ соціологію извѣстной степени субъективизма, такъ какъ, по мнѣнію г. Карѣева, совсѣмъ безъ субъективизма въ исторіи обойтись невозможно.

III.

Въ самомъ же началѣ своего труда г. Карѣевъ устанавливаетъ различіе между историческими фактами двоякаго рода — фактами характера прагматическаго и фактами характера культурнаго, тутъ же опредѣляя точно, въ какомъ именно смыслѣ употребляются имъ оба эти термина. Замѣтивъ предварительно, что въ существующей доселѣ исторіографической литературѣ

термины эти далеко еще не получили точнаго опредѣленія, онъ самъ предлагаетъ опредѣлить ихъ слѣдующимъ образомъ: подъ прагматизмомъ, думаетъ онъ, слѣдуетъ понимать воздѣйствіе человѣческихъ поступковъ—при чемъ сюда относятся въ равной степени какъ поступки отдѣльныхъ лицъ, такъ и поступки цѣлыхъ группъ лицъ въ разныхъ ихъ соединеніяхъ — другъ на друга; этимологически терминъ этотъ производится имъ отъ греческаго τὰ πράγματα, по-русски—дѣла или дѣйствія. Подъ культурою онъ разумѣетъ тѣ внѣшнія формы, въ которыя выливается или въ которыхъ выражается общественная жизнь человѣка, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ; этимологическаго производства онъ въ данномъ случаѣ не дѣлаетъ. Явленія перваго порядка подчинены, съ точки зрѣнія нашего ученаго, главнымъ образомъ закону причинной связи; явленіямъ же второго порядка присуща по преимуществу та закономѣрность, которая извѣстна подъ именемъ эволюціи.

Отсюда уже видно, что г. Карѣевъ понимаетъ своеобразно какъ законы причинной зависимости, такъ и законы эволюціи; правда, онъ говоритъ дальше, что между прагматизмомъ и культурой существуетъ постоянное взаимодѣйствіе, и, слѣдовательно, какъ въ культурный процессъ должна постоянно вторгаться причинно-слѣдственная зависимость, такъ и въ прагматическій процессъ, въ свою очередь, неминуемо вторгается начало эволюціи, но тѣмъ не менѣе разобщеніе законовъ эволюціи, взятой, такъ сказать, въ своемъ чистомъ видѣ, отъ законовъ причинной зависимости не можетъ не возбуждать недоумѣній. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь безъ причины ничто не бываетъ и быть не можетъ: неужели же тѣмъ не менѣе можно думать, что эволюціонный процессъ лишенъ причинной зависимости? Между тѣмъ къ такому заключенію нельзя не придти, прочитавъ опредѣленіе авторомъ эволюціи и принявъ во вниманіе дѣлаемое имъ противоположеніе культуры прагматизму. Въ культурной исторіи, выражаясь его словами, „факты связываются между собою не какъ причины и слѣдствія, а какъ измѣняющіеся образы и формы одного и того же явленія, какъ фазисы и моменты его развитія, эволюціи“ (стр. 4). Итакъ, по мнѣнію г. Карѣева, понятіе эволюціи дѣйствительно исключаетъ собою связь причины и слѣдствія. Не такъ однако думали творцы идеи развитія: съ ихъ точки зрѣнія, принятіе идеи эволюціи не только не должно нарушать признанія другихъ законовъ природы, но, наоборотъ, должно подтверждать ихъ. Съ ихъ точки зрѣнія, факты связываются между собою дѣйствительно

какъ фазисы и моменты одного и того же *процесса* развитія, или эволюціи (но отнюдь не какъ формы и образы одного и того же явленія); изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы факты, составляющіе содержаніе процесса эволюціи, не относились другъ къ другу, какъ причины и слѣдствія. Намъ представляется вообще, что причинная зависимость и эволюціонная связь составляютъ понятія настолько различныхъ категорій, что отнюдь не могутъ быть противопоставлены другъ другу и тѣмъ менѣе могутъ замѣнить одна другую. Законы причинности вырабатываются логикой, или наукой о формахъ и пріемахъ человѣческаго мышленія, точнѣе же — теоріей познанія, связывающей логику съ психологіей. Что же касается до идеи развитія, или эволюціи, то она относится исключительно лишь къ изслѣдованію матеріальной природы, включая сюда, конечно, и человѣческую личность, но уже разсматриваемую чисто объективнымъ образомъ. Идея развитія представляетъ одно изъ грандіознѣйшихъ обобщеній человѣческаго ума и по существу своему скорѣе всего должна быть отнесена къ метафизикѣ, понимая послѣднюю въ смыслѣ, въ которомъ пытался завоевать для нея право научнаго гражданства независимѣйшій изъ позитивистовъ—Д. Г. Льюисъ въ своихъ „Вопросахъ о жизни и духѣ“ (см. Введеніе). Правда, эта мысль Льюиса не получила еще общаго признанія, но это привело только къ тому, что, за упраздненіемъ метафизики въ общепринятомъ смыслѣ, до сихъ поръ остается вакантнымъ мѣсто дисциплины, завѣдующей высшими обобщеніями точныхъ наукъ. Въ названномъ своемъ трудѣ Льюисъ предлагалъ именно подраздѣлить метафизику на эмпирическую и метэмпирическую: подъ первой онъ разумѣлъ именно тѣ получаемыя изъ цѣлаго ряда наукъ высшія обобщенія, которыя не могутъ быть отнесены ни къ одной изъ отдѣльныхъ наукъ въ частности, а могутъ быть выведены или черпать свой матеріалъ только изъ всей ихъ совокупности; послѣднюю онъ совершенно исключалъ изъ научныхъ сферъ. Критеріемъ, разграничивающимъ области эмпирической метафизики отъ метэмпирической, онъ считалъ возможность сведенія высшихъ обобщеній въ конечномъ ихъ анализѣ къ извѣстнымъ чувственнымъ реаламъ (или, другими словами, къ извѣстнымъ реальнымъ ощущеніямъ, соотвѣтствующимъ извѣстнымъ реальнымъ величинамъ); на томъ же основаніи всѣ тѣ обобщенія, которыя подобнаго сведенія не допускаютъ, называются имъ метэмпирическими и, слѣдовательно совершенно ненаучными.

Попытаемся выяснить это различіе болѣе точнымъ образомъ.

Дѣло въ томъ, что, толкуя терминъ „метафизика“ этимологически, къ нему слѣдуетъ отнести все то, что можно назвать τὰ μετὰ τῶν φύσικῶν, т.-е. все сверхчувственное; но въ такомъ случаѣ сюда же слѣдуетъ отнести и всѣ вычисленія, выходящія изъ предѣловъ непосредственнаго наблюденія и опыта, даваемыхъ непосредственною дѣятельностью пяти чувствъ, и производимыя именно надъ результатами этихъ наблюденій и опыта. Свойствъ матеріи по существу, или матеріи, изучаемой не въ какомъ-нибудь спеціальномъ отношеніи (какъ, напр., физическомъ, химическомъ и т. д.), а матеріи вообще, мы, конечно, не знаемъ, и если бы мы вздумали ихъ создавать a priori и затѣмъ класть въ основаніе нашего философскаго міросозерцанія, мы поступили бы такъ же неправильно, какъ поступаютъ спиритуалисты, когда въ основаніе своего міропониманія кладутъ гипотетическія свойства духа, добытыя такимъ же апріорнымъ путемъ. Но мы можемъ наблюдать проявленія матеріи въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; мы можемъ находить въ этихъ проявленіяхъ извѣстныя постоянства отношеній; можемъ открывать далѣе единство и среди этихъ разнообразныхъ формъ проявленія матеріи, вычисляя въ свою очередь ихъ взаимныя отношенія и приводя ихъ къ высшему обобщенію, не могущему быть открытымъ путемъ непосредственнаго наблюденія. Наблюдать непосредственно и дѣлать изъ такого наблюденія извѣстныя заключенія мы можемъ только въ точно опредѣленной и отграниченной отъ сосѣднихъ сферъ сферѣ явленій, всякую же иную сферу, отличающуюся отъ первой своей видимой, феноменальной внѣшностью, мы можемъ наблюдать непосредственно только совершенно независимо отъ первой и, слѣдовательно, лишены всякой возможности наблюдать обѣ сферы сразу, такъ какъ непосредственное наблюденіе не въ силахъ обнаружить въ нихъ ничего общаго. Это могутъ сдѣлать только отвлеченныя отъ непосредственнаго наблюденія вычисленія, производимыя надъ результатами таковаго наблюденія, сдѣланнаго во всей строгой точности [1]).

---

[1]) Предложенное Льюисомъ введеніе эмпирической метафизики въ разрядъ наукъ оспаривалось русскимъ мыслителемъ В. В. Лесевичемъ на томъ основаніи, что отличительной чертой метафизики слѣдуетъ признать, по его мнѣнію, ея методъ, не имѣющій ничего общаго съ научнымъ методомъ. Взамѣнъ того г. Лесевичъ предлагаетъ воспользоваться терминомъ „научная философія“, уже употребляемымъ рядомъ германскихъ мыслителей новѣйшаго времени. Не вступая здѣсь въ споръ съ г. Лесевичемъ по существу относительно раціональности его опредѣленія метафизики, замѣчу только, что практически онъ сходится съ Льюисомъ: если оставить споръ о терминахъ, то придется

Теперь, послѣ этого разъясненія, спрашивается, куда же отнести идею развитія, являющуюся по природѣ своей обобщеніемъ, даваемымъ цѣлымъ рядомъ всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя называются точными. Примѣръ этотъ какъ нельзя лучше показываетъ, что существуютъ обобщенія, выходящія изъ предѣловъ какой-либо одной науки и относящіяся поэтому къ ихъ совокупности: никакимъ другимъ именемъ, кромѣ метафизики, или общей философіи (или, если угодно, научной философіи), ихъ обозначить и никакъ иначе къ нимъ отнестись—нельзя, если быть послѣдовательнымъ. Всего лучше показать это на примѣрѣ той именно идеи, изъ-за которой у насъ и зашла здѣсь рѣчь по этому поводу,—идеи эволюціи. Идея эта дѣйствительно принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду найти общій законъ, связывающій въ одно цѣлый рядъ отдѣльныхъ наукъ,—и лучшимъ подтвержденіемъ тому можетъ служить исторія ея возникновенія и распространенія. Въ самомъ дѣлѣ, къ какой спеціальной наукѣ относится идея развитія? Если съ особенной яркостью она выразилась въ біологіи, или наукѣ о жизни, то обстоятельство это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что только въ біологіи законъ этотъ могъ получить особенно ясную формулировку; не нужно однако особой проницательности, чтобы видѣть, что законъ этотъ въ другихъ сферахъ можетъ выразиться въ совершенно иныхъ формахъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности: движеніе силы по направленію наименьшаго сопротивленія, представляющее одинъ изъ основныхъ законовъ механики, по формѣ не имѣетъ ничего общаго съ закономъ борьбы за существованіе, наполняющей всю исторію развитія органическихъ тѣлъ; по существу же оба эти закона обозначаютъ одно и то же, но только выражены они въ разныхъ терминахъ и примѣнительно къ разнымъ сферамъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ фактъ приспособленія организма къ извѣстной средѣ не свидѣтельствуетъ о томъ, что движеніе его силъ по направленію наименьшаго сопротивленія оказалось для него выгоднымъ, тогда какъ такая же линія направленія движенія оказалась для силъ другихъ организмовъ невыгодной? Вѣдь каждый организмъ стремится къ удовлетворенію своихъ потребностей, и стремится, понятно, съ соблюденіемъ наибольшей экономіи въ затратѣ своихъ силъ, или—другими словами—по линіи наименьшаго

признать, что какъ Льюисъ, такъ и г. Лесевичъ, а равно наконецъ также и всѣ тѣ германскіе мыслители, на которыхъ опирается послѣдній,—одинаково признаютъ необходимость образованія дисциплины, завѣдывающей высшими научными обобщеніями.

сопротивленія. Вся разница тутъ только въ томъ, что въ то время, какъ въ механикѣ выражена лишь общая, наиболѣе абстрактная схема этого закона,—въ біологіи разсматривается одно изъ его частныхъ (относительно) проявленій въ извѣстной опредѣленной сферѣ и въ связи со всѣми конкретными послѣдствіями, которыя оно должно имѣть въ данной сферѣ. То же самое мы видимъ и въ соціологіи: какъ бы мы ни объясняли въ деталяхъ первое появленіе человѣческаго общества, мы не можемъ отрицать справедливости того соображенія, что силой, впервые толкающей людей къ соединенію съ себѣ подобными, могло быть только смутное или ясное представленіе наилучшаго при условіяхъ общежитія удовлетворенія своихъ потребностей, т. е. тѣхъ потребностей, безъ которыхъ человѣкъ совсѣмъ не можетъ существовать. Фактъ тотъ во всякомъ случаѣ, что въ сообществѣ съ себѣ подобными человѣкъ легче можетъ удовлетворить своимъ первымъ потребностямъ, чѣмъ въ одиночку,—и этого въ сущности уже достаточно для признанія естественности возникновенія человѣческаго общежитія. Съ естественнонаучной точки зрѣнія замѣчательно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что соціальное начало возникаетъ значительно раньше появленія на землѣ человѣка, что развитію его сопутствуетъ сравнительно высокое развитіе нервно-мозговой организаціи и сравнительное пониженіе физическихъ силъ изолированно взятаго животнаго индивидуума; слабѣе индивидуально и въ чисто физическомъ отношеніи, индивидуумъ тѣмъ сильнѣе становится коллективно и тѣмъ выше разрастается его психика. Такимъ образомъ, въ ряду развитія животныхъ видовъ соціальное начало получаетъ рано или поздно значеніе особаго фактора, пріобрѣтающаго тѣмъ большій интересъ, что ему сопутствуетъ развитіе психическое, обезпечивающее въ концѣ концовъ человѣку первое мѣсто на земномъ шарѣ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ смѣло констатировать тотъ фактъ, что возможность наилучшимъ образомъ организовать въ общежитіи производство наинеобходимѣйшихъ предметовъ для существованія должно влечь людей всего настоятельнѣе—сознательно или безсознательно, смутно или ясно, этого мы разбирать сейчасъ не станемъ—къ образованію компактныхъ общежитій. Удивительно ли послѣ этого, если линія наименьшаго сопротивленія въ развитіи общежитія совпадаетъ обыкновенно съ наилучшей для даннаго времени и мѣста организаціей производства? Итакъ, существующій въ механикѣ процессъ движенія силъ по направленію наименьшаго сопротивленія въ біологіи выражается процессомъ борьбы за существованіе, а

въ соціологіи—процессомъ усовершенствованія формъ производства. Можно было бы точно также найти соотвѣтствующіе законы и въ любой изъ другихъ отраслей знанія: такъ, въ астрономіи тому же соотвѣтствуетъ законъ тяготѣнія, въ физикѣ—законъ сохраненія или постоянства силъ, въ химіи—законъ сродства и наконецъ въ психологіи – до извѣстной степени законъ ассоціаціи идей [1]). Обстоятельство это очень важно, такъ какъ только оно и можетъ пролить свѣтъ на истинный смыслъ идеи развитія: дѣло именно въ томъ, что идея развитія можетъ быть признана послѣ этого только однимъ изъ высшихъ обобщеній или обобщеніемъ цѣлаго ряда наукъ, объединяющимъ этотъ рядъ наукъ въ одно цѣлое. И дѣйствительно, послѣ сказаннаго мы можемъ себѣ представить идею развитія исключительно лишь подъ условіемъ предположенія единства бытія или—выражаясь другими словами—единства матеріи и силы. Если дѣйствительно сила постоянна, а матерія неуничтожаема, то способность развитія должна быть признана, разумѣется, безконечной (допуская единственнымъ ограниченіемъ для этой безконечности лишь предѣльность существованія вселенной, или, по меньшей мѣрѣ, служащаго мѣстожительствомъ человѣка, земного шара). Мы видимъ во всякомъ случаѣ, что наблюдаемыя нами въ предѣлахъ населяемой нами планеты явленія подвержены безчисленнымъ видоизмѣненіямъ, и понять этотъ фактъ доступнымъ для насъ образомъ мы можемъ лишь подъ условіемъ того предположенія, что группировка частицъ матеріи можетъ видоизмѣняться безпрерывно и притомъ въ столь многосложныхъ сочетаніяхъ, что степень этой многосложности едва ли даже достижима для всякаго отдѣльнаго человѣческаго ума, такъ какъ она обнимаетъ

[1]) Здѣсь я считаю нужнымъ оговориться: законъ ассоціаціи идей выражаетъ не вполнѣ точно основной законъ психологіи, состоящій въ томъ, что всякое впечатлѣніе вызываетъ въ организмѣ цѣлый потокъ нервной энергіи, разсѣивающійся сначала по всему организму и только съ теченіемъ времени, по мѣрѣ повторенія однихъ и тѣхъ же впечатлѣній, вырабатывающій опредѣленные пути нервнаго разряженія. Такимъ образомъ законъ ассоціаціи идей неточенъ во-первыхъ потому, что онъ стремится выразить законъ, которому подчинены не только идеи, но и всѣ нервные акты вообще, начиная отъ первичныхъ ощущеній до наиболѣе сложныхъ эмоцій, включающихъ въ себѣ между прочимъ и цѣлые комплексы разнородныхъ идей; кромѣ же того законъ этотъ не констатируетъ съ достаточной степенью точности и полноты разряженія нервной энергіи по линіямъ наименьшаго сопротивленія и наилегчайшаго слѣдованія, что особенно важно. Такимъ образомъ, закономъ ассоціаціи идей, какъ основнымъ, приходится пользоваться лишь въ виду его популярности и общеизвѣстности, а также и потому, что взамѣнъ его не выработался еще никакой иной, болѣе точный и обстоятельный законъ.

всю совокупность возможныхъ сочетаній за все время существованія матеріи, а слѣдовательно относится не только къ настоящему и прошедшему, но также и къ будущему. Человѣчество обладаетъ тѣмъ не менѣе возможностью, по мѣрѣ достиженія имъ зрѣлости, улавливать законы таковой группировки, и идея развитія основана именно на относительной возможности ихъ постепеннаго уловленія. Идея развитія связываетъ въ одно цѣлое различныя отрасли знанія, такъ какъ—при всемъ разнообразіи феноменовъ, составляющихъ сферы вѣдѣнія каждой изъ нихъ въ отдѣльности—ищетъ общаго всѣмъ имъ начала. Но этого мало: идея развитія связываетъ въ высшемъ философскомъ обобщеніи динамическую точку зрѣнія съ статической и аналитическую съ синтетической. Въ самомъ дѣлѣ, если весь смыслъ теоріи развитія состоитъ въ разнообразіи группировокъ частицъ матеріи, при чемъ сумма этихъ частицъ постоянно остается одной и той же, то статусъ явленій и ихъ генезисъ, синтетическій характеръ ихъ воспріятія и аналитическій ихъ изученія явятся не болѣе лишь, какъ разными точками зрѣнія на одинъ и тотъ же фактъ. Образно это можно было бы пояснить сравненіемъ съ кривой, которая, при взглядѣ на нее съ одной стороны кажется вогнутой, а при взглядѣ съ другой—выпуклой [1]).

Сказаннаго, думается намъ, достаточно для выясненія философскаго, или, если угодно, метафизическаго (въ принятомъ здѣсь смыслѣ нѣтъ никакой опасности въ употребленіи этого термина) смысла идеи развитія. Мы намѣренно остановились на разъясненіи этого смысла прежде всего, чтобы установить такимъ образомъ исходный пунктъ разницы въ міросозерцаніяхъ г. Карѣева и пишущаго эти строки. Здѣсь нарочно подчеркнуто его противоположеніе идеи эволюціи—идеѣ причинности, такъ какъ, съ развиваемой здѣсь точки зрѣнія противоположеніе это представляется неправильнымъ. Въ дальнѣйшемъ мы постараемся сосредоточиться на доказательствахъ именно того положенія, что, противопоставивъ культурную исторію прагматической и отвергнувъ эволюціонную точку зрѣнія при сужденіи о той массѣ человѣческихъ поступковъ, которые составляютъ главное содержаніе исторіи, г. Карѣевъ идетъ неправильнымъ путемъ.

---

[1]) Одно изъ любимыхъ сравненій Д. Г. Льюиса, несомнѣнно представляющее очень наглядное поясненіе указанной разницы.

IV.

Однимъ изъ послѣдствій противопоставленія причинной связи тому или другому философскому обобщенію и построенія на ней одной извѣстной философской концепціи является добровольное обреченія себя на необходимость судить о вещахъ на основаніи одной внѣшней феноменальной видимости, довѣріе къ которой не разъ уже вводило людей въ заблужденіе. И въ самомъ дѣлѣ, не благодаря ли этому ограниченію своихъ вычисленій данными внѣшней феноменальной видимости люди такъ долго думали, что земля стоитъ на мѣстѣ, а солнце вокругъ нея движется? По мнѣнію г. Карѣева, вся фактическая сторона исторіи „сводится въ послѣднемъ анализѣ къ отдѣльнымъ человѣческимъ поступкамъ“ (Сущность историческаго процесса, стр. 17). И задача прагматической исторіи должна состоять именно въ томъ, чтобы представить всѣ историческія событія и движенія какъ причины и слѣдствія другъ друга, а болѣе глубокій анализъ долженъ вскрыть своимъ ножомъ наличность тѣхъ отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, изъ которыхъ эти событія и движенія въ концѣ концовъ складываются, и обнаружить въ нихъ, въ свою очередь, причинно-слѣдственную зависимость. Намъ представляется недостаточнымъ довольствоваться признаніемъ одной лишь причинно-слѣдственной связи человѣческихъ поступковъ. Человѣческій поступокъ — фактъ настолько сложный, что довольствоваться для его объясненія причинами, съ значительной степенью полноты обнаруживаемыми внѣшнимъ наблюденіемъ,—слишкомъ мало. Желаніе или даже только побужденіе такого сложнаго организма, какъ человѣкъ, являетъ собою не болѣе, какъ внѣшній же фактъ, еще нуждающійся въ дальнѣйшемъ объясненіи,—желанія эти должны имѣть свои мотивы, мотивы эти, въ свою очередь, нуждаются въ объясненіи причинъ того, почему именно данные мотивы, а не какіе-либо иные, завладѣли душой человѣка именно въ наблюдаемую минуту и завладѣли притомъ сознательно или безсознательно (такъ какъ равно могло быть какъ то, такъ и другое). Авторъ, можетъ быть, возразитъ на это, что все это онъ принимаетъ во вниманіе, послѣдовательно анализируя сложные историческіе факты, отдѣльные человѣческіе поступки, желанія и побужденія людей и, наконецъ, мотивы. И дѣйствительно, сложные факты онъ сводитъ къ отдѣльнымъ поступкамъ, поступки къ лежащимъ въ основаніи ихъ желаніямъ и побужденіямъ, а эти послѣднія къ лежащимъ, въ свою очередь, въ ихъ основаніи мотивамъ, — но

здѣсь въ сущности онъ уже останавливается. Правда, онъ допускаетъ, что мотивы могутъ опредѣляться внѣшними вліяніями и обстоятельствами, но въ то же время прибавляетъ, что всѣ таковыя вліянія и обстоятельства подвергаются личностью внутренней переработкѣ, разница въ степеняхъ которой у отдѣльныхъ личностей опредѣляется различіемъ ихъ прирожденныхъ характеровъ. Прирожденный характеръ является для автора повидимому уже послѣднимъ, т. е. неразложимымъ далѣе факторомъ человѣческой дѣятельности, въ силу чего мы не встрѣчаемъ у него и истолкованія процесса внутренней переработки, которой личность подвергаетъ получаемыя ею впечатлѣнія. Изъ разницы въ степеняхъ этой внутренней переработки у г. Карѣева вытекаетъ идея градаціи человѣческихъ поступковъ по ихъ внѣшности и значенію, играющая существенную роль въ его опредѣленіи роли личности въ исторіи (op. cit. гл. VI и VII).

Съ нашей точки зрѣнія дѣло представляется иначе. Вопросъ совсѣмъ не въ разнообразіи побужденій отдѣльныхъ индивидуумовъ, а въ среднемъ ихъ направленіи и въ тѣхъ общихъ причинахъ, которыми обусловливается это среднее направленіе. Наука имѣетъ дѣло съ средними величинами, съ типами, а не съ индивидуальнымъ разноообразіемъ явленій; отсюда важно не то, что къ инициатору движенія разныя лица присоединяются по разнымъ причинамъ, а важно опредѣлить, почему за него высказывается большинство, почему его инициатива является благопріятной господствующимъ въ массѣ побужденіямъ. Мы знаемъ и помнимъ, что г. Карѣевъ не ограничивается изслѣдованіемъ одного прагматическаго процесса въ исторіи; дѣйствительно, онъ противопоставляетъ ему процессъ культурный, въ основаніи котораго лежитъ, по его же собственному признанію, идея эволюціи; онъ говоритъ далѣе о взаимодѣйствіи прагматизма и культуры. Но, мы думаемъ, что все это нимало не оправдываетъ стремленія его выдѣлить внѣшнюю связь событій, т.-е. ту связь, которая открывается только внѣшнимъ, видимымъ, кажущимся способомъ, — въ особую дисциплину.

Еще въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“ нашъ авторъ далъ такое опредѣленіе культуры. „*Культура общества*— читаемъ мы тамъ — *есть не что иное, какъ совокупность постоянно и единообразно повторяемыхъ его членами мыслей, поступковъ и отношеній* въ зависимости отъ психическаго взаимодѣйствія этихъ членовъ и отъ условій общежитія“ (l. c. II, 55). Итакъ, явленія культуры, по мнѣнію автора, обусловливаются—точно такъ же, какъ и факты прагматической исторіи—

психическимъ взаимодѣйствіемъ отдѣльныхъ лицъ. Въ разбираемомъ сочиненіи, а именно во второй книгѣ его, трактующей о „личности въ культурной исторіи“, мы находимъ полное согласіе съ этимъ взглядомъ на культуру. Такъ, на стр. 387-й, какъ бы въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ отмѣченной на первыхъ страницахъ сочиненія противоположностью между прагматизмомъ и культурою, сказано: „факты, совокупность коихъ составляетъ культурную въ широкомъ смыслѣ слова сторону исторіи, суть, какъ мы знаемъ, не историческія событія и движенія, т. е. не дѣйствія, не поступки людей, а такъ сказать, формы и образы матеріальной, духовной и общественной жизни и дѣятельности людей, *сводящіеся въ послѣднемъ анализѣ къ извѣстнымъ жизненнымъ привычкамъ и къ извѣстнымъ навыкамъ въ разнаго рода дѣятельностяхъ*. Задача культурной исторіи—представить свой научный матеріалъ въ такой системѣ, чтобы каждый могъ прослѣдить, какъ одни формы и образы людской жизни и дѣятельности возникли и переходили въ новые и новые, т.-е., въ сущности, какъ измѣнялись лежащіе въ основѣ этихъ формъ и образовъ привычки и навыки“. Но развѣ нельзя свести въ послѣднемъ анализѣ къ привычкамъ и навыкамъ также и факты прагматической исторіи? Гдѣ же будетъ тогда граница между культурою и прагматизмомъ? Съ другой стороны, анализируя процессъ культурной эволюціи, авторъ приходитъ къ заключенію, что—несмотря на общія условія, лежащія въ основаніи всякой эволюціи — формы культуры не могутъ измѣняться безъ творческой инициативы единицы или многихъ [1]). Оказывается такимъ образомъ, что какъ въ основаніи прагматической исторіи, такъ и въ основаніи культурной равно лежитъ дѣятельность личности, являющейся въ послѣднемъ анализѣ, съ точки зрѣнія нашего автора, единственнымъ факторомъ исторіи,—при чемъ и въ культурной исторіи роль отдѣльныхъ личностей подлежитъ извѣстной градаціи соотвѣтственно важности представляемыхъ ими характеровъ.

Выше было замѣчено между прочимъ, что, разбирая терминъ „прагматизмъ“ этимологически, г. Карѣевъ не подвергаетъ въ то же время таковому же анализу терминъ „культура“. Намъ кажется, что напрасно этого не сдѣлано. Слово культура происходитъ отъ латинскаго *colere*, что значитъ воздѣлывать, обрабатывать. Отсюда, въ наиболѣе точномъ значеніи, мы употреб-

---

[1]) См. гл. II и въ особенности гл. III второй книги „Сущности историческаго процесса“.

ляемъ это слово въ тѣхъ случаяхъ, когда говоримъ, напримѣръ, земледѣльческая культура, культура охотничьихъ или бродячихъ народовъ, интенсивная культура, экстенсивная культура и т. д. Другими словами, этимологически подъ культурою надо разумѣть прежде всего совокупность господствующихъ у даннаго народа и въ данную эпоху средствъ добыванія предметовъ первой необходимости, или, выражаясь иначе, господствующую у него систему производства, или же наконецъ—состояніе его житейской техники. Какъ извѣстно, изъ такого пониманія культуры выросла цѣлая историко-философская концепція, обыкновенно называемая въ настоящее время экономическимъ матеріализмомъ: согласно этой концепціи система производства представляетъ фундаментъ, надстройку надъ которымъ составляютъ всевозможныя формы быта—политическія, юридическія, религіозныя, нравственныя, равно какъ и идеи—научныя, художественныя и т. д.

V.

Мы думаемъ, что основная ошибка г. Карѣева состоитъ въ томъ, что онъ смѣшиваетъ чистую науку съ прикладной.

Раздѣленіе наукъ на чистыя и прикладныя, представляющее одну изъ наиболѣе цѣнныхъ заслугъ позитивной философіи, миритъ какъ нельзя лучше требованія строгой объективной науки съ стремленіемъ личности принять хотя какое-нибудь участіе въ общемъ ходѣ вещей путемъ сознательнаго содѣйствія осуществленію лично выработанныхъ ею идеаловъ и при посредствѣ ея личнаго творчества. Въ самомъ дѣлѣ, задача чистой науки состоитъ исключительно лишь въ томъ, чтобы отыскивать постоянства отношеній—сосуществующихъ и преемственныхъ—въ данной области явленій и ихъ выраженія въ соотвѣтствующей отрасли знаній. Сюда, въ сферѣ чистой науки, относятся лишь такія постоянства, которыя совершенно не зависятъ отъ человѣческой воли и которыя остаются неизмѣнными, несмотря ни на какую оцѣнку, дѣлаемую имъ человѣкомъ, и на какое бы то ни было его къ нимъ отношеніе. Что такія постоянства дѣйствительно существуютъ въ природѣ, а въ томъ числѣ и въ явленіяхъ человѣческаго общежитія — отрицать вѣроятно никто не рѣшится, такъ какъ, когда требуется построить какую-нибудь науку на субъективныхъ основаніяхъ, то такими основаніями служатъ обыкновенно отношенія совершенно иного рода, чѣмъ тѣ, о которыхъ сейчасъ идетъ рѣчь. Формула же этихъ послѣд-

нихъ, состоящая обыкновенно изъ условнаго предложенія, первая часть котораго начинается словомъ „если“, а вторая словомъ „то“, основана на возможности вычислить безошибочно всѣ тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ неуклонное наступленіе извѣстнаго событія. Разъ такая возможность, дѣйствительно, существуетъ, законъ считается найденнымъ вѣрно и точно; разъ же допускается возможность пропуска хотя бы одного только изъ необходимыхъ условій—не можетъ уже быть и рѣчи о научномъ законѣ, такъ какъ неизмѣнность отношеній въ такомъ случаѣ уже никоимъ образомъ не можетъ быть утверждаема. Отсюда понятно, что научный законъ долженъ быть всегда точно формулированъ и, главное, выраженъ въ точныхъ терминахъ, т. е. въ терминахъ, смыслъ и значеніе которыхъ строго опредѣлены; понятно далѣе, что научный законъ долженъ имѣть всегда форму общую, такъ чтобы конкретныя проявленія его могли включать частности, не имѣющія отношенія къ содержанію закона и конечно ему не противорѣчащія. Законъ не можетъ обнять всѣхъ частностей, но дѣло въ томъ, что частности эти и не важны, такъ какъ онѣ исчезаютъ въ общей экономіи жизни природы, взаимно нейтрализуясь дѣйствіемъ противоположныхъ силъ, ихъ производящихъ. Кромѣ того, научный законъ не можетъ не допускать въ своей формулировкѣ извѣстной доли искусственности, какъ это было показано Льюисомъ въ первомъ томѣ его „Вопросовъ о жизни и духѣ“, а именно — въ главѣ объ идеальномъ построеніи въ наукѣ: онъ показалъ тамъ, что сложная реальная дѣйствительность не можетъ представить ни одного изъ формулированныхъ наукою законовъ въ ихъ чистомъ видѣ, такъ какъ въ ней проявленіе одного закона обыкновенно сталкивается съ проявленіями другихъ законовъ, и въ результатѣ теченіе его всегда нѣсколько уклоняется отъ его объективнаго выраженія. Обстоятельство это не мѣшаетъ однако всѣмъ научно установленнымъ законамъ быть совершенно вѣрными. Дѣло въ томъ, что когда ученый формулируетъ законъ, онъ мысленно изолируетъ его отъ возможности столкновенія съ какими-либо другими законами; другими словами, онъ формулируетъ не то, какъ законъ проявляется въ дѣйствительности, а то, какъ онъ долженъ бы былъ проявляться, если бы дѣйствовалъ исключительно одинъ. На простомъ примѣрѣ нельзя было бы видѣть всей важности возмущеній, производимыхъ въ дѣйствіи одного закона (или, лучше сказать, въ его результатахъ) — дѣйствіемъ другихъ законовъ. Но въ примѣненіи къ условіямъ человѣческаго общежитія всѣ подобныя возмущенія получаютъ большое прак-

тическое значеніе, такъ какъ они отражаются въ реальной жизни отдѣльныхъ людей, отражаются на ихъ спокойствіи, счастьи, довольствѣ и т. д. При всемъ томъ однако и тутъ, если разсматривать проявленіе даннаго закона на большомъ протяженіи пространства и времени, всѣ эти возмущенія сглаживаются, и дѣйствіе закона выступаетъ во всей чистотѣ. Поэтому нигдѣ еще, быть можетъ, не сказывается съ такой яркостью все значеніе закона относительности, какъ именно при обнаруженіи закономѣрнаго теченія общественной жизни людей: если дѣйствительно важное для современниковъ, для настоящаго поколѣнія или для обитателей даннаго мѣста можетъ сглаживаться на значительномъ разстояніи въ пространствѣ и времени, и если сглаживаніе это дѣйствительно происходитъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ бóльшія количества пространства и времени берутся для сличенія, то ясно, что въ основаніе соціологическихъ законовъ нельзя класть субъективныхъ данныхъ, представляемыхъ чувствами и желаніями отдѣльныхъ индивидуумовъ.

Условія научнаго анализа и научнаго метода требуютъ строгаго отдѣленія чистыхъ наукъ отъ прикладныхъ — и требуютъ этого въ интересахъ какъ тѣхъ наукъ, такъ и другихъ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать основательности взглядовъ тѣхъ представителей позитивной философіи, которые проводили это раздѣленіе возможно дальше: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ точнѣе будутъ установлены опредѣленныя постоянства отношеній между тѣми или другими явленіями, тѣмъ легче должно быть пользованіе ими въ практическомъ отношеніи. Такъ оно и есть въ дѣйствительности: ученый, давая своимъ законамъ формулировку лишь общую и отвлеченную, и устраняя такимъ образомъ изъ этой формулировки все конкретное, частное и случайное, въ сущности только расчищаетъ почву для практическаго дѣятеля, только облегчаетъ ему выполненіе ставимыхъ имъ себѣ задачъ. Именно благодаря устраненію изъ формулы научнаго закона конкретныхъ формъ его проявленія въ реальной дѣйствительности имъ и не предрѣшается нимало будущее: имъ дается практическому дѣятелю только руководящая нить, дающая возможность разобраться въ сложной — до хаотическаго, на первый взглядъ, состоянія — дѣйствительности. Телескопъ не создаетъ новыхъ явленій природы, невидимыхъ съ даннаго разстоянія простымъ взглядомъ, равно какъ и микроскопъ не создаетъ новыхъ подробностей въ извѣстныхъ уже явленіяхъ; но оба они расширяютъ средства познанія природы человѣкомъ и увеличиваютъ для него возможность приспособлять ее къ своимъ потребностямъ, оба

снабжаютъ его цѣнными орудіями, значительно обогащающими его способности и силы. Къ таковой же роли орудія, и при этомъ орудія совершенно своеобразнаго, сводится и роль науки. Она какъ бы говоритъ человѣку: „если хочешь пользоваться моими услугами, то знай, что я не могу дать тебѣ большаго преимущества, чѣмъ то, которымъ пользуется зрячій передъ слѣпымъ. Съ моей помощью ты не будешь безпомощно толкаться изъ стороны въ сторону, а получишь возможность въ каждомъ данномъ случаѣ предвидѣть въ большей или меньшей степени будущее и, сообразно таковому предвидѣнію, направить свою дѣятельность. Но я могу тебѣ дать даже нѣчто еще большее: познакомивъ тебя съ дѣйствіемъ разныхъ силъ природы, я могу указать, въ какой степени для тебя доступно комбинированіе этихъ силъ по своему произволу, и какимъ образомъ, въ случаяхъ, когда подобная комбинація дѣйствительно возможна, ея достигнуть". Другими словами, наука не можетъ дать человѣку возможности принять участіе самому и по своему собственному произволу въ созданіи какого-либо новаго закона природы, но она можетъ научить его сознательно пользоваться существующими уже независимо отъ его воли законами и тѣмъ съ большимъ успѣхомъ удовлетворять своимъ потребностямъ.

Представители субъективной школы вѣроятно ничего не имѣли бы противъ такого опредѣленія задачъ науки въ сферѣ точныхъ знаній, но съ ограниченіемъ ея роли такими же скромными предѣлами и въ области обществознанія и изученія человѣческой дѣятельности вообще они врядъ ли когда помирятся. Въ виду того, что предметомъ обществознанія является самъ человѣкъ, они никакъ не могутъ допустить, чтобы его личное творчество въ этой сферѣ ограничивалось точно также лишь умѣньемъ примѣняться къ дѣйствію внѣ его творчества стоящихъ законовъ природы, какъ и въ сферѣ естественно-научныхъ знаній. Между тѣмъ въ сущности здѣсь нѣтъ никакой разницы: задача науки объ обществѣ состоитъ точно такъ же въ раскрытіи извѣстныхъ законовъ, какъ и задача науки о природѣ; но въ то время, какъ послѣдняя раскрываетъ частью наиболѣе общіе законы вещества (къ формамъ котораго формы людского общежитія относятся лишь какъ часть къ цѣлому), частью же законы, управляющіе такими спеціально формами, въ какія выливается вещество помимо формъ общежитія—первая раскрываетъ именно тѣ законы, которые управляютъ дѣйствіями человѣка въ сообществѣ съ себѣ подобными и слагающимися соотвѣтственно тому специфическими формами бытія. То обстоятельство, что человѣкъ

чувствуетъ себя существомъ, сознательно дѣйствующимъ, ни мало не мѣшаетъ какъ полной обусловленности каждаго изъ его поступковъ, такъ и строгой закономѣрности въ измѣненіи формъ общежитія: вся особенность въ этомъ отношеніи науки объ обществѣ состоитъ только въ томъ, что отмѣченныя нами обусловленность и закономѣрность раскрываются въ общественной жизни лишь на бо́льшихъ количествахъ пространства и времени. Здѣсь наука какъ бы обнаруживаетъ только опредѣленныя вѣхи, разставленныя на пути развитія человѣчества и представляющія собою для каждаго даннаго историческаго періода исходный и конечный пункты развитія и опредѣляющія его общій смыслъ и значеніе, при чемъ внутри этихъ границъ всегда можетъ найтись мѣсто и для личнаго творчества. Попробуемъ пояснить это примѣромъ: допустимъ, что наука открываетъ неизбѣжность смѣны существующихъ формъ общежитія совершенно другими, новыми формами; допустимъ, что неизбѣжность эта раскрывается ею изъ законовъ развитія или безпрерывнаго измѣненія формъ вещества; допустимъ, что грядущая перемѣна эта грозитъ человѣчеству въ случаѣ сопротивленія его ей извѣстными жертвами,—личности всегда найдется дѣло въ подготовкѣ неизбѣжной перемѣны, въ предупрежденіи, уменьшеніи, сокращеніи жертвъ, въ устраненіи безполезнаго сопротивленія, вообще—въ сообщеніи безболѣзненнаго характера перемѣнѣ, разъ она дѣйствительно неизбѣжна.

Такимъ образомъ въ вопросахъ общежитія личность человѣка какъ бы раздвояется. Съ точки зрѣнія чистой науки она представляетъ собою не болѣе какъ научный матеріалъ: каждый шагъ ея опредѣленъ извѣстными законами, неизмѣнно повторяющимися въ вѣчномъ круговоротѣ матеріи, хотя и одаренныхъ способностью постоянно проявляться все въ новыхъ и новыхъ формахъ, при чемъ задачею науки становится прослѣживаніе этихъ новыхъ формъ и обнаруженіе въ нихъ проявленія какого-нибудь общаго закона. Наоборотъ, съ точки зрѣнія прикладной науки онъ представляется способнымъ самъ управлять до нѣкоторой степени этими законами: онъ изыскиваетъ средства примѣниться къ нимъ, стремится устранить вредныя для него послѣдствія ихъ дѣйствія путемъ вызова въ свѣтъ такой комбинаціи силъ, при которой дѣйствіе даннаго закона представляло бы сравнительную выгоду лично ли для него, для извѣстной ли общественной группы, или же наконецъ для человѣчества во всемъ его цѣломъ. Правда, выгода эта конечно будетъ относительной, т.-е. ощутительной она будетъ только для самого дѣятеля лично, для его современниковъ, для ближайшаго поколѣнія, а на большомъ коли-

чествѣ времени несомнѣнно сгладится путемъ дѣйствія противоположныхъ силъ,—но ни одинъ практическій дѣятель и не можетъ желать бо́льшихъ результатовъ отъ своей дѣятельности, чѣмъ достиженія ощутительныхъ выгодъ для своихъ современниковъ.

На этомъ мы можемъ остановиться, такъ какъ дальнѣйшая критика взглядовъ г. Карѣева относилась бы уже не столько къ его методологическимъ пріемамъ, сколько къ обсужденію его теоріи по существу, чего мы въ виду не имѣли.

VI.

Повторимъ въ общихъ чертахъ полученные нами результаты.

Никакая сколько-нибудь широкая философская концепція— а таковой несомнѣнно является всякая попытка философскаго построенія исторіи—не можетъ быть построена на признаніи равномѣрнаго взаимодѣйствія разнообразныхъ силъ, такъ чтобы каждой изъ этихъ силъ придавалась равная и самостоятельная степень значенія, какъ это именно и представляется при первомъ поверхностномъ взглядѣ на дѣйствительность. Только извѣстное обобщающее начало, объединяющее эти силы и вносящее въ ихъ среду извѣстное соподчиненіе ихъ другъ другу, можетъ сообщить научный характеръ нашему пониманію даннаго круга явленій. Такимъ обобщающимъ началомъ не можетъ быть причинная зависимость, такъ какъ причинная зависимость указываетъ только на внѣшнія формы сцѣпленія явленій другъ съ другомъ, отнюдь не проливая свѣта на происхожденіе этой зависимости въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Нимало не отрицая опытнаго происхожденія самой идеи причинной зависимости, нельзя не признать однако, что въ своемъ развитомъ видѣ идея эта превращается въ одно изъ постоянныхъ свойствъ человѣческаго мышленія, такъ какъ внѣ причинной связи человѣкъ совершенно не можетъ мыслить научно или даже только раціонально. Очевидно такимъ образомъ, что обобщеніемъ, могущимъ лечь въ основаніе всякой истинно-широкой философской концепціи, можетъ быть лишь такое обобщеніе, которое относится къ свойствамъ матеріи, вообще—при матеріалистическомъ объясненіи міра, или же къ свойствамъ духа, какъ сверхъестественной сущности—при объясненіи спиритуалистическомъ. Оба объясненія имѣютъ метафизическій характеръ, но—если придерживаться терминологіи Льюиса—первое можетъ принять харак-

теръ метафизики эмпирической, тогда какъ второе не можетъ имѣть никакого иного характера, кромѣ метэмпирическаго, или сверхъопытнаго, апріорнаго. Отсюда слѣдуетъ, что, оставаясь на эмпирической почвѣ, необходимо остановиться на объясненіи перваго рода, заключающемся въ привлеченіи высшихъ обобщеній, даваемыхъ не одной какой-нибудь спеціальной отраслью знанія, изучающей тѣ или другія спеціальныя свойства матеріи, а цѣлымъ рядомъ ихъ—къ истолкованію свойствъ матеріи вообще.

Такъ возникаетъ идея эволюціи, именно принадлежащая къ числу обобщеній, проникающихъ все міропониманіе человѣка, а не относящихся исключительно лишь къ одной какой-либо спеціальной отрасли знанія. Таково же въ сущности происхожденіе и идеи причинной связи явленій, такъ какъ и эта идея не составляетъ принадлежности спеціальной науки, а представляетъ отличительную черту развитого человѣческаго мышленія вообще. Ясно такимъ образомъ, что обѣ эти идеи принадлежатъ къ числу обобщеній, получаемыхъ путемъ отвлеченія извѣстныхъ постоянствъ отношеній отъ ряда отдѣльныхъ наукъ, ихъ взаимнаго сопоставленія и приведенія къ высшему единству,—хотя между идеями этими есть и разница: идея причинности относится ко всѣмъ безъ исключенія и безъ какого-бы то ни было различія объектамъ мысли, идея же эволюціи—лишь къ свойствамъ матеріи, поскольку они могутъ быть нами постигнуты. На этомъ основаніи намъ пришлось остановиться на послѣдней идеѣ съ большей подробностью.

Съ точки зрѣнія эволюціи частицы матеріи безпрерывно видоизмѣняютъ свою группировку, безпрерывно являясь такимъ образомъ передъ нами все въ новыхъ и новыхъ формахъ, причемъ измѣненія эти происходятъ не случайно, а подчиняясь извѣстной закономѣрности, которую и стремится уловить и формулировать эволюціонная связь. Связь эта не сразу появилась въ той формѣ, въ какой мы ее знаемъ сейчасъ: ей предшествовалъ рядъ идеалистическихъ формулъ развитія, въ которыхъ сущностью, безпрерывно развивающеюся и обнаруживающеюся въ разнообразныхъ видимыхъ формахъ, представлялся духъ—и это вполнѣ понятно, такъ какъ мыслящій человѣкъ прежде всего замѣчаетъ измѣненія, происходящія въ его сознаніи, и только уже съ теченіемъ времени догадывается, что сознаніе само является продуктомъ измѣненій, происходящихъ внѣ его.

Какъ бы однако стара ни была идея развитія въ своихъ

первоначальныхъ несовершенныхъ попыткахъ [1]), несомнѣнно, что разница между ней и идеей причинности настолько важна, что ихъ нельзя класть въ равной степени основаніемъ историко-философскихъ концепцій, какъ сдѣлано у г. Карѣева. Онъ не мирится съ безличнымъ характеромъ эволюціи, и онъ не въ силахъ согласить съ нимъ особенно выросшія въ послѣднее время понятія личнаго достоинства, нравственной отвѣтственности, вообще человѣческаго самосознанія и обусловливаемой имъ свободы выбора между мотивами, ведущими человѣка къ совершенію того или другого поступка. Нельзя не видѣть однако, что противоположеніе между связями причинной и эволюціонной, которому г. Карѣевъ придаетъ такое важное значеніе, имѣетъ характеръ чисто словесный: причинная связь столько же свойственна личнымъ человѣческимъ поступкамъ, сколько и фактамъ безличной эволюціи, и, слѣдовательно, противополагать эволюцію причинности значитъ противополагать часть цѣлому.

Между тѣмъ, идея эволюціи отнюдь не лишаетъ всякаго значенія кажущіяся, на первый взглядъ, совершенно произвольными человѣческія дѣйствія: она это значеніе только ограничиваетъ, и ограниченіе это въ достаточно ясной степени выражается въ разницѣ между чистымъ и прикладнымъ видами науки. Въ то время какъ чистая наука формулируетъ неизмѣнныя постоянства отношеній какъ во всѣхъ сферахъ жизни природы, такъ и во всѣхъ родахъ и видахъ дѣятельности человѣка, при чемъ кажущійся на первый взглядъ произволъ человѣческихъ дѣйствій исчезаетъ на большихъ количествахъ времени и пространства—прикладная наука изыскиваетъ средства пользованія этими неизмѣнными постоянствами въ интересахъ человѣческой личности.

Въ этомъ приложеніи науки къ жизни съ особенной силой сказывается законъ относительности, царствующій во всей извѣстной намъ вселенной: и исторія, и ежедневный опытъ одинаково свидѣтельствуютъ, что личность можетъ пользоваться научными указаніями [2]), а стало-быть и сознательно стремиться къ извѣстной цѣли съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, съ результатами побѣды или пораженія—лишь для современнаго поколѣнія и въ лучшемъ случаѣ не болѣе какъ для извѣстнаго ряда слѣдующихъ затѣмъ поколѣній; на болѣе же продолжительномъ

---

[1]) Еще Гераклитъ сказалъ: πάντα ρεῖ.

[2]) Здѣсь терминъ „наука“ употребляется въ наиболѣе широкомъ смыслѣ его, и подъ научными указаніями слѣдуетъ понимать всякаго рода организованный опытъ вообще.

количествѣ времени роль ея рано или поздно неминуемо стушевывается, и становится ясно, что силы, вызвавшія ее на свѣтъ, съумѣли бы найти за ея отсутствіемъ и иныя орудія для своего проявленія. Нельзя не замѣтить по этому поводу, что всякій практическій дѣятель, если только онъ дѣйствительно горячо любитъ своихъ современниковъ, не можетъ и не долженъ быть обезкураженъ сознаніемъ этого обстоятельства, равно какъ представителю чистой теоріи приходится, наоборотъ, нерѣдко мириться съ мыслью, что дѣятельность его собственно для современниковъ пройдетъ безслѣдно, и что онъ лично ни въ какомъ случаѣ не пожнетъ плодовъ трудовъ своихъ.

Въ заключеніе будетъ не лишнимъ предупредить возможность еще одного недоразумѣнія. Всякій сколько-нибудь пытливый читатель научныхъ трактатовъ согласится, что въ смѣшеніи чистой науки съ прикладной грѣшатъ какъ соціологи-субъективисты, такъ и представители чистой теоріи, или ученые, стоящіе за строгій объективизмъ. Если первые вносятъ въ чистую науку объ обществѣ прикладной элементъ и, такъ сказать, стремятся субъективировать объективный по существу матеріалъ своей науки, то послѣдніе излагаютъ подчасъ въ объективной формѣ свои затаенныя чувства и желанія: они, слѣдовательно, наоборотъ, объективируютъ примѣшиваемый ими сознательно или безсознательно въ свою науку чисто субъективный матеріалъ. Примѣромъ можетъ служить хотя бы знаменитый Гербертъ Спенсеръ послѣдней своей книгой о справедливости, разочаровавшій даже наиболѣе горячихъ своихъ поклонниковъ въ своей способности судить безпристрастно. Понять эту непослѣдовательность теоретиковъ нетрудно, если сообразить ходъ научнаго развитія вплоть до самыхъ почти послѣднихъ дней: дѣло въ томъ, что всякая наука есть плоть отъ плоти и кость отъ костей той исторической общественной организаціи, въ теченіе которой она разрабатывалась, а существовавшее до сихъ поръ въ исторіи общество всегда слагалось изъ различныхъ слоевъ, сословій или классовъ, боровшихся за преобладаніе. При такой общественной дифференціаціи всякій ученый естественно долженъ былъ выходить точно также изъ какого-либо класса, и неудивительно, если происхожденіе его волей-неволей проскальзывало иной разъ въ его теоретическихъ построеніяхъ, которыя такимъ образомъ безсознательно для него самого стремились установить выгодныя перспективы будущаго для той общественной группы, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Только въ самое послѣднее время стало возможнымъ предвидѣть въ будущемъ организацію общества безъ вся-

кихъ общественныхъ перегородокъ или же съ перегородками настолько эластичными, что онѣ будутъ дозволять самое свободное и въ полномъ смыслѣ слова безпрерывное передвиженіе находящихся въ отдѣляемыхъ ими группахъ лицъ. Возможность такого предвидѣнія не можетъ не отразиться благодѣтельно на судьбахъ общественной науки.

Сергѣй Казанскій,
членъ-корреспондентъ
Московскаго Юридическаго Общества.

КЪ ВОПРОСУ О ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ФОРМАХЪ ОБЩИННАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

(По даннымъ новѣйшихъ сибирскихъ изслѣдованій).

Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, произведенныя въ Сибири, обогатили науку богатѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ по вопросу о формахъ общиннаго землевладѣнія вообще и объ его первоначальныхъ формахъ въ частности; они позволили изучить эти формы не только статически, но и динамически; они дали возможность не только изобразить цѣлый рядъ одновременно существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ формъ пользованія землею, но и показать, какимъ образомъ эти формы смѣняютъ одна другую, какимъ образомъ подъ вліяніемъ преимущественно прироста населенія и сокращенія земельнаго простора, первоначальныя, несовершенныя формы общиннаго землевладѣнія постепенно измѣняются, соотвѣтственно измѣняющимся экономическимъ условіямъ, и въ концѣ концовъ окончательно исчезаютъ, вытѣсняясь болѣе совершенными формами—душевымъ владѣніемъ съ передѣлами.

Понятна высокая научная важность такого рода изученія преемственной смѣны формъ землепользованія, изученія не по мертвымъ историческимъ документамъ, нерѣдко заключающимъ въ себѣ лишь отрывочныя указанія, а по живому матеріалу, собранному непосредственными наблюденіями; изученіе *современной* общины въ Сибири даетъ, въ значительной мѣрѣ, возможность возстановить первоначальную *исторію* ея развитія, поставленную внѣ вліянія тѣхъ случайныхъ причинъ, которыя въ исторіи нерѣдко могли совершенно замаскировать вліяніе основной причины,—измѣненій въ густотѣ населенія и въ степени обезпечен-

ности послѣдняго землей, дѣйствующихъ на фонѣ присущаго народу правосознанія.

Два года тому назадъ пишущимъ эти строки сдѣлана была на страницахъ „Вѣстника Европы", преимущественно на основаніи западно-сибирскаго и, главнымъ образомъ, лично собраннаго матеріала, дополненнаго данными по Иркутской губерніи, попытка охарактеризовать первоначальныя формы общиннаго землевладѣнія, предшествующія владѣнію душевому, и намѣтить процессъ ихъ перерожденія и исчезновенія [1]). Въ литературѣ вопроса эта попытка, какъ кажется, не встрѣтила серьезныхъ возраженій, а тѣ, которыя были сдѣланы, не могли убѣдить автора въ ошибочности его построенія [2]). Но полная повѣрка послѣдняго, способная возвести его въ степень прочнаго пріобрѣтенія науки, могла явиться лишь результатомъ другой, самостоятельной работы, сдѣланной, по возможности, другими лицами и на основаніи другого фактическаго матеріала. Нынѣ такая провѣрка становится возможною: вышла въ свѣтъ обстоятельная работа о формахъ землепользованія въ Енисейской губерніи, составляющая часть превосходнаго коллективнаго труда „Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній" и принадлежащая перу завѣдовавшаго разработкой всего матеріала по Енисейской губерніи, М. М. Дубенскаго.

Съ содержаніемъ и главнѣйшими выводами этой работы я и намѣренъ познакомить читателей; но чтобы облегчить сопоставленіе этихъ выводовъ съ построеніемъ, намѣченнымъ мною два года тому назадъ, не лишнее будетъ въ общихъ чертахъ напомнить предложенную мною классификацію формъ землепользованія и схему ихъ постепеннаго развитія.

Первоначальною формою землевладѣнія является форма, которую я обозначилъ названіемъ *заимочнаго* владѣнія, первоначальнымъ видомъ отношеній человѣка къ землѣ—*заимочное право*. Совокупность правъ, принадлежащихъ займщику, повидимому, совершенно совпадаетъ съ тою совокупностью правомочій, изъ которой слагается право собственности: разъ захвативъ землю, заимщикъ считаетъ себя ея полновластнымъ хозяиномъ; въ силу своего исключительнаго права *владѣнія* землею, ограждаемаго авторитетомъ міра и волостного суда, а если понадобится, то

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1893 г., іюнь, ст. „Застывшая исторія общины".

[2]) Здѣсь имѣются въ виду, главнымъ образомъ, возраженія г. Осипова въ XXI выпускѣ „Матеріаловъ для изученія быта государственныхъ крестьянъ въ Западной Сибири", см. Русск. Богат. 1894 г. Май.

и насиліемъ, онъ не допускаетъ никого распахивать или косить входящую въ сферу его „заимки" землю, хотя-бы самъ, въ данную минуту, и не обработывалъ той или другой ея части; права заимщика въ смыслѣ *пользованія* землей неограничены: онъ можетъ засѣвать любую часть своей заимки въ любомъ сѣвообротѣ, можетъ косить, загородить ее въ поскотину, застроить или оставить безъ всякаго употребленія, завися въ этомъ исключительно отъ своихъ собственныхъ хозяйственныхъ соображеній; въ силу принадлежащаго ему права *распоряженія* землей, онъ можетъ, не спрашиваясь никого, продавать и сдавать ее въ аренду, дарить ее, завѣщать и вообще передавать по наслѣдству, согласно правиламъ мѣстнаго обычнаго права. Таковы *проявленія* заимочнаго права; въ чемъ же, спрашивается, его *основанія?* Прежде всего—въ правѣ *перваго захвата* „ничьей", „Божьей" земли: заимщикъ *первый* нашелъ данное удобное для культуры мѣсто, а потому именно онъ, а не кто-либо иной, имѣетъ на нее право хозяина; другое основаніе заимочнаго права—право *труда*, затраченнаго на приведеніе земли въ культурное состояніе, третье, хотя и второстепенной важности, — право *давности*, съ точки зрѣнія крестьянской общины основанное, съ одной стороны, на томъ соображеніи, что давность безспорнаго владѣнія является доказательствомъ согласія общины на такое владѣніе, съ другой на томъ, что безспорность продолжительнаго владѣнія доказываетъ его правильность.

Изъ сказаннаго видно, что заимочная форма владѣнія, — какъ она охарактеризовалась на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ въ Западной Сибири и въ Иркутской губерніи,—и по проявленіямъ своимъ, и по основаніямъ, представляетъ много сходства съ владѣніемъ, основаннымъ на правѣ собственности, съ владѣніемъ подворнымъ; но это сходство — чисто наружное: при подворномъ владѣніи каждому двору принадлежитъ полное, юридическое право собственности на состоящій въ его пользованіе клочекъ земли; община, какъ единица владѣнія землей, фактически не существуетъ, а представляетъ собой не болѣе, какъ агломератъ отдѣльныхъ владѣющихъ землей собственниковъ. Совсѣмъ другое при заимочномъ владѣніи: съ одной стороны, болѣе или менѣе значительная часть угодій во всякой общинѣ остается внѣ заимокъ, въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ общественниковъ; таковы, прежде всего, общинные лѣса, деревенская поскотина, а также невошедшіе въ сферу притяженія отдѣльныхъ заимокъ дальніе выгоны; затѣмъ, во многихъ общинахъ,—всѣ или большинство покосовъ, именно такіе покосы,

которые не требовали предварительной расчистки, пользованіе которыми не связано, слѣдовательно, съ предварительною затратою труда и по отношенію къ которымъ, поэтому, заимочное владѣніе лишается своей главной опоры. Съ другой стороны—и это гораздо важнѣе—община ни на минуту не забываетъ о томъ, что *она* есть верховный распорядитель и распредѣлитель земли; какъ въ своемъ коллективномъ сознаніи, такъ и въ сознаніи каждаго отдѣльнаго общинника, она есть собственникъ всей, хотя-бы и вошедшей въ составъ какой-либо заимки земли; она только потому предоставляетъ отдѣльному общиннику неограниченную свободу захвата земли, что *не имѣетъ надобности* вмѣшиваться въ ея распредѣленіе между домохозяйствами.

Заимочное владѣніе съ общимъ пользованіемъ нѣкоторыми угодьями характеризуется, на основаніи сказаннаго, какъ та *первоначальная форма владѣнія*, тотъ *зародышъ*, который возникалъ во вновь заселяемой странѣ, при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи и почти безграничномъ земельномъ просторѣ: какъ въ зародышѣ, въ заимочной формѣ есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владѣнію; какъ изъ зародыша, изъ нея съ теченіемъ времени можетъ развиться и чисто общинное, и, при наличности нѣкоторыхъ условій, искусственно задерживающихъ нормальный процессъ развитія,—чисто подворное владѣніе. Кажущееся противорѣчіе между верховнымъ правомъ общины и фактическою неограниченностью правъ отдѣльныхъ общинниковъ разрѣшается весьма легко,—ключъ для разрѣшенія его лежитъ въ томъ крайнемъ изобиліи земли, при которомъ только и возможно существованіе заимочной формы владѣнія: „права общины, какъ цѣлаго, на заимочныя земли несомнѣнно существуютъ; но они до поры до времени ни въ чемъ не проявляются, находятся какъ-бы въ скрытомъ состояніи; община предоставляетъ своимъ членамъ неограниченную свободу „занимать“ землю, влагать въ нее свой трудъ и тѣмъ самымъ присваивать ее въ свое исключительное пользованіе; она допускаетъ такое свободное завладѣніе потому, что земли для всѣхъ хватаетъ, и слѣдовательно неограниченный захватъ каждаго отдѣльнаго общинника свободно мирится съ такимъ-же захватомъ каждаго другого; община, словомъ, не вмѣшивается въ земельныя отношенія не потому, чтобъ она не имѣла на то права, а потому, что не *видитъ въ этомъ надобности*.

Пока земли много, заимочное владѣніе остается незыблемымъ, потому что каждый общинникъ имѣетъ равную возможность, если не фактическую, то правовую—осуществить свое право на

пользованіе землей. Но когда на мѣсто прежняго простора является хотя-бы и относительное „утѣсненіе“, когда всѣ лучшія урочища оказываются захваченными, а прибылому населенію „некуда поشириться“, тогда заимочное владѣніе должно пошатнуться и уступить свое мѣсто другимъ формамъ, которыя болѣе соотвѣтствовали-бы измѣнившимся условіямъ и интересамъ большинства.

Переходный процессъ начинается, обыкновенно, съ какого-либо одного вида угодій, часто даже съ какой-либо одной ихъ разновидности. Послѣдовательность обусловливается, прежде всего, степенью недостатка въ того или иного рода угодьяхъ, а слѣдовательно и высокою цѣнностью ихъ; но затѣмъ существенное значеніе имѣетъ здѣсь и трудовое начало: разница въ трудности расчистки того или другого рода угодій, а отсюда въ продолжительности времени, нужнаго для того, чтобъ могъ оплатиться затраченный на расчистку трудъ, является вторымъ факторомъ, опредѣляющимъ ту послѣдовательность, въ которой происходитъ, по отношенію къ разнымъ видамъ угодій, переходъ отъ заимочной къ другимъ формамъ землепользованія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по даннымъ западно-сибирскихъ и Иркутскихъ изслѣдованій, вліяніе обоихъ факторовъ дѣйствуетъ въ одномъ направленіи и ведетъ къ тому, что по отношенію къ покосамъ заимочное владѣніе исчезаетъ ранѣе, нежели по отношенію къ пашнямъ; изъ двухъ основныхъ разновидностей сѣнокосныхъ угодій оно дольше держится по отношенію къ лѣснымъ покосамъ, нежели по отношенію къ поёмнымъ лугамъ.

Процессъ постепеннаго исчезновенія заимочной формы сводится по отношенію къ пахатнымъ землямъ къ тому, что *право перваго захвата, первоначально доминирующее надъ трудовымъ началомъ, мало-по-малу отходитъ на второй планъ и уступаетъ первенствующее мѣсто трудовому принципу*. При господствѣ заимочной формы простой захватъ, простой *фактъ завладѣнія*, создаетъ уже исключительное право на занятую землю: разъ кто-либо, въ знакъ завладѣнія, сдѣлалъ зарубки на нѣкоторыхъ изъ растущихъ на какой-либо полосѣ деревьевъ, „зачертилъ“ ихъ, то такой „чертежъ“ можетъ простоять безъ дальнѣйшей разработки десятки лѣтъ, и никто, кромѣ зачертившаго деревья, не имѣетъ права приступить къ его расчисткѣ; съ другой стороны, и пашни, заброшенныя для отдыха,—залежи, сколько бы лѣтъ онѣ ни лежали, остаются въ исключительномъ владѣніи заимочника, который одинъ имѣетъ право и вновь распахать залежь, когда найдетъ это для себя выгоднымъ, и косить растущую на залежи траву.

На этихъ-то пунктахъ и начинается, разъ наступило „утѣсненіе“, ограниченіе правъ владѣльцевъ-заимочниковъ: съ одной стороны устанавляются все болѣе короткіе сроки, по истеченіи которыхъ „чертежъ“, не расчищенный заимочникомъ, становится общимъ достояніемъ и можетъ быть расчищенъ и распаханъ всякимъ желающимъ; съ другой стороны, отъ заимочниковъ отходитъ исключительное право кошенія растущей на залежахъ травы, которая также становится общимъ достояніемъ, наконецъ постепенно ограничивается исключительное право на распашку отдохнувшихъ залежей: сначала это право ограничивается болѣе или менѣе продолжительнымъ, 15—20 лѣтнимъ срокомъ; затѣмъ, мало-по-малу, срокъ этотъ сокращается, и община постепенно приходитъ къ полному отрицанію исключительнаго права на залежи: хозяинъ, забросившій свою пашню, предполагается уже вознаградившимъ себя за затраченный трудъ, и потому заброшенная земля сразу становится всеобщимъ достояніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ община, мало-по-малу, ограничиваетъ заимочника и въ правѣ *распоряженія* заимочной землей,—и въ результатѣ всѣхъ этихъ ограниченій заимочная форма владѣнія, болѣе или менѣе медленно и постепенно, разрушается и переходитъ въ другую форму, которую пишущій эти строки попытался обозначить названіемъ *вольнаго пользованія*. Эта форма, въ отличіе отъ заимочной, основана *на принципѣ труда безъ комбинаціи съ принципами захвата и давности:* при заимочномъ владѣніи захваченная земля становится достояніемъ захватившаго, хотя-бы онъ вовсе не начиналъ вкладывать въ нее своего труда; при вольномъ пользованіи право на землю пріобрѣтается не съ момента захвата, а лишь съ того момента, когда началось приложеніе къ ней труда и лишь по отношенію къ той именно площади, къ которой трудъ, въ данный мементъ, уже приложенъ. „При господствѣ заимочной формы общинникъ, вложившій свой трудъ въ землю, или хотя-бы только захватившій ее, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ *вѣчное* право владѣнія этою землею; при вольномъ пользованіи общинникъ имѣетъ право на землю лишь до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ прилагать къ ней свой трудъ; какъ только онъ „выпуститъ землю изъ рукъ“, она опять становится общественнымъ достояніемъ, и каждому общиннику предоставляется, буде онъ пожелаетъ и найдетъ выгоднымъ, стать къ ней въ тѣ-же, чисто трудовыя отношенія“. Процессъ перехода отъ заимочнаго владѣнія къ вольному пользованію происходитъ не безъ сильнаго сопротивленія со стороны богатѣевъ-заимщиковъ; отсюда—тѣ любопытные случаи, когда заимки, теоретически уже

не признаваемыя общиной, фактически продолжаютъ существовать, къ великому неудовольствію беднейшей части населенія; отсюда существующій въ некоторыхъ местностяхъ двойственный порядокъ пользованія землей: съ одной стороны „богатеи“ удерживаютъ въ своемъ исключительномъ владеніи обширныя заимки, съ другой—бóльшая часть общинной земли, занятая запашками бедныхъ и среднесостоятельныхъ крестьянъ, и фактически вышла изъ-подъ господства заимочнаго начала, и состоитъ въ вольномъ пользованіи.

Но и самовольное пользованіе—явленіе, не более какъ переходнаго характера, — и въ Западной Сибири уже сделалъ большіе успехи процессъ вытесненія этой формы душевою формою пользованія, связанною съ переделами.

Переходъ къ душевой форме становится неизбежнымъ въ каждой данной общине тогда, когда подъ действительную распашку попадутъ все доброкачественныя и легко доступныя для культуры площади, когда, следовательно, свободными останутся лишь земли съ плохой почвой, истощенныя или требующія для расчистки большихъ затратъ труда, и такимъ образомъ для дворовъ, нуждающихся въ заведеніи вновь или расширеніи запашки, не останется свободнаго земельнаго фонда. Где переходъ отъ вольнаго пользованія къ душевому происходитъ независимо отъ какихъ-либо внешнихъ вліяній или толчковъ, въ силу, такъ сказать, естественно-исторической необходимости, онъ также совершается медленно и постепенно: дело начинается съ отдельныхъ случаевъ отрезки земли отъ техъ хозяевъ, которые „держатъ“ ея, по мненію общины, слишкомъ много. Вначале отрезки делаются „глазомерно“; оне начинаются обыкновенно съ единичныхъ, более или мене нерешительныхъ попытокъ: отрезываютъ землю отъ наиболее крупныхъ заимщиковъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ явно-чрезмерное количество земли; постепенно отрезки учащаются и начинаютъ сглаживать и мене бросающіяся въ глаза неравномерности; лежащее въ основаніи вольной формы пользованія право отдельныхъ лицъ, такимъ образомъ, совершенно отступаетъ на задній планъ, и на сцену выступаетъ исключительное право общины; вместе съ темъ отрезки становятся технически более совершенными: вместо первоначальныхъ „глазомерныхъ“ отводовъ, прибылыя души начинаютъ наделяться определеннымъ числомъ десятинъ, малоземельнымъ добавляютъ, по ихъ ходатайствамъ, недостающее до этой нормы количество земли, и къ той-же норме подгоняютъ. путемъ хотя и глазомерныхъ отрезокъ, землепользованіе захва-

тившихъ много земли домохозяевъ. Когда, такимъ образомъ, окажутся устраненными всѣ сколько-нибудь замѣтныя неравномѣрности въ распредѣленіи земли между общинниками, тогда производство правильнаго общаго передѣла является уже только вопросомъ времени, такъ какъ передѣлъ, не внося ничего новаго по существу, является только болѣе совершеннымъ пріемомъ для достиженія той-же цѣли, которая въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ достигнута уже дѣйствіемъ системы постепенныхъ отрѣзокъ. По отношенію къ сѣнокоснымъ угодіямъ процессъ перехода отъ заимочнаго къ душевому пользованію происходилъ и происходитъ различными путями; мѣстами переходъ этотъ совершается непосредственно, безъ какой-либо промежуточной формы, тѣмъ-же самымъ путемъ постепенныхъ отрѣзокъ, сущность котораго была только что охарактеризована по отношенію къ пахатнымъ землямъ. Въ другихъ мѣстностяхъ онъ совершается чрезъ промежуточную ступень ежегоднаго вольнаго захвата; при этомъ сначала, пока покосовъ еще сравнительно много, существуетъ обычай такъ называемаго „закоса": въ назначенный общиною день каждому общиннику предоставляется „окосить" кругомъ такое пространство, какое онъ, со своими семейными и наемными работниками, можетъ обойти съ косою въ теченіе дня,—и окошенное пространство на данное лѣто поступаетъ въ исключительное распоряженіе окосившаго; затѣмъ исчезаетъ и право „закоса", и установляется порядокъ, подходящій подъ чистый видъ вольнаго пользованія: каждый коситъ, гдѣ ему угодно, не имѣя права помѣшать кому-бы то ни было косить въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ собой. Переходъ отъ вольнаго порядка пользованія къ душевому совершается, въ свою очередь, чрезъ рядъ столь незамѣтныхъ ступеней, что точно опредѣлить моментъ исчезновенія перваго и водворенія послѣдняго—совершенно невозможно. Начинается дѣло съ того, что общинники, чтобъ не терять времени на поиски свободныхъ мѣстъ, начинаютъ уговариваться, кому куда ѣхать косить; если, затѣмъ, нѣсколько человѣкъ сошлись на одномъ урочищѣ, то опять-таки уговариваются: одному косить одинъ, другому—другой уголъ. На дальнѣйшей ступени всѣ общинники въ опредѣленный день выѣзжаютъ для осмотра покосовъ; каждый намѣчаетъ себѣ мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ косить, и сообщаетъ объ этомъ остальнымъ; если кому при такой разбивкѣ достанется слишкомъ мало, то „общество" дѣлаетъ ему прирѣзку отъ сосѣдей. Очевидно, что разница между такимъ порядкомъ разбивки покосовъ и настоящимъ передѣломъ, по существу, уже совер-

шенно ничтожна, и слѣдующею ступенью является уже переходъ къ формальному передѣлу однимъ изъ выработанныхъ сибирскою общиною оригинальныхъ способовъ, основанныхъ не на объективномъ пространственномъ равенствѣ, а на качественной, субъективной равноцѣнности душевыхъ надѣловъ.

Таковы главнѣйшія черты исторіи развитія земельныхъ порядковъ сибирской общины, намѣченныя пишущимъ эти строки на основаніи опубликованнаго до 1892 года по тремъ сибирскимъ губерніямъ матеріала. Передъ нами намѣчаются три типичныя формы землепользованія, чрезъ которыя, рядомъ постепенныхъ переходовъ, проходитъ сибирская община: форму *заимочную*, гдѣ право на землю создается преимущественно моментомъ *завладѣнія*, *захвата*; форму *„вольную"*, гдѣ правотворящимъ элементомъ является исключительно *трудъ*, и какъ вѣнецъ развитія — *общинно-уравнительную* форму съ передѣлами. „Смыслъ этихъ фактовъ, — такъ заключали мы два года тому назадъ свое изложеніе, — вполнѣ ясенъ; они показываютъ, что землевладѣніе сибирскихъ крестьянъ, облекаясь при первоначальномъ заселеніи края и въ эпоху его рѣдкой заселенности въ форму, въ которой дѣйствіе общиннаго начала по отношенію къ большинству угодій совершенно замаскировано дѣйствіемъ начала личнаго и въ частности — принциповъ захватнаго и трудового, затѣмъ, по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора, само собой, безъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, путемъ долгаго, постепеннаго процесса переходитъ въ такія формы, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала".

Совершенно такъ-же, по существу дѣла, резюмируетъ сущность процесса развитія общинныхъ порядковъ изслѣдователь Енисейской общины, г. Дубенскій, къ работѣ котораго мы теперь и переходимъ. „Неопредѣленность объекта владѣнія, — говоритъ г. Дубенскій, — какъ прямое послѣдствіе широкаго земельнаго простора, влечетъ за собой признаніе полной свободы въ землепользованіи отдѣльныхъ лицъ, а то обстоятельство, что субъектомъ владѣнія является не отдѣльное лицо, а общество, стѣсняетъ эту свободу, смотря по обстоятельствамъ, въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ. *Борьба этихъ двухъ началъ — личнаго и общиннаго — наблюдается въ изучаемомъ краѣ повсемѣстно*; *мѣстами она едва только началась, мѣстами она почти совершенно завершилась*, обыкновенно — торжествомъ общины; по отношенію къ нѣкоторымъ угодьямъ для предсказанья исхода этой борьбы нѣтъ еще никакихъ вполнѣ вѣроятныхъ данныхъ, по

отношенію къ другимъ — не можетъ быть въ томъ или иномъ исходѣ никакого сомнѣнія" [1]).

Субъектомъ владѣнія является, такимъ образомъ, общество; но ставя это основное положеніе, г. Дубенскій дѣлаетъ весьма важную оговорку: онъ указываетъ на то, что относящіяся къ мѣстному землевладѣнію нормы обычнаго права изучаются имъ только *какъ фактъ*, безъ всякаго отношенія къ вопросу о соотвѣтствіи ихъ *писанному закону*. На основаніи этого послѣдняго,—говоритъ онъ далѣе,—въ Восточной Сибири права сельскаго населенія на занятыя имъ земли исчерпываются правомъ владѣнія и пользованія; распоряжаться же этими землями можетъ только казна, которая и является по закону ихъ исключительнымъ собственникомъ. Но мѣстное населеніе, осуществляя свое право владѣнія и пользованія, почти всегда расширяетъ его до права распоряженія, и хотя всѣ вытекающія изъ проявленія послѣдняго правоотношенія юридически должны быть признаны ничтожными, но фактически, опираясь на обычай, они играютъ въ вопросѣ о формахъ землевладѣнія нисколько не меньшую роль, чѣмъ тѣ, которыя возникаютъ на почвѣ строгаго закона". „Взглядъ населенія,—читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ,—что сельское общество, въ качествѣ общепризнаннаго обычаемъ субъекта землевладѣнія, можетъ владѣемыми землями тоже неограниченно распоряжаться, какъ и вообще всякій частный собственникъ, является распространеннымъ почти повсемѣстно" [2]).

Каждому фазису той борьбы личнаго начала съ общиннымъ, которая наполняетъ собой земельную жизнь населенія Енисейской губерніи, соотвѣтствуетъ опредѣленная форма пользованія землей. Г. Дубенскій классифицируетъ эти формы слѣдующимъ образомъ:

1) Форма *свободная* или *вольная*, существующая „по отно-

---

[1]) Матер. для изслѣд. землепольз. и т. д. Ирк. и Енис. губ. т. IV, вып. 3, стр. 141.

[2]) Тамъ же, стр. 135 и 137. Мы дѣлаемъ эти выписки in extenso отчасти потому, что онѣ отвѣчаютъ на упрекъ, сдѣланный намъ „Московскими вѣдомостями" (№ 269, 1893 г.), по поводу статьи: „Застывшая исторія общины"; „Московскія вѣдомости", утверждали, будто мы, признавая „верховныя права общины", отрицаемъ верховныя права на землю государства. Мы, конечно, и не думали ихъ отрицать; мы отлично знаемъ—не хуже автора статьи „Московскихъ Вѣдомостей", г. Семенковича,—что земля въ Сибири принадлежитъ государству; но мы занимались, какъ и г. Дубенскій, не разборомъ неподлежащихъ сомнѣнію *правъ* на землю, а характеристикой обычно-правовыхъ представленій и земельныхъ распорядковъ сибирскаго населенія. Особо оговаривать такую, само по себѣ, ясную вещь, намъ казалось излишнимъ.

шенію къ тѣмъ угодьямъ, которыя имѣются въ количествѣ настолько достаточномъ, что не можетъ быть и рѣчи о необходимости какихъ-бы то ни было ограниченій въ совершенно свободномъ пользованіи ими, и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, для эксплуатаціи своей, не требуютъ никакихъ подготовительныхъ затратъ труда". Къ такимъ угодьямъ относятся чаще всего лѣса, затѣмъ пастбища и лишь сравнительно рѣдко—покосы.

2) Подъ *захватно-родовымъ* владѣніемъ г. Дубенскій разумѣетъ такую форму, „когда, во 1-хъ, источникомъ возникновенія владѣнія является захватъ (завладѣніе, „займка"), а во 2-хъ, единицей, къ которой оно пріурочивается, или, правильнѣе, субъектомъ его—родъ, не въ томъ, однако, смыслѣ, что данной землей владѣютъ сообща всѣ сородичи, а въ томъ, что владѣніе, возникшее изъ захвата, передается затѣмъ по наслѣдству, изъ рода въ родъ". Эта форма владѣнія,—сущность которой ближе выяснится, впрочемъ, лишь изъ дальнѣйшаго изложенія,—возникаетъ преимущественно по отношенію къ усадебнымъ землямъ и къ пашнямъ.

3) *Подворно-наслѣдственное* владѣніе, по содержанію своему, вполнѣ аналогично захватно-родовому, существенно отличаясь отъ него „въ самомъ титулѣ или основаніи завладѣнія: въ первомъ случаѣ имъ является захватъ, во второмъ—наслѣдованіе; конечно, захватъ далеко не даетъ владѣнію такой прочной санкціи, какъ наслѣдованіе..., въ качествѣ его коренного юридическаго основанія. Наконецъ, подворно-наслѣдственная форма представляется формой законченной и настолько окрѣпшей, что переходъ отъ нея къ какому-либо иному виду владѣнія не можетъ осуществиться безъ болѣе или менѣе рѣшительнаго и рѣзко выраженнаго переворота, между тѣмъ какъ форма захватно-родовая является лишь переходною",—и самый переходъ отъ нея къ любому виду владѣнія, не исключая общиннаго съ передѣлами, можетъ осуществиться быстро и легко.

4) *Захватно-общинная* форма, развивающаяся, по отношенію къ пашнямъ, изъ захватно-родовой, есть такая, „когда индивидуальное пользованіе хотя и возникаетъ также путемъ захвата, но юридическимъ субъектомъ владѣнія является уже не родъ или отдѣльное хозяйство, а все сельское общество. Переходъ на первыхъ же порахъ обнаруживается тѣмъ, что исключительное и безусловное право перваго займщика на данный участокъ земли можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, нарушено, и участокъ можетъ быть освоенъ кѣмъ-либо изъ другихъ членовъ общины"; такое нарушеніе права займки проявляется прежде всего по

отношенію къ тѣмъ изъ захваченныхъ земель, которыя фактически остаются безъ обработки: „характернѣйшимъ признакомъ, знаменующимъ переходъ захватно-родовой формы въ захватно-общинную, служитъ то обстоятельство, что обычно-правовымъ титуломъ индивидуальнаго владѣнія является уже не захватъ, а фактическое, непосредственное пользованіе. Захватъ утрачиваетъ при захватно-общинной формѣ всякое самостоятельное значеніе и является лишь моментомъ, сопутствующимъ, или, правильнѣе, нѣсколько предшествующимъ приложенію къ данному участку труда по его эксплуатаціи. Естественно, что при такомъ значеніи захвата владѣніе, съ прекращеніемъ фактическаго пользованія, также должно прекратиться, и участокъ вновь становится свободнымъ для захвата любого изъ однообщественниковъ".

5) *Общинно-уравнительная* или *уравнительная душевая* форма владѣнія—терминъ, не требующій никакихъ объясненій [1]).

Едва-ли нужно подчеркивать тѣ пункты, въ которыхъ эта классификація совпадаетъ съ классификаціей формъ землепользованія, набросанной мною въ предъидущемъ изложеніи на основаніи, преимущественно, западно-сибирскаго матерьяла: захватно-родовая, захватно-общинная форма,—это тѣ-же, которыя выше обозначены были названіями заимочной и вольной формы пользованія. Различіе между двумя классификаціями оказывается, прежде всего, въ терминологіи, но затѣмъ—и въ болѣе существенномъ: къ намѣченнымъ пишущимъ эти строки двумъ формамъ, предшествующимъ формѣ общинно-уравнительной, г. Дубенскій присоединяетъ еще третью форму, *вольную* или *свободную*, возникающую при крайнемъ земельномъ просторѣ по отношенію къ угодьямъ, не требующимъ для эксплуатаціи предварительной затраты труда. Въ проявленіяхъ своихъ эта форма представляетъ полное сходство съ тою формою, которую мы называли вольною, а г. Дубенскій—„захватно-общинною;" „но внутреннее содержаніе ихъ,—говоритъ г. Дубенскій,—существенно различно": „въ то время, когда одна наблюдается при полномъ, неограниченномъ просторѣ въ земельныхъ угодьяхъ, когда на одинъ участокъ не бываетъ даже и двухъ претендентовъ, другая возникаетъ только тогда, если земельный просторъ уже болѣе или менѣе ощутительно сократился, когда воспользоваться каждымъ освободившимся отъ эксплуатаціи участкомъ немедленно же находится нѣсколько желающихъ". Изъ предыдущаго видно, что и въ Западной Сибири существуютъ, при крайнемъ многоземельѣ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 141—144.

по отношенію къ нетребующимъ подготовительныхъ затратъ труда угодьямъ, порядки пользованія, вполнѣ сходные съ „вольною“ формой г. Дубенскаго, но я не выдѣлялъ ихъ,—какъ дѣлаетъ г. Дубенскій,—въ особый типъ, отличный отъ типа „захватно-общиннаго“ по своимъ основаніямъ, отъ „захватно-родового“—по своимъ проявленіямъ. Основанія для такого выдѣленія нельзя не признать, кажется мнѣ, вполнѣ достаточными: „вольная“ форма (слѣдуя терминологіи г. Дубенскаго)—результатъ обусловленнаго многоземельемъ отсутствія какихъ бы то ни было столкновеній между интересами отдѣльныхъ общинниковъ; „захватно-общинная“—результатъ вызванной постоянными столкновеніями этихъ интересовъ регулирующей дѣятельности общины,—и такимъ образомъ эти двѣ формы, дѣйствительно, должны быть признаны существенно отличными другъ отъ друга. Едва-ли возможно, однако, согласиться съ другимъ положеніемъ, которое г. Дубенскій выставляетъ относительно „вольной“ формы пользованія: эта форма, по его мнѣнію, *предшествуетъ* „захватно-родовому“ владѣнію и, при сокращеніи земельнаго простора, уступаетъ мѣсто этому послѣднему [1]). Приводимыя въ „Матерьялахъ“ фактическія данныя не содержатъ никакихъ указаній, которыя подтверждали бы справедливость этой мысли; напротивъ, они ее скорѣй опровергаютъ: „вольная“ форма,—говоритъ г. Дубенскій,—существуетъ по отношенію къ лѣсамъ, пастбищамъ и лишь изрѣдка—покосамъ, „захватно-родовая“—по отношенію къ усадьбамъ и пашнямъ [2]); первая, слѣдовательно,—по отношенію къ угодьямъ, не требующимъ подготовительной затраты труда, вторая—къ угодьямъ, требующимъ, напротивъ, наиболѣе интенсивнаго приложенія этого послѣдняго; трудно себѣ представить, при такихъ условіяхъ, возможность перехода отъ одной изъ нихъ къ другой. Вѣрнѣе будетъ признать эти двѣ формы *одновременно* существующими, при большомъ земельномъ просторѣ, по отношенію къ различнымъ категоріямъ общинныхъ угодій.

Перейдемъ теперь къ различіямъ въ терминологіи. Взамѣнъ предложенныхъ пишущимъ эти строки терминовъ „займочное“ и „вольное“ пользованіе, г. Дубенскій предлагаетъ, соотвѣтственно, термины „захватно-родовое“ и „захватно-общинное владѣніе“. Первые два термина дѣйствительно едва-ли могутъ быть сохранены: терминъ „займочное“ владѣніе—потому, что, благодаря множественности значеній слова „займка“, неоднократно вызывалъ уже разно-

[1]) Тамъ же, стр. 141 и 143.
[2]) Тамъ же стр., 141 и 142.

образныя недоразумѣнія; терминъ „вольное пользованіе“, въ примѣненіи къ данной формѣ, — потому, что этотъ терминъ, дѣйствительно, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ первоначальной формѣ, вновь установляемой г. Дубенскимъ. Терминъ „захватно-общинное“ владѣніе, взамѣнъ термина „вольное пользованіе“, кажется мнѣ вполнѣ удачнымъ: сущность четвертой изъ перечисленныхъ выше формъ заключается, дѣйствительно, въ регулированномъ вмѣшательствомъ *общества захватѣ*; желательно было-бы, правда, изобрѣсти для обозначенія этой формы терминъ, въ которомъ содержалось-бы указаніе на характеристичный для нея элементъ *труда*,—но сдѣлать это едва-ли удалось-бы, не придавъ термину излишней длины и тяжеловѣсности. Что касается до термина „захватно-родовое“ владѣніе, то этотъ терминъ едва-ли можно признать удачнымъ: подъ словомъ „родъ“ принято разумѣть широкій союзъ лицъ, связанный кровнымъ родствомъ и представляющій собой одно хозяйственное цѣлое,—а въ этомъ смыслѣ родовое владѣніе въ Сибири не существуетъ; во избѣжаніе недоразумѣнія удобнѣе будетъ поэтому называть данную форму владѣнія, вторую по классификаціи г. Дубенскаго, просто „захватною“; такой терминъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать ея сущности, которую составляетъ именно ничѣмъ нерегулированный захватъ пустолежащей земли.

На основаніи изложеннаго, получаемъ слѣдующую схему формъ землепользованія, предшествующихъ наступленію земельныхъ передѣловъ:

1) При наибольшемъ просторѣ: a) для угодій, требующихъ подготовительнаго труда—„захватное“ пользованіе, b) для угодій, не требующихъ подготовительной затраты труда—„вольное“ пользованіе.

2) Переходная форма—„захватно-общинное пользованіе“.

3) Конечная форма—„общинно-уравнительное“ владѣніе.

Этой терминологіи мы и будемъ придерживаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Разсмотрѣвъ въ предыдущемъ общую классификацію формъ пользованія землею, какъ она намѣтилась на основаніи собраннаго въ Енисейской губерніи матеріала, остановимся теперь подробнѣе на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ осуществляются эти формы по отношенію къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ угодьямъ; это дастъ намъ возможность ближе ознакомиться съ самою сущностью, съ разновидностями этихъ формъ и съ отдѣльными моментами переходныхъ процессовъ. Начнемъ съ основного угодья—*пахатной земли*.

Изслѣдованіе констатируетъ, что форма пашневладѣнія въ Енисейской губерніи еще недавно была, повсемѣстно, либо захватною, въ ея чистомъ видѣ, либо, во всякомъ случаѣ, очень къ ней близкою. Типичные признаки этой формы таковы: „1) участокъ лѣса, какъ-бы обширенъ онъ ни былъ, захваченный подъ пашню, разъ только лѣсъ уже зачерченъ, считается во владѣніи зачертившаго, хотя-бы послѣдній не разработывалъ его многіе годы; 2) участокъ пашни, оставленный въ залежь, считается во владѣніи своего хозяина, и сколько-бы времени онъ ни лежалъ безъ обработки, захватить его никто права не имѣетъ; 3) захватывать и разрабатывать земли подъ пашню можетъ всякій, даже посторонній, гдѣ и сколько ему угодно; 4) наконецъ каждый владѣлецъ пашни можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію; онъ можетъ передавать ее въ чье-либо пользованіе на любой срокъ и можетъ продавать ее „на вѣчно", не только своимъ односельчанамъ, но и постороннимъ" [1]).

Въ настоящее время захватная форма, въ своемъ чистомъ видѣ, наблюдается лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ Енисейской губерніи,—но и въ этихъ мѣстностяхъ изслѣдованіе считаетъ участь этой формы, въ принципѣ, рѣшенной. Съ другой стороны, въ Енисейской губерніи весьма немного и мѣстностей, гдѣ форма владѣнія пашнями являлась-бы законченною захватнообщинной; въ большинствѣ же случаевъ переживанія болѣе ранней захватной формы еще очень замѣтны. Поворотъ отъ захватной формы къ захватно-общинной „прежде всего начинается съ установленія сроковъ залежности... Обычаемъ усвоивается правило, что владѣть пашней можно только при условіи фактическаго пользованія ею, и такимъ образомъ на смѣну начала родового является начало трудовое. Затѣмъ, устанавливаются сроки владѣнія чертежами; и тѣ и другіе сроки становятся все короче и короче, и наконецъ при захватно-общинной формѣ въ ея чистомъ видѣ всѣ сроки уничтожаются, и владѣніе, появляясь одновременно съ проявленіемъ непосредственнаго пользованія, прекращается одновременно съ его прекращеніемъ" [2]). Въ другомъ мѣстѣ изслѣдованіе резюмируетъ сущность переходнаго процесса еще яснѣе и нагляднѣе. Внѣшняя форма выраженія захвата,—читаемъ мы здѣсь [3]),—состоитъ въ томъ, что хозяинъ, избравъ никѣмъ незанятый участокъ земли, зачерчиваетъ, опа-

---

[1]) Тамъ же, стр. 179.
[2]) Тамъ же, стр. 180.
[3]) Стр. 145.

хиваетъ или огораживаетъ его и, такимъ образомъ, становится къ этому участку въ отношенія фактическаго владѣльца. Естественно, что чѣмъ неограниченнѣе пространство свободныхъ и удобныхъ для культуры земель, тѣмъ менѣе основаній ограничивать дѣйствія отдѣльнаго лица различными условіями, необходимыми для закрѣпленія его права на данный участокъ, возникшаго путемъ завладѣнія послѣднимъ; огороженный участокъ можетъ стоять тогда долгіе годы незастроеннымъ, опаханная полоса—необработанной, зачерченный лѣсъ — невырубленнымъ, и тѣмъ не менѣе никто не станетъ оспаривать право на участокъ его первоначальнаго заимщика. Иное дѣло, если въ землѣ ощущается недостатокъ; тогда для возникновенія права владѣнія моментъ захвата считается уже недостаточнымъ, а требуется еще дѣйствительное пользованіе путемъ приложенія къ захваченному участку труда въ томъ или иномъ видѣ. Срокъ между внѣшнимъ выраженіемъ захвата и проявленіемъ фактическаго пользованія устанавливается обычаемъ самой короткій, обыкновенно едва только достаточный для того, чтобъ пользованіе осуществилось; въ противномъ же случаѣ участокъ становится свободнымъ, и захватить его можетъ всякій желающій. Въ настоящее время въ Енисейской губерніи только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать, что правотворящимъ началомъ является моментъ завладѣнія; почти всюду, благодаря все возрастающему спросу на пригодныя для культуры земли, этимъ началомъ являются моменты труда или фактическаго пользованія; захватъ же играетъ роль только внѣшняго признака, которымъ сопровождается возникновеніе владѣнія, имѣющаго своимъ основаніемъ трудъ". Мотивомъ къ установленію сроковъ залежности служатъ все учащающіеся, по мѣрѣ стѣсненія земельнаго простора, случаи запахиванія чужихъ полосъ; вначалѣ община изыскиваетъ разные компромиссы: такъ, ограждая право на залежи, расчищенныя изъ-подъ лѣсу, она допускаетъ захватъ кѣмъ угодно степныхъ залежей, не требовавшихъ затраты труда; мѣстами она допускаетъ захватъ залежей, лежащихъ уединенно, но не допускаетъ таковаго по отношенію къ залежамъ, расположеннымъ вблизи „мягкихъ" пашенъ ихъ владѣльцевъ. Но мало-по-малу всѣ эти различія сглаживаются; въ то-же самое время срокъ, по истеченіи котораго допускается вольный захватъ земель, постепенно сокращается отъ 15 — 20 до 3 лѣтъ. Если при этомъ залежь пригодна для сѣнокошенія, то вначалѣ переходнаго процесса теченіе срока начинается лишь съ того момента, когда хозяинъ перестаетъ ее косить; когда трудовой принципъ окончательно

упрочился, — съ самаго момента оставленія въ залежь: первые три года хозяину предоставляется исключительное право сѣнокошенія на залежи, по истеченіи же этого срока право распашки послѣдней принадлежитъ каждому желающему. Мало-помалу, однако, и трехлѣтній срокъ начинаетъ нарушаться; онъ сокращается до двухъ, даже до одного года,—въ концѣ-концовъ всѣ сроки исчезаютъ, и пашня становится свободной для захвата, уже безъ всякихъ компромиссовъ, лишь только хозяинъ оставитъ ее безъ обработки. Аналогичнымъ путемъ идетъ установленіе сроковъ владѣнія чертежами: сначала право на вольный захватъ чужихъ чертежей возникаетъ при „долговременномъ"—безъ ближайшаго обозначенія—оставленіи ихъ безъ дальнѣйшей разработки; затѣмъ появляются опредѣленные, 15—20-лѣтніе сроки, мало-по-малу сокращающіеся до 5, 4, 3 лѣтъ; наконецъ всякіе сроки исчезаютъ и зачерчиваніе само по себѣ совершенно перестаетъ обосновывать право на владѣніе землей: „на зачерчиваніе не глядятъ, другой смѣло заѣзжаетъ въ чужой чертежъ, ибо труда тутъ никакого не вложено" [1]).

Такимъ образомъ, заключаемъ изслѣдованіе, „въ изучаемомъ краѣ захватно-родовое (по нашей терминологіи „захватное") владѣніе пашнями уже всюду уступило или уступаетъ мѣсто захватно-общинному,—когда владѣніе возникаетъ одновременно съ проявленіемъ фактическаго пользованія и прекращается одновременно съ его прекращеніемъ". Этотъ переходъ связанъ съ глубокими измѣненіями, вообще, въ народномъ правосознаніи, которыя изслѣдованіе прослѣживаетъ на тщательно собранномъ матеріалѣ, извлеченномъ преимущественно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ остановиться на этихъ измѣненіяхъ съ тою подробностью, какой они заслуживали-бы по представляемому ими интересу и по прекрасному подбору иллюстрирующаго ихъ фактическаго матеріала; отмѣтимъ здѣсь только общее направленіе этихъ измѣненій. Наиболѣе крупное и существенное изъ нихъ относится къ измѣненію и повышенію, въ тяжебныхъ земельныхъ дѣлахъ, значенія трудового начала; что преимущество, въ случаяхъ спора между лицомъ, первоначально захватившимъ землю, но не разработавшимъ ея, и лицомъ, вложившимъ въ землю свой трудъ, начинаетъ отдаваться этому послѣднему,—это ясно само собой изъ предыдущаго изложенія; „при захватно-родовой формѣ, говоритъ изслѣдованіе, если истецъ, отстаивая свое право на за-

---

[1]) Стр. 181—188; см. также стр. 146, 152, 154.

хваченный отвѣтчикомъ участокъ, съумѣетъ доказать, что этотъ послѣдній—его „родовой", что этимъ участкомъ владѣлъ его отецъ, или дѣдъ, то судъ всегда признаетъ искъ правильнымъ, а всѣ возраженія отвѣтчика въ томъ смыслѣ, что участокъ уже много лѣтъ лежитъ безъ всякой обработки, — незаслуживающими уваженія; при захватно-общинной формѣ состязаніе сторонъ имѣетъ единственною цѣлью уяснить, насколько отвѣтчикомъ, захватившимъ спорное угодье, дѣйствительно соблюденъ обычный срокъ",—дѣйствительно-ли истецъ не обрабатывалъ захваченной земли и тѣмъ сдѣлалъ ее доступною для захвата каждаго желающаго [1]). Но независимо отъ этого совершенно измѣняется отношеніе крестьянскаго міра и его выразителя, — волостного суда, къ вопросу о вознагражденіи за затраченный на обработку спорнаго участка трудъ: пока господствуетъ чисто захватное начало,—„право отвѣтчика требовать отъ истца вознагражденія за обработку угодья, признаннаго судомъ принадлежащимъ послѣднему, ограничивается только тѣми случаями, когда отвѣтчику удастся доказать, что онъ обработалъ чужой участокъ по ошибкѣ или, при лучшихъ обстоятельствахъ, когда истцу не удается доказать, что захватъ произведенъ отвѣтчикомъ съ явной злонамѣренностью" [2]); когда захватная форма смѣняется захватно-общинною, когда трудъ, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ *юридическое* значеніе, какъ основаніе самаго права на владѣніе землей,—тогда дѣла о вознагражденіи начинаютъ рѣшаться по принципу: „никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ",—и волостной судъ вознаграждаетъ отвѣтчика за труды, независимо отъ того, началъ ли онъ обрабатывать спорное угодье по ошибкѣ или съ явною mala fides, съ несомнѣннымъ знаніемъ, что оно находится уже въ пользованіи другого лица. Дальнѣйшее существенное измѣненіе общественнаго правосознанія наблюдается по вопросу объ отчужденіи земель: при захватной формѣ владѣнія въ этомъ отношеніи предоставлялся полный просторъ индивидуальной волѣ, и право отчуждать захваченныя земли пользовалось безусловнымъ признаніемъ; въ настоящее время, какъ констатируетъ изслѣдованіе, случаи безусловнаго признанія волостнымъ судомъ права отчуждать землю встрѣчаются лишь въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній. Преобладаютъ случаи, когда судъ совершенно игнорируетъ фактъ купли — продажи, считая такія сдѣлки, съ точки зрѣнія обычая, недѣйствительными. Но такъ какъ самый захватный принципъ не успѣлъ еще совер-

[1]) Стр. 153.
[2]) Стр. 151.

шенно изгладиться изъ мірского сознанія, то еще нерѣдки случаи компромисса, когда судъ признаетъ отчужденіе дѣйствительнымъ при наличности нѣкоторыхъ такого рода условій, когда владѣніе можетъ быть пріобрѣтено и помимо купли-продажи,— такихъ условій, какъ согласіе общества, приложеніе труда и т. п. [1]).

Мы видѣли, такимъ образомъ, что захватная форма владѣнія почти на всемъ протяженіи Енисейской губерніи уступила свое мѣсто захватно-общинной. Но и эта послѣдняя, даже независимо отъ неизбѣжно вытекающей изъ нея неравномѣрности владѣнія, связана съ весьма ощутительными неудобствами; неудобства эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) разъ единственнымъ основаніемъ завладѣнія является трудъ, то естественно, что хозяева болѣе сильные и богатые начинаютъ стѣснять въ пользованіи хозяевъ сравнительно слабыхъ и бѣдныхъ, отбираютъ у послѣднихъ случайно оставшіяся необработанными пашни или чертежи, и такимъ образомъ въ земельныя отношенія вносятся произволъ и безпорядокъ; 2) исчезновеніе существовавшихъ при захватной формѣ ограниченій права распашки пустопорожней земли, прилегающей къ распаханнымъ полосамъ, ведетъ къ учащенію и обостренію споровъ между владѣльцами сосѣднихъ пашенъ, и 3) возможность для каждаго захватывать пашню на первый-же или второй годъ по оставленіи ея въ залежь ведетъ къ непрерывной, безъ отдыха, эксплуатаціи пашенъ, весьма вредной при мѣстной системѣ полеводства [2]). Эти неудобства вызываютъ дальнѣйшія вмѣшательства міра въ земельныя отношенія его членовъ и постепенное вытѣсненіе идеи захвата, хотя-бы и основаннаго на трудѣ, идеею *поравненія*, а вмѣстѣ съ тѣмъ—постепенный переходъ отъ захватно-общинной формы къ формѣ общинно-уравнительной или душевой. Переходнымъ моментомъ являются такъ-называемые *отводы*.

Главные недостатки захватно-общинной формы можно свести, согласно сказанному, къ *непрочности* и *неравномѣрности* землевладѣнія. Соотвѣтственно этому и отводы имѣютъ двоякій характеръ, имѣя цѣлью: „со одной стороны—сдѣлать данное владѣніе возможно прочнымъ и безпорнымъ, съ другой—по возможности урегулировать землепользованіе въ количественномъ, такъ сказать, отношеніи. Въ первомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ отводами земель, никѣмъ не занятыхъ, во второмъ—съ тѣмъ, что́ принято называть отводами-отрѣзками“ [3]).

---

[1]) Стр. 159—160.

[2]) Стр. 188—190.

[3]) Стр. 164.

Отводы перваго рода задолго предшествуютъ вторымъ; но общество сначала присваиваетъ себѣ только исключительное право распоряжаться такъ называемыми „безродными“, выморочными пашнями; оно „ограничивается наложеніемъ своего veto только на захватъ земель, никѣмъ незанятыхъ, отводя ихъ, по своему усмотрѣнію, или въ пожизненное пользованіе, или на опредѣленный періодъ, или, наконецъ, до „новаго передѣла“. При такихъ условіяхъ „воздѣйствіе общества на сравнительные размѣры землепользованія остается, такъ сказать, отрицательнымъ, ибо этимъ путемъ общество можетъ только препятствовать дальнѣйшему росту неравномѣрности, отнюдь не касаясь тѣхъ земель, которыя были захвачены раньше. Но разъ только обычай призналъ за обществомъ право распоряжаться хотя-бы только пустующими землями, онъ неизбѣжно, съ теченіемъ времени, начинаетъ это право расширять и въ результатѣ распространяетъ его уже на всѣ земли безъ изъятія, какъ свободныя, такъ и занятыя; такимъ путемъ создаются отводы-отрѣзки“, носящія уже характеръ *частнаго поравненія* [1]).

Отъ *частнаго* поравненія недалеко и до *всеобщаго* передѣла угодій, но факты такого полнаго торжества общинно-уравнительной формы въ Енисейской губерніи по отношенію къ пашнямъ пока еще единичны [2]); изслѣдованіемъ констатировано пока только три случая общаго передѣла пахатныхъ земель. Въ большинствѣ случаевъ идея равномѣрности еще только вступила въ борьбу съ захватно-трудовымъ началомъ, и осуществляется, преимущественно, въ видѣ единичныхъ случаевъ отводовъ-отрѣзокъ, рѣже—путемъ раздѣла земель, удобныхъ для полевой культуры, но еще никѣмъ не занятыхъ, иногда наконецъ путемъ перевода подъ пашню земель, имѣвшихъ ранѣе иное назначеніе и безспорно состоящихъ въ распоряженіи міра; къ этой послѣдней категоріи принадлежитъ рядъ отмѣченныхъ изслѣдованіемъ случаевъ (довольно частыхъ, замѣтимъ здѣсь-же, въ смежной съ Енисейскою частью Томской губерніи) раздѣла подъ пашню такъ называемыхъ „выгородокъ“—частей огороженнаго присельнаго выгона [3]).

Таково содержаніе и смыслъ фактовъ, относящихся къ способамъ пользованія въ Енисейской губерніи пахатными землями. Но безполезно будетъ привести in extenso тотъ общій выводъ, который дѣлаетъ изслѣдованіе на основаніи изученія формъ

---

[1]) Стр. 169, 190—191.

[2]) Стр. 191—198.

[3]) Стр. 191—192.

пашневладѣнія въ связи съ общимъ характеромъ хозяйственной жизни края: „Въ настоящее время,—читаемъ мы на стр. 198—199,—захватно-родовое владѣніе пашнями почти всюду смѣнилось владѣніемъ захватно-общиннымъ, а послѣднее, въ свою очередь, путемъ длиннаго ряда уступокъ и компромиссовъ, постепенно приближается къ той формѣ владѣнія, когда на первый планъ выдвигается принципъ уравнительности... Неуклонный процессъ перехода къ такой именно формѣ наблюдается повсемѣстно и глубоко коренится не только въ обычно-правовыхъ воззрѣніяхъ мѣстнаго населенія, но и въ требованіяхъ хозяйственно-экономической дѣйствительности. Значительное большинство мѣстностей изучаемаго края, подъ вліяніемъ исторически сложившихся условій мѣстной жизни, приблизилось уже къ тому моменту, когда переходъ къ общинно-уравнительному владѣнію становится почти неизбѣжнымъ, какъ въ интересахъ упорядоченія поземельныхъ отношеній членовъ данной общины, такъ и въ интересахъ сельско-хозяйственнаго прогресса. Замѣна залежно-паровой системы полеводства болѣе совершенною и удовлетворяющею измѣнившимся хозяйственно-экономическимъ условіямъ, ограниченіе хищнической эксплуатаціи земель, повышеніе интензивности обработки, введеніе одновременности и порядка въ сельско-хозяйственныхъ работахъ, устраненіе неравномѣрности и спорности владѣнія, устраненіе такихъ фактовъ, когда за обработку приходится приниматься тайкомъ и украдкой, чтобъ кто-нибудь не помѣшалъ и не отнялъ,—все это такіе вопросы, серьезность которыхъ уяснилась въ сознаніи мѣстнаго населенія уже достаточно опредѣленно, но разрѣшить которые не подъ силу отдѣльному лицу. Поэтому взоры огромнаго большинства членовъ сельскаго общества обращаются къ „міру", и отъ него ожидается существенная въ этомъ направленіи помощь. Въ нѣкоторыхъ, правда еще очень немногихъ общинахъ, какъ обнаружено изслѣдованіемъ, часть назрѣвшихъ требованій уравнительности и сельско-хозяйственнаго прогресса уже рѣшена, и притомъ довольно удовлетворительно. Судя по всѣмъ даннымъ, и въ другихъ общинахъ эти вопросы будутъ современемъ рѣшены въ томъ-же направленіи и не менѣе удовлетворительно, но только при условіи, что на пути историческаго процесса развитія общинно-поземельныхъ отношеній не встрѣтятся какія-либо непредвидѣнныя серьезныя препятствія. Возможно, конечно, — заключаетъ изслѣдованіе, — что въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, настанетъ въ Енисейской губерніи время, когда община, быть

можетъ, окажется безсильною идти въ уровень съ вновь нарождающимися и осложнившимися требованіями сельско-хозяйственнаго прогресса,—и тогда, на смѣну ей, можетъ явиться иная форма владѣнія, болѣе соотвѣтствующая новымъ требованіямъ. Но при современныхъ идеалахъ мѣстнаго сельскаго хозяйства только поземельная община имѣетъ всѣ шансы вести послѣднее именно по намѣченному этими идеалами пути съ наибольшимъ успѣхомъ и скоростью".

Данныя о существующихъ въ Енисейской губерніи формахъ пользованія *сѣнокосными угодьями* представляются гораздо менѣе полными и интересными, нежели данныя о формахъ пашневладѣнія, почему мы лишь вкратцѣ изложимъ содержаніе этихъ данныхъ и затѣмъ перейдемъ къ формамъ пользованія усадебными землями.

Типы наблюдаемыхъ въ Енисейской губерніи формъ пользованія покосами слѣдующіе: 1) пользованіе „вольное", 2) пользованіе „захватное" и 3) пользованіе уравнительно-душевое: а) съ частными поравненіями, б) съ поравненіями всеобщими, в) съ поравненіями путемъ торговъ, и г) съ передѣлами [1]).

Сущность *вольнаго* пользованія покосами состоитъ въ томъ, чти „вольно косить ѣздитъ всякій: и крестьянинъ, и поселенецъ, и бѣдный, и богатый", или „дѣлить намъ незачѣмъ: каждый хозяинъ можетъ накосить столько сѣна, сколько душѣ его угодно,— была-бы сила". Въ итогѣ по губерніи селенія съ вольнымъ сѣнокошеніемъ составляютъ, по произведенному изслѣдованіемъ учету, 9% общаго числа селеній; распространенность этой формы находится въ прямой зависимости отъ степени изобилія покосовъ; такъ въ наиболѣе богатомъ покосами Ачинскомъ округѣ общины съ вольнымъ сѣнокошеніемъ составляютъ 18,7%, въ наиболѣе бѣдномъ Красноярскомъ — всего 2,6% общаго числа селеній [2]).

При абсолютной свободѣ сѣнокошенія, „каждый, однако, естественно стремится выкашивать участки, которые поближе къ его пашнямъ", и этимъ путемъ, „параллельно съ неизбѣжнымъ сокращеніемъ земельнаго простора, начинается, по мнѣнію изслѣдованія, поворотъ къ *захватному* пользованію, которое въ чистомъ видѣ наблюдается въ 7,9% селеній [3]). Какъ мы ука-

---

[1]) Стр. 213.
[2]) Стр. 214—215.
[3]) Стр. 215.

зывали уже въ началѣ настоящаго очерка, происхожденіе, по отношенію къ покосамъ, захватнаго владѣнія изъ вольнаго не подтверждено ни малѣйшими фактическими данными, а по апріорнымъ соображеніямъ представляется совершенно неправдоподобнымъ. Едва-ли не правильнѣе будетъ поэтому признать захватное и вольное пользованіе формами, параллельно существующими при большомъ земельномъ просторѣ, совершенно независимо одна отъ другой, по отношенію къ разнымъ видамъ сѣнокосныхъ угодій.

Захватное владѣніе покосами особенно распространено и особенно крѣпко у инородцевъ; изслѣдованіе объясняетъ это громадною ролью сѣнокосовъ въ жизни инородческаго населенія и, въ то-же время, распространенностью у этого послѣдняго различныхъ работъ по расчисткѣ луговъ и искусственному ихъ орошенію. Пока захватное владѣніе держится крѣпко, разъ занятый сѣнокосный участокъ переходитъ „изъ рода въ родъ", хотя-бы онъ многіе годы оставался внѣ дѣйствительнаго пользованія. По мѣрѣ исчезновенія земельнаго простора, этотъ порядокъ начинаетъ вызывать протесты и мало-по-малу смѣняется другимъ, болѣе близкимъ къ захватно-общинному типу, при которомъ право на участокъ сохраняется лишь при условіи дѣйствительнаго имъ пользованія (огораживаніе остожьевъ, выкашиваніе). Но въ отличіе отъ пашенъ захватно-общинная форма по отношенію къ покосамъ не имѣетъ времени утвердиться: одновременно съ появленіемъ признаковъ, характеризующихъ переходъ къ этой формѣ, начинается и болѣе дѣятельное вмѣшательство общества въ распредѣленіе сѣнокосныхъ угодій; „это вмѣшательство выражается на первыхъ порахъ въ частныхъ поравненіяхъ, сначала въ видѣ единичнымъ и сравнительно рѣдкихъ опытовъ, только съ теченіемъ времени переходящихъ въ постоянную практику; затѣмъ оно приводитъ къ поравненіямъ всеобщимъ и въ концѣ концовъ къ періодическимъ кореннымъ передѣламъ [1]).

3) *Частныя поравненія* по отношенію къ сѣнокосамъ входятъ въ обычай гораздо легче, нежели по отношенію къ пашнямъ; прежде всего—уже потому, что для культуры сѣнокосовъ не требуется либо никакихъ предварительныхъ затратъ труда, либо требуется лишь самая ничтожная затрата, окупаемая первыми же двумя-тремя сборами сѣна; съ другой стороны, изслѣдованіе указываетъ еще и на то обстоятельство. что удобныя

---

[1]) Стр. 217—218.

для сѣнокошенія мѣста почти всегда занимаютъ болѣе или менѣе сплошныя пространства, чѣмъ значительно облегчается, съ технической стороны, самое осуществленіе поравненій [1]). Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, оставлено безъ какихъ-либо доказательствъ и, въ дѣйствительности, едва-ли справедливо: лѣсные, степные и т. п. покосы едва-ли менѣе, а скорѣй болѣе разбросаны и разнокачественны, нежели пахатныя земли, и *точное* ихъ измѣреніе было-бы никакъ не легче, нежели измѣреніе этихъ послѣднихъ.

При возникновеніи частныхъ поравненій они распространяются большею частью на одни только лучшіе луга, и только мало-по-малу переходятъ и на остальные, худшіе. Сначала они выражаются исключительно въ формѣ прирѣзокъ, въ результатѣ которыхъ пользованіе покосами, мало-по-малу, изъ захватнаго становится уравнительно-душевымъ и пріурочивается уже не къ отдѣльному двору, а къ платежной душѣ. Но при отсутствіи точныхъ измѣреній, при разнокачественности покосовъ и непостоянствѣ ихъ урожайности, путемъ прирѣзокъ и отрѣзокъ можетъ быть достигнуто лишь далеко не полное уравненіе сѣнокосныхъ участковъ; въ дополненіе къ этому пріему, общества поэтому прибѣгаютъ къ двумъ другимъ: 1) къ очень распространенному и почти всегда сопровождающему частныя поравненія способу обмѣна паями между отдѣльными домохозяевами: „будетъ тебѣ,—говорятъ въ такихъ случаяхъ, — насидѣлся на хорошемъ паѣ, посиди теперь на плохомъ"; 2) къ прирѣзкамъ и отрѣзкамъ, въ зависимости отъ колебаній урожаевъ травъ: за нѣсколько дней до начала сѣнокоса на сходѣ выясняютъ, примѣнительно къ урожаю, у кого будетъ травы сравнительно много, а у кого мало, а затѣмъ производятъ соотвѣтственныя прирѣзки и отрѣзки [2]).

4) *Общія поравненія*, производимыя безъ предварительнаго измѣренія сѣнокосныхъ урочищъ, не какимъ-либо опредѣленнымъ способомъ, а путемъ неоформленныхъ обоюдныхъ соглашеній общественниковъ, представляютъ собой наиболѣе распространенную въ Енисейской губерніи форму пользованія покосами, такъ какъ находятся „въ полномъ соотвѣтствіи съ замѣтно сократившимся уже во многихъ мѣстностяхъ земельнымъ просторомъ, но сократившимся все-таки еще не настолько, чтобъ ощущалась настоятельная необходимость въ переходѣ къ правильнымъ пере-

---

[1]) Стр. 219.

[2]) Стр. 219—221.

дѣламъ, имѣющимъ цѣлью привести уравнительность къ возможному идеалу" [1]). Отъ этого способа пользованія лишь незамѣтный переходъ къ

5) поравненію или передѣлу путемъ *торговъ* или аукціона, заключающемуся въ томъ, что на каждое сѣнокосное урочище „садится" тѣмъ болѣе душъ и слѣдовательно достается на душу тѣмъ меньшая площадь, чѣмъ выше стоитъ данное урочище по урожайности, качеству травы, близости къ усадьбамъ и т. п.; такія поравненія отмѣчены въ 8,6% общинъ; и, наконецъ,

6) въ 12,5% общинъ покосы передѣляются путемъ *жеребьевки.*

Изъ сдѣланнаго краткаго обзора видно, что ходъ развитія формъ пользованія покосами въ Енисейской губерніи, въ общемъ, вполнѣ сходенъ съ намѣченнымъ въ началѣ настоящаго очерка, преимущественно на основаніи западно-сибирскихъ данныхъ, и что и здѣсь душевое пользованіе сдѣлало по отношенію къ покосамъ гораздо бо̀льшіе успѣхи, нежели по отношенію къ пашнямъ.

Чтобъ покончить съ покосами, необходимо еще остановиться на орошаемыхъ покосахъ или „мочагахъ". Тѣ изъ нихъ, устройство которыхъ требуетъ крупныхъ затратъ, устраиваются, обыкновенно, цѣлой общиной, и къ пользованію ими прилагается въ полной мѣрѣ начало уравнительности; затѣмъ отдѣльные участки „мочаговъ" нерѣдко устраиваются отдѣльными хозяевами; такіе участки оставляются въ пользованіи устроившаго „мочагъ" хозяина въ теченіе времени, достаточнаго для того, чтобъ окупить затраты, а затѣмъ обязательно поступаютъ въ пользованіе цѣлой общины и входятъ въ общій разсчетъ при уравненіи покосовъ по душамъ [2]).

Не останавливаясь на вопросѣ о формѣ пользованія лѣсами и пастбищами, по которому работы Енисейской экспедиціи не прибавляютъ ничего къ тому, что̀ извѣстно изъ работъ, произведенныхъ въ другихъ губерніяхъ Сибири, перейдемъ теперь непосредственно къ *усадебнымъ землямъ*, относительно которыхъ, напротивъ, въ трудахъ сказанной экспедиціи имѣется весьма богатый матеріалъ. Необходимо, прежде всего, провести здѣсь различіе между дворовыми мѣстами, съ одной стороны, и прочими видами усадебныхъ земель—огородами, огуменниками, телятниками и т. д.—съ другой. Земли второго рода почти повсемѣстно находятся въ типичномъ захватномъ владѣніи, и если общество иногда проявляетъ по отношенію къ нимъ свое кол-

---

1) Стр. 222—223.

2) Стр. 223.

лективное право владѣльца-распорядителя, то единственно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется интересами регулированія пользованія *дворовыми* мѣстами. По отношенію къ этимъ послѣднимъ, напротивъ, захватное владѣніе въ его чистомъ видѣ почти исчезло подъ вліяніемъ, съ одной стороны, обычая, съ другой—вмѣшательства администраціи,—вліяніемъ, дѣйствовавшимъ отчасти въ интересахъ усадебнаго порядка, отчасти—въ интересахъ уравнительности [1]); въ настоящее время, какъ констатируетъ изслѣдованіе, такихъ селеній, гдѣ по отношенію къ дворовымъ мѣстамъ допускалось-бы неограниченное право захвата и завладѣнія,—очень немного: „съ развитіемъ усадебной жизни, съ ростомъ каждаго даннаго селенія, неизбѣжно начинали возникать различные изъ-за усадебъ споры“, а вмѣстѣ съ тѣмъ—назрѣвала потребность въ регулированіи и ограниченіи размѣровъ индивидуальнаго владѣнія; эти ограниченія и выражались сначала въ простыхъ отводахъ, а затѣмъ—въ отводахъ-отрѣзкахъ [2]). Существенное притомъ отличіе хода развитія формъ пользованія усадебными землями отъ развитія формъ пользованія другими угодьями заключается, по наблюденіямъ изслѣдованія, въ томъ, что на развитіе первыхъ немаловажное вліяніе оказываетъ дѣятельность администраціи, направленная къ установленію плановаго порядка; эта дѣятельность сильно способствовала, по отношенію къ усадьбамъ, проведенію того взгляда, что пользованіе ими подчиняется такимъ-же правиламъ общественнаго регулированія, какъ и пользованіе иными угодьями [3]).

Дѣятельность администраціи направлена исключительно къ поддержанію плановаго порядка; въ интересахъ этого послѣдняго возникаютъ по отношенію къ усадебнымъ землямъ, первоначально, и самые отводы, практикующіеся съ этой цѣлью почти въ каждомъ селеніи, гдѣ усадебная жизнь развита болѣе или менѣе значительно. Но любопытно, что „тамъ, гдѣ усадебная утѣсненность не даетъ себя чувствовать, гдѣ пригодныхъ для застройки мѣстъ много,—тамъ всякія попытки придерживаться плана являются безрезультатными, и захватъ незастроенныхъ мѣстъ практикуется безъ всякихъ ограниченій“ [4]). Такимъ образомъ даже отводы въ интересахъ плановаго порядка являются уже результатомъ нѣкотораго „утѣсненія“. Сначала такіе отводы направляются обыкновенно на мѣста, никѣмъ незанятыя,— и

[1]) Тамъ же, стр. 199.
[2]) Стр. 200.
[3]) Стр. 201.
[4]) Стр. 202.

затѣмъ уже, мало-по-малу, распространяются и на такія, которыя уже находятся въ чьемъ-либо пользованіи. „Строго придерживаясь плана и настаивая на точности его исполненія, общество начинаетъ отводить подъ дворовыя мѣста огороды, огуменники и телятники, если этого рода угодья находятся на мѣстахъ, назначенныхъ по плану для постройки. Но подобные отрѣзы общество, естественно, старается дѣлать лишь въ случаяхъ особой необходимости, и притомъ только отъ пріусадебныхъ мѣстъ наиболѣе просторныхъ, такъ что, вступивъ на путь отводовъ-отрѣзокъ, хотя-бы сначала единственно въ интересахъ усадебнаго порядка, общество уже неизбѣжно должно считаться и съ фактомъ сравнительной обезпеченности усадебной землей какъ лица, получающаго отрѣзокъ, такъ и лица, изъ пользованія котораго послѣдній изымается" [1]),—и такимъ образомъ начинаетъ проводиться въ жизнь и по отношенію къ усадьбамъ та-же идея уравнительности, которая лежитъ въ основаніи процесса развитія формъ пользованія всѣми прочими угодьями.

Въ настоящее время, какъ констатируетъ изслѣдованіе, „отводы-отрѣзки въ интересахъ уравнительности получили полное признаніе и вошли въ практику только въ немногихъ селеніяхъ; въ нѣкоторыхъ они находятся уже на пути къ такому признанію, въ нѣкоторыхъ—въ періодѣ зарожденія"; большему развитію отводовъ-отрѣзокъ, въ большинствѣ случаевъ, способствовали тѣ или иныя физико-географическія условія, способствующія быстрому образованію неравномѣрности и утѣсненности: расположеніе селенія на берегу, размываемомъ водой; непосредственная близость къ усадьбамъ пахотныхъ земель или болотъ, не дающая селенію распространяться въ ширь; малочисленность мѣстъ, удобныхъ для копанія колодцевъ, и т. п. [2]).

Одновременно съ развитіемъ и упроченіемъ отводовъ измѣняется самая форма, въ которой они производятся: сначала отводъ облекается въ форму словеснаго указанія схода или старосты съ понятыми, но затѣмъ, мало-по-малу, прививается система писанныхъ отводныхъ приговоровъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ такіе приговоры имѣются уже у большинства хозяевъ. Несмотря на категоричность выраженій, въ которыхъ отводные приговоры установляютъ, полное, „безспорное", „потомственное" владѣніе усадьбами, они ограждаютъ интересы владѣльцевъ усадебъ лишь противъ отдѣльныхъ лицъ, для міра же совершенно

---

[1]) Стр. 203.
[2]) Стр. 204—205.

не имѣютъ обязательнаго значенія: „отведенными" усадебными землями міръ, при надобности, распоряжается не менѣе широко, нежели состоящими въ простомъ захватномъ пользованіи [1]). Съ другой стороны, параллельно расширенію права распоряженія для общества идетъ сокращеніе того-же права для отдѣльныхъ лицъ,—идутъ попытки общества, все болѣе и болѣе настойчивыя, ограничить право своихъ членовъ продавать усадебныя земли „навѣчно". Въ настоящее время „такихъ селеній, гдѣ-бы самостоятельное право продажи усадебныхъ мѣстъ признавалось за отдѣльными хозяевами безусловно и безъ всякихъ ограниченій, весьма немного, но немного и такихъ селеній, гдѣ-бы подобное право было уже совершенно уничтожено; въ значительномъ же большинствѣ случаевъ наблюдаются только попытки его ограничить, сдѣлавшія болѣе или менѣе значительные успѣхи; везду, заключаетъ изслѣдованіе, „развитіе усадебно-поземельныхъ отношеній приводитъ къ одинаковымъ результатамъ—къ тому именно, что право отдѣльныхъ лицъ распоряжаться усадебными землями путемъ отчужденія ограничивается все болѣе и болѣе и въ концѣ концовъ отрицается совершенно [2]).

Въ началѣ главы о формахъ землевладѣнія авторъ ея, г. Дубенскій, какъ мы указывали выше, говоритъ, что „борьба личнаго и общиннаго начала, мѣстами, почти совершенно завершилась, обыкновенно—торжествомъ общины; по отношенію къ нѣкоторымъ угодьямъ для предсказанія исхода этой борьбы нѣтъ еще никакихъ вполнѣ вѣроятныхъ данныхъ, по отношенію къ другимъ—не можетъ быть въ томъ или иномъ исходѣ никакого сомнѣнія".

Нѣсколько дальше [3]) имѣется и прямое указаніе на случай полной побѣды *личнаго* начала,—указывается на то, что захватно-родовая (по нашей терминологіи „захватная") форма „можетъ окрѣпнуть и въ такомъ случаѣ перейти въ форму владѣнія подворно-наслѣдственную, *какъ это нерѣдко наблюдается въ изучаемомъ краѣ по отношенію къ усадьбамъ*".

Какъ видно изъ только-что сдѣланнаго обзора формъ пользованія усадебными землями въ Енисейской губерніи, это послѣднее утвержденіе нельзя не признать нѣсколько поспѣшнымъ и не подтвержденнымъ добытыми изслѣдованіемъ фактами: въ

---

[1]) Стр. 206—207.

[2]) Стр. 207—212. См. также по вопросу о формахъ пользованія усадьбами, стр. 142 и слѣд.

[3]) Тамъ же, стр. 142.

„Матеріалахъ“ не указывается ни одного случая, гдѣ успѣло бы упрочиться по отношенію къ усадебнымъ землямъ подворно-наслѣдственное владѣніе, и, напротивъ, опредѣленно указывается на то, что по отношенію къ дворовымъ мѣстамъ захватное владѣніе въ его чистомъ видѣ почти исчезло и уступило мѣсто болѣе или менѣе опредѣленно выраженному общественному регулированію. Не колеблясь, можно поэтому сказать, что захватное владѣніе въ Енисейской губерніи *вездѣ*, гдѣ только наступило нѣкоторое „утѣсненіе“, переходитъ, путемъ медленнаго, но неизбѣжнаго процесса, во владѣніе общинное,—либо непосредственно въ общинно-уравнительное, либо чрезъ промежуточную ступень пользованія захватно-общиннаго; а вмѣстѣ съ тѣмъ можно рѣшиться и на болѣе общее утвержденіе, что *побѣда въ борьбѣ личнаго и общиннаго началъ,* при нормальномъ ходѣ вещей, *несомнѣнно достанется въ Енисейской губерніи началу общинному:* во всемъ приводимомъ изслѣдованіемъ обильномъ и разнообразномъ матеріалѣ нѣтъ ни одного указанія, которое свидѣтельствовало-бы о возможности противоположнаго исхода.

Итакъ, побѣда общиннаго начала надъ личнымъ, переходъ отъ такихъ формъ землепользованія, гдѣ первое остается какъ-бы въ скрытомъ состояніи, къ такимъ, которыя знаменуютъ полный его перевѣсъ,—таковъ смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія въ Енисейской губерніи, какъ и въ остальныхъ изслѣдованныхъ ранѣе частяхъ Сибири. Почему же, спрашивается, процессъ развитія получилъ такое, а не обратное направленіе? почему, въ частности, захватная форма, — „зародышъ“, заключающій въ себѣ признаки и общиннаго, и подворнаго владѣнія, переходитъ именно въ первое, а не въ послѣднее?—Прежніе изслѣдователи не пытались дать рѣшенія этого труднаго вопроса; Енисейская экспедиціи, въ лицѣ г. Дубенскаго, также касается его лишь мимоходомъ и находитъ отвѣтъ, по крайней мѣрѣ отчасти, „во вліяніи тѣхъ воззрѣній, которыя огромное большинство колонизаторовъ приноситъ съ собою съ мѣстъ своей родины, въ связи съ системою взиманія казенныхъ податей подъ круговымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ податной общины“ [1]). Это положеніе высказывается, повторяемъ, лишь мимоходомъ и не подтверждается какими-либо доказательствами, почему мы и считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ подробный его разборъ; замѣтимъ только въ заключеніе, что если едва-ли возможно отрицать нѣкоторое, хотя и не осо-

¹) Тамъ же, стр. 136.

бенно значительное вліяніе существующей системы взиманія казенныхъ платежей, то принесенныя колонизаторами „съ мѣстъ своей родины“ воззрѣнія едва-ли могли сыграть какую-бы то ни было роль: прежде всего развитіе формъ землепользованія происходитъ въ данномъ направленіи не только у крестьянъ, но и у аборигеновъ края—инородцевъ; затѣмъ, главную массу населенія Енисейской губерніи составляютъ старожилы, уже нѣсколько поколѣній прожившіе въ краѣ,—у такого населенія „присенныя съ собой воззрѣнія“ давнымъ давно могли-бы уступить мѣсто воззрѣніямъ индивидуалистическимъ, сложившимся подъ вліяніемъ борьбы съ дикой природой и вошедшаго въ систему одиночнаго захвата; наконецъ можно указать на слѣдующее любопытное обстоятельство: изслѣдованіе переселенческихъ поселковъ, произведенное въ 1894 г. пишущимъ эти строки въ значительной части Томской губерніи, показало, что переселенцы—великороссы, малороссы, бѣлорусы, литвины, латыши, чуваши, мордва, бывшіе общинники, четвертные владѣльцы, однодворцы, и т. д., совершенно независимо отъ „принесенныхъ съ родины воззрѣній“, принимаютъ либо одну изъ захватныхъ формъ пользованія, либо форму общинно-уравнительную,—въ зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго изобилія, въ каждой данной мѣстности, культурныхъ и удобныхъ для культуры угодій. Дѣло, кажется намъ, не въ тѣхъ „принесенныхъ съ родины“ воззрѣніяхъ, которыя могли сложиться у каждаго отдѣльнаго лица или каждой отдѣльной группы подъ вліяніемъ того или иного существовавшаго на родинѣ склада земельныхъ отношеній; дѣло въ присущемъ вообще крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣніи на землю, какъ на „ничью“, „Божью“, „Государеву“, какъ на фондъ, изъ котораго *каждый* имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства для существованія; на почвѣ *этого* воззрѣнія дѣйствуетъ, при отсутствіи направленныхъ на поддержку личнаго начала внѣшнихъ вліяній, основной двигатель—прогрессирующее „утѣсненіе“, а затѣмъ процессъ развитія общинныхъ порядковъ можетъ найти себѣ подспорье и въ разныхъ случайныхъ вліяніяхъ, каковы—податная система или даже прямое вмѣшательство администраціи.

А. Кауфманъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ГАРАНТІИ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ ВЪ АНГЛІИ [1]).

По поводу книги: *В. Ф. Дерюжинскій.—Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву.—Очеркъ основныхъ гарантій личной свободы въ Англіи и ихъ временнаго ограниченія.* Юрьевъ 1895: 8°. Стр. XII+392+XXIV. Ц. 2 руб. 50 коп.

Вопросъ о гарантіяхъ личной свободы вообще и въ Англіи въ частности представляетъ по существу своему громадный интересъ и для профессіональныхъ юристовъ, и для любого представителя любого общественнаго класса. У насъ, гдѣ элементарныя понятія о законности такъ смутны, а мечты о непреложномъ господствѣ права считаются чуть ли не вредной ересью, вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Не спроста, въ самомъ дѣлѣ, признано основнымъ условіемъ нормальнаго общежитія сознаніе важнаго значенія законности, при которой свобода личности стоитъ внѣ всякой зависимости отъ капризнаго произвола бюрократіи, а слѣдовательно, и всякаго рода дѣятельность литературная, научная, *общественная* и др. не терпитъ волшебнаго превращенія изъ бытія въ небытіе, какъ выразился однажды М. Е. Салтыковъ. Право личной свободы не можетъ быть разсматриваемо ни какъ политическая роскошь странъ, въ которыхъ господствуетъ конституціонализмъ, ни какъ запретный плодъ для государствъ, гдѣ еще держится господство деспотической бюрократіи, прикрываемое формулой, которой не должно быть мѣста въ современной догматикѣ государственнаго права. Право личной свободы, если внимательно и безпристрастно всмотрѣться въ вопіющія послѣдствія пренебрежительно-отрица-

---

[1]) Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 17 апрѣля 1895 г.

тельнаго къ нему отношенія въ прошломъ и настоящемъ государствъ съ деспотической окраской, представится насущной потребностью всякаго *человѣческаго* общежитія, реальнымъ условіемъ, безъ котораго немыслимо сознательное индивидуальное существованіе и нормальное развитіе силъ, создающихъ и поддерживающихъ энергіи дѣятелей всякаго рода. Это не—постулатъ предвзятой теоріи, не формула, созданная среди абстрактныхъ юридическихъ построеній въ тиши ученаго кабинета. Напротивъ, къ такому заключенію приводитъ вѣковой историческій опытъ западно-европейскихъ государствъ и личный опытъ каждаго изъ насъ, переживающаго тяжелый конецъ XIX вѣка, — если уже совсѣмъ не говорить о требованіяхъ здраваго юридическаго смысла. Этотъ же вѣковой историческій опытъ, особенно поучительный при наблюденіи англійскаго государственнаго строя, тотчасъ исторгаетъ у насъ и другое заключеніе: недостаточно еще признать право личной свободы драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ и насущнѣйшей потребностью личности, недостаточно облечь его въ извѣстную юридическую формулу и занести послѣднюю въ книгу основныхъ государственныхъ статутовъ, надо сурово гарантировать жизнедѣятельность, полное осуществленіе на практикѣ этого права. „Ничто такъ ко управленію государства нужно имѣть, писалъ Преобразователь Россіи начала XVIII вѣка, не стѣснявшійся признаваться въ указахъ въ собственныхъ своихъ ошибкахъ, какъ крѣпкое храненіе правъ гражданскихъ, понеже *всуе законы писать, когда ихъ не хранить* или ими играть, какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ“, привыкшихъ „всякія мины чинить подъ фортецію правды“. Эти полныя жизненнаго значенія и отнюдь не устарѣвшія для нашего времени слова Преобразователя невольно припоминаются въ данномъ случаѣ, когда идетъ рѣчь о великомъ значеніи права личной свободы и вполнѣ надежныхъ гарантіяхъ неуклоннаго его дѣйствія въ жизни правового государства. Образцомъ истинно правового государства едва ли можно *не* признавать Англію, вся исторія которой сложилась такъ, что развитіе чувства законности въ націи постоянно прогрессировало и достигло завидной полноты и совершенства: англичанинъ никакъ не можетъ представить себѣ возможности того административнаго произвола, который такъ хорошо знакомъ нѣкоторымъ изъ европейскихъ государствъ, никакъ не можетъ понять даже терминъ „административное право“, для котораго нѣтъ равнозначущаго термина и въ англійской юридической терминологіи. Выраженіе „администра-

тивное право“, которое всего ближе передаетъ droit administratif, незнакомо, говоритъ проф. А. В. Дайси въ своемъ превосходномъ введенiи въ изученіе англійской конституціи: „*Основы государственнаго права Англіи*“ (Спб. 1891), англійскимъ судьямъ и адвокатамъ и само по себѣ едва ли будетъ имъ понятно безъ разъясненій. „Это отсутствіе, продолжаетъ А. В. Дайси, въ англійскомъ языкѣ подходящаго слова для передачи выраженія droit administratif знаменательно: названія не существуетъ именно потому, что у насъ неизвѣстенъ самый предметъ. Въ Англіи и странахъ, которыя, подобно Соединеннымъ Штатамъ получили свою цивилизацію отъ Англіи, система административнаго права и самые принципы, на которыхъ оно основывается, совершенно неизвѣстны“. Это обстоятельство и заставило А. В. Дайси въ своемъ трактатѣ цѣлую главу посвятить характеристикѣ droit administratif во Франціи въ сопоставленіи съ общимъ господствомъ права въ Англіи, съ понятіями равенства всѣхъ передъ законами, — понятіями издавна составившими отличительную особенность англійскихъ учрежденій. И надо признаться, что мы живѣе можемъ представить себѣ истинно правовой порядокъ англійскаго строя и оцѣнить его значеніе, нежели англичане въ силахъ вглядѣться въ условія жизни, придавленныя административнымъ произволомъ. Нигдѣ право личной свободы не было признано такъ рано, нигдѣ оно не гарантировано такъ надежно, какъ въ Англіи: 15 іюня 1215 г. его признала и частью гарантировала Великая Хартія Вольностей, исходный моментъ конституціоннаго прогресса Англіи; 26 мая 1679 г. гарантія личной свободы завершилась Habeas Corpus Актомъ, распространеннымъ и усовершенствованнымъ 1 іюля 1816 г. Если Великая Хартія Вольностей утвердила въ странѣ знаменитое положеніе, что никто не можетъ быть лишенъ свободы или вообще какъ бы то ни было ограниченъ въ пользованіи принадлежащими ему правами иначе какъ въ силу законнаго рѣшенія равныхъ ему лицъ (судъ присяжныхъ) или по закону страны, то Habeas Corpus Актъ (точнѣе „Актъ въ видахъ лучшаго обезпеченія свободы личности и предупрежденія заключеній за моремъ“), подтверждая старый принципъ англійскаго права о святости и неприкосновенности личной свободы, заключая историческій процессъ развитія института Habeas Corpus, установилъ цѣлесообразную процедуру Habeas Corpus, какъ средства обезпеченія личной свободы отъ произвольнаго или противузаконнаго вторженія въ нее. Неизмѣнно функціонировавшая процедура Habeas Corpus въ силу особаго парламентскаго билля нѣсколько разъ на протяженіи 1688—

1818 гг. пріостанавливала свое дѣйствіе по одной статьѣ, касающейся государственной измѣны, что являлось исключительной мѣрой политики внутренняго управленія. На континентѣ въ такихъ необычныхъ обстоятельствахъ примѣняется такъ называемое военное или осадное положеніе, помимо котораго своеобразное русское государство выработало еще положеніе объ усиленной охранѣ. Въ ученой литературѣ вопросъ о пріостановкѣ процедуры Habeas Corpus не изученъ и нерѣдко представляется въ неправильномъ освѣщеніи; даже упомянутый мною трактатъ проф. А. В. Дайси, давая правильное представленіе о характерѣ и значеніи пріостановки процедуры Habeas Corpus, допускаетъ кое-какія неточности въ подробностяхъ.

Признавая великое значеніе права личной свободы, долженствующаго неуклонно дѣйствовать вездѣ и всегда, признавая его образцово развитымъ въ Англіи, я устанавливаю тѣмъ самымъ то неподлежащее спору положеніе, что изученіе вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ правомъ личной свободы и его гарантіями вообще и въ частности въ Англіи, представляетъ высокій научный и общественный интересъ. Я подчеркиваю и *общественный* интересъ, потому что въ данное время и при данной житейской обстановкѣ наука должна быть въ особенной дружбѣ съ жизнью, то-и-дѣло выкидывающей рядъ насущнѣйшихъ вопросовъ; общество предъявляетъ могучій запросъ на знаніе, конечно, не какъ на извѣстную культурную роскошь, а какъ на хлѣбъ насущный, питаніе которымъ должно прочно вкоренить здраво развитые принципы политическіе, соціальные, экономическіе... Современный профессоръ въ большинствѣ случаевъ, долженъ быть и общественнымъ дѣятелемъ, не ограничивая своей аудиторіи кружкомъ учащейся молодежи и учащихъ ее коллегъ.

Предложенныя сейчасъ разсужденія имѣютъ цѣлью ввести въ изложеніе моего основного взгляда на диссертацію *проф. В. Ф. Дерюжинскаго* „Habeas Corpus Актъ и его пріостановка по англійскому праву" и вмѣстѣ съ тѣмъ оправдать рѣшимость говорить о ней съ нѣкоторой подробностью, не безъ задней мысли рекомендовать ее для чтенія большой публикѣ, рискующей проглядывать ученые труды мало-мальски общеинтереснаго содержанія и доступные по изложенію. Есть, правда, и еще одно небольшое соображеніе, которое заставило съ любопытствомъ попристмотрѣться къ названной диссертаціи. Ея авторъ — одинъ изъ группы молодыхъ *русскихъ* ученыхъ, которые были призваны въ нѣмецкомъ когда-то университетѣ на русской окраинѣ держать высоко знамя русской науки и тѣмъ самымъ не заставить

сожалѣть, что въ бывшемъ дерптскомъ, а нынѣ юрьевскомъ, университетѣ старый нѣмецкій профессоръ скоро отойдетъ въ область преданія. Это соображеніе вынуждаетъ докладчика отнестись къ книгѣ съ особенной строгостью и, можетъ быть, нѣкоторой простительной придирчивостью.

Цѣль диссертаціи проф. Дерюжинскаго — „дать по возможности полное и вѣрное освѣщеніе“ института Habeas corpus, принадлежащаго къ числу наиболѣе популярныхъ учрежденій Англіи. Свое изученіе названнаго института авторъ сильно съуживаетъ, касаясь его лишь по вопросу о защитѣ личной свободы только въ собственной Англіи и только въ сферѣ публичноправовыхъ отношеній; касаясь Habeas Corpus, какъ средства внутренняго управленія, въ интересахъ потребностей внутренней жизни собственно Англіи, авторъ строго придерживается разъ намѣченныхъ рамокъ, не позволяя себѣ ни слишкомъ отвлекаться отъ нихъ (срв. стр. 51, 47, 26, 36, 62, 66), ни выходить за предѣлы ихъ тамъ, гдѣ читатель могъ бы этого ожидать: такъ при характеристикѣ приказа Habeas Corpus ad subjiciendum проф. Дерюжинскій оставляетъ въ сторонѣ всѣ другіе виды приказовъ Habeas Corpus (стр. 125 пр.), заканчивая изложеніе процедуры Habeas Corpus и затѣмъ ея пріостановокъ, вызванныхъ борьбою съ Якобитами, онъ указываетъ, что случаи незаконнаго лишенія свободы въ сферѣ частно-правовыхъ отношеній, равно какъ пріостановки 1777 — 1783 г. по поводу войны съ американскими колоніями, вовсе не распространявшіяся на Англію, выходятъ изъ области его изложенія (стр. 131 и 143 пр., 126; срв. также стр. 83 — 84, 116, 154, 180, 197, 379 пр. 2); онъ оставляетъ безъ разсмотрѣнія и случаи пріостановки Habeas Corpus Акта въ Ирландіи (стр. VII), о чемъ и оговаривается въ предисловіи. Послѣдняя оговорка въ связи съ умолчаніемъ о дѣйствіи приказа Habeas Corpus въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ (см. стр. 141 пр.), и поясняетъ внимательному читателю смыслъ и безъ того во всякомъ случаѣ понятнаго заглавія „Habeas Corpus Актъ и его пріостановка *по англійскому праву*“, которое далъ своей диссертаціи авторъ. Онъ очень опредѣленно и точно намѣтилъ рамки своей работы, очень строго ихъ выдержалъ на всемъ ея протяженіи, не допустивъ ни одной лишней подробности, и имѣлъ, конечно, право, а можетъ быть и нѣкоторыя соображенія, оставшіяся намъ неизвѣстными, настолько ограничить свою задачу. Однако слѣдуетъ признаться, что такое ограниченіе не могло отразиться выгоднымъ образомъ на диссертаціи г. Дерюжинскаго: получилась

иллюстрація института Habeas Corpus, во-первыхъ, не полная, а во-вторыхъ, недостаточно яркая. Еслибы авторъ, оставивъ во всей неприкосновенности главную задачу своей диссертаціи, существенно интересную во всемъ вопросѣ о Habeas Corpus, далъ коротенькія характеристики приказовъ Habeas Corpus всѣхъ видовъ, коснулся примѣненія ихъ въ сферѣ частно-правовыхъ отношеній (послѣднее очень любопытно для русскаго читателя) и внѣ территоріи собственно Англіи, то внутренняя природа института Habeas Corpus и, такъ сказать, всеобщность его значенія, благодаря такой полнотѣ изложенія, представилась бы русскому читателю гораздо яснѣе, а, главное, гораздо осязательнѣе. Авторъ, конечно, можетъ возразить, что онъ понималъ свою задачу гораздо у́же и выполнилъ ее такъ, какъ именно понималъ; но намъ совершенно непонятна цѣлесообразность такого узкаго пониманія и очевидна выгода требуемыхъ дополненій, которыя отнюдь не могли бы быть безполезнымъ балластомъ въ русской литературѣ, чего авторъ явно избѣгаетъ. Цитуя не разъ авторитетное въ глазахъ англійскихъ юристовъ сочиненіе американскаго юриста Гёрда „A Treatise on the Right of Personal Liberty and on the Writ of Habeas Corpus, and the Practice connected with it“, г. Дерюжинскій (стр. 141 пр.) аттестуетъ его какъ „изслѣдованіе практики института Habeas Corpus главнымъ образомъ въ Америкѣ“, куда онъ былъ перенесенъ изъ Англіи. Нечего и говорить, насколько было бы важно дать сжатое представленіе о практикѣ института Habeas Corpus въ Соединенныхъ Штатахъ, разъ въ распоряженіи автора былъ вполнѣ подходящій для этой цѣли источникъ. Настаивая на возможности такого сравнительнаго очерка въ интересахъ полноты и яркости иллюстраціи, мы тѣмъ самымъ переходимъ къ одному болѣе общему требованію. Въ своей книгѣ авторъ не разъ упоминаетъ о трактатѣ А. В. Дайси „*Основы государственнаго права Англіи*“ и даже цитуетъ его по русскому переводу. Необыкновенная ясность, живость и доступность изложенія сдѣлали названный трактатъ весьма популярнымъ, что̀ объясняется еще и тѣмъ, что широкая постановка темы не вызвала крупныхъ размѣровъ книги. Чтобы иллюстрировать возможно ярче какой-нибудь институтъ англійскаго государственнаго строя, А. В. Дайси прибѣгаетъ къ очень цѣлесообразному пріему сравненія [1]) съ правомъ континентальныхъ государствъ Европы.

---

[1]) Этотъ пріемъ изложенія В. А. Дайси уже былъ мною отмѣченъ въ отзывѣ о русскомъ переводѣ книги „*Основы государственнаго права Англіи*“ напечатанномъ въ журналѣ „Юридическій Вѣстникъ“ за 1892 г., № 2, стр.

Не подбирая другихъ примѣровъ изъ книги А. В. Дайси, укажу только на двѣ главы ея, особенно любопытныя въ этомъ отношеніи и вообще необходимыя для пересмотра при ознакомленіи съ книгой г. Дерюжинскаго, именно: на восьмую „Военное положеніе“ (стр. 211 — 219 рус. пер.) и на двѣнадцатую „Господство права и droit administratif“ (стр. 245 — 267). И та, и другая глава съ цѣлью уяснить насколько чуждо англійскому строю представленіе о какомъ-то „административномъ правѣ“, стоящемъ выше обыкновеннаго права страны, или „военномъ положеніи“ въ собственномъ смыслѣ этого термина, поглощающемъ обыкновенное право и подчиняющемъ страну грубому произволу военныхъ судовъ, прибѣгаютъ къ сравненію съ droit administratif и état de siège во Франціи. Подобное сравненіе лучше всякихъ длинныхъ разсужденій уясняетъ, въ какую грубую ошибку впадали многіе писатели, напр., Лоренцъ Штейнъ, Морисъ Блокъ, Иванъ Андреевскій, сопоставляя état de siège съ положеніемъ при Habeas Corpus Suspension Act въ Англіи, и какъ всякое понятіе о власти надъ обыкновеннымъ правомъ, надъ обыкновенными судами страны чуждо англійскому представленію объ истинно-правовомъ порядкѣ. Искусствомъ своихъ сравненій А. В. Дайси даже предвосхитилъ у г. Дерюжинскаго оригинальность пятой главы его диссертаціи „Пріостановка и осадное положеніе“, наиболѣе оригинальной по выводамъ во всей книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ очень важной для сужденія о диссертаціи г. Дерюжинскаго пятой главѣ трактата А. В. Дайси, озаглавленной „*Право личной свободы*“ и начинающейся выдержкой изъ бельгійской конституціи о гарантіяхъ личной свободы, (стр. 155—178), мы читаемъ (стр. 173 рус. пер.): „Это усиленіе исполнительной власти (т. е. Habeas Corpus Suspension Act) не маловажно, но отъ него далеко до того, что въ нѣкоторыхъ государствахъ называется „пріостановкой конституціонныхъ гарантій“, а во Франціи — „объявленіемъ государства въ осадномъ положеніи“; оно, пожалуй, даже значительно меньше расширяетъ произвольную власть правительства, чѣмъ многіе такъ называемые принудительные акты (Coercion Acts). Это подтверждается простымъ перечисленіемъ главныхъ изъ тѣхъ полномочій, которыя въ послѣднее время были даны парламентскими постановленіями ирландской исполнительной власти. Актомъ 1881 г. ирландской исполнительной власти дана неограничен-

285—296 (см. стр. 289, 293) подъ заглавіемъ „*Новая книга по государственному праву Англіи*“.

ная власть производить произвольные и предупредительные аресты и, не нарушая закона, держать въ тюрьмѣ всякое арестованное по подозрѣнію лицо въ продолженіе всего времени, пока актъ въ силѣ. Г. Дерюжинскій вполнѣ согласенъ въ этомъ пунктѣ съ А. В. Дайси, и не только согласенъ, но единственный разъ въ своей книгѣ и именно въ данномъ случаѣ прибѣгъ къ параллели съ не-англійскимъ правомъ. „Сравненіе, говоритъ г. Дерюжинскій (стр. 388—390), осаднаго положенія по тѣмъ послѣдствіямъ, которыми оно сопровождается, съ пріостановкою Habeas Corpus Акта не можетъ не привести къ заключенію, что между этими двумя институтами гораздо больше различія, чѣмъ сходства. Оба они, безъ сомнѣнія, являются мѣрами чрезвычайными, къ которымъ обращаются лишь въ случаяхъ исключительныхъ: но этимъ и ограничивается сходство между ними. Различіе же между ними весьма значительно и состоитъ не только въ деталяхъ, но и въ самомъ существѣ". „Основною чертою осаднаго положенія, продолжаетъ г. Дерюжинскій, слѣдуетъ признать *репресивный* характеръ его... Пріостановка Habeas Corpus Акта, наоборотъ, не вноситъ рѣшительно никакихъ измѣненій въ обычную систему репрессіи, устанавливаемую общими законами страны...

Не внося измѣненій въ строй законнаго порядка суда и управленія, пріостановка Habeas Corpus Акта и не можетъ преслѣдовать никакихъ репрессивныхъ цѣлей. Основная черта ея—*предупредительный* характеръ, и въ этомъ именно состоитъ глубокое отличіе отъ осаднаго положенія, дѣлающее совершенно произвольнымъ отождествленіе или даже сближеніе этихъ институтовъ между собою". Такъ самъ авторъ въ одномъ случаѣ долженъ былъ отступить и, усвоивая основной взглядъ А. В. Дайси, подчиниться послѣднему въ его пріемѣ выясненія англійскихъ институтовъ чрезъ сравненіе съ правомъ континентальныхъ государствъ. Если припомнить приведенную выше цитату изъ трактата А. В. Дайси, то станетъ еще болѣе понятнымъ упрекъ г. Дерюжинскому за игнорированіе вопроса о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта въ Ирландіи, и тотъ болѣе общаго характера упрекъ, къ которому я все время подхожу съ момента своей остановки на трактатѣ А. В. Дайси: г. Дерюжинскій, изучая гарантіи личной свободы въ Англіи, долженъ былъ, въ интересахъ цѣльности и яркости изложенія, а главное правильности теоретической постановки вопроса, коснуться этихъ гарантій въ континентальныхъ государствахъ Западной Европы и вообще остановиться на положеніи ихъ въ общей системѣ права. Такой

сравнительный очеркъ являлся, по моему мнѣнію, подкрѣпляемому авторитетомъ А. В. Дайси, безусловной необходимостью; отсутствіе его живо чувствуется въ книгѣ г. Дерюжинскаго. Я высказываю этотъ упрекъ столько же въ научныхъ интересахъ, сколько въ интересахъ читателя изъ публики, и считаю суровое съуженіе г. Дерюжинскимъ своей темы произвольнымъ и не цѣлесообразнымъ; по крайней мѣрѣ самъ авторъ ничѣмъ не оправдалъ его, а однажды прямо былъ вынужденъ ввести въ свое изложеніе характеристику état de siège во Франціи и Kriegszustand въ Германіи, безъ которой вовсе нельзя было справиться съ передачей читателю болѣе отчетливаго и юридически точнаго представленія о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта (срв. стр. 85—107, 107, 113, 146—147). Уже одно достаточное количество оговорокъ, разсыпанныхъ тамъ и сямъ въ книгѣ, чтобы читатель не искалъ въ ней того-то и того-то, показываетъ, что авторъ самъ сознавалъ свою неправоту по части узкаго пониманія избранной имъ темы и предвидѣлъ невольный запросъ читателя, къ справедливости котораго мы присоединяемся очень энергично и въ надеждѣ, что въ этомъ пунктѣ мы будемъ поддержаны упорно особенно въ виду категорическаго заявленія нашего автора, что въ литературѣ нѣтъ спеціальной работы, посвященной *„всестороннему изученію“* института Habeas Corpus (см. стр. 152). Такое съуженіе темы тѣмъ болѣе бросается въ глаза, если на вопросъ о правѣ личной свободы и его гарантіяхъ смотрѣть съ точки зрѣнія вступительныхъ словъ въ настоящій отчетъ, т.-е. признавать его высокій научный и общественный интересъ. Автору нечего было оправдывать свой выборъ темы съ общественной точки зрѣнія; онъ, какъ и слѣдовало ожидать, оправдываетъ его только съ научной. „Институтъ Habeas Corpus,—говоритъ во введеніи къ диссертаціи г. Дерюжинскій (стр. V), принадлежитъ, казалось бы, къ числу наиболѣе общеизвѣстныхъ учрежденій Англіи. Въ умѣ всякаго образованнаго человѣка съ этими двумя латинскими словами связывается представленіе о старинномъ англійскомъ учрежденіи, за которымъ издавна установилась репутація вѣрнаго средства обезпеченія личной свободы. Этой репутаціи, однако, далеко не соотвѣтствуетъ уровень дѣйствительнаго знакомства съ этимъ учрежденіемъ. Многія черты его получаютъ нерѣдко совершенно неправильное освѣщеніе, и притомъ даже въ научныхъ работахъ въ области государственнаго, административнаго (?!), полицейскаго и уголовно-процессуальнаго права, хотя это учрежденіе, въ той или другой сторонѣ его, тѣсно соприкасается со многими важными вопросами, составляю-

щими предметъ изученія перечисленныхъ отраслей правовѣдѣнія. И это замѣчается какъ въ нашей, такъ и въ западно-европейской континентальной литературѣ". Не станемъ, конечно, предпринимать неблагодарной задачи опроверженія излишней преувеличенности приведенныхъ строкъ въ отношеніи западно-европейской литературы; онѣ вполнѣ справедливы относительно литературы русской, и этого въ значительной степени достаточно для появленія подобной работы изъ-подъ пера русскаго ученаго. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей книги г. Дерюжинскій, въ оправданіе высказанныхъ во введеніи заявленій, дѣлаетъ указанія на пробѣлы западно-европейской литературы въ избранномъ имъ вопросѣ. Такъ, въ началѣ третьей главы авторъ, слѣдуя Лоренцу Штейну, останавливается на бѣдности литературы по вопросу о чрезвычайныхъ мѣрахъ полиціи безопасности (стр. 151 пр.) и, подъ сильнымъ вліяніемъ А. В. Дайси,—на неправильности сопоставленія положенія, создаваемаго въ странѣ пріостановкой процедуры Habeas Corpus, съ военной тиранніей въ силу осаднаго положенія въ континентальныхъ государствахъ, каковы Германія и Франція (стр. 150—152); послѣдняя ошибка отмѣчена у Л. Штейна, М. Блока, И. Е. Андреевскаго. Что касается работы Т. Рейнака (De l'état de siège.—Etude historique et juridique. Paris 1885), то г. Дерюжинскій,—говоря въ примѣчаніи (стр. 152), что „по отношенію къ пріостановкѣ Habeas Corpus Акта авторъ ограничивается поверхностными и не всегда вѣрными замѣчаніями", не дастъ знать, впадаетъ ли новѣйшій изслѣдователь „осаднаго положенія" въ ошибку упомянутыхъ сейчасъ авторовъ или нѣтъ. Подробное изученіе извѣстнаго англійскаго изданія „парламентской исторіи" и „парламентскихъ преній"—дало возможность нашему автору составить общій перечень пріостановокъ Habeas Corpus Акта (см. ее въ видѣ таблицы на 298 стр.), весьма важный для уясненія нѣкоторыхъ подробностей; на основаніи этого перечня авторъ могъ отмѣтить ошибку въ „Конституціонной исторіи Англіи" Т. Э. Мэя, утверждавшаго дѣйствіе пріостановки Habeas Corpus Акта на протяженіи почти восьми лѣтъ—съ 23 мая 1794 г. до конца 1801 г., на самомъ же дѣлѣ пріостановка въ означенныхъ хронологическихъ предѣлахъ не дѣйствовала съ 1 іюля 1795 г. по 21 апрѣля 1798 г. и съ половины марта до 18 апрѣля 1801 г. (стр. 235 пр.; срв. еще стр. 71). Авторъ указываетъ, наконецъ, на неточности у А. В. Дайси, и эти указанія представляются особенно интересными въ виду отмѣченной мною раньше зависимости его отъ трактата оксфордскаго профессора. Ни въ нѣмецкой, ни во

французской, ни въ русской литературѣ—говоритъ г. Дерюжинскій,—нѣтъ ни одной работы, которая была бы посвящена всестороннему изученію пріостановки, да и вообще самаго института Habeas Corpus, а тѣ отдѣльныя, отрывочныя свѣдѣнія и указанія, которыя дѣлались по этому предмету, не могли служить достаточнымъ матеріаломъ для надлежащаго уясненія его. Любопытно, что и въ англійской литературѣ не было предпринято изслѣдованія вопроса о пріостановкѣ „*на основаніи изученія практики этой мѣры*" (стр. 152). Авторъ тотчасъ же спѣшитъ прибавить, что „прекрасный общій очеркъ" пріостановки даетъ А. В. Дайси, но онъ „не удовлетворитъ желающаго получить детальное знакомство съ предметомъ, такъ какъ, будучи краткимъ, онъ и не могъ обнять многія второстепенныя подробности" (стр. 152 пр.). Мы должны замѣтить, во-первыхъ, что эти „второстепенныя подробности" можно искать въ книгѣ нашего автора, а во-вторыхъ, что „общій очеркъ" А. В. Дайси какъ разъ даетъ руководящую нить для изученія института Habeas Corpus, которой умѣло воспользовался г. Дерюжинскій. Въ чемъ же ошибается А. В. Дайси по словамъ лица, спеціально изучившаго практику пріостановки Habeas Corpus Акта и „второстепенныя подробности", къ ней относящіяся? Трактатъ „Основы государственнаго права Англіи", оказывается, грѣшитъ всего только въ двухъ случаяхъ (см. у г. Дерюжинскаго стр. 374 и 378): А. В. Дайси, во-первыхъ, говоритъ, что „за актомъ, пріостанавливающимъ на нѣкоторое время Habeas Corpus, *всегда* слѣдовалъ актъ о снятіи отвѣтственности" (рус. пер. стр. 177, срв. начало 175-й стр.); изслѣдованіе г. Дерюжинскаго показываетъ, что это было далеко не такъ, что „изданіе акта объ амнистіи [1]) не есть непремѣнное послѣдствіе пріостановки, неизбѣжный результатъ ей содѣйствующій" (стр. 300), ибо пріостановки 1695—1696, 1707—1708, 1722—1723, 1743—1744 и отчасти 1746 г. актомъ о снятіи отвѣтственности не сопровождалось; слѣдуетъ только замѣтить, что ошибка оксфордскаго профессора, исправленная диссертаціей юрьевскаго (дерптскаго) профессора, чисто фактическая, а не теоретическая, такъ какъ А. В. Дайси теоретически допускаетъ возможность пріостановки безъ слѣдуемаго за ней акта о снятіи отвѣтственности, если говоритъ, что „существуютъ нѣкоторыя соображенія, ограничивающія то важное реальное значеніе, которое дѣйствительно можетъ имѣть ожидаемый актъ о снятіи отвѣтственности, и освобожденіе отъ отвѣтственности, ко-

---

[1]) Точнѣе: о снятіи отвѣтственности.

торое онъ можетъ дать, гадательно и невѣрно; если въ обществѣ явится подозрѣніе, что чиновники слишкомъ злоупотребляли своей властью, это можетъ весьма затруднить изданіе парламентскаго акта, освобождающаго отъ отвѣтственности за поступки, сдѣланные во время пріостановки акта о Habeas Corpus" (стр. 177 рус. пер.).—Во-вторыхъ, А. В. Дайси, хотя и не безъ оговорки (стр. 173 рус. пер.), признаетъ, что „акты о пріостановкѣ Habeas Corpus, относящіеся къ Англіи, были актами, издаваемыми лишь на одинъ годъ, и для того, чтобы оставаться въ силѣ, они должны возобновляться [1]) ежегодно"; изслѣдованіе г. Дерюжинскаго даетъ возможность устранить обычное заблужденіе литературы, не исключая и англійской, о *годичномъ* срокѣ пріостановки. „Въ литературѣ,—основательно замѣчаетъ нашъ авторъ,—часто можно встрѣтить утвержденіе, что пріостановка Habeas Corpus Акта производится обыкновенно на *годичный* срокъ, который и считается какъ бы нормальнымъ періодомъ дѣйствія этой мѣры. На самомъ же дѣлѣ это утвержденіе не имѣетъ за себя основаній. Чаще всего пріостановка издавалась на сроки *гораздо менѣе продолжительные*.

Если случаи продленія пріостановокъ принимать за самостоятельные, то всѣ двадцать два случая, по степени продолжительности, можно распредѣлить такъ: въ 12 случаяхъ продолжительность пріостановки не превышала 6 мѣсяцевъ (изъ нихъ въ четырехъ случаяхъ она не превышала двухъ мѣсяцевъ); въ 8 случаяхъ продолжительность ея колебалась отъ 6 мѣсяцевъ до 9 мѣсяцевъ 10 дней; въ одномъ случаѣ она достигла 11 мѣсяцевъ и, наконецъ, въ одномъ—*превысила* годичный срокъ (одинъ годъ и семь дней, въ 1722—1723 г.). Послѣдній случай представляетъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что годичный срокъ даже не можетъ считаться предѣльнымъ". Указанныя поправки къ трактату англійскаго юриста (также къ сочиненію Мэя) показываютъ, насколько детально изученъ Habeas Corpus въ диссертаціи русскаго ученаго и насколько послѣдняя интересна въ научномъ отношеніи. Можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что въ англійской литературѣ не было предпринято подробнаго изученія пріостановокъ процедуры Habeas Corpus и что эту работу пришлось продѣлать русскому ученому. Такое явленіе до нѣкоторой степени объясняется отсутствіемъ пріостановокъ въ англійской практикѣ послѣдняго восьмидесятилѣтія: послѣдняя въ

[1]) Статутъ 34 Geo. III, cap. 54, на который А. В. Дайси ссылается какъ на образчикъ годичной пріостановки, былъ изданъ всего лишь на восемь мѣсяцевъ и одну недѣлю (см. у г. Дерюжинскаго таблицу на 298-ой стр.).

XIX-мъ вѣкѣ пріостановка была вотирована съ 1 іюля 1817 г. по 1 марта 1818 г. (57 Geo. III, cap. 55). Всего любопытнѣе, что „конецъ ей положенъ былъ не наступленіемъ срока дѣйствія акта о пріостановкѣ, а спеціальнымъ актомъ парламента, отмѣнившимъ ее до наступленія срока и изданнымъ, къ тому же, по предложенію самого правительства" (стр. 293). „Съ тѣхъ поръ,—замѣчаетъ г. Дерюжинскій—(стр. 297), не было ни одного случая примѣненія этой мѣры по отношенію собственно къ Англіи или точнѣе—Великобританіи, не смотря на то, что въ жизни страны бывали и послѣ того періоды внутреннихъ броженій, принимавшихъ подчасъ характеръ и размѣры гораздо болѣе сложные, чѣмъ многія изъ разсмотрѣнныхъ волненій, дававшихъ поводъ къ пріостановкѣ дѣйствія основной гарантіи личной свободы". Это не можетъ не свидѣтельствовать объ особенномъ ростѣ политической выправки англичанъ, превратившемъ вопросъ о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта въ своего рода „антикварный вопросъ" для юриста, занятаго нормами современнаго конституціоннаго права. Этимъ я, конечно, вовсе не хочу сказать, что англійская конституціонная практика, изъявшая изъ обращенія пріостановку Habeas Corpus Акта, поставила на ней крестъ и въ юридическомъ смыслѣ [1]).

Узкая постановка вопроса и положеніе его въ литературѣ въ значительной степени опредѣлили планъ и характеръ изложенія. Мы видѣли сейчасъ, что въ континентальной литературѣ дается неправильное освѣщеніе пріостановки Habeas Corpus Акта, а въ англійской—дѣлаются фактическія ошибки относительно сроковъ пріостановки, изданія акта о снятіи отвѣтственности и т. п. Автору и предстояло заняться черновой въ значительной степени работой возстановленія фактической обстановки вотированія пріостановокъ и изданія актовъ о снятіи отвѣтственности по основному для этой цѣли источнику: Cobbett's Parliamentary History of England и Hansard's Parliamentary Debates. Эта спеціальная задача раскрытія фактическихъ подробностей обусловила, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ самъ

---

[1]) Надо, впрочемъ, замѣтить, что и къ процедурѣ Habeas Corpus въ современной практикѣ прибѣгаютъ сравнительно рѣдко: въ 1891 г. было предъявлено всего 28 требованій о выдачѣ приказа Habeas Corpus, изъ которыхъ удовлетвореніе получили только 10 ходатайствъ. „Объясняется это,—говоритъ г. Дерюжинскій (стр. 145), главнымъ образомъ, тѣмъ широкимъ развитіемъ, какое получили въ Англіи начала законности, предупреждающей и устраняющей возможность частыхъ случаевъ произвольнаго стѣсненія личной свободы" (срв. тамъ же стр. 145—146 цитату изъ Justice and Police Мэтланда).

авторъ (стр. VI), по преимуществу описательный характеръ книги, представляющей собою основное руководство для изученія института Habeas Corpus и весьма важное пріобрѣтеніе ученой литературы по вопросу о гарантіяхъ личной свободы и чрезвычайныхъ мѣрахъ полиціи безопасности.

Исключая вступительныя замѣчанія и приложенія, гдѣ, между прочимъ, напечатаны англійскіе [1]) тексты Habeas Corpus Актовъ 1679 и 1816 гг., диссертація проф. Дерюжинскаго состоитъ изъ пяти главъ, изъ которыхъ первыя двѣ не представляютъ интереса непосредственной новизны для русскаго читателя, такъ какъ подъ заголовкомъ „Гарантіи личной свободы въ Англіи" въ значительно иномъ видѣ напечатаны были въ „*Юридическомъ Вѣстникѣ*" 1884 г. (№ № 9 и 12), что и оговорено авторомъ въ введеніи (стр. VI); одна изъ нихъ (стр. 1—84) даетъ „историческій очеркъ института Habeas Corpus", какъ важнѣйшей гарантіи личной свободы въ Англіи, прошедшей пути долгаго историческаго развитія, другая (стр. 85—147) разсматриваетъ „процедуру Habeas Corpus" во всѣхъ ея деталяхъ и послѣдовательныхъ стадіяхъ, опредѣляя ее, какъ „средство обезпеченія личной свободы отъ произвольнаго или противозаконнаго вторженія въ нее" (стр. 85, 113); такъ какъ главной задачей процедуры Habeas Corpus является „возможно быстрое и полное возстановленіе незаконно или произвольно нарушеннаго права", то разсмотрѣнію ея предпосылается очеркъ законнаго порядка лишенія свободы [2]) по англійскому праву (стр. 85—107), за-

---

[1]) Нельзя не упрекнуть г. Дерюжинскаго за то, что онъ не приложилъ къ нимъ русскаго перевода, что было бы очень кстати, такъ какъ знаніе англійскаго языка у насъ очень еще не распространено въ публикѣ. Русскіе переводы „Петиціи о Правѣ" 1628 г. и „Билля о Правахъ" 1689 г. г. Дерюжинскій (стр. 54, 80) указываетъ въ книгѣ *А. А. Погорнаго-Подольнаго.* Парламентское дѣлопроизводство по англійскимъ источникамъ. М. 1862. Вып. I, въ приложеніяхъ, стр. 1—35.

[2]) Цифры обезпеченія и поручительства, установившіяся въ судебной практикѣ, взяты авторомъ (стр. 107) изъ книги Р. Гнейста. Geschichte und heutige Gestalt der englischen Communalverfassung oder des Selfgovernment. На стр. 68 и 74 см. основательную аргументацію г. Дерюжинскаго въ защиту мнѣній Галлама,—во первыхъ, что мысль объ изданіи особаго статута въ видахъ болѣе прочной гарантіи личной свободы возникла подъ вліяніемъ общаго характера управленія графа Кларендона, а не въ причинной связи съ дѣломъ Дженкса (1676 г.), какъ думали прежде,—а во-вторыхъ, что въ Habeas Corpus Актѣ 1679 г. напрасно искать какой-либо новый неизвѣстный дотолѣ англійскому праву принципъ. „Если актъ 1679 г.,—говоритъ г. Дерюжинскій (стр. 74—75), и не внесъ въ сокровищницу англійской свободы новаго принципа, то онъ все же имѣетъ несомнѣнное и громадное значеніе въ исторіи ея развитія", „положивъ конецъ тѣмъ злоупотребленіямъ, при посредствѣ которыхъ властолюбіе правительства и раболѣпное коварство коронныхъ юристовъ

канчивающійся характеристикой исковъ о неправильномъ заключеніи и злостномъ преслѣдованіи, являющихся также средствами защиты противъ произвола по отношенію къ личной свободѣ (стр. 107—113), равно какъ и commisson of gaol delivery или полномочіе освобождать изъ тюремъ (стр. 146—147). Здѣсь авторъ вынужденъ былъ, подобно уже указанному мною случаю (разсмотрѣніе осаднаго положенія во Франціи и Германіи) въ пятой главѣ, нѣсколько отступить отъ узкаго пониманія своей основной задачи и обратиться къ сопоставленію процедуръ законнаго и незаконнаго или произвольнаго лишенія свободы въ Англіи. Еще новое доказательство необходимости широкаго пониманія темы, поставленной г. Дерюжинскимъ, о чемъ приходилось уже говорить. Обѣ названныя главы, представляя собою удачную эксплуатацію наличной англійской литературы по конституціонной исторіи и частью уголовному праву и процессу, свидѣтельствующую о превосходной научной подготовкѣ нашего автора, не возбуждаютъ какихъ-либо особенныхъ контроверзъ. Отмѣчу только точку зрѣнія г. Дерюжинскаго по вопросу о толкованіи смысла знаменитой 29-й статьи Великой Хартіи Вольностей, которая гласитъ, что никто не можетъ быть лишенъ свободы—взятъ или подвергнутъ заключенію—произвольно, nisi per legale judicium parium suorum vel per legem teviae, т.-е. иначе какъ въ силу законнаго рѣшенія равныхъ ему лицъ или по закону страны. Въ литературѣ весьма естественно возникъ вопросъ о томъ, какъ понимать выраженіе legale judicium parium suorum: одни понимали его въ смыслѣ суда сотни или графства, другіе же толковали его какъ указаніе на судъ присяжныхъ,—институтъ, всеобъемлющая роль котораго въ исторіи конституціоннаго развитія Англіи громадна [1]). Проф. Дерюжинскій, отказываясь отъ детальнаго разбора этихъ разногласій, примыкаетъ, конечно, къ послѣднему взгляду. „Въ настоящее время,—говоритъ онъ,—(стр. 6), можно признать несомнѣннымъ то обстоятельство, что въ эпоху изданія Великой Хартіи судъ присяжныхъ уже существовалъ и что именно онъ разумѣется подъ словами—legale judicium parium suorum. Нечего и говорить, что англійское жюри XIII вѣка далеко еще не достигло

искажали столь существенную привилегію" (послѣднія слова взяты г. Дерюжинскимъ изъ книги Галлама)

[1]) Срв. у *Р. Гнейста.* Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. М. 1885, стр. 269: „подъ judicium parium разумѣется здѣсь не жюри, которое въ 1215 г. состояло только въ зачаткахъ jurata по гражданскимъ дѣламъ, а постановленіе приговоровъ равноправными людьми".

той степени развитія и того значенія, какое оно получило съ теченіемъ времени—въ эпоху окончательнаго упроченія современнаго политическаго строя Англіи".

Отмѣчу еще одну вещь въ историческомъ очеркѣ института Habeas Corpus у г. Дерюжинскаго, весьма кстати имъ подчеркнутую выдержками изъ „парламентской исторіи". Разсказывая о вотированіи въ парламентѣ Петиціи о Правѣ, г. Дерюжинскій долженъ былъ упомянуть о заключительномъ обращеніи къ королю, которымъ палата лордовъ предложила дополнить петицію и которое отвергла палата общинъ въ виду его неконституціонности. Все дѣло въ двухъ словахъ, немедленно обратившихъ на себя вниманіе чуткихъ политическихъ дѣльцовъ нижней палаты. Лорды предложили заключить петицію такими словами: „почтительно представляемъ эту петицію вашему величеству не только съ заботою объ охраненіи нашихъ вольностей, но и съ твердымъ намѣреніемъ оставить непрекосновенною ту *суверенную власть* (sovereign power), которая ввѣрена вашему величеству для защиты безопасности и благополучія вашихъ подданныхъ". Оговорка лордовъ приписывала королю „суверенную власть" т.-е. власть безусловную, стоящую надъ закономъ, такой власти не было у англійскаго короля, какъ главы исполнительной власти, отвѣтственной передъ законами страны въ лицѣ своихъ министровъ; вводя этотъ терминъ просто какъ почтительное выраженіе, признающее прерогативы короля, оговорка подрывала весь юридическій смыслъ и практическое значеніе Петиціи о Правѣ. Члены нижней палаты, высказывавшіеся по поводу прибавки лордовъ, признали выраженіе „суверенная власть" въ отношеніи къ королю „не парламентскимъ выраженіемъ", непонятнымъ и вовсе незнакомымъ англійскому законодательству. Это ревнивое и тонкое охраненіе основъ конституціонности, обезпечивающее господство закона въ странѣ, представляется чрезвычайно замѣчательнымъ въ ходѣ англійской исторіи, и г. Дерюжинскій, какъ вдумчивый изслѣдователь англійскаго строя, подмѣтилъ весь интересъ вопроса о конституціонной возможности оговорки съ выраженіемъ sovereign power короля и привелъ изъ „парламентской исторіи" слова Кока, Пима и Вентворта. Наиболѣе характерно замѣчаніе Кока, которое я и позволю себѣ привести. Слова „sovereign power", сказалъ Кокъ, „заключаютъ въ себѣ magnum in parvo. Ихъ предлагаютъ сдѣлать заключеніемъ нашей Петиціи. Это очень важно, ибо, говоря прямо, слова эти ниспровергаютъ всю нашу петицію; они подкапываются подъ всѣ ея части, касаясь и принудительныхъ зай-

мовъ, и лишенія свободы, и военнаго постоя; все возвращается въ прежнее положеніе. Посмотрите на всѣ петиціи прежнихъ временъ; онѣ не говорятъ о томъ, въ чемъ состоитъ королевскій суверенитетъ. Я знаю, что прерогатива—признается нашимъ закономъ: но „sovereign power“ — *не парламентское выраженіе*“ (стр. 52—53; срв. стр. 161). Въ этой поразительно мѣткой фразѣ, что „sovereign power“—„не парламентское выраженіе“, вся соль возраженія Кока. Вѣдь англійскій парламентъ, какъ это превосходно выражено въ трактатѣ А. В. Дайси (см. главу I-ую и III-ью; въ послѣдней любопытно выясненіе характера парламентскаго верховенства чрезъ сопоставленіе его съ системой федерализма, срв. особенно примѣчаніе на стр. 51 — 53 рус. пер.) выработался въ учрежденіе, которому принадлежитъ въ странѣ суверенная власть. Современный парламентъ теоретически не знаетъ никакихъ ограниченій своего верховенства; фактически онъ, конечно, ограниченъ, какъ и всякая государственная власть въ мірѣ, подъ какимъ бы причудливымъ терминомъ она ни фигурировала. Это фактическое ограниченіе мастерски обрисовано оксфордскимъ профессоромъ, на трактатъ котораго приходится дѣлать постоянныя ссылки (см. стр. 58 — 64 рус. пер.) и который обнаружилъ изумительную тонкость юридическаго анализа англійской конституціи. Чтобы не возвращаться болѣе къ первой части книги г. Дерюжинскаго, я позволю себѣ подчеркнуть 133—136 страницы ея, гдѣ разсказанъ одинъ характерный случай примѣненія приказа Habeas Corpus въ 1889 г. по дѣлу Томпсона: онъ превосходно иллюстрируетъ строгость и зоркость, съ какими англійскій судъ слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ своихъ предписаній относительно Habeas Corpus.

Слѣдующія двѣ главы диссертаціи проф. Дерюжинскаго составляютъ какъ бы вторую ея часть: это—третья глава, посвященная „пріостановкѣ Habeas Corpus Акта, какъ чрезвычайной мѣрѣ полиціи безопасности“ (стр. 148—298), и четвертая, занятая разсмотрѣніемъ „Актовъ объ амнистіи“ (стр. 299—368). Онѣ написаны на основаніи тщательнаго изученія того первоисточника, о которомъ уже пришлось упомянуть раньше, т.-е. изъ „парламентской исторіи“ и „парламентскихъ преній“, и рисуютъ фактическую обстановку, при которой вотировались билли о пріостановкѣ Habeas Corpus Акта и объ изданіи актовъ о снятіи отвѣтственности. Само собою разумѣется, что главы эти, отличаясь повѣствовательнымъ характеромъ, потребовали отъ автора большой затраты силъ при изученіи первоисточника, на которомъ онѣ основаны, и въ то же время онѣ не заключаютъ

цѣли въ самихъ себѣ; вся черновая работа возстановленія фактической обстановки продѣлана въ концѣ-концовъ для того, чтобы выяснить юридическую природу института Habeas Corpus. Какимъ путемъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ совершались пріостановки Habeas Corpus Акта,—каково было практическое значеніе пріостановокъ и какъ выражалась связь между проведеніемъ биллей двухъ порядковъ о пріостановкѣ и актахъ о снятіи отвѣтственности—вотъ вопросы, на которые должны отвѣчать факты, систематизированные въ третьей и четвертой главахъ диссертаціи г. Дерюжинскаго. Мы уже знаемъ, что такая работа еще не была продѣлана въ англійской литературѣ, вслѣдствіе чего она и дала возможность не только устранить нѣкоторыя фактическія ошибки у такихъ писателей, какъ Мэй или Дайси, но и произвести окончательную реформу во взглядѣ на существо пріостановокъ. Сущность этой реформы, получившей свое теоретическое обоснованіе у А. В. Дайси, выясняется заключительной (пятой) главой о „пріостановкѣ и осадномъ положеніи“ (стр. 369—392), которая имѣетъ цѣлью „подвести итоги тѣмъ основнымъ чертамъ, которыми отличается пріостановка основной гарантіи личной свободы въ Англіи, и оттѣнить ея особенности по сравненію съ тѣмъ наиболѣе типическимъ проявленіемъ политики чрезвычайныхъ мѣръ, которое представляетъ собою осадное положеніе въ континентальныхъ государствахъ“ (стр. 369).

Прежде чѣмъ продолжать ознакомленіе съ любопытной книгой проф. Дерюжинскаго, я позволю себѣ замѣтить, что планъ изложенія строенъ и схематиченъ и не потерпѣлъ бы особенно существенныхъ перетасовокъ, еслибъ вопросъ охватывался авторомъ гораздо шире; самое изложеніе хорошо выдержано, чуждо до педантизма излишнихъ подробностей, останавливаясь на существенномъ и важномъ, а отношеніе автора къ темѣ, имѣющей такое громадное значеніе въ наше время и въ нашей грустной обстановкѣ, абсолютно объективное, такъ что самый злостный критикъ не могъ бы оспаривать чисто научной физіономіи диссертаціи. Это чисто научное, спокойное изложеніе нашимъ авторомъ столь живого вопроса не мѣшаетъ, однако, читателю составить себѣ представленіе о нѣкоторыхъ общихъ его взглядахъ и подмѣтить далеко не безразличное отношеніе къ основнымъ понятіямъ о правовомъ государствѣ съ абсолютнымъ верховенствомъ закона, представляющемъ для русскаго читателя идеалъ, кореннымъ образомъ противорѣчащій окружающей его обстановкѣ. Какъ вообще смотритъ г. Дерюжинскій на правовой характеръ

англійскаго строя, всего рельефнѣе сквозитъ въ заключительныхъ строкахъ его диссертаціи, которыя я не постѣснюсь привести цѣликомъ. „Прошлая исторія Англіи, говоритъ онъ (стр. 392), свидѣтельствуетъ о томъ, что изложенныя начала, которыя могутъ показаться излишне и опасно стѣсняющими дѣйствія администраціи, ничуть, однако, не подрывали силы правительственной власти, когда энергичнаго примѣненія ея требовали обстоятельства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ именно эти начала, ревниво оберегаемыя и неуклонно проводимыя въ жизнь, давно помогли Англіи обезпечить правовые устои законнаго и твердаго порядка, который до сихъ поръ является какъ будто и заманчивымъ, но недостижимымъ идеаломъ для Франціи, не смотря на тѣ старанія и энергію, съ какими она вырабатывала и примѣняла безчисленныя нормы охраненія порядка на основахъ, прямо противоположныхъ укоренившимся въ Англіи. И по мѣрѣ того, какъ англійскія простыя начала здраваго сочетанія требованій порядка съ уваженіемъ къ свободѣ упрочивались въ системѣ управленія,—въ обыденной жизни и въ средѣ управляемыхъ укоренялись и развивались чувство уваженія къ закону и сознаніе важнаго значенія законности, какъ основного условія общежитія; а соотвѣтственно съ этимъ въ большой степени сократилась вѣроятность возникновенія такихъ обстоятельствъ, при которыхъ можетъ явиться потребность въ какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣрахъ". Я не думаю, чтобы послѣ этой прекрасной выдержки, выражающей полное преклоненіе предъ „простыми началами здраваго сочетанія требованій порядка съ уваженіемъ къ свободѣ", а слѣдовательно, полнымъ научнымъ презрѣніемъ къ произволу и деспотизму во вкусѣ восточныхъ сатрапій, стоило еще останавливаться на общихъ взглядахъ нашего автора и приводить изъ его диссертаціи подходящія для этой цѣли мѣста (срв. стр. 1, 56, 4 — личная свобода представляется вѣчной и наиболѣе жгучей потребностью человѣческаго общества, организованнаго въ государство", — 27, 39, 78—79, 108, 131, 162, и мн. др.).

Послѣ этой, нѣсколько затянувшейся, оговорки, продолжаю ознакомленіе съ содержаніемъ диссертаціи проф. Дерюжинскаго.

Третья и четвертая главы, какъ уже извѣстно изъ предшествующаго изложеніе, имѣютъ цѣлью выяснить, что представляетъ собою пріостановка Habeas Corpus Акта; каковы были поводы ее вызывавшіе; въ чемъ заключаются тѣ исключительныя полномочія, которыя съ принятіемъ этой мѣры ввѣрялись адми-

нистраціи; какъ совершалось и въ чемъ выражалось примѣненіе этихъ полномочій на практикѣ (срв. стр. 369).

Изученіе вопроса о чрезвычайныхъ мѣрахъ полиціи безопасности въ Англіи представляетъ особенныя трудности потому, что англійская конституція не знаетъ ничего подобнаго, что мы видимъ въ конституціяхъ французской или германской, гдѣ подобныя мѣры типа осаднаго положенія формулированы писанымъ статутомъ. Англійскій государственный строй знаетъ въ смыслѣ чрезвычайной мѣры полиціи такъ-называемую пріостановку Habeas Corpus Акта, для которой нѣтъ опять таки разъ навсегда опредѣленнаго статута. (срв. у А. В. Дайси стр. 172 рус. пер.). Каждый разъ, когда правительству казалось необходимымъ прибѣгнуть къ исключительной мѣрѣ пріостановки, оно должно было исторгать у парламента законодательный актъ о пріостановкѣ и только тогда получало законныя полномочія, извѣстнымъ образомъ нарушавшія обычный ходъ дѣла. Необходимость каждый разъ вотировать спеціальный билль о пріостановкѣ настолько согласуется съ духомъ англійской конституціи, что А. В. Дайси въ своемъ введеніи въ изученіе англійской конституціи не подвергаетъ разсмотрѣнію того основного положенія, что пріостановка можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ въ силу особаго на каждый отдѣльный случай закона. Проф. Дерюжинскій, какъ спеціальный изслѣдователь института Habeas Corpus, долженъ былъ и поставить этотъ вопросъ, и дать на него отвѣтъ. Можно было бы вообще основывать приведенное положеніе на томъ пунктѣ Билля о Правахъ 16 декабря 1689 г., который гласитъ, что „притязаніе на право пріостанавливать дѣйствіе и исполненіе законовъ королевскою властью безъ согласія парламента—незаконно“, но вѣдь извѣстны пріостановки съ согласія парламента ранѣе утвержденія Билля о Правахъ королевской властью; таковы пріостановки съ 6 марта 1688 г. по 17 апрѣля 1689 г., съ 25 апрѣля по 25 мая 1689 г. и затѣмъ по 23 октября 1689 г. (1 Will & Mar., s. 1., c. 2,—cap. 7,—cap. 19); ихъ вотированіе въ парламентѣ можно, конечно, основывать на Деклараціи Правъ, прочитанной при вступленіи на англійскій престолъ Вильгельма III и Маріи. Но, справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, обязательность „парламентскаго согласія на пріостановку Habeas Corpus Акта возникла значительно ранѣе и Билля о Правахъ, и Деклараціи Правъ“. „Она является косвеннымъ, но вполнѣ логическимъ и непремѣннымъ послѣдствіемъ Петиціи о Правѣ 1628 года. Сущность постановленій этого документа по отношенію къ личной свободѣ состоитъ въ признаніи незакон-

ности какихъ бы то ни было изъятій и исключеній изъ общаго законнаго порядка лишенія свободы, хотя бы эти изъятія дѣлались именемъ высшей исполнительной власти — короля и ближайшихъ его совѣтниковъ, членовъ Тайнаго Совѣта. Но именно эти изъятія и вообще отступленіе отъ законнаго порядка, защищаемаго процедурою Habeas Corpus, и составляютъ существо пріостановки. Будучи незаконными при нормальномъ положеніи дѣлъ, эти изъятія могутъ стать законными не иначе, какъ при условіи допущенія ихъ въ исключительныхъ случаяхъ обычнымъ законнымъ порядкомъ, т.-е. изданіемъ парламентскаго статута, утверждаемаго королевскою властью. Указаніе на то, что уже въ Петиціи о Правѣ слѣдуетъ искать признанія обязательности парламентскаго согласія на пріостановку дѣйствія гарантіи процедуры Habeas Corpus, находитъ себѣ полное подкрѣпленіе въ подробностяхъ исторіи проведенія Петиціи" (стр. 154—161; слѣдуетъ обратить вниманіе на отверженіе парламентомъ оговорки лордовъ о sovereign power короля). Установивъ эту совершенно правильную, по моему мнѣнію, точку зрѣнія на обязательность пріостановки Habeas Corpus Акта только закономъ, авторъ при изученіи отдѣльныхъ ея случаевъ обращаетъ вниманіе на основанія и поводы пріостановки, важнѣйшіе мотивы въ ея пользу и главныя возраженія противъ, срокъ дѣйствія пріостановки, формулировку полномочій, даваемыхъ актомъ о пріостановкѣ (стр. 154). Всѣ случаи пріостановки для удобства обозрѣнія сведены авторомъ подъ двумя рубриками, имѣющими значеніе и по существу, и хронологически. Подъ первую рубрику подошли „пріостановки, вызванныя борьбою съ Якобитами", приверженцами Іакова II и его потомства, и обнимающія 1688—1746 гг. (стр. 162 — 198), а подъ вторую — „пріостановки, вызванныя борьбою съ демократіей" въ промежуткѣ между 1794 и 1818 гг. (стр. 198—297, 298 таблица). Для спеціальнаго интереса изслѣдователя пріостановокъ равновеликое значеніе имѣютъ обѣ ихъ группы, но, несомнѣнно, вторая группа имѣетъ болѣе широкій интересъ, а потому и возбуждаетъ большее вниманіе читателя, и даже самого изслѣдователя, который по отношенію къ ней располагалъ болѣе значительнымъ по объему матеріаломъ. Время, къ которому послѣднія относятся, характеризуется проникновеніемъ и развитіемъ демократической доктрины [1]),

[1]) Недавно вышла спеціальная работа по этому вопросу, принадлежащая проф. М. М. Ковалевскому *Происхожденіе современной демократіи*. М. 1895. Т. I. См. о ней мою статью въ пятомъ томѣ „Сборника правовѣдѣнія и общественныхъ знаній". Спб. 1895.

особенно пошедшей вглубь и вширь подъ вліяніемъ толчка, даннаго событіями французской революціи. Подогрѣвая проникновеніе въ жизнь демократической доктрины, которой принадлежала великая будущность въ Европейскихъ государствахъ, французская революція способствовала усиленію тупой правительственной реакціи, всегда обострявшей и даже порою ускорявшей движеніе того дѣла, противъ котораго она выступала, какъ раба слѣпого консерватизма обычая и застывшихъ традицій. Англійская жизнь того времени выставила на первый планъ политическія реформы вообще и парламентскую реформу въ частности; образовались цѣлыя общества, которыя начали усиленную дѣятельность пропаганды основъ демократической доктрины, идей парламентской реформы, всеобщаго голосованія, закрытой подачи голосовъ. Правительственная реакція видѣла въ дѣятельности этихъ обществъ и ихъ членовъ „опасный духъ смуты“ (стр. 201; срв. стр. 251—253), въ ихъ законномъ требованіи политической реформы—стремленіе къ анархіи и вообще все, чѣмъ она обыкновенно старается запугать общественное мнѣніе и привлечь его на свою сторону. Говорившій за пріостановку въ маѣ 1794 г. Питтъ былъ правъ, когда, характеризуя дѣятельность сторонниковъ парламентской реформы подъ флагомъ началъ демократической доктрины, признался, что такого *„грознаго заговора никогда раньше не было“* (стр. 207); онъ былъ правъ, потому что мнимыми заговорщиками были свѣжіе представители страны, одушевленные живой идеей и честными стремленіями, находившими поддержку въ общественномъ мнѣніи: они дѣйствовали въ парламентѣ, въ печати, въ просвѣтительныхъ обществахъ. Реакція не прислушивалась къ голосу оппозиціи и предпочитала репрессію, которая ей была доступна лишь въ пріостановкѣ процедуры Habeas Corpus; правительство такъ усердно проводило эту мѣру въ парламентѣ, несмотря на жесткіе и рѣзкіе протесты членовъ оппозиціи, что въ концѣ концовъ само вынуждено было отказаться отъ нея ранѣе истеченія срока послѣдней пріостановки, вотированной парламентомъ по 1 марта 1818 г. Фактъ—глубоко поучительный (срв. стр. 295, 297) и очень характерный для англійскихъ представителей исполнительной власти, которымъ не нужно было рѣзче доводовъ членовъ парламентской оппозиціи и общественнаго мнѣнія страны доказывать, что основное начало благоустроеннаго государства, по которому лишеніе свободы можетъ имѣть мѣсто только въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ и въ строго законной же формѣ (срв. стр. 79), нельзя игнорировать безнаказанно. Еще

въ 1794 г. графъ Стенгопъ могъ замѣтить, что опасеніе, которое правительство испытываетъ передъ „заговоромъ" (парламентской реформой и пр.), можно всего лучше сравнить съ тѣмъ страхомъ, который испыталъ Донъ-Кихотъ передъ вѣтряной мельницей. Правительственная реакція ссылалась тогда на „пагубный" примѣръ Франціи, но и эта параллель встрѣтила блестящее опроверженіе въ парламентѣ, которое приводитъ насъ къ другой сторонѣ англійскихъ общественныхъ волненій конца XVIII и начала XIX вѣковъ. „Развѣ между англійскою конституціей и старымъ правленіемъ во Франціи есть какая-нибудь параллель,—говорилъ Фоксъ,—чтобы мы могли опасаться тѣхъ же послѣдствій отъ якобинскихъ доктринъ, какія пришлось испытать этому деспотическому правленію? Во Франціи не было Habeas Corpus Акта; во Франціи народная свобода не пользовалась признаніемъ и уваженіемъ; и якобинскія доктрины восторжествовали во Франціи, конечно, не потому, что она пользовалась мягкимъ управленіемъ на основѣ равенства и законности. Напротивъ, можно предположить, что еслибы Франція имѣла свой Habeas Corpus Актъ и не пріостанавливала его, еслибы въ ней уважались права и свобода народа, то якобинскія доктрины никакъ не восторжествовали бы надъ установленной властью...

Деспотизмъ Людовика XVI не съумѣлъ спасти Францію отъ якобинскихъ доктринъ" (стр. 216). Мы сейчасъ видѣли, что правительственная реакція достаточно боялась того, чего ей совсѣмъ не слѣдовало бояться, ибо пугалась новыхъ идей и требованій политическихъ реформъ на почвѣ вновь возникшихъ исторически соціальныхъ и экономическихъ отношеній; слова Фокса, напротивъ, подчеркиваютъ, что правительство, вносящее билль о пріостановкѣ процедуры Habeas Corpus, не трусить именно того, что̀ дѣйствительно въ высокой степени опасно. Предлагая своего рода репрессивную мѣру и приглашая парламентъ проведеніемъ этой мѣры задерживать реформу, можно было именно усиливать броженіе въ обществѣ и пошатывать авторитетъ власти, ибо едвали возможно безнаказанно идти слѣпо противъ велѣній жизни и согласнаго съ ними общественнаго мнѣнія. Вѣдь какъ разъ примѣръ Франціи—отличное доказательство, что не якобинскія идеи и связанное съ ними общественное движеніе ниспровергли старый порядокъ, а именно, съ одной стороны нежеланіе, а съ другой стороны, невозможность для правительства стараго порядка прочно ступить на путь реформъ. Странѣ, въ которой политическая и всякая другая реформа можетъ съ полной свободой пропагандироваться всякими законными и конституціон-

ными способами, едвали позволительно опасаться волненій и нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ репрессіи.

Не даромъ г. Дерюжинскій, закончивъ обзоръ пріостановокъ процедуры Habeas Corpus, замѣтилъ по поводу отмѣны послѣдняго акта о пріостановкѣ, что „съ тѣхъ поръ (т.-е. съ 31 января 1818 г.) не было ни одного случая примѣненія этой мѣры по отношенію собственно къ Англіи или, точнѣе, Великобританіи, несмотря на то, что въ жизни страны бывали и послѣ того періоды внутреннихъ броженій, принимавшихъ подчасъ характеръ и размѣры гораздо болѣе сложные, чѣмъ многія изъ волненій, дававшихъ поводъ къ пріостановкѣ дѣйствія основной гарантіи личной свободы" (стр. 297). Оппозиціонные члены парламента первой четверти XIX вѣка отлично понимали этотъ опасный источникъ волненій, когда правительство игнорируетъ голосъ народа, законно требующаго политическихъ реформъ. „Дѣйствительная опасность, говоритъ Гринъ (стр. 277 у г. Дерюжинскаго; срв. еще въ прим. на стр. 296 превосходную цитату изъ Вальполя и на стр. 370—371 изъ Росселя), грозящая общественному порядку, состоитъ лишь въ слѣпомъ противодѣйствіи всякимъ политическимъ перемѣнамъ, благодаря которому разумные и умѣренные проекты реформъ смѣшиваются съ революціонными замыслами". Упомянувъ о рѣчахъ графа Гросвенора, лорда Джона Росселя, Франсиса Бердетта, указывавшихъ, что министры упорно сторонятся реформъ, г. Дерюжинскій рѣзко подчеркиваетъ, что оппозиція истинный источникъ недовольства, приводящаго къ общественному движенію, видитъ въ нежеланіи правительства и парламента пойти навстрѣчу требованіямъ реформъ, а настоящимъ мотивомъ политики исключительныхъ мѣръ признаетъ стремленіе заглушить и подавить эти требованія реформъ (срв. замѣчанія членовъ парламента о роли низшихъ классовъ въ движеніи на стр. 274—275; срв. еще стр. 333).

Непосредственно за обзоромъ отдѣльныхъ случаевъ пріостановокъ авторъ останавливаетъ вниманіе читателя на фактическую обстановку изданія актовъ о снятіи отвѣтственности. Если научная цѣнность третьей главы заключается въ возстановленіи количества и продолжительности пріостановокъ, порядковъ и условій ихъ проведенія въ парламентѣ и т. д., благодаря чему исправляются нѣкоторыя невѣрныя представленія въ литературѣ, какъ, напр., объ обычной будто бы годовой продолжительности пріостановокъ, о вотированіи одно время въ теченіе восьми лѣтъ билля о пріостановкѣ, то четвертая глава должна уяснить практическое значеніе пріостановокъ и предѣлы пользованія исключитель-

ными полномочіями, установить непосредственную связь между актами о пріостановкѣ Habeas Corpus и актами о снятіи отвѣтственности, цѣль которыхъ даровать ненаказуемость тѣхъ неправильныхъ и противозаконныхъ дѣйствій, которыя могли быть совершены при осуществленіи на практикѣ полномочій, даваемыхъ пріостановкой. Здѣсь съ самаго начала автору пришлось установить двѣ новости. Во-первыхъ, изданіе акта о снятіи отвѣтственности не есть непремѣнное послѣдствіе пріостановки, неизбѣжный результатъ, ей сопутствующій (стр. 300), ибо на двѣнадцать случаевъ пріостановокъ приходится всего шесть актовъ о снятіи отвѣтственности. Во-вторыхъ, нельзя настаивать на непремѣнной связи между пріостановкой и снятіемъ отвѣтственности, ибо въ актѣ о послѣднемъ почти не встрѣчается указаній, что онъ есть слѣдствіе изданія исключительныхъ мѣръ, а кромѣ того случается, что дарованное снятіе отвѣтственности покрываетъ дѣйствія, совершенныя внѣ тѣхъ предѣловъ времени, которыми опредѣляется продолжительность пріостановки (стр. 302; срв. стр. 374—375). Отмѣчая лишь существенные выводы нашего автора и группируя разбросанныя въ его книгѣ замѣчанія, важныя въ томъ или иномъ отношеніи, я, конечно, не буду останавливаться на фактахъ, изложенныхъ во второй части книги, а обращу вниманіе лишь на упреки парламентской оппозиціи въ томъ, что правительство въ тревожное время народнаго броженія слишкомъ пользовалось гнусными услугами шпіоновъ. Вскользь о шпіонствѣ рѣчь идетъ въ третьей главѣ, подробнѣе въ четвертой (стр 289—292, 357—366). „Рѣчи многочисленныхъ (парламентскихъ) ораторовъ,—говоритъ г. Дерюжинскій,—переполнены указаніями на нравственную неприглядность и политическій вредъ пользованія шпіонами, ссылками на историческіе прецеденты и различные авторитеты стараго и новаго времени, осуждавшіе такіе пріемы". Оппозиція осуждала министерство Ливерпуля-Сидмаута за широкое пользованіе системой шпіонства, системой безнравственной въ корнѣ, и за допущеніе провокаторства шпіоновъ. Провокаторскій характеръ правительственныхъ шпіоновъ доходилъ до того, что, пользуясь наличностью недовольства среди населенія, они открыто возбуждали его къ безпорядкамъ. Въ этомъ случаѣ шпіонъ выступалъ съ своими обычными чертами: онъ создавалъ заговорщиковъ, онъ возбуждалъ волненіе, равно и тѣмъ и другимъ компрометируя правительство, которому онъ служитъ лишь до тѣхъ поръ, пока получаетъ жирный гонораръ. Знаменитый Вильберфорсъ отлично высказался о системѣ шпіонства, и его слова тѣмъ любопытнѣе, что онъ являлся однимъ изъ наиболѣе вид-

ныхъ членовъ правительственной партіи: „Эту практику не слѣдуетъ защищать на томъ основаніи, будто она была необходима для сохраненія общественнаго спокойствія. Нѣтъ, нѣтъ! Британская имперія не нуждается въ подобной помощи для поддержанія своей безопасности; она не ищетъ защиты у такихъ союзниковъ. Наша свобода, наши права, наше спокойствіе опираются на начала закона и конституціи и съ презрѣніемъ отвергаютъ всякую поддержку со стороны такихъ низкихъ союзниковъ". Такъ парламентъ, въ лицѣ члена правительственной партіи, заклеймилъ позоромъ систему подкупленныхъ шпіоновъ.

Пятая глава подводитъ итоги всей диссертаціи, показывая, какая глубокая разница — между военнымъ положеніемъ континентальныхъ государствъ и пріостановкой Habeas Corpus Акта въ Англіи. Нельзя не поставить въ особенную заслугу нашему автору то, что подъ вліяніемъ идей А. В. Дайси онъ окончательно изгналъ изъ литературы нелѣпое сопоставленіе пріостановки съ осаднымъ положеніемъ [1]). Въ чемъ заключается эта разница, мы уже видѣли, и здѣсь я укажу только на замѣчаніе г. Дерюжинскаго, что единственное юридическое послѣдствіе пріостановки Habeas Corpus Акта заключается въ пріостановкѣ освобожденія обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ лицъ, хотя бы они и имѣли законное на то право. Пятая глава книги г. Дерюжинскаго — прекрасное доказательство съ одной стороны тонкаго пониманія началъ англійскаго государственнаго строя нашимъ авторомъ, воспитаннымъ на лучшихъ произведеніяхъ англійской литературы, а съ другой — того поразительнаго легкомыслія, съ какимъ континентальные писатели иногда проводятъ параллели между институтами континента и англійскими.

Предложеннымъ исчерпывается отчетъ о диссертаціи г. Дерюжинскаго, не претендовавшій на детальный разборъ, а имѣвшій цѣлью лишь выяснить научное значеніе его работы вообще и подчеркнуть интересъ ея не для однихъ ученыхъ, но и для читателей изъ публики. Попытаемся подвести итоги сказанному и напомнить, какъ высоко цѣнятъ англичане право личной свободы.

Прежде всего диссертація г. Дерюжинскаго, подобно всѣмъ диссертаціямъ въ мірѣ, страдаетъ нѣкоторыми недостатками, къ числу которыхъ я отношу: 1) сравнительно узкую постановку темы, обусловившую собой въ значительной мѣрѣ описа-

[1]) Срв. о Martial law у А. В. Дайси, стр. 211 и сл. и у г. Дерюжинскаго, стр. 390—391. На стр. 371 слѣдуетъ отмѣтить опечатку на срк. 9 св., гдѣ стоитъ „1649" вмѣсто „1679".

тельный характеръ труда и нѣкоторое отсутствіе полноты и яркости характеристики института Habeas Corpus, т.-е. что изучается послѣдній не въ его цѣломъ, въ предѣлахъ лишь собственно Англіи и безъ сравнительнаго экскурса въ область гарантій личной свободы по праву континентальныхъ государствъ; 2) отсутствіе рѣзкаго заявленія о чисто процессуальномъ значеніи актовъ Habeas Corpus, т.-е. слѣдовало бы выдвинуть изложеніе А. В. Дайси (стр. 166—167 рус. пер.) о томъ, что „акты о Habeas Corpus представляютъ въ сущности акты, имѣющіе чисто процессуальное значеніе; ихъ цѣль — улучшить юридическій механизмъ, посредствомъ котораго защищается признанное право свободы личности; они изданы, какъ это обыкновенно бываетъ, когда законодательство находится подъ вліяніемъ юристовъ, просто съ цѣлью устранить практическія, указанныя опытомъ, затрудненія;“ 3) наконецъ, можно, кажется, отмѣтить нѣкоторую поспѣшность труда, выразившуюся въ томъ, что авторъ не далъ болѣе подробной характеристики практическаго примѣненія полномочій, дававшихся исполнительной власти пріостановками Habeas Corpus Акта, и затѣмъ практическаго приложенія процедуры Habeas Corpus въ современной англійской практикѣ. Не стану скрывать, что первый изъ этихъ трехъ упрековъ диссертаціи проф. Дерюжинскаго можетъ быть подвергнутъ сильному ограниченію и что еще одинъ возможный упрекъ прямо уже нельзя сдѣлать нашему автору, а именно: у него нѣтъ высоко интересной для современнаго юриста картинки, обрисовывающей контрастъ между положеніемъ личности въ такомъ правовомъ государствѣ, какъ Англія, и положеніемъ ея въ такихъ государствахъ, гдѣ о Habeas Corpus имѣютъ очень смутное представленіе.

Перехожу къ формулировкѣ положительныхъ сторонъ диссертаціи проф. Дерюжинскаго. Во избѣжаніе недоразумѣній прошу припомнить ту точку зрѣнія, которую я съ большой охотой примѣняю къ современной ученой работѣ и упомянулъ въ началѣ моего изложенія. Не отрицая извѣстнаго значенія, извѣстной законности изслѣдованій, занятыхъ вещами антикварнаго значенія, я на первый планъ выдвигаю ученую работу, болѣе или менѣе тѣсно связанную съ запросами современной жизни, живую ученую работу, имѣющую, помимо чисто научнаго значенія, большой общественный интересъ; антикваріевъ и буквоѣдовъ у насъ не мало, а представители живой ученой мысли и живого ученаго слова — на перечетъ. Моя оцѣнка, ставя на первый планъ *научную* сторону книги, не упускаетъ изъ виду и общественнаго интереса.

Итакъ, я думаю къ положительнымъ сторонамъ разбираемой книги отнести слѣдующее:

1) Высокій научный и общественный интересъ избранной авторомъ темы, изложенной къ тому же довольно доступно, съ вполнѣ научной объективностью и вмѣстѣ съ очень опредѣленнымъ отношеніемъ къ тому или другому принципу.

2) Авторъ обнаружилъ основательную научную подготовку съ одной стороны въ умѣньѣ затронуть рядъ серьезныхъ вопросовъ и выдвинуть на первый планъ существенное и важное въ предѣлахъ избранной темы, а съ другой—въ превосходномъ знакомствѣ съ наличной литературой, выразившемся какъ въ подборѣ и оцѣнкѣ данныхъ литературы, такъ и въ возможностисдѣлать фактическія поправки къ такимъ работамъ, какъ Конституціонная исторія Англіи Мея или Основы государственнаго права Англіи Дайси.

3) По первоисточникамъ, изученіе которыхъ потребовало значительной затраты труда, авторъ возстановилъ фактическую обстановку изданія Актовъ о пріостановкѣ Habeas Corpus и Актовъ о снятіи отвѣтственности и установилъ дѣйствительную связь между тѣми и другими, причемъ это возстановленіе фактической обстановки, котораго до сихъ поръ не было предпринято въ англійской литературѣ, сдѣлано было съ цѣлью уясненія внутренней природы института Habeas Corpus.

4) Послѣ книги проф. Дерюжинскаго не можетъ уже держаться въ континентальной литературѣ то нелѣпое сопоставленіе, которое дѣлали даже крупные писатели въ родѣ Лоренца Штейна, а именно сопоставленіе пріостановки съ военнымъ положеніемъ. Проф. Дерюжинскій превосходно доказалъ фальшь этого сопоставленія и глубокую разницу, лежащую въ основѣ этихъ исключительныхъ мѣръ полиціи безопасности, и тѣмъ далъ реальное обоснованіе теоретическаго постулата оксфордскаго профессора, который въ своемъ мѣстѣ былъ мною указанъ. Прибавлю еще, что трактатъ „Основы государственнаго права Англіи“ дастъ не одну программу для спеціальнаго изслѣдованія и что весьма пріятно отмѣтить фактъ несомнѣннаго воздѣйствія блестящаго англійскаго юриста на нашего автора, и стало быть нашу ученую литературу.

Все высказанное сейчасъ даетъ историко-юридическому изслѣдованію г. Дерюжинскаго опредѣленное мѣсто не только въ русской научной литературѣ, но и въ западно-европейской, а вмѣстѣ позволяетъ утверждать ея интересъ для образованнаго читателя изъ публики, для котораго ясное понятіе о Habeas Corpus есть нѣчто такое, что не можетъ заставить испугаться англійскихъ цитатъ, пестрящихъ разбираемую книгу и предназначенныхъ лишь

для спеціалистовъ, какъ обычно установившійся аппаратъ разнаго рода доказательствъ или оправдательныхъ документовъ къ изложенному въ текстѣ.

Позволю себѣ еще одно замѣчаніе по поводу темы диссертаціи г. Дерюжинскаго.

Пріостановка Habeas Corpus Акта, какъ бы сравнительно мало ни давала она полномочій исполнительной власти (не слѣдуетъ ни на минуту забывать, что судъ присяжныхъ и свобода печати сохраняютъ вполнѣ свою силу во время пріостановки), все же является мѣрой исключительной, а потому и не лишенной опасности. Мы уже знаемъ, что современная англійская практика не прибѣгаетъ къ пріостановкѣ, которой не было вотировано съ 1818 г., когда само правительство предложило билль о досрочномъ прекращеніи дѣйствія акта о пріостановкѣ (стр. 297, 392). Съ тѣхъ поръ въ Англіи не разъ проявлялись серьезныя внутреннія броженія, и умиротвореніе происходило помимо принятія какихъ-либо исключительныхъ мѣръ. Укоренившееся въ обществѣ чувство уваженія къ закону, сознаніе важнаго значенія законности, какъ основного условія человѣческаго общежитія, почти устранило вѣроятность возникновенія такихъ обстоятельствъ, которыя потребовали бы какихъ-либо исключительныхъ мѣръ, хоть сколько-нибудь нарушавшихъ обыкновенный порядокъ въ странѣ. Этого рода политическій опытъ Англіи представляетъ для континентальнаго наблюдателя большой практическій и научный интересъ. Вѣдь всякая мѣра съ сверхъестественными полномочіями, данными администраціи, представляетъ большую опасность и для государства, и для общества; администрація часто видитъ опасность тамъ, гдѣ ея нѣтъ, и въ большинствѣ случаевъ склонна къ злоупотребленію своими полномочіями, нерѣдко способному сильно колебать авторитетъ государственной власти. Можно даже сказать, что ревностная не по разуму администрація, будучи вооруженной большими полномочіями, является болѣе сильнымъ средствомъ для умаленія авторитета власти, нежели сотни якобинскихъ клубовъ съ ихъ атмосферой революціонныхъ идей. Сознаніе этой опасности исключительныхъ административныхъ полномочій всего ранѣе развилось въ Англіи. Изученіе книги г. Дерюжинскаго показываетъ, что пріостановки вообще вотировались въ англійскомъ парламентѣ при громкихъ и вѣскихъ протестахъ оппозиціи, которая подчеркивала опасность превращенія временныхъ мѣръ въ постоянныя. При обсужденіи билля о пріостановкѣ въ маѣ 1689 г. оппозиція указывала съ одной стороны на то, что слишкомъ частая практика пріостановки

Habeas Corpus Акта способна подорвать „всякое значеніе этого важнаго законодательнаго акта, величайшаго оплота противъ деспотизма“ (стр. 169), съ другой на то, что подчеркиваніе временной необходимости пріостановки его до тѣхъ поръ, пока государственное управленіе упрочится, мало убѣдительно, ибо исторія показываетъ, что иногда временныя мѣры чрезвычайнаго характера умѣютъ незамѣтно для слабаго политическаго глаза превращаться въ постоянныя: такъ Людовикъ XI пожелалъ получить право на установленіе налоговъ только до собранія слѣдующаго парламента (генеральные штаты), но онъ такъ и не созвалъ парламента, и съ тѣхъ поръ налоги во Франціи стали устанавливаться безъ участія штатовъ (стр. 170). Надо впрочемъ замѣтить, что идея о томъ, что французскій король не абсолютенъ въ вопросѣ о новыхъ налогахъ не исчезла изъ обихода французской политической мысли и наканунѣ революціи не разъ выражалась какъ одинъ изъ устоевъ старинной французской конституціи [1]). Сто лѣтъ спустя оппозиція опять указывала, что аргументъ за пріостановку, будто государство не въ полной безопасности, не выдерживаетъ критики, ибо въ такомъ случаѣ никогда не наступитъ моментъ, когда пріостановка не будетъ нужна: въ теченіе всего времени, пока страна находится въ спокойствіи, могутъ повторяться тѣ же аргументы; если же возникнетъ недовольство, начнутъ увѣрять, что конституція въ опасности и что, слѣдовательно, необходимо предоставить правительству исключительныя полномочія“ (стр. 240 пр.). Спустя почти сто тридцать лѣтъ оппозиція продолжала дѣйствовать въ томъ же духѣ, подчеркивая всю опасность создаваемаго пріостановками прецедента (см. на стр. 339 пр. прекрасныя слова сэра Самюеля Роминьи и историка Вальполя). Если бы г. Дерюжинскій сгруппировалъ по пунктамъ, а не хронологически возраженія оппозиціи, получилась бы очень любопытная въ этомъ отношеніи картина. Мысль оппозиціи объ опасности установленія дурного прецедента и возможности превращенія временной мѣры въ постоянную заслуживаетъ очень серьезнаго вниманія. Еще въ 1878 г. Дюфоръ, пользуясь опытомъ 1871—1876 гг., въ теченіе которыхъ большая часть французской территоріи находилась подъ гнетомъ военнаго положенія, заявлялъ, что осадное положеніе гораздо легче установить, чѣмъ отмѣнить (стр. 382 и пр.). Можно было бы съ этой точки зрѣнія дополнить данныя книги г. Дерюжинскаго очень яркими и выразительными примѣрами

[1]) См. цитованное выше сочиненіе проф. М. М. Ковалевскаго.

изъ практики нынѣшнихъ европейскихъ государствъ,—примѣрами, которые превосходно оттѣняли бы неподражаемую политическую предусмотрительность англичанъ, всегда такъ высоко цѣнившихъ институтъ Habeas Corpus, этотъ, на ихъ взглядъ, (стр. 187) „великій оплотъ личной свободы", „неоцѣнимый законъ личной свободы" (стр. 192) „палладіумъ нашей свободы" (стр. 193, срв. стр. 217), „священный основной законъ" (стр. 218, 219), который ставитъ „британскую конституцію выше всякихъ другихъ свободныхъ государствъ древнихъ и новыхъ", „великая опора нашихъ вольностей и нашей конституціи (стр. 349; срв. на стр. 47 взглядъ Кока). Зародышъ этого права личной свободы и ея гарантій лежитъ еще въ Великой Хартіи Вольностей, о которой съ такимъ паѳосомъ говорятъ и англійскіе ораторы, и часто англійскіе историки. Г. Дерюжинскій среди массы отзывовъ по справедливости выдвинулъ въ своей книгѣ слова Лорда Чатама (срв. стр. 4 пр.). „Милорды,—говорилъ Питтъ старшій въ Верхней Палатѣ въ 1770 году (стр. 5 пр.),—вашимъ предкамъ, англійскимъ баронамъ, милорды, обязаны мы законами и конституціей, которыми обладаемъ... Милорды! Я думаю, что исторія не воздала должной справедливости ихъ образу дѣйствій, когда они исторгли у своего суверена то великое признаніе національныхъ правъ, которое заключается въ Великой Хартіи; они не присвоили ихъ себѣ однимъ, но сдѣлали ихъ общимъ благомъ и достояніемъ всего народа. Они не сказали—таковы права большихъ бароновъ или таковы права большихъ прелатовъ. Нѣтъ, милорды! Языкомъ простой латыни того времени они сказали—nullus liber homo и столь же заботливо отнеслись къ самому ничтожному изъ подданныхъ, какъ и къ сильнѣйшему. Это—чудныя слова; нехорошо звучатъ они только въ ушахъ буквоѣдовъ; но они и не подлежатъ разбору буквоѣдовъ—они обращаются къ человѣческимъ сердцамъ. Эти три слова — nullus liber homo—имѣютъ значеніе, касающееся всѣхъ насъ; они стоятъ того, чтобы ихъ запомнить, заучить наизусть; они стоятъ всѣхъ классиковъ" [1]).

В. Сторожевъ,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

[1]) Въ примѣчаніи не могу не выразить настойчиваго желанія *втораго* изданія трактата А. В. Дайси „Основы государственнаго права Англіи" съ болѣе сильнымъ по объему комментаріемъ и нѣкоторыми поправками въ переводѣ; это—книга, которая имѣетъ громадное значеніе для осмысленности политическаго образованія и выработки твердыхъ политическихъ принциповъ.

ЧТО ТАКОЕ ТРУДОВАЯ ЦѢННОСТЬ.

(Prof. Dr. *Werner Sombart.* Zur Kritik des ökonomischen Systems von Karl Marx. Arch. f. soc. Gesetzg. und Stat., VII B. 1894, IV) [1]).

На долю рѣдкаго научнаго произведенія выпадаютъ столь разнорѣчивыя сужденія научной критики, какія встрѣтилъ недавно вышедшій III томъ *Капитала* Маркса. На-ряду съ хвалебными отзывами (какова, напр., замѣтка Шмидта въ Socialpolitisches Centralblatt), по которымъ въ III томѣ Марксъ блистательно завершилъ свою систему, встрѣчаются и такіе (какъ Лоріа въ Nuova Antologia), которые объявляютъ этотъ томъ крахомъ всей научной системы *Капитала* [2]). Совершенно особое мѣсто въ критической литературѣ о III томѣ занимаетъ статья проф. Зомбарта, представляющая, по нашему мнѣнію, самое замѣчательное и, безъ сомнѣнія, самое оригинальное изъ всего, что пока написано объ этомъ предметѣ. Зомбартъ дѣлаетъ попытку дать совершенно новое истолкованіе понятію цѣнности и прибавочной цѣнности Маркса и этимъ истолкованіемъ уничтожить ту несогласованность, которая представляется на первый взглядъ между соотвѣтствующими ученіями I-го и III-го томовъ *Капитала.* Изложенію и критикѣ этой интересной попытки и посвящена настоящая статья.

---

[1]) Докладъ, читанный въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 9-го октября 1895 года.

[2]) „Ed invero dobbiam dirla la giusta e cruda parole: anzichè una soluzione si troviamo di fronte una mistificatione“ (Nuova Antologia, отъ 15-го февр. 1895 г. Статья Лоріа *Opera posthuma di C. Marx*, p. 477). „Quando mai si ebbe una riduzione all'assurdo così piena, un fallimento teorico più completo? Quando mai—io lo domando—suicidio scientifico fu con maggior pompa e con più grande solennità consumato?“ (l. c. p. 471). Несмотря на очень рѣзкій тонъ, въ статьѣ Лоріа сдѣланы нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія.

I.

Читатели III-го тома *Капитала* знаютъ, какъ разрѣшенъ тамъ знаменитый вопросъ о равенствѣ прибыли. Сущность этого рѣшенія (до подробностей намъ пока нѣтъ дѣла) сводится къ тому, что товары вымѣниваются не по трудовой стоимости, а по особому масштабу, цѣнамъ производства (Productionspreis). Это рѣшеніе вызоветъ, по словамъ Зомбарта, въ большинствѣ читателей тѣ же, что вызывали когда-то отвѣты кандидата Jobses'а предъ лицомъ высокой экзаменаціонной коммиссіи: общее покачиванье головой. Одни, видѣвшіе уже въ ученіи о цѣнности I-го тома замаскированную теорію издержекъ производства, найдутъ въ III томѣ лишь подтвержденіе своихъ воззрѣній. Другіе не признаютъ теперешняго рѣшенія „загадки Сфинкса" за рѣшеніе: узелъ разрубленъ, но не развязанъ. Но есть и такіе, которые въ ученіи III тома увидятъ нѣчто само собой понятное: для нихъ никогда и не существовала загадка, столь занимавшая большинство послѣдователей трудовой теоріи. Откуда же такое различіе мнѣній? Оно коренится, по мнѣнію Зомбарта, въ различномъ толкованіи понятія цѣнности и прибавочной цѣнности у Маркса. Въ неясности, существующей относительно этихъ понятій до сихъ поръ, лежитъ и причина пресловутой „загадочности". Поэтому мы можемъ пріобрѣсти надлежащую точку зрѣнія на ученіе III тома, лишь отвѣтивъ на основной вопросъ: „какое значеніе имѣетъ цѣнность (Werth) въ экономической системѣ Маркса?" (573).

Чтобы соблюсти точность въ передачѣ абстрактнаго и не всегда яснаго изложенія Зомбарта, постараемся передать его мысли возможно ближе къ подлиннику. Сначала Зомбартъ характеризуетъ цѣнность слѣдующими, чисто отрицательными чертами: „цѣнность не проявляется въ мѣновомъ отношеніи (Austauschverhältniss) капиталистически производимыхъ товаровъ. Она не есть также пунктъ, около котораго колеблются рыночныя цѣны, или центръ, къ которому онѣ тяготѣютъ: цѣнностямъ не соотвѣтствуютъ даже и *среднія цѣны*" (573). Далѣе: „цѣнность не существуетъ (lebt nicht) и въ сознаніи капиталистическихъ производителей: она не руководитъ даже разсчетомъ (Calcül) капиталиста. Еще незначительнѣе ея роль, какъ фактора распредѣленія въ раздѣлѣ общественнаго годового продукта. Она вовсе не составляетъ факта сознанія (Bewusstseinsthatsache) продавцевъ и покупателей товаровъ. Словомъ, она не

составляетъ „условія хозяйственной дѣятельности“ (по удачному выраженію Герлаха)“ (ib.). Если такъ, то гдѣ же существуетъ цѣнность и что̀ она такое? Она существуетъ въ мышленіи (Denken) теоретика-экономиста, она есть „не эмпирическій, но мыслительный (gedankliche) фактъ“ (574). Точнѣе, „понятіе цѣнности есть вспомогательное средство нашего мышленія, которымъ мы пользуемся, чтобы сдѣлать себѣ понятными феномены хозяйственной жизни, это фактъ логическій“ (ib.) [1]).

„Благодаря представленію о цѣнности (Werthvorstellung) становится возможнымъ, что товары, различные качественно, какъ предметы потребленія, являются для насъ опредѣленными количественно. Этотъ постулатъ я выполняю, принимая сыръ, мыло, ваксу исключительно продуктами (Nur-Producte) абстрактнаго человѣческаго труда и сравнивая ихъ только съ количественной стороны“, т.-е. какъ воплощенія труда, измѣряемаго рабочимъ временемъ.

Но въ то же время мѣновой законъ играетъ роль естественнаго закона, находящаго объективное осуществленіе въ обмѣнѣ товаровъ, какъ это признаетъ и Зомбартъ. Отсюда возникаетъ вопросъ: не стоитъ ли въ противорѣчіи опредѣленіе цѣнности, какъ логической категоріи, съ пониманіемъ мѣнового закона, какъ естественнаго закона, который господствуетъ (beherrscht) надъ движеніемъ цѣнъ? Дальнѣйшій анализъ понятія цѣнности обнаруживаетъ, что такого противорѣчія не существуетъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Дѣлая товары количественно соизмѣримыми, какой признакъ полагаемъ мы въ основу этой соизмѣримости? Не общее ли товарамъ, какъ физическимъ тѣламъ, свойство тяжести? Нѣтъ, мы кладемъ въ основу этой соизмѣримости тотъ признакъ, что блага эти суть продукты человѣческаго труда. „Далеко не безразлично, что въ наше представленіе о цѣнности мы влагаемъ именно это содержаніе; вѣдь тѣмъ самымъ мы констатируемъ, что мы разсматриваемъ товары, какъ продукты общественнаго труда, а это составляетъ ихъ самый выдающійся экономическій объективный признакъ (die ökonomisch objectiv relevanteste Thatsache in ihnen).

Хозяйственное бытіе (Dasein) человѣка, его матеріальная культура обусловлена тѣмъ количествомъ хозяйственныхъ благъ, которыми онъ можетъ располагать въ данный періодъ времени, а это количество въ свою очередь (при равныхъ прочихъ обстоя-

[1]) Зомбартъ оговаривается здѣсь, что терминъ *логическій* употребленъ имъ для краткости, хотя онъ хорошо сознаетъ множественность значеній этого термина въ философскомъ языкѣ.

тельствахъ и при равныхъ естественныхъ условіяхъ производства) зависитъ отъ производительной силы общественнаго труда. Эта сила составляетъ сама по себѣ лишь *техническій* фактъ и опредѣлима качественно и количественно: она обнаруживается въ томъ, что опредѣленнаго вида конкретный, индивидуальный трудъ можетъ въ данное время произвести извѣстное количество качественно опредѣленныхъ благъ", (напр. сапожникъ въ день можетъ изготовить двѣ пары сапоговъ, портной одинъ сюртукъ и т. п.) „Посредствомъ же представленія о цѣнности я погашаю качественное различіе въ производительномъ трудѣ. Мысля товары только, какъ воплощеніе безразличнаго, абстрактнаго общественнаго труда, я тѣмъ самымъ техническому понятію производительности труда придаю (kleide) адэкватную экономическую форму и этимъ дѣлаю его доступнымъ *экономическому* мышленію". Съ этой точки зрѣнія сапоги, сюртукъ и т. п. перестаютъ быть продуктами опредѣленнаго труда портного, сапожника, а являются представителями абстрактнаго труда, лишеннаго всякаго качества и сведеннаго къ простой затратѣ нервной и мускульной силы. „*Понятіе цѣнности у Маркса въ матеріальномъ смыслѣ* (in materieller Bestimmtheit) *есть ничто иное, какъ экономическое выраженіе производительной силы общественнаго труда какъ основы хозяйственнаго бытія*" (576).

Если таково понятіе цѣнности, то въ чемъ же состоитъ мѣновой законъ? Формальное опредѣленіе послѣдняго таково: цѣнность управляетъ въ послѣдней инстанціи всѣми хозяйственными явленіями (Vorgänge). Подставляя въ это формальное опредѣленіе данное уже опредѣленіе цѣнности въ матеріальномъ смыслѣ, находимъ: „*цѣнность есть специфическая историческая форма, въ которой выражается* (sich bestimmend durchsetzt) *производительная сила общественнаго труда, управляющая въ послѣдней инстанціи всѣми хозяйственными явленіями*" (577). Тогда только и можно правильно понять систему Маркса,—добавляетъ Зомбартъ,—если помнить, что „въ центрѣ ея стоитъ понятіе производительности труда, находящее свое экономическое выраженіе въ понятіи цѣнности".

Такимъ образомъ, въ найденномъ опредѣленіи примиряется противорѣчіе между первоначальнымъ (формальнымъ) и послѣдующимъ (матеріальнымъ) опредѣленіемъ цѣнности. Понятіе цѣнности прежде всего есть вспомогательное средство нашего мышленія. Но такъ какъ содержаніемъ этого понятія берется первостепенной важности объективный фактъ—производительная сила общественнаго труда, „мѣновой законъ становится закономъ,

фактически господствующимъ въ народномъ хозяйствѣ, или, точнѣе, ея регулирующимъ принципомъ". Значеніе теоріи цѣнности Маркса нужно искать такимъ образомъ въ томъ, что она нашла для техническаго факта производительности труда адэкватное экономическое выраженіе.

Истолковавъ такъ законъ цѣнности, мы безъ труда можемъ понять и сущность прибавочной стоимости. Для этого необходимо стать на общественно хозяйственную точку зрѣнія и исходнымъ пунктомъ взять общественное рабочее время. Оно выражается въ опредѣленномъ количествѣ продуктовъ, представляющемъ извѣстную цѣнность. „Прибавочная цѣнность въ формальномъ смыслѣ есть цѣнность того количества продуктовъ, которое составляетъ излишекъ сверхъ опредѣленнаго какимъ-либо образомъ количества ихъ: овеществленіе общественнаго прибавочнаго труда". Въ этомъ смыслѣ прибавочная цѣнность мыслима при всякой общественной организаціи. Особенность капиталистической организаціи состоитъ въ томъ, что опредѣленное количество труда освояется капиталомъ. Эта освоенная капиталомъ сумма общественнаго труда и есть прибавочная цѣнность въ капиталистическомъ смыслѣ. Опредѣлима-ли количественно эта сумма? Да, опредѣлима: это весь излишекъ труда сверхъ того, который необходимъ для содержанія и воспроизводства рабочей силы. Но какъ точнѣе опредѣлить это количество *„необходимаго"* труда? Для этого нужно опредѣлить понятіе производительнаго работника и его плату [1]).

Итакъ, какой же трудъ производителенъ? Трудъ тѣхъ, кто создаетъ цѣнность, т. е. кто производитъ потребительныя стоимости въ количествѣ, необходимомъ для существованія общества въ данный моментъ, независимо отъ исторической формы (напр. капиталистической) его организаціи. Всѣ лица, занятыя собственно въ процессѣ труда, отъ руководителя предпріятія до послѣдняго рабочаго, лица, занятыя сбереженіемъ, транспортировкой и т. п., составляютъ производительныхъ работниковъ, создающихъ цѣнность. Лица же, существованіе которыхъ обусловлено историческимъ характеромъ производства, какъ напр. агенты обращенія, рантье, капиталисты, государственные функціонеры (врачи, чиновники и т. п.), составляютъ классъ непроизводительный.

Теперь возвратимся къ исходному пункту разсужденія: мы

[1]) Зомбартъ дѣлаетъ здѣсь отступленіе въ сторону вопроса о „желѣзномъ" законѣ заработной платы и о производительности нефизическаго труда. Мы не послѣдуемъ за нимъ, чтобы не потерять основной нити разсужденія.

вышли изъ проблематическаго отношенія теоріи цѣнности и прибавочной стоимости къ теоріи издержекъ производства и прибыли и сказали, что отношеніе это теряетъ свой „загадочный“ характеръ при правильномъ пониманіи ученія Маркса о цѣнности и прибавочной стоимости. Эта „загадочность“, по мнѣнію Зомбарта, устранена предшествующими разсужденіями. Именно, выяснилось прежде всего, что съ *формальной* стороны издержки производства не имѣютъ ничего общаго съ цѣнностью, какъ прибыль съ прибавочной стоимостью. Въ понятіяхъ цѣнности и прибавочной стоимости констатируются и становятся доступны нашему мышленію *общественные* факты; издержки же производства и прибыль суть эмпирическіе факты *индивидуальной*, *частной* промышленной жизни. „Это суть отношенія разсчета („Kalcülationsverhältnisse) конкретныхъ агентовъ производства“ (581).

Замѣтимъ, что въ выраженіи *издержки производства* Зомбартъ объединяетъ два совершенно различныхъ понятія: во 1-хъ, опредѣленіе стоимости по затратамъ капитала на производство, причемъ прибыль является пропорціонально этимъ затратамъ наградой капиталиста за воздержаніе; такова эта теорія въ рукахъ Милля, Кэрнса и др. Все дѣло, значитъ, сводится здѣсь, дѣйствительно, къ „отношеніямъ разсчета“ агентовъ производства. Эта точка зрѣнія индивидуальная и субъективная.

Во 2-хъ, сюда же относитъ Зомбартъ и опредѣленіе цѣнности по затратѣ общественно-необходимаго труда на производство товара, по *издержкамъ* труда на производство. Такова, въ нашихъ глазахъ, теорія цѣнности Рикардо и Маркса. Здѣсь въ основу цѣнности кладется объективный принципъ общественнаго характера, почему и точка зрѣнія эта является объективной и общественной.

Такимъ образомъ, Зомбартъ отрицаетъ не только связь цѣнности съ *издержками производства* въ обычномъ значеніи этого термина, но и связь ея съ затратой общественно-необходимаго труда на производство каждаго отдѣльнаго товара, издержками общественно-необходимаго рабочаго времени. Здѣсь мы отмѣчаемъ это лишь по связи изложенія, подробнѣе же этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ въ дальнѣйшемъ.

Само собой ясно, продолжаетъ Зомбартъ, что прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста не стоитъ ни въ какомъ отношеніи къ производимой имъ прибавочной стоимости. Подобное воззрѣніе было бы просто абсурдомъ. Зомбартъ идетъ такъ далеко въ отрицаніи формальной связи между прибылью и прибавочной стоимостью, что го-

воритъ: „гипотеза, которую, повидимому, Марксъ дѣлаетъ въ X гл. III тома (гипотеза, по которой различныя нормы прибыли выравниваются въ среднюю посредствомъ конкуренціи; въ этой гипотезѣ и заключается рѣшеніе „загадки"!) не только излишня, безполезна для экономической системы Маркса, наоборотъ, ея отсутствіе составило бы украшающій недостатокъ (Schönheitsfehler) системы. Чтобы достигнуть средней нормы прибыли, теоретически нужно, конечно, принять за исходный пунктъ различныя прибыли отдѣльныхъ капиталовъ, но не эмпирически. Выравниванье различныхъ нормъ прибыли капиталовъ различнаго органическаго состава [1]) въ среднюю норму есть мыслительная операція (Denkoperation), но не фактъ дѣйствительной жизни" (586). Тѣмъ не менѣе теорія цѣнности и прибавочной стоимости имѣетъ не декоративный только характеръ. Она служитъ двойную службу: 1) она есть необходимый реквизитъ, чтобы сдѣлать доступными нашему уму хозяйственныя явленія; 2) она регулируетъ и опредѣляетъ факты хозяйственной жизни, черезъ нее Марксъ вводитъ закономѣрность въ эту послѣднюю. Поэтому въ матеріальномъ смыслѣ существуетъ весьма значительная зависимость между цѣнами производства и цѣнностями, прибылью и прибавочной стоимостью. Цѣны въ послѣдней инстанціи регулируются общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ; прибыли также регулируются отношеніемъ прибавочнаго времени къ необходимому: совокупная прибыль равна совокупной прибавочной стоимости. Воспроизводить эту зависимость не входитъ въ планъ статьи Зомбарта, ибо, какъ говоритъ онъ, для этого нужно повторить содержаніе *Капитала*.

Въ дальнѣйшемъ Зомбартъ выражаетъ сомнѣнія, которыя возбуждаютъ въ немъ нѣкоторыя мѣста III тома, плохо согласуемыя съ развитой точкой зрѣнія, но на нихъ, по связи изложенія, мы остановимся лишь во второй половинѣ этой статьи.

Мы передали почти въ дословномъ переводѣ разсужденія Зомбарта, и не наша вина, если въ нихъ представляются неясности и скачки. Обратимся къ критикѣ ихъ.

---

[1]) Органическимъ составомъ капитала называется пропорція, въ которой капиталъ составляется изъ орудій и матеріаловъ труда (*постоянная* часть) и заработной платы (*перемѣнная* часть).

II.

Концепція Зомбарта характеризуется столько же отрицательными, сколько и положительными чертами, и отрицательная характеристика, пожалуй, даже болѣе существенна, нежели положительная. По мнѣнію Зомбарта (нигдѣ, правда, прямо не высказанному, но красной нитью проходящему черезъ всю его аргументацію), *мѣновой законъ*—вопреки обычному его пониманію—*не есть правило обмѣна товаровъ, а нѣчто совсѣмъ иное.* Если поколебать это предположеніе, то сами собой падаютъ и его собственныя построенія. Въ дальнѣйшемъ мы и попытаемся идти именно этимъ путемъ: мы ставимъ себѣ задачей показать, что съ точки зрѣнія Маркса немыслимо иное пониманіе мѣнового закона, какъ правила обмѣна, и, слѣдовательно, построеніе Зомбарта ошибочно въ самомъ корнѣ. Чтобы яснѣе показать несоотвѣтствіе толкованія Зомбарта съ ученіемъ о цѣнности Маркса, намъ придется напомнить нѣкоторыя черты этого ученія, и мы заранѣе извиняемся передъ читателемъ, если намъ придется повторять общеизвѣстную теорію [1]).

Богатство капиталистическаго общества представляется въ видѣ массы товаровъ. Товаръ, прежде всего, есть предметъ внѣшняго міра, способный удовлетворять нашимъ потребностямъ, или потребительная цѣнность. При господствѣ товарнаго производства предметы, нужные для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, изготовляются отдѣльными, независимыми производителями и, какъ правило, изготовляются не для собственнаго потребленія, но для потребленія другихъ лицъ, иными словами, имѣютъ не индивидуальное, а общественное назначеніе. Въ томъ фактѣ, что каждый производитель изготовляетъ продукты только даннаго вида, проявляется общественное раздѣленіе труда; въ томъ фактѣ, что продукты эти изготовляются для сбыта и общественная потребность удовлетворяется усиліями индивидуальныхъ производителей, сказывается особенность исторической эпохи—капиталистическаго (или вообще товарнаго) производства. Разъ предметы общественнаго потребленія изготовлены въ нужномъ количествѣ, чтобы выполнить свое назначеніе, т.-е. попасть въ сферу потребленія, имъ необходимо совершить извѣстную метаморфозу—быть вымѣненными другъ на друга. Лишь такимъ путемъ каж-

[1]) Считаемъ нужнымъ поставить особо на видъ, что мы не имѣемъ цѣлью дать *догматическое* изложеніе теоріи Маркса, но излагаемъ ее лишь настолько, насколько это нужно для нашей цѣли.

дый отдѣльный производитель отдаетъ продукты своего труда, ненужные для собственнаго потребленія, но нужные для потребленія другихъ, и, наоборотъ, получаетъ продукты, ненужные для другихъ, но нужные для себя. Путемъ такого обмѣна совершается удовлетвореніе общественныхъ потребностей при товарномъ производствѣ, и онъ есть альфа и омега удовлетворенія потребностей общества товаропроизводителей.

Итакъ, производители мѣняются своими товарами: сапоги вымѣниваются на пудру, книги на хлѣбъ, шелкъ на сахаръ и т. д. Въ пестрой вереницѣ обмѣниваемыхъ товаровъ нѣтъ ничего общаго, кромѣ, пожалуй, того, что всѣ они суть полезные, т.-е. способные удовлетворять человѣческимъ потребностямъ предметы. На этой струнѣ и разъигрываетъ свои мелодіи такъ наз. австрійская школа (Grenznutzler'овъ, по выраженію Зомбарта). Однако, если не углубляться въ дебри психологіи и объективной закономѣрности обмѣновъ не опирать на случайное настроеніе мѣняющихся субъектовъ, нужно искать *объективнаго* [1]) принципа, регулирующаго эти обмѣны. Нужно признать въ товарахъ какую-нибудь объективно-существующую общую сущность. Такой сущностью является человѣческій трудъ. „Какъ цѣнности, всѣ товары суть лишь опредѣленныя количества застывшаго въ нихъ труда“ (Das Kapital, B. I, 3-te Ausg. По этому изданію сдѣланы и всѣ послѣдующія цитаты). „Какъ кристаллы этой общей имъ субстанціи, товары суть цѣнности“ (ib.). Но и человѣческій трудъ не такъ-то легко взять за общій всѣмъ товарамъ признакъ, за общую имъ субстанцію. Что, въ самомъ дѣлѣ, общаго между трудомъ инженера и кочегара, наборщика и рудокопа? А. Смитъ свернулъ въ сторону съ правильнаго пути предъ этой трудностью и началъ опредѣлять трудъ, какъ сумму тягостей и непріятностей, принимаемыхъ ради полученія продукта. Этимъ онъ широко распахнулъ двери субъективистамъ—Grenznutzler'амъ. Рикардо и Родбертусъ прошли мимо опаснаго мѣста, не замѣтивъ его. Вопросъ былъ сознательно поставленъ и разрѣшенъ только Марксомъ. Во всякомъ человѣческомъ трудѣ, какого бы вида онъ ни былъ, есть общее свойство: его физіологическая сущность; всякій трудъ сводится къ тратѣ нервной и мускульной силы. Это и составляетъ общую всѣмъ товарамъ

[1]) Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ статьѣ Зомбарта есть прекрасное мѣсто о субъективизмѣ и объективизмѣ въ политической экономіи. Подъ послѣднимъ Зомбартъ разумѣетъ „потокъ, берущій начало отъ Кенэ и черезъ Смита, Рикардо и Родбертуса идущій къ Марксу“, который и является наиболѣе полнымъ представителемъ научнаго объективизма.

субстанцію цѣнности [1]). Въ полезномъ трудѣ опредѣленнаго вида, какъ, напр., пряжа, шитье и т. п., абстрагируются всѣ признаки, составляющіе его свойства, какъ работы даннаго вида; изъ конкретнаго труда получается абстрактный трудъ, простая трата рабочей силы [2]). Итакъ, какъ цѣнности, товары суть „вещи равной субстанціи [3]), объективныя выраженія однороднаго труда" (D. K., 10). Но различные товары вымѣниваются одинъ на другой въ различныхъ пропорціяхъ. Чѣмъ же опредѣляются эти измѣняющіяся пропорціи? Если субстанцію цѣнности составляетъ абстрактный человѣческій трудъ, трата рабочей силы, то различныя количества этой траты создадутъ, очевидно, и различныя цѣнности. А количество траты, ceteris paribus, всего удобнѣе измѣряется продолжительностью процесса труда, т.-е. рабочимъ временемъ. Поэтому „цѣнность одного товара такъ относится къ цѣнности другого, какъ рабочее время, необходимое для производства перваго, относится къ рабочему времени, необходимому для производства второго". (D. K., ib.).

Итакъ, „если относительно потребительной стоимости трудъ, заключенный въ товарѣ, имѣетъ значеніе только съ качественной стороны, относительно величины стоимости трудъ этотъ, разъ онъ сведенъ къ человѣческому труду безъ всякаго дальнѣйшаго содержанія, имѣетъ значеніе только съ количественной стороны. Тамъ дѣло идетъ относительно свойствъ и сущности (um Wie und Was) труда, здѣсь—относительно его количества (um ihr Wie Viel), его продолжительности. Такъ какъ величина стоимости товара представляетъ лишь количество заключеннаго въ немъ труда, товары въ извѣстной пропорціи должны представлять всегда равныя цѣнности" (ib., p. 12).

Теперь, когда мы знаемъ субстанцію и мѣру цѣнности, для насъ ясна и связь между ними. Это не случайная, не произ-

---

[1]) Опускаемъ ученія о потенцированномъ и общественно-необходимомъ трудѣ. Въ нашу задачу, повторяемъ, не входитъ полное изложеніе трудовой теоріи цѣнности.

[2]) „Этотъ пунктъ, впервые изслѣдованный критически мною, есть основной пунктъ, на которомъ зиждется пониманіе политической экономіи" (6), говоритъ Марксъ.

[3]) Зомбартъ все время говоритъ о количественной соизмѣримости товаровъ, забывая, что для этого они должны быть соизмѣримы качественно. „Die Grössen verschiedener Dinge erst quantitativ—vergleichbar werden nach ihrer Beduction auf dieselbe Einheit. Nur als Ausdrücke derselben Einheit sind sie gleichnämige, daher kommensurable Grössen" (D. K., p. 16—17). Впрочемъ у Зомбарта здѣсь скорѣе неточность, остающаяся безъ вліянія на ходъ его разсужденій, нежели ошибка.

вольно выбранная связь, нѣтъ, это различныя стороны одного и того же факта, или одинъ и тотъ же фактъ, разсматриваемый подъ различными углами зрѣнія: со стороны его качества и со стороны его количества.

Для опредѣленія субстанціи и величины цѣнности мы предполагали, что товары поставлены уже въ отношеніе мѣны. Это предположеніе необходимо было намъ, чтобы опредѣлить общую сущность, заключающуюся въ обмѣниваемыхъ товарахъ, и пропорціи, въ которыхъ эти товары обмѣниваются между собою. Мы принимали такимъ образомъ форму товара, или отношеніе мѣны, за что то само собою разумѣющееся, какъ бы за натуральную форму, которую имѣютъ полезные продукты человѣческаго труда. Такое предположеніе было сдѣлано въ методологическихъ видахъ, ибо безъ него никакія усилія абстракціи не открыли бы въ продуктѣ полезнаго труда цѣнности. „Можно отдѣльный товаръ вертѣть, какъ угодно, онъ остается непонятнымъ, какъ носитель цѣнности (Werthding). Но если мы вспомнимъ, что товары обладаютъ стоимостью лишь настолько, насколько они суть выраженія одной и той же общественной единицы,—человѣческаго труда, что ихъ стоимость, слѣдовательно, чисто-общественнаго происхожденія, то становится само собой понятнымъ, что она можетъ проявляться только въ общественномъ отношеніи товара къ товару. Фактически мы вышли изъ мѣновой цѣнности или мѣнового отношенія товаровъ, чтобы напасть на слѣдъ скрытой здѣсь цѣнности ихъ. Теперь мы должны возвратиться къ этой формѣ проявленія цѣнности“. (D. K., p. 14—15). Мы остановимся въ интересахъ краткости на простой относительной формѣ цѣнности [x тов. A = y тов. B и наоборотъ], содержащей въ себѣ, хотя и въ неразвитомъ видѣ, всѣ основныя опредѣленія цѣнности [1]).

Когда мы говоримъ, что, какъ цѣнности, товары суть овеществленіе человѣческаго труда, это утвержденіе основывается лишь на абстракціи; товаръ самъ въ себѣ не можетъ выразить своей цѣнности; онъ есть лишь извѣстный предметъ потребленія. Если же мы говоримъ, что холстъ = сюртуку, цѣнность холста получаетъ предметную форму существованія, отличную

---

[1]) Такимъ образомъ мы пропускаемъ развитіе этой формы во всеобщую форму цѣнности, а равнымъ образомъ и ученіе о развитіи эквивалента, ученіе, имѣющее несравненную цѣну для денежнаго теоретика. Къ сожалѣнію, научной критикой совсѣмъ почти не затронутъ этотъ классическій анализъ, представляющій, въ нашихъ глазахъ, самое важное и самое замѣчательное мѣсто въ теоріи цѣнности Маркса.

отъ своей собственной, выражается въ потребительной формѣ сюртука. Холстъ впервые становится мѣновой цѣнностью. Приравнивая цѣнность холста цѣнности сюртука, мы представляемъ холстъ предметомъ одной и той же общественной субстанціи, какъ и сюртукъ,—человѣческаго труда: трудъ, заключенный въ холстѣ, приравнивается труду, заключенному въ сюртукѣ. При этомъ конкретный трудъ портного приравнивается конкретному труду ткача, слѣдовательно, отвлекается конкретная форма обоихъ видовъ труда, и остается только ихъ абстрактная сущность — трата рабочей силы. Далѣе, лишь извѣстное количество холста приравнивается извѣстному числу сюртуковъ; измѣняется первое количество, измѣняется и второе. Такимъ образомъ здѣсь цѣнность является опредѣленной и съ количественной стороны. Итакъ, „простая форма цѣнности товара заключается въ его отношеніи, какъ цѣнности, къ другому товару, или въ отношеніи обмѣна съ нимъ. Цѣнность товара А выражена качественно черезъ непосредственную вымѣниваемость товара В на товаръ А. Она выражена количественно черезъ вымѣниваемость лишь опредѣленнаго количества товара А на товаръ В. Другими словами: цѣнность товара нашла самостоятельное выраженіе черезъ свое представленіе, какъ „мѣновой цѣнности“. Товаръ есть предметъ потребленія и „цѣнность“. Онъ представляется въ этой своей двойственности, какъ только получаетъ собственную, отличную отъ своей природной формы, форму мѣновой цѣнности, и онъ не обладаетъ этой формой, разсматриваемой въ отдѣльности (isolirt), а всегда въ отношеніи цѣнности, или мѣновомъ отношеніи къ другому, отличному отъ него товару“ (ib., 28).

Такимъ образомъ, продуктъ извѣстнаго труда, раньше лишь мыслимый, какъ цѣнность, *фактически* становится ею только въ мѣновомъ отношеніи, или въ формѣ товара, въ формѣ цѣнности. Въ то же время „форма цѣнности есть самая абстрактная и самая общая форма буржуазнаго способа производства, который исторически характеризуется ею, какъ особый видъ общественнаго производства“ (ib., p. 50, Note 32). Итакъ, въ чемъ заключается сущность товара, или, какъ выражается Марксъ, мистическое его свойство? Очевидно не въ его потребительной стоимости, потому что ни въ удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, ни въ приведеніи матеріи въ форму, въ которой она способна удовлетворять нашимъ потребностямъ, нѣтъ ничего, характеризующаго товаръ, какъ таковой: это свойственно всѣмъ временамъ и всѣмъ способамъ производства. Столь же мало таинственная сущность товара связана и съ содержаніемъ опре-

дѣленія цѣнности. „Ибо, во 1-хъ, какъ ни различенъ можетъ быть трудъ, или производительная дѣятельность, но то, что онъ составляетъ функцію человѣческаго организма есть простая физіологическая истина, а всякая такая функція, каково бы ни было ея содержаніе и форма, сводится къ тратѣ мозга, нервовъ, мускуловъ, органовъ чувства и т. д. Во 2-хъ, что касается опредѣленія величины стоимости, продолжительности этой затраты или количества труда, то это количество представляетъ осязательныя различія отъ качества труда. Во всѣ времена человѣка должно было интересовать рабочее время, которое затрачивается на производство средствъ къ жизни. Наконецъ, разъ люди работаютъ какимъ бы то ни было способомъ другъ для друга, ихъ трудъ получаетъ и общественную форму. Откуда же возникаетъ загадочный характеръ продукта труда, какъ только онъ принимаетъ форму товара? Очевидно изъ самой этой формы: *равенство человѣческаго труда получаетъ форму равной цѣнности продуктовъ труда*, *опредѣленіе затраты человѣческой силы ея продолжительностью получаетъ форму величины цѣнности продуктовъ труда*, *наконецъ*, *отношенія производителей... получаютъ форму общественнаго отношенія продуктовъ труда*" (ib., p. 40—41. Курсивъ нашъ). Та же мысль въ другомъ мѣстѣ поясняется параллелью между товарнымъ производствомъ и нетоварнымъ. Основныя опредѣленія цѣнности — трудъ, какъ ея субстанція, рабочее время, какъ ея мѣра, можно найти и у Робинзона на его островѣ, и въ средневѣковомъ помѣстномъ хозяйствѣ, и въ древнеиндійской общинѣ, и въ общинѣ свободно ассоціированныхъ производителей. Но нигдѣ продукты полезнаго труда не становятся товарами, ибо нигдѣ не принимаютъ формы цѣнности. А это въ свою очередь зависитъ отъ того, что общественныя потребности удовлетворяются частными производителями; эти же послѣдніе вступаютъ въ общественныя отношенія только окольнымъ путемъ, путемъ общественнаго отношенія ихъ продуктовъ.

Возникаетъ и поддерживается подобный порядокъ вещей, конечно, не актомъ сознательной воли отдѣльныхъ производителей; онъ есть равнодѣйствующая стремленій и поступковъ каждаго члена общества, преслѣдующаго свои индивидуальныя цѣли и интересы [1]). Поэтому, „формы, которыя дѣлаютъ продукты труда товарами и, слѣдовательно, предполагаютъ товарное обращеніе, обладаютъ уже прочностью естественныхъ формъ обще-

[1]) По прекрасному выраженію Зомбарта, „у Маркса никогда не идетъ дѣло о мотивахъ (um Motivation), но всегда объ ограниченіи (um Limitation) sc. индивидуальной воли хозяйствующихъ субъектовъ" (l. c., p. 591).

ственной жизни, раньше чѣмъ люди пытаются отдать себѣ отчетъ не относительно историческаго характера этихъ формъ, которыя представляются имъ неизмѣнными, но объ ихъ содержаніи" (ib., p. 44—45). Практически интересуетъ каждаго производителя прежде всего лишь то, сколько онъ получитъ за свой товаръ продуктовъ труда другихъ. „Поэтому, фактически характеръ продуктовъ труда, какъ цѣнностей, утверждается черезъ ихъ осуществленіе, какъ величинъ цѣнности" (44). Точно также и въ наукѣ анализируется только субстанція и величина цѣнности; форма же цѣнности предполагается естественной формой, не подлежащей дальнѣйшему анализу. Вотъ почему классическая экономія, равно какъ и всѣ дальнѣйшіе экономисты совершенно игнорировали форму стоимости [1]).

Формы, проистекающія изъ товарнаго обращенія, образуютъ категоріи политической экономіи. „Это суть общественно обязательныя (gültige), слѣдовательно объективныя формы мысли для отношеній производства этого исторически опредѣленнаго общественнаго способа производства, именно товарнаго" (45).

Надѣемся, мы достаточно выяснили теперь характеръ товара и мѣновой стоимости у Маркса. Продуктъ полезнаго человѣческаго труда становится мѣновой цѣнностью, или товаромъ только *въ формѣ* цѣнности и черезъ ея посредство. Другими словами, мѣновая цѣнность одного товара мыслима и существуетъ только *въ отношеніи* къ другому товару, и съ этимъ отношеніемъ связаны всѣ основныя опредѣленія цѣнности. Эта логическая категорія соотвѣтствуетъ тому историческому порядку вещей, при которомъ общественное отношеніе производителей выражается общественнымъ отношеніемъ ихъ продуктовъ; трудъ частнаго производителя, направленный на общественныя цѣли, становится дѣйствительно общественнымъ лишь черезъ посредство приравниванья его труду другихъ производителей въ отношеніи цѣнности товаровъ [2]).

---

[1]) Такова же, по моему мнѣнію, причина, почему и большинство экономистовъ, изучавшихъ Маркса, останавливались преимущественно на анализѣ субстанціи и величины стоимости, игнорируя сравнительно ея форму.

[2]) Отсюда слѣдуетъ, между прочимъ, что трудовая цѣнность есть прежде всего *общественно-историческій фактъ*, *общественное отношеніе производителей*. Особенность послѣдняго въ томъ, что въ общественное отношеніе между собой становятся не сами производители, какъ таковые, Иванъ, Петръ, Сидоръ, Ѳома,—всѣ они остаются частными лицами,—но ихъ трудъ, который овеществляется въ продуктѣ. Отсюда равенство человѣческаго труда получаетъ форму равенства цѣнности продуктовъ труда, опредѣленіе затраты человѣческой силы ея продолжительностью получаетъ форму величины цѣнности продуктовъ.

Теперь намъ не трудно отвѣтить на вопросъ, ради котораго мы предпринимали этотъ экскурсъ въ область теоріи Маркса: есть ли законъ цѣнности правило, регулирующее обмѣны, или что либо иное? На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ,— основное опредѣленіе, выясненію котораго и посвященъ весь анализъ цѣнности: „мѣновая цѣнность является, прежде всего, количественнымъ отношеніемъ или пропорціей, въ которой потребительныя стоимости одного рода вымѣниваются на потребительныя стоимости другого рода—отношеніемъ, измѣняющимся въ различныя времена и въ различныхъ мѣстахъ. Мѣновая стоимость представляется, такимъ образомъ, чѣмъ-то случайнымъ и вполнѣ относительнымъ, а слѣдовательно, имманентная или присущая товару мѣновая стоимость (valeur intrinsèque) есть contradictio in adiecto“ (ib., p. 3).

Понятіе цѣнности у Маркса вполнѣ совпадаетъ и покрывается понятіемъ издержекъ производства *во второмъ* изъ двухъ значеній, которыя имѣетъ это слово у Зомбарта. Слѣдовательно, мѣновой законъ состоитъ въ томъ, что товары вымѣниваются другъ на друга пропорціонально заключенному въ нихъ количеству общественно-необходимаго труда, цѣнность ихъ опредѣляется издержками труда на ихъ производство. Въ такомъ видѣ всегда и трактовалась трудовая цѣнность. Какъ правило обмѣна понимаютъ цѣнность А. Смитъ и въ особенности Рикардо. О Родбертусѣ мы скажемъ ниже [1]).

труда и т. д. Сказанное служитъ отвѣтомъ на вошедшее въ послѣднее время въ моду возраженіе противъ трудовой теоріи, что она не обоснована, что она представляетъ petitio principii и под. Да, не только не обоснована, но и не можетъ быть обоснована, какъ не можетъ быть обоснованъ историческій фактъ. Понятно, насколько сильна такая критика, которая утверждаетъ, что „ihre (трудовой теоріи) dialectische (?!) Begründung nichts weniger als zwingend ist“ (Böhm-Baverk въ ст. „Werth“ въ Handw. d. Staatsw., VI, 689), „Zwingend“ является не діалектическое обоснованіе, а историческій фактъ.

[1]) Говоря это, мы отнюдь не утверждаемъ, что только тѣ товары имѣютъ мѣновую цѣнность, которые *фактически* были вымѣнены. Форма цѣнности есть необходимое *общественное* условіе существованія товара. Но этимъ вовсе не сказано, что понятіемъ о формѣ цѣнности исчерпывается все содержаніе понятія цѣнности; цѣнность—при условіи потенціальной вымѣниваемости—получаетъ самостоятельное существованіе *въ формѣ капитала*. Марксъ во II т. *Капитала* по этому поводу замѣчаетъ слѣдующее: „стоимость—говоритъ *Bailey*, возражая противъ самостоятельнаго существованія стоимости, характеризующаго капиталистическій способъ производства и которое онъ третируетъ, какъ иллюзію нѣкоторыхъ экономистовъ,—стоимость есть отношеніе между товарами, существующими одновременно, потому что только при этомъ условіи они могутъ быть вымѣниваемы одни на другіе“. Это онъ говоритъ противъ

Если мы вѣрно передали сущность теоріи Маркса, то очевидно, все построеніе Зомбарта ошибочно въ самой основѣ. Изслѣдуемъ его ближе.

Какъ мы видѣли, понятіе цѣнности характеризуется у Зомбарта двумя чертами: во-1-хъ, это есть логическая категорія, обусловленная потребностью нашего ума сдѣлать соизмѣримыми количественно предметы, различные качественно; во-2-хъ, цѣнность есть экономическое выраженіе техническаго факта общественной производительности труда. Относительно перваго признака несомнѣнно, что онъ нисколько не характеренъ для данной исторической эпохи,—товарнаго производства. Наоборотъ, логическій пріемъ соизмѣренія, какъ результатъ постоянной потребности нашего ума, есть его свойство, независимое отъ данной исторической эпохи; онъ составляетъ такую же категорію, какъ категоріи времени, пространства и другія свойства чистаго разума въ системѣ Канта Слѣдовательно, понятіе цѣнности въ этомъ смыслѣ, во-1-хъ, вѣчно (употребляемъ это неточное выраженіе, чтобы ярче оттѣнить неисторическій ха-

сравненія стоимостей въ различныя эпохи времени,—сравненія, которое, разъ установлена стоимость денегъ для каждой эпохи, означаетъ только сравненіе затраты труда, необходимой въ разныя эпохи для производства товара того же рода. Происходитъ это отъ его общаго ошибочнаго пониманія, по которому мѣновая стоимость равняется стоимости, т.-е. форма стоимости есть сама стоимость; слѣдовательно, стоимости товаровъ уже не могутъ быть сравниваемы, если онѣ не играютъ въ дѣйствительности роли мѣновыхъ стоимостей, т.-е. если онѣ въ дѣйствительности не будутъ обмѣнены одна на другую. Онъ ни мало не подозрѣваетъ, что стоимость играетъ только роль капитальной стоимости или капитала, пока она остается сама собою и пока она сравнима сама съ собою въ различныхъ фазахъ своего круговращенія, которыя никакимъ образомъ не одновременны, но слѣдуютъ одна за другою". (Капит., т. II, стр. 64, р. п.). Очевидно, что съ нашей точки зрѣнія стоимость, во 1-хъ, не совпадаетъ съ формой стоимости, ибо въ составъ содержанія этого понятія входитъ, сверхъ того, ея субстанція и величина; во 2-хъ, со стороны своей субстанціи - труда, какъ вѣчнаго условія человѣческаго существованія,—сравненіе стоимостей допустимо даже для такихъ эпохъ, когда продукты полезнаго труда не принимаютъ формы стоимости, что „означаетъ только сравненіе затраты труда, необходимой въ разныя эпохи для производства товара".

Равнозначущими съ приведеннымъ являются и слѣдующія мѣста II тома: „Тѣ, которые видятъ въ представленіи самостоятельнаго существованія стоимости (Verselbstständigung des Werthes) только простую отвлеченность, забываютъ, что движеніе промышленнаго капитала есть эта отвлеченность in actu, въ дѣйствіи" (Кап., II, 63).

„Періодическіе перевороты, происходящіе въ стоимостяхъ, подтверждаютъ то, что они якобы должны опровергнуть, именно фактъ самостоятельнаго существованія, которое пріобрѣтаетъ стоимость, какъ капиталъ, и которое вслѣдствіе ея движенія сохраняется и укрѣпляется" (64).

рактеръ этой категоріи); во-2-хъ, субъективно, ибо есть свойство познающаго субъекта, а не познаваемаго объекта. Въ этомъ качествѣ понятіе это не имѣетъ никакой цѣны для системы Маркса, исторической и объективной [1]), и составляетъ даже рѣзкій съ ней диссонансъ. Категоріи политической экономіи суть „общественно обязательныя, слѣдовательно объективныя формы мысли", вызываемыя отношеніями господствующаго способа производства, появляющіяся и пропадающія вмѣстѣ съ этимъ способомъ, а вовсе не вѣчные законы нашего мышленія. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ у Маркса историческія и объективныя формы мысли, у Зомбарта надъ-историческія и субъективныя свойства ума; такія точки зрѣнія представляются противоположными полюсами.

Очевидно въ то же время, что между этимъ *субъективнымъ* логическимъ пріемомъ и тѣмъ *объективнымъ* содержаніемъ, которое впослѣдствіи влагаетъ въ него Зомбартъ, нѣтъ и не можетъ быть никакой внутренней связи. Цѣнность въ первомъ, логическомъ, смыслѣ есть пустая форма, которую можно наполнить какимъ угодно содержаніемъ, подобно тому, какъ пустое пространство, образующее геометрическое тѣло, можно вообразить наполненнымъ и деревомъ, и металломъ, и всякимъ другимъ веществомъ. Продукты человѣческаго труда съ полнымъ логическимъ правомъ могутъ быть сдѣланы соизмѣримыми (разъ дѣло идетъ только о соизмѣримости) и по вѣсу, и по объему, и по цвѣту, и по запаху, и по какому угодно фантастическому признаку, лишь бы онъ былъ общимъ всѣмъ этимъ продуктамъ. Если же это такъ, то не ясно ли, что это логическое понятіе цѣнности ничего не прибавляетъ къ характеристикѣ товаровъ, какъ трудовыхъ цѣнностей, разъ оно сосуществуетъ и со всякими другими признаками соизмѣримости и помимо труда?

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что первый признакъ цѣнности, выставленный Зомбартомъ, долженъ быть отвергнутъ a limine: 1) онъ является субъективнымъ тамъ, гдѣ требуется объективная характеристика; 2) онъ является вѣчнымъ тамъ, гдѣ требуется охарактеризовать опредѣленную историческую эпоху; 3) онъ нисколько не выдѣляетъ характеризуемое понятіе изъ ряда другихъ, не имѣющихъ съ нимъ ничего общаго; поэтому онъ долженъ быть устраненъ.

Теперь остается единственный признакъ понятія о цѣнности Зомбарта: это то объективное содержаніе, которое онъ

---

[1]) Ср. объ этомъ у Зомбарта, стр. 591—594. Ср. его полемику съ Вольфомъ въ Braun's Archiv, 1892—3 г., (см. объ этомъ также *Струве*, Критич. Замѣтки etc., стр. 67).

вдвигаетъ въ разсмотрѣнную субъективную форму: производительность труда. Содержаніемъ представленія о цѣнности является производительность труда. Посредствомъ понятія о трудѣ, какъ абстрактномъ трудѣ, погашаются качественныя различія товаровъ; посредствомъ измѣренія абстрактнаго труда рабочимъ временемъ устанавляется для техническаго факта различной производительности труда адэкватное экономическое выраженіе—различная цѣнность предметовъ, изготовляемыхъ съ различной затратой труда. Если перевести это на языкъ Маркса, это значитъ, что абстрактный трудъ составляетъ субстанцію цѣнности, а рабочее время—ея мѣру.

Но приближаетъ ли это ученіе хотя на волосъ къ пониманію особенностей разсматриваемой *исторической* эпохи — товарнаго производства? Нѣтъ, не приближаетъ. Мы знаемъ, что трудъ, какъ образователь потребительной стоимости, или полезный трудъ составляетъ независимое отъ всякихъ общественныхъ формъ условіе существованія человѣка, „вѣчную естественную необходимость, обусловливающую обмѣнъ веществъ между человѣкомъ и природой, слѣдовательно человѣческую жизнь". (D. K., p. 9). Мы видѣли также, что рабочее время, или, что тоже, различная производительность труда, во всѣ времена интересуетъ человѣка въ силу простого факта ограниченности его силъ и способности къ безграничному возрастанію его потребностей. Интересуетъ она и Робинзона на его островѣ, и первобытную общину, и общину свободно ассоціированныхъ производителей, и помѣстное хозяйство среднихъ вѣковъ. И нигдѣ наличность этихъ элементовъ стоимости неспособна была сдѣлать продуктъ полезнаго труда товаромъ, разъ не было въ наличности извѣстныхъ *общественно-историческихъ* условій, разъ общественнное отношеніе производителей не выражалось въ общественномъ отношеніи ихъ продуктовъ, разъ самые эти продукты не становились между собой въ общественное отношеніе, отношеніе стоимости, т.-е. не принимали форму стоимости. Въ этой формѣ и лежитъ вся особенность эпохи товарнаго производства, и ее нужно особо выдѣлить при анализѣ. Πρῶτον ψεῦδος всѣхъ разсужденій Зомбарта я вижу въ томъ, что онъ не только не выдѣлилъ, но совершенно игнорировалъ форму стоимости и тѣмъ уничтожилъ духовную сущность разсматриваемой системы. Ибо въ центрѣ этой системы лежитъ понятіе исторической эволюціи, исторической преемственности общественныхъ формъ; не надъисторическое понятіе производительности труда, какъ думаетъ

Зомбартъ, а тѣ преходящія общественныя формы, въ которыхъ выражаются эти вѣчные надъ-историческіе факты. Марксъ первый подвергнулъ анализу основную историческую форму капиталистическаго производства, форму цѣнности. Въ ней, въ простомъ выраженіи: x тов. А $= y$ тов. В, онъ увидѣлъ историческую сущность капиталистическаго производства. „Если форму цѣнности считаютъ вѣчною, естественною формой общественнаго производства, то необходимо просматриваютъ специфическую особенность формы стоимости, слѣдовательно, формы товара, въ дальнѣйшемъ развитіи — формы денегъ, капитала и т. д.". (D. K., p. 50, Note 32). Если же совсѣмъ игнорировать эту форму, это значитъ упустить изъ вида всю историческую особенность капиталистическаго производства. Зомбартъ именно это и дѣлаетъ: онъ останавливаетъ свой анализъ какъ разъ тамъ, гдѣ начинается историческій элементъ и кончается надъ-историческій. Для опредѣленія цѣнности онъ беретъ все, что въ этомъ опредѣленіи было вѣчнаго, и отбрасываетъ то, что было историческаго. Неудивительно, поэтому, что въ центрѣ экономической системы у него оказывается понятіе производительности труда. По нашему мнѣнію, если понятіе эволюціи составляетъ центръ историко-философской системы Маркса, то въ *центрѣ его экономической системы лежитъ понятіе формы цѣнности*, *формы товара*.

Итакъ, какъ мы видимъ теперь, къ вѣчной субъективной категоріи Зомбартъ придалъ вѣчную объективную. Излишне добавлять, что, разъ Зомбартъ игнорировалъ форму цѣнности, форму товара, цѣнность и не могла явитьсяу него мѣновой пропорціей, а явилась тѣмъ, чѣмъ она можетъ быть и при отсутствіи товарнаго производства, если только можно тогда говорить о цѣнности.

На это могутъ указать, что въ опредѣленіе цѣнности Зомбартъ вводитъ признакъ, по которому цѣнность есть *специфически-историческая форма* и т. д. Но, во-первыхъ, признакъ этотъ появляется у него совершенно неожиданно: ему нѣтъ мѣста въ его предыдущихъ разсужденіяхъ, гдѣ рѣчь была только о надъ-историческихъ элементахъ цѣнности. И, во-вторыхъ, нужно показать, въ чемъ же заключается особенность этой исторической формы? Съ нашей точки зрѣнія, эта особенность состоитъ въ томъ, что трудъ, вѣчный посредникъ при обмѣнѣ веществъ между человѣкомъ и окружающимъ міромъ, вѣчное условіе человѣческой жизни, пріобрѣтаетъ при товарномъ производствѣ новое свойство, быть опредѣлителемъ мѣновыхъ пропорцій. Это свойство Зомбартъ отрицаетъ, не

выставляя взамѣнъ другого; потому и остается непонятнымъ, въ чемъ же состоитъ „специфически-историческая" характеристика трудовой цѣнности.

И тѣмъ не менѣе въ защиту Зомбарта говоритъ огромной важности фактъ — тѣ дополненія, которыя внесены въ теорію цѣнности III-мъ томомъ *Капитала*. Въ нихъ и лежитъ raison d'être подобнаго рода построеній. Товары продаются не по трудовой цѣнности, трудовая цѣнность не регулируетъ обмѣновъ непосредственно, а лишь въ послѣдней инстанціи, трудовая цѣнность не проявляется въ мѣновомъ отношеніи: вотъ факты, которые предстоитъ осилить послѣдовательному стороннику трудовой теоріи. Прежде всего нужно устранить неточность, проявляющуюся во всѣхъ сужденіяхъ подобнаго рода (не чуждъ ея и Зомбартъ, также утверждающій, что трудовая цѣнность не проявляется въ мѣновомъ отношеніи). Не говоря уже о формѣ цѣнности, какъ не имѣющей прямого отношенія до количественнаго содержанія мѣновыхъ пропорцій, ученіе о субстанціи цѣнности остается въ полной силѣ даже и послѣ ограниченій трудовой теоріи. Думающихъ противное мы просимъ указать иной объективный признакъ соизмѣримости товаровъ, кромѣ абстрактнаго труда, признакъ, съ такимъ же удобствомъ, притомъ, объясняющій явленія товарнаго производства (мы не говоримъ, конечно, о субъективныхъ построеніяхъ, которыхъ можетъ быть столько, сколько головъ и сколько умовъ). Въ третьемъ томѣ внесены дополненія лишь въ ученіе о величинѣ цѣнности (Werthgrösse). Вотъ почему намъ думается, между прочимъ, что ученіе Зомбарта, измѣняющее *всю* теорію цѣнности, бьетъ мимо цѣли, ибо бьетъ *дальше* ея.

Что касается величины цѣнности, то пишущему эти строки въ ученіи I и III томовъ *Капитала* о величинѣ цѣнности представляется несомнѣнное противорѣчіе [1]). Вспомнимъ ту безусловную форму, въ которой было выставлено въ I томѣ ученіе о величинѣ цѣнности (нельзя же считать за ограниченія двухъ-трехъ глухихъ намековъ, совершенно непонятныхъ безъ III-го тома). Образцы этой безусловности были и въ предыдущемъ, приведемъ здѣсь еще. „Только количество общественно-необходимаго труда или общественно-необходимое для производства потребительной стоимости рабочее время опредѣляетъ величину цѣнности товара. Товары, въ которыхъ содержатся равныя ко-

---

[1]) Ср. нашу статью: Третій томъ Капитала К. Маркса (Рус. М., 1895, кн. 3).

личества труда, или которые требуютъ для производства равное рабочее время, имѣютъ и равныя величины цѣнности. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого" (D. K., p. 6). Естественно, что послѣ выставленнаго въ такой формѣ ученія, ограниченія III-го тома являются и неожиданностью, и противорѣчіемъ.

Марксъ предлагаетъ здѣсь считать ученіе I-го тома не болѣе, какъ чѣмъ-то въ родѣ методологическаго пріема. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія I и III томы представляютъ два послѣдовательные момента развитія теоріи цѣнности; первый разсматриваетъ цѣнность съ точки зрѣнія простого товарнаго обращенія; капиталъ еще отсутствуетъ на этой стадіи изслѣдованія. Въ III томѣ это простая точка зрѣнія осложнена, благодаря принятію въ разсчетъ вліянія капитала. Лишь при такомъ воззрѣніи на оба эти тома устраняется противорѣчіе по существу, т. е. не только редакціоннаго свойства. Вся „загадочность" равенства прибыли объясняется тогда не неправильнымъ пониманіемъ цѣнности, какъ думаетъ Зомбартъ, а просто тѣмъ, что, благодаря отсутствію соотвѣтствующихъ указаній въ I томѣ *Капитала*, ученіе о цѣнности, изложенное въ этомъ I томѣ, считалось *исчерпывающимъ*.

Но какъ бы ни конструировать себѣ отношеніе I-го и III-го томовъ *Капитала*, одно обстоятельство остается несомнѣннымъ: ограниченія трудовой теоріи *не уничтожаютъ* самой теоріи. Безъ этой послѣдней все-таки невозможно научное пониманіе хозяйственныхъ явленій. А изъ этого, въ свою очередь, слѣдуютъ два вывода. Неосновательны и, по крайней мѣрѣ, не мотивированы развязныя утвержденія въ родѣ того, которое дѣлаетъ Лоріа, пророчащій мѣновому закону участь „желѣзнаго" закона заработной платы. Излишне, — и ради ограниченія трудовой теоріи,—давать такія толкованія понятію о цѣнности, которыя оставляютъ отъ этого историческаго понятія одно имя. Будетъ логичнѣе признать извѣстную несогласованность въ отдѣльныхъ частяхъ ученія, нежели давать ему толкованіе, противорѣчащее не только буквѣ, но и духу самого ученія. Какъ выражаются нѣмцы, Вернеръ Зомбартъ вмѣстѣ съ водой выплескиваетъ изъ ванны и ребенка! [1]).

[1]) Въ цитированной нашей статьѣ о III томѣ Капитала мы говоримъ о цѣнности тамъ, гдѣ разумѣется лишь величина цѣнности. Такое словоупотре-

III.

Если намъ удалось поколебать въ глазахъ читателя ученіе Зомбарта о цѣнности, тѣмъ самымъ уже поколеблено и его ученіе о прибавочной стоимости, ибо послѣднее есть послѣдовательное развитіе перваго. Подобно тому какъ въ первомъ Зомбартъ доказываетъ отсутствіе эмпирической связи между цѣнностью и издержками производства, въ послѣднемъ онъ доказываетъ отсутствіе эмпирической связи между прибавочной стоимостью и прибылью (профитомъ). Эта часть ученія Зомбарта гораздо менѣе развита, что дѣлаетъ болѣе затруднительнымъ ея пониманіе и критику. Характерный недостатокъ всей концепціи Зомбарта — ея неисторическій характеръ — проявляется и въ этомъ ученіи. Что такое прибавочная стоимость въ смыслѣ Маркса? Это способъ возрастанія цѣнности капитала, особенная историческая форма, въ которой происходитъ возрастаніе богатства капиталистическаго общества. Съ количественной стороны это излишекъ стоимости продукта сравнительно съ затратой капитала на его производство, или, полагая постоянный капиталъ равнымъ нулю, излишекъ (Inkrement) стоимости продукта сравнительно съ заработной платой или перемѣннымъ капиталомъ. Такимъ образомъ, понятіе прибавочной стоимости соотносительно понятію капитала, какъ самовозрастающей цѣнности, мыслимо только въ связи съ нимъ [1]).

Не такъ у Зомбарта. Онъ настаиваетъ, что исходнымъ пунктомъ при опредѣленіи прибавочной стоимости нужно взять общественное рабочее время, и опредѣленіе прибавочной стоимости даетъ исключительно съ точки зрѣнія послѣдняго. Въ формальномъ смыслѣ прибавочная стоимость есть, по Зомбарту, излишекъ продуктовъ общественнаго труда надъ фиксированною какимъ-либо образомъ ихъ частью, воплощеніе общественнаго

бленіе (свойственное иногда и Марксу) объясняется у насъ тѣмъ, что вопросъ о субстанціи и формѣ цѣнности въ этой статьѣ совсѣмъ не затронутъ, и эти ученія предположены разумѣющимися сами собой.

[1]) Едва-ли нужно добавлять, что мы имѣемъ въ виду капиталистическое производство, основанное на существованіи рабочей силы какъ товара. Прибавочная стоимость свойственна и другимъ историческимъ эпохамъ, какъ напр. рабству, крѣпостничеству, но нигдѣ, кромѣ какъ при капиталистическомъ способѣ производства, не соединяется съ существованіемъ рабочей силы, какъ товара, и средствъ существованія рабочихъ, какъ перемѣннаго капитала.

прибавочнаго труда. Нужно-ли особенно настаивать, что это опредѣленіе ничего не даетъ для опредѣленія прибавочной стоимости, какъ историческаго факта, и есть не болѣе, какъ тожесловіе, или, въ лучшемъ случаѣ, этимологическое объясненіе слова *прибавочный*. Прибавочная стоимость въ формальномъ смыслѣ является еще болѣе безсодержательной категоріей, нежели формальное опредѣленіе цѣнности.

Но этимъ формальнымъ опредѣленіемъ Зомбартъ подготовляетъ лишь почву для историческаго опредѣленія. Каково же это послѣднее? Прибавочная стоимость въ капиталистическомъ смыслѣ есть продуктъ общественнаго прибавочнаго времени, освояемый капиталомъ. Прежде чѣмъ перейти къ болѣе детальному разбору этого опредѣленія, устранимъ его основную ошибку, дѣлающую его всего менѣе соотвѣтствующимъ ученію Маркса. Мы говоримъ о той роли, которая приписана здѣсь моменту распредѣленія. Этотъ моментъ никогда не игралъ въ разсматриваемой системѣ такой первенствующей роли (что составляетъ скорѣе особенность системы Родбертуса). Распредѣленіе, по Марксу, всегда является адэкватнымъ существующему способу производства и всецѣло имъ опредѣляется. Прибавочная стоимость не потому становится прибавочною стоимостью sensu stricto, что она освояется капиталомъ, но потому, что она имъ производится, потому что производство прибавочной стоимости есть производство самаго капитала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспроизводство капиталистическихъ отношеній. Слѣдовательно, существованіе прибавочной стоимости является не результатомъ освоенія извѣстной доли продуктовъ общественнаго труда извѣстнымъ классомъ лицъ (такое освоеніе мыслимо при всякой организаціи общества: фондъ стариковъ, дѣтей, больныхъ и пр.), но самое освоеніе это есть результатъ извѣстной организаціи производства.

Поэтому, подъ опредѣленіе Зомбарта съ полнымъ удобствомъ можно подвести хозяйство, основанное на рабствѣ и крѣпостничествѣ. Ибо и въ нихъ производится прибавочная стоимость, которая и освояется третьими лицами. Вся разница съ этой точки зрѣнія въ томъ, что у Зомбарта они названы капиталистами, а здѣсь помѣщиками, рабовладѣльцами.

Ошибочность опредѣленія немедленно даетъ себя чувствовать, какъ только Зомбартъ приступаетъ къ количественному опредѣленію прибавочной стоимости. Само по себѣ, это опредѣленіе есть нѣчто, до очевидности ясное. Прибавочная стоимость равна цѣнности годового продукта страны минусъ капиталъ,

или, полагая постоянный капиталъ равнымъ нулю, равна цѣнности годового продукта минусъ перемѣнный капиталъ. Слѣдовательно, рѣшающими моментами при опредѣленіи прибавочной стоимости являются: во-первыхъ, величина годоваго продукта; во-вторыхъ, величина затраты капитала. Зомбартъ сознательно исключилъ послѣдній опредѣлитель, какъ неизбѣжно наводящій его на признаніе столь упорно имъ отрицаемой эмпирической связи между прибавочной стоимостью и профитомъ; ему пришлось ввести его лишь окольнымъ путемъ, въ неисторической формѣ.

Прибавочная стоимость, по Зомбарту, есть то, что остается изъ продукта общественнаго труда, сверхъ содержанія необходимыхъ или производительныхъ работниковъ. А производительными работниками являются тѣ, которые создаютъ цѣнности, а это, въ свою очередь, тѣ, которые общественно-необходимы для производства потребительныхъ цѣнностей въ количествѣ, соотвѣтствующемъ теперешней потребности общества, „количествѣ, которое не обусловлено только историческимъ характеромъ капиталистическаго способа производства". Это опредѣленіе будитъ новыя недоумѣнія. Неужели Зомбарту извѣстны потребности, удовлетворяемыя трудомъ и независимыя отъ всякой общественной организаціи этого труда?! Всякая общественная организація принудительно (конечно, въ широкомъ смыслѣ этого слова) диктуетъ индивиду, отдѣльнымъ классамъ и всему обществу тѣ потребности, которыя онъ можетъ имѣть, т.-е. можетъ разсчитывать удовлетворить. Даже возможность удовлетворенія такихъ физіологическихъ потребностей, какъ въ ѣдѣ, обусловлена общественной организаціей труда. Потребность въ пищѣ для одного и того же числа лицъ можетъ выразиться крайне различно въ зависимости отъ ихъ имущественнаго и соціальнаго положенія; послѣднее же всегда опредѣляется организаціей производства. Потребность въ одеждѣ, въ жилищѣ и т. д., все это опредѣляется тѣми же условіями. Словомъ, наличность потребностей, разсчитывающихъ на удовлетвореніе, есть всецѣло результатъ организаціи производства, слѣдовательно, историческій результатъ соціальнаго развитія, и потребностей, независящихъ отъ организаціи производства и удовлетворяемыхъ трудомъ, нѣтъ [1]). Поэтому опредѣленіе производительнаго труда у Зомбарта ничего не говоритъ.

---

[1]) Мысль о зависимости потребностей отъ степени развитія производства въ отвратительной по своему цинизму формѣ была выражена Мальтусомъ въ знаменитой тирадѣ, находившейся въ 1-мъ изд. его *Опыта о народонаселеніи*: „человѣкъ, появившійся на свѣтъ, занятый уже другими людьми, если онъ не

Вводя понятіе потребностей, независящихъ отъ исторической эпохи, Зомбартъ хотѣлъ исключить изъ понятія производительнаго труда трудъ, занятый въ торговлѣ, такъ какъ завѣдомо извѣстно, что торговля непроизводительная функція, и въ торговлѣ не создается новыхъ цѣнностей; но въ то же время торговая дѣятельность вызвана исключительно преходящими потребностями капиталистическаго способа производства. Но этого Зомбарту не удалось сдѣлать. Послѣ блестящаго объясненія торговаго капитала, даннаго въ III томѣ *Капитала*, извѣстно, что въ торговлѣ употребляется какъ постоянный, такъ и перемѣнный капиталъ. Составляя одно изъ подраздѣленій общественнаго труда, производство этого постояннаго капитала составляетъ производительную функцію въ томъ смыслѣ, что здѣсь создаются мѣновыя цѣнности. Слѣдовательно, удовлетвореніе этой завѣдомо исторической потребности вполнѣ подходитъ подъ понятіе производительнаго труда у Маркса, что еще разъ доказываетъ недостаточность опредѣленія Зомбарта.

Чтобы покончить съ вопросомъ о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, приведемъ собственное опредѣленіе Маркса, имѣющееся въ *Капиталѣ*. Производительный трудъ опредѣляется тамъ два раза: первый разъ съ точки зрѣнія процесса труда, независимо отъ его исторической формы, второй разъ съ капиталистической точки зрѣнія. „Если разсматривать весь процессъ труда съ точки зрѣнія его результата—продукта, то средства труда и его объектъ являются средствами производства, а самый трудъ—производительнымъ трудомъ". (D. K., p. 159). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту говорится, что это опредѣленіе, достаточное съ точки зрѣнія простого процесса труда, недостаточно для капиталистической его формы. При господствѣ послѣдней „только тотъ работникъ производителенъ, который производитъ прибавочную стоимость для капитала, или служитъ самовозростанію стоимости капитала. Понятіе производительнаго

получилъ отъ родителей средствъ для существованія, на которыя онъ вправѣ разсчитывать, и если общество не нуждается въ его трудѣ, не имѣетъ никакого права требовать для себя какого-либо пропитанія, ибо онъ совершенно лишній на этомъ свѣтѣ. На великомъ пиршествѣ природы для него нѣтъ мѣста. Природа приказываетъ ему удалиться". Тамъ, гдѣ Мальтусъ видитъ вѣчный и неизмѣнный законъ природы, мы видимъ историческую, слѣд., измѣняющуюся связь.—Съ потребностями часто происходитъ тоже, что съ „естественными" правами. Едва успѣло извѣстное право послѣ долгой и мучительной исторической борьбы войти въ жизнь (а иногда и не успѣло), какъ уже провозглашается „естественнымъ и неотчуждаемымъ" правомъ. Таковы, напр., „права человѣка и гражданина" въ эпоху великой французской революціи..

работника заключаетъ въ себѣ, такимъ образомъ, не только отношеніе между дѣятельностью и полезнымъ результатомъ, между работникомъ и продуктомъ труда, но и специфически общественное, исторически возникшее, отношеніе производства, которое дѣлаетъ рабочаго непосредственнымъ органомъ возрастанія стоимости капитала (ib., p. 520).

Такому представленію о производительномъ трудѣ какъ будто противорѣчитъ то обстоятельство, что прибавочная стоимость получается и въ торговомъ капиталѣ, посвященномъ завѣдомо непроизводительной функціи. Но это противорѣчіе только кажущееся. Послѣ разъясненій III тома не остается никакого сомнѣнія относительно роли торговаго капитала: роль его несамостоятельная, а подчиненная; это—контора промышленнаго капиталиста, обособившаяся отъ него и ведущая самостоятельное существованіе. Прибавочная стоимость уплачивается торговцу промышленникомъ ради того, что спеціализаціей функціи обращенія сокращаются издержки послѣдняго. Торговый капиталъ является производительнымъ въ отрицательномъ смыслѣ: въ немъ не создается новой, а сберегается уже произведенная прибавочная стоимость. Самостоятельное существованіе торговаго капитала, безъ промышленнаго, или безъ мелкихъ разрозненныхъ производителей, съ которыхъ онъ получаетъ прибавочную стоимость, есть абсурдъ, non-sens.

Но возвратимся къ Зомбарту. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что у него остался совсѣмъ невыясненнымъ характеръ прибавочной стоимости, а его опредѣленіе совсѣмъ не опредѣляетъ послѣдней; онъ становится при этомъ въ противорѣчіе уже не только съ духомъ, но и съ буквой разсматриваемаго ученія. Гдѣ же причина этого явленія? Намъ думается, что причина лежитъ въ его крайне странномъ и своеобразномъ пониманіи слова *общественный*. Зомбартъ постоянно повторяетъ, что цѣнность и прибавочная стоимость суть *общественные* факты, пониманіе которыхъ возможно только съ *общественной* точки зрѣнія [1]).

Намъ кажется, что здѣсь есть двусмысленность въ употребленіи слова *общественный:* въ одномъ значеніи слово это значитъ *общій*, *типичный*, и противоположно понятію *особенный*, *индивидуальный*; въ другомъ смыслѣ *общественный* значитъ имѣю-

[1]) Послѣдующія замѣчанія относятся столько же къ ученію Зомбарта о цѣнности, какъ и о прибавочной цѣнности. Мы отнесли ихъ ко второй половинѣ статьи въ интересахъ ясности, ибо въ ученіи о прибавочной стоимости ярче проявляется та особенность разсужденій Зомбарта, о которыхъ будетъ идти рѣчь.

щій отношеніе къ *обществу*, но не частнымъ лицамъ и поэтому противуположно понятію *частный*. Попытаемся выразить это различіе примѣрами. Отношеніе наемнаго работника къ капиталисту есть фактъ, общій отношеніямъ и всѣхъ другихъ работниковъ ко всѣмъ другимъ капиталистамъ; онъ предполагаетъ поэтому извѣстныя общія условія, характеризующія съ этой стороны общество капиталистовъ и работниковъ. Это фактъ общественный въ первомъ смыслѣ этого слова. Капиталистъ А производитъ прибавочную стоимость и получаетъ прибыль; тоже дѣлаетъ и капиталистъ В и С и т. д. Очевидно, производство прибавочной стоимости и полученіе прибыли обусловлено какими-то общими причинами общественной организаціи, которыя и дѣлаютъ сходнымъ положеніе А и В и С и т. д. Это фактъ общественный также въ первомъ смыслѣ. Противуположный примѣръ представляютъ дружескія отношенія Петра къ Ивану; эти отношенія распространяются только на этихъ лицъ и вызваны какими-либо исключительными событіями изъ жизни Петра и Ивана; отношенія эти представляютъ особенный, индивидуальный фактъ. Въ примѣръ второго значенія слова *общественный* приведемъ хотя отношеніе общества къ путямъ сообщенія, площадямъ и под. Всѣ они представляютъ собственность общества, какъ таковаго, какъ цѣлаго, но ничью въ частности. Органы управленія, суды и под. существуютъ въ интересахъ всего общества, но не даннаго частнаго лица, пользующагося ими лишь какъ членъ общества, чрезъ посредство его. Понятіе *общественный* въ послѣднемъ смыслѣ удобнѣе для отличія назвать *непосредственно-общественный*, — предметъ или качество, къ которому общество относится, какъ таковое, безъ посредствующихъ звеньевъ.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Зомбартъ и употребляетъ слово *общественный*. Такъ, онъ говоритъ: „въ понятіяхъ цѣнности и прибавочной стоимости констатируются и дѣлаются доступны нашему мышленію общественные факты, издержки же производства и прибыль суть эмпирическіе факты частной, индивидуальной жизни". Какъ мы показали, издержки производства и прибыль суть такіе же общественные факты въ *первомъ* значеніи этого слова, какъ цѣнность и прибавочная стоимость; очевидно Зомбартъ здѣсь разумѣетъ отношеніе *непосредственно-общественное*. Здѣсь и лежитъ punctum saliens всей его теоріи. Капиталистическое производство какъ разъ характеризуется именно тѣмъ, что здѣсь нѣтъ непосредствено-общественныхъ отношеній. Возьмемъ ли мы товаръ, который, какъ мы уже видѣли, есть частно-общественный предметъ; возьмемъ ли капи-

талъ, командующій общественнымъ сочетаніемъ труда подъ частнымъ контролемъ и по частной инициативѣ; возьмемъ ли регулированіе производства примѣнительно къ общественнымъ потребностямъ, регулированіе, которое совершается путемъ рыночныхъ удачъ или неудачъ частныхъ производителей и т. д. [1]).

Experimentum crucis пусть послужитъ намъ прибавочная стоимость, къ которой намъ давно пора возвратиться. „Необходимо для пониманія прибавочной стоимости — говоритъ Зомбартъ—стать на точку зрѣнія хозяйствующаго общества“ (578). Невозможно, отвѣтимъ мы, съ этой точки зрѣнія понять природу прибавочной стоимости, ибо при томъ порядкѣ вещей, котораго она составляетъ специфическую особенность, нѣтъ хозяйствующаго общества, а есть хозяйствующій капиталъ, или классъ капиталистовъ. Только съ точки зрѣнія капитала и можно дать опредѣленіе прибавочной стоимости. Говоря же о капиталѣ, не нужно забывать, что это есть коллективное названіе для капиталовъ отдѣльныхъ капиталистовъ А, В, С и т. д., и что понятіе общественнаго капитала получается чрезъ умственное сложеніе капиталовъ этихъ лицъ. Если же можно говорить о капиталѣ, независимо отъ этихъ индивидуальныхъ капиталовъ, то только, какъ о *капиталистическомъ отношеніи*, т.-е. извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, вызывающихъ существованіе капиталовъ А, В, С. Равнымъ образомъ, говоря объ общественной прибавочной стоимости, не нужно забывать, что это есть лишь сумма, полученная изъ умственнаго сложенія прибавочныхъ стоимостей капитала А, В, С и т. д.. или, опять таки, общественное условіе, вызывающее производство прибавочной стоимости А, В, С. Сказанное приближаетъ насъ къ разрѣшенію вопроса, поставленнаго Зомбартомъ и составляющаго главную особенность его теоріи: имѣетъ ли прибавочная стоимость что-либо общее съ прибылью, или же это явленія совершенно различнаго порядка? Зомбартъ отвѣчаетъ въ послѣднемъ смыслѣ на томъ основаніи, что прибыль есть индивидуальный, частный, а прибавочная стоимость общественный фактъ. Послѣ сдѣланныхъ разъясненій, мы надѣемся, очевидно, что утвержденіе это основано на недоразумѣніи. Въ первомъ значеніи слова *общественный* и

---

[1]) Само собой разумѣется, мы говоримъ объ *основныхъ экономическихъ отношеніяхъ*, опредѣляющихъ собою характеръ эпохи. Нѣтъ сомнѣнія, что и капиталистическое производство знаетъ цѣлый рядъ учрежденій непосредственно-общественнаго характера: суды, управленіе, благотворительныя учрежденія; даже въ области экономической жизни: сюда подходятъ такъ называемыя учрежденія общественнаго интереса.

прибыль и прибавочная стоимость суть въ равной степени общественные факты, во второмъ же смыслѣ ни одинъ изъ нихъ. Общественная прибавочная стоимость (какъ и общественная прибыль) есть абстракція, уже въ самомъ дѣлѣ мыслительный фактъ (Gedankenthatsache), и Зомбартъ употребляетъ поистинѣ метафизическій пріемъ, принимая это созданіе нашего мозга за единственно существующую реальность.

На самомъ дѣлѣ отношеніе прибыли къ прибавочной стоимости сводится къ тому, что первая есть особенный способъ измѣренія послѣдней, какъ это нѣсколько разъ повторяется у Маркса, поэтому прибыль и прибавочная стоимость тожественны. Кромѣ нормы прибыли, прибавочная стоимость измѣряется, какъ извѣстно отношеніемъ къ перемѣнному капиталу, или нормой прибавочной стоимости, затѣмъ годовой нормой прибавочной стоимости [1]). (Послѣднее понятіе совершенно не находитъ себѣ мѣста въ концепціи Зомбарта, потому что съ точки зрѣнія общественнаго рабочаго времени данное количество общественнаго труда останется всегда одно и тоже; между тѣмъ для годовой нормы прибавочной стоимости имѣетъ большое значеніе, произведено ли это количество съ затратой перемѣннаго капитала, обернувшагося 10 разъ въ годъ, или же капитала, въ 10 разъ бо́льшаго, но обернувшагося разъ въ годъ. Какъ это походитъ на эмпирическое Kalkülationsverhältniss!). Наконецъ, Марксъ устанавливаетъ тенденцію этихъ нормъ прибавочной стоимости къ равенству, и обусловливаетъ эту тенденцію конкуренціей среди рабочаго класса. Послѣднимъ обстоятельствомъ прибавочная стоимость совсѣмъ срывается съ заоблачной метафизической высоты, куда помѣстилъ ее Зомбартъ.

Словомъ, ничто не даетъ права считать ее какой-то метафизической сущностью, отличной отъ прибыли. И Зомбартъ приходитъ самъ въ сомнѣніе относительно правильности своего пониманія. Какъ помнитъ читатель, сомнѣніе это возбуждается въ немъ по поводу выравниванія различныхъ нормъ прибыли въ среднюю посредствомъ конкуренціи. Онъ остается въ нерѣшительности, считаетъ-ли Марксъ это выравниваніе реальнымъ фактомъ, или же логической операціей. Съ нашей точки зрѣнія это выравниваніе различныхъ нормъ прибыли въ среднюю, конечно, не можетъ иначе пониматься, какъ реальный, эмпирическій фактъ.

---

[1]) Годовая норма прибавочной стоимости получается чрезъ умноженіе нормы прибавочной стоимости на годовое число оборотовъ перемѣннаго капитала. Если напр. при нормѣ прибавочной стоимости равной 100% перемѣнный капиталъ обернулся десять разъ въ годъ, то годовая норма$=100\%\times10=1000\%$.

Въ такомъ пониманіи — говоритъ Зомбартъ — эта гипотеза невѣрна и теоретически, и исторически. Теоретически — потому, что она была бы рѣшительнымъ отпаденіемъ отъ точки зрѣнія всего *Капитала*; въ ней смѣшивается общественный фактъ — прибавочная стоимость, съ индивидуальнымъ—издержками производства (намъ не нужно останавливаться на оцѣнкѣ этого мнѣнія, ибо это значило бы повторять всю предъидущую аргументацію). Невѣрна эта гипотеза и исторически, ибо на самомъ дѣлѣ развитіе капитализма происходило иначе, чѣмъ предполагаетъ гипотеза: капиталъ не устремлялся предпочтительно въ сферы приложенія съ низшимъ органическимъ составомъ, наоборотъ, высшая прибыль получалась капиталами съ высшимъ органическимъ составомъ. Мы не придаемъ большого значенія этому аргументу: во-первыхъ, потому, что трудно, если не невозможно, возстановить во всей требуемой точности историческій ходъ вещей (не была ли, напримѣръ, высшая прибыль капиталовъ высшаго органическаго состава результатомъ монополіи, благопріятныхъ рыночныхъ конъюнктуръ и т. п.); во-вторыхъ, еслибы это даже и удалось, онъ все равно остался бы непонятенъ безъ соотвѣтствующаго теоретическаго объясненія. Поэтому большій интересъ представляетъ слѣдующее сужденіе Зомбарта: „во всякое время, раньше какъ и теперь, капиталы переходятъ изъ одной сферы приложенія въ другую; это обстоятельство имѣетъ свою причину въ неравенствѣ нормы прибыли ихъ. Но это неравенство совсѣмъ не касается органическаго состава капитала, а какихъ либо другихъ условій конкуренціи. Наиболѣе цвѣтущія теперь отрасли производства суть такія, которыя имѣютъ высшій составъ капитала, какъ, напримѣръ, горное дѣло, химическое производство, пивовареніе и под.“ Въ приведенныхъ словахъ заключается, по нашему мнѣнію, глубоко вѣрная мысль, хотя и въ недостаточно развитомъ видѣ. Мы позволимъ себѣ отклониться отъ непосредственной своей задачи, чтобы нѣсколько развить эту мысль.

Въ разсматриваемой теоріи Маркса конкуренціи приписана черезчуръ большая, непонятная, или, по крайней мѣрѣ, необъясненная въ III томѣ, творческая роль. Что преслѣдуется конкуренціей? *Равенство* прибыли: идеалъ ея въ этомъ отношеніи крайне эгалитарный. Но объ условіяхъ этого равенства здѣсь нѣтъ и рѣчи. Берется, такъ сказать, горизонтальный уровень рѣки, причемъ не обращается вниманія на тѣ причины, которыя обусловливаютъ эту горизонтальность. Съ другой стороны, конкуренція есть сумма сознательныхъ актовъ отдѣльныхъ ка-

питалистовъ, сознательно преслѣдующихъ свои выгоды и видящихъ въ различныхъ фактахъ положительныя и отрицательныя условія этихъ выгодъ.

Есть ли среди этихъ фактовъ органическій составъ капитала? Руководился ли этимъ въ своихъ разсчетахъ хоть одинъ капиталистъ? Имѣлъ ли онъ основанія связывать различную прибыль съ различнымъ составомъ капитала? Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительной жизни, какъ это справедливо указываетъ Зомбартъ. Понятіе объ органическомъ составѣ капитала абсолютно отсутствуетъ въ мозгу капиталиста. Онъ производитъ прибыль изъ обмѣна, видитъ въ ней награду за воздержаніе, за свои услуги отечеству, за предпринимательскую ловкость, но никоимъ образомъ не относитъ ее на счетъ перемѣннаго капитала. Поэтому, получая прибыль ниже обычной, онъ переноситъ свой капиталъ въ иную сферу производства, вовсе не руководясь соображеніями объ органическомъ составѣ капитала, а просто надѣясь почему бы то ни было получить тамъ среднюю прибыль. Поэтому, нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы распредѣленіе общественной прибавочной стоимости и образованіе средней нормы прибыли являлось результатомъ сознательныхъ стремленій капиталистовъ. Этого предположенія, конечно, нѣтъ и въ *Капиталѣ*. Остается думать, что конкуренція приводитъ къ тому же результату косвеннымъ путемъ: преслѣдуя свои цѣли, капиталисты достигаютъ распредѣленія прибавочной стоимости sans le savoir et vouloir. Повидимому, такое предположеніе и сдѣлано въ III томѣ. Но тогда гдѣ же эта причинная зависимость между явленіями конкуренціи и распредѣленіемъ прибавочной стоимости? Конкуренція достигаетъ, повторяемъ, *равнаго* уровня, но самый этотъ уровень, его высота—не дѣло конкуренціи. Такимъ образомъ, распредѣленіе прибавочной стоимости по средней нормѣ прибыли есть лишь теоретическій постулатъ, необходимый для торжества извѣстной теоріи; вмѣсто того, чтобы объяснять факты, онъ требуетъ, чтобы факты располагались въ извѣстномъ порядкѣ. Поэтому, въ *теперешнемъ* (я усиленно подчеркиваю это слово) изложеніи III тома разсматриваемая гипотеза представляетъ несомнѣнное petitio principii.

Специфическая трудность доказательства гипотезы лежитъ въ томъ, что средняя норма прибыли получается посредствомъ дѣленія совокупной прибавочной стоимости на совокупный капиталъ страны, и цѣна совпадаетъ съ цѣнностью только для капиталовъ *средняго* органическаго состава. Совершенно непонятно, какъ установляются цѣны на такомъ идеальномъ уровнѣ.

Можно еще объяснить изъ конкуренціи уровень прибыли въ томъ случаѣ, если взять отправной точкой капиталы не средняго, а низшаго органическаго состава, т.-е. капиталы съ наибольшимъ преобладаніемъ перемѣнной части. Можно вообразить дѣло такъ. Сначала, положимъ, существуютъ капиталы одного и того же органическаго состава; товары продаются по трудовой цѣнности. Затѣмъ выдѣляется группа капиталовъ высшаго органическаго состава (т.-е. капиталовъ, въ составѣ которыхъ постоянная часть преобладаетъ надъ перемѣнной), требующая также равной прибыли: капиталы перестали бы переходить въ соотвѣтствующія сферы производства, еслибы не получали средней прибыли. Чтобы ея добиться, капиталисты соотвѣтствующимъ образомъ разцѣнивают свои продукты такъ, что цѣна ихъ поднимается выше цѣнности. Такимъ образомъ, присутствіе постояннаго капитала въ большей, нежели въ другихъ сферахъ приложенія капитала, пропорціи какъ бы превращаетъ простой трудъ въ квалифицированный, т.-е. трудъ въ равные промежутки времени создающій бо̀льшія цѣнности, нежели простой трудъ. Становится еще выше органическій составъ капитала, цѣны становятся еще выше по сравненію съ цѣнностями и т. д. Но въ основѣ всего этого гипотетическаго построенія лежитъ предположеніе, что цѣны соотвѣтствуютъ цѣнностямъ лишь для капиталовъ низшаго органическаго состава. При такомъ предположеніи, конкуренція можетъ объяснить установленіе средней нормы прибыли [1]). Такъ понимаемъ мы теорію Рикардо [2]). Очевидно, что эта теорія построена на двухъ предположеніяхъ: 1) средняя норма прибыли опредѣляется нормой прибыли капиталовъ самаго низшаго органическаго состава; 2) сумма цѣнъ всѣхъ товаровъ выше суммы цѣнностей ихъ. Въ этомъ смыслѣ она противоположна теоріи Маркса (и Родбертуса), по которой средняя норма прибыли равняется прибыли капиталовъ средняго органическаго состава, а сумма цѣнъ равняется суммѣ цѣнностей. Очевидно, оба эти вопроса координированы между собой такимъ образомъ, что отъ рѣшенія одного зависитъ рѣшеніе другого: если будетъ доказано, что средняя норма прибыли равна нормѣ ея капиталовъ средняго или низшаго состава, тѣмъ самымъ будетъ доказано, что цѣны равны, или неравны цѣнностямъ. Въ настоящее время нельзя считать доказанными обѣ гипотезы, хотя гипотеза Ри-

---

[1]) Тѣ же разсужденія примѣнимы и къ вопросу о вліяніи различнаго оборота капитала.

[2]) Ср. цитированную нашу статью, стр. 9—13.

кардо, повидимому, болѣе удобно объясняется изъ конкуренціи, нежели гипотеза Маркса.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о доказанности, остановимся еще на такомъ соображеніи: насколько необходимо для доказательства справедливости трудовой теоріи цѣнности, совпадаетъ, или не совпадаетъ сумма цѣнъ съ суммой цѣнностей? Мы думаемъ, что это обстоятельство для трудовой теоріи совершенно безразлично. Если только мы правильно понимаемъ, что такое цѣнность у Маркса (а относительно этого мы имѣемъ его собственное, цитированное выше и не допускающее сомнѣній, опредѣленіе), то вѣдь цѣнность есть мѣновая пропорція, правило обмѣна. Всякая иная цѣнность (valeur intrinsèque) есть contradictio in adiecto. Если же цѣнность опредѣляетъ мѣновыя пропорціи, относительно ея и можетъ быть предложенъ только одинъ вопросъ: соотвѣтствуютъ-ли мѣновыя пропорціи трудовой цѣнности или нѣтъ? А что касается возможнаго совпаденія или несовпаденія суммы цѣнъ съ суммой цѣнностей, то этотъ фактъ можетъ одинаково мало говорить и за и противъ трудовой теоріи, потому что является по существу дѣла постороннимъ относительно мѣновой цѣнности въ истолкованномъ выше смыслѣ [1]).

Есть, впрочемъ, одинъ случай, при которомъ совпаденіе цѣнъ съ цѣнностями можетъ имѣть значеніе: это тотъ случай, когда капиталы различныхъ органическихъ составовъ мѣняются своими продуктами въ такой пропорціи, что каждый капиталистъ получаетъ прибавочной стоимости не въ денежной формѣ, а in natura столько, сколько приходится ему по средней нормѣ прибыли. Тогда это совпаденіе имѣло бы реальный смыслъ [2]), но это совершенно невѣроятный случай, не входящій притомъ въ предѣлы разсматриваемой гипотезы.

Какъ бы то ни было, но нужно согласиться съ нѣкоторыми замѣчаніями Зомбарта по поводу установленія средней нормы прибыли и признать соотвѣтствующую теорію Маркса недоказанной. Но въ этомъ только съ Зомбартомъ и можно согласиться, все же его пониманіе прибавочной стоимости мы признаемъ ошибочнымъ. Намъ опять придется повторить здѣсь то, что мы говорили по поводу его пониманія цѣнности: будетъ логичнѣе признать несогласованность или незаконченность въ теоріи, нежели подвергать ее толкованіямъ, не соотвѣтствующимъ равно и ея буквѣ, и ея духу.

---

[1]) Ср. l. c. p. 12, гдѣ та же мысль мотивирована нѣсколько иначе.

[2]) Ср. тамъ же.

Вся разсмотрѣнная до сихъ поръ аргументація Зомбарта была направлена къ доказательству отсутствія эмпирической связи между издержками производства и цѣнностью, между прибавочной стоимостью и прибылью. Не удивительно ли, когда Зомбартъ, произведя надъ теоріей Маркса такую убійственную операцію, въ концѣ концовъ заявляетъ, что между издержками производства и цѣнностью, прибавочной стоимостью и прибылью, хотя и не существуетъ формальной связи, но существуетъ матеріальная: именно, цѣны въ послѣдней инстанціи регулируются цѣнностями, совокупная прибыль равна совокупной прибавочной стоимости. Читатель въ правѣ удивляться, откуда же взялась эта мистическая связь. Зомбартъ отвѣчаетъ, что опредѣлять эту связь—значитъ излагать *Капиталъ*. Но вѣдь это-то и нужно показать, какимъ образомъ положительное содержаніе *Капитала* можетъ быть понято съ точки зрѣнія тѣхъ толкованій, которыя даетъ Зомбартъ. Я не знаю, недостаточность ли моего пониманія, или неясность изложенія Зомбарта является здѣсь причиной, но связь эта представляетъ въ моихъ глазахъ petitio principii. Нужна еще особая теорія для приведенія теоріи Зомбарта въ связь съ ученіемъ, которое онъ задался цѣлью истолковать.

Но въ тоже время, всматриваясь ближе въ толкованія Зомбарта, мы невольно замѣчаемъ близость ихъ къ ученію не того экономиста, котораго онъ поставилъ себѣ задачей разъяснить, а другого: мы разумѣемъ Родбертуса. Многія черты ученія Зомбарта удивительно какъ подходятъ къ доктринѣ нѣмецкаго мыслителя, даже болѣе, вполнѣ покрываются ей.

Мы не имѣемъ здѣсь возможности сдѣлать сопоставленіе обоихъ ученій съ требуемой подробностью; ограничимся сближеніемъ основныхъ воззрѣній. По Зомбарту, цѣнность въ матеріальномъ смыслѣ есть экономическое выраженіе техническаго факта—производительности труда; для пониманія цѣнности нужно стать на точку зрѣнія хозяйствующаго общества, откуда слѣдуетъ, что цѣнность формально не имѣетъ ничего общаго съ издержками труда на производство отдѣльнаго товара. Такова именно точка зрѣнія и Родбертуса. Послѣдній заявляетъ, что только съ общественной точки зрѣнія, т.-е. если разсматривать общество какъ бы состоящимъ изъ одного землевладѣльца, одного капиталиста и одного работника, можно понять явленія хозяйственной жизни. Основной принципъ, который выставляетъ Родбертусъ: „alle wirthschaftliche Güter Arbeitsproduct sind“, имѣетъ у него именно такое значеніе, какое имѣетъ цѣнность у Зомбарта. Принципъ справедливъ только для всего общества; отдѣльные же продукты

обмѣниваются не по трудовой цѣнности. Родбертусъ ставитъ это только идеаломъ на далекое будущее. Для Родбертуса цѣнность есть непосредственно общественный фактъ,—все рабочее время, которымъ располагаетъ данное общество; для Маркса это прежде всего количество труда, заключенное въ отдѣльномъ товарѣ и пропорція, въ которой товары вымѣниваются между собой. Точка зрѣнія Родбертуса значительно отличается въ этомъ смыслѣ отъ точки зрѣнія Маркса и методологически и практически. Одинъ беретъ исходнымъ пунктомъ анализа отдѣльный товаръ и отсюда развиваетъ сѣть капиталистическихъ отношеній; другой беретъ уже готовой эту сѣть отношеній, и понятіе товара играетъ при этомъ второстепенную, подчиненную роль [1]). „Капиталистическое производство характеризуется только тѣми размѣрами, въ которыхъ продуктъ производится, какъ предметъ торговли, какъ товаръ, поэтому также тѣми размѣрами, въ которыхъ элементы, производящіе товаръ, должны опять войти, какъ предметъ торговли, какъ товаръ, въ то хозяйство, изъ котораго вышли“ [2]). Взявъ товаръ исходнымъ пунктомъ анализа, Марксъ строитъ формулу капитала Д—Т—Д′, какъ извѣстное эквивалентное отношеніе, обмѣнъ товаровъ равной цѣнности. При анализѣ этой формулы изслѣдователь наталкивается на особый товаръ, обладающій нѣкоторыми специфическими свойствами, именно на товаръ — рабочую силу. Такимъ образомъ, Марксъ открываетъ основное условіе существованія капитала и капиталистическаго производства, именно существованіе рабочей силы, какъ товара. Этотъ признакъ и становится важнѣйшимъ объективнымъ признакомъ капиталистическаго производства въ отличіе отъ другихъ сходственныхъ эпохъ. Изъ этой исторической посылки,—существованія рабочей силы, какъ товара, развивается путемъ послѣдовательныхъ логическихъ выводовъ вся теоретическая система *Капитала* [3]). Родбертусъ видитъ всю особенность капиталистическаго производства въ томъ,

---

[1]) Ср. объ этомъ l. c., p. 10 — 11.

[2]) Капит., т. II, стр. 72.

[3]) „Въ дѣйствительности капиталистическое производство есть товарное производство, какъ общая форма производства; и оно является таковымъ и становится все болѣе и болѣе таковымъ въ своемъ развитіи только потому, что самъ трудъ является здѣсь товаромъ, потому что рабочій продаетъ свой трудъ, т.-е. функцію своей рабочей силы и именно, какъ мы ее принимаемъ, по ея стоимости, опредѣляемой расходами на ея воспроизводство.... Въ отношеніи между капиталистомъ и наемнымъ рабочимъ выражается денежное отношеніе отношеніе покупателя къ продавцу, отношеніе присущее самому производству“. (Кап., т. II стр. 72).

что продуктъ труда, раньше всецѣло принадлежавшій собственнику земли и орудій производства, теперь распредѣляется между работникомъ, капиталистомъ и землевладѣльцемъ. Онъ совсѣмъ пропускаетъ фактъ существованія рабочей силы, какъ товара, въ качествѣ основной посылки капиталистическаго строя. Мало того, по его мнѣнію, трудовая теорія теперь не является фактомъ именно потому, что рабочій не получаетъ полной стоимости создаваемаго имъ продукта. На этомъ построена его утопія нормальнаго рабочаго дня. Онъ просматриваетъ, что при капиталистическомъ строѣ предполагается оплата рабочей силы по полной ея стоимости.

Еще большее подтвержденіе находятъ наши слова о сближеніи ученій Зомбарта и Родбертуса въ ученіи о прибавочной стоимости, или рентѣ вообще, по терминологіи Родбертуса. Зомбартъ говоритъ, что прибавочная стоимость есть та часть продукта общественнаго труда, которая освояется капиталомъ. Родбертусъ выставляетъ два условія существованія ренты вообще: наличность извѣстной производительности труда, создающей извѣстный излишекъ сверхъ средствъ существованія рабочаго класса, и наличность института частной собственноси на орудія производства, благодаря которому этотъ излишекъ попадаетъ въ руки третьихъ лицъ—капиталистовъ. Оба признака, характеризующіе прибавочную стоимость, такимъ образомъ у Родбертуса и Зомбарта вполнѣ совпадаютъ. Но совпаденіе идетъ и далѣе. Подобно тому, какъ Зомбартъ разсматриваетъ прибавочную стоимость, какъ общественный фактъ, не имѣющій связи съ индивидуальной прибылью, такой же точно характеръ имѣетъ рента вообще у Родбертуса. Только совокупная прибыль равна рентѣ на капиталъ; индивидуальная же опредѣляется не трудовой стоимостью: здѣсь играютъ роль издержки производства, на которыя присчитывается средняя прибыль. Поэтому для Родбертуса является очевиднымъ логическимъ выводомъ изъ его теоріи: индивидуальная прибыль не опредѣляется индивидуальной рентой, какъ индивидуальная цѣнность товара не опредѣляется трудомъ; послѣднее вѣрно только для всего общества. И нѣтъ сомнѣнія, что, еслибы въ сочиненіяхъ Родбертуса была создана гипотеза, которую создаетъ Марксъ, и которую мы разсматривали выше, она не могла бы пониматься въ иномъ смыслѣ, какъ мыслительная операція, вполнѣ согласно съ толкованіемъ Зомбарта, тогда какъ такое пониманіе ея у Маркса явилось бы равносильнымъ рѣшительному отпаденію отъ первоначальной его точки

зрѣнія [1]). Вотъ почему, между прочимъ, съ точки зрѣнія Родбертуса, и не существовало вопроса о равенствѣ прибыли, какъ правильно замѣтилъ Зомбартъ, къ сожалѣнію, лишь не по тому адресу. Такимъ образомъ, и цѣнность, и прибавочная стоимость у Родбертуса и Зомбарта понимается совершенно одинаково. Тѣ же возраженія, которыя мы дѣлали Зомбарту, приложимы, поэтому, и къ Родбертусу. Недостатокъ точки зрѣнія Родбертуса заключается въ томъ, что онъ беретъ въ основу своихъ выводовъ хозяйствующее общество, между тѣмъ какъ при капиталистической организаціи производства есть лишь хозяйствующій капиталъ и совсѣмъ нѣтъ тѣхъ непосредственно-общественныхъ отношеній, которыя предполагаетъ эта теорія. Поэтому, всѣ опредѣленія должны быть сдѣланы съ точки зрѣнія капитала; послѣдній же есть сумма, полученная изъ умственнаго сложенія отдѣльныхъ капиталовъ. Потому при изслѣдованіи *общественныхъ* отношеній поневолѣ приходится становиться на *частную* точку зрѣнія отдѣльнаго класса, даже отдѣльныхъ его представителей; это сдѣлалъ Марксъ въ I-мъ томѣ своего труда. Въ этой особенности проявляется общій недостатокъ теоріи Родбертуса—ея неисторичность; тотъ же недостатокъ проявляется и въ томъ значеніи, которое придается въ ученіи Родбертуса моменту распредѣленія, вліянію голыхъ юридическихъ нормъ. Болѣе глубокое историческое воззрѣніе видитъ корни системы распредѣленія въ способѣ производства, отыскивая, такимъ, образомъ, ихъ не въ волѣ законодателя, какъ въ чемъ-то случайномъ и постороннемъ процессу производства, а въ самомъ этомъ процессѣ, въ естественномъ ходѣ вещей.

Но не будучи безупречна со стороны исторической, съ логической стороны теорія Родбертуса свободна отъ тѣхъ упрековъ въ непослѣдовательности, которые могутъ быть предъявлены системѣ Маркса. Это, конечно, не можетъ заставить пожертвовать исторической правдой ради стройности теоріи: лучше допутить рядъ ограниченій мѣнового закона, нежели придавать понятію цѣнности такія толкованія, при которыхъ она не соотвѣтствуетъ фактамъ исторіи. Какъ бы то ни было, но Зомбарта постигло курьезное qui pro quo: начавъ толковать систему Маркса, онъ истолковалъ—и истолковалъ блестяще—систему Родбертуса.

Намъ пришлось остановиться только на слабыхъ, по нашему мнѣнію, сторонахъ критики Зомбарта, вскользь упоминая лишь

[1]) Это не мѣшаетъ однако отмѣченному нами раньше *формальному* совпаденію выводовъ Родбертуса и Маркса по вопросу о соотношеніи совокупной прибыли и совокупной прибавочной стоимости.

ея сильныя стороны (со всѣми замѣчаніями Зомбарта, кромѣ разобранныхъ, мы выражаемъ полную солидарность). Впрочемъ, можно соглашаться или не соглашаться съ положеніями Зомбарта, но слѣдуетъ признать, что работы подобнаго рода (особенно среди полнаго почти пренебреженія къ трудовой теоріи цѣнности среди представителей нѣмецкой оффиціальной науки) составляютъ весьма свѣтлое явленіе, содѣйствуя выясненію самыхъ основныхъ вопросовъ экономической теоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ научная критика, образцомъ которой можетъ служить работа Зомбарта, является лучшимъ знакомъ уваженія къ автору, желавшему себѣ такого читателя, который „хочетъ научиться изъ его книги, слѣдовательно, захочетъ и самъ подумать".

С. Булгаковъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ОРГАНЫ ГУБНОГО УПРАВЛЕНІЯ ВЪ XVI И XVII ВВ.

I.

Выборы губного старосты *).

Должность губного старосты была преимущественно выборная, за рѣдкими исключеніями на нее назначались лица самимъ правительствомъ [1]). Объ этихъ исключеніяхъ мы скажемъ ниже.

Для того, чтобы имѣть право быть выбраннымъ въ губные старосты, слѣдовало имѣть слѣдующій цензъ, именно, принадлежать къ классу дворянъ, или дѣтей боярскихъ, имѣть извѣстный матеріальный цензъ и быть грамотнымъ. Такъ, Уложеніе говоритъ: „А въ Губныхъ старостахъ..... быти Дворяномъ добрымъ и прожиточнымъ..... А въ которыхъ городѣхъ Дворянъ нѣтъ, и въ тѣхъ городѣхъ въ Губные Старосты выбирати изъ дѣтей Боярскихъ добрыхъ же и прожиточныхъ людей“... [2])

Относительно класса, изъ котораго выбирались губные старосты, Г. Дмитріевъ [3]) дѣлаетъ ошибку. Онъ пишетъ, что „губные старосты избирались всегда изъ самаго высшаго сословія, т.-е. изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ“..... Едва-ли вѣренъ взглядъ

*) См. „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“ 1892 г., выпускъ IX, стр. 176—197. „О причинахъ возникновенія Губного Института“, Н. Ретвиха.

[1]) О. г. Шуи № 5.

[2]) Улож. XXI 4, см. еще А. Э. т. III, № 171; стр. 254, Г. Чичеринъ (стр. 455) даетъ слѣдующее объясненіе почему въ губные старосты выбирались дворяне и дѣти боярскія: именно, „Должность губного старосты имѣла не только земскій, но и государственный характеръ. Она дѣлала выборного распорядителемъ и начальникомъ надъ всѣми уѣздными людьми, вслѣдствіе чего низшія сословія—посадскіе люди и крестьяне—не могли быть избираемы на эту должность“.

[3]) Стр. 53.

Г-на Дмитріева, что дворяне и дѣти боярскія въ XVI и XVII вѣкахъ принадлежали „къ самому высшему сословію?".

В. И. Сергѣевичъ прямо говоритъ: [4]) „дѣти бояръ образуютъ..... особый слой, которымъ заполняются низшія ступени вольной служебной лѣстницы. Памятники и говорятъ: бояре и дѣти боярскія, т.-е. бояре и другіе менѣе важные слуги. Дѣти боярскія составляютъ низшій сравнительно съ боярами разрядъ вольныхъ служилыхъ людей". Отсюда видимъ, что дѣти боярскіе никоимъ образомъ не могли быть „самымъ высшимъ сословіемъ", уже потому одному, что впереди ихъ стоитъ классъ бояръ. Дворянъ же къ этому сословію тоже причислить нельзя, т. к. они „въ XVII вѣкѣ до такой степени слились въ одинъ разрядъ (съ дѣтьми боярскими), что не представлялось уже никакой надобности, а, можетъ быть, даже и возможности различать сына боярскаго отъ дворянина" [5]). Это отожествленіе дворянъ съ дѣтьми боярскими на основаніи вышеприведенной цитаты (см. примѣч. 4) тоже не позволяетъ намъ считать дворянъ XVI и XVII вѣка классомъ самымъ высшимъ.

Вторымъ необходимымъ условіемъ, для того чтобы быть выбраннымъ въ губные старосты, была „прожиточность", т.-е. извѣстный матеріальный цензъ; какова была величина его, намъ неизвѣстно; знаемъ только то, что и изъ лицъ, имѣвшихъ право быть избранными въ губные старосты, требовалось избирать отнюдь не „изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ изъ середнихъ и изъ меньшихъ статей" [6]). Слѣдовательно, видимъ, что классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ раздѣлялся по цензу на три „статьи": на „лучшую", „середнюю" и „меньшую". Изъ первой-то „статьи" и требовалось выбирать въ губные старосты, въ противномъ случаѣ предписывается воеводѣ „устроить губного старосту, по списку лутчего человѣка, безъ выборовъ; а выборы на него велимъ на дворянѣхъ и на всякихъ людѣхъ доправити" [7]).

Третьимъ условіемъ была грамотность. Такъ, предписывается „выбрать..... губного старосту..... который бы грамотѣ былъ гораздъ"...... или еще „устроити губныхъ старостъ...... которые бы..... и грамотѣ бъ умѣли.....[8]). Уложеніе же говоритъ: „а которые грамотѣ не умѣютъ, и тѣхъ въ Губные старосты не выбирать" [9]).

---

[4]) Сергѣевичъ В. И., т. I, стр. 326—327.

[5]) Сергѣевичъ ibid. стр. 439.

[6]) А. Э., т. III № 171, стр. 254.

[7]) А. Э., т. III № 171, стр. 254, см. еще В. А. т. I № 35.

[8]) А. И., т. III № 150, стр. 244, А. Э. т. III № 171.

[9]) Улож. XXI, 4.

Паралельно этому приведемъ слѣдующее мѣсто (изъ Губной Грамоты, данной Троицко-Сергіеву монастырю): „а разбойные и татиные дѣла велѣти приказщикомъ и старостамъ и цѣловальникомъ записывати предъ собою губнымъ дьячкомъ, да которые въ старостахъ и въ цѣловальникахъ грамотѣ умѣютъ, и тѣ къ татинымъ и къ разбойнымъ дѣломъ руки свои прикладывати"....[10]) Мѣсто это взято изъ акта 1586 года. Какъ сопоставить эти два противорѣчивыя показанія? Уложеніе, напр., прямо требуетъ отъ губного старосты, чтобы онъ былъ грамотенъ, только же что приведенное мѣсто допускаетъ губному старостѣ грамоты и не знать[11]). Поэтому, намъ кажется весьма вѣроятнымъ наше предположеніе, что въ концѣ XVI вѣка иногда допускалось, какъ исключеніе, неграмотность губного старосты, въ смыслѣ не умѣнья писать.

Если лицо, на которое земскіе люди давали свои выборы, принадлежало къ классу дворянъ или дѣтей боярскихъ и было изъ „лучшей статьи", притомъ же матеріальный его цензъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требуемой „прожиточности", то неграмотность его въ вышеприведенномъ значеніи могла быть допущена.

Иначе чѣмъ объяснить фразу „да которые въ старостахъ и въ цѣловальникахъ грамотѣ умѣютъ?" Допуская неграмотность губного старосты, при соблюденіи всѣхъ остальныхъ условій, правительство XVI столѣтія имѣло въ виду то обстоятельство, что у губного старосты былъ всегда подъ руками губной дьячекъ. Слѣдовательно, все, что касалось письменной части, могло быть исполнено имъ. Да и кромѣ того, много ли грамотныхъ было на Руси во второй половинѣ XVI вѣка! Всегда ли можно было найти дворянина или боярскаго сына „доброго, прожиточного", лучшей статьи да еще и грамотнаго? Еслибы всѣ эти требованія проводились строго, то, пожалуй, губное вѣдомство какой нибудь волости осталось бы и безъ старосты.

Въ выборахъ губного старосты участвовали всѣ сословія[12]).

---

[10]) А. Э., т. I № 330, стр. 393.

[11]) ...„А которые старосты сами грамотѣ умѣютъ, а писати не умѣютъ, и о томъ къ нимъ писати въ грамотахъ велѣлъ, чтобы старосты велѣли, въ свое мѣсто, ко всякимъ спискомъ руки прикладывати отцомъ своимъ духовнымъ и обыскнымъ людемъ...." См. У. К. В. К. Христ. Ч. III, стр. 20, ст. X (1558 г. февр. 17) и прим. 62 и 18.

[12]) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что если губная грамота давалась частному лицу, какъ, напр.: грамота, данная боярину Дмитрію Ивановичу Годунову, то право назначать губныхъ старостъ вполнѣ зависѣло отъ лица, на имя котораго была дана грамота. Такъ, читаемъ въ вышеупомянутой грамотѣ „И язъ Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи... пожаловалъ..., велѣлъ

Такъ, читаемъ, что приказано было явиться на выборы..... „архимаритомъ, и игуменомъ, и протопопомъ, и попомъ, и діякономъ, и дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ, и посадскимъ старостамъ и посадскимъ людемъ, и нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей..... прикащикомъ и старостамъ, и цѣловалникомъ, и крестьяномъ, и всякимъ жилецкимъ людемъ"..... [13]) Уложеніе говоритъ: „А быти Губнымъ старостамъ въ городѣхъ по выбору Дворянъ и дѣтей боярскихъ, и посадскихъ и всякихъ чиновъ жилецкихъ и уѣздныхъ сошныхъ людей" [14]). Однако, слѣдуетъ замѣтить, что бывали случаи выборовъ губныхъ старостъ не при участіи всѣхъ сословій, а только при участіи однихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, или служилаго класса и духовенства [15]).

Выборы эти производились по распоряженію воеводъ [16]), т.-е. ему присылалась грамота (напр., А. А. Э., т. III, № 171) и самые выборы производились подъ его наблюденіемъ. Воевода созывалъ всѣ сословія въ уѣздный городъ къ извѣстному сроку. Въ случаѣ неявки предписывается у лицъ, принадлежавшихъ „къ большой статьѣ", брать ихъ людей и сажать въ тюрьму, до тѣхъ поръ пока ихъ господинъ не явится на выборы; лицъ же менѣе важныхъ и монастырскихъ служекъ приказано было прямо сажать въ тюрьму на день или на два [17]).

На этомъ съѣздѣ собравшіеся давали воеводѣ выборные списки на губного старосту [18]). Если избраніе происходило не единогласно, то въ губные старосты назначалось лицо отъ самого правительства [19]).

Намъ кажется неправильнымъ, что нѣкоторые ученые доказываютъ необходимость единогласія при выборахъ губныхъ старостъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова [20]).

быти въ губныхъ старостахъ выбраннымъ головамъ и губнымъ цѣловальникомъ, кого велитъ выбрать бояринъ нашъ Дмитрей Ивановичъ". (Кн. Оболенскій, стр. 27).

[13]) А. Э., т. III, № 171, стр. 253 (1627 г.).

[14]) Улож. XXI, 4; объ этомъ см. еще А. И., т. III № 150 и В. А., т. I № 35 изд. 1850 г.

[15]) А. Э., т. IV, № 72. Д къ А. И., т. I, № 176, В. А., т. III, № 112, № 183, 3.

[16]) А. Ю. № 279, Улож. XXI, 4. П. С. З. № 441,3.

[17]) В. А., т. I, № 35.

[18]) См., какъ образецъ выборнаго списка, А. Ю., № 279 (за 1617 годъ).

[19]) А. И., т. III, № 150.

[20]) Б. Чичеринъ, стр. 455—459. Шалфѣевъ, стр. 39.

Напримѣръ, г-нъ Шалфѣевъ думаетъ, что выборы губныхъ старостъ должны быть единогласными, основываясь на словахъ ....„и вы бъ свѣстясь всѣ заодинъ, учинили собѣ..... въ головахъ".

Едва-ли въ дѣйствительности было такъ. Трудно предположить, чтобы избиратели были до такой степени солидарны, что рѣшительно всѣ дали бы свои выборы на кого-нибудь одного. Г. Шалфѣевъ выраженіе „свѣстясь всѣ заодинъ", очевидно, принимаетъ за чистую монету. Отрицая правильность этого положенія, мы позволимъ себѣ привести два мѣста, гдѣ подобныя выраженія отнюдь не слѣдуетъ понимать въ прямомъ смыслѣ. Именно, Новгородская лѣтопись часто говоритъ: „*Новгородцы отвѣчаютъ едиными устами*", или еще: „*еже быти и стати за одинъ*" [21]). Приведенныя выраженія хотя и говорятъ о единогласіи, но, конечно, никто не будетъ считать рѣшеній вѣчевыхъ — рѣшеніями единогласными. Поэтому и мы признаемъ, что какъ рѣшенія вѣчевыя, такъ въ данномъ случаѣ и выборы губныхъ старостъ происходили не на основаніи единогласія, а на основаніи большинства избирательныхъ голосовъ.

Выбирать въ губные старосты предписывается изъ жителей того же города, изъ другихъ же городовъ запрещалось. Такъ, грамота 1642 года, іюля 8-го, говоритъ: „а изъ иныхъ городовъ никово въ губные старосты выбирать невелено" [22])... Г-нъ Дмитріевъ на основаніи этого акта полагаетъ, „что жители имѣли право избирать въ губные старосты не только изъ своей среды, но и изъ жителей другого города" [23]).

Можетъ быть, жители и выбирали губныхъ старостъ изъ другихъ городовъ, это предположеніе имѣетъ мѣсто потому, что явилась подобная запретительная мѣра, но едва-ли они имѣли на это право. Мы думаемъ такъ потому, что не встрѣчали до сихъ поръ ни одного акта, который бы говорилъ о правѣ жителей выбирать губныхъ старостъ изъ чужой среды.

Выборы, которые давались на губного старосту, должны были быть скрѣплены избирателями. Такъ, „а къ выборамъ всякимъ людемъ велѣно руки прикладывать въ Съѣзжей Избѣ при себѣ, а не за очи" [24]). „Прикладывать руки при себѣ" приказано было, вѣроятно, для того, чтобы не было подлоговъ. Из-

---

[21]) В. И. Сергѣевичъ, „Лекціи и изслѣдованія", стр. 141, изд. 1890 г.
[22]) В. А., кн. I, изд. 1850 г., № 35.
[23]) Ѳ. Дмитріевъ, стр. 54.
[24]) В. А., т. I., изд. 1850 г., № 35.

бранный въ старосты долженъ былъ ѣхать въ Москву и явиться въ Разбойный Приказъ. Если лицо избранное вполнѣ соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ, то Разбойный Приказъ утверждалъ новоизбраннаго въ должности [25]), въ послѣднемъ случаѣ губному старостѣ выдавался наказъ, по которому онъ долженъ былъ судить [26]).

Съ грамоты, полученной имъ на исправленіе должности, взимались пошлины по одному рублю съ человѣка [27]). Какъ прежде выборами руководилъ воевода, такъ съ 1669 года ими руководилъ сыщикъ. Онъ же приводилъ губныхъ старостъ къ присягѣ, что̀ прежде дѣлалось въ Разбойномъ Приказѣ, и бралъ съ нихъ пошлину по рублю съ человѣка, хотя наказы, дававшіеся въ руководство губнымъ старостамъ, попрежнему присылались изъ Разбойнаго Приказа [28]).

Съ этихъ поръ сыщики дѣлаются какъ бы посредствующимъ звеномъ между высшею властью и губными старостами. Послѣдніе становятся въ прямую зависимость отъ сыщиковъ.

Губные старосты подлежали суду Разбойнаго Приказа [29]). Сами же съ XVII столѣтія производили слѣдствіе и судъ по губнымъ дѣламъ подъ надзоромъ воеводъ [30]).

Теперь перейдемъ къ вопросу, сколько губныхъ старостъ было въ одной „губѣ“. Число ихъ было различно, въ одномъ и томъ же мѣстѣ ихъ было то одинъ, то два, то три.

По три было: въ Переяславлѣ Рязанскомъ 1647 г.
По два было: въ Муромѣ въ 1625 и въ 1640 гг.
По два было: въ Шуѣ въ 1614, 1621, 1622, 1625 гг.
„ „ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1666 г.
„ „ въ Вологдѣ въ 1617 г.
„ „ въ Серпуховѣ въ 1601 г.
„ „ въ Суздалѣ въ 1647 г.

[25]) Н. В. Калачевъ, т. II, стр. 367.

[26]) Н. В. Калачевъ, т. I, стр. 71 „которымъ (т.-е. губнымъ старостамъ) давались для этого особыя губныя грамоты“.

[27]) Улож. XVIII, 66.

[28]) П. С. З., № 441, ст. 3, въ ней читаемъ, что губные старосты приводидились къ присягѣ „по чиновной книгѣ“. Лицо выбранное и утвержденное повелѣвалось помѣщать „въ спискѣ въ губныхъ старостахъ“. Временникъ 1849 г., II.

[29]) Улож. XXI, 6. Запрещается требовать въ Сыскной Приказъ губныхъ старостъ для очной ставки съ ворами, присланными изъ городовъ. П. С. З., № 195 (1656 г.).

[30]) Улож. XXI, 3, 5. П. С. З. № 441, ст. 4, 6.

По одному: въ Муромѣ въ 1632 г.
„ въ Шуѣ въ 1600, 1611, 1612, 1617, 1618, 1628, 1635, 1636, 1640, 1647, 1649, 1651, 1665, 1667, 1679, 1770 гг.
„ въ Воронежѣ въ 1627, 1631, 1635, 1638, 1639, 1642, 1645, 1656, 1664, 1666, 1669 и 1670 гг.
„ въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1677 г. [31]).

Итакъ, видимъ, что количество губныхъ старостъ колеблется между однимъ и тремя. Правительство, повидимому, не давало на этотъ случай никакого правила, здѣсь уже было дѣло земскихъ людей.

Можно, пожалуй, предположить, что двое губныхъ старостъ выбирались или въ томъ случаѣ, если въ данной мѣстности было много разбойниковъ, или если губной округъ занималъ большое протяженіе, какъ, напр., Губной округъ города Шуи, который простирался на 150 верстъ [32]).

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что авторъ описанія города Шуи напрасно замѣчаетъ, будто бы вездѣ, кромѣ Шуи и Суздаля, было одновременно только по одному губному старостѣ [33]).

Если не было опредѣлено губными грамотами число губныхъ старостъ на извѣстный округъ, то мы видимъ также, что не былъ опредѣленъ и срокъ ихъ службы. Нѣкоторые старосты занимали должность только по году, нѣкоторые же были въ ней по десяти и даже тридцати лѣтъ [34]).

Былъ, напр., случай, что жители города Дмитрова просили себѣ воеводу, такъ какъ въ губные старосты имъ не кого было выбрать; затѣмъ по ихъ же челобитью назначается губной староста, вскорѣ по назначенію губного старосты приказано было губныя дѣла вѣдать воеводѣ, потому что жители просили отмѣнить у нихъ губного старосту. И всѣ эти три перемѣны произошли менѣе, чѣмъ въ четыре года [35]).

Если въ извѣстномъ губномъ округѣ было двое старостъ, то они могли быть смѣнены и не одновременно [36]). Въ Шуѣ, напр., въ 1621 году были старостами Провоторхъ Волковъ и Филатъ

[31]) См. таблицу губныхъ старостъ, А.
[32]) О. г. Ш. изъ статьи губной дворъ въ Шуѣ, стр. 43.
[33]) См. таблицу губныхъ старостъ, А.
[34]) См. таблицу, Б.
[35]) Временникъ 1849 г., кн. IV, стр. 32—52.
[36]) А. Э., т. III. № 163, 210, 271.

Сѣченый, въ 1622 году были старостами Провоторхъ Волковъ и Фролъ Кишкинъ, въ 1625 году Фролъ Кишкинъ и Мурза Ковалевъ; Фролъ же Кишкинъ былъ губнымъ старостой до 1635 года [37]).

Этотъ неопредѣленный срокъ службы указываетъ на преобладаніе правительственнаго начала въ губномъ управленіи; смѣнить старосту само земство не могло, несмотря на то, что оно его выбрало. Были случаи, что жители жаловались на страшныя злоупотребленія губныхъ старостъ, и все же послѣдніе продолжали оставаться въ своей должности, такъ, напр., Фролъ Кишкинъ былъ старостой 13 лѣтъ.

Какъ не были опредѣлены сроки службы, такъ и не опредѣлялись поводы, вслѣдствіе которыхъ правительство смѣняло губныхъ старостъ. Изъ практики можно заключить, что правительство, обыкновенно, смѣняло ихъ въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ, именно:

1. По жалобѣ земскихъ людей [38]).
2. „ просьбѣ самого губного старосты.
3. „ его неспособности къ службѣ [39]).
4. Вслѣдствіе злоупотребленій губного старосты.

При вступленіи въ должность губного старосты ему приказывается принять [40]) всѣ дѣла и расписаться въ полученномъ.

Дѣла и все принадлежавшее къ губному вѣдомству вновь назначенный на эту должность принималъ или отъ своего предшественника, или отъ воеводы, если послѣдній завѣдывалъ губнымъ дѣломъ до назначенія старосты, или отъ сыщика [41]).

При вступленіи въ должность происходили недоразумѣнія; такъ, напр., приказные люди не передаютъ губныхъ дѣлъ вновь назначенному губному старостѣ [42]).

Даже со вступленіемъ въ должность часто губному старостѣ приходится жаловаться, что воевода „въ губныя дѣла вступаетца“.

---

[37]) С. А. Ш. № 18, стр. 29. О. г. Ш. № 12, стр. 263, № 14, стр. 267, № 18, стр. 278.

[38]) О. г. Ш. № 18, стр. 278; Временникъ, 1849 г., кн. IV „молодъ и окладомъ малъ“.

[39]) Временникъ, 1849, VIII „сраменъ и увѣченъ“... А. И., т. III № 150.

[40]) В. А., кн. I, изд. 1851 г. № 6, имѣемъ случай, гдѣ губной староста завѣдуетъ пріемомъ и ямскихъ денегъ: „что осталось Государевыхъ ямскихъ денегъ послѣ пріему губного старосты Обросима Козлова въ доимкѣ“. А. Ю. № 313, стр. 333.

[41]) В. А., кн. I, изд. 1851 г. № 6; Чичеринъ стр. 476.

[42]) В. А. кн. III, изд. 1859 г. № 183, 1.

Разъ, напр., воевода не сдалъ разбойника въ губу, а взялъ съ него откупъ и отпустилъ.

Хотѣлъ даже взять на него съ жителей поручныя записи, но они не дали; тогда воевода принудилъ ихъ выплатить себѣ сто рублей и раздѣлилъ ихъ съ челобитчикомъ, который жаловался на отпущеннаго имъ разбойника [43]). Губному старостѣ пришлось только жаловаться на подобное дѣйствіе воеводы, самъ же онъ ничего не могъ сдѣлать. Или еще, губной староста жалуется на воеводу Бобарыкина, что люди его „въ губную тюрму приносятъ вино и влѣзщи въ тюрму поятъ тюремныхъ сидѣльцовъ; а въ тюрмѣ, Государь, сидятъ тюремные сидѣльцы твоі, Государевы всякие опальные люди надобные [44]).

Компитенція губного старосты.

Первоначально, какъ видимъ изъ первыхъ губныхъ грамотъ, губному старостѣ поручались только дѣла разбойныя и татинныя, затѣмъ въ его вѣдомство въ началѣ XVII вѣка перешли дѣла „убійственныя“ [45]). Уложеніе же и Новоуказныя статьи ввѣряютъ ему дѣла о „зажигательствѣ“, совращеніи изъ православія [46]) и цѣлую группу приступленій противъ нравственности, именно:

а) непочтеніе къ родителямъ [47]),
б) сводничество [48]),
в) убійство незаконнорожденныхъ дѣтей [49]),
г) публичный развратъ [50]),
д) изнасилованіе и проч. [51]).

---

[43]) С. А. Ш. № 16, стр. 25.

[44]) В. А. кн. III, № 183, 5.

[45]) Чичеринъ стр. 481, Градовскій 345, Шалфѣевъ 19—22, Сокольскій съ этимъ не согласенъ, онъ полагаетъ, что и въ XVI вѣкѣ губное вѣдомство вѣдало дѣла о зажигателяхъ, убійцахъ, корчемникахъ, ябедникахъ и подписчикахъ. Мнѣніе его можно принять потому, что приведенные имъ акты дѣйствительно подтверждаютъ сказанное, № 8 стр. 16—18.

[46]) П. С. З. № 441, ст. 109.

[47]) Ibid. ст. 90, 91, 92, Улож. XXII, 4.

[48]) Ibid. ст. 110; Улож. XXII, 25.

[49]) Ibid. ст. 111; Улож. XXII, 26.

[50]) Несмотря на то, что губному вѣдомству было поручено наблюденіе за нравственностью населенія, корень разврата часто сосредоточивался въ самомъ учрежденіи. Такъ извѣстно, что губныя тюрьмы служили расадниками разврата; женщинъ брали оттуда къ себѣ на ночь, дѣйствуя черезъ приставовъ, или лазили къ нимъ въ окно ночью; можно было даже на день получить. С. А. Ш. № 47 стр. 82, см. Временникъ 1849 г. кн. IV, № I.

[51]) Улож. XXII, 16; П. С. З. № 441, ст. 102.

Новоуказныя же статьи 1669 г. передаютъ въ губное вѣдомство и дѣла о колдовствѣ [52]), что съ 1663 года вѣдалось воеводами [53]).

Въ началѣ губные старосты вступались въ „убійственныя дѣла", носившія на себѣ характеръ случайности, но такъ какъ здѣсь часто происходили злоупотребленія и кромѣ того порядокъ губного дѣлопроизводства былъ для мѣстнаго населенія крайне тяжелъ, то правительство, вслѣдствіе частыхъ просьбъ, отдѣлило эти дѣла отъ губного вѣдомства и передало ихъ въ руки воеводъ. Передача эта происходила обыкновенно путемъ выдачи грамоты. Былъ, напр., въ 1622 году, марта 29-го [54]) изданъ указъ, которымъ повелѣвалось: „тѣхъ поземельныхъ поголовныхъ денегъ, которые мертвые тѣла у нихъ объявятся на ихъ градской полевой землѣ, такожъ и вешнюю водою, рѣкою мертвые тѣла приплывутъ, править не велѣно"... [55]), далѣе, еще имѣемъ актъ, перечисляющій случаи, которые не разсматриваетъ губной староста, именно, „если человѣкъ удавитца, или ушибетца, или вина опився, згаритъ, или утонетъ, или рѣкою мертвой человѣкъ подплыветъ подъ посадъ, или хто промежъ себя подеретца, хмѣльнымъ дѣломъ" [56])...

Грамота между прочимъ говоритъ, что если губные старосты будутъ вступаться въ эти дѣла, то убытокъ, понесенный при этомъ крестьянами, будетъ взыскиваться на губныхъ старостахъ въ двойномъ размѣрѣ; кромѣ того сами они подвергнутся опалѣ. Замѣтимъ между прочимъ, что все-таки, если было найдено мертвое тѣло, то оно сначала препровождалось въ губную избу. Былъ случай, что земскій цѣловальникъ извѣщаетъ „словесно" губного старосту о находѣ мертваго тѣла; губной староста посылаетъ съ нимъ двухъ губныхъ цѣловальниковъ и велитъ привезти трупъ въ губную избу. Тѣло привезли и осмотрѣли: побоевъ нѣтъ, но грудь вся посинѣла, полагаютъ отъ удушенія; затѣмъ слѣдуетъ описаніе платья, въ которомъ онъ найденъ и между прочимъ сдѣлана помѣтка, что на трупѣ нѣтъ лаптей и креста [57]).

Жаль только то, что актъ не говоритъ какія были послѣдствія нахожденія тѣла, были ли взысканы съ жителей „поголовныя деньги" на основаніи того, что на трупѣ были признаки

[52]) П. С. З. № 441. ст. 128; С. А. Ш. № 109 стр. 194.

[53]) Д. къ А. И., т. IV. № 134.

[54]) С. А. Ш., № 198, стр. 354.

[55]) Указъ присланъ изъ Приказа Сыскныхъ Дѣлъ.

[56]) О. г. Шуи, № 12, стр. 263.

[57]) С. А. Ш., № 64, стр. 115.

удушенія, или этотъ случай былъ отнесенъ къ самоубійству. Надо полагать, что были взысканы; мы имѣемъ подобный же примѣръ, изъ котораго видно, что за обнаруженное убійство (убійца не обнаруженъ) въ 1665 году съ шуянъ было взято 8 рублей 4 алтына 2 деньги [58]).

Съ передачею разбойныхъ, татиныхъ и другихъ дѣлъ въ руки губныхъ старостъ имъ пришлось распространить свою дѣятельность на преслѣдованіе и поимку воровъ и разбойниковъ, они также судили преступниковъ, наказывали ихъ, отбирали имущество ихъ въ казну и продавали его [59]). Далѣе, мы увидимъ, что вѣдомство губныхъ старостъ раздѣлялось на губное и приказное; именно г. Чичеринъ справедливо замѣчаетъ, что „управленіе раздѣлилось не по роду дѣлъ, а потому, что извѣстные предметы требовали особеннаго способа управленія: было управленіе приказное, управленіе земское, управленіе казенное или вѣрное, наконецъ, управленіе губное, которое составляло смѣсь всѣхъ этихъ началъ. Однакоже въ основаніи губного управленія лежалъ полицейскій характеръ, а прочее присоединилось къ нему какъ принадлежность. Оно возникло изъ потребности искоренить воровъ и разбойниковъ, вслѣдствіе чего отъ судебнаго вѣдомства намѣстниковъ, волостелей и воеводъ отдѣлены были нѣкоторые предметы, которые опредѣлены были довольно точнымъ образомъ".

Со времени Михаила Өедоровича компетенція губныхъ старостъ постепенно разростается, обыкновенно объясняютъ это тѣмъ, что измѣнилось пространство губы: въ XVII вѣкѣ она состоитъ изъ цѣлаго уѣзда, иногда же изъ двухъ. Кромѣ того, подчиненіе общинъ провинціальной власти объясняется паденіемъ общиннаго судебнаго управленія.

Изъ просмотрѣнныхъ нами актовъ усматриваемъ, что губные старосты въ XVI и XVII вѣкахъ завѣдывали слѣдующими отраслями управленій приказнаго, административнаго и полицескаго.

Именно: губной староста

1. *Производилъ переписи:*

а) Предписывается старостѣ прочитать грамоту въ Соборѣ и велѣть выбрать потомъ представителей и прислать ихъ въ

---

[58]) О. г. Ш., № 37, стр. 321. П. С. З., № 441, ст. 124 „имать съ убивства по четыре рубли по четыре алтына по полуторы деньги". Сравн.: Наказъ стольнику Сатину. Полевой, гдѣ платится столько же и еще сравн.: А. Э., т. IV, № 237.

[59]) Чичеринъ, стр. 478—479.

Москву. Нужны они для составленія переписи города Галича по случаю бывшаго разоренія [60]).

б) Предписывается: „переписати всякихъ, жилетцкихъ уѣздныхъ людей, со всякимъ боемъ, кто съ чимъ будетъ“ [61])...

2. *Завѣдывалъ выборами:*

а) Предписывается губному старостѣ взять „на него (т.-е. палача) выборы за руками“ [62]).

б) Губной староста завѣдуетъ выборами губныхъ цѣловальниковъ [63]).

в) По приказу, присланному изъ Галицкой четверти, „велѣно ..... ему ..... изъ посацкихъ людей выбрати на Углечь вѣрнаго голову къ таможенному и къ кабацкому збору“ [64]).

3. *Сыскивалъ бѣглыхъ* [65]), *наблюдалъ за лицами вновь поселившимися въ его губѣ и смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы населеніе не принимало у себя перебѣжчиковъ:*

а) Губному старостѣ Кишкину предписывается отыскать бѣглыхъ посадскихъ людей, которые не сысканы и не свезены въ Суздаль опредѣленными для того свозчиками [66]).

б) Губному старостѣ Ульяну Дубасову поручается сыскать холопей, бѣжавшихъ отъ бояръ-воеводъ и другихъ ратныхъ людей изъ похода на короля Польскаго [67]).

в) Уложеніе (гл. XXI, ст. 82) предписываетъ губному старостѣ разспрашивать пришлыхъ людей, поселившихся въ его губѣ, гдѣ они прежде жили и отчего „сошли въ иную Губу“. Если истцевъ на нихъ не будетъ, то велѣть имъ жить у тѣхъ, къ кому пришли. Безъ допроса же не держать въ своей губѣ. Если будутъ истцы, а пришлыхъ кто-нибудь изъ населенія скроетъ и не укажетъ губному старостѣ, то онъ (т.-е. укрывшій) платитъ половину предъявленнаго иска.

г) „А велѣно Свѣйскихъ перебѣщиковъ всѣхъ, которые учнутъ приходити въ Государеву сторону съ Свѣйскія стороны, безъ отпускныхъ Свѣйскихъ державцовъ, высылать изъ Государевой стороны за рубежъ въ Свѣйскую сторону тотчасъ, и пріимати ихъ впередъ въ Государеву сторону однолично нигдѣ не велѣно“ [68]).

[60]) А. Э., т. III, № 105.
[61]) А. Ю., № 365, II; А. Э., т. III, № 291.
[62]) С. А. Ш., № 66, стр. 117.
[63]) А. Э., т. III, № 163.
[64]) С. А. Ш., № 43, стр. 73.
[65]) А. Ю. Б., т. I, № 55, XXVIII.
[66]) А. Э., т. III, № 311.
[67]) А. Э., т. III, № 70.
[68]) А. Э., т. III, № 263.

д) Предписывается сыскивать Шведскихъ перебѣжчиковъ въ Выгозерскомъ станѣ [69]).

4. *Сбиралъ и сохранялъ у себя подати:*

а) Всѣ пошлинныя, поголовныя и вытныя деньги и деньги отъ продажи опальныхъ лошадей держитъ у себя губной староста [70]).

б) Собираетъ деньги на подмогу губнымъ цѣловальникамъ, а также на жалованье биричу, палачу и тюремнымъ сторожамъ [71]).

в) Губной староста Ворыпаевъ собираетъ деньги на тюремное строеніе и губные расходы [72]).

5. *Имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи городовую артиллерію и самъ принималъ участіе въ походѣ:*

а) Губной староста Щепиловъ переписываетъ находящееся въ городѣ Суздалѣ огнестрѣльное оружіе [73]).

б) „..... да съ Мисюремъ же быть губному сторостѣ Бѣляю Нагавицыну, а съ нимъ датошныхъ людей семьсотъ человѣкъ" [74]).

6. *Высылалъ служилыхъ людей на службу:*

..... пріѣзжали ..... губной староста ...., высылати дворянъ и дѣтей боярскихъ на Государеву Цареву и Великого Князя Владислава Жигимантовича всеа Русіи службу..... въ Новгородъ" [75]).

7. *Преслѣдовалъ корчемство, а также продавцевъ и потребителей табаку* [76]).

8. *Подъ его контролемъ находилась таможня и кабакъ* [77]).

9. *Собиралъ стрѣлецкій кормъ и подмогу дьячкамъ:*

а) Собиралъ деньги „твоимъ Государевымъ ратнымъ людямъ, на твое Государево жалованье" [78]).

б) Губной староста собранныя стрѣлецкія и ямскія деньги, приказываетъ губному цѣловальнику отвезти въ Москву [79]).

10. *Совершалъ порядныя записи:*

а) „177 году, марта въ 8 день, передъ губного Ульяна Дубасова привелъ къ запискѣ..... новопорядныхъ крестьянъ,

---

[69]) А. Э., т. III, № 203.
[70]) В. А., кн. I, изд. 1851 г., № 6.
[71]) А. Э., т. III, № 163.
[72]) А. Э., т. III, № 271.
[73]) А. Э., т. III, № 291.
[74]) А. Ю. Б., т. II, № 230, V.
[75]) А. И., т. II, № 304.
[76]) С. А. Ш., № III, стр. 196. А. Ю., № 30, VIII.
[77]) А. Э., т. III, № 146.
[78]) С. А. Ш., № 45, стр. 78, еще А. И., т. V, № 38.
[79]) А. Ю., № 313.

Михалку Юрьева съ братьею съ Микиткою да Ларкою да Якушкою Юрьевыхъ дѣтей [80]).

11. *Совершалъ служилыя кабалы на холоповъ*:

а) „А въ городѣхъ... Губнымъ старостамъ давать на холопей служилыя кабалы за своими руками, а не за печатьми" [81]).

12. *Размежовывалъ земли при куплѣ-продажѣ, и заносилъ эти раздѣлы въ „отдѣльныя книги"* [82]).

а) „Да билъ челомъ: толде Боголюбова монастыря отъ игумена съ братьею ему Ивану не продажа? по Государеву де Патріархову указу и по отдѣлу губныхъ старостъ, досталось ему Ивану"... [83]).

б) Губной староста (Θедоръ Грозновъ) на основаніи боярской грамоты отъ 5 августа 1612 г. „отказываетъ" сыну боярскому Любиму Θедоровичу Муринову помѣстье его отца [84]).

в) Губной староста Прокофій Алексѣевичъ Загор(ь)скій на основаніи Указа и Грамоты изъ Помѣстнаго Приказа даетъ наказную память подьячему сыскныхъ дѣлъ о переписи вотчины и помѣстья и, на основаніи ея, за подписью губного старосты, просителю „отказываются" земли въ помѣстье и въ вотчину [85]).

13. *Предоставлялось губному старостѣ принимать гражданскіе иски, но не свыше 10 рублей (г. Шуя).*

Пошлины берутся съ 1 рубля по гривнѣ „да пересуда и праваго десятка съ суда по семи алтынъ по двѣ деньги". На этихъ разбирательствахъ присутствуютъ староста и цѣловальники. Пошлины присылать въ Галицкую Четь въ Сентябрѣ и въ Мартѣ [86]).

---

[80]) А. Ю., № 203, I. 1669 г. Губному старостѣ предъявляютъ ссудную запись № 203, II, 1678 г., иногда даются поручныя записи по приказу губного старосты. А. Ю., № 304, III, 1641 г.

[81]) Улож. XX ст. 72 и 73; А. Ю. Б. т. I № 9, 93, II; т. II, № 131, I; № 127, I—III, VII—XI. Уложеніе (гл. XX ст. 48) говоритъ, что служилыя кабалы, взятыя двумя лицами (напр., отцемъ съ сыномъ) на одного кабальнаго, должны быть представляемы къ губн. старостамъ для обмѣна на новыя, потому что на основаніи ст. 47 гл. XX два лица одновременно не могутъ брать кабалы на одного холопа. Кабальныя книги велъ земскій дьячокъ (1598—1599) см. А. Ю. Б. т. II № 131, I; самыя кабалы (служилыя) писалъ онъ же, см. А. Ю. Б. т. II, № 127, I—III, VII—XI; съ кабалъ брались пошлины съ рубля по алтыну, и пересылались въ Приказъ Холопьяго Суда. А. Ю. Б., т. II, № 131, I.

[82]) Улож. гл. XVII, ст. 52; Калачовъ, стр. 373, см. случай отмежеванія дикихъ полей П. С. З. № 552, ст. 10 (1673 г.).

[83]) А. Ю. № 29, стр. 75.

[84]) А. Ю. Б. т. II, № 232, I.

[85]) Тамъ же № 233, III; см. еще А. Ю. Б. т. I, № 29; 55, XII; т. II, № 136, I, III; № 138; № 139, I. А. Ю. № 29, № 59; А. И. т. I, № 249; т. II, № 328; Д. къ А. И. т. I, № 177; т. IX, № 21.

[86]) А. Ю. Б. т. I, № 55, IV. См. Улож. гл. X, ст. 130.

14. *Черезъ его руки проходили многія административныя распоряженія*:

а) Губной староста объявилъ въ городѣ Галичѣ о возведеніи на Патріаршій престолъ отца Государева Митрополита Филарета [87]).

б) Онъ посылаетъ въ Новгородъ работниковъ для городового дѣла и изготовленія бревенъ [88]).

в) По указу царя перемѣщаетъ казну Тихвинскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря изъ келій тамошняго Успенскаго мужского монастыря [89]).

г) Губнымъ старостамъ города Мурома предписывается отказать откупщику Трофимову (дворнику князя Ивана Борисовича Черкаскаго) въ сѣнномъ трушеніи на Муромской площадкѣ, а предоставить этотъ промыселъ посадскимъ людямъ „безъ откупу и безъ оброчно“ [90]).

д) Предписывается губному старостѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы посадскіе люди не были принуждаемы брать ямскихъ лошадей для возки съ торгу и съ пристаней хлѣба и прочихъ припасовъ [91]).

е) Староста Иванъ Кобылинъ посылаетъ въ Москву выборного человѣка для участія въ составленіи Уложенія [92]).

ж) Губные старосты принуждаютъ игуменью Покровскаго монастыря Леониду и Сергѣя Горяинова выдать крестьянъ, выбранныхъ въ цѣловальники [93]).

з) Губной староста Григорій Востинскій принуждаетъ крестьянъ Шижнемскаго и Лучинскаго погостовъ перемѣнять подводы Тихвинскаго монастыря [94]).

и) Губной староста присутствуетъ при освидѣтельствованіи Новгородца Григорія Иванова Пустошкина, такъ какъ послѣднимъ было заявлено, что онъ изъ-за ранъ къ полковой службѣ не годенъ [95]).

і) Поручается губному старостѣ узнать, принадлежитъ ли кому-нибудь данный участокъ земли, или нѣтъ и составить подробную опись ему, узнать повальнымъ обыскомъ [96]).

---

[87]) А. Э. т. III, № 105.
[88]) А. Э. т. III, № 201; въ 1632 г. по приказу доставляли подъ Смоленскъ ржаную муку, см. А. Э. т. III № 216, стр. 318.
[89]) А. Э. т. III, № 257.
[90]) А. Э. т. III, № 295.
[91]) А. Э. т. III, № 297.
[92]) А. Э. т. IV, № 27.
[93]) А. Э. т. IV, № 22.
[94]) А. Э. т. IV, № 58.
[95]) А. Ю. Б. т. II, № 230, XXVII; сравн. т. I, № 55, XXIX.
[96]) А. Ю. Б. т. I, № 55, XII.

к) Подаетъ грамоту царя Алексѣя Михайловича Архіепископу Вологодскому и Велико-Пермскому Маркеллу о празднованіи явленія Чудотворной иконы Казанской Богородицы въ 22 день октября [97]).

л) Воевода приказываетъ „отдать" Троицкому Сергіеву монастырю, завѣщанныя ему одною вдовою села и деревни, находящіяся въ Торусскомъ уѣздѣ [98]).

м) Приписываетъ оброчныя мельницы въ Алексѣевскому монастырю [99]).

н) Воевода Дмитрій Овцынъ былъ обжалованъ, пришелъ указъ губн. старостѣ разсмотрѣть это дѣло и сдѣлать сыскъ [100]).

о) Предписывается взыскать съ воеводъ по пятидесяти рублей за то, что они въ 1650 и 1651 году не выслали въ Москву „нѣтчиковъ", несмотря на то, что были „посланы къ нимъ многія государевы грамоты"... [101]).

15. *Заповѣдывалъ постройкой губной тюрьмы и устраивалъ губной станъ*:

а) Изъ одной жалобы видимъ, что губной староста самовольно занимаетъ мѣсто для исправленія губныхъ дѣлъ; это запрещается, долженъ губныя дѣла приводить въ исполненіе на губномъ стану. Если тамъ тюрьмы нѣтъ, то объ этомъ слѣдуетъ сообщить воеводѣ, или самому устроить тюрьму [102]).

б) Воевода велитъ поставить губной станъ „сошными людьми". Староста хотѣлъ поставить на землѣ Тихвина монастыря; келарь монастыря жаловался на это царю; ставить запрещено [103]).

в) О выборѣ мѣста для губнаго стана; грамота дана на имя губного старосты [104]).

г) Предписывается устроить новый губной станъ и построить тюрьму на счетъ посадскихъ и сошныхъ людей [105]).

16) *Распоряжался должностными лицами губного вѣдомства*:

а) По предписанію перемѣнялъ губныхъ цѣловальниковъ, находящихся въ этой должности нѣсколько лѣтъ; указывается, чтобы впредь выбирались новые цѣловальники ежегодно [106]).

---

97) А. Э. т. IV, № 40.
98) Тамъ же, т. II, № 192.
99) Тамъ же, т. III, № 47, см. еще А. Ю. № 359, II; А. И. т. III, № 59.
100) О. г. III. № 16, стр. 271.
101) П. С. З. № 51.
102) А. Ю. № 348.
103) А. Э. т. III, № 152.
104) А. Э. т. III, № 154.
105) А. Э. т. IV, № 72; см. А. Ю. № 352.
106) А. Э. т. III, № 210.

б) На основаніи царскаго указа посылаетъ губныхъ цѣловальниковъ по словеснымъ оговорамъ для исковыхъ дѣлъ на лошадяхъ истца и отвѣтчика, а для государевыхъ дѣлъ на своихъ [107]).

17. *Посылалъ наказныя памяти*:

а) Губной староста даетъ выборному сотскому память, въ которой указываетъ его обязанности [108]).

б) Губной староста Ѳедоръ Андреевъ Давыдовъ даетъ наказную память сотскому и пятидесятскому о приводѣ колодниковъ въ губной станъ [109]).

18. *Выдавалъ, отбывшимъ срокъ наказанія, свободныя „письма“*:

а) Губной староста Степанъ Борисовичъ Торжневъ вмѣстѣ съ воеводою на основаніи Указа и Грамоты изъ Разбойнаго Приказа даетъ „письмо“ для свободнаго проживанія [110]).

19. *По порученію правительства доставлялъ запасы и казну*:

а) Бѣляй Нагавицымъ былъ посланъ „съ нарядомъ, и съ казною, и съ рыбою на Городецъ“, а оттуда долженъ былъ на Балахну свести „и нарядъ и порохъ и свинецъ и ядра“, деньги („казну“) доставить въ Нижній-Новгородъ [111]).

20. *Встрѣчалъ пословъ и готовилъ имъ кормъ*:

а) Въ 1593 году губному старостѣ Андрею Извѣткову (въ Вязьмѣ) сообщается, что ѣдетъ посолъ „отъ Цесаря Руделфа Миколай Варкачь“ и приказывается встрѣтить его, приготовить кормъ, медъ, пиво и подводы [112]).

б) Въ 1595 году Можайскимъ губн. старостамъ Ивану Путятину и Богдану Коноплеву приказано было встрѣтить папскаго посла Александра Колеміуса и заготовить для него по росписи, прилагаемой при семъ, кормъ [113]).

в) Въ 1597 г. ѣдетъ изъ Москвы цесаревъ посолъ Аврамъ Бургграфъ, губной староста Богданъ Коноплевъ заготовляетъ для него провіантъ [114]).

г) Въ 1600 г. Ивану Мисюреву и Небогатому Лазореву, Ростовскимъ губнымъ старостамъ, было приказано для Англій-

---

[107]) А. Э. т. III, № 276.
[108]) А. Ю. Б. т. II, № 230, LX.
[109]) Тамъ же, № 230, LXII; см. тамъ же № 232, III.
[110]) Тамъ же, № 245, I.
[111]) Тамъ же, № 230, VI.
[112]) П. Д. С. Т. I, ст. 1254.
[113]) П. Д. С. Т. X. ст. 397—398.
[114]) П. Д. С. Т. II, ст. 624.

скаго посла князя Рыцеря Лея „меду обарнаго, и паточного и княжого поставити и пива сварити нарокомъ“ [115]).

д) Въ 1601 г. предписывается Сенькѣ Черткову, губному старостѣ въ Муромѣ, „купя медъ, поставити для кизылбашскаго посла полтора пуда меду паточново да шесть пудъ меду княжево, да двенатцеть пудъ меду бѣлово“ [116]).

е) Въ 1611 г. Обутковъ Андрей собираетъ „оброчные и пищалные и присудные деньги, по платежнымъ книгамъ..... на подъемъ посломъ съ обжи по рублю, да съ дву обежъ по шубѣ Нимецкимъ ратнымъ людямъ“ [117]).

Приведенная компетенція губныхъ старостъ была бы не полна, еслибы мы не упомянули о томъ, что они, до повсемѣстнаго введенія воеводъ, часто управляли городами.

Были города, которыми управляли одни губные старосты [118]), но были и такіе, гдѣ вѣдали всѣ дѣла только воеводы; такъ, только воеводы, были въ поморскихъ городахъ [119]), въ Солѣ-Вычегодской (съ мая 1627 года князь Хилковъ), въ Мезенѣ (съ іюня 1627 года Иванъ Стрешневъ), въ Черандѣ (съ 6 августа 1627 года Полтевъ), въ Вымѣ (съ января 1627 года Юшковъ), въ Тотьмѣ (съ сентября 1627 года Левонтей Стрешневъ), въ Кайгородкѣ (съ мая 1627 годъ Грязевъ), въ Балахнѣ (съ марта 1627 года Румянцовъ), въ Касимовѣ (съ ноября 1627 года Бобрищевъ-Пушкинъ) и во многихъ другихъ [120]).

Заключимъ разсмотрѣніе компетенціи губныхъ старостъ тою зависимостью, которая вытекаетъ изъ нея по отношенію къ областнымъ приказамъ и воеводамъ.

Извѣстна первоначальная цѣль учрежденія губного института—это ловить и преслѣдовать лихихъ людей; впослѣдствіи же кругъ дѣятельности органовъ его, преимущественно губныхъ старостъ, значительно расширился. Въ началѣ они являются выборными, вѣдавшими только земскія дѣла, затѣмъ должность ихъ получаетъ характеръ приказный [121]), такъ что и сами губные старосты уже называются приказными.

---

[115]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. Т. XXXVIII, стр. 372.

[116]) Труды Вост. Огд. Имп. Русск. Археолог. Общ. Т. XXI, стр. 100.

[117]) Д. къ А. И. Т. I, № 161.

[118]) Напр. губные старосты управляли г. Шуей до смутнаго времени на правахъ воеводъ. С. А. Ш. № 1, примѣчаніе къ нему на стр. 381, см. еще А. Ю. Б. Т. III, № 357.

[119]) „А напередъ сего въ тѣхъ городѣхъ воеводъ не было-жъ; а нынѣ опричь воеводъ иныхъ никакихъ приказныхъ людей нѣтъ“.

[120]) Временникъ 1849 г. кн. III, смѣсь, стр. 6—8.

[121]) Мы не можемъ съ точностью опредѣлить, когда губнымъ старостамъ стали ввѣрять приказное управленіе. Можно предположить, что до Михаила

Это видно, напр., изъ грамоты, данной Борисомъ Өеодоровичемъ Троицко-Сергіеву монастырю въ 1601 г., въ которой между прочимъ говорится, чтобы губные старосты копію съ грамоты оставили у себя, а подлинникъ отдали бы монастырскимъ крестьянамъ... „и они (т.-е. крестьяне) ее держатъ у себя для иныхъ нашихъ приказныхъ людей впредъ" [122])... Этотъ новый характеръ должности повлекъ за собою, конечно, и новую подчиненность органовъ губного института. Губные старосты подчиняются областнымъ приказамъ.

Въ литературѣ существуетъ споръ, были ли губные старосты подчинены въ половинѣ XVII вѣка областнымъ приказамъ, или ихъ подчиненность всецѣло ограничивалась однимъ Разбойнымъ Приказомъ. Г. Чичеринъ [123]) доказываетъ справедливость перваго положенія, а гг. Дмитріевъ [124]) и Сокольскій [125]) отвергаютъ его и придерживаются второго. На нашъ взглядъ эти мнѣнія и выставляемыя ими доказательства страдаютъ односторонностью.

Именно, при разсмотрѣніи этого вопроса слѣдуетъ всегда помнить о компетенціи губныхъ старостъ. Такъ, въ этотъ періодъ староста вѣдаетъ уголовныя дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ является приказнымъ человѣкомъ. Очевидно, что если ему „приказывается" какое-либо порученіе не изъ Разбойнаго Приказа, то онъ несетъ отвѣтственность за исполненіе возложеннаго порученія не передъ нимъ.

Докажемъ это на основаніи памятниковъ. Г. Чичеринъ, указывая на подчиненность губн. старостъ областнымъ Приказамъ, приводитъ слѣдующее мѣсто изъ одного акта: „и въ большихъ городѣхъ по боярину, а индѣ и два, да по дьяку, а въ меньшихъ по дворянину да по подъячему, и завѣдаютъ всякіе дѣла; а на разбойные и татебные дѣла по всѣмъ городомъ устроены губные старосты изъ дворянъ, и ежегодъ привозятъ дѣла въ Москвѣ, всякой въ свой Приказъ, и на Москвѣ бояре дѣлъ слушаютъ и указъ чинятъ" [126]).

Мы въ свою очередь полагаемъ, что отсюда никоимъ образомъ нельзя выводить подчиненность губныхъ старостъ различнымъ Приказамъ. Актъ говоритъ, что по городамъ бояре и дво-

---

Өеодоровича ихъ судебная власть не выходила изъ предѣловъ города, такъ какъ посадскіе люди „судились сами промежъ себя" (А. И. т. I, № 249).

[122]) А. Э. т. II, № 19; Сравн. О. г. III., № 11.

[123]) Стр. 496.

[124]) Стр. 59.

[125]) № 9, стр. 3.

[126]) А. И. т. II, № 355 (1610—1635 гг.).

ряне вѣдаютъ *„всякіе дѣла“*, а губнымъ старостамъ поручены *„разбойные и татебные дѣла“*, по прошествіи же года дѣла привозятъ въ Москву *„всякой въ свой Приказъ“*. Разумѣется, что губной староста привозитъ отчетность „въ свой Приказъ“, т.-е. въ Разбойный, отъ котораго онъ и зависитъ по дѣламъ, подчиненнымъ губному вѣдомству. Кромѣ того, изъ Уставн. Кн. Разб. Прик. усматриваемъ, что этотъ Приказъ вѣдалъ дѣла и по гражданскимъ искамъ, предъявленнымъ къ органамъ губного института: „а судомъ губные старосты... судимы въ Разбойномъ Приказѣ“ [127]).

Сказанное нами, по нашему мнѣнію, вполнѣ подтверждаетъ тотъ фактъ, что губные старосты по дѣламъ уголовнымъ подчинялись только означенному Приказу [128]).

Однако, губной староста, какъ лицо приказное, въ этотъ періодъ уже находился въ подчиненія и у другихъ Приказовъ.

Памяти и грамоты посылались губному старостѣ или прямо отъ имени царя, или изъ какого-либо Приказа, съ предписаніемъ исполнить порученіе, а отписку подать въ соотвѣтствующій Приказъ. За періодъ съ 1600 по 1647 гг. губные старосты исполняли порученія Приказовъ Владимірскаго [129]), Помѣстнаго [130]), Большого Дворца [131]), Пушкарскаго [132]), Сыскныхъ Дѣлъ [133]) и Галицкой Чети [134]). Итакъ, мы признаемъ, что въ первой половинѣ XVII в. подчиненность губныхъ старостъ была двоякая: въ отношеніи губного вѣдомства они подчинялись только Разбойному Приказу, а какъ власть приказная, они по необходимости находились въ зависимости и отъ областныхъ приказовъ.

Кромѣ этого мы замѣчаемъ, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ были губные старосты одновременно съ воеводами, существовала нѣкоторая подчиненность первыхъ по отношенію ко вторымъ. Эта

---

127) Хрестоматія ч. III, стр. 61, прим. 68. Слѣдуетъ обратить вниманіе на грамоту изъ Владимірскаго Приказа воеводѣ, которою ему приказывается доправить на губномъ старостѣ судное дѣло и пошлины подписныя и печатныя. С. А. Ш., № 19 (1621 г.). Повидимому, эта грамота является исключеніемъ изъ общаго правила. Сравн. У. К. Р. П. ст. 60 и Улож. XXI, ст. 6.

128) Нижеуказанныя грамоты относятся къ періоду 1606—1649 гг. А. Э. т. III, № 171, № 210; т. IV, № 22; А. И. т. III, № 150; С. А. Ш., № 66; В. А. т. I, № 19; т. II, № 85, 9; № 85, 17; т. III, № 183, 2, 3, 4, 5; О. г. Ш., № 1, 4; А. Ю., № 55, X.

129) С. А. Ш., №№ 1, 19.

130) А. Э. т. II, № 192 (1611 г.) т. IV, № 21 (1647 г.).

131) А. Э. т. III, № 257 (1635 г.).

132) А. Э. т. III, № 291 (1639 г.). Сравн. С. А. Ш., № 45 (1639 г.).

133) А. Э. т. III, № 311 (1642 г.).

134) С. А. Ш., № 43 (1640 г.).

подчиненность вытекаетъ не въ силу наказовъ, выдававшихся имъ изъ Разбойнаго Приказа, а въ силу сепаратныхъ постановленій [135]).

Собранныя нами по этому вопросу источники даютъ слѣдующія показанія: грамоты губнымъ старостамъ посылаются I) отъ имени царя [136]), или II) изъ Приказовъ [137]) или III) отъ воеводы.

Для того чтобы уяснить себѣ, какова была зависимость губныхъ старостъ отъ воеводъ, намъ придется привести нѣсколько грамотъ третьей категоріи.

Такъ, имѣемъ три грамоты [138]), данныя воеводами губнымъ старостамъ о выборѣ мѣста для постройки губного стана и тюрьмы.

Изъ первой грамоты усматриваемъ, что губной староста посылаетъ воеводѣ челобитную дворянъ и дѣтей боярскихъ объ устройствѣ стана на земляхъ Тихвинскаго монастыря. Монастырскія власти протестуютъ, потому что „напередъ сего на Тихвинѣ на посадѣ... губной станъ не бывалъ". Тогда воевода велитъ строить „у Спаса на Пшежвѣ", но и эта мѣра неудачна, такъ какъ губной староста доноситъ воеводѣ „на Пшежвѣ губного стану устроити невимъ, мѣсто пустое, верстъ по тридцати и болши по сторономъ жилцовъ нѣтъ". На это воевода предлагаетъ губному старостѣ ставить станъ тамъ, гдѣ найдетъ удобнѣе и проситъ только, „гдѣ учнешь... строити... о томъ къ намъ отписати".

Содержаніе второй слѣдующее: губному старостѣ предписывается устроить губной станъ „пріискавъ гдѣ жилое мѣсто"; на основаніи этого онъ хотѣлъ устроить его „въ Колбяскомъ погостѣ" въ деревнѣ Горѣ, но жители „безъ государева указу" строить не дали и принесли челобитную, въ которой пишутъ, что губного стана у нихъ никогда не было, а былъ онъ „въ ихъ же Колбяскомъ погостѣ въ выставкѣ на Сеннѣ". На основаніи этой челобитной воевода наряжаетъ слѣдствіе, которое подтверждаетъ ея основательность, въ виду чего и предписываетъ губному старостѣ построить станъ, „гдѣ... напередъ сего бывалъ на Сеннѣ".

Изъ этихъ грамотъ мы не можемъ усмотрѣть никакой зависимости губного старосты, потому что воевода не вмѣшивается въ губное управленіе, а только указываетъ ему, чтобы онъ строилъ станъ тамъ-то. Вмѣшательство же его является вслѣдствіе чело-

---

135) Чичеринъ, стр. 483; Дмитріевъ, стр. 58; В. А. т. III, № 183, 5.

136) Напр., А. Э. т. II, № 19; т. III, №№ 47, 105, 210, 257, 272, 276, 291, 295, 297, 311; т. IV, №№ 21, 22.

137) См. В. А. т. II, № 85, 17; т. III, № 183, 2.

138) А. Э. т. III, № 152, 154; т. IV, № 72.

битья. Что же касается раціональности вмѣшательства воеводы, то оно очевидно. Во-первыхъ, область Новгородская [139]), какъ намъ извѣстно, находилась въ особомъ положеніи относительно администраціи, во-вторыхъ, еслибы челобитье было подано не воеводѣ, а въ Москву въ Разбойный Приказъ, то достигло ли бы оно цѣли?

Разбойному Приказу пришлось бы все равно поручать разслѣдованіе дѣла или тому же воеводѣ, или лицу спеціально для этого посланному, такъ какъ самъ Разбойный Приказъ не могъ считать себя за отдаленностью компетентнымъ. Кромѣ того и губное дѣло отъ этого бы пострадало, потому что завелась бы переписка и губа оставалась бы продолжительное время безъ стана [140]). Наконецъ, третья грамота относится къ 1654 году и изъ содержанія ея мы видимъ, что воевода является посредствующей инстанціей между царемъ, челобитчикомъ и губнымъ старостою. Попытку же для объясненія причины такого порядка мы привели выше. Далѣе, имѣемъ нѣсколько грамотъ губнымъ старостамъ отъ воеводъ, но всѣ эти грамоты относятся къ губнымъ старостамъ, какъ къ приказнымъ, губного же управленія не касаются [141]). Наконецъ, еслибы это подчиненіе было явленіемъ нормальнымъ, то губные старосты не имѣли бы права жаловаться царю [142]) на вмѣшательство воеводъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, указать, что губные старосты иногда дѣйствительно находились подъ контролемъ у воеводъ. Такое положеніе возникало только по просьбѣ самихъ жителей, обращавшихся къ высшей власти съ просьбою подчинить губного старосту и сыщика воеводѣ, вслѣдствіе превышенія ими ихъ власти. Такъ, напр., мѣстное населеніе въ 1635 году проситъ, чтобы „впредь губной староста и сыщики, татиныхъ и разбойныхъ дѣлахъ, безъ воеводъ и безъ приказныхъ людей не вѣдали“ [143]).

Это подчиненіе мотивируется слѣдующими соображеніями,

---

[139]) Грамоты, разобранныя нами, даны Новгородскими воеводами.

[140]) Даты изъ содержанія грамоты (А. Э. т. III, № 152): Губной староста пишетъ воеводѣ 13-го окт., а 19-го уже получается резолюція; вторично (по тому же дѣлу) спрашиваетъ 16-го марта и 21-го воевода даетъ отвѣтъ. Конечно, еслибы губной староста по этому поводу снесся съ Разбойнымъ Приказомъ, то не въ такой бы короткій срокъ получилъ отвѣтъ. Пользу въ сношеніяхъ старосты съ воеводою усмотрѣть легко.

[141]) А. Э. т. II, № 192 (1611 г.); т. III, № 263; т. IV, № 27, 58.

[142]) С. А. Ш., № 16; В. А. т. III, стр. 218 „во 153-имъ (1645) году, декабря въ 15 день, привозили въ городъ на Воронежъ къ воеводѣ... къ явки... крестьянина... убитова до смерти... и воевода...ево... велѣлъ похоронить; а ко мнѣ, холопу Твоему, передъ губную избу къ явки и къ записки возить не велѣлъ“.

[143]) О. г. Ш., № 18, стр. 278; С. А. Ш., № 35, стр. 61.

„чтобы напрасно на нихъ (т.-е. жителей) въ язычной молвкѣ губной староста клепать не велѣлъ, и для своей корысти тѣсноты и продажи и убытковъ не чинилъ; если же учинится язычная молвка на посадскихъ людей и на уѣздныхъ крестьянъ, и про ту молвку воеводѣ и дьяку велѣть сыскивати до пряма вправду, и указъ чинить по государеву указу и по Уложенію, а о большихъ дѣлахъ или о которыхъ въ Уложеніи не написано писать къ государю въ Москву“ [144]).

Какъ иногда воеводы вѣдали губное дѣло самостоятельно [145]), или въ томъ случаѣ, если губного старосты совсѣмъ не было [146]), или если губной староста уѣзжалъ на время изъ города [147]), такъ иногда губной староста былъ товарищемъ воеводы въ губномъ управленіи [148]). Слѣдуетъ замѣтить, что губные старосты по временамъ были то товарищими сыщиковъ [149]), то подчинялись имъ, что и видимъ, напр., изъ Новоуказныхъ статей 1669 года: „А....... губныхъ старостъ..... судить и очныя ставки давать въ городѣхъ Сыщикомъ.....“ [150]).

Такова была компетенція и отношеніе губныхъ старостъ къ Приказамъ, воеводамъ и сыщикамъ.

Выборы и компетенціи органовъ, подчиненныхъ губнымъ старостамъ.

При разсмотрѣніи остальныхъ органовъ губного вѣдомства, мы укажемъ ихъ выборы, или поступленіе на должность, и кругъ ихъ служебныхъ функцій. Такъ, кромѣ губнаго старосты были еще губные цѣловальники. Они служили не по выбору всѣхъ сословій, а, выражаясь словами Уложенія [151]), „по выбору сошныхъ же людей“ [152])..... По выборному брались записи избирателей „за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками“ [153]). Выборы эти производились по приказанію губнаго старосты [154]), а иногда и по приказанію воеводы. Выборныя записи, отпра-

---

144) Д. къ А. И. т. I, № 134.

145) Чичеринъ, стр. 481.

146) Временникъ, кн. III 1849 г., смѣсь, стр. 6—8.

147) В. А. № 134; П. С. З. т. I. № 313.

148) О. г. Ш. № 56, В. А. т. III, № 169.

149) С. А. Ш. № 199, стр. 357; А. Э. т. IV. № 163; О. г. Ш. № 4.

150) П. С. З. № 441, ст. 5.

151) Улож. XXI, 4.

152) Т.-е. тяглыхъ, см. Хрестоматія. Ч. III, стр. 61, прим. 66; Калачовъ стр. 377.

153) В. А., кн. I. изд. 1850, № 19, стр. 63; о томъ же см. № 34; иногда эту запись подписывали и губные старосты, см., напр., А. Э. т. III, № 210.

154) С. А. Ш. № 62, 66.

вляемыя въ Москву въ Разбойный Приказъ, между прочимъ говорили и о томъ, что выбираемый „человѣкъ..... добрый, душою, прямъ и животы прожиточенъ,.... у дѣла быти ему годно и вѣрити ему...... мочно......." [155]). Въ началѣ, для утвержденія въ должности, они были обязаны явиться въ Разбойный Приказъ (въ Москву) [156]), изъ Новгородскихъ же пятинъ губные цѣловальники посылались къ Новгородскому воеводѣ. Присылать нововыбраннаго въ Москву было велѣно за нѣсколько времени до окончанія срока службы стараго губнаго цѣловальника [157]); дѣлалось это, вѣроятно, для того, чтобы, во первыхъ, цѣловальникъ не былъ въ должности болѣе извѣстнаго срока, а во-вторыхъ, для того, чтобы Губа не оставалась на нѣкоторое время безъ цѣловальника. Дѣйствительно, это и могло случиться тогда, когда нововыбранный былъ посланъ въ Москву, а въ это время оканчивался срокъ службы прежняго цѣловальника и онъ оставлялъ свое мѣсто не занятымъ, такъ какъ лицо выбранное отсутствовало. Такъ какъ выбирать губного цѣловальника должно было изъ людей уѣздныхъ [158]), а равно и изъ посадскихъ, то для этого они списывались въ такъ называемыя „кости". Въ уѣздахъ кость состояла изъ нѣсколькихъ волостей, селъ и вотчинъ. Были примѣры и тому, что посадскіе люди списывались въ одну кость съ уѣздами [159]), одинъ изъ этихъ случаевъ относится къ 1625 году.

Если въ мѣстности, гдѣ требовалось выбрать губного цѣловальника, былъ монастырь, то и онъ долженъ былъ представить своего цѣловальника; такъ, читаемъ, напр., „да съ Спаского да съ Борисоглѣбского монастыря четвертой цѣловальникъ" [160])..... Иногда же посадскіе люди ставили губного цѣловальника, а уѣздные давали ему подмогу [161]). Подмога давалась также средними и малыми костями въ томъ случаѣ, если большія кости давали цѣловальника [162]). Такъ какъ дача цѣловальника была своего рода „тягломъ", то Уложеніе предписываетъ не выбирать „изъ тѣхъ помѣстей и изъ вотчинъ къ губнымъ дѣламъ цѣловальниковъ... за которымъ вотчинникомъ или за помѣщикомъ

---

[155]) С. А. Ш. № 62, стр. 112.

[156]) А. Э. т. Ш, № 210, т. IV, № 22.

[157]) „до Семени дни за мѣсяцъ", т.-е. за мѣсяцъ до 1 сентября. А. Э. т. III, № 210.

[158]) Бѣляевъ, стр. 619.

[159]) О. г. Ш. № 14, стр. 267; С. А. Ш. № 62, стр. 112

[160]) А. Э, т. Ш, № 163, стр. 230.

[161]) О. г. Ш. № 12, стр. 267.

[162]) А. Э т. III, № 163, т. IV № 22.

будетъ въ помѣстьѣ, или въ вотчинѣ меньше двадцати крестьяниновъ" [163]).

Выше мы упомянули, что, для утвержденія въ должности новоизбраннаго губного цѣловальника, слѣдовало его присылать въ Москву, со времени же Уложенія (1649 г.) этотъ порядокъ измѣняется, присылать въ Москву запрещено, а велѣно приводить къ присягѣ воеводамъ въ присутствіи губныхъ старостъ [164]).

Мы не имѣемъ свѣдѣній, требовалась ли отъ губныхъ цѣловальниковъ грамотность; кажется, что нѣтъ. Точно также дошедшіе до насъ акты не разъясняютъ достаточно, сколько должно было быть въ губѣ цѣловальниковъ. Въ этомъ случаѣ можно предположить, что ихъ на одну губу приходилось не болѣе 4, по крайней мѣрѣ по актамъ мы не видимъ, что ихъ было больше. О четырехъ же цѣловальникахъ говоритъ, напр., слѣдующее мѣсто: „съ уѣзду три человѣка, да съ Спаского да съ Борисоглѣбского монастыря четвертой цѣловальникъ„ [165]). Встрѣчаются указанія, что было и три цѣловальника напр., это встрѣчаемъ въ Воронежскихъ актахъ [166]); по нижеслѣдующей фразѣ тоже можно судить, что въ губѣ было цѣловальниковъ, болѣе двухъ человѣкъ, именно: „а вновь де выбрано губныхъ цѣловальниковъ только два человѣка [167]).

Г. Чичеринъ говоритъ, что „въ Воронежѣ ихъ (т.-е. губныхъ цѣловальниковъ), напр., было два" [168]), но вышеприведенный актъ показываетъ намъ, что и тамъ бывало по три человѣка; значитъ число два нельзя возводить въ норму. Какъ для губныхъ старостъ, такъ и для губныхъ цѣловальниковъ срокъ службы не былъ опредѣленъ. Случалось, что служба ихъ продолжалась лѣтъ по 5, 6, 10 „и болши" [169]).

---

[163]) Улож. XXI, 98.

[164]) Улож. XXI, 4.

[165]) А. Э, т. III, № 163, стр. 230. Лаппо-Данилевскій пишетъ (стр. 60) „монастырь не принималъ довольно тягостнаго участія въ мирскомъ самоуправленіи, ибо не давалъ тюремныхъ сторожей и цѣловальниковъ къ ...... губному....... дѣлу"..... Авторъ здѣсь впадаетъ въ явное противорѣчіе Уложенію XXI, 97 и актамъ (см., напр., А. Э, т. III, № 163, стр. 230. т. IV, № 35; А. Ю. № 352; 223, II, V). Монастыри, правда, освобождались часто отъ этого тягла, но только по жалованнымъ грамотамъ, слѣдовательно, постановленіямъ сепаратнымъ.

[166]) В. А. кн. I изд. 1850 г. № 34; третьяго цѣловальника звали „Ортюшка Усачъ".

[167]) А. Э, т. IV, № 22 (стр. 35), 1647 г.

[168]) Чичеринъ, стр. 464.

[169]) А. Э, т. III, № 210, стр. 308.

Съ 1632 года запрещается эта долголѣтняя служба и назначается только годичная [170]).

До начала XVII вѣка должность эта была выборная, съ этого же времени встрѣчаются губные цѣловальники, служащіе по найму [171]).

Если онъ служилъ по выбору, то получалъ подмогу [172]). Подмога эта иногда простиралась до пяти рублей, вообще сумма ея закономъ не опредѣлялась, а вполнѣ зависѣла отъ воли избирателей. Подмога эта, конечно, являлась косвенно какъ-бы вознагражденіемъ за его труды, но въ нашей литературѣ существуетъ мнѣніе совершенно противуположное. Именно, А. Д. Градовскій [173]) полагаетъ, что старосты и цѣловальники за отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей „не пользовались даже никакимъ вознагражденіемъ". Акты не приводятъ примѣра тому, что старосты получали какое либо матеріальное вознагражденіе, нельзя того же сказать о цѣловальникахъ. Такъ, читаемъ: ...„въ прошлыхъ де годѣхъ было въ Муромѣ губныхъ цѣловальниковъ, въ губу, съ уѣзду три человѣка, да съ Спаского да съ Борисоглѣбскаго монастыря четвертой цѣловальникъ, а подмогу де давали имъ сошные люди и съ монастырей по пяти рублевъ человѣку.... и вы бъ и нынѣ съ посаду и съ монастырей губныхъ цѣловальниковъ и имъ подмогу, и биричу и палачу и тюремнымъ сторожамъ на жалованье, деньги имали противъ иныхъ сохъ по новому жъ съ живущаго".... [174]) еще читаемъ: „указали есмя во всѣхъ городѣхъ въ тюремное во всякое строеніе, и губныхъ цѣловальниковъ, и губныхъ дьячковъ, и тюремныхъ сторожей и палачей, и имъ подмогу.... имать съ посадовъ и уѣздовъ, и съ нашихъ дворцовыхъ волостей, и.... съ тарханщиковъ, со всѣхъ, по сошному писму, съ живущего, съ чети пашни, по ровну".... [175]) Приведенныя цитаты показываютъ намъ, что губные цѣловальники несли свою повинность не даромъ, а получали вознагражденіе, называвшееся „подмогой". Въ первой цитатѣ губные цѣловальники получаютъ вознагражденіе подъ именемъ „подмоги", палачи же и тюремные сторожа получаютъ

---

[170]) Тамъ же; еще Дмитріевъ, стр. 54.

[171]) О. г. Ш. № 7, стр. 253, 1615 г.

[172]) Калачовъ, стр. 377; О. г. Ш. № 14; А. Э, т. III, № 163; А. Ю. № 352.

[173]) Градовскій, стр. 106, прим. 3.

[174]) А. Э., т. III, № 163.

[175]) А. Э., т. III, № 271; см. еще А. Ю., № 223, IV, губной цѣловальникъ получаетъ подмоги 10 рублей; № 223, V; А. Ю. Б., т. II, № 246, V; Д. къ А. И., т. I, № 177.

„жалованье“. Во второй же цитатѣ, какъ губные цѣловальники, такъ и тюремные сторожа и палачи получаютъ вознагражденіе, названное „подмогой“. Изъ этого видимъ, что понятія подмоги и жалованья не были строго разграничены и даже, пожалуй, въ разсматриваемый нами періодъ были синонимами. Мы не сдѣлаемъ поэтому грубой ошибки, если скажемъ, что губные цѣловальники получали жалованье [176]). Едва-ли поэтому можно принять положеніе А. Д. Градовскаго, что губные цѣловальники слѣдили за губнымъ дѣломъ безвозмездно [177]). Должность эта являлась какъ бы контролемъ надъ дѣйствіями губного старосты, такъ, напр., объясняетъ значеніе ея Калачовъ, а именно, онъ говоритъ „засѣдая въ судѣ губныхъ старостъ, они (т.-е. губные цѣловальники) ограничивали ихъ права и ограждали отъ злоупотребленій съ ихъ стороны, какъ подсудимыхъ, такъ и вообще всѣхъ жителей губы“ [178]). Обязанности ихъ поэтому были чрезвычайно разнообразны [179]) и близко граничили къ обязанностямъ губныхъ старостъ, главнымъ же образомъ посылались для сыска разбойниковъ; эта обязанность была одною изъ главныхъ, какъ въ XVI, такъ и въ XVII вѣкахъ, вплоть до уничтоженія этой должности въ 1669 году [180]). Здѣсь намъ кажется будетъ умѣстно привести мнѣніе А. Д. Градовскаго [181]), который полагаетъ, что „по мѣрѣ того какъ должность губнаго старосты получила приказное значеніе, активное участіе крестьянскихъ выборныхъ въ розыскѣ и судѣ уменьшалось и подъ конецъ уничтожилось. Въ XVII вѣкѣ губные цѣловальники брались отъ крестьянъ „для тюремнаго береженья“, а для разсылки и поимки разбойниковъ, губной староста бралъ отъ воеводъ стрѣльцовъ, пушкарей и отставныхъ дѣтей боярскихъ“. При этомъ авторъ ссылается на Воронежскіе акты, т. III, стр. 200. Теперь намъ необходимо провѣрить, дѣйствительно ли губные цѣловальники

---

[176]) Сравн., напр., Неволинъ Ж. М. Н. П. за 1841 годъ ч. 41, стр. 133.

[177]) На основаніи этого, мнѣніе, высказанное г. Шалфѣевымъ, мы принять не можемъ; онъ пишетъ, что „губные цѣловальники ....получали отъ опредѣлившаго ихъ земства денежное содержаніе, подмогою же со стороны жителей не пользовались“ стр. 41, сравн. вышеприведенные акты; сравн. А. Ю. № 352.

[178]) Калачовъ, стр. 377.

[179]) С. А. Ш., стр. 88; № 64, 66; В. А., кн. III, № 183, 2 между прочимъ посылается иногда воеводою съ царскою грамотою объявить волю царя, А. Ю. № 365, I, 1606 г. Выдавали также и кабалы, такъ было, напр., въ Бѣжецкой Пятинѣ Бѣлозерской половины. А. Ю. Б. т. II, № 131, III.

[180]) П. С. З. № 441, ст. 3.

[181]) Градовскій, стр. 110.

въ XVII вѣкѣ были совершенно отрѣшены отъ обязанности преслѣдовать разбойниковъ и татей, или указанный авторомъ актъ принадлежитъ къ частному случаю.

Дѣйствительно, два акта [182]) упоминаютъ о посылкѣ ратныхъ людей для розыска разбойниковъ, но мѣра эта является скорѣе вынужденной, чѣмъ нормальной. Чѣмъ же, спрашивается, объяснить участіе ратныхъ людей въ преслѣдованіи разбойниковъ? Объяснить это можно массою расплодившихся шаекъ и тѣмъ, что для сыска и уничтоженія ихъ необходимо было посылать не какихъ нибудь трехъ или четырехъ губныхъ цѣловальника, а силу сравнительно побольше. Это мы и видимъ въ вышеприведенномъ актѣ, именно: „и вы бъ для становыхъ разбойниковъ сами ходили и за ними посылали губныхъ старостъ и отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые отставлены для нашія береговыя службы, и губныхъ цѣловальниковъ, и монастырскихъ служекъ, и уѣздныхъ всякихъ людей, сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ, со всякимъ ратнымъ боемъ, по прежнему нашему указу“.

Сколько посылалось людей для поимки разбойниковъ видно изъ самого акта; именно: „во 153 году (1645) [183]) Февраля въ 26 день (дворянъ и дѣтей боярскихъ).... всѣхъ Суздальцовъ и Лушанъ послано шестьдесятъ человѣкъ“. А въ этомъ же мѣстѣ было ли столько губныхъ цѣловальниковъ? Конечно, нѣтъ. Тотъ же актъ говоритъ, что разъ для поимки разбойниковъ было отправлено 100 человѣкъ. Вотъ этимъ-то и объясняется участіе ратныхъ людей въ губномъ дѣлѣ. А что и цѣловальники посылались въ XVII вѣкѣ на „сыскное дѣло“ видно изъ вышеприведеннаго акта.

Мы выше упомянули, что въ 1669 году должность ихъ была уничтожена [184]) и возстановлена болѣе не была. Въ одномъ актѣ 1641 года [185]) видимъ, что были и тюремные цѣловальники, они

---

[182]) А. Э., т. IV, № 54, т. III, № 325.

[183]) Десять лѣтъ спустя, т.-е. въ 1655 г. масса разбойниковъ и воровъ вынудила Патріарха Никона послать губнымъ старостамъ грамоты, чтобы они читали ихъ повсюду. Въ этихъ грамотахъ патріархъ обращается съ увѣщаніемъ къ татямъ, разбойникамъ и всякимъ воровскимъ людямъ покаяться. Раскаявшимся въ своихъ преступленіяхъ и заявившимъ о нихъ губнымъ властямъ обѣщается полное помилованіе, продолженіе же такой преступной ихъ жизни и дѣятельности будетъ наказываться безъ пощады. П. С. З. № 163.

[184]) Чичеринъ, стр. 465; Неволинъ, Ж. М. Н. П. За 1844 годъ ч. 41, стр. 133; Бѣляевъ, стр. 681—689.

[185]) А. Ю. № 280; тюремные цѣловальники нанимаютъ вмѣсто себя двухъ за 5 р. 25 к. и даютъ еще кромѣ того 30 четвертей ржи и овса; по нимъ берется порука. А. Ю. Б. т. II № 262, III (1669 г.)

выбирались отдѣльно съ посада и съ уѣзда. Находимъ нужнымъ привести здѣсь мнѣніе г. Чичерина о тюремныхъ цѣловальникахъ; такъ онъ думаетъ, что тюремные цѣловальники „приводились старостами къ присягѣ и выборы на нихъ отсылались въ Москву.. . и при этомъ ссылается на ст. 4, 97, 98 Уложенія XXI главы [186]). Ст. 4 говоритъ только о губныхъ цѣловальникахъ, а отнюдь но о тюремныхъ, потому-что Уложеніе прямо говоритъ быть „у тюремъ тюремнымъ сторожемъ“.... Затѣмъ, даже еслибы здѣсь дѣло шло о тюремныхъ цѣловальникахъ, то во всякомъ случаѣ они приводились къ присягѣ (по Уложенію) не старостами, какъ говоритъ г. Чичеринъ, а воеводами „при Губныхъ старостахъ“.

Далѣе, едва-ли и ст. 97 и 98 говорятъ о тюремныхъ цѣловальникахъ. Ст. 98, указывая о выборѣ цѣловальниковъ, говоритъ „а имати цѣловальниковъ къ губнымъ дѣламъ“, еслибы Уложеніе имѣло въ виду здѣсь „тюремныхъ“ цѣловальниковъ, то оно навѣрное сказало-бы „а имати цѣловальниковъ къ тюремнымъ дѣламъ“. Вѣдь говоритъ же оно о тюремныхъ сторожахъ. Поэтому, намъ кажется, что перечисленныя статьи имѣютъ въ виду губныхъ цѣловальниковъ. Да и вообще, развѣ губной цѣловальникъ не былъ отчасти „тюремнымъ“, развѣ не онъ былъ главнымъ надсмотрщикомъ надъ тюрьмою, развѣ не у него хранились отъ нея ключи? [187]) Правда, и цѣловальники назначались „для тюремнаго береженья“, но они не называются „тюремными“ напр.: „а къ тюрьмѣ велѣли выбрать сошнымъ людемъ въ губные цѣловальники дву человѣкъ крестьянъ добрыхъ“.... [188])

Далѣе, г. Чичеринъ говоритъ, что „тюремные цѣловальники“ получали подмогу, иногда же „прибирались по найму“ и при этомъ ссылается на А. Э. т. III № 163 и на А. Ю. № 224, VI [189]). Первый указанный актъ говоритъ только о губныхъ цѣловальникахъ и о „тюремныхъ“ не упоминаетъ, второго же совсѣмъ въ указанномъ сборникѣ нѣтъ, а есть № 224, но не VI, а IV (послѣдній) [190]).

Не можемъ также не указать на то, что г. Чичеринъ частный случай возводитъ въ извѣстной степени въ норму, именно чи-

---

[186]) Чичеринъ, стр. 466.

[187]) С. А. Ш., № 18, стр. 29.

[188]) В. А. кн. I. изд. 1850 г. № 19, стр. 63; А. Ю. Б., т. II, № 262, VII.

[189]) 1625 г. и 1647 г.

[190]) Актъ же, на который ссылается г. Чичеринъ, есть, вѣроятно, № 223, VI „порядился есми.... быти Суздальскіе тюрьмы въ цѣловальникахъ... См. А. Ю. Б. т. I, № 3.

таемъ, „иногда бывало, что караулили преступниковъ сами губные цѣловальники“ [191]). Можно подумать, пожалуй, что это была одна изъ ихъ обязанностей, между тѣмъ было-ли такъ на самомъ дѣлѣ. Актъ этотъ (А. Э. т. III № 163) такой порядокъ находитъ ненормальнымъ и изъ него мы видимъ, почему губные цѣловальники сами стерегли преступниковъ, а именно: „иные де отъ тюремъ сторожи, и палачъ, и бирючъ.... пошли прочь, а только остались ихъ три цѣловальника“.... Кому же, спрашивается, смотрѣть за тюрьмой, какъ не оставшимся, вѣдь не могли же они бросить ее на произволъ судьбы, вѣдь они же были отвѣтственными лицами за побѣгъ заключенныхъ. Итакъ, въ данномъ случаѣ, пришлось караулить самимъ по-неволѣ, потому что больше не кому было. Собственно караулили преступниковъ сторожа, цѣловальники же только надсматривали за ними; обязанность сторожей не переходила на губныхъ цѣловальниковъ. Тюремные цѣловальники, о которыхъ говоритъ А. Ю. № 280, на нашъ взглядъ совсѣмъ и не принадлежали къ губному вѣдомству; они стерегли не разбойниковъ и татей, а преступниковъ другой категоріи и были приставлены, вѣроятно, къ земской тюрьмѣ. Итакъ, до 1669 года были губные цѣловальники въ качествѣ помощниковъ губныхъ старостъ [192]); должность эта была уничтожена Новоуказными статьями, и только съ 1679 года встрѣчаемъ цѣловальниковъ, которые спеціально приставлялись къ тюрьмамъ [193]). Иногда и упоминаются губные цѣловальники, но подъ этимъ именемъ означались тюремные цѣловальники [194]). При возстановленіи губной избы, въ 1684 году, губные цѣловальники возстановлены не были [195]).

Кромѣ губныхъ цѣловальниковъ, спеціально для надзора за заключенными, были еще тюремные сторожа. Они иногда нанимались [196]), иногда служили по выборамъ. Г. Чичеринъ придерживается только перваго положенія [197]), но мы имѣемъ ясныя доказательства и тому, что они выбирались. Указъ 1666 года говоритъ: „а цѣловальникомъ и сторожемъ по выборомъ впередъ не быть“. Отсюда можно заключить, что ранѣе былъ порядокъ

---

[191]) Чичеринъ, стр. 466—68; А. Э., т. III, № 163.

[192]) Калачовъ, стр. 377.

[193]) А. Э., т. IV, № 237.

[194]) Чичеринъ, стр. 466.

[195]) П. С. З. № 1062.

[196]) Нанимали даже лицъ, не принадлежавшихъ къ общинѣ избирателей. С. А. Ш. № 113, стр. 200.

[197]) Чичеринъ, стр. 466—468.

другой [198]). Кромѣ того г. Бѣляевъ признаетъ, что „губные дьяки, цѣловальники и сторожа служили также по выбору отъ уѣздныхъ людей" [199]). Были и случаи найма, напр., въ Воронежѣ въ 1627 году; лицо нанятое давало поручную запись [200]). Когда въ 1669 году были уничтожены тюремные сторожа, то на мѣсто ихъ были назначены стрѣльцы съ жалованьемъ; по нимъ давалась порука и они приводились къ присягѣ сыщиками [201]). Съ переходомъ же губного дѣла въ руки воеводъ (1679 г.) тюремные сторожа были опять введены, но подмоги какъ прежде имъ уже не давалось [202]).

Палачи [203]) въ городахъ, кромѣ Москвы, выбирались „съ посадовъ и съ уѣздовъ съ сохъ, съ дворцовыхъ селъ, и съ черныхъ волостей и со всякихъ сошныхъ людей и т. д. [204]), въ Москвѣ же нанимались за поруками „изъ вольныхъ людей", жалованье имъ полагалось „изъ Государевой Казны, изъ Разбойнаго приказу" [205]). Въ городахъ они получали жалованье, но величина его не была опредѣлена [206]). Нанимались они не только въ Москвѣ, но иногда и въ другихъ городахъ, такъ имѣемъ свѣдѣнія, что по найму были палачи въ Воронежѣ и въ Шуѣ. Въ Воронежѣ грамотою 1627 года „палача... велѣли нанять сошнымъ же людямъ тотчасъ" [207]). Въ Шуѣ нанимается палачъ (Земскимъ старостою) и берется съ него поручная запись; случай этотъ относится къ 1672 г. [208]). Только съ 1680 года палачи вездѣ служатъ по найму и выборныхъ уже не встрѣчается; размѣръ вознагражденія не превышалъ 4 рублей и уплачивалось оно изъ „губныхъ неокладныхъ доходовъ" [209]). До изданія Новоуказаныхъ статей (1669 г.) они вмѣстѣ съ цѣловальниками и тюремными сторожами присылались для принятія

---

198) П. С. З. № 384 въ Москвѣ велѣно быть при тюрьмѣ 8 сторожамъ; А. Ю., № 352; А. Ю. Б., т. I, № 4.

199) Бѣляевъ, стр. 619.

200) В. А. кн. I, изд. 1850 г., № 19 и № 34; У. К. Р. П., ст. 58.

201) П. С. З. № 441, ст. 3.

202) А. Э., т. IV, № 237.

203) Былъ случай совмѣщенія должности палача и бирича въ 1660 г. А. Ю. № 223, VII.

204) Улож. XXI, 97; С. А. Ш. № 66; стр. 117; А. Ю. № 352.

205) Улож., XXI, 96.

206) А. Э. т. III № 163 иногда жалованье наз. „подмогою" см. В. А. кн. I изд. 1850 г. № 19 и № 34; А. Ю. № 352.

207) В. А. кн. I изд. 1850 г. № 19.

208) О. Г. Ш. № 48, стр. 342.

209) Чичеринъ стр. 469.

присяги въ Москву, съ этого же времени приводятся къ присягѣ сыщиками на мѣстѣ [210]).

Письменной частью въ губномъ дѣлопроизводствѣ завѣдывалъ губной дьячокъ или подъячій. По Уложенію дьякъ служилъ по выбору сошныхъ людей и по немъ бралась выборная запись „за ихъ (т.-е. избирателей) и за отцовъ ихъ духовныхъ руками" [211]). По Указной Книгѣ Разбойнаго Приказа они служили „по выборомъ всякихъ людей", безъ принятія присяги „у дѣлъ имъ не быть" и въ истцовыхъ искахъ подлежали суду Разбойнаго Приказа [212]), Съ 1669 года они приводятся къ присягѣ сыщикомъ, для принятій присяги, какъ было прежде [213]), въ Москву не ѣздятъ; и за крестоприводную запись велѣно съ нихъ „пошлинъ имать... по полтинѣ съ человѣка" [214]). Иногда, впрочемъ, губной дьячокъ просто нанимался губнымъ цѣловальникомъ [215]). Сколько было въ губѣ дьячковъ рѣшить трудно, вѣроятнѣе всего, что одинъ; только одинъ имѣемъ примѣръ, гдѣ ихъ было восемь, но и тотъ есть, конечно, случай частный [216]). Должность эта съ переходомъ губного вѣдомства въ руки воеводъ сохранилась, хотя измѣнила свой характеръ, именно, указъ 1679 года говоритъ: „а губныхъ дѣлъ подьячимъ велѣлъ быть съ собою въ съѣзжей избѣ, а подмоги имъ, подьячимъ... сбирать отнюдь не велѣлъ" [217])...

По всей вѣроятности губной дьячокъ смѣнялся ежегодно, но можно полагать, что это не было правиломъ, потому что мы имѣемъ постановленіе „а будетъ старово ислюбятъ и тыбъ (т.-е. губной староста) у нихъ на старого губново Діачка выборъ взялъ вновь" [218]). Обязанность губного дьячка, какъ извѣстно, состояла въ веденіи письменной части по дѣлопроизводству [219]).

---

[210]) В А. кн. 1 изд. 1850 г. № 34.

[211]) Улож. XXI, 4; В. А. кн. I изд. 1850 г. № 19 и № 34; А. Ю. № 352.

[212]) У. К. Р. П. ст. 57, 59, 60. Сравн. Улож. XXI, 6.

[213]) В. А. кн. I № 19 1627 г.

[214]) П. С. З. № 441, 3.

[215]) А. Э. т. III № 163.

[216]) Д. къ А. И. т. III № 115.

[217]) А. Э. т. IV № 237, стр. 327, въ 1690 году данъ указъ выбирать въ подъячіе „изъ иныхъ чиновъ, изъ какихъ пригоже"... исключая дѣтей крестьянскихъ и бобыльскихъ А. Э. т. IV № 302, стр. 451.

[218]) В. А. кн. I № 35.

[219]) См. напр. О. Г. Ш. № 14, стр. 271; О. Г. Ш. № 7, стр. 253; впрочемъ имѣемъ одинъ случай, гдѣ подьячій производитъ осмотръ ранамъ, нанесеннымъ крестьянину. А. Ю. Б. т. I № 78 (1692 г.). Записывать обыскныя рѣчи долженъ былъ или губной, или церковный дьячокъ см. А. Ю. Б. т. II № 230, П. Это видно изъ (С. А. Ш. № 51) одного акта, перечисляющаго примѣты разбой-

Низшими выборными лицами въ губномъ вѣдомствѣ были сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе. Выбирались они самими жителями и приводились къ присягѣ лицами, стоящими во главѣ губного вѣдомства, т.-е. или губными старостами, или сыщиками, или воеводами, отъ нихъ же они получали и наказныя памяти. Обязанность ихъ состояла въ преслѣдованіи разбойниковъ и татей, а также въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы не пріѣзжали къ кому-либо люди „необычные и незнаемые". Если же таковые пріѣдутъ, то допрашивать ихъ, кто они, откуда и куда ѣдутъ. Въ томъ случаѣ, если будутъ говорить про себя „не имянно и не путно", то представлять ихъ губному старостѣ. Г. Шалфѣевъ полагаетъ, что они имѣли сразу назначеніе общихъ полицейскихъ органовъ, съ этимъ мнѣніемъ Г. Сокольскій не согласенъ [220]). Относительно того, сколько ихъ приходилось на губу, г. Чичеринъ полагаетъ, что число ихъ не опредѣлялось „количествомъ дворовъ [221]). Намъ кажется, что законное число ихъ опредѣлялось какъ разъ „количествомъ дворовъ", иначе къ чему было помѣщать въ грамотѣ разъясненіе, какъ ихъ выбирать, т.-е. чѣмъ руководствоваться при выборахъ, именно, читаемъ, что нужно учинить „у десяти дворовъ десятского, а у пятидесятъ дворовъ пятидесятского, а у ста дворовъ сотского [222]).

Сотскіе, а также отчасти и сами жители подвергались отвѣтственности за укрывательство разбойниковъ и татей: „а которые сотскіе у себя учнутъ татей и разбойниковъ таити, и обыщутъ тѣхъ лихихъ людей у котораго сотскаго въ его сотной иною

никовъ, такъ въ немъ читаемъ: „Суздальской губной дьячокъ Ѳедька Ивановъ ростомъ низменъ, волосомъ русъ, въ лицѣ смуглъ, борода велика, а розсыльщикъ онъ же". Къ сожалѣнію мы не нашли второго акта, подтверждающаго этотъ, а потому и не можемъ на основаніи его одного сдѣлать какой-либо выводъ.

[220]) Сокольскій, № 9, стр. 11, прим. 82. Сотскіе, какъ земскія власти, появились гораздо ранѣе губныхъ грамотъ. Вначалѣ они могли быть начальниками небольшихъ отрядовъ земскаго ополченія и сохранить въ мирное время власть, пріобрѣтенную на войнѣ... По Псковской судной грамотѣ они являются судьями (ст. 12, 18, 20). Только съ возникновеніемъ губнаго института они начинаютъ играть роль полицейскихъ органовъ. Разнообразіе причинъ, вызвавшихъ учрежденіе сотскихъ, разъясняетъ, можетъ быть, и разнородность ихъ обязанностей въ XVI и въ XVII вѣкахъ. См. Лаппо-Данилевскій, стр. 283.

[221]) Чичеринъ, стр. 470, причемъ ссылается на О. Г. III. № 11, 41, относятся къ 1665 году.

[222]) А. Э. т. I № 192; см. „о русской сотнѣ" у И. Д. Бѣляева „Лек. по Ист. Русск. Законод." стр. 313. „Древне-русская сотня очень напоминаетъ франкскую centena; подобное дѣленіе встрѣчается у Индусовъ и древнихъ перуанцевъ. Лаппо-Данилевскій. стр. 283. См. также объ англійскихъ сотняхъ у Дж Стифена, стр. 21.

сотною, и тѣхъ татей и разбойниковъ поймавъ отвести къ старостамъ губнымъ, а на томъ сотскомъ и на его сотной, на стѣ человѣкъ, взяти пени десять же рублевъ, а что ся доспѣетъ волости убытка въ татѣ или въ разбойникѣ изъ которой сотной, и тѣ убытки поймати на томъ же сотскомъ" [223]). Этой цитатой, пожалуй, можно доказать, что русская сотня состояла именно изъ ста человѣкъ и такимъ образомъ подтвердить вышесказанное нами о числѣ сотскихъ, приходившемся на округъ губы.

II.

О злоупотребленiи губныхъ властей.

Разсмотримъ теперь, какiя злоупотребленiя встрѣчались въ этомъ институтѣ и какой отвѣтственности подлежали органы его за недобросовѣстное отношенiе къ своимъ обязанностямъ. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, большинство трактуетъ о злоупотребленiяхъ и о превышенiи власти губными старостами и сыщиками. Только двѣ или три грамоты говорятъ о преступленiяхъ губныхъ цѣловальниковъ и дьячковъ. Объ этихъ проступкахъ доносилось въ большинствѣ случаевъ самимъ мѣстнымъ населенiемъ; рѣдко же случалось, что доносы дѣлали лица губного вѣдомства. Для того, чтобы картина злоупотребленiй была для насъ нагляднѣе, приведемъ всѣ факты, которые намъ удалось собрать, по самимъ актамъ. Воронежскiе акты не богаты этимъ матерiаломъ, въ нихъ находимъ только одинъ доносъ губного дьячка Максимки Васильева на губного старосту, изъ котораго видно, что губной староста „безъ Нашего, Великаго Государя, указу и безъ грамотъ, для своей корысти" освобождаетъ тюремныхъ „сидѣльцевъ". Какъ обвиняемый, такъ и обвинитель вызываются въ Разбойный Приказъ, дѣло же предписывается разсмотрѣть обыскомъ [224]). Въ томъ же преступленiи обвиняются сыщикъ Михаилъ Беклемишевъ и подъячiй Петръ Копнинъ, которые разбойниковъ, посаженныхъ въ тюрьму, выпускаютъ „на выкупъ изъ тюрьмы", кромѣ того берутъ съ разбойниковъ взятки до 200 рублей и болѣе [225]). Также часто населенiе жалуется, что губныя власти

---

[223]) А. Э., т. I, № 244, стр. 267 (1555 г.). См. еще тамъ же, т. IV, № 92; за упущенiя по должности виновнымъ быть „за то въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ и въ казни". Кромѣ того, велѣно брать „по государеву указу, пеню и исцовы иски по челобитнымъ".

[224]) В. А. кн. 3 изд. 1859 г. № 112.

[225]) С. А. Ш. № 13 стр. 17.

пріѣзжаютъ и берутъ „ежеденно... себѣ и конямъ своимъ кормъ и питье изъ кабака, и подводы и проводники, и сторожи и понятые... [226]). Изъ челобитной Шуянъ на губного старосту Калачова видно, что онъ велѣлъ носить къ себѣ „кормъ всегда, хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и питье, медъ и вино..." [227]). Губные старосты, ради своей выгоды, часто руководствовались показаніями, сдѣланными не на пыткѣ, подучали оговаривать [228]) мѣстныхъ жителей, и не давали имъ очныхъ ставокъ съ лицами, оговорившими ихъ, [229]) и сажали изъ мести въ тюрьму. Такъ, бывшій воевода жалуется, что губные старосты крестьянъ его „сажаютъ въ тюрьму безъ поличнова, и безъ язычной молвки и безъ обысковъ". Посадятъ въ тюрьму и вымогаютъ деньги и скотъ (напр., корову), а потомъ, получивъ взятку, выпускаютъ заключенныхъ [230]). Жалуется населеніе также и на то, что губной староста... „тѣмъ дворомъ посацкимъ, оговорнымъ людемъ провѣднаго и сыску и расправы недаетъ, для своей бездѣльной корысти" [231]).

Изъ одной грамоты видимъ, напр., что губной староста велѣлъ дьячку поддѣлать обыскныя рѣчи, т.-е. написать ихъ снова, придавъ нужный характеръ (т.-е. обвинительный); подписи же обыскныхъ людей по склейкамъ приклеить, вырѣзавъ ихъ со старыхъ обыскныхъ показаній. Отсюда же мы видимъ, что губной дьячокъ занимался поддѣлкой заемныхъ кабалъ [232]). Сажать обвиненныхъ слѣдовало въ губную тюрьму, между тѣмъ случалось, что, по распоряженію губныхъ властей, ихъ сажали на дворы къ посадскимъ людямъ [233]). Населеніе на это жалуется, напр., однажды, сыщикъ (Стольникъ Парфеньевъ) „изъ Шуи уѣхалъ и по се число съ того нашего посадскаго двора губныхъ дѣлъ не снимаетъ, и отъ того намъ сиротамъ чинитца дворовое утѣсненіе не малое... не вели, Государь, ему Игнатью нынѣ и впредь на нашихъ сиротъ твоихъ посацкихъ дворахъ становитца..." [234]). Однимъ изъ обвиненій со стороны жителей выставляется то, что сыщики осмѣливаются... „и съ пировъ... безъ язычной молвки

226) О. г. Ш. № 4 стр. 241.
227) О. г. Ш. № 5 стр. 243.
228) О. г. Ш № 18, стр. 278; С. А. Ш. № 13, стр. 17; № 35, стр. 60; О. г. Ш. № 5, стр. 243.
229) С. А. Ш. № 35, стр. 60.
230) С. А. Ш. № 20, стр. 32.
231) О. г. Ш. № 18, стр. 278.
232) О. г. Ш. № 16, стр. 271.
233) О. г. Ш. № 4, стр. 241.
234) С. Ш. № 187, стр. 336.

емлютъ на пытку напрасно, и пытаютъ безъ твоего Государева Указу и безъ вины для своей корысти" [235]). Выше мы говорили, что тюрьмы служили разсадникомъ разврата. Подтвержденіемъ этого служитъ донесеніе губныхъ старостъ слѣдующаго содержанія: губной цѣловальникъ, придя изъ кабака въ пьяномъ видѣ, взялъ къ себѣ на постелю жену разбойника, заключенную въ тюрьму, самъ же уснулъ. А она взяла у него изъ-за пазухи тюремные ключи и выпустила оттуда семь заключенныхъ. Тюремный же сторожъ въ это время ужиналъ и ничего не видѣлъ. Въ концѣ своего донесенія губные старосты просятъ, чтобы это не взыскивалось съ нихъ, такъ какъ они не виноваты [236]). За всѣ поименованныя преступленія лица губного вѣдомства подлежали извѣстной отвѣтственности, но памятники къ сожалѣнію не указываютъ, какой именно. Имѣемъ только нѣсколько постановленій о томъ, что если недѣльщикъ отпуститъ татя, или разбойника, то онъ за это подлежитъ уплатѣ исковъ истца, наказанію кнутомъ и тюремному заключенію [237]); если же въ этомъ окажется виновнымъ губной цѣловальникъ, то „того губнаго цѣловальника бити кнутьемъ, а бивъ кнутьемъ изъ цѣловальниковъ выкинути" [238]). Относительно губныхъ старостъ извѣстно, что если они выпускали людей изъ тюрьмы „безъ Государева указу" или если брали, отбывшихъ свое наказаніе, къ себѣ въ холопы, то за это полагалось „бити ихъ кнутомъ нещадно, да на нихъ же за тѣхъ воровъ истцамъ правити выти..." [239]). Другихъ свидѣтельствъ за злоупотребленія по должности намъ памятники не оставили. Впрочемъ, изъ порядныхъ наемныхъ записей въ губные цѣловальники (1615 года) видимъ, что нанимавшійся въ эту должность давалъ слѣдующее обѣщаніе: „а учну я Ейка (Елизарей Даниловъ, сынъ Ушаковъ-Балинъ) стоять въ губныхъ цѣловальникахъ, хитрость какову чинить, или Шуяномъ, посацкимъ людямъ взять, по сей записки, на мнѣ Ейкѣ, вдвое..." [240]). Однако, слѣдуетъ замѣтить, что эта договорная исходитъ отъ взаимнаго соглашенія договаривающихся сторонъ и что этотъ штрафъ, который платился нанимавшимся, въ случаѣ не соблюденія договора, есть отнюдь не взысканіе, налагаемое правительствомъ. Памятники въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ,

[235]) С. А. Ш. № 13, стр. 17.
[236]) С. А. Ш. 18. стр. 29.
[237]) Улож. XXI, 83.
[238]) Улож. XXI, 84.
[239]) Улож. XXI, 104.
[240]) О. г. Ш. № 7, стр. 253.

не сохранили намъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ, какія еще наказанія налагало само правительство, кромѣ денежнаго взысканія съ виновнаго въ пользу пострадавшаго.

Сокращенія, принятыя въ изслѣдованіи и помѣщенныя въ примѣчаніяхъ.

А. И. = Акты Историческіе.

А. Э. = Акты Археографической Экспедиціи.

А. Ю. = Акты Юридическіе.

А. Ю. Б. = Акты, относящіеся до Юридическаго быта древней Россіи. Н. В. Калачова.

Бѣляевъ, И. Д. „Лекціи по Исторіи Русскаго Законодательства". М. 1879.

Владимірскій-Будановъ, М. Ф. „Христоматія по Исторіи Русскаго Права". Кіевъ. 1-я и 3-я части изд. 1889 г., 2-я ч. изд. 1887 г.

Временникъ Общ. Исторіи и Древностей. 1849 г. I—IV кн.

В. А. = Древнія Грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частью Азова. Изд. Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дальникомъ. 1850 г. Воронежъ.

Градовскій, А. Д. „Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи". Спб. 1868 г., т. I.

Д. къ А. И. = Дополненія къ Актамъ Историческимъ.

Дмитріевъ, Ѳ. М. „Исторія Судебныхъ Инстанцій". М. 1859 г.

Калачовъ, Н. В. „О судебникѣ царя Іоанна Васильевича", въ Юридич. Запискахъ, изд. П. Рѣдкина. Т. I—II; М. 1842 г.

Лаппо-Данилевскій. „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій". Спб. 1890 г.

Неволинъ. „Образованіе Управленія въ Россіи отъ Іоанна III-го до Петра Великаго", см. Журналъ Мин. Народн. Просвѣщ. 1844 г., ч. 41-я.

О. г. Ш. = Описаніе г. Шуи и его окрестностей, составилъ Борисовъ. М. 1851 г.

Оболенскій, кн. „Уголовные Законы Царя и Великаго Князя Іоанна IV". М. 1841 г.

Сергѣевичъ, В. И. Русскія Юридическія Древности, т. I. 1890 г.

Сокольскій, см. Кіевскія Университетскія Извѣстія 1871 г., №№ 5, 6, 8.

Чичеринъ. „Областныя Учрежденія Россіи въ XVII в."

Улож. = Уложенія Алексѣя Михайловича.

У. К. Р. П. = Уставная Книга Разбойнаго Приказа.

Шалфѣевъ. „Объ Уставной Книгѣ Разбойнаго Приказа". Спб. 1868 г.

С. А. Ш. = Старинные Акты, служащіе преимущественно дополненіемъ къ описанію г. Шуи. Собралъ Борисовъ. М. 1853 г.

Таблица А,

показывающая, что не только въ Суздалѣ и Шуѣ было одновременно по двое губныхъ старостъ, но и въ другихъ городахъ [1]).

I. *Въ Арзамасѣ. 1627 г.* Козодавлевъ, Иванъ.
" Своитиновъ, Иванъ.
(Времен. III, 8).

II. *Въ Бѣжецкомъ-Верху. 1627 г.* Бѣшенцовъ, Өедоръ.
" Орловъ, Владиміръ.
(Времен. III, 7).

III. *Въ Бѣлоозерѣ. 1627 г.* Головинъ, Грязный.
" Резановъ, Богданъ.
(Времен. III, 7).

IV. *Во Владимірѣ. 1627 г.* Тулубѣевъ, Василій.
" Савинъ, Степанъ.
" Чортовъ, Иванъ.
(Времен. III, 7).

V. *Въ Вологдѣ. 1582 г.* Трусовъ, Иванъ Семеновъ.
" Бесѣдново, Калауръ Степановъ.
(А. Ю. № 106).
" *1617 г.* Трусовъ, Ларіонъ Степановъ.
" Домнинъ, Григорій Ильинъ.
(А. Ю. № 279).

VI. *Въ Галичѣ. 1627 г.* Нелидовъ, Петръ.
" Каринъ, Константинъ.
(Времен. III, 7).
" *1678 г.* Рылѣевъ, Василій.
" Скудинъ, Кириллъ
(Д. къ А. И., т. IX, № 29).

VII. *Въ Кашинѣ. 1627 г.* Епифановъ, Филиппъ.
" Шатиловъ, Лукьянъ.
(Времен. III, 7).

VIII. *Въ Лухѣ. 1627 г.* Шулгинъ, Прокофій.
" Белехинъ, Темка.
(Времен. III, 6).

IX. *Въ Можайскѣ. 1595 г.* Путятинъ, Иванъ.
" Коноплевъ, Богданъ.
(П. Д. С., т. X, 397—398).

---

[1]) Изъ памяти въ Приказъ Казанскаго Дворца (П. С. З. т. I, № 282, 1660 г.) усматриваемъ, что въ понизовыхъ городахъ были губные старосты. Къ сожалѣнію, въ просмотрѣнныхъ нами актахъ мы не нашли никакихъ указаній по этому вопросу.

X. *Въ Муромѣ. 1625 г.* Осорьинъ, Дружина.
" Аристовъ, Лаврентій.
(А. Э., т. III, № 163).
" *1640 г.* Осорьинъ, Дружина.
" Ворыпаевъ, Борисъ.
(А. Э., т. III, № 257).

XI. *Въ Новгородской Области. 1587 г.* Жолтухинъ, Богданъ.
" *1593 г.* Савинъ, Третьякъ.
(А. Ю. Б., т. I, № 29, I; № 139, I).

Въ Новгородской Области. 1593 г. Головинъ, Ѳедоръ.
" Якимовъ, Посникъ.
(Шелонская Пят.: А. Ю. Б., т. II, № 139, I).

Въ Новгородской Области. 1598 г. Евреевъ, Денисъ.
" Ускій, Семенъ.
(Шелонская Пят., Зарусская полов.: А. Ю. Б., т. II, № 131, I).

Въ Новгородской Области. 1612 г. Мякининъ, Гавріилъ.
" Блаженковъ, Симонъ.
(Шелонская Пят., Залѣсская полов. Д. къ А. И., т. I, № 177).

XII. *Въ Переславлѣ Рязанскомъ. 1666 г.* Чеботаевъ, Иванъ Ѳедоровъ.
" Сацыпоровъ, Иванъ Микитинъ.
(А. Ю. Б., т. I, № 55, XIX).

Въ Переславлѣ Рязанскомъ. 1647 г. Масловъ, Степанъ Ивановичъ.
" Нефимоновъ, Иванъ Калистратовичъ.
(А. Ю. Б., т. I, № 55, XI).

XIII. *Въ Пошехоньѣ. 1627 г.* Шипуновъ, Пинай.
" Несвитаевъ, Несвитай.
(Времен. III, стр. 7).

XIV. *Въ Ростовѣ. 1600 г.* Мисюревъ, Иванъ.
" Лазаревъ, Небогатый.
(Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. XXXVIII, стр. 372).

Въ Ростовѣ. 1627 г. Коробинъ, Афонасій.
" Мещериновъ, Василій.
(Времен. III, 7).

XV. *Въ Серпуховѣ. 1601 г.* Цвиленовъ, Иванъ.
" Соймоновъ, Первый.
(А. Э., т. II, № 19).

XVI. *Въ Суздалѣ. 1627 г.* Ершовскій, Григорій.
" Ковинскій, Никита.
(Времен. III, 8).

XVII. *Въ Тулѣ. 1676 г.* Труновъ, Елисей.
" Труновъ, Андрей.
(Д. къ А. И., т. IX, № 13).

XVIII. *Въ Ярославлѣ. 1627 г.* Матюшкинъ, Демидъ.
" Вешковъ, Осипъ.
(Времен. III, 7).

Таблица Б.

О срокѣ службы губныхъ старостъ.

1. Бухоновъ, Өедоръ (1638—45 гг., В. А., кн. I, № 34; кн. II, № 9, 10; кн. III, № 183).
2. Забѣлинъ, Иванъ (1632—36 гг., А. Э., т. III, №№ 201, 263).
3. Кишкинъ, Любимъ Васильевъ (1651—65 гг., С. А. Ш., №№ 76, 94).
4. Кишкинъ, Фролъ (1622—35 гг., О. г. Ш.; №№ 12, 14, 16, 18).
5. Кречковъ, Богданъ (1635—38 гг., В. А., кн. I, № 34; кн. II, № 9).
6. Кроткій, Матвѣй (1614—18 гг., О. г. Ш., №№ 4, 56).
7. Меншиковъ, Иванъ Григорьевичъ (1647—49 гг., С. А. Ш., №№ 62, 64).
8. Осорьинъ, Дружина (1625—40 гг., А. Э., т. III, №№ 163, 295, 297).
9. Роткѣевскій, Никифоръ Вахрамѣевъ (1671—75 гг., А. Ю., № 307, II—IV).
10. Тарарыковъ, Неустрой (1627—31 гг., В. А., кн. I, № 19; кн. II, № 73).

Н. Ретвихъ,
членъ-корреспондентъ
Московскаго Юридическаго Общества
и дѣйствительный членъ Археологическаго Института.

ОБЩІЕ ИТОГИ НАУЧНАГО ТВОРЧЕСТВА А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО [1]).

(По поводу десятилѣтія со дня его кончины).

13-го января прошлаго года истекло уже десять лѣтъ со дня смерти профессора Университета св. Владиміра А. Ѳ. Кистяковскаго, а между тѣмъ живая память объ его дѣятельности не померкла въ обществѣ. Первая новогодняя книжка „Кіевской старины“ (1895 г.) посвящена воспоминаніямъ объ его личной и общественной жизни и оцѣнкѣ его научнаго творчества, принадлежащей перу не только мѣстныхъ научныхъ силъ, но и петербургскихъ. Такое отзывчивое отношеніе къ памяти покойнаго далеко не случайное; секретъ его скрывается какъ въ его обширныхъ научныхъ заслугахъ, такъ и въ его выдающейся публицистической и общественной дѣятельности, исполненной безкорыстія, гуманности, честнаго и цѣльнаго склада убѣжденій и самоотверженной энергіи. Всему, къ чему А. Ѳ. прилагалъ свои силы, онъ отдавалъ себя всецѣло, не щадя этихъ силъ; вездѣ, гдѣ онъ проводилъ свои взгляды и убѣжденія—съ каѳедры, въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ печати,—онъ вы-

---

[1]) Статья эта перепечатывается изъ *Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца*, книга IX.—*Источники:* Сочиненія автора. Некрологъ о немъ В. Володимірова, Жур. угол. и гражд. права, 1885 г. стр. 13—43; В. Володиміровъ, А. Ѳ. Кистяковскій и его ученые труды, тотъ-же жур., 1885 г., май, стр. 1—36; Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій. Очеркъ научной дѣятельности проф. А. Ѳ. Кистяковскаго, Кiев. Старина, 1885 г.; В. Науменко. Біографич. очеркъ покойнаго съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи. Кіев. Старина, 1895 г., январь, стр. 1—43; И. Лучицкій, Труды А. Ѳ. Кистяковскаго въ области исторіи и обычнаго права, тамъ-же, стр. 64—81; И. Фойницкій, А. Ѳ. Кистяковскій какъ криминалистъ, тамъ-же, 88—102.

ражалъ ихъ открыто, прямо, не прячась и не скрывая ихъ изъ страха, мнимаго или дѣйствительнаго, испортить свои отношенія или подорвать свое положеніе. Конечно, такой образъ дѣйствій, не чуждый иногда болѣзненнаго раздраженія, неминуемо долженъ былъ вызвать личныя столкновенія, а слѣдовательно и вражду, но онъ въ то же время закрѣпилъ за нимъ ту широкую популярность и глубокое уваженіе, которыя особенно ярко сказались послѣ его смерти не только въ Кіевѣ, но и за его предѣлами, и которыя до сихъ поръ еще не умерли въ обществѣ. Лучшей, самой симпатичной чертой А. Ѳ., какъ человѣка, была его гуманность, любовь къ ближнему, составлявшая, такъ сказать, органическую черту его природы; она проходитъ красной нитью по всей его жизни, проявляясь какъ въ отношеніяхъ къ студентамъ, всегда доступныхъ и проникнутыхъ теплотою, готовностью помочь всѣмъ — совѣтомъ, рекомендаціей и даже матеріальной поддержкой, такъ и въ равноправныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ никогда не таилъ слѣпой прямолинейной злобы къ врагамъ, отдавая и имъ должное, и, наконецъ, въ самомъ выборѣ темъ для ученыхъ работъ; лучшія его монографіи посвящены такимъ вопросамъ, какъ смертная казнь, мѣры обезпеченія явки въ судъ, положеніе малолѣтнихъ преступниковъ, вопросамъ, касающимся самыхъ тяжелыхъ сторонъ мрачной судьбы униженныхъ и оскорбленныхъ.

Всесторонней, однако, оцѣнкѣ общественной дѣятельности покойнаго А. Ѳ. еще не наступило время, такъ-какъ многіе интересы, противъ которыхъ онъ боролся или которые онъ защищалъ, еще не утратили своей остроты и чисто личныхъ чертъ. Поэтому теперь можетъ быть рѣчь только объ его научной дѣятельности, объ его заслугахъ въ сферѣ науки.

Однако, полная оцѣнка научныхъ заслугъ А. Ѳ. невозможна въ небольшой статьѣ: мы ограничимся поэтому указаніемъ только важнѣйшихъ общихъ научныхъ его выводовъ, представляющихъ, такъ сказать, квинтъ-эссенцію его трудовъ. Эти выводы сосредоточены, главнымъ образомъ, во второмъ изданіи его учебника уголовнаго права, въ этомъ заключительномъ произведеніи его научнаго творчества. Какіе же, спрашивается, эти выводы?

Прежде всего, по его мнѣнію, уголовное право, какъ и всякая отрасль обществовѣдѣнія, подчинена закону органическаго развитія, подобнаго тому, который опредѣляетъ положеніе языка и религіи въ народѣ. На почвѣ жизненныхъ потребностей, господствующихъ въ данное время, устанавливаются извѣстныя правоотношенія, которыя и закрѣпляются уголовнымъ закономъ. Уго-

ловный законъ, такимъ образомъ, есть только закрѣпленіе тѣхъ правовыхъ отношеній, которыя выработаны народной жизнью, или, говоря иначе, одинъ изъ органовъ народнаго сознанія о правомъ и неправомъ въ данную минуту. Вообще, право не есть дѣло личнаго произвола, и законодатель, считающій себя творцомъ закона, въ сущности невѣдомо для себя является только органомъ отдѣльнаго момента въ исторіи развитія права. Сообразно съ симъ и наука уголовнаго права есть только объясненіе, развитіе и углубленіе тѣхъ понятій, которыя живутъ въ сознаніи общества о преступленіи и наказаніи, одинъ изъ органовъ, посредствомъ котораго выражаетъ себя и развивается уголовное право. Самыя, повидимому, самостоятельныя философскія построенія, носящія на себѣ внѣшнюю печать индивидуальности писателя-криминалиста, въ концѣ концовъ выражаютъ только то или другое убѣжденіе, живущее въ цѣломъ народѣ или въ такъ-называемомъ обществѣ. Выражая понятія и убѣжденія о правомъ и неправомъ, живущія въ народѣ, а слѣдовательно и освящая соотвѣтствующія правоотношенія, достигшія полнаго признанія, наука уголовнаго права подчиняется закону постоянства. Но потребности и отношенія не остаются неизмѣнными; они, будучи произведеніемъ человѣка, существа развивающагося, вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣняются; органомъ этихъ новыхъ народившихся потребностей и отношеній, еще не достигшихъ общаго признанія, и является наука уголовнаго права, которая въ этомъ случаѣ подчиняется закону движенія, дѣйствующему также неизбѣжно, какъ и законъ постоянства (Учебникъ, стр. 54—56).

Это ученіе А. Ѳ. о преобразованіи и вліяніи на него науки весьма близко примыкаетъ къ ученію исторической школы Пухты и Савиньи о чисто объективномъ творчествѣ народнаго духа, исключающемъ всякую роль индивидуальнаго убѣжденія, и, какъ таковое, раздѣляетъ его ошибки, увлеченія. Справедливо, что главная роль въ правообразованіи принадлежитъ общенароднымъ потребностямъ и правовоззрѣніямъ, но невозможно отрицать вліяніе на него и воли отдѣльныхъ лицъ, мощныхъ силой или умомъ. Факты исторіи показываютъ, что, благодаря просвѣщенному и гуманному настроенію руководящихъ лицъ общества, какъ правителей, такъ и государственныхъ мужей, образованіе права вообще и уголовнаго въ частности въ отдѣльныхъ государствахъ въ данное время получало болѣе быстрый и совершенный ходъ, чѣмъ въ другое, менѣе благопріятное для того время, подчиняясь, такимъ образомъ, болѣе закону движенія,

динамики, чѣмъ постоянства, или статики. Съ другой стороны, невозможно отрицать вліяніе на правообразованіе и науки вообще или науки права въ частности; болѣе сильные умомъ мыслители не ограничиваются только выясненіемъ и углубленіемъ понятій о правомъ и неправомъ, живущихъ въ обществѣ, они нерѣдко идутъ впереди его и создаютъ новыя понятія, подсказываютъ новыя потребности, являясь, какъ долженъ былъ признать и самъ А. Ѳ., органомъ этихъ новыхъ потребностей и отношеній. Вообще, мысль о вліяніи индивидуальнаго момента на правообразованіе не была совершенно чужда покойному профессору; она сказалась какъ въ приведенномъ замѣчаніи, такъ еще болѣе въ другихъ, гдѣ онъ признаетъ, что наука должна идти впереди народнаго сознанія, явиться его руководящей силой, если новая идея или истина отвѣчаетъ потребностямъ общаго блага (Учеб., стр. 112—113), а также, что въ дѣлѣ постепеннаго сокращенія объема примѣненія смертной казни извѣстную роль съиграли „усилія тѣхъ писателей и государственныхъ людей, которые словомъ и дѣломъ способствовали уменьшенію смертныхъ казней и вѣры въ необходимость и полезность этого наказанія“ (Изслѣд. о см. казни, стр. 28, 201—203, 279). Только эта мысль закрывалась въ умѣ А. Ѳ. представленіемъ, навѣяннымъ, надо думать, изслѣдованіемъ исторіи смертной казни, о преобладающей, господствующей роли общихъ факторовъ — народныхъ возрѣній и отношеній, представленіемъ, которое и помѣшало ему опредѣлить должное значеніе индивидуальнаго момента въ общественныхъ явленіяхъ. Несмотря на это увлеченіе покойнаго, приводящее его къ самопротиворѣчію (ср. стр. 54, 190 и 113), его объективное направленіе не лишено своего жизненнаго смысла; оно было реакціей, доведенной, какъ это чаще всего бываетъ, до крайности, противъ направленія субъективнаго или метафизическаго, особенно господствовавшаго въ наукѣ XVIII и начала XIX вв., когда индивидуальному разуму приписывалась непомѣрно широкая роль, затмѣвавшая значеніе общественныхъ факторовъ. Ученіе А. Ѳ. было предостереженіемъ для юристовъ своего отечества противъ увлеченія нѣмецкой метафизикой, забывающей явленія дѣйствительной жизни и факты исторіи, противъ излишней вѣры во всемогущество творческой дѣятельности личнаго разума.

Свой объективный взглядъ на науку уголовнаго права А. Ѳ. еще ярче выразилъ въ ученіи о методахъ ея обработки, которыхъ онъ различаетъ три — догматическій, историческій и сравнительный (Учеб., стр. 33—35). Догматическій методъ, по его

опредѣленію, есть систематическое изслѣдованіе и объясненіе въ цѣломъ и подробностяхъ дѣйствующаго уголовнаго права даннаго народа, раскрытіе смысла законовъ и лежащихъ въ нихъ основаній, въ одно и то же время объединеніе ихъ одной общей идеей и анализъ, разложеніе ихъ на составныя части. Этотъ методъ, замѣчаетъ онъ, преобладаетъ и большею частью даже исключительно примѣняется въ европейскихъ университетахъ, но онъ самъ по себѣ, безъ помощи другихъ методовъ, давалъ чрезвычайно скудныя и мало состоятельныя философскія положенія. Отсюда, съ перваго взгляда, можно было бы заключить, что А. Ѳ. вообще врагъ догматической разработки уголовнаго права; на самомъ же дѣлѣ оказывается, что онъ отрицательно относится только къ метафизикѣ, а не къ положительному изслѣдованію. Положительное изслѣдованіе, состоящее въ изученіи дѣйствующаго права въ цѣляхъ не только выясненія и оправданія его современнаго жизненнаго смысла, но и опредѣленія условій его дальнѣйшаго развитія, прогресса, сообразно съ видоизмѣняющимися потребностями и отношеніями, всегда пользовалось сочувствіемъ А. Ѳ., который оставилъ образцы такого изслѣдованія какъ въ рядѣ статей, такъ и въ частяхъ значительныхъ монографій, таково, напр., его прекрасное догматическое изученіе мѣръ пресѣченія по судебнымъ уставамъ въ его диссертаціи по этому вопросу, его обстоятельное изложеніе постановленій общей части уложенія о наказ. въ приложеніяхъ къ его учебнику угол. права и др. Напротивъ, метафизическіе пріемы изслѣдованія, стремящіеся изъ готовыхъ предвзятыхъ идей исключительно усиліями разума, безъ справки съ явленіями дѣйствительности, вывести положенія дѣйствующаго права, всегда встрѣчали энергическій протестъ покойнаго, утверждавшаго всю безполезность подобныхъ построеній. Нѣтъ ничего безплоднѣе, говоритъ онъ, какъ отвлеченно-схоластическое, помимо исторіи и дѣйствительной жизни, рѣшеніе вопроса; подобный способъ не можетъ повести ни къ какимъ научнымъ результатамъ; онъ порождаетъ только безполезныя словопренія и игру въ слова (Изслѣд. о см. казни, стр. 276); здѣсь болѣе господствуетъ метафизика, руководимая разумомъ, не справляющимся съ фактами, чѣмъ положительная философія, старающаяся ближе уразумѣть сущность явленія и построить общее на основаніи той же дѣйствительности (Учеб., стр. 45). Такое рѣзко-враждебное отношеніе А. Ѳ. къ метафизическимъ пріемамъ изученія уголовнаго права объясняется впечатлѣніями, вынесенными имъ какъ изъ слушанія лекцій своего профессора С. О. Богородскаго, такъ и изъ знакомства

съ лучшими нѣмецкими учебниками и изслѣдованіями 40-хъ и 50-хъ годовъ. Эти впечатлѣнія говорили ему, что за произвольно-метафизическими понятіями и діалектическими тонкостями, на которыхъ покоятся логическія и послѣдовательныя построенія извѣстныхъ криминалистовъ — Кестлина, Гельшнера, Бернера перваго періода его ученой дѣятельности, а также нашего Богородскаго, забыта вся реальная жизнь человѣка съ ея видоизмѣнившимися потребностями и отношеніями, заслуживавшими вниманія къ себѣ и авторитетной научной поддержки, каковы, напр., вопросъ о нецѣлесообразности тѣлесныхъ наказаній, клейменія и выставки къ позорному столбу; мало того, замѣтно даже враждебное отношеніе къ гуманнымъ завоеваніямъ просвѣщенной культуры 18 в. (Учебникъ, стр. 168—169; С. О. Богородскій и его ученая дѣятельность, Ж. М. Ю., 1860 г., № 9-й).

Отрицательное отношеніе А. Ѳ. къ метафизикѣ не означаетъ, однако, вражды его къ философіи; напротивъ, какъ видно уже изъ приведеннаго выше текста, онъ признавалъ плодотворную роль той позитивной философіи, которая зиждетъ свои построенія путемъ и на основаніи изученія явленій дѣйствительности. Такую именно философію мы встрѣчаемъ въ изслѣдованіяхъ его по вопросамъ уголовной политики и, между прочимъ, въ лучшей монографіи покойнаго „О смертной казни“, которая разработана, по словамъ самого автора, по методу философско-историческому (см. Изсл. о смерт. казни, предисл. и стр. 11). Философскій методъ въ чисто-юридическихъ построеніяхъ автора переходитъ въ дедуктивный, состоящій въ томъ, что онъ общія положенія отдѣльныхъ ученій устанавливаетъ не на основаніи исключительно началъ положительнаго права, а путемъ обобщенія и анализа всевозможныхъ правовыхъ фактовъ и явленій, хотя бы они и не были объяты нормами дѣйствующихъ кодексовъ. Господство дедуктивнаго метода особенно видно въ первой половинѣ учебника уголовнаго права, въ ученіи о преступленіи; здѣсь А. Ѳ. предлагаетъ намъ не научный только комментарій общей части отечественнаго кодекса, какъ поступаютъ большею частью французскіе криминалисты, а философію, такъ сказать, общей части уголовнаго права, на основаніи началъ теоріи и сравнительнаго изученія постановленій кодексовъ. Постановленія кодексовъ служатъ для А. Ѳ. лишь матеріаломъ для построенія общихъ положеній и подкрѣпленіемъ правильности сдѣланныхъ выводовъ; выводы же устанавливаются путемъ изученія разныхъ взглядовъ теоріи и законодательства, сведеніе ихъ къ немногимъ типамъ и затѣмъ сопоставленія и оцѣнки. Нѣтъ, такимъ образомъ, ни апріорныхъ

умозрительныхъ положеній, ни систематизаціи только началъ дѣйствующаго права, хотя бы и на основаніи данныхъ практики и началъ науки, какъ это имѣетъ мѣсто при индуктивномъ методѣ, а предлежитъ построеніе *общихъ принциповъ* науки уголов. права по методу дедуктивному или, какъ бы сказалъ А. Ѳ., по методу *философско-позитивному* (см. Учеб., предисл., IV и Изсл. о смерт. казни, стр. 11). Изъ сказаннаго видно, какъ велика ошибка тѣхъ, которые считаютъ А. Ѳ. представителемъ почти исключительно аналитическаго, индуктивнаго метода изслѣдованія; въ этомъ мнѣніи, объясненіе котораго можно видѣть въ нѣкоторой неясности и даже самопротиворѣчіи замѣчаній покойнаго по данному вопросу, справедливо только то, что болѣе высокое научное значеніе представляютъ труды покойнаго, въ которыхъ преобладаетъ историческое изслѣдованіе вопроса.

Подъ историческимъ методомъ науки угол. права А. Ѳ. разумѣлъ изученіе зарожденія, развитія и накопленія понятій уголовнаго права, отъ ихъ начала до позднѣйшихъ временъ въ ихъ постепенномъ видоизмѣненіи и развитіи (Учеб., стр. 31). Начало же этихъ понятій относится еще къ первобытной эпохѣ, почему необходимо изученіе первобытнаго права какъ культурныхъ народовъ, такъ и современныхъ дикихъ или полудикихъ племенъ; матеріалъ для него можно найти въ запискахъ путешественниковъ и изслѣдователей, въ литературныхъ и художественныхъ памятникахъ, какъ-то — въ произведеніяхъ поэтовъ и чисто народнаго творчества — въ пѣсняхъ, сказаніяхъ и т. п., а также въ уцѣлѣвшихъ обломкахъ древнихъ обычаевъ (Учебникъ, стр. 4, 31—32). Изученіе первобытнаго права, по мнѣнію А. Ѳ., должно пролить свѣтъ какъ на общій генезисъ понятій о преступленіи и наказаніи, такъ и на отдѣльные институты уголовнаго права раннихъ эпохъ, теперь изображаемые наукой часто такими чертами, которыя свойственны болѣе позднимъ періодамъ (Учеб., стр. 4—5).

Наконецъ, подъ методомъ сравнительнымъ А. Ѳ. понималъ въ окончательномъ его осуществленіи изученіе уголовныхъ законовъ всѣхъ временъ и народовъ, а въ ближайшихъ попыткахъ изложеніе уголовныхъ законовъ двухъ, трехъ или нѣсколькихъ народовъ; такимъ образомъ, онъ долженъ обнять какъ дѣйствующіе угол. законы въ ихъ теоретическомъ и практическомъ примѣненіи, такъ и уголов. законы въ ихъ постепенномъ историческомъ развитіи (Учеб., стр. 33). По его мнѣнію, только тогда, когда будетъ открыто, пересмотрѣно и переработано уголовное право всѣхъ формацій, всѣхъ періодовъ и всѣхъ народовъ по-

лучится возможность создать науку угол. права въ ея истинномъ философскомъ значеніи, ибо только тогда достижимы высшее обобщеніе, установленіе законовъ, по которымъ угол. право развивается, выясненіе не эфемерныхъ, а осуществимыхъ задачъ будущаго (Учеб., стр. 45). Однако, для выполненія этой цѣли недостаточно изученія исторіи уголов. права, необходимо обращеніе къ общей внутренней исторіи человѣчества, къ исторіи его культуры и цивилизаціи, которая имѣетъ въ виду открытіе законовъ постепеннаго развитія человѣка и изображеніе этого развитія и его моментовъ. Обращеніе къ общей исторіи необходимо потому, что она проливаетъ свѣтъ на угол. право прежнихъ формацій, многіе институты котораго безъ нея казались бы совершенно произвольными и даже нелѣпыми, каковы, напр., суды божіи и пытка, раскрываетъ причины смѣняемости однихъ системъ преступленій и наказаній другими и, наконецъ, указываетъ источникъ прогрессивности дѣйствующихъ институтовъ угол. права (Учеб., стр. 41 — 44). Таковъ идеалъ научнаго построенія уголовнаго права, которое, по мысли покойнаго, только подъ этимъ условіемъ и можетъ получить названіе общаго уголовнаго права, т.-е. изложенія общихъ началъ, выработанныхъ совокупною жизнью цѣлаго человѣчества (Учеб., предисл. и стр. 30). Этимъ именемъ покойный назвалъ и свой учебникъ уголовнаго права, прекрасно сознавая, какъ далекъ его трудъ отъ осуществленія названнаго идеала, отъ поставленной имъ громадной задачи; но это вина, замѣчаетъ онъ, не моя исключительно, а настоящаго состоянія науки, представляющей очень скудную разработку историческаго и современнаго состоянія уголовнаго права другихъ народовъ, кромѣ европейскихъ (Учеб., предисл.). Мало того, историческая и сравнительная разработка уголовнаго права даже европейскихъ народовъ находится только въ зачаточномъ состояніи, ибо, во 1-хъ, не исчерпана достаточно даже исторія уголовнаго права отдѣльныхъ народовъ, а первобытное ихъ право совсѣмъ не затронуто, и во 2-хъ, законы даже періодовъ феодализма и абсолютизма въ Европѣ не достаточно обслѣдованы сравнительнымъ методомъ (Учеб., стр. 35).

Приведенные взгляды А. Θ. на историческій и сравнительный методъ разработки науки угол. права и на ея задачи справедливы, разумѣется, только какъ конечный идеалъ, къ которому должна стремиться наука; иначе они представляются своего рода увлеченіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, если наука уголовнаго права можетъ быть названа этимъ именемъ въ истинномъ смыслѣ только какъ изложеніе общихъ началъ, выработанныхъ совокупною жизнью

цѣлаго человѣчества, то, очевидно, что построеніе ея прежде разработки уголовнаго права всѣхъ временъ и народовъ преждевременно и существующіе труды въ области уголовнаго права лишены научнаго характера. Однако, самъ А. Ѳ. не рѣшился логически послѣдовать своему исходному положенію и изданіемъ учебника общаго уголовнаго права лучше всего доказалъ его крайность и ошибочность. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что наука уголовнаго права имѣетъ дѣло не только съ исторіей, но и съ догмой, а послѣдняя для своихъ успѣховъ вовсе не требуетъ изученія дѣйствующаго права всѣхъ народовъ, какъ культурныхъ, такъ и некультурныхъ; такое универсальное, такъ сказать, изученіе права важно для его исторіи; но оно не такъ важно для догмы права, разработкѣ котораго болѣе содѣйствуетъ дедуктивный методъ изслѣдованій, чѣмъ индуктивный; здѣсь достаточно болѣе доступнаго для человѣческихъ силъ изученія положительнаго права болѣе культурныхъ народовъ, какъ это имѣетъ мѣсто на самомъ дѣлѣ и какъ долженъ былъ поступить и самъ покойный въ наиболѣе богатомъ положительными источниками изслѣдованіи о смертной казни (см. стр. 232—241). Реальная постановка болѣе широкой задачи — обнять законы всѣхъ и даже большей части народовъ не только не помогла бы развитію науки уголовнаго права, а скорѣе его затормозила бы, такъ какъ отвлекла бы научныя силы на долгое собираніе и изученіе чрезмѣрнаго объемомъ сырого матеріала и тѣмъ помѣшала бы непосредственному творчеству, разработкѣ и безъ того обширнаго матеріала, чрезвычайно важной для успѣховъ правовой жизни. Вообще, едва ли цѣлесообразно, думается мнѣ, ставить наукѣ, какъ реальныя, такія задачи, которыя могутъ быть осуществлены усиліями только цѣлаго ряда поколѣній.

Несмотря на такую непомѣрно-широкую постановку А. Ѳ. вопроса о задачахъ и методахъ науки уголовнаго права, его взгляды не лишены своего важнаго жизненнаго значенія, какъ дальнѣйшее развитіе мысли о необходимости позитивной разработки уголовнаго права. Многократное повтореніе А. Ѳ. этой мысли не безполезно потому, что, какъ болѣе или менѣе вѣрно замѣтилъ онъ, въ общемъ въ работахъ по уголовному праву господствуетъ скорѣе доктринерство, чѣмъ изслѣдованіе, болѣе страсть къ схоластическимъ спорамъ и мелкимъ контроверзамъ, чѣмъ стремленіе къ уразумѣнію дѣйствительныхъ явленій (Учеб., стр. 45). И въ самомъ дѣлѣ, обращаясь къ трудамъ многихъ даже сильныхъ умомъ современныхъ нѣмецкихъ криминалистовъ, каковы

напр., Биндингъ, Гельшнеръ, Кесслеръ, Ортманъ, Конъ и др., мы находимъ у нихъ не мало схоластическихъ положеній, діалектическихъ тонкостей и контроверзъ, часто только затемняющихъ вопросъ и жизненную природу даннаго правоваго явленія, такъ что сама собою напрашивается мысль, что наука уголовнаго права пріобрѣла бы значительно больше, если бы усилія названныхъ криминалистовъ были направлены на историческую и сравнительную разработку положительнаго правоваго матеріала; здѣсь ихъ схоластика, діалектическая игра словъ нашла бы гораздо менѣе почвы для своего приложенія, отчего выводы и положенія ихъ получили бы болѣе жизненное значеніе. Говоря это, я вовсе не раздѣляю замѣтно сквозящей мысли А. Ѳ. о меньшей важности или плодотворности догматической разработки уголовнаго права (см. Учеб., стр. 33—35 и пр.), а признаю только, что послѣдняя должна состоять, главнымъ образомъ, въ изученіи жизненнаго смысла правовыхъ явленій во всей ихъ обстановкѣ и въ созданіи положеній, наиболѣе отвѣчающихъ дѣйствительности, съ возможнымъ устраненіемъ схоластическихъ и діалектическихъ построеній.

Въ заключеніе разсмотримъ взглядъ А. Ѳ. на роль обычая въ уголовномъ правѣ. Этотъ взглядъ, надо признаться, не лишенъ нѣкоторой неопредѣленности и противорѣчія. Сказанное замѣчается даже въ учебникѣ уголовнаго права; такъ, раздѣляя уголовные законы, какъ матеріалъ науки уголовнаго права, на три категоріи: законы писанные, законы установленные обычаемъ и законы въ ихъ судебномъ примѣненіи, А. Ѳ. находитъ, что при догматической разработкѣ уголовнаго права не приходится обращаться къ обычаю, ибо, если не считать обычнаго толкованія закона въ судебной практикѣ, уголовные законы, въ видѣ обычая въ тѣсномъ смыслѣ или неписаннаго права, вышли изъ употребленія у нынѣшнихъ европейскихъ народовъ (стр. 30 — 31). Совершенно иное значеніе обычаевъ, замѣчаетъ онъ, для историческаго и сравнительнаго изученія уголовнаго права; здѣсь обычай является однимъ изъ богатѣйшихъ источниковъ, который тѣмъ важнѣе, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха, ибо тогда уголовное право существовало только въ видѣ обычаевъ, которые были закрѣплены позднѣе писаннымъ словомъ (стр. 31—33). Однако, далѣе, въ ученіи объ уголовномъ законѣ, мы читаемъ, что современное уголовное право создается, главнымъ образомъ, законодательной дѣятельностью, при чемъ не исключается абсолютно дѣятельность и обычая, который, правда, имѣетъ весьма ограниченное примѣ-

неніе, а именно: во 1-хъ, какъ руководство при толкованіи писаннаго закона въ видѣ авторитета дѣлъ, постоянно одинаково судимыхъ; во-2-хъ, какъ отрицательная сила, отмѣняющая дѣйствіе писаннаго закона путемъ его непримѣненія (стр. 193—194). Итакъ, не исключается, по словамъ А. Ѳ., вопреки сказанному имъ раньше, не только дѣйствіе, но и образованіе уголовнаго права путемъ обычая и въ наше время; отсюда слѣдуетъ, что и при догматической его разработкѣ обращеніе къ обычаю является не только не безполезнымъ, но даже необходимымъ. Повидимому, этотъ послѣдній взглядъ на значеніе обычая въ уголовномъ правѣ былъ у А. Ѳ. преобладающимъ; названное заключеніе подтверждается рядомъ его замѣчаній по этому вопросу въ спеціальныхъ работахъ по обычному праву. Въ своей „Программѣ для собиранія обычаевъ по уголовному праву“ А. Ѳ. сознается, что матеріалъ по обычному уголовному праву, при ближайшемъ вниманіи къ нему, оказался гораздо обильнѣе, чѣмъ онъ ранѣе предполагалъ, и что даже для надлежащаго уразумѣнія многихъ статей улож. о наказ. изученіе обычаевъ народа представляетъ большую важность, такъ какъ оно бросаетъ на нихъ яркій свѣтъ, отчего они получили для него иной смыслъ, явились и понятнѣе, и объяснимѣе. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что важное значеніе обычнаго права для теоретическихъ цѣлей науки права несомнѣнно, ибо оно можетъ служить не только для объясненія и оправданія многихъ институтовъ дѣйствующаго писаннаго права, но и для руководства при рѣшеніи самыхъ трудныхъ вопросовъ текущей юриспруденціи и доктрины: такъ глубоки многія мысли, въ немъ скрывающіяся. Наконецъ, изученіе обычнаго права, по взгляду А. Ѳ., важно и въ методологическомъ отношеніи, такъ какъ оно вноситъ въ науку права экспериментальный методъ изслѣдованія, придающій больше значенія вѣрованіямъ и убѣжденіямъ народа, чѣмъ субъективнымъ, метафизическимъ положеніямъ, а это пріучаетъ юриста-изслѣдователя къ бережному обхожденію съ жизнью народа, которую слѣдуетъ улучшать, а не ломать, и къ изысканію въ нѣдрахъ народа того прогрессивнаго начала, котораго мы иногда ходимъ искать за море (см. Протоколы Кіев. Юр. Общ. отъ 16 февр. 1879 г. стр. 12). Хотя въ приведенныхъ текстахъ А. Ѳ. не говоритъ спеціально о значеніи обычая для уголовнаго права, но общій характеръ мыслей даетъ основаніе примѣнить ихъ и въ этой отрасли права. Можно пожалѣть, что А. Ѳ., такъ много занимавшійся обычнымъ правомъ, не успѣлъ выяснить глубже роли обычая въ уголовномъ правѣ;

онъ ограничился лишь общими замѣчаніями о важномъ значеніи обычнаго права для теоретическихъ цѣлей науки, не показавъ наглядно—на примѣрахъ—этого значенія, затѣмъ еще менѣе онъ сказалъ о творческой правообразовательной силѣ обычая, которая, правда, большею частью отвергается незнакомыми съ нимъ ближе криминалистами, просмотрѣвшими даже весьма важную роль судебнаго правообразованія.

Но если недостаточно выяснено А. Ѳ. значеніе обычая для догмы права, роль его для исторіи уголовнаго права опредѣлена имъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ кѣмъ-либо изъ русскихъ криминалистовъ. Особенно важныхъ послѣдствій, говоритъ А. Ѳ., можно ожидать отъ изученія обычаевъ для исторіи права, такъ какъ многія положенія отечественнаго законодательства еще живутъ въ памяти народа—въ его вѣрованіяхъ, обрядахъ и обычаяхъ; изучая эти послѣдніе, можно пролить яркій свѣтъ на нѣкоторыя темныя точки древнѣйшей исторіи нашего права (Указанная программа, стр. 16 — 17). Цѣлые институты историческіе, будучи сами по себѣ темны или недостаточно ясны, могутъ быть возстановлены въ надлежащемъ свѣтѣ по тѣмъ обломкамъ ихъ, которые сохранились среди народа (Указанные протоколы, стр. 12); такъ, напр., темный въ исторіи права вопросъ о томъ, какимъ образомъ могла возникнуть наказуемость нѣкоторыхъ преступленій противъ нравственности, каковы, напр., незаконное сожительство, прелюбодѣяніе и тому подобныя нарушенія нравственныхъ обязанностей, съ обложеніемъ болѣе важныхъ изъ нихъ тягчайшими карами, не исключая и смертной казни, выясняется путемъ изученія міровоззрѣній и обычаевъ нашего народа, бытъ котораго сохранилъ до сихъ поръ многія архаическія черты (Статья: „Къ вопросу о цензурѣ нравовъ у народа“, стр. 1, 10—11). Вообще, по мнѣнію А. Ѳ., не только въ этомъ, но и въ другихъ темныхъ вопросахъ исторіи права изслѣдованіе народныхъ юридическихъ обычаевъ, скрывающихся въ народныхъ вѣрованіяхъ, легендахъ, народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, существовавшихъ и уцѣлѣвшихъ до нынѣ обрядахъ, затѣмъ сопоставленіе этихъ обычаевъ у разныхъ народовъ и разысканіе ихъ ближайшаго сходства гораздо скорѣе могутъ привести къ открытію настоящаго источника многихъ юридическихъ институтовъ, чѣмъ неизбѣжное обращеніе юристовъ къ положеніямъ римскаго и каноническаго права, часто совершенно безплодное (Та же статья, стр. 10—11). Въ этомъ отношеніи особенно важно изученіе нашего обычнаго права, такъ какъ въ составъ русскаго

государства входятъ многочисленные народы и племена, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ культуры и цивилизаціи. На Кавказѣ среди горскихъ племенъ можно наблюдать систему уголовнаго права, главнымъ основаніемъ которой служитъ кровная месть, а на восточныхъ окраинахъ—у киргизовъ, калмыковъ и другихъ народовъ—въ высшей степени правильно организованную систему композицій или платы за убійство и другія преступленія. Болѣе внимательное изученіе быта русскаго народа и инородцевъ, прибавляетъ А. Ѳ., вѣроятно, не только устранитъ одностороннія теоріи родового и общиннаго быта, какъ исключительной особенности русскаго народа, но и вообще поможетъ теоретическому разъясненію той и другой системы (Программа, стр. 17).

Таковъ взглядъ А. Ѳ. на значеніе обычая для исторіи права вообще и уголовнаго въ частности; здѣсь онъ пошелъ далѣе общихъ замѣчаній и на вопросѣ о половыхъ преступленіяхъ показалъ ихъ конкретное примѣненіе; правда, А. Ѳ. не даетъ прямого рѣшенія поставленнаго имъ вопроса, ограничиваясь его возбужденіемъ и указаніемъ пути къ его разрѣшенію посредствомъ разработки собраннаго имъ этнографическаго матеріала, но его работа все же бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на данный вопросъ, благодаря нѣсколькимъ цѣннымъ мыслямъ. Если бракъ издавна и доселѣ у народа есть дѣло общественное, если разные обряды выраженій похвалы и порицанія невѣстѣ и ея родителямъ и самый щекотливый обрядъ, касающійся интимнѣйшаго вопроса женской чести, совершаются въ общественномъ интересѣ, какъ все это утверждаетъ А. Ѳ. („Къ вопросу о цензурѣ нравовъ“, стр. 2—3, 6, 8, 9 и др.), то отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, что половое воздержаніе или цѣломудріе, по взгляду народа, есть благо не только личное, но и общественное, какъ одинъ изъ устоевъ общественной нравственности. А если такъ, то наказуемость вообще половыхъ посягательствъ и тяжкая кара важнѣйшихъ изъ нихъ на низшихъ ступеняхъ культуры находятъ достаточное для себя объясненіе, помимо вліянія церкви, въ воззрѣніяхъ народа на общественную природу этихъ посягательствъ, воззрѣніяхъ, которыя проложили себѣ путь и въ науку уголовнаго права.

Я изложилъ общіе итоги научной дѣятельности покойнаго проф. А. Ѳ. Кистяковскаго; останавливаясь на однихъ этихъ итогахъ или выводахъ по общимъ вопросамъ и не входя въ оцѣнку его работъ по частнымъ вопросамъ, нельзя, думается

мнѣ, не признать, что наука права вообще и уголовнаго въ особенности утратила въ покойномъ выдающагося своего представителя, котораго ученая дѣятельность, по вѣрному замѣчанію одного изъ его друзей, образуетъ стадію въ развитіи не только русской, но и европейской науки [1]).

Л. Бѣлогрицъ-Котляревскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

[1]) См. В. Володиміровъ. А. Ѳ. Кистяковскій и его ученые труды, Журн. угол. и граж. права, 1885 г., май, стр. 35.

ИСТОЧНИКИ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЛИТОВСКАГО СТАТУТА.

Еще въ 1865 г. профессоръ Леонтовичъ въ своей статьѣ „Русская правда и Литовскій статутъ" (Кіев. Ун. Изв., 2—4, стр. 90) указывалъ на „настоятельнѣйшую необходимость ввести литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права, сдѣлать его предметомъ самаго тщательнаго изученія, главнымъ образомъ въ интересѣ объясненія вообще темной исторіи юридическаго быта нашихъ предковъ". И дѣйствительно, уже въ 30-хъ гг. Строевъ, а въ 40-хъ Линовскій и Колоссовскій начинаютъ обращаться къ Литовскому статуту, какъ къ памятнику русскаго права, для сопоставленія и объясненія отдѣльныхъ положеній права восточной Россіи, но эти писатели дѣлали лишь мимоходомъ отрывочныя и весьма разбросанныя сообщенія. Гораздо больше можно найти у другихъ писателей, историковъ и юристовъ, спеціально касавшихся исторіи Великаго княжества Литовскаго, причемъ наиболѣе видная роль тутъ принадлежитъ Кіеву (Антоновичъ, Владимірскій-Будановъ, Ясинскій, Чарнецкій, Иванишевъ), изъ ученыхъ же другихъ университетскихъ центровъ мы назовемъ профессора Леонтовича, проф. Бестужева-Рюмина, проф. Бершадскаго; г. Любавскаго и проф. Собѣстіанскаго. Но, хотя вообще въ нашей наукѣ интересъ къ литовскому праву ростетъ съ каждымъ годомъ, однако до сихъ поръ интересовались главнымъ образомъ литовскимъ государственнымъ правомъ и только проф. Бершадскій обратилъ вниманіе и на равно интересное литовское гражданское право. Что же касается литовскаго уголовнаго права, то хотя въ этой области Литовскій Статутъ, этотъ кодексъ-исторія, по мѣткому выраженію г. Демченко (стр. 6), занимаетъ особенно завидное, исключительное положеніе, примыкая съ одной стороны къ Русской

правдѣ, съ другой къ уложенію царя Алексѣя Михайловича, однако, до сихъ поръ по этому предмету мы не имѣли ни одного полнаго и всесторонняго изслѣдованія. Труды Чацкаго, Мацѣевскаго и Ярошевича мало удовлетворительны и устарѣли, профессора же Тальбергъ и Бобровскій касались этого предмета лишь мимоходомъ, а трудъ проф. Леонтовича („Р. Пр. и Л. Ст.") очень сжатъ и касается лишь одного отдѣла вопроса. Поэтому нельзя не порадоваться, что наконецъ Кіевскій университетъ, такъ уже много сдѣлавшій въ дѣлѣ изученія литовскаго права, обратилъ свое вниманіе и на литовское уголовное право и въ 1891 г. предложилъ темой для студенческаго конкурса на медаль „уголовное право Литовскаго статута въ связи съ развитіемъ русскаго уголовнаго права вообще". Въ результатѣ этого конкурса и получились книги гг. Максимейко („Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго Статута"), Малиновскаго („Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту") и Демченко („Наказаніе по Литовскому статуту"), вышедшія въ свѣтъ въ Кіевѣ въ 1894 г. и представляющія отрывки изъ работъ конкуррентовъ. Не знаемъ, чѣмъ руководствовался университетъ, поступая такъ, но къ сожалѣнію отъ этого дѣло очень пострадало. Прежде всего распредѣленіе матеріала между отдѣльными авторами очень неудачно. По нашему мнѣнію, одному изъ нихъ нужно было поручить введеніе, другому общую часть, третьему особую. Теперь же ихъ работа представляется въ слѣдующемъ видѣ: I. Введеніе (вся книга г. Максимейко и у г. Демченко стр. 3—32). II. Общая часть. 1) Основаніе и предметъ карательной дѣятельности (Малиновскій, III—XIV и 1—17; Демченко, 153—201). 2) Наказаніе (Демченко, 33—152 и 201—208). 3) Преступное дѣяніе (Малиновскій, 18—51). 4) Приложеніе наказанія къ преступному дѣянію (Демченко, 209—273). Особая часть (Малиновскій, 52—171). Читателю, особенно неопытному, не легко оріентироваться въ такомъ распорядкѣ. Затѣмъ и отдѣльныя части уголовнаго права Литовскаго статута разработаны нашими авторами очень неравномѣрно. Такъ, источники и общее ученіе о наказаніи разработаны ими слишкомъ подробно, общее же ученіе о преступленіи, отдѣльные виды карательныхъ мѣръ и вся особая часть очень недостаточно. Такіе же важные вопросы, какъ внѣшняя исторія Литовскаго статута и его изданій и связь его съ послѣдующимъ законодательствомъ литовскимъ и московскимъ оставлены нашими авторами вовсе безъ обработки. Между тѣмъ, насколько это можно видѣть изъ работъ проф. Бершадскаго („О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ" Спб.

1892 г.—„Литовскій статутъ и польскія конституціи“. Спб. 1893 г.), вопросъ о внѣшней исторіи статута и его изданій очень интересенъ и запутанъ, профессоръ же Бершадскій по самому существу своихъ изслѣдованій могъ коснуться его лишь мимоходомъ. Гг. Максимейко и Демченко пользовались всѣми тремя редакціями Литовскаго статута по ихъ тексту, помѣщенному во „Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ“ (кн. 18, 19 и 23). Вѣроятно, пользуется этимъ же текстомъ и г. Малиновскій, хотя онъ нигдѣ въ своей книгѣ объ этомъ не обмолвился ни однимъ словомъ. И всѣ трое авторовъ не могли сдѣлать болѣе удачнаго выбора, такъ какъ московскія изданія всѣхъ трехъ статутовъ и наиболѣе исправны и наиболѣе доступны для пользованія. Затѣмъ подробное указаніе на уголовные законы Литовскаго статута мы находимъ лишь у г. Малиновскаго (стр. XV—L), но вторая изъ помѣщенныхъ здѣсь таблицъ очень неясна и сбивчива, первая же нуждалась бы въ заголовкахъ къ артикуламъ и раздѣламъ статута (и даже въ выпискѣ всѣхъ уголовныхъ законовъ статута полностью, по крайней мѣрѣ по нашему мнѣнію, такъ какъ „Временника“, кажется, уже нѣтъ въ продажѣ, а самое изложеніе несомнѣнно выиграло бы, еслибы читатели постоянно предъ глазами имѣли сводный текстъ уголовныхъ законовъ Литовскаго статута, не прибѣгая для справокъ къ другимъ книгамъ). Интересно бы было прослѣдить и отношеніе Литовскаго статута къ сеймовымъ послѣстатутовымъ конституціямъ, изъ которыхъ многія несомнѣнно дѣйствовали въ Литвѣ, какъ это признаетъ самъ проф. Бершадскій („О изслѣдованіи“, стр. 19—21), и къ уложенію царя Алексѣя Михайловича, такъ какъ проф. Владимірскій-Будановъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ IV т. Сб. гос. зн., доказалъ, что цѣлыхъ семь главъ уложенія (II—V, VII, IX и XXII) составляютъ цѣликомъ или буквальный переводъ, или точный перефразъ статута. Но всего этого наши авторы вовсе не касаются, если не считать стр. 89—99 труда г. Максимейко, посвященныхъ конституціямъ лишь XVI в. и лишь до 1589 г., гдѣ относительно силы дѣйствія сеймовыхъ конституцій въ Литвѣ онъ склоняется на сторону профессоровъ Леонтовича и Бершадскаго, подкрѣпляя ихъ мнѣніе новыми архивными данными. О частныхъ же повтореніяхъ, пропускахъ и противорѣчіяхъ нашихъ авторовъ уже не говоримъ. Они неизбѣжны, разъ отдѣльныя лица дѣлаютъ общую работу безъ общей редакціи. Но отъ массы опечатокъ, встрѣчающихся у нихъ, причемъ многія изъ нихъ даже не оговорены въ концѣ

ихъ книгъ, слѣдовало бы избавить читателя. Много вредитъ ихъ трудамъ и незнакомство ихъ съ Литовскою метрикою, хранящеюся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, хотя, должно сознаться, пользованіе послѣдней въ настоящее время и сопряжено для лицъ, интересующихся ею, съ массой непріятностей и препонъ всякаго рода, какъ это извѣдали на личномъ опытѣ пишущій эти строки и другія лица.

Переходимъ теперь къ детальному разбору труда г. *Максимейко*. Принципы имъ для своей работы избраны очень вѣрные. „Изслѣдованіе источниковъ какого-либо законодательнаго памятника имѣетъ въ виду разложить его на составные первичные элементы, изъ которыхъ онъ образовался, и прослѣдить тотъ процессъ, путемъ котораго они сложились въ одно органическое цѣлое“, говоритъ авторъ на стр. I. Онъ же на стр. 7 указываетъ, что вопросъ о заимствованіяхъ можетъ рѣшаться лишь на основаніи сходства формы памятниковъ, а не сходства ихъ содержанія, которое можетъ быть приписано однородности обычнаго права. И со всѣмъ этимъ нельзя не согласиться. Также правильно и мнѣніе г. Максимейко (на стр. 33), что при изслѣдованіи источниковъ надо пользоваться не только методомъ сходствъ, но и методомъ различій. Только къ сожалѣнію многословіе, сбивчивость системы, повторенія, экскурсы въ область преступленія и наказанія, сами по себѣ очень цѣнные, но здѣсь неумѣстные, очень утомляютъ при чтеніи труда г. Максимейко. Далѣе, въ противоположность Бандтке онъ во многихъ мѣстахъ подчеркиваетъ, что Литовскій Статутъ есть памятникъ національный, содержащій въ себѣ чисто русское право, и это совершенно вѣрно. Но, доказывая этотъ тезисъ, надо было прежде всего опредѣлить составъ редакціонныхъ коммиссій и вліяніе этого состава на содержаніе статута, г. же Максимейко касается этого вопроса лишь мимоходомъ (на стр. 28—30) и изъ его изложенія вовсе не видно, чтобы редакторы статута могли и хотѣли кодифицировать именно русское право. Между тѣмъ рѣшеніе этого вопроса надо было поставить во главѣ изслѣдованія. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что оно было бы положительнымъ, и сожалѣемъ, не находя его у нашего автора. (См. также у г. Демченко стр. 155). Далѣе, въ противорѣчіе самому себѣ г. Максимейко даетъ слишкомъ большое значеніе польскому праву въ системѣ Литовскаго статута, — и вполнѣ неосновательно. Въ самомъ дѣлѣ, на стр. 13—26 онъ доказываетъ, что польское право, если и имѣло обязательную силу дѣйствія на территоріи литовскаго государства, то только въ

тѣхъ частяхъ его, которыя или были присоединены къ польскому королевству, или же значительно ополячены. Если же въ неополяченную Литву законодательнымъ путемъ до изданія статута и проникали нормы польскаго права, то эти нормы касались главнымъ образомъ государственнаго права, а не уголовнаго. Уставные же грамоты и судебникъ Казиміра почти вполнѣ свободны отъ польскаго вліянія и даже во 2-мъ статутѣ ополяченъ лишь процесcъ, а уголовное право подверглось польскому вліянію лишь въ 3-мъ статутѣ. И все это совершенно вѣрно. Но, если тутъ же г. Максимейко утверждаетъ возможность польскаго вліянія и на уголовное право 1-го и 2-го статутовъ, то вполнѣ голословно, такъ какъ (на стр. 105—111), то, что онъ считаетъ польскимъ правомъ, на дѣлѣ является большею частью русскимъ и каноническимъ и притомъ вошедшимъ въ статутъ не буквально, а въ переработанномъ и дополненномъ видѣ, такъ сказать подвергшимся руссификаціи (стр. 184). Еще страннѣе отнесеніе г. Максимейко, на стр. 111—127, разныхъ редакціонныхъ пріемовъ къ польскому вліянію. Могли они быть просто слѣдствіемъ личныхъ особенностей членовъ редакціонныхъ коммиссій, а также вліяніе римскаго и каноническаго права, и это тѣмъ вѣрнѣе, что самъ г. Максимейко принужденъ, на стр. 126, сознаться, что эти якобы польскіе пріемы всего чаще встрѣчаются въ 1-мъ статутѣ, т.-е. наименѣе ополяченномъ, а на стр. 117 онъ же говоритъ, что польскимъ въ Литовскомъ статутѣ можно считать лишь скелеты и схемы его постановленій, содержаніе же ихъ взято изъ русскаго обычнаго права. Наконецъ, на стр. 127—154 приведены г. Максимейко постановленія статута, заимствованныя изъ польскаго законодательства лишь по содержанію, хотя онъ самъ, на стр. 7, говоритъ о шаткости и ненадежности этого принципа, а на стр. 131 указываетъ, что уголовное право эпохи Литовскаго статута по развитію выше уголовнаго права эпохи Вислицкихъ статутовъ. И дѣйствительно, часть приводимыхъ имъ здѣсь заимствованій якобы изъ польскаго права касается не уголовнаго права, а судебнаго и государственнаго, часть объясняется сословными тенденціями литовскаго общества, часть взята изъ мѣстной судебной практики, часть сходствъ наконецъ здѣсь чисто случайная, какъ это признаетъ тутъ же самъ г. Максимейко. О сословныхъ же тенденціяхъ Литовскаго статута говоритъ онъ кромѣ того и на стр. 99—104 своего труда. Мало того (на стр. 127—154) онъ самъ часто сознается, что многое, считаемое имъ польскимъ, на дѣлѣ является русскимъ и само-

стоятельнымъ. Наконецъ страницы 154—155 окончательно разрушаютъ всѣ доводы г. Максимейко въ пользу польскаго вліянія на литовское право. Объясняется это незнакомствомъ автора съ Литовскою метрикой, на которое мы уже указывали. Ознакомленіе съ Литовскою метрикою могло бы показать автору, что „основанія многихъ институтовъ, которыя онъ видитъ въ польскомъ правѣ, оказались бы нормами обычнаго земскаго права Литвы, а причина сходства оказалась бы та же, которая привела нѣкогда Раковецкаго къ извѣстнымъ фантастическимъ предположеніямъ объ источникахъ „Русской Правды". (Бершадскій). Идемъ далѣе. На стр. 156—180 г. Максимейко говоритъ о вліяніи на Литовскій статутъ римскаго и каноническаго права, проникавшаго въ Литву не только путемъ нѣмецкихъ поляковъ, какъ это думаетъ проф. Даниловичъ, но и прямо, а также и путемъ ученыхъ трактатовъ юристовъ (стр. 158—160). Наиболѣе же сильно оно проявилось въ 3-мъ статутѣ, на которомъ наиболѣе сказалось и вліяніе польскаго права. Затѣмъ, хотя г. Максимейко считаетъ, что и нормы римскаго права были руссифицированы въ Литовскомъ статутѣ, однако вѣроятность этихъ заимствованій, по нашему мнѣнію, бо́льшая, чѣмъ заимствованій изъ польскаго права. Но не можемъ не отмѣтить и того, что г. Максимейко считаетъ здѣсь заимствованнымъ изъ римскаго права многое (напр., общія понятія уголовнаго права и постановленія о политическихъ преступленіяхъ и parricidium), что̀ раньше онъ считалъ заимствованнымъ изъ польскаго права—новое доказательство несовершенства его пріемовъ. Сословные же предразсудки, о которыхъ онъ говоритъ на стр. 27—28, тутъ ровно ни при чемъ, такъ какъ здѣсь дѣло идетъ собственно не о нѣмецкомъ правѣ, а о римскомъ, подъ обаяніемъ котораго, конечно, находились и шляхтичи (см. стр. 156—158). Въ концѣ концовъ, если и были иноземныя вліянія, то лишь слабыя и главнымъ образомъ въ 3-мъ статутѣ. Вообще Литовскій статутъ есть вполнѣ русскій источникъ права. Но такова же и основная тенденція самого г. Максимейко въ его трудѣ, и намъ совершенно непонятно, зачѣмъ онъ самъ подрываетъ ее въ указанныхъ нами мѣстахъ своего труда и притомъ крайне неудачно, какъ мы уже видѣли. Разсмотримъ теперь туземные источники Литовскаго статута. Таковыми являются: 1) Русская Правда и древніе юридическіе обычаи, основанные на ней, которые редакція могла получить путемъ опроса воеводъ и судовъ, по удачной догадкѣ г. Максимейко (стр. 6); 2) множество отдѣльныхъ законодательныхъ литовскихъ актовъ съ общимъ или мѣстнымъ значеніемъ; 3)

судебникъ Казиміра; 4) судебныя постановленія. Но и 2-ой и 3-ій и 4-ый источники въ сущности только далѣе развиваютъ начала Русской Правды и основаннаго на ней обычнаго права. Такимъ образомъ Литовскій Статутъ есть сводъ всего древнерусскаго обычнаго права, а не однѣхъ уставныхъ грамотъ и судебника Казиміра, какъ это думаетъ г. Максимейко на стр. 68. Но чѣмъ же мы объяснимъ такую живучесть началъ Русской Правды въ Литвѣ, когда въ Москвѣ они такъ скоро заглохли? Г. Максимейко объясняетъ ее отсутствіемъ завоеванія Литвой Руси и превосходствомъ русской культуры надъ литовской; Бѣляевъ— необходимостью для русскихъ охранять свою національность и нравственную самостоятельность въ Литвѣ. Но все это побочныя причины. Главную находимъ у г. Демченко. Именно на стр. 7 онъ говоритъ: „Растеніе даетъ надлежащій плодъ только тогда, когда оно растетъ на свойственной ему почвѣ и въ свойственномъ ему климатѣ“. Затѣмъ г. Максимейко разсматриваетъ въ 1-ой главѣ общія начала заимствованій Литовскаго статута изъ туземныхъ источниковъ, во 2-ой—заимствованія изъ нихъ косвенныя (т.-е. по содержанію?), въ 3-ей—прямыя (т.-е. по формѣ?). Но: 1) очень трудно отдѣлить заимствованія по содержанію отъ заимствованій по формѣ и самъ г. Максимейко ихъ постоянно смѣшиваетъ (см. хоть стр. 72 — 83), 2) отдѣльные памятники литовскаго законодательства есть только посредствующія звенья между Русской Правдою и Литовскимъ статутомъ. Самъ же г. Максимейко говоритъ о Русской Правдѣ въ главахъ 1-ой (о заимствованіяхъ по формѣ—sic!) и 2-ой; объ уставныхъ грамотахъ—въ главахъ 2-ой и 3-ей, причемъ распредѣленіе содержанія этихъ памятниковъ между отдѣльными главами слишкомъ искусственно и натянуто. Остальные же памятники всѣ имъ отнесены къ 3-ей главѣ, хотя и изъ нихъ въ Литовскомъ статутѣ есть не мало заимствованій лишь по содержанію. Замѣтимъ также и то, что списокъ заимствованій Литовскаго статута изъ обычнаго права у г. Максимейко можно назвать лишь примѣрнымъ, а никакъ не исчерпывающимъ. Вѣдь самъ онъ, на стр. 31, считаетъ взятыми изъ обычнаго права всѣ постановленія статута о преступленіяхъ противъ правъ частныхъ лицъ. Въ виду всего этого не лучше ли и не проще ли было бы отмѣтить всѣ артикулы статута, основанные на обычномъ правѣ, и относительно каждаго привести подъ-рядъ въ исторической послѣдовательности все, касающееся его, изъ древнерусскихъ памятниковъ? Что же касается частностей труда г. Максимейко, то на стр. 5 слова „прикладомъ иншихъ правъ хрестияньскихъ“ надо было объяснить

подробнѣе. На стр. 17—25 очень интересны замѣчанія о русскихъ переводахъ польскихъ статутовъ, хотя они прямо къ дѣлу и не относятся. На стр. 31—32 интересны аналогичные случаи преслѣдованія частныхъ преступленій самимъ обществомъ въ Литвѣ и Москвѣ. На стр. 69 нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ г. Максимейко, что начало индивидуальной отвѣтственности за преступленія въ литовскомъ правѣ реализуется вмѣстѣ съ переходомъ потока въ опредѣленно обозначенные виды наказаній (см. у Демченко гл. III). На стр. 70—72 зато онъ очень удачно отмѣчаетъ вліяніе на постановленія статута его общаго и постояннаго характера и новыхъ общественныхъ отношеній. Но когда, на стр. 77—78, г. Максимейко пытается опровергнуть мнѣніе проф. Бершадскаго и Леонтовича на счетъ первенствующей роли обычая,—какъ субсидіарнаго источника права,— и въ 3-мъ статутѣ, то это ему не удается. Нельзя согласиться и съ мнѣніемъ г. Максимейко о правомѣрности (sic!) народной расправы съ политическими преступниками (стр. 87). Затѣмъ не можемъ не отмѣтить, на стр. 94, весьма удачную догадку г. Максимейко насчетъ того, что конституціи 1578 г. были переведены на русскій языкъ, какъ матеріалъ для проекта Литовскаго трибунала. На стр. же 166 у него очень неловкое выраженіе „измѣна прокуратора“ вмѣсто „недобросовѣстной дѣятельности прокуратора“. Наконецъ ссылку на архивный матеріалъ мы нашли у г. Максимейко всего одну (стр. 91 — 92), да и тутъ онъ пользуется, какъ самъ говоритъ, лишь изысканіями г. Ясинскаго. Изъ печатныхъ же источниковъ кромѣ литовскихъ памятниковъ права, онъ въ своей книгѣ пользуется и московскими, польскими и нѣмецкими, а пособіями ему служили сочиненія гг. Владимірскаго-Буданова, Леонтовича, Антоновича, Ясинскаго, Даниловича, Чарнецкаго, Гельцеля, Кистяковскаго, Бершадскаго, Бандтке и Дунина. Такимъ образомъ ученый аппаратъ его труда довольно удовлетворителенъ.

Переходя теперь къ труду г. *Малиновскаго*, прежде всего замѣтимъ, что онъ и по замыслу и по исполненію стоитъ гораздо ниже труда г. Максимейко. Самая отправная точка его невѣрна. Именно на стр. XIII онъ ставитъ цѣлью своей (исторической!) работы—въ казуистичности, сложности и многословіи Литовскаго статута подмѣтить общія начала и представить ихъ въ строгой системѣ (и только!). Но такого рода работа будетъ не исторической и даже не теоретической, а лишь догматической. И дѣйствительно работа г. Малиновскаго есть ничто иное, какъ только пересказъ содержанія трехъ редакцій Литовскаго статута безъ

всякаго научнаго освѣщенія и довольно неуклюжій и даже безсистемный, какъ увидимъ ниже. Самый языкъ тягучъ, многословенъ, неопредѣлененъ и съ частыми повтореніями, недомолвками и обмолвками. Сравнительный элементъ совсѣмъ отсутствуетъ, историческій же и теоретическій такъ слабо представлены въ книгѣ г. Малиновскаго, что слѣды ихъ отыскиваются съ большимъ трудомъ. Архивнымъ матеріаломъ онъ совсѣмъ не пользуется, печатнымъ очень мало. На московское право, кажется, у него лишь одна ссылка (стр. 5). Къ конституціямъ по принципу онъ относится очень враждебно (стр. 1—2). Ссылокъ на литературу предмета у него всего шесть (двѣ на Таганцева и по одной на Антоновича, Горбачевскаго, Бобровскаго и Тальберга). Не выяснены и общіе принципы. Именно въ Русской Правдѣ были слиты частныя и публичныя начала права. Въ Москвѣ получаютъ перевѣсъ вторыя надъ первыми, въ Литвѣ первыя надъ вторыми, благодаря особенностямъ строя каждаго государства. Отсюда частноправный взглядъ на преступленіе Литовскаго статута, сословная окраска его постановленій и чрезмѣрное развитіе въ немъ защиты правъ шляхетскаго сословія и частныхъ штрафовъ, причемъ все это достигаетъ своего апогея въ 3-мъ Статутѣ. Но г. Малиновскій выясненію этихъ принциповъ не посвящаетъ особой главы въ своемъ трудѣ и, хотя и наталкивается на нихъ на каждомъ шагу, но проходитъ мимо, вполнѣ равнодушно и безучастно, не дѣлая никакихъ попытокъ къ ихъ обобщенію, и только на стр. 64 подчеркиваетъ безсиліе власти въ Литвѣ. Приведемъ примѣры и частныхъ недомолвокъ и обмолвокъ г. Малиновскаго, отнюдь не претендуя на полноту и законченность нашего списка ихъ, и вовсе не касаясь по недостатку мѣста промаховъ г. Малиновскаго по теоріи права, хотя и послѣднихъ у него не мало. Начнемъ этотъ нашъ обзоръ съ того, что техническая сторона уголовныхъ законовъ Литовскаго статута у г. Малиновскаго страннымъ образомъ попала въ приложеніе (стр. III—XIV), гдѣ и разработана имъ крайне кратко и неудовлетворительно. Примѣчаніе же его на стр. III подрываетъ въ конецъ его выводы объ органахъ законодательной власти въ Литвѣ, не говоря уже о странности противоположенія здѣсь права исторіи. Затѣмъ на стр. 1—51 г. Малиновскій разсматриваетъ общее ученіе Литовскаго статута о преступленіи. Но на стр. 22 то, что онъ считаетъ состояніемъ аффекта, на дѣлѣ является выраженіемъ крайне злой и преступной воли. Относительно же необходимой обороны (стр. 23—26) надо было подчеркнуть, что по Литовскому статуту это не столько актъ

самообороны, сколько актъ заслуженнаго возмездія. Моментъ дѣйствительности опасности надо было здѣсь раздробить на два: моментъ опасности и моментъ существованія ея. Надо было также сказать, что права могутъ быть защищаемы лишь дѣйствительныя, а не мнимыя.—Переходимъ къ особой части (стр. 52—171), гдѣ самая классификація преступныхъ дѣяній уже возбуждаетъ недоумѣніе. Именно Литовскій Статутъ даетъ не ее самое, какъ это думаетъ г. Малиновскій, а только попытку ея и довольно неудачную. Всѣхъ же видовъ преступленія въ литовскомъ статутѣ, по мнѣнію г. Малиновскаго, 18, причемъ 9 изъ нихъ онъ объединяетъ въ 3 группы, а 9 оставляетъ безъ всякаго объединенія. Но безъ такой дробной классификаціи вполнѣ и должно и можно было обойтись. Именно Литовскій Статутъ предусматриваетъ преступленія: I. Противъ вѣры; II. Государственныя: 1) политическія, 2) финансовыя, 3) полицейскія, 4) противъ порядка управленія и суда; III. противъ отдѣльныхъ лицъ: 1) противъ личности, 2) противъ имущества, 3) противъ личности и имущества; IV. Противъ правъ: 1) семейныхъ, 2) нравственности. Значитъ 4 отдѣла и 10 подъотдѣловъ. Въ частности же о „чародѣйствѣ", „трутизнѣ", и „пожогѣ" г. Малиновскій говоритъ лишь вскользь на стр. 5. Но, разъ Литовскій Статутъ упоминаетъ о нихъ, надо было бы и ихъ разсмотрѣть подробно, а также выяснить, какъ наказывались эти преступленія въ Литвѣ, если не по закону, то по обычаю. Кражу же, присвоеніе чужого имущества, незаконное пользованіе имъ и поврежденіе его Литовскій Статутъ еще смѣшиваетъ, а потому и изъ попытокъ г. Малиновскаго отдѣлить послѣднія преступленія отъ кражи (стр. 157—163) ничего не получается, кромѣ крайней сбивчивости и неясности изложенія. Затѣмъ на стр. 60 надо было пояснить, что мужъ могъ убить обольстителя жены на мѣстѣ преступленія, еслибы онъ „не далъ ся поймати". На стр. 62—66 недостаточно выяснено понятіе земской измѣны. На стр. 64 г. Малиновскій относитъ явную поддѣлку монеты къ политическимъ преступленіямъ, тайную къ преступленіямъ противъ монетной регаліи, на дѣлѣ же по Литовскому Статуту ко вторымъ относится поддѣлка ея, къ первымъ самовольная чеканка ея. На стр. 65 надо было сказать, что сыновья измѣнника во всякомъ случаѣ лишались не только наслѣдственныхъ правъ, но и чести. Ложный доносъ совершенно напрасно разбитъ между стр. 66 и 91. Говоря здѣсь о „статутовыхъ поправахъ", надо было сказать, что онѣ относятся къ 1578 г. На стр. 72 идетъ рѣчь не о государственной недвижимости, а

о великокняжеской, причемъ виновный былъ обязанъ возвратить взятое въ двойномъ размѣрѣ (изъ своей вотчины) и кромѣ того конфисковалось его выслуженное имѣніе. Относительно постановленій Литовскаго статута о заручныхъ листахъ (стр. 76—77) надо было сказать, что относятся они къ однимъ шляхтичамъ. На стр. же 104—106 надо было указать попутно всѣ случаи заклада и время, въ теченіе котораго онъ сохраняетъ свою силу. Затѣмъ на стр. 112—123 г. Малиновскимъ не отмѣчено убійство путешественника, человѣка безроднаго и шляхтянки (см. впрочемъ стр. 119 и 127). Къ обстоятельствамъ, квалифицирующимъ наказаніе за убійство, надо было отнести и поличное въ смыслѣ поимки преступника на мѣстѣ преступленія и дурную репутацію его. Надо было отмѣтить и то, что теоретически убійство „въ звадѣ" и „пригодою" различаются уже въ 1-мъ и 2-мъ статутахъ. Относительно parricidium надо было отмѣтить, что въ 1-мъ статутѣ понятіе его не выходитъ еще изъ сферы отношеній между родителями и дѣтьми, но во 2-мъ и 3-мъ статутахъ оно кромѣ того распространяется еще на союзъ супружескій и родовой и на отношенія служебной зависимости слуги отъ пана. На стр. 124 надо было особо поставить нанесеніе ранъ и побоевъ позорящими орудіями. На стр. 127 надо было отмѣтить, что I/VII,9, II/XI,13, и III/XI,27 артикулы Статута имѣютъ въ виду однихъ шляхтичей, а послѣдній кромѣ того и православное духовенство. На стр. 133—134 надо было сказать, что Литовскій Статутъ говоритъ лишь о находѣ на шляхетское имѣніе только потому, что въ его время одна шляхта могла владѣть земскими имѣніями. На стр. 134—135 надо было рѣзче подчеркнуть значеніе для понятія разбоя признаковъ предумышленности и поличнаго и объединить слова „лупъ" и „на дорозе" въ одномъ понятіи корыстной цѣли. На стр. 138 несовсѣмъ ясно у г. Малиновскаго различіе грабежа правнаго и безправнаго. На дѣлѣ первый есть имущественное взысканіе по опредѣленію судебной или административной власти; понятіе же второго опредѣляется относительно должностного лица отсутствіемъ закона, или обычая, относительно частнаго—отсутствіемъ судебнаго приговора. На стр. 139 надо было сказать, что объектомъ грабежа чаще всего являются домашнія животныя. На стр. 147 надо было опредѣлить поличное, какъ поимку преступника на мѣстѣ преступленія и выемку украденнаго изъ-подъ замка. Надо было сказать здѣсь и о кражѣ во время пожара и потопленія. На стр. 163 не сказано, что артикулъ Статута, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, имѣетъ въ виду не только уничтоже-

ніе, но и порчу пограничныхъ знаковъ. Постановленій же Статута о „листахъ господарскихъ заповедныхъ“, если мы не ошибаемся, г. Малиновскій въ своей книгѣ нигдѣ не касается.

Но довольно о г. Малиновскомъ. Поговоримъ теперь и о трудѣ г. *Демченко.* Хотя послѣдній и разсматриваетъ лишь общее ученіе Литовскаго Статута о наказаніи, однако стоитъ настолько неизмѣримо выше трудовъ не только г. Малиновскаго, но даже и г. Максимейко, что мы просто удивляемся, какъ могъ студентъ провинціальнаго университета въ такой короткій срокъ написать такую хорошую книгу. Авторъ воспользовался не только почти всѣми печатными источниками права, относящимися къ его задачѣ, но много и самъ поработалъ въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Литературой онъ пользуется не только русской (и притомъ въ поражающемъ количествѣ—мы насчитали 34 криминалиста и историка, на которыхъ онъ дѣлаетъ ссылки!), но и польской (Мацѣйовскій, Дзялынскій, Губе, Ярошевичъ, Гельцель, Бобржинскій, Чарнецкій), нѣмецкой (Шредеръ, Ірингъ, Листъ, Гюнтеръ, Баронъ, Вильда, Ленингъ, Сокольскій) и французской (Loisileur, Du—Boys, Garraud). Элементы теоретическій и сравнительный введены въ книгу г. Демченко въ такомъ изобиліи, что даже отчасти подавляютъ элементы историческій и догматическій. Методологическіе пріемы г. Демченко тоже не оставляютъ желать ничего лучшаго. Хорошъ и языкъ книги, хотя иногда онъ и черезчуръ многословенъ. Что же касается содержанія ея, то авторъ въ введеніи говоритъ о литературѣ предмета, источникахъ и основныхъ понятіяхъ уголовнаго права Литовскаго статута, въ 1-ой главѣ онъ разсматриваетъ понятіе наказанія и объемъ и границы карательной дѣятельности, во 2-ой—субъектъ, въ 3-ей—объектъ, въ 4-ой—содержаніе и условія карательной дѣятельности и въ 5-ой—приложеніе наказанія къ преступному дѣянію, причемъ часто система его является, хотя и научной, но слишкомъ дробной и искусственной для эпохи Литовскаго статута. Также къ сожалѣнію предвзятость мнѣній немного повредила труду г. Демченко. Именно, увлекшись картиною общаго поступательнаго движенія уголовнаго права у другихъ народовъ и не принявъ во вниманіе особенностей строя Литовскаго государства, г. Демченко вмѣсто того, чтобъ отмѣтить преобладаніе и усиленіе частноправнаго элемента въ уголовномъ правѣ Литовскаго статута, наоборотъ, уже въ введеніи подчеркиваетъ и въ нёмъ постепенное развитіе публичноправнаго элемента, хотя на стр. 18—19 и принужденъ сознаться, что такое развитіе въ ста-

тутѣ было болѣе теоретическимъ, на дѣлѣ же и къ концу XVI вѣка въ уголовномъ Литовскомъ правѣ продолжалъ преобладать частноправный взглядъ. На стр. же 31 онъ такъ даже прямо говоритъ, что и въ Литовскомъ статутѣ господствуетъ система композицій и что въ немъ почти во всѣхъ частныхъ (и даже нѣкоторыхъ публичныхъ — см. стр. 177) преступленіяхъ (т. е. въ наиболѣе обширной группѣ преступленій) наказаніе преслѣдуетъ главнымъ образомъ цѣли частнаго удовлетворенія потерпѣвшаго. Отсюда нѣкоторыя неясности и натяжки и въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Демченко. Именно, на стр. 41 онъ говоритъ рядомъ и о публичности наказанія въ Литовскомъ статутѣ и о регрессѣ права въ Литвѣ съ XVI в., благодаря развитію шляхетской анархіи въ ней. На стр. 48 у него стоятъ рядомъ опять эта шляхетская анархія и разрушеніе системы композицій въ Литовскомъ статутѣ, на стр. 53—послѣднее и сліяніе въ Литовскомъ статутѣ „шкодъ" и „караній", а также преобладаніе въ немъ частноправнаго взгляда на наказаніе—все противорѣчащія другъ другу понятія. На стр. же 42 г. Демченко прямо признаетъ въ наказаніяхъ Литовскаго статута господство договорнаго начала. Стр. 201—208 тоже подтверждаютъ наши взгляды, а не взгляды г. Демченко, не говоря уже о бездоказательности его утвержденія о безсословности наказаній въ Литвѣ XVI в. (sic!—стр. 204). Характерно и смѣшеніе статутомъ уголовныхъ штрафовъ и неустойки въ одномъ понятіи вины (стр. 97). Далѣе, нельзя не отмѣтить и признаніе г. Демченко вліянія на Литовское уголовное право христіанской религіи, древнеклассической литературы и средневѣковой философіи болѣе теоретическимъ, чѣмъ практическимъ (стр. 161—162). Признаетъ онъ и смѣшеніе въ Литовскомъ статутѣ уголовныхъ воззрѣній разныхъ эпохъ (стр. 28—32 и 169) и спутанность понятій философіи права (sic!) Литовскаго статута (стр. 169—170). Относительно же задачъ карательной дѣятельности опять замѣчаемъ у г. Демченко неясность и раздвоеніе. На стр. 170 у него господствуютъ въ Литовскомъ статутѣ цѣли публичнаго возмездія и устрашенія, и на стр. 171 это господство даже въ 3-мъ статутѣ онъ признаетъ неполнымъ и несовершеннымъ, не говоря уже о 1-мъ и 2-мъ статутахъ. Отнюдь мы не можемъ присоединиться и къ тому, что г. Демченко на стр. 196 говоритъ объ индивидуальности и справедливости литовскихъ наказаній. Затѣмъ во 2-ой главѣ (стр. 99—120) г. Демченко говоритъ о господствѣ въ уголовномъ правѣ Литовскаго статута идеи государственнаго верховенства, но если оно и было, то больше теоретическимъ (см. также стр.

135). Говоритъ же самъ г. Демченко въ этой главѣ и о безсиліи власти въ Литвѣ и объ ограниченіи государственнаго верховенства въ ней на дѣлѣ властью обычая, потерпѣвшихъ (см. также стр. 258—266), вотчинниковъ и городовъ. Точно также и въ главѣ 3-ей (стр. 121—152) г. Демченко считаетъ объектомъ карательнаго права въ Литвѣ лишь преступника и тутъ же признаетъ отвѣтственность третьихъ лицъ и животныхъ, а на стр. 270 говоритъ о безнаказанности въ Литвѣ могучихъ пановъ, хотя бы они и совершили самыя тяжкія преступленія (см. также стр. 169). Находимъ примѣры понятнаго движенія литовскаго права у г. Демченки и на стр. 115, 116, 150, 152, 238, 268 и 272. Затѣмъ относительно стр. 226—227 намъ любезно сообщено профессоромъ Бершадскимъ слѣдующее: „У г. Демченки я встрѣтилъ маленькій курьезъ. Незнакомый съ моимъ малораспространеннымъ сборникомъ „Документы къ исторіи литовскихъ евреевъ, Спб., 1882 г., 2 тома „онъ печатаетъ обнародованный у меня документъ относительно обвиненія шляхтича тремя разбойниками по соучастію въ убійствѣ и грабежѣ и затѣмъ останавливается надъ вопросомъ, какъ взглянулъ на это дѣло король. Но еслибы онъ зналъ мой сборникъ, то, конечно, нашелъ бы въ немъ и отвѣтъ на свой вопросъ. Тамъ находится рѣшеніе короля какъ разъ по этому дѣлу“.—Не касается также, къ сожалѣнію, большею частью вовсе въ своемъ трудѣ г. Демченко и вліянія сеймовой дѣятельности на постановленія статута. Не затрогивается имъ почти и вопросъ объ отношеніи практики къ закону въ Литвѣ. Хотя въ противоположность г. Малиновскому онъ и не игнорируетъ совсѣмъ въ своей книгѣ судебной литовской дѣятельности, но общія начала ея выясняетъ далеко не съ такою подробностью и обстоятельностью, какъ этого заслуживаетъ этотъ предметъ (стр. 270—273).—Изъ цѣнныхъ же наблюденій г. Демченки отмѣтимъ, на стр. 250 то, что вопреки установившемуся мнѣнію, онъ считаетъ извѣстными уже Литовскому статуту и давность преступленія и давность наказанія. На стр. 128 онъ считаетъ институтъ заступничества оригинальнымъ литовскимъ явленіемъ. Цѣнны и замѣчанія его на стр. 106—107 о понятіи преступленія въ литовскомъ правѣ. На стр. же 242 г. Демченко поправляетъ профессора Леонтовича въ толкованіи нѣкоторыхъ терминовъ литовскаго права.

Сергѣй Шумаковъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ОКОНЧАНІЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАГО СЛѢДСТВІЯ.

(Глава изъ ненапечатанной работы).

Маколей въ своей „Исторіи“ между прочимъ высказалъ слѣдующее положеніе: „совершенный законодатель долженъ представлять истинную середину между человѣкомъ чистой теоріи, который ничего не видитъ кромѣ общихъ принциповъ, и человѣкомъ чистой практики, который не въ состояніи видѣть что-либо кромѣ частностей“... Этотъ отрывокъ приходитъ мнѣ на память всякій разъ, когда приходится читать или слышать огульное осужденіе „судебныхъ уставовъ 1864 года“ и категорическое требованіе *полной отмѣны* ихъ и созданія новаго кодекса. Ужъ очень многое тутъ упускается изъ виду и однимъ „судебнымъ уставамъ“ въ вину ставится все, что скорѣе и ближе должно въ дѣйствительности быть отнесено на счетъ — или другихъ современныхъ „уставамъ“ реформъ, или порядка примѣненія ихъ въ жизни, или свойства дѣятелей второго, такъ сказать, призыва [1]).

Главнымъ же образомъ забывается авторами коренной ломки дѣйствующихъ судебныхъ уставовъ то обстоятельство, что ни одна изъ реформъ великой преобразовательной эпохи не получила тогда полнаго и *законченнаго* осуществленія, въ послѣдующіе же годы вмѣсто довершенія и прочнаго устойчиваго развитія новаго строя начались отступленія вспять, компромиссы. Отсюда собственно, а не отъ внутренней несостоятельности новыхъ кодексовъ, и происходило то, что нѐ успѣвала страна вглядѣться въ новые порядки, какъ слѣдовали уже въ нихъ вне-

---

[1]) Н. Г. Принтцъ. Случайности, вліявшія на судебное преобразованіе 1864 года. Журн. М. Ю. 1894. № 2.

запныя отмѣны и поправки, которыя своею безсистемностью и случайностью своего появленія вызывали среди населенія опаску, недоумѣнія, неувѣренность. Сила закона въ глазахъ страны не могла не колебаться, престижъ исполнительной власти при неустойчивости законодательной не могъ не умалиться...

Судебные уставы 1864 года, какъ извѣстно, ни на одну минуту не были введены въ своемъ цѣломъ составѣ въ дѣйствіе, ибо ранѣе, чѣмъ представилась возможность примѣнить ихъ на дѣлѣ, рѣшено было допустить въ нихъ уже легкія видоизмѣненія, дальше же поправки и уступки ихъ цѣлостности становились чаще и шероховатѣе. Какъ же въ такомъ случаѣ въ наши дни трактовать о полной непригодности въ практическомъ отношеніи судебныхъ уставовъ 1864 г., если на опытѣ кодексъ 1864 г. въ чистомъ видѣ и не былъ испробованъ никогда? И не послѣдовательнѣе ли было бы вмѣсто радикальной ломки обсудить лишь вопросъ объ уступкахъ и поправкахъ, нарушившихъ стройность и цѣлостность уставовъ, и воззвать къ очищенію кодекса отъ чуждыхъ наростовъ, къ возвращенію ему по возможности его *первичной* чистоты и силы?

Отдѣлъ судебныхъ уставовъ о предварительномъ слѣдствіи вызывалъ и продолжаетъ вызывать наиболѣе вѣскія и справедливыя нареканія и теоретиковъ, и практиковъ; но именно этотъ-то отдѣлъ никогда и не былъ въ первобытномъ видѣ испробованъ на дѣлѣ [2]), такъ какъ еще въ Государственномъ Совѣтѣ претерпѣлъ существенныя измѣненія, внесшія значительный диссонансъ въ уставъ уголовнаго судопроизводства (напр., усиленіе инквизиціоннаго начала, устраненіе защиты, умаленіе *судейскихъ* функцій слѣдователя и т. д.).

По крайнему моему разумѣнію (основанному помимо разныхъ чисто теоретическихъ соображеній еще и на личномъ многолѣтнемъ слѣдовательскомъ опытѣ въ разныхъ районахъ Россіи), судебные уставы 1864 г. даже въ отдѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи нуждаются не въ коренномъ *новомъ* видоизмѣненіи, а единственно въ тщательномъ пересмотрѣ съ цѣлью возстановить первичный текстъ и согласовать съ нимъ всякія позднѣйшія наслоенія и вставки, сдѣланныя какъ въ законодательномъ порядкѣ, такъ въ особенности путемъ министерскихъ и иныхъ циркуляровъ и внушеній. При этомъ по вопросу о возможности введенія у насъ на предварительномъ слѣдствіи состязательнаго

---

[2]) Проф. В. П. Даневскій. Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. 1895.

порядка въ *чистомъ* видѣ я должень высказаться согласно съ тѣми, кто рѣшеніе этого вопроса откладываетъ въ долгій ящикъ [3]). Мнѣ кажется, что ранѣе коренной реформы цензурныхъ порядковъ и нарожденія *истинныхъ* органовъ общественнаго мнѣнія полное примѣненіе судебными слѣдователями состязательнаго начала немыслимо вообще, да при нашей чуть не поголовной безграмотности и неразвитости въ массахъ чувства гражданскаго долга и не принесетъ желательныхъ результатовъ. Обвинительное начало вчинанія и веденія предварительнаго слѣдствія мыслимо и приноситъ плоды лишь тамъ, гдѣ въ условіяхъ *общественности* и свободной гласности находится противовѣсъ единичной лживости или подпольнымъ уловкамъ, при отсутствіи же такой гарантіи борьба выйдетъ слишкомъ неравной и результатъ ея иногда опаснымъ, особенно при нашихъ разстояніяхъ и малонаселенности.

Въ промахахъ судебныхъ слѣдователей, въ безрезультатности доброй половины нашихъ предварительныхъ слѣдствій виноватъ не столько уставъ уголовнаго судопроизводства (даже современной *пестрой* редакціи!), сколько съ одной стороны неприспособленность прочихъ законоположеній и институтовъ (судебная медицина, полиція, сыскное дѣло, химико-микроскопическая экспертиза и т. п.), благодаря чему въ предварительномъ слѣдствіи теперь *голова* и *воля* остаются какъ бы *безъ рукъ* и *инструментовъ*, а съ другой—создавшаяся постепенно (вопреки смыслу закона) неопредѣленность въ отношеніяхъ судебнаго слѣдователя и прокуратуры [4]) между собою и къ роли ихъ на слѣдствіи, благодаря чему въ большинствѣ случаевъ современный слѣдователь *отвыкъ чувствовать* себя полнымъ и единственнымъ, такъ сказать, *хозяиномъ* своего дѣла хотя не перестаетъ на дѣлѣ пребывать *единственнымъ работникомъ*.

Такъ какъ въ живомъ (не кабинетномъ) дѣлѣ безрукому постоянно съ успѣхомъ работать не удается и не можетъ удаваться (особенно, если къ тому же онъ не чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ и можетъ соблазняться перспективою возможности сложить иниціативу и отвѣтственность на другого), то, невольно думается мнѣ, *прежде* существенной реорганизаціи предварительнаго слѣдствія цѣлесообразнѣе было бы въ корнѣ преобразовать и надлежаще оборудовать тѣ исполнительные и

---

[3]) Напр. П. Я. Александровъ. Желательныя и возможныя улучшенія въ положеніи обвиняемаго на предварительномъ слѣдствіи. Юридич. Лѣтопись, 1892, № 3, стр, 205.

[4]) Предсказанная Миттермайеромъ. Журн. Мин. Юст. 1864, № 10, стр. 18.

совѣщательные органы, при отсутствіи или несоотвѣтствіи которыхъ слѣдователь, какъ его ни повернуть, не перестанетъ оставаться въ значительной степени именно безрукимъ.

Оговорившись такимъ образомъ относительно *основныхъ* средствъ поднять успѣшность и правильность слѣдствія и о желательности сохранить всѣ положенія устава уголовнаго судопроизводства 1864 года, я попытаюсь подчеркнуть необходимость и возможность на заключительномъ слѣдственномъ моментѣ возвратить и даже развить ту струю состязательнаго принципа, которая была широко проектирована въ 1862 г. первоначально для предварительнаго слѣдствія вообще, и впослѣдствіи горячо рекомендована г. Андреевымъ (прокуроромъ Тифлисской судебной палаты) также для послѣдней стадіи предварительнаго слѣдствія [5]).

I. Послѣдній спросъ обвиняемыхъ слѣдователемъ.

I.

Пожеланія создателей судебныхъ уставовъ, чтобы въ работѣ судебнаго слѣдователя *дѣятельно* участвовали полиція, прокурорскій надзоръ, потерпѣвшія отъ преступленія лица, гражданскіе истцы, представители административныхъ вѣдомствъ...—все это въ дѣйствительности не осуществилось. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ потерпѣвшими являются у насъ, кромѣ большихъ городовъ, простые крестьяне или мѣщане, своихъ правъ не знающіе и помочь судебному слѣдователю, облегчить его работу не могущіе, къ тому же *стѣсняющіеся* обращаться къ нему съ указаніями и совѣтами, видя въ немъ одного изъ „начальниковъ“ (особенно послѣ введенія административно-судебнаго института „земскихъ *начальниковъ*“); представители и депутаты разныхъ „вѣдомствъ“ и „управленій“ почти всегда отсутствуютъ и даже не назначаются вовсе; общая полиція, благодаря обремененію ея всевозможными порученіями всякаго рода и вслѣдствіе фактической независимости ея отъ судебныхъ органовъ обыкновенно считаетъ работу въ помощь слѣдователю по уголовному производству для себя второстепенною [6]) и практикуетъ подчасъ канцелярскую отписку вмѣсто дѣйствительнаго розыска; къ жандармской же полиціи, менѣе занятой, за содѣй-

[5]) Юридич. Лѣтоп., 1892, № 4, стр. 300.

[6]) Особенно послѣ усиленія въ уѣздѣ власти и значенія предводителей дворянства, которымъ полиція по многимъ причинамъ считаетъ долгомъ преимущественно услуживать и угождать.

ствіемъ у насъ не въ обычаѣ обращаться [7]); товарищъ прокурора (о причинахъ и желательности или нежелательности сего я распространяться здѣсь не буду) процессомъ предварительнаго слѣдствія, правомъ предлагать вопросы допрашиваемымъ, правомъ контролировать полицейское дознаніе, собирающее свѣдѣнія и справки для слѣдствія — не интересуется за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ дѣлъ; онъ ограничивается обыкновенно только ознакомленіемъ себя отъ времени до времени съ тѣмъ, что слѣдователь уже записалъ, запросомъ о будущихъ его распоряженіяхъ и, болѣе или менѣе поверхностно просмотрѣвъ производство, спѣшитъ къ тому дѣлу, которое считаетъ непосредственно касающимся прокуратуры, т.-е. къ дѣлу направленія *оконченныхъ* предварительныхъ слѣдствій, изъ которыхъ многія онъ прочтетъ у себя въ кабинетѣ впервые; онъ глядитъ на себя какъ на верховодителя предварительнаго слѣдствія и тяготится быть активнымъ участникомъ работы.

Вотъ истинная обстановка для подавляющаго числа судебныхъ слѣдователей. Они въ сущности предоставлены и въ житейскомъ быту, и въ своей должностной работѣ, и въ служебныхъ своихъ отношеніяхъ—вполнѣ самимъ себѣ, своей находчивости, своей энергіи и здравому смыслу. Они разсѣяны въ большинствѣ по захолустью, значитъ лишены хорошихъ пособій для своей работы (спеціальная камера съ телефономъ, приборами фотографированія, гипсованія, микроскопіи и прочими приспособленіями), лишены возможности найти своевременно техническія указанія экспертовъ (которыхъ по близости нѣтъ), получить поддержку въ толковомъ негласномъ розыскѣ и т. д.; даже справиться съ юридическою литературою или кассаціонными рѣшеніями рѣдко удается по отсутствію подъ рукою соотвѣтствующей библіотеки.

Такимъ образомъ судебному слѣдователю почти *всегда* приходится работать *въ одиночку*, собственными силами, дѣйствовать *очень часто* по роду самаго дѣла *торопливо* (при желѣзнодорожныхъ крушеніяхъ, при загадочномъ убійствѣ, или, напр.,

---

[7]) Въ польскихъ губерніяхъ мнѣ въ загадочныхъ случаяхъ приходилось изрѣдка пользоваться добровольными услугами жандармскихъ чиновъ и всегда съ большою пользою для успѣха предварительнаго слѣдствія; я не могу посему не пожелать, чтобы при предстоящемъ повидимому преобразованіи отдѣльнаго корпуса жандармовъ получили большое развитіе функціи уголовнаго розыска (ст. 261[8] уст. угол. суд.) и не могу не присоединиться къ мысли редакціи „Судебной Газеты" (1895, № 5), что въ жандармскихъ чинахъ мы могли бы имѣть хорошую судебную полицію безъ копѣйки новыхъ затратъ на созданіе таковой.

при государственной границѣ, гдѣ обвиняемый, своевременно не арестованный, легко можетъ скрыться и т. д.) и нерѣдко съ переутомленіемъ силъ физическихъ и духовныхъ (при скопленіи [8]) дѣлъ или при какомъ-либо очень сложномъ дѣлѣ). Эти и масса другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (душевное настроеніе слѣдователя при столкновеніи съ недобросовѣстностью исполнителей его порученій, со лживостью свидѣтелей, впечатлѣніе отъ послѣдствій преступленія; усталость къ концу продолжительнаго слѣдственнаго дѣйствія, легкое недомоганіе слѣдователя и т. д.) не могутъ не отражаться на успѣхѣ слѣдствія.

Въ дѣйствія слѣдователя, особенно если онъ почему-либо еще не успѣлъ составить себѣ или продумать плана слѣдствія, невольно могутъ закрасться въ той или другой дозѣ односторонность, неполнота, ошибка, а оглянуться на пройденный путь глубже, взвѣсить добытый матеріалъ нерѣдко нѣтъ времени, — работать онъ долженъ *безостановочно*, его вниманіе и энергія постоянно отвлекаются все новыми и новыми возникающими у него дѣлами...

Наконецъ данное слѣдствіе достаточно обработано, пора подумать о его совершенномъ окончаніи. Вотъ моментъ, когда законъ императивно обязываетъ судебнаго слѣдователя углубиться въ свои матеріалы, ознакомить съ ними *обвиняемаго* (только обвиняемаго!) узнать взглядъ послѣдняго и выслушать претензіи и объясненія его.

Для лицъ, практиковавшихъ лично или хоть близко наблюдавшихъ практику предварительнаго слѣдствія, не составляетъ конечно тайны, что трактующая объ этомъ ст. 476 уст. угол. суд. въ дѣйствительности обратилась въ простую и даже безцѣльную формальность. Считая слѣдствіе оконченнымъ, судебный слѣдователь призываетъ обвиняемаго и спрашиваетъ его: не желаетъ ли онъ представить еще что-нибудь въ свое оправданіе; слѣдователь долженъ при этомъ предъявить все производство, *если обвиняемый о томъ будетъ просить*.

Такъ какъ подавляющее большинство обвиняемыхъ или неграмотны, или малограмотны, и вообще мало освѣдомлены на счетъ своихъ правъ, то требованіе о предъявленіи слѣдствія рѣдко когда и заявлялось бы обвиняемыми. Зная это, и въ виду 448 ст.

---

[8]) У меня были нерѣдка случаи вступленія до 40 новыхъ дѣлъ въ мѣсяцъ, а я слыхалъ объ участкахъ съ еще большимъ поступленіемъ дѣлъ.

у. у. с., судебные слѣдователи *обыкновенно*, не спрашивая обвиняемаго о желаніи ознакомиться съ дѣломъ, прямо прочитываютъ ему главнѣйшіе слѣдственные акты; однако эта навязанная любезность приноситъ обвиняемому весьма мало пользы. Чтеніе слѣдователя, порою невнятное и спѣшное [9]), мало вразумительно для большинства обвиняемыхъ, непривычныхъ къ литературному бѣглому чтенію и не умѣющихъ сразу оріентироваться и усмотрѣть недостатки слѣдствія, а то такъ даже и робѣющихъ указать слѣдователю свои претензіи на этомъ „формальномъ" въ ихъ глазахъ допросѣ изъ ложнаго опасенія, чтобы „слѣдователь не прогнѣвался и не повредилъ имъ" [10]). *Другіе* слѣдователи заставляютъ письмоводителя прочитывать *все* слѣдствіе обвиняемому, занимаясь въ той же комнатѣ чѣмъ-нибудь другимъ, и затѣмъ задаютъ окончательный вопросъ по 476 ст.; такой способъ едва-ли не хуже перваго [11]), потому что въ этомъ случаѣ (не говоря уже о возможныхъ злоупотребленіяхъ со стороны письмоводителя) слѣдователь вовсе устраняется отъ наблюденія надъ обвиняемымъ, отъ возможности со стороны послѣдняго тѣхъ вопросовъ и разъясненій, которые у него при чтеніи являются, а по окончаніи длиннаго чтенія—всѣ цѣликомъ или частію—улетучиваются безслѣдно для дѣла. Для устраненія сего *нѣкоторые* слѣдователи вносятъ живую струю, просто отъ себя излагая обвиняемому содержаніе уликъ противъ него; это, конечно, очень важно для обвиняемаго, потому что гораздо понятнѣе, и иногда ведетъ къ устраненію нѣкоторыхъ недоразумѣній. Наконецъ, *изрѣдка* и весьма немногіе слѣдователи, изложивъ вкратцѣ обвиняемому содержаніе слѣдствія, сами обращаютъ вниманіе его на тѣ обстоятельства, которыя могли бы получить иное освѣщеніе, или на тѣ, которыя, если-бы обвиняемый могъ ихъ доказать, послужили бы къ его оправданію и т. п. Кто испыталъ этотъ послѣдній способъ выполненія 476 ст., тотъ знаетъ, что *иногда* результатомъ такой бесѣды является удаленіе всякихъ сомнѣній, бывшихъ въ дѣлѣ раньше, отчего улики таютъ или, наоборотъ, крѣпнутъ, истина же всегда безусловно выигрываетъ; но тому хорошо извѣстно также, какъ трудно бываетъ при этомъ наводить мысль нашего крестьянина на путь раскрытія полной истины,

---

[9]) П. Я. Александровъ. Юридическая лѣтопись, 1892; № 3, стр. 211.

[10]) Такую робость у меня проявилъ однажды даже ксендзъ, который немного спустя, будучи вызванъ моими вопросами, очень толково привелъ доказательства своей невиновности.

[11]) Но онъ неизбѣженъ однако, если приходится съ обвиняемыми работать черезъ переводчика.

могущій привести его къ оправданію или хоть къ смягченію вины. Не говоря уже о томъ, что мысль крестьянина работаетъ вообще очень медленно и туго въ сферѣ юридической и необходимо призвать большое терпѣніе, чтобы добиться пониманія себя обвиняемымъ, но у послѣдняго выступаетъ обыкновенно на первый планъ полное недовѣріе къ доброму намѣренію слѣдователя помочь, облегчить; чаще всего подобная попытка встрѣчается, какъ „подвохъ", и ведетъ къ недовѣрію и потому запирательству обвиняемаго, потому что еще до сихъ поръ въ низшихъ слояхъ народа не разсѣяно темное предубѣжденіе противъ всякаго присутственнаго мѣста, боязнь оффиціальныхъ сношеній съ чиновникомъ и т. д. Да кромѣ того, въ сущности, задача слѣдователя — обнаружить и освѣтить *всю* истину даннаго злодѣянія—и не можетъ цѣликомъ совпадать съ интересами обвиняемаго, который въ свою очередь не можетъ не чувствовать этого даже при самомъ участливомъ къ себѣ отношеніи со стороны слѣдователя.

Нельзя посему не оговориться, что *самому* слѣдователю руководить такою бесѣдою очень затруднительно, какъ вообще трудно стать на точку зрѣнія чужихъ интересовъ,—и даже не всегда безопасно для успѣха дѣла.

Можетъ быть именно потому въ настоящее время способы исполненія 448 и 476 ст. такъ разнообразны, нѣкоторые изъ нихъ неумѣстны, другіе излишни, а большинство не имѣютъ никакихъ результатовъ [12]). Такъ же смотритъ на это и прокурорскій надзоръ, по крайней мѣрѣ мнѣ неизвѣстенъ ни одинъ случай участія прокурорской власти въ предъявленіи слѣдствія обвиняемому.

Спросить при окончаніи слѣдствія мнѣніе потерпѣвшихъ, истцовъ, депутатовъ, прокуратуры о результатѣ произведеннаго разслѣдованія законъ не обязываетъ и не уполномочиваетъ судебнаго слѣдователя, а если-бы это и было обязательно, то при дѣйствующей редакціи 476 ст. со стороны потерпѣвшихъ было бы полное безсиліе помочь слѣдователю, а прочіе въ виду 512, 1180, 1091 ст. уст. угол. суд. уклонялись бы лишній разъ являться къ слѣдователю...

Значитъ даже въ послѣдній моментъ работы, при самомъ заключеніи предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь опять предоставленъ самому себѣ, опять одинокъ. Въ лучшемъ

[12]) Все изложенное относится, конечно, до дѣлъ, въ которыхъ стороны неграмотны, малограмотны или вообще юридически безпомощны (напр., большинство женщинъ даже изъ образованныхъ).

случаѣ онъ пересмотритъ свое дѣло и, можетъ быть, кое-что надумаетъ въ немъ исправить, обыкновенно же спѣшитъ избавиться скорѣе отъ него и взяться за другія [13]), подгоняемый обязанностью представлять *ежемѣсячно* вѣдомости, гдѣ цифра оконченныхъ слѣдствій играетъ нынѣ очень большую роль въ дальнѣйшей карьерѣ слѣдователя.

Психически невѣроятно, чтобы слѣдователь могъ *своевременно* самъ усмотрѣть *всѣ* погрѣшности своей работы. Нерѣдко случается быть вполнѣ довольнымъ результатомъ своего труда, а между тѣмъ постороннему человѣку этотъ результатъ представляется совсѣмъ иначе. Вотъ этого-то посторонняго *критика* и недостаетъ теперь слѣдователю вообще, а при заключеніи слѣдствія въ особенности.

Не менѣе полезенъ слѣдователю посторонній критикъ и въ другомъ отношеніи.

Можетъ статься, что работа ведется правильно, планъ дѣйствій составленъ цѣлесообразно, слѣдствіе идетъ впередъ энергично и всесторонне, и результатъ для всѣхъ окружающихъ очевиденъ. Но въ числѣ *окружающихъ*, среди участниковъ слѣдовательскаго труда, нѣтъ прокурорской власти, которая будетъ составлять обвинительный актъ, нѣтъ членовъ обвинительной камеры, которая будетъ опредѣлять о преданіи суду, нѣтъ судей, нѣтъ защитника; впечатлѣніе отъ слѣдственныхъ дѣйствій ими всѣми непосредственно не воспринимается, а получается при помощи писанныхъ актовъ.

Нужно быть большимъ мастеромъ слова, чтобы въ своихъ протоколахъ во всей цѣлости воспроизвести картину предварительнаго слѣдствія, отлить всѣ типичныя особенности каждаго свидѣтеля, уловить ничтожныя, но порою цѣнныя подробности каждаго разговора, нарисовать свѣтъ и тѣни всѣхъ фактовъ. Рѣдко въ одинаковой степени въ человѣкѣ встрѣчается и способность дѣйствія, и талантъ расказчика; обыкновенно одна черта господствуетъ надъ другой и нерѣдко на счетъ другой. Сколько разъ приходится наблюдать, что благодаря неудачному обороту или вслѣдствіе неточнаго выраженія рѣчь принимаетъ для слушателя или читателя не совсѣмъ то значеніе, какое имѣлъ въ виду авторъ или ораторъ; при устномъ изложеніи ораторъ можетъ это

[13]) Исключенія конечно есть, и вѣроятно ихъ много, но вѣдь законодатель долженъ имѣть въ виду не исключительное увлеченіе дѣломъ, а средняго работника и средній интересъ его къ дѣлу.

недоразумѣніе подмѣтить въ слушателѣ и тутъ же устранить; для письменной рѣчи такое исправленіе невозможно.

Особенно печально такое недоразумѣніе между авторомъ и читателемъ въ актахъ предварительнаго слѣдствія, на основаніи которыхъ рѣшается вопросъ о преданіи суду или о снятіи обвиненія, а иногда даже и вопросъ о наказаніи или оправданіи. И нѣтъ, съ другой стороны, ничего легче, какъ именно въ предварительномъ слѣдствіи встрѣтиться съ несоотвѣтствіемъ между дѣломъ и словомъ слѣдователя.

Протоколы его пишутся безъ черновиковъ кратко, торопливо. Иногда писать ихъ приходится на стужѣ или въ смрадной избѣ, когда хочется выиграть каждую минуту, чтобы удалиться на отдыхъ; иногда приходится спѣшить съ протоколомъ осмотра или обыска, чтобы скорѣе взяться за допросъ свидѣтелей. Нерѣдко сильное ощущеніе, пережитое при слѣдственномъ дѣйствіи, или продолжительность работы истощаетъ всю энергію слѣдователя и при составленіи протокола наступаетъ психическая реакція, равнодушіе къ полнотѣ и точности изложенія. Надо даже сказать, что нерѣдко (извѣстная психическая черта человѣческой дѣятельности!), чѣмъ продуктивнѣе и интенсивнѣе велось слѣдственное дѣйствіе, тѣмъ лаконичнѣе и скорѣе хочется покончить съ изложеніемъ результата его въ протоколѣ; послѣ утомительнаго дѣйствія протоколъ кажется обременительною формальностью, а если дѣйствіе увѣнчалось къ тому же хорошимъ успѣхомъ—какъ-то навязчиво въ голову лѣзетъ мысль о ненужности протокола въ виду очевидности результата... И вотъ—протоколъ не исчерпываетъ всего добытаго матеріала, не отмѣчаетъ *всего* происходившаго, является неполнымъ.

Съ другой стороны, если слѣдователь охотникъ писать, онъ рискуетъ дать волю своей виртуозности и впасть въ противоположную крайность, рискуетъ, напр., слишкомъ много вниманія посвятить какой-нибудь ничтожной въ судебномъ отношеніи, но любопытной, подробности и тѣмъ ввести читателя въ заблужденіе относительно ея значенія для дѣла, рискуетъ зарождающееся еще доказательство слишкомъ рельефно оттѣнить, какъ готовое уже и т. д. [14]).

И нѣтъ въ настоящее время достаточнаго противовѣса этимъ и подобнымъ *невольнымъ* крайностямъ. Конечно, всѣ протоколы должны быть прочитываемы и прочитываются предъ тѣми, кто

---

[14]) Я говорю лишь о возможности такого отношенія къ составленію протокола и думаю, что законодатель на этотъ случай долженъ принять свои мѣры.

ихъ подпишетъ, т.-е. при комъ или со словъ кого они писались; но кому же не извѣстно, что лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ слѣдователь получаетъ у насъ хотя малѣйшее замѣчаніе на читаемый протоколъ [15]). Иногда виною тому слишкомъ бѣглое чтеніе протокола, при которомъ слушателю бываетъ „неловко" *прервать* слѣдователя своимъ указаніемъ, а чаще полное равнодушіе слушателей къ содержанію бумаги, за которое по неискоренимой до сихъ поръ привычкѣ простые люди всю отвѣтственность возлагаютъ на чиновника, какъ на непогрѣшимаго спеціалиста.

Итакъ, въ настоящемъ своемъ видѣ 476 ст. уст. угол. суд.,— этотъ краеугольный камень правилъ объ окончаніи предварительнаго слѣдствія, обратилась на практикѣ въ пустую и нерѣдко довольно обременительную формальность. Между тѣмъ этотъ законъ *долженъ* и *можетъ* быть живою и цѣлесообразною гарантіею противъ многихъ пробѣловъ и увлеченій предварительнаго слѣдствія.

Лучшей гарантіей въ данномъ случаѣ могло бы быть установленіе нѣкоторой публичности при исполненіи означеннаго закона, такъ какъ публичность всегда является какъ бы ручательствомъ за правильное неуклонное и точное примѣненіе закона. Дѣйствующій уставъ нашъ и признаетъ подобіе публичности слѣдственныхъ дѣйствій, потому что предоставляетъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ присутствовать при всѣхъ дѣйствіяхъ по ихъ дѣлу судебнаго слѣдователя и знакомиться съ содержаніемъ всего его производства. Но это именно только *подобіе* публичности.

У нашего слѣдователя нѣтъ возможности отдаться все-цѣло одному какому-нибудь предварительному слѣдствію и довести его непрерывно до конца. У него всегда на рукахъ нѣсколько слѣдствій, которыя онъ ведетъ параллельно, *отрываясь* то къ одному, то къ другому; иное слѣдствіе при этомъ тянется долгіе мѣсяцы, потому что слѣдователь не въ состояніи удѣлить ему болѣе времени, какъ нѣсколько дней въ мѣсяцъ. При такомъ положеніи слѣдить за ходомъ дѣла потерпѣвшему и даже обвиняемому крайне затруднительно. Имъ нужно для этого постоянно и притомъ лично освѣдомляться о назначенныхъ слѣдователемъ дѣйствіяхъ и срокахъ, имъ дозволяется только *лично* находиться

---

[15]) Съ этой стороны, напр., понятые, описанные въ „Деревенскихъ Панорамахъ" г. Гарина, слишкомъ идеализированы, (Русское Богатство, 1894 г. № 2, стр. 74).

при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ; все это надоѣдливо и убыточно для каждаго занятого человѣка и свело на практикѣ участіе сторонъ въ работѣ слѣдователя къ нулю. Ни обвиняемый, ни потерпѣвшій или истецъ, ни даже прокуратура, не извѣщаются теперь о времени и мѣстѣ касающихся ихъ слѣдственныхъ дѣйствій и потому, даже если иной разъ и имѣютъ возможность присутствовать, легко могутъ не знать и вслѣдствіе того опоздать или вовсе пропустить случай; въ большинствѣ же своемъ составъ этихъ лицъ, повторяю, настолько всѣмъ укладомъ нашей жизни не подготовленъ къ дѣятельному сотрудничеству въ работѣ слѣдователя, что своимъ присутствіемъ ничего не привноситъ и не въ состояніи привнести въ дѣло. Отсюда и проистекаетъ большое неравенство въ правахъ сторонъ, если, напр., одна изъ нихъ юридически свѣдуща, въ дѣловыхъ сношеніяхъ опытна и предпринимаетъ защиту своихъ интересовъ, а другая для такой борьбы не подготовлена, заявить и отстоять свои требованія безсильна. Получается какой-то диссонансъ, какъ бы роковая неравноправность.

---

30 лѣтъ уже дѣйствуютъ новыя судебныя установленія, а до сихъ поръ еще въ нашемъ народѣ и даже въ высшихъ его классахъ, слишкомъ мало распространено знаніе судебныхъ уставовъ и особенно того отдѣла, который трактуетъ о предварительномъ слѣдствіи. Потому-то и повторяется такъ часто, что обвиняемый безмолвствуетъ, никакихъ заявленій и жалобъ на слѣдствіи не подаетъ; по той-же причинѣ и гражданскій искъ такъ рѣдко предъявляютъ въ уголовномъ порядкѣ наши потерпѣвшіе. Оттого и слѣдователю кажется порою столь назойливымъ домогательство какого-нибудь знающаго обвиняемаго въ защиту своихъ правъ, что домогательствъ вообще бываетъ очень мало; да и слѣдствіе (нужно признаться) о такомъ знающемъ и способномъ своевременно принести жалобу обвиняемомъ ведется гораздо осмотрительнѣе обыкновеннаго.

Хорошимъ показателемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить любой сборникъ уголовныхъ кассаціонныхъ рѣшеній; если перелистать его, то невольно бросится въ глаза обиліе упоминаній, что жалоба на недостатки предварительнаго слѣдствія принесена въ сенатъ слишкомъ поздно, что своевременно преданіе суду не было обжаловано, что возбуждать вопросъ этотъ послѣ вердикта присяжныхъ засѣдателей нѣтъ резона и т. п. Чтó все это означаетъ, какъ не полную темноту и безпомощ-

ность на предварительномъ слѣдствіи огромнаго большинства нашихъ обвиняемыхъ и потерпѣвшихъ? Невольно здѣсь бросается въ глаза и поражаетъ рѣзкая противоположность между отсутствіемъ *своевременныхъ* заявленій и жалобъ по поводу предварительнаго слѣдствія или преданія суду, съ одной стороны, и обиліемъ всякаго рода отзывовъ, объясненій, претензій по поводу судебнаго засѣданія и распоряженій предсѣдательствующаго, съ другой.

Означенной разницы нельзя конечно объяснить ничѣмъ инымъ какъ безпомощностью и безсиліемъ прикосновенныхъ лицъ въ юридической борьбѣ (вслѣдствіе запрещенія приглашать адвоката) на предварительномъ слѣдствіи и противоположнымъ ихъ положеніемъ на судѣ.

Вотъ, чтобы устранить отмѣченную ненормальную разницу и роковую иногда на предварительномъ слѣдствіи неравноправность лицъ, и необходимо ввести публичность и допустить участіе защиты при соблюденіи слѣдователемъ 476 ст.

2.

Трудно ратовать за публичность *всѣхъ* дѣйствій судебнаго слѣдователя. Пока онъ еще только собираетъ, провѣряетъ, группируетъ и сопоставляетъ свой первичный сырой матеріалъ, онъ долженъ быть неизбѣжно предоставленъ самому себѣ и своей опытности, находчивости; ему некогда на первыхъ шагахъ отвлекать свое вниманіе на внѣшній видъ своей работы въ той степени, какую предполагаетъ публичность дѣятельности и званіе судьи. Ему необходимо возможно *скорѣе* оріентироваться и *запечатлѣть* обстановку совершеннаго преступленія, уяснить себѣ значеніе первоначальныхъ свѣдѣній и углубиться въ себя для разработки плана предстоящихъ изысканій. Посторонніе люди, ихъ присутствіе, для слѣдователя въ это время — лишь помѣха быстротѣ, единству и цѣлостности его распоряженій.

Нельзя того-же и въ той-же степени сказать о послѣдующихъ фазисахъ слѣдствія, и ни одинъ изъ нихъ, можетъ быть, нельзя признать болѣе допускающимъ и даже обусловливающимъ публичность, какъ моментъ окончанія предварительнаго слѣдствія. Слѣды и доказательства преступленія сохранены, виновникъ обнаруженъ и даже уличенъ, обстановка констатирована, планъ слѣдствія выполненъ, слѣдователь овладѣлъ своимъ

матеріаломъ, — онъ долженъ дать отчетъ въ собранномъ матеріалѣ себѣ и выслушать оцѣнку своихъ результатовъ отъ лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ.

Однако матеріалъ еще не подвергся той законченной обработкѣ, какую онъ получаетъ, достигая судебнаго засѣданія; о немъ не сказала еще своего компетентнаго отзыва обвинительная власть, онъ можетъ еще подвергнуться значительнымъ измѣненіямъ и даже вовсе потерять свою силу и значеніе. Выносить такого рода сырой матеріалъ *на большую публику* нѣтъ еще достаточнаго основанія, — съ одной стороны, чтобы не дать пищи празднымъ разговорамъ и преувеличеннымъ слухамъ, съ другой — дабы не причинить напрасныхъ страданій обвиняемому и его близкимъ возможностью преждевременныхъ пересудовъ.

Въ виду всего этого, у насъ на предварительномъ слѣдствіи возможно говорить только о публичности *ограниченной*, о допущеніи лишь непосредственно заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Но къ числу ихъ весьма естественно *въ нѣкоторыхъ случаяхъ* отнести и выборныхъ отъ мѣстнаго населенія, гдѣ случилось преступленіе, имѣющее большое значеніе для цѣлой округи (напримѣръ, при массовыхъ поджогахъ, при отравленіи воды въ единственномъ источникѣ и т. д.), или гдѣ живетъ уличенный преступникъ, знать о которомъ всю правду желательно для всѣхъ сосѣдей въ широкомъ смыслѣ слова (напримѣръ, при крупномъ разбоѣ, при наличности шайки и т. д.); дать иной разъ права прикосновенныхъ лицъ означеннымъ выборнымъ будетъ и справедливо, и полезно, потому что иногда крупное злодѣяніе и слухи о немъ терроризуютъ все населеніе даннаго района и вызываютъ рѣшительно у всякаго полную неохоту являться свидѣтелемъ, понятымъ, оцѣнщикомъ, пока не выяснится истинное положеніе и *вѣроятность осужденія* страшнаго человѣка; при уклоненіи же жителей раскрывать что-либо о дѣйствіяхъ такого обвиняемаго, невозможно бываетъ добыть прочныя улики, а предотвратить уклоненія, побѣдить запирательство, отнѣкиваніе и немогузнайство удобнѣе всего приглашеніемъ выборныхъ принять участіе или хоть присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. Выскажусь яснѣе.

При томъ широкомъ и гуманномъ толкованіи, какое придаетъ наша кассаціонная инстанція термину „*потерпѣвшій*" въ уголовномъ дѣлѣ, и при свободномъ допущеніи въ нашей судебной практикѣ къ роли гражданскаго истца въ уголовномъ процессѣ

даже лицъ съ очень отдаленнымъ интересомъ къ судьбѣ обвиняемыхъ и преступленія — иногда безъ труда можно бы отнести въ категорію „потерпѣвшихъ" (и тѣмъ дать право присутствовать при слѣдствіи) чуть не все мѣстное населеніе, обезпокоенное злодѣяніемъ, всѣхъ сосѣдей преступника; слѣдовательно, мнѣ нечего бы и оговариваться о „выборныхъ". Но въ сущности я подъ этими послѣдними разумѣю нѣчто другое. Приведу два примѣра.

Нерѣдко въ нашихъ деревняхъ встрѣчаются люди, о которыхъ все населеніе знаетъ всю подноготную и которыхъ считаетъ „лихими", „страшными"; но эти „страшные" люди весьма рѣдко причиняютъ вредъ *своимъ* односельчанамъ, предпочитая обыкновенно предпринимать *на сторону* свои экскурсіи „за добычей". У себя въ селеніи, „дома", ихъ дѣятельность для сосѣдей вполнѣ безвредна и ограничивается лишь тѣмъ, что они отдыхаютъ („сидятъ на берегу и ждутъ погоды"), да изрѣдка даютъ пристанище своимъ соратникамъ. Другая категорія „страшныхъ" людей, не дѣйствуя нигдѣ активно, играетъ роль форменныхъ пристанодержателей, скупщиковъ или сбытчиковъ краденаго. Хотя о тѣхъ и другихъ въ деревняхъ обыкновенно все извѣстно, но ихъ никто „зря" не выдастъ, такъ какъ всякому понятно, что „вороги" сильны своею солидарностью съ цѣлой фалангою преступниковъ, которые между собою знакомы, связаны общимъ дѣломъ и легко отомстятъ населенію, выдавшему кого-нибудь изъ „ихнихъ". Но съ другой стороны, всегда въ деревнѣ найдется, равнымъ образомъ, нѣсколько почтенныхъ стариковъ, въ присутствіи которыхъ ложь не будетъ произнесена слѣдователю и которые сами не солгутъ. Объ этомъ уже было писано не разъ, въ этомъ и мнѣ пришлось не разъ убѣдиться. Ближайшій толчокъ, направившій мои наблюденія въ эту сторону, заключался въ слѣдующемъ эпизодѣ. Нужно было произвести цѣлый рядъ „дознаній чрезъ окольныхъ людей" о членахъ воровской шайки изъ 46 человѣкъ, которые добрую половину уѣзда держали въ такомъ страхѣ, что довольно успѣшно собирали деньгами и натурою въ свою пользу „дань безопасности"; допрашивать всякій разъ приходилось въ какой-нибудь избѣ, изъ которой я выпроваживалъ рѣшительно всѣхъ постороннихъ; къ дознанію никто изъ потерпѣвшихъ не прибылъ и потому „окольному человѣку", даже и подъ присягою, видимо жутко было давать показанія мнѣ въ присутствіи лишь обвиняемыхъ; показанія выходили вялыя, безцвѣтныя; но на печи, однажды, осталась старуха-калѣка, и вотъ довольно было одного ея упрека, невольно

вырвавшагося по адресу одного изъ допрашиваемыхъ, какъ тотъ встрепенулся и сразу разсказалъ обстоятельнѣйшимъ образомъ всѣ подробности изъ жизни обвинявшихся шайкистовъ. Вообще я неоднократно въ своей практикѣ имѣлъ случай наблюдать, что секретный допросъ свидѣтелей, требуемый уставомъ, въ деревняхъ имѣетъ дурныя послѣдствія, и мнѣ кажется, что добросовѣстные выборные, присутствіемъ своимъ при допросахъ слѣдователя „на мѣстѣ", устранятъ не мало лживости изъ свидѣтельскихъ показаній („на людяхъ и смерть красна, и лгать зазорно").

Далѣе, случается также, что данное населеніе бываетъ озадачено таинственностью, неуловимостью и особенно повторностью преступленія; недоумѣніе переходитъ въ ярость, разыгрывается фантазія, взводятся небылицы и — озлобленное населеніе по случайному признаку ловитъ, бьетъ, увѣчитъ совсѣмъ неповинныхъ людей. Если полиція вступается за несчастныхъ, если слѣдователь отвергаетъ ихъ виновность, то бьютъ и полицію, перестаютъ довѣрять слѣдователю. Что-нибудь выяснить, найти безпристрастныхъ свидѣтелей становится невозможнымъ. Когда въ такихъ случаяхъ само собою складывается, что изъ среды мѣстнаго населенія выдвигается нѣсколько добровольцевъ, которые вступаютъ въ сношенія со слѣдователемъ (если онъ живетъ по близости или пріѣхалъ на мѣсто), допытываются его мнѣнія и нѣкорыхъ свѣдѣній, начинаютъ сновать въ поискахъ слѣдовъ и доказательствъ,— то сразу какъ-то восполняются пробѣлы, дѣло принимаетъ нормальный ходъ, страстность затихаетъ. Никакіе сыщики не замѣнятъ содѣйствія этихъ добровольцевъ. Почему же не *узаконить* такую помощь?

Достаточно, думается, и этихъ двухъ иллюстрацій для уясненія моей мысли. Подъ „выборнымъ" я разумѣю нѣчто среднее между обыкновеннымъ понятымъ и присяжнымъ засѣдателемъ или шеффеномъ, но безъ рѣшающаго голоса. Выборные будутъ особенно полезны, если ихъ интересы непосредственно не затронуты даннымъ преступленіемъ, они нужны, конечно, лишь для *нѣкоторыхъ* дѣлъ, они возможны, повидимому, только въ деревенскомъ быту или въ захолустныхъ городишкахъ и непремѣнно при условіи производства слѣдствія на мѣстѣ преступленія или отдѣльныхъ дѣйствій на мѣстѣ жительства преступника. Роль этихъ выборныхъ или (какъ кое-гдѣ называютъ ихъ) „совѣстныхъ", „добросовѣстныхъ" — въ качествѣ добровольцевъ-помощниковъ [16]) съ *совѣщательнымъ лишь* голосомъ при

[16]) Только эти „совѣстные" люди не должны быть назначаемы изъ другой деревни или для нѣсколькихъ дѣлъ сразу.

слѣдователѣ — должна бы начинаться съ самого начала слѣдствія, но для этого потребовалось бы, конечно, слишкомъ много передѣлокъ въ уставѣ; они принесутъ однако несомнѣнную пользу и въ томъ случаѣ, если будутъ назначаться хоть къ моменту окончанія слѣдствія по 476 ст. уст. угол. суд. Порядокъ и способъ выбора ихъ едва ли нужно предустанавливать, такъ какъ въ каждомъ данномъ случаѣ слѣдователь и населеніе легче и удачнѣе изобрѣтутъ ихъ, примѣняясь къ мѣстнымъ особенностямъ, чѣмъ писаный и слишкомъ неподвижный законъ.

При исторически сложившейся косности почти во всѣхъ слояхъ нашего народа ко всякаго рода проявленію общественности и при полной непривычкѣ оффиціально заявлять свои права — необходимо не только допустить означенную публичность, но также и дать толчокъ къ ея осуществленію, т.-е. не только открыть для извѣстныхъ лицъ двери въ камеру слѣдователя, но и пригласить ихъ къ извѣстному сроку придти. Безъ этого законъ о публичности сдѣлается мертвою буквою, а слѣдователь въ большинствѣ случаевъ останется по прежнему одинокъ. Самодѣятельность сторонъ нужно не только кодифицировать, но (на первое время) и дать ей средства и стимулъ проявляться; тогда только дѣйствительно задача слѣдователя будетъ нѣсколько облегчена.

Невозможно, разумѣется, взвалить на него обязанность назначать время и мѣсто *всѣхъ* своихъ слѣдственныхъ дѣйствій заблаговременно, какъ и нельзя ему вести каждое дѣло безъ перерывовъ для предоставленія удобства заинтересованнымъ лицамъ; при нашихъ разстояніяхъ и дорогахъ, при большомъ нерѣдко поступленіи дѣлъ, слѣдователю приходится пользоваться каждымъ даже внезапнымъ своимъ выѣздомъ изъ камеры изъ-за одного дѣла, чтобы попутно и кстати исполнить необходимыя дѣйствія и по другимъ дѣламъ; немыслимо поэтому обязать его извѣщать постоянно разныхъ лицъ о своихъ дѣйствіяхъ, такъ какъ эти извѣщенія при нашей почтѣ вѣчно опаздывали бы, а слѣдствіе неминуемо тормозилось бы. Но практически осуществимо *однажды* по каждому дѣлу созвать представителя прокурорской власти и всѣхъ участвующихъ въ этомъ слѣдствіи лицъ. Въ этомъ собраніи могли бы при желаніи принять участіе (а по нѣкоторымъ дѣламъ и получать даже *вызовъ* отъ слѣдователя), и выборные (совѣстные люди) отъ мѣстныхъ жителей, о которыхъ упоминалось раньше. Каждому изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ должно быть

предоставлено право пригласить изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, помощниковъ ихъ или преподавателей правовѣдѣнія для себя лично одного [17]) довѣреннаго; для получившихъ же право бѣдности представитель, а также для обвиняемыхъ въ случаѣ ихъ требованія защитникъ—долженъ быть назначенъ предсѣдателемъ (или уѣзднымъ членомъ окружнаго суда).

Вотъ та публика, которая умѣстна и желательна при выполненіи 476 ст.; при ней слѣдователь долженъ произвести послѣдній спросъ обвиняемыхъ и предъ нею затѣмъ полностью огласить (способъ оглашенія долженъ быть предоставленъ усмотрѣнію собранія) слѣдственное производство, предоставивъ каждому по очереди, но гласно для всѣхъ остальныхъ, высказать всѣ объясненія и требованія по поводу оглашеннаго дѣла, послѣ чего долженъ произойти обмѣнъ мнѣній.

Я настаиваю на *публичномъ обсужденіи* (публичномъ въ принятомъ мною смыслѣ) оглашеннаго производства, а не просто на допущеніи участвующихъ обозрѣвать его совмѣстно со своими адвокатами. Слѣдственное производство содержитъ въ себѣ именно такой матеріалъ, который необыкновенно выигрываетъ, если его *обсуждать единовременно* и *коллективно* съ разныхъ точекъ зрѣнія и при различномъ освѣщеніи. По самому свойству своему этотъ матеріалъ допускаетъ возможность одновременнымъ содержательнымъ и *состязательнымъ* обсужденіемъ сообща многими лицами замѣнить ту долгую и постепенную обработку его, какая потребовалась бы на составленіе каждымъ порознь письменнаго отзыва и на отвѣтное постановленіе слѣдователя. Огромное преимущество въ ясности и въ выигрышѣ времени получится уже потому, что при публичномъ обсужденіи дѣла подъ руководствомъ слѣдователя сами собою падутъ тѣ неосновательныя или вышедшія изъ простого недоразумѣнія претензіи, которыя иначе лишь затормозили бы ходъ слѣдствія, такъ какъ вмѣсто цѣлаго ряда бесѣдъ и объясненій съ каждою стороною въ отдѣльности слѣдователь будетъ имѣть одну бесѣду со всѣми разомъ и многое, что долженъ бы разъяснять сторонамъ самъ слѣдователь по поводу слѣдственнаго матеріала, выяснится само собою при перекрестномъ обсужденіи его всѣми сообща.

Особенно цѣнно будетъ это единовременное состязательное сразу многими *обсужденіе* слѣдствія для устраненія всякихъ сомнѣній относительно пониманія редакціи слѣдственныхъ актовъ,

---

[17]) Большаго числа представителей для каждаго лица нельзя допустить въ виду тѣсноты и неприспособленности слѣдовательскихъ помѣщеній; да и нужно ли больше?

ибо, еслибы высказано было неправильное пониманіе, у слѣдователя будетъ возможность своевременно устранить его (особымъ постановленіемъ или переработкою акта), и тогда навѣрное исчезнутъ ссылки на „неточную“ запись слѣдователемъ свидѣтельскаго показанія или на неправильное уразумѣніе и „неточную“ передачу переводчикомъ объясненій иностранцевъ или инородцевъ, какъ это теперь заурядъ дѣлается обвиняемыми съ цѣлью дискредитировать силу слѣдственныхъ актовъ [18]).

Обставленный такимъ образомъ „окончательный спросъ обвиняемаго“ дѣйствительно обратился бы изъ простой канцелярской формальности, какою онъ сталъ теперь, въ то „важное дѣйствіе“ судебнаго слѣдователя, какимъ его желали видѣть создатели судебныхъ уставовъ (об. зап. ст.-секр. гр. Блудова); только въ такомъ видѣ исполненіе 476 ст. можетъ приводить къ предположеннымъ гр. Блудовымъ результатамъ; только при подобной обстановкѣ, гарантирующей какъ полную точность и полноту сообщенія обвиняемому слѣдственнаго матеріала, такъ и возможность вступить при помощи защитника въ живое обсужденіе силы уликъ и доказательствъ,—только при подобной обстановкѣ мыслимо „убѣдить его (обвиняемаго) въ полной безполезности дальнѣйшихъ возраженій, а нерѣдко и побудить даже самаго закоренѣлаго преступника къ раскаянію и чистосердечному во всемъ признанію, или же наоборотъ, если обвиненіе неосновательно, доставить ему возможность совершенно и положительно оное опровергнуть“ [19]).

Очевидно, что подобная даже ограниченная публичность при выполненіи 476 ст. не останется безъ самыхъ благихъ результатовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что подъ критическими замѣчаніями собранія, непосредственно заинтересованнаго—*въ своемъ цѣломъ составѣ*—въ полной доброкачественности предварительнаго слѣдствія, послѣднее не дойдетъ до суда съ тѣми недостатками по существу или по формѣ, которые не будетъ еще поздно устранить или исправить. Нельзя не подчеркнуть, что самое ожиданіе встрѣтиться *лицомъ къ лицу* при заключеніи слѣдствія съ критиками должно уже подбодрить и оживить слѣдственное дѣло вообще.

---

[18]) Напр., по извѣстному Мултанскому дѣлу о жертвоприношеніи человѣческомъ, или по дѣлу о гибели парохода „Владиміръ“ (Журн. Мин. Юст. 1895, № 4, стр. 183—184),

[19]) Суд. Уставы 1864 года съ изложеніемъ разсужденій, изд. 2-е госуд. канцеляріи, ч. 2, стр. 177—178.

Мнѣ не думается, чтобы можно было возразить что-нибудь существенное противъ допущенія адвокатуры къ обсужденію предварительнаго слѣдствія при самомъ его заключеніи, и могу въ этомъ смыслѣ сослаться на мнѣніе другого практика, принадлежавшаго къ составу прокурорскаго надзора и одинаково со мною, но раньше меня высказавшаго, что „содѣйствіе защиты въ заключительномъ моментѣ слѣдственнаго производства будетъ дѣломъ согласнымъ съ разумомъ закона и не безполезнымъ въ интересахъ раскрываемой слѣдствіемъ истины“ [20]). Въ томъ же духѣ высказывались и другіе наши судебные дѣятели [21]) (напр. хоть прокуроръ Тифлисской судебной палаты Андреевъ, какъ упомянуто выше).

Допущеніе защиты и нѣкоторой публичности въ періодѣ заключенія предварительнаго слѣдствія не можетъ встрѣтить серьезной оппозиціи и потому еще, что: во-первыхъ *не требуетъ* никакихъ видоизмѣненій въ другихъ отдѣлахъ устава, во-вторыхъ, въ замаскированномъ видѣ извѣстно и теперь, когда заинтересованнымъ лицамъ доступъ въ камеру слѣдователя не возбраняется, а получаемыя отъ слѣдователя копіи могутъ быть передаваемы адвокату и вообще кому угодно и толкуемы вкривь и вкось. Такимъ образомъ, переработка этого закона лишь улучшитъ и удешевитъ для сторонъ осуществленіе своихъ правъ, притомъ же, на мой взглядъ, не безъ пользы для дѣла и не безъ выгоды для слѣдователя; я выразился сейчасъ *удешевитъ* и полагаю, что я вправѣ высказаться такъ, потому что заплатить по таксѣ (потерпѣвшему) за обширныя копіи и сверхъ того безпокоиться и ѣздить лично (потерпѣвшему, какъ и обвиняемому) къ слѣдователю за всякою справкою или для ознакомленія съ дѣломъ часто обойдется дороже, нежели заплатить довѣренному.

3.

Я далекъ, конечно, отъ мысли—въ переработкѣ правилъ объ окончаніи предварительнаго слѣдствія видѣть вѣрное и полное средство къ предупрежденію всѣхъ современныхъ недостатковъ слѣдственнаго дѣла. Напротивъ, я твердо убѣжденъ и по опыту

---

[20]) П. Н. Обнинскій. Предстоящая реформа предварительнаго слѣдствія Юрид. Вѣстн. 1891, № 1.

[21]) См. у г. Даневскаго (наше предварит. слѣдствіе), г. Александрова (Юр. Лѣт. 1892, № 3 и № 4), г. Мауерсбергера (Ж. М. Ю. 1895, № 3) и др.

знаю, что главнѣйшіе и наименѣе поправимые изъ нихъ зависятъ не отъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, а—отчасти отъ созданной „учрежденіемъ судебныхъ установленій" и министерскими распоряженіями неопредѣленности служебнаго положенія и назначенія (выбора и утвержденія) судебныхъ слѣдователей, отчасти же отъ многихъ другихъ причинъ [22]). Мнѣ кажется однако, что даже переработка и одной лишь 10 главы II раздѣла II книги [23]) устава уголовнаго судопроизводства въ указанномъ выше направленіи можетъ принести весьма существенную выгоду для дѣла и для заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ; даже скажу болѣе того, и при устраненіи причины прочихъ недостатковъ желательное для меня измѣненіе отдѣла о заключеніи слѣдствія все-таки будетъ и вполнѣ умѣстно, и удобно. Насколько я понимаю, переработкой этой возможно: во-первыхъ, ослабить нѣкоторые погрѣшности и неудачные пріемы современной практики; во-вторыхъ, вполнѣ удалить неточность, неясность и неполноту въ изложеніи (редакціи) слѣдственныхъ актовъ, что̀ особенно нужно и важно при составленіи ихъ съ помощью переводчиковъ или толмачей; въ-третьихъ, предотвратить или парализовать возможную иногда односторонность и невольное увлеченіе слѣдовательской работы; въ четвертыхъ, наконецъ, сдѣлать съ большимъ удобствомъ пробный опытъ частичнаго проведенія и въ сферу предварительнаго слѣдствія тѣхъ началъ, которыя такъ блистательно оправдали себя на судебномъ слѣдствіи, но не были до сихъ поръ допущены въ камеру судебнаго слѣдователя. Новыя правила о порядкѣ заключенія предварительнаго слѣдствія могли бы, получивъ законодательную санкцію немедленно, обнаружить вскорѣ на практикѣ наглядно возможность и практичность или же, наоборотъ, (что невѣроятно) непригодность у насъ началъ публичности и участія защиты въ первоначальной стадіи уголовнаго процесса [24]) и

---

[22]) Это составитъ у меня предметъ особой работы.

[23]) Кстати высказать пожеланіе, чтобы будущее изданіе судебныхъ уставовъ знало непрерывную номерацію главъ въ каждомъ уставѣ, а не среди „книгъ" и „раздѣловъ", какъ теперь; это было бы гораздо удобнѣе для обозначенія ссылокъ и цитатъ, потому что требовало бы указанія цифры главы, а не трехъ цифръ (главы, раздѣла, книги).

[24]) Сохраняю эту фразу и здѣсь, хотя сознаю, что подобное пожеланіе было болѣе своевременно и умѣстно въ то время, когда мой очеркъ докладывался въ Московскомъ Юридич. Обществѣ,—время *первыхъ* совѣщаній коммиссіи для пересмотра судебной части, т.-е. въ 1894 г. (Сборникъ правовѣдѣнія, т. V, ч. 2, стр. 44—48).

дать прочную опору для рѣшенія этого вопроса при происходящемъ *пересмотрѣ* судебныхъ уставовъ.

Возможность *немедленнаго* измѣненія въ желаемомъ мною направленіи 476 ст. уст. угол. суд. явствуетъ съ практической точки зрѣнія изъ того, что новая редакція ея *можетъ* быть проведена безъ всякаго измѣненія хотя бы единой изъ другихъ статей того же устава или другого какого закона. Примѣненіе этой статьи въ новой редакціи равнымъ образомъ можетъ быть осуществлено при томъ же судебномъ персоналѣ и въ томъ же его числѣ, какой дѣйствуетъ и въ настоящее время.

Мнѣ могутъ возразить, что каждый судебный слѣдователь оканчиваетъ ежемѣсячно по нѣскольку дѣлъ и что товарищу прокурора, живущему обыкновенно въ другомъ городѣ, невозможно будетъ каждый разъ отрываться отъ другихъ своихъ обязанностей и присутствовать въ камерѣ слѣдователя при послѣднемъ спросѣ обвиняемаго. Я нахожу, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ слѣдователь можетъ назначать въ одинъ и тотъ же день постепенно предъявленіе *нѣсколькихъ* слѣдствій, такъ что для каждаго слѣдственнаго участка не потребуется болѣе 2—3 дней въ мѣсяцъ, пріуроченныхъ къ двумъ опредѣленнымъ срокамъ. Въ настоящее время участковый товарищъ прокурора, если онъ не живетъ въ мѣстѣ пребыванія слѣдователя, обыкновенно пріѣзжаетъ къ нему одинъ разъ для обозрѣнія дѣлъ, а другой для участія въ уѣздномъ съѣздѣ или въ сессіи окружнаго суда. Я рѣшаюсь утверждать, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ этихъ двухъ пріѣздовъ товарища прокурора будетъ совершенно достаточно для точнаго выполненія проектируемаго закона.

Другое возраженіе можетъ коснуться вопроса, достаточно ли у насъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, чтобы защита на предварительномъ слѣдствіи могла *фактически* присутствовать? Мнѣ думается, что вопросъ долженъ быть рѣшенъ положительно. Въ настоящее время дѣйствительно по уѣздамъ представителей присяжной адвокатуры очень мало и ихъ далеко не хватало бы, если бы законъ допустилъ теперь же защиту на все время предварительнаго слѣдствія; но я предлагаю ограничиться для начала защитою обвиняемыхъ и представительствомъ сторонъ лишь при заключеніи слѣдствія. Просмотрѣть дѣло, высказаться о его недостаткахъ, дать своему довѣрителю совѣтъ— все это потребуетъ немного времени и не особенно много адво-

катскихъ силъ, а потому едва-ли содѣйствіе присяжной адвокатуры будетъ даже на первыхъ порахъ слишкомъ недоступно, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, гонораръ адвоката, нынѣ назначаемый за веденіе дѣла собственно въ судѣ, немногимъ увеличится при обязательствѣ дать совѣтъ и на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ вѣдь для добросовѣстнаго адвоката это будетъ самымъ лучшимъ способомъ подготовить свою защиту.

Нельзя оставить безъ вниманія и то соображеніе, что допущеніе присяжной адвокатуры на предварительномъ слѣдствіи несомнѣнно вызоветъ спросъ на нее въ провинціи, гдѣ, конечно, и разселится въ скоромъ времени та часть ея представителей, которая нынѣ, за отсутствіемъ подходящей живой работы въ уѣздахъ, перебивается по губернскимъ или столичнымъ городамъ; да кромѣ того ряды присяжной адвокатуры должны пополниться тогда изъ числа тѣхъ юристовъ, которые покинули судебныя дѣла для другихъ занятій въ тѣ минуты, когда специальная профессія перестала давать имъ заработокъ.

Сводя воедино все изложенное, не могу не пожелать, чтобы 476 ст. была переработана примѣрно такъ:

476. Признавъ предварительное слѣдствіе достаточно законченнымъ, судебный слѣдователь назначаетъ срокъ для послѣдняго спроса обвиняемыхъ, причемъ: а) приглашаетъ на этотъ день повѣстками всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, представителей соотвѣтственныхъ вѣдомствъ, экспертовъ (если считаетъ то полезнымъ), мѣстнаго представителя прокурорской власти и выборныхъ отъ мѣстныхъ жителей, если послѣдніе уже вошли со слѣдователемъ въ соглашеніе о назначеніи ихъ; б) оглашаетъ въ собраніи ихъ (способомъ наиболѣе цѣлесообразнымъ) все слѣдственное производство; в) предоставляетъ *каждому* высказать гласно для всѣхъ остальныхъ свои замѣчанія и требованія по поводу оглашенныхъ актовъ; г) о происходившемъ составляетъ подробный протоколъ со включеніемъ объясненій обвиняемыхъ (*протоколъ тотъ дозволяется оглашать въ судебномъ засѣданіи*—626 ст. у. у. с.).

476[1]. Обвиняемые должны явиться лично *и* могутъ, если пожелаютъ, пригласить съ собою защитниковъ (каждый не болѣе одного) изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ, ихъ помощниковъ, преподавателей правовѣдѣнія, (родственниковъ или свойственниковъ не дальше 2-й степени); потерпѣвшіе могутъ явиться лично *или* прислать своихъ довѣренныхъ (каждый не болѣе одного) изъ той же категоріи лицъ, какъ и обвиняемые. Въ подлежащихъ

случаяхъ обвиняемымъ и потерпѣвшимъ адвокатъ назначается предсѣдателемъ (или уѣзднымъ членомъ) окружнаго суда.

476^2. Жителямъ мѣстности, гдѣ совершено преступленіе, и сосѣдямъ обвиняемыхъ предоставляется при послѣднемъ спросѣ обвиняемыхъ слѣдователемъ имѣть своихъ выборныхъ съ совѣщательнымъ голосомъ; заявленіе о томъ дѣлается слѣдователю, который опредѣляетъ число и способъ назначенія выборныхъ.

476^3. Неявка кого-либо изъ получившихъ повѣстку или его довѣреннаго не останавливаетъ послѣдняго спроса обвиняемыхъ, но лишаетъ неявившагося безъ законной причины права жаловаться впослѣдствіи на неполноту предварительнаго слѣдствія и получать копіи слѣдственныхъ актовъ.

476^4. Въ случаѣ признанія слѣдователемъ необходимости дополнить слѣдствіе предоставляется всякому, присутствовавшему на послѣднемъ спросѣ обвиняемыхъ, присутствовать и при всѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ слѣдователя, но созывать ихъ для новаго предъявленія производства онъ не обязанъ.

Я уже упомянулъ, что новый порядокъ предъявленія слѣдствія или (какъ выражались создатели судебныхъ уставовъ въ 1863 г.), послѣдняго спроса обвиняемыхъ слѣдователемъ можетъ быть введенъ безъ самомалѣйшаго измѣненія другихъ частей устава уголовнаго судопроизводства или другихъ какихъ-либо законоположеній; но было бы, конечно, лучше и къ тому же весьма удобно, отмѣнить или ограничить нѣкоторыя (весьма немногія) другія статьи означеннаго устава, чтобы еще прочнѣе обставить успѣхъ и результатность новыхъ правилъ. Не претендуя исчерпать эту сторону вопроса, я не удержусь привести нѣсколько примѣровъ.

Во-первыхъ, могло бы быть *ограничено* примѣненіе 4 п. 304 и 475 статей. Право получать копіи слѣдственныхъ актовъ въ настоящее время важно и необходимо для потерпѣвшихъ и обвиняемыхъ именно потому, что они лишены теперь возможности привести съ собою адвоката, который могъ бы прочесть производство, а сами по своей неподготовленности не могутъ достаточно усвоить себѣ весь матеріалъ, чтобы разсказать его адвокату; копіи теперь имъ и нужны главнымъ образомъ для того, чтобы по нимъ адвокатъ могъ ознакомиться съ дѣломъ. Если же адвокату будетъ открытъ доступъ къ ознакомленію лично съ дѣломъ, хотя бы и въ концѣ слѣдовательской работы, то выдача копій теряетъ главное свое назначеніе. Между тѣмъ

копіи эти на практикѣ иногда вызываютъ злоупотребленія; покажетъ какой-нибудь обвиняемый ловкачъ въ деревнѣ свидѣтелямъ „копіи" ихъ показаній, похвастается предъ ними своею близостью со слѣдователемъ или письмоводителемъ послѣдняго, пригрозитъ имъ „отплатить"... и (у страха глаза велики, а у невѣжества закрыты) свидѣтели начинаютъ трусить, чуять бѣду, искать случая измѣнить свое показаніе; изрѣдка онъ пойдетъ къ слѣдователю и получитъ разъясненіе, чаще же его настроеніемъ воспользуется посвоему ловкачъ. Эти „копіи" вообще всегда поселяютъ полнѣйшее недоумѣніе и смуту въ умахъ безграмотной массы,—съ одной стороны, допросъ порознь и наединѣ, съ другой—„копія"?.. Для слѣдователя же обязанность выдавать копіи очень тяжела; въ камерѣ онъ одинъ, письмоводителей надежныхъ почти нѣтъ; сидѣть при писцѣ, пока тотъ копируетъ, некогда; отойти—рискованно... Думается, что отмѣнить вовсе 4 п. 304 ст. и измѣнить 475 ст. въ томъ смыслѣ, что слѣдователь обязанъ вообще выдавать копіи лишь своихъ постановленій о привлеченіи обвиняемыхъ и протоколовъ только осмотра или экспертизы *по просьбѣ* сторонъ, а копію постановленія объ арестованіи или объ обыскѣ *во всякомъ случаѣ*,—не значитъ умалить способы защиты.

Во-вторыхъ, 512 ст.; такъ какъ у прокуратуры по проектируемымъ мною правиламъ будетъ полная возможность всесторонне и даже сообща съ другими обсудить весь слѣдственный матеріалъ, дать о немъ отзывъ и потребовать въ случаѣ надобности дополненія его, то оставить за нею право и послѣ того возвращать дѣло къ дослѣдованію было бы совершенно излишне. Съ отмѣною этого права у товарища прокурора несомнѣнно выростетъ интересъ и вниманіе къ послѣднему спросу обвиняемыхъ на предварительномъ слѣдствіи, что принесетъ для дѣла самые лучшіе результаты и отразится на серьезности и продуктивности *общаго* обсужденія въ порядкѣ 476 ст.; наконецъ, отмѣна 512 ст., будучи естественнымъ послѣдствіемъ измѣненія 476 ст., окончательно отниметъ у прокуратуры соблазнъ возвращать иногда слѣдователю дѣло подъ пустыми предлогами несущественнаго дослѣдованія, а въ дѣйствительности для возвращенія себѣ возможности *отсрочить* почему-нибудь (напр., въ виду 517 ст. угол. суд.) обязанность дать заключеніе о дальнѣйшемъ направленіи дѣла по существу.

Въ третьихъ, ст. 1179, 1180 и 1181 станутъ совершенно ненужными. Въ настоящее время въ силу этихъ законовъ предварительное слѣдствіе о нарушеніи интересовъ „казенныхъ управленій" отъ слѣдователя передается въ надлежащее вѣдомство для

составленія спеціальнаго отзыва, а затѣмъ уже поступаетъ съ означеннымъ отзывомъ къ прокурорской власти, которая въ дальнѣйшемъ направленіи дѣла не стѣснена сообразоваться съ отзывомъ казеннаго управленія и можетъ высказать вполнѣ самостоятельное заключеніе. Если представитель казеннаго управленія внимательно отнесется къ представляемымъ имъ интересамъ при послѣднемъ спросѣ обвиняемыхъ и будетъ активно участвовать рядомъ съ лицомъ прокурорскаго надзора въ обсужденіи предъявляемаго слѣдствія, то его отзывъ, здѣсь произнесенный, будетъ едва ли не самый лучшій изъ возможныхъ. Отнимите у представителя казеннаго управленія надежду встрѣтиться съ оконченнымъ слѣдствіемъ въ кабинетѣ „управляющаго“ и онъ конечно будетъ аккуратно являться къ выполненію 476 ст. и будетъ вполнѣ подготовленъ къ соотвѣтственному отзыву; если же онъ не явится, значитъ дѣло не представляетъ для казны интереса и „отзывъ“ есть лишь процессуальная формальность [25]). Если эти дѣла пойдутъ отъ слѣдователя прямо къ прокуратурѣ процессуальная волокита сократится на *цѣлые мѣсяцы*, ибо „казенныя управленія“ очень рѣдко соблюдаютъ срокъ, установленный 1180 ст. уст. угол. суд.

Въ четвертыхъ можно бы по тѣмъ-же основаніямъ отмѣнить статьи 1228, 1024 и имъ подобныя.

4.

Я уже высказалъ, что новая редакція 476 ст. должна принести значительную пользу всѣмъ *участвующимъ въ слѣдствіи лицамъ*, не исключая и слѣдователя. Но вліяніе это должно пойти и далѣе, такъ сказать на сторону.

Для представителя прокурорской власти выпадетъ прекрасный случай вынести (столь цѣнное вообще) *непосредственное* впечатлѣніе изъ камеры слѣдователя о личности обвиняемаго и обездоленныхъ обвиняемымъ лицъ; коллективное и, такъ сказать, перекрестное *обсужденіе* слѣдственнаго матеріала облегчитъ ему трудъ составленія письменнаго заключенія о дальнѣйшемъ направленіи дѣла, которое иначе ему пришлось бы изучать гораздо дольше одному, причемъ онъ рисковалъ бы (что и случается)

---

[25]) Мнѣ извѣстенъ напр. случай, когда конфискованная контрабанда была оцѣнена дешевле 5 к., контрабандистка подлежала все-таки окружному суду, таможенное управленіе требовало преданія суду, но товарищъ прокурора полагалъ прекратить дѣло по мизерности контрабанды и судъ прекратилъ слѣдствіе.

пропустить или не дать надлежащей цѣны какой-нибудь мелкой житейской [26]), но характерной, подробности. И во всякомъ случаѣ очень важно уже одно то, что хоть одинъ изъ тѣхъ, кому нужно рѣшать вопросъ о преданіи суду, будетъ рѣшать не по одной только бумагѣ, но и на основаніи живого наблюденія. Время, потраченное на посѣщеніе слѣдователя, не пропадетъ даромъ для товарища прокурора, и во всякомъ случаѣ *подобное* наблюденіе за слѣдствіемъ будетъ и полезнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, и цѣлесоотвѣтственнѣе, чѣмъ поверхностный и часто лишь формальный просмотръ имъ дѣлъ, еще не оконченныхъ. Совмѣстная работа слѣдователя и товарища прокурора въ моменты предъявленія слѣдствій, можетъ быть, со временемъ установитъ лучшія между ними взаимоотношенія, чѣмъ какія наблюдаются обычно въ настоящее время, лучше заставитъ ихъ понять другъ друга, чтò для дѣла весьма не безразлично. Иногда обсужденіе дѣла въ порядкѣ 476 ст. можетъ убѣдить слѣдователя въ необходимости прекратить уголовное преслѣдованіе привлеченныхъ имъ обвиняемыхъ и онъ воспользуется 277 ст., такъ что товарищу прокурора не будетъ надобности по этому дѣлу писать своего заключенія о прекращеніи обвиненія—къ прямой экономіи его труда.

Для защитника (онъ вѣдь все-же для предварительнаго слѣдствія останется почти чужимъ) представится возможность легально и въ полной мѣрѣ осуществить *всю* свою обязанность; ему можно будетъ принять мѣры для своевременнаго (до суда) устраненія ошибокъ или неблагопріятнаго для обвиняемаго стеченія обстоятельствъ; онъ получитъ право изыскать новыя доказательства, которыя иначе вовсе, можетъ быть, не были бы констатированы; у него не будетъ уже запоздалыхъ (послѣ преданія суду) отзывовъ и жалобъ, что повторяется теперь (какъ можно видѣть изъ однихъ даже сборниковъ кассаціонныхъ рѣшеній) постоянно и что почти неизбѣжно, такъ какъ въ настоящее время стороны обращаются къ адвокату чаще всего лишь послѣ поступленія дѣла въ окружной судъ, т.-е. когда защитнику отрѣзана почти всякая возможность бороться противъ преданія суду или противъ принятыхъ на предварительномъ слѣдствіи мѣръ. Кто знаетъ, можетъ быть съ измѣненіемъ только одной 476 ст., съ полученіемъ права высказаться передъ слѣдователемъ хоть въ концѣ слѣдствія, адвокатъ (теперь выступитъ присяжный адвокатъ) потеряетъ цѣль прибѣгать къ „дополнительнымъ“ свидѣтелямъ и

---

[26]) Въ этомъ отношеніи указанія выборныхъ цѣнны и незамѣнимы особенно.

т. п. пріемамъ и перестанетъ строить свою защиту на системѣ указанія „сомнѣній“ и неполноты слѣдствія вмѣсто приведенія живыхъ и положительныхъ доказательствъ невиновности или невмѣняемости своего кліента. У него явится возможность, чего нѣтъ сейчасъ, активно и критически отнестись къ исповѣди своего кліента, которую теперь онъ иногда выслушиваетъ чуть не наканунѣ судебнаго слѣдствія; у него будетъ право провѣрить все сомнительное и загадочное *при помощи слѣдователя*, а не частнымъ, мало доступнымъ, путемъ, и подчась, можетъ быть, найдется мотивъ повліять на кліента, чтобы въ интересахъ истины, справедливости и собственной пользы тотъ отказался отъ хитросплетеній, не всегда безопасныхъ въ процессѣ.

Для нашихъ судей и особенно для присяжныхъ засѣдателей новый порядокъ выполненія 476 ст. слѣдователемъ принесетъ большое облегченіе въ ихъ трудной задачѣ. Теперь заявленіе обвиняемаго на судѣ вродѣ того, что слѣдователь не всѣ его объясненія записалъ въ протоколъ, что нѣкоторыя его оправданія или указанія отвергнуты безъ отмѣтки о томъ въ дѣлѣ и т. п.—невольно колеблетъ въ ихъ глазахъ значеніе слѣдовательской работы по данному дѣлу вообще. Вѣдь „чѣмъ болѣе стѣснена и отдалена защита, тѣмъ менѣе довѣрія внушаютъ судьямъ, въ особенности судьямъ изъ народа, актъ предварительнаго слѣдствія, въ которыхъ, если и не подозрѣваютъ сознательнаго обмана, то склонны видѣть и одностороннее увлеченіе, и недостатокъ вниманія въ сторону обвиняемаго. Тѣмъ болѣе вызываютъ къ себѣ добродушнаго довѣрія такія позднія и можетъ быть придуманныя и искусно соображенныя съ результатами всего слѣдствія возраженія противъ показаній свидѣтелей и актовъ слѣдствія, чѣмъ менѣе дано было обвиняемому участія на предварительномъ слѣдствіи въ допросѣ свидѣтелей... Истина, повидимому, открытая и установленная, затемняется и разрушается“...[27]). Сомнѣнія судей весьма понятны при полномъ незнакомствѣ съ личностью и качествами слѣдователя, но публичное и состязательное выполненіе 476 ст.—неоспоримая возможность обѣимъ сторонамъ высказаться и настаивать предъ слѣдователемъ, устранить самую возможность обвиняемымъ выѣзжать на любимомъ теперь конькѣ и не дозволитъ возникнуть у судей малѣйшему сомнѣнію въ этомъ направленіи, а это будетъ для нихъ большое облегченіе.

---

[27]) П. Я. Александровъ. Юр. Лѣт., 1892, № 3, стр. 206—207.

Есть, наконецъ, еще черта, которую никакъ не могу забыть. Введеніе нѣкоторой публичности при послѣднемъ спросѣ обвиняемыхъ на предварительномъ слѣдствіи и присутствіе тутъ кромѣ сторонъ и ихъ защитниковъ еще и выборныхъ отъ мѣстныхъ жителей, если послѣднія сего пожелаютъ, несомнѣнно, установитъ болѣе близкое общеніе между населеніемъ и слѣдователемъ, чего теперь вовсе незамѣтно, а, напротивъ, происходитъ даже какъ бы обратное отношеніе. Мѣстные жители какъ-то чураются судебнаго слѣдователя, бѣгутъ отъ него, стараются не дать ни малѣйшаго повода быть свидѣтелемъ или понятымъ. Конечно, причинъ этого явленія много, но не послѣдняя изъ нихъ—таинственность современнаго предварительнаго слѣдствія. Во мнѣніи окружающихъ слѣдователя невольно зарождается дума, высказанная К. П. Побѣдоносцевымъ приблизительно слѣдующими словами: „когда правосудіе избираетъ для себя таинственные пути—это значитъ, что въ путяхъ правосудія есть кривизна, которую оно опасается обнаружить". Подобныя думы и отвращаютъ всякаго отъ малѣйшаго прикосновенія съ судебнымъ слѣдователемъ, истинная задача котораго и границы обязанностей, какъ мнѣ случалось наблюдать не разъ, представляются и до сихъ поръ не малому числу лицъ совершенно смутно и даже превратно.

Отчасти эта таинственность предварительнаго слѣдствія, а отчасти ошибки и недостатки его, безпощадно раскрываемые и *подчеркиваемые* на публичныхъ судебныхъ засѣданіяхъ, создали судебному слѣдователю незавидную репутацію чего-то вродѣ неудачника-сыщика. Объ активномъ участіи мѣстнаго общества въ его дѣлѣ нынѣ нельзя и помечтать, хотя очевидно само собою, что участіе, отзывчивость на запросы и нужды слѣдствія, мало кому необходимы въ той мѣрѣ, какъ нашему судебному слѣдователю, соприкасающемуся непосредственно и прямо съ важными и живыми интересами общественной безопасности. Уголовный кодексъ крайне рѣдко расходится съ требованіями морали, и потому современная *форма дѣйствій*, а не служебное призваніе, является помѣхой взаимному общенію населенія и слѣдователя.

Всякій шагъ предварительнаго слѣдствія на встрѣчу естественнымъ запросамъ ближайшаго населенія отзовется, вѣрится мнѣ, въ послѣднемъ пробужденіемъ сознательнаго желанія содѣйствовать его успѣху и процвѣтанію. Однимъ изъ такихъ шаговъ было бы допущеніе въ указанныхъ мною границахъ публичности, защиты и выборныхъ отъ населенія при послѣднемъ спросѣ обвиняемыхъ слѣдователемъ. Участіе присяжной адвока-

туры осмыслитъ для прикосновенныхъ лицъ и ихъ близкихъ и уяснитъ имъ средства и задачи слѣдователя, а нѣкоторая публичность сблизитъ слѣдователя съ населеніемъ. Завѣса поднимется,—исчезнетъ мало-по-малу предубѣжденіе...

В. Малченко,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

КІЕВСКІЕ НОЧЛЕЖНИКИ.

Возникшая въ концѣ зимы 1893 г. въ г. Кіевѣ эпидемія тифа, которая послѣ своего появленія достигла довольно значительныхъ размѣровъ, вызвала въ городѣ толки о томъ, что главнѣйшимъ источникомъ заразы служатъ многочисленные въ Кіевѣ ночлежные дома, гдѣ ютится безпріютное и неимѣющее заработковъ населеніе города и куда стекаются на ночлегъ прибывающіе въ Кіевъ, для пріисканія заработка, крестьяне окрестныхъ губерній, посѣщенныхъ въ этомъ году неурожаемъ хлѣба. Заявленія этого рода послужили ближайшимъ поводомъ къ изслѣдованію положенія ночлежнаго населенія г. Кіева, которое, по распоряженію главнаго начальника края, и было произведено путемъ троекратной переписи ночлежниковъ (23 и 24 февраля и 10 марта 1893 г.). Перепись производилась всѣ три раза въ позднее вечернее время, начинаясь приблизительно часовъ съ 10 веч. и продолжаясь, въ среднемъ, до 2—3 ч. ночи, причемъ въ каждую изъ 3-хъ переписей были осмотрѣны всѣ имѣвшіеся въ виду ночлежные дома и переписаны всѣ находившіеся въ нихъ ночлежники. Осмотръ этотъ имѣлъ характеръ неожиданныхъ ревизій и потому далъ возможность обнаружить обстановку и жизнь ночлежныхъ домовъ въ ихъ обычныхъ, ничѣмъ не прикрытыхъ, не замаскированныхъ формахъ.

Въ послѣдующемъ, по возможности краткомъ изложеніи, приведены результаты произведеннаго изслѣдованія.

Всѣхъ ночлежныхъ домовъ, подвергнутыхъ переписи, было 21, изъ нихъ 15 было извѣстно полиціи до переписи, и 6 открыто производившими перепись ночлежныхъ домовъ путемъ разспросовъ переписывавшихся ночлежниковъ.

Такъ какъ величина ночлежныхъ домовъ весьма не одинакова, то количество ночлежниковъ, зарегистрованныхъ въ нихъ, колеблется между весьма крупными цифрами: въ частныхъ ночлежныхъ домахъ, содержимыхъ на средства различныхъ лицъ съ исключительною цѣлью наживы, найдено отъ 8 до 106 чел. ночлежниковъ; въ трехъ же домахъ, содержимыхъ съ благотворительною цѣлью—отъ 460 до 632. Большая часть ночлежныхъ домовъ находится на такъ называемомъ „Подолѣ",—въ Подольскомъ и Плоскомъ участкахъ г. Кіева,—меньшая—въ Лыбедскомъ участкѣ; въ прочихъ частяхъ города ночлежныхъ домовъ нѣтъ.

Ночлежники Подольскаго и Плоскаго участковъ г. Кіева составляютъ 62,5% общаго числа ночлежниковъ, а Лыбедскаго—37,5%. Въ благотворительныхъ домахъ ночуетъ 64% ночлежниковъ, въ частныхъ—36%.

Благотворительные дома являются значительно болѣе благоустроенными, сравнительно съ содержимыми частною предпріимчивостью. Женщины въ благотворительныхъ домахъ обыкновенно отдѣлены отъ мужчинъ въ особое помѣщеніе [1]), для каждаго ночлежника имѣется на общихъ нарахъ особое помѣщеніе, отдѣленное отъ каждаго изъ сосѣднихъ неширокою доскою; на ночь оставляется въ каждой комнатѣ зажженная, пущенная въ полъ-огня висячая лампа; при благотворительныхъ домахъ имѣются отхожія мѣста, особыя для каждаго отдѣленія, и наконецъ самыя помѣщенія здѣсь значительно просторнѣе и съ большимъ кубическимъ содержаніемъ воздуха, для вентиляціи котораго приняты извѣстныя мѣры (тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе неудовлетворительной вентиляціи и большого скопленія ночлежниковъ и въ благотворительныхъ домахъ воздухъ во время ночлега весьма спертый) [2]). Наоборотъ, въ частныхъ домахъ вообще (и особенно въ домахъ Плоскаго участка) вентиляціи никакой, помѣщенія очень низкія, сырыя, чрезвычайно тѣсныя и большею частью чрезмѣрно грязныя: безъ малѣйшаго признака какой бы то ни было мебели, кромѣ грязныхъ наръ, обыкновенно сплошь наполняемыхъ ночлежниками и ночлежницами, больными и здоро-

---

[1]) Нельзя не замѣтить, однако, что запираніе отдѣльныхъ ночлежныхъ комнатъ въ этихъ благотворительныхъ домахъ замками съ наружной стороны, обусловленное желаніемъ сохраненія большаго порядка и прекращенія на ночь сношенія между мужчинами и женщинами, въ случаѣ ночного пожара можетъ грозить несчастными послѣдствіями для ночлежниковъ.

[2]) Наибольшими неудобствами въ санитарномъ и другихъ отношеніяхъ отличается, изъ числа благотворительныхъ, домъ Лодвиговскаго.

выми, пьяными и трезвыми, лежащими въ повалку на нарахъ и подъ нарами на голомъ полу и въ проходахъ, такъ что воздухъ, благодаря скопленію спящихъ, становится ночью крайне удушливымъ, промозглымъ до нельзя, и вонь стоитъ въ помѣщеніи невыносимая, о которой невозможно имѣть понятія, не побывавъ тамъ во время ночевки; огни на ночь тушатся, что̀ даетъ полный просторъ и разврату, и кражамъ; отхожихъ мѣстъ въ домахъ не имѣется. Если прибавить къ этому соръ и грязь, приносимые на ногахъ, всякія разбросанныя и не убранныя лохмотья, объѣдки и наконецъ безчисленное множество паразитовъ, но и тогда все-таки человѣку, невидавшему всего этого лично, не легко будетъ представить всю неприглядность описываемой обстановки. Частныя ночлежныя помѣщенія всѣ почти устроены на одинъ ладъ; обыкновенно они состоятъ изъ одной комнаты съ нарами въ одинъ этажъ, причемъ нары эти или идутъ около стѣнъ, такъ что средина комнаты остается свободной, или же занимаютъ средину комнаты, изображая собою форму низкаго широкаго стола, къ которому имѣется проходъ около всѣхъ четырехъ стѣнъ комнаты. Спать на такомъ столѣ ложатся въ два ряда,—одинъ рядъ къ другому головами вмѣстѣ, ногами въ противуположныя стороны; такіе же два ряда ночлежниковъ устраиваются и подъ этимъ столомъ на полу. На нарахъ, устраиваемыхъ около стѣнъ, спятъ обыкновенно головами къ стѣнѣ, причемъ и подъ этими нарами тоже устраивается на полу цѣлый рядъ ночлежниковъ; въ тоже время во всѣхъ этихъ домахъ спящими на полу обыкновенно занимается на ночь и вся свободная отъ наръ середина ночлежнаго помѣщенія. Полъ ночлежной комнаты обыкновенно до-нельзя грязенъ, почти че́ренъ, какъ и самыя нары. Спятъ и женщины и мужчины всѣ вмѣстѣ безъ разбора, обыкновенно прикрытые какими-нибудь лохмотьями, или снятой съ себя одеждой. Посѣщая эти ночные дома по ночамъ, намъ не разъ приходилось натыкаться на сцены разврата, на спящихъ между мужчинами женщинъ, раздѣтыхъ положительнно до нага. Многіе ночлежники и ночлежницы оказывались пьяными, или подвыпившими; многіе—спавшими безъ всякой подстилки, другіе — преимущественно тѣ, которые уже стали постоянными жильцами даннаго ночлежнаго дома, — на грязныхъ изодранныхъ постеляхъ изъ сбора рваныхъ одеждъ, одѣялъ, или изъ матрацовъ, сдѣланныхъ изъ мочалъ, соломы и всякаго хлама. Одинъ изъ осмотрѣнныхъ частныхъ домовъ состоялъ изъ 2-хъ, предназначенныхъ для ночлега, комнатъ, изъ которыхъ одна носила названіе „дворянской“. Тамъ, вмѣсто наръ, поставлены

односпальныя плохенькія желѣзныя кровати съ жидкими тюфячками и плата за мѣсто полагается увеличенная, вслѣдствіе чего пользуются этими койками болѣе денежные изъ ночлежниковъ, занимая ихъ обыкновенно парами (мужчина и женщина); но въ той же комнатѣ, благодаря завѣдомо большей состоятельности ея ночлежниковъ, чаще, чѣмъ въ сосѣдней и чѣмъ въ большинствѣ прочихъ ночлежныхъ домовъ, бываютъ и случаи обкрадыванія ночлежниковъ ночлежниками.

Съ наступленіемъ утра ночлежники изъ благотворительныхъ домовъ обыкновенно выдворяются и до вечерняго ихъ прибытія могутъ, конечно, быть приняты нѣкоторыя мѣры къ наилучшему вентилированію помѣщеній; въ частныхъ же домахъ удаленіе ночлежниковъ на день зависитъ единственно отъ усмотрѣнія ихъ хозяевъ и соглашенія послѣднихъ съ своими ночлежниками, причемъ хозяева эти, даже и въ случаѣ ухода всѣхъ ночлежниковъ, не проявляютъ заботъ о вентиляціи своихъ помѣщеній, обыкновенно неимѣющихъ даже простыхъ форточекъ. Обыкновенно же тѣ изъ ночлежниковъ, которые уже ночуютъ въ этихъ домахъ постоянно, безъ особой надобности не уходятъ изъ нихъ и на день, еще болѣе засаривая ихъ своимъ присутствіемъ, еще болѣе содѣйствуя порчѣ воздуха.

Общее число лицъ, переписанныхъ въ ночлежныхъ домахъ, достигаетъ цифры 2,965 человѣкъ; изъ нихъ женскаго пола 446, т.-е. 15%.—Изъ общаго числа 1972 чел. (взрослыхъ), о которыхъ собраны свѣдѣнія относительно того, холосты они, женаты, вдовы, замужемъ, или дѣвицы, 664 состоятъ „въ законномъ бракѣ", что составляетъ около 34% (изъ нихъ женщинъ 107, т.-е. 16%), остальные 66% ведутъ внѣбрачную жизнь. Но и изъ числа состоящихъ въ бракѣ многіе супруги живутъ врозь другъ съ другомъ болѣе или менѣе давно и заявляютъ, что они разошлись навсегда; изъ общаго числа женатыхъ и замужнихъ такихъ 94, т.-е. 14%; такъ какъ они въ фактическомъ сожительствѣ не состоятъ, то ихъ слѣдуетъ причислить къ числу ведущихъ фактически внѣбрачную жизнь, тогда % послѣднихъ возрастетъ среди ночлежниковъ до 71 (въ томъ числѣ мужчинъ, ведущихъ внѣбрачную жизнь 70,5%, а женщинъ 73,5%). Сверхъ того имѣются супружескія пары, хотя и не разошедшіеся другъ съ другомъ окончательно, но фактически живущіе врозь (жена или мужъ „на родинѣ", жена или мужъ служатъ „въ прислугахъ") и имѣющіе поэтому между собою болѣе или менѣе рѣдкія сношенія; съ присоединеніемъ сихъ послѣднихъ, % ведущихъ (фактически) внѣбрачную жизнь

повысится до 77%. Но такъ какъ имѣются еще супружескія пары такого рода, изъ которыхъ мужъ и жена проводятъ ночи въ ночлежныхъ домахъ, гдѣ мужчины отдѣляются отъ женщинъ (дома Терещенко), т.-е. пары совсѣмъ, или почти совсѣмъ не пользующіяся условіями брачной жизни, поэтому приведенный выше % (77) слѣдуетъ считать не только непреувеличеннымъ, но скорѣе уменьшеннымъ. Все это убѣждаетъ несомнѣнно въ томъ, что громадное большинство ночлежниковъ въ дѣйствительности ведетъ внѣбрачную жизнь и потому весьма значительный процентъ ихъ вынужденъ для удовлетворенія половыхъ инстинктовъ прибѣгать къ временному внѣбрачному сожитію, которому, надо сказать кстати, въ особенности способствуютъ платные ночлежные дома, содержимые на частныя средства, гдѣ женщины спятъ на нарахъ въ перемежку съ мужчинами, часто пьяныя, полураздѣтыя, иногда (какъ оказалось при переписи) даже совершенно нагія. Если послѣ сказаннаго выше принять во вниманіе, что въ ночлежныхъ домахъ, устроенныхъ съ благотворительною цѣлью (и гдѣ женщины отдѣлены отъ мужчинъ), женское ночлежное населеніе составляетъ только 10%, а въ остальныхъ 19,1% (т.-е. вдвое большій %) и что въ первомъ случаѣ „дѣвицы“ составляютъ только 30% женскаго населенія, а во-второмъ 41%, то роль частныхъ ночлежныхъ домовъ въ отношеніи разврата будетъ еще яснѣе.

По сословіямъ населеніе ночлежныхъ домовъ распредѣляется на слѣдующія группы: крестьяне составляютъ 47,1%, мѣщане 25,6%, отставные и безсрочно-отпускные солдаты 20,2%; дворянъ 2,6%, бывшихъ чиновниковъ 0,8%; происходящихъ изъ духовнаго званія 0,5%, иностранцевъ 0,4%, остальные 1,% состоятъ изъ почетныхъ гражданъ и лицъ, званіе которыхъ опредѣлить не удалось.

По вѣроисповѣданію то же населеніе даетъ 95,4% православныхъ, 3,5% католиковъ и 1,1% лютеранъ, іудеевъ и магометанъ.

Распредѣленіе сословныхъ и вѣроисповѣдныхъ группъ по разнымъ ночлежнымъ домамъ не представляетъ ничего особеннаго: по отмѣченному переписью размѣщенію ночлежниковъ въ этихъ домахъ видно, что ночлежники изъ дворянъ, духовныхъ, почетныхъ гражданъ и чиновниковъ, предпочтительно ночуютъ въ болѣе благоустроенныхъ благотворительныхъ домахъ, относительно же прочихъ ночлежниковъ, судя по даннымъ, нельзя заключить, чтобы та или другая сословная или вѣроисповѣдная группа ночевала въ извѣстныхъ домахъ предпочтительно передъ

другими, хотя вообще почти каждый домъ имѣетъ извѣстный % ночлежниковъ, ночующихъ въ немъ болѣе или менѣе постоянно; процентъ этотъ особенно значителенъ въ домахъ, устроенныхъ съ благотворительною цѣлью.

По мѣсту, откуда ночлежники прибыли въ Кіевъ, и по мѣсторожденію ихъ, ночлежное населеніе дѣлится на слѣдующія группы: прежде всего г. Кіевъ (безъ губерніи) даетъ 17,2% ночлежниковъ, родившихся и пребывавшихъ въ г. Кіевѣ, ночлежники же пришедшіе сюда изъ другихъ губерній, считая и Кіевскую (безъ г. Кіева) по преимуществу прибыли именно изъ губерніи Кіевской (35,5% прибывшихъ изъ губерній), 16,7% изъ Черниговской, 8,7% изъ Орловской, 5,5% изъ Могилевской, 4,7% изъ Полтавской и 4,3% изъ Курской; остальныя губерніи дали меньшіе %% прибывшихъ (въ томъ числѣ Волынская 2,5, Подольская 1,7). Изъ уѣздовъ Кіевской губерніи наибольшій % ночлежниковъ (87%) дали шесть уѣздовъ: Кіевскій (35,2%), Васильковскій (15,8%), Радомысльскій (10,7%), Сквирскій (9%), Каневскій (8,6%) и Звенигородскій (7,9%),—т.-е. по преимуществу болѣе близкіе къ г. Кіеву уѣзды; остальные же 6 уѣздовъ дали всего 13% ночлежниковъ изъ названной губерніи.

Губерніи, по % ночлежниковъ, въ нихъ родившихся или изъ нихъ прибывшихъ, распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

	% ночлежниковъ	
	по мѣсту рожденія.	по „мѣсту прибытія“.
Юго-Западныя	39,8	39,7
Малорусскія	23,0	22,7
Центральныя-земледѣльческія	16,7	15,0
Бѣлорусскія	8,6	7,5
Центральныя промышленныя	5,5	5,7
Сѣверныя, восточныя, и юго-восточн., прибалтійскія, кавказскія и сибирскія	2,4	2,7
Новороссійскія	1,1	3,3
Польскія	1,6	2,1
Сѣверо-Западныя	1,3	1,3

Такимъ образомъ, наибольшій процентъ ночлежниковъ даютъ губерніи юго-западныя [3]), затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ—малорусскія, центральныя земледѣльческія и бѣлорусскія. Здѣсь тоже отчасти замѣчается увеличеніе % ночлежниковъ, въ зависимости отъ степени близости губерній къ Кіеву [4]), (особенно если принять во вниманіе, что сѣверо-западныя и поль-

[3]) Особенно Кіевская (какъ сказано выше).

[4]) См. выше.

скія губерніи, имѣя вблизи другой центръ,—Варшаву [5]), а Новороссійскія — Одессу [6]), по всей вѣроятности преимущественно тяготѣютъ къ этимъ центрамъ). Вышеизложенное даетъ основаніе думать, что разница въ величинѣ % ночлежниковъ изъ разныхъ раіоновъ Россіи стоитъ, вѣроятно, въ зависимости отъ различія въ размѣрахъ общаго — въ г. Кіевѣ наплыва пришлаго люда изъ разныхъ мѣстностей, т. е. что большій процентъ пришлаго—осѣвшаго въ Кіевѣ—населенія изъ извѣстныхъ районовъ даетъ и относительно большій процентъ лицъ, вынужденныхъ пользоваться ночлежными домами и наоборотъ. Это отчасти подтверждается сравненіемъ съ данными общей по г. Кіеву однодневной переписи 1874 г. [7]). Хотя данныя этой переписи немного и устарѣли (съ тѣхъ поръ прошло около 19 лѣтъ), но такъ какъ другихъ — столь же точныхъ данныхъ совсѣмъ не имѣется и такъ какъ, съ другой стороны, нѣтъ никакихъ особенныхъ основаній предполагать, что за этотъ періодъ времени могли существеннымъ образомъ измѣниться причины предпочтительнаго тяготѣнія населенія извѣстныхъ мѣстностей именно къ г. Кіеву, то, съ нѣкоторою осторожностью, казалось бы, можно воспользоваться, для сравненія, и данными 1874 г. Принимая поэтому, что характеръ населенія г. Кіева (по мѣсту родины прибывшихъ въ него жителей) въ *главнѣйшихъ* чертахъ и нынѣ остался тотъ же, что и въ 1874 году не трудно видѣть, что проценты ночлежниковъ по мѣсту родины въ извѣстной мѣрѣ совпадаютъ съ процентами всего населенія г. Кіева, тоже распредѣленнаго по мѣсту родины:

	Родившіеся въ г. Кіевѣ:	Родомъ изъ Юго-Зап. края, Малороссіи и Новороссіи:	Великорусскихъ губерній:	Родомъ изъ Бѣлоруссіи;	Родомъ изъ ост. частей Россіи:
	% къ общему количеству населенія.				
По даннымъ переписи всего населенія въ 1874 году	28,2	45,5	13,3	8,2	—
	% къ общему количеству ночлежниковъ.				
Ночлежники по нынѣшней переписи .	17,2 [7*])	52,4	18,5	6,6	—

[5]) И частью г. Вильно.

[6]) И частью (Екатеринославская губ.)—Харьковъ.

[7]) „Кіевъ и его предмѣстья“ по переписи 2 марта 1874 г., произведенной и разработанной Юго-Зап. отдѣломъ Имп. Рус. Географическаго Общества“,—трудъ, изданный по распоряженію Кіев., Подол. и Волынскаго Генералъ-Губернатора.

[7*]) Вполнѣ понятно, кажется, что процентъ *ночлежниковъ* изъ числа собственно кіевлянъ долженъ быть меньше % кіевлянъ въ ряду всего населе-

Изъ приведеннаго сравненія видно, что какъ въ средѣ всего кіевскаго населенія, такъ и между ночлежниками преобладаютъ родившіеся въ Юго-Западномъ краѣ, Малороссіи и Новороссіи, затѣмъ второе мѣсто занимаютъ великоруссы, послѣ нихъ бѣлоруссы, а послѣднее мѣсто въ обоихъ случаяхъ—родившіеся въ остальныхъ губерніяхъ. Если провести такое сравненіе дальше—по отдѣльнымъ губерніямъ,—и посмотрѣть, изъ какихъ губерній по преимуществу происходятъ нынѣшніе кіевскіе ночлежники и изъ какихъ преимущественно губерній родомъ жители г. Кіева вообще (по переписи 1874 г.), то окажется, что и тѣ и другіе происходятъ, главнѣйше, изъ однѣхъ и тѣхъ же губерній. Вотъ перечень этихъ губерній, въ которыхъ послѣдніе расположены въ порядкѣ пониженія % лицъ, происходящихъ изъ этихъ губерній, къ общему числу ихъ (въ Кіевѣ—и въ средѣ ночлежниковъ):

По переписи 1874 г.	По ночлежной переписи 1893 г.
Кіевская.	Кіевская.
Черниговская.	Черниговская.
Волынская.	Орловская.
Полтавская.	Могилевская.
Подольская.	Полтавская.
Могилевская и Минская.	Курская.
Орловская.	Волынская.
Курская.	Подольская.

т.-е. въ обоихъ рядахъ значатся однѣ и тѣ же губерніи.

Остальныя же губерніи въ обоихъ случаяхъ занимаютъ низшее (и сравнительно ничтожное) мѣсто по % лицъ, въ нихъ родившихся.

Такимъ образомъ вышеизложенное даетъ основаніе думать, что составъ ночлежниковъ по мѣсту ихъ рожденія и мѣсту, откуда они прибыли [8]) стоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ общаго состава кіевскаго населенія. Изъ общаго числа всѣхъ ночлежниковъ 26,5% (785 чел.), не имѣютъ видовъ на жительство; въ частныхъ домахъ обыкновенно ночуетъ большій % безпаспортныхъ, чѣмъ въ благотворительныхъ, въ которыхъ безпас-

---

нія Кіева, такъ какъ мѣстные люди (кіевляне) имѣютъ, сравнительно съ пришлыми людьми, больше возможности удержаться внѣ ночлежныхъ домовъ на собственныхъ квартирахъ.

[8]) Какъ оказалось по переписи ночлежниковъ, большая часть ихъ оттуда же и родомъ, откуда прибыли въ Кіевъ, т.-е. большинство прибыло въ Кіевъ прямо съ родины.

портныхъ переписано 20,5%, тогда какъ въ частныхъ ихъ найдено 37% [9]).

Интересенъ фактъ присутствія въ ночлежныхъ домахъ цѣлой группы лицъ, не имѣющихъ видовъ на жительство, благодаря просрочкѣ своихъ паспортовъ и неполученія ихъ изъ мѣста своего постояннаго мѣстожительства. Въ ожиданіи этого полученія нѣкоторыя изъ такихъ лицъ, имѣя постоянныя мѣста, вынуждены уходить на ночлегъ, вслѣдствіе опасенія хозяевъ держать у себя въ услуженіи безпаспортныхъ (на день они возвращаются къ хозяевамъ на работу).

По времени пребыванія въ Кіевѣ иногородные ночлежники [10]) разбиваются на слѣдующія группы:

% живущихъ въ г. Кіевѣ въ теченіе времени:							
До 1 недѣли.	Отъ недѣли до 1 мѣсяца.	Отъ 1 мѣсяца до 2 мѣсяцевъ.	Отъ ½ года до 1 года.	Отъ 1—2 лѣтъ.	Отъ 2—5 лѣтъ.	Отъ 1—10 лѣтъ.	Отъ 1 и болѣе лѣтъ.
23,1	8,8	13,8	8,0	4,1	8,0	6,9	27,3

Отсюда видно, что большинство ночлежниковъ принадлежитъ къ двумъ разнохарактернымъ группамъ: во-1-хъ, къ категоріи людей, пребываніе коихъ въ г. Кіевѣ измѣряется всего нѣсколькими днями; во-2-хъ, къ категоріи лицъ, живущихъ въ Кіевѣ уже издавна. Надо думать поэтому, что ночлежными домами обыкновенно пользуется извѣстный % пришлаго люда въ первые дни его пребыванія въ Кіевѣ, т.-е. ночлежные дома исполняютъ въ этомъ случаѣ роль гостинницы или постоялыхъ дворовъ [11]).

При этомъ въ благотворительныхъ домахъ % ночлежниковъ изъ недавноприбывшихъ въ Кіевъ замѣтно меньше, чѣмъ въ частныхъ (въ первыхъ 47% всѣхъ ночлежниковъ этого рода, а въ послѣднихъ 53%) [12]), тогда какъ издавна живущіе въ Кіевѣ

---

[9]) Большій процентъ безпаспортныхъ, ночующихъ по частнымъ ночлежнымъ домамъ найденъ въ Лыбедскомъ участкѣ (41%), меньшій въ Плоскомъ (36%) и еще меньшій въ Подольскомъ участкѣ (31%); въ благотворительныхъ же ночлежныхъ домахъ наименьшій % безпаспортныхъ (18%) найденъ въ д. Терещенко на Бессарабкѣ (въ Лыбедскомъ уч.) и наибольшій въ другомъ д. Терещенко въ Плоскомъ уч. (22,7%); средній изъ нихъ въ д. Людвиковскаго, на Подолѣ (19%). Въ частныхъ на Подолѣ ночлежныхъ домахъ, существованіе коихъ стало извѣстно только во время самой переписи, зарегистрованъ наибольшій % безпаспортныхъ—41.

[10]) 2457.

[11]) Въ нѣкоторыхъ домахъ во время переписи найдены въ числѣ ночлежниковъ и извощики, пріѣхавшіе съ грузами въ Кіевъ.

[12]) Несомнѣнно, что извощикамъ, напр., какъ пребывающимъ съ лошадьми, и невозможно останавливаться въ благотворительныхъ домахъ, для этого совсѣмъ не приспособленныхъ.

предпочтительно устраиваются въ болѣе удобныхъ благотворительныхъ домахъ, гдѣ ихъ (собственно живущихъ въ Кіевѣ уже 10 и болѣе лѣтъ) 73%, между тѣмъ, какъ въ частныхъ домахъ такихъ ночлежниковъ всего 27%. Соотвѣтственно этому и изъ ночлежниковъ-кіевлянъ большинство ($66^1/_2$%) тоже ночуетъ въ благотворительныхъ домахъ,

По цѣлямъ прибытія въ Кіевъ переписанные ночлежники въ большинствѣ своемъ принадлежатъ къ числу пришедшихъ на поиски заработковъ [13]) (по крайней мѣрѣ такъ говорятъ о первоначальной цѣли своего прибытія даже и многіе изъ тѣхъ, которые въ настоящее время представляютъ изъ себя тунеядцевъ, людей спившихся, или страдающихъ параличомъ и т. п.); кромѣ того 4,6% прибывшихъ извнѣ ночлежниковъ принадлежатъ къ разряду лицъ, бывшихъ здѣсь въ военной службѣ и по окончаніи ея оставшихся въ Кіевѣ на жительство, 3,6% пришло сюда къ своимъ семьямъ (и затѣмъ почему либо осталось здѣсь жить), 3% пришедшихъ на богомолье и 2,3% безъ опредѣленной цѣли.

Остальныя причины прибытія въ Кіевъ (измѣряемыя еще болѣе ничтожными процентами лицъ) сводятся къ пріѣзду по дѣлу, для леченія, для торговыхъ цѣлей, для обученія ремеслу,— къ временному пребыванію здѣсь проѣздомъ и т. п.

Что касается размѣровъ заработка ночлежниковъ, то для лучшаго контроля собираемыхъ по этому вопросу данныхъ, не всегда сообщаемыхъ съ достаточною откровенностью, при переписи собирались у однихъ и тѣхъ же и у разныхъ ночлежниковъ свѣдѣнія, какъ о подденномъ, такъ и о понедѣльномъ и помѣсячномъ заработкахъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній выяснилось, что поденный заработокъ колеблется отъ 5 коп. (у занимающихся нищенствомъ) до 1 руб. (у занимающихся ремесломъ), причемъ наичаще встрѣчающійся и среднiй заработокъ равенъ 30 — 35 коп. Но при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ среднемъ выводѣ ночлежникъ работаетъ всего 2 — 3 дня въ недѣлю. Это объясняетъ, почему среднiй недѣльный заработокъ равенъ приблизительно 1 рублю (minimum 40 к., maximum 3 рубля). Мѣсячный заработокъ колеблется между 1 руб. (одинъ исключительный случай) и 20 руб. (тоже исключительный случай), достигая въ среднемъ 5—6 руб. Показанія о мѣсячномъ заработкѣ относятся частію къ прислугѣ, частію къ находящимся въ услуженіи и временно

---

[13]) 81,3% общаго числа прибывшихъ извнѣ.

неимѣющимъ видовъ на жительство (о чемъ говорилось выше), а также и къ отдѣльнымъ случаямъ помѣсячнаго найма ремесленниковъ. Цифра 5—6 руб. средняя для всѣхъ этихъ „среднихъ показаній разныхъ группъ работниковъ и работницъ. Первыя показанія—о подденномъ и недѣльномъ заработкѣ—по преимуществу относятся къ занимающимся, „черными“ работами.

По спеціальностямъ и по роду труда, которымъ занимаются ночлежники, они могутъ быть разбиты на слѣдующія, приведенныя въ предлагаемой ниже табличкѣ, группы:

	% лицъ, занимающихся этими спеціальностями (или знающихъ ихъ), къ общему числу таковыхъ:																
	Черворабочіе.	Нищіе.	Прислуга, служба въ торговыхъ заведеніяхъ.	Мелкая торговля, барышничество.	Извозчики.	Дѣланіе свѣчъ.	Печники, каменщики, штукатуры.	Рыболовы, матросы.	Сапожники, шорники, портные, швеи, ткачи, чулочники.	Плотники, столяра, маляры, токари.	Переплетчики, папиросники, обойщики, упаковщики, „фотографщики“, полотеры.	Повара, булочники.	Слесаря, мѣдники, золдѣлъ мастера, оружейники, кузнецы, кровельщики.	„Типографщики“, телеграфисты, писаря, адвокаты, фельдшера.	Ничѣмъ незанимающіеся.	Общее число лицъ, о коихъ собраны эти свѣдѣнія.
м. п.	65,2	5,2	5,5	0,9	1,2	0,1	0,9	0,3	3,2	3,0	0,4	1,0	1,8	1,5	9,8	2521
ж. п.	42,4	14,0	32,5	1,6	—	—	—	—	2,5	—	—	—	—	—	7	444[14])

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что большинство мужчинъ никакой спеціальности не знаетъ и живетъ поденщиной „черными работами“, часть изъ нихъ ходитъ „по прислугамъ“ и нищенствуетъ, около 10% ничѣмъ не занимаются. Эти послѣдніе, какъ и женщины, ничѣмъ не занимающіяся (7%), большею частію стары, дряхлы, или неспособны къ работѣ, вслѣдствіе увѣчій—они ходятъ кормиться по монастырямъ, или по знакомымъ, по благотворительнымъ столовымъ и отчасти тоже занимаются нищенствомъ. Собственно же изъ числа ночлежниковъ женскаго пола большинство тоже занимаются черными поденными работами [15]), этихъ 42,4%, а 32,5% занимается

[14]) Проститутки (профессіональныя, — добывающія этимъ средства къ существованію) пропущены, потому что большинство ихъ скрыло эту свою спеціальность и еще потому, что ихъ вообще очень трудно выдѣлить изъ среды ночлежницъ, большинство которыхъ легко вступаютъ въ сожитіе съ посторонними мужчинами.

[15]) Мужчины: очисткой дворовъ отъ снѣга, сора, копатели канавъ, работами въ садахъ, огородахъ, на пристаняхъ, очисткою улицъ по найму, ношеніемъ тяжестей и т. п. Женщины (поденнымъ) мытьемъ половъ, бѣлья и т. п.

„на мѣстахъ“, ходитъ „по прислугамъ“, при чемъ большая часть ихъ служитъ на мѣстахъ не долгое время, въ среднемъ 1—3 мѣсяца, и затѣмъ увольняется вслѣдствіе пьянства, воровства, лѣности, или просто по нежеланію продолжать трудиться послѣ того, какъ въ карманѣ лежатъ рубль или два, заработанныя на мѣстѣ. Тогда, отходя съ мѣста, такая ночлежница (или ночлежникъ) вновь день проводитъ или на улицѣ, или въ лучшемъ случаѣ—въ мѣстныхъ монастыряхъ и Лаврѣ, гдѣ и получаютъ себѣ пищу, или же въ скверныхъ трактирахъ и кабакахъ (главное мѣстопребываніе ночлежницъ, оставшихся въ данный день безъ работы, или имѣющихъ деньги въ карманѣ „для пропоя“,—особенно ночлежницъ не слишкомъ старыхъ и могущихъ осуществить свою наклонность къ проституціи), на ночь же отправляется въ ночлежный домъ [15]). Однако въ числѣ „прислуги“ обоего пола есть небольшой % такихъ, которые дѣйствительно болѣе или менѣе постоянно живутъ на мѣстахъ и приходятъ въ ночлежные дома только въ дни, когда останутся безъ мѣста и вслѣдствіе неимѣнія другого мѣста для ночлега, или не желая тратить деньги на наемъ квартиры. Обыкновенно днемъ они толпятся въ конторахъ для найма прислуги, или ходятъ „по мѣстамъ“, для отысканія себѣ „должности“. Кромѣ того, изъ числа лицъ, знающихъ извѣстную спеціальность, часть тоже пребываетъ въ ночлежныхъ домахъ временно, впредь до пріисканія работы, или до открытія навигаціи, чтобы уѣхать къ себѣ на родину (и уже тамъ заняться своею спеціальностью),—это тѣ, которымъ не удалось (и представляется очень труднымъ) найти въ Кіевѣ подходящее себѣ мѣсто.

Вопросы этого рода разъясняются еще данными, собранными отъ ночлежниковъ, путемъ разспросовъ о томъ, что они имѣютъ въ виду въ ближайшемъ, по крайней мѣрѣ, будущемъ. Изъ 2965 человѣкъ имѣютъ въ виду постоянно жить и кончить жизнь въ ночлежномъ домѣ 22,7% (675), сверхъ того 4,9% (146) имѣютъ въ виду жить, то поступая на мѣсто, то возвращаясь въ ночлежный домъ (см. выше), т.-е. въ концѣ концовъ кончить жизнь такимъ же ночлежникомъ (или ночлежницей), какъ и нынѣ. Слѣ-

[15]) Проводя такимъ образомъ 2—3 мѣсяца, впредь до того времени, когда придетъ вновь охота или нужда поступить въ прислуги на мѣсяцъ, на два (причемъ въ этотъ промежутокъ времени при надобности нанимается на поденныя работы). — Большинство постоянныхъ ночлежниковъ и ночлежницъ въ силу отвычки отъ труда и привычки къ своеобразнымъ условіямъ жизни въ ночлежныхъ домахъ, очень цѣнитъ свою свободу—заботливо относится къ вопросу о своей независимости отъ нанимателя.

довательно, такихъ „вѣчныхъ ночлежниковъ" надо считать 27,6%; но есть еще группа ночлежниковъ, которая, на вопросы о томъ, что̀ имѣетъ въ виду, отвѣчала вполнѣ безнадежнымъ: „ничего" (такихъ 13,4%). Значительное число ихъ (%% 5 – 7), несомнѣнно, тоже окончитъ свою жизнь въ ночлежномъ домѣ, слѣдовательно, общее число „вѣчныхъ ночлежниковъ" должно быть опредѣляемо приблизительно въ 32½—34½% всего числа посѣтителей ночлежныхъ домовъ. Имѣютъ въ виду отъѣздъ изъ Кіева при первой возможности (большею частью съ открытіемъ навигаціи, или по заработаніи необходимой на выѣздъ суммы) 14,8% (442 чел.); 1,1% имѣютъ въ виду обученіе ремеслу (обыкновенно подростки), 3% имѣютъ въ виду выйти изъ ночлежнаго дома при первой возможности, продолжая заниматься черными работами (вслѣдствіе незнанія какой-либо спеціальности), 39,5% имѣютъ въ виду найти „службу" или „работу", при чемъ вопросъ о томъ, воротятся ли они послѣ пріисканія „работы" или „службы" въ ночлежные дома, будетъ зависѣть отъ условій работы, долговременности ея (или служенія на мѣстѣ) и т. п.; 0,3% хлопочутъ о поступленіи въ богадѣльню.

Значительное большинство имѣющихъ въ виду кончить жизнь въ ночлежномъ домѣ (около 80%), большая часть не имѣющихъ въ виду „ничего", слѣдовательно, имѣющихъ кончить жизнь тоже въ ночлежномъ домѣ (около 82%), и часть (около ⅛), имѣющихъ въ виду отъ времени до времени получать мѣсто, продолжая все-таки посѣщеніе ночлежныхъ домовъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки, устроились въ благотворительныхъ ночлежныхъ домахъ—такихъ тамъ 74,5%, тогда какъ въ частныхъ домахъ ихъ 25,5%. Въ благотворительныхъ же домахъ ночуютъ и всѣ собирающіеся поступать въ богадѣльни. Изъ числа имѣющихъ въ виду „отъѣздъ" изъ Кіева, 60% ночуютъ въ благотворительныхъ домахъ; 63%, имѣющихъ въ виду службу (въ прислугахъ разнаго рода) и работу, ночуютъ въ тѣхъ же домахъ; всѣ имѣющіе въ виду обученіе ремеслу записаны переписью въ частныхъ домахъ.

Что касается распредѣленія ночлежниковъ по названнымъ группамъ (въ зависимости отъ того, что̀ они имѣютъ въ виду)—по частнымъ и благотворительнымъ домамъ, то оно характеризуется нижеприведенной табличкой:

	$^0/_0$ имѣющихъ въ виду:								
	Ночлежный домъ.	Мѣста и ночлежный домъ.	Отъѣздъ.	Службу и работу.	Ничего.	Богадѣльню.	Черн. раб.	Ремесло.	Итого.
Въ благотворительныхъ домахъ	28	2,4	13,3	38,5	17	0,3	—	—	100
Въ частныхъ домахъ. .	13,3	9,4	16,9	41	6,9	0,3	9,1	3,1	100

Изъ общаго числа ночлежниковъ неспособны къ труду (вслѣдствіе истощенія силъ, маразма, дряхлости, калѣчества) $15^0/_0$ [16]). Изъ нихъ $77^0/_0$ ночуетъ въ благотворительныхъ ночлеж. домахъ.

По возрастному составу ночлежники дѣлятся на слѣдующія группы (въ $^0/_0{}^0/_0$):

	До 7 лѣтъ.	Отъ 7 — 14 лѣтъ.	Отъ 14—18 лѣтъ.	Отъ 18—40 лѣтъ.	Отъ 40—50 лѣтъ.	Отъ 50—60 лѣтъ.	Отъ 60 и болѣе.
Мужескій полъ . . .	0,03	0,6	2,3	52	18,1	18,2	8,7

	До 7 лѣтъ.	Отъ 7 — 12 лѣтъ.	Отъ 12—16 лѣтъ.	Отъ 16—35 лѣтъ.	Отъ 35—45 лѣтъ.	Отъ 45—55 лѣтъ.	Отъ 55 и болѣе.
Женскій полъ . . .	0,3	0,1	2,0	35	27,2	21,0	14,4

Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что около $90^0/_0$ ночлежниковъ обоего пола находятся въ возрастѣ 18—55 л., т.-е. въ возрастѣ зрѣломъ, когда человѣкъ наиболѣе способенъ къ работѣ.

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, количество лицъ въ старческомъ возрастѣ приблизительно (по $^0/_0{}^0/_0$) совпадаетъ съ числомъ неспособныхъ къ труду, что̀ и доказываетъ правильность вышеприведеннаго указанія, что у ночлежниковъ физическая неспособность къ труду обусловливается главнымъ образомъ старостью и истощеніемъ силъ. Дѣтей въ ночлежныхъ пріютахъ немного; изъ нихъ 2 въ возрастѣ до 7 л., 10 въ возрастѣ отъ 7 до 12—14 л. и 36 подростковъ отъ 12—14 до 16—18 лѣтъ ночуютъ въ благотворительныхъ домахъ, остальные (1 + 6 + 31,— считая въ томъ же порядкѣ) въ частныхъ домахъ. Кромѣ того въ ночлежномъ пріютѣ Терещенко въ Плоскомъ участкѣ обыкновенно ночуютъ дѣти сосѣдняго съ нимъ дневного пріюта для бѣдныхъ дѣтей. По разспросамъ хозяевъ и дворниковъ частныхъ

[16]) Въ томъ числѣ калѣкъ $3^0/_0$.

ночлежныхъ домовъ, дѣтей вообще бываетъ мало и появляются они рѣдко, притомъ, обыкновенно, при родителяхъ, нѣкоторые хозяева даже остерегаются принимать къ себѣ дѣтей безъ родителей. Но въ тоже время по нѣкоторымъ домамъ даны такія показанія, что въ нихъ появляются и дѣти безъ родителей. Дневное занятіе дѣтей заключается обыкновенно въ выпрашиваніи милостыни, а при возможности и въ мелкомъ воровствѣ; это большею частью или дѣти, предоставленныя родителями на произволъ судьбы, или ушедшія отъ послѣднихъ—по винѣ ли самихъ родителей или по пристрастію дѣтей къ бродяжничеству. Эти-то бросившія родителей—самыя испорченныя, они преимущественно и занимаются мелкимъ воровствомъ. Находясь въ ночлежныхъ пріютахъ, дѣти въ вечернее время зачастую слушаютъ разговоры самаго нескромнаго содержанія. Большая часть дѣтей, пребывающихъ въ ночлежныхъ домахъ, дѣлается проститутками и ворами.

Вообще, ночлежная среда оказываетъ на дѣтей только самое вредное вліяніе. Въ каждомъ ночлежномъ домѣ всегда (по крайней мѣрѣ въ зимнее, холодное и сырое время) можно найти извѣстный процентъ грязныхъ, одѣтыхъ въ рубища, пьяныхъ „босяковъ" и „босячекъ"—этихъ „вѣчныхъ ночлежниковъ". принадлежащихъ обыкновенно къ числу тѣхъ людей, уже спившихся съ кругу, отвыкшихъ отъ всякаго труда, нерѣдко промышляющихъ мошенничествомъ и совсѣмъ не стыдящихся открытаго разврата. Для нихъ, да и вообще для значительной части ночлежниковъ, подолгу пользующихся ночлежными домами, послѣдніе служатъ не только для ночлега и пьянства, но и наиболѣе удобнымъ мѣстомъ разврата, осуществляемаго, какъ я сказалъ, безъ особенныхъ стѣсненій. То, что здѣсь совершается, дѣйствительно, можетъ быть разсказано только при закрытыхъ дверяхъ... а между тѣмъ совершается оно нерѣдко открыто на глазахъ всѣхъ ночлежниковъ, слѣдовательно, и на глазахъ ночующихъ дѣтей.

Но не говоря уже о дѣтяхъ, пребываніе въ ночлежныхъ домахъ оказываетъ, несомнѣнно, нравственно-растлѣвающее вліяніе и на взрослыхъ. Особенное вліяніе оказываетъ пьянство, да еще связанное съ картежной игрой; оно нерѣдко весьма быстро засасываетъ рабочихъ людей, случайно застрявшихъ въ ночлежныхъ домахъ по недостатку средствъ и временному отсутствію заработка.

На видъ безпечальная, или, по крайней мѣрѣ, свободная и разгульная жизнь, не связанная съ вѣчнымъ упорнымъ трудомъ, не стѣсняемая никакими условностями, дающая просторъ сво-

бодному удовлетворенію низменныхъ чувственныхъ потребностей, легкая возможность найти и веселаго собесѣдника, и хорошаго собутыльника, наконецъ, самая эта ночлежная среда, бѣгущая отъ труда на встрѣчу къ свободному веселому разгулу—все это слишкомъ легко и скоро и заѣдаетъ и привлекаетъ къ себѣ человѣка, нѣсколько разъ побывавшаго въ такой обстановкѣ. Слабый человѣкъ, въ особенности человѣкъ, имѣющій склонность къ спиртнымъ напиткамъ, хотя бы и выбившійся изъ ночлежнаго дома, обыкновенно вновь возвращается туда и постепенно становится въ ряды „вѣчныхъ ночлежниковъ". Ночлежная среда легко засасываетъ и тогда уже обыкновенно не выпускаетъ обратно.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ относительно употребленія спиртныхъ напитковъ ночлежниками и ночлежницами, оказывается, что только 20% изъ нихъ, считая и дѣтей, не употребляютъ вина, и что по меньшей мѣрѣ 10% (по собственнымъ ихъ показаніямъ) запойные пьяницы; въ дѣйствительности, послѣднихъ гораздо больше, такъ какъ многіе скрывали это обстоятельство и не малая часть постоянныхъ ночлежниковъ, потому и стали таковыми, что запой довелъ ихъ до полнаго обнищанія и привелъ въ ночлежный домъ навсегда. Девять процентовъ изъ общаго числа (67-ми) подростковъ употребляютъ спиртные напитки.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ у хозяевъ и дворниковъ частныхъ ночлежныхъ пріютовъ, а равно и у администраціи благотворительныхъ ночлежныхъ домовъ, на ночлегъ приходятъ обыкновенно 25% ночлежниковъ, болѣе или менѣе выпившихъ, а въ праздничные дни $^{1}/_{2}$ и больше; совершенно же пьяныхъ обыкновенно приходитъ 5—10%. Временами между пьяными бываютъ и драки. Случаются въ ночлежныхъ домахъ и кражи (воруютъ большею частью деньги и хлѣбъ): въ д. Терещенко, что въ Плоскомъ уч., въ предотвращеніе кражъ, бывавшихъ въ немъ въ первое время по открытіи этого дома, при выходѣ посѣтителей съ ночлега стали ихъ осматривать и кражи прекратились.

Зарегистрованныя переписью данныя о судимости указываютъ, что 4% ночлежниковъ уже были судимы, а $5^{1}/_{2}$% сидѣли въ свое время по тюрьмамъ. Эти показанія, надо думать, нѣсколько ниже дѣйствительности, такъ какъ нѣкоторые стѣснялись говорить правду по вопросу о судимости и сидѣніи въ тюрьмахъ.

---

[17]) Вѣрнѣе болѣе.

Изъ общаго числа ночлежниковъ около $13^{1}/_{2}\%$ имѣли въ теченіе пребыванія въ ночлежныхъ домахъ тѣ или другія заразныя болѣзни. По собраннымъ даннымъ оказывается, что изъ числа наличныхъ ночлежниковъ тифомъ, въ періодъ пребыванія ихъ въ ночлежныхъ пріютахъ, болѣло 7% (большая часть лечилась въ больницахъ) [18]); оспой 0,1%; холерой 0,3%; сифилисомъ и вообще венерическими болѣзнями 5,2% [19]), другими заразительными болѣзнями 0,7%. Сверхъ того, ревматизмомъ страдаютъ 1,3% [20]).

Въ дополненіе къ регистраціоннымъ даннымъ по поводу болѣзней собраны были путемъ разспросовъ хозяевъ и дворниковъ частныхъ домовъ и администраціи благотворительныхъ ночлежныхъ пріютовъ, такого рода свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что преобладающею заразною болѣзнью являлся, дѣйствительно, тифъ, и что въ ночлежныхъ домахъ нерѣдки случаи желудочныхъ страданій, и ревматизмы—болѣзнь довольно распространенная. Обыкновенно больные ночлежники умираютъ въ больницахъ, но бываютъ единичные случаи смертей и въ самыхъ ночлежныхъ пріютахъ. Въ д Терещенко (въ Плоск. уч.) за 12 лѣтъ умерло 15 человѣкъ; въ другомъ домѣ Терещенко за послѣдній годъ 3 человѣка, въ 4-хъ частныхъ домахъ умерло за послѣдній годъ по 1 человѣку (всего на 150 чел. ночлежниковъ приблизительно) и въ одномъ (гдѣ собирается до 50 чел. ежедневно) за 7 лѣтъ умерло 6 человѣкъ.

Относительно образованія и грамотности ночлежниковъ имѣются такого рода данныя, собранныя тою же переписью: 66,6% ночлежниковъ неграмотны, изъ остальныхъ 33,4% приблизительно $^{1}/_{4}$ часть (собственно 6,8% общаго числа ночлежниковъ) „малограмотны“ (умѣютъ только читать), а $^{3}/_{4}$ (т.-е. 26,5% общаго числа ночующихъ) „грамотны“; изъ нихъ, т.-е. изъ числа грамотныхъ 13,2% кончили курсъ въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, 3,7% (около 1% общаго числа ночлежниковъ) въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 0,1% въ высшихъ и 1,5% въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

---

[18]) Нѣкоторые, заболѣвъ „простудой“, уходили въ больницу и только тамъ у нихъ обнаруживался тифъ, потому такіе ночлежники нерѣдко заявляли, что тифомъ они въ ночлежныхъ домахъ не болѣли. Хотя при переписи мы и старались привести въ извѣстность всѣ подобные случаи, но нѣкоторые могли ускользнуть.

[19]) Въ дѣйствительности больше, ибо нѣкоторые скрывали истину.

[20]) Тоже въ дѣйствительности больше, ибо многіе не считали „ломоту“ за болѣзнь.

Ночлежники по времени, съ котораго они начали пользоваться ночлежными домами, дѣлятся на слѣдующія группы:

	До 1 недѣли.	Отъ 1 нед. до 1 мѣсяца.	1—6 мѣсяцевъ.	6—12 мѣсяцевъ.	1—2 лѣтъ.	2—5 лѣтъ.	5—10 лѣтъ.	10 и болѣе лѣтъ.	Итого.
% пользовавшихся ночлежными домами (къ общему числу ночлежниковъ) . . .	36.0	10,7	18,6	6,1	5,4	9,8	6,5	6,9	100
	65,3				28,6				

Большинство ночлежниковъ состоитъ, слѣдовательно, изъ лицъ, пользующихся услугами ночлежныхъ домовъ болѣе или менѣе короткое время (65,3% не болѣе 6 мѣсяцевъ, въ томъ числѣ 46,9% не болѣе 1 мѣсяца). Около 29% пользуются ночлежными домами не менѣе года и, такимъ образомъ, должны быть причислены къ числу постоянныхъ жильцовъ ночлежныхъ домовъ. Но и изъ лицъ, пользующихся ночлежными домами отъ 6 до 12 мѣсяцевъ (и составляющихъ 6,1% общаго числа ночлежниковъ) по крайней мѣрѣ половина (3%) (въ виду долгаго пребыванія безъ работы, отвычки отъ труда и привычки къ обычной жизни ночлежниковъ) можетъ считаться тоже постоянными ночлежниками [21]), % которыхъ, такимъ образомъ, опредѣлится въ 32. Число это, приблизительно, совпадаетъ съ выведеннымъ выше % „вѣчныхъ ночлежниковъ“ и, слѣдовательно, цыфры эти взаимно подтверждаютъ другъ друга.

Изъ общаго числа постоянныхъ ночлежниковъ 23% ночуетъ въ нихъ съ перерывами (для работы и пр.), а 77% безпрерывно (т.-е. не ночуетъ нигдѣ больше, кромѣ ночлежныхъ домовъ), причемъ послѣдніе ночуютъ обыкновенно въ однихъ и тѣхъ же, излюбленныхъ ими,—преимущественно благотворительныхъ пріютахъ.

Изъ числа *временно* пребывающихъ въ ночлежныхъ домахъ 7% принадлежатъ къ такимъ, которые уже не одинъ разъ пользуются ночлежными пріютами, а возвращаются къ нимъ отъ времени до времени (хотя еще не сдѣлались ихъ постоянными посѣтителями); такія возвращенія даютъ уже нѣкоторыя основанія предполагать, что, со временемъ, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлаются постоянными посѣтителями ночлежныхъ домовъ.

Ночлежники, имѣющіе постоянно безпрерывное пребываніе въ ночлежныхъ домахъ, ночуютъ преимущественно въ благотво-

[21]) Тѣмъ больше, что большая часть ихъ и сами считаютъ себя таковыми.

рительныхъ пріютахъ: тамъ нѣсколько удобнѣе, чище воздухъ, каждому отдѣльная, опредѣленная часть нары, туда пускаютъ безплатно и пр. Но такъ какъ въ то же время тамъ больше стѣсненій, женщины отдѣлены отъ мужчинъ, совершенно пьяныхъ обыкновенно не пускаютъ, время пріема въ пріютъ (7—8 ч. веч.) точно опредѣлено и позже назначеннаго времени никого не пускаютъ (тогда какъ въ частные дома пускаютъ во всякое время дня и ночи),—то многіе предпочитаютъ все-таки проводить ночи въ частныхъ домахъ, не смотря на необходимость платить отъ 3 до $7^1/_2$ коп. за ночь [22]). Вышеуказанное предпочтеніе постоянными ночлежниками домовъ благотворительныхъ передъ частными подтверждается и сравненіемъ %% ночующихъ въ тѣхъ и другихъ домахъ по давности пребыванія въ нихъ.

Общее число ночлежниковъ, зарегистрованныхъ:

первою переписью	(23 февраля)	было	1866
второю „	(24 февраля)	„	2037
третьей „	(10 марта)	„	2017

Увеличеніе числа переписанныхъ во вторую перепись (24 февр.) сравнительно съ первой (23 февр.) произошло вслѣдствіе того, что при ея производствѣ приняты были болѣе обстоятельныя мѣры для противодѣйствія попыткамъ нѣкоторыхъ ночлежниковъ уклониться отъ переписи; переписано было нѣсколько домовъ, существованіе коихъ выяснено было при разспросахъ ночлежниковъ въ первую перепись, и наконецъ, потому, что 24 февраля произведена была двойная перепись нѣкоторыхъ домовъ: первая производилась съ 9 ч. веч., вторая съ часу ночи,—въ виду того, что въ частные дома нѣкоторые ночлежники приходятъ очень поздно (по закрытіи кабаковъ) и что нѣкоторые, узнавъ о производимой въ ночлежныхъ домахъ переписи, могли въ данный вечеръ нарочно отложить свой приходъ на ночлегъ до поздняго часа, въ видахъ уклоненія отъ переписи. Уменьшеніе при третьей переписи (10 марта) числа лицъ, записанныхъ во вторую перепись, объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что во время третьей переписи въ новооткрытыхъ ночлежныхъ

---

[22]) При средней платѣ въ 5 к. за ночь и среднемъ числѣ ночлежниковъ въ 40 ч. на 1 ночлежный частный домъ, содержатель его получитъ 2 р. за ночь или въ мѣсяцъ 60 р. за какіе нибудь двѣ грязныя конуры („комнаты“) которыя бы могъ сдать помѣсячно maximum рублей за 7—12 (обѣ). Слѣдовательно, существующую ночлежную плату нельзя не признать весьма высокой и очень выгодной для содержателей ночлежныхъ домовъ.

домахъ (о которыхъ сказано выше), никого изъ ночлежниковъ уже не найдено [23]).

Количество лицъ, зарегистрованныхъ второю переписью впервые, равно 359 [24]), количество же такихъ лицъ, занесенныхъ на карточки третьей переписью, = 649, т.-е. въ періодъ этихъ двухъ переписей количество новоприбывшихъ колебалось между 359—649 (среднее 504). При средней (изъ трехъ переписей) цыфрѣ ночлежниковъ, бывающихъ въ ночлежныхъ домахъ ежедневно (1943 чел.), этой цыфрой новоприбывшихъ опредѣляется средняя измѣнчивость состава ночлежниковъ—въ 25% (т.-е. ежедневно, въ среднемъ, измѣняется составъ ночлежниковъ въ $^1/_4$ части его).

Изъ вышеприведеннаго вытекаютъ между прочимъ слѣдующія заключенія:

Благотворительные дома представляютъ больше удобствъ для ночлега и меньше для разврата.

Въ благотворительныхъ домахъ ночуетъ большая часть ночлежниковъ.

Между ночлежниками имѣется всегда довольно значительный % „вѣчныхъ ночлежниковъ"; составъ этой группы слагается частью изъ физически способныхъ къ труду тунеядцевъ, частью изъ лицъ, физически къ труду не способныхъ.

Благотворительные дома предпочитаются „вѣчными" ночлежниками, тунеядцами, а также людьми хронически больными и старыми, которымъ мѣсто въ богадѣльняхъ, и присутствіе которыхъ само собою возбуждаетъ вопросъ о желательности перемѣщенія ихъ въ богадѣльню.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ ночлежные дома имѣютъ значеніе постоялыхъ дворовъ для прибывающаго въ Кіевъ на заработки населенія другихъ уѣздовъ, городовъ и губерній.

Составъ ночлежниковъ по мѣсту родины и „мѣсту прибытія" стоитъ, между прочимъ, въ зависимости отъ состава мѣстнаго населенія.

Изъ заразныхъ болѣзней наиболѣе видное мѣсто занимаетъ тифъ, дающій не менѣе 7% заболѣваній.

Ночлежниковъ, не имѣющихъ видовъ на жительство, около $^1/_4$ общаго числа ихъ.

[23]) По слухамъ, вслѣдствіе распоряженія полиціи о ихъ закрытіи.

[24]) Исключая изъ данныхъ второй и третьей переписи числа ночлежниковъ, относящіяся къ ново-открытымъ домамъ.

Среди ночлежниковъ дѣти составляютъ незначительный %; но это не устраняетъ основаній опасаться за ихъ дальнѣйшую участь въ смыслѣ нравственной ихъ порчи, что съ особенною настоятельностью ставитъ на очередь вопросъ о необходимости принятія мѣръ къ удаленію дѣтей изъ притоновъ разврата, называемыхъ частными ночлежными домами.

Въ санитарномъ отношеніи благотворительные ночлежные дома, при наличности намѣченныхъ недостатковъ, устроены все-таки несравненно лучше частныхъ, хотя и первые, тѣмъ не менѣе, нуждаются въ улучшеніяхъ по этой части.

Такъ какъ громадное большинство ночлежниковъ потому и пользуется ночлежными домами, что не имѣетъ для себя иного пріюта, то большая часть ихъ не имѣетъ обыкновенно пристанища и на день. Вслѣдствіе этого съ наступленіемъ утра, когда не смотря ни на дурную погоду, ни даже на случаи болѣзненнаго состоянія отдѣльныхъ лицъ, ночлежники обязательно, особенно изъ благотворительныхъ пріютовъ, выпускаются на улицу, всѣ они вынуждены проводить остающееся до вечера время или подъ открытымъ небомъ, или,—по необходимости, въ кабакахъ и трактирахъ, поневолѣ, такимъ образомъ, свыкаясь съ условіями кабацкой жизни, пріобрѣтая привычку къ постоянному потребленію спиртныхъ напитковъ и постепенно отвыкая отъ трудовой жизни. Ночлежная среда, пьянство, разгулъ и перспектива лицъ безъ труда довершаютъ паденіе слабаго человѣка. Въ этомъ отношеніи особенно вредно то, что въ ночлежныхъ домахъ трудовой рабочій народъ, ищущій отдыха на ночь, встрѣчается съ развращеннымъ „вѣчнымъ ночлежникомъ". Послѣдній охотно ловитъ каждую такую встрѣчу, потому что она ему на руку, первый рискуетъ здѣсь всѣмъ своимъ будущимъ.

Л. Личковъ,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ЗАОЧНЫЯ РѢШЕНІЯ.

(Къ пересмотру Судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г.).

Установленіе правилъ о заочныхъ рѣшеніяхъ составители Судебныхъ Уставовъ 20 ноября (изданіе Государственной Канцеляріи 1866 г., т. I, стр. 325 и сл.) оправдываютъ возможностью допущенія различныхъ злоупотребленій при постановленіи рѣшеній противъ лица, неимѣющаго никакихъ свѣдѣній о возбужденномъ противъ него искѣ. „Очевидно, здѣсь разумѣются „неправильныя дѣйствія истца" въ случаяхъ врученія повѣстки не самому отвѣтчику, а какому-либо другому лицу (ст. 282—283 устав. граж. суд.), которое почему-либо можетъ не доставить вызовъ суда отвѣтчику.

Изъ приведеннаго соображенія вытекаетъ съ необходимостью такое заключеніе, что въ случаѣ, когда повѣстка вручена самому отвѣтчику лично, то „въ виду суда" имѣется „положительное удостовѣреніе, что вызовъ сдѣлался извѣстнымъ отвѣтчику", что, слѣдовательно, „отвѣтчикъ знаетъ о томъ, что противъ него предъявленъ искъ". Постановлять въ этомъ случаѣ заочное рѣшеніе значитъ допускать „незаконное уклоненіе отвѣтчика отъ суда", значитъ „давать ему возможность отдалять разрѣшеніе дѣла", „умышленно замедлять его". Въ сущности отвѣтчику дается тутъ, въ нарушеніе равенства сторонъ, двѣ апелляціи: одна—отзывъ на заочное рѣшеніе, а другая—апелляція въ собственномъ смыслѣ. Между тѣмъ, при врученіи повѣстки суда отвѣтчику лично, неявка его въ судебное засѣданіе по дѣлу должна быть, конечно, истолковываема, какъ неимѣніе съ его стороны возраженія противъ иска, къ нему предъявленнаго, и, слѣдовательно, при врученіи повѣстки лично самому отвѣтчику, можетъ быть постановлено, при ходатайствѣ о томъ истца, очное

рѣшеніе по дѣлу, въ чемъ никакъ нельзя усматривать нарушенія процессульныхъ правъ отвѣтчика; интересы его во всякомъ случаѣ обезпечиваются первою частью ст. 366 уст. гражд. суд., по которой истецъ долженъ доказать свой искъ. Очевидно, каждый судъ будетъ соблюдать эту статью независимо оттого, постановляется ли состязательное рѣшеніе, или заочное; даже и при существованіи института заочныхъ рѣшеній ст. 722 уст. гр. суд. (въ заочномъ рѣшеніи судъ присуждаетъ истцу всѣ требованія, имъ доказанныя) представляется совершенно излишнею.

Соображенія, приведенныя въ вышеупомянутомъ изданіи Государственной Канцеляріи подъ ст. 718 уст. гр. суд., называютъ заочное рѣшеніе самымъ сильнымъ и крайнимъ противъ отвѣтчика средствомъ". При обстоятельствѣ врученія повѣстки отвѣтчику лично, заочное рѣшеніе представляется не средствомъ *противъ* отвѣтчика, а въ *пользу* его, ибо такимъ рѣшеніемъ дается ему возможность затянуть процессъ, продать или заложить свое имущество, обезпечивающее права истца и т. п. Въ виду интереса отъ замедленія въ разрѣшеніи дѣла для отвѣтчика, вопреки мнѣнію составителей Судебныхъ Уставовъ, могутъ быть не страшны ни предстоящій платежъ судебныхъ пошлинъ при подачѣ отзыва, ни взысканіе съ него судебныхъ издержекъ заочнаго производства—ст. 723 уст. гр. суд.

Итакъ, при врученіи судебнаго вызова самому отвѣтчику лично, постановленіе заочнаго рѣшенія является совершенно излишнимъ и безполезнымъ дѣломъ.

То же самое нужно сказать, и въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ подалъ въ судъ отвѣтъ по существу иска, но не просилъ въ своемъ отвѣтѣ о разсмотрѣніи дѣла въ его отсутствіе.

Въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи о какомъ-либо „злоупотребленіи истца" при исполненіи обряда врученія повѣстки суда отвѣтчику.

Но при врученіи повѣстки не лично отвѣтчику, а кому-либо изъ его домашнихъ или сосѣдей, также нѣтъ основанія, при нормальномъ порядкѣ вещей, сомнѣваться въ томъ, что отвѣтчикъ извѣщенъ о поступившемъ на него взысканіи или требованіи. По крайней мѣрѣ въ Тверскомъ окружномъ судѣ, практика котораго намъ лично извѣстна, не было такого случая, чтобы постановлено было рѣшеніе противъ отвѣтчика, въ дѣйствительности не оповѣщеннаго о предъявленномъ искѣ [1]).

---

[1]) Строго говоря, приведенное замѣчаніе не должно быть распространяемо на тѣ, весьма немногочисленныя, впрочемъ, дѣла, по которымъ отвѣтчики вызывались чрезъ публикацію. Но и по отношенію къ этого рода дѣламъ,

На практикѣ, если можно говорить о чьихъ-либо злоупотребленіяхъ, то скорѣе о злоупотребленіяхъ со стороны отвѣтчиковъ, должниковъ, уклоняющихся и иногда весьма успѣшно отъ полученія непріятныхъ имъ вызововъ суда, нежели о недобросовѣстныхъ въ этомъ отношеніи дѣйствіяхъ истцовъ, коихъ выгоды отъ подобнаго рода дѣйствій весьма проблематичны, не говоря о томъ, что они могутъ имѣть въ результатѣ невыгодныя для нихъ послѣдствія. Самымъ же главнымъ, при существующемъ порядкѣ, является то обстоятельство, что рѣшеніе дѣла совершенно независимо оттого, имѣло-ли въ данномъ случаѣ мѣсто какое-либо злоупотребленіе при врученіи повѣстки или нѣтъ, т. е. въ сущности дѣло отстрочивается на болѣе или менѣе продолжительное время [2]), на основаніи одного фактическаго *предположенія* о возможности злоупотребленія со стороны истца,—предположенія, по дѣлу вовсе не доказаннаго. Вообще, институтъ заочныхъ рѣшеній, не имѣя подъ собою твердой почвы, не вызывается потребностями нормальной юридической жизни. Это подтверждаетъ и нижеслѣдующая таблица; въ ней собраны данныя о дѣлахъ, производившихся въ Тверскомъ Окружномъ судѣ въ 1892—1893 и 1894 г., по коимъ состоялись заочныя рѣшенія. Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ всѣхъ *исковыхъ* дѣлъ въ Тверскомъ судѣ было 1728 и изъ нихъ заочныя рѣшенія состоялись лишь по 209 дѣламъ, что составляетъ 12% общаго количества исковыхъ дѣлъ. Затѣмъ, изъ числа 209 дѣлъ было:

коихъ въ общемъ числѣ упоминаемыхъ въ нижеслѣдующей таблицѣ было всего два, замѣчаніе, приведенное въ текстѣ, не можетъ считаться поколебленнымъ, такъ какъ по означеннымъ двумъ дѣламъ отзыва на заочное рѣшеніе подано не было, хотя истцы получили предварительное исполненіе.

[2]) Нерѣдко, за уклоненіемъ отвѣтчика, ему не можетъ быть вручена, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и копія заочнаго рѣшенія.

взысканій по векселямъ, закладнымъ, заемнымъ письмамъ и роспискамъ, всего 171 дѣло.			171
дѣлъ о землѣ, о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, о закладкѣ оковъ, выходящихъ во дворъ истицы, объ исключеніи изъ описи недвижимыхъ имѣній и о признаніи на нихъ права собственности, объ уничтоженіи купчей крѣпости, дарственной записи, объ убыткахъ, о признаніи права на пожизненное пользованіе %, о наслѣдственномъ имуществѣ, о признанія завѣщанія недѣйствительнымъ, о признаніи имѣнія вымороченымъ, о судебныхъ издержкахъ, о выдачѣ содержанія (алименты), объ истребованіи отчета по управленію имѣніемъ, объ обратномъ взысканіи не должно уплаченнаго по отмѣненному Сенатомъ рѣшенію, по выпискѣ изъ торговыхъ книгъ, всего 38 дѣлъ.			38
Изъ этихъ 209 дѣлъ рѣшено взысканіемъ исковой суммы, вообще удовлетвореніемъ иска—203 дѣла.			203
Отказано въ искѣ по 6 дѣламъ.			6
Изъ 209 дѣлъ поданы отзывы на заочныя рѣшенія всего по 16 дѣламъ.	Изъ 16 дѣлъ по отзывамъ.		16
	а	подтверждено первое значеніе рѣшенія о взысканіи	11 [3])
	б	прекращено за неявкою истца въ засѣданіе и по просьбѣ отвѣтчика	1
	в	отмѣнено по формальнымъ основаніямъ	2 [4])
	г	по 1-му заочному рѣшенію искъ удовлетворенъ, по 2-му въ искѣ отказано; по апелляціи судебная палата удовлетворила искъ въ части	1
		возвращенъ отзывъ	1
Изъ тѣхъ же 209 дѣлъ отзывы *не* поданы, а прямо принесены апелляціонныя жалобы по 6 дѣламъ.	Изъ числа 6 обжалован. рѣшеній.		6
	е	Палата утвердила рѣшеніе Суда	4
	ж	уважена жалоба третьяго лица о невзысканіи съ него суд. издержекъ	1
	з	Палата рѣшеніе Суда отмѣнила	1
По остальнымъ изъ сихъ дѣлъ заочныя рѣшенія вошли въ законную силу за неподачей ни отзыва на заочное рѣшеніе, ни апелляціи по 185 дѣламъ.			185
Отзывы не поданы вслѣдствіе того, что при врученіи копіи заочнаго рѣшенія отвѣтчики оказались умершими. Производство пріостановлено и дѣла эти не окончены—2 дѣла.			2

[3]) Изъ нихъ по одному дѣлу Судъ уменьшилъ взысканіе, а по тремъ дѣламъ были поданы апелляціонныя жалобы и палата рѣшеніе Суда утвердила.

[4]) Въ одномъ случаѣ опекуновъ было двое, а искъ предъявленъ къ одному, по отзыву коего дѣло прекращено и жалобы подано не было; въ другомъ случаѣ искъ предъявленъ къ органу („совѣту") юридическаго лица, а не къ самому юридическому лицу и палата, по жалобѣ истца, рѣшеніе Суда утвердила.

Выше было говорено о томъ различіи, которое можетъ существовать по вопросу объ оправданіи института заочныхъ рѣшеній въ случаѣ врученія повѣстки суда отвѣтчику лично и не лично ему, а кому-либо изъ лицъ, указаныхъ въ законѣ, для доставленія отвѣтчику. Данныя относительно тѣхъ же 209 дѣлъ по этому вопросу представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Вручены повѣстки лично отвѣтчику	не лично	Поданы отзывы на заочныя рѣшенія		Принесены апелляціонныя жалобы	
		Изъ дѣлъ по коимъ повѣсти вручены лично	не лично	по первому разряду дѣлъ	по второму
148	61	18	3	4	2

На основаніи данныхъ, собранныхъ по подлиннымъ дѣламъ въ приведенныхъ таблицахъ, можно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Отвѣтчики, въ пользу коихъ существуютъ постановленія о заочныхъ рѣшеніяхъ, пользуются своимъ правомъ въ весьма слабой степени; другими словами, въ той защитѣ, которую имъ сооружаетъ законъ, отвѣтчики, какъ видно, почти не нуждаются. Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтчики въ 88 дѣлахъ изъ 100 считаютъ нужнымъ являться въ судъ, и не являются лишь въ 12 дѣлахъ изъ 100. Очевидно, забота нашего законодателя, выразившаяся въ правилахъ о заочныхъ рѣшеніяхъ, излишня и не оправдывается практической необходимостью. Далѣе, изъ первой таблицы видно, что такъ-называемыя заочныя рѣшенія почти *не перевершаются.* Съ другой стороны, сами отвѣтчики всегда являются въ засѣданіе тамъ, гдѣ того требуютъ ихъ интересы. Дѣла заочныя въ огромномъ большинствѣ — дѣла простыя, и посему не произойдетъ никакихъ вредныхъ послѣдствій оттого, если разсматриваемый институтъ будетъ вовсе устраненъ изъ закона.

2) Первая таблица показываетъ, что изъ 209 дѣлъ, по коимъ имѣли мѣсто заочныя рѣшенія, отзывы поданы только по 16 дѣламъ (12%). Изъ этихъ послѣднихъ, по 11 дѣламъ (графа *а*) подтверждены первыя заочныя рѣшенія. Къ 11 дѣламъ нужно отнести и то дѣло (графа *б*), по которому производство прекращено за неявкою истца во вторичное засѣданіе и по просьбѣ

отвѣтчика, ибо стороны, очевидно, покончили свои разсчеты. Изъ остальныхъ четырехъ дѣлъ (изъ 16), два заочныя рѣшенія отмѣнены по формальнымъ основаніямъ (графа *в*), которыя могли, безъ нарушенія интересовъ отвѣтчика, быть заявлены и въ апелляціонныхъ жалобахъ. Затѣмъ, одинъ отзывъ на заочное рѣшеніе просроченъ (графа *д*) и собственно только одно дѣло (графа *г*) и оправдывало въ означенные три года существованіе всего института заочныхъ рѣшеній.

3) Часть отвѣтчиковъ (по 6 дѣламъ) по заочнымъ рѣшеніямъ и вовсе не пожелала воспользоваться правомъ на подачу отзыва, а предпочла принести прямо апелляціонныя жалобы.

4) Та же таблица показываетъ, что болѣе $^3/_4$ всего количества дѣлъ, получившихъ заочныя рѣшенія (171 изъ 209), представляютъ собою безспорныя взысканія, по которымъ безполезно подавать отзывы или апелляціи, тѣмъ болѣе, что по большинству этихъ дѣлъ судомъ дается предварительное исполненіе. Послѣднее, въ виду существа сихъ дѣлъ, было бы дано совершенно независимо отъ состязательности или заочности рѣшенія. Значитъ, еслибы заочныхъ рѣшеній не существовало вовсе, отвѣтчики въ засѣданіе суда все-таки бы не являлись, признавая, что явка ихъ въ засѣданіе, въ виду самого характера дѣлъ, ничего не прибавитъ въ защиту интересовъ ихъ, отвѣтчиковъ.

5) Наконецъ отмѣна заочнаго рѣшенія послѣдовала только по одному дѣлу, и то не вслѣдствіе отзыва, а при апелляціонномъ пересмотрѣ рѣшенія въ судебной палатѣ (графа *з*).

6) Что касается обстоятельства врученія повѣстокъ отвѣтчикамъ, то оно не имѣетъ, какъ оказывается, никакого значенія для оправданія института заочныхъ рѣшеній. Дѣла тверского окружнаго суда (вторая таблица) подтверждаютъ, что по значительному большинству дѣлъ повѣстки суда доходятъ непосредственно въ руки самихъ отвѣтчиковъ. Было бы то̀, въ самомъ дѣлѣ, актомъ нѣкотораго безпорядка, еслибы лицу, живущему въ предѣлахъ государства, не могло быть передано обращеніе органовъ государственной власти. Такое предположеніе нужно дѣлать и въ случаѣ врученія повѣстокъ отвѣтчикамъ не лично. Что отвѣтчики получаютъ извѣщеніе о предъявленныхъ искахъ и въ послѣднемъ случаѣ, это подтверждается тѣмъ, что отзывы на заочныя рѣшенія подавались только въ одномъ изъ 20 такихъ дѣлъ, по коимъ повѣстки вручены не лично отвѣтчикамъ (3 дѣла изъ 61); бо̀льшая же часть поданныхъ отзывовъ относится къ такимъ дѣламъ, по коимъ вызовы суда вручены отвѣтчикамъ лично, т.-е. по такимъ дѣламъ, гдѣ фактъ увѣдомленія отвѣтчика

о предъявленномъ искѣ не внушаетъ никакого сомнѣнія. А отсюда съ несомнѣнностью вытекаетъ такое заключеніе, что на практикѣ допущеніе отзывовъ на заочныя рѣшенія не можетъ быть мотивировано тѣмъ соображеніемъ, какое имѣли въ виду составители судебныхъ уставовъ (возможность незнанія отвѣтчика о поступившемъ взысканіи), а что, напротивъ, отзывъ скрываетъ въ себѣ мотивъ оттяжки въ разрѣшеніи дѣла. Лишено какого-либо значенія обстоятельство личнаго или не личнаго врученія повѣстокъ отвѣтчикамъ и въ тѣхъ дѣлахъ, по коимъ вмѣсто отзывовъ принесены апелляціонныя жалобы.

Въ виду всего вышеизложеннаго слѣдуетъ прійти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ по данному вопросу:

I. Правила о заочныхъ рѣшеніяхъ должны быть вовсе устранены изъ устава гражд. судопр. Послѣдствіемъ такого устраненія явится уменьшеніе безполезной работы для судей и канцеляріи, избѣжаніе лишнихъ расходовъ для сторонъ и ускореніе движенія дѣлъ.

II. Уничтоженіе института заочныхъ рѣшеній возможно уже потому, что интересы отвѣтчиковъ достаточно ограждены ст. 356 уст. гр. суд. (право простой отсрочки засѣданія для представленія извѣстныхъ документовъ) и правомъ апелляціи.

III. Въ крайнемъ случаѣ можно ввести въ главу 12, отдѣленіе 2, кн. II, раздѣла I, о производствѣ въ окр. судахъ, правила, изложенныя въ ст. 147 уст. гр. суд. и въ ст. 96 — 97 правилъ о произв. суд. дѣлъ.

Независимо отъ всего этого, за отвѣтчикомъ остается право иска объ убыткахъ къ истцу на основаніи злоупотребленія его при исполненіи обряда врученія повѣстки.

Все сказанное выше является отвѣтомъ на вопросъ 13 (заочныя рѣшенія и неудобства существующихъ по этому предмету постановленій) той программы вопросовъ, которая разослана Министерствомъ Юстиціи во всѣ судебныя установленія Имперіи для дачи по нимъ отвѣтовъ и которою вызвана также настоящая замѣтка. Въ заключеніе ея позволю себѣ сказать два слова по поводу вопроса 73 той же программы: „часты-ли случаи подачи, безъ приложеній, явно неосновательныхъ отзывовъ на заочныя рѣшенія? Не слѣдуетъ-ли установить, для предупрежденія подачи подобныхъ неосновательныхъ отзывовъ, имѣющихъ цѣлью затянуть дѣло, что судъ, посылая отвѣтчику выписку заочнаго рѣшенія, объявляетъ ему о томъ, что неприложеніе имъ къ отзыву судебныхъ и гербовыхъ пошлинъ въ надлежащемъ количествѣ, а равно и копіи съ отзыва и приложеній для противной стороны,

будетъ имѣть послѣдствіемъ непринятіе отзыва (а не оставленіе его безъ движенія?)"

На вторую половину вопроса слѣдуетъ отвѣтить, что проектируемая мѣра, будучи узаконена, имѣла бы минимальное значеніе при незначительности вообще дѣлъ съ заочными рѣшеніями и при еще меньшей значительности такихъ отзывовъ, къ коимъ могъ бы быть примѣненъ довольно растяжимый терминъ „явной неосновательности". Если же говорить о „предупрежденіи", то слѣдуетъ предполагаемую въ вопросѣ 73 мѣру узаконить безъ дальнѣйшей справки съ основательностью или неосновательностью отзывовъ, такъ какъ не одни отзывы „явно неосновательные" имѣютъ цѣлью затянуть дѣло, но къ такой цѣли, какъ видно изъ предыдущаго, свелся на практикѣ весь институтъ заочныхъ рѣшеній.

Н. И. Ржондковскій,

дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

ПАМЯТИ Т. Н. ГРАНОВСКАГО.

(По поводу сорокалѣтія со дня его смерти).

4 октября 1855-го г. на сорокъ-третьемъ году жизни (род. 9 марта 1813-го г.), читая ученое сочиненіе о доминиканскомъ монахѣ Джироламо Савонарола, мечтая о публичныхъ лекціяхъ въ наступающую зиму и въ ожиданіи студенческой молодежи къ себѣ на обѣдъ, скончался неожиданно профессоръ всеобщей исторіи въ московскомъ университетѣ Тимоѳей Николаевичъ Грановскій. Еще наканунѣ съ чисто ученымъ довольствомъ онъ успѣлъ пересмотрѣть рукопись второй части своей статьи „Чтенія Нибура о древней исторіи“, предназначенной для сборника „Пропилеи“ и появившейся въ свѣтъ уже послѣ его смерти (см. сочиненія II, 90—118 по изд. 1892-го г.), и съ врожденными ему остроуміемъ и живостью бесѣдовалъ съ друзьями, не предчувствовавшими такой быстрой развязки. Развязка совершилась не вовремя, некстати... Къ Грановскому неприложимо что либо похожее на тѣ строки, которыми начинается эпилогъ тургеневскихъ „Воспоминаній о Бѣлинскомъ“ (см. сочиненія X, 57 по изд. 1884-го г.). „Не разъ,—пишетъ Тургеневъ,—приходится слышать слова: такой-то вовремя, кстати умеръ... Но ни къ кому они такъ несомнѣнно не примѣняются, какъ къ Бѣлинскому. Да! онъ умеръ кстати и вовремя. Передъ смертью онъ еще успѣлъ быть свидѣтелемъ торжества своихъ любимыхъ, задушевныхъ надеждъ, и не видѣлъ ихъ окончательнаго крушенія... А какія бѣды ожидали его, еслибъ онъ остался живъ! Извѣстно, что полиція ежедневно справлялась о состояніи его здоровья, о ходѣ его агоніи... Отъ тяжкихъ испытаній избавила его смерть“. Бѣлинскаго, бывшаго всего только на три года старше (род. въ 1810 г.) Грановскаго, не стало 26 мая 1848-го г.,—годъ, съ

котораго началось изумительное въ лѣтописяхъ европейской исторіи XIX вѣка гоненіе русской интеллигенціи, ея слова и мысли. Замкнувшись подъ вліяніемъ этого гоненія въ самой себѣ и лишь временами робко пробуя подъ собой вязкую почву въ ожиданіи свѣтлыхъ минутъ возрожденія, русская интеллигенція продолжала свое развитіе, и когда послѣднія настали гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, онѣ застали ее не врасплохъ, а готовой идти навстрѣчу предъявляемымъ запросамъ, способной выставить съ своей стороны рядъ разнообразнѣйшихъ вопросовъ и требованій. Бѣлинскій былъ однимъ изъ могучихъ учителей новой интеллигенціи, которой пришлось выступить въ годы освободительныхъ реформъ Александра II, но онъ едва-ли могъ бы пережить суровый режимъ послѣднихъ лѣтъ николаевской поры, а переживъ, едва ли сохранилъ бы физическую возможность устоять въ челѣ лихорадочнаго поступательнаго движенія. Умный публицистъ и боевая личность по природѣ, глубокій идеалистъ и эстетикъ по своему душевному складу, Бѣлинскій представляется теперешнему взору вполнѣ созданіемъ времени и обстановки, среди которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ; въ предѣлахъ данныхъ ему внутреннихъ и внѣшнихъ средствъ, въ границахъ отведеннаго на его долю времени Бѣлинскій сказалъ и сдѣлалъ рѣшительно все, что онъ могъ и долженъ былъ сказать и сдѣлать, исчерпалъ до дна богатую сокровищницу своей природы, хотя, какъ это само собой разумѣется, его дѣятельность по тогдашнимъ условіямъ русской жизни не могла развернуться во всю присущую ей ширь и мощь. Изучая дѣятельность Бѣлинскаго, историкъ находится въ пріятномъ положеніи наблюдателя всей цѣльности явленія и его непосредственныхъ и отдаленныхъ результатовъ. Прочно заложивъ фундаментъ *общественнаго* направленія въ литературной критикѣ (вѣдь литература въ собственномъ смыслѣ этого слова и есть совокупность произведеній мысли и творчества, въ которыхъ отражается *общественное* міросозерцаніе данной эпохи, воплощенное въ извѣстныхъ *общественныхъ* типахъ, господствующихъ и преобладающихъ въ обществѣ въ этотъ періодъ— см. введеніе въ лекціи А. А. Шахова „Гёте и его время". Спб. 1891, стр. 5—7) на идеальнѣйшей почвѣ свободы и общественнаго блага, Бѣлинскій отошелъ въ вѣчность, предоставивъ своимъ преемникамъ дальнѣйшую разработку его дѣла и навсегда покончивъ съ литературными предразсудками и суевѣріемъ его предшественниковъ и современниковъ, истощенныхъ безсмысленнымъ раболѣпствомъ предъ установившимися литературными авторитетами, часто либо отжившими, либо дутыми; онъ разрушилъ ветхое зданіе, наслѣдіе минувшихъ поколѣній, создалъ идеальный планъ новаго, но осуществленіе его на практикѣ, его реализацію и возню съ техническими

подробностями предоставилъ своимъ продолжателямъ, новому поколѣнію людей, приноровленныхъ къ новой порѣ исторической жизни Россіи. Когда умеръ Бѣлинскій, только „Современникъ" и „Отечественныя записки", погибшіе позднѣе скоропостижной и невольной смертью, рискнули сказать о немъ по нѣскольку словъ: остальное— молчаніе... Мало того: эти нѣсколько словъ некролога, говоритъ А. П. Пыпинъ въ своей біографіи Бѣлинскаго (II, 332, 334, 354 по изд. 1876-го г.), совершенно незначительныхъ, надолго остались единственнымъ упоминаніемъ имени Бѣлинскаго. Даже въ то время, когда условія печати стали измѣняться, когда общество и литература начали оглядываться и вспоминать недавнее прошлое, онъ еще оставался безыменнымъ „критикомъ сороковыхъ годовъ", пока, наконецъ, имя его въ первый разъ было опять названо въ 1856 году Н. Г. Чернышевскимъ въ статьяхъ „Очерки Гоголевскаго періода русской литературы", печатавшихся журналомъ „Современникъ", гдѣ Бѣлинскому впервые русская журналистика съ настойчивостью отводила почетнѣйшее мѣсто критика съ широко развитымъ общественнымъ инстинктомъ (см. „Очерки...", стр. 226—382 по изд. 1892 г., предпринятому М. Н. Чернышевскимъ: стр. 226 „главнымъ дѣятелемъ критики гоголевскаго періода былъ Бѣлинскій"). Вынужденно замалчивала смерть Бѣлинскаго журналистика, вынужденно русское общество не могло принять широкаго участія въ его похоронахъ, такъ что лишь немногіе петербургскіе друзья проводили его тѣло до могилы на Волковомъ кладбищѣ, да съ ними,—зло замѣчаетъ И. И. Панаевъ,—три или четыре „*неизвѣстныхъ*", вдругъ откуда-то взявшіеся: они оставались на кладбищѣ до самаго конца печальнаго обряда, шпіонили за всѣмъ „съ величайшимъ любопытствомъ", но просмотрѣли „чистый духъ" Бѣлинскаго, неуловимый для ихъ мутныхъ глазъ и оставшійся жить на долгіе годы вопреки близорукимъ ожиданіямъ этихъ господъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ Грановскимъ, и не даромъ дѣлается здѣсь это сопоставленіе двухъ величайшихъ идеалистовъ (срв. у М. Е. Салтыкова VII, 441 по изд. 1892-го г.) сороковыхъ годовъ, столь отличныхъ другъ отъ друга по пріемамъ и сферамъ дѣятельности, но столь сходныхъ по своимъ конечнымъ цѣлямъ, громадному общественному значенію, утонченности и чуткости общественныхъ инстинктовъ, поразительной искренности, святости своихъ натуръ... Это—двѣ „центральныхъ натуры", отлитыя въ философской мастерской Н. В. Станкевича и ставшія духовными вождями лучшей части русскаго общества и молодежи (срв. у Тургенева X, 26 „Бѣлинскій былъ тѣмъ, что я позволю себѣ назвать *центральной натурой*: онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ близко къ сердцевинѣ своего народа, воплощалъ его вполнѣ, и съ хорошихъ, и съ дурныхъ

сторонъ...“); оба равно поняли насущныя потребности современнаго имъ общества и удовлетворяли имъ во имя гармоніи личнаго и общественнаго блага, началъ свободы, гуманности, нравственной правды, человѣческаго достоинства: разрушительная критика печатнаго слова *петербургскаго* журналиста работала заодно съ примиряющимъ живымъ словомъ *московскаго* профессора, раздававшимся въ аудиторіи предъ толпой студенчества или разными слоями московскаго общества. Грановскій до дна испилъ чашу суроваго николаевскаго режима, переживъ время, о которомъ нельзя вспоминать безъ содроганія и которое уже достаточно рѣзко аттестовано въ нашей литературѣ. Менѣе другихъ рѣзкій Тургеневъ писалъ въ 1868-мъ г. о времени сороковыхъ годовъ (X, 48—49): „Тяжелыя тогда стояли времена, нынѣшнимъ молодымъ людямъ не приходилось испытать ничего подобнаго. Пусть читатель самъ посудитъ: утромъ тебѣ, быть можетъ, возвратили твою корректуру, всю исполосованную, обезображенную красными чернилами (о цензурѣ см. у А. В. Никитенка въ дневникѣ и у А. М. Скабичевскаго „Очерки исторіи русской цензуры“ Спб. 1892); можетъ быть тебѣ даже пришлось съѣздить къ цензору и, представивъ напрасныя и унизительныя объясненія, оправданія, выслушать его безапелляціонный приговоръ... На улицѣ тебѣ попалась фигура господина Булгарина или друга его, господина Греча; генералъ, и даже не начальникъ, а такъ, просто генералъ, оборвалъ или, что еще хуже, поощрилъ тебя... Бросишь вокругъ себя мысленный взоръ: взяточничество процвѣтаетъ, крѣпостное право стоитъ какъ скала, казарма на первомъ планѣ, суда нѣтъ, носятся слухи о закрытіи университетовъ, вскорѣ потомъ сведенныхъ на трехсотенный комплектъ, поѣздки за границу становятся невозможны, путной книги выписать нельзя, какая-то темная туча постоянно виситъ надъ всѣмъ такъ называемымъ ученымъ, литературнымъ вѣдомствомъ, а тутъ еще шипятъ и расползаются доносы; между молодежью ни общей связи, ни общихъ интересовъ, страхъ и принужденность во всѣхъ, хоть рукой махни!“ Мемуары и переписка того времени даютъ болѣе чѣмъ обильное количество фактовъ, которое отнимаетъ всякую возможность говорить объ утрированности этой характеристики; напротивъ она кажется даже блѣдной предъ мастерской кистью А. И. Герцена, которому принадлежитъ одна изъ самыхъ блестящихъ картинъ до-реформенной Россіи (срв. слова К. И. Арабажина о „Быломъ и Думахъ“ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“. Спб. 1893. Т. VIII—1, стр. 567).

Да тотъ же нѣжный, сдержанный Грановскій въ одномъ изъ своихъ писемъ 1850 г. писалъ: „Положеніе наше становится нестерпимѣе день отъ дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами. Обо мнѣ въ теченіе трехъ

мѣсяцевъ два раза собирали справки. Но что значитъ личная опасность въ сравненіи съ общимъ страданіемъ и гнетомъ. Университеты предполагалось закрыть, теперь ограничились слѣдующими уже приведенными въ исполненіе мѣрами: возвысили плату со студентовъ, и уменьшили ихъ число закономъ, въ силу котораго не можетъ быть въ университетѣ болѣе 300 студентовъ. Въ московскомъ 1400 человѣкъ студентовъ, стало быть надобно выпустить 1200, чтобъ имѣть право принять сотню новыхъ. Дворянскій институтъ закрытъ, многимъ заведеніямъ грозитъ та же участь, напр., Лицею. Деспотизмъ громко говоритъ, что онъ не можетъ ужиться съ просвѣщеніемъ. Для кадетскихъ корпусовъ составлены новыя программы. Іезуиты позавидовали бы военному педагогу, составителю этой программы. Священнику предписано внушать кадетамъ, что величіе Христа заключалось преимущественно въ покорности властямъ. Онъ выставляется образцомъ подчиненія и дисциплины. Учитель исторіи долженъ разоблачать мишурныя добродѣтели древнихъ республикъ и показать величіе не понятой историками римской имперіи, которой не доставало только одного—наслѣдственности!...

Есть съ чего сойти съ ума! Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее,—когда же развалится этотъ міръ?..“ Слова петербургскаго профессора, академика и николаевскихъ временъ чиновника А. В. Никитенка превосходно резюмируютъ мнѣнія упомянутыхъ сейчасъ авторитетовъ. Подъ 6 октября 1855 г. Никитенко („Записки и дневникъ“ Спб. 1893. Т. II, стр. 20; срв. 137) пишетъ: „Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администрація въ хаосѣ; нравственное чувство подавлено; умственное развитіе остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу“.

Возьмите эти характеристики съ ихъ спутниками-фактами, и вамъ не трудно будетъ вообразить, какъ все это должно было отзываться на благородной душѣ Грановскаго. Все это онъ пережилъ, выстрадалъ, дожилъ до наглядныхъ результатовъ „жестокаго вѣка“, какъ выразился Пушкинъ, до севастопольскаго разгрома, когда, по остроумной интерпретаціи М. Е. Салтыкова (см. также третій томъ переписки Ивана С. Аксакова), русскіе люди наперерывъ спѣшили продавать свое отечество,—и умеръ буквально въ тотъ моментъ, когда показались первые, чуть-чуть замѣтные проблески прекрасной зари, спѣшившей освѣтить измученную русскую землю; умеръ, не успѣвъ сказать своего послѣдняго слова и какъ разъ въ такую пору, когда его просвѣтительная дѣятельность могла бы разлиться довольно ши-

рокимъ потокомъ, пріобрѣсти приличную ей силу выраженія. Закрывая глаза навѣки, Грановскій не имѣлъ утѣшенія видѣть начинавшагося къ лучшему поворота въ русской жизни. Развѣ не грустно въ самомъ дѣлѣ пережить всѣ ужасы только для того, чтобы пасть подъ ихъ бременемъ вмѣстѣ съ ними самими,—пасть, доживъ до возможности принести наибольшую пользу родной странѣ. Не даромъ Тургеневъ тотчасъ послѣ его смерти писалъ (X, 445), что „люди, подобные Грановскому, теперь намъ крайне нужны... Замѣнить его теперь не можетъ ни одинъ человѣкъ, но самъ онъ будетъ еще дѣйствовать за гробомъ, — дѣйствовать долго и благотворно. Онъ жилъ не даромъ—онъ не умретъ". „Благо Бѣлинскому, умершему во-время", писалъ самъ Грановскій въ одномъ изъ писемъ отъ 1850 г. Этого, повторяю, нельзя было сказать про него самого. „Проповѣдуя науку и гуманность, умеръ, идучи на свою каѳедру Грановскій, говоритъ одинъ изъ его друзей,.... и зачѣмъ тупая случайность унесла Грановскаго, этого благороднаго дѣятеля, этого глубоко настрадавшагося человѣка, въ самомъ началѣ какого-то другого времени для Россіи, еще неяснаго, но все-таки другого; зачѣмъ не дала она ему подышать новымъ воздухомъ, которымъ повѣяло у насъ и который не такъ крѣпко пахнетъ застѣнкомъ и казармами... безъ него стало пусто въ Москвѣ, еще связь порвалась". Смерть Грановскаго не была встрѣчена вынужденнымъ молчаніемъ журналовъ и газетъ подобно смерти Бѣлинскаго; напротивъ, множество статей и замѣтокъ появилось и въ тѣхъ, и въ другихъ, что и было въ свое время подчеркнуто его біографомъ, А. В. Станкевичемъ (стр. 300—301 по изд. 1869 г.). Совсѣмъ иной была и обстановка его похоронъ.. Его потеря была истинной „общественной потерей", которую общество оплакивало съ рѣдкой у насъ искренностью, а университетъ отмѣтилъ актовой рѣчью о немъ С. М. Соловьева 12 января 1856 г. Касаясь памятнаго ему 7 октября, Соловьевъ замѣтилъ: „На древнихъ саркофагахъ встрѣчаемъ изображенія погребальныхъ процессій, изъ которыхъ можно узнать о значеніи покойника: еслибы на надгробномъ памятникѣ Грановскаго можно было живописать его погребеніе, можно было изобразить вполнѣ скорбь, слезы многочисленной семьи чужихъ людей, то памятникъ далъ бы понятіе о значеніи человѣка, подъ нимъ сокрытаго". Если къ этому свидѣтельству сдержаннаго, строгаго, не умѣвшаго увлекаться прекраснодушничаньемъ Соловьева прибавить поэтическія строки Тургенева въ его письмѣ „Два слова о Грановскомъ", то мы можемъ здѣсь оставить въ сторонѣ всѣ другія свидѣтельства о томъ же. „Похороны его,—пишетъ Тургеневъ (X, 441—2), были чѣмъ-то умилительнымъ и глубокознаменательнымъ; онѣ останутся событіемъ въ памяти каждаго участвовавшаго въ нихъ. Ни-

когда не забуду я этого длиннаго шествія (срв. у А. Станкевича, стр. 300), этого гроба, тихо колыхавшагося на плечахъ студентовъ, этихъ обнаженныхъ головъ и молодыхъ лицъ, облагороженныхъ выраженіемъ честной и искренней печали, этого невольнаго замедленія многихъ между разбросанными могилами кладбища, даже тогда, когда уже все было кончено, и послѣдняя горсть земли упала на прахъ любимаго учителя... Одни и тѣ же ощущенія наполняли всѣхъ, высказывались во всѣхъ устахъ, во всѣхъ взорахъ; всѣмъ хотѣлось продлить ихъ въ себѣ, и расходиться было жутко"... Прошло сорокъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Соловьевъ и Тургеневъ вмѣстѣ со Станкевичемъ, біографомъ нашего героя, были свидѣтелями глубокихъ, неподдѣльныхъ симпатій, выраженныхъ памяти Грановскаго... За этотъ недолгій промежутокъ времени русское общество успѣло пережить многое: лихорадочные годы подъема, освободительныхъ реформъ и связанныхъ съ ними надеждъ въ будущемъ, даже моменты скораго признанія общественной „самодѣятельности" въ широкомъ смыслѣ этого слова...

Потомъ минутный порывъ смѣнился тяжелыми годами реакціи... но несмотря на всѣ тяжкія испытанія, ниспосланныя русскому обществу и университету капризами своеобразно сложившейся русской жизни, благородная личность Грановскаго не только не забыта, но еще продолжаетъ дѣлать насъ нравственно лучшими (словно въ его время, когда, „встрѣчая Грановскаго на каѳедрѣ, становилось легче на душѣ", какъ пишетъ одинъ изъ его друзей,—„не все еще погибло, если онъ продолжаетъ свою рѣчь", „думалъ каждый и свободнѣе дышалъ"), продолжаетъ служить для насъ поучительнымъ образцомъ, будить въ насъ самое живое чувство благодарности и уваженія, какъ будто со дня смерти дорогого наставника минуло не сорокъ лѣтъ, а всего только сорокъ дней. Особенно драгоцѣнно, что о немъ не забыла именно университетская молодежь, на которую въ свое время „вліяніе Грановскаго,—по словамъ его друга, было огромно и пережило его; длинную, свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ... я съ особеннымъ умиленіемъ смотрю на книги, посвященныя его памяти бывшими его студентами, на горячія, восторженныя строки объ немъ въ ихъ предисловіяхъ, въ журнальныхъ статьяхъ, на это юношески прекрасное желаніе новый трудъ свой примкнуть къ дружеской тѣни, коснуться, начиная рѣчь, до его гроба, считать отъ него свою умственную генеалогію". Современный лѣтописецъ съ гордостью можетъ отмѣтить въ своихъ записяхъ, что 4 октября 1895 г. на могилѣ Грановскаго собралась эта университетская молодежь, принеся съ собою два вѣнка, украсившихъ его надгробный памятникъ (ранѣе поставленный студентами же московскаго университета) съ надписями: 1) „*незабвенному*

профессору отъ студентовъ" и 2) „*истинному учителю жизни Т. Н. Грановскому отъ студентовъ-костромичей*" [1]).

Итакъ, ни русское общество, ни московское студенчество не забыли Грановскаго: вновь 4-го октября 1895 г. давался на его могилѣ обѣтъ безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія благороднымъ идеаламъ, одушевлявшимъ Грановскаго, вновь испытано это чудное чувство единенія и горячей потребности въ стройной организаціи русской интеллигенціи, разрозненной и шатающейся; одно лишь обстоятельство смущало присутствовавшихъ, и оно было отлично выражено однимъ изъ бывшихъ слушателей Грановскаго, г. Чеботаревскимъ. Грановскій умиралъ въ 1855 г. усталый, печальный, тоскующій. „Исчезло ли теперь то, что наполняло твою душу тоской,—сказалъ г. Чеботаревскій,—появилось ли то, чего ты такъ страстно желалъ? Отвѣта на эти вопросы мы не принесли на твою могилу. Одно мы можемъ сказать: мы, подобно тебѣ, не преклонимся предъ грубой дѣйствительностью, какъ бы властна она ни была"! Такъ еще разъ черезъ сорокъ лѣтъ со всей свѣжестью перваго впечатлѣнія сказалось обаяніе личности Грановскаго на русское общество и университетскую молодежь. И кто знаетъ, не дѣйствительность ли подогрѣла эту свѣжесть обаянія, эту громкую рѣшимость разумнаго подражанія?

Чѣмъ же намъ дорогъ Грановскій именно въ эту минуту? Почему въ наши дни онъ является идеаломъ, образцомъ, не прописнымъ и извнѣ навязаннымъ, а горячо желаннымъ, свободно избраннымъ? Я постараюсь напомнить сейчасъ лишь только нѣкоторыя черты этой сложной личности, не претендуя ничуть на полноту ея характеристики и оправдываясь въ смѣлости говорить о ней ея глубокимъ общественнымъ значеніемъ и несомнѣнной общественной поучительностью. „Грановскій не былъ гонимъ,—вспоминаются при этомъ невольно слова его друга, частью приведенныя въ рѣчи В. Е. Якушкина на могилѣ 4 октября 1895 г.,—передъ его взглядомъ печальнаго укора остановилась николаевская пора. Онъ умеръ, окруженный любовью новаго поколѣнія, сочувствіемъ всей образованной Россіи, признаніемъ враговъ. Но тѣмъ не меньше я удерживаю мое выраженіе, да, онъ много страдалъ. Не однѣ желѣзныя цѣпи перетираютъ жизнь. Чаадаевъ въ единственномъ письмѣ, которое онъ мнѣ писалъ за границу (20 іюля 1851 г.), говоритъ о томъ, что онъ гибнетъ, слабѣетъ и быстрыми

[1]) См. „Русскія Вѣдомости" №№ 273, 275, 276 и 280: однимъ изъ студентовъ, кромѣ того, прочитано было стихотвореніе, посвященное памяти Грановскаго, а другимъ внесено было въ редакцію названной газеты 5 руб., какъ починъ для организаціи фонда на памятникъ, при чемъ заявлено, что на первое время можно было бы поспѣшить поставить его бюстъ или портретъ въ актовой залѣ московскаго университета и наименовать именемъ Грановскаго залу, въ которой онъ читалъ свои публичныя лекціи.

шагами приближается къ концу",—„не отъ того угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ и которое по этому самому пагубнѣе перваго".

Обстановка, среди которой умеръ Грановскій, необычная обстановка его похоронъ, совпавшая съ первыми проблесками новой жизни, помимо всякихъ біографическихъ данныхъ, ясно говорятъ, что онъ не былъ только ученымъ, только профессоромъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Его личность выходила далеко за предѣлы этихъ двухъ опредѣленій, возбуждая тѣмъ самымъ восторгъ многихъ, недоумѣніе нѣкоторыхъ. Въ числѣ недоумѣвавшихъ были люди, которые вообще относились хорошо къ Грановскому при жизни и еще теплѣе послѣ его смерти, но зараженные ученымъ педантизмомъ не умѣли простить ему способности жить полной человѣческой жизнью и дѣйствовать помимо арены личнаго кабинета и университетской аудиторіи. А. Н. Аѳанасьевъ, написавшій незадолго до смерти Грановскаго любопытныя воспоминанія о московскомъ университетѣ въ 1843—1849 гг. (см. въ „Русской Старинѣ" 1886 г., № 8, стр. 379 и сл.), не задумывался заявить, что Грановскій, этотъ „любимый и наиболѣе извѣстный профессоръ московскаго университета" и „по убѣжденіямъ человѣкъ либеральный, но съ тактомъ и умомъ", хотя и „*много читаетъ*", но „страшно лѣнивъ и не усидчивъ для строгихъ ученыхъ работъ", „пристрастенъ къ карточной игрѣ, наслѣдовавъ эту страсть отъ своего родителя (слѣдовало бы прибавить дѣда и частью матери—см. факты у А. В. Станкевича стр. 4, 10, 14—15, 46, 224—226), любитъ онъ жизнь вести разсѣянную, въ разъѣздахъ по городу; знакомствъ у него много; и дома его осаждаютъ очень многіе, и студенты, и не студенты; если прибавить къ этому дружескіе обѣды и попойки, и всегдашній долгій послѣобѣденный сонъ, то, конечно, для ученой работы времени не останется".

Источникъ этого упрека коренится частью въ превратномъ пониманіи роли профессора въ Россіи, частью въ незнакомствѣ съ тѣмъ роковымъ конфликтомъ между отзывчивой, нѣжной душей Грановскаго и окружающей его дѣйствительностью, — конфликтомъ, который *его* свелъ въ преждевременную могилу, *другихъ* заставилъ пойти „искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ", *третьихъ*—„сойти безвѣстно", какъ выражался одинъ древне-русскій дворянскій документъ; онъ равно приложимъ и къ западническимъ и къ славянофильскимъ кружкамъ сороковыхъ годовъ. Эта черта широкой общественности и пристрастія къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ, рѣчамъ, неустанному самообмѣну мыслями—грѣхъ всѣхъ лучшихъ людей сороковыхъ годовъ; то была ихъ великая сила, непонятная для тупыхъ педантовъ и столь завидная для насъ. Эти страстныя рѣчи, эти нескончаемые споры, изощрившіеся сначала въ отвлеченностяхъ

Гегелевой философіи, соединяли потомъ наше прошедшее съ современностью, создали превосходную школу критики текущей дѣйствительности. Грановскій въ этомъ отношеніи блестяще погрязалъ въ прекрасномъ грѣхѣ лучшаго поколѣнія того времени. Жизнь представляла такъ много вопіющаго, лучшіе люди были такъ чутки и отзывчивы, что невольно вся подавляющая горечь ежеминутно получаемыхъ впечатлѣній находила себѣ единственный исходъ въ продолжительныхъ дружескихъ бесѣдахъ: здѣсь за стаканами вина, да!.. за стаканами вина... выяснялись основные вопросы русской жизни, основные принципы собесѣдниковъ и пріемы возможнаго проведенія ихъ въ жизнь лекціями, статьями, отношеніями къ тѣмъ или другимъ слоямъ русскаго общества... Въ этой школѣ русской общественности Грановскому принадлежало виднѣйшее мѣсто: вся его личность говорила современникамъ; его „взглядъ печальнаго укора“ и временами роковое молчаніе были страшнѣе десятковъ статей „въ вольномъ духѣ“, забраковывавшихся тогдашнею цензурной прислугой; вѣдь всѣмъ равно было извѣстно, что по тому или иному пункту Грановскій можетъ сказать только *одно*, и это *одно* краснорѣчиво высказывалось молчаніемъ Грановскаго, а молчаніе понималось всѣми одинаково. Какую нужно было имѣть страшную нравственную силу, чтобъ такимъ образомъ вліять на современниковъ! Сколько нужно было такта, ума и чувства мѣры, чтобъ эта личность съ столь ясно выраженнымъ содержаніемъ закаленной оппозиціонности могла уцѣлѣть тогда на московской каѳедрѣ всеобщей исторіи. Такіе люди кладъ для общества; не нужно только забывать, что являются они продуктомъ извѣстной школьной выправки, какую и давали, несомнѣнно, московскіе кружки сороковыхъ годовъ, державшіе въ постоянномъ напряженіи, постоянной внутренней работѣ каждаго изъ своихъ членовъ: ни уснуть, ни забыться въ пошлой неподвижности тогда нельзя было. Мнѣнія, подобныя Аѳанасьевскому и примѣняемыя къ Грановскому столько же, сколько къ людямъ сороковыхъ годовъ вообще, давно уже нашли отпоръ въ историческихъ экскурсахъ автора „Былого и Думъ“. Говоря о жизни Огарева въ Москвѣ въ 1840 г., авторъ пишетъ о немъ, что „къ такимъ людямъ льнутъ, пристаютъ другіе; они согрѣваютъ, связуютъ, успокоиваютъ ихъ, они *открытый столъ*, за который садится каждый, возобновляетъ силы, отдыхаетъ, становится бодрѣе, покойнѣе и идетъ прочь—другомъ. Знакомые поглощали у него много времени, онъ страдалъ отъ этого иногда, но дверей своихъ не запиралъ, а встрѣчалъ каждаго кроткой улыбкой. Многіе находили въ этомъ большую слабость; да, время уходило, терялось, но пріобрѣталась любовь не только близкихъ людей, но постороннихъ, слабыхъ, вѣдь и это стоитъ чтенія и другихъ занятій! Я никогда толкомъ не

могъ понять, какъ это обвиняютъ людей, въ родѣ Огарева, въ праздности. Точка зрѣнія фабрикъ и рабочихъ домовъ врядъ-ли идетъ сюда. Помню я, что еще во времена студентскія, мы разъ сидѣли съ Вадимомъ за рейнвейномъ, онъ становился мрачнѣе и мрачнѣе, и вдругъ, со слезами на глазахъ, повторилъ слова Донъ-Карлоса, повторившаго въ свою очередь слова Юлія Цезаря: „Двадцать три года, и ничего не сдѣлано для безсмертія!" Его это такъ огорчило, что онъ изо всей силы ударилъ ладонью по зеленой рюмкѣ и глубоко разрѣзалъ себѣ руку. Все это такъ, но ни Цезарь, ни Донъ-Карлосъ съ Позой, ни мы съ Вадимомъ не объяснили, для чего же нужно что нибудь дѣлать для *безсмертія!* Есть дѣло, надобно его и сдѣлать, а какъ же это дѣлать для дѣла и *въ знакъ памяти* роду человѣческому? Все это что-то смутно; да и что такое дѣло? Дѣло, business... Чиновники знаютъ только гражданскія и уголовныя дѣла, купецъ считаетъ дѣломъ одну торговлю, военные называютъ дѣломъ шагать по журавлиному и вооружаться съ ногъ до головы въ мирное время. По моему, служить связью, центромъ цѣлаго круга людей—огромное дѣло, особенно въ обществѣ разобщенномъ и скованномъ. Меня никто не упрекалъ въ праздности, кое-что изъ сдѣланнаго мною нравилось многимъ; а знаютъ ли сколько во всемъ, сдѣланномъ мною, отразились наши бесѣды, наши споры, ночи, которыя мы праздно бродили по улицамъ и полямъ, или еще болѣе *праздно* проводили за бокаломъ вина". Во главѣ дружескаго кружка 1842 — 1847 г.г. стоялъ Грановскій: „Ему,—продолжаетъ тотъ же авторъ,—принадлежитъ главное мѣсто этого пятилѣтія. Огаревъ былъ почти все время въ чужихъ краяхъ. Грановскій замѣнялъ его намъ, и лучшими минутами того времени мы обязаны ему. Великая сила любви лежала въ этой личности. Со многими я былъ *согласнѣе* въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то, въ глубинѣ души. Грановскій и всѣ мы были сильно заняты, всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ университетахъ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и журналахъ, кто изучая русскую исторію; къ этому времени относятся начала всего сдѣланнаго потомъ... Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многосторонних и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и артистократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое... Съ любовью останавливаюсь я на этомъ времени дружнаго труда, полнаго поднятаго пульса, согласнаго строя мужественной борьбы; на этихъ годахъ, въ которые мы были юны въ послѣдній разъ!.. Нашъ небольшой кружокъ собирался

часто то у того, то у другого, всего чаще у меня. Рядомъ съ болтовней, шуткой, ужиномъ и виномъ, шелъ самый дѣятельный, самый быстрый обмѣнъ мыслей, новостей и знаній; каждый передавалъ прочтенное и узнанное, споры обобщали взглядъ и вырѣботанное каждымъ дѣлалось достояніемъ всѣхъ. Ни въ одной области вѣдѣнія, ни въ одной литературѣ, ни въ одномъ искусствѣ не было значительнаго явленія, которое не попалось бы кому нибудь изъ насъ, и не было бы тотчасъ сообщено всѣмъ. Вотъ этотъ характеръ нашихъ сходокъ не понимали тупые педанты и тяжелые школяры. Они видѣли мясо и бутылки, но другого ничего не видали. Пиръ идетъ къ полнотѣ жизни, люди воздержные бываютъ обыкновенно сухіе, эгоистическіе люди. Мы не были монахи, мы жили во всѣ стороны и, сидя за столомъ, побольше развились и сдѣлали не меньше, чѣмъ эти постные труженики, копающіеся на заднемъ дворѣ науки".

Что̀ можно было бы прибавить къ приведеннымъ сейчасъ краснорѣчивымъ словамъ о кружкѣ, въ которомъ вращался Грановскій? Ученый и профессоръ—онъ былъ глубоко общественнымъ человѣкомъ, болѣлъ современностью и жилъ ею, не въ прошедшемъ были его идеалы, а въ будущемъ, весь циклъ историческаго изученія былъ для него канвой, на которой вышивалась идея безконечнаго прогресса человѣчества. Его историческая работа, оставаясь въ предѣлахъ строгой науки, отличалась той благородной тенденціозностью, безъ которой въ сущности едва ли, мыслима разумная научная дѣятельность. Всякая дѣятельность чуждая опредѣленной цѣли, наука для науки, искусство для искусства—эффектная приправа къ столу умирающаго отъ несваренія желудка, ничего не стоющая сама по себѣ. Идеалъ профессора-чиновника или ученаго попугая не согласовался съ воззрѣніями Грановскаго, который отлично понималъ, чѣмъ долженъ быть русскій профессоръ: онъ можетъ быть и долженъ быть общественнымъ дѣятелемъ, неразрывно связаннымъ тысячами нитей съ окружающей его каѳедру молодежью, съ современной ему дѣйствительностью. Перервите эти нити, и русскій профессоръ сейчасъ же обращается въ нѣчто невообразимое, въ какой-то бюрократическій балластъ. Грановскій —путеводная звѣзда для русскаго профессора, онъ остается ей въ настоящее время и не скоро замѣнится другой, болѣе яркой и близкой. Общественное направленіе въ преподавательской дѣятельности Грановскаго можно сопоставить съ такимъ же въ литературной критикѣ Бѣлинскаго, — въ этомъ тайна ихъ силы, вліянія, жизненности.

Когда доктринерская партія славянофиловъ въ лицѣ „Москвитянина" зацѣпила Грановскаго за направленіе его публичныхъ лекцій, „и все съ тѣмъ же отсутствіемъ такта, который возстановлялъ про-

тивъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей", Грановскій рѣшительно заставилъ ее почувствовать свой позоръ, когда публично съ каѳедры спросилъ своихъ обвинителей, почему онъ долженъ ненавидѣть западъ—и зачѣмъ, ненавидя его развитіе, сталъ бы онъ читать его исторію? „Меня обвиняютъ,—сказалъ Грановскій, въ томъ, что исторія служитъ мнѣ только для высказыванія моего воззрѣнія. Это отчасти справедливо, я имѣю убѣжденія и провожу ихъ въ моихъ чтеніяхъ; еслибъ я не имѣлъ ихъ, я не вышелъ бы публично передъ вами для того, чтобъ разсказывать, больше или меньше занимательно, рядъ событій". Это—замѣчательныя слова; они могли возбудить самый неподдѣльный восторгъ и лишь еще крѣпчайшими узами связать личность Грановскаго и современное ему общество, которое въ ней „привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее" (срв. у А. В. Станкевича, стр. 140 и 139). Не даромъ же П. Я. Чаадаевъ сказалъ, что „лекціи Грановскаго имѣютъ *историческое* значеніе"; не даромъ М. О. Кояловичъ въ своей „Исторіи русскаго самосознанія" (по изд. 1884 г. стр. 238) злобно замѣчаетъ, что въ обществѣ „немного слѣдили за научностью Грановскаго, а больше увлекались тѣмъ, что въ его лекціяхъ ближе касалось общественности". Мы какъ разъ привыкли цѣнить то, что всегда возбуждало злобу сторонниковъ дутой учености: „у меня есть теплая душа и убѣжденія", говаривалъ Грановскій, ...„работать только для себя скучно, мнѣ нужна живая дѣятельность" (срв. у А. В. Станкевича, стр. 85, 86, 92). Грановскій не разъ порывался издавать журналъ; даже не имѣя въ виду массы публики, онъ изгонялъ изъ своей программы „педантскія разсужденія о подробностяхъ, не имѣющихъ общаго человѣческаго интереса". „Вонъ! ихъ,—писалъ онъ Н. В. Станкевичу,—распространеніе Humanität—вотъ цѣль". „Нашей публикѣ,—пишетъ онъ Н. Г. Фролову,—нужны пока журналы, и журналомъ можно принести много пользы,—болѣе, чѣмъ цѣлою библіотекой ученыхъ сочиненій, которыхъ никто читать не станетъ" (А. В. Станкевичъ, стр. 129, 145). Это—убійственно вѣрная мысль, и Грановскій не разъ принимался за ея практическое осуществленіе, но условія тогдашняго режима были таковы, что отъ попытокъ основать журналъ пришлось лишь затаить въ своей душѣ рядъ непріятныхъ впечатлѣній. Трудно было основать журналъ тамъ, гдѣ, по словамъ одного изъ пріятелей Грановскаго, „мысль преслѣдовалась, какъ дурное намѣреніе, и независимое слово, какъ оскорбленіе общественной нравственности". Трудно было и борьбу вести противъ лагеря, прикрывавшагося терминами оффиціальной народности; Чаадаевъ и затѣмъ Бѣлинскій заставили ее такъ или иначе сплотиться, запастись энергіей; Грановскій совсѣмъ испортилъ ей кровь своими лекціями.

Казалось, славянскій патріотизмъ пріобрѣталъ нѣкоторую популярность, тѣмъ болѣе, что С. П. Шевыревъ не стѣснялся въ „выходкахъ противъ такихъ идей, книгъ и лицъ, за которыя у насъ трудно было заступаться, не попавши въ острогъ". Грановскій силой своего необыкновеннаго дарованія много сдѣлалъ для пораженія крайностей славянофильской доктрины. „Съ каѳедры возстаю противъ нихъ,—писалъ онъ Станкевичу (стр. 112),—разумѣется не выходя изъ предѣловъ моего предмета, за что меня упрекаютъ въ пристрастіи къ нѣмцамъ".

Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ рѣзче была оппозиція Грановскаго противъ вредныхъ проявленій оффиціальной народности и „проказы" славянофильства. „Слышенъ глухой, общій ропотъ, но гдѣ силы? Гдѣ противодѣйствіе? Тяжело, братъ — а выхода нѣтъ *живому*", пишетъ онъ А. И. Герцену. „Эти люди (славянофилы),—читаемъ въ одномъ изъ его послѣднихъ писемъ (А. В. Станкевичъ стр. 295),—противны мнѣ какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда. Оппозиція ихъ безплодна, потому, что основана на одномъ отрицаніи того, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей исторіи. Я до смерти радъ, что они затѣяли журналъ... я радъ, потому что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей. Придется поневолѣ снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили они дѣтей. Надобно будетъ сказать послѣднее слово системы, а это послѣднее слово—патріархальная патріархальность, не совмѣстная ни съ какимъ движеніемъ впередъ".

Глубокій интересъ Грановскаго къ современности, живое отношеніе къ общественнымъ вопросамъ, постоянная связь съ молодежью (срв. у А. В. Станкевича, стр. 154—157 и др.), ненависть къ общественной апатіи оцѣнены были еще современниками; мы уже видѣли, что эти черты привязывали Грановскаго къ дружескому кружку, въ которомъ онъ вращался, очень крѣпкими нитями; но кружокъ былъ лишь школой, гдѣ общественный инстинктъ Грановскаго получилъ свое развитіе. Еще въ Петербургѣ, во время студенческой жизни, онъ живо интересовался современными русскими журналами, — надо къ этому прибавить, что студенты, по словамъ г. Григорьева, или вовсе не читали тогда газетъ, или заглядывали въ нихъ случайно (см. „Рус. Бесѣду" 1856 г., т. III, стр. 35—38). Подробный анализъ личности Грановскаго вскрываетъ намъ любопытную картину послѣдовательнаго расцвѣта его общественныхъ инстинктовъ, достигшихъ высокаго напряженія и преждевременно по условіямъ русской жизни вогнавшихъ его въ могилу. Черезъ недѣлю послѣ его смерти въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появилось письмо, писанное, какъ говоритъ

преданіе Мельгуновымъ, и превосходно оттѣняющее общественное значеніе Грановскаго какъ бы въ ущербъ ученому. „Грановскій,—читаемъ здѣсь,—былъ не только профессоръ, не только ученый, — онъ былъ однимъ изъ малочисленныхъ у насъ общественныхъ людей. Его публичныя лекціи, до сихъ поръ сохранившіяся въ живой памяти всѣхъ, кто имѣлъ счастіе на нихъ присутствовать, его многостороннія общественныя связи возбуждали въ образованной публикѣ сочувствіе къ наукѣ, къ просвѣщенію, ко всему прекрасному и благородному современнаго общества. О Грановскомъ можно сказать, что онъ былъ историкомъ не одного прошедшаго, но и настоящаго. Для него также важенъ, также драгоцѣненъ былъ листокъ газеты, какъ и листокъ лѣтописи. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ и умѣлъ вездѣ находить живую струю исторической жизни. Я готовъ прибавить, что прошедшее всего болѣе имѣло цѣну въ его глазахъ по своему отношенію къ настоящему. Конечно, на все, говоренное имъ и публично, и въ частныхъ бесѣдахъ, онъ клалъ неизмѣнно печать изящнаго и чистаго; но едва-ли можно утверждать, чтобы въ этомъ изящномъ и чистомъ заключались всѣ достоинства его слова. Однимъ изъ важныхъ, существенныхъ преимуществъ было глубокое сочувствіе къ современному, ко всевозможнымъ успѣхамъ общественной жизни, понимаемой въ самомъ обширномъ смыслѣ. Грановскій сочувствовалъ всякому успѣху гдѣ бы то ни было, въ какой бы то ни было области человѣческой дѣятельности... Глубокимъ сочувствіемъ къ современному обществу были проникнуты всѣ его слова, и на публичныхъ лекціяхъ, и въ университетѣ, и въ разговорахъ съ друзьями.

Этимъ-то сочувствіемъ согрѣвалъ онъ все, что выливалось изъ его души; и не однѣ прекрасныя формы его рѣчи, не одни изящные образы, которые онъ одинъ умѣлъ вызывать изъ тѣни прошедшаго, приковывали вниманіе его слушателей и глубоко врѣзывались въ ихъ памяти; нѣтъ, всѣ эти прекрасныя формы рѣчи и прекрасные историческіе образы были еще согрѣты скрытою, но вездѣ присущею теплотою глубокаго сочувствія къ настоящему, къ его успѣхамъ и надеждамъ. Помянувъ его какъ профессора и ученаго, помянемъ его, какъ *общественнаго русскаго человѣка*" (срв. слова П. Н. Кудрявцева въ предисловіи къ 1-му изданію сочиненій Грановскаго).

Отмѣтивъ въ Грановскомъ общественнаго русскаго человѣка, я погрѣшилъ бы, еслибъ не сказалъ о немъ, какъ о человѣкѣ высокой общественной дисциплины, соединявшемъ поразительную стойкость, непоколебимость убѣжденій съ рѣдкой способностью примиряющей силы въ границахъ, конечно, дозволительныхъ для принципіальной чистоты человѣка партіи. Примиряющая роль Грановскаго рѣзко его выдѣляла изъ состава дружескаго кружка, о которомъ говорилось,

выше; нравственная стойкость, приверженность къ извѣстнымъ принципамъ погружали его въ коллективную личность людей сороковыхъ годовъ. Рано обнаружились въ немъ общественные инстинкты, еще на школьной скамьѣ выступилъ онъ въ благородной роли примирителя,—роли, которая вообще не всегда удачно сходитъ съ рукъ и является тактичной. Въ московской школѣ Кистера Грановскій явился центромъ соединенія двухъ враждовавшихъ между собой партій школьниковъ Баумгарта и Соловцова (срв. у А. В. Станкевича, стр. 9—10); въ семьѣ онъ сдерживалъ антагонизмъ отца и сестеръ, минутами вспыхивавшій довольно замѣтно; на каѳедрѣ онъ пытался и съ большимъ успѣхомъ сблизить московскій университетъ съ обществомъ, читая публичныя лекціи, появляясь въ московскихъ гостиныхъ, группируя вокругъ себя кружки студенческой молодежи. Еще поучительнѣе примирительная роль Грановскаго среди московскихъ кружковъ. Припомните два противуположныхъ кружка Н. В. Станкевича и А. И. Герцена, взаимное непониманіе которыхъ сгладилъ Грановскій, бывъ признанъ обоими. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ лучшій изъ ихъ историковъ сороковыхъ годовъ: „Станкевичъ, одинъ изъ *праздныхъ* людей, *ничего* не совершившихъ, былъ первый послѣдователь Гегеля въ кругу московской молодежи. Онъ изучилъ нѣмецкую философію глубоко и эстетически; одаренный необыкновенными способностями, онъ увлекъ большой кругъ друзей въ свое любимое занятіе. Кругъ этотъ чрезвычайно замѣчателенъ, изъ него вышла цѣлая фаланга ученыхъ, литераторовъ и профессоровъ, въ числѣ которыхъ были Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій. До ссылки между нашимъ кругомъ (Герцена) и кругомъ Станкевича не было большой симпатіи. Имъ не нравилось наше почти исключительно политическое направленіе, намъ не нравилось ихъ почти исключительно умозрительное. Они насъ считали фрондёрами и французами, мы ихъ сентименталистами и нѣмцами“. Взаимное отчужденіе кружковъ, не умѣвшихъ по обстоятельствамъ времени понять другъ друга вполнѣ, пало, благодаря Грановскому. „Первый человѣкъ,—говоритъ Герценъ, признанный нами и ими, который дружески подалъ обоимъ руки и снялъ своей теплой любовью къ обоимъ, своей примиряющей натурой, послѣдніе слѣды взаимнаго непониманья, былъ Грановскій... Ближайшій другъ Станкевича, наиболѣе родной ему всѣмъ существомъ своимъ, Грановскій былъ нашимъ съ самаго пріѣзда изъ Германіи“.

„Грановскій,—писалъ его пріятель, посвятившій ему прекрасную статью „На могилѣ друга“,—былъ одаренъ удивительнымъ *тактомъ* сердца. У него все было такъ далеко отъ неувѣренной въ себѣ раздражительности, отъ притязаній, такъ чисто, такъ открыто, что съ нимъ было необыкновенно легко. Онъ не тѣснилъ дружбой, а любилъ

сильно, безъ ревнивой требовательности и безъ равнодушнаго—все равно. Я не помню, чтобъ Грановскій когда нибудь дотронулся грубо или неловко до тѣхъ „волосяныхъ“, нѣжныхъ, бѣгущихъ свѣта и шума сторонъ, которыя есть у всякаго человѣка, жившаго въ самомъ дѣлѣ. Отъ этого съ нимъ было не страшно говорить о тѣхъ вещахъ, о которыхъ трудно говорится съ самыми близкими людьми, къ которымъ имѣешь полное довѣріе, но у которыхъ *строй* нѣкоторыхъ, едва слышныхъ, струнъ не по одному камертону. Въ его любящей, покойной и снисходительной душѣ исчезали угловатыя распри и смягчался крикъ себялюбивой обидчивости. Онъ былъ между нами звеномъ соединенія многаго и многихъ, и часто примирялъ въ симпатіи къ себѣ цѣлые круги, враждовавшіе между собой и друзей, готовыхъ разойтись. Грановскій и Бѣлинскій, вовсе не похожіе другъ на друга, принадлежали къ самымъ свѣтлымъ и замѣчательнымъ личностямъ нашего круга“. Сколько было въ Грановскомъ этой страсти связывать и примирять враждующіе между собой элементы, видно изъ того, что былъ моментъ, когда на него нашло нѣкотораго рода ослѣпленіе, превосходно пойманное Бѣлинскимъ и безпощадно имъ осужденное. Какъ правъ въ этомъ отношеніи былъ „боецъ“ Бѣлинскій! Этотъ историческій урокъ не долженъ пропасть для насъ даромъ. Русской интеллигенціи равно вредятъ и неумѣстные мелочные раздоры, и легкомысленное побратимство, хотя бы довольно внѣшнее и случайное, съ людьми мракобѣсной организаціи. Къ несчастію, и то, и другое не разъ замѣчалось въ послѣднее время смѣшенія воззрѣній, путаницы гражданскихъ правилъ, какой-то пошлой терпимости къ поступкамъ и лицамъ, о которыхъ не можетъ быть двухъ разныхъ мнѣній. Многому можетъ поучиться наше тусклое поколѣніе у яркихъ людей сороковыхъ годовъ. Ослѣпленіе, о которыхъ я сейчасъ упомянулъ, выразилось въ томъ, что Грановскій далъ статью въ „Москвитянинъ“; любопытно, что въ свою очередь славянофилы приняли участіе въ обѣдѣ, данномъ Грановскому (на немъ А. С. Хомяковъ провозгласилъ тостъ за Мицкевича словами „за великаго отсутствующаго славянскаго поэта“) по окончаніи имъ блестящаго курса публичныхъ лекцій. Ни то, ни другое не могло понравиться Бѣлинскому; ни то, ни другое не могло привести ни къ какимъ благопріятнымъ результатамъ; слѣдовательно, и то, и другое было лишнимъ. Бѣлинскій громилъ въ своихъ письмахъ московскихъ пріятелей за это панибратство съ славянствующими; ни Герценъ, ни Грановскій не раздѣляли вполнѣ этой нетерпимости. „Я жидъ по натурѣ,—писалъ Бѣлинскій,—и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ *Москвитянинѣ?* Нѣтъ, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ

неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія". То было рѣзко, но справедливо и тактично. Скоро торжествующій Бѣлинскій съ упрекомъ повторилъ о славянствующихъ: „Вотъ вамъ они!". Бѣлинскій былъ правъ: по рукамъ ходилъ доносъ въ стихахъ на П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена и Т. Н. Грановскаго. Даже Погодинъ возмутился и возмутился послѣ того, какъ сухо былъ принятъ Чаадаевымъ. Н. М. Языковъ не вѣдалъ, что творилъ; онъ писалъ свои стихи едва-ли въ полномъ разсудкѣ; о немъ можно еще сказать: „да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія". Но отнестись терпимо къ тѣмъ, кто тогда его съ восторгомъ перечитывалъ и разносилъ съ удовольствіемъ по гостинымъ, конечно было нельзя: стихотворный доносъ уничтожилъ послѣднюю дрожащую доску чрезъ пропасть, раздѣлявшую славянофиловъ и западниковъ.

До чего поразительны благородство и идеализмъ людей сороковыхъ годовъ легко видѣть изъ строкъ, которыми другъ Грановскаго заклеймилъ эту исторію. „Умирающей рукой, нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и славянофиломъ по родству, хотѣлъ стягнуть насъ; по несчастію онъ для этого избралъ опять таки полицейскую нагайку. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ „Не наши", онъ называлъ Чаадаева отступникомъ отъ православія, Грановскаго—лжеучителемъ, растлѣвающимъ юношей, меня—слугой, носящимъ блестящую ливрею западной науки и всѣхъ трехъ—измѣнниками отечеству. Конечно онъ не называлъ насъ по имени, ихъ добавляли чтецы, носившіе съ восхищеніемъ изъ залы въ залу доносъ въ стихахъ. К. Аксаковъ съ негодованіемъ отвѣчалъ ему тоже стихами, рѣзко клеймя злыя нападки". Тотъ же авторъ подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго постарался высказаться по поводу стиховъ Языкова въ „Отечественныхъ Запискахъ". Что можно было сказать о нихъ при тогдашней цензурѣ, любопытно само по себѣ, но еще любопытнѣе въ сопоставленіи съ приведеннымъ сейчасъ отрывкомъ, составлявшимся безъ стѣсненія какими бы то ни было правилами какой бы то ни было цензуры. Разбирая одинъ изъ нумеровъ „Москвитянина", Ярополкъ Водянскій пишетъ: „Разсказъ г. Языкова о капитанѣ Сурминѣ—трогателенъ и наставителенъ; кажется, успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубенное перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства, пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того же исправительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати, это громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ; онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица*—при полномъ изданіи можно приложить адресы!.. Исправлять нравы! Что̀ можетъ быть выше этой цѣли? развѣ

не ее имѣлъ въ виду самоотверженный Коцебу и авторъ „Выжигиныхъ“? Шумъ изъ-за доносительныхъ стиховъ вышелъ на-столько сложнымъ, что едва не привелъ къ дуэли Грановскаго съ Петромъ Кирѣевскимъ. Понятно, что теперь уже не могло быть рѣчи о примиреніи; Бѣлинскій ликовалъ, Грановскій вылился, въ знаменитую фразу о людяхъ, ему противныхъ какъ гробы. Я сказалъ выше, что публичныя лекціи Грановскаго связывали, сближали московскій университетъ съ московскимъ обществомъ и что Чаадаевъ призналъ ихъ имѣющими историческое значеніе. Соблазнительно, правда, предпринять спеціальный разборъ ихъ исторической роли, но это было бы слишкомъ обременительно для летучей статьи: онѣ вызвали въ свое время шумъ журнальный, салонный, шумъ въ кружкахъ и въ дружескихъ перепискахъ. Всего удобнѣе ограничиться выдержкой изъ „Былого и думъ“, разъ нѣтъ возможности предпринять детальное изслѣдованіе. „Грановскій, — говоритъ авторъ „Былого и Думъ“, — не былъ ни боецъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительно нравственномъ вліяніи, въ безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка... Онъ очень вѣрно понялъ свое призваніе, избравъ главнымъ занятіемъ исторію. Изъ него никогда бы не вышелъ ни отвлеченный мыслитель, ни замѣчательный натуралистъ. Онъ не выдержалъ бы ни безстрастную нелицепріятность логики, ни безстрастную объективность природы; отрѣшаться отъ всего для мысли, или отрѣшаться отъ себя для наблюденія, онъ не могъ; человѣческія дѣла, напротивъ, страстно занимали его. И развѣ исторія не та же мысль и не та же природа, выраженныя инымъ проявленіемъ? Грановскій думалъ исторіей, учился исторіей и исторіей дѣлалъ пропаганду... Грановскій сдѣлалъ изъ аудиторіи гостинную, мѣсто свиданья, встрѣчи—beau mond'a. Для этого онъ не нарядилъ исторіи въ кружева и блонды, совсѣмъ напротивъ, его рѣчь была строга, чрезвычайно серьезна, исполнена силы, смѣлости и поэзіи, которыя мощно потрясали слушателей, будили ихъ. Смѣлость его сходила ему съ рукъ не отъ уступокъ, а отъ кротости выраженій, которая ему была такъ естественна, отъ отсутствія сентенцій à la française, ставящихъ огромныя точки на крошечныя i, въ родѣ нравоученій послѣ басни. Излагая событія, художественно группируя ихъ, онъ говорилъ *ими*, такъ что мысль несказанная имъ, но совершенно ясная,—представлялась тѣмъ знакомѣе слушателю, что она казалась его собственною мыслью. Заключеніе перваго курса было для него настоящей оваціей, вещью неслыханной въ мо-

сковскомъ университетѣ. Когда онъ, оканчивая, глубоко тронутый, благодарилъ публику—все вскочило въ какомъ-то опьянѣніи, дамы махали платками, другіе бросились къ каѳедрѣ, жали ему руки, требовали его портрета. Я самъ видѣлъ молодыхъ людей съ раскраснѣвшимися щеками, кричавшихъ сквозь слезы: „браво! браво!“ Выйти не было возможности, Грановскій, блѣдный какъ полотно, сложа руки, стоялъ, слегка склоняя голову; ему хотѣлось еще сказать нѣсколько словъ, но онъ не могъ. Трескъ, вопль, неистовство одобренія удвоились, студенты построились на лѣстницѣ,—въ аудиторіи они предоставили шумѣть гостямъ. Грановскій пробрался измученный въ совѣтъ; черезъ нѣсколько минутъ его увидѣли выходящаго изъ совѣта, и снова безконечное рукоплесканіе; онъ воротился, прося рукой пощады и изнемогая отъ волненія взошелъ въ правленіе“. Чтобы вполнѣ оцѣнить этотъ небывалый успѣхъ, о которомъ свидѣтельствуетъ и самъ Грановскій въ письмѣ къ Н. Х. Кетчеру, надо было бы сдѣлать характеристику московскаго общества сороковыхъ годовъ; у того же Герцена можно найти превосходный матеріалъ для этой характеристики. Вѣдь Грановскій становится тѣмъ понятнѣй и цѣннѣй, чѣмъ настойчивѣе его сопоставляемъ съ окружавшей его дѣйствительностью, чѣмъ ближе къ нему придвигаемъ современное ему общество и кружки сороковыхъ годовъ. Я уже намекнулъ какъ онъ тѣсно былъ связанъ съ послѣдними поразительной непоколебимостью, стойкостью своихъ убѣжденій, для выпуклой безпробѣльной характеристики содержанія которыхъ еще не вполнѣ настало время. Его называли западникомъ, за нимъ установилась прочная репутація проповѣдника гуманности и свободы при посредствѣ искусной группировки историческихъ фактовъ, научно обслѣдованныхъ, его признали преданннымъ до самозабвенія слугою общественности съ взглядомъ, устремленнымъ вдаль, къ счастью грядущихъ поколѣній... Грановскій купилъ дорогою цѣной свои убѣжденія, еще дороже обошлась ему непоколебимость и стойкость, съ какой онъ ихъ держался и проводилъ въ жизнь. Если бъ не было страшно опошлено это сравненіе, я сказалъ бы, что онъ умеръ, какъ солдатъ на полѣ сраженія, до послѣдней капли крови защищая святую истину. Мы уже знаемъ, какого высокаго мнѣнія былъ Герценъ о московскихъ кружкахъ сороковыхъ годовъ, признавая входившихъ въ ихъ составъ людей чрезвычайно талантливыми, развитыми, многосторонними и чистыми. Но эти люди умѣли не вырабатывать только свои убѣжденія, но упорно держаться ихъ и проводить въ жизнь, несмотря на тысячи невзгодъ, встрѣчавшихся на пути. Опять надо прибѣгнуть къ цитатамъ изъ источниковъ. Цитату приходится начать со Станкевича, переписка котораго въ изданіи П. В. Анненкова вышла въ 1857 г. и прошла незамѣтно. „Но,—пишетъ

нашъ авторъ,—книга эта не пропадетъ. Она останется, на убогомъ кладбищѣ, однимъ изъ рѣдкихъ памятниковъ своего времени, по которымъ *грамотный* можетъ прочесть, что *тогда* хоронилось безгласно. Моровая полоса, идущая отъ 1825 до 1855 года скоро совсѣмъ задвинется; человѣческіе слѣды, заметенные..., пропадутъ, и будущія поколѣнія не разъ остановятся съ недоумѣніемъ передъ гладко убитымъ пустыремъ, отыскивая пропавшіе пути мысли, которая *въ сущности* не перерывалась. Повидимому потокъ былъ остановленъ..., но кровь переливалась проселочными тропинками. Вотъ эти-то волосяные сосуды и оставили свой слѣдъ въ сочиненіяхъ Бѣлинскаго, въ перепискѣ Станкевича... Въ самой пасти чудовища выдѣляются дѣти, не похожія на другихъ дѣтей; они растутъ, развиваются и начинаютъ жить совсѣмъ другой жизнью. Слабые, ничтожные, ничѣмъ не поддержанные, напротивъ, всѣмъ гонимые, они легко могутъ погибнуть безъ малѣйшаго слѣда, *но остаются*, и если умираютъ на полъдорогѣ, то не все умираетъ съ ними. Это начальныя ячейки, зародыши исторіи, едва замѣтные, едва существующіе, какъ всѣ зародыши вообще. Мало-по-малу изъ нихъ составляются группы. Болѣе родное собирается около своихъ средоточій; группы потомъ отталкиваютъ другъ друга. Это расчлененіе даетъ имъ ширь и многосторонность для развитія; развиваясь до конца, т.-е. до крайности, вѣтви опять соединяются, какъ бы онѣ ни назывались—кругомъ Станкевича, славянофилами или кружкомъ Герцена. Главная черта всѣхъ ихъ—глубокое чувство отчужденія отъ оффиціальной Россіи, отъ среды ихъ окружавшей, и съ тѣмъ вмѣстѣ, стремленіе выйти изъ нея, а у нѣкоторыхъ порывистое желаніе вывести и ее самоё... Самое появленіе кружковъ, о которыхъ идетъ рѣчь, было естественнымъ отвѣтомъ на глубокую внутреннюю потребность тогдашней жизни... Въ тридцатыхъ годахъ убѣжденія наши были слишкомъ юны, слишкомъ страстны и горячи, чтобъ не быть исключительными". Политическіе интересы въ связи съ упомянутой сейчасъ исключительностью заставили въ 1835 г. разбрестись Герценовскій кружокъ. „Черезъ пять лѣтъ, вспоминаетъ пріятель Грановскаго, мы возвратились закаленные испытаннымъ; юношескія мечты сдѣлались невозвратнымъ рѣшеніемъ совершеннолѣтнихъ..." „въ 1842 г... мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли. Не опрометчиво, но обдуманно мы продолжали нашъ путь съ тѣмъ успокоеннымъ, ровнымъ шагомъ, къ которому пріучилъ насъ опытъ и семейная жизнь... Молодые люди, испуганные ужасной дѣйствительностью, средь тьмы и давящей тоски, оставляли все и шли искать выхода. Они жертвовали всѣмъ, до чего добиваются другіе—общественнымъ положеніемъ, богатствомъ, всѣмъ, что имъ предлагала традиціонная жизнь, къ чему влекла среда, при-

мѣръ, къ чему ;нудила семья изъ-за своихъ убѣжденій и ос..
вѣрными имъ. Такихъ людей нельзя просто сдать въ архивъ и :
ихъ". „Что же коснулось этихъ людей, чье дыханіе пересоздал
Ни мысли, ни заботы о своемъ общественномъ положеніи, о
личной выгодѣ, объ обезпеченіи; вся жизнь, всѣ усилія устре
къ общему безъ всякихъ личныхъ выгодъ; одни забываютъ свое
ство, другіе свою бѣдность—и идутъ не останавливаясь къ раз
нію теоретическихъ вопросовъ. Интересъ истины, интересъ н
интересъ искусства, humanitas—поглощаетъ все. И замѣтьте, чт
отрѣшеніе отъ міра сего вовсе не ограничивалось университетскимъ курсомъ и двумя, тремя годами юности. Лучшіе люди круга Станкевича умерли; другіе остались, какими были до нынѣшняго дня. Бойцомъ и нищимъ палъ, изнуренный трудомъ и страданіями, Бѣлинскій. Проповѣдуя науку и гуманность, умеръ, идучи на свою каѳедру, Грановскій. Боткинъ не сдѣлался въ самомъ дѣлѣ купцомъ... Никто изъ нихъ *не отличился* по службѣ. То же самое въ двухъ смежныхъ кругахъ—въ славянскомъ и герценовскомъ".

Какъ сейчасъ приведенныя строки, такъ и раньше, представляютъ роскошный фонъ для портрета Грановскаго во весь ростъ. Несмотря на тяжелое время, Грановскій сохранилъ свой независимый образъ мыслей, всю свою рыцарскую отвагу и полную преданность страстнаго убѣжденія. Реакція разгоралась сильнѣе и сильнѣе; доносы сыпались въ стихахъ и прозѣ, враги размножались въ университетѣ и въ обществѣ; его вызываютъ къ Филарету, ему предлагаютъ въ лекціяхъ принести покаяніе въ западническихъ убѣжденіяхъ. А Грановскій все стоитъ твердъ какъ скала, по прежнему раздается въ аудиторіи его смѣлая рѣчь, по прежнему московское общество слышитъ его призывъ къ гуманности и свободѣ... Загремѣла севастопольская канонада, появился первый свѣтъ восходящей зари.... измученный проповѣдникъ палъ отъ удара... его нѣжная организація не могла выдержать многихъ лѣтъ неестественнаго возбужденія, тяжелыхъ нравственныхъ страданій.... Его московскія рѣчи сопровождались громомъ восторженныхъ рукоплесканій; то былъ успѣхъ, но его жизнь—мартирологъ, цѣпь страдальческихъ вздергиваній... На нихъ надо остановиться на минуту, не забывая, правда, что жизнь Грановскаго сложилась все-таки удачнѣе многихъ жизней другихъ представителей русской ителлигенціи. „Я рѣшился не идти въ отставку, — пишетъ Грановскій Герцену въ 1850 г., и ждать на мѣстѣ совершенія судебъ. Кое-что можно дѣлать, пусть выгонятъ сами". Наше поколѣніе, привыкшее ко всякаго рода экспериментамъ, не особенно удивится этимъ словамъ. Едва Грановскій, вернувшійся изъ-за границы, успѣлъ начать свой первый университетскій курсъ, какъ въ университетѣ уже объявились его враги. Въ

сентябрѣ 1839 г. въ письмѣ Грановскаго къ сестрамъ встрѣчается еще только намекъ на возможность столкновеній; въ декабрѣ того же года Грановскій уже прямо начинаетъ писать объ испытываемыхъ имъ непріятностяхъ, объ интригахъ старой профессорской группы, къ которой онъ не считалъ нужнымъ ходить на поклонъ; въ 1840 г. у него стараются оттягать часть его профессорскаго содержанія. Плутовство и низость, которые въ тѣ годы были въ большомъ авантажѣ въ извѣстной части русскаго общества, глубоко возмущали Грановскаго. Во время своей петербургской голодовки и усиленныхъ занятій, когда впервые явилась у него мысль о самоубійствѣ, въ одномъ изъ писемъ онъ писалъ уже на эту тему: „я вижу столько глупыхъ плутовъ, достигшихъ высокаго положенія, что часто у меня является желаніе или сдѣлаться негодяемъ, или застрѣлиться. Я могу отвѣчать за себя только относительно перваго: я думаю, что я не въ состояніи сдѣлаться негодяемъ; что же касается до второго — это другое дѣло". Порывы глубокаго отчаянія влекли за собою поиски развлеченій, потребность забыться. То же повторилось и въ Москвѣ. 16 апрѣля 1840 г., доведенный до тоски, онъ писалъ своей кузинѣ: „я отъ всего сердца желаю вамъ никогда не имѣть тѣхъ минутъ нравственной усталости, когда душа, оскорбленная подлостями, несправедливостями и низостями, сосредоточивается сама въ себѣ и дѣлается оцѣпенѣлой и холодной. Нѣтъ ничего тягостнѣе такихъ минутъ, а у меня съ января мѣсяца было ихъ много". Такъ пасквильная атмосфера встрѣчала въ 1840 г. благороднѣйшаго изъ русскихъ людей.

Въ 1844 г. Грановскій едва не лишился каѳедры благодаря интригѣ. „Дѣла мои не совсѣмъ хорошо идутъ,—пишетъ онъ Н. Х. Кетчеру отъ 14 января, я думаю, что придется идти въ отставку или совсѣмъ перемѣнить службу". Надъ его преподаваніемъ въ университетѣ пытались учинить насиліе, диктуя ему „духъ", съ какимъ угодно было, чтобы онъ читалъ лекціи, угодно было, чтобы усвоеніемъ этого „духа" онъ очистился отъ свободнаго склада своихъ убѣжденій. Но Грановскій, хоть кротко, а умѣлъ постоять за себя. „Реформація и революція,—негодуетъ онъ,—должны быть излагаемы съ католической точки зрѣнія и какъ шаги назадъ. Я предложилъ не читать вовсе о революціи. Реформаціи уступить я не могъ. Что же бы эта была за исторія?... Что нибудь кроется подъ этимъ. Полагаю, что наушничаетъ Давыдовъ". Грановскаго еле-еле терпѣли какъ профессора, но считали невозможнымъ какъ журналиста. Эта опека страшно его тяготила и оставляла замѣтные слѣды на состояніи его здоровья. Въ октябрѣ 1844 г. онъ пишетъ Фролову: „разрѣшеніе издавать новый журналъ въ Москвѣ еще не пришло. Эта задержка насъ очень разстроила. Если разрѣшеніе придетъ въ ноябрѣ, то придется отложить

изданіе журнала до 1846 г., потому что въ ноябрѣ поздно набирать подписчиковъ, а наши денежныя средства невелики, и издавать журналъ на свой счетъ мы не въ состояніи. Придется прождать еще годъ. Когда подумаешь, сколько годовъ уже прошло въ безплодныхъ сборахъ и надеждахъ, станетъ тяжело на сердцѣ. Мы всѣ перешагнули за 30 лѣтъ, у всѣхъ у насъ были надежды, желаніе труда, силы. Что же изъ всего вышло. Назади мало, впереди темно и неопредѣленно... Еслибы по крайней мѣрѣ для насъ открылась возможность общей успѣшной дѣятельности года на два, на три. Это немного, но можно бы оставить по себѣ слѣдъ, вліяніе, благородный примѣръ безкорыстнаго труда, который у насъ на Руси такъ рѣдокъ". Однако это желаніе „безкорыстнаго труда" не понимали и не цѣнили опекуны: имъ угодны были профессора-чиновники, профессора-доносчики. Въ 1845 г. доносы на Грановскаго продолжались; его не отставили, но намекнули, что онъ былъ бы полезнѣе на поприщѣ своихъ враговъ. На него доносили, какъ „на человѣка вреднаго для государства и религіи". „Теперь,—пишетъ Грановскій въ 1846 г., не касаются болѣе моей религіи, но нападаютъ на мои политическія идеи". Каково было ему жить въ такой милой атмосферѣ! Грановскій былъ самыхъ возвышенныхъ понятій о роли профессора, не особенно, правда, популярныхъ въ наше время, и смотрѣлъ на факультетъ, какъ корпорацію, въ которой нѣтъ мѣста для плута, которая не можетъ стерпѣть какого либо предосудительнаго поступка одного изъ своихъ членовъ. „Грановскій,—говоритъ А. В. Станкевичъ, и близкіе ему товарищи желали возвысить достоинство преподавателя до идеальнаго нравственнаго значенія; они желали не только поучать съ каѳедры молодое поколѣніе, но и въ собственномъ лицѣ служить для него образцами нравственной чистоты человѣческаго достоинства". Разыгралась извѣстная Крыловская исторія,—Кавелинъ, Рѣдкинъ и Грановскій подали въ отставку. Это прошеніе объ отставкѣ—замѣчательный фактъ въ біографіи Грановскаго, гораздо болѣе замѣчательный, чѣмъ въ біографіяхъ Рѣдкина и Кавелина. Живое слово—истинная и единственная сфера Грановскаго, въ ней колоссально его значеніе; онъ дорожилъ этимъ словомъ со всей горячностью затравленнаго русскаго человѣка, презирая доносы, непріятности, неприличные намеки... Но высоко ставя званіе профессора, онъ не задумался подать въ отставку, когда Крыловъ не хотѣлъ уйти, и тѣмъ обрекалъ себя на самое жалкое, безпросвѣтное существованіе. Немногіе могутъ представить себѣ ту страшную душевную тревогу, которую долженъ былъ вынести Грановскій, рѣшаясь на такой шагъ. Шагъ этотъ былъ драгоцѣннымъ примѣромъ: его, несомнѣнно, вспоминалъ С. М. Соловьевъ, когда подавалъ свои отставки въ подобныхъ же

случаяхъ. Вѣдь если послѣдній, писатель и ученый по натурѣ, а не лекторъ, такъ сроднился съ университетомъ, что не вынесъ отставки и умеръ преждевременно отъ полученныхъ оскорбленій, то чтó могло бы быть съ Грановскимъ, все значеніе котораго опиралось прежде всего на живую рѣчь, а не на ученый трактатъ и писательство, съ Грановскимъ, который твердо рѣшался не уходить изъ университета, несмотря ни на какія огорченія отъ опекуновъ, и читать, пока не выгонятъ. Но согрѣшилъ одинъ изъ членовъ корпораціи, и рыцарь Грановскій подалъ въ отставку.

Кавелина и Рѣдкина отпустили, Грановскаго нѣтъ. Я не могу не привести сейчасъ поучительныя и для нашего поколѣнія строки Грановскаго, мотивировавшія подачу имъ отставки совмѣстно съ двумя товарищами. „Мы заранѣе принимаемъ,—пишетъ онъ,—всѣ послѣдствія поступка, который не въ правахъ нашего общества. Не личная ненависть вооружила насъ противъ профессора (Крылова). Онъ находилъ въ насъ горячихъ защитниковъ, покуда вина его не была доказана. Можетъ быть можно бы назвать и другихъ членовъ университета..., но то люди другого поколѣнія, люди, запоздавшіе между нами, и съ которыми слѣдовательно мы не можемъ раздѣлять нравственной отвѣтственности. Положеніе профессора (Крылова) иное. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе содѣйствовали возрожденію университета, онъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей новыхъ научныхъ стремленій; ему нельзя оправдываться своимъ возрастомъ или ничтожествомъ!.. Оставляя университетъ, мы уносимъ съ собою сознаніе, что оказали ему нѣкоторыя услуги нашимъ пребываніемъ въ немъ и, можетъ быть, еще болѣе тѣмъ, какъ мы удаляемся изъ него. Мы знаемъ, что наши мѣста не останутся долго незанятыми. Мы сдѣлали, чтó могли, для того, чтобы приготовить преемниковъ себѣ. Моложе насъ, болѣе богатые средствами развитія, чѣмъ были мы въ началѣ нашихъ поприщъ, они не дадутъ повода къ сожалѣніямъ о насъ по отношенію къ наукѣ и таланту, но они будутъ благодарны намъ за примѣръ, который мы завѣщеваемъ имъ. Этотъ примѣръ не пропадетъ для юныхъ поколѣній. Они увидятъ, что отнынѣ профессоръ не можетъ быть порочень безнаказанно, если даже, повидимому, наказаніе и не постигаетъ его. Они будутъ имѣть болѣе вѣры въ своихъ будущихъ руководителей, вспоминая о тѣхъ, которые *принесли въ жертву все свое настоящее и будущее чувству своего долга относительно университета*". Развѣ эти строки не поучительны и для нашего времени? Кто станетъ отрицать всю своевременность ихъ напоминанія? Грановскому жилось тяжело послѣ подачи отставки. „Иногда,—пишетъ онъ Фролову, утѣшаясь положеніемъ homme de lettres,—на душу находитъ грустное и тяжелое чувство, но

я скоро отъ него отдѣлываюсь. Мы поступили честно, и слѣдовательно нечего жалѣть о потерянномъ, хоть оно значительно... Было много гадостей, которыя держали меня въ лихорадочномъ состояніи раздраженія цѣлую недѣлю. Я ждалъ и желалъ лучшихъ, болѣе благородныхъ противниковъ, а эти трусы не отвѣчаютъ даже на оскорбленія, а клевещутъ втихомолку". А жизнь все давила и давила, все отталкивала и отталкивала осуществленіе завѣтныхъ идеаловъ. Оглушенный и подавленный Грановскій писалъ Фролову въ томъ же 1848 г.: „сердце бѣднѣетъ, вѣрованія и надежды уходятъ. Подчасъ глубоко завидую Бѣлинскому, во-время ушедшему отсюда. Скучно жить, Фроловъ!" Въ 1851 г. Грановскаго не утвердили деканомъ; опять поднялся вопросъ о возможности вылетѣть изъ университета... опять муки, отчаянныя письма къ Герцену, поиски развлеченій, картежная игра... „Сердце ноетъ при мысли, чѣмъ мы были прежде и чѣмъ стали теперь. Вино пьемъ по старой памяти, но веселья въ сердцѣ нѣтъ", пишетъ онъ Герцену осенью 1853 г., угасая и томясь. Да, правъ его другъ, который, вспоминая о немъ, писалъ: „Быстро на нашемъ Сѣверѣ судьба изнашиваетъ людей. Я съ внутренней боязнью осматриваюсь назадъ, точно на полѣ сраженія,—мертвые да изуродованные... Грановскій былъ не одинъ, а въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, возвратившихся изъ Германіи во время нашего отсутствія. Они сильно двинули впередъ московскій университетъ, исторія ихъ не забудетъ. Люди добросовѣстной учености, ученики Гегеля, Ганса, Риттера и др., они слушали ихъ именно въ то время, когда остовъ діалектики сталъ обростать мясомъ, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Гансъ приходилъ на лекцію не съ древнимъ фоліантомъ въ рукѣ, а съ послѣднимъ нумеромъ парижскаго или лондонскаго журнала. Діалектическимъ построеніемъ пробовали тогда рѣшить историческіе вопросы въ современности; это было невозможно, но привело факты къ болѣе свѣтлому сознанію. Наши профессора привезли съ собою эти завѣтныя мечты, горячую вѣру въ науку и людей; они сохранили весь пылъ юности, и каѳедры для нихъ были святыми налоями, съ которыхъ они были призваны благовѣстить истину. Они являлись въ аудиторію не цеховыми учеными, а миссіонерами человѣческой религіи. И гдѣ вся эта плеяда молодыхъ доцентовъ, начиная съ лучшаго изъ нихъ, съ Грановскаго? Милый, блестящій, умный, ученый Крюковъ умеръ лѣтъ 35 отъ роду. Эллинистъ Печеринъ побился, побился въ страшной русской жизни, не вытерпѣлъ и ушелъ безъ цѣли, безъ средствъ, надломленный и больной въ чужіе края, скитался безпріютнымъ сиротой, сдѣлался іезуитскимъ священникомъ и жжетъ протестантскія библіи въ Ирландіи. Рѣдкинъ постригся въ гражданскіе монахи, служитъ себѣ и пишетъ

статьи съ текстами". О Грановскомъ хоть то можно сказать въ утѣшеніе, что онъ цѣною жизни устоялъ въ испытаніи, въ борьбѣ съ подводными камнями русской дѣйствительности. Это чувство мучительной тоски, связанности при богатствѣ силъ, невозможности дѣйствовать при страсти работать безъ конца испытано въ той или иной степени всѣми лучшими русскими людьми и западническаго, и славянофильскаго лагеря. Эта тоска и бездѣйствіе калѣчили людей физически и умственно.

Вспоминая объ этомъ, невольно приближаемся къ фигурѣ Чаадаева, съ котораго начинается новѣйшая серія изломанныхъ русскихъ людей. Въ Германіи Чаадаевъ сблизился съ Шеллингомъ, втянулся въ мистическую философію, которая развилась у него въ революціонный католицизмъ, не покидавшій его всю жизнь. Въ своихъ „Философическихъ письмахъ", какъ это ни странно, половину бѣдствій Россіи онъ относитъ на счетъ греческой церкви, на счетъ ея отторженія отъ всеобъемлющаго западнаго единства. Взглядъ Чаадаева на Россію сложился безнадежно. Москва возбуждала его ироническую улыбку. „Въ Москвѣ,—говаривалъ Чаадаевъ,—каждаго иностранца водятъ смотрѣть большую пушку и большой колоколъ. Пушку, изъ которой стрѣлять нельзя, и колоколъ, который свалился прежде, чѣмъ звонилъ. Удивительный городъ, въ которомъ достопримѣчательности отличаются нелѣпостью; или можетъ этотъ большой колоколъ безъ языка—гіероглифъ, выражающій эту огромную нѣмую страну, которую заселяетъ племя, назвавшее себя *славянами*, какъ будто удивляясь, что имѣетъ слово человѣческое". За Чаадаевымъ слѣдуютъ фигуры славянофиловъ. Они, подобно первому, „стояли передъ неразгаданнымъ сфинксомъ русской жизни, сфинксомъ, спящимъ подъ солдатской шинелью; они равно спрашивали: Чтó же изъ этого будетъ? Такъ жить невозможно: тягость и нелѣпость настоящаго очевидны, невыносимы—гдѣ же выходъ"? „Выхода нѣтъ *живому*", писалъ Грановскій. Наиболѣе могучимъ изъ славянофиловъ былъ А. С. Хомяковъ, про котораго Чаадаевъ не даромъ сказалъ, что во всемъ славянскомъ племени говоритъ одинъ онъ. Вокругъ него группируются фигуры К. Аксакова и братьевъ Кирѣевскихъ. Все это—люди замѣчательные, измученные и истасканные прелестью русской жизни. Я не стану предлагать самостоятельной характеристики этихъ лицъ и ограничусь обширной выдержкой изъ писателя, котораго не перещеголяешь въ этомъ отношеніи.

„Ильей Муромцемъ, развившимъ всѣхъ, со стороны православія и славянизма, былъ А. С. Хомяковъ, „Горгіасъ, совопросникъ міра сего", по выраженію полуповрежденнаго Морошкина. Умъ сильный, подвижной, богатый средствами и неразборчивый на нихъ, богатый памятью и быстрымъ соображеніемъ, онъ горячо и неутомимо проспорилъ всю свою

жизнь. Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя—словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь. Хомяковъ былъ дѣйствительно опасный противникъ; закалившійся старый бреттёръ діалектики, онъ пользовался малѣйшимъ разсѣяніемъ, малѣйшей уступкой. Необыкновенно даровитый человѣкъ, обладавшій страшной эрудиціей, онъ, какъ средневѣковые рыцари, караулившіе Богородицу, спалъ вооруженный. Во всякое время дня и ночи онъ былъ готовъ на запутаннѣйшій споръ и употреблялъ для торжества своего славянскаго воззрѣнія все на свѣтѣ — отъ казуистики византійскихъ богословъ до тонкостей изворотливаго легиста. Возраженія его, часто мнимыя, всегда ослѣпляли и сбивали съ толку. Хомяковъ зналъ очень хорошо свою силу и игралъ ею; забрасывалъ словами, запугивалъ ученостью, надо всѣмъ издѣвался, заставлялъ человѣка смѣяться надъ собственными вѣрованіями и убѣжденіями, оставляя его въ сомнѣніи, есть ли *у него у самого* что нибудь завѣтное. Онъ мастерски ловилъ и мучилъ на діалектической жаровнѣ остановившихся на полдорогѣ, пугалъ робкихъ, приводилъ въ отчаяніе диллетантовъ и при всемъ этомъ смѣялся, *какъ казалось*, отъ души. Я говорю „какъ казалось", потому что въ нѣсколько восточныхъ чертахъ его выражалось что-то затаенное и какое-то азіатское простодушное лукавство вмѣстѣ съ русскимъ себѣ на умѣ. Онъ вообще больше сбивалъ чѣмъ убѣждалъ. Философскіе споры его состояли въ томъ, что онъ отвергалъ возможность разумомъ дойти до истины; онъ разуму давалъ одну формальную способность, способность развиватъ зародыши или зерна, иначе получаемыя, относительно готовыя (т.-е. даваемыя откровеніемъ, получаемыя вѣрой). Если же разумъ оставить на самого себя, то бродя въ пустотѣ и строя категорію за категоріей, онъ можетъ обличить свои законы, но никогда не дойдетъ ни до понятія о духѣ, ни до понятія о безсмертіи и пр. На этомъ Хомяковъ билъ на голову людей, остановившихся между религіей и наукой. Многіе думали, что Хомяковъ спорилъ изъ артистической потребности спорить, что глубокихъ убѣжденій у него не было, и въ этомъ была виновата его манера, его вѣчный смѣхъ и поверхностность тѣхъ, которые его судили. Я не думаю, чтобъ кто нибудь изъ славянъ сдѣлалъ больше для распространенія ихъ воззрѣній, чѣмъ Хомяковъ. Вся его жизнь—человѣка очень богатаго и не служившаго—была отдана пропагандѣ. Смѣялся ли онъ или плакалъ,—это зависѣло отъ нервъ, отъ склада ума, отъ того, какъ его сложила среда и какъ онъ отражалъ ее; до глубины убѣжденія это не касается. Хомяковъ, можетъ быть, безпрерывной суетой споровъ и хлопотливо-праздной полемикой заглушалъ

то же чувство пустоты, которое, съ своей стороны, заглушало все свѣтлое въ его товарищахъ и ближайшихъ друзьяхъ, въ Кирѣевскихъ". „Сломанность этихъ людей, заѣденныхъ николаевскимъ временемъ, была очевидна. Въ жару полемики можно было иногда забывать это— теперь это было бы слабо и жалко. Оба брата Кирѣевскихъ стоятъ печальными тѣнями на рубежѣ народнаго воскресенія; непризнанные живыми, не дѣлившіе ихъ интересовъ, они не скидавали савана. Преждевременно состарѣвшееся лицо Ивана Васильевича носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы, послѣ которыхъ уже выступилъ печальный покой морской зыби надъ потонувшимъ кораблемъ. Жизнь его не удалась... онъ уныло почилъ въ пустынѣ московской жизни; ничего не представлялось вокругъ—онъ не вытерпѣлъ и уѣхалъ въ деревню, затая въ груди глубокую скорбь и тоску по дѣятельности. И этого человѣка твердаго и чистаго, какъ сталь, разъѣла ржа страшнаго времени. Черезъ десять лѣтъ онъ возвратился въ Москву изъ своего отшельничества—мистикомъ". Братья „сломились, затянулись, окруженные обществомъ безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, струсившимъ, подобострастнымъ". Хомяковъ лишь только „почувствовалъ эту пустоту, поѣхалъ гулять по Европѣ во время соннаго и скучнаго правленія Карла X; *докончивъ* въ Парижѣ свою забытую трагедію *Ермакъ*, и потолковавши со всякими чехами и далматами на обратномъ пути— онъ воротился. Все скучно! По счастію открылась турецкая война: онъ пошелъ въ полкъ, безъ нужды, безъ цѣли и отправился въ Турцію. Война кончилась и кончилась другая забытая трагедія *Дмитрій Самозванецъ*. Опять скука! Въ этой скукѣ, въ этой тоскѣ, при этой страшной обстановкѣ и страшной пустотѣ, мелькнула какая-то новая мысль; едва высказанная, она была осмѣяна; тѣмъ яростнѣе бросился на отстаиваніе ея Хомяковъ, тѣмъ глубже взошла она въ плоть и кровь Кирѣевскихъ". Грановскій, человѣкъ болѣе молодого поколѣнія, не дошелъ до крайностей сейчасъ описанныхъ; онъ нашелъ нѣкоторый просторъ для своей дѣятельности, съумѣлъ устоять на занятой позиціи, но все это не исключило ни тоски, ни тяжелаго чувства неполноты дѣйствія, ни мучительной потребности забыться отъ окружающей грязи. Развлеченія не исцѣляли, а лишь оттягивали на нѣкоторое время роковой конецъ; Грановскій былъ слишкомъ умный человѣкъ, слишкомъ *человѣкъ*, чтобъ салонъ и зеленое поле могли заполнить пустоту существованія, созданную не натурой его, а условіями русской жизни. Онъ скоро усталъ, скоро измучился; этотъ мотивъ усталости рельефно пробивается въ его переспискѣ; его скоро замѣтили друзья. Въ 1846 г., пишетъ одинъ изъ нихъ, Грановскій „началъ новый публичный курсъ. Вся Москва опять собралась около его каѳедры, опять его пластическая, задумчивая рѣчь

стала потрясать сердца; но той полноты, того увлеченія, которое было въ первомъ курсѣ, недоставало, будто онъ усталъ, или какая-то мысль, съ которой онъ еще не сладилъ, занимала его, мѣшала ему". Увы! Въ свою очередь и Грановскій писалъ своему другу нѣчто подобное, прочитавъ „Съ того берега": „Книга твоя дошла до насъ, я читалъ ее съ радостью и съ гордымъ чувствомъ... но при всемъ томъ въ ней есть что-то усталое, ты стоишь слишкомъ одиноко и, можетъ, сдѣлаешься великимъ писателемъ; но то, что̀ было въ Россіи живого и симпатическаго для всѣхъ въ твоемъ талантѣ, какъ будто исчезло на чужой почвѣ". Надо упомянуть еще объ исторіяхъ съ диссертаціями Грановскаго, въ которыхъ интриги его враговъ выяснились въ очень характерныхъ очертаніяхъ.....

Осенью 1844 г. Грановскій кончилъ свою магистерскую диссертацію „*Волинъ, Іомсбургъ и Винета*", появившуюся въ печати въ „Историческомъ и статистическомъ сборникѣ, изданномъ Д. Валуевымъ" (М. 1845). Это черезчуръ маленькое, но дѣльное изслѣдованіе должно было въ то время обратить на себя особенное вниманіе фанатическихъ поклонниковъ славянской древности. Недовольны были послѣдніе, легко было привязаться и врагамъ. Грановскій выступалъ съ положеніемъ разрушительнымъ, онъ хоронилъ миѳъ о славянской Венеціи. „Исторія скандинавскаго Іомсбурга, писалъ онъ въ своей работѣ, тѣсно связана съ славянскимъ Волиномъ или Юмною. Ихъ рѣдко различаютъ лѣтописи; народное преданіе соединило ихъ участь въ одинъ фантастическій образъ; наконецъ, наука, на этотъ разъ согласная съ преданіемъ, вскорѣ превзошла его смѣлостью своихъ построеній и создала изъ нормандской крѣпости и вендскаго города величественную Винету, сѣверную Венецію, поглощенную моремъ за гордость, рожденную въ ней безмѣрнымъ богатствомъ. Только въ нашъ недовѣрчивый вѣкъ удалось изслѣдователямъ разсѣять поэтическій полумракъ, въ которомъ скрывался этотъ эпизодъ сѣверной исторіи. Они разложили на составныя стихіи дошедшія до насъ свѣдѣнія и поставили отдѣльно Волинъ, Іомсбургъ и баснословную Винету... Вопросъ рѣшенъ окончательно. Деревяннаго Волина не удалось превратить въ мраморную Винету. Она существовала только въ воображеніи ученыхъ и рыбаковъ Дамеровскихъ, которые долго не откажутся отъ прекраснаго преданія. Подобное сказаніе существуетъ и въ другой части Помераніи. Пусть народъ вѣритъ въ эти разсказы: для него они составляютъ исторію и поэзію; они могутъ быть приняты и въ настоящую, чистую отъ вымысловъ исторію; но ихъ не надобно ставить на ряду съ строгою дѣйствительностью. У нихъ есть свой смыслъ, свое независимое достоинство и значеніе. Найдутся и кромѣ Дамеровскихъ рыбаковъ люди, которые еще не отступятся отъ Винеты, которымъ предъ лицомъ

сухой, критикою добытой истины станетъ жаль изящнаго вымысла; но противъ ихъ возраженій наукѣ говорить нечего". Послѣднія слова отзываются немного вызовомъ по адресу московскихъ ревнителей славянщины и могутъ быть очень характерными для полемическихъ пріемовъ нашего героя (срав. его полемику съ А. С. Хомяковымъ по 3-му изд. сочиненій Грановскаго т. II, стр. 324—352), какъ можно признать характерными для послѣдняго самый выборъ темы, ея постановку и пріемы изслѣдованія. Какъ и слѣдовало ожидать, факультетъ принялся терроризировать автора: ему предложили самому взять назадъ диссертацію, Грановскій не бралъ и требовалъ отзыва. „Диссертацію я не защищаю до сихъ поръ, пишетъ Грановскій Н. Х. Кетчеру (2 янв. 1845 г.), потому что друзья мои, Давыдовъ и Шевыревъ, при пособіи Бодянскаго хотѣли возвратить мнѣ ее назадъ съ позоромъ. Я просто не взялъ и потребовалъ отъ нихъ письменнаго изложенія причины. Разумѣется они уступили". Такъ только послѣ отказа Грановскаго добровольно взять назадъ свою диссертацію, 21 февраля 1845 г., состоялся памятный въ лѣтописяхъ московскаго университета диспутъ. Нужно ли говорить, что онъ былъ рядомъ безконечныхъ овацій по адресу Грановскаго со стороны студенчества? Противникамъ Грановскаго пришлось ограничиться распространеніемъ гнусныхъ слуховъ, что въ университетѣ былъ бунтъ. Толки подобнаго рода, основательно замѣчаетъ (стр. 146) біографъ Грановскаго, могли быть тогда далеко не безопасны для университета. 24 февраля того же года Грановскій произнесъ свою знаменитую рѣчь къ студентамъ, которая должна была произвести сильное впечатлѣніе на студенческую молодежь и является прекраснымъ образчикомъ сочетанія смѣлости, такта, искренности, безъ какой бы то ни было заискивающей фамильярности. Не хотѣли пропускать магистерской диссертаціи; пропустивъ, сочинили, что-изъ за нея былъ бунтъ въ университетѣ: Грановскому приходилось вести не ученую полемику, а съ тактомъ отпарировать удары невѣжества и лакейскаго чиновничества. Черезъ пять лѣтъ появилась (въ 1849 г.) докторская его диссертація „Аббатъ Сугерій". Безобидная по темѣ, она появилась въ такое время, когда было очень удобно выступать съ пустыми и неопредѣленными обвиненіями, когда пустились на всѣхъ парахъ терроризировать русскую интеллигенцію.

Диссертаціей воспользовались для нападокъ на всю профессорскую дѣятельность Грановскаго вообще, который въ своихъ лекціяхъ не считалъ нужнымъ купаться въ расплывчатыхъ фразахъ о промыслѣ, управляющемъ событіями и судьбою народовъ. Такія обвиненія вынудили Грановскаго на объясненія съ м. Филаретомъ, кратко описанными А. В. Станкевичемъ. Собесѣдники, конечно, мало могли убѣдить другъ друга въ чемъ бы то ни было: всего любопытнѣе, что

Грановскаго все-таки не тронули, хотя „всѣ враги поднялись на ноги". Замѣчательно предисловіе къ „Аббату Сугерію", каждая строка котораго громкій протестъ противъ отвлеченной учености въ странѣ, гдѣ свобода мысли признается за нѣчто очень вредное и гдѣ ученый съ благородными общественными инстинктами едва-едва можетъ избѣжать пустой подозрительности со стороны разнаго рода ревнителей извѣстной уваровской формулы.

Грановскій [1]) является поучительнымъ образцомъ для нашего времени. Русскій профессоръ никогда не долженъ забывать своей общественной роли, своихъ связей съ мужающимъ поколѣніемъ, въ рукахъ котораго наше будущее. Грановскій понималъ это какъ нельзя лучше, и воспитанникамъ московскаго университета не цѣнить и не вспоминать его заслугъ?

В. Сторожевъ,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

[1]) См. у А. В. Станкевича (стр. 89, 93, 294) о юридическихъ вкусахъ Грановскаго, окончившаго курсъ по юридическому факультету с.-петербургскаго университета.

СЪѢЗДЪ ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА ВЪ КЕМБРИДЖѢ. 1895 Г. [1]).

Лѣтомъ 1895 г., съ 8-го по 14-е августа, (н. с.) состоялся *шестнадцатый* съѣздъ Института международнаго права въ Кембриджѣ. Вторично члены его собрались на территоріи Англіи (первый разъ въ 1880 г. въ Оксфордѣ) и оба раза занятія ихъ происходили подъ сѣнію старинныхъ и знаменитыхъ университетовъ, которыми такъ справедливо гордится Англія. „Всѣ, кому удалось пріѣхать въ Кембриджъ, говоритъ Лееръ, сохранятъ пріятное воспоминаніе о широкомъ и сердечномъ гостепріимствѣ, которое было имъ оказано въ теченіе десяти дней со стороны этого древняго университетскаго города. Какъ извѣстно, вокругъ собственно университета тамъ расположены восемнадцать древнихъ и богатыхъ общежитій, называемыхъ колледжами, въ которыхъ профессора и студенты пользуются столомъ и помѣщеніемъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ комфорта и тишины. Это обширныя убѣжища для науки, сохраняющія еще во многихъ отношеніяхъ остатки прежнихъ монастырей, но въ которыя, при всемъ уваженіи къ прошлому, широко проникъ духъ прогресса и научнаго изслѣдованія и которымъ удалось медленно накопить самыя удивительныя пособія и богатства для науки. Нельзя прожить хотя нѣсколько дней въ этихъ своего рода святилищахъ, чтобы не ощутить къ нимъ глубокаго благоговѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ широко открыли свои двери для членовъ института, особенно *Trinity Hall* для нашихъ засѣданій и *Trinity College*, предоставившее помѣщеніе и столъ для тѣхъ изъ насъ, которые не размѣстились по частнымъ квартирамъ“.

[1]) Annuaire de l'Institut de droit international. Vol. XIV; 1895 г. посвященъ спеціально Кембриджской сессіи.

Въ Кембриджъ прибыло 20 членовъ и 12 сотрудниковъ, принадлежащіе къ двѣнадцати національностямъ [2]). Преобладали англичане (9 чел.); изъ Россіи были: проф. Мартенсъ и Капустинъ, попечитель петербургскаго округа. Бюро Института составилось слѣдующимъ образомъ: въ президенты выбранъ Уэстлекъ, въ вицепрезиденты: Клюне и Перельсъ. Эдуардъ Роленъ, оставаясь казначеемъ, сложилъ съ себя должность помощника секретаря; главнымъ секретаремъ состоитъ, избранный на шесть лѣтъ (съ 1892 г.), Лееръ. Званія почетныхъ членовъ удостоены прежніе члены Института: Кальво, Гольдшмидтъ и Оливекрона, а также баронъ Курсель, французскій посолъ въ Лондонѣ; шесть сотрудниковъ избраны въ члены [3]) и назначено девять новыхъ сотрудниковъ [4]). Сложили съ себя званіе членовъ: Aschehoug и Grunhut —Совѣтъ Кембриджскаго университета постановилъ даровать титулъ почетнаго доктора права четыремъ членамъ Института; Ассеру, Бару, Мартенсу и Рено, изъ нихъ двое, бывшихъ на лицо, Баръ и Мартенсъ, облечены въ это званіе въ торжественномъ соединенномъ засѣданіи университета и Института 8-го августа. Послѣ этого члены Института отправились въ зданіе ратуши, гдѣ ихъ привѣтствовалъ меръ города, окруженный ольдерменами въ парадныхъ костюмахъ.

Обычныя занятія начались съ 9-го августа. Президентское кресло на открытіи съѣзда занялъ, среди общаго одобренія, почетный предсѣдатель Института и одинъ изъ главныхъ его основателей, Роленъ-Жекменъ, нынѣ полномочный министръ Сіама, въ Бангкокѣ. Лееръ прочелъ свой отчетъ о работахъ и состояніи Института за время съ послѣдняго его съѣзда въ Парижѣ (въ 1894 г.). Прежде всего онъ упомянулъ о потеряхъ, понесенныхъ Институтомъ вслѣдствіе смерти Фильда, Гооля и Людера. Памяти ихъ посвятили краткіе очерки ихъ жизни и дѣятельности Альб. Роленъ (о Фильдѣ), Гарбургеръ и Лееръ (о Людерѣ) и Голландъ (о Гоолѣ), прочитавшій свою замѣтку въ этомъ собраніи [5]). Продолжительная, личная дружба его съ Гоолемъ дозво-

---

[2]) Изъ Великобританіи 9 чел.; изъ Франціи 6; Германіи 4; Италіи 3; Бельгіи и Россіи по 2 и по 1 чел. изъ Швейцаріи, Нидерландъ, Австріи, Даніи, Греціи и Португалліи.

[3]) Desjardins, Glasson, Lardy, Matzen, Stoerk и Wallace.

[4]) Boiceau, адвокатъ въ Лозаннѣ; Bustamente, проф. въ Гаваннѣ; Daguin, главный секретарь общества сравнительнаго законодательства въ Парижѣ; Darras, докторъ права въ Парижѣ; Foote, адвокатъ въ Лондонѣ, Goudy, проф. въ Оксфордѣ, Ивановскій, проф. въ Одессѣ; Kebedgy, докторъ права въ Константинополѣ, Rouard de Card, проф. юрид. фак. въ Тулузѣ. Свѣдѣнія о нихъ см. въ назв. Annuaire, p. 299—305.

[5]) Annuaire, vol. XIV; p. 310—324.

лила ему представить живую характеристику этой оригинальной и даровитой личности. Еще примѣчательнѣе и крупнѣе фигура Фильда, знаменитаго кодификатора Нью-Іоркскихъ законовъ и одного изъ основателей Института. Достигнувъ глубокой старости (онъ умеръ почти 90 лѣтъ), онъ сохранилъ до послѣднихъ своихъ дней энергію и свѣжесть душевныхъ силъ. Роленъ, знавшій его лично, начерталъ прекрасный его портретъ.

Лееръ остановился далѣе подробно на бернской конференціи 1894 г. (съ 25 сент.—по 3 окт.) относительно однообразнаго изданія государствами трактатовъ. Институтъ, какъ извѣстно, предложилъ для этого на Женевскомъ съѣздѣ учредить унію и выработалъ для нея подробную программу [6]), которую и сообщилъ Швейцарскому правительству. Послѣднее, сдѣлавъ въ этой программѣ нѣсколько измѣненій, препроводило ее къ различнымъ кабинетамъ съ приглашеніемъ обсудить ее на особой конференціи. Не менѣе 18 правительствъ прислали своихъ делегатовъ на эту конференцію предсѣдателемъ которой былъ членъ швейцарскаго союзнаго совѣта Лашёналь [7]). Но результаты ея оказались самые плачевные.

Англія уклонилась отъ участія; многія изъ великихъ державъ не уяснили себѣ еще пользы отъ такой уніи, поэтому члены конференціи оказались безъ надлежащихъ полномочій; не предрѣшая вопроса объ уніи въ принципѣ, они свели свою роль на конференціи къ audiendum et referendum. Но желая хоть что нибудь сдѣлать, они обмѣнялись мыслями и предположеніями, принявъ за исходную свою точку гипотезу о признаніи ихъ правительствами цѣлесообразности уніи для обнародованія трактатовъ. Поэтому они составили даже для таковой подробный планъ устройства, [8]) тщательно оговоривъ однако, что ихъ мнѣнія и рѣшенія ни для кого не обязательны: ни для нихъ самихъ, ни для ихъ правительствъ. Какая пустая, дипломатическая комедія! Было высказано мнѣніе о пользѣ созданія международнаго сборника трактатовъ по возможно широкой программѣ, но требовали, чтобы изданіе его ни въ чемъ не стѣсняло правительства, всегда вольныя помѣщать въ немъ лишь то, что они захотятъ и когда они найдутъ это для себя удобнымъ. Также не могли столковаться относительно необходимости для такого сборника одного (французскаго) языка. Словомъ, боязнь делегатовъ въ чемъ либо посягнуть на догматъ суверенитета государствъ, будто бы недостаточно оберегаемаго въ рѣ-

---

[6]) Постановленія объ этомъ Института см. въ Сборн. Правовѣдѣнія, т. II.

[7]) Протоколы этой конференціи напечатаны въ Archives diplomatiques, 1894; Oct.-Nov., p. 27—53.

[8]) Archives; ib, p. 47—52.

шеніяхъ Института, заставила ихъ свести на нѣтъ все это дѣло, столь важное однако и практически-необходимое. Въ продолженіе преній была высказана мысль о возложеніи на Институтъ изданія этого сборника, а бельгійское правительство предложило новое бюро этой уніи соединить съ существующимъ уже въ Брюсселѣ подобнымъ органомъ по обнародованію таможенныхъ тарифовъ. Въ Кембриджѣ Институтъ согласился съ мнѣніемъ Леера что при теперешнихъ своихъ средствахъ и устройствѣ онъ не можетъ взять на себя столь многотрудное дѣло, какъ изданіе большаго международнаго сборника трактатовъ. Поэтому оно, повидимому, совершенно кануло въ воду! Не будемъ раздѣлять дипломатическій оптимизмъ Лашёналя, писавшаго Лееру послѣ окончанія конференціи, что, по его мнѣнію, вопреки полученному отрицательному результату дѣло это осуществится со временемъ. Швейцарія и Бельгія особенно высказываются въ его пользу.

Ко времени открытія съѣзда въ Кембриджѣ при Институтѣ существовало *пятнадцать* коммиссій. Многія изъ нихъ представили свои работы и заключенія уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но Институту все еще не удавалось ихъ разсмотрѣть. Въ Кембриджѣ двѣ изъ нихъ закрыты по разнымъ причинамъ. Это—коммиссія, которой было предложено изучить вопросъ о компетентности дипломатическихъ агентовъ и консуловъ въ дѣлахъ нотаріальныхъ (comme officiers de l'état-civil). Ее закрыли, потому что ея предметъ вошелъ въ кругъ занятій, другой коммиссіи, спеціально изучающей эти органы. Затѣмъ упразднили еще другую коммиссію, давно существовавшую и очень важную, но которая со смерти своего основателя Бульмеринга почти ни въ чемъ себя не проявила; предметомъ ея были: судебныя учрежденія въ смѣшанныхъ процессахъ на Востокѣ. Главный ея докладчикъ, Роленъ-Жекменъ, предложилъ, правда, закрыть ее на время „въ силу какъ своихъ личныхъ, такъ и нѣкоторыхъ общихъ соображеній. Новѣйшія событія затруднили бы обсужденіе поставленной ея задачи; преждевременно принявшись за нее мы рисковали бы задѣть щепетильность нѣкоторыхъ державъ". Какое ненаучное основаніе, да еще для совершенно частнаго общества, какъ Институтъ! Неужели ждать, чтобы событія окончили свое теченіе и тогда приступать къ ихъ оцѣнкѣ, чисто ретроспективной? Столь же несостоятеленъ аргументъ Леера, будто появленіе нѣкоторыхъ хорошихъ новыхъ сочиненій о капитуляціяхъ дѣлаетъ для Института излишнимъ занятія этимъ вопросомъ. Съ которыхъ поръ отдѣльныя книги признаны замѣняющими дѣятельность цѣлаго ученаго общества? Голландъ, докладчикъ подкоммиссіи по Японіи, напомнилъ о договорѣ 16 іюля 1894 г. заключенномъ съ этою страною Великобританіею. „Страна наша,

сказалъ онъ, убѣдившись въ дѣйствительныхъ и чрезвычайно быстрыхъ успѣхахъ Японіи въ дѣлѣ кодификаціи и судебной организаціи, согласилась по истеченіи пяти лѣтъ съ этого договора, отказаться отъ привилегій внѣземельности. Этому почину Англіи послѣдовали уже С. Штаты и Италія и конечно, послѣдуютъ и прочія западныя державы. При этихъ условіяхъ нашей подкомиссіи нечего болѣе существовать и намъ остается поздравить только японцевъ съ тѣмъ, что по вопросу объ отправленіи правосудія они были допущены въ европейскій концертъ какъ разъ въ моментъ начатія ими войны, которая возвела ихъ на степень первоклассныхъ военныхъ державъ міра". Такое заключеніе Голланда намъ представляется слишкомъ поспѣшнымъ: мы знаемъ какъ, на Востокѣ объявляются и особенно осуществляются реформы на европейскій образецъ. Лишь будущее докажетъ не былъ ли договоръ 1894 г. крупною ошибкою, впадать въ которую нечего спѣшить остальнымъ державамъ.

Собственно *научныя* занятія съѣзда выразились въ принятіи заключеній о правахъ и привилегіяхъ посланниковъ, о необходимости уголовной санкціи для Женевской конвенціи 1864 г.; о пересмотрѣ бернской конвенціи 1886 г. относительно охраны авторскаго права и объ опекѣ надъ совершеннолѣтними. Кромѣ того Институтомъ принято нѣсколько основныхъ началъ по вопросу о подданствѣ.

Остановимся нѣсколько на каждомъ изъ этихъ вопросовъ.

1. Посольское право

На Лозаннскомъ съѣздѣ (1888 г.) Институтъ учредилъ коммиссію для изученія правъ и привилегій дипломатическихъ агентовъ и консуловъ. Докладчикомъ по первому вопросу выбранъ Лееръ, по второму Энгельгардтъ [9]). Къ Гамбургской сессіи (1891 г.) Лееръ представилъ свой докладъ и проектъ заключеній который подвергся тогда же частичному разсмотрѣнію [10]). Въ слѣдующій годъ, воспользовавшись замѣчаніями своихъ товарищей по коммиссіи, Лееръ выработалъ новый докладъ и проектъ болѣе сжатаго и точнаго регламента, но ими не могли заняться ни Женевскій ни Парижскій съѣздъ [11]). Лишь въ Кембриджѣ вопросъ о правахъ посланниковъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, получилъ окончательное рѣшеніе, въ главныхъ частяхъ согласное съ заключеніями Леера [12]). Въ началѣ пре-

[9]) Annuaire, vol. X, p. 275.
[10]) Id., vol. XI, p. 394—407.
[11]) Id., vol. XII, p. 260—275.
[12]) Id., vol. XIV, p. 203—244.

ній онъ выяснилъ основную точку зрѣнія коммиссіи на предстоявшую ей задачу. „Коммиссія не присоединилась къ новѣйшей итальянской школѣ, требующей отмѣны всякихъ привилегій (immunités) посланниковъ; особенно нечего, по ея мнѣнію, настаивать на ихъ неподсудности въ виду гарантій представляемыхъ нынѣ судами въ различныхъ странахъ. Это воззрѣніе показалось коммиссіи слишкомъ радикальнымъ. Но въ своей работѣ она постаралась достигнуть двухъ пунктовъ: ограниченія, по отношенію покрайней мѣрѣ къ нѣкоторымъ преимуществамъ числа лицъ, которыя ими пользуются, и установленія различія между самими этими преимуществами въ силу ихъ природы. По обще-принятой практикѣ теперь достаточно лицу входить, на какомъ либо основаніи, въ составъ дипломатической миссіи, чтобы быть освобожденнымъ не только отъ налоговъ (въ странѣ его пребыванія) но и отъ подсудности ея судамъ. Подобное положеніе коммиссія находитъ излишнимъ. Поскольку необходимо, чтобы главныя лица миссіи были внѣ всякаго воздѣйствія на нихъ со стороны мѣстныхъ властей государства, къ которому они акредитованы, ибо это требуется ихъ достоинствомъ и независимостью,—постольку, съ другой стороны, безполезно распространять эту привилегію на всякаго рода агентовъ военныхъ морскихъ, торговыхъ и въ особенности на ихъ женъ и дѣтей. Далѣе, понятно также, что освобожденіе отъ личнаго налога должно быть предоставлено всѣмъ дипломатическимъ агентамъ. Это такой актъ справедливости и вѣжливости, который никого не задѣваетъ. Совершенно иное неподсудность, какъ въ гражданскихъ такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ. Она сопряжена со многими неудобствами и для государства, которое ее признаетъ и для его подданныхъ. Допустимая еще по отношенію къ главѣ миссіи, она не должна быть терпима для остальныхъ ея членовъ и для ихъ семей. Словомъ, коммиссія избрала средній, посредствующій путь между абсолютными противниками вольностей посланниковъ и таковыми же ихъ защитниками.

Предметомъ спора стали терминъ и понятіе „экстерриторіальности". Эд. Роленъ отрицалъ всякое юридическое за нею значеніе. Вызванная къ жизни обстоятельствами прошлаго времени, теперь совершенно измѣнившимися, она вмѣстѣ съ ними должна сойти со сцены. Институту нечего вводить въ свой регламентъ слово, вызывающее сбивчивыя и невѣрныя представленіе. Ее предлагали замѣнить словами: „immunités" или „privilèges." Но Мартенсъ ополчился за нее. Внѣземельность, сказалъ онъ, имѣетъ вполнѣ ясный и опредѣленный смыслъ; этотъ терминъ усвоенъ и судебной практикой; les immunités, о которыхъ говорятъ, не суть привилегіи, а только выводы изъ внѣземельности. Эд. Роленъ это отрицалъ, но, по предложенію Ліон-

Кана, терминъ „экстерриторіальность" удержанъ. Нельзя, однако, не признать его, въ современной юриспруденціи, излишнимъ, и всѣ права, предоставляемыя посланникамъ, кромѣ почетныхъ, слѣдуетъ свести къ двумъ главнымъ группамъ: неприкосновенность и неподсудность. Съ этой точки зрѣнія, регламентъ, принятый Институтомъ погрѣшаетъ, допуская троякую классификацію посольскихъ правъ: 1) неприкосновенность; 2) внѣземельность и 3) immunités (вольности), подраздѣляя ихъ на свободу отъ налоговъ и на свободу отъ юрисдикціи.

Вслѣдствіе дальнѣйшихъ преній въ проектѣ коммиссіи опустили нѣсколько статей: конецъ ст. 9 (объ укрывательствѣ посланникомъ въ своемъ отелѣ преслѣдуемаго преступника), ст. 10 (о дѣтяхъ посланниковъ и иныхъ членовъ миссіи, рожденныхъ на мѣстѣ ихъ службы), ст. 13 (перечисляющую налоги и пошлины, которымъ дипломатическихъ агентовъ слѣдовало бы подвергать) и ст. 19 (о положеніи этихъ агентовъ на территоріи третьихъ государствъ). Одной статьѣ (16) данъ, сравнительно съ проектомъ, противоположный смыслъ. На эти отступленія мы укажемъ еще ниже въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, а теперь приведемъ самый:

Регламентъ Института о правахъ и привилегіяхъ дипломатическихъ агентовъ, принятый имъ въ засѣданіи 13 августа 1895 г.

Ст. 1. Дипломатическіе агенты [13]) неприкосновенны. Они, кромѣ того, пользуются „внѣземельностью", въ смыслѣ и въ границахъ указываемыхъ ниже и нѣкоторыми еще привилегіями.

§ 1. *Неприкосновенность.*

Ст. 2. Привилегія неприкосновенности простирается:

во 1-хъ, на всѣ классы дипломатическихъ агентовъ, являющихся законными представителями своего государя или страны;

во 2-хъ, на лица, принадлежащія къ оффиціальному составу дипломатической миссіи;

въ 3-хъ, на всѣхъ тѣхъ, которые не относятся къ ея офиціальному составу, но съ оговоркою, что если они не принадлежатъ странѣ, гдѣ пребываетъ миссія, они пользуются этою привилегіею лишь въ самомъ отелѣ посольства.

Ст. 3. Эта привилегія обязываетъ правительство, къ которому акредитовано посольство, воздерживаться, по отношенію ко всѣмъ его

---

[13]) Les ministres publics.

членамъ, отъ всякихъ обидъ, оскорбленій или насилій, подавать примѣръ въ оказаніи имъ уваженія и ограждать ихъ особо строгими уголовными карами отъ всякихъ обидъ, оскорбленій или насилій со стороны мѣстныхъ жителей, для того чтобъ они имѣли возможность съ полною свободою заниматься своими дѣлами.

Ст. 4. Неприкосновенность простирается на все, что необходимо посланнику для отправленія имъ своего дѣла: на его личное имущество, бумаги, архивъ и переписку.

Ст. 5. Она продолжается на все то время, которое посланникъ, какъ оффиціальное лицо, проводитъ въ странѣ, куда онъ отправленъ. Она даже не прекращается въ случаѣ войны между обѣими державами на все то время, которое необходимо для посланника чтобы покинуть страну съ своими чиновниками и вещами.

Ст. 6. На неприкосновенность нельзя ссылаться:

1) въ случаѣ необходимой обороны со стороны частныхъ лицъ противъ дѣйствій лицъ, которыя пользуются этою привилегіею;

2) если эти лица вдадутся сами въ опасность, добровольно или безъ нужды;

3) въ случаѣ совершенія ими недозволенныхъ дѣйствій, которыя вызовутъ противъ нихъ со стороны государства, при которомъ они состоятъ, мѣры предупрежденія или пресѣченія, но и тутъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости, это государство должно удовольствоваться тѣмъ, что доведетъ о такихъ поступкахъ ихъ до свѣдѣнія ихъ правительства, потребуетъ наказанія или удаленія виновнаго, а если нужно, велитъ оберегать его отель чтобы, помѣшать сообщеніямъ его и недозволеннымъ манифестаціямъ.

§ 2. *Внѣземельность.*

Ст. 7. Посланникъ, пребывающій за границей, лица оффиціально при немъ состоящія и члены ихъ семействъ, съ ними живущіе, удерживаютъ свое прирожденное мѣстожительство (leur domicile d'origine) и подчиняются его законамъ, поскольку вообще такимъ мѣстожительствомъ обусловливаются для лицъ законы и юрисдикціи.

Наслѣдства открываются для нихъ въ мѣстѣ указаннаго ихъ жительства, и иностранныя мѣстныя власти въ эти дѣла не имѣютъ права вступать, развѣ ихъ попроситъ о томъ начальникъ миссіи.

Ст. 8. Акты, совершаемые посланникомъ, или его уполномоченнымъ, лично, или въ которыхъ онъ проявляетъ свое участіе, какъ лицо оффиціальное и на основаніи отечественнаго закона, дѣйствительны по отношенію къ его согражданамъ, если только они соотвѣтствуютъ требованіямъ указаннаго закона и вопреки мѣстному закону,—

на подобіе однородныхъ же актовъ, совершенныхъ въ отечествѣ посланника.

Но акты, въ которыхъ участвуетъ посланникъ или его уполномоченный, даже какъ лицо оффиціальное, должны быть сообразны съ требованіями мѣстнаго закона: 1) если они касаются лица, не принадлежащаго странѣ, представителемъ которой является посланникъ или которое, въ какомъ либо отношеніи, подчинено территоріальной юрисдикціи, 2) если, долженствуя произвести свое дѣйствіе въ странѣ пребыванія посланника, они по природѣ своей изъ таковыхъ, что не могли быть совершены законно въ другой странѣ и въ иной формѣ. Тѣмъ же мѣстнымъ закономъ управляются акты, совершаемые хотя бы въ жилищѣ посланника, но въ которые самому ему или его агентамъ нечего вступаться, какъ лицамъ должностнымъ.

Ст. 9. Жилище посланника изъято отъ постойной повинности и отъ замѣняющихъ ее налоговъ. Никакой агентъ правительства, полицейскій или судебный чиновникъ не можетъ въ него проникнуть по дѣламъ службы иначе, какъ на основаніи формальнаго дозволенія посланника [14]).

Ст. 10. Посланникъ можетъ имѣть въ своемъ домѣ церковь, но подъ условіемъ, чтобы отправляемое въ ней богослуженіе не соединялось съ какими либо внѣшними проявленіями, если публичное совершеніе этого богослуженія не дозволено мѣстными законами.

---

[14]) Въ концѣ этой статьи говорилось, что если какое-либо лицо, преслѣдуемое за преступленіе противъ общаго права, укроется въ домѣ посланника и послѣдній не захочетъ выдать его добровольно, мѣстная власть не можетъ взять его силою; она лишь въ правѣ оцѣпить посольскій домъ, чтобы воспрепятствовать бѣгству изъ него преслѣдуемаго и потребовать за тѣмъ отъ правительства посланника наказанія послѣдняго за нарушеніе имъ своей привилегіи. Эта часть статьи опущена, но изъ преній выяснилось, что 1) имѣются въ виду сношенія между государствами Европы и Америки; 2) преслѣдуемый не имѣетъ права на убѣжище въ посольскомъ домѣ; 3) но и нельзя требовать, чтобы посланникъ открывалъ свой домъ по всякому требованію мѣстныхъ властей, будь таковыя серьезны, или нѣтъ. Когда дѣло идетъ о преслѣдуемомъ преступникѣ, онъ не укроетъ его въ своемъ помѣщеніи, ибо это значило бы взять на себя слишкомъ тяжелую отвѣтственность, но онъ иначе вступится за него, если тотъ къ нему прибѣгнетъ. Затѣмъ опущена еще слѣдующая (10) ст. проекта: Ребенокъ посланника или должностного лица миссіи, рожденный въ странѣ ихъ служенія, считается рожденнымъ въ отечествѣ своихъ родителей. Самый фактъ его рожденія за-границею не можетъ быть приводимъ позднѣе противъ него какъ аргументъ оспариванія его національности, но самъ онъ можетъ сослаться на этотъ фактъ въ свою пользу. Нашли, что вопросъ этотъ умѣстнѣе разсмотрѣть въ связи съ правами подданства вообще.

§ 3. *Привилегіи.*

А. Свобода отъ налоговъ.

Ст. 11. Посланникъ за границею, лица, оффиціально входящія въ составъ миссіи и живущіе съ ними члены ихъ семей, не подлежатъ слѣдующимъ налогамъ: 1) прямымъ, личнымъ и на предметы роскоши; 2) общимъ на имущество, какъ на капиталъ, такъ и на доходы; 3) военному налогу; 4) таможеннымъ пошлинамъ съ предметовъ для ихъ личнаго употребленія.

Каждое правительство вольно указать на тѣ изъятія изъ налоговъ для нихъ, которыя оно допускаетъ [15]).

В. Неподсудность.

Ст. 12. Посланникъ за-границею, должностныя лица посольства и живущіе съ ними члены ихъ семействъ изъяты отъ всякой юрисдикціи, гражданской или уголовной, того государства, къ которому они акредитованы; въ принципѣ они по всѣмъ дѣламъ, гражданскимъ и уголовнымъ, подсудны лишь судамъ своего отечества. Истецъ долженъ предъявлять свой искъ въ столичный судъ посланника, причемъ послѣдній въ правѣ указать на другое свое мѣстожительство въ странѣ [16]).

Ст. 13. По отношенію къ преступленіямъ, лица, перечисленныя въ предыдущей статьѣ, отвѣчаютъ за нихъ по отечественному уголовному закону, совершенно такъ, какъ будто они совершили ихъ въ самомъ отечествѣ.

Ст. 14. Неподсудность переживаетъ посольскую должность что касается до исковъ, связанныхъ съ этою должностью. Относительно же исковъ съ нею несвязанныхъ неподсудность дается только на время отправленія этой службы.

---

[15]) Слѣдующая ст. проекта (13) подробно исчисляетъ формы обложенія которымъ могутъ подлежать и дипломатическіе агенты, но ее нашли излишнею послѣ предшествующей статьи, которая своимъ перечисленіемъ имѣетъ смыслъ ограничительный. Все, въ ней не указанное, по аргументу a contrario подлежитъ обложенію.

[16]) При обсужденіи этой статьи споръ возникъ объ объемѣ этой привилегіи: одни требовали ограниченія ея лишь главою посольства, видя въ дальнѣйшемъ ея расширеніи одинъ актъ вѣжливости (Мартенсъ), другіе желали распространенія ея на всѣхъ, пользующихся внѣземельностью (Баръ) и ссылались на установившуюся въ этомъ направленіи судебную практику.

Ст. 15. Неподсудностью не могутъ пользоваться лица, состоящія въ подданствѣ государства, къ которому они акредитованы [17]).

Ст. 16. Неподсудность не дается: 1) по дѣламъ возбужденнымъ противъ привилегированнаго лица, которыя оно совершило не какъ оффиціальное или частное лицо, а предаваясь какому-либо постороннему занятію въ странѣ, совмѣстно съ своими дипломатическими функціями; 2) по реальнымъ искамъ, въ томъ числѣ и поссессорнымъ, касающимся всякихъ вещей, движимыхъ или недвижимыхъ, которыя находятся въ странѣ [18]).

Но неподсудность существуетъ при нарушеніяхъ общественнаго порядка или безопасности и даже по отношенію къ преступленіямъ, посягающимъ на безопасность государства, безъ ущерба однако для территоріальнаго правительства принять всѣ мѣры предосторожности, которыя оно сочтетъ нужными (ст. 6 пунктъ 3).

Ст. 17. Лица, пользующіяся неподсудностью, могутъ отказаться отъ дачи свидѣтельскихъ показаній предъ мѣстнымъ судомъ, но если ихъ попросятъ объ этомъ дипломатическимъ путемъ, они обязаны дать эти показанія въ посольскомъ домѣ предъ мѣстнымъ должностнымъ лицомъ, для этого къ нимъ отряженномъ [19]).

---

[17]) Первоначальный проектъ коммиссіи высказывался, наоборотъ, за неподсудность этой категоріи лицъ, но Мартенсъ заявилъ, что ни одно государство не согласится признать за ними этой привилегія и предложилъ опустить эту статью. Принятая редакція принадлежитъ Эд. Ролену.

[18]) По проекту на неподсудность привилегированное лицо не можетъ еще ссылаться тогда, „когда оно само вызвало или приняло разсмотрѣніе спорнаго дѣла мѣстнымъ судомъ". Нашли, что это лицо не имѣетъ права такъ поступить, ибо привилегія дается ему не въ его интересахъ, а уполномочившаго его государства, которое на это не даетъ своего согласія.

[19]) По мнѣнію Голланда, даже въ послѣднемъ случаѣ привилегированное лицо не обязано давать своихъ показаній. Въ проектѣ слѣдовала далѣе еще одна статья: „посланники, равно какъ и всѣ члены посольства, оффиціальные и неоффиціальные, пользуются, при проѣздѣ чрезъ территорію третьихъ государствъ (отправляясь къ мѣсту своего назначенія или на обратномъ пути) вездѣ неприкосновенностью, личною внѣземельностью и свободою отъ налоговъ. Но они не могутъ требовать неподсудности". Институтъ опустилъ эту статью на томъ основаніи, что положеніе дипломатическихъ агентовъ на территоріи третьихъ государствъ опредѣляется вѣжливостью. Съ этимъ нельзя согласиться: оно должно опредѣляться правомъ и международнымъ въ силу болѣе всего того, что агенты эти — органы международные, а не исключительно своихъ только правительствъ.

2. Уголовная санкція для Женевской Конвенціи 1864 г.

Вопросъ этотъ поднимался не разъ учеными и на засѣданіяхъ различныхъ обществъ Краснаго Креста, но, къ сожалѣнію, осуществленіе его разбивалось о практическія трудности. Одинъ изъ главныхъ составителей Женевской конвенціи, Муанье, еще въ 1872 г. выступилъ съ любопытнымъ проектомъ объ этомъ, который, однако, вызвавъ въ литературѣ горячія пренія, не получилъ примѣненія, вѣроятно, за своею непрактичностью. Однако, Муанье не отказался отъ своей основной идеи. Чтеніе прекрасной книги Ревона о международномъ третейскомъ судѣ снова оживило въ немъ интересъ къ этому предмету, все ожидающему еще рѣшенія и тѣмъ болѣе важному, что въ будущемъ году предстоитъ новый съѣздъ делегатовъ обществъ Краснаго Креста, который, вѣроятно, займется и этимъ вопросомъ. Поэтому, еще въ 1893 г. Муанье издалъ опять небольшую, но весьма интересную брошюру объ охранѣ Женевской конвенціи уголовною санкціею [20]), которую онъ и представилъ Институту на парижскомъ съѣздѣ (1894), предлагая ему заняться этимъ вопросомъ [21]). Въ образованной тогда же коммиссіи докладчикомъ избрали его, а позднѣе къ нему присоединили Энгельгардта. Оба они составили къ Кембриджскому съѣзду докладъ [22]), въ которомъ изложили разногласія, сказавшіяся въ средѣ самой коммиссіи по основнымъ пунктамъ поставленной ей задачи. Это, конечно, осложнило дѣло для Института. Въ Кембриджѣ, по неудачной случайности, оба докладчика отсутствовали, но рѣшеніе вопроса не захотѣли затягивать. Была составлена новая подкоммиссія изъ четырехъ лицъ (Мартенса, Ден-Бер-Португеля, Ламмаша и Голланда, но послѣдній отказался отъ участія), которыя дотолѣ вовсе не занимались этою работою. Однако они единогласно признали представленный проектъ неудобопріемлемымъ не только для правительствъ, но даже и для обществъ Краснаго Креста, а поэтому рѣшились предложить подвергнуть его исправленіямъ. Въ продолженіе преній поправки эти оказались на столь радикальными, что совершенно измѣнили и чрезвычайно сократили первоначальный планъ Муанье къ явному ущербу дѣла, низведя, все ради „практическихъ“ соображеній, размѣры и значеніе его до послѣдней

---

[20]) *Moynier*. Considérations sur la sanction pénale à donner à la convention de Genève. 1893.

[21]) Annuaire; vol XIII, p. 355.

[22]) Ib., vol. XIV, p. 17—31.

степени возможнаго. Нельзя не пожалѣть объ этомъ и даже не спросить себя: стоило ли такому собранію, какъ Институтъ, приходить къ тому заключенію, которое имъ принято въ засѣданіи 12 августа 1895 г.?

Какъ бы то ни было, но по занимающему насъ теперь вопросу мы имѣемъ передъ собою три текста: первоначальнаго проекта Муанье [23]), измѣненнаго предложенія коммиссіи, составленнаго Энгельгардтомъ [24]) и окончательнаго рѣшенія Института [25]). Взглянемъ же на ихъ различія и взаимное отношеніе.

Не было сомнѣнія на счетъ необходимости установленія для Женевской конвенціи уголовной санкціи, доказанной опытомъ, но разногласія начинались по поводу основного принципа этой санкціи и вытекающей отсюда формы ея примѣненія на практикѣ. Должна ли эта санкція получить международный характеръ—опредѣляться единымъ международнымъ закономъ, принятымъ государствами по соглашенію и нарушенія котораго карались бы международною юрисдикціею,—или же, наоборотъ, предоставлять все на усмотрѣніе отдѣльныхъ правительствъ? Нечего и говорить, что первый путь, въ теоретическомъ отношеніи—единственно вѣрный, ибо онъ соотвѣтствуетъ природѣ Женевской конвенціи, какъ акту международному. Разъ существуетъ такой договоръ, скрѣпленный согласіемъ всѣхъ цивилизованныхъ правительствъ, значитъ, въ сущности, международный законъ, и даваемая ему охрана должна быть повсюду однообразною и одинаково дѣйствительною. Это же требуетъ юрисдикціи международной, наиболѣе безпристрастной. Но тутъ-то возникаютъ всѣ возраженія практиковъ, болѣе всего коренящіяся на превратныхъ и нынѣ значительно устарѣвшихъ представленіяхъ о суверенитетѣ государствъ.

Проектъ Муанье ближе всѣхъ подходитъ къ международной сторонѣ дѣла: державы, подписавшія Женевскую конвенцію, обязываются въ возможно-краткій срокъ (годовой) издать уголовный законъ, который предусматривалъ бы всѣ возможные случаи нарушенія этой конвенціи. Объ этомъ законѣ и о соотвѣтствующихъ, вслѣдствіе его, измѣненіяхъ въ своихъ законодательствахъ онѣ сообщаютъ другъ другу. Затѣмъ онѣ назначаютъ по одной или нѣсколько изъ своихъ высшихъ судебныхъ инстанцій, которыя, въ случаѣ войны, ихъ правительство не затронувшей, будутъ имѣть право въ качествѣ третейскаго суда разсматривать всѣ жалобы воюющихъ сторонъ на нарушенія Женевской конвенціи. Послѣднія сами въ этихъ случаяхъ изби-

[23]) Назв. его брошюра, стр. 31—33.
[24]) Annuaire; vol. XIV, p. 29—31.
[25]) Ib. p. 188—189. Предшествовавшія этому пренія, стр. 170—188.

раютъ себѣ суды того или другого (нейтральнаго) государства. Эти суды приступаютъ къ дѣйствію по заявленію одного изъ заинтересованныхъ правительствъ, или же они являются апелляціонною инстанціею по жалобамъ военно-плѣнныхъ, осужденныхъ, за нарушеніе Женевской конвенціи, судами одного изъ воюющихъ. Означенные третейскіе суды пользуются всѣми средствами, которыя они найдутъ необходимыми для разслѣдованія дѣла и должны, во всякомъ случаѣ, предоставить защитѣ и обвиненію всѣ способы для предъявленія своихъ правъ. Затѣмъ суды установляютъ въ мотивированныхъ рѣшеніяхъ и безапелляціонно виновность или невиновность каждаго подсудимаго, а равно, смотря по обстоятельствамъ, условія, облегчающія или отягчающія его вину.

Всякій такой приговоръ сопровождается отсылкою виновнаго къ его природнымъ судьямъ, которые и назначаютъ уже для него наказаніе по своему національному закону. Это обращеніе получаетъ оффиціальный характеръ. Если окажется, что вина нарушенія падаетъ болѣе или менѣе прямо на какое либо высшее должностное лицо, которое не можетъ быть привлечено къ судебной отвѣтственности въ отечествѣ и для котораго состоявшееся рѣшеніе можетъ представиться достаточнымъ наказаніемъ,—приговоръ суда, по отношенію къ такимъ лицамъ, остается безъ послѣдствій. Въ случаѣ предъявленія предъ третейскимъ судомъ какого либо гражданскою стороною иска о вознагражденіи за убытки судъ дѣло это отклоняетъ. Но однако еслибъ онъ пожелалъ, онъ могъ бы высказать предварительное заключеніе безъ исполнительной силы. Всѣ постановленія третейскихъ судовъ о нарушеніяхъ Женевской конвенціи сообщаются немедленно всѣмъ державамъ, подписавшимъ эту конвенцію, и публикуются ими въ ихъ оффиціальныхъ изданіяхъ. То же правило прилагается и къ рѣшеніямъ національныхъ судовъ по этимъ вопросамъ, а равно ко всѣмъ заключеніямъ третейскихъ судовъ, которымъ они пожелаютъ придать наиболѣе широкое оглашеніе. Издержки по процессамъ предъ третейскими судами падаютъ на государство, которому будетъ принадлежать виновный, или на государство истца, не получившаго удовлетворенія по своей жалобѣ.

Въ свой запискѣ Муанье поясняетъ главные пункты изложеннаго плана: онъ отказался отъ первоначальной мысли объ единомъ международномъ законѣ, потому что доселѣ одно и то же преступное дѣяніе карается и опредѣляется совершенно неодинаково въ различныхъ законодательствахъ и это обусловливается различіемъ въ нравахъ и понятіяхъ народовъ. Однако, чтобы не предоставить все ихъ произволу онъ полагалъ бы полезнымъ выработать, въ руководство имъ, образецъ идеальнаго, общаго закона (loi-type), который и предло-

жить отдѣльнымъ правительствамъ принять во всѣхъ частяхъ, не противорѣчащихъ слѣдуемымъ ими принципамъ. Эту задачу могъ бы хорошо исполнить Институтъ. Самую охрану Женевской конвенціи авторъ поручаетъ, какъ мы видѣли, третейскимъ судамъ изъ нейтральныхъ, и національнымъ судамъ изъ воюющихъ. Первые выступили бы въ роли слѣдственныхъ судей и жюри, призванныхъ разсмотрѣть обстоятельства, среди которыхъ совершается нарушеніе Женевской конвенціи и высказаться о виновности или невиновности привлеченныхъ къ отвѣту передъ ними лицъ. Эти суды ни въ чемъ не посягнули бы на прерогативы національныхъ судовъ опредѣлять наказанія и ихъ примѣнять. Нельзя не признать предлагаемую реформу весьма скромною и мало уклоняющеюся отъ установившихся въ наукѣ воззрѣній и судебной практики. Другой вопросъ относительно предполагаемыхъ третейскихъ судовъ состоитъ еще въ томъ: поручать ли ихъ миссію уже существующимъ судамъ нейтральныхъ державъ, или возлагать ее на новые органы, спеціально для того учреждаемые на время войны? Практическія соображенія побудили Муанье высказаться въ пользу первой системы, хотя послѣдняя намъ представляется предпочтительнѣе, потому что она даетъ возможность составить дѣйствительно международные суды (изъ лицъ различныхъ національностей), которые разсматривали бы дѣла съ наибольшими безпристрастіемъ и независимостью. Въ заключеніе нашъ авторъ говоритъ, что не одна Женевская конвенція требуетъ уголовной санкціи, но ее слѣдовало бы распространить на другія нормы права войны, какъ уже существующія (парижская декларація 1856 г., петербургская конвенція 1868 г.), такъ и будущія.

Въ средѣ самой коммиссіи, по словамъ Энгельгардта, планъ Муанье вызвалъ пренія: за охрану Женевской конвенціи международнымъ закономъ высказались Рошковскій, Гефкенъ и Прадье-Фодере. Національные законы по этому вопросу, замѣтилъ Гефкенъ, представили бы большое число самыхъ между собою разнорѣчивыхъ текстовъ. Быть можетъ даже нарушеніе Женевской конвенціи въ томъ или иномъ пунктѣ не вездѣ было бы признано дѣяніемъ наказуемымъ. Но выработку проекта международнаго закона слѣдовало бы соединить съ пересмотромъ текста самой конвенціи, въ видахъ сообщенія ему большей точности, ясности и сообразности съ военными требованіями. Остальные члены коммиссіи стояли за принципъ національныхъ законовъ. Срокъ для изданія таковыхъ надо было бы расширить съ одного года на три. По мнѣнію Оливи, международное соглашеніе было бы полезно на счетъ нѣкоторыхъ лишь, основныхъ пунктовъ программы. Мысль о составленіи образцоваго закона въ руководство для правительствъ одобрена почти всѣми и даже, по сло-

вамъ Брузы, должна быть исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ, въ этой области, работъ. По вопросу о юрисдикціи члены большинствомъ высказались противъ международнаго характера таковой и отнеслись одобрительно лишь къ мысли о такой международной (смѣшанной) коммиссіи, которой поручено было бы веденіе одного (предварительнаго слѣдствія [26]). На этомъ особенно настаивалъ Энгельгардтъ.

Всѣ приведенныя соображенія отразились на текстѣ коммиссіи: международная третейская юрисдикція въ немъ низведена къ установленію коммиссіи изъ делегатовъ по одному отъ воюющихъ и отъ нейтральныхъ, но въ превосходящемъ, сравнительно съ первыми, числомъ.

Она учреждается въ началѣ или во время враждебныхъ дѣйствій и должна пребывать возможно близко къ ихъ театру. Цѣль ея—разслѣдованіе нарушеній Женевской конвенціи по жалобѣ воюющихъ государствъ или частныхъ лицъ и удостовѣреніе степени виновности заподозрѣнныхъ въ томъ лицъ. Ея заключенія препровождаются къ каждому изъ воюющихъ и предаются ими немедленно гласности въ ихъ оффиціальныхъ изданіяхъ. Въ случаѣ желанія, воюющіе могутъ предоставлять тотъ или иной случай на третейское рѣшеніе этой коммиссіи. Институту спеціально рекомендуется заняться выработкой намѣченнаго образцоваго закона и довести его затѣмъ до свѣдѣнія всѣхъ правительствъ, подписавшихъ Женевскую конвенцію.

Но въ Кембриджѣ выше названная ревизіонная коммиссія отвергла идею и такого „закона типа", найдя наиболѣе цѣлесообразнымъ предоставить на усмотрѣніе каждаго государства вопросъ объ изданіи желаемаго уголовнаго закона. На это замѣтимъ только, что за истекшее 30-лѣтіе со времени принятія Женевской конвенціи, правительства, въ этомъ направленіи, ничего не сдѣлали. Неменьшей критикѣ подверглась смѣшанная слѣдственная коммиссія Энгельгардта: ее нашли для воюющихъ совершенно неудобопріемлемою. Роленъ-Жекменъ пытался отстоять ея принципъ и возложить ея миссію на существующій въ Женевѣ международный Комитетъ Краснаго Креста. Но и это нашли неудобнымъ: названный Комитетъ, будучи обществомъ благотворительнымъ, не получитъ довѣрія, если на него возложатъ еще функціи судебныя. Особенно энергично за суверенитетъ государствъ ополчился Ламмашъ: „меньшее часто даетъ больше; умѣренныя требованія поведутъ къ лучшимъ результатамъ; я за сокращеніе нашего проекта возможно тѣсными, практическими предѣлами". Вмѣсто смѣшанной коммиссіи онъ предложилъ признать за госу-

[26]) Commission d'enquête de formation mixte.

дарствомъ, потерпѣвшимъ отъ нарушенія Женевской конвенціи, право обращаться съ жалобою объ этомъ къ какой-либо нейтральной державѣ и требовать слѣдствія, которое обязывался бы произвести другой воюющій, довести объ этомъ до свѣдѣнія нейтральнаго и наказать виновныхъ. Мысль эту поддержалъ и Мартенсъ. Напрасно возражали, что Институту, въ своихъ рѣшеніяхъ, нечего заботиться о томъ только, что непосредственно осуществимо, а слѣдуетъ стремиться къ тому, что желательно само по себѣ во имя справедливости и права; что ему нельзя ограничиваться одною существующею практикою судовъ, но и искать ея улучшеній; что, наконецъ, не должно ему слишкомъ удаляться отъ проекта Муанье, хотя бы послѣдній и наталкивался на нѣкоторыя возраженія со стороны военныхъ людей [27]),— всѣ эти дѣльныя мысли не были уважены и былъ принятъ слѣдующій, тощій и безсодержательный:

Проектъ добавочной конвенціи къ Женевской конвенціи 22 августа 1864 г.

Правительства, желая засвидѣтельствовать другъ предъ другомъ о своемъ твердомъ намѣреніи обезпечить соблюденіе Женевской конвенціи 22 августа 1864 г. подвластными имъ лицами и на своихъ территоріяхъ, пришли къ слѣдующему соглашенію:

Ст. 1. Каждая изъ договорившихся сторонъ обязывается выработать уголовный законъ, предусматривающій всѣ возможныя нарушенія Женевской конвенціи.

Ст. 2. Эти законы должны быть въ теченіе трехъ лѣтъ обнародованы и сообщены союзному совѣту Швейцаріи, который дипломатическимъ путемъ препровождаетъ ихъ ко всѣмъ державамъ, подписавшимъ Женевскую конвенцію.

Позднѣйшія измѣненія въ этихъ законахъ сообщаются соотвѣтствующимъ государствомъ такимъ же способомъ названному совѣту.

Ст. 3. Воюющее государство, которое получило бы поводъ жаловаться на нарушеніе Женевской конвенціи подданными другого воюющаго, имѣетъ право требовать, чрезъ посредство государства нейтральнаго, разслѣдованія этого дѣла. Разслѣдованіе это обязанъ произвести другой воюющій, къ которому обратились съ жалобой, сообщить полученные результаты нейтральному, посредствовавшему госу-

---

[27]) Которые, по словамъ Мартенса, желали бы совершеннаго упраздненія Женевской конвенціи, слишкомъ для нихъ стѣснительной.

дарству и, если окажется нужнымъ, опредѣлить наказаніе для виновныхъ, сообразно съ своими уголовными законами.

Ст. 4. Государства, подписавшія Женевскую конвенцію, но не присоединившіяся одновременно къ настоящему акту, могутъ всегда приступить къ нему позднѣе, путемъ нотификаціи объ этомъ всѣмъ прочимъ участникамъ въ той формѣ, которая вообще принята для присоединенія къ самой Женевской конвенціи.

Затѣмъ, по предложенію Мартенса, принято еще слѣдующее *желаніе Института*: „Въ видахъ доставленія воюющему государству, подданные котораго будутъ обвинены въ нарушеніи Женевской конвенціи, всѣхъ средствъ для доказательствъ своего безпристрастія и невиновности этихъ лицъ, Институтъ высказываетъ желаніе, чтобы державы, подписавшія Женевскую конвенцію, признали существованіе и авторитетъ Международнаго Комитета Краснаго Креста, члены котораго могли бы, по требованію обвиненнаго воюющаго государства, быть посланы Комитетомъ на театръ войны для принятія участія въ разслѣдованіи дѣла подъ наблюденіемъ компетентныхъ національныхъ властей".

По заявленію Мартенса же Институтъ рѣшилъ сообщить эти постановленія всѣмъ центральнымъ Комитетамъ Краснаго Креста различныхъ странъ.

3. Пересмотръ Бернской конвенціи 1886 г. о литературной уніи.

Первый, обратившій вниманіе Института на этотъ вопросъ, былъ Рено, знатокъ авторскаго права. По его предложенію была основана на Гамбургскомъ съѣздѣ (1891), для разсмотрѣнія этого вопроса, коммиссія, докладчикомъ которой выбранъ Орелли [28]). Но вскорѣ послѣдовавшая затѣмъ смерть послѣдняго затянула дѣло. Въ Женевѣ (1892) замѣстителемъ его назначенъ Рогенъ [29]), а позднѣе къ нему присоединенъ Рено. Къ второму Парижскому съѣзду (1894) Рогенъ представилъ подробную и тщательно составленную программу вопросовъ, по его мнѣнію, подлежавшихъ разсмотрѣнію [30]). Институтъ, одобривъ эту программу, предложилъ ему, сообразно съ ней, собрать мнѣнія товарищей по коммиссіи и составить докладъ. Это и было сдѣлано обоими докладчиками къ Кембриджскому съѣзду. Ихъ работа [31]) есть не только весьма

[28]) Ann. vol. XI, p. 487.
[29]) Ib. vol. XII, p. 228.
[30]) Ib. vol. XIII, p. 350—355.
[31]) Ib. vol. XIV, p. 93—111.

цѣнное толкованіе названной конвенціи, но и даетъ намъ любопытныя указанія тѣхъ добавленій и улучшеній, которыя, вѣроятно, будутъ введены въ нее въ недалекомъ будущемъ.

Замѣтимъ еще, что вопросъ этотъ получаетъ тѣмъ большій интересъ, что правительства, по слухамъ, рѣшили созвать въ январѣ 1896 г. новую конференцію въ Парижѣ для пересмотра Бернской конвенціи.

Въ Кембриджѣ Институтъ отнесся къ этому дѣлу вполнѣ основательно: докладъ Рогена и Рено вызвалъ оживленныя пренія [32]), въ которыхъ были затронуты всѣ наиболѣе важные пункты авторскаго права вообще и его международной охраны въ частности. Передача ихъ завлекла бы насъ слишкомъ далеко, поэтому мы удовольствуемся только сообщеніемъ самыхъ заключеній Института [33]).

Заключенія Института относительно пересмотра Бернской конвенціи 9-го сентября 1886 г.

Институтъ имѣетъ честь рекомендовать слѣдующія измѣненія будущей дипломатической конференціи, имѣющей пересмотрѣть Бернскую конвенцію 1886 г. о литературной уніи.

Ст. 2. Изложить второй пунктъ ея такъ: „Для того, чтобъ авторъ могъ пользоваться защитой своихъ правъ, онъ долженъ лишь исполнить условія и формальности, требуемыя законодательствомъ той страны, гдѣ появится его произведеніе“ (du pays d'origine de l'oeuvre).

Опустить заключительныя слова третьяго пункта: „или, если это произведеніе появилось одновременно въ нѣсколькихъ государствахъ Союза, то изъ нихъ, въ которомъ законъ установляетъ наименьшій срокъ защиты“.

Такимъ образомъ срокъ защиты опредѣляется постоянно закономъ той страны, гдѣ требуется защита.

Ст. 5. Срокъ защиты переводовъ долженъ быть увеличенъ съ десяти на двадцать лѣтъ.

Ст. 7. Включить въ текстъ конвенціи разъясненіе, даваемое въ протоколѣ, что постановленія перваго пункта ст. 7 относятся лишь къ статьямъ о повременной текущей политикѣ, а не къ опытамъ и

---

[32]) Ib. vol. XIV, p. 248—287.

[33]) Ib. p. 287—289. — Анализъ Бернской конвенціи сдѣлалъ *Пиленко.* Международныя литературныя конвенціи, 1894, стр. 243—308. Ср. еще *Канторовичъ.* Литературная собственность. 1895 (русскій переводъ Бернской конвенціи, стр. 143—157).

работамъ въ области политики и экономіи болѣе широкаго характера, которые подлежатъ дѣйствію общаго права.

Оговорить формально, что произведенія научныя и художественныя подчиняются первому пункту этой ст. 7.

Выразить прямо, что романы, печатаемые въ фельетонахъ, подлежатъ тѣмъ же правиламъ, какъ и литературныя произведенія, выходящія въ томахъ.

Сдѣлать оговорку, что всякій можетъ воспроизводить политическія статьи, сообщенія о ежедневныхъ событіяхъ и новостяхъ лишь подъ условіемъ точнаго указанія на источникъ.

Ст. 9. Редактировать пунктъ третій такъ: „Постановленія второй статьи примѣняются также къ публичному исполненію произведеній музыкальныхъ неизданныхъ или изданныхъ, причемъ не требуется, чтобъ авторы ихъ дѣлали на обложкѣ или во главѣ ихъ заявленіе о томъ, что они запрещаютъ публичное исполненіе даннаго своего произведенія безъ ущерба постановленіямъ закона того мѣста, гдѣ первоначально издано это произведеніе".

Ст. 10. Вычеркнуть второй пунктъ. Въ первомъ пунктѣ прибавить слова: послѣ „переложенія"—„передѣлки романовъ въ драматическія произведенія и наоборотъ".

Прибавить еще одинъ заключительный пунктъ:

„Публичное исполненіе музыкальныхъ произведеній посредствомъ механическихъ инструментовъ обсуждается такъ же, какъ публичное исполненіе ихъ всякими иными способами [34])".

Ст. 14. Дозволить распродажу произведеній оконченныхъ или приготовленныхъ ранѣе вступленія договора въ законную силу. Для этого обозначить ихъ опредѣленными знаками. Ввести въ конвенцію запрещеніе о воспроизведеніи фотографіею какого-либо защищеннаго, литературнаго или художественнаго, произведенія.

Замѣтимъ еще, что большинство членовъ коммиссіи (Деспанье, Ларди, Ліонъ-Канъ и Рогенъ) высказались за *учрежденіе международнаго суда*, призваннаго рѣшать споры о толкованіи и примѣненіи Бернской конвенціи. Въ принципѣ эту мысль не одобрилъ Стрисоуеръ. Рено, находя осуществленіе ея преждевременнымъ, представилъ однако нѣкоторый планъ ея практическаго проведенія въ жизнь. Рекомендуя относящіяся сюда заключенія коммиссіи Институту, Рогенъ замѣтилъ, что если какой-либо вопросъ имѣетъ международный характеръ, то именно авторское право. Политическія границы не задерживаютъ мысль и произведенія, въ которыя она воплощается. Кромѣ того, авторское право

---

[34]) Предложенныя измѣненія въ ст. 9 и 10 не одобрены, впрочемъ, многими членами Института.

получило нынѣ охрану на международной почвѣ въ актѣ Союза. Возможныя, по этому поводу, ошибки судовъ въ томъ или иномъ государствѣ, вошедшемъ въ эту унію, явятся ослабленіемъ и, слѣдовательно, нарушеніемъ самаго договора объ уніи. Крайне желателенъ, поэтому, международный судъ, который пресѣкалъ бы или предупреждалъ подобныя заблужденія. Болѣе чѣмъ въ какой-либо иной области международнаго права такой судъ умѣстенъ въ видахъ именно охраны правъ авторовъ. Большинство коммиссіи сознаетъ практическія къ тому препятствія, но все-таки полагаетъ, что слѣдуетъ сдѣлать новый шагъ впередъ къ цѣли, самой по себѣ хорошей, и къ которой не преминутъ стремиться въ будущемъ и сами государства.

Лееръ выступилъ съ страннымъ возраженіемъ противъ этого пункта. Вопросъ о международномъ судѣ столь важенъ и потребовалъ бы столь продолжительнаго обсужденія, что отвлекъ бы вниманіе собранія отъ остальныхъ, стоящихъ на очереди, вопросовъ. Поэтому онъ предложилъ его отсрочить, и съ этимъ согласились всѣ бывшіе налицо члены. Любопытно, какъ идея международнаго суда, столь требуемая ради справедливости и общаго блага, въ наши дни постоянно возвращается среди преній Института по разнообразнѣйшимъ вопросамъ и хотя поддерживается крупными авторитетами науки, все-таки претерпѣваетъ доселѣ то крушеніе, то ослабленіе. Вспомнимъ усилія въ этомъ направленіи Гольдшмидта (Кассаціонная инстанція для пересмотра рѣшеній международныхъ третейскихъ судовъ), Бульмеринга (призовые суды съ международнымъ характеромъ и устройствомъ), Муанье (попытка создать международную санкцію для Женевской конвенціи), споры о неудачномъ проектѣ Мартенса относительно смѣшанныхъ судовъ на Востокѣ и т. д. Но сила правды и логики, конечно, въ результатѣ одержитъ верхъ надъ всѣми возраженіями и препятствіями. И въ настоящемъ случаѣ Институтъ, согласившись съ Лееромъ, учредилъ однако новую коммиссію, которой предложилъ изучить вопросъ: *объ учрежденіи одного или нѣсколькихъ международныхъ судовъ, призванныхъ толковать конвенціи о международныхъ уніяхъ.* Докладчиками выбраны Дарра и Рогенъ.

4. Опека надъ совершеннолѣтними.

Вслѣдъ за принятіемъ Институтомъ международнаго регламента объ опекѣ надъ несовершеннолѣтними [35]), было имъ поручено въ Гамбургѣ, по мысли Леера, той же коммиссіи заняться изученіемъ „мѣръ,

[35]) Мы помѣстили переводъ его въ „Юрид. Вѣстн.“ 1892, дек., стр. 601—603.

которыя, съ точки зрѣнія международнаго права, должны быть приняты въ интересахъ совершеннолѣтнихъ, неспособныхъ распоряжаться своею личностію или своими дѣлами" [36]). Въ докладчики выбраны Лееръ и Глассонъ. Уже къ слѣдующему съѣзду, Женевскому, они составили объ этомъ проектъ регламента съ краткою пояснительною къ нему запиской [37]). Но странная участь постигла этотъ проектъ: собраніе отнеслось къ нему вполнѣ серьезно и, одобривъ его по статьямъ, отвергло затѣмъ, по предложенію Брузы, цѣликомъ [38]). Тогда же Лееръ заявилъ, что это, на его взглядъ, частію результатъ чисто случайнаго сочетанія голосовъ, частію слѣдствіе оппозиціи со стороны тѣхъ членовъ, которые, будучи поборниками территоріальнаго начала, не хотятъ признать дѣйствіе національнаго закона, на которомъ построенъ весь этотъ проектъ. Но голосованіе тогда же показало, что эти члены составляютъ меньшинство; кромѣ того національному закону Институтъ вообще отдаетъ перевѣсъ, гдѣ это требуется, въ своихъ заключеніяхъ по гражданскому международному праву. Вотъ почему докладчики поступили совершенно основательно, оставивъ свой проектъ въ его первоначальной редакціи, за исключеніемъ одной статьи его (7-й), которую они нѣсколько измѣнили. Въ новой запискѣ они хорошо объяснили руководившіе ими мотивы [39]), причемъ подчеркнули то обстоятельство, что, на ихъ глаза, Институтъ—не дипломатическая конференція, а ученое общество, которое, поэтому, призвано формулировать свои заключенія, имѣя болѣе всего въ виду принципы науки и логическую между ними связь, хотя бы они въ данную эпоху и представлялись трудными для практическаго примѣненія. Руководствуясь же соображеніями оппортунизма, Институтъ лишь понизитъ свою научную роль въ мірѣ.—Хорошо, если бы его члены почаще проникались этими идеями. Въ Парижѣ Институтъ вторично приступилъ къ разсмотрѣнію этого проекта, но успѣлъ одобрить только первую его статью, въ принципіальномъ отношеніи самую важную. Лишь въ Кембриджѣ, наконецъ, работа эта доведена имъ до желательнаго окончанія. Институтъ принялъ редакцію докладчиковъ съ небольшими измѣненіями и только въ двухъ послѣднихъ статьяхъ ихъ проекта сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія [40]).

---

[36]) Ann., vol. XI, p. 484.

[37]) Ib. vol. XII, 71—77.

[38]) Ib. id., p. 77—103. Отвергнутъ онъ былъ 15 голосами противъ 11; двое воздержались.

[39]) Ann., vol. XIII, p. 12—16.

[40]) Ann., vol. XIV, p. 15—16; 146—163.

Проектъ международнаго регламента объ опекѣ надъ совершеннолѣтними [41]).

I. Ограниченіе правъ [42]) совершеннолѣтнихъ опредѣляется ихъ національнымъ закономъ.

II. Въ принципѣ это ограниченіе можетъ быть возложено на лицо лишь компетентными властями того государства, которому оно принадлежитъ по своей національности. Но власти страны, гдѣ это лицо пребываетъ, обязаны однако принять всѣ охранительныя и временныя мѣры, какъ по отношенію лицъ, такъ и имуществъ.

III. Ограниченіе, постановленное подлежащею отечественною властью [43]), производитъ свое законное дѣйствіе во всѣхъ остальныхъ странахъ безъ всякаго на то разрѣшенія (exequatur) со стороны мѣстныхъ властей. Впрочемъ, иностранныя власти въ правѣ обусловить дѣйствіе этихъ актовъ, на своей территоріи, тѣми мѣрами публичнаго порядка [44]), которыя аналогичны подобнымъ же мѣрамъ, предписываемымъ мѣстнымъ закономъ въ дѣлахъ ограниченія правъ туземцевъ.

IV. Въ видѣ исключенія изъ принципа, высказаннаго въ ст. II, всякій разъ, когда отечественныя власти иностранцевъ почему бы то ни было не могутъ удовлетворить требованію объ ограниченіи правъ этихъ лицъ, власти той страны, гдѣ они пребываютъ, становятся компетентными для принятія означенной мѣры. Внѣ этого случая послѣднія власти должны признать себя некомпетентными, даже ex officio.

V. Всякій разъ, когда, въ силу ст. IV, къ властямъ мѣстопребыванія иностранца будетъ обращена просьба о возложеніи на него запрещенія, онѣ должны, до постановленія рѣшенія, сообщить объ этомъ дипломатическому или консульскому агенту заинтересованнаго государства, съ указаніемъ срока, въ теченіе котораго могутъ быть сдѣланы противъ означенной просьбы замѣчанія или возраженія съ его стороны.

VI. Дипломатическій или консульскій агентъ, до своего отвѣта,

---

[41]) Ib. p. 163—165.

[42]) Interdiction.

[43]) Les autorités du pays d'origine, т.-е. властію страны, которой лицо принадлежитъ по своей національности.

[44]) Mesures de publicité.

обращается за отзывомъ къ компетентной власти (особенно прокурорской) послѣдняго мѣстожительства отвѣтчика въ его отечествѣ.

VII. Когда иностранныя власти компетентны для приговора объ ограниченіи правъ, онѣ, въ этомъ дѣлѣ, слѣдуютъ той же процедурѣ, какъ и по отношенію къ природнымъ подданнымъ.

Просьба объ ограниченіи правъ дѣлается тѣми частными лицами или властями, которымъ это предоставлено либо ихъ національнымъ закономъ, либо закономъ ихъ мѣстопребыванія.

Приговоръ объ ограниченіи постановляется лишь о предметахъ, допускаемыхъ національнымъ закономъ страны, и дѣйствіе его проявляется только въ границахъ, очерченныхъ этимъ закономъ.

Опека надъ личностью и имуществомъ въ данномъ случаѣ организуется иностранными властями сообразно съ мѣстнымъ закономъ.

Надзоръ за опекаемымъ довѣряется, насколько возможно, тѣмъ лицамъ, которыя къ тому призваны закономъ этого лица, хотя бы они и не были вполнѣ на то управомочены мѣстнымъ закономъ.

VIII. Предшествующія постановленія примѣняются безъ установленія различія между движимымъ и недвижимымъ имуществомъ опекаемаго.

Кромѣ этихъ законченныхъ работъ замѣчательны еще заключенія Института по вопросу о *подданствѣ*. Члены этой коммиссіи разошлись по важному предварительному пункту: слѣдуетъ ли имъ составить проектъ однообразнаго закона, который и рекомендовать къ принятію всѣмъ государствамъ, или же удовольствоваться выработкой регламента, могущаго лечь въ основаніе договора между ними, направленнаго къ рѣшенію, по этому вопросу, столкновеній между ихъ отдѣльными законами? Большинство коммиссіи и одинъ изъ ея докладчиковъ, Species Кателлани,—сторонники первой изъ этихъ системъ, ибо, по ихъ мнѣнію, только она въ состояніи устранить противорѣчія между законами относительно пріобрѣтенія и потери подданства. Затѣмъ Кателлани просилъ собраніе высказаться и насчетъ нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ, долженствующихъ руководить самою работою коммиссіи, ибо и по этому пункту въ средѣ ея членовъ господствовало разногласіе.

Въ Кембриджѣ противъ идеи однообразнаго закона высказались: Уестлекъ, Штёркъ, Баръ, Мартенсъ. По предложенію Ліонъ-Кана, Институтъ рекомендовалъ коммиссіи заняться прежде всего установленіемъ основныхъ началъ для разрѣшенія коллизій между законами по данному вопросу и затѣмъ уже выработать правила, имѣющія быть основою для однообразныхъ законовъ въ будущемъ. Послѣ этого Институтомъ одобрены слѣдующія пять основныхъ началъ въ редакціи коммиссіи:

I. Никто не долженъ быть въ состояніи безподданства.

II. Никто не можетъ имѣть одновременно двойное подданство.

III. Каждый долженъ имѣть право перемѣнить подданство.

IV. Простой отказъ со стороны лица отъ подданства еще не достаточенъ для того, чтобъ онъ его лишился.

V. Природное подданство не можетъ быть безконечно передаваемо изъ поколѣнія въ поколѣніе лицами, поселившимися за границею [45]).

Въ числѣ работъ, особенно готовыхъ къ будущей сессіи, являются: регламенты о консулахъ и о военной контрабандѣ. По послѣднему вопросу коммиссіею внесенъ проектъ новаго международнаго регламента сообразно съ мыслями Перельса [46]).

Кромѣ указанныхъ уже выше, поставлены еще на очередь слѣдующіе *новые* вопросы: 1) столкновеніе законодательныхъ нормъ въ области частнаго международнаго права; 2) объ отношеніяхъ между юрисдикціями различныхъ государствъ во время продолжающихся тяжбъ (litispendance); 3) международное регулированіе затрудненій, возникающихъ изъ столкновеній судовъ на морѣ; 4) о двойныхъ обложеніяхъ въ международныхъ сношеніяхъ, особенно при переходѣ правъ вслѣдствіе смерти; 5) разсмотрѣніе вопроса о законности бомбардированія открытыхъ городовъ военно-морскими силами.

Институту въ Кембриджѣ было сдѣлано вторично предложеніе заняться капитальнымъ вопросомъ о разоруженія; но онъ, какъ и въ Гамбургѣ, опять отклонилъ его. Мотивы этого [47]) шага въ протоколахъ не указаны, но о немъ нельзя не пожалѣть: вопросъ о разоруженіи, при всемъ его громадномъ политическомъ значеніи для нашего времени, имѣетъ безспорно важную и интересную юридическую сторону, которую Институту и слѣдовало бы выяснить и разработать для облегченія практическаго его разрѣшенія. Это былъ бы трудъ не менѣе благодарный, чѣмъ его различныя детальныя работы по разнымъ спеціальностямъ международной жизни и науки.

Такимъ образомъ, число всѣхъ коммиссій нынѣ шестнадцать. Будущій съѣздъ Института предположено созвать въ сентябрѣ 1896 г. въ Венеціи.

Гр. Л. Камаровскій,
дѣйствительный членъ
Московскаго Юридическаго Общества.

---

45) Ann. XIV, p. 194—200.

46) Ib. p. 191 — 193. — Предложеніе Перельса, тамъ-же, стр. 58—66; прежній проектъ коммиссіи, представленный Парижскому съѣзду, тамъ-же, стр. 33—43.

47) Возвысили голосъ противъ означеннаго предложенія Мартенсъ и Монлюкъ (Ann., vol. XIV, p. 291).

ДИСПУТЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Защита магистромъ **А. Н. Филипповымъ** докторской диссертаціи: „Сенатъ въ правленье Верховнаго Тайнаго Совѣта“, 10 мая 1895 г.

Диспутъ открылся въ 12½ часовъ дня вступительной рѣчью *А. Н. Филиппова*, который приблизительно въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ значеніе избранной имъ темы. XVIII вѣкъ представляетъ собой знаменательную эпоху въ исторіи нашихъ высшихъ учрежденій: падаетъ старый порядокъ и возникаетъ новый. Отъ XVIII вѣка прямо или косвенно ведутъ свое начало многія современныя учрежденія. Въ частности, время первыхъ преемниковъ Петра является порою повѣрки петровскихъ реформъ. Эпоха эта мало изслѣдована, свѣдѣнія о ней черпаются почти исключительно изъ архивныхъ документовъ. Въ дѣятельности Сената она знаменуетъ собой не блестящій періодъ, періодъ упадка. Но безъ изученія этой эпохи паденія Сената невозможно пониманіе позднѣйшаго періода его процвѣтанія. При общей непрочности нашихъ установленій, вниманіе изслѣдователя невольно привлекается почтеннымъ учрежденіемъ, которому черезъ какіе-нибудь полтора десятка лѣтъ исполнится два вѣка существованія. Въ исторіи Сената, несмотря на всѣ различія и превратности, проходитъ одно общее руководящее начало. Сенатъ всегда былъ учрежденіемъ, объединявшимъ и контролировавшимъ начало законности. Такимъ оставался онъ и въ эпоху своего паденія.

Затѣмъ диспутантъ прочелъ нижепомѣщенныя положенія къ своему изслѣдованію:

1. Высшія учрежденія наши отличались въ XVIII вѣкѣ большою неустойчивостью. Центральной фигурой, около которой возникали и и на счетъ власти коей они развивались, былъ Сенатъ; поэтому изслѣдованіе отдѣльныхъ моментовъ его исторіи и дѣятельности пріобрѣтаетъ важное значеніе.

2. Мысль о созданіи рядомъ съ Сенатомъ новаго высшаго учрежденія заслуживала, по условіямъ времени, большого вниманія и была жизненна, такъ какъ необходимо было дать болѣе простора дѣйствію *личнаго* начала въ управленіи съ одной стороны, нужно было имѣть учрежденіе съ *политическими* задачами съ другой; но борьба за осуществленіе этой мысли была въ XVIII вѣкѣ весьма неудачна.

3. Созданіе В. Т. Совѣта подготовлялось исподоволь и вызывалось, съ одной стороны, необходимостью дать особую организацію личнымъ органамъ управленія, а съ другой — удовлетворить стремленію къ власти стараго, родовитаго и новаго, худороднаго дворянства. Совѣтъ не былъ только учрежденіемъ, состоявшимъ „при особѣ Государя", но онъ именемъ его правилъ государствомъ, причемъ не столько право, сколько политика лежала въ основаніи его дѣятельности. Совѣтъ твердо и неуклонно проводилъ въ своей дѣятельности лишь одну идею— идею собственнаго верховенства, дѣйствуя въ дѣлахъ управленія и суда безъ всякаго плана и порядка. Олигархическій характеръ учрежденія лишалъ его политическія задачи прочности. „Кондиціи", предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ, были попыткой Совѣта закрѣпить за собой *de jure* то, что̀ ему уже принадлежало *de facto*. Общіе результаты дѣятельности Совѣта были незначительны.

4. Учрежденіе В. Т. Совѣта вызвало рядъ крупныхъ измѣненій въ устройствѣ и компетенціи Сената, которыя свели его на степень хотя и весьма важнаго, но подчиненнаго учрежденія, равнаго т. н. „тремъ первымъ коллегіямъ". Преобразованіе Сената велось въ общемъ, безпорядочно, съ постоянными отступленіями и колебаніями, безъ достаточнаго уваженія къ праву. Впрочемъ Совѣтъ, уронивъ въ царствованіе Екатерины I прежнее значеніе Сената (въ цѣляхъ собственнаго верховенства) потерялъ вкусъ къ преимущественному занятію сенатскими дѣлами и сталъ относиться къ Сенату спокойнѣе. Форма сношеній сенаторовъ съ Совѣтомъ отлично живописуетъ подчиненное положеніе Сената по отношенію къ Совѣту.

5. Измѣненіе въ положеніи Сената отразилось прежде всего на перемѣнѣ его состава и уменьшеніи его канцеляріи. Составъ Сената является показателемъ его *общаго* значенія въ данную эпоху; уменьшеніе канцеляріи неблагопріятно вліяетъ на дѣлопроизводство Сената. Сенатская контора остается и нынѣ тѣмъ же, чѣмъ она была при Петрѣ В.

6. Изъ учрежденій, состоявшихъ *при* Сенатѣ въ царствованіе Петра В., одни, какъ генералъ-прокуроръ, исчезаютъ вовсе; другіе, какъ оберъ-прокуроръ и генералъ-рекетмейстеръ, сливаются въ одно лицо, причемъ первое изъ указанныхъ лицъ получаетъ теперь совершенно иное положеніе при Сенатѣ, чѣмъ было раньше; третьи, какъ

фискалы, становятся менѣе, чѣмъ прежде, замѣтны въ своей дѣятельности; лишь герольдмейстеръ съ его конторою остаются тѣмъ же, чѣмъ они были раньше. Изъ указанныхъ перемѣнъ наибольшее значеніе имѣютъ незамѣщеніе должности генералъ-прокурора и связанныя съ этимъ измѣненія въ положеніи какъ сенатскаго оберъ-прокурора, такъ и генералъ-рекетмейстера.

7. Изслѣдованіе вопроса о кругѣ вѣдомства Сената въ правленіе В. Т. Совѣта представляетъ немалыя трудности, какъ по недостаточности законодательныхъ опредѣленій, касающихся вопроса, такъ и по особенностямъ учрежденія, состоявшаго надъ Сенатомъ. Всѣ дѣла, разсматривавшіяся Сенатомъ, можно подраздѣлить на 2 группы: дѣла, восходившія изъ Сената на разрѣшеніе Совѣта, какъ верховнаго учрежденія имперіи, и дѣла, разрѣшавшіяся самимъ Сенатомъ.

8. Съ учрежденіемъ Совѣта всего болѣе потерпѣла умаленія законодательная функція Сената, такъ какъ Совѣтъ, наряду съ дѣлами верховнаго управленія, сосредоточилъ въ себѣ и законодательную дѣятельность; однако, Сенатъ не только принималъ значительное участіе въ дѣлахъ Совѣта по законодательству, но и являлся хранителемъ законовъ, заботящимся о „повсемѣстномъ наблюденіи правосудія".

9. Область административной дѣятельности Сената была весьма обширна, и въ Сенатѣ сходились, поскольку этому не мѣшалъ Совѣтъ, всѣ нити управленія подчиненными ему какъ центральными, такъ и мѣстными учрежденіями; Сенатъ, въ качествѣ высшаго органа контроля надъ дѣятельностью названныхъ учрежденій—слѣдилъ неустанно за законностью ихъ дѣйствій.

10. Сенатъ былъ центральнымъ органомъ высшаго финансоваго управленія и заботился о благоустройствѣ и благосостояніи государства.

11. Сенатъ являлся *апелляціонною* инстанціею въ однихъ случаяхъ, *ревизующей* приговоръ подчиненныхъ учрежденій—въ другихъ, *первою* инстанціею—въ третьихъ.

12. Обозрѣвая въ цѣломъ дѣятельность Сената въ изучаемую эпоху, нельзя не отмѣтить болѣе крупныхъ ея недостатковъ: медленности въ разрѣшеніи дѣлъ и исполненіи порученій, незначительности собственнаго почина въ усовершенствованіи механизма управленія, малочисленности общихъ и болѣе или менѣе широкихъ мѣропріятій въ его практикѣ и пр. Но постоянное и неуклонное отправленіе Сената въ своей дѣятельности лишь отъ положеній закона; неизмѣнное стремленіе примирить нужды дѣйствительной жизни съ требованіями закона; наконецъ, эти постоянныя попытки Сената ввести, во имя закона, извѣстное однообразіе и единство во всѣ подробности управленія — заставляютъ изслѣдователя видѣть въ Сенатѣ изучаемой эпохи (не-

смотря на всѣ неблагопріятныя условія его положенія) учрежденіе *высокаго порядка...*

Профессоръ *П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій* охарактеризовалъ диссертацію, какъ „образцовый трудъ“ и „далеко не заурядное явленіе“ въ русской юридической литературѣ. Уже самый выборъ темы составляетъ одно изъ достоинствъ труда; въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, выразились впервые ясно и опредѣленно начала, руководившія учрежденіями XVIII вѣка. Нельзя не отмѣтить также солидной обстановки предлагаемой работы, основанной на огромномъ архивномъ матеріалѣ, которымъ авторъ пользуется мастерски (особенно въ главѣ о составѣ Сената), и на сборникѣ Дубровина, по трудности пользованія имъ почти не уступающемъ рукописнымъ источникамъ.

Возраженія оппонента коснулись главнымъ образомъ общаго взгляда А. Н. Филиппова на учрежденія XVIII вѣка. Говоря на первыхъ страницахъ своей книги о неустойчивости государственныхъ установленій XVIII вѣка сравнительно съ московскими, авторъ видитъ причину этого явленія въ ихъ „случайности и прихотливости“. По его мнѣнію, на Москвѣ, при консерватизмѣ народной мысли, учрежденія развивались органически, сообразно съ нуждами и потребностями цѣлаго; въ изучаемую же эпоху они являются, напротивъ, произвольными и разорванными съ прошлымъ. Правда, авторъ указываетъ и другую причину неустойчивости учрежденій XVIII вѣка—неумѣстность коллегіальнаго начала тамъ, гдѣ оно примѣнялось (стр. 3); но дѣйствіе этой причины сводится опять-таки къ тому, что средства для устраненія недостатковъ „коллежскаго обряда“ были „случайными и временными“. Врядъ ли можно согласиться съ этимъ общимъ взглядомъ автора. Отъ упрека въ произвольности должны быть освобождены не только учрежденія Петра (съ чѣмъ согласился и диспутантъ), но и учрежденія позднѣйшаго времени. Они также возникали органически, имѣли корни въ прошломъ и отвѣчали потребностямъ времени. Мысль, вызвавшая созданіе Верховнаго Тайнаго Совѣта, именно сознаніе необходимости политическаго учрежденія, явилась еще при Петрѣ Великомъ и выражалась въ различныхъ проектахъ. Стало-быть, и Верховный Тайный Совѣтъ удовлетворялъ нуждамъ своей эпохи.

А. Н. Филипповъ настаивалъ на основной своей мысли: произвольности учрежденій избранной имъ эпохи, по сравненію съ московскимъ періодомъ. Потребность въ новыхъ учрежденіяхъ, несомнѣнно, была, но средства для удовлетворенія ея были неудачныя, случайныя, прихотливыя. Признакомъ безпочвенности установленій, о которыхъ идетъ рѣчь, можетъ служить недолговременность ихъ существованія.

П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій замѣтилъ, что для объясненія той неустойчивости учрежденій, о которой говоритъ авторъ, ему слѣдовало

бы обратить болѣе вниманія на вліяніе личнаго начала, и въ особенности, на различіе условій, при которыхъ дѣйствуютъ выдающіяся личности — московскаго періода съ одной стороны и „припадочныя персоны“ XVIII вѣка съ другой. На Москвѣ личности дѣйствуютъ на свой страхъ и рискъ, въ XVIII вѣкѣ—подъ эгидой Государя. Московскіе бояре добиваются „держать землю“ такъ же, какъ „Царь и Великій Князь всея Руси“, худородные временщики Москвы хотятъ лишь пожирнѣе покормиться. Ни та ни другая цѣль не требовала ломки приказныхъ порядковъ. Въ XVIII вѣкѣ никто уже не покушается на „держаніе земли“. Временщики стремятся занять высшее, возможное для подданнаго положеніе въ государствѣ. Образуя для этой цѣли олигархическія партіи и пытаясь ограничить верховную власть, они неизбѣжно сталкиваются съ учрежденіями. Другой причиной непрочности высшихъ государственныхъ установленій XVIII вѣка является неумѣнье распредѣлить между ними дѣла, общее всей разсматриваемой эпохѣ.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній оппонентъ перешелъ къ подробностямъ и, указавъ на нѣкоторыя мелкія неточности и неясности въ диссертаціи, въ заключеніе, пожелалъ автору успѣшнаго окончанія столь удачно начатаго труда.

Проф. А. С. Алексѣевъ. Исторія Сената XVIII вѣка тѣсно переплетается съ исторіей всей нашей высшей администраціи. Предложенное изслѣдованіе обнимаетъ въ этой исторіи четырехлѣтній періодъ: 1726—1730 гг. Изученіе такого краткаго промежутка времени было бы плодотворно: 1) если бы это былъ характерный періодъ, одинъ изъ фазисовъ въ развитіи даннаго учрежденія, 2) если бы онъ былъ взятъ въ связи съ другими періодами. Въ настоящемъ случаѣ мы не находимъ ни того, ни другого. Авторъ беретъ періодъ, не обнимающій цѣльнаго фазиса исторіи Сената (Сенатъ, сдѣлавшись при Екатеринѣ органомъ подчиненнаго управленія, оставался такимъ же и послѣ 1730 г., въ царствованіе Анны), и разсматриваетъ его внѣ связи съ предшествующимъ и послѣдующимъ, придерживаясь съ буквальной точностью разъ поставленныхъ рамокъ. Этой узкой постановкой темы отчасти обусловливается нѣкоторая пристрастность сужденій, обнаруживаемая изслѣдователемъ. Всѣ симпатіи его на сторонѣ Сената, всѣ антипатіи — на сторонѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, Если бы авторъ изучилъ свой періодъ въ связи съ общимъ ходомъ развитія нашей администраціи, вообще, и Сената въ частности, — онъ пришелъ бы, вѣроятно, къ инымъ выводамъ. Средина и конецъ XVIII вѣка даютъ намъ картину цѣлаго ряда поправокъ, коррективовъ къ административной системѣ Петра. При всей раздробленности этихъ попытокъ, онѣ связаны между собой общей руководящей идеей, нашедшей свое

окончательное выраженіе при Александрѣ I, а именно, стремленіемъ внести хотя бы нѣкоторый порядокъ и закономѣрность въ управленіе. Для этой цѣли нужно было: 1) отграничить верховное управленіе отъ подчиненнаго; 2) въ области верховнаго управленія обставить суверенный органъ совѣщательными учрежденіями; 3) въ области подчиненнаго управленія провести раздѣленіе суда и администраціи. Учрежденіе В. Т. Совѣта представляетъ собой шагъ къ осуществленію первой и второй задачи.

А. Н. Филипповъ возразилъ, что диссертація его составляетъ лишь первую часть изслѣдованія, которое должно охватить цѣлый фазисъ въ развитіи Сената („Сенатъ въ правленіе В. Т. Совѣта и Кабинета"). Начиная изученіе этого фазиса съ 8 февраля 1826 г., когда Сенатъ обратился изъ верховнаго учрежденія въ подчиненное, онъ не упускаетъ изъ виду и предыдущаго періода и проводитъ параллель между петровскимъ и екатерининскимъ Сенатомъ.

А. С. Алексѣевъ. Въ своей книгѣ вы, между прочимъ, поддерживаете ходячее мнѣніе, высказанное еще Градовскимъ и недавно повторенное Милюковымъ, будто В. Т. Совѣтъ съ самаго основанія своего былъ политическимъ учрежденіемъ, преслѣдовавшимъ олигархическія цѣли. Это ошибочное воззрѣніе сложилось оттого, что на В. Т. Совѣтъ Екатерины I смотрятъ обыкновенно сквозь призму извѣстнаго событія, разыгравшагося 19 января 1730 года. Въ дѣйствительности, однако, между екатерининскимъ Совѣтомъ и кружкомъ лицъ, продиктовавшимъ Аннѣ Іоанновнѣ знаменитые „пункты", нѣтъ никакой внутренней органической связи. Всѣ выдающіеся члены екатерининскаго Совѣта (герцогъ Голштинскій, Меньшиковъ, Толстой) къ 1730 году уже сходятъ со сцены, другіе не играютъ никакой роли въ государственномъ переворотѣ (за исключеніемъ Голицына, бывшаго въ В. Т. Совѣтѣ Екатерины I совершенно безгласнымъ членомъ). В. Т. Совѣтъ возникаетъ въ 1726 г. безо всякаго воздѣйствія олигарховъ 1730 года (Голицыныхъ и Долгорукихъ), и во всей его дѣятельности въ царствованіе Екатерины I нельзя усмотрѣть ни малѣйшихъ признаковъ олигархической тенденціи. Обстоятельства, сопровождавшія учрежденіе В. Т. Совѣта, представляются, по свидѣтельствамъ современниковъ (Кампредона, Мардефельда, Лефорта), въ слѣдующемъ видѣ: Екатерина I, вступившая на престолъ благодаря поддержкѣ Меньшикова, вскорѣ начинаетъ тяготиться его подавляющимъ авторитетомъ и въ противовѣсъ ему выдвигаетъ своего зятя, герцога Голштинскаго, который, въ свою очередь, находитъ себѣ союзника въ лицѣ хитраго и умнаго Толстого. Этотъ послѣдній, ненавидя Меньшикова, но вмѣстѣ съ тѣмъ отлично понимая, что безъ его участія никакая политическая комбинація немыслима, предлагаетъ учрежденіе В. Т. Совѣта,

какъ средство ослабить власть Меньшикова, сохранивъ въ то же время его поддержку и расположеніе. Но какимъ же образомъ Меньшиковъ соглашается на мѣру, лишающую его диктатуры? Конечно, онъ дѣлаетъ эту уступку не даромъ. Согласіе его покупается цѣною устраненія Ягужинскаго, который, занимая вліятельный постъ оберъ-прокурора Сената, является въ то же время опаснымъ соперникомъ Меньшикова въ расположеніи Императрицы и съ каждымъ днемъ все болѣе втирается въ ея довѣріе. Толстой искусно раздуваетъ ненависть Меньшикова къ Ягужинскому и, доведя дѣло до открытаго разрыва между ними, пользуется этимъ психологическимъ моментомъ, чтобы выманить у Меньшикова согласіе на учрежденіе В. Т. Совѣта съ тѣмъ, чтобы изъ него былъ исключенъ Ягужинскій. Итакъ, В. Т. Совѣтъ возникаетъ, благодаря естественному стремленію упорядочить и упрочить кругъ лицъ, являющихся ближайшими совѣтниками Императрицы. Составъ же его опредѣляется указанной выше борьбой личныхъ вліяній; онъ представляетъ результатъ компромисса между партіей герцога Голштинскаго и Меньшиковымъ. Какъ бы мы ни смотрѣли на обстоятельства, приведшія къ учрежденію В. Т. Совѣта, видѣть въ немъ уступку партіи родовитыхъ вельможъ нельзя; еще менѣе возможно смотрѣть на него какъ на первый шагъ къ конституціонной попыткѣ 1730 года. Самое существованіе старорусской партіи, какъ силы, съ которой нужно было считаться, въ разбираемую эпоху подвергается сомнѣнію. Во все время отъ вступленія на престолъ Екатерины I въ январѣ 1725 г. до учрежденія В. Т. Совѣта 8 февраля 1726 г. люди, желавшіе воцаренія Петра Алексѣевича, ведутъ себя такъ, что не даютъ ни малѣйшаго повода заподозрить ихъ въ стремленіи образовать олигархическую партію. Такъ, самый вліятельный изъ нихъ, полководецъ украинской арміи, кн. Голицынъ, по свидѣтельству Лефорта, въ письмѣ къ своему брату, члену В. Т. Совѣта, убѣждаетъ его слѣпо повиноваться во всемъ Меньшикову.

*А. Н. Филиппов*ъ возразилъ, что высказанный имъ взглядъ на В. Т. Совѣтъ какъ на учрежденіе, обнаруживавшее политическія тенденціи съ самаго перваго дня своего существованія, подтверждается фактами, приведенными въ его книгѣ, особенно—знаменитымъ 3 пунктомъ „Мнѣнія не въ указъ“, поднесеннаго Императрицѣ 16 марта 1726 г. Что же касается, собственно, боярства, то онъ, диспутантъ, согласенъ, что оно выступило на политическую арену позднѣе.

*А. С. Алексѣев*ъ. Вы смотрите на В. Т. Совѣтъ какъ на учрежденіе не-юридическаго характера. По вашему мнѣнію, онъ, въ своемъ стремленіи къ самовластію, то-и-дѣло нарушалъ установленныя для него закономъ формы дѣятельности. Между тѣмъ, читая соотвѣтствующія

мѣста вашего изслѣдованія, нельзя не убѣдиться, что у васъ нѣтъ вполнѣ точнаго представленія объ этихъ формахъ. „Мнѣніе не въ указъ" и 4 пунктъ указа 8 февр. 1726 г. ясно и опредѣленно различаютъ 3 формы актовъ В. Т. Совѣта: *журналы*, которые подписывать не надлежитъ", *протоколы* о „учиненныхъ въ В. Т. Совѣтѣ, резолюціяхъ и опредѣленіяхъ", которые закрѣпляются членами В. Т. Совѣта, и состоявшіеся въ В. Т. Совѣтѣ *указы*, которые посылаются подчиненнымъ учрежденіямъ за подписью д. ст. сов. Степанова. Вы же на стр. 42, 43, 44 постоянно смѣшиваете указъ съ протоколомъ. Особенно рельефно это смѣшеніе на стр. 44, гдѣ вы въ доказательство того, что указы подписывались не всѣми членами Совѣта, приводите одни протоколы. Вы смѣшиваете также указъ съ журналомъ. На стр. 58 у васъ упомянутъ указъ отъ 18 февраля 1726 г., котораго въ дѣйствительности не оказывается; есть только журналъ 18 февраля 1726 г., съ обычной формулой: „Говорено было"... Далѣе на стр. 42 вы упрекаете В. Т. Совѣтъ въ томъ, что онъ въ своей практикѣ обнаруживалъ ясное стремленіе крѣпить протоколы не всѣмъ членамъ, а только присутствующимъ, тогда какъ, согласно 4 п. указа 8 февр. 1726 г., протоколы должны были, будто бы, подписываться всѣми назначенными членами В. Т. Совѣта. Изъ этой практики Совѣта вы выводите, между прочимъ, заключеніе, что онъ былъ, въ дѣйствительности, лишь совѣтомъ присутствующихъ министровъ, а не особой коллегіей. Такое пониманіе 4 пункта указа 8 февр. 1726 г. меня крайне удивило. Гдѣ же найдете вы коллегіальное учрежденіе, дѣлопроизводство котораго обязывало бы членовъ подписывать протоколы засѣданій, на которыхъ они не присутствовали? Общее правило было и должно было быть, что протоколы подписывались только присутствующими. Если иногда члены В. Т. С. подписывали протоколы засѣданій, на которыхъ они не присутствовали, то такіе случаи бывали только какъ исключеніе, вызванное особыми обстоятельствами и лишь подтверждающее общее правило. Ваши ссылки, долженствующія доказать противное, нужно признать неудачными. Такъ, напр., на стр. 43 вы ссылаетесь на журналъ 19 декабря 1726 г., гдѣ приводится рядъ протоколовъ. Эти протоколы герцогъ Голшинскій подписываетъ,—сказано въ журналѣ—*всѣ*, а между тѣмъ онъ не былъ на всѣхъ соотвѣтствующихъ засѣданіяхъ. Однако по провѣркѣ оказывается, что герцогъ не подписалъ всѣхъ протоколовъ, а только тѣ, при обсужденіи которыхъ присутствовалъ; такъ что этотъ журналъ не только не доказываетъ того, что вы хотите имъ доказать, но, напротивъ, служитъ яркимъ опроверженіемъ вашего тезиса.

Но вы идете дальше. Не ограничиваясь упрекомъ въ нарушеніи предписанныхъ закономъ формъ, вы обвиняете В. Т. Совѣтъ прямо въ „не-

благовидныхъ поступкахъ". Одинъ изъ такихъ поступковъ заключается, по вашему изложенію, въ слѣдующемъ: 4 августа 1726 г. Екатерина I издаетъ собственноручно ею подписанный указъ В. Т. Совѣту, въ которомъ говоритъ, чтобы впредь не вѣрить никакимъ объявляемымъ указамъ „безъ подписанія Нашея собственной руки или всего Верховнаго Тайнаго Совѣта". Указъ этотъ въ этой редакціи не понравился Совѣту, и вотъ онъ вычеркиваетъ слово „всего" и разсылаетъ его по мѣстамъ и учрежденіямъ, какъ вы выражаетесь, „въ той редакціи, въ какой Совѣтъ находилъ болѣе для себя удобнымъ. И только когда объ этомъ дошло до свѣдѣнія Императрицы, указъ былъ возстановленъ въ его первоначальномъ видѣ. Случай—восклицаете вы въ заключеніе—рѣзко характеризующій самовластіе Совѣта!

Въ этомъ разсказѣ вашемъ прежде всего поражаетъ безцѣльность подлога. Слово „всего" не измѣняетъ смысла указа. Но по провѣркѣ все обвиненіе оказывается чистымъ недоразумѣніемъ. Ничего похожаго на то, что вы приписываете В. Т. Совѣту, у него и въ помыслахъ не было. Въ самомъ дѣлѣ, журналъ В. Т. С. отъ 17-го сентября 1726 г., который, будто бы, свидѣтельствуетъ о подлогѣ, представляетъ намъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ. 4-го августа Императрица выдаетъ указъ, подписанный ея рукою; потомъ указъ этотъ, подписанный Императрицей, взятъ обратно въ Петергофъ (гдѣ она тогда пребывала) и 16-го сентября опять отданъ кабинетъ-секретарю Макарову и показано, что въ немъ (т.-е. въ подлинномъ указѣ) сдѣлана только одна добавка—„всего". Очевидно, что ни о какомъ подлогѣ тутъ и рѣчи быть не можетъ. Добавка сдѣлана *самой Государыней.* Въ указахъ изъ В. Т. Совѣта, которые были посланы ранѣе, этой добавки нѣтъ и быть не могло, такъ какъ не было ея въ первоначальномъ текстѣ подлиннаго указа.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній проф. А. С. Алексѣевъ отозвался о диссертаціи какъ о сочиненіи, обнаруживающемъ энергію и любовь къ труду,—качества, весьма цѣнныя въ нашей молодой наукѣ исторіи русскаго права—и выразилъ надежду, что послѣдующіе труды диспутанта внесутъ новый свѣтъ въ избранную имъ область.

Проф. *Д. Я. Самоквасовъ,* выступившій въ качествѣ неоффиціальнаго оппонента, указалъ на нѣкоторыя частныя противорѣчія и неточности, замѣченныя имъ въ текстѣ диссертаціи.

По окончаніи диспута было прочтено деканомъ опредѣленіе факультета о признаніи А. Н. Филиппова докторомъ государственнаго права, встрѣченное дружными рукоплесканіями публики.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

I.

На Амуръ.

До чего трудно иногда живется нашему крестьянину, какъ страстно онъ рвется выйти изъ своего непосильнаго тяжелаго положенія и какъ при этомъ легко поддается всякимъ иллюзіямъ, сулящимъ ему выходъ изъ этого положенія, нагляднымъ примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай, разсказъ о которомъ заимствованъ нами изъ оффиціальныхъ источниковъ. Случай этотъ, кромѣ того, попутно обнаруживаетъ все незнакомство непосредственныхъ, ближайшихъ къ народу, властей съ умѣньемъ обращаться съ тонкой психологической стороной фактовъ, подпадающихъ подъ ихъ компетенцію, вслѣдствіе чего только и бываютъ возможны случаи, подобные настоящему. Вмѣстѣ съ тѣмъ случай этотъ еще лишній разъ рисуетъ слишкомъ ужъ устарѣлое, барское отношеніе нашихъ земскихъ начальниковъ къ свободѣ и разуму нашихъ народныхъ судовъ, третируемыхъ ими въ родѣ прежнихъ, послушныхъ имъ вотчинныхъ конторъ, которымъ достаточно было сказать свое властное слово, чтобы оно было исполнено безпрекословно.

Въ калужской губерніи есть жиздринскій уѣздъ, почти сплошь поросшій лѣсами и покрытый сыпучими песками, глухой и темный интеллектуально и потому слывущій медвѣжьимъ угломъ. По Положенію 19-го февраля 1861 года, крестьянамъ этого уѣзда хотя отведенъ повышенный ($4^1/_2$ дес.) душевой надѣлъ земли, сравнительно съ крестьянами другихъ уѣздовъ, но песчаная почва такъ и осталась песчаной, и прибавокъ такой земли, конечно, не поднялъ благосостоянія надѣленныхъ ею крестьянъ. Съ теченіемъ времени, вслѣдствіе при-

роста населенія и другихъ причинъ, экономическое положеніе крестьянъ пало еще ниже и дошло до того, что они готовы были бѣжать хоть на луну, лишь бы „пропитать свою душу и огоревать пбдани“.

Въ 1892 году, къ Дмитріевой субботѣ (26 октября), вернулся къ себѣ домой изъ Москвы, съ лѣтнихъ заработковъ, крестьянинъ жиздринскаго уѣзда, крапивенской волости, села Веснйнъ Дмитрій Өедоровъ Курилинъ, онъ же и Кренделевъ, и, какъ писалъ потомъ въ своемъ протоколѣ мѣстный урядникъ, началъ „по народу пущать пропаганду“ о томъ, что есть такая земля Амуръ, и строится тамъ длинная желѣзная дорога Сибирская, а онъ — подрядчикъ для найма рабочихъ на эту дорогу, и ему поручено калужскимъ губернаторомъ составить списки желающихъ наняться на работу туда и объявить условія найма и цѣну. А условія таковы: жалованья даютъ до 75 руб. въ мѣсяцъ на брата, доставка рабочихъ на мѣсто по морю — казенная; харчи тоже казенные; при отправкѣ на мѣсто будутъ выдавать по 70 руб. задатка на брата. Срокъ работы—три года.

Дѣло подходило къ зимѣ, когда въ той мѣстности не бываетъ никакихъ заработковъ, а между тѣмъ, надвигалось Рождество Христово, когда большинство крестьянъ доѣдаетъ послѣдній хлѣбъ лѣтняго урожая и начинаетъ томительно метаться по сторонамъ, чтобы какъ-нибудь передышать до слѣдующаго урожая. А главное, это было какъ разъ въ то страдное время, когда всякія подати и денежныя повинности выбиваются съ особенно напряженной энергіей. Понятно, сколько отрады и свѣта внесли въ полуголодную крестьянскую массу вѣсти, принесенныя Кренделевымъ, и какимъ спасителемъ принятъ былъ самъ онъ. И потянулись къ нему изъ ближнихъ и дальнихъ селеній всѣ эти алчущіе и жаждущіе Микиты Кортошкины, Ихимы (Ефимы) Алёшкины, Ларивоны Курносовы, Иваны Игнаточкины, Тимоѳеи Поликашкины, Сидоры Тютькины, Кондраты Милочкины, Максимы Мотыгины, Амельяны Стёпочкины, Варламы Талалаевы, и проч. и проч. И набралось всѣхъ такихъ алчущихъ больше тысячи человѣкъ. Шли и одиночки въ дворѣ, шли и по два брата родныхъ, шли и отецъ съ сыномъ, записалась и Пелагея Васильевна Маргаритова съ мужемъ Алексѣемъ Александрычемъ Маргаритовымъ. Вмѣстѣ съ крестьянами спѣшили записаться и запасной нижній чинъ Евдокимъ Михайловъ, и проживающій въ д. Высокой на крестьянскомъ положеніи жиздринскій мѣщанинъ Иванъ Даниловъ. Записывались крестьяне и собственно жиздринскаго уѣзда, записывались и сосѣднихъ, козельскаго и болховскаго уѣздовъ. Большинство записывались лично у Кренделева, а нѣкоторые, не заставъ его дома,—такъ какъ онъ все странствовалъ по деревнямъ для своей „пропаганды“,—записывались у его

брата, или оставляли ему заявленія, писанныя карандашомъ на добытыхъ съ трудомъ клочкахъ сѣрой бумаги, о своемъ желаніи быть внесенными въ списки созидателей Сибирской дороги. — „1892 года 30 ноября, писали они, милостивой государъ подрядчику Амурскому пожалоста запишите хрисянъ (крестьянъ) куынской волости села Бересны Михаилъ Костенькиновъ Самохинъ, Сименъ Восиповъ (Осиповъ) Литоновъ Павялъ Ахванасявъ (Аѳанасьевъ) Удовинъ (Вдовинъ) Михаила Ихимовъ (Ефимовъ) Прохуровъ“, и проч. Нѣкоторые писали еще проще: записавъ карандашомъ длинный рядъ крестьянскихъ именъ и фамилій изъ извѣстной деревни, авторъ заявленія оканчивалъ его фразой: „въ чемъ мы и подписуимси“, предполагая конечно, что о содержаніи заявленія нѣтъ надобности распространяться, такъ какъ оно и безъ того должно быть извѣстно „амурскому подрядчику“. И набралось всѣхъ такихъ заявленій—23. Тѣ изъ крестьянъ, которые записывались лично у Кренделева, давали ему кто гривну, кто пятачокъ за то, что онъ записывалъ ихъ, а нѣкоторые обѣщали ему по рублю, когда они, передъ отправкой на Амуръ, получатъ задатки. Всѣ эти гривны и пятачки не были вынуждены Кренделевымъ, а были продуктомъ вѣкового обычая расположить въ свою пользу нужнаго человѣка, или поблагодарить его за сдѣланное удовольствіе.

Движеніе на Амуръ до того охватило все населеніе данной мѣстности, что деревенскія власти—старшины, сельскіе старосты, писаря волостные, не только не удерживали движенія, а наоборотъ, поощряли его: допускали сходы, охотно выдавали желающимъ записаться у Кренделева удостовѣренія о ихъ личности, прикладывали къ нимъ печати, прибавляя въ нѣкоторыхъ удостовѣреніяхъ, что поименованные въ нихъ крестьяне уволены разыскивать себѣ работы гдѣ имъ „удобно“ (угодно), могутъ брать задатки подъ выдаваемыя удостовѣренія и что „никакого препятствія за ними не имѣется“. На основаніи этихъ удостовѣреній, Кренделеву выданъ былъ одинъ общій приговоръ отъ крестьянъ крапивенской, сбповской, плохинской и куынской волостей, которымъ Кренделевъ уполномочивался обратиться къ калужскому губернатору съ ходатайствомъ о томъ, чтобы онъ помогъ крестьянамъ получить работы на строящейся въ Амурской землѣ Сибирской желѣзной дорогѣ, такъ какъ на мѣстѣ нѣтъ никакихъ заработковъ. Поощряя тягу крестьянъ на Амуръ, деревенскія власти соображали, между прочимъ, при этомъ, что они такимъ образомъ избавятся отъ сидѣнья въ полицейской кутузкѣ за крестьянскія недоимки, когда крестьяне получатъ задатки и расквитаются со всѣми своими денежными повинностями.

Заручившись крестьянскимъ приговоромъ, Кренделевъ отправился въ Калугу, представилъ его губернатору и подалъ ему прошеніе объ

удовлетвореніи ходатайства его довѣрителей о предоставленіи имъ заработковъ на Сибирской желѣзной дорогѣ. Такъ какъ въ отлучкѣ этой Кренделевъ пробылъ что-то долго и не давалъ никакихъ вѣстей о себѣ, то крестьяне нѣкоторыхъ деревень, не успѣвшіе записаться у него, обращались къ крапивенскому старшинѣ съ просьбой записать ихъ въ число желающихъ „опредѣлиться на Амуръ". Старшина и писарь объявляли имъ, что въ волости нѣтъ никакой „наёмки" на Амуръ и что напрасно они ходятъ въ волость.—„А что жъ, мы такъ себѣ пришли,—отвѣчали крестьяне.—Придется наняться—приходись, а не придется—обижаться не будемъ. Мы вѣдь по доброй волѣ въ волость пришли".—Нѣкоторые же изъ записавшихся лично у Кренделева, не дождавшись вѣстей отъ него и имѣя въ виду отойти въ заработки въ другое мѣсто куда-нибудь, обращались въ нѣкоторыя волостныя правленія съ просьбой выдать имъ письменные виды на отлучку; но волостныя правленія, зная, что просители записались уже у Кренделева, и предполагая, что онъ набираетъ народъ по распоряженію начальства, не рѣшались отпускать народъ на сторону и рекомендовали просителямъ ожидать своего рѣшенія отъ Кренделева.— „А то какъ бы изъ-за васъ чего не было намъ", говорили имъ старшины.—А нѣкоторые изъ записавшихся и сами не рѣшались воспользоваться случаемъ отойти на сторону, боясь прогулять мѣсто на Амурѣ по возвращеніи Кренделева.

Вся эта исторія — горькій продуктъ тѣсноты и темноты деревенской, разрѣшилась тѣмъ, что мѣстный урядникъ,—неизвѣстно, по собственной ли инниціативѣ, или по чьему-нибудь предписанію, составилъ дознаніе о дѣйствіяхъ Кренделева и представилъ дознаніе становому приставу, а становой 13-го декабря 1892 г. (за № 1397) препроводилъ къ земскому начальнику, находя въ дѣйствіяхъ Кренделева обманъ изъ корыстныхъ видовъ, а въ выдачѣ волостнымъ правленіемъ и сельскими старостами удостовѣреній—противозаконные поступки, клонящіеся къ ущербу интересовъ крестьянъ, отвлекаемыхъ отъ дѣйствительныхъ подрядовъ и заработковъ. Пересылая дознаніе къ земскому начальнику, становой приставъ приписалъ, что обманъ Кренделева принялъ широкій размѣръ: къ нему массой идетъ народъ даже изъ сосѣднихъ уѣздовъ. При производствѣ дознанія, урядникъ сдѣлалъ обыскъ у Кренделева и отобралъ всѣ письменныя заявленія ему крестьянъ, всѣ списки ихъ и, между прочимъ, черновой проектъ телеграммы Кренделева къ калужскому губернатору такого содержанія: „Калугу Его Присходительству Господину Губернатору Имею честь просить крестьянинъ деревни Веснинъ Крапивенской волости Днитрия Курилина прошу извесьтите насчетъ Омурскаго прошения А то мине становой приставъ сурядникомъ затоскали кдопросамъ". Проектъ

телеграммы писанъ не самимъ Кренделевымъ, а болѣе свободнымъ, хотя тоже крестьянскимъ, почеркомъ. Самъ же Кренделевъ пишетъ аршинными буквами и церковнымъ полууставомъ. Въ его бумагахъ оказалась другая записка его руки, писанная карандашомъ на лоскуткѣ бумаги, слѣдующаго содержанія: „первое документы отсносителя. вторые отсветыхъ опостоловъ отево императорскова. величество. третіе отправительства. читвертые стар. тимоѳеи возулявъ гурупковъ". Четвертыхъ документовъ Кренделевъ не записалъ, а записалъ очевидно названіе деревни, имя и фамилію какого-нибудь выбившагося изъ силъ крестьянина, труженика, загнаннаго къ нему нуждой и рѣшившагося разстаться съ родиной и отправиться на далекій, незнакомый ему, Амуръ, лишь бы заработать пропитаніе себѣ и своей семьѣ.

Почти одновременно съ полученіемъ отъ станового пристава дознанія о Кренделевѣ, земскій начальникъ получилъ бумагу отъ калужскаго губернатора (отъ 7 декабря за № 4035), въ которой онъ, сообщая о ходатайствѣ Кренделева, „счелъ необходимымъ" обратить вниманіе земскаго начальника, „для надлежащихъ распоряженій съ его стороны", какъ на незаконность общаго схода крестьянъ по разнымъ волостямъ, такъ и на неосновательность непосредственнаго представленія ходатайства Кренделева губернскому начальству помимо мѣстнаго земскаго начальника".

Обсуждая эту исторію, земскій начальникъ нашелъ, что крапивенскіе старшина и писарь, вмѣсто того, чтобы предотвратить „вредную" дѣятельность Кренделева, вводящую въ заблужденіе мѣстное населеніе, явно способствовали ему въ томъ, допустивъ засвидѣтельствованіе приговора въ волостномъ правленіи. „Незаконными" земскій начальникъ нашелъ дѣйствія и сельскихъ старостъ селъ Крапивны, Веснинъ четырехъ обществъ, Сопова двухъ обществъ и деревень Чухловой, Мелиховой и Шваковой, всего десяти человѣкъ, поощрявшихъ „незаконныя" дѣйствія Кренделева допущеніемъ „незаконнаго" приговора объ уполномочіи его на ходатайство о поступленіи на казенныя работы. Напрасно крапивенскій старшина Хоревъ, внукъ извѣстнаго тургеневскаго Хоря (въ „Запискахъ Охотника"), оправдывался тѣмъ, что въ дѣйствіяхъ Кренделева онъ не усматривалъ ничего „вредительнаго и никакихъ клягузовъ", что „все настроеніе дѣла носило характеръ частной просьбы", что крестьяне „просили его, старшину, написать имъ частный и не имѣющій никакого оффиціальнаго документа просительный приговоръ объ уполномочіи Кренделева обратиться куда слѣдуетъ за пріисканіемъ гдѣ-нибудь работы по неимѣнію мѣстныхъ заработковъ", — земскій начальникъ, на основаніи одного лишь дознанія урядника, въ виду 62 ст. Полож. о зем. нач., приговорилъ старшину Хорева къ аресту при полиціи на пять дней,

писаря—къ оштрафованію на 5 руб., а изъ старостъ—нѣкоторыхъ къ аресту при волостныхъ правленіяхъ, иныхъ на семь дней, а иныхъ на пять дней; нѣкоторыхъ-же къ оштрафованію деньгами, кого по 5 руб., а иныхъ по 3 руб. Чѣмъ опредѣлялась такая разница въ продолжительности ареста и въ суммѣ штрафа,—изъ документовъ не видно. Затѣмъ, въ дѣйствіяхъ Кренделева земскій начальникъ усмотрѣлъ признаки проступка, предусмотрѣннаго 2 п. 174 ст. Уст. о нак. и, по 17 ст. Времен. прав. о вол. суд., подсуднаго волостному суду, и передалъ дѣйствія Кренделева на обсужденіе крапивенскаго волостного суда. Кромѣ того, „о разоблаченіи передъ крестьянами вредныхъ дѣйствій" Кренделева земскій начальникъ сообщилъ во всѣ волостныя правленія своего участка.

На волостномъ судѣ,—состоявшемся почему-то только 29 іюня 1894 г., хотя земскій начальникъ передалъ дѣло въ судъ еще 8 января 1893 г.,—Кренделевъ разсказалъ, что работалъ онъ лѣтомъ въ 1892 г. на шоссе въ серпуховскомъ уѣздѣ, отъ московской губернской земской управы, и косилъ по мужикамъ сѣно въ томъ же уѣздѣ. Въ Москвѣ, отъ какихъ-то, неизвѣстныхъ ему, служащихъ въ губернской земской управѣ онъ слышалъ, что на Амуръ, для устройства желѣзной дороги, требуются плотники и землекопы изъ калужской и смоленской губерній, что сосѣди этихъ служащихъ уже работаютъ на Амурѣ и получаютъ по 70 и по 50 руб. въ мѣсяцъ. Кренделевъ сказалъ, что и у нихъ найдется много народу на эту работу, и просилъ научить его, какъ поступить, чтобы опредѣлиться на Амуръ.—„А иди домой,—отвѣтили ему,—скажи своимъ, составьте приговоръ и подайте просьбу своему губернатору. А ужъ онъ распорядится—найдетъ вамъ работу".—Вернувшись къ Димитріевой субботѣ домой, Кренделевъ, по его словамъ, сдѣлалъ „оголоску" по всѣмъ обществамъ „приближенныхъ" и дальнихъ селеній, и крестьяне на волостныхъ сходахъ написали ему приговоры, которыми уполномочивали его похлопотать за міръ православный, чтобы губернаторъ опредѣлилъ народъ на Амуръ на казенную работу, потому что дома работъ никакихъ нѣтъ, а пить, ѣсть и „пдани" платить надо, а взяться не за что. Всѣхъ такихъ желающихъ опредѣлиться на Амуръ нашлось дѣйствительно до тысячи человѣкъ. При этомъ онъ, Кренделевъ, не вымогалъ съ нихъ денегъ за записку и не обязывалъ платить ему по рублю по полученіи задатковъ, а нѣкоторые изъ такихъ сами „вызывались" заплатить ему, какъ подрядчику, по рублю, по существующему мѣстному „обряду". Несмотря однако на эти объясненія, волостной судъ призналъ Кренделева виновнымъ по 2 п. 174 ст. Уст. о наказ. и, на основаніи 38 ст. Уст. о вол. судахъ, приговорилъ наказать Кренделева розгами „на 20 ударовъ" и, препровождая зем-

скому начальнику копію своего приговора, просилъ утвердить его, такъ какъ, на основаніи циркулярнаго предписанія калужскаго губернатора отъ 18 марта 1894 г. за № 1839 (содержаніе этого циркуляра намъ неизвѣстно), Кренделевъ желаетъ отбыть наказаніе до истеченія 30-ти-дневнаго срока. Земскому начальнику Кренделевъ заявилъ, что онъ *доволенъ* приговоромъ волостного суда и *покорнѣйше проситъ* привести его въ исполненіе, не выжидая срока на вступленіе приговора въ законную силу, и сдѣлать распоряженіе о выдачѣ паспорта. Покорнѣйшая просьба Кренделева о томъ, чтобы его поскорѣй отстегали и отпустили душу на покаяніе, была „принята во вниманіе": ему вкатили двадцать розогъ и выдали паспортъ на всѣ четыре стороны скрыться отъ сдѣланнаго ему позора и искать себѣ пропитанія.

Такъ траги-комически разрѣшилась несомнѣнно искренняя доброжелательная попытка злосчастнаго Кренделева помочь своимъ братьямъ по плоти и по ярму, хотя на-время, облегчить непосильную, задавившую ихъ, тяжесть этого ярма.

Мы увѣрены, что волостной судъ, какъ судъ представителей народной жизни, глубоко и всесторонне знакомый съ ея смысломъ и психологической стороной, вовсе не смотрѣлъ на Кренделева какъ на грубаго эксплуататора крестьянскаго легковѣрія, задавшагося цѣлью обобрать съ народа трудовыя его гривны и пятаки. Такъ же, какъ и волостной старшина, тоже представитель народной жизни и тоже человѣкъ непосредственный, не опутавшій своего міровоззрѣнія, какъ паутиной, чуждыми, искусственными взглядами на народную жизнь, волостной судъ несомнѣнно смотрѣлъ на эти добровольныя крестьянскія приношенія Кренделеву какъ на продукъ вѣками сложившагося „обряда", а вовсе не какъ на цѣль его дѣятельности. Несомнѣнно также, что волостной судъ, такъ же какъ и старшина, не видѣлъ ничего неправдоподобнаго въ разсказѣ Кренделева о томъ, что, предпринявъ постройку Сибирской желѣзной дороги, правительство ищетъ для нея рабочій народъ и, въ виду отдаленности пребыванія его отъ мѣста работъ, желаетъ привлечь и заинтересовать рабочихъ высокой платой и другими льготными предложеніями. Несомнѣнно и то, что въ дѣятельности Кренделева по приглашенію народа на эту работу волостной судъ видѣлъ не „вредную кляузу", а напротивъ, дѣло доброе, дѣло Божіе, такъ какъ задачей его было дать народу честный заработокъ и „отльгу" его наболѣвшей душѣ, а въ самомъ Кренделевѣ видѣлъ „посланца" Божія, посланнаго спасти народъ православный отъ отяготѣвшей надъ нимъ экономической „тѣсноты" и нужды. Мы увѣрены, что такъ именно, а не иначе, смотрѣлъ и Кренделевъ на себя и на свою миссію. Что онъ именно такъ смотрѣлъ на свое

дѣло, это доказывается найденной у него урядникомъ собственноручной запиской, несомнѣнно относящейся къ данному дѣлу, гдѣ онъ говоритъ, что для успѣха этого дѣла, какъ полезнаго для народа, нужны документы, первые отъ Спасителя, вторые отъ святыхъ апостоловъ и отъ Государи, третьи отъ правительства. Эта записка Кренделева ясно показываетъ въ немъ человѣка религіознаго, мистика, предпринимающаго свое дѣло съ надеждой на высшую помощь, и уже въ силу одного этого нравственно неспособнаго на обманъ, и притомъ направленный на своего же брата по труду и по матерьяльной нуждѣ. Кромѣ того, записка эта свидѣтельствуетъ о Кренделевѣ какъ о человѣкѣ, вполнѣ нормальномъ со стороны гражданской добропорядочности... Помимо всего этого, волостной судъ несомнѣнно принималъ въ соображеніе еще и то вѣское обстоятельство, что если бы Кренделевъ дѣлалъ дѣло обманное, онъ никакимъ образомъ не „насмѣлился" бы отъявиться съ нимъ къ самому губернатору и явно подвергать себя отвѣтственности за свой обманъ. Въ независимомъ, свободномъ отъ всякихъ постороннихъ воздѣйствій, положеніи присяжныхъ засѣдателей, призванныхъ безъ страха, по разуму и по совѣсти, сдѣлать оцѣнку дѣятельности Кренделева и внутреннихъ его побужденій, тотъ же самый составъ волостного суда, мы увѣрены, нисколько не задумываясь, принялъ бы въ расчетъ всѣ указанные фактическія, бытовыя и психологическія соображенія и, конечно, отвергъ бы съ неудовольствіемъ предъявленное къ Кренделеву грубое, легкомысленное обвиненіе въ обманѣ. Но... своя рубашка къ тѣлу ближе, и волостной судъ поберегъ ее въ данномъ дѣлѣ, какъ онъ, къ сожалѣнію, бережетъ ее и во многихъ другихъ случаяхъ, благодаря вмѣшательству въ его судейскую жизнь чуждаго ему чиновничьяго элемента въ лицѣ земскихъ начальниковъ съ ихъ высиженными въ канцеляріяхъ и надерганными изъ разныхъ статеекъ взглядами, притомъ нерѣдко тенденціозными, вовсе не подходящими къ живой, исторически сложившейся, жизни крестьянской.

II.

Хлѣбный бунтъ.

Извѣстно, какія громадныя затраты сдѣлало наше правительство въ 1891 г. на воспособленіе сельскому населенію, пораженному неурожаемъ озимаго хлѣба. Затраты эти, несомнѣнно, не были бы такъ

огромны, если бы власти, стоящія близко къ народу, болѣе заботливо относились къ важному дѣлу своевременнаго и аккуратнаго пополненія сельскихъ запасныхъ магазиновъ, которые въ бѣдственныя годины неурожаевъ служатъ для крестьянъ крупнымъ продовольственнымъ подспорьемъ. Между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ дѣло съ этими магазинами обстоитъ такъ, что иногда съ разрѣшенія мѣстной земской управы, а иногда даже и безъ ея вѣдома, будучи разобраны до послѣдняго зерна, они цѣлыми годами стоятъ совершенно пустые, и никто не заботится о засыпкѣ ихъ, такъ что когда деревню поражаетъ неурожай, онъ застигаетъ ее врасплохъ.

Такъ это было въ нѣкоторыхъ волостяхъ тотемскаго уѣзда, вологодской губерніи, и въ погорѣловской и бирюковской волостяхъ. Весь хлѣбъ въ погорѣловской волости разобранъ былъ еще въ 1884 году, и всѣ послѣдующіе годы волостной писарь, конечно, съ вѣдома старшины, хотя доставлялъ въ уѣздную управу вѣдомости о существованіи въ магазинахъ нормальнаго количества хлѣба, но когда 28-го января 1887 года магазины были освидѣтельствованы членомъ земской управы, въ нихъ не было ни зерна! Между тѣмъ, недоимка за крестьянами числилась страшная! И никто не проявилъ ни малѣйшей заботы пополнить ее.

Озабочиваясь упраздненіемъ содержанія запасныхъ магазиновъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, 1 августа 1891 г. за № $\frac{5454}{5532}$, разослалъ губернаторамъ циркуляръ, приглашающій ихъ принять настоятельныя мѣры къ возмѣщенію магазинныхъ недоимокъ и къ предупрежденію продажи крестьянами излишковъ озимаго хлѣба. Вмѣстѣ съ тѣмъ циркуляръ обращалъ вниманіе губернаторовъ на выдачу продовольственныхъ ссудъ и яровымъ хлѣбомъ, причемъ выдача ихъ должна быть обусловлена непремѣннымъ взносомъ этого хлѣба въ магазины на пополненіе недоимокъ не только ярового, но и озимаго хлѣба.

Вслѣдствіе этого циркуляра, вологодскій губернаторъ г. Кормилицынъ, 10 того же августа за № 180, разослалъ земскимъ начальникамъ тоже циркуляръ, обязывающій ихъ безотлагательно озаботиться принятіемъ мѣръ къ приведенію магазиновъ въ то состояніе, въ которомъ должны быть они по закону (ст. 10 Уст. объ обезпеч. народн. продовол.). Въ числѣ мотивовъ спѣшнаго пополненія магазиновъ циркуляръ губернатора указывалъ на то, что урожай ржи въ средней части Россіи, требующій громадныхъ закупокъ ея на обсѣмененіе полей и на продовольствіе и вызвавшій на мѣстахъ покупокъ возвышеніе цѣнъ на рожь, а также благопріятныя условія урожая ржи въ вологодской губерніи, обратившія на себя вниманіе скупщиковъ,

порождая возвышеніе цѣнъ на нее, вызываютъ стремленіе къ продажѣ хлѣба и могутъ увлечь нерадивыхъ къ продажѣ даже послѣдняго, въ ущербъ удовлетворенія даже насущныхъ потребностей и обсѣмененія полей. А такъ какъ урожаемъ главнымъ образомъ обезпечивается исправное поступленіе хлѣбныхъ запасовъ, то, въ виду осеннихъ праздниковъ, соединенныхъ съ расточительностью и пьянствомъ, отзывающихся всей тяжестью на лучшей части населенія, давно ищущей исхода изъ такого ненормальнаго положенія, необходимо, чтобы земскіе начальники безотлагательно оказали воздѣйствіе какъ на сходы, такъ и на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ къ принятію ими своевременно мѣръ къ обезпеченію и пополненію магазиновъ, а также къ исправному поступленію податей и повинностей. Указавъ на то, что все это дѣло, какъ составляющее основу хозяйственнаго благоустройства и нравственнаго преуспѣянія крестьянъ, возложено, на основаніи 39 ст. Положенія 12 іюня 1889 г., на попеченіе земскихъ начальниковъ, циркуляръ выражалъ увѣренность, что они, принимая близко къ своему сердцу интересы ввѣреннаго ихъ попеченію населенія, отзовутся на это обращеніе къ нимъ губернатора съ полною энергіею и съ особымъ усердіемъ, внесутъ свой трудъ въ столь важное дѣло и явятъ себя на первыхъ же порахъ дѣйствительными органами власти и попечителями народа.

Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ, 13 того же августа за № 246, предписалъ уѣзднымъ исправникамъ, по снятіи крестьянами хлѣбовъ новаго урожая, неупустительно приступить ко взысканію съ крестьянъ хлѣбныхъ ссудъ и недоимокъ, принявъ къ тому самыя энергическія изъ установленныхъ закономъ мѣры, и имѣть неослабное наблюденіе, чтобы хлѣбные запасы къ концу отчетнаго года были доведены до нормы, опредѣленной 10 ст. Уст. объ обезпеч. народн. продовол., и объ успѣхахъ поступленія хлѣба въ магазины доставлять ежемѣсячно подробныя вѣдомости.

Исполняя циркуляръ губернатора, земскій начальникъ тотемскаго уѣзда г. Славоницкій къ засыпкѣ хлѣба по бирюковской и погорѣловской волостямъ приступилъ 8 сентября, и, въ виду степени урожая, оказалось возможнымъ засыпать лишь обычную годовую пропорцію—по одному четверику ржи и по полчетверти овса съ души; дальнѣйшій же сборъ хлѣба представился невозможнымъ. Но вскорѣ послѣ того черезъ Тотьму проѣзжалъ губернаторъ и, признавъ сдѣланный сборъ недостаточнымъ, приказалъ г. Славоницкому продолжать сборъ на пополненіе недоимки прежнихъ лѣтъ. А количество ея не было извѣстно и самому волостному правленію вслѣдствіе растраты хлѣба изъ магазиновъ въ прежніе годы. Тѣмъ не менѣе, подчиняясь предложенію губернатора, г. Славоницкій предъявилъ бирюковской

волости вторичное требованіе,—и оно было исполнено безпрекословно. Когда же онъ предъявилъ той же волости третье требованіе, онъ встрѣтилъ затрудненіе, и обратился къ исправнику за содѣйствіемъ. Затрудненіе это г. Славоницкій объяснилъ тѣмъ, что, не засыпая хлѣба въ магазины въ послѣдніе годы, крестьяне уже отвыкли отъ засыпки. Кромѣ того, пользуясь стоявшей тогда высокой цѣной на хлѣбъ, они имѣли въ виду продать его въ свою пользу. Безпрекословно же были исполнены два требованія о засыпкѣ крестьянами и погорѣловской волости. Третьяго же требованія г. Славоницкій не предъявлялъ имъ въ виду того, что льны у нихъ, составляющіе въ ихъ хозяйствѣ значительное подспорье, пропали подъ снѣгомъ. Кромѣ того, зная недостаточность у громаднаго большинства остающагося на собственное продовольствіе хлѣба, г. Славоницкій находилъ тяжелымъ для крестьянъ дѣлать третій сборъ хлѣба съ нихъ. Поэтому онъ и не относился къ исправнику за содѣйствіемъ по сбору хлѣба собственно погорѣловской волости. Тѣмъ не менѣе исправникъ Радовицкій, уже по личному своему почину, памятуя предписаніе губернатора—къ концу отчетнаго года довести запасные магазины до нормы, распорядился стянуть къ 19-му числу ноября (1891 г.) въ „неспокойныя волости", какъ оффиціально онъ называлъ волости бирюковскую и погорѣловскую, всѣхъ урядниковъ со всего уѣзда и, кромѣ того, послалъ изъ г. Тотьмы трехъ полицейскихъ служителей, разсчитывая этимъ средствомъ, какъ онъ опять писалъ оффиціально потомъ, „навести панику" на народъ и „заставить" его исполнить требованіе земскихъ начальниковъ; а волостному старшинѣ приказалъ, при содѣйствіи урядниковъ и присланныхъ изъ Тотьмы полицейскихъ солдатъ, производить сборъ хлѣба съ крестьянъ во всѣхъ деревняхъ погорѣловской волости. Къ тому же 19 ноября исправникъ обѣщалъ и самъ пріѣхать въ бирюковскую и погорѣловскую волости.

Какъ только крестьяне погорѣловской волости увидѣли 18 ноября, что урядникъ съ тремя полицейскими солдатами пріѣхалъ въ волостное правленіе, и какъ только сдѣлалось извѣстно, что пріѣздъ ихъ относится къ распоряженію исправника о засыпкѣ хлѣба, отставной унтеръ-офицеръ изъ крестьянъ д. Ѳоминской, Петръ Григорьевъ Кузнецовъ, наиболѣе другихъ своихъ однодеревенцевъ зажиточный и болѣе вліятельный, послалъ за мѣстными десятскими Николаемъ Линьковымъ и Иваномъ Талашевымъ и велѣлъ имъ „околачивать" [1]) деревню на сходку въ избу къ Василью Линькову. Крестьяне одинъ по одному начали собираться. Иные, которые побѣднѣе,

[1]) Мѣстное выраженіе, означающее колотить, стучать съ улицы посохомъ, какъ символомъ власти, въ окна домохозяевъ и созывать ихъ на сходку.

какъ послѣ они говорили на слѣдствіи, можетъ быть, и не пошли бы на эту сходку, но, находясь въ матеріальной зависимости отъ деревенскихъ „державцевъ", не смѣли ослушаться ихъ. Изъ зажиточныхъ и вліятельныхъ ѳоминскихъ крестьянъ явились на сходку Илларіонъ Дмитріевъ Сѣрковъ, старикъ лѣтъ 60 слишкомъ, бывшій волостнымъ судьей и не разъ избиравшійся въ присяжные засѣдатели, отставной унтеръ-офицеръ съ двумя нашивками за искусную стрѣльбу и безпорочную службу, Арсеній Ивановъ Зуевъ, тоже старикъ лѣтъ подъ 60. На сходку пришелъ изъ сосѣдней деревни Горбенцевой, находящейся отъ д. Ѳоминской въ разстояніи всего саженей ста, Иванъ Ивановъ Прокошевъ, мужчина лѣтъ сорока, человѣкъ тоже зажиточный, бывшій одно трехлѣтіе земскимъ гласнымъ.

Когда сходка оказалась въ сборѣ, Кузнецовъ, Сѣрковъ, Зуевъ и Прокошевъ усѣлись въ „святомъ" (переднемъ) углѣ за столомъ, а другіе, помаломощнѣй, размѣстились въ почтительномъ отдаленіи отъ нихъ на лавкѣ, на каникѣ, около печки; большинство же, кому негдѣ было присѣсть, осталось на ногахъ.

Засѣданіе открылъ Петръ Кузнецовъ сообщеніемъ о распоряженіи исправника относительно третьяго сбора хлѣба для засыпки въ запасный магазинъ, и поставилъ на обсужденіе вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ исполнять это распоряженіе?—При обсужденіи этого вопроса припомнили, что лѣтъ десять тому назадъ, когда „гамазéи" (магазины) были засыпаны хлѣбомъ, часть его была увезена въ голодную волость, а часть разворована по упущенію волостнаго начальства. Изъ голодной волости хлѣбъ хотя и былъ возвращенъ, но обращенъ будто бы въ деньги, и волостные хотя и говорили, что деньги будто бы сохраняются въ банкѣ, но Богъ ее знаетъ, сохраняются ли онѣ въ банкѣ; а можетъ быть, растасканы по карманамъ. Такъ что выходило, если подчиниться теперь исправнику и засыпать хлѣбъ, то все равно его потомъ не увидишь. А между тѣмъ, Господь пожаловалъ цѣны на хлѣбъ хорошія и спросъ въ него подоспѣлъ горячій. Поэтому было бы безразсудно не воспользоваться случаемъ обратить хлѣбъ въ деньги, потому деньги не отниметъ ужъ никакое начальство. Бѣдняки, съ своей стороны, указывали на то, что имъ и засыпа̂ть стало ужъ нечего, что если и осталось хлѣба какая малость, то онъ нуженъ на пропитаніе, да и того хватитъ ненадолго, а съ Рождества придется ужъ покупать. Кромѣ того, онъ нуженъ на подати. Льны пропали подъ снѣгомъ; продать на подати нечего; придется, стало-быть, для взноса ихъ продавать хлѣбъ. При обсужденіи даннаго вопроса коснулись и ближайшаго начальства въ томъ смыслѣ, что оно все прежнее время спало и не заглядывало въ магазины, а теперь, какъ стукнули по затылку само его, оно хватилось сразу „выдирать" весь хлѣбъ съ мужика.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ „державцы" рѣшили—не давать больше хлѣба, тѣмъ болѣе, что и безъ того достаточно уже засыпано его въ магазины. Рѣшено также не выдавать другъ друга, если дойдетъ до чего дѣло, а всѣмъ, какъ одному человѣку, говорить начальству, что нѣтъ больше хлѣба. А если кто выищется такой, который подчинится требованію начальства, того рѣшено штрафовать на три рубля. Такъ какъ дѣло касается всей волости, то условились собрать ее всю на завтрашнее утро въ волостное правленіе и предложить ей обсудить всѣмъ міромъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ давать хлѣбъ въ третій разъ, и какъ рѣшитъ міръ православный, та́къ тому дѣлу и быть.

На сходкѣ въ числѣ немногихъ грамотныхъ домохозяевъ присутствовали Арсеній Зуевъ и Егоръ Ворбпановъ. Руководившій засѣданіемъ Петръ Кузнецовъ предложилъ Зуеву написать приказъ по всѣмъ деревнямъ волости съ приглашеніемъ въ волостное правленіе, но Зуевъ уклонился писать приказъ.—„Не захватилъ съ собою очки",—сказалъ онъ. Кузнецовъ понялъ его отказъ такъ, что Зуевъ, по своей зажиточности и по своему вліятельному положенію въ обществѣ, счелъ унизительнымъ для себя исполнять писарскія обязанности, да на всякій случай и себя бережетъ.—„Ну, ты, Егорка, пиши",—сказалъ Кузнецовъ Воропанову.—Егоръ Воропановъ—парень совсѣмъ молодой, всего 24-хъ лѣтъ, и притомъ бѣдный; земли у него только на одну душу; хлѣба у него никогда не хватаетъ, и онъ его покупаетъ, а ремесла никакого не знаетъ и живетъ только крестьянствомъ. По его лѣтамъ ему давно надо бы жениться, а ему „взяться нечѣмъ—не на что свадьбу сыграть".—И онъ безотговорочно исполнилъ приказаніе стараго и богатаго Петра Кузнецова. Приказы хотя не имѣли никакой подписи, но написаны были въ такомъ тонѣ, какъ-будто исходили отъ старшины. Написано ихъ было три экземпляра, и сейчасъ же они розданы были мѣстнымъ десятскимъ для разсылки по сосѣднимъ деревнямъ, чтобы тамошніе десятскіе разнесли приказы дальше по деревнямъ. Ѳоминскимъ десятскимъ, при врученіи имъ приказовъ, велѣно было объявить сосѣднимъ десятскимъ, что дѣло идетъ насчетъ засыпки хлѣба въ запасные магазины и что ѳоминскіе уже порѣшили не давать больше хлѣба.

Для большей быстроты исполненія приказовъ десятскими сосѣднихъ деревень, къ приказамъ, по существующему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычаю, прилѣплено было воскомъ по куриному перу.—„Лети молъ съ этой бумагой какъ это перо".

Когда сходка дотолковалась до рѣшенія не давать хлѣба и когда приказы не были еще разосланы, Иванъ Прокошевъ, изъ д. Горбенцовой, сказалъ ѳоминскимъ крестьянамъ, что ихъ деревня уже „хо-

дила къ Богу", и совѣтовалъ то же сдѣлать и имъ. Это значило, что въ д. Горбенцовой крестьяне цѣловали уже икону въ знакъ клятвы что не дадутъ хлѣба и не будутъ выдавать другъ-друга. Тогда Кузнецовъ сказалъ Егору Воропанову: „Егоркъ, тащи со стѣны святьё и клади на столъ!..." Воропановъ снялъ съ святого угла икону и положилъ на столъ. Петръ Кузнецовъ первый перекрестился и поцѣловалъ ее, а потомъ пошелъ по избѣ, бралъ мужиковъ за рукавъ, подводилъ къ иконѣ и заставлялъ цѣловать ее. Нѣкоторые, явившіеся на сходъ вначалѣ, дѣлали это сознательно, а тѣ, которые подошли послѣ и не застали рѣшенія схода, и сами не знали, почему народъ цѣлуетъ икону, и цѣловали ее только потому, что видѣли, какъ другіе ее цѣловали,—думая про себя: „съ чего жъ и не поцѣловать ее? Вѣдь она не укуситъ..."

Погорѣловскій волостной старшина Селивановъ не мало былъ изумленъ, когда утромъ 19 ноября, подходя къ волостному правленію и въ самомъ волостномъ правленіи нашелъ человѣкъ шестьсотъ со всѣхъ деревень своей волости, тогда какъ онъ не дѣлалъ никакого распоряженія о сборѣ волостного схода. Въ волостномъ правленіи старшина засталъ урядника Иванова и трехъ полицейскихъ солдатъ изъ Тотьмы. Урядникъ спросилъ у крестьянъ: зачѣмъ собрались они въ такомъ количествѣ? Они отвѣтили, что собрались они для того, чтобы составить приговоръ о томъ, что они больше не въ состояніи вносить хлѣбъ въ общественный магазинъ, такъ какъ они внесли уже часть недоимки и часть оклада. Урядникъ сталъ было разъяснять крестьянамъ, что сборъ хлѣба назначенъ по распоряженію исправника, а исправникъ распорядился по предписанію губернатора, что для содѣйствія старшинѣ въ сборѣ хлѣба исправникъ прислалъ ихъ, урядниковъ, и полицейскихъ солдатъ... „Нѣтъ у насъ больше хлѣба для магазина!" сказали крестьяне рѣшительно. А нѣкоторые прибавили: „Это вы сами выдумали собирать хлѣбъ."—Урядникъ сказалъ было писарю прочесть бумаги земскаго начальника, относящіяся къ этому предмету, но крестьяне закричали: „Читай не читай, а сбора хлѣба больше не будетъ! Куда вы въ деревню, туда и мы. А мы не разойдемся, пока вы не уѣдете изъ нашей волости".—Когда затѣмъ урядникъ, желая узнать, кто изъ полицейскихъ десятскихъ разсылалъ приказъ о сборѣ схода, вызвалъ было ихъ впередъ, чтобы спросить ихъ объ этомъ, крестьяне закричали имъ: „Ребята, ступайте назадъ къ намъ".—А уряднику сказали: „А ты уносись изъ конторы! Контора—наша! Вотъ еще пріѣхалъ хозяйничать тутъ!"—А одинъ изъ толпы подступилъ къ уряднику, схватилъ его за́-воротъ и хотѣлъ втолкнуть въ массу, но одинъ изъ полицейскихъ солдатъ отдернулъ урядника отъ толпы. При этомъ нѣкоторые ругали урядника, полицейскихъ солдатъ и стар-

шину. Старшину ругали за то, зачѣмъ онъ не извѣстилъ крестьянъ о прибытіи полиціи.—„Ты, говорили, молчкомъ напустилъ ее на насъ. Ты за одно съ ней.“

Потомъ крестьяне велѣли волостному писарю написать приговоръ о томъ, что они больше не могутъ засыпать хлѣбъ въ магазинъ. Когда писарь составилъ и прочиталъ приговоръ крестьянамъ, онъ не понравился имъ, потому что въ него введено было обязательство внести весь хлѣбъ въ будущій урожай, и они приговоръ разорвали. Писарь написалъ имъ приговоръ о томъ, что, за взносомъ недоимки и оклада хлѣба въ магазинъ, они больше не въ силахъ продолжать засыпку, и постановили представить приговоръ губернатору. Изъ разговоровъ Илларіона Сѣркова и Петра Кузнецова объ этомъ съ крестьянами обнаружилось, что мысль о составленіи такого приговора принадлежитъ имъ, и они же уговаривали къ тому и крестьянъ. Когда приговоръ былъ подписанъ ими, Кузнецовъ приказалъ писарю, съ согласія крестьянъ, написать другой приговоръ о томъ, чтобы не давать приходскимъ священникамъ ни хлѣбныхъ, ни денежныхъ сборовъ за то, что они выдали земскому начальнику г. Славоницкому имена и фамиліи зажиточныхъ крестьянъ, съ которыхъ можно потребовать засыпки въ магазинъ хлѣба.

Когда оба приговора были подписаны, нужно было приложить къ нимъ печать старосты. Староста сказалъ, что онъ не взялъ ее съ собою, но что онъ послалъ за нею въ деревню. Крестьяне не повѣрили ему, думая, что онъ не хочетъ приложить печать къ приговорамъ, и кричали, что она у старосты должна быть всегда при немъ. Отъ крестьянскаго крика староста изъ волостного правленія вышелъ на улицу. Крестьянамъ надоѣло ждать, и подъ вліяніемъ мысли, что староста нарочно медлитъ по стачкѣ съ начальствомъ и что печать при немъ,—когда онъ мимо толпы съ улицы возвращался въ правленіе, нѣкоторые начали его поталкивать, а потомъ трепать, и потрепали до синяковъ и царапинъ. Побитый, со всклоkоченными волосами, староста побѣжалъ за печатью и мигомъ принесъ ее. Печать приложили къ обоимъ приговорамъ, засвидѣтельствовали ихъ, хотя въ книгу не вносили, и первый приговоръ о несостоятельности крестьянъ къ дальнѣйшей засыпкѣ хлѣба въ магазинъ въ тотъ же день сданъ былъ на почту для отсылки губернатору. Затѣмъ крестьяне начали расходиться по деревнямъ. Обо всемъ этомъ урядникъ составилъ протоколъ и отослалъ его къ исправнику, который, вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ, находился въ то время въ бирюковской волости для понужденія крестьянъ къ засыпкѣ хлѣба.

Крестьяне узнали, что урядникъ послалъ бумагу къ исправнику, и, сознавая исключительность своего дѣйствія, ожидали, что исправ-

никъ пріѣдетъ въ погорѣловскую волость. Ночью того же 19 ноября, вслѣдствіе протокола и донесенія урядника, онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ погорѣловское волостное правленіе, разспросилъ урядника, старшину, старостуо дѣйствіяхъ крестьянъ, о коноводахъ ихъ и уѣхалъ ночевать въ д. Ѳоминскую, въ становую квартиру, приказавъ старшинѣ явиться туда утромъ на другой день.

Когда утромъ на другой день старшина съ урядниками и полицейскими солдатами явился въ Ѳоминскую, на улицѣ были только свои, ѳоминскіе, крестьяне, изъ другихъ же деревень было мало; но вскорѣ потомъ началъ подходить народъ изъ другихъ деревень, и собралась толпа человѣкъ до семисотъ. Когда полицейскіе проходили мимо ея, кто-то изъ народа сказалъ имъ: „Только попробуйте что-нибудь сдѣлать у насъ: только ваши копытца забрякаютъ, какъ мы васъ проводимъ отсюда".—Впослѣдствіи исправникъ доносилъ губернатору, а потомъ на слѣдствіи свидѣтельствовалъ судебному слѣдователю, что крестьяне будто бы кричали въ этотъ моментъ, что они убьютъ всѣхъ полицейскихъ и перваго его, исправника, и ссылался на старшину какъ на свидѣтеля этой угрозы; но оказалось, что старшина не слыхалъ ничего подобнаго отъ крестьянъ.

Принявъ старшину и урядниковъ, исправникъ вышелъ къ толпѣ, вошелъ въ середину ея и спросилъ у крестьянъ: „Зачѣмъ собрались вы сюда изъ разныхъ деревень? Кто васъ звалъ?"—Сказалъ также, что онъ будетъ говорить теперь только съ ѳоминскими, а въ другія деревни пріѣдетъ самъ и тамъ будетъ говорить съ крестьянами. При появленіи исправника толпа сняла шапки, и все время, пока онъ говорилъ съ нею, стояла съ открытыми головами. Передніе крестьяне отвѣтили ему: „Мы слышали, что у насъ хотятъ отбирать послѣдній хлѣбъ. Правда ли это?" — Исправникъ сказалъ, что такого приказанія нѣтъ ни откуда и быть не можетъ.—„Требовали ли у васъ послѣдній хлѣбъ земскій начальникъ или волостное начальство?" спросилъ исправникъ. —„Нѣтъ, никто не требовалъ", отвѣчали крестьяне.—„Такъ откуда же вы знаете, что будутъ отбирать послѣдній хлѣбъ?"—„Да народъ говоритъ".—„Вотъ многіе изъ васъ живутъ на свѣтѣ по нѣскольку десятковъ лѣтъ. Слыхали ли вы, чтобы когда-нибудь, гдѣ-нибудь отбирали у крестьянъ послѣдніи хлѣбъ? Укажите мнѣ на такой случай".—Крестьяне отвѣтили, что ничего подобнаго они не слыхали.—„Такъ чего жъ вы волнуетесь? Чего вы собрались сюда? Не послѣдній хлѣбъ требуется засыпать въ магазинъ, а тотъ, который у кого останется отъ продовольствія. Требуетъ этого правительство, требуетъ для вашей же пользы, и этому требованію слѣдуетъ подчиниться."—Крестьяне возразили, что они всѣ бѣдны и излишняго хлѣба ни у кого нѣтъ.—„И прекрасно, сказалъ исправникъ. Я это провѣрю, составлю

актъ о томъ, что у васъ нѣтъ лишняго хлѣба,—и тогда и дѣло съ концомъ. Но вотъ у васъ есть богатый крестьянинъ Пестовъ. Онъ-то, конечно, въ состояніи всыпать хлѣбъ."—Нѣкоторые крестьяне сказали, что—да, этотъ всыплетъ, а нѣкоторые—что и Пестовъ не всыплетъ. А Пестовъ—это деревенскій лавочникъ. Исправникъ пошелъ къ его лавкѣ. Въ этотъ моментъ изъ лавки вышелъ молодой человѣкъ, племянникъ Пестова. Исправникъ спросилъ у него, дома ли дядя? Тотъ отвѣтилъ, что дядей ни одного дома нѣтъ.—„Когда пріѣдутъ, сказалъ исправникъ, передайте имъ мою просьбу, чтобы они засыпали въ общественный магазинъ съ пяти вашихъ душъ полную норму хлѣба?"—„Дяди ужъ слышали это и съ удовольствіемъ засыпать хлѣбъ," отвѣтилъ племянникъ.

Среди крестьянъ сдѣлалось затишье, и исправникъ одинъ вошелъ въ лавку Пестовыхъ. Но едва онъ вошелъ, какъ народъ закричалъ: „Не дадимъ Пестову засыпа́ть хлѣба! Не дадимъ засыпать!"—Нѣкоторые изъ крестьянъ обернулись въ сторону урядниковъ, полицейскихъ солдатъ, старшины, сельскихъ старостъ, стоявшихъ на галлерейкѣ возлѣ лавки Пестовыхъ, и кричали имъ: „А вы чего ждете? Уноситесь отъ насъ. Не будемъ засыпать хлѣба!"—А одинъ крестьянинъ крикнулъ про урядника Иванова: „А вотъ этого еще вчера надо было бы прорвать!"—А другой поднялся на галлерейку, толкнулъ Иванова, и тотъ полетѣлъ съ галлерейки въ толпу, но одинъ изъ полицейскихъ солдатъ схватилъ его за шинель, выдернулъ изъ толпы, и Ивановъ вскочилъ на галлерейку.—„Ура, ребятъ! Бей ихъ всѣхъ!" крикнулъ одинъ изъ толпы. Передніе подступили, было вплоть къ галлерейкѣ, но должны были отшатнуться, когда урядники и солдаты подняли револьверы. На шумъ выбѣжалъ изъ лавки исправникъ въ одномъ сюртукѣ и закричалъ на толпу: „Что вы дѣлаете, сумасшедшіе! Вѣдь вы за это жестоко поплатитесь! Расходитесь! Чего вы галдите?..."—„Самъ уносись; Чего ты прилѣзъ къ намъ? Кто тебя звалъ? Не будетъ тебѣ засыпки хлѣба! Погоди, вотъ мы засыплемъ тебѣ!" кричали въ толпѣ. И съ этими словами въ исправника, въ урядника, въ солдатъ и во всѣхъ, кто укрывался въ галлерейкѣ, полетѣли колья, каменья, жерди, чурки, обтрёпанные вѣники и даже мёрзлый лошадиный пометъ. Но одному только уряднику попало въ лицо и слегка разсѣкло щеку, да исправнику чѣмъ-то попало въ шапку. Власти поспѣшили уйти и укрылись въ лавкѣ Пестова.

Толпа, между тѣмъ, продолжала волноваться и не расходилась. Исправникъ послалъ къ ней сначала старшину, потомъ старостъ, наконецъ частныхъ лицъ сказать, что засыпки хлѣба уже больше не будетъ, и чтобы народъ расходился, но крестьяне продолжали топтаться около лавки и бурлить, держа въ осадѣ властей. Наконецъ,

въ лавку, въ дверь, просунулась черная крестьянская голова и мигнула старшинѣ, чтобы онъ вышелъ на улицу. Старшина побоялся-было идти, но исправникъ послалъ его къ крестьянамъ узнать, что имъ надо. Когда старшина вышелъ на улицу, нѣкоторые изъ крестьянъ сказали ему: „Скажи исправнику, чтобы онъ поставилъ намъ два ведра водки. Тогда и разойдемся. А то до-ночи простоимъ. И его не выпустимъ изъ деревни".—Исправникъ велѣлъ старшинѣ сказать крестьянамъ, что никакой имъ водки не будетъ, и чтобы они расходились по домамъ.— „Ну, ты намъ поставь", сказали они старшинѣ. Но исправникъ и старшинѣ запретилъ ставить водку крестьянамъ.

Видя, что ничего не выходитъ, и проголодавшись, толпа начала мало-по-малу рѣдѣть и расходиться по своимъ домамъ. Тогда и исправникъ, просидѣвъ часовъ пять въ лавкѣ Пестовыхъ, рѣшился отправиться къ себѣ на квартиру и велѣлъ подать лошадь. Но едва онъ отъѣхалъ отъ лавки и повернулъ въ переулокъ, какъ остававшаяся еще толпа бросилась на старшину, на урядниковъ и полицейскихъ солдатъ, которые послѣ отъѣзда исправника тоже вышли изъ лавки Пестова, и погналась за ними бить ихъ. Старшина и урядники успѣли скрыться въ квартирѣ земскаго фельдшера и избѣжали побоевъ; но солдаты поотстали и ихъ потрепали немножко; отъ дальнѣйшихъ же побоевъ имъ удалось укрыться на почтовой станціи. А затѣмъ всѣ власти въ тотъ же день уѣхали изъ Ѳоминской. Но нѣкоторые изъ крестьянъ подкараулили исправника при выѣздѣ его изъ деревни, и одинъ бросилъ въ него чуркой. Чурка, впрочемъ, ударилась въ спинку повозки, но въ самого въ него не попала.

И создалось изъ всего этого дѣло по обвиненію крестьянъ въ томъ, что „въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1891 года, имѣя намѣреніе не допустить исполненія предписанія г. вологодскаго губернатора о засыпкѣ хлѣба въ общественные запасные магазины, они, хотя не вооруженные, но съ безпорядками и явнымъ насиліемъ, оказали противодѣйствіе уѣздному исправнику и низшимъ чинамъ полиціи, причемъ крестьяне Петръ Григорьевъ Кузнецовъ, Илларіонъ Дмитріевъ Сѣрковъ, Иванъ Ивановъ Прокошевъ и Арсеній Ивановъ Зуевъ управляли дѣйствіями остальныхъ обвиняемыхъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ противодѣйствіи полиціи, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 264 и 266 ст. Улож. о нак.". А первая изъ этихъ статей подвергаетъ виновныхъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ 12-ти до 15-ти лѣтъ, а вторая—или помѣщенію въ арестантскія отдѣленія, или заключенію въ тюрьмѣ. Всѣхъ крестьянъ привлечено къ отвѣтственности 15 человѣкъ. Изъ нихъ восемь человѣкъ во все время производства предварительнаго слѣдствія и потомъ до разсмотрѣнія дѣла, съ декабря 1891 г. по сен-

тябрь 1892 г. сидѣли въ острогѣ; судила ихъ всѣхъ, 2—3 сентября 1892 г., московская судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей. Защитникъ доказывалъ, что въ дѣяніи обвиняемыхъ нѣтъ состава преступленія, предусмотрѣннаго 264 и 266 ст. Улож. о нак. а заключаются указанія на признаки преступленія, предусмотрѣннаго 273 статьей; указывалъ также на крайнюю степень неразвитости своихъ кліентовъ. Но судебная палата приговорила Кузнецова, Сѣркова, Зуева и Прокошева къ каторжнымъ работамъ, Кузнецова и Прокошева на 10 лѣтъ, Зуева на 9 и Сѣркова на 8 лѣтъ, семь человѣкъ къ арестантскимъ ротамъ, нѣкоторыхъ на три, иныхъ на два съ половиною года и только одного на годъ, а остальныхъ двухъ къ кратковременному аресту. Затѣмъ, тотъ крестьянинъ, который бросилъ чурку въ экипажъ исправника, присужденъ къ содержанію въ тюрьмѣ на 8 мѣсяцевъ. Кромѣ того, всѣ обвиняемые присуждены къ уплатѣ судебныхъ издержекъ за явку свидѣтелей изъ г. Тотьмы и изъ тотемскаго уѣзда въ Вологду, гдѣ разсматривалось дѣло судебной палатой. А судебныхъ издержекъ причлось на 45 человѣкъ свидѣтелей 537 р. 41 коп. Въ числѣ свидѣтелей, заявившихъ желаніе получить судебныя издержки, оказались исправникъ и земскій начальникъ, и на долю перваго причлось 14 руб. 80 коп., а на долю втораго 11 р. 5 коп.

Не мѣшаетъ отмѣтить, что все обвиненіе основано преимущественно на показаніяхъ исправника, земскаго начальника, старшины, старосты, урядниковъ, полицейскихъ солдатъ и другихъ лицъ, болѣе или менѣе стоящихъ въ зависимости отъ мѣстныхъ властей.

Изъ 15 обвиняемыхъ только шесть оказалось грамотныхъ. Но надо видѣть подписи ихъ, чтобы судить, что̀ это за грамотность. Юридическое невѣдѣніе всѣхъ обвиняемыхъ оказалось такъ глубоко, что когда судебная палата объявила имъ свою резолюцію, тѣ изъ нихъ, которые до суда сидѣли въ тюрьмѣ и присуждены къ каторгѣ, наивно спросили у предсѣдателя: „Это значитъ, намъ теперь можно и по дворамъ расходиться? Ну, спасибо вамъ. А то мы, признаться, маленько ужъ и позасидѣлись въ городѣ-то“.—А они надѣялись, что только тюрьмою и отдѣлаются.

Защитникъ ихъ принесъ въ сенатъ кассаціонную жалобу на приговоръ судебной палаты, доказывая, что назначенное ею наказаніе не соотвѣтствуетъ свойству дѣянія обвиняемыхъ и степени ихъ развитости, но жалоба „оставлена безъ послѣдствій“ (указъ сената отъ 15 декабря 1892 г. за № 8032), и приговоръ палаты былъ „приведенъ въ исполненіе“.

III.

Бабьи наивности.

Извѣстно, что нѣкоторые законы стоятъ у насъ сами по себѣ, а живая жизнь, руководимая своими внутренними законами, стоитъ сама по себѣ, не мирится съ писанными законами и тѣмъ прямо свидѣтельствуетъ о несовершенствѣ ихъ и настоятельной необходимости ихъ передѣлки. Въ такомъ явномъ противорѣчіи съ жизнью стоитъ у насъ вышедшее въ послѣдніе годы постановленіе о порядкѣ пріема въ Воспитательные дома незаконнорожденныхъ дѣтей. Яркой и вмѣстѣ съ тѣмъ внушительной иллюстраціей не подобающаго законамъ положенія этого постановленія служитъ, между прочимъ, уже одно то обстоятельство, что ни одинъ почти номеръ столичныхъ газетъ не обходится безъ извѣщеній иногда объ одномъ, а иногда разомъ о нѣсколькихъ подкинутыхъ младенцахъ, съ обычнымъ припѣвомъ, что все же они отправлены въ Воспитательный домъ, несмотря на установленный закономъ порядокъ помѣщенія ихъ туда. Такъ, напр., въ № 285 „Русскихъ Вѣдомостей" оказались извѣщенія разомъ о трехъ такихъ несчастныхъ подкидышахъ, изъ которыхъ два препровождены въ Воспитательный домъ. Отправлены они туда конечно при посредствѣ полиціи. Этотъ способъ устройства матерьми судьбы своихъ „плодовъ любви несчастной", можно сказать, еще мирный, безкровный. Но въ тѣхъ же столичныхъ газетахъ нерѣдко встрѣчаются сообщенія о прямо жестокихъ, кровавыхъ способахъ отдѣлаться отъ „плода любви", когда сама мать, или чужіе люди, по ея порученію, не имѣя матеріальной возможности законнымъ способомъ устроить нелегально рожденнаго ребенка, или бросаютъ его въ воду, или разбиваютъ ему голову, или оставляютъ его гдѣ-нибудь въ глухомъ мѣстѣ на произволъ судьбы, на съѣденіе домашнимъ животнымъ. Публика обыкновенно пропускаетъ въ газетахъ сообщенія о подобныхъ случаяхъ, относя ихъ къ разряду неинтересныхъ и обыденныхъ, хотя сами по себѣ они интересны уже потому, что представляютъ собой горькія, больныя явленія неустройства цѣлой обширной области нашей жизни и свидѣтельствуютъ о попыткахъ ея пользоваться темными, невѣрными путями для обхода тяжелыхъ, нежизненныхъ законовъ и такимъ образомъ заявлять протестъ противъ нихъ.

Къ такимъ попыткамъ протеста противъ нихъ относится слѣдующій случай, заимствованный нами изъ судебной хроники.

Молодой, двадцатилѣтней крестьянкѣ села Братовки, раненбург-

скаго уѣзда, рязанской губерніи, Настасьѣ Петровнѣ Бѣловой [1]) не посчастливилось за мужемъ: мужъ ея спьяну сдѣлалъ въ своемъ селѣ поджогъ и сосланъ на каторгу. Оставшись съ прижитымъ отъ мужа ребенкомъ и не имѣя никого кровныхъ родныхъ, потому что родилась внѣ брака, Настасья отправилась въ заработки въ Москву, перебивалась здѣсь, по крестьянскому выраженію, два дня не ѣвши, а третій—такъ, вращалась въ разныхъ углахъ и трущобахъ, случайно сошлась съ однимъ, такимъ же какъ и сама, горемычнымъ молодымъ паренькомъ,—и забеременѣла.

Жила она въ то время на одной квартирѣ съ молодой крестьянской дѣвушкой изъ д. Волковой, старицкаго уѣзда, Катериной Прокофьевной и со вдовой-крестьянкой, лѣтъ 32-хъ, калужской губерніи, жиздринскаго уѣзда, д. Семичастной Еленой Григорьевной Воззваховой, и вмѣстѣ съ ними занималась перемывкой бутылокъ на водочномъ заводѣ Ив. Смирнова, что на Берсеневкѣ, получая какой-то вздоръ за свой трудъ.

Когда Бѣловой подходило время родить, она не разъ говорила Катеринѣ: „Катя, милая, дай мнѣ свой паспортъ. Ему ничего не сдѣлается. А я окрещу ребенка по немъ и какъ пригульнаго (внѣбрачнаго) сдамъ въ Воспитательный домъ".—А Бѣлова, по неопытности, по неимѣнію времени и средствъ, не хлопотала о расторженіи своего брака вслѣдствіе лишенія мужа всѣхъ правъ состоянія и ссылки въ каторжныя работы и паспортъ имѣла какъ законная его жена. Думая, что она шутитъ, Катерина говорила ей: „Ну, хорошо, хорошо. Когда что будетъ, тогда посмотримъ".

Наконецъ, Бѣловой пришло время родить. Утромъ 9 іюля 1893 г. отправилась она въ родильный пріютъ при Старо-Екатерининской больницѣ, но не успѣла еще дойти до подъѣзда, какъ упала среди двора, и съ нею начались родильныя муки. Изъ пріюта прибѣжала акушерка, прибѣжала прислуга, и съ помощью ихъ Бѣлова здѣсь же, среди двора, разрѣшилась дѣвочкой. Родильницу и ребенка перенесли въ пріютъ, ребенка окрестили въ больничной церкви, назвали Марьей, записали по паспорту матери ея законной дочерью и выдали матери выписку изъ метрической книги. А 13 іюля Бѣлова съ новорожденнымъ ребенкомъ выбыла изъ пріюта.

Такъ какъ это былъ у нея уже другой ребенокъ, а ей и одной было затруднительно прокормиться, то отправилась она съ своей дѣвочкой въ Воспитательный домъ просить помѣстить ее туда. Но когда тамъ посмотрѣли паспортъ ея и выписку изъ метрической книги и

[1]) Такъ какъ дѣло объ этомъ случаѣ не дошло до разбирательства на судѣ, то всѣ имена и фамиліи здѣсь переиначены.

увидѣли, что дѣвочка записана рожденною отъ законной жены, Бѣловой наотрѣзъ отказали принять ея дочь и сказали, что принимаютъ дѣтей, рожденныхъ только внѣ брака. Бѣлова доказывала, что и ея дѣвочка такая же, рождена послѣ ссылки мужа на каторгу, плакала, падала въ ноги, молила принять ея дѣвочку; но администрація Воспитательнаго дома не могла ничего сдѣлать въ виду прямого обязательнаго закона—принимать только внѣ брака рожденныхъ дѣтей.

Бѣлова была въ полномъ отчаяніи. Работать или наниматься въ люди куда-нибудь съ двумя маленькими дѣтьми—нечего было и думать. Родныхъ, между тѣмъ, никого нѣтъ; средствъ нѣтъ; милостыню просить — стыдно. Съ отчаянья, она держала было уже въ головѣ мысль броситься въ Москву-рѣку, но не бросилась потому, что жалко стало тѣхъ же дѣтей, которыя служили для нея такимъ непосильнымъ бременемъ.

Тогда отправилась она въ тотъ же домъ Волочкова, гдѣ и прежде жила, переговорила съ Еленой Воззваховой о своемъ горѣ, и она, какъ болѣе опытная, потому что раньше жила въ Петербургѣ, придумала слѣдующую комбинацію: взять у Катерины ея дѣвичій паспортъ, назваться ея именемъ, окрестить въ другой церкви ребенка подъ видомъ рожденнаго Катериной, взять на него метрику и сдать его въ Воспитательный домъ. Своимъ паспортомъ Воззвахова не могла услужить Бѣловой, потому что была значительно старше ея лѣтами, да и примѣты были не тѣ. Нѣкоторое затрудненіе въ осуществленіи этого плана сдѣлала Катерина, не рѣшавшаяся выпустить паспортъ изъ своихъ рукъ. Но Бѣлова и Воззвахова ее увѣрили, что паспортъ ей сейчасъ же онѣ отдадутъ назадъ, какъ только сдѣлаютъ дѣло; Бѣлова, кромѣ того, объявила рѣшительно Катеринѣ, что если она не поможетъ ей устроить дѣло, то она непремѣнно что-нибудь сдѣлаетъ надъ ребенкомъ—или оставитъ его на бульварѣ, или заброситъ, какъ котёнка, въ рѣку. Катерина только незадолго до этой исторіи пріѣхала изъ деревни, не утратила еще деревенской отзывчивости и не прониклась до одеревенѣлости столичной эгоистичностью, пожалѣла неповиннаго ни въ чемъ ребенка, видѣла, что и бѣдную Настасью жизнь совсѣмъ захлестнула мертвой петлей,—и дала ей свой паспортъ.

Утромъ 14 іюля (въ среду) Воззвахова пришла къ своему приходскому священнику просить его дать молитву живущей съ ней на одной квартирѣ родильницѣ и наречь имя рожденному ею младенцу. Ничего не зная и не подозрѣвая, батюшка явился въ квартиру Воззваховой и исполнилъ ея просьбу. По просьбѣ Бѣловой, дѣвочку назвали Марьей. Когда пришелъ батюшка, Бѣлова, чтобы придать больше

правдоподобности фикціи, легла въ постель, какъ-будто только-что разрѣшившаяся родами. Когда обрядъ былъ оконченъ, Воззвахова и Бѣлова спросили батюшку, когда можно будетъ принести младенца въ церковь окрестить, а Воззвахова прибавила, что она можетъ придти съ ребенкомъ или въ тотъ же день къ вечернѣ, или въ воскресенье (18 іюля) утромъ. Въ воскресенье, часу въ десятомъ утра, послѣ ранней обѣдни, Воззвахова, квартирная хозяйка, серпуховская мѣщанка, Прасковья Даниловна въ качествѣ воспріемницы и запасной унтеръ-офицеръ Антонъ Печуркинъ, знакомый Воззваховой, въ качествѣ кума, явились въ церковь съ ребенкомъ, — и онъ былъ окрещенъ. Послѣ крещенья, когда нужно было записывать новорожденную въ метрику' о. дьяконъ, завѣдывающій веденіемъ метрическихъ книгъ, потребовалъ у Воззваховой письменный видъ родильницы, чтобы на основаніи его внести въ метрику имя ея,—и Воззвахова подала о. дьякону паспортъ Катерины. О. дьяконъ такъ и записалъ, что младенецъ Марія рожденъ внѣ брака дѣвицей Катериной Прокофьевой. Изъ предосторожности, о. дьяконъ спросилъ Воззвахову и Прасковью Даниловну: Катеринѣ ли принадлежитъ паспортъ? — „Какъ же, какъ же, батюшка. Это ея собственный", завѣрила Воззвахова. — Когда потомъ о. дьяконъ спросилъ у женщинъ, не нужно ли имъ метрическую выписку,—онѣ попросили приготовить ее, а Воззвахова сказала, что она зайдетъ за нею черезъ нѣсколько дней. Но вмѣсто Воззваховой, утромъ, часу въ десятомъ, 19 іюля, за метрикой пришла Прасковья Даниловна съ самой Настасьей Бѣловой и сказала, что это—мать того ребенка, котораго крестили вчера, и она отдаетъ ей на воспитаніе дѣвочку, такъ какъ своихъ дѣтей у нея нѣтъ. О. дьяконъ, не видавшій ни Бѣлову, ни Катерину и считая явившуюся Бѣлову за Катерину, попросилъ женщинъ подождать, пока онъ напишетъ метрическую выписку, и послалъ Прасковью Даниловну за гербовой маркой, а Бѣлову отослалъ домой, видя, что послѣ родовъ она смотритъ еще болѣзненно. И Бѣлова ушла отъ о. дьякона вмѣстѣ съ Прасковьей Даниловной.

Когда Прасковья Даниловна черезъ полчаса вернулась къ о. дьякону съ гербовой маркой и выписка была уже приготовлена имъ, онъ понесъ ее къ батюшкѣ подписать. Но случилось, что батюшки не было дома, и вернувшись отъ него, о. дьяконъ сказалъ Прасковьѣ Даниловнѣ, чтобы она зашла попозднѣе, а теперь бы уходила домой. Но Прасковья Даниловна переминалась и видимо хотѣла что-то сказать. О. дьяконъ повторилъ ей, чтобы она подошла послѣ, но та все переставивала, а потомъ вдругъ пренаивно спросила: „А ничего, батюшка, что ребеночекъ-то окрещенъ два раза?"—О. дьяконъ и ушамъ своимъ не повѣрилъ.— „Какъ? Что такое? Какъ два раза крещенъ?"—съ изум-

леніемъ спросилъ онъ.—И словоохотливая Прасковья Даниловна разсказала, что ребенокъ крещенъ уже въ родильномъ пріютѣ при Екатерининской больницѣ, что настоящая его мать — Настасья Бѣлова, которая приходила сегодня съ ней, а Катерина Прокофьевна только дала ей свой паспортъ. О. дьяконъ, конечно, отказалъ Прасковьѣ Даниловнѣ въ выдачѣ метрической выписки и велѣлъ сходить за Бѣловой и принести тотъ паспортъ, по которому въ метрикѣ записана мать ребенка. Прасковья Даниловна привела Бѣлову, а Бѣлова принесла паспортъ. О. дьяконъ сталъ спрашивать ее по паспорту, какой она губерніи, уѣзда, волости и села и какъ ее зовутъ. Губернію и уѣздъ она назвала сходно съ паспортомъ, но въ названіи волости, деревни и своего имени спуталась, назвалась Настасьей, а не Катериной, потомъ ошиблась въ своихъ лѣтахъ. Видя, что обманъ не удался, она призналась, что воспользовалась чужимъ паспортомъ для того, чтобы помѣстить ребенка, какъ внѣ брака рожденнаго, въ Воспитательный домъ.

О. дьяконъ заявилъ о всей этой исторіи своему священнику, а затѣмъ отъ всего причта пошло донесеніе викарному архіерею. Владыка передалъ донесеніе въ московскую духовную консисторію, консисторія произвела дознаніе, запись крещенія дѣвочки въ метрическихъ книгахъ приходской церкви распорядилась уничтожить, а о „преступномъ дѣяніи“ Бѣловой, Воззваховой и Катерины, подведя его подъ 1405 ст. Улож. о нак., 15 декабря 1893 г. сообщила прокурору окружнаго суда, а прокуроръ судебному слѣдователю. И создалось „дѣло“, угрожавшее темнымъ деревенскимъ бабамъ сидѣньемъ въ острогѣ отъ двухъ съ половиною до трехъ лѣтъ (Улож. о нак. ст. 1441, 294 и 3 степ. 31 ст.). Къ счастью для нихъ, судебная палата жизненнѣе взглянула на эту бабью наивность и прекратила все это „дѣло“, тѣмъ болѣе, что два раза крещенная виновница его 4 мая 1894 г. покончила свое существованіе въ пріютѣ Елизаветинскаго общества, учрежденномъ В. А. Филипповою, куда добрые люди помогли Бѣловой помѣстить свою дѣвочку. Тѣмъ не менѣе эта исторія едва не стоила жизни Бѣловой: свиданіе съ о. дьякономъ и его послѣдствія до того напугали ее, что у нея бросилось въ голову молоко, она два мѣсяца пролежала въ больницѣ, и стоило большихъ усилій возвратить ее къ жизни. А между тѣмъ, двое дѣтей ея всѣ эти два мѣсяца были оторваны отъ нея и спаслись отъ голодной смерти только благодаря участливости такихъ же горемыкъ, какъ и сама Бѣлова, брошенныхъ въ житейскій омутъ на одиночную борьбу съ водоворотомъ его.

Премія.

Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ учреждены при *Императорскомъ* Харьковскомъ Университетѣ преміи въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II. На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Первое присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1898 г.; въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1897 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1894 года (§ 11 положенія о преміяхъ). Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.* Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, изложены въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

ПОПРАВКА.

Въ строкѣ третьей *снизу* на стр. 47 *пятаго* тома „Сборника правовѣдѣнія" (въ отдѣлѣ хроники) *между* словами „**для допроса**" и „**и здѣсь**" слѣдуетъ читать: „по его указаніямъ устанавливаетъ доказательства и свидѣтелей обвиненія; затѣмъ окружный судъ въ виду 527 ст. уст. угол. суд. вновь требуетъ „отъ частнаго обвинителя въ недѣльный срокъ заявить *суду* свои окончательныя требованія и доказательства или отказаться отъ обвиненія".

